СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

17

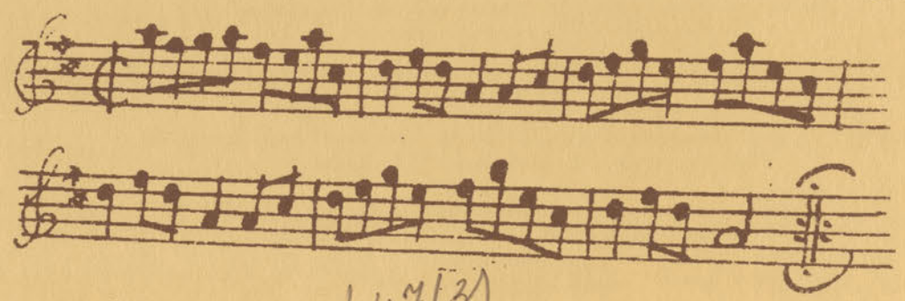
БЫЛИНЫ

ПУДОГА

15-12751

дубу пришовостолъ висящая свинья надубу-
тнѣзду свила надубу тнѣзду свила шухтеи ота
свила сивинныхъ торосятоголъ торосятоголъ
толосатинныхъ тодубу онѣ всѣ развѣлися ——
лвтоду онѣ глядятъ притонути хотятъ вголѣ
глядятъ —— убѣжати хотятъ сиотоли столу-
тою поравли бѣгутъ аисѣроп волиъ напорнѣ
стоитъ аправа лисица потанцовати ——
лотъ вправо дѣрги хотѣ вѣво затимъ нужныхъ
онѣ нанѣсо глядятъ —— убѣжати хотятъ вѣсома
тали побѣгла вилбурѣ летитъ аиборли видалъ
сто лбувѣзъ лѣталъ бурою ворону вюлтяли по силѣ
вступѣ чурица обѣдѣлися тодшѣлиъ поворова
ицо свѣла васну отца отѣлилася анто старина
то цѣлянѣ,

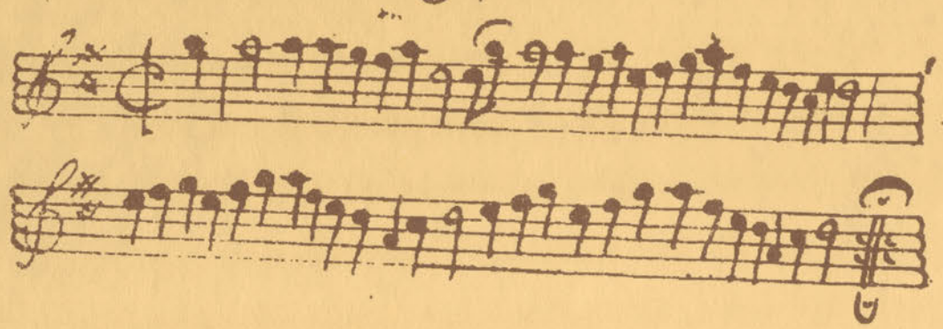
Садко Богатой Гость

447(3)

Послѣдиной матушкѣ волѣрѣкѣ атулялъ ——
садко молодѣцъ тутъ двинатцать лѣтъ ——
нищанай надлобой притши исмерби садко невидавалъ
авсѣ молодѣцъ возгоребѣ требѣвалъ заходило
молодѣцъ побѣшатъ вонове городѣ отревалъ
хлѣба велиной супрой ансолью набилъ Ево ——

Халинъ царь

Да изорядѣ золотои земли истокъ молодѣи =
богатѣя надца подбилося злои халинъ царь =
злои халинъ царь халиновитъ на столному городу-
кошѣву состокѣю силою стогною нуашедъ онъ до-
шѣлъ засѣлъ вѣрхъ становился халинъ убѣстра
нетра збиралося силиъ силы насто вѣрхъ вовсѣ
тѣ четырѣ стороны. Затимъ матъ сыра земля
истопѣтица. Затемъ нрострутитца. а отъ ору было
стонинопа. анисѣцъ солнцо помѣрнула невидѣя-
луча свѣта бѣлова а духу татарскова немощно
прѣщенымъ налъ живымъ быть. Садилъ халинъ
карлентятъ стулъ писалъ ерлыни сторотищетъ
по столному городу кошѣву послашу князю владимиру-
сто вѣбралъ татарина вышѣ всѣхъ анѣрою-
тетъ татарин трѣхъ сажѣнъ голова на татаринѣ
стѣпной котѣлъ которои котѣлъ сорока вѣдеръ
пролѣзъ плѣчами насая сажѣнъ однорости слово-
написано сто возлѣтъ халинъ царь столной,
шѣвъ градъ владимира князя столонъ толонѣтъ
бофви ерлыки назвалъ тубститъ дѣтъ тому-
татарину. ерлыни сторотищетъ послалъ сто-
вѣшетъ. на сторо садился татаринъ на обрат,
ноя тобхалъ новгороду кошѣву послашову —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2014

Север
Европейской
России

БЫЛИНЫ ПУДОГИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»
2014

УДК 82
ББК 82.3(2Рос=Рус)
Б95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В. Е. Багно, А. Н. Власов (зам. главного редактора), Ю. Л. Воротников, А. А. Горелов (главный редактор), В. И. Еремина, А. А. Зализняк, Т. Г. Иванова, Н. Н. Казанский, А. В. Лавров, Ю. И. Марченко, С. И. Николаев, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Н. Н. Скатов, С. М. Слонимский, И. М. Стеблин-Каменский, С. М. Толстая, А. Л. Топорков, Е. П. Челышев, В. А. Чернушенко

Редакционная коллегия серии «Былины в 25 томах»

А. А. Горелов, В. И. Еремина, Т. Г. Иванова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ю. И. Смирнов, И. Я. Фроянов

Издание подготовили:

В. И. Жекулина, В. И. Еремина, Т. А. Новичкова, Ю. А. Новиков, М. Н. Власова, А. Ю. Кастров, Е. И. Якубовская

Рецензенты:
М. А. Лобанов, А. Ф. Некрылова

Ответственный редактор тома
А. А. ГОРЕЛОВ

Издательская программа Международного Пушкинского фонда «Классика»
При поддержке ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-04-16004

оф 371898

ИРЛИ РАН
БИБЛИОТЕКА

ISBN 978-5-02-038223-7 (Т. 17)
ISBN 5-02-028366-5 («Наука»)
ISBN 978-5-91325-054-4 (Т. 17)
ISBN 5-7735-01-20-1 (РИЦ «Классика»)

© Российская Академия наук, 2014
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, составление, подготовка текстов, комментарии, 2014
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2014

СОСТАВ 25 ТОМОВ СЕРИИ «БЫЛИНЫ» СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Тома 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Тома 1—2. Печора

Тома 3—5. Мезень

Том 6. Кулой

Том 7. Пинега

Тома 8—9. Зимний Берег Белого моря

Том 10. Западное Поморье

Тома 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Том 11. Северное Обонежье

Тома 12—15. Западное Обонежье

Тома 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Том 19. Кенозеро

Том 20. Каргополье

Тома 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Том 21. Центр европейской части России

Том 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Том 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Том 25. Приложения. Сводные указатели

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Том 17-й серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора — «Былины Пудоги» — создавался коллективом авторов. Тексты былин по архивам РГАЛИ и КФАН подготовлены В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной; по архиву ФК МГУ — В. А. Ковпиком и А. В. Кулагиной. Сверка текстов П. Н. Рыбникова (архивы РГБ, ГИМ) выполнена Т. А. Новичковой, М. Н. Власовой, А. Ф. Гильфердинга — З. И. Власовой, Е. И. Якубовской.

Сюжетный комментарий принадлежит Ю. А. Новикову, текстологический комментарий подготовлен В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, Т. А. Новичковой, З. И. Власовой, М. Н. Власовой, Е. И. Якубовской.

Музыковедческая часть тома оформлена А. Ю. Кастровым и Е. И. Якубовской.

Техническую подготовку тома к печати провела М. Н. Власова.

Компьютерный набор текстов былин выполнен М. Н. Власовой, Е. П. Фрэнсис, И. П. Ковтун.

Компьютерный набор нотных образцов осуществлен Л. В. Ереминым.

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 167—190)

№ 167

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Сидел Илья Муромец в селе Карачарове ⟨тридцать⟩ лет,
Не имел ни рук, ни ног.
И когда ходил Господь Иисус Христос
По земле по матери с апостолами,
И приходит он в село Карачарово
К Илье Муромцу под окошечко
И попросил напиться.
Говорил Илья таковы слова:
«Ай же вы, добрые людишки!
Не могу напоить вас: не имею ни рук, ни ног».
И говорил Господь Иисус Христос:
«Вставай, Илья Муромец, на ноги,
Поди-ко напои нас».
И выстал Илья Муромец на ноги,
И поднес им яндову квасу.
Истинный Христос крестом оградил чашу:
«Ну, выкушай сам, что подносишь».
Илья Муромец и выкушал.
Господь и спрашивает:
«Каков ты ныне есть?»
Илья Муромец плечмы встряхнул:
«Я теперь, добрые люди, корпус в себе имею».
Он другую чашу нацедил.
Господь опять оградил крестом и спросил:
«Ныне каков ты, Илья?»
А Илья Муромец и говорит:
«Я теперь, добрые люди, имею корпус в себе:
Ежели бы было теперь колько силы поганой,
Напустил бы бить!»
И ушел Господь с апостолами.

Илья Муромец пригнал себе коня добраго,
Облатился Илья и обкольчужился,
Брал с собой палицу булатнюю,
Брал он копье долгомерное,
Еще тугой лук да калёны стрелы
И шел Илья в Божью церковь,
И отстоял раннюю заутрину воскресную,
И завечал, завечал заветы великие:
«Ехать ко славному городу ко Киеву,
Проехать дорожкой прямоезжею,
Не натягивать туга лука
И не накладывать каленой стрелы,
Не кровавить коня долгомернаго
И не кровавить палицы булатния».
Брал деревцо с собой кипарисное.
Он стружки строгал, все кресты ставил,
Чинил первую поездку богатырскую.
Как доехал до города Бежегова,
И обступила сила поганая
Тот ли город Бежеговской;
И зашли мужи-то бежеговцы
В тую во церковь соборную.
Они каются да причащаются,
На смертную казнь снаряжаются.
Илье Муромцу жаль стало мужиков бежеговских
И того ли города Бежегова,
И разрушил заветы великие,
И приправил косматого бурушка в чисто поле,
Он вырвал дуб да с кореньями
И обделал рукояточку,
И заехал в рать-силу великую,
И зачал дубом помахивать;
И куды махнет — тут и улочки,
Перемахнет — так переулочки.
И усмотрели мужики бежеговцы
Во тую во трубочку подзорную,
Что ездит удалый добрый молодец
В рать-силы великия,
И налили чашу красна золота,
Другую скатняго жемчугу,
Третью налили частаго серебра,
И несут ему даровья великия:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!

Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца да коей матери,
Как тебя, удалый, именем зовут?»
И возговорит старый казак Илья Муромец:
«Я из тамаго из города из Муромля,
Из этого ли села из Карачарова».
И говорят мужики опять бежеговцы:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты бери-ко у нас злато, серебро,
И бери у нас скатней жемчуг,
И живи у нас в городе Бежегове,
Слыви ты у нас воеводою!»
И говорит им Илья Муромец таково слово:
«Ай же вы, мужики бежеговцы!
Не наб мне-ка не злата, не серебра,
И не наб мне-ка скатняго жемчугу,
И не живу в городе Бежегове,
И не слыву у вас воеводою;
А мне покажите дорожку прямоезжую
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».
Говорят мужики бежеговцы:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец!
Ведь на той дорожке прямоезжия
Есть заставы великия:
Первая застава великая — ольги топучия;
А другая застава великая — у матушки у Пачей реки
Сидит Соловей Рахматов сын на семи дубах,
Захватывает злодей на семи верстах;
А третья застава великая —
Сорок сынов со единым у Соловья,
А еще у него была любимая дочь,
Та ли Марья Соловеевна.
Двор Соловья на семи верстах,
Кругом двора тын булатниий».
Как видели Ильюшеньку сядучись,
А не видели уедучись.
И приехал он к ольге топучия:
Левой рукой коня ведет,
А правой рукой дубья рвет,
И замостил мосточки дубовые.
Как приехал он ко Пачей-реке,

Закричал Соловей по-звериному,
И засвистал Соловей по-змеиному,
И замызгал собака по-соловьиному:
Под Ильей под Муромцем
Его добрый конь да отарашился.
Он бьет коня по тучным ребрам
И сам говорит таково слово:
«Ах ты, волчья выть, травяной мешок!
Разве ты в лесах не бывал,
Разве ты зверей не видал,
Разве ты бабьяго обрыку не слыхал?»
И вытянул свой тугой лук,
И накладывал калену стрелу,
Сам ко стрелочке приговаривал:
«Полети, моя калёна стрела,
К Соловью, к вору Рахматому
И попади ты, моя стрелочка,
Соловью Рахматому в правой глаз,
А выдь под левую пазуху,
Оброни Соловья-вора Рахматаго без навиду».
И полетела стрелка, завзвивалася,
И пала Соловью Рахматому во правой глаз,
И вышла под левую пазуху;
Как упал Соловей на сыру землю,
Мать сыра земля да всколыбалася,
Во Пачей-реке вода с песком помутилася.
И наезжал тут старой казак да Илья Муромец,
И приковал его ко стремени булатному,
И едет подалеце, далече по чисту полю,
К тому ли ко двору Соловьиному.
И увидали любимые детушки,
Сами говорят таково слово:
«Ай же ты, матушка-родителек, Акулина Дудентьевна!
Батюшко-то едет, мужика везет».
Как взглянет Акулина Дудентьевна,
Зарычала зычным голосом:
«Баженыя любимыя детушки!
Мужик-от едет, отца везет:
Он прикован ко стремени булатнему,
Облился кровью горячею.
Вы берите шалыги подорожныя,
Выручайте желаннаго батюшка».
Как похватали шалыги подорожныя —

Самая последняя шалыга девяносто пуд —
И выскочили они на широкий двор.
А он не заехал во широкий двор,
И зарычал Соловей во всю голову:
«Ай же вы, бажены любимые детушки!
Не дразните удалого добра молодца,
Налейте вы чашу красна золота,
А другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра».
И пометали шалыги подорожныя,
И наливали чашу красна золота,
Другую — скатняго жемчугу,
А третью — чистаго серебра.
Илья Муромец говорит таково слово:
«Не надо мне не злата, не серебра,
И не надо мне скатняго жемчугу,
Я свезу Соловья во Киев-град,
На вино пропью, на калач проем».
А эта Марья Соловеевна
Ухватила подворотню булатнюю стопудовую,
Клеснула Ильюшеньку меж уши в голову:
Мало Ильюшеньке можется,
Сидит на коне да шатается.
Он знал ухватку молодецкую,
Соскочил он с добра коня
И брал-то он девку за груди,
Пинал-то ее правой ногой:
Она летела через двор к заднему тыну,
Села на землю приговаривает:
«Черт меня хватил, водяной бросил —
Раздразнила я удала добра молодца
И добыла увечье вековичное».
И видели Ильюшеньку сядучись,
А не видели поедучись.
И будет во городе во Киеве,
У той ли стены городовыя;
Не воротам ехал, приворотнями,
Прямо через стены городовыя,
Тупым концем да о сыру землю,
Шелковой повод на злаченой гвоздь:
«Вы здравствуйте, царевы приворотники!
Дома ли Владимир-князь стольне-киевский?»
И говорят ему приворотники:

«Теперь пришел от ранней от обеденки».
Он у дверей не спрашивает придверников,
А у ворот да приворотников,
Прямо идет в гридню столовую,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Покланяется на все четыре стороны,
Князю Владимиру пятой поклон в особину:
«Ты здраствуешь, Владимир-князь стольне-киевский!»
И говорит Владимир таково слово:
«Здраствуешь, удалый доброй молодец!
Ты коей земли, ты коей орды,
Коево отца, коей матери?»
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Я есть из города из Муромля,
Из того да села из Карачарова.
Я во городе во Муромле,
В том ли селе Карачарове
Отстоял я раннюю заутрену воскресную,
Ехал я дорожкой прямоезжею». —
«Ай же ты, удалый доброй молодец,
Старый казак да Илья Муромец!
Ведь на той дорожке три заставы.
Первая застава — ольги топучия,
А другая застава великая —
Сидит Соловей Рахматов сын
У матушки у Пачей-реки на семи дубах;
А третья застава великая —
У Соловья сорок сынов со единыим,
Есть у него любимая дочь».
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
У меня Соловей Рахматов сын
Привезен во славный во Киев-град».
Больше тут ничего Владимир-князь не спрашивал,
И побежал он на свой на царский двор
Глядеть Соловья сына Рахматова:
И сидит Соловей у стремена, как сенна копна.
И говорит Владимир таково слово:
«Ай же ты, Соловей Рахматов сын!
Закричи-тко ты по-звериному,
Засвищи-ко ты да по-змеиному,
Замызгачь, собака, по-соловьиному!»

И возговорит Соловей таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Я не у тебя пил да кушал,
Не хочу тебя и слушати».
И воротился князь во гридню столовую.
И сам говорит таково слово:
«Ай же ты, славной казак Илья Муромец!
Прикажи Соловью закричать по-звериному!»
Тут множество народу сбежалося
Соловья глядеть на царский двор.
И выходил старый казак Илья Муромец
На заднее царское крылечико переное
И говорил таково слово:
«Ай же ты, Соловей Рахматов сын!
Закричи-ко ты да по-звериному,
И засвищи-ко по-змеиному,
И замызгачь, собака, по-соловьиному».
И смолился Соловей Рахматов сын:
«Ай же ты, батюшка, старой казак Илья Муромец!
Не могу закричать по-звериному,
Засвистать-то по-змеиному
И замызгачить по-соловьиному:
Запеклись у меня кровью уста».
Тут налил Илья чашу зелена вина в полтора ведра
И поднес Соловью Рахматову:
Он принял одной рукой.
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Ты рычи-ко, Соловей, да в полголоса!»
Он не послушал Ильи Муромца,
Он хотел оглушить народ,
Сам на уход уйти,
И закричал он во весь громкой глас:
Маломошны домы во Киеве рассыпались,
Маковки с церквей повалилися,
И все люди на дворе мертвы стали.
Владимир-князь по двору ходит окаракою:
«Ай же ты, славной казак Илья Муромец!
Ты заполонил Соловья-то — куда хошь клади!»
Он отковал Соловья от стремена булатняго
И приказал отрубить буйну голову.
Старинушка эта тем и кончилась.

№ 168

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

А во сла́вноём во ри́мыскоём царьсви,
А во той ли деревне Карачарове,
У чесных у славныих родителей, у матери
Был споро́жен тут сын Илья Иванович,
А по прозванью он был славной Муромець.
А не имел Илья во ногах хоженьиця,
А во руках не имел Илья владеньиця;
Тридцать лет его было веку долгого.
Во е́тоё во летушко во красное
А уходила родная матушка да батюшко
А на ту ли да на работку на тяжелую,
А оставался Илья да единешенек.
А сидит-то Илья да Илья Муромець,
А приходили ко Ильи да три старчика:
«А уж ты стань, Илья да Илья Муромець,
А ты напой-ка нас, да голоднешеньких,
А ты накорми-ко нас да сытешенько!»
Ай говорил Илья да таковы слова:
«А накормил бы вас да сытешенько,
А напоил бы вас да пьянешенько —
А тридцать лет веку долгого
А у меня нету в ногах ли хожденьиця,
А во руках у меня нету ли влаженьиця».
А говорили ли старци прохожии:
«А уж ты стань, Илья да Илья Муромець!
А ты стань-ко, напои да накорми нас ты, жаждущих».
А отвечал Илья да таковы слова:
«А уж я рад бы стать на белы́ ноги́,
А у меня ноги есь, руки есь —
А у меня ноженьки не владеют ли,
А у меня руценьки да не владеют ли».
А в тре́тьёй након говорили ему старци ли:
«А уж ты стань, Илья да Илья Муромець!
А во ногах есь хожде́ньицё,
А во руках есь у тя влаже́ньицё!»
А тут ли стал Илья да на резвы́ ноги́,
А крестил глаза на икону святых оцей:
«А слава да слава, слава Господу,
А дал Господь Бог мни хоже́ньицё,

А дал Господь ми в руках ли влажéньицё».
А опустился ён во подвалы глýбоки,
А принес ли он цяру полную:
«А вы пейте-ко, стар⟨и⟩ци прохожии!»
А ён попили, стар⟨и⟩ци прохожии:
«А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глубокии,
А принеси-ко ты цярушку полнешеньку,
А ты выпьешь сам на здрáвиё!»
А ёны́ принес ли цяру полнешеньку:
«А ты пей-ко ли, Илья, да на здоро́вьицё,
А ты кушай-ко, Илья, да на сибе ли ты!»
А ён выпил ли цярушку полную.
А спросили его стар⟨и⟩ци прохожии:
«А уже что же ты, Ильюша, в сибе чувствуешь?» —
«А я цюствую ли силу великую:
А кабы было колецько во сырой земли́,
А повернул ли земёлышку на ребрышко».
Ай говорили тут старцы таковы слова:
«А ты поди-ко в погреба славны глубокии,
А налей-ко ты ли цярушку полнешеньку!»
А принес ён цяру полнешеньку.
«А уж выпей-ко цяру единёшенёк!»
У уж выпил ён цяру единёшенёк.
«А топоре, Илья, что ты цюствуешь?» —
«А нунь у меня силушка ли спа́ла ли,
А с⟨ы⟩пала у мя сила в половинушки».
Ай говорили стар⟨и⟩цы прохожии:
«А ведь и живи, Илья, да будешь воином!
А на зимли тибе ведь смерть буде не писана,
А во боях тибе ли смерть буде не писана!»
А благословили ёны́ да Илью Муромца,
А распростились с Ильей да пошли ёны́.
А Илья как стал владеть рукамы, ножкамы,
А в избушки ли сидеть ему тоскливо ли, —
Ай ён пошел на ты поля-луга зеленыи,
А где его были родители сердецьнии.
А пришел ён ко славной Непры́-реки́:
«Бог вам помощь, родная матушка,
А Бог ти помощь, родной батюшко!»
А ёны́ да тут да удивилисе,
А ёны́ да тут да ужахнулисе:
«А уж ты, цядо, цядо милое,
А слава, слава да слава Господу,

А Господь Бог ти дал хожденьице,
А Господь ти дал в руках влажденьице!»
А ён и налез ли дубыки подергивать,
А во Непру́-реку́ стал покидывать,
А накидал Непру́-реку́ дубов ли он,
А вода в реки худо побежала.
А говорили тут отець с матушкой:
«Ай же ты, мое цядо милое,
Ай Господь ти Бог дал си́лу великую!
А живи как ты да поскромнешеньку,
А не давай ретиву́ серьцю волюшки!»
А пришли ли оны во дере́веньку.
А говорил ли Илья да отцю-матушке:
«А уж ты, батюшко да и матушка,
А вы давайте-ко благослове́ньицё,
А вы дайте-ко вы проще́ньицё
А мне-ка съездить во Киев-град
А ко солнышку ко князю ко Владимиру,
А во тыи мне во церкви богомольныи,
А помолитьсе-ко той ли Богородици!»
А отець и мать-то его уговаривать:
«А уж ты, цядо, цядо да цядо милое,
А мы только видели свету, свету белого,
А мы не видели свету це́лу по́лвеку».
Ай говорил Илья да таковы слова:
«Ай уж вы, мои сердецьные родители,
А уж дайте мне да благослове́ньицё,
А уж вы дайте мне-ка покоре́ньицё!»
Говорила тут родна матушка:
«А уж поедешь ты ли, цядо нашо милое,
А ты во славной да ли во Киёв-град,
А не кровав сабли кровавоей,
А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молоды́их жон!»
Ай выводил он утром ранешенько
А своего коня-то, коня сизо-бурого
А на тую ли он де́нку на ранную:
«А уж ты, сивушко мой да белогривушко,
А ты котайсе-ко на роске на ра́нноёй,
Чтобы шерсть-та у тя сменяласе,
Чтобы силушка в тебе прибавляласе,
И ты служи-ко до́бру мо́лодцу
А на цисто́м поли разъежживать,

А через стеноцьки городо́выи перескакивать!»
А тут Илюшенька да справляитсе,
А он во путь снаряжаитсе:
«Ах вы, мужицьки черниговски,
А где дорожка-то есь прямоежжая?» —
«А уж ты, славной наш и молодой ли ты,
А молодой Илья да Илья Муромець!
А тридцать лет, как дороги прямоежжей нет:
А сидит там Соловей-то Рахма́новиць,
А его гнездо да на семи дубах,
А на семи дубах да на семи верстах.
А что ль удалыих добрых молодцев не ездило,
А никакой оттуль не возвращаетсе».
А тут поехал Илья по дорожки прямоежжией;
А рукой коня ведет, другой мостит дубовые
А все ли ты мостики каленые,
А и́де все вперед, вперед двигаетсе.
А под⟨ы⟩жал тут Илья Муромець
А ко тем мужицькам-карачаецям,
А ёны́ каютсе все да причащаютсе.
«Ай же вы, мужицьки да карачаевци,
Вы цего вы нуньче не чули́каетесь,
А чего же каетесь-причащаетесь?» —
«Ай заежжий славной мо́лодець!
Хоть приехал поганое Индо́лищо
А со своею силою великою:
А у его силы сорок тысяцей.
А он кругом вобъехал стенки городо́воёй —
А у нас некому с им да забороните,
А у нас некому с им да подратисе.
Ай говорил Илья таковы слова:
«Ай не велела мне да ро́дна матушка
А кровавить ли сабли ли во́строёй,
А не сиротать мне-ка малых детушек —
А быти мне-ка посиротать малых детушек —
А быти-мне-ка — молоды́их жен.
А ведь надо постояти за веру верную,
А за тыи ли за церквы за соборныи!»
А тут взял ён, сел ён на добра́ коня,
А поежжал к шатру да белополо́тняну.
А с⟨ы⟩пит тут прокля́тоё Удо́лище.
А говорил ён таковы слова:
«А уж ты стань, проснись да что ты есь такой!»

ИРЛИ РАН

А ён спустил коня ко пшенице белояровой,
А конь пришел отпихал ёго́,
А пошёл ли конь по цисту́ полю́.
А тут стал и проклятоей Индо́лищо:
«А уж ты, малый же ⟨с⟩комаро́шина,
А у шатра ты распоря́дися,
А я сейчас, как стану, тебе вот покажу дружбу́!»
А и говорил Илья да таковы слова:
«А не изыман сокол, не тереби его,
А не изыман, так не лови его!»
А ён стал ли ён на резвы́ ноги́ —
А у его ли да голова, да как котел большой,
А меж глазами будто пивные бутылочки.
А говорил ли ён да скоморошини:
«А какой же ты поединщик мне?
Как ты́, на́ руку кладу да другой прижму —
Да с тибя ведь и блины тут!»
Ой говорил Илья да таковы слова:
«А не тереби-ко да впереди себя,
А заседлывай-ко ты добра́ коня,
А мы пойдем с тобой да на цисто́ полё,
А ведь тут мы силушку узна́ём ли!»
А тут сед⟨ы⟩лал коня́, да ко́ня доброго,
А садилеся они да на добры́х коней,
А разъезжали да на т⟨ы⟩ри версты,
А на три версты, на три поприща.
Поразъехались да до́бры мо́лодци.
Как ударил его да в голову, —
А раскокалась голова да у Удо́лища,
А тут ён и пал со добра́ коня.
А зафатил Удо́лища ён за ноги,
А поехал по силушке помахивать:
А куды махнё⟨т⟩ — туда улушка,
А перемахнёт — переу́лочёк.
А не прошло ли времени ли три́ цяса́ —
А в поле-то слова-голоса нет цёлови́цьего.
А подъежжал ён к мужицькям-карачаевцам:
«Ай вы, мужицьки-карачаевцы,
А вы живите-ко да нунь да со спокоюшком,
А вы скажите-ко дорожку да прямоежжую!» —
«Ах ты, доброй уда́лой, доброй мо́лодець,
А ведь нету т⟨ы⟩ридцать лет там:
А сидит ли Соловей-то Рахма́новиць,

А не пропус⟨и⟩тит прохожого,
А не пропус⟨и⟩тит ли прое́жжёго,
А не проле́тят ни вол⟨о⟩ки
А никаки з⟨и⟩вирья́ туды не про́скочат».
А тут поехал Илья той дорожкой прямоежжую:
А ён дубы на мосты мостит,
А подъежжал к гнезду да Соловьиному.
Ай замуздал-застонул во цело́й голо́с —
А у Ильи ли конь да на колена пал.
Ай говорил Илья да таковы слова:
«А уж ты, волчья сыть да пеловой мешок,
А видно ты ли не бывал на бело́м, на белу́ свету́,
А не слыхал ты ры́кочки зверино́ёй,
А не слыхал ты ши́почки славной змеино́ёй!»
А говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты ли, проклятое Индо́лище,
А ты повыстроил широко́хонькё,
А ты опустился у меня да понизехонько».
Ай натянул ён лук стрелу кале́ную,
Ай ён спустил ему да ⟨в⟩ пра́во у́шко ли —
А вышла ли ему ⟨в⟩ глазушко:
А слетел Соловей на сыру́ землю́.
Ай захватил Солов⟨и⟩я ён за ноженьки,
А привязал ко стремени славной кони́ноёй,
А привез ён к жилищу Соловьиному,
А подъезжал ён к жилищу Соловьиному,
А его там глядит семья в окну́:
«А слава да слава, слава Господу,
А наш-то батюшко идё, мужика везе!»
А поглядела тут да ро́дна матушка:
«А вы, детушки да мои ро́дные,
А мужик-то идё-да отця везё,
А везё отця да не по-путному.
А отворяйте-ко воротушка широкии,
А запускайте-ко гостя во славно́й тере́м!»
Подъежжал ли ён ко гнезду да Соловьиному,
А ко воротам ко тым ко славным,
А выходила его стар⟨ы⟩ша́я тут дочь,
А отворила ворота широкии,
А подыну́ла подворотенку тяжелую,
А хотела Илью ударить по буйно́й да головы́.
А Илью-то было ли смерть не писана:
«Ах ты, проклятая ты, Индо́лищо,

Разве так гостей дожидают, Индóлищо!
А разве так ⟨и⟩ да стретают ли?»
А схватил Илья да за резвы́ ноги́,
Да бросил Илья да о кирпитцят пол —
А голова у ней вся да развалиласе.
А ён зашел в гнездо да Соловьиное,
А соловьиное, в его бага́тоё.
А ён руку жмет — дак руку и вон,
А за́ ногу — нога и прочь,
А ён всих их прибил и приломил тут.
А опять садилсе да на добра́ коня,
А привязал Соловья ён ко стремёнушке,
А ён поехал тут да во Киев-град.
А под⟨ы⟩ехал ён ко с⟨ы⟩лавному ко князю ко Владимиру:
«А уж ты, солнышко князь да сто́льнё-киеськой,
А пригласи-ко ты меня да на поцестен пир!» —
«А уж пожалуй-ко, дятинушка-засельщинка,
А уж пожалуй-ко, молодчик-деревеньщинка!
А ты какого есь роду-племени?» —
«А я из города сла́вна из Мурома,
А с деревни есть с Карача́ёвой,
А я — названой сын Илья Муромець». —
«А пожалуй-ко, заежжий доброй мо́лодець,
А во мои ли ты полаты белокаменны!
А ты каким нунь путем ехал, Господь-то нес?» —
«А я ведь ехал ли дорожкой прямое́жжоёй,
А я ведь ехал ли дорожкой прямохо́жоёй». —
«Тридцать лет ли дороженьки ведь не было:
А ведь там сидит Соловей да Рахма́новиць,
А ведь сидит ён да на дубах да на семи ён верстах». —
«А уж ты, солнышко князь сто́льнё-ки́ёвской,
А поиди́м-ко, дак я теби скажу
А про Соло́вьюшка да про Рахма́нова».
А поили, попили, покушали,
Ай говорил сол⟨ы⟩нышку князю сто́льнё-ки́ёському:
«Ай вести ли в палаты белокаменны
Ай этого проклятого Соло́вьюшку?» —
«А приведи в палаты белокаменны,
А покажи Соловья да ты Рахма́нова!»
А приводили в палаты белокаменны.
Ай говорил и тут солнышко князь да сто́льнё-ки́ёськой:
«Ай уж ты, Соловей да й Рохма́новиць,
А ты сидил ли все да супротивником,

А ты прибил ли сколько головушек безвинныих,
А ты бесчестил да и молодыих жон.
А попал ты, да Соловей, на до́бра мо́лодца,
А привез ли тебя да во Ки́ёв-град.
А засвищи-ко ты, а Соло́вьюшко!» —
«А ты не можешь мной распоряжатисе —
А не ты меня привез, не тебя слухать,
А хто привез, дак доложо́н того!»
Ай говорил-ту солнышко князь да сто́льнё-ки́ёськой:
«Ах ты, Илья да Илья Муромець,
А ты вели-ко ему да заму́згать ему во целой свист!» —
«А уж ты, солнышко князь сто́льнё-ки́ёськой,
А вы подвиньтесь ко мне да поблизехонько,
А зафацю я вас да коротехонько,
А прикажу ли я ёму да посвистать в по́лсвисту,
А прикажу ли да славно-то помозга́ть в по́лмозгу».
А говорил Илья да таковы слова:
«А засвищи-ко ты, проклятое Индо́лищо,
А только в по́лмозгу да только по́лсвисту!»
Ай засвистал тута ли ён в по́лсвисту,
Ай замызга́л да ён да в по́лмызгу,
А говорили — околенки посыпались,
А князь с княгиной — да раскаракою,
А Илья Муромець да поддярживат,
А тут и много ума лишилосе.
Ай говорил князь да таковы слова:
«А уж ты, добрый удалый мо́лодець,
А Илья ли ты с⟨ы⟩лавной ты Муромець,
А ты казни ёго, проклятого Удо́лища,
А чтобы не было па́мести,
А чтобы не шла про его слава великая».
А тут фатил Илья да за резвы́ ноги́,
А ударил ли его трупушку о корпитов пол —
А разлетелось на дребезги;
А ён собрал его ли в кучу великую,
А ён наклал ли дров ли огня горюцего,
А сожгал его да на цисто́м поли́.
А ведь тут слава прошла —
А Илью-то Муромця прославили!

№ 169

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во городи было во Муроми,
Во селе было Карачарове.
Жил-был там крестьянин Иван Тимофеевич
Со своей сопругой Анной Ивановной.
Дал им Бог сына Илью Муромця,
Детище было хи́лоё ды хво́роё,
Тридцать лет си́днём сидел,
Тридцать лет на пецьке лежал.
Пошли отець с матерью сено косить,
Остался Ильюшенька на пецьке лежать.
Шли тем путем страннички Божии,
Пришли ёны к дому Ивана Тимофеевича,
Стали у Ильи они пить просить.
Он им ответил: «Странницьки Божии,
Рад бы дать вам напитисе,
Но нет у мня ног под собой».
Один из них, странницьков Божиих:
«А попробуй-ко стать, ногу поднять!»
Одну ногу подня́л и другую подня́л,
И стал он на ноженьки, крепко о́персе,
Взял ковш и пошел за квасом
И подносит странникам Божиим.
Они говорят, что «попробуй-ко сам».
Он выпил ковш до самого дна,
И оны его спрашивают, странники Божии:
«Что ты, Илья, цюешь в себе?»
Он им ответил, Илья им Муромець:
«Был бы столб от земли был до небушка
Да было бы на столбу золото́ кольцё,
За кольцё бы я всю Русь поворотил!» —
«Налей-ко еще ты квасу крепкого».
Еще Илья подносит им кваску.
«Еще выпей-ко, Илья, еще сам сначала».
И выпил Илья опять ковш до дна.
«Ну, что чуешь в себе, Илья?» —
«Убавилось силушки наполовинушку».
И сказали странницьки прохожии:
«Довольно тебе сиднем сидеть,
Довольно тебе на пецьке лежать,

Поежжай-ко ты во святой Ки́ёв-град,
[Защищай-ко ты родну́ю земл́ю,]
Застоять за Русь православную!»
[Пришли Ильи отец с покоса с матерью.
Илья родители цёлом им и бьет:
«Дайте мне прощеньицо,
Дайте мне благословеньицо,
Я поеду во стольный Киёв-град».]
Мать Ильи горько плачетсе.
Илья взял себе коня богатырьского,
А палицю дивяносто пуд,
И поехал Илья, Илья Муромець
Во стольний град во Ки́ёв,
Поехал дорожкой прямоежжую.
И приежжает к одному столбу —
На этом столбе три подписи:
Вправо ехать — богатому быть,
Влево ехать — женатому быть,
Прямо ехать — убитому быть.
Подумал Илья, как ему ехать:
«Богатство кресьянскому сыну не надобно,
Женатому быть мне не су́жено,
Убить-то меня не́ за что
И взять-то с меня им нечего.
Поеду-то я прямой дороженькой,
Прямой дороженькой во стольной град во Киев!»
Ехал путем прямоежжую,
Тут сидит Соловей-разбойничек,
Сидит Соловей на сорока дубах.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Заревел Соловей по-туриному,
Заревел Соловей по-звериному —
Конь Ильи Муромца на колени пал.
Бил коня Илья Муромець по крутым бедра́м:
«Что ты боишьсе, пеляной мешок?»
А направил лук Илья Муромець
И стрелил Соловья прямо в левой глаз.
Покатился Соловей со сороки́ дубов
И прицепил Илья Соловья-разбойника.
Дети Соловья видят, что Илья Муромець отця везет,
И прибежали оны в полаты белокаменны ко маменьке:
«Посмотри-ко, раньше наш папа мужиков возил,
А теперь папу нашего мужик везет!»

И дети [к] Илье Муромцю со слезамы пришли.
Отворяли сундуки золоцёныи,
Отворяли ларци окова́ныи:
«Отдай, молодець Илья Муромець, Соловья-разбойника,
Бери золотой казны сколько надобно!» —
«Золотой казны мне не надобно,
Повезу твоего Соловья-разбойника».
И проехал Илья Муромець с вором с разбойником.
И приехал Илья Муромець ко князю ко Владимеру,
И привязал коня к столбу тоцёному,
Сам входит в палаты белокаменны,
Поклонился он на все цетыре стороны,
Поклонился он князю Владимеру.
«Ты какой целовек, какой земли, какой орды,
Какой семьи, какого состояния?
По состоянию, по ци́ну тебе и место дадим».
Отвечает им Илья, Илья Муромець:
«Я крестьянский сын Илья Муромець,
Я из города я из Мурома,
Из села из Карачарова.
Отець мой Иван Тимофеевич,
А мать моя Анна Ивановна.
А ехал я путем-дорожкой прямоежжею».
Тут вси князя́, вси бояра говорят:
«Владимер-князь, мужик да сполыгается —
[Прямым путем да Соловей сидит,]
Нет проезду дорожкой прямоежжею!»
А он говорит: «Настолько я не завираюся,
Соловей у меня у столба привезен к вам,
Если желаете, то пойдемте смотреть».
И пришли вси князья со боярами.
И приказал Соловью-разбойнику:
«Ну-ко, Соловей-разбойничек,
Засвисти по-соловьиному,
Затури́ по-тури́ному!»
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Затури́л Соловей по-тури́ному —
Князь Владимер одва́ на ногах стоит,
Княгиня полумертвая.
«Уйми Соловья, Илья Муромець!»
И ударил Соловья палицей в девяносто пуд,
И убил Соловья-разбойника.
И дали поцет Илье Муромцю,

И стал он служить князю Владимеру,
Защищать да Русь православную.

№ 170

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Пробуждаетсе да Илья Муромець,
А Илья Муромець да сын Ивановиць.
Двенадцать лет ён жил в ребячесве,
Отец и мать ёго́ да нунче нянчили.
Отец и мать ёго́ да нунь в рабы пошли.
Приходит он да к отцю, к матери,
А отец, мать его да отдыхаючи.
Ну он ведь взял принялсе за работушку.
Пока оны да нунь-ко спали-то,
Да он расчистил нунче на́ шесть верст,
И как расчистил, да домой ушел.
Ставали тут отець, мать со крепкого сну
И говорили тут таково́ слово́:
«А буде проклято е цядо милое,
Кто расцистил нуньце цисто́ полё».
Пришли домой да поздно ве́чёром,
Сидит ён нуньце Муромець,
Сидит в углу да нунь без рук, без ног.
Сидел ведь ён двенадцать лет.
Да тут видь двери отворилисе,
Да тут приходит к ему́ да старой странницек
Да говорит ему́ да таково́ слово́:
«А ай же ты, Илья Муромець,
Подай-ко мни клюцевой воды,
А клюцевой воды да мне напитисе». —
«А ай же ты да нунце, странницек,
А ни владию я да ни рукой, ногой». —
«Возьми, возьми да поднимитисе!»
А наливали ему́ цяру зелена́ вина,
А говорили тут ему да таково́ слово́:
«Ай же ты, старый казак да Илья Муромець,
А чу́сьвуешь ли в себе силу великую?»
А говорил Илья да нуньце Муромець:
«А если бы было бы кольцо в земли,
Да повернул бы землю кверху дном!»

Да говорят оны да между друг друга́:
«Да если дать ведь цяру зелена́ вина,
Не будет тут его да мать-земля носить,
Не будет тут да доброй конь возить.
И вот сегодняшней да етой ноценьки
А у нее, вдовы, да жеребиласе,
А жеребиласе да кобыла, жеребця снесла.
А только станет его тот конь носить,
А только он седлом владить».
Сходил Илья да нуньку Муромець,
Сходил нунь-то да он купил коня.
А с тех пор да стал поежживать
А на своем кони да на своем сёдли́.

№ 171

ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА ВО КИЕВ-ГРАД

Как сидит татарин, да советует,
Да советует татарин с царем Калином.
Говорит да царь-то Калин татарину:
«Сколько ты имеешь силы армий?»
Отвечал татарин со татарами:
«Мы имеем силы ⟨сорок⟩ тысячей». —
«А у меня, у царя Калина, силы так и смету нет».
И говорит царь-то Калин, ведь:
«Как велика слава идет на Киев-град,
А побольше идет слава на князя, на Владимира».
Как говорит-то Калин царь бо́льшаму ата́ману,
Всёму войску управителю:
«Как иди-ка ты с войском на славный на Киев-град.
Князей, бояр да во Киеве
Себе да во полон бери,
Славный город Киев ты огнем сожги!»
Отправлял он с войском большого атамана.
В тую пору, в тое времячко,
Как по городу, по Мурому,
Два старца идет старыих,
Два каликушка идет, да ⟨два⟩ прохожиих.
Как во городе во Муроме,
Родился Ильюшенька,
От родя Ильюше ⟨тридцать⟩ лет,

Как не владел Ильюшенька ни ножками, ⟨ни⟩ ручками,
Да во глазах не было и зрения.
Да спросили старцы старыи:
«Где хижинка Ильюшина?
Где живет-то, ведь, Ильюшенька?»
И заходили старцы старые ко Ильюшеньке во хижину,
И садилися на лавочку:
«Как, Ильюшенька, не сойдиться ли дара Божьего,
Милостынька нам подать да покушати?»
Отвечал да Ильюшенька:
«Как я рад бы вам подать милостыньку,
Да не владею я ни ручками,
Ни владею я ни ножками,
Нет у меня в глазах зрения,
Как сижу я сидьма
От родя — ⟨тридцать⟩ лет».
Как просят старцы:
«Как сходи-ка, Ильюшенька, сходи потихошенько».
Как сходил-то Ильюшенька,
Принес хлебца покушати.
И говорили старцы старыи:
«Как, Ильюшенька, хороший у тебя хлебец, ведь.
Сходи-ка, Ильюшенька, принеси-ка бразу-пива нам».
Приходил Ильюшенька поблизешенько,
Поклонился понизешенько,
Зачерпанул полнешенько,
Приносил пива-бразу он.
Старцы попили,
Остаточки Ильюшеньке подали:
«Допей-ка ты, Ильюшенька, остаточки!»
Допивал-то Ильюшенька остаточки.
И спросили старцы старыи:
«Что ты, Илья, да в себе чувствуешь?»
Отвечал Ильюшенька старцам старыим:
«Я нынчу стал всем здоров,
У меня ножки зазгибалися,
У меня ручки белы замахалися,
И во глазах у меня стало зрение!» —
«Принеси-ко ты, Ильюшенька, еще пива-бразу пьяного».
Старцы попили, Ильюшеньке да подали:
«Допей-ка, Ильюшенька, остаточки».
Тут спросили старцы старые:
«Что ты, Илья, в себе чувствуешь,

Каку ты в себе силу чувствуешь?»
Отвечал старцем Ильюшенька:
«Я велику силу в себе чувствую —
Если был бы во земле столоб,
А было бы в столбу кольцо,
Можно бы было за кольцо да ручками захватитися,
Да повернул бы землю-мать вокруг!»
И сидят старцы и советуют:
«Наб у Ильи силы убавити,
То не будет Ильи земля-мать носить,
Да не заможет Ильи добрый конь возить.
Принеси-ко, Ильюшенька, бразу-пива пьяного».
Сходил Ильюшенька, черпанул бразу полнешенько,
Приносил к старцам,
Поклонился понизешенько.
Старцы попили, Ильюшеньке подали:
«Допей-ка, Ильюшенька, остаточки».
Допивал Ильюшенька остаточки.
И спросили Ильюшу старцы старыи:
«Что же нынь, Илья, в себе чувствуешь?»
Отвечал да Ильюшенька:
«Половина у меня силы убыло».
И говорят старцы старыи:
«Нынь будет тебя земля-мать носить,
Да заможет тебя добрый конь возить,
И Господь тебя этой силой и благослови,
Таку мы силу оставили ведь
На бою тебе буде, Илья, смерть не писана».
Ка⟨к⟩ вынимали Ил⟨ьюше⟩ньке кизицу с златом-серебром:
«Ка⟨к⟩ завтрешним денечком,
Поутрушку ранешенько
Иди-ка ты, Ильюшенька, на рыночек
В своем городе, во Муроме.
Приведет продавать на рыночек
Старичек староматерой
Жеребчика нееждена,
Сивушка-сивогривушка.
И что он спросит, то и дай ему.
И веди-ко ты жеребчика
К себе в стойлу лошадиную,
И корми его пшеной да белоярою,
И выводи поутрушку покататися.
А корми его до тых-то пор,

Пока буде бить копытами во сыру землю,
И буде земля-мать буньчить.
И седлай его, зауздывай.
И поеждяй во славный город, во Киев-град
К князю Владимиру,
И стой, защищай город Киев-град».
Вот поутрышку да ранешенько
Шел Ильюшенька на рыночек
В своем городе, во Муроме.
И ведет старичок староматерый
Жеребчика нееждяна,
Сивушка-сивогривушка.
Ильюшенька спросил:
«Продаешь, дедушка?» —
«Купи, Ильюшенька!» —
«Что ты просишь за жеребчика?» —
«Прошу я пятьсот рублей».
Ильюшенька не рядится,
Подавал денежки пятьсот рублей
И вел жеребчика домоюшка,
И кормил жеребчика пшеной белоярою,
Поутрушку выводил на росы покататися,
Кормил он до тых пор, как стал жеребчик
Бить копытом во сыру землю.
Стала земля-мать буньчить.
Тут Ильюшенька зауздывал жеребчика, заседлывал
И просил у батюшка, у матушка благословленьица
Ехать во Киев-град, стоять за веру крещеную.
Отец, матушка рады были ведь.
И поехал Ильюшенька из города, из Мурома.
Доеждял Ильюшенька до села, до Калинина,
Село калининцóв и смородягинцóв.
Под селом, да под калининцóв,
Под калининцóв да смородягинцóв,
Стоит татарин с войском со великиим.
И сказал Ильюшенька:
«Куда ты с войском, татарин, пробираешься?
До чего же ты, татарин, домогаешься?»
Отвечал да татарин ведь:
«Я иду ко городу ко Киеву,
Да ко князю иду с войском, ко Владимиру!»
Как спросили татара у Ильюшеньки:
«Далеко ли вы, Ильюшенька, едете?»

Отвечал Ильюшенька:
«Еду я во город, во Киев-град,
Защищать я город Киев-град!»
Да говорил-то Ильюшенька:
«Как желал бы я, как бы взад-то татары да вернулися
Со своим войском со великиим».
Как говорили-то татары ведь:
«Вернись-ка ты назад, Ильюшенька,
Ты один, а у нас войска-силы — смету нет».
Тут с Ильюшей татары пороздорили.
Разгорелося сердечко да Ильюшино,
Как Ильюшенька начал махать своим копьем да долгомерныим
По татарам, по неверныим.
Куда махнет Ильюшка — падут улицей,
Перемахнет Илья — падут переулочком.
Начал Илья силу бить-ломить,
Которы убежат, так вслед не гонится,
На виду не оставил и на семена,
Все головушки положил да по чисту полю,
Сделал с татарами великое побоище.
Приеждял Илья в село да во Калинино,
Как к калининьцам Илья да к смородягинцам,
Не нашел в селеньях никого-то ведь
Все ушли в церковь, каются да причащаются,
А воевать с татарами справляются.
Говорил-то, ведь, Ильюшенька калининцам:
«Вы сходите-ко да поглядите-ко,
Что там сила делает,
Что она в чистом поле работает,
Поедем туда мы артелочкой».
Как не смеют к силы они итти во чисто поле,
А выстали они в колоколенку,
Видят — вся силушка лежит да ведь убитая.
Тут калининцы, смородягинцы
Да Ильюшеньке скорились,
Скорились да смолились:
«Как заеждий, добрый молодец,
Ты скажись-ко нам,
Как тебя зовут по имячки,
А звеличают по отечеству?»
Отвечает да Ильюшенька:
«Как калининцы да смородягинцы
Как зовут меня Ильюшенькой,

А кто пожалует — да сын Иванович.
У меня татенька — Иван Тимофеевич,
У меня маменька — Апросинья Яковлевна,
А я есте из города из Мурома!»
Тут калининцы да смородягинцы
Все скорилися, да все смолилися:
«Как удаленькой да добрый молодец,
Добрый молодец, Ильюшенька,
Ты живи у нас, будем мы тебя слушати,
А что прикажешь, будем делати,
Будь-ка ты нам да охранителем!»
Да говорил-то, ведь, Ильюшенька:
«Как не великая я есте барщина,
Что меня слушати, да мне-ка поклонятися, да у меня сдоложатися.
Вы, калининцы да смородягинцы,
Расскажите-ко да покажите-ко,
Куда есть дорожка во Киев-град».
Как говорят да калининцы:
«Как окольной-то дорожкой до Киева триста верст,
А прямой-то дорожкой до Киева полтораста верст.
Прямоеждяя дорожка замуравилась
Времени за ⟨тридцать⟩ лет.
Как восселился среди волока,
Как Соловей да Рахматов, ведь.
Как сидит Соловей да во своем гнезде,
Во своем гнезде да на ⟨семи⟩ дубах,
Свищет Соловей по-соловьиному,
Кричит Соловей по-звериному,
Шипит Соловей по-змеиному,
Не дает Соловей ни проходу, ни проезду ведь
Ни проеждему, ни прохожему.
Как у Соловья у разбойника,
Как построена палата белокаменна,
Обтынена тынама всё железныма
Со штыкама да вострыма.
На каждом штыку да на востроём
Насажены головки человечьи-то,
Человечьи головки богатырскии.
Сыновья-то у него да поженены,
Дочери замуж да повыданы,
Невозможно, Ильюшенька, ехати».
Говорит Ильюшенька:
«Вы, калининцы-смородягинцы,

Вы скажите мне да покажите-ко
Дорожку мне прямоеждюю!»
И ехал Ильюшенька и по дорожке он подписывал:
«Первая поездка Ильи Муромца».
И доеждял Илья до Соловья Рахматова,
До Соловья да до разбойника,
И услыхал Соловей да разбойник, ведь,
Топот лошадиную,
И засвистал Соловей по-соловьиному,
И закричал Соловей по-звериному,
И зашипел Соловей по-змеиному.
Под Ильюшей конь да на коленки пал.
И хлопал Ильюшенька по ребрам
Своего добра коня плеточкой шелковою,
И говорил Ильюшенька:
«Ай же ты, ненасытна брюшина,
Пеловой мешок,
На войнах ты небывальщина,
Свиста соловьиного, крику ты звериного и шипу змеиного
Ты неслыхальщина!»
Соскочил Ильюша со добра коня,
И рвал Ильюша листочки маковы,
Да уши ты Ильюша затупывал
У себя и у добра коня,
Да сам Ильюшенька натягивал
Тетивку ту шелкову потугешенько,
Направлял Илья стрелочку калёную
Во тугом луку прямешенько,
И спускал стрелочку калёную
Ко Соловьюшко да во правый глаз.
А вылетала стрела да во лево ушко,
Да свернулся Соловей со то́роков,
Со своего гнезда Соловьиного,
И пал Соловей да на сыру землю.
Да запехал Илья Соловьюшка во то́роки,
Да привязал Соловьюшка ко стремены
И повез Соловьюшка во Киев-град,
Мимо дому повез Соловьевого.
Увидали в окошечко Соловьевы малы детушки.
«Матушка, матушка, едет наш-то батюшка,
Какого-то мужиченочка у стремены везет!»
Поглядела родна матушка:
«Ой, вы малые детушки,

Как едет какой-то мужиченочка,
А нашего-то батюшку у стремены везет». —
«Не шали-ка, наша матушка,
Что поддаётся наш-то батюшка!»
Как доехал Ильюшенька противу дома Соловьевого,
И кричит Соловеюшка:
«Сыновья мои, дочери и малые детушки,
Зовите-ко Ильюшеньку с батюшком,
Чтобы заехал во гостебище,
Чтобы хлеба-соли кушати!»
Послушал Ильюшенька,
И поехал Ильюша во ворота ведь
К Соловьюшку да на широкий двор.
У Соловья была дочь Чуечка,
Чуйка была, богатырка ведь.
Сидела Чуйка над воротами,
Куда было Ильюше ехать с ихним батюшком.
Поехал Ильюшенька,
Чуйка бросала подворотню хрустальну
Ильюше по плечам могучиим.
А подворотьня летела в земельку, ведь.
Как увидал Ильюша Чуйку над воротами,
Так пинул Чуйку ногой,
Улетела Чуйка из виду вон.
И говорит Ильюшенька:
«Хорошо гостить, как стали этак честить».
И повез Соловьюшка во Киев-град,
И говорит Соловьюшка:
«Дочери, зятевья, любимые сыновья,
Вы откупайте своего батюшка,
Вы давайте денег десять тысячей.
Да не возьмет ⟨десять⟩ тысячей,
Вы давайте ⟨двадцать⟩ тысячей.
Не возьмет ⟨двадцать⟩ тысячей,
Вы давайте ⟨сорок⟩ тысячей.
Не возьмет ⟨сорок⟩ тысячей,
Вы давайте пять бочек злата, серебра,
А откупайте своего батюшка».
Говорил да Ильюшенька:
«Уж вы детушки да Соловьевые,
Я не отдам вам здесь батюшка.
Вы катите бочки с золотом-серебром во Киев-град,
Я отдам там вам батюшка».

3 Зак. 3427

Поехал Ильюшенька с Соловьюшком,
И покатили детки бочки с златом-серебром в Киев-град.
Приеждял Ильюшенька с Соловьюшком во Киев-град,
Устоялся на крайчике города да Киева,
Привязал добра коня ко столбу ко точеному,
К колечку золоченому,
И насыпал коню пшены белояровой,
А Соловью накупил хлебца кушати.
Сам шел к князю ко Владимиру,
А у князя у Владимира идет обед с богатырьми.
И садился Ильюшенька на крайчик-то.
Тут стал Владимир-князь да выспрашивать:
«Как заеждий добрый молодец,
Ты с какого есть из города да области?
Как тя зовут по имячки,
Звеличают по отечеству?»
Тут Ильюшенька стал про себя рассказывать:
«Я из города из Мурома,
Я родителей е благочестныих,
Как зовут меня Ильюшенькой,
Кто пожалует, я — сын Иванович,
У меня татенька — Иван Тимофеевич,
Маменька — Апрасенья Яковлевна».
Говорит да Владимир-князь:
«Когда же ты с города повыехал?» —
«Я сегоднешним утрочком из города из Мурома». —
«Каким же вы путем ехали —
Дорожкой ли прямоеждею, или дорожкой окольною?
Ведь, как на дорожке прямоеждею сидит Соловей-разбойник,
И та дорожка прямоеждяя замуравлена».
Говорит Ильюшенька:
«Я проехал дорожкой прямоеждею,
А какой-то Соловьюшка есть у меня привезен
У стремены-то, ведь».
Тут за столом все да скопошилися:
«Иди, да приведи-т-ко нам Соловья Рахматова!»
Привел Ильюшенька Соловьюшка на широкий двор
Ко князю ко Владимиру.
Говорит Владимир-князь:
«Ну-тко, Соловьюшко,
Засвисти по-соловьиному,
Закричи по-звериному,
Зашипи по-змеиному,

Нам бы послушати».
Говорит Соловьюшко:
«Владимир-князь стольно-киевский,
Как сегодня не у тебя я ел да кушал-то,
Так не тебя я буду слушать-то,
А ел да пил я у Ильюшеньки
И Ильюшеньку буду слушати».
А говорит Ильюшенька:
«А Владимир-князь стольно-киевский,
От такого удару великого
Уста у него позапечалились.
А налей-ка ему чару зелена вина,
Ты другу налей меду стоялого,
А третью налей пива пьяного для голоса».
Тут наливал Владимир-князь.
Как выпивал Соловьюшко
Да на единый вздох,
Да тут Соловьюшко да никого и не спрашивал,
И засвистел Соловей по-соловьиному,
И закричал по-звериному,
И зашипел по-змеиному
Во всю буйную головушку.
Как у князя у Владимира,
Терема да пошатнулися,
На площади богатыри
Да Владимира-князя повалилися,
А Владимир-князь с княгиной
Плавают раскаракулей.
Говорит-то Владимир-князь:
«Обери-ка, Ильюшенька, Соловьюшка,
Мы сразу да наслушались!»
Схватил Ильюшенька Апраксию
И снес в палату белокаменну.
А потом Владимир-князь велел
Решить Соловьюшка.
Прикатили малы детушки бочки с золотом,
А говорит Ильюшенька:
«Вы, малы детушки,
Катите бочки назад домой,
Не возьму я злата-серебра граблена,
А спущу я след Соловьюшка,
А спущу я след калену стрелочку:
Если падет стрела на сыру землю,

Прибежит к вам батюшка,
А если падет стрела в ретиво сердце,
Так тут Соловьюшку и славу поют».
И побежал Соловьюшко во весь-то дух,
Спустил Ильюша след стрелочку каленую,
Пала стрела в ретиво сердце.
Тут Соловьюшку и славу поют.
Тым былина и покончилась.

№ 172

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА И СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

А не волна ли в мори сволноваласи,
Не волна-то в мори сволноваласи,
Сволновался-то да Ка́лин-царь,
Сволновалсе татарин со татарамы.
Как Ка́лин-царь выговариват:
«Ай же, татарин со татарамы,
Сколько ты имеешь силы-армии?» —
«Как имею я силы сорок тысяцей».
Как говорит-то сам да Калин-царь:
«У мня силушки-то ведь понабрано,
У мня силушки-то заправлено,
Так ведь моей-то силы смету нет,
Как велика слава идет да на Киев-град,
Как побольше слава идет на князя на Владимера.
Как отправим-то мы большою силу.
Как отправим-то мы силой-армией,
Штобы забрать в полон славный город Киев-град».
Отправлял да ен а силы сорок тысяцей
Как в тую порушку, в тую времяцько,
Как по городу-то по Мурому
А идет ⟨два⟩ старьця, два старыих,
А две идет две каликушки, а два прохожиих.
Заходили-то в небольшую хижинку,
Где видь жил Ильюшенька.
Ильи от роду было ⟨тридцать⟩ лет,
Не владел Илья не ножкамы, ай не руцькамы,
А в глазах у Ильи не было зреньиця.
Как сидят каликушки аль прохожие,
Говорят-то видь старцы старыи:

«Илья Муромец а сын ли Ивановиць,
А не сойдетсе ли а милостинка нам подать,
А ведь хлибушко-то дару Божего».
А отвецял-то видь Ильюшенька:
«Ай же вы, слышу ⟨два⟩ старца, ⟨два⟩ стариих,
Дви каликушки, а дви прохожиих,
Как не владею я а не руцьками,
А не руцькамы ай не ножками,
Во глазах у мня нету зрения,
Отродя-то мне коло ⟨тридцать⟩ лет».
Говорили-то старцы-то старицы:
«А сходи-то ты, Ильюшенька, потихохонько,
А дай-ко нам хлибца дара Божего!»
Как сходил Илья потихошеньку,
А принес им хлибец поблизешенько,
Поклонилсе Илья понизешеньку,
Как старьцы а хлибца покушали:
«Ай же Ильюшенька, у тя хлибец сытный,
А принеси-тко, Илья, нам нам бразу попить,
А пива пьяного».
Как сходил-то Илья потихошеньку,
Черпанул он бразу да полнешенько,
А принес-то, поклонилсе понизешенько.
Старцы попили, а Ильюшеньки остатоцьки-то подали:
«Как допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки».
Допивал-то Илья да остатоцьки.
А спросили у Ильи а старци́-то старыи,
А старци старые а каликушки прохожие:
«Што же ты, Илья, в себе цюствуешь?»
Отвецял Илья:
«Я нынь совсим здоров». —
«Как сходи-тко, Илья, да принеси-ко нам
Еще бразу-то пива пьяного».
Как сходил-то Илья принес цяру пива пьяного.
Поклонилсе старцам понизешенько.
Старцы да ему подали:
«А допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки».
Допивал Ильюшенька остатоцьки.
И спросили у Ильи да старци старые:
«Што же ты, Илья, да в себе цюствуешь?» —
«Цюствую в себе я силу-то великую». —
«А какую ты, Илья, да силу цюствуешь?» —
«Я такую силу в себе цюствую,

Если был бы во земли столоб,
Во земли столоб да во столбу кольце,
Штобы можно было руцькамы да захватитися,
Повернул бы я землю-мать вокруг!»
Как старци-то да видь советуются,
Што такая если сила Ильи оставити,
То не будет Ильи да земля-мать носить,
А не заможе Ильи да добрый конь возить,
Надо у Ильи нам силы поубавити.
«Как сходи-тко да, Ильюшенька,
Принеси-ко нам и бразу пива пьяного».
Как пошол Ильюша веселешенько,
Зацерпнул-то бразу пива он полнешенько,
Приходил Илья к старцям поблизешеньку,
Поклонилсе Ильюша понизешеньку.
Старцы попили, Ильюшеньки видь подали:
«А допей-ко, Ильюшенька, достатоцьки».
Допивал Ильюшенька остатоцьки.
Тут спросили у Ильи да старци старыи:
«Што же нынь, Илья, да в себе цюствуешь?» —
«Половина у мня да силы убыло». —
«Господь тебя да этой силушкой благословит».
Как тут же ⟨два⟩ старця, два старыих
А вынимали кизицы с златом-серебром,
А насыпали оны денег, сколько было надобно,
А сказали старцы:
«Ты, Ильюшенька, как завтрашным денецьком,
Иди-ко, Ильюшенька, на рыноцек,
Приведет-то дедушка жеребцика,
На шолковоем да на по́води,
Што он спросит, то и дай ему».
Тут шол-то Ильюшенька,
А шол-то Ильюшенька-то на рыноцек,
А ведет-то сивушка старицек, сивогривушка.
«А, дедушко, не продажной ли у тя жеребцика?»
Говорил-то ему дедушка:
«Бери-ко этого жеребцика,
А я прошу да пятсот рублей,
Как корми-ка, Ильюшенька, жеребцика,
А корми-ка пшеной да белоярою,
А корми-тко, Ильюшенька, да до тыих пор,
Как будет жеребцик-то копытом бить,
А копытом будет бить да земля-мать бунцить,

А выводи-ко на кажный-то де́нецек,
Поутру выводи покататисе,
А на нем будет шерстоцька сменятиси.
Тут, Ильюшенька, седлай его,
А седлай да и заседлывай,
Поезжай-ко из города, Илья, из Мурома,
А поежжай, Илья, во Киев-град,
А на роду тебе, Илья, буде смерть не писана».
А тут Ильюшенька служил во городи во Киеви,
А служил он ранную обедню воскресенскую.
А он к позней обедни хотел поспеть в Киев-град.
Доежжал Илья до села да Калинина,
У села-то видь у Калинина
Как стоит-то татарин со татарамы.
На его ли идет-то татарин со татарамы.
Как спросил-то Ильюшенька:
«А куда ты, татарин, пробираесся,
До цего же ты, татарин, домогаесся?»
Отвецял татарин со татарамы:
«Я иду ко городу ко Киеву». —
«Вы куда ги́дете е?» —
«Как я видь еду ко го́роду ко Киеву,
А ко князю я еду ко Владимеру,
А берегци я церковки соборныи,
А тыи кресты да богомольныи».
Говорил татарин со татарами:
«Как ты один едешь, доброй молодец,
А я иду — у мня войска ⟨сорок⟩ тысяцей».
Тут Ильюшенька с татарамы раздо́рил видь,
И у Ильюшеньки оборона была богатырская,
Было копье да долгомерноё,
И направился на силу Илья татарьскую.
Куды махнет Илья — да падет улица,
Перемахне Илья — да падут да переулоцьки.
А которы на убег — да вслед не гонецце,
Тут и рать-силу великую
Ну Ильюшенька да повыщелкал.
Приеждял Илья в село да во Калинино,
Не нашел Илья в сели-то никого-то видь.
Вси калиньци да смородягиньци,
Собралисе все да во Божьей церкву́.
Во Божьей церкви да стоят каюцце,
Стоя каюцце да причащаюцце,

Воевать с татарамы оны справляюцце.
Проговорил-то Ильюшенька:
«Вы, калининци да смородягиньци,
Што вы каетесь да причащаетесь.
Да далеко ли то вы да отпрваляетесь?»
Отвецяли калининьци да смородягиньци:
«Ай удаленький да ты удалинький,
Ой как наехал к нам татарин со татарамы,
А как сила стоит, как черного да ворона —
То мы каемсе да прицящаемсе,
Воевать-то мы да отправляемсе».
Говорит-то тут да Ильюшенька:
«Вы, кали́ньци да смородягиньци,
Вы сходите-ко, вы да погодите-ко,
Ище што-то там да сила делает,
Ёна што да там работает». —
«Как поглядем мы тогда артелоцьком,
А не смеет идти да во цисто поле».
Оны выстали да в колоколенки,
Увидали — силушка лежит побитая,
Тут вси скорилиси да вси смолилиси:
«Как удаленькой доброй молодец,
Ты живи у нас, да будем слушати,
Што прикажешь нам, да будем делати,
Как зовут тебя да по имяцьки,
Звелицяют тебя да по отецесьву?»
Отвецял-то ведь да Ильюшенька:
«Я есь из города да е из Мурома,
Благочесныих да я родителей,
У мня татенька Иван да Тимофеевиць,
У мня маменька Опросенья да Яковлевна,
Как зовут меня да Ильюшенькой,
Кто пожалует я сын Ивановиць,
Вы, калининьци да смородягиньци,
Расскажите-ко мни да расскажите-ко,
А куда есте дороженька во Киев-град».
Говорили калининьци да смородягиньци:
«Как окольня дорожка полтораста верс⟨т⟩,
А прямоеждяя старинна дорожка замуравлена,
Поселился Соловей да Рахматов ведь,
Как сидит Соловей да во своем гнезде,
Свище Соловей по-соловьиному,
Как шипит Соловей по-змеиному,

Крицит Соловей да по-звериному.
Как нельзя-то ехать добру молодцу,
Убиват своим свистом Соловьиным,
Как у Соловьюшка стоит палата белокаменна,
Как кругом-то ведь обстановлена
Штыкама ёна вострыма,
А на кажном штыки
Да насажона видь головушка-то циловицья-то,
Головушки циловицы богатырски видь.
И сыновья-то видь да положены,
Доцери замуж да повыданы,
А нельзя-то ехать-то Ильюшеньки». —
«Вы, калининьци да смородягиньци,
А поеду я дорожкой прямоеждею».
А ведь ехал-то да Ильюшенька
По дороженьки да подписывал:
«Первая поезка по дорожки И́льи Муромца».
Доеждял Ильюша до Соловья до Рохматова,
Как услышал Соловей-то топь лошадиную,
И засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Закрицял Соловей по-звериному,
Под Ильюшей конь да на коленка пал,
Ильюша бил его прутом железным:
«Ох ты, ненасытна брюшина, пеловой мешок,
Никогда ты на войнах да небывальщина,
Посвисту ты неслыхальщина,
Покрыку зверина неслыхальщина».
А нарвал Ильюшенька листоцыков да маковых,
Как у себя да у добра коня Илья уши-то затупывал,
Тут Ильюшенька натягивал тетивку да шелковую
Во тугом луку да потугешенько,
И направлял-то стрелоцьку прямешенько.
Как спустил Соловьюшку во правый глаз,
Вылетала стрела да во лево́ ушко,
Как овернулся Соловейка своего гнезда,
И пал Соловей да на сыру́ землю́.
Как забил Соловья Илья во тороки,
Привязал Соло́вьюшко ко стремены,
Как повез-то Ильюшенька,
А повез Соловьюшко во Киев-град.
Как сравнялся-то с домом с Соловьевым,
Как увидали детушки да Соловьевыи:

«Ай же, наша родна матушка,
Как еде наш-то ведь батюшко,
Как везе какого-то да мужиценоцька,
Мужиценоцька у стрёмени везё!»
Поглядела-то матушка:
«Ай вы, мои да млады детушки,
Как какой-то иеде мужиценоцько,
А нашего-то батюшко у стремены везе».
Говорят-то детушки да Соловьевыи:
«Не шали-ко ты, да наша матушка,
Не поддает наш-то батюшко!»
Как сравнялися тут прям окошецек
А говорит, крыцит да тут Соловьюшко:
«Как зятевья мои да доцери,
Как просите-ко да вы Ильюшеньку,
Што заехал бы да во гостебище,
Откупляйте-ко своего да вы батюшка.
Вы давайте ёму денег ⟨двадцать⟩ тысяцей,
Не возьмет если ⟨двадцать⟩ тысяцей,
Вы давайте сорок тысяцей.
Вы зовите-ко в гости Ильюшенька,
Хлеба-соли вы да покушати».
Тут Ильюшенька да поехал видь,
А ворота во двор да ен широкий,
А была доць у Соловья богатырка,
А сидела она да над воротам,
А держала в руках подворотенку ёна хрустальную,
Весом подворотня была сорок пуд,
Как кидала Ильюши по плецькам по могуциим,
Как ползонула подворотня во сыру землю.
Говорил-то видь Ильюшенька:
«Хорошо гостить как нацяли цестить!»
И повез Соловьюшко Ильюшенька во Киев-град.
Говорил сыновьям, доцерям да Соловьюшко:
«Вы давайте Ильюши пять боцек злата-се́ребра,
Откупляйте своно батюшка».
Говорили-то млады детушки:
«Как возьми Ильюша пять боцек злата-се́ребра,
А оставь-ко нам родного батюшко!»
Говорил-то детушкам да Ильюшенька:
«Вы, млады детушки да Соловьевы,
Вы катите боцьки вы да во Киев-град,
Я отдам-то вам там батюшка».

Как поехал-то да Ильюшенька.
Как приехал Ильюшенька с Соловьюшком во Киев-град.
Привязал добра коня да у города,
Ко тому ли ко столбу да ко точёному,
Ко колецюшку да золоцёному,
А насыпал-то пшены да белоярою,
Сам пошол Илья ко князю ко Владимеру.
Приглашон-то бы за столы да за дубовыи.
Тут Владимер-князь да стал выспрашивать:
«Как, заеждей удалой доброй молодец,
Ты какой е земли да ты какой орды,
Ты какого е да роду-племени.
Как зовут тебя да есть по имецьки,
Звелицяют тебя да по отецесьву?» —
«Я есь из города да есь из Мурома,
А я родителя да благого,
У меня-то отець — Иван да Муромец,
У мня маменька — Апрасенья да Яковлевна.
А как зовут меня Ильюшенька,
А кто пожалует я сын Ивановиць». —
«А когда же ты из города, —
Говорит Владимер-князь, — выехал?» —
«А из города да из Мурома,
Я служил раннюю обеденку воскресенскую в Чернигови.
Обещался я попась к позной обеденки в Киев-град». —
«Ведь какой же дорожкой ехал, удалой доброй молодец?» —
«А как ехал я дорожкой прямоеждею.
А на дорожки прямоеждеей
А там сидит Соловей да Рохматовиць,
Соловей свищет по-соловьиному,
Ен шипит, Соловей, по-змеиному,
Крицит Соловей да по-звериному».
Отвецял-то ведь князь Ильюшеньки:
«Как какой же е Соловей?» —
«А привезен у мня да во Киве-град».
Все богатыри да разгледелисе:
«Ну сходи-ко ты, Ильюшенька,
А приведи-ко нам да на широкой двор».
Как пошол-то видь Ильюшенька,
Взял коня-то видь Соловьюшко,
Как Соловьющко в тороках да у стремени.
Тут Владимер-князь с княгиною со Опраксией,
Все-то сильныи вышли да бога́тыри

На Соловьюшка полюбоватисе.
Говорит тут Соловьюшку Владимер-князь:
«Как засвисти-ко, Соловьюшко, по-соловьиному,
Зашипи-ко, Соловей, да по-змеиному,
Закрыци-ко, Соловей, да по-звериному».
Говорит-то Соловьюшко Владимеру:
«Как сегодня да, Владимер-князь,
Не у тя я ел, да кушал видь,
Не тебя я буду слушати.
Сегодня ел я, кушал у Ильюшеньки,
То Ильюшеньку я буду слушати».
А говорит-то видь Ильюшенька:
«Как Владимер-князь да стольне-киевской,
Как от удару-то да от великого,
Как уста у Соловьюшка позапецятылись,
Как налей-ко ты Соловьюшку,
Цяру налей да зелена́ вина́,
Ты другу налей да пива пьянова,
Третью налей — меду стоялого,
И ради звону голоса».
Выпивал-то видь Соловьюшко,
Не дождался спросу-то Ильюшина,
А засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
Закрицял Соловей да по-звериному.
В теремах маковки вси оборвалисе,
На двори-то вси да развалисе.
Тут же да Ильюшенька хватил Апраксию Романовну,
Потащил-то в палату белокаменну.
Говорил Ильи Владимер-князь:
«А уйми-тко, да Ильюшанька, Соловьюшка.
Мы наслушались, налюбовалисе,
До бесцюствия на белом двори да наплавались!»
А говорит-то Владимер-князь:
«Што ты знай, то и делай да с Соловьюшком».
Как выходил-то Ильюшенька.
Еще катят-то Соловьевы да детушки,
А говорит-то тут Ильюшенька:
«Уж вы, детушки да Соловьевыи,
Как не надо мне да злата-серебра.
А злато-серебро да есте граблено,
Вы катите-ко возратно злато-се́ребро,
А спущу-то я вам да батюшка!»

Укатили боцьки с златом-серебром,
Ко своей-то да родной матушки.
А говорил-то ведь Ильюшенька:
«Как бежи-ко домоюшкой, Соло́вьюшко,
Как спущу-то я стрелоцьку каленую:
Если паде стрела во сыру землю,
То уйдешь-то, Соловьюшко, ко детушкам!»
Побежал Соловьюшко скорешенько.
Как спустил Илья стрелоцьку калёную,
А пала стрела Соловью да во сердецюшко.
Тут Соловьюшку да ведь славу́ поют.
А на том-то былинка-то поконцилась.

№ 173

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

А не волна ли в мори сволноваласе,
Не волна-то в мори сволноваласе,
Сволновалсе-то да Калин-царь,
Сволновалсе-то Калин-царь со тотарами.
Как велика слава идет да на Киев-град,
Как побольше слава идет на князя на Владимира,
Как Калин-царь выговариват:
«Ай же ты, тотарин со тотарами,
Сколько ты имеешь силы-армии?» —
«Как имею я силы сорок тысяцей, —
Как говорит-то сам да Калин-царь,
У мня силушки-то ведь пона́брано,
У мня силушки позаправлено,
Так ведь моей-то силы смету нет,
Как отправим-то мы большою силу».
Отправлял он силы в сорок тысяцей,
Штобы забрать в полон славный город Киев-град.
Как в тую порушку, в тую времяцько,
Как по городу да по Мурому
И идут два старьця, два старыих,
А две каликушки иде, да две прохожии.
Заходили-то в небольшую хижину,
Где живет по имени Ильюшенька,
Тридцать лет сидня сидит.
Не владел Илья не ножками а-й не руцьками,

А в глазах у Ильи не было зреньиця.
Как сидят каликушки аль прохожие,
Говорят-то видь старцы старыи:
«Илья Муромец а сын ли Ивановиць,
А не сойдетсе ли а милостинка нам пада́ть,
А ведь хлебушка-то, дару Божего?»
А отвецял-то видь как Ильюшенька:
«Ай же вы слышу, два старца, два старыих,
Две каликушки, а две прохожии,
Как не владею я а не руцьками,
А не руцьками, а-й не ножками,
Во глазах у мня а нету зрения,
Я бы рад вам подать-то милостиньку,
Да сижу я тридцать лет сиднем».
Говорили-то старци-то старыи:
«А сходи-то, Ильюшенька, потихошонько,
А дай-ко нам хлибца, дара Божего».
Как сходил Илья потихошеньку,
Плавал он на коленочках,
А принес им хлебец поблизешенько,
Поклонилсе Илья понизешеньку.
Как старьцы хлебца покушали:
«Ай же, Ильюшенька, у тя хлебец сытный,
А принесет-ко, Илья, нам бразу пива пьяного?»
Как сходил-то Илья потихошеньку,
Черпанул он бразу полнешенько,
А принес-то, поклонилсе понизешенько.
Старци попили, остатоцьки Ильюшенке-то подали:
«Как допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки».
Допивал-то Илья да остатоцьки,
А спросили у Ильи-то старци старыи,
А старци старыи, а каликушки прохожие:
«Што же ты, Илья, в себе цювствуешь?»
Отвецял Илья: «Я нынь совсим здоров!» —
«А сходи-тко, Илья, да принеси-ко нам
Еще бразу-то пива пьяного!»
Как сходил-то Илья, принес пива пьяного,
Поклонилсе старцям понизешеньк.о
Старцы ему подали:
«А допей-ко, Ильюшенька, остатоцьки!»
Допивал Ильюшенька остатоцьки.
И спросили у Ильи да старци старыи:
«Што же ты, Илья, да в себе цювствуешь?» —

«Цювствую в себе я силу-то великую». —
«А какую ты, Илья, да силу цювствуешь?» —
«А такую силу в себе цювствую:
Если был бы во земли столо́б,
Во земли столо́б, да во столбу кольцо,
Штобы можно было руцьками да захватицься,
Повернул бы я землю-мать вокруг!»
Как говорят старцы да промеж себя:
«Што такую если силу да Илье оставити,
То не будет Ильи да земля-мать носить,
Да незаможе Ильи да доброй конь возить,
Надо-тко у Ильи нам силы поубавити». —
«А сходи-ко ты, да Ильюшенька,
Принеси-ко нам и бразу пива пьяного!»
Как пошел Ильюша веселешенько,
Церпанул-то бразу пива он полнешенько,
Приходил Илья к старцам поблизешенько,
Поклонилсе Ильюша понизенько.
Старци попили да Ильюшеньки видь подали:
«Допей-ко, Ильюшенька, достатоцьки».
Допивал Ильюшенька остатоцьки.
Тут спросили у Ильи да старци старыи:
«Што же нынь, Илья, да в себе цювствуешь?» —
«Половину у меня да силы убыло!» —
«Господь тебе этой силушкой благословит,
Будет тебе смерть на бою не писана!»
Как тут же два старця, два старыих,
А вынимали кипицю с златом-се́ребром,
А насыпали оны денег, сколько было надобно,
А сказали старцы-ты Ильюшеньке:
«Как завтрашным де́нецьком,
Иди-ко, Ильюшенька, на рыночок,
Приведет-то дедушка жеребцика,
На шолковоем да на поводи,
Што он спросит, то и дай ему,
Как корми-ка, Ильюшенька, жеребцика,
А корми-ко пшеном да белоярою,
А корми-ко, Ильюшенька, да до тыих пор,
Как будет жеребцик-то копытом бить,
А копытом будет бить да землю-мать бунцить,
А выводи-ко на кажный-то де́нецек,
Поутру выводи покататися.
А будет на нем шерстоцька сменятися,

Тут, Ильюшенька, седлай его,
Да седлай да и засёдлывай,
Поежжай-ко во город Киев-град».
Тут шел-то Ильюшенька,
А шел Ильюшенька-то на рыночок,
А везет-то сивушку старицек да сивогривушку.
«А, дедушко, не продажной ли у тя жеребцик?»
Говорил-то ему дедушка:
«Бери-ко этого жеребцика,
А я прошу я да петьсот рублей».
Тут Илья-то дал да петьсот рублей.
И тут Ильюшенька служил во городи во Киеви,
А служил он ранную обедню воскресенскую,
А он к поздней обедни хотел поспеть в Киев-град.
Доежжал Илья до села до Калинина,
У села-то видь у Калинина,
Как стоит-то татарин со тотарами,
На него ли идет-то тотарин со тотарами.
Как спросил-то Ильюшенька:
«А куда ты, тотарин, пробираессе?
А цего же ты, тотарин, домогаессе?»
Отвецял тотарин со тотарами:
«Я иду ко городу ко Киеву,
А хощу я город во полон забрать.
Вы куда идете, добрый молодец?»
Отвецял тотарину Ильюшенька:
«Как я ведь еду ко городу ко Киеву,
А ко князю я еду ко Владимиру,
А стоять за веру за крещеную,
А берегци я церковки соборныи
Да за дом Пресвятыи Богородицы».
Говорил тотарин со тотарами:
«Как один ты едешь, доброй молодец? —
Я иду, у мня войска сорок тысяцей!»
Тут Ильюшенька с тотарами раздóрил видь.
И у Ильюшеньки оборона была богатырская —
Копье-то было да долгомерное,
И направилсе Илья на силу тотарскую:
Куды махнет Илья — да падет улица,
Перемахне Илья — да падут да переулоцьки,
А которы на убег-то вслед не гонетце,
Туй-то рать-то силу да великую,
Как Ильюшенька да повыщелкал.

Приежджял Илья в село да во Калинино.
Не нашел Илья в селе-то никого-то видь:
Вси калининци да смородягиньци
Собралисе все да во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да стоят-то каютце,
Стоят каютце да причащаютце —
Воевать с тотарами оны справляютце.
Проговорил-то Ильюшенька:
«Вы, калининцы да смородягинцы,
Што вы каетесь да прицящаетесь,
Да далеко ли то вы да отправляетесь?»
Отвецяли калининьци да смородягиньци:
«А-й удаленькая да ты удаленька,
Ой как едет к нам тотарин со тотарами,
Со тотарами воевать мы собираемсе!
А как силы стоит, как цёрного да ворона,
То мы каемсе да прицящаемсе!»
Говорил-то тут да Ильюшенька:
«Вы, калининьцы да смородягиньцы,
Вы сходите-ко, вы да поглядите-ко,
Ище што-то там да сила вделает?
Ена што да там работает?
Как пождем мы тогда артелоцькой».
А не смеют-то итти да во цисто поле,
Оны выстали да в колоколенки,
Увидали силушка лежит побитая.
Тут скорилисе да все смолилисе:
«Как удаленька да запаленька, добрый молодець,
Добрый молодець, а-й удаленька да запаленька,
Ты живи у нас да будем тя слушати,
Што прикажешь нам да будем делати,
Как зовут тебя да по имяцьки,
Звелицяют тебя да по отецесву?»
Отвецял-то ведь да Ильюшенька:
«Я есть из города да из Мурома,
Благочéсныих-то да родителей,
У мня татенька Иван да Тимофеевиць,
У мня маменька Просенья да Яколевна.
Как зовут меня да Ильюшенькой,
Кто пожалует, я сын Ивановиць.
Вы, калининьци да смородягиньци,
Расскажите-ко мне, да расскажите-ко,
А куда есте дороженька во Киев-град?»

4 Зак. 3427

Говорили калининьци да смородягиньци,
Рассказали про путь-дороженьку:
«Как окольная дорожка полтораста верст,
А прямоеждяя старинна дорожка замуравлена:
Поселился Соловей да Рахматов ведь.
Как сидит Соловей на семи дубах,
Свищет Соловей по-соловьиному,
Как шипит Соловей по-змеиному,
Крицит Соловей да по-звериному,
Как нельзя ехать по тоей добру молодцу,
Убиват ево Соловей свистом соловьиным,
И сыновья-то видь да поженены,
А доцери замуж да повыданы.
Как у Соловьюшка стоит палата белокаменна,
Как кругом-то ведь обстановлена
Штыкама ена вострима,
А на каждом штыке да насажена видь,
Головушка-то циловицья-то,
Головушки целовецьи богатырски видь.
А нельзя ехать-то Ильюшеньке». —
«Ай калининцы да смородягиньцы, —
Говорит-то Ильюшенька да сын Муромец, —
А поеду я дорожкой прямоеждою».
А ведь ехал-то да Ильюшенька,
По дороженьки да подписывал:
«Первая поездка по дорожки Ильи Муромца».
Доеждял Ильюша до Соловья до Рохматова.
Как услышал Соловей топот лошадиную,
И засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Закрицял Соловей по-звериному.
Под Ильюшей добрый конь на коленка пал,
Ильюша бил его прутом железным,
Бил коню-то да приговаривал:
«Ох ты, ненасытна брюшина, пеловой мешок,
Нигде ты на войнах небывальщина,
По свисту ты — неслыхальщина,
А по крику — зверина неслыхальщина!»
А нарвал Ильюшенька листоцики да маковны,
Как у себя да у добра коня
Илья уши-то да затупывал,
Тут Ильюшенька натягивал тетивку да шолковую,
Во тугом луку да потугешенько,

Направлял-то стрелоцьку калёную да прямошенько,
Как спустил Соловьюшку во правый глаз,
Вылетала стрела да во лево ушко,
Свернулся Соловей да со свово гнезда,
И пал Соловей да на сыру землю.
Как забил Соловья Илья во то́роки,
Привязал Соловьюшку ко стремены,
Как повез-то Ильюшенька Соловья Рахматова,
А повез Соловьюшку во Киев-град.
Как сравнялся-то с домом с Соловьиным,
Как увидали детушки да Соловьевы:
«Ай же, наша родна матушка,
Как еде наш-то ведь батюшко,
Как везе какого-то да мужиценоцька,
Мужиценоцька у стремени везе!»
Поглядела-то матушка да и говорит:
«Ай вы, мои да млады детушки,
Как какой-то сиде мужиценоцька,
А нашего-то батюшко у стремены везе!»
Говорят-то детушки да Соловьевыи:
«Помани-ко ты, да наша матушка,
Не отдает нам да батюшку?»
Как сравнялсе тут прям окошоцек,
А говорит, крыцит да тут Соловьюшко:
«Как зятевья мои да доцери,
Как просите-ко да вы Ильюшеньку,
Што заехал бы во гостебище,
Откупляйте-ко своего да батюшку,
Вы давайте ему денег двадцать тысяцей,
Не возьмет если двадцать тысяцей,
Вы давайте сорок тысяцей,
Вы зовите-ко в гости Ильюшенька
Хлеба-соли вы да покушати».
Тут Ильюшенька да поехал видь.
А была дочь у Соловья бога́тырка,
А сидела она над во́ротами,
А держала в руках да подворотенку,
Весом подворотня была сорок пуд.
Как кидала Ильюши по плецькам по могуциим,
Как голзанула подворотня во сыру́ землю.
А пнул-то он да под задницу,
А улетела доцурка да неведомо куда.
Говорил-то видь Ильюшенька:

«Хорошо бы погостить, да нацяли цести́ть».
И повез Соловьюшку Ильюшенька во Киев-град,
Говорил-то сыновьям, доцерям Соловьюшко:
«Вы давайте Ильюши пять боцек злата-се́ребра,
Откупляйте свово батюшку».
Говорили-то да млады детушки:
«Как возьми, Ильюша, пять боцек злата-се́ребра,
А оставь-ко нам родного батюшко!»
Говорил-то детушкам да Ильюшенька:
«Вы, млады детушки да Соловьевы,
Вы катите боцьки да во Киев-град,
Я отдам-то вам там батюшку».
Как поехал-то да Ильюшенька,
Да приехал Ильюшенька во Киев-град,
Привязал добра коня да у города,
Ко тому ли ко столбу ко тоцёному,
Ко колецику да золоцёному,
Да насыпал-то пшены да белоярою.
Сам пошел Илья ко князю ко Владимиру,
Приглашен-то был за столы да за дубовыи.
Тут Владимир-князь да стал выспрашивать:
«Как, заеждей удалой добрый молодец,
Ты какой земли да ты какой орды,
Ты какого ты да роду-племени?
Как зовут тебя да ведь по имецьки,
Велицяют тебя да по отецесьву?»
Отвецал-то да Илья Муромец:
«Я есь из города да есь из Мурома,
А я родителя да бла́гого,
У меня тятенька Иван да Муромец,
У мня маменька Апрасенья да Яколевна,
А как зовут меня Ильюшенька,
А кто пожалует — я сын Ивановиць».
Говорил-то да Владимир-князь:
«Какими ты городами был?»
Отвецял-то ведь князю Ильюшенька:
«Я служил раннюю обеденку воскресенскую в Чернигови,
Обещался я попась к позной к обеденке во Киев-град». —
«А ведь какой же дорожкой ехали?» —
«А как ехал я дорожкой прямоеждою,
А на дорожке прямоеждоей,
А там сидит Соловей да Рохматовиц,
Соловей свищет по-соловьиному,

Ён шипит, Соловей, да по-змеиному,
Крицит Соловей да по-звериному». —
«Как какой же ё Соловей?» —
«А привезен у мня да во Киев-град».
Все богатыри все взволновалисе,
Все богатыри да разгляделисе.
«Ну, сходи-ко ты, Ильюшенька,
А приведи-ко нам да на широкой двор!»
Как пошел-то видь Ильюшенька,
Взял коня-то видь богатырского,
Как Соловьшко в тороках да у стремени,
Тут Владимер-князь с княгиною со Опраксией,
Все-то сильныи вышли да богатыри
На Соловьюшко полюбоватисе.
Говорил тут Соловьюшку Владимер-князь:
«Как засвисти-ко, Соловьюшка, по-соловьиному,
Зашипи-ко, Соловей, да по-змеиному,
Закрыци-ко, Соловей, да по-звериному!»
Говорит-то Владимиру Соловьюшка:
«Как сегодня, да Владимир-князь,
Не у тебя б ел да кушал видь,
Не тебя я буду слушати.
Ел я, кушал сегодня у Ильюшеньки,
То Ильюшеньку я буду слушати».
А говорил-то видь Ильюшенька:
«Как Владимир-князь да стольно-киевской,
Как уста у Соловьюшка позапечатались,
От удару-то да от великого,
Так налей-ко ты Соловьюшку
Цяру ему налей да зелена вина,
Ты другой раз лей да пива пьяного,
Третьего налей да меду стоялого».
Приказал подать Владимир-князь,
Выпивал-то видь Соловьюшко,
Не дождался спросу-то Ильюшка,
А засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
Закрицял Соловей да по-звериному.
В теремах маковки кои оборвалисе,
На дворе-то вси да развалялисе,
Все заплавали да раскаракулями.
Тут же да Ильюшенька хватил Апраксию Романовну,
Потащил-то в палату белокаменну,

А Владимир-князь далеко кричит:
«А уйми-тко, да Ильюшенька, Соловьюшку,
Мы наслушались, налюбовалисе,
До бесцюствия на белом двори да наплавались».
А говорил-то Владимир-князь:
«Што ты знал, то и делай с Соловьюшком!»
Как выходил-то Ильюшенька,
Еще катят-то Соловьевы да детушки,
А говорил-то тут Ильюшенька:
«Уж вы, детушки да Соловьевые,
Как не надо мне да злата-се́ребра,
А злато-се́ребро да есть граблено,
Вы катите-ко возвратно злато-се́ребро.
А спущу-то я вам да батюшку!»
Укатили боцьки с златом-се́ребром,
Ко своей-то да родной матушки.
А говорил-то ведь Ильюшенька:
«Как бежи-ко ты да во весь дух,
Как спущу-то я стрелоцьку калёную:
Если паде стрелка во сыру землю,
Да мимо тебя, да Соловьюшко,
То уйдешь-то, Соловьюшко, ко детушкам».
Побежал Соловьюшка скорешенько,
Спустил Илья вслед стрелоцьку калёную,
А пала стрела Соловьюшке да во сердце,
Да растенулся тут Соловьюшка да по дороженьке.
Тут Соловьюшку да ведь славу поют,
А на том-то былинка та поконцилась.

№ 174

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как во том во городи во Муроми,
Как во том селе да Карачарови,
Жил кресьянин Иван Тимофеевич.
У того было да у кресьянина,
У Ивана свет Тимофеева,
Было чадочко да его милое,
Одинакое его любимое,
Молодой сын да Ильюшенька.
Он сидел сиднем да ровно ⟨тридцать⟩ лет,

Тридцать лет он не имел ни рук, ни ног;
На печи он яму под собой протер,
День и ночь он Богу молится.
Восполошитце, только опомнится,
Как услышит вести от странников
Про того ли Соловья да про разбойника,
Что залег дороженьку да на Киев-град.
Раз во порушку да во летную,
Как во ту страду да сенокосную,
Как ушли его родители на ту работушку крестьянскую,
Сенокос косить да чищу чистити.
Оставался дома один Илья,
Он сидит себе да Богу молитце,
Слышит, вороты тесовы отворяются,
По крылецьку ступёнки подгибаются,
Двери дубовы распахнулися,
Тут ⟨три⟩ странничка да появлялися.
Оны крес кладут да по-писа́ному,
А поклон ведут да по-ученому,
На святы иконы помоли́лиси,
Молодому хозяину да поклонилиси:
«А ты здраствуешь ли, Ильюшенька да Иванович,
Принимай-ко ты гостей незваных,
Наливай нам чары зелена вина».
Говорит Илья да таковы слова:
«Дорогие гостюшки баженые,
Рад бы я вас угостить да чем Господь послал —
У меня ли, у добра молодца,
Резвы ноженьки не поднималися,
Белы рученьки да не сгибаютця!»
Говорят калеки перехожие:
«На это, молодец, не оправдание,
Ты ставай-ко на резвы ноги!»
Тут Ильюшенька да попробовал —
У него ноги здымаются,
У него ли руценьки сгибаютце.
Он слез с кирпицьной печеньки,
Пошол он в погреба́ глубокии,
Приносил он бак да зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Наливает царочку да золоченую,
Он подносит калекам перехожиим.
Говорят калеки перехожие:

«Выпивай, Илья, да в пе́рву очередь!»
Тут Ильюшенька да Иванович
Выпил чарочку да зелена вина,
Говорят калеки перехожие:
«Што ты чуешь нынь в себе, Илья?» —
«Чую здравие в себе великое!»
Говорят калеки перехожие:
«Наливай-ка ты, Ильюша, повторительно,
И если хошь добра, так выпивай до дна».
Выпивает Илья вторую чарочку.
«Что ты чуствуешь в себе, Илья?» —
«Чую силушку в себе великую:
Кабы был столоб да с земли до́ неба,
А во том столби да золото кольцо,
Повернул бы матушку сыру землю».
Говорят калеки промеж себя:
«Много силушки да принадали,
Не будет носить матушка сыра земля,
(*Как Святогора, того не носила мать сыра земля,*
так он ездил по Святым горам.)
Наливай-ко, Ильюша, еще ⟨треть⟩ю ца́роцьку,
А если хошь добра, так выпивай до дна».
И выпил Ильюша ⟨третью⟩ цяроцьку.
«Што ты чуствуешь теперь в себе, Илья?»
И говорит Илья да таковы слова:
«У мня силушки да приубавилось».
Тут калики перехожии распростилиси
И невидимо куда да укатилися.
Тут Ильюшенька да свет Иванович
Пошол на кресьянскую работушку да к своим родителям.
Оны чудушку да чудуются,
Оны дивушку да дивуются,
Оны с радости горько заплакали.
Илья Муромец да сын Иванович
Низко в ноги родителям поклоняется:
«Уж вы дайте-ко мни прощеньица, благословленьица,
Я поеду ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Послужу ему да верой-правдою».
И с работушки Илья да возращаетце,
Вошел в конюшенки стоялые,
Выберал жеребчика неежжена —
По колен в назем да ножки заростался,

Из назьму да он ноженьки повыдергал,
На дворе жеребчика повычистил;
Не нашел седелышка черкасского,
Не нашел доспехов богатырскиих.
(*Не было уж у крестьянина вить.*)
Он скочил да как Бог привел,
А из дому взял он черсву корочку,
Подъехал он да к быстрой реченьки
И спустил эту корочку да во быстру́ реку.
«Тебе спасибо, матушка Ока-река,
Што ско́рмила-споила Илью Муромца».
А сам поехал во полюшко во чистое.
Только видели молодца сядучи,
А не видели молодца поедучи —
Во чистом полюшки да только пыль пылит.
А его верный богатырский конь
Он реки, озера перескакиват,
Малы реченьки да промеж ног пускат.
Подъежжает он по путистой дороженьки,
На роста́нях стоит столб,
А на том столбе было написано:
«Прямо ехать, так богату быть,
Вправо ехать, так женату быть,
А влево ехать, так убиту быть».
И раздумался старой казак да Илья Муромец:
«Нашто мне, старому, богачесьво,
Я поеду в ту дороженьку, да гди женату быть».
А пошол еще да призадумался:
«А нашто мни, старому, жени́тиси?
Мни молода взять, будут люди заритсе,
А мни-ка стара взять, наб на печи держать,
На печи держать да киселем кормить,
А я поеду в ту дороженьку, да где убиту быть!»
Приежжает Илья Муромец,
Тут стоит высок терем.
Приехал да выубивал всих, там была рать-сила великая. Взял тут доспехи богатырскии, калену стрелу да и палицу булатнюю (*тут была ловушка такая*) и воротился к роста́ням:
«И поеду в ту дороженьку, да гди женату быть».
Как подъехал-то — стоят терема высокии,
И светлицы-то светлыи,
И красавицы-то сидят-то все писа́ныи,
И стречают русского бога́тыря,

Угощают ясьвамы сахарныма,
А напитками да медвяныма,
Все винамы, медамы да стоялыма,
Как проводят в палаты белокаменны.
А Илья Муромец на то догадлив был:
Как вином-то он не упиваетсе,
Он красавицами не соблазняется,
Без допроса идет да во новы сени́,
Без доклада идет да в нову горенку,
Без ключа открывает двери дубовыи.
Посмотрел он в погреба да глубокии —
Там сидят дородни добры молодцы,
А все русские могучие бога́тыри,
Цепами к стене оны прикованы.
Он вырывает замки железные,
Отрывает цепи каленые,
Выпускает на свободу добры́х молодцов.
А красавицы прииспужалиси,
Оны скрылися да разбежалися.
Илья Муромец да сын Иванович
По всему по дому их повыловил,
В погреба глубокии повы́садил,
Затворили двери, замуравили.
Говорит он таковы слова:
«Ой вы, славныи могучие бога́тыри,
Всякой-то на свети женится,
А не всякому женитьба удаваетси.
Поежжайте-ко да по Святой Руси,
Спотешайтесь-ко вы да по-чесному,
Как не бейте вы невинныих головушек,
Да и не слезите-ко вы да отцов-матушек,
Не вдовите-ко вы да и молодыих жон,
А не сиротайте да малых детушек!»
Сам скорешенько с ними прощается,
Да в путь-дороженьку отправляется.
Приезжает к тому столбу да точеному,
Поехал в ту дороженьку, да где богату быть.
Приеждят к теремам высокиим,
Тут стена стоит да ка́менна,
У ворот лежит да серо́й каме́нь,
А на том камни было написано:
«Кто поднимет этот серо́й камень,
Тут богатства есь да несметочно».

Как слезает Илья да со добра́ коня,
Берет он камень да одной рукой,
Улетел каме́нь да за целу́ сажень.
Под камне́м стоит да темна лестница,
Он спускается да опасается,
Как увидел Илья да тут белой свет,
Не золото увидел там, ни се́ребро,
Он увидел удалых добрых молодцев,
Тридцать молодцев да без единого,
Как сидят оны ко стенам да прикованы.
Говорит Илья да таковы́ слова:
«Ох вы, русские могучие бога́тыри,
Вы на што да тут приобзарились?»
Говорят уда́лы добры молодцы:
«Мы двацать лет сидим скучаючись,
Все тебя да дожидаючись».
Оборвал он за́мки да железныи,
Да снимал с их цепи каленые,
На свободу вывел добрых молодцев,
Освобождал-то их да приговаривал:
«Наживайте-ко богатство тру́дом честным!»
Поскорешеньку с има́ прощаетсе,
В путь-дороженьку да отправляетсе.
Он поехал дороженькой прямоеждею,
Подъежжает ко по́люшку ко чистому,
Он видит на полюшки на чистоем
Тут рать-сила великая,
Стоят тата́ровья да поганыи,
Наступают оне да на стольный Киев-град.
Как взял Илья Муромец да сын Иванович
Он палицу булатную,
Как поехал по поганыим-то татаровьям,
Куды махнет — туда падет улица,
Перемахнет — переулочек.
Положил он рать-силу великую,
Не больша́ не ма́лу, ⟨сорок⟩ тысячей,
И поехал во путь во дороженьку,
Ко тому ко городу ко Киеву.
А еще предстоит еще заставушка великая:
Соловей да сын Будимирович,
А гнездо было да Соловьего
На семи дубах да на семи суках.
Как увидал Соловей руського могучего бога́тыря,

Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
Заревел Соловей да по-звериному.
От того ли свисту Соловьего,
От того ли шипу змеинного,
От того ли крику звериного
Да у Ильи Муромца богатырский конь на колени пал.
Как берет Илья плеточку шелковую,
Он бьет коня да по крутым бедрам,
Бил коня Илья да приговаривал:
«Ах ты, волчья выть, да травяной мешок,
Ты чего, собака, пугаесся,
Аль не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу змеинного,
А не слыхал ли ты крыку звериного?»
А тут Илья Муромец да сын Иванович он не робок был,
Вынимает из колчана ту́гой лук,
Влогает стрелочку калёную,
Прямо метит Соловью да он в левой глаз;
Попадает стрелочка в левой глаз,
Вылетает стрелочка во право́ ухо́.
Как свалился Соловей да со своего гнезда,
Как смолился Соловей да Ильи Муромцу:
«Ах ты, славной могучей бога́тырь Илья Муромец,
Не губи меня, да не казни меня,
А бери за меня выкупы богатые,
Ты поедем в гнездышко Соловьево,
Бери хоть серебром, хоть золотом,
Хоть скатным мелким жемчугом!»
Илья Муромец да сын Иванович
Соскочил он со добра́ коня́,
Привязал Соловья-разбойника ко седёлышку черкасскому,
Ко тому ко стремечку булатному,
И поехали в путь-дороженьку
Ко тому ли гнездышку Соловьему.
Увидали дочери Соловьего,
Говорят оне да родной матушки:
«Ох ты гой еси, родитель-матушка,
Ах как едет наш родитель-батюшко,
Он на добром богатырском кони,
А везет на стремени привязано
Русского могучего бога́тыря».
Подбегает вторая доченька,

Прибежала она да ахнула:
«Ах ты гой еси, родитель-матушка,
Едет-то русский могучий бога́тырь,
А везет нашего кормильца-батюшка
А у стремечки да привязано,
Его платьице да окровавлено».
Говорит жона Соловьего:
«Ох вы, глупенькие девушки,
Бежите-тко вы да на широкий двор,
А встречайте гостя,
Русского могучего бога́тыря,
Берите гостя по́д руки,
Проведите гостя в комнаты,
Вы кормите гостя до́сыта,
Уж вы пойте гостя до́пьяна!»
Подбежали доценьки Соловьевы,
Открывали ворота́ широкии,
Оне брали подворотенку чугунную,
Чугунну подворотенку во сорок пуд,
Они спустили Ильи Муромцу да прямо в голову.
Илья Муромец на то уверток был,
Отклонил он буйну головушку,
Да пролетела мимо подворотенка.
Закрычал тут Соловей да зычным го́лосом:
«Как глупыи вы, детушки,
Неразумны мои девушки,
Открывайте погреба́ глубокии,
Вы катите боцьки с золотом,
Боцьки с золотом да други с серебром,
Вы дарите руського бога́тыря,
А упростите кормильца-батюшка
При младости вам на прокормленьице!»
Говорит Илья да таковы слова:
«Не бывать тиби, собаке, во своем-то гнездышки.
Запрягайте-ко телеги ордынские,
Слагайте все именье да богачесьво,
Везите вы ко городу ко Киеву,
А к ласковому князю ко Владимеру!»
А сам в дороженьку да отправляетсе.
Приеждяет ко городу ко Киеву,
Как ко тым палатам белокаменным.
А в эту порушку да в это времячко
А князь солнышко Владимер стольне-киевский

Как идет из церквы из соборноей,
Как от той обеденки Христовскоей
Со своей княгинюшкой Апраксией.
Князь вошел в палаты белокаменны,
За столы садился за дубовые,
А за те скамеечки окольныи.
Кругом сидят князья да бояре,
А русские могучие бога́тыри.
Доложили тут князю Владимиру:
«Приехал русский могучий бога́тырь,
Он мужчина — деревенщина,
Он у вас просит разрешеньица
Как войти в палаты белокаменны».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Пусть идет, да знат, как себя держать!»
Тут старой казак да Илья Муромец
Он по крылецькам идет да потихошеньку,
А в палату входит он смирнешенько,
Крест кладет да по-писа́ному,
А поклон ведет да по-уценому
На вси на цетыре на стороны,
А князю солнышку с княгиною в особину.
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ох ты гой еси, удалой доброй молодец,
Ты скажи-тко мне да не обманывай,
Ты коей земли да коей орды,
Коего отца да коей матери?»
Говорит Илья да таковы слова:
«Я с того из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Я кресьянский сын да Илья Муромец,
Да сын Иванович!»
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ты когда из Мурома повыехал,
Зачем ты, молодец, к нам пожаловал?»
Говорит Илья да таковы слова:
«А я утренню стоял во Муроми,
А ко обеденки я торопился во Киев-град,
Да в дорожки немножко призамешкался».
Тут княженецки гости переглянулиси,
Меж собой оны приусмехнулиси.
Говорит Олёшенька Попович млад:
«Ох ты, солнышко Владимер стольне-киевский,

Перед тобой стоит мужчина — деревенщина,
Как во глазах мужчина издевается,
Над тобой мужчина усмехается,
Как ехал он дорожкой прямоеждею,
Тут заставушки да есте великии:
Как у той у речки у Смородинки
Стоит рать-силушка великая,
Там татаровей да сорок тысячей,
А вторая есть заставушка —
Соловей-разбойник Будимирович,
Он на семи дубах да на семи суках,
Он свистит по-соловьиному,
Он шипит да по-змеиному,
И ревит собака по-звериному.
От того ли от свисту от Соловьего,
От того ли от шипу от змеиного,
От того ли от крыку от звериного
Лесы темныи да приклоняются,
Люди добрые да по земли валяются!»
Тут говорит да Илья Муромец:
«Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Соловей-разбойник на твоем двори;
У того столба точеного, у колечка золоченого
Как стоит мой богатырской конь,
У седёлышка черкасского
Соловей-разбойник есь привязанный,
Ему выбитой да левой глаз,
Левый глаз да со косицею».
Тута солнышко Владимер стольне-киевский
Встает да на резвы́ ноги,
Кунью шубку одевает на одно плечо,
Соболью́ шапочку положил на одно ушко,
Выходил он на широкий двор,
И видит он Соловья-разбойника
Как у стремени да привязано.
Говорит Владимир стольне-киевский:
«Ах ты, Соловей сын Будимирович,
Засвисти-тко ты по-соловьему,
Закричи-тко ты по-звериному!»
Зашипи-тко ты да по-змеиному».
Говорит Соловей Будимирович:
«Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ни у тебя сегодня я обедаю,

Ни тебя сегодня буду слушати,
Я обедаю у Ильи Муромца
Я его сегодня буду слушати,
А мне поужинать да гди Бог сулит».
Говорит ему Илья Муромец:
«Засвищи-тко, Соловей, да ты вполсвиста,
Зашипи-тко, Соловей, да ты вполшипа,
Закричи-тко, Соловей, да ты вполкрика».
Говорит Соловей да Будимирович:
«Мои уста кровью запекалися,
От печали нету голоса».
Говорит тут Илья Муромец:
«Ах ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Ты налей-ко чару зелена вина,
Поднеси-тко Соловью-разбойнику».
Тута солнышко Влад⟨имир⟩ стольне-киевский
Говорил он таковы слова:
«Ах вы, слуги мои верныи,
Слуги верныи да княженецкие,
Вы сходите в погреба глубокии,
А налейте чару зелена́ вина,
А не малу чару — в полтора ведра,
Разведите вы медамы да стоялымы,
Поднесите Соловью да разбойнику!»
Наливали слуги зелена вина,
А не малу чару — в полтора ведра,
Подносили Соловью да разбойнику.
Соловей-разбойник Будимирович
Он берет чару да одной рукой,
Выпивает чару на единой дух.
Тут засвистел Соловей по-соловьиному,
Зашипел разбойник по-змеиному,
Заревел разбойник по-звериному —
Темны лесушки к земле приклонялися,
С теремов маковки посыпались,
Люди добрые на́ землю попадали,
А Владимер стольне-киевский
Он стоит да на ногах шатаетце,
Куньей шубонькой да укрывается,
Соболья шапочка да по земли валяетце,
А княгинюшку да Апраксию
Чуть живу снесли да во высо́к терём,
Вси князья и бояре и сильные могучие бога́тыри

По крылечушку в терем ползком ползут,
А старой казак да Илья Муромец
Он стоит да улыбается.
Говорит Илья да таковы́ слова:
«Ой ты гой еси, собака Будимирович,
Ты наказа моего да не послушаўся,
Я велел тебе свистать да в полсвиста,
Приказал шипеть да тебе в полшипа,
Приказал реветь тебе да в полкрика,
А за это ты мне порасчитаесся».
Он берет его за желты́ кудри,
Говорит Илья да таковы слова:
«А не чесь-хвала мне молодецкая
Окровавити крылецько княженецкое!»
Он выводит Соловья да на широкий двор:
«А не чесь-хвала мне молодецкая
Окровавити дворы мни княженецкии!»
Ведет Соловья да во чисто́ поле,
Отрубил Соловью да буйну голову.
Когда возвращался Илья да во Киев-град
А по той дороженьке путистоей,
Как идут телеги ордынскии,
На них погружено да покладено
Все Соловьего да богачесьво,
Много золота да много серебра.
Приказал Илья везти на княженецкий двор:
«Вот ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
На свиданьице да теби подароцьки».
Говорит Владимер стольне-киевский:
«Ах вы, слуги мои верныи,
Вы берите гостя по́д руки,
А ведите его в горницю,
Кормите гостя до́сыта,
А вы напойте гостя до́пьяна!»
Говорит ему да Илья Муромец:
«Ах ты гой еси, Владимер стольне-киевский,
Я не гос⟨т⟩ь приехал да не угощатиси,
А приехал с вами побрататися,
Послужить вам верой-правдою
А за тую Русь за православную!»

№ 175

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА И СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

6. "Ай же все то - та - ри-н(ы)

да со то - та - ра - мы,

7. А сколь - ко все-й и - ме - ят - ца

си-лы а-р(и)-ми - и?" –

8. "А и - ме - ю

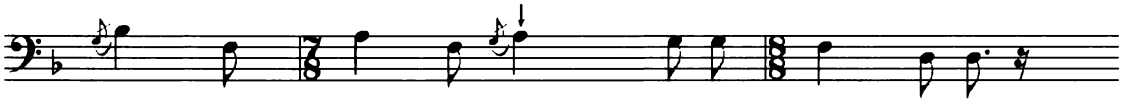
я -то си - лы со-рок ты - ся-чей". –

9. "А у м(и) - ня – то,

у ца-ря и да у Ка - ли-на, –

10. А как си - лы што да на - коп - ле-но,

11. У м'ня си - лы всё дак по - за - пра-в(ы)-лё - но,

12. А у м'ня си - лы што - дак и сме - ты нет!

13. А ве - ли - ка

и - дёт сла - ва да на Ки - ё-в(ы)-град,

14. А по - бо - ле

и - де сла - ва

на кня - зя на Вла - ди - ми-ра.

15. А от - пра - вим - ко

мы си - лы –

да со - рок ты - ся - чей,

16. А от - пра - вим мы

ведь из цар - ства со а - та - ма - ном,

17. А-й, всё бы в слав - ной

го - род столь - ной – о - т(ы) Ки - ёв – град!

18. А во по - ло - н(ы)

тут за - брать

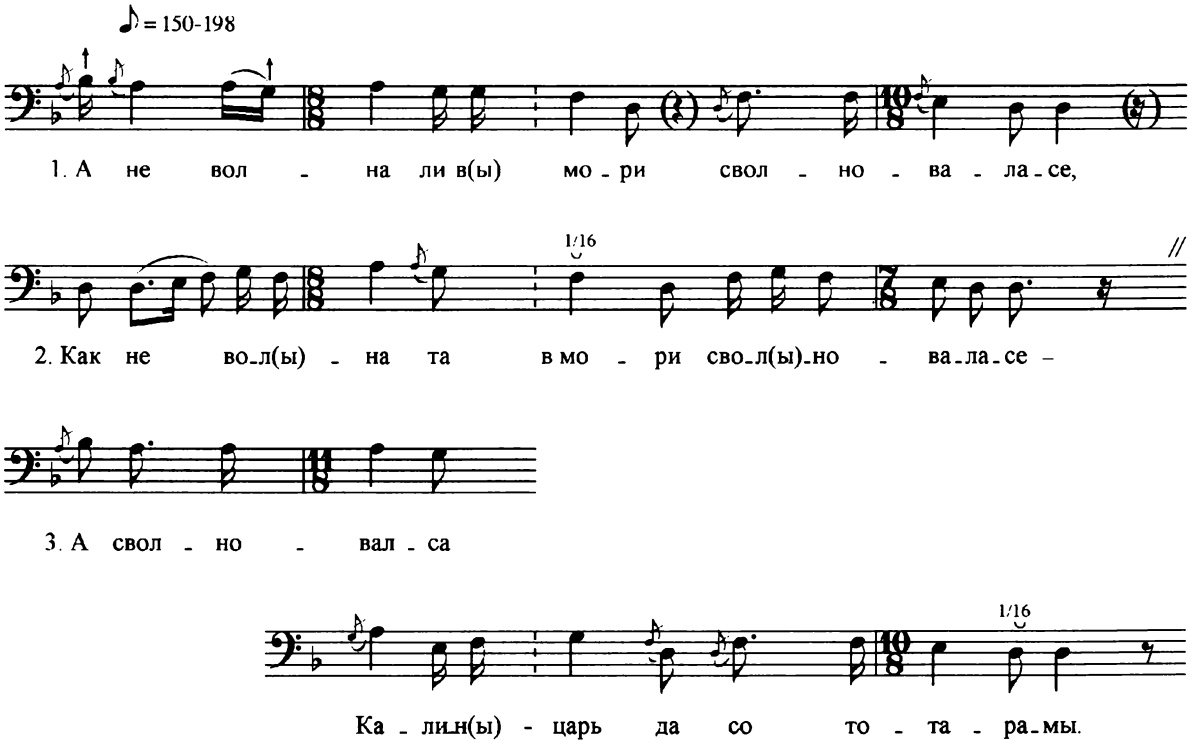

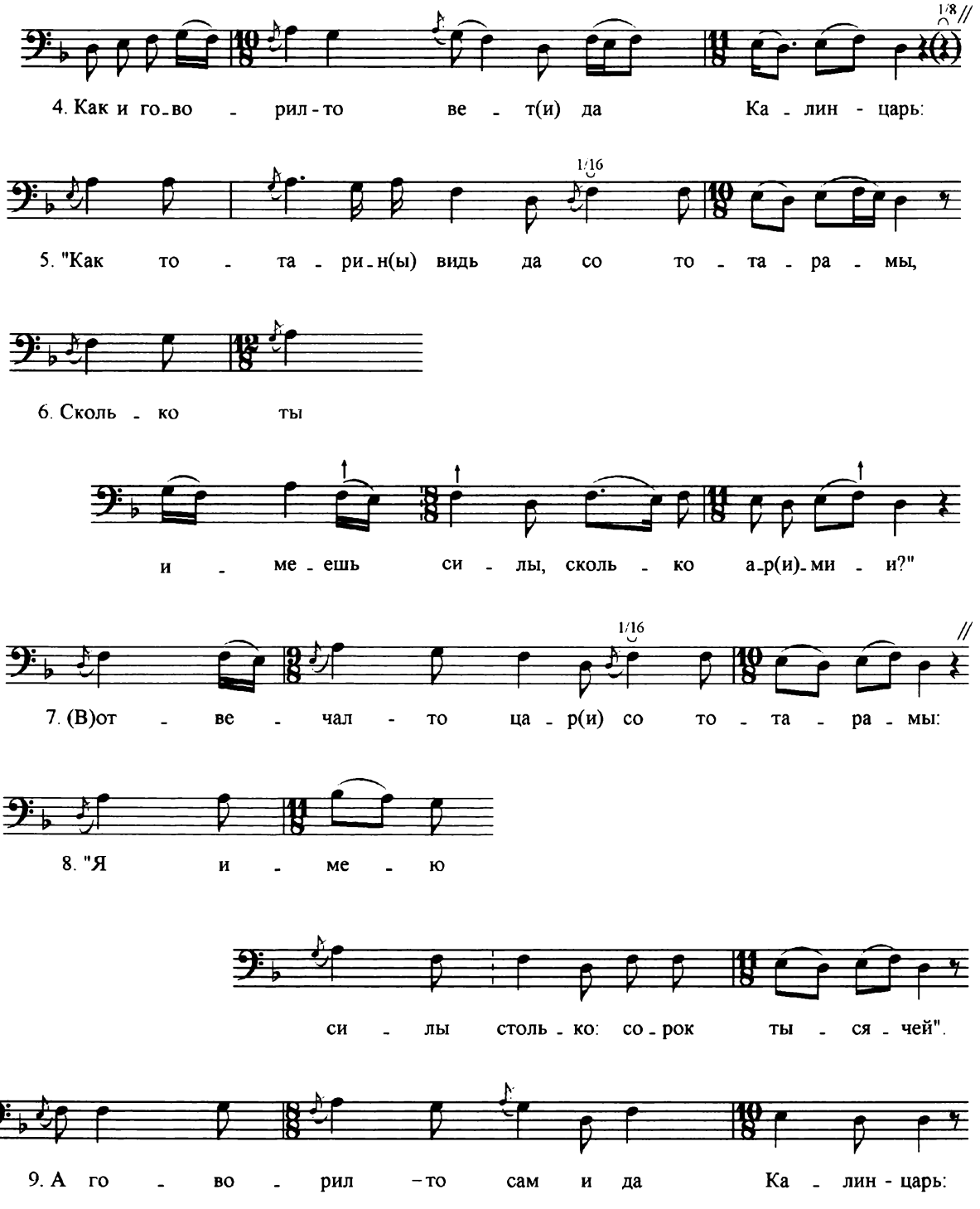
у кня - зя у Вла - ди - ми - ра...".

Как не волна [ли в(ы)] мори сволноваласе,
А не волна-та ведь в мори сволноваласе —
А сволновал(ы)се и ведь да Ка́лин-царь,
А сволновалсе Ка́лин-царь да со тотарамы.
А ведь Ка́лин-цар(и) да выспрашивал:
«Ай же все тотарин(ы) да со тотарамы,
А сколько все-й имеятца силы-ар(и)мии?» —
«А имею я-то силы сорок тысячей». —
«А у м(и)ня-то, у царя и да у Ка́лина,
А как силы што да накоплено,
У м'ня силы всё дак позапра́в(ы)лёно,
А у м'ня силы што — дак и сметы нет!
А вели́ка и́дет слава на Ки́ёв(ы)-град,
А поболе иде слава на князя на Владимира.
А отправим-ко мы силы — да сорок тысячей,
А отправим мы ведь из царства со ата́маном,
А-й, всё бы в славной город стольной-от(ы) Ки́ёв-град!
А во полон(ы) тут забрать у князя у Владимира...».

№ 176

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

4. Как и го-во - рил-то ве - т(и) да Ка - лин - царь:
5. "Как то - та - ри-н(ы) видь да со то - та - ра - мы,
6. Сколь - ко ты
и - ме-ешь си - лы, сколь - ко а-р(и)-ми - и?"
7. (В)от - ве - чал - то ца - р(и) со то - та - ра - мы:
8. "Я и - ме - ю
си - лы столь-ко: со-рок ты - ся - чей".
9. А го - во - рил -то сам и да Ка - лин - царь:

10. "Как у м(ы) - ня - то си - лу - шки да на - б(ы) - ра - но,
11. А у м(ы) - ня си - лы - то да по - за - прав - ле - но,
12. А ведь си - лы у м(ы) - ня дак и сме - ту нет!
13. О - на - то ве - ли - ка
и - дёт сла - ва на Ки - е - в(ы) - град,
1/16
14. А по - боль - ши с(ы) - ла - ва и - дёт
на кня - зя на В(ы) - ла - ди - ме - ра.
15. Как о - т(ы) - пра - вим - ко мы

а - та - ма - на да во - ин - ско - го,
16. За - бе - рём - ко мы
во по - лон слав - ной Ки - ев - град!"
17. Как от - прав - ля - ет
он вой - ско да а - та - ма - на
18. А как их - то
ведь си - лы со - рок ты - ся - чей.
1/16
1/8
19. Как при - е - ха - ли
1/8
о - ный-й да в столь - ный Ки - ев - град...

А не волна ли в(ы) мори сволноваласе,
Как не вол(ы)на-та в мори свол(ы)новаласе —
А сволновалса Ка́лин(ы)-царь да со тотарамы.
Как и говорил-то вет(и) да Ка́лин-царь:
«Как тотарин(ы) видь да со тотарамы,
Сколько ты имеешь силы, сколько ар(и)мии?»
(В)отвечал-то цар(и) со тотарамы:
«Я имею силы столько: сорок тысячей».
А говорил-то сам и да Ка́лин-царь:
«Как у м(ы)ня-то силушки да наб(ы)рано,
А у м(ы)ня силы-то да позаправлено,
А ведь силы у м(ы)ня — дак и смету нет!
Она-то вели́ка и́дет слава на Киев(ы)-град,
А побольши с(ы)лава идет на князя на В(ы)ладимера.
Как от(ы)правим-ко мы ата́мана да воинского,
Заберем-ко мы во полон славной Киев-град!»
Как отправляет он войско да ата́мана —
А как их-то ведь силы сорок тысячей.
Как приехали оны-й да в стольный Киев-град...

№ 177

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Во славном городе да во Муроме,
Во деревне было Карачееве
Был крестьянин Иван Тимофеевич,
У него было детище Илья Муромец сын Иванович.
Как сидел Илья в углу ровно двадцать семь годов,
Не владел не рукамы, не ногама.
Как в одно прекрасное времячко
Отец-мать уходит на работу трудною,
Разводили оны себе пожню великую.
Как в то время приходят калики перехожие
Да неизвестные,
И подходят к окну к Илье Муромцу,
Время было жаркое.
«Ну-ка, Ильюшинька, напой ты нас хотя водушкой». —
«Напоил бы, калик, я вас от всего желаньица,
Так не владею я не рукамы, не ногамы,
И не могу с места выйти».
Говорят калики перехожие:

«Приплыви к окошку, хоть открой окно».
Один калика перехожая
Наливает кувшин неизвестна каково зелья да меду сладкого:
«Ну-ка выкушай от нас хоть меду сладкого».
Кое-как принял Илья Муромец ихню чарыку
И вытянул (*выпил значить*).
Как скочил Илья на резвы ноги,
Как век нигде не балевал
И как век в углу не сиживал.
Отвечат Ильюшинька: «Чувствую ногам очень твердый стал». —
«Ну-ка выпей, Ильюшенька, еще другу чарочку меду сладкого».
Налевают ешо чарочку.
И выпиват ешо Ильюшинька чарочку меду сладкого.
Говорит одна калика перехожая:
«Ну што, Ильюшинька, в себе чувствуешь?» —
«Ох, калики перехожие,
Чувствую силу в себе великую,
Если бы был столб заложен в мать сыру землю,
Повернул бы всю мать сыру землю».
Наливат калика перехожая
Третью чару зелена вина.
«Ну-ка выпей, Ильюшинька, еще от нас третью чарочку».
Вот когда выпил Илья третью чарочку,
То спрашиват калика перехожая:
«Что в себе чувствуешь?» —
«Почувствовал силу умеренну». —
«Ну, вот владей ты этой силушкой,
От сих пор до смерти гробовой доски.
А на бою тебе смерть не написана».
Поклонился и благодарил Илья Муромец
Калик перехожиих. А те скрылись, неизвестно куда.
Ильюшинька по своей светлице похаживат
И с радости не знает, что и делалось.
Вот слышал он от отца да от матери,
Что ходят в тую сторону чистить зелены луга.
«А пойду, может быть, найду их там на работе на трудною».
Снаредился и пошел в ты края.

У Непры-реки о саму реченьку они чистили зелены луга. Да то время с обеда отдыхали. Илья Муромец не будил ни отца, ни матери. Дубья-колья начал тоскать в Непру-реку. Им бы работать две недели, а он вытянул за полтора часа. И не будил ни отца, ни матери, отправился домой. Те как выстали — видят чудо-чудное, диво-дивное. Скочили на резвы ноги, что такое сделалось. Приходят домой они и видят Илья по горнице по своей похаживат. Отец-матерь не знали,

что и делать, плакать аль радоваться. «Что Ильюшинька с тобой сделалось, что ты заходил на резвых ногах?» Отвечает им Ильюшинька (*идет повторение, сказитель не хотел повторять, сказал*: «*Спеши, там у тебя есть это*»). Прошло дня два, заскучал Илья по добром коне. «Как бы коня мне заготовить?» Как Ильюшиньки во сне кажется, приходили мужички неизвестные к нему. И говорят мужички таковы слова: «Не скучай, Ильюшинька, по добром кони, иди-ка на рыночек. Поведут коня, жеребчика косматого, не хитрого, не мудрого, и ты купи его. И будет он служить тебе верой-правдою до твоей гробовой доски». Как скоро пробудился Илья Муромец; забилось сердце богатырское, спросил у отца суммы денежной, купить себе добра коня. Ну, не жалел отец суммы денежной, давал — бери сколько надобно. Пошел Илья во рыночек, как ведет мужик жеребеночка, не хитрого, не мудрого. Вот купил Илья этого жеребеночка и бил коня по крутым бедрам: «Ну послужи, добрый конь, кому служить, как не нам, добрым молодцам». Вот привел коня домой Илья Муромец. Становил в конюшню свою добрую. Стал просить у отца-матери прощения-благословления поехать во Киев-град к святым мощам приложиться, князю Владимиру поклониться. Вот просил совету у отца, своего родителя: «Куда мне ехать, куда путь держать?» Говорил ему отец родной: «Если дорогою ехать окольную, много времени займет, а дорога прямоезжая заросла дубьем-колодьем». И на этой дороге есть две заставы: перва застава — стан разбойничков, а вторая застава — сидит Соловей-разбойничек, о которого зверь не прорыскивал и птица не пролетывала, и добрый молодец не проезживал». Сказал Илья Муромец: «Какой я буду богатырь, если я не проложу дорогу прямоезжую». Вот решил судьбу: завтра встать и поехать в путь-дороженьку. Ставал поутру ранешенько, умывался белешинько и в путь-дороженьку справлялся, снаряжался. Седлал коня по-крепкому, подстегивал двенадцатью подпругами, тринадцатой продольную, как не ради красы-басы, ради крепости богатырскоей. С отцом, с матерью простился, в путь-дорожку спустился. Как видали добра молодца едучи, а не видали добра молодца поедучи. Только пыль столбом поднялась, а куревка прокуревала. И поехал Илья Муромец в долинушку, заехал в леса темные, дремучие, и правда, дороженька заросла дубьем-колодьем. Едет Ильюшинька непроходимыми лесами дремучими, раскладыват Ильюшинька дороженьку, одной рукой коня ведет, другой рукой дубья-коренья рвет, с дороги выкидыват. Ну неизвестно, сколько отъехал с этого места, как наехал на стан разбойников. У разбойников глаза поразбежалися, на молодца порассмотрелися. А вот ребятушки и конь ат добр, убить наб молодца. Заметил тут их Илья Муромец и говорит: «Что у меня взять у проезжаго? Злата-серебра с собой у меня нету, взять не взять сертучок, колпачок только в ⟨сто⟩ рублей, а коню моему и цены нет». Тут еще глядь пораздразнил разбойников. Что бы то ни стало — убить добра молодца. Ну не думайте вси разбойнички и не мыслите. Как натенул Илья Муромец немродов лук, кладет Илья Муромец калену стрелу со стальным наконечником и спускает калену стрелу. Как стрела завыла, так сажень земли зарыла. «Если, разбойнички, спущу в вас, так не оставлю вас и на симена. А дайте мне заклятие и поезжайте к своим женам и к своим отцам, а если вы только не уедете с сегоднешнего дня, то я обратно поеду и прибью вас с головы на голову». Вот оны дали закляты, чтоб уехать по своим домам, по своим жильям и никогда боле не разбойничать. Поехал Ильюшинька опеть в путь-дороженьку; неизвестна, сколько от этого места отъехал, сколько мерных было верст, как наезжат на Соловья-разбойника. Сидит Соловей-разбойник на двенадцати дубах. Засвистел Соловей по-змеиному, заревел Соловей по-звериному; тогда пал добрый конь на колена, то бил коня по крутым бедрам. «Ах ты, несытая кляча, пиловой мешок, не слыхал ты свисту змеиного, а реву звериного!» Ободрился добрый конь, встал, как век нигде не бывал. Подъехал Илья Муромец по-

ближе к Соловью-разбойнику, Соловей-разбойник еще засвистел в двадцать раз здоровее. Ничуть не дрогнул добрый молодец Илья Муромец. Как натягает немродов лук и кладет стрелу каленую, со стальным наконечником, кладет и приговаривает: «А ну-ка, стрела ты каленая, не лети ты не по пеньям, не под кореньям, а ударь ты, стрела каленая, Соловья в правый глаз». Спустил Илья Муромец стрелу каленую, как ударила стрела каленая прямо в правый глаз, скатился Соловей-разбойник, как овсяный сноп. Тогда наскакнул (*Илья*) на кони доброем, прижал копьем к сырой земли Соловья-разбойника и привезал к седлу и к стременам, поехал в его жилище, выехал на поле чисто́е, широкое. Было у Соловья три дочери́, две замужних, третья девушкой. Как заглянула старша дочь в окно: «Едет наш от батюшка, — говорит. — Везет какого-то чужанина у седла, у стремени». Как загленула середня дочь: «Едет наш от батюшка, везет какого-то чужанина у седла и стремени». Как заглянула меньшая дочь: «Нет, едет какой-то чужанин и везет нашего батюшку у седла и стремены. Ах вы, зятевья, соколы милые! Седлайте коней добрыих, берите мечи вострые и поезжайте, убейте чужанина и отоймите своего тестя милого». Вдруг оседлали коней добрыих зетевья милые, скочили на коней добрыих, взяли мечи острые и поехали против чужанина. Когда приехали лицо к лицу с Ильей Муромцем, увидал Соловей-разбойник, что едут оборужены. «Нет, зятевья мои милые, не бейтесь, не ратьтесь с добрым молодцем и сыпте ему золотой казной и выкупайте меня, если так отдаст». Начали просить зятевья чужанина: «Добрый молодец, заезжай к нам в палаты белокаменны, хлеба-соли кушати и бела лебеди рушати. И бери денег, сколько хочешь, а отдай нашего тестя любимого». Согласился Илья Муромец, навернул коня и поехал в палаты белокаменны. Был забор круг дома Соловья крепкий и высокий обнесен. И здымалась подворотня в воротах к верху дому, вострая отточена. Когда подъезжал к воротам Илья Муромец, а меньшая дочь стояла наверху на воротах и держала этот вострый засов в руках, и цель ейна была така — расчечь Илью Муромца на́двое. Домикнулся Илья Муромец, не пошел в западню великую, толкнул копьем тупым концом младшу дочь, и упала дочь без памяти. Навернул коня доброго и поехал в Киев-град. Когда приехал в Киев-град, в тот терем высокий, где проживал Владимер-князь с княгинею, к точеному столбу коня привязывал. Заходил в покои, в светлицу светлую, как было почетный пир у Владимера. Все были русские богатыри, только не было Ильи Муромца. Заходил, вел поклон по-писаному и по-ученому, кланялся князю с княгинею в особину. Тогда спрашивал Владимир-князь киевский: «Скажи, добрый молодец, ты какой земли, какой орды, какого отца и матери?» Говорит Илья Муромец: «Я с города со Мурома, с деревни Карачево, славного крестьянина Ивана Тимофеевича». — «Какой ты оттуль шел дорожкой, расскажи-ка нам?» — «Шел я дорожкой прямоезжою, прямохожую». Тут на ихных богатырей выкликнул Алёша Попович: «Эх ты, добрый молодец, напрасна похваляешься».

№ 178

СТАРИНА ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Единственный был сын у отца и матери Илья Муромець. Было ему около десяти лет ли поменьше. Отець и мать тоже ушли в летную пору на пожню. Ён приходит к им, оны спят-отдыхают. Было заведёно ета пожня у их цистить. Пока ёны спали, дак он километра на полтора али больше выцистил с той пожни, а их не побудил. Ены выстали, дак и не знают, где что и есь. И место закляна: «Буди проклят тот человек, кто ето место сделал. Не быть ёму ни рук, ни ног». Приходят домой, а сын сидит в углу, уж ни ногамы, ни рукамы не владеёт. Ена и спрашиват: «Что же у тя, Илья Муромець, сталось?» — «Я был у вас и вас не побудил, пришел домой и мне так сделалось».

После того он сидел три года в углу.

После того приходят к ему два мужчины. Один говорит: «Вот стань, Илья Муромець, дай нам напитьсё». — «Как же я стану, как мне ни рук, ни ног нет?»
(*Не владеет.*)

Ён и говорит: «Стань, стань, я приказываю стать».

Ён стал и принес им напитьсе. Ёны ему налили цару вина. Ён выпил, ёны и спрашивают: «Что, Илья Муромець, что в себе цюсьвуёшь?» Вон им отвечает: «Что если бы было кольцо в земли, дак я бы мог повернуть Землю кверху дном» — такая стала в ём сила.

Вот оны и говоря между собой: «Если еще ему друга дать, дак его не будёт мать-земля носить да быстрый конь возить». Вот оны ему говорят: «Сегодня ночью у вдовы жеребилась кобыла и принесла коня. Только тебя начнет тот конь бладеть. Сходи и купи его. Что запрося, то и дай». Ён сходил к этой вдовы и купил.

Потом уж поезжал.

Отправлятсе да снаряжатсе
Старый казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць.
Кладал потнички ён на потнички,
Кладал войлочки да ён на войлочки,
Наверёх кладал седёлышко черкальское,
Не гля красы-басы да молодецкою,
А гля крепости да богатырскою.
А видли доброго молодца седучи,
А не видли доброго молодца поедучи,
А во чистом поле да одна пыль стоит.
А приезжал ли ён да в град да в Бекетовской.
Отступала тут Литва да их поганая,
Выкликает она да поединьщика,
А не находится в ряду да поединьщика,
Прибел он, прилупил всех до единого,
А не оставил он татаровей на семёна.

Увидали мужики ёго бекешовцы,
Не ангел ли да не Господь летит?
А идет тут ведь старой казак да Илья-Муромец.
Уж и звали тут его царем на царьсьвиё.
«Не стану я да к вам царем на царьсьвиё»
Давали тут ему три бочки злата-серебра.
«Не надо мне да ваша злата-серебра!»
Давали тут три боцьки скатну земцюгу.
«Не надо мне трех боцек скатну земцюгу!»
«Ай же, мужики да вы бекешовцы,
Скажите мне про ту дорожку прямоезжую,
Прямоезжую жа прямохожую,
А к тому князю ко сонышку Владимеру». —
«Ай же ты ведь, старый казак да Илья Муромець,
Тридцать лет уж тут дорожки нет,
Нету черна ворону пролетица,
Нету серу змеюшку проскоцица,
Нету добру молодцу проезжица.
А есть там три заставы великия:
А первая застава — да речка быстрая,
А друга застава — да мхи-болота, грязь топуцяя,
А третья застава — ну Соловей-птиця Рохматая
А на двенадцати дубах да гнездо повито».
Ну приезжал он к первой заставы великою
А первую струечку ён перебрел,
А другую струечку ён переплыл,
А третью струецку да он ныpком прошел.
А приезжал он к другой заставы великою,
Нарвал он дубу-коренью,
Замостил он Калинов мост.
Ну приезжал ён к третьей заставушке великая,
Сидит тут Соловей-птица Рохматая
А на двенадцати дубах да гнездо повито.
А закрицял тут Соловей по-соловьиному,
А засвистал злодей да по-злодиному,
А ёго добрый конь да на коленка пал.
Уж он бил коня по тучны⟨м⟩ бедра⟨м⟩:
«Ах ты, волчья сыть да пеловой мешок,
А разве не слыхал ты крику ворониного?»
А направлял да он да тою стрелочку:
«Лети-ко, стрелочка, да во право ухо,
А вылетай-ко, стрелочка, да во лево ухо,
Чтобы пал Соловей о сыру землю».

Тут летела стрелочка да во право ухо,
Вылётала стрелочка да во лево ухо,
Пал тут Соловей да о сыру землю,
Трои сутоцьки да ён не ел, не пил,
А все за Соловьем ходил.
Ну изымал он Соловья-птицю Рохматую,
А привязал ко правой стремяны,
А приезжал ли ён да в град да в стольно-киевский,
Увидали дети Соловьиныи:
«Ай же, матушка, еде батюшка,
Иде батюшко да мужика везет».
Увидала тут жона да Соловьиная:
«Иде то мужик да везе батюшка».
Говорит детям: «Выкупайте-ко да своя батюшка».
Приходили тут ведь дети Соловьиныи:
«Ай же ты ведь, старый казак да Илья Муромець,
Ты отдай-ко нам жа своя батюшка,
Уж ты стань-ко нам царем на царьсвиё!» —
«Не стану я да ли вам царем на царьсвиё!»
Приезжал ли ён ко солнышку Владимеру
А на его двори да у его столба,
У его столба ен привязал коня,
Насыпал пшоницы белояровой.
Вси-то на пиру да пьяны-весёлы,
А вси тут на перу да порасфастались:
А умный фастаёт да отцом-матерью,
Глупый фастаёт молодой жоной,
А безумной фастаёт золотой казной.
«А что же ты ведь, старый казак да Илья Муромец,
А что же ты не ешь, не пьешь, ничем не хастаешь?» —
«Хастати не хастати,
А с ко да теперь только поездочкой.
А на твоем двори да у моя седла
Есть так Соловей-птиця Рохматая». —
«Ай же ты ведь, старый казак да Илья Муромець,
Да заставь-ко Соловья-птицю Рохматую
Засвистать ему по-соловьиному,
Закричать ему по-звериному».
Наливали чару зелена вина,
А чара была весом полтора пуда,
А мерой была чара полтора ведра.
Принимал ён чару единой рукой,
Выпивал он чару на единой дух.

«Засвищи-ко, Соловей, по-соловьиному,
Закричи, злодей, да по-злодиному». —
«А не могу я засвистать по-соловьиному,
А не могу я закричать да по-звериному».
А наливали другу цару зелена вина,
А весом была цара полтора пуда,
А мерой была цара полтора ведра.
А принимал он цару на единый дух.
А выпивал он цару на единый дух.
«Ну засвищи-ко Соловей по-соловьиному,
А закричи-ко ты да по-звериному».
А сказыват тут старыи казак да Илья Муромець
А Илья Муромець да сын Ивановиць:
«Засвищи-ко, Соловей, да половиночку
Закричи, злодей, да во третиночку».
Засвистал тут Соловей во половиночку
Закричал злодей да во третиночку.
А вси тут на пиру да ну мертвые лежат,
А князь ли тут да стольно-киевской
А сам себе да под столом сидит,
А стары терема да развалилисе,
А новы терема да зашаталисе.
А говорит тут князь да стольно-киевский:
«Ай же старыи казак да Илья Муромець,
Выкопай-ко погреба да ты глубокие,
Задвинь-ко ты решетоцьки железные,
Посади ты Соловья-птицю Рохматую».
Выкопал погрёба ёны глубокие,
Задвигал решотоцьки железные,
Тут Соловью-птицы Рохматому и славу поют.

№ 179

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Жил-был Илья Муромець. Тридцать лет на пецьки сидел, с пецьки не сходя. Пришли к ёму кали́ки перехожие. «Ну, ставай, Илья Муромець, шевели своима могучима плецькамы». — «Ай же вы, кали́ки перехожии, как же я, — говорит, — могу встать, как я тридцать лет на пецьки сижу и с пеци-то не схожу». — «А бери свои клюци да сходи в глубоки погрёба, и бери цару вина полтора вёдра».

Ну, Илья Муромець сходил, принес цяручку зелена вина в полтора ведра. Уж ены, видно, дали ему силу. Ему эты кали́ки и говорят: «Пей, Илья Муромець, эту брагу вина полтора ведра»,

6 Зак. 3427

и Илья Муромець выпил зелена вина брагу на единой здох, ну дак кали́ки эты перехожие спрашивают у его: «Много ли, Илья Муромець, чуешь великой силы в себе?» — «Я такую силу великую имлю в себе: кабы было бы кольцо в земли-матери, так поворотил бы всю подселенную».

Ну еты калики самы с собой поговорили и опять говорят Илье Муромцю: «Сходи-ко, Илья Муромець, во глубок свой погреб, принеси-ко опять брагу вина полтора ведра». Ну вот ён принес брагу вина полтора ведра и ему калики говорят: «Пей эту брагу вина, Илья Муромець до капелки».

Ну Илья Муромець опеть эту брагу вина выпил на единый здох да капелки. Как он выпил эту брагу зелена вина, так убавилось этой силушки до половинушки.

Ну вот отець и мать домой приходят к Ильи к Муромцю и так ены обра́дили, что ихное ди́тище на ногах ходит. Ну вот сколько ён лет сидел там, а потом у отця-матери стал просить благословения, что поеду по белу свету путешествовать, где что есь. «Даете — поеду, и не даете — поеду». Ены говорят: «Дитя, на хороши де́ла Бог тя благословит, а на худые де́ла — нет тебе благословления!» Ну вот взял ён своёго доброго коня и поехал. Ехал путем-дорогой, попали ёму три ростани, три дороги, и на этих дорогах стоит столо́б. И на этом столби подписано: «В одну дорогу поехать — убитому быть, во втору поехать —женатому быть, а в третью поехать — богатому быть». «Ну на што, — говорит, — мне женитьсе и куды мне с богасьвом. А поеду в ту путистую дороженьку, где убитому быть. А убить-то меня да было не за что».

На этой на путистой дороженьке стояло ⟨двенадцать⟩ дубов, на этих ⟨двенадцати⟩ дубах сидел Соловей-разбойник. Тридцать лет уж не было по этой дороге проходу, как этот засел Соловей-разбойник. Ну ён бьет коня по крутым бедра́м. Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. И вот подъезжа́т к этому двенадцати дубах, и этот Соловей-разбойник сидит на двенадцати дубах. Ряхнул по-звериному, свиснул по-змеиному. Дак из ряхку да свисту соловьиного конь у Ильи Муромця с пути-дороги потыкаетсе, на колени сбиваетсе. «Ах ты, волцья сыть, — говорит, — неужели ты не слыхал ряхку звериного, а свисту соловьиного?»

И вот Илья Муромець натягивал свою каленую стрелу и выпустил в этого Соловья-разбойника. И Соловей-разбойник не выдёржал такого беремяцки и слетел с двенадцати дубов, как мяцик, на́земь. И вот Илья Муромець Соловья-разбойника взял привязал к правой стремяны и повез в Чернигов город. Там бы́ла у нёго жена и три зятя, и три доце́ри. И вот подъезжат ён к этому городу, и оны смотрят в окно все и говорят: «Матушка, наш-то батюшко какого-то чудовище везет у стремяны».

А вот ёна посмотрела в окно. «Нет, — говорит, — дети, не наш батюшко везет какого чудовище, а нашего батюшка везут у стремены. И вот, — говорит, — берите-ко клюци и берите золотую казну и умоляйте-ко Илья Муромця, чтобы опустил от стремяны нашего-то батюшка». Вышла ёна ёго умолять. А ён ее не послушал, опять привязал ёго к стремяны да увёз во Киёв-град. А ёго-то жена подворотёнкой-то сорок пуд ладила Илью Муромця убить, да промахнуласе.

И потом во Киёв-град ён приехал, да безо всякого докладу там заехал во двор и привязал своего доброго коня ко тому столбу точеному, да ко тому кольцю да золоченому, куда привязывал-то Владимир-князь солнышко, без спрося привязал.

Ну а потом слуги сошли туда к князю-солнышку да говорят: «Какой-то добрый молодець безо всякого докладу привязывал своего коня доброго к столбу ко точеному, да к кольцю золоченому, к которому вы привязывали, да насыпал пшеницки белояровую своему доброму коню».

Ну, этот князь-солнышко говорит своим слугам: «Пускай уж этот добрый молодец заходит ко мне в хоромы». И вот эты слуги говорили Илье Муромцю, что проходи Илья Муромець к нашему князю Владимиру-солнышку. И вот оны тут попили и поили с князем-солнышком. Как ёны поили да попили, этот князь говорит солнышко: «Хотелось бы мне посмотреть Илья Муромця да попробовать силушки с им». На это Илья Муромець говорит: «Погляди, князь Владимир-солнышко, на меня, как на Илью Муромця». — «Как же ты сюда, вишь, попадал, как сюда ехать прямой дороженькой тридцать лет, а окольней дороженькой триста лет». — «А я приехал прямой дороженькой, дороженьку повыцистил, Соловья-разбойника с двенадцати дубов повыпустил и привязал к моей злаценой стремяны, и привез я его на твой широкой двор. Ежли ты хоцешь посмотреть Соловья-разбойника, то собирайсе на свой широкой двор, я укажу тебе Соловья-разбойника».

Ну и вот князь-солнышко со своей княгиной справилисе на свой широкий двор. Ну, Илья Муромець Соловью-разбойнику велел крыкнуть вполсвисту соловьиного и вполряхку звериного. Ну вот как ён не послухал Ильи Муромця, Соловей-разбойник свиснул во весь Соловьиной свист, да ряхнул во весь соловьиный ряхк. Вси дубы покачалисе, вси деревья пошаталисе от свисту Соловьиного, от ряхку-то звериного.

Тут княгина-то его и упала на́земь домертва.

№ 180

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

Да во том ли во городе во Муроме,
Во селе да было Карачарове,
У кресьянина Ивана Тимофеевича
Было чадышко любимое —
Илья Муромец да сын Иванович.
Сиднем он сидел да ровно тридцать лет и три года,
Не владел он не руками и не ножками
(*Ен лежал, как я,*)
А отец его Иван Тимофеевич
Он ходил да на работы на кресьянскою,
Оставляли его одного-одинешенького.
Вот летом во порушку,
В один прекрасный день
Стучались у ворот да крепко-на́крепко,
И говорят оне да громко-на́громко:
«Ты открой-ко нам ворота, Илья Муромец,
Запусти-ко нас да калик перехожих!»
Илья Муромец да ответ держит:
«Как я могу открыть вам ворота дубовые,
Как я со лавочки подняться не могу?»

Тогда и говорят калики перехожие:
«А ну-ко же попробуй Илья Муромец
Подняться на резвые ноженьки».
Поднимается Ильюшенька на ноженьки,
Открывает он врата широкии,
Запущает-ка калик да перехожиих.
«Ой же ты, Илья да Муромец,
Ой да ты, сын Иванович,
Принеси нам зелена вина
Или квасу крепкого».
Опущается Илья да во погреба глубокие
И приносит квасу крепкого.
Выпивают тут калики по чари квасу крепкого
И говорят они да таковы слова:
«А ну-ко ты, Ильюшенька, да выпей сам,
Да выпей полну чару квасу крепкого».
Выпивает Илья да квасу крепкого.
Говорят калики перехожии:
«Ну и как ты себя, Ильюша, чувствуешь?»
Говорит Илья да таковы слова:
«А и силушки у мня да вдвое прибыло!» —
«А ну-ко, Ильюшенька, выпей одну еще чарочку».
Выпивает Ильюшенька да другу чарочку.
Тогда калики его допрашивают:
«Как сейчас, Ильюша, сам себя да чувствуешь?»
Говорит Илья тут таковы слова:
«Ежели бы был в земли столоб крепко-накрепко
И было́ бы в том столби кольцо,
Повернул да я всю мать сыру землю!»
Тогда калики перехожии переглянулись.
«А не будет его носить да мать сыра земля.
А ну-ко, Ильюшенька, выпей еще одну чарочку квасу крепкого!»
Выпивал Илья да чару квасу крепкого,
Тогда пошли и [спрашивают]:
«Ну как, Илья, ты себя чуствуешь?» —
«Я чуствую да силушку наполовинушку». —
«Ну и хватит тебе, да И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩,
Иди-ко защищать да Землю Святорусскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же вы, калики перехожии,
Как же смогу я защищать Землю Святорусскую,
Как нет у мня, у молодца, добра коня,
Нет у мня, у молодца, палицы булатной,

Нет у мня, у молодца, да лука самострельного,
Нет у мня, у молодца, копья да долгомерного!» —
«Встань-ко ты, Ильюшенька, утром да ранешенько,
Пойди-ко в город ты да на прогулочку,
Поведут там жеребеночка на продажу,
Неуклюжего да двугорбого,
Он тебе и не понравицца,
Ты возьми его и приучай,
По три росыньки по ранниих повыкатай,
А доспехи богатырскии ты сам найдешь».
И с этим калики и [отправились].
Вот стоит Илья да думает,
Что ему начать да работати:
«А пойду я к отцу да к матери,
Помогу им работы крестьянскии».
Вот приходит во чисто полё к отцу да к матери,
Отец да мать его да пожни чистят,
Но обои оне да удивились, что Илья пришел им да помогать.
Но и столько он да нароботал отцу-матери,
Что им всем да страшно стало.
Вырывал он елку со кореньямы,
А под этой да под елочкой
Все доспехи богатырские.
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же вы, отец и мать мои родныи,
Не работник я вам во чистом поли,
А поеду я защищать да Землю Святорусскую».
Вот встает он утрышком ранешенько,
Умывается он да поскорешенько.
Идет ли он да во тот ли во Муром-град,
И ведут тут жеребчика продажного,
Неуклюжего да двугорбого.
Покупает тут Ильюшенька да этого жеребчика,
Подмышку клал, домой принес.
Ну и так-то ему да не понравилось,
Начал он его кормить, поить да ухаживать,
Начал жеребчик у него да попрыгивать.
По три росыньки Ильюшенька да повыкатал,
И жеребчик стал да богатырский конь.
Тут седлал Ильюшенька добра коня,
Полагал седелышко черкасское,
Одевал он все доспехи богатырские,
Распростился с отцом, с матерью,

И поехал он да на Чернигов-град.
Подъезжает он да к Чернигов-граду
И стоит тут силушка несметная,
⟨Сорок⟩ тысячей татаровьев поганыих.
Запущал Ил⟨ья⟩ М⟨уромец⟩ своего добра коня
На рать-силу да великую,
Начинает он да палицей помахивать,
Куды махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочки.
Не прошло и три часа, как вся силушка побитая.
Приеждят он да в Чернигов-град.
Тут уж встреча идет да радосная —
То встречают Илью Муромца.
«А откуда тебя да Бог принес, добра молодца,
Избавил нас от тех татаровьев поганыих.
Ты скажи, уд⟨алый⟩ добрый молодец,
Ты кокой земли да кокой орды,
И кокого ты да отца-матери?» —
«Я из города из Муромля, из села да Карачарова,
А сын я кресьянина Ивана Тимофеевича,
А зовут меня да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!» —
«Чем тебя нам наградить И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩?» —
«Никокой награды мне не надобно,
Укажите мне дорогу на Киев-град». —
«Околицей-то ехать — ⟨тыща⟩ верст,
А дорожкой прямоезжей — ⟨пятьсот⟩ верст.
На дорожки прямоезжей,
Да у той ли березы у горбатой,
Там засел да Соловей-роз⟨бойник⟩.
Он сидит да на семи дубах,
Нет проходу уже ⟨сорок⟩ лет,
И не конному и не пешему».
Тут Ильюшенька садился на добра коня
Отпр⟨авлялся⟩ дорожкой прямоезжеей.
Вот подъезж⟨ает⟩ он к березы той горбатой,
Вот и засвистел Соловей, что силы есть,
Засвистел по-соловьиному,
Заревел да по-звериному,
Так что с деревьев листья да посыпались.
У Ильюшеньки конь да на колена пал.
«Ах ты, конь, травяной мешок,
Не слыхал ты свисту соловьиного,

Не слыхал ты реву да звериного!»
Натягиват он да тугой лук,
Полагат стрелочку каленую,
И пущает он да в Соловья-разбойника.
Угадел ему да прямо в правый глаз,
И упало чудовище на сыру землю,
Тут оно Ильюшеньки взмолилосе:
«Ты не бей-ко меня, Илья, до́ смерти,
А оставь-ко меня да во живости».
Берет его Ильюшенька да на руки
И привязыват его к стременам
И садится на добра коня,
Отпр⟨авляется⟩ да в путь-дороженьку.
Подъежает он да к дому Соловьиному,
Как его детушки да повыглянули в окошечко:
«Ах ты, матушка наша родная,
Едет наш-то батюшка да со чиста поля,
Он везет во стре́мени да бога́тыря!»
Поглядела мать да в окошечко,
Говорит она да таковы слова:
«Ах вы, детушки мои родныи,
Едет тут да русский бога́тырь,
А везет у стремени нашего да батюшка!»
Старша дочь Соловья-розбойничка
Выстовала она на балкон
И бросала подворотню в ⟨сорок⟩ пуд в Илью Муромца.
А Илья М⟨уромец⟩ да увертлив был,
От подворотенки да увернулся он,
Ухватил ее да за тресту за заднюю
И повыбросил ее да повыше лесу стоячего,
Пониже того ли облака ходячего.
Пала она о сыру землю,
В трех местах у ей да брюхо лопнуло.
Поеждяет он да прямо во Киев-град,
Заеждяет он да во двор князя Владимира,
Не спраш⟨ивает⟩ он да придверников,
Не спраш⟨ивает⟩ он да приворотников.
Привяз⟨ал⟩ он своего добра коня
К тому он столбу точеному,
К тому он колечку золоченому.
Идет он прямиком да во гридню во столовую,
К тому ли да ко князю ко Владимиру.
А у кн⟨язя⟩ у Владимира

Был да почестен пир
На всех князей, бояр, да русских могучих бога́тырей.
Заходит он да во гридню во столовую,
Князь Вл⟨адимир⟩ стольно-киевский ставал да со своего места,
Тут-то он Ильюшеньку спрашиват:
«Ах ты, удалой доброй молодец,
Ты откуда к нам пожаловал,
Никому да ты не подчинился,
Не спрашиваешь наших приворотникам,
Ты какой земли да какой орды,
Ты какого отца-матери?
Ты зачем к нам да пожаловал?» —
«Я из того да из города из Муромля,
Из села да Карачарова,
А отец-то мой кресьянин Иван да Тимофеевич,
А зовут меня Илья Муромец сын Иванович.
Я приехал да из Мурома —
Зазвонили ко заутрени,
А приехал я во сл⟨авный⟩ Киев-град
К обеденки за благословением,
А приехал я к вам послужить верой-правдою,
Защищать да Землю Святорусскую,
И проехал я с Чернигов-град да ко Киев-граду
Дорожкой прямоезжею.
Под Чернигов-град убил я ⟨сорок⟩ тысячей татаровьев поганыих».
Тут вся гридня сволноваласе,
Все бога́тыри с местов да повыстали.
«Ой ты гой еси, Владимир-князь да стольне-киевский,
А и слушаешь такого ты нахвальщика,
А и нет дорожки прямоезжей,
А и нет там пути ни конному, не пешему,
А и сел там Соловей-разб⟨ойник⟩ ⟨сорок⟩ лет назад!»
Говорит Илья да таковы слова:
«Ах ты, Вл⟨адимир⟩-князь да стольне-киевский,
Можешь меня да проверить,
Соловей-розбойник привязан к правой стремени».
Все князья и бояре пошли во двор да широкий
Посмотреть там да Соловья-розбойника,
Проверить тут да Илью Муромца.
[Князь Владимир] бросает шубу соболиную да на одно плечо,
Выходит он да на широкий двор
Посмотреть Соловья да розбойника.
Говорит Владимир таковы слова:

«А ну-ко, Соловей-розб⟨ойник⟩, засвищи хоть в по́лсвиста!»
Говорит тут Соловей-розбойник:
«А не вы меня поймали, не вас я буду и слушати».
Тогда Вл⟨адимир⟩ | князь да стольне-киевский
Говорит Ильи да таковы слова:
«Ай же ты, да добр⟨ый⟩ молодец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Прикажи-ко ты да Соловью засвистать да в по́лсвиста,
Чтобы послушали вси князья, бояре, русские богатыри».
Тогда и говорит Илья Муромец да таковы слова:
«А ну, Соловей, засвищи-ко ты да в полсвиста,
Залай-ко, собака, по-собачьему!»
Но не посл⟨ушал⟩ Соловей-⟨разбойник⟩ Ильи Муромца,
Засвистел да он что силы есть,
Заревел да по-звериному,
Залаял, собака, по-собачьему.
Все русские князья и бояровы, руские могучие бога́тыри,
Упали они да все об землю
И ⟨плавают⟩ они да на четвереньицах.
А Вл⟨адимир⟩ | князь да стольн⟨о-киевский⟩
Куньей шубой накрывается.
«Ай же ты, И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩ да сын Иванович,
Ты уйми да Соловья-разбойника,
Ты оставь в живых бояр, князей, да русских богатырей!»
Илья М⟨уромец⟩ да сын И⟨ванович⟩ берет свою палицу булатную
И бьет он Соловья да розбойника.
«Что же ты, собака проклятая,
Не слушаешь ты моей ⟨*нрзб.*⟩,
Тебе приказал свистеть да в по́лсвиста,
А ты свистишь да во все горло!»
И привязал он С⟨оловья-разбойника⟩ да ко заду, хвосту,
И пустил коня он во чисто полё.
Тут Соловью и праху не осталосе.
Тут Вл⟨адимир⟩ | князь да стольне-киевский
Берет Ильюшеньку да под руки
И ведет Илью да во гридню во столовую,
Садит его да на больш́о место,
На больш́о место, да возле себя.
Тут у них пир продолжаетце.
На этом былина и покончена.

№ 181

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

В старину было стародавнюю
В деревне было Карагарове
Тридцать лет сидел Илья Муромец
Не имел ни рук, ни ног.

Шли калики перехожие, попросили они у Ильи Муромца напиться воды. А он говорит: «Рад бы вам дать напиться, но я встать не могу».

А они говорят: «Может быть, ты можешь дать нам воды. Встань-ка, Илья Муромец!»

Он поднялся на колены и принес им напиться квасу. Они напились. Они выпили и спрашивают Илью Муромца: «Что ты чуешь в себе, Илья?» Он говорит: «Я чую, стал немного поздоровее!» — «Ну, дай нам испить по кружке квасу еще». Принес и выпил с ними по кружке. Они ему говорят: «Что ты чуешь в себе, Илья Муромец?» — «Я чую в себе силу великую. Если был бы столоб и стал бы посреди земли, а в столбе было бы кольцо, я бы мог за это кольцо всю Россию приподнять!»

Они говорят: «Вот, Илюшенька, принеси нам еще попить». Он принес им еще квасу. Они все выпили по чарке квасу и спрашивают его: «Что ты думаешь о своей силе?» — «А у меня, думаю, что половины силы убыло» — «Больше тебе не надо. С этой-то силы живи и пользуйся. На боях и смерть тебе не написана. Помрешь ты не в боях, а помрешь своей волей!»

Вот тогда поехал Илья Муромец к отцу и матери. Они работали в поле. Корчевали чего-то. Свалились поотдохнуть. А Илья Муромец все поле им выкорчевал. Они проснулись все, а всё выкорчевано. Он подходит к ним — узнали сына: «Меня калики перехожие исцелили. Я поеду в Киев к Владимиру красно солнышко. Буду Россию защищать!» С тех пор сел на ворона коня и поехал: «Поеду я дорогой прямоезжею, которая залегла уже тридцать лет, и никто по ней не ездил. На той дороженьке сидит злодей, Соловей-вор-разбойник, никого не пропускает».

Подъезжает к Соловью-разбойнику: Соловей-разбойник засвистел, зашипел. Конь его на колени пал. Он говорит: «Что ты волчья сыть, травяной мешок, не слыхал ли свисту соловьиного, не слыхал ли шипу змеиного?»

Он, недолго думавши, натянул лук, разбойник кувыркнулся с дерева. Илья Муромец привязал его к стремени, к седлу и поехал он дорогой прямоезжеей. И заехал он в Чернигове к обедне, обедню отстоял, поехал мимо дворца Соловья-разбойника, а дети кричат: «Мама, отец едет, какого-то богатыря везет!» Она в окошко посмотрела и говорит: «Не отец везет, а богатырь везет Соловья». Его жена просила оставить Соловья, а Илья Муромец говорит: «Я поеду к Владимиру красну солнышку и покажу ему, что дорожка прямоезжая очищена».

Он приехал к Владимиру-солнышку. Заходит в их столовую, гости сидят, угощаются. Он поздоровался с имя. Его спрашивают: «Какой ты земли и какой орды?» — «Я из села Карачарова, проехал я дорожку прямоезжую». А Владимир говорит: «Неправильно, никто этой дорогой не ходит. Там сидит Соловей-разбойник!» А он говорит: «Пойдемте во двор, посмотрите, чего у меня во дворе есть». Вышли они, он приказал Соловью: «Свистни ты не в полный свист, а в полсвиста!» Тут он засвистел, зашипел, все свистит. Все по двору катаются, его свисту испугалися. Владимир с гостями все удрали. А Илья Муромец взял шашку и снес ему голову. Так Соловья унич-

тожил. Его пригласили в светлую горенку. Он с ними вместе начал угощаться. Он сидит пьет, его угощают, а после он пошел.

№ 182

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Илья Муромец тридцать лет нехожалой был. Отец да мать ушли косить, а он в постели, никуда негодной как. Приходят два старичка, верно, уж богатыри тоже. Эти два старичка просят: «Поди, мальчик, принеси пить!» — «Смеетесь, я тридцать лет на ногах не бывал, как тут вам принести?» — «Ты иди, мальчик».

Он встал, на ноги опёрся, пошел за водой, подал. Потом в бутылочке дали ему: «Ну, как ты силы в себе чувствуешь?» — «Если бы был столб от земли до неба, я бы перевернул с неба на землю, а землю на небо».

Стало у Илюшеньки силы не по-старому, не по-старому да не по-прежнему. Значит, поехал он дорожкой. Вызывает князь Владимир стольно-киевский. Поехать окольнёй, ехать очень далеко. Ближняя дороженька завалена тридцать лет, там сидел Соловей Рахматович на двенадцати дубах. Он как свисток дает, конь на ногах не стоит, люди помирают. Илья Муромец ехал-ехал, двенадцать верст не доехал. Свистнул Соловей Рахматович, конь пал на колени. Илья Муромец говорит: «Ах ты конь — полевой мешок! Не бойся свистка!»

Шесть километров проехал, шесть километров проехал, свисток дал. Он все равно проехал. Соловей сидит на двенадцети дубах. Как натянул лук да в правый глаз ударил. Соловей Рахматович слетел как овсяной сноп. Он соскочил с коня и привязал к стремени, и поехал дальше. А там выглядывают: «А, маменька, папенька едет, какого-то мужика везет!»

Маменька посмотрела: «А не папенька это едет, а мужик папеньку везет!» Звали они его в горницу, чтобы заманить, он не пошел. Щиты стали ставить на дороге, чтобы не проехал, — он перескочил да уехал к князю стольнё-киевскому.

Приехал к князю стольнё-киевскому, Владимир красное солнышко его спрашивает: «Давно ли ты из дому, дак как ты ехал?» — «Я ехал дорогой прямоезжею». — «Да там тридцать лет не хожено, не езжено!» — «Нет, — говорит, — я Соловья Рахматовича к стремени привезал!» — «Пусть свистнет в полсвиста!»

А он в свист целый свистнул, он ему голову отсек.

(*Это сказка. Раньше с книжек читали. У меня братья да сестры грамотные, я одна неграмотна. Родители мои этого не знали, они неграмотные были.*)

№ 183

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец сидел сиднем тридцать лет, не ходил. Сидел дома; приходит к ним старичок: «Подай мне, Илья Муромец, мне милостыню!» — «Не могу я на резвы ноги стать, не действуют». — «А встань-ко, — говорит, — попробуй маленечко».

Милостыньку дал. Старик вынул шляпочку, дал ему выпить капелек: «Как, чувствуешь, Илья Муромец, в себе силу?» — «Если бы, дедушка, вкопали крепкий стол, я бы, — говорит, — своротил его!»

«Ну как?» И он дал другу ему. «Ну как?» — говорит.

— «Я бы своротил землю всю. Сейчас я чувствую нормальную силу бога́тыря!»

Встречается Илья Муромец с Еруслаком Лазоревичем. Он того победил.

Поехал, где убиту быть. В ту ростань поехал.

№ 184

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Был молодец Илья Муромец, у него не было ног, он сидел в углу тридцать лет и три года. Один день мать и отец в поле пахали. Шел нищий, зашел в избу и попросил: «Дай милостыню». Илья говорит из угла: «Дал бы вам кусочек хлебца, да ног у меня нет. Сижу тридцать лет и три года в углу, ноги не действуют». Нищий пошептал на воду: «Попей воды. Как себя чувствуешь?» — «Я чувствую ноги». Нищий пошептал на воду: «Выпей еще воды. Как себя чувствуешь?» — «Если б поставили столб в землю, я б перевернул небо!» Старик сделал еще воды. Илья выпил и стал нормальным. Тогда он приходит к отцу и матери, приносит обед. Просит разрешения поехать на Киев-град. Отец не дал разрешения: «Нет там пути. Туда птица лесной дорогой не пролетала».

Илья взял в конюшне коня. Когда он ехал, там на дубу сидел Соловей-разбойник. Он как свистнул — конь Ильи пал на колени. «Что ж ты, волчья сыть, не стоишь на ногах, а падаешь?» Тогда конь поднялся на ноги. Илья стрелил Соловья-разбойника в правый глаз, привязал к стремени и поехал в Киев-град. Когда приехал в Киев-град к Владимиру во двор, слуги спросили: «Откуда ты, князь-богатырь, есть. Как ты приехал сюда, где нет дороги ни прохожему, ни проезжему?» Слуги сказали царю. «Позовите его сюда. Откуда ты, свет, — спросил Владимир, — с какой орды, с какого племени?» (*Илья Муромец рассказал, Владимир не поверил, потому что нельзя было пройти по той дороге.*) «Если не верите, посмотрите: есть у стремени Соловей-разбойник, висит у правого стремени». Князь говорит: «Попроси Соловья-разбойника, чтобы он свистнул в полсвиста». Тогда Илья Муромец попросил его свистнуть в полсвиста, а Соловей-разбойник свистнул в полный свист. Люди повалились, с деревьев листья посыпались. Тогда Илья Муромец пристрелил Соловья-разбойника насмерть.

№ 185

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Илья Муромец тридцать три года без ног сидел, а потом пришли к нему два старца. У него отца и матери дома не было. Приходят нищие-калики: «Пусти нас!» —

«Как же я пущу?» — «Подмись немножко!» Пошевелился, ноги-то и завладели.

«Как же ты сидишь и никуда не ходишь?

Ну вот, — говорят, — мы тебе квасу наладим».

Сходили, квасу принесли, и он вышел.

«Что, Илья, почувствовал?» —

«Ноги ходят хорошо!» —

«Мог бы выйти дом перевернуть?» —

«Вай, много!» Другу чашку принесли, выпил — поменьше силы.

«Будешь на войне жить, а не дома.

Никто тебя на войне не убьет.

Утром приведут лошадку,

Жеребеночка маленького, горбатого.

Утром на росе помой — будет тебе конь».

Да и ушли. Пошел к отцу, матери. Приходит, — оне спят. Носил-носил — расчистил поле. Идет отец и мать: «Илюшенька, что с тобой случилось?» —

«Ничего, ничего, мне Бог ножки дал».

Пришли домой. Утром приходит старичок, приводит худую, горбатую, три рубля просит.

«Ой, Илюшенька, куды ты с этим г.....!»

Сгонял три росы. А конь такой хороший получился, Господи свет! Пожил неделю дома, конь хороший стоял, стремена хорошие, железные. У него была палица во сорок пуд. Отец и мать не успели обрадоваться.

«Мне, — говорит, — пора ехать воевать, не для того Господь ноги дал». Едет путем-дорогую, приехал — дорога широкая. Стоит столб, три доски написано. На первой написано: «Вправу — убиту быть, влеву — богату быть, в середине — жонату быть». Ен подумал: «Поеду в убитейство — на что мне богату быть, на что мне жонату быть?» Поехал вправо — никому не проехать, двадцать лет неезжено: стоит такой богатырь, не пропущает никого. Еще далеко. Как свистнул богатырь-семиглав, так конь и повалился. А ен как поднял ⟨три⟩ головы — конь на коленки пал. «Что ты, надо воевать, а не надо падать!» — «Станем силу мерять». Как спустился — сразились воевать. Стали воевать — три головы пало. Опять три улетело. «Ну, сохрани, Господи, осталась одна, проведи меня живого». Подъезжает к его дому. Дом светлый, большой, а его он привязал к лошади. Там в доме две девки-богатырки и жона. А девки выскоцили: «Ой, — говорят, — наш папенька едет!» А потом разглядели, да щелнули его: лопатки у их были такие. Он говорит: «Ох, как комар укусил меня крепко!»

Одну девку схватил да разорвал, потом другу. А жена поглядела в окошко: «Меня-то оставь живую!» — «Оставляю», — говорит. А сам и тую также.

А пороховой склад стоит рядом. Ён отъехал, натряс его, поджег, а порох как загорелси, так спаси Господи! И поехал в Чернигов-град. Приежжае в Чернигов-град. «Как ты проехал? Двадцать лет этой дорогой ездили».

Этот у стремени как зарычит, Змей какой-то. Белым хлебом на тарелке потчуют Илью Муромца. «Не надо, — говорит. — Я поеду еще вперед».

Поехал в Киев-град. Подъехал ко двору, а с Киева все прибежали, выносят белояровой пшеницы. «Как ты его поймал?»

Они просят этого Змея: «Рыкни!» — «Не ваше энто кушаю, не вас и слушаю, а слушаю Илью Муромца».

Илья и говорит: «Рыкни!»

Ён во весь рыкнул (*вай!*), дак у царя стекла посыпались.

Ну ладно, все его благодарили. Дорогу-то прочистил да Змея убил. Царь благодарит его. И вернулся, где женату быть. А тут богатырка лежит, ничего не молтает. Ён поглядел на нее. Разве женится!

На войну вернулся, и никто его не убил.

(*Говорят, на небо взят. Сколько ён воевал!*)

№ 186

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Илья Муромец жил у отчя да у матери: тридцать три года сидел, а не было у ёго ног. Отец да мать работали, а ён сидел, а потом пришли калики перехожие, два человека: «Ильюшенька, пусти нас». (*Знают ёго по имени*) — «А как же я пущу вас, как я сижу тридцать третий год, у меня ног нет». — «Да пусти, пусти, подоймись немножко!»

Пошевелился немножко и видат, что замог ходить. Ну вот, ён стал на ноги и вышел в сени. Открыл им ворота: «Ну, здравствуйте, калики перехожие! Я видь, — говорит, — сижу тридцать третий год». — «Дак буде, — говорят, — тебе сидеть. Надо ходить. Пойди, пойди, — говорят. — И принеси-ка квасу чашку». Ён принес, сходил, чашку квасу. Вот ёны ёму что-то поделали, в чашку пошептали и дали выпить. И ён выпил. Говорят: «Как цувствуешь?» — «Ой, цувствую силу великую. Я бы вышел на улицу, дом бы вверх дном перевернул». — «Ой, — говорят, — много. Дай-ко дру́гу чашку». Ну и дру́гу чашку ён принес. Дали ёму выпить.

«Ну, нунь много меньше силы стало у меня». — «Ну, на такой, — говорят, — останавляйся. Оставляйся на такой. Вот, — говорят, — Илюшенька, утром пригонит к тебе старицёк лошадку нехорошую, горбатую, а ты возьми и ро́сти про себя коня богатырьского, будешь воевать. Дома, — говорят, — не будешь боле жить. На войну пойдешь. И не бойся, — говорят, — на войны не будешь убитой никогда».

Вот попрощалиси оны с ним и ушли, еты калики перехожие. Он их благодарил: «Спасибо, дядецьки, что вы мне ноги дали». Ёны ушли. Ён говорит: «Сходить-ка мне к отчу да к матери».

Оны пожню чистят. Приходит на то место, разглядел: отец да мать попадали, отдыхают. А ён как напал ломить, напал с кореньем лес косить. Ён в полцаса столько нацистил, сколько они в неделю. Отец да мать испугалисе. Он говорит: «Не бойтесь, это я». Отец да мать как обрадовались: у сынушка объявилисе ноги. И ён сел к ним бесёдовать да рассказал: «И не буду я с вами боле сидеть. Поеду на войну».

Мать заплакала: «Да что ты, Илюшенька!»

Пришли домой. А старицек привел лошадку, малого жеребеноцка, худого. «О, — говорит, — купи мне эту лошадку». — «Куда тебе такое г⟨овно⟩? — «Да купи, три рубля всего».

Ну вот, ён по три утра гонял, по три росы покатал, и жеребёноцек лучше, стала лошадь хоро́ша, настоящая. Ну, ён недельку живет. «Ну, — говорит, — папа да мама, время приходит мне уежжать».

А у него палиця-то была раньше, палиця во сорок пуд. Лошадь обседлал и запоежжал. Отец да мать провожают, плацут: «Куды ты нас оставил. Ноги стали да всё». — «Дак что, — говорит, — раз мне велено». Едет путем-дорогою, близко ли, далёко ли. Приехал: три дороги. Первой дороги написано: «Поехать правою дорогою, так быть убитому». А в середню дорогу: «Ехать, так быть богатому». А в леву дорогу: «Ехать, так быть жонатому».

И ён стал да пораздумалсе: «На что, — говорит, — мне богачество, а на что мне женочество? А поеду-ко я во убитество».

Вот в убитество и поехал, где убитому быть, на коне на своем. А по этой дорожке двадцать лет ни у кого не ежжено, вся заросла. Вот немножко не доежжат версты две, а Змей как зарычал, так конь ёго на колена пал.

«Ох ты, конь, ты половой мешок! Этак будешь боиться, какой из тебя воин!»

К этому Змию подъежжат, так ён как там на семи дубах да на семи головах. «Ой, — говорит, — Илья, давай, — говорит, — сражаться». — «Я, — говорит, — того с тобой и еду». Ён спустился на пол и стали сражаться. Как Илья махнул этой палицей, у ёго три головы отпало. Ешшо отскоцило три, осталась одна. «Отсекать тебе, остатня голова, или нет?» — «А свези меня на дом посмотреть, там две доцери да жона. Оны тебя убьют».

Вот и идет. А девки-то выскоцили да видят, что едет лошадь, человек на лошади. Приежжает к дому, а девки-то глядят: «Ой, наш папенька едет да мужика везет». А потом поближе подъехали да разглядели. У их лопатки какие-то были. Оны его шшелнули. А ён говорит: «Ох, как комар укусил!»

Ну вот, ён проскоцил на землю, взял девку, на ногу вступил, за другую дернул и девок обоих концил. Жена молитсе, что: «Не убивай меня, оставь меня во живности».

А ён её схватил за тресу за заднюю и выкинул выше терему высокого. А у его (*у Змея*) ишшо склад пороховой у дому. А Илья-то взял да этот порох отворил, да по дороге рассыпал, а потом все поджег. Так этот клад-то, и дом-то, все сгорело. И приехал в Цернигов-град. А как церниговцы-то да вси обрадовалисе, что ён дорогу-то процистил.

«А мы этой дорогой двадцать лет не ездили».

Не знают, чем ёго наделить, Илью Муромца. А он етого у стремены везет. «Надь ехать в Киев-град, царю похвастать». Приехал в Киев-град, к самому к царю. Приехал, хвастает, его не знают, чем накормить, напоить, коню дают пшена белоярого. У Ильи-то Муромца спрашивают: «Этот ли зверь рыцал по-звериному и рыцал по-змеиному? Ну-ка, — говорят ёму, — рыкни!» — «Нет, — говорит, — я не ваше ем да кушаю, не вас и буду слушати. Меня нунь кормит Илья Муромец». — «Илья Муромец сын Ивановиц, заставь его рыкнуть, мы хоть послухаем».

А ён и говорит: «Как я заставлю, так вам жидко в ж⟨опе⟩ будет». Оны говорят: «Нам только послухать». — «Ладно. Рыкни, — говорит, — вполголоса».

А ён рыкнул во весь голос. Хрустальни окольници посыпались, а вси татары бураком пошли. Царь сам испугалсе видь. Он говорит: «Ой ты сволоць! Ведь я тебе вполголоса велел, а ты во весь голос!»

И ён ёго плеткой напорол. (*Сколько он ездил с ним на стремены — не знаю, не написано, это так говорится, что не написано.*)

№ 187

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА И ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ

Жил в городе Муроме в селе Карачарове Илья Муромец. Тридцать лет сидел он в углу, не ходил никогда, ни есть, ни пить никуда не ходил. Пришли к нему калики перехожие: «Встань, Илья Муромец, на свои резвы ноженьки, сходи во погреба глубокие, принеси ведерочко вина». — «А как же я схожу, если я тридцать лет с места не схожу?»

Он стал вставать и встал. Встал и пошел, сходил. И принес ведро вина. «Пей-ко ты, Илья Муромец, это вино!» Выпил он и почувствовал ен в себе силушки. «Какову же чувствуешь в себе силушку?» — «Ничего, — говорит, — хорошо. Вот было бы кольцо в земле, так мог бы ее и перевернуть». — «А сходи-ко ты, — говорит, — принеси-ко еще другую ведерочко».

И он опять сходил. «Пей, Илья Муромец, на один вздох». Ну, он и выпил опять. «Какову ты чувствуешь в себе силушку теперь?» Илья пошел по половиценки, так они ломятся, не несет мать сыра земля. «Ну, сходи-ко ты третью принеси». И он сходил, выпил третье ведро. У него силушки и приубавилось, стала носить его мать сыра земля. «Вот, — говорят, — за полем есть какая-то кнопочка. Ты нажми кнопоцку в земле и там стоит конь богатырский, а там и вся приправа для него. (*Была там и плетоцка шелковая.*) И ты на этом коне будешь ездить и тебе в боях будет смерть не писана».

Отец и мать пришли с работы, а он ходит. Отец-мать обрадовались. На другой день сходил снова на работу. Он там наработал, дрова навозил. На третий день он пошел коня искать. Нашел коня, а там всю приправу. Простился он с отцом-матерью.

«А поеду я, — говорит, — прямой дорогой в Киев через Чернигов». А там на прямой дорожке, там сидит Рахманин Соловей-разбойник. «Я поеду дорожкой прямоезжею — ни птицы пролетающею нет, ни конного, ни пешего, ни проезжего».

Ну и поехал он. Соловей как свистнет по-соловьиному, так трава повянет и человек валится, как по-звериному свиснет — леса с корнем валятся и земля дрожит.

Как Соловей свистнет по-соловьиному, как рыкнет по-звериному — леса с корнем вырываются и земля дрожит. И вот стал он подъезжать к Соловью-разбойнику, тут и земля затряслася, и с кореньев трава повяла, листья посыпались. Конь у него спугался и на колена пал. Ен плеточкой ему хлыстнул промеж ушей на голове. «А что ты, — говорит, — конь мой пугаешься? Ты, — говорит, — волчья выть, травяной мешок!» Конь у него спугался и на колени пал. Взял голову и к стременам привязал. «Что ты, — говорит, — конь мой, пугаешься свисту соловьиного, крику звериного?»

И едет к дому, а дома было три дочери, жена и три зятя. А старшая дочь увидала их и говорит: «Едет на коне наш батюшка и какого-то мужичонка с собой везет». Средняя так повторила, так говорит. А меньшая после: «Что вы, — говорит, — едет мужичина-деревенщина, нашего батюшку везет».

Звать стал, зятьев просит, чтоб им в бой идти. А ён им пригрозил, так они и боятся к нему близко подойти. А потом она и говорит: «А зовите-ка вы этого мужицка да деревенщину во любимое гостёбище. А садите-ка вы его за столы за дубовые, а угощайте-ка вы его явствами сахарными, а вина медовыми».

И они стали ему коритьце-кланятьце да зазывать его в любимое гостебище. А он не поехал к им. Даже не зашел. «Мне надо торопитца, я, — говорит, — поехал во Чернигов, а хотел попасть в Киев к князю киевскому, Владимиру-солнышко». А не попал, опоздал. Уже приехал к князевым палатам белокаменным и привез этого Соловья-разбойника и привязал у столба, а сам зашел в терем.

Князь киевский Владимир пришел только с церкви, и вот ён здоровается с им. Князь Владимир⟨у⟩ — красно солнышко целом бьет, но а поклон бьет по-церковному, привет дает по-писаному. «Я хотел, — говорит, — попасть к обедне в Киев».

Князь спрашивал его: «Какой же ты дорожкой ехал?» — «А ехал я дорожкой прямоезжею». — «А как же ты, — говорит, — ехал? Той дорожкой нет ни прохода ни конному, ни пешему. Там сидит, — говорит, — у реки Смородина, у березы у горбатою да сидит, — говорит, — Соловей маленький, не пропускает ни пешего, ни конного, не пролёту птицы не давая». — «Посмотри, — говорит, — князь Владимир-красно солнышко!»

Князь Владимир вышел на перилы посмотреть.

«У меня Соловей Рахманный у стремены висит». — «Вели-ко ты, — говорит, — этому Соловью Рахманному свистнуть по-соловьиному, рыкнуть по-звериному!» Свистнул вполголоса, рыкнул вполголоса — весь Киев встрепенулсе и стекла посыпались с окошек. Илья Муромец взял да вывез во чисто поле, да разорвал его пополам, и тут ему и смерть пришла.

И стали дорожкою этой все ездить и не стало этого разбойника.

№ 188

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

А ведь так у нас был вот Илья Муромец. Он, понимашь, и Соловья-розбойника убил, и чево там ни сделал ведь он... (*Ну, по правилам, ну, в былины-то ведь не припомнить всё законно... а всево́ там*!)

Родился он в городи во Муроме, во сели́ в Корочарови там, у такого-то отця-матери. Сидел он сиднем тридцеть лет — не мог никуда ходить.

Потом пришел к нему коле́ка перехожий, значит, милостыню просить. Он и говорит, что «не могу я, понимашь, дать вам милостыню: совсем не могу ходить тридцеть лет». «Встань, поди!» — говорит.

Он пошел. И потом, понимашь, он там... Ну как уж... Снаредил коня вот сам. Сам как-де он взял. И поехал во Киев-град, к князю Владимиру.

Он приехал, понимашь, к трем дорогам, и там надпись на столбах:

Вправо поехать, дак богатому быть,
А влево поехать — женатому быть,
А прямо поехать — убитому быть.

7 Зак. 3427

«А, с чево там может быть убитому!» — поехал прямо.

И вот, поехал мимо тово Соловья-розбойника. Он сидел на девяти дубах. И вот — свистал, поди, там по-птичьему, или как вперед по-змеиному еще.

Ну и вот. Дак вот — Соловей-розбойник засвистел, дак у Ильи Муромця́ конь чуть не на колени пал. Он говорит: «Чё ты, волчья сыть, травяной мешок, пугáессе птиц?!» И вот, значить, стрели́л в Соловья-розбойника. Ну, и тым там всем... стрели́л в правый глаз. Ну потом привязал ево к сумочке, привез в Киев-град, ко князю Владимиру.

А там было у ево пирование — у князя Владимира. Он ⟨Илья⟩ поставил коня, понимашь, на дворе и пришоу туда, поздоровалсе.

Князь Владимир: «Ты какою дорожкой-ти ехау к нам, Илья?» — «А ехал дорожкой прямоезжею». — «Как ты проехау?! Там же Со́ловей-розбойник!» — «А он, — г⟨овори⟩ть, — у меня там, знашь, привязано к седлу, к стременам. А на твоем двори́-де» (*смеется*).

Как он вышол — вышли все в этый во зиленой сад. Как он приказал ямý: «Начинай впóлсвиста сьвистать, Со́ловей!» Вот. (*Лукаво*). А он засвистел-то дак не вполсилы (*смеется*), так что все уже на кулéни попадали.

А потом ево убил там Илья Муромец, што ли... Вот так.

№ 189

ПРО ИЛЬЮ МУРОВЬЦА

Вроди... а у какого тебе... Сначала он вроди, вроди помню, што не ходил долго, ног не было. Ну вот, а потом пришол какой-то вроди нищий, ли што, милостыну просить. А он говорит: «Я бы дал вам(ы) милостыню тебе, да не могу встать». А он говорит: «Попробуй... попробуй!» — «А што пробовать, как я не хожу столько-то лет». — «Да попробуй, попробуй!» — «У меня, — говорит, — и ног ни... не пошевелить ногами». — «А попробуй», — говорит. Он но... ногами пошевелил. «Ну попробуй ноги снять». Он попробовал ноги снять. «Ну попробуй мне милостыну дать». — «Не могу ходить». — «А попробуй, стань на́ ноги». И вот на́ ноги встал и вот пошол, милостыну пода́л. С тех пор статно стал ходить. (*Вот, вот ето я запомнила.*) ⟨...⟩ А потом уж он воевал... Помню, што он... дедушко россказывал...

№ 190

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

... Й-она тоже Илью-то Муромца тоже россказывала как-то — й-он ведь, сколько, до десяти лет, али сколь, не ходил. Ёго́ ноги не владели и не ходили. ⟨...⟩ А-й это тоже как(ы) Илья Муромець-ты дак сидит под окошечком. Вси на ро́боту уйдут, а-й он пойти не мо́жёт. 'Ак сидит под окошечком, а идут странники. А говорит: «Мальчик, дай нам водички напиться!» А-й он говорит: «Я бы рад водички вам дать напитьцэ, дак у меня ножки ни влади́ют, я ни могу выходить». — «Ну, а да как же, как же там уж мы пить?..» (*мм...*) Странники раньше лапо́тьцы обу́я,

обу́я да ходют. (*У нас это быва́ эта ходили в Мурман... како́во... в Му́ромецку: Муромской там мона́стырь, да ходили бывало. Дома отец еще наш быка выростил, дак о́тдал, вот в Муромско* ⟨...⟩ *свели быка.*) ⟨...⟩ Попросил бы попить-то, попросили, а-й он говорит: «У меня ножки ни владиют, я пить не могу». — «Поди, — говорит, — поди, молоде́ц, — говорит, — ⟨...⟩ вытянишь на улушку, а покажи нам, где был родник». Й-он им показал, где родник, им показал родник, дал... А они напи́лисе-й оны воды. «Ну, поди, — говорит, — домой (к...) своима́ ножкамы, инь будешь ходить!» И-й он говорит, как только с родника с има́ напилсэ, и потом ходить стал...

(*Вот так бабушка всё россказывала много ле...*).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 191—215)

№ 191

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Старый казак Илья Муромец
Поезжает из города из Муромля,
Поезжает в тую субботу Христосьскую,
А надоть поспеть к заутрени Христосьския
Во стольный во город во Киев-град.
Поезжает Илья — сам выговаривает,
Кладывает-то заповедь великую:
«Ехать-то мне, добру молодцу,
Во пути мне-ка во дороженьке,
Рук чтобы мне не кровавити!»
Только видели молодца сядучись,
А не видели удалого поедучись,
И не знают, в кую сторону уехал он.
Как приправливал Илюшенька добра коня,
Скочил его добрый конь за версту за мерную;
Тут-то на столбе он надпись подписывал:
«Первая поезка Ильи Муромца».
Опять приправливал добра коня,
Скочил его добрый конь за версту за мерную;
Тут-то на столбе он подпись подписывал:
«Другая поезка Ильи Муромца».
Третий раз приправливал добра коня,
Скочил его добрый конь за версту за мерную;
Тут-то на столбе он подпись подписывал:
«Третья поезка Ильи Муромца».
Пошел, поскакал его добрый конь,

Реки, озера перескакивал,
А темные леса промеж ног пущал.
Приехал он во город во Бекетовец:
И наехала проклята погана Литва,
Одолели тут поганые татарове
Тыих мужиков бекетовских.
Ходят они во слезах во великиих,
Приходит на их кроволитье великое,
Хочут их бить поганые татарове.
Тут приехал Илья и раздумался:
«Всякой-то, братцы, заповедь кладывает,
А не всякой заповедь исполняет».
Как разгорелось его сердце богатырское,
Как почал он бить поганых татаровей,
Конем-то топтать и копьем колоть,
Прибил-то он поганых за единый час,
Не оставил поганых и на семяна.
Тут-то мужики бекетовцы
Молятся к нему они, клонятся:
«Ай же ты, удаленький добрый молодец,
Не знаем тебе ни имени, ни изотчины,
Коей ты орды, коей земли,
Коего ты отца, коей матери,
Царь ли ты, царевичь ли,
Король ли ты, королевичь ли?»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Есть я из города Муромля
Старый казак Илья Муромец». —
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Пожалуй к нам воеводою,
Будем мы тебя поить-кормить,
Вином-то поить будем допьяна,
Хлебом-солью кормить тебя досыта,
А денег давать тебе долюби». —
«Ах вы, братцы, мужики-бекетовцы!
Нельзя мне-ка зде жить,
Есть у меня кладена заповедь великая:
„Надоть поспеть к заутрени Христосьския
Во стольный-то город во Киев-град,
Ко стольному ко князю Володимиру"!»
Как тут мужики-бекетовцы
Насыпали ему чашу красна золота,
Другую чашу — чиста серебра,

Третью насыпали скатна жемчуга,
Подносят, подавают ему.
Принял старичек, сам проговорит:
«Это, братцы, мое зарабочее».
Распростился молодец, сам поехал вперед.
Ехал удалый по чисту полю,
Приезжает он, удалый, ко расстаночкам,
Ко тым ко расстаночкам Христосьскиим,
Ко тому кресту ко Леванидову.
Стоит столб белодубовый,
На столбе есть подпись подписана:
«Прямо как ехать, столько пятьсот верст,
А на окол-то ехать — семьсот верст».
Смотрит Илья на эту подпись-то:
«Как пряму ехать — живу не бывать,
Нет пути ни проезжему, ни прохожему, ни пролетному,
Сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
Захватывает вор-собака на семи верстах».
Стоит Илья, пораздумался:
«Прямоезжая дорога переломана,
Калиновы мосточки переворочены.
Не честь мне хвала молодецкая
Ехать той дорожкой окольноей:
А лучше поеду дорожкой прямоезжею!»
Скоро спущался он с добра коня,
Рукой он коня повел,
А другой начал мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы —
Наладил он дорогу прямоезжую.
Приезжает Ильюша к сырым дубам:
Сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
Захватывает злодей он на семи верстах.
Закричал как Соловей по-звериному,
Засвистал злодей по-соловьиному,
Замызгал собака по-собачьему.
Тут-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на коленки пал
От того от крику от зверинаго,
От того от свиста соловьинаго,
От того от мызганья собачьяго.
Бьет от коня промежу уши,
По тыим още по тугим ребрам:
«Ах ты волчья сыть, травяной мешок!

Разве не слыхал ты крику зверинаго,
Разве не слыхал ты свиста соловьинаго,
Разве не слыхал ты мызганья собачьяго?»
Самому молодцу не дойдет сидеть:
Скоро натянул он тугой лук,
Кладывал-то он стрелочку калёную,
Стрелил-то он Соловья-разбойника.
Стрелил-то он его во правый глаз,
А вышла стрела во лево ухо:
Пал тут Соловей на сыру землю.
Взимал-то он Соловья-разбойника,
Пристегивал ко стремени черкасскому,
Повез-то он Соловья с собой его.
Едет мимо Соловьиное поместьице,
Увидят Соловьиныя детушки,
Смотрят в окошечко косявчето,
Сами оны воспроговорят таково слово:
«Наш-то батюшка чужого мужика везет!»
Увидит Соловьиная молода жена,
Во окошечко по пояс бросалася,
Смотрит в окошечко косявчето,
Сама она спроговорит таково слово:
«Чужой-то мужик везет вашего батюшку».
Похватали оны тут шалыги подорожния.
Она им вспроговорит таково слово:
«Не взимайте шалыг подорожниих,
Не вас-то сто́ит ваш батюшка,
А попал во стремена во черкасския!
А лучше насыпьте чашу красна золота,
А другую насыпьте чиста серебра,
А третью чашу — скатна жемчуга,
Приходите с разговором-прелестью,
Улещите мужика, уговаривайте».
Тут оны бросали шалыги подорожния,
Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу — чиста серебра,
Третью чашу — скатна жемчуга,
И приходят с лестью, прелестью,
Улещают Илью, уговаривают:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Отдай-ка нам батюшку,
А на-тко тебе злата и серебра!»
Принимал он эти подарочки великие.

Принимает, сам выговаривает:
«Это, братцы, мое зарабочее,
А не отдам я вашего батюшку:
Он будет опять разбой держать».
Хочет Ильюшенька поехати;
У того у Соловья-разбойника
Была дочка Пелька, паленица удалая.
Едет Илья мимо самаго Соловьинаго поместьица,
Как хватила она подворотнею в сорок пуд,
Бросила она ею в буйную голову
Со тыих со выходов высокиих,
Чуть Илья на коне усидел,
Чуть Ильюша на коне не пал.
Тут-то Илья приотшатался,
Приотшатался, приомоштался,
Скоро выскакал с добра коня,
Хватил он эту девку Пельку, паленицу удалую,
Хватил за тресту за заднюю,
⟨...⟩
Как выскочила, вылетела она выше церквей соборниих,
Выше тых крестов животворящиих.
Пала она на сыру землю;
Тут у ней и кожа треснула,
Тут у ней рубашка лопнула
От белой шеи до ⟨...⟩
Поехал Илья ко городу ко Киеву,
Хотел поспеть к заутрени Христосьския,
А не мог поспеть к обеденьке Христосьския.
Заезжал он на широкий двор,
На широкий двор княженецкиий,
Ко тому ко столбу ко точеному,
Привязывал к кольцу ко золоченому,
Не расседлывал коня и не разнуздывал,
Скоро он шел по новым сеням,
Заходил он во гридню во столовую,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует хлебницу князя Владимира:
«Где есть князь Владимир стольно-киевский?» —
«Князь Владимир к обедне сшел».
Садился он на лавочку брусовую,
Ажно приходит князь Владимир стольно-киевский
От тыя обеденьки Христосьския.

Тут оны здоровье сдеяли,
Друг друга здравствуют:
«Здравствуешь, удалой добрый молодец!
Не знаю тебе ни имени, ни отчины,
Царь ли ты, царевич ли,
Король ли ты, королевич ли?» —
«Есть я из города из Муромля,
Старый казак Илья Муромец!»
Сели оны за стол хлеба кушати,
Белы лебеди рушати.
Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
«Поезжал я, добрый молодец,
Во тую субботу во Христосьскую,
Хотел поспеть к заутрени Христосьскии,
А не мог поспеть и к обедне Христосьския:
Обедня была на отходе зде.
А было путем-дорогою,
Было три помешки великия.
Первая помешка: приехал в город во Бекетовец,
И наехала проклята погана Литва,
Одолели тут поганые татарове
Тыих мужиков бекетовских.
Ходят они во слезах во великиих,
Приходит на них кроволитье великое,
Хочут их бить поганые татарове.
Как разгорелось мое сердце богатырское,
Как начал я бить поганыих татаровей,
Конем-то топтать и копьем колоть,
Прибил-то поганых в единый час,
Не оставил поганых и на семяна.
Вторая помешка: приехал к расстаночкам,
Ко тым расстаночкам Христосьскиим,
Ко тому кресту ко Леванидову —
Стоит столб белодубовый,
На столбе есть подпись подписана:
„Прямо как ехать, столько пятьсот верст,
А на околь-то ехать — семьсот верст".
Поехал я дорожкою прямоезжею.
Приезжал я ко сырым дубам:
Сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
Захватывает злодей он на семи верстах.
Закричал как Соловей по-звериному,
Засвистал злодей по-соловьиному,

Замызгал собака по-собачьему —
Тут мой добрый конь на коленки пал.
Скоро я натянул тугий лук,
Кладывал-то стрелочку калёную,
Стрелил-то я Соловья-разбойника,
Стрелил-то злодея во правый глаз,
А вышла стрела во лево ухо —
Пал тут Соловей на сыру землю.
Взимал-то я Соловья-разбойника
Пристегивал ко стремени черкасскому,
Повез-то злодея с собой его.
Третья помешка: у того у Соловья-разбойника
Была дочка Пелька, паленица удалая;
Как ехал мимо Соловьевое поместьице,
Хватила она подорожнею в сорок пуд,
Со тыих со выходов высокиих:
Чуть я на коне усидел,
Чуть я на коне не пал,
Скоро выскакал с добра коня,
Хватил эту девку Пельку, паленицу удалую,
Хватил за тресту за заднюю,
Как выскочила, вылетела она выше церквей соборниих,
Выше тых крестов животворящиих,
Пала она на сыру землю;
Тут у ней кожа треснула». —
«А видно ты, удалый добрый молодец,
А был на царевом большом кабаке!
Не напился ли зелена вина,
Не пустым ли, добрый молодец, хвастаешь?» —
«Ах же дурень, князь стольно-киевский!
У меня Соловей-разбойник у стремены у черкасския!»
Как тут оны все пометалися,
Пометалися оны, покидалися,
Бежат да трут промежу собой;
Прибежали как к Соловью-разбойнику,
Сами говорят, кричат ему:
«Ах ты, Соловей-разбойник сын Рахматович!
Кричи-тко, Соловей, по-звериному,
Засвищи, злодей, по-соловьиному,
Замызгай, собака, по-собачьему!»
Говорит Соловей-разбойник сын Рахматович:
«Не ваше я пью-ем-кушаю,
И не вас хочу и слушати».

Скоро оны поворот держат,
Приходят к Илье Муромцу,
Клонятся все оны, молятся:
«Ай же ты, Илья Муромец!
Позволь ты Соловью-то разбойнику
Закричать Соловью по-звериному,
Засвистать злодею по-соловьиному,
Замызгать собаке по-собачьему!»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Ай же ты, князь стольно-киевский!
Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрелен у меня во правый глаз.
Вышла стрела во лево ухо.
Налейте ему чашу зелена вина,
Весом чашу полтора пуда,
Мерой чашу полтора ведра».
Налили ему чашу зелена вина,
Весом чашу полтора пуда,
Мерой чашу полтора ведра,
Принесли к Соловью-разбойнику.
Принимал он чашу единой рукой,
Выпивал чашу за единый вздох,
Сам говорил таково слово:
«Другу чашу налейте пива пьянаго.
Чтобы весом чаша полтора пуда,
Мерой чаша полтора ведра;
Третью чашу налейте меду сладкаго,
Чтобы весом чаша полтора пуда,
Мерой чаша полтора ведра!»
Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,
Принимал он чашу единой рукой,
Выпивал чашу за единый вздох;
Тут Соловей пьян стал.
Проговорит Илья Муромец:
«Ай же ты, Соловей сын Рахматович!
Кричи, разбойник, по-звериному,
Свищи, злодей, по-соловьиному,
Замызгай, собака, по-собачьему!»
Закричал Соловей по-звериному,
Засвистал злодей по-соловьиному,
Замызгал собака по-собачьему,

Князи-бояре все мертвы лежат,
А Владимир-князь стольно-киевский
Заходил раскорякою,
Ходит князь, ему молится:
«Уйми Соловья-разбойника,
Чтобы не свистал по-соловьиному!
Оставь мне бояр хоть на семена!»

№ 192

О СТАРОМ КАЗАКЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

С той-то земли, с богатой Орды,
Со славнаго города со Муромца,
Со того ли села с Карачаева,
Как снаряжается да собирается
Удаленькой-упаленькой, дородный-добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец,
Не в дальнюю дороженьку, не в ближную —
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимеру.
А дал себе заповедь великую:
Простоять дома заутреню воскресенскую,
Поспеть к обедни воскресенския
Ко славному ко стольному ко городу ко Киеву;
Не брать туга лука со налучниками,
Каленой стрелы со колсанами,
Не вязать крепких палиц на бедро свое,
Не кровавить своей руки богатырския;
«Проехать мне дорожкой прямоезженой,
Что которою дорожкою
Тридцать лет было не езжено».
Шел он к заутрени ко раннии воскресенския,
Простоял заутреню воскресенскую,
Потом он шел на свой на широк двор,
Со широкаго двора шел на стойлы кониныя,
Брал он своего добра коня,
Не уздана, не седлана,
Выводил добра коня на широк двор,
Стал на широком дворе
Седлать и уздать своего добра коня.
Кидал потички на потички,

Войлочки на войлочки,
На верёх кладал новое седло черкацкое,
Натягивал двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивал тринадцату продольную,
Не для-ради красы-басы,
А ради укрепы богатырския;
Подпруги те были чистого серебра,
Пряжечки-шпильки были красного золота,
Стремена булата заморского,
Шелк-то был да шемахатныий:
Шелк-то не рвется и не трется,
Булат-то не ржавиет,
Золото не мидиет,
Серебро не зелизиет.
Потом пошел он в свои полаты белокаменны,
Надевал он платья дорожныя,
Молился тем крестам пречудныим,
Спасу и Пречистой Богородицы,
Прощался со светом-государем батюшком,
Говорил ему свет-государь свой-то батюшко:
«Ай же, старой казак Илья Муромец!
Поезжашь ты в дорожку во дальную,
Не берешь никакой приправы богатырския?»
Как он говорил ему таковы слова:
«Ай же, свет-государь мой батюшко!
Ведь кладена у меня заповедь великая:
Простоять дома заутреня воскресенская,
Поспеть к обедни воскресенския
Ко славному ко городу ко Киеву;
Не брать мне туга лука со налучниками,
Калёной стрелы со колсанами,
Не вязать крепких палиц на бедро свое,
Не кровавить своей руки богатырския;
Проехать мне дорожкой прямоезженой,
Что которой дорожкой
Тридцать лет было не езжено».
Только он взимал с собой
Один тугой лук посрывчатой,
Одну стрелочку калёную,
Для опасу великого да богатырского.
Тут пошел да на широк двор,
Садился тут да на добра коня,
Видели молодца на коня да сядучись,

А не видели добра молодца поедучись:
Одна куревка прокурила,
Куда поехал удалый добрый молодец.
Конь-то озера и реки перескакиват,
Малыя источины между ног пустит.
Он как выехал во далече-далече во чисто поле,
Как проехал он да по чисту полю,
Сам леса срывал да стружки строгал,
По стружкам-то он да кресты кладал богомольные,
На крестах да подписывал:
«Есть старой казак да Илья Муромец
Ко славному ко стольному городу ко Киеву
Во перву поездку богатырскую».
Сам услышал, как в той сторонке полуденныя
Шум и гам идут-то великие;
Стал как он да порослушался,
Сам да пораздумался:
«Ежели не ездить мне
На шумы и гамы на великие,
Съеду я ко славному городу стольному Киеву,
Ко славному князю ко Владимеру.
Солнышко князь стольно-киевский
На приезде удалых добрых молодцев
Он заводит-то для них столованье-почестный пир,
На поезде он жалует удалых добрых молодцев
Несчетной золотой казной,
На честном пиру нечим мне хвастати».
Взял как воротил он добра коня,
Как поехал на тот шум и гам на великиий,
Во ту сторонку полуденную.
Приехал как под город Смолягин:
Как тут стоит-то силушка поганая,
Стоит как силы много тысячей,
Стоят пановья-улановья, бурзы поганы тотарины;
Во пару-дыму лошадиноем
Днем не видно красного солнышка,
А ночью светлого месяца,
Около серому заюшку не обскакать,
Ясному соколу не облететь.
Он как стал да пораздумался:
От силушки отъехать не хочется,
И на силушку приукинуться не с чим,
Не взята приправа богатырская,

Не хочется кровавить свои руки богатырския.
Сам как спущался с добра коня,
Рвал левой рукой сырый дуб, крякновистый,
Привязывал ко левой к булатней ко стремены;
Тут опять рвал правой рукой
Сырый дуб крякновистый,
Брал как он да во праву руку;
Напустился на бурзов-поганых на тотаров,
Куда едет и машет — туда улица,
Перевернет-перемахнет — переулочок;
Не сколько сам бил, сколько конем топтал;
Ни один бурза-тотаринов
Не мог ни уйти, ни уехати,
Не оставил ни единого на семяна.
Тут отвязывал сырый дуб крякновистый,
Он от левыя от стремены,
Конь скакал как прямо чрез стены городовыя,
Заехал он в город Смолягин.
Как там мужики да смолягински
Все ходят во церковь соборную
От первого да единого,
Они каются-причащаются,
Со белым светом прощаются,
Во чисто поле на войну снаряжаются.
Он как приезжал ко церкви соборныя,
Спускался он как с добра коня,
Привязывал он добра коня
Ко столбичку точеному,
Колечку золоченому,
Сам шел во церковь соборную,
Крест-то кладал по-писаному,
Поклоны вел он по-ученому,
Клонился он на все четыре стороны,
Сам да говорил таковы слова:
«Ай же, мужики да смолягински!
На что вы каетесь-причащаетесь,
Со белым светом прощаетесь,
Куда, мужики, собираетесь?»
Они говорят таковы слова:
«Ай же ты, удаленькой да упаленькой,
Добрый молодец заезжий-дальний!
Мы не знаем, ты с коей земли, ты с коей орды,
Какого отца, какой матушки,

Как тебя именем зовут?
Под нашим городом Смолягиным
Стоит сила несметная,
Стоят пановья-улановья,
Стоят мурзы-тотары поганые:
Как серому заюшку не обскакать,
Ясному соколу не облететь;
Хочут наш город рубить-пленить, головней катить,
Хочут нас мужиков в полон забрать».
Он говорит таковы слова:
«Ай же вы, мужики смолягински!
Вы встаньте на стену городовую,
Посмотрите в чисто поле
На бурзов, поганых тотаринов,
Стоят или лежат, и что они делают?»
Как они скорым-скоро, скоро-наскоро
Вставали на стену городовую,
Глядили во далече-далече во чисто поле,
На бурзов, поганых тотаров —
Там лежат прокляты все убитые.
Как тут спускались скорым-скоро,
Со стены они с городовыя,
Шли к удалому молодцу,
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говорили сами таковы слова:
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодец:
Ты с коей земли, ты с коей орды,
Какого отца, какой матушки,
Как тебя, молодца, именем зовут?
Живи во нашем Смолягине воеводою,
Суды суди все правильно,
Мы не все будем тебя слушати». —
«Не дай Господи делати с барина холопа,
С холопа дворянина, из попа палача,
А также из богатыря воеводу!
Я из той земли, богатой Орды,
Из того города из Мурома,
Из села Карачаева
Старой казак Илья Муромец:
Не хочу жить у вас воеводою!
Покажите-тко дорожку прямоезженую
Ко славному ко городу ко Киеву».
Они говорят таковы слова:

«Ай же, старой казак Илья Муромец!
Окольная дорожка две тысячи,
Прямоезжая дорожка одна тысяча.
Лучше ехать окольной дорожкой две тысячи,
Что той прямой дорожкой одна тысяча:
Как ведь той дорожкою
Тридцать лет было не езжено,
Как на той дорожки прямоезженой
Есть три заставы великия:
Первая застава — болота зыбучия, корбы дремучия;
Друга застава — река матушка Смородина,
В ширину река ровно три версты,
В глубину глубока очень;
Есть-то за той рекой за Смородиной
Третья застава великая —
Сидит разбойник, Соловей-птица Рохманная,
На трех дубах на кряхновых,
На двух березах на покляпыих,
Свито гнездо соловьиное;
Мимо этого проклятого да Соловья
Нету пешему проходу, конному проезду, зверю прорыску,
Нету проезду сильныим могучиим богатырям:
Все побивает вздохом единым;
От свисту его змеиного, от крыку звериного
Помирают все удалы добры молодцы.
Ты не идь, удалый добрый молодец:
Падет твоя головка буйная под Соловьем!»
Он опять говорит таковы слова:
«Ай же вы, мужики смолягински!
После моего быванъица
Не случится ли вам путь
Ко славному ко городу ко Киеву?
Так поезжай прямой дорожкой самоезженой:
Не бойтесь вы болот зыбучиих, лесов дремучиих,
Не бойтесь вы проклятого Соловья,
Столько бойтесь вы одной реки Смородины!»
Сам поехал как той дорожкой прямоезженой,
Левой рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет,
Дубья рвет, все крякновисто,
Мосты мостит калёные,
Работат дорожку прямоезжену.
Как доехал до той реки до Смородины,

Как садился на добра коня,
Конь скочил через ту реку Смородину.
Как засвистал Соловей по-змеиному,
Закричал Соловей по-звериному —
Под ним ли добрый конь да на коленка пал.
Он скоро скакал да с добра коня,
Пинул коня он под брюхо:
«Ай же ты, волчья сыть да травяной мешок!
Неужто ты не слыхал посвисту змеиного,
Крыку звериного, писку-визгу тотарского?
Как тут всяк человек на свете завет завичал,
Но не каждый человек завет справлял;
Так же и мне быть своя заповедь нарушать,
Быть натянуть свой тугой лук,
Класть своя калена стрела».
Как тугой лук натягивал,
Калену стрелу накладывал,
Сам стрелочки да приговаривал:
«Лети, моя стрелочка каленая,
Выше лесу стоячего, ниже облачка ходячего,
Розлетись — пади Соловью в правый глаз,
Вылети, стрела, в левое ухо!»
Как вылетела стрелка выше лесу стоячего, ниже облака ходячего,
Как попала стрелка Соловью во правый глаз,
Вылетела стрелка во лево ухо:
Покатился Соловеюшко со гнездышком,
Будто сенная куча неподъемная.
Он брал Соловья за желты кудри,
Привязывал он желтыми кудерками
Ко левыя булатныя стремены.
Сам опять левой рукой коня ведет,
Правой рукой дубья рвет,
Дубья рвет, все крякновисты,
Мосты мостит да каленые,
Сам Соловью да приговариват:
«Сидел ты, птица-разбойник, на гнездышке ровно тридцать лет,
Видал экаго молодца пройдучись ли, проедучись?»
Соловеюшка на молодца поглядыват:
«Видно, я попал до во крепки руки,
Теперь уйти да мне некуда!»
Как стал подъежать ко посельям Соловьиным,
Глядят малы вьюныши да в окошечко:
«Родитель наша матушка!

Как батюшка-то едет да мужика везет!»
Как глядела большая дочь да в окошечко:
«Ай же, сестрицы родимые,
И родитель моя матушка!
Мужик как едет — везет нашего батюшку,
Прикована желтыми кудерками
Ко левыя булатныя ко стремени!»
Как он подъехал ко поселью к Соловьиному,
Как большая дочь Олена выскочила на широк двор,
Хватила она подворотню чигунную в девяносто пуд,
Держала замах она великий,
Хотела честнуть старого казака Илью Муромца,
Честным меж очи ясныя.
Он как знал увертки богатырския —
Увернулся от разу великого,
Столько попало ему по руки да по правыя;
Он тут пнул ее под ж⟨опу⟩,
Она ижно улетела через целой двор —
У Соловья был двор на семи верстах и на семи столбах —
Она у задней стены на ж⟨оп⟩и погалзыват,
Говорит она: «Меня черт бросил, а водяной кинул
С сильными богатырями биться-ратиться!»
Был двор на семи столбах, на семи верстах,
Около был булатный тын,
В середочки был сделан гостиный двор,
Было сделано три терема златоверхие,
Вершечки с вершечками свивалися,
Потоки с потоками сростался,
Крылечка с крылечками сплывалися,
Россажены были сады да зеленые,
Цвели да цвели все цветы лазуревы,
Подведена вся усадьба красовитая.
Тут они стали давать да за батюшка
Много несчетной золотой казны.
Стали давать денег три тысячи —
Не берет как он трех тысячей;
Стали давать да тридцать тысячей —
Не берет он как да тридцати тысячей.
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты бери-ка за батюшка
Хошь красного золота, хошь чистого серебра,
А хошь мелкого скачного жемчугу,
Сколько можь увезти ты на добром коне,

Унести на плечах могучих богатырскиих!»
Как он говорил таковы слова:
«Ай же, малы вьюныши Соловьиныи!
Не отдам я вам здесь Соловья да батюшка.
Через трои через суточки,
Складите все именье-богачество,
Всю несчетну золоту казну,
На тыи телеги ордынскии,
Катите ко славному ко стольному
Ко городу ко Киеву,
Ко солнышку князю ко Владимеру,
Может, там я вам отдам кормильца-батюшка».
Сам поехал ко славному ко стольному
Ко городу ко Киеву.
Как приезжал-то он во славный во город во Киев-то,
Столько отошла обедня ранняя да воскресенская.
Приезжал он ко солнышку князю на широк двор,
Становил как он да добра коня осередь двора княженеского,
Как сам Соловью да наказывал:
«Смотри, Соловей, не уходи от добра коня,
Береги, Соловей, ты добра коня:
От меня, Соловей, никуда не уйдешь!»
А сам добру коню наказывал:
«Ай же, мой добрый конь богатырскиий!
Уж ты паче всего береги проклятого Соловья,
Чтобы Соловей не ушел от стремен от булатныих!»
Сам как он пошел во полаты княженецкия,
Со полат проходил во гривны столовыя,
Крест-то он кладал по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
Клонится-то он на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину.
Как не узнал его солнышко Владимер-князь,
Сам да говорил ему таковы слова:
«Ай же, маленькой-удаленькой да упаленькой,
Я не знаю, как тебя именем зовут!
Садись с нами хлеба кушати-трапезовать:
На нижном конечку есть местечка немножечко;
Други местечка вси призабавлены,
Местечка вси позаняты:
Сидит у меня на честном пиру
Что князей, что бояринов,
Что сенаторов да думныих,

Что вельмож, купцов да богатыих,
Поляниц да удалыих,
И шестдесят росейскиих могучиих богатырей».
Как старому казаку те речи не прилюбилися,
Что на нижной конец садят хлеба кушати.
Как говорил старой казак таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимер-князь!
Сам ешь-кушашь с воронами,
Меня садишь с воронятами!
Не хочу я хлеба кушать с воронятами!»
Как солнышку князю те речи не прилюбилися,
Сам вставал да на резвы ноги,
Как сам стемнел, как темна ночь,
Сревел, как будто лев-то зверь:
«Ай же вы, росейские могучие богатыри!
Чтобы он мог бы нас назвать
Воронами и воронятами!
Берите под руку три богатыря
И под другую три богатыря,
Ведите его на широк двор,
Отрубите ему буйну голову!»
Как богатыри да принималися,
Под руку три богатыря
И под другую три богатыря.
Он правой рукой махнул —
Те мертвы лежат,
Он левой махнул —
Те тоже мертвы лежат.
Тут сказал опять как солнышко Владимер-князь:
«Берите под руку шесть богатырей
И под другу руку шесть богатырей,
Ведите его на широк двор,
Срубите ему буйну голову!»
Как под руку берут шесть богатырей.
Он правой рукой махнул —
Те мертвы лежат,
Он левой рукой махнул —
И те мертвы лежат.
Опять говорил солнышко Владимер-князь:
«Берите под руки что ни лутших шесть богатырей
И под другу тоже шесть что ни лучшиих,
Позади подьте шесть богатырей,
Ведите его на широк двор,

Срубите ему там буйну голову!»
Сдался вывести он на широк двор;
Как там разгорелось сердце богатырское,
Воспыляла кровь богатырская,
Не мог сдержать он рук белыих,
Как правой рукой махнул —
Все богатыри на земли лежат,
Кои мертвые, ины плавают окаракою,
А левой рукой махнул —
Ты мертвы лежат.
Как тут тугой лук натягивал,
Калену стрелу он направливал,
Сам своей стрелы приговаривал:
«Ты лети, стрела, об окошка княженецкия,
У окошек отстрели все маковки позолочены!»
Как обирал он эти маковки,
Пошел на царев кабак
Пропивать те маковки царския.
Набирал он голей кабацкиих,
Которые бы могли пить да зелено вино,
Как пошел-то он со всима на царев кабак,
Приходил-то он во царёв кабак,
Стал как он с голями пить зелено вино,
Стал пропивать княженецкия маковки.
Голи тут да засумлялися:
«Что-то нам от князя да будет,
Что-то нам от князя достанется:
Пропиваем мы его да маковки!»
Увидал он, что голи засумлялися,
Уж как сам говорит таковы слова:
«Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
Я заутра буду во Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями!»
Стали пить и не стали более сумлятися,
Стали Бога молить за удалого за молодца.
Как там солнышко князь стольно-киевский
Видит беду неминучую,
Потыкает свою ж⟨опу⟩ онучею,
Не знает, кто приехал ко городу ко Киеву:
«Ежели невежа поганая —
Русскому Богу не молился бы,
И нам он не клонился бы;
Какой ни будь русский богатырь!»

Как тут говорил молодой Добрыня Никитич:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Всех я знаю русских могучих богатырей,
Одного не знаю — старого казака Илью Муромца,
Я слыхал наслышкой человеческой,
Что у него на бою смерть на писана». —
«Делать нам нечего всем городом Киевом!
Видишь, у нас на широком дворе
Стоит добрый конь богатырскиий,
Ни к чему конь да не привязаный,
У коня стоит чудо чудное, диво дивное:
Как стоит тут у правыя у стремены,
Стоит проклятый Соловей,
Он прикован к богатырским булатным ко стременом.
Так кого послать позвать его да на почестный пир
Иль послать смелого Алёшу Поповича? —
Тот не умеет как позвать его,
То того посла не дождать будет.
Послать молода Чурилу сына Пленкова?
Того посла не дождаться будет,
Он не умеет как позвать его,
С того только дело щапить меж бабами и меж девками;
А надо послать грамотой вострого
На речах да разумного,
С гостями почестливого,
Послать тебя, Добрыня Никитинич!
Поди-ка, скажи ему таковы слова:
„Ай же, старой казак Илья Муромец!
Послал меня солнышко Владимер-князь,
Владимер-князь стольно-киевский,
Как просил тебя да на почестный пир;
Не узнал тебя, добра молодца,
Потому садил на нижной конец хлеба кушати;
А нынь просил тебя с усердия со радости великия,
Не велел на старо да гневаться!"».
Как тут пошел молодой Добрыня Никитинич сам он и думает:
«Не по смерть ли я иду да по скорую?
А ежели не послухать солнышка князя Владимера,
То нехорошо мне будет от солнышка князя Владимера!»
А ведь пошел да во царев кабак,
Приходил-то он на царев кабак,
Сидит тут старый казак да Илья Муромец,
С голями кабацкими пьет — прохлаждается.

Он не знат, отколь зайти:
«С переду зайти — хорошо ль ему прилюбится?
Да-ко я сзади зайду!»
Как сзади зашел, захватил его за плеча за могучия,
Сам говорил да таковы слова:
«Ай же ты, старой казак Илья Муромец!
Сдержи ты свои руки белыя,
Как скрепи сердце ретивое:
Как посла ни куют, ни вешают!
А послал меня солнышко Владимер-князь,
Он тебя не знал, добра молодца,
А потому садил тебя на нижной конец,
На нижной конец, хлеба кушати.
А просил теперь с усердия со радости великия,
Не велел тебе на старо да гневаться».
Как он обернулся, сказал ему:
«Ай же ты, молодой Добрыня Никитинич!
Ты тем счастлив, что с заду зашел!
А ежели бы, Добрыня, с переду зашел,
Столько бы с тебя, Добрыня, пепел стал!
Поди, скажи солнышку князю таковы слова:
Пусть-ко для меня, для молодца,
Розошлет указы строгия
По всему городу по Киеву и городу Чернигову,
Чтобы отворены были все конторы,
Кабаки и пивоварние,
На трои на сутки.
Чтобы весь народ пил да зелено вино.
Кто не пьет зелена вина,
Тот пил бы пива пьяныя,
Кто не пьет пив пьяныих,
Тот пил бы сладки меды.
Чтобы знали, что наехал старой казак Илья Муромец
Ко славному ко городу Киеву,
Пусть для меня, для молодца,
Заведет столованье почестный пир.
Ежели не сделает князь по-моему,
То он процарствует только до утрия!»
Как тот бежал скорым-наскоро
Ко солнышку князю ко Владимеру,
Сказал ему да таковы слова:
«Ай же, солнышко князь стольно-киевский!
Что действительно старый казак да Илья Муромец!

Тебе было приказано публиковать указы строгие
По городу по Киеву, по городу Чернигову
Растворить кабаки-конторы, пивоварние на трои на сутки,
Чтобы весь народ пил да зелено вино,
Кто не пьет да зелена вина,
Тот бы пил пиво пьяное,
Кто не пьет пива пьяного,
Тот бы пил меды сладкие.
Чтобы знали, что наехал старой казак да Илья Муромец,
А ежели князь не сделает по-моему,
То процарствует царь до утрия!»
Он скорым-скоро, наскоро
Послал указы строгия
По городу по Киеву и по городу Чернигову,
Чтобы отворены были все кабаки-конторы и пивоварние,
На трои на сутки,
Чтобы весь народ пил зелено вино,
Безданно, безпошлинно,
Знали бы, что наехал старой казак,
Старой казак да Илья Муромец
Ко славному городу Киеву.
Как тут забирал столованье-почестный пир,
Много князей, много бояринов,
Много сенаторов думныих
И вельмож, купцов богатыих,
Поляниц много удалыих
И росейских многих могучих богатырей.
Как тут в кабаках никто не пьет, не кушает,
Все едут ко солнышку князю Владимеру,
Не для соли, не для хлеба, не для бессчетной золотой казны,
А едут-то посмотреть удалого молодца,
Старого казака Илью Муромца.
Как на княженецкий двор сбираются,
Тихонько да пробираются во полаты княженецкия.
Так тут и приходит старой казак Илья Муромец,
С голями с кабацкима,
Как идет он во полаты княженецкия,
Проходит туды во гривны столовыя,
Крест кладет он по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому,
Кланяется на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиной Апраксией в особину.
Тут как солнышко князь

Вставал да на резвы ноги,
Брал старого казака за белы руки,
Целовал во уста во сахарные,
Называл старым казаком да Ильей Муромцем
Как стали садиться за те столы дубовые,
За скамейки окольнии, за ества сахарные,
Садят его на место на большее.
Не садился он на место на большее,
Садился на место на середнее,
Возле себя садил голей да кабацкиих.
Как начали есть-кушать, прохлаждатися,
Как все на пиру напивалися,
На почестном все наедалися,
Похвальбами они все да похвалялися,
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей малодецкою,
Иной хвастает добрым конем,
Инный хвастат славным отечеством,
Иной молодым молодечеством,
Умной-разумной хвастат старым батюшком и старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.
Как говорит да старой казак Илья Муромец:
«Ай вы, все князя-бояра, сенаторы все думныи,
Вельможи, купцы богатыи,
Поляницы удалые,
Сильные могучие богатыри!
Как вы все похвальбами похвалялися,
Кто былицей, инной хвастат небылицей;
А я как, старой казак, похвастаю:
Как я простоял дома заутреню воскресенскую,
Приехал сюды — только отошла обедня воскресенская,
Как я убил под Смолягиным
Силы тысячей несколько,
Было силушки — как серому заюшку не обскакать,
Белому соколу не облететь,
Во пару-дыму лошадиноем
Днем не видно было красного солнышка,
Ночью светлого месяца.
Да от Смолягина промостил тысячу верст, мосты все каленыя,
Болотами зыбучими да корбами дремучими;
На трех дубах на крякновистых,

На двух березах покляпистых,
Сидел Соловей-птица Рохманная,
Как было свито гнездо соловьиное.
Я не долго опущал его со гнездышка,
Я прикуивал желтыми кудерками
Ко булатным ко стременам,
Привез сюды ко славному ко городу Киеву;
Ежели на бессчетну золоту казну —
Он скупит вас и спродает,
Ежели на борьбу-удачу молодецкую —
Во чистом поле убьет он вас до единого:
От свисту змеиного, от крыку звериного
Помирают удалыя добрые молодцы!»
Так они говорят таковы слова:
«Ай же, удалый добрый молодец,
Старой казак Илья Муромец!
Ты сам небылицею хвастаешь:
Ты хвастай собой, а не другим!
Какой у тебя привезен Соловей-птица Рохманная?»
Тут старой казак Илья Муромец
Вставал да на резвы ноги,
Как бежал он на широк двор,
Он отвязывал от булатныя
От богатырския от стремена,
Как вел его во полаты княженецкия.
Как тут говорил солнышко Владимер-князь:
«Ну-ко, засвищи, Соловей, по-змеиному,
Закрычи, Соловей, по-звериному!»
Говорил Соловей таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Не у тебя я ел да кушал,
Не хочу тебя и слушать!»
Говорил старой казак да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Все мы у тебя на честном пиру
И все мы у тебя пьяны-веселы,
А у нас Соловей не пьян и не весел.
Налей-ко Соловью чару зелена вина —
Мера полтора ведра,
Весом полтора пуда,
Налей другую пива пьяного,
Налей третью меду сладкого,
Ты дай закусить колачик крупичатый, будто турей рог!»

Он налил чару зелена вина —
Мерой полтора ведра,
Весом полтора пуда,
Подавал единой рукой.
Он принимал единой рукой,
Выпивал он чару единым духом.
Наливал он пива пьяного —
Всего мерой полтора ведра,
Подавал он единой рукой.
Он принимал тоже единой рукой,
Выпивал единым духом.
Наливал третью меду сладкого —
Всего мерой полтора ведра,
Подавал он чару единой рукой.
Принимал он чару единой рукой,
Выпивал он чару единым духом,
Дал закусить колачик крупичатый, как будто турей рог.
Стал Соловеюшко похаживать —
Стали полатушки да покрякивать.
Как тут говорил старой казак Илья Муромец:
«Засвищи ты, Соловей, по-змеиному в полсвиста,
Закрычи, Соловей, по-звериному в полкрыку:
Как от меня, Соловей, смотри — никуда не уйдешь!»
Как тут засвистал Соловеюшко в полсвисту,
Закрычал Соловей в полкрыку —
По всему по городу по Киеву
Стары терема повалялися,
Новы терема пошаталися,
Околенки с окошечек посыпались.
У солнышка князя у Владимера
Во полатах ни одна околница
В окошках не минуется —
Все повылетели на улицу;
По всему еще по городу по Киеву
Бережи кобылы жеребились,
Поносны бабы розродились;
На честном пиру князя-бояра, сенатора думны,
Вельможи, купцы богаты,
Поляницы удалы,
Росейски могучи богатыри —
Все на зени лежат,
Сам князь плават окаракою.
Старой казак смеется во всю голову.

Как вси поросплавались,
Как все они да поразмалтались,
Все по стульям, по скамейкам покарабкались,
Сами говорят да таковы слова:
«Ай же ты, старой казак Илья Муромец!
Не спускай-ка Соловья боле на свою волю!»
Говорил Соловей да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
И старой казак да Илья Муромец!
Спустите меня да на свою волю:
Я повыстрою вкруг города Киева
Села со приселечками,
Улки с переулками,
Города с пригородками,
Монастыри все богомольные».
Тут говорил старый казак Илья Муромец:
«Ты, солнышко Владимер-князь!
Не строитель он вековый, а разоритель:
Разоришь ты остатнии села с приселами,
Города с пригородками!»
Тут говорят инные богатыри:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
И старой казак Илья Муромец!
Если спустить его на свою волю,
Убьет-то нас до единого!»
Как брали Соловья за белы руки,
Повели Соловья во чисто поле,
Копали погреба глубокие, стосаженныя,
Бросили его во погреб глубокиий, стосаженныий,
Решетками железными задернули,
Песками засыпали,
Травкой-муравкой замуравили.
Как тут через трои суточки
Накатили малы вьюныши Соловьиным,
Накатили многи телеги ордынския.
Обзарился на именье на богачество
Солнышко Владимер-князь.
Говорил старой казак Илья Муромец:
«Ай же, солнышко Владимер-князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назад отпустятся!
Ай же, малы вьюныши Соловьиныи!
Катите все именье-богачество,

Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вам от батюшка,
Будет пропитатися до смерти,
Не надо вам по миру ходить да скитатися!»
Они покатили именье — заплакали.
Теперь-то Соловью славы поют.
Тут-то узнали старого казака Илью Муромца,
По всим землям, по всим ордам,
По всем чужиим-дальниим сторонушкам.
Теперь Дунай, Дунай,
Боле века не знай!

№ 193

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Во городе было во Муроме,
Во том селе во Карачарове
Жил молодой Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
И ходил-то он к заутрины воскресныя,
И стоял-то он заутрину воскресную,
И завечал-то заветы крепкие:
«Поспеть к обедни воскресныя во Киев-град,
Проехать дорожкою прямоеждею».
Как запала тут дорожка тридцать лет:
Никто той дорожкой не прохаживал
И никто той дорожкой не проеждивал.
Да еще-то завечал другой завет:
«Проехать дорожкой прямоеждею,
Не марать-то сабли вострыя
В кровь поганую татарскую».
Еще-то в третий раз завечал завет:
«Проехать дорожкой прямоеждею,
Не стрелять-то стрелочки каленыя».
Отстоял он раннюю заутрину воскресную,
Выходил со церкви собороныя,
Приходил на свой широкий двор,
Говорил-то своим слугам верныим:
«Седлайте-ко, уздайте добра коня,
Добра коня Бурушка нееждянаго;
Кладите войлочки косивчаты,

На войлочки кладите ковано седелышко черкацкое,
Подпруг кладите до двенадцати,
И подпруги кладите шелковыя,
А стре́мены кладите булатния,
Того ли булата заморскаго,
Что медь не трется и булат не гнется,
Не для-ради красы-басы
А для-ради укрепы богатырския!»
Садился Илья на добра коня,
Палицу воинскую в тороки вязал,
Саблю вострую на берлук кладал,
А стрелочку каленую на колчан кладал.
Столько видели удалаго седевши,
А не видели удалаго поехавши.
Пошел-то его добрый конь в полтравы,
В полтравы и поверх воды,
И повыше деревца стоячаго,
И повыше облачка ходячаго,
Реки-озера между ног пущал.
И случилось Илье бывать на тех лугах на царскиих.
Облелеяла кровь поганая татарская:
Черну ворону в три году вкруг не облететь,
Серу волку в три году не обскакать.
Зговорил Илья таковы слова:
«Всяк человек завет завечает,
А не всякий завет справляет».
Скакал Илья со добра коня,
Захватывал сыро-матер дуб с кореньями,
Начал дубом помахивать:
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочек.
Скоро скажется, тихо сдеется.
Прибил-то он поганых татар до единаго,
Добрый конь скачет в руды до брюха.
Садился тут Илья на добра коня.
Случилось быть в городе во Тургове,
В том селе во Орехове.
Увидали его мужики турговцы,
Выходили они со Божьих церквей,
Выносили ключи на том блюде на золоте.
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодец!
Ты коей земли, коей орды,
Как тебя именем зовут,

И как величают по отечеству?» —
«Я из славнаго из города из Мурома,
Из того села из Карачарова,
Илья Муромец сын Иванович». —
«Возми-тко золоты ключи,
Будь-ко ты у нас воеводою,
Береги нас от поганых от татаровей!»
И говорит им Илья Муромец:
«Не умею быть воеводою.
Покажите дорогу прямоеждюю в Киев-град».
Говорят мужиченочки турговцы:
«Запала тут дорожка тридцать лет,
Никто по той дорожке не прохаживал
И никто по той дорожке не проеждивал.
Есть там три заставы великия:
Перва застава — грязь топуча, корба зыбуча;
А другая застава великая —
У той у славной реки у Смородиной,
У тоя березы у покляпыя
Есть гнездо на трех дубах,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Не пропустит он ни коннаго, ни пешаго;
Третья застава великая —
У Соловья дом стоит на семи дубах,
На семи дубах и на семи верстах.
Есть у Соловья семь сынов,
Восьма дочь Настасья Соловьевична,
Не пропустят они ни коннаго, ни пешаго!»
Говорили тут мужичонки турговцы:
«Возми-тко, Илья, золоты ключи
И живи у нас воеводою!» —
«Не умею быть воеводою.
А покажите мне-ка дорожку прямоеждюю».
И показали дорожку прямоеждюю.
Садился Илья на добра коня,
Столько видели молодца сядучи,
А не видели удалаго поедучи.
Он поезд держал во далече во чисто поле.
Случилось Илье быть у той грязи топучия,
У тоя ли у корбы зыбучия,
Тут скакал Илья со добра коня,
Левой рукой коня ведет,
А правой рукой дубья рвет,

Мостит мосты все дубовые.
И замостил мосты все дубовые.
Садился Илья на добра коня.
Случилось Илье быть у той реки, у Смородины,
У того гнезда у Соловьинаго.
Закрычал Соловей-разбойник зычным голосом,
У Ильи добрый конь на колена пал,
Он бил коня плеточкой шелковоей по тучным бедрам;
А сам коню приговаривал:
«Ах ты, волчья сыть, медвежий корм!
Не бывал во далече во чистом поле,
Не слыхал ты богатырскаго покрыку,
Не слыхал молодецкаго посвисту?»
Опущался Илья со добра коня,
Сам говорил таковы слова:
«Всякой человек завет завечает,
А не всякой человек завет справляет».
Он натягивал свой тугий лук,
Калёной стрелы приговаривал:
«Не пади-ко ты ни на воду, ни на землю,
А пади Соловью-разбойнику во правый глаз
И выходи во лево ухо,
Оброни-ко Соловья-разбойника о сыру землю,
Пролей-ко кровь по сыру дубу!»
Не пала стрела ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью-разбойнику во правый глаз
И выходила во лево ухо,
Обронила Соловья-разбойника о сыру землю.
Садился тут Илья на добра коня,
Подъеждял к Соловью-разбойнику,
И говорил Соловей таковы слова:
«Скажись-ко ты, удалый добрый молодец,
Ты коей земли и коей орды,
Как тебя именем зовут
И как величают по отечеству?»
Говорил Илья таковы слова:
«Родом я из города из Мурома,
Из того села из Карачарова,
Именем зовут Илья Муромец,
А кто пожалует — Илья Иванович!» —
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Илья Муромец сын Иванович!
Не предай-ко смерти скорыя!»

Взимал Илья Соловья на белы руки,
Привязывал тетивочкой шелковою
Ко той ко стремены булатния.
Садился тут Илья на добра коня.
Случилось быть у того у дома Соловьинаго,
И говорят меньши Соловьюноши:
«Едет наш сударь-батюшко
И везет мужика кована и вязана
У той стремены булатния».
И поглядели больши Соловьюноши:
«То едет не сударь-батюшко,
А мужик везет батюшка кована и вязана.
Вы взимайте-тко шалыги подорожныя
И бейте мужика-деревенщину,
Отымайте сударя-батюшка!»
Говорит-то их батюшко:
«Бросайте шалыги подорожныя,
Не дразните удала добра молодца,
А берите чаши великия
И подите в погреба во глубокие;
Насыпайте чашу чиста серебра,
А другую чашу красна золота,
Третью чашу скачнаго жемчуга:
Дарите удала добра молодца,
Не отдаст ли родителя-батюшка?»
Говорит удалый добрый молодец,
Илья Муромец сын Иванович:
«Мне подарок ненадобно,
И не отдам вашего батюшка».
А тут Настасья Соловьевична
Взимала подворотню девяноста пуд,
Ударила его, Илью Муромца, в буйну голову
Той подворотней девяноста пуд:
Только раздразнила удала добра молодца.
Тут скакал Илья со добра коня,
Пнул под г⟨узн⟩о левой ногой —
Она из угла в угол по двору начала перелетывать:
Нажила увечье вековечное.
И прибил он, не оставил ни единаго.
Садился он на добра коня,
Приеждяет он во Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимиру [на широкий двор]
И привязывал добра коня

9 Зак. 3427

Ко тому столбу точеному, колечку золоченому,
Сам Соловью-разбойнику наказывает:
«Стереги и береги моего добра коня».
Сам коню вдвое-втрое наказывает:
«Не упусти Соловья-разбойника кована и вязана».
Приходит Илья ко солнышку князю ко Владимиру,
Он крест кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому,
Кланялся на три-четыре стороны,
Солнышку князю Владимиру в особину.
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Скажись-ко ты, добрый молодец,
Какой орды, какой земли, кой отчины,
Какого отца и какой матери?»
Говорил Илья таковы слова:
«Родом я есть из города из Мурома,
Из того села Карачарова,
Именем зовут Илья Муромец,
По отечеству сын Иванович.
Как стоял-то я во городе во Муроме,
Во той во церкви во соборныя
И завечал-то заветы крепкие:
Выйти от заутрины воскресныя
И поспеть к обедни воскресныя в Киев-град,
Проехать той дорожкой прямоеждею.
И проехал я дорожкой прямоеждею,
А не поспел к обедни воскресныя,
Поспел к обеду государеву».
И говорит солнышко Владимир-князь:
«Илья Муромец сын Иванович!
Пустым ты захвастываешь:
Запала путь-дорожка тридцать лет.
На той дорожке есть заставы великия:
На первой заставе на лугах стоят поганые татаровья,
А другая застава — грязь топуча, корба зыбуча;
У той у славной реки у Смородиной,
У тоя березы у покляпыя
Есть у Соловья гнездо на трех дубах;
Еще застава великая —
У Соловья-разбойника дом стоит на семи дубах,
На семи дубах и на семи верстах;
Есте́ у Соловья семь сынов
И восьмая дочь Настасья Соловьевична».

Говорит Илья таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Проехал я дорожкою прямоеждею:
На тех лугах не царскиих
Прибил татаровей поганыих,
Не оставил ни единаго на семена;
Чрез тую грязь топучую
Замостил мосточки все дубовые;
У той реки у Смородиной
Убил Соловья-разбойника
И детей не оставил ни единаго.
И привез я Соловья-разбойника кована и вязана
У той стремены булатния!»
Тут выходил солнышко Владимир-князь
Из-за того стола за дубоваго,
Выходил на широк двор,
Увидал коня у столба точенаго, у кольца золоченаго
И увидал Соловья-разбойника кована и вязана
У той стремены у булатния,
И говорит солнышко Владимир-князь:
«Закричи-ко ты зычным голосом!»
И говорит Соловей таковы слова:
«Не тебя, а у кого ем-пью, того и слушаю».
Приходил со двора в палаты белокаменны,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
Илья Муромец сын Иванович!
Не пустым ли ты захвастываешь?
Заставь-ко ты Соловья-разбойника
Закричать зычным голосом, среднею прогласницею».
Тут-то выходили на широкий двор
И говорит Илья Муромец:
«Закричи-тко ты зычным голосом, среднею прогласницею!» —
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Отвяжи-тко ты меня от стремены булатния
И перевязывай мою головушку шелковым платком,
А перетягивай головушку тетивочкой шелковою.
Налей-ко ты чару зелена вина,
Мерою полтора ведра, а весом полтора́ пуда,
И подноси-тко Соловью-разбойнику».
Тут Илья Муромец сын Иванович
Подносил ему чару зелена вина.
Как взимает Соловей чару на белы руки

И выпивает на един дух,
И закричал-то он зычным голосом.
Солнышко Владимир-князь на коленка пал
Под левую пазуху Илье Муромцу.
Из того крику Соловьинаго
Во городе стеколышка с окончинок посыпались
И бабы поносныя разродились
И кобылы ... жеребились.
Говорит Илья Муромец:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Привез тебе Соловья в подарочках,
В подарочках и в гостинечках!»
А зговорил солнышко Владимир-князь:
«Не надо Соловья в подарочки,
А возми-тко, садись на добра коня,
Взимай Соловья на белы руки,
Отвези во далече во чисто поле,
Отруби ему там буйну голову!»
Тут садился на добра коня,
Отъеждял он во далече во чисто поле,
Отрубил Соловью буйну голову
И приехал взад к солнышку князю ко Владимиру.
И садил его за столы за дубовые,
За ества за сахарныя,
За напитки за медвеные,
И кормил-поил досыта,
И дарил его подаркамы велекима
За услугу за великую.

№ 194

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Того ли города он Муромля,
Из того ли нунь села да Карачаева,
А Илья да сын Иванович
Просит у родителя прощеньица,
Он прощенья просит с бласловленьицом
Ехать к городу Чернигову,
От Чернигова-то ехать нунь ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Дал отец прощенье с бласловленьицом

Ехать к городу Черниго́ву.
Он садился тут Илья да на добра коня,
Брал же в руки он да ту́гой лук,
А поехал он прямой дорожкой неокольною
А от города от Муромля,
А до города Чернигова.
Перевел стани́ больши разбойнички,
Он очистил тут дороженки.
Подъезжает тут он под Чернигов-град,
Где стоит тут войско бусурманьское
А й под городом Черниговым.
Тут не сделано ни выпуску, ни выезду
Что ли князю да черниговску.
Молодой Илья да сын Иванович
Он прибил же тое войско все бусарское,
Всих татар да всих поганыих,
Он очистил тут Чернигов-град,
Збавил князя да черниговска
От татар было поганыих.
Приезжает тут ко князю ко черниговску,
Князь черниговский зрадуется:
«Ты откуда, добрый молодец,
Ты коей земли, коей орды,
Как тя нарекают по отечеству?» —
«Я есть города от Муромля
Да села есть Карачаевска,
Да Илья же сын Иванович».
Принял его князь черниговской
Во великое себе-ка-ва гости́бищо,
Он дарил ему да честныи подарочки,
Подарил тут е орудию да богатырскую —
Подарил копье да ему вострое,
Да пожертвовал ён саблю ему вострую.
Тут поехал да Илья же сын Иванович
От Чернигова на Киев-град
А прямой дорожкой, неокольною,
А гди Со́ловей да сын Рахматович,
А сидит он на двенадцати дубах да сорочинскиих,
Не пропустит он ни коннаго, ни пешаго,
Бьет он свистом соловьиныим,
Покрыком своим звериныим.
Тут есть станы да разбойнички
Да артели тут великии

На прямой дорожки, неокольныи.
Тут поехал же Илья да сын Иванович
От Чернигова до Киева,
Перевел же станы вси разбойнички,
Он убил артели вси разбойников.
Подъезжае под гнездо да Соловьиное
Того Со́ловья Рахматова.
Засвистал же Соловей Рахматович,
Засвистал по-соловьиному,
Закрычал он по-звериному.
У Ильи сына Иванова
Добрый конь его да подтыкается,
Спа́дат со резвыих ног,
Падат он же на коленочка.
Говорит Илья Иванович:
«Ах ты волчья сыть, медвежья выть!
Что же ты да ноньче подтыкаешься?
Что ли ты не бывал да во темном лесу,
Не слыхал ты соловьинаго да по́свисту,
Не слыхал ли ты зверинаго да покрыку?
Ты ставай-ко на резвы́ ноги,
Ты вези-ко под гнездо да соловьиное,
Под того же было Со́ловья Рахматова!»
Подъезжае тут Илья да сын Иванович
Под того же Соловья Рахматова,
Под гнездо да Соловьиноё.
Как подъехал Илья да сын Иванович
Под гнездо да Соловьиное,
Он натягивал свой тугой лук,
Он натягивал тетивочки шелковыи,
А накладывал тут стрелочку калёную,
Стре́лил стрелочку во Со́ловья,
Во того да во Рахматова,
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрелочка
А во Со́ловья Рахматова,
И свалила тая стрелочка
Оттуль Со́ловья Рахматова,
А Рахматова разбойничка,
Повалился, будто сенная-та ку́чищо,
А до смерти не убило ли,
Только Со́ловья разило ли.
Илья да сын Иванович

Брал же Со́ловья Рахматова.
Брал Илья да за желты́ кудри,
Вязал Со́ловья Рахматова
Он ко левою ко стремены.
Тут садился на добра коня,
По́вез Соловья Рахматова
А й ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру
Через тот же было дом да Соловиныи,
Где живет же там жена е Соловьиная
Со своима там же деткамы.
А глядят же его детушки
Того Соловья Рахматова
Во косевчато окошечко,
Говорят же тыи детушки:
«Ах ты матушка, ты матушка!
Батюшка-тот еде, мужика везет!»
Была дочь да одноглазая,
А глядит она в окошечко,
А сама она да испроговорит:
«Ах вы глупыи вы детушки,
Неразумны наши детушки!
А не батюшка-тот еде, мужика везет,
А мужик-тот еде, везе батюшка!»
Говорит же Соловьина молода жена:
«Вы бежите-тко на широк двор,
Там здымайте подворотенку,
Подворотенку да вы серебряну,
А убейте мужика да на проезде тут
Во своих было воротах ли!»
Увидал же тут да Соловей Рахматович
Подворотенку здымаючи:
«Ах вы глупыи вы детушки,
Неразумныи вы детушки!
Вы зачим же нунь здымаете
Подворотенку серебряну?
Что ли у́бьете вы подворотенкой,
Как не мог-то я убить да еще раньше вас?
Вы зовите-тко в гостёбищо.
Вы дарите-тко подарочки,
Чтоб он оставил вам же батюшка!»
Звали во великое гостёбищо
Да Илью сына́ Иванова,

Выносили ёму честныи подарочки.
Не брал честныих подарочков,
Не оставил им же Со́ловья Рахматова,
Вез ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Приезжае он ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Тут же он приехал да на широк двор
К тым же ко полатам белокаменным,
Вяжет он коня да у столба да у точенаго,
У того кольца да золоченаго,
Зашел же во полаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Бьет челом да покланяется
А на всих же на четыре на сторонушки.
Князю со княгинушкой в особину:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевской!
Со своей было княгиною!» —
Спрашиват Владимир стольно-киевской:
«Ты откудова, удалый доброй молодец,
А коей земли, коей орды,
Как тя именем зовут,
Как тя нарекают по отечеству?» —
«Я есть города от Муромля,
А села да Карачаева,
А Илья да сын Иванович!» —
«А от города от Муромля,
От села да Карачаева
Вы куда-ка нуньчу ехали?»
Отвечае тут Илья да сын Иванович:
«Мы ехали да на Чернигов-град,
От Чернигова на Киев-град
А прямой дорожкой, неокольною».
Говорит ему Владимир стольно-киевской:
«Ай же ты, Илья да сын Иванович!
Тут великии артели да разбойников
На прямой дорожки неокольною!» —
«Вси разбойнички убитыи,
Вси дороженьки очищены!»
Спрашиват Владимир стольно-киевской:
«Под Черниговым да сто́ит войско бусурманское,
Всё поганыи татарова,

А стоит татар да много тысящей,
Заперт да Чернигов-град,
Нет ни выходу, ни выезду?!»
Говорит же тут Илья да сын Иванович:
«А убито тое войско бусурманское,
Да очищен тут Чернигов-град,
Что ль избавлен еще князь черниговской
А от тых поганыих татаровей!» —
«От Чернигова куды же вы тут ехали?» —
«Ехали да от Чернигова
От Чернигова на Киев-град
Ай прямой дорожкой неокольною,
Гди живет тут Со́ловей Рахматович».
Говорит ему Владимир стольно-киевской:
«Как же вы оттуда-ка проехали?
Тут великии артели е разбойников!» —
«А разбойнички убитыи,
Что ли станочки посо́жганы!» —
«Тут же Со́ловей Рахматович,
Он сидит на двенадцати дубах да сорочинскиих,
Не стрельбой-пальбой он бьет да человеческой,
Бьет же посвистом да соловьиным,
Бьет же покрыком звериным!» —
«Со́ловей Рахматович
На твоем да широком двори
У моей было у левои у стремены,
Он приве́зен нунь во Киев-град».
Князь да со княгиною
А скорешенько бежали да на ши́рок двор
Посмотреть да было Соловья Рахматова.
Выбегали тут на широк двор
К тому Соловью Рахматову,
Ай к Рахматову разбойнику:
«Ах ты, Соловей Рахматович,
Засвищи по-соловьиному,
Закрычи-тко по-звериному!»
Отвечае им же Со́ловей:
«Не у вас я хлеба кушаю,
А не вас я хо́чу слушати!»
Ай выходит тут Илья да сын Иванович.
Испроговорит Владимир стольно-киевской:
«Ай же ты, Илья да сын Иванович!
За́ставь Соловья да за́свистать.

Засвистать по-соловьиному,
Закрычать да по-звериному!»
Говорил Илья Иванович:
«Ах ты, Соловей Рахматович,
Засвищи-ко ты полу́свистом,
Закрычи-ко нунь полу́крыком!»
Соловей Рахматович,
А Рахматович разбойничек,
Засвистал-то он во весь же свист,
Закрычал-то он во весь тут крык.
Князь да со княгиною
Пали оны, о́мерли.
Как Илья же сын Иванович,
Как подскочит он ко Соловью,
К Соловью Рахматову,
А к Рахматову разбойнику,
Как отде́рнет да от стремены,
Как ударит о кирпичен мост —
Повернулись тут глаза-ты вон косицамы,
На четыре части голова тут лопнула.
А ростряс князя с княгиною,
Что ли солнышко Владимира,
А и князя стольне-киевска.
Испроговорит Владимир стольне-киевской:
«Благодарствуешь, Илья да сын Иванович,
Збавил нас от смерти от напрасныя!
Нареку тебе я имя да по-новому:
Быдь-ко ты казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
А живи-тко ты у нас во Киеви,
А отныне ты живи век по́ веку!»

№ 195

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Ай первая поездка Ильи Муромца
А от того ли-то от города от Муромля,
Из того ли-то села из Карачакова.
Ай справляется удалый, снаряжается
Старыи казак да Илья Муромец
А й во стольнёй во славный во Киев-град,

Ай ко ласкову князю на почестной пир.
Ай приходит-то Ильюня во Божью церковь,
Ай ко тыи заутрени ко раннею,
Ай налегает ведь Илья на себе заповедь,
Ай заповедь Илья себи великую:
Чтобы ехать ведь Ильюше да во Киев-град,
Ай не красть бы-то Ильюше да не во́ровать,
Не укинуться на прелесть бы на женскую,
Ай не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,
Ай не кровавить бы стрелочек каленыих,
А ехать бы дорожкой прямоезжею
Ай ко славному ко городу ко Киеву.
И он справляется, Ильюша, снаряжается,
Ай обувает-то Илья да черны чоботы,
А одевает-то он платьица дорожныи,
Надевает на головку пухово́й кивёр,
А обкольчужился Ильюша, он облатился.
Ай уздае, седлае коня добраго,
Налагае ведь он потнички на потнички,
Налагае ведь он войлоки на войлоки,
Полагает он седёлышко черкальское.
Это туго ведь он подпруги подтягивал,
Ай сам-то он, Илья, да выговаривал:
«А не для-ради красы-басы, братцы, молодецкия,
А для укрепушки-то было богатырскии».
Ай берет-то ведь Илья свой тугой лук,
Ай берет-то Илья саблю вострую,
Ай берет-то он копье да долгомерноё,
Ай берет-то он палицу военную,
Ай выходит-то Илья да на широкой двор.
Ай садился Илья на добра коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тут удалого поедучись.
А приезжает ведь он к городу Бекешовцю;
А окол ли того да города Бекешовця
Стоит много множество поганыих татаровей.
А заезжает-то Илья да во Бекешев-град;
И это начал он по улочкам побегивать,
А это начал про дороженку росспрашивать.
А заходит-то Илья да во Божью церковь,
А собиралисе все му́жики-бекешовци́
А во тую-то во церковь во соборную,
А все каются оны да причащаются,

Ай ко смерти оны все да зготовляются.
А тут старыи казак да Илья Муромец
А он глаза-ты ведь крестит да по-писаному,
Ай поклон-то он ведет да по-ученому,
Ай на вси стороны Ильюша поклоняется,
А челом-то он бьет да о сыру землю:
«Ай здравствуйте, вси мужики бекешовци!
Ай покажите вы дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку, прямохожую,
Ай через темныи леса да тыи Брынскии,
А через тыи грязи теперь черныи,
А через тое ведь поселье соловьи́ноё!»
Говорят-то ведь мужики-бекешовци:
«А не можем показать да мы дорожки прямоезжия.
А на наш ли на Бекешов-град
Наступило много ведь поганыих татаревей».
Это скоро тут Ильюша поворот держит,
Ай выходит-то Ильюша со Божьёй церквы,
Ай садился-то Ильюша на добра коня,
Выезжает-то Ильюша вон из города,
Вырывает он дубинку в три обо́ймени.
Это начал он дубинушкой помахивать,
А и начал он татар да тут охаживать,
Ай прибил, пригубил до единой головы,
А дубинку на лозинки всю поросщолкал.
Это скоро тут Ильюша поворот держит,
Заезжает он во город во Бекешовец:
«Ай же вы, мужики-бекешовцы!
Ай покажите вы дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку, прямохожую,
А во славный во стольнёй во Киев-град!»
А воспроговорят тут мужики-бекешовцы:
«Ай же ты, удалой доброй молодец!
Ай живи-ко ты у нас да воеводою,
А береги-тко город наш Бекешовец».
А воспроговорит Илья таково слово:
«Ай не буду ведь я жить да воеводою,
Ай покажите вы дорожку прямоезжую».
А это тут-то мужики-бекешовци
А насыпали оны чашу красна золота,
А другую насыпали чиста серебра,
А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тут Ильи да во подарочках.

Ай не берет Илья да злата-серебра,
Ай не мелкаго скатного жемчуга.
Ай говорят да мужики да тут бекешовци:
«Ай же ты, удалой доброй молодец!
А не проехать ти дорожкой прямоезжею,
А зарасла тут дорожка да темным лесом.
А на той-то на пути да на дороженки,
А у той-то ведь у грязи да у черные,
А у той-ли ведь у речки у Черниговской,
А сидит Со́ловей-разбойник он Рахме́нтович,
А сидит Соловей-то он да на семи дубах,
Это в восьмыи березищи покляпыи.
А засвищет он да по-змеиному,
Закрычит ли-то он по-звериному,
А жолты пески со кряжиков посыплютсе,
А темны лесы к сырой земли приклонятсе,
А побьет-то он те́бя своим голосом».
Ай воспроговорит Ильюня таково слово:
«Ай же вы, мужики-бекешовци!
Ай покажите вы дорожку прямоезжую».
Ай показали тут дорожку прямоезжую.
Ай садился тут Илья да на добра коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тут удалого поедучись.
А не буйныи-ты ветры тут завеяли,
А поехал тут удалый доброй молодец
Этой-той ли да дорожкой прямоезжею,
Ай прямоезжею дорожкой, прямохожею.
А приезжает ведь он скоро ко темным лесам,
Ай ко тые грязи да ко черные,
А розвалилисе тут мостики дубовые,
А больше тут Ильюне ехать не́куды.
А спущался тут удалый со добра коня.
А ведет коня-то он на поводи,
А й правою рукой дубья-колодья рвет,
А про себя Ильюшенка он мост мостит,
И проезжает-то Ильюша ровно тридцать верст.
Ай садился-то Илья да на добра коня,
Приезжает-то Илья ко той ли речки ко Черниговской,
А он слышит тут гнездо да Соловьиное.
А сорывает он, Илья, да маков лист,
А затыкает он, Илья, да уши в го́ловы.
А увидел его Соловей-разбойник да Рахме́нтович,

Ай закричал-то он ведь по-звериному,
А свистнул-то он по-змеиному,
А ино мать сыра земля продрогнула,
А со кряжиков песочики посыпались,
А во реченки вода вся помутиласи,
А темныи лесы приклонилисе,
А богатырской конь да на коленка пал,
Ай молодой Илья одва с коня не пал.
А бьет-то он коня да по тучным ребрам:
«Ай волчья сыть да травяной мешок!
А по́ лесу ты, конь да мой, не хаживал,
Ай воронинаго ты крику так не слыхивал?»
А подъезжает он ведь к кустику ракитову,
Вынимал Ильюнюша ножищо да кинжалищо,
А вырубил он стрелочку ракитову,
Ай натягивал Ильюшенка свой тугой лук,
И налагает ведь он стрелочку ракитову,
А сам он ко стрелы да приговариват:
«А ты лети, моя стрела, не в темной лес,
А ты лети, моя стрела, да не в чисто полё,
Ай лети ты Со́ловью ему в право́й-от глаз,
А вылетай-ко ты, стрела, да во лево ухо!»
А стрелил ведь он ту стрелочку ракитову,
Ай пала стрелочка розбойнику во правый глаз,
А вылётала-то она да во лево́ ухо.
Покатился он оттуда, что овсяный сноп;
А берет его Илья да за белы́ руки,
А вязал-то к стремени да ко булатнии,
А повез-то ведь Илья его во Киев-град.
Приезжае ко поселью к Соловьиному,
Увидали-то Илью да его детушки:
«Татенька-тот едет, мужика везет!»
А взглянула-то его да молода жона:
«Мужик-от едет, Соловья везе».
А тут-то дочка его бо́льшая
А выбегала-то она да на широкий двор,
А хватила подворотню в девяносто пуд,
А хочет-то ударить Илью в голову;
А поворотушки-ты были молодецкии,
А знает он пошибки вси девочьии,
А пинает-то девку Илья по́д гузно,
А бьет-то он девку по белы́м груда́м,
А улетела тут девка за широкий двор.

Ай говорил тут он, розбойник, таково слово:
«Ай же ты, моя да молода жона,
Ай же вы, мои да малы деточки!
Ай насыпайте три телеги злата-серебра
Ай старому казаку Илье Муромцу,
Ай просите-тко меня да на свою волю!»
А не берет Илья да не злата, ни серебра:
«Ай твой живот да есть неправедён».
А повез-то он ко городу ко Киеву
И ко тому ко князю ко Владимиру.
А приезжает-то он скоро да во Киев-град,
И поспел ведь тут Илья ко тые ко обедени ко поздные.
Ай становил-то он коня на княженецкой двор,
А вязал коня к столбу точеному,
Ай ко тому кольцу ко золоченому.
Ай приходит-то Илья да во Божью церковь,
Ай ко тые обедени ко поздные,
А он крест-то сложил да по-писаному,
А поклон-от он ведет да по-ученому.
И отстояли оны поздную обеденку.
И на вси стороны Илья да поклоняется,
А князю со княгиною в особину.
Ай солнышко Владимир стольнё-киевской
А зовет-то князей да на почестной пир,
А сильниих могучиих богатырей.
И заходили тут во гридню княженецкую,
Ай в княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовыи,
А за тые ли за скатерти за браные,
А за тые ли за естви за сахарнии,
И хлеба-то соли да их кушати,
Ай белого лебедя порушати.
А Владимир-от-князь да стольне-киевской
А сам он на Ильюнюшку посматриват,
Ай таково слово князь да выговариват:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Ай коёй ты орды да коёй земли,
Ай как-то тебя зовут по имени,
А звеличают-то тебя да по отечеству?»
А воспроговорит Илья да таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольне-киевской!
А я есте́ из города из Муромля,
А из того ведь я села да Карачакова,

Еще старыи казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Ай воспроговорит Владимир таково слово:
«Ай когда же ты выехал из города из Муромля?»
А на то ему Илья да ведь ответ держал:
«А сёгоднёшняго дня простоял я ранныи заутрены,
А поспел я сюда ко тыи ли ко обедени ко поздныи».
А говорит Владимир таково слово:
«Ай же ты, старыи казак да Илья Муромец!
Ай какой же ты дорожкой проезжал сюды?»
Зговорит-то ведь да таково слово:
«А ехал я дорожкой прямоезжею,
А прямоезжею дорожкой, прямохожею». —
«А видал ли ты у речки у Черниговской,
А видал ли ты розбойника Рахментьева?»
А говорит-то ведь Ильюша таково слово:
«А привез я розбойника его сюды,
А теперь розбойник-то у стремены́ висит!»
А приказал-то ведь Владимир-от-князь да стольне-киевской,
Ай приводил его Ильюня на почестный пир.
Зговорит тут солнышко Владимир стольне-киевской:
«Ай ты, Со́ловей-розбойник Рахментович!
Закричи-тко ты, розбойник, бо́льшею прогласицой,
А закричи-тко ты да по-звериному,
А засвищи-тко ты, розбойник, по-змеиному!»
Воспроговорит розбойник таково слово:
«Ай же ты, Владимир стольнё-киевской!
Не твое ли-то я ем, я ведь-то кушаю,
Не хочу я тебя, князя, слушати».
Испроговорит Владимир таково слово:
«А старыи казак да Илья Муромец!
Ай прикажи-ко закричать да ты розбойнику».
Воспроговорит Ильюня таково слово:
«Ай ты, Соловей-розбойник да Рахментович!
Ай закричи-тко ты да гласом нижним!»
Это Соловей-розбойник да Рахментович
А скричал-то он да гласом своим нижниим,
Ай маковки со теремов посыпались,
А хрустальние околенки розлопали,
А все ли заходили окаракою,
А князь-то Владимир — он со стула пал,
А три часу он, князь, да без души лежал.
А это скоро ведь-то князь да пробуждается,

А говорит-то князь да таково слово:
«Положу я тя во Киев-град да воеводою!»
Ай говорит-то ведь розбойник таково слово:
«Ай положишь ты меня да воеводою,
А все будут во Киеви от меня вояти,
А сердце мое да есть розбойницко!»
Ай говорит-то ведь Владимир стольне-киевской:
«А положу я тебе в манастырь Благовещенской строителём!»
А говорит-то ведь розбойник таково слово:
«А не строитель я буду, манастырю розоритель ведь!»
Ай берет его Илья за тыи ли за рученки за белыя,
А выводит-то Илья да во чисто полё,
Ай привязал-то ведь Илья его на сы́рой дуб,
А натягивал Ильюшенка свой ту́гой лук,
Накладает ведь он стрелочку каленую,
А стрелил-то он розбойнину во белу грудь,
А роздробил-то тут его да белу грудь —
А и полно тут розбойнику розбойничать.
Это первая поездка Ильи Муромца,
А по тыих мест поездка да кончается.

№ 196

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Поезжает он во далечо-далечо чисто поле.
Поезжает он прямохожею,
Прямохожею дорожкой, прямоезжею,
Через тот ли через град через Черниговской,
Через тую грязь да через черную,
И ко стольному ко городу ко Киеву,
И ко ласкову князю ко Владимиру.
И уж едет через град через Черниговской,
Уж спрашиват у старичков у черниговских:
«И куды мне-ка попасть эта́ будет
Прямохожою дорожкой, прямоезжою,
Через тот ли через град через Черниговской,
Через тую грязь да через черную,
Через тую речку да Смородину?»
Говорят тут старички тыи черниговскии:

10 Зак. 3427

«Еще тридцать лет дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, задубровела.
Там сидит на той дорожке Соловей-разбойничок,
Ен сидит тут да есть на трех дубах.
Как ведь пешому тут нет проходища,
Лошадиному ведь нету тут проездища,
И ведь птицы нету тут пролетища».
Как поехал тут ведь да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Уж он едет через град через Черниговской.
Уж как в том ли гради во Чернигови,
Тут ведь стоит ли ведь войско несметочно.
Уж он поехал тут по́ рать-силы великии,
Уж он несколько тут ведь бьет да на отмашину,
Уж он только больше да конем топчёт.
Уж перебил он ту рать-силу великую.
Уж как выходят старички тут черниговски:
«Ай же ты, старыи казак Илья Муромец!
Ты живи-тко у нас полны́м хозяином:
Золота тебе казна не запрещоная,
Уж что тебе угодно, то и со́творяй». —
«Уж мне не надоть ли ведь вашой золотой казны,
У мня золотой казны бессчетны́й тут есть,
Только покажите мне дорожку прямохожую,
Прямохожую дорожку, прямоезжую».
Уж поехал тут казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Уж он едет-то мимо то Соловьитое гнездышко.
Уж как сидит-то Соловей тут разбойничек,
Уж сидит ли тут на трех дубах.
Засвистал тут Соловей-разбойничок,
Засвистал тут Соловей по-змеиному,
Закричал злодей — он по-звериному.
Уж его добрый конь упал на коленочка.
Говорит старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
«Уж не слыхал ли разве свисту соловьиного,
Аль ты крику змеинаго?»
Уж натягал он тут лук да калёну стрелу,
Уж он стрелял Соловья тут розбойничка,
Уж он стрелял его да во правыи глаз.
Вылетела ёго стрелка во лево ухо,
Уж повалился Соловей да тут розбойничок,

Уж он с трех дубов, как овсяный сноп,
О сыру землю.
Уж он привязывал Соловья да тут розбойничка,
Уж ко булатнии уж он ко стремены.
Уж он едет мимо то соловьитое гнездышко,
Уж как глядят его рожоныи детушки:
«Ай же ты, родитель наша матушка!
Уж как едет наш да тут батюшко,
Везет голову да человечьюю,
Ай другу везет да лошадиную».
И как глядит его родитель-та да матушка:
«Ай же вы, рожоны мои детушки!
Как не батюшко везет да голову человечьюю,
Ай другу везет да лошадиную,
Только ваш есть батюшко у булатнии ён у стремены!»
Уж как проезжают оны к Соловьитому-то гнездышку,
Он прибил то Соловьитое-то гнездышко.
Уж он едет тут ко городу ко Киеву,
Ай ко ласкову князю ко Владымиру.
Уж приезжает он ко городу ко Киеву,
Приезжает он ко князю Владымиру,
Приезжает тут на широк двор,
Уж он приходит тут во гридню во столовую.
Говорит тут Владымир-князь столно-киевской:
«Ай же, старыи казак Илья Муромец!
И ты которой же ведь ехал дорожкою:
Прямохожею ли дорожкой, ли окольною?» —
«Уж я ехал ведь дорожкой прямохожею,
Прямохожею дорожкой, прямоезжею,
Уж мимо того Соловья да розбойничка».
Уж говорит тут Владымир-князь столно-киевской:
«Уж как у нас на той дорожки прямохожею,
Как тут сидит Соловей да розбойничок:
Уж как пешому нету проходища,
Лошадиному нету проездища,
И ведь птицы нету тут пролетища —
Уж как сидит тут Соловей да розбойничок».
Уж говорит тут ведь ён да таково слово,
Еще старыи казак да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
«Уж Соловей да розбойничок,
Уж у меня он на белом двори,
У булатнии он у стремены».

Уж выходил тут Владымир-князь столно-киевской,
Уж он выходил тут да на белой двор,
Сам он говорил да таково слово:
«Еще ай ты, Соловей да розбойничок,
Засвищи-тко ты ведь свистом соловьиным,
Закрычи-тко ты, злодей, да по-змеиному!»
Говорит тут Соловей да розбойничок:
«Еще ай же ты, Владимир столно-киевской!
Уж не твоё я ведь ем-пью да ведь кушаю,
И не тебя я буду и слушати.
У кого ем-пью да я кушаю,
Дак того я буду и слушати».
Уж как приходит Владымир столно-киевской:
«Уж ты, старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Ты заставь-ко засвистать Соловья по-соловьиному,
Закрычать тут злодея по-змеиному».
Как выходит старыи казак Илья Муромец,
Уж он выходит тут на белой двор,
Уж он говорит Соловью да розбойнику:
«Еще ай ты, Соловей да розбойничок!
Засвищи-тко, Соловей, по-соловьиному,
Закричи, злодей, да по-змеиному!» —
«Ай же старыи казак Илья Муромец!
Уж как дай-тко мне головушку лошадиную
Ты купи-тко зелена вина полтора ведра».
Уж выпивал ён тут чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
Уж выпивал он чару на единой дух,
Уж он сам он говорит таково слово:
«Еще старыи казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Еще как мне-ка́ да буде засвистать:
Еще в полсвиста, али́ во целый свист?»
Говорит тут старыи казак Илья Муромец:
«Засвищи-тко, Соловей да розбойничок,
Закрычи, злодей, по-змеиному,
Засвищи ты хоть тут в полсвиста!»
Уж засвистал тут Соловей да разбойничок,
Засвистал он свистом соловьиным,
Закрычал злодей да по-змеиному.
Как во том во царстви во Киеви
Уж вси околенки да пороссыпались.

Уж говорит тут Владымир столно-киевской,
Столно-киевской да князь Владымирской:
«Ай же ты, старыи казак Илья Муромец!
Ты уйми-тко Соловья свистать розбойника.
Ты уйми-тко свúстать свистом соловьиным,
Да крычать злодея по-змеиному!»
Уж как тут ведь старыи казак да Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Уж натягал ён лук, калену стрелу,
Каленýю стрелочку розстрельчату,
Уж тугúи лук да ён розрывчатой,
Уж застрелил тут Соловья да розбойничка.
И тут ёму да ён ведь смерть придал.

№ 197

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ай как из города да из Мурома,
А из того села Коротяева,
Ай как справляется, воружается
Ай как удаленькой да дородненькой,
Ай как дородненькой добрый молодец,
Ай нынь как старыи казак Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович.
Он справляется да воружается
Ай как во тот ли во славный да во Киёв-град,
Ай как на тот ли он на славной на почестен пир,
Ай как ко солнышку князю Владимиру стольнё-киёвску.
Ай он берет себе да добра коня,
Берет Бурушка да косматушка,
Ай как не седлана добра коня берет, не уздана,
Ай как не уздана берет, не обкольчужена;
Стал он Бурушка осядлывать,
Стал косматушка да обкольчуживать:
Ай на главу в-первы́х клал лошадиную,
Ай он как клал уздицю тесмяную,
Как не ради клал красы-басы молодецкою,
Ай ради крепости крепил он богатырскою.
Ай на спину-ту клал он лошадиную
Двенадцать потников, двенадцать войлоков,
Ай на верх-то клал седёлышко черкальское,

Ай как не ради клал красы-басы молодецкою,
Ай ради крепости крепил он богатырскою.
Ай он двенадцать нынь вязал подпругов шелковыих,
Ай ради крепости крепил-то всё да богатырскою.
Ай как подпруги у его седёлышка да шелковыи,
Ай как того шолку ли китайскаго,
Да славнаго того маханскаго.
Ай как ведь пряжечки нынь были медныи,
Ай как той меди казанскои.
Ай маханский шолк да не со́рвётся,
Как казанская медь да не ржа́веёт
Ай стремена булат-железа нынь крепкаго не подогнутся,
Ай тут не красы-басы креплёно молодецкою,
Ай ради крепости нынь креплено богатырскою.
Ай только видели добраго молодца
Ай на доброго коня вид'ли сядучись,
Ай как не видели его, удалаго, да поедучись:
Ай только одна куревка по чисту полю да поку́рила,
Ай как от буйнаго ветрушка нынь зимою снег завивается,
Ай также тут от стара́ казака, от добра коня,
Ай от сырой земли песок-то кверху поднимается.
Ай он приехал нынь на чисто полё к трем же ро́сстаням:
Ай нынь как первая росстань — во Киев-град,
Как другая росстань — во Чернигов-град,
Ай нынь как третья-та росстань — дорожка прямохожая,
Прямохожая да прямоезжая.
Ай только нынь как на той пути на богатырскии,
Ай как на той дорожки прямоезжии
Ай как стоит там сила-ратищё да великая.
«Ай мне не честь хвала молодецкая,
Как мимо силушку да проехати,
Ай не побиться мне, не пораниться,
А на бою-то мне, стару казаку, да смерть не писана!»
Ай как стоит там сила великая,
Ай стоят пановья да улановья,
Ай как поганыи да татаровья.
Ай он приехал ко той ко силы, ко ратищу,
Ай соходил ведь он с добра коня,
Ай ён как пал коню во праву ногу:
«Ай уж ты Бурушко мой, косматушко!
Ай пособи-тко мне, помоги-тко мне,
Ай как побиться мне, как пораниться
А со пановьямы, со ула́новьямы,

Ай со поганыма со тата́ровьямы!»
Ай пошол его добрый конь, как ясён сокол.
Ай тут ведь стар казак Илья Муромец сын Иванович
А ён как рвал сыры́и дуб да крякно́вистой,
Ай воротил он дуб из сырой земли со каменьямы, со кореньямы,
Ай стал он тут сыры́м дубом да кряко́вистым помахивать,
Ай его добрый конь стал по силушки тут поскакивать.
Ай куды дубом махнет — падет силы улица,
Перемахнет — переулочек.
Ай колько сам-то бьет, вдвое конь топчёт,
Ай как прибил он силушку до единаго,
Ай не ставил он ни единаго да тут во живности.
А ён приехал ко городу ко Чернигову.
Ай во том в городи во Чернигови,
Ай во стены́ ворота призаперты,
Ай у ворот крепки сто́рожи да поставлены,
Ай стоят сильнии да могучии да бога́тыри,
А он ведь тут да у сильниих у могучиих да у богатырей,
А ён не спрашивался, не доведывался,
Ай ён не спрашивался, не доведывался,
Ай ён направил добра коня через стеночку городовую,
Ай как махнул его добрый конь через тую стену городовую,
Ай как котора стена высотой-то была двенадцать саженей печатниих.
А ён заехал тут да в Чернигов-град,
А ён приехал тут ко Божьёй церквы,
Ай ко тому ли Ивану Великому.
Ай во Божьёй церквы стоят тут люди, Богу молятся,
А ёны каются, приобщаются,
А как со белыим светушком да прощаются.
А ён пришол тут во славныи да великой храм,
А ён как крёст кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
Ай во-первыих, клонился Спасу-образу,
Ай во-дру́гих кло́нился Божьей матери,
Ай во-третьих, покло́нился он тут всему миру.
«Ай уж вы здравствуйте, купци да черниговци, вельможи богатыи,
Ай уж вы сильнии могучии да здравствуйте бога́тыри,
Ай уж вы вси поляницы здравствуйте да удалыи!
Ай вы об чем тут нынь же каетесь да причащаетесь,
Ай вы зачем же со белым светом прощаетесь?»
Ай говорили тут вси купци, вельможи, богатыри,
Как вси сильнии могучии бога́тыри,
Ай отвечали поляници удалыи:

«Ай мы об том ведь каемся, причащаемся,
Ай для того со белым светом прощаемся —
Ай обступила нас сила великая,
Ай наступают на нас пановья да улановья,
Ай как поганыи да татаровья».
Ай говорил тут ведь батюшко да старóй казак Илья Муромец,
А Илья Муромец сын Иванович:
«Ай вы идите-тко да на славну стéну городовую,
Ай посмотрите-тко на чисто поле,
Нынь на тую силу великую!»
Ай выходили купци, бояра, вельможи, богатыри,
Ай нынь как вси сильнии могучии да богатыри,
Ай нынь как вси выбирались поляницы удалыи,
Ай как смотрели во чисто поле на тую силу великую.
А где стояли пановья да улановья,
Ай как поганыи да татаровья,
Ай тут только на том поли да на чистоём
Ай как остались знамена стоять да не русьскии,
Ай как осталось знамян многúм-многó да многёшенько,
Ай во темном лесу как стоит знамян,
Как ровным много как лесу сýхого.
Ай как народу тут прибито, приранёно,
Ай как приранено да привалено,
Будто в лисях как нива присичена.
Ай оны вси ему как низким-низко кланялись:
«Ай ты удаленькой да дородненькой,
Ай как дородненькой доброй молодец,
Ай уж ты, старый казак да Илья Муромец,
Ай Илья Муромец да сын Иванович!
Ай хоть у нас ты в гради Чернигови
Ай хоть князём живи, хоть королем живи,
А хоть живи барином, а хоть крестьянином.
А занимай себе три места любимыих:
Ай уж как первое место — супротив Ивана Великаго,
Ай как другое место — середь рынку-то нашего столичняго,
Ай ведь как третье место — где думаешь».
Ай ведь как старый казак Илья Муромец,
Ай ведь как только у их он спрашивал,
Ай ведь как только он тут сказывал:
«Ай не живу я у вас ни барином, ни крестьянином,
Ай вы скажите мне про ту дорожку прямохожую,
Ай вы скажите мне про ту дороженку да прямоезжую!»
Ай как сказали оны ему про дорожку прямохожую,

Ай как сказали оны ему про прямоезжоя:
«Ай прямоезжая дороженка до Киева одна тысяча,
Ай как окольная дороженка есть две тысячи.
А только не езди по той дорожки прямохожею
Ай как не езди по той прямоезжею —
Ай как на той дорожки прямохожею,
Ай как на той дорожки прямоезжею
Да есть три за́ставы да великих:
А нынь как первая за́става — го́ра кру́тая,
Ай как вторая-то за́става — широка́ река мать Смородинка.
Ай в ширину река — она в шесть же верст.
А за рекой живет там разбойничек,
Ай по названьицю живет Соловьюшка,
А ведь как тая птица Рахманная.
А только нынь по той пути, по дороженки
Ай как ведь тридцать лет никто да не хаживал,
Ай на добром кони никто туда не проезживал».
А ведь как только стар казак у них выспрашивал,
А ведь как только Илья Муромец выведывал,
Ай ён садился нынь на добра коня,
А ён поехал по той дорожки прямохожею,
А ён поехал нынь по прямоезжею,
А ён приехал ко первою ко заставы,
Ай как приехал он ко круто́й горы.
Ай как поднялся его добрый конь от сырой земли,
Ай как поднялся конь, как ясён сокол,
Ай ён повыше ведь лесу стоячаго,
Как пониже облачка ходячего —
Ай переехал тут стар казак Илья Муромец сын Иванович
Ай переехал он пе́рву за́ставу,
Ай переехал он гору высоку.
Ай приезжает он ко второй заставы — ко быстро́й реки,
Ай как ко матушки ко Смородины.
А на быстрой реки нет ни мостику, нет ни плотику,
Да не прибирал он тут мелка ми́стеця,
А ён как бил ко́ня по тучным ребра́м,
Ай как махнул его добрый конь как ясён сокол,
А через тую он махнул через реку Смородину.
Ай подъезжает он к третьей заставы,
Ай ко тому ли к дому Соловьиному,
Ай как сидит Соловеюшко да розбойничек,
А по названьицу птица Рахманная,
Ай как сидит-то на семи дубах да на крякно́вистых.

Ай ён берет тут стар казак Илья Муромец сын Иванович,
Да он берет с плеча нынь тугúи лук да розрывчатой,
Ай кладывáёт на лук нынь как стрелочку калёную,
А ён сам тут как стрелочки приговаривал:
«Ай ты, лети-тко, стрелка каленая, к Соловеюшку,
А ты лети к Соловеюшко во право ухо,
Вылетай-ко, стрелка, во левыи глаз!»
Ай покамест он тут стрелочку накладывал,
Ай ведь как тýгии лук да направливал,
Ай как ведь той порой да тым временём,
Ай засвистал Соловей по-соловьиному,
Ай закрикал тут Соловеюшко по-звериному,
Ай заздыхал Соловеюшко по-змеиному.
Ай у стара казака Ильи Муромца сына Ивановича,
А под им добрый конь на коленка пал,
На коленка пал, испугается.
Ай только стар казак со добра коня сопущается,
А ён пинал коня по тучным ребрам:
«Ай уж ты, конь, ты конь, пеловой мешок!
А разве ты не бывал ведь, конь, во темном лесу,
А разве ты не слыхал ведь здоху змеинаго,
А разве ты не слыхал ведь крыку зверинаго,
А разве ты не слыхал ведь свисту соловьинаго?»
Ай как добрый конь да на нóги встал,
А ведь как тут от стрельбы Соловейко на землю упал.
А приезжал тут стар казак Илья Муромец,
Ай подъезжает он тут ко Соловьюшку,
Ай подымает от сырой земли да он Соловьюшка,
А того ли пресильнёго премогучого да разбойничка,
А ён вязал его, Соловьюшка, ко седёлышку да ко стрéмену,
А как поехал тут стар казак Илья Муромец,
А Илья Муромец сын Иванович,
А ёго добрый конь стал подскакивать,
Ай Соловеюшко у стрéмена стал поплясывать.
А подъезжают оны к тому дому Соловьиному,
А ко тому двору да ко шúроку.
Ай у Соловьюшка двор да повыстроен,
Да повыстроён двор да повы́лажен,
Ай на семи столбах да на семи верстах.
Ай только тут увидали Соловьиныи как деточки,
Ай говорили оны родной матушки:
«Ай государыни наша матушка!
Ай наш как батюшка едет, мужика везет,

Ай как у стремена да привязана!»
Ай подходила к тому окошку косивчату,
Подходила дочь Елена-волшебница,
Как смотрела в то окошко кос⟨ивчато⟩,
Как во то ли стеколко хрустальное,
Ай как глядела она да на улицу,
Ай говорила она таково слово:
«Ай мои родныи братьица, мои се́стрици,
А как не батюшко едет, мужика везет,
Ай ведь как едет старой казак Илья Муромец сын Иванович,
Ай везет нашего батюшка да у стремена нынь привязана».
Ай как бежала Алёна-волшебница да на широк двор,
Ай как хватила она подворотенку полтораста пуд,
[Ай как] хотела ударить стара́ казака Илью Муромца сына Ивановича,
Ай прямо в лоб ударить меж ясны очи,
Ай как ведь дать ему раз да смёртныи.
Ай ведь на уловочки он был ловкенькой,
Ай увернулся от уразу великаго,
Ай он скочил ведь тут, стар казак Илья Муромец сын Иванович,
Ай он скочил ско́ренько со добра коня,
Ай как он пнул Алёну под жопищо ото всёго зла,
Ай как летела Алёна-волшебница через широк двор,
Ай как ко заднюю летела ко стеночке,
Да у стены-то она плаваёт окоракою.
Ай говорит Олёна-волшебница:
«Да меня черт-от кинул, жали́бницю,
Ай как не доброй меня сунул, заступщицю!»
Ай как кричит тут Алёна-волшебница своёй матушки:
«Ай государыни моя матушка!
Вы насыпьте нынь злата да серебра,
Ай ведь скатняго мелкаго жемчугу,
Ай как три нынь насыпьте подноса серебряных,
Ай вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича.
Ай вы дарите его златом да серебром,
Нынь как мелкиим скатниим жемчугом,
А чтобы оставил нам родна батюшка,
Хоть не ради прокормленьица, а хоть бы ради погляженьица!»
Ай говорит тут как батюшка старой казак Илья Муромец:
«А приезжайте нынь во славный Киев-град,
Не оставлю я вам батюшка на погляженьицо.
Приезжайте вслед во Киев-град,
А приезжайте вы во Киев-град на прощеньицо».
Ай только тут как поехал наш батюшко да старо́й казак,

А его добрыи конь стал поскакивать,
Ай Соловеюшко у стремена стал поплясывать.
Ай как поехал да удаленькой дородненькой добрый молодец,
Ай нынь как старыи казак Илья Муромец сын Иванович,
Ай как во славныи да во Киев-град,
Как ко славному князю Владимиру,
Ай как на славныи да на почестен пир.
Ай как на ту пору да на то время,
Как Владимира князя стольне-киевска,
А его при доми́ не случилосе,
Как ушел Владимир-князь стольне-киевской,
Как ушел Владимир князь во Божий храм,
Ай как ушел ко той обедени Христосскии.
Ай как ведь тут старыи казак Илья Муромец сын Иванович,
А ён заехал к Владимиру-князю стольнё-киевску на ши́рок двор,
Ай без допросу, без докладу заехал нынь княженецкаго
И становил добра коня посередь двора нынь как ши́рока,
А ён вязал коня ко тому столбу ко точёному,
Ай ко тому ли вязал кольцю да к золочёному.
И походил тут стар казак Илья Муромец сын Иванович,
Да он добру коню тут наказывал:
«А стой-ко, Бурушко, стой, косматушко,
Береги нынь, Бурушка-косматушка, береги Соловьюшка,
Ай того сильняго могучаго нынь разбойничка!»
А ён еще Соловейку наказывал:
«Ты уйдешь, Соловейко, от моего коня,
А от меня ты, Соловей, никуда не уйдешь по белу свету».
Ай как пришел тут ведь батюшко да старо́й казак нынь во Божий храм,
Ай как во Божий храм да во Божью церкву,
А ён как крёст кладет по-писаному,
Он поклон веде по-ученому,
Он Владимиру князю тут челом не бьет.
Ай отошла тут обеденка да Христосская,
Ай как пошел тут Владимир-князь стольне-киевской,
Ай как пошел он по городу по Киеву,
Он как сделал тут публикацею:
Ай чтобы кроме Владимира, князя стольно-киевска,
Ай чтобы не были пиры-балы да открытыи.
Ай как выходит тут со Божьёй церквы
Как старо́й казак Илья Муромец,
Ай как идут тут по городу да по Киеву,
Как идут тут голи кабацкии, пьяницы,
А межу собою они разговаривают:

«А что это у нас у князя нынь да узаконено,
Ай чтобы у его у одного было пированьицо,
Пированьицо да столованьицо?
Ай как ведь нам, голям да кабацкиим,
В кабаках не вышло позволеньица
Ай выпить с горюшка да с досадушки зелена вина».
Ай говорил голям кабацким, пьяницам
Как старой казак Илья Муромец:
«Ай, погодите, голи кабацкии, пьяницы.
Я отопру кабаки вси питейные,
Розрешу я вам выпить зелена вина».
Ай ведь как сам-то пошел тут батюшко наш старóй казак.
А ён ведь пошол к тому нынь князю Владимиру,
Ай ко тому ли пошол ко свету ко солнышку,
Ай как пришол к ему да на почестен пир.
Ай как Владимир-князь ему челом не бьет,
Как челом не бьет, его не здравствуёт:
«А ты зачем идешь, да незваной гость,
Ай как незваной гость, неприказыван?»
Ай приказал тут Владимир, князь стольне-киевской:
«Ай вы вставайте-тко, друзья, да вы удалы добры молодцы!
Ай вы ведите-тко гостя за белы руки,
Ай как за белы руки ведите на широк двор
А з-за того стола из-за дубоваго!»
Ай как ставали два удалыих да два молодца,
А ёны брали стара́ казака Илью Муромца
А ёны брали его за белы руки,
Ай как оны вели его на ши́рок двор,
Ай ён как брал на двори свою палицю,
Ай свою палицю взял булатнюю.
Ай как кругом-то у князя Владимира,
Ай у того ли у света у солнышка,
Ай кругом всёй полаты белокаменной,
Ай были шарики принавешены,
Ай принавешены да золочёныи,
А тем полата да была изукрашена.
Ай обломал тут ведь батюшко да старóй казак,
Ай как старóй казак да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович,
А собирал он ты шарики во праву́ полу,
Ай выходил он тут на улицу с широка двора,
Ай как на ту ли на дороженку да на почтовую,
Ай на ту улицю да на планóвую.

Да ён пошел тут нынь на царе́в кабак,
А ён собрал всих голе́й, пьяниц кабацкиих,
А ён пришел к кабаку — в кабаки вороты призаперты,
Ай крепким-накрепко да заложены,
А ён кричал своим громким голосом:
«Ай посидельщики целовальники!
Ай отпирайте-тко да отложайте-тко
Ай нынь как славныи да царёв кабак,
И со тыма со напитками со разныма!»
А отвечают тут ёму чумаки-целовальники:
«Ай покамест не изойдут строки тому пиру княженецкому,
А не имеём мы право отпереть кабака да запустить тебя».
Ай как ведь только тут старо́й казак Илья Муромец,
Ай как ведь столько он у целовальничков тут спрашивал,
Как ударил рукой во все двери,
Ай как на́ раз тут двои-трои двери отворилисе.
А ён как брал своей силою да натурою,
Ай брал своей силою да натурою зелена вина полтора ведра,
А принимал-то он едино́й рукой,
Да выпивал-то он тут на единый здох.
Ай как скорым-скоро да скорёшенько
Ай у Владимира, князя стольнё-киевска,
Ай у того ль у света у солнышка,
Ай ведь как там за его да схватилисе:
«Ай ведь у нас гость-от хошь не стар ли казак Илья Муромец?»
Ай говорит тут Владимир, князь стольне-киевской:
«Ай вы, дружья, братья, гости любящи!
Ай вы сходите-тко да проведайте,
Ай где находится там ста́рой казак Илья Муромец!»
Ай как во том столи да во дубовоём,
Ай как все ведь си́дят во молцаночку.
Ай тут сидит один удалой доброй молодец,
Ай Скоморох сидит да Скоморохович.
«Ай верно надо мне итти ко стару казаку да Ильи Муромцу».
Ай верно тут удалой доброй молодец да справляется,
Ай как справляется он, воружается.
Ай как скорым-скоро было, наскоро
Ай приходит он тут да на царёв кабак,
Ай во котором кабаки наш-ко батюшко да старой казак,
Ай как старой казак Илья Муромец сын Иванович,
А ён сидит-то там пьет, проклаждается
Ай со тыма со голямы с кабацкима, пьяницамы.
Ай как пришел тут удалой добрый молодец.

Ай как пришол Скоморох Скоморохович,
Ай как низким-низёхонько кланялсе,
Ай как тому ли нынь стару казаку Ильи Муромцу,
А Ильи Муромцу сыну Ивановичу,
А нынь как сильнёму могучему да богатырю:
«Ай ты пожалуй-ко, наш как батюшко да старой казак
И как старóй казак да Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович!
Да ты пожалуй-ко да на почестен пир,
А как ко нашему князю ко Владимиру,
Ай ко тому ли ко свету ко солнышку!»
Ай воспроговорил тут удаленькой,
Как удаленькой да дородненькой доброй молодец,
Ай нынь как старыи казак Илья Муромец,
Да Илья Муромец сын Иванович:
«Ай не иду я на ваш на почестен пир,
Ай заведите-тко сызнóва вы почестен пир,
Ай как не ради ведь князя Владимира,
А для ради старáка Ильи Муромца,
А Ильи Муромца сына Ивановича».
Ай завели оны да почестен пир.
Ай как пришел тут батюшко да наш старой казак,
Ай наш старой казак Илья Муромец да сын Иванович,
Ай как низким они низёхонько ему кланялись.
А как ведь он сам пришел, Соловья привел,
Отвязал его да от стремена.
Ай как садились с Соловеюшком оны рядышком.
Ай говорил тут Владимир-князь стольне-киевской,
Ай стольне-киевскóй да красно солнышко:
«А ну-тко ты свищи нынь, Соловьюшко, в полсвисту,
Ай да ты крычи-тко, Соловьюшко, ровно в полкрыку,
Ай да ты здыши-тко, Соловьюшко, ровно в полвздоху!»
Ай говорил ведь тут Соловьюшко да разбойничок:
«Ай ты послушай-ко, Владимир князь стольне-киевской!
Хоть за твоим столом сижу да пью да кушаю,
Да только не тебя я, Владимир князь, да нынь слушаю.
А надо мною есть да нынь больши́и брат,
А нынь как старый казак есть Илья Муромец.
А если он прикажет мне здыхать нынь в полздоху,
А если он прикажет мне крыкать нынь как в полкрику,
А если он прикажет мне свистать нынь как в полсвисту».
А говорил тут старóй казак Илья Муромец,
А Илья Муромец да сын Иванович:

«Ай ты кричи, Соловеюшко, ровно в полкрику,
Верно ты здыши, Соловеюшко, нынь как в ползду́ху,
А нынь свищи, Соловьюшко, ровно в полсвисту!»
Ай закрикал Соловьюшко ровно в полкрику,
Ай заздыхал Соловьюшко верно ползду́ху,
Ай засвистал Соловьюшко верно в полсвисту.
Ай как от крику тут Соловьинаго,
Ай стары те́рема россыпалисе,
А новы те́рема да пошаталисе.
Ай как от здоху его люди тут пужалисе,
Ай как от свисту люди с пиру да розбежалисе.
Ай как ведь брал тут Соловеюшка старо́й казак,
Ай как ведь как брал его за белы́ руки,
Ай выводил з-за стола з-за дубоваго,
Ай как ведь свёл Соловеюшка в тёмны погреба,
Ай в темны́ погреба да во глубокии,
Ай верно тут Соловеюшку да славы́ поют.
Ай только тут Дунай-Дунай, да ничего не знай!

№ 198

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА И СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

Из города из Мурома старой казак Илья Муромець
Справляется во Киев-град во первую поездку богатырскую —
Простоять ему дома воскресенская заутриня,
Потом не брать тугих луков,
А поспевать ко ранной обидни ко городу ко Киеву.
Шел он во стою лошадиную,
И выводил коня среди двора,
И кладал на коня седёлышко черкасское,
И взял тугой лук разрывчатой.
Тогды садилсэ он на добра коня,
Тогды спустилсэ во всю пору лошадиную,
Тогды выехал на чисто поле,
Тогды услышил шум-гам великой
В той ли сторонки полуденной.
И он спустилсэ на шум, на гам на великой
И подъехал он под город под Смолягин.
Там стоя под Смолягином
Улановья-булановья, урзы-бурзы поганыи татаровья.

Ему на силу приукинуться хочется,
А заправочка-та не взята
И от силы отъехать не хочется.
Потом спустилсэ он со добра коня,
Рвал дуб крякновистой,
Потом спустилсэ на рать-силу великую,
Прибил всих татаровьев.
Потом спустилсэ ко городу Смолягину,
Приехал он ко городу Смолягину
И вси воротецька в городи призаперты.
Он спустил со добра коня
Во всю ли то силу лошадиную —
Конь скочил через стену городовую,
Заехал Илья в город Смолягин:
Ходят мужики-смолягинцы невеселы,
Ходят в Божью церковь — Богу молятся,
На неверных войной снаряжаются.
Потом он спросил мужиков-смолягинцов:
«Зачим вы в церковь богомольную ходите, причащаетесь?
Вы куды снаряжаетесь?»
Говорят оны таковы слова:
Зачим ты, доброй молодец, заехал к нам?» —
«Ах вы, мужички-смолягинцы,
Скачите вы на стену городовую,
Поглядите вы во чисто поле:
Сила стоит, аль лежит, аль што она делает».
Тут мужички срадовалися, соспугалися,
Скочили на стену городовую,
Поглядели во чисто поле —
Там убиты вси татровья.
Потом спросили у его мужики-смолягинцы:
«Откуль ты приехал, доброй молодец?
Не знаем мы не имяни, ни отчества,
А скажи нам про имя, про отчество,
Про свою землю и свою орду
И как тибя зовут по имяни». —
«Я из города из Мурома,
Из того села Карачаева,
Старой казак Илья Муромец». —
«Живи-ко ты в нашем городи воеводою!» —
Сказали мужики-смолягинцы.
«Не хочу я жить в вашем городи воеводою,
А покажите мне дорожку прямоездюю ко Киеву!»

11 Зак. 3427

Говорят оны таковы слова:
«Прямоеждяя дорожка [верст] тысяча,
А окольняя дорожка — три тысячи,
А на прямой дорожки заставы есть великии,
Тридцать лет прямоеждей дороженькой не еждено.
Перва застава — корбы-болота топучии,
Друга застава — мать-река Смородина,
За той рекой Смородиной есь застава великая —
Сидит Соловей, птица Рахманная,
Нету там птицам пролету, нет богатырю проезду».
Потом сказал старой казак Илья Муромец:
«Ай же вы, мужики-смолягинцы,
После моего быванья
Не бойтесь вы корбы топучии и болота зыбучого,
Не бойтесь той птицы Рахманныи Соловья-разбойника,
А бойтесь вы одной реки Смородины».
Потом спустился казак дорожкой прямоеждею.
Доехал он до корбы топучей, до болотины зыбучей
Спустилсэ-взял да со добра коня.
Левой рукой коня ведет, а правой рукой дубья рвет,
Мосты мостит калёныи, поручинки кладал дубовыи
И домостил он до мать-реки Смородины
И садилсэ-взял на добра коня,
Разъехался по мосточку по калиновому:
Конь скочил через мать-реку Смородину.
Тут засвистал Соловей по-змеиному,
Закрычал он по-звириному —
Под Ильей конь на коленка пал
От свисту Соловьиного, от покрыку звириного.
Спустилсэ Илья со добра коня,
Пинул коня за-под брюхо.
«Неужоль ты не слыхал посвисту змииного,
А покрыку звириного,
Прогласицы в поездки богатырски?»
Сам тугой лук натягиват,
Сам стрелочку направливат:
«Лети-ко, стрелка, по поднебесью,
А пади ко Соловью во правой глаз,
А вылети во лево ухо!»
Покатилсэ Соловей со гнездышка,
Будто сена куча неподъемная.
И побежал Соловей по чисту полю.
Стал имать старой казак

Илья Муромец Соловья,
Потом заимал Соловья за желты кудри,
Привязал его за желтыи кудерка
К стремянам булатными,
Потом спустил Илья во всю пору лошадиную —
Соловеюшко у стремянны поскакиват.
Говорит старой казак Илья Муромец:
«Сидел ты, Соловей, тридцать лет,
Видал ли ты эдакого молодца
Пройдучи иль проедучи?»
Соловей из уголков поглядыват —
Попал, видно, в крепки руки.
И стал подъеждять к Соловьиному посельицу
Старой казак Илья Муромец.
Увидали малы Соловьины дитицы богатыря приедучись
Скочила тут больша дочь-волшебница на улицу:
«Сестры-кормилицы, мужик тот едет,
Везет отца-батюшка привязана
Желтыма кудеркамы ко стремянны булатнии!»
Подъехал старой казак Илья Муромец
Ко самому посельицю ко ихнему.
Скочила больша дочь на улицу,
Хватила подворотню в девяносто пуд,
Хотела чеснуть его под очи под ясныи.
Знал Илья увертки богатырски,
Отвернулсэ от разу от великого,
Только попало по руки по правыя.
Потом спустилсэ он со добра коня,
Ударил ю рукою правою —
Она укатилась через белой двор.
Потом стали просить ены
У старого казака Ильи Муромца
Отпустить Соловья-батюшка на свою волю.
Давали они ⟨тридцать⟩ тысячей злата-серебра —
Не берет старой казак Илья Муромец,
А говорит он таковы слова:
«Ай же вы, малы юноши,
Катите три бочки злата-серебра ко городу ко Киеву,
Там отдам я вам кормильца-батюшка
Даже через трои суточки».
Потом приехал старой казак ко городу ко Киеву
Ко солнышку ко князю на широк двор.
Ставил коня середи двора,

Сам сказал карюшку-бурушку:
«Береги Соловья-птицы Рахманною,
А ты, Соловей, береги коня.
Ты теперь, Соловей, некуды уйдешь».
Только до Ильи отошла обидня воскресная,
И шел он во палаты белокаменныи.
Не спознал старого казака Владимер-князь:
«Садись-ко с нашима боготырямы
Хлеба кушать-трапезовать на нижной конец —
Вси-то мистичка забавлены,
А есь немножко мистечка на нижном концы».
Ильи ричи эты не примарвились:
«А же, солнышко Владимер-князь,
Сам ты ешь-кушашь с воронамы,
А миня садишь с воронятамы.
Не хочу я хлеба кушать с воронятамы!»
Сказал солнышко Владимер-князь:
«Возьмите богатыря под руки,
Сведите его на широк двор».
Взяло под руки три богатыря.
Махнул Илья правой рукой —
Тыи три мертвы лежат.
Говорит солнышко Владимер-князь:
«Возьмите под руки шесть богатырей,
Сведите его на широк двор,
Отрубите ему буйну голову».
Взяло под руки шесть богатырей.
Опять махнул Илья правой рукой —
Тыи шесть мертвы лежат.
Потом сказал солнышко:
«Откуль наехал удалой доброй молодец?
Возьмите ище под руку ⟨двенадцать⟩ богатырей,
Да под другу ⟨двенадцать⟩ богатырей,
Сведите его на широк двор,
Отрубите Ильи буйну голову!»
Взяли его под руки, повели на широк двор.
Он сдержал руки белыи,
Скрипил сердце богатырское,
Сдалсэ им на двор сойти.
Там не мог сдержать рук белыих,
Скрипить сердца богатырского:
Махнул правой рукой —
И тыи вси мертвы лежат,

Махнул левой рукой —
И остальны мертвы лежат.
Потом вышел он на улицу,
Тугой лук он натягивал,
Калёну стрелу направливал:
«Лети-ко, стрелочка, по поднебесью,
Пади-ко по окошечкам».
Летела тут стрелочка по поднебесью,
Пала по царским окошечкам,
Отстрилила вси маковки позолочены.
Обрал старой казак маковки золочены,
Набрал голей да кабацких,
Сошел да на царев кабак
Пропивать царевы маковки.
Видит солнышко беду неминучую —
Откуль наехал доброй молодец?
Был как тут Добрыня Микитинец
И сказал Добрыня Микитинец:
«Солнышко Владимер-князь,
Вижу я по похматкам богатырским,
Што есь русской богатырь Илья Муромец,
А ему на бою смерть не писана.
Кого послать за добрым молодцом —
Звать его на почестен пир?» —
«А хто узнал, того послать».
Послали Добрыню Микитича.
Он пришел во царев кабак:
Пьет-сидит старой казак Илья Муромец.
Говорит Добрыня таковы слова:
«Звал солнышко Владимер-князь
Тибя на почестен пир,
А не велел тебе на старо гневаться».
Говорил старый казак Добрыни таковы слова:
«Тым счастлив, Добрыня, што с заду зашел,
А кабы спереду зашел —
С тибя бы один пепел стал.
Дак поди ко солнышку-князю ко Владимеру,
Вели публиковать указы строги:
Растворить кабаки, пивоварни на трои суточки,
Штобы пили вино трои суточки
Безданно да беспошлинно.
Потом я приду на почестен пир».
Ушел-то Добрыня Микитинець.

«Ай ты, солнышко великой князь,
Велел старой казак Илья Муромец
Публиковать указы строгии,
Штобы пили зелено вино трои суточки
Безданно да беспошлинно.
Потом придет Илья на почестен пир».
Публиковал князь-солнышко
Указы строгии по городу по Киеву:
Отворить кабаки, канторы пивоварныи,
Штобы пили вси зелено вино трои суточки
Безданно да беспошлинно.
Потом пришел казак на почестен пир.
Его садят-то на верхной конец,
А он не сел на место на верхное, а на самое середнее.
Тут вси кряду на пиру напивающце,
И пьет с нима вмисти Илья Муромец
Вси тут похвальбамы похваляющце,
Кто силамы-удачамы, кто несметной золотой казной.
Говорит старой казак таковы слова:
«Хто хвастат рицею, а иной небылицею,
Умной, разумной фастат отцом-батюшком,
А глупой, неразумной — молодой женой.
А я-то молодец пофастаю —
У мня-то привезен есть
Соловей-птиця Рахманныи.
Засвищет посвистом по городу по Киеву —
Стары терема паваляцце,
А с окошечек околенки посыплющце».
Говорит-то солнышко Владимер-князь:
«Ты сам фасташь, казак, небылицею!»
Скочил-то Илья со столиков дубовыих,
Бежал-то на широк двор,
Взял-привел Соловья во полаты княженецкии.
Говорит Соловью солнышко Владимер-князь:
«Засвищи-ко, Соловеюшко, в полсвисту,
Закрычи-ко ты в полкрыку!»
Говорит Соловей князю Владимеру:
«Не твое ем-кушаю, не тибя и слушаю».
Говорил старой казак Илья Муромец:
«Налейте Соловью чару зелена вина,
Штобы мерой была чара в полтора ведра,
А весом была чара в полтора пуда».
Принимал Соловей чару единой рукой,

Выпивал он на единой дух.
Потом засвистал Соловей в полсвисту,
Закрычал он в полкрыку —
Как по городу по Киеву
Стары терема повалилисе,
А новы терема пошатилисе,
С окошечек околенки посыпались,
У солнышка вси на пиру перепалисе:
Идны плавают окоракою,
А идны чуть живы лежат.
А старой казак сидит на лавочки,
Смиецце он во всю голову.
Одва гости на пиру пообмалтались.
Потом через трои через суточки
Прикатили дити соловьиныи во Киев-град
Три бочки злата, серебра.
Говорил-то солнышко Владимер-князь:
«Подте отберите у их злато, серебро».
Говорил-то старой казак Илья Муромец:
«Не тобой они, брат, приказаны,
Не тобой оны и окажуцце».
И взял старой казак Илья Муромец,
Велел вырыть погребы глубокии,
Зарыть туды Соловья-птицю Рахманныи.
Говорил потом малым вьюношам:
«Катите назад злато, серебро,
Будет вам питацце тут до смерти,
А не видать вам отца-батюшка!»
И покатили оны взад злато, серебро.

№ 199

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Во городи во Муроми
Жил удаленькой да доброй молодец,
Старой казак да Илья Муромец.
Говорит-то ен да родной матушки:
«Ай же ты, родная матушка,
Даешь прощенье — поеду я,
И не даешь — поеду я
Во стольний во Киев-град.

Скажут — Киев-град
На красы стоит,
На красы стоит да угожесьви,
На угожесьви да сонця красного.
Там живее-то Владимер-князь,
Поит, кормит удалых добрых молодцов,
Поит, кормит и денежкамы жалуе.
Даете прощенье — поеду я,
И не даете — поеду я».
Выходил-то ен да на широк двор,
Выводил коня еждена
И плетоцькой хлыстана,
Кладал потницьки на потницьки
И войлуцьки на войлуцьки,
И сиделышко церкальское на добра коня.
Видли его сядуцись,
А не видли поездоцьки.
Приеждял-то ен да под Цернигов-град.
Окол города Цернигова
Стоит тут сила великая,
Нету заезду и нету приезду.
Он стал по силушки поеждивать,
Прибил-то силу великую.
Заеждял-то в Цернигов-град
И ходил-то ен по домам-то тут,
И не нашел-то ен некого-то тут,
Ище-то шел да ко Божиим церквам —
Тут церниговци да Богу моляцце,
Со белым светом тут прощающце.
«Што вы, церниговци, Богу молитесь
И с белым светом прощаетесь?
Поглядите-ко на стену городовую —
Што же силушка та делает?»
Поглядили тут на силушку:
Крепко спит ена — не пробудицце.
«Ай же ты, сильней могуць воин,
Илья Муромець, сын Ивановиць,
Живи у нас да воеводою».
Говорит ен им да таковы слова:
«Не стану жить я воеводою,
Скажите мне да расскажите-ко —
Куды ехать мне да во стольней Киев-град?»
Говоря ему да таковы слова:

«А поидешь, доброй молодець,
Есь стоит столб тоценыи,
Там есте записи и подписи написаны».
Ен поехал, доброй молодець,
Приеждял к столбу тоценому
И ко колецьку золоценому,
Ен с коня да опущаецце,
Эты подписи просматрива:
«Прямо ехать — три году,
А около — шесь годов».
И говорил ен таковы слова:
«Мне не цесь-фала да добру молодцю,
Ежели поеду я около,
А буде цесь-фала добру молодцу,
Как поеду дорогой прямоеждею,
А прямоеждя дорожка призаронена —
Е три заставы великих:
Первая застава — горушки столкуции
А друга — волки запольнии,
А третья-то застава —
Сидит Соловей-птиця Рахманная
На трех дубах, цетверта береза покляпая.
Не пропустит он не конного, не пешого,
Заглушае ен посвистом змииныим».
И поехал Илья да прямоеждею.
Не доехал ен до горушек столкуциих —
У его конь да ошарашилсэ,
Ен хлыстал коня да промежи уши:
Стал Бурушко да подыматисе
Ниже оболоку ходяцего,
А выше лесушку стояцего.
Ен проехал эту заставушку,
Не доехал ен до другой заставушки,
До волков тых запольниих —
У его конь да ошарашилсэ.
Ен хлыстал коня да промежи уши:
«Разве в лисях ты не бывал
И звирей лесных не видал?»
Ен проехал и эту заставушку.
Не доехал до Соловья-птици Рахманныи,
За двадцать верс⟨т⟩
Услыхал стук-грем богатырски.
Соловей-птиця Рахманная

Зашипел-то ен по-змеиному,
Засвистал да ен по-соловьиному —
Застонула тут мать сыра земля,
А леса-ты тут заряцькали,
К Ильи-то конь на колена пал.
Говорил коню ен таковы слова:
«Ай же, волцья сыть, пелен мешок,
Разве в лисях ты не бывал
Ды звирей лесных не видал?»
Сам же тугой лук принатягивал
И стрелоцьку да принакладывал,
Он ко стрелоцьки приговаривал:
«Лети, стрела калёная,
Не на воду, не на землю,
А лети-ко в Соловья, птицю-разбойника
Во правой-от глаз,
А вылетай в лево ухо!»
Ен стрилил стрелоцьку калёную
И летела ена не на воду, не на землю,
А летела ена Соловью во правый глаз,
Во лево ухо ена вылятывала.
Покатился ен со своим гнездом Соловьиным.
Приеждял Илья, сын Ивановиць,
Взимал его да на белы руки,
Привязывал ко стремянны булатнии,
Приеждял до его до дому Соловьиного —
Ребятка в окошоцько смотрили там:
«Родная матушка, батюшка йде,
Какого-то мужицька везе».
Зглянула тут родная матушка
И говорила ена таковы слова:
«Ай же, рожоныи детушки,
Мужик-от йде — батюшка везе,
Возмите-ко маленоцьки серебряны
И насыпайте злата-серебра
И мелкого жемцюгу,
И подносите этому богатырю,
Штобы отдал вашего батюшка».
Тут же говорил ен таковы слова:
«Мне не надо золотой казны и серебряной
И не надо мелких жемчугов —
Мне надо тольки вашего батюшка».
Говорил-то ен таковы слова:

«Ай же ты, жона Соловьиная,
Складывай именье-богачество
Да й⟨и⟩дь-ко след во стольней во Киев-град.
Може там отдам я вашего батюшка».
Приеждял-то Илья во Киев-град
На широк двор к царю Владимиру,
Шел-то ен о палату гряновитую.
Сам крест кладе по-писаному,
Поклон веде да по-уценому.
Сидит-то царь, хлеба кушае.
«Хлеб да соль, Владимер-царь стольно-киевской!» —
«Хлеба й⟨и⟩сь, дородней удалой доброй молодець!»
Говорит-то доброй молодець:
«Ай же ты, Владимер-царь стольно-киевской,
Сидишь-то ты ешь с воронамы,
А миня садишь с воронятамы!»
Царю то слово взапреку пришло в завеликую.
«Ай же вы, слуги верныи,
Возьмите вы добра молодца,
Сведите его на широк двор,
Отсеките ему да буйну голову!»
Илья Муромець да догадливой был —
Выбегал пораньше на широк двор,
Он убил тых добрых молодцов,
Сам по двору и похаживат
И по сторонушкам посматриват.
Говорит-то тут Владимер-царь:
«Зовите-тко добра молодца
Во палату ко мне гряновитую,
Буде ему пой⟨и⟩сь, попить, покушати».
Говорит Илья послу таковы слова:
«Пусь-ко Владимер-царь стольно-киевской
Пеке, варит разные кушанья,
Штобы было там покушати,
И отворяя кабацьки зеленыи
И выкатыва боцьки сороковыи».
Сам поехал по державушки
Зберать удалых добрых молодцов.
Тут наехало во Киев-град,
Будто церного-то ворона наслеталосе —
Тут много удалых добрых молодцов.
И й⟨и⟩ли оны, пили,
Немножко оны съили,

Больше спролили.
Тут ены да поросфастались —
Умной фаста отцем, матушкою,
А безумной фаста молодой жоной.
Говорит-то тут Владимер-царь:
«Ай же, доброй молодець,
Ты коей земли, ты коей орды,
Коего отця, коей матушки?»
Говорит Илья таковы слова:
«Ты, Владимер-царь да стольно-киевской,
Я со города со Мурома,
Одного отця да одной матушки,
Имянем зовут да Илья Муромець,
По изоцинки да сын Ивановиць». —
«Как же ты проехал заставы великии,
Окольней ли ехал аль прямой дороженькой?»
Говорил-то Илья да таковы слова:
«Ехал я прямой дороженькой,
Соловья-птицю я всобой привез,
Што над им будем делати?» —
«Веди-ко его в полату гряновитую,
Заставь-ко его свистать по-соловьиному,
А зашипить по-змииному».
Говорит-то Соловей, птиця Рахманныи:
«Не могу я засвистать по-соловьиному,
Голова моя порозломлена,
Дай три цяры зелена вина,
Да три цяры пива пьянаго,
А три цяры меду настоялаго».
Ен сливал-то все в одно судно,
А выпивал-то на ядиной здох,
Зашипел-то ен по-змииному,
Засвистал по-соловьиному —
Терема ты зашаталисе
И окольницы в их залопали,
Старыи старушки без души лежа,
Князь с княгиною — он с ума сошел,
Окаракою полатой плавае,
И одва ен и в толк взошел.
И говорит да ен таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромець
Сын Ивановиць, ты сказни его!»
Говорит да Илья таковы слова:

«Как же его казнить станем?» —
«А так будем казнить его:
Выкопаем погреба глубокии».
Выкопали погреба глубокии
И клали туды Соловья-разбойника.
И тут ему и славы поют.

№ 200

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

А отправляется да снаряжается
Старый казак да Илья Муромец
Во дороженьку да во путистую,
Во путистую, да во круглистую
А ко ласкову ко князю ко Владимиру
А во стольный во Киев-град.
А ведь надо да проехати
А от города да видь от Мурома
А до города да видь Киева.
Расстояньицо было немалое —
Триста тридцать верст да с половиною.
А надо ведь поспеть да проехати
Во дороженьку да во путистую,
А поспеть да ведь к заутрени Христосьскоей —
Одно триста тридцать верст да с половиною.
А говорит Илья, да воспрого́ворит:
«Ай же ко́нюха да мои ме́лые,
Вы седлайте коня да плотно-наплотно,
Пло́тно-на́плотно, да крепко-накрепко.
А поехать ведь Ильюшеньки во Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру!»
А поехал тут Илья да Муромец
А ко ласковому князю ко Владимиру
На своем-то ведь да на добро́м кони.
Кладова́л он потницьки на потницьки,
А ведь войлуцьки да ведь на войлуцьки,
А седёлышко кладал да черкальское.
А коня-то да видь обуздывал
А не ради ведь красы было́,
А не ради ведь уго́жесва,
А ради тут укрепы богатырскоей.

№ 201

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Во сла́вноём во городе во Муроми,
Во етом сели в Карачинове
Справляетсе как было́, снаряжаетсе
Как сильный могуций бога́тырь,
Как етот Илюшенька Муромець,
Так-то был сын Ивановиць.
Справляетсе в дороженьку не в дальнюю,
Не в дальную дорожку, во пецяльнюю,
Кладат он заповедь великую,
Вели́ку заповедь удольнюю.
Говорит российскиим бога́тырям:
«Как же братци крестовыи,
Как славные российскии бога́тыри:
Как этот во Михайлушко По́тык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынюшка,
Поежжаю я из города из Мурома,
Из того из села из прекрасного,
Поеду я во дороженьку не в дальнюю,
Не в дальнюю дорожку, во пецяльнюю,
Чтобы руки мне не кровавити
Во етой во пути, во дороженьки,
Как кажной заповедь кладыват,
А не кажной заповедь исполниват.
Во етой во пути, во дороженьки.
Как кажной заповедь исполниват
Во етой во пути, во дороженьки».
Заходит Илюшенька Муромець
А во ету конюшеньку конёвую,
Кладет ён как узу́ шелко́вую,
Выводит коня на двор на ши́рокий
Ко етому столбу ко тоцёному,
Ко етому колецьку золоцёному.
Заходит ён на башню высокую,
Взимат ён потницьки на потницьки,
Взимат ён войлоцьки на войлоцьки,
Кладат он, кладат седёлышко церкальское,
На верёх кладат Илюшко, приговариват:
«Как не для, братцы крестовыи,
Как славныи российскии бога́тыри,

Не для-ди красы-басы,
Не для-ди красы-угожесьва,
А для-ди укрепы богатырьские».
Как видли Илюшеньку сядуци,
Не видли Илюшеньку поедуци
Из того города из Мурома,
Из того как села из прекрасного.
Скакал его добрый конь
За тыи за версты за мерныи.
На столби подпись подписывал:
«Как перьва́ поезка богатырьская
Из того из города из Мурома,
Из того из села как из прекрасного».
Скакал ли ёго́ добрый конь
За другую вёрсту мерную;
На столби надпись надписывал:
«Как перьва́ поезка Ильи Муромця
Из того из города из Мурома,
Из того из села из прекрасного».
Скакал ёго нунь там доброй конь
Ко этому ко кресту ко Леванидову.
На тыих как на ро́сстанках
Как стал Илюша, пораздумалси.
На этих на трех на росста́ноцьках:
«Как в перву ехать — убиту быть,
В другу ехать — жонату быть,
А третью ехать — богату быть.
Ништо ведь делать ⟨с⟩ молодой женой,
Ништо ведь делать ⟨с⟩ золотой казной,
А поеду я во эту во дороженьку,
Как где, мне-ко убиту быть,
Где цесь мне, хвала молодецькая,
Как тая слава богатырская
Отнынь буде мне до́ веку,
Как до́ веку будет, по́ веку!»
Приехал он ко городу Цернигову,
Ко етим мужикам ко церниговским.
Как ети мужики церниговы
Во тых во слезах во горюциих,
Во тых во круцинах во великиих.
Не кра́сно́ солнышко поро́спекло,
Не свител мисяц поро́ссиял —
Во нашем во городи Цернигове

Как славной могуций бога́тырь
Как этот Илюшенька Муромец,
Как тот ли сын Ивановиць,
Как и всероссийскии богатыри,
А как тот Илюшенька Муромець
Из этого из города из Мурома,
Из того да из села из прекрасного,
Из того из села из прекрасного.
«Как всероссийский бога́тырь,
Как славной Илюшенька Муромець,
Как этот был-ка сын да Ивановиць
Во на́шоём во городи Чернигове,
Во этоём сили́ во прекрасноем
Больша нунь-ка беда слуциласе,
Больша беда нунь-ка сделалась.
От нашего от села от прекрасного,
От этого города Чернигова
Сидит нынь Соловеюшко проклятый,
Проклятой Соловей Рохматовиць.
От нашего села нонь от прекрасного,
От этого города Чернигова
Сидит он, Соловей проклятый,
Сидит Соловей Рахматыи,
Занимат он нунь-ко,
Сидит он на семи дубах,
Занимат он на семи верстах.
Как а ведь всероссийский бога́тырь,
Как етот Илюшенька Муромець,
Как тот был сын Ивановиць,
Проежжай-ко дорогой-путем — околицей,
Не едь-ко дорогой прямоежжией:
Как нету пути-ти там, пролетища,
Как нету пути-ти там, проежжища,
Как нету собаки пробежища —
Глотат Соловеюшко проклятыи,
Глотат Соловушко Рахматовиць.
От нашего от села от прекрасного,
От этого города от Чернигова
Как едь дорогой-путь-околицей,
Как этой дорогой нунь окольноей!
А прямо как ехать — три версты».
А говорит Илюша всем-то им:
«Ай же мужики вы черниговы,

Не цесь, не хвала молодецькая,
Не тая мне не слава богатырьская,
Как ехати дорога окольняя.
Поеду я дорогой прямоежжею —
Как цесь-хвала мне молодецкая,
Как тая слава буде богатырьская
Отнынь мне буде до́ веку,
От до́ веку я сделаю по́ веку,
Как сделаю собаки пробегище,
Как сделаю птици пролетище,
Как сделаю пешеходу проходище!»
Поехал он с Цернигову
Как этой дорогой прямоежжую.
Проехал версту он ме́рную —
Крицит он, проклятой, по-звериному,
Как лает проклятой по-змеиному,
Крицит проклятой по-звериному
На тых-ко-то семи дубах на великиих.
Скоры́м-скоро́ Илюха сын Ивановиц
⟨С⟩пустился ён с коня доброго
На эту матушку сыру́ землю́.
Как нацял дубинушку потыливать,
Сыру зе́млюшку покидывать.
Одной рукой коня ведет,
Другой Илюшенька мост мостит
Как ⟨к⟩ этому Со́ловьюшки проклятому,
Ко эту Соло́вьюшки Рахмато́му.
Проехал ён три версты́ мерныи —
Крицит он, проклятой, по-звериному,
Как лает проклятой по-собацьему,
И его́цет проклятой по-змеиному
На этих на дубах он на великиих.
Услышал его нуне доброй конь,
Как пал на матушку сыру землю́,
На эти как было на коленушки.
Говорит Илюшка таковы слова:
«Как ты, волцья сыть, травяной мешок,
Не слыхал ты лаю собацьего,
Этого как му́зганья звериного,
Как этого змеиного лаянья?»
Как берет он плетку шёлко́вую
Со эта со кармана глубокого,
Как нацял коня он похлыстывать,

Как нацял конь сам попердывать,
По этим ребра́м тугим как по великиим.
Подъехал ён за вёрсту за мерную
Как ⟨к⟩ эту Соловью он проклятому,
Как к эту Соловью он Рахматову.
Крицит ли он по-звериному,
Как он лает ли по-собацьему,
Мызгацат он по-змеи́ному
На тыих на дубах на великиих.
Говорит Илюшка таково́ слово́:
«Как пошел Илюшенька увертливый!»
Как на глаз Илюшенька был сметливый,
Как вынул из кармана калену́ стрелу,
Как вынул Илюшенька ту́гой лук,
Натягивал Илюшенька ту́гой лук,
Кладал как стрелоцьку калёную,
Кладал как Илюшка, приговаривал:
«Лети-ко, моя стрелоцька, не на́ воду,
Не падай-ко, стрелоцька, на́ землю,
Как падай-ко Соло́вьюшку проклятому,
Как падай-ко Соло́вьюшку Рахматому,
Как падай-ко во правой глаз,
Улетай проклятому во право́ ухо́!»
Как пал со дубов со великиих,
Как пал на матушку сыру́ землю́.
Скоры́м скакал на добра коня,
Как с этой со матушки сырой земли,
Подъехал к Соловью он проклятому,
Подъехал к Соловью Рахматому,
Как взял Соловья ядино́й рукой,
Привязал к коню ко стремени,
Запутал одеялком соболиныим.
Приехал он на тот ли на ши́рок двор
Ко этой Соловьихи Рохматою.
Увидели его нунь ма́лы детушки
Того Соловья нунь проклятого,
Говорят оны как нунь таково́ слово́:
«Матушка, матушка, едет наш батюшко,
Наш-то батюшко идё, мужика везё
Из-под тех из дубов из великиих,
Из того из полюшка из цистого!»
Уви́дла Соловьиха тут Рохматая,
Увидела Соловьиха проклятая

Как в окошечко косивцято;
Бросалась в цюлоцьках без цёбота,
Говорит она таковы слова:
«Ай, же глупыи малые-те детушки!
Как этого Соло́вьюшка Рахматого,
Как эта Соло́вьюшка проклятого,
Из того из цистого из полюшка
Не наш нынь-ко батюшка —
Едет цужая-то нунь цюжанина!»
Заехал он на той на ши́рок двор
Ко этому столбу ко тоцёному,
Ко этому колецьку золоцёному,
Заходит он во гридню столовую,
Как этой кухарки кланяитси,
Как крест клал по-уцёному,
Молитву клал по-писа́ному,
Как этой кухарки в особину:
«Как здравствуй, кухарка-нахлебница
Как этого Соло́вьюшка Рохматова,
Как эта Соло́вьюшка проклятого!» —
«Скажи-ко нынь-ко, не утай себя,
Какой нунь какой земли, какой орды?
Какого ты отьця, какой матушки?
Не поп ли ты, не поповець ли?
Король ли ты е, королевиць ли?
А есь ли ты посол Лиходо́ньскии?» —
«Не поп ныне, не попо́виць,
Не король, не королевиць,
Не тот ли я посол да Лиходо́ньскии —
Из славного из города из Мурома,
И того из села из прекрасного
Как славной всероссийскии бога́тырь,
Как этот Илюшенька Муромец,
Как тот ли был сын Ивановиць».
Скоры́м-скоро́ путь держал
От этой кухарки от хлебницы,
Пошел по балхонам по высокиим,
По тым по крылецькам по кру́тыим.
Иде-ко Илюшко Муромець —
Под ним ступеньки обломалисе,
Как эти перекладинки под ним ломаютсе.
(*Разозлили его, видно*).
Заходит он во си́ни высокии.

Как бы́ла доць по́лька-поляни́цею
Как этого Соло́вьюшки Рахматова,
Как этого Соло́вьюшка проклятого,
Поляница, полька была.
Схватила подворотню как во сорок пуд,
Пустила Илюшки в буйну голову —
Стоёт-ко Илюшкя, не стря́хнитси,
Как желты́ ку́дерка не сворохнитси.
Говорит Илюшка таково́ слово́:
«А это у Со́ловья у проклятого,
У эта Соловья́ у Рахматово
А есь доць полька-поля́ниця,
Спустила подворотню во сорок пуд
Во эту вот мою голову».
Говорит Илюшка таково́ слово́:
«Будто бы нунь-ко как комаро́цьку-ту
В эту во буйну голову!»
(*Пощупал*: «*А ничего*! — *говорит*». *Старик, верно, здоровый был.*)
Пошел он во гридни высокии,
Нашел польку-поля́ницю
Во тых во полатах высокиих,
Хватил ёну́ за ко́сью за девоцюю,
Как эту нунь польку-поля́ницю...
(*Режет, на голос не хватает, не выносит...*)
Как вытащил на широк двор,
На это на цистое на полюшко
Как эту польку-поля́ницю,
Как бросил выше Ивана-то Великого,
Как выше креста животворящего —
Как падат нынь полька-поля́ниця
Как на матушку сыру́ земли́ю,
⟨...⟩
Большого страму наделала,
Большую рану раздернула.
Пришла беда неминуцяя
Затыкать дыру онуцею.
Пошел он по полатам по высокиим
Как к этой Соловьихи Рахматовой,
Как к этой Соловьихе проклятой,
Говорит нонь Илюшка таково́ слово́:
«Как ай Соловьиха Рахматова,
Как ай Соловьиха проклятая,
Цести-ко ты гостя, уце́щивай,

Цести-ко ты гостя, улаживай,
Как дай-ко цяру зелена́ вина,
(«*Давай, — говорит, — безо всяких*!»)
Другую — цяру пива пьяного,
Как третью цяру налей пива сладкого,
Чтобы мерой были полтора ведра,
Как весом были полтора пуда!»
Как взял Илюшко ядино́й рукой,
Как выпил Илюшко на ядной здох:
Стоит как Илюшко — не стря́хнетсе,
Как желты ку́дерки не своро́хнутсе.
(*Соловью я николе не повинюсь, ни Боже мой*!)
Говорит нунь Илюшко таково́ слово
Как этой Соловьихе Рахматыи,
Как этой Соловьихе проклятыи:
«Ай же Соловьиха Рахматая,
Как эта Соловьиха проклятая,
У вас е чаши скатного земцюгу,
Как злата есь-то, серебра,
Дай-ко Илюшеньки Муромцю,
Тому ли сыну Иванову —
Не праведной живот у вас, грабленой!»
(*Дай уж, все ровно: волей спасен и неволей спасен.*)
Она дала ему цяшу скатню земцюгу,
Другую — как злата-се́ребра.
Как взял ён цяру ядино́й рукой,
Как высыпал в карманы-то —
Не праведной живот у них, награбленой.
«Хоть мне владеть, хоть вам владеть!»
(*Все равно награблено.*)
Скоры́м-скоро́ поворот держал
Как ⟨от⟩ этой Соловьихи Рахма́товой,
Как той Соловьихи проклятыи,
Зашел он во этот во широкий двор
Ко этому ко столбу ко тоцёному,
Ко этому колецьку золоцёному.
Скакал-ка Илюшка на Киев-град,
Поехал Илюшка во Киев-град
Ко этому ко князю ко Владимеру,
Ко этой княгини ко Опраксии.
Приехал как Илюшенька Муромець
Во етот ли во город во Киев-град
Ко славному князю ко Владимеру,

Ко славной княгини ко Опраксии.
Заходит он во гридню столовую
Как к этой кухарки ко хлебници,
Как крест клал по-уцёному,
Молитву правил по-писа́ному,
Как этой кухарки в особину.
«Ой здравствуй, сероссийскии бога́тырь,
Как этот Илюшенька Муромець,
А тот ли было сын Ивановиць
Из того ли из города из Мурома,
Из того села видь прекрасного!» —
«Как дома ли нунь князь со княгыною,
Со своей со княгыней со Опраксией?» —
«Как нету князя со княгыною —
У той ли обеденки у раннюю,
У той ли заутрени у позднюю».
Пришел ли он, князь Владимер-то,
Со своей княгиной со Опраксией
Как со той ли со обеденки со раннеей,
Со той ли заутренки со позднеей.
Приходит Илюшенка Муромець
Да то там было сын Ивановиць
Ко этому князю ко Владимиру,
Ко этой ко княгины ко Опраксии.
«Здрастуй, сероссийский бога́тырь,
Как этот Илюшенька Муромець,
А как он-то был сын Ивановиць!
Так где же вы, Илюшенька, проклаждаешьсе,
Как же где нынь, шатаешьсе?» —
«Ай же ты, князь со княгиною,
Со своей со княгыною со Опраксией!
Как был [я] во пути, во дороженьки
У этого Соло́вьюшка Рахматова,
У того Соло́вьюшка проклятого,
Привез я Соло́вьюшка Рахматова,
Как эта Соловья проклятого
У того коня как у стре́мена,
У этого одеялка соболиного
На тот как на ши́рок двор».
Как вышел на балхоны на высокии
Со своёй со княгиной со Опраксией,
Глядит ли на тот на ши́рок двор:
Как эта Соловья Рахматова

У того у коня был⟨а⟩ у стремяна,
Под тым одеялушком соболиныим.
Сходил-ко нунь Илья Муромець
Как к этому коню доброму,
У того одеялка соболиного.
Говорит он, князь-то, таково слово:
«Как ай же российской богатырь,
Как этот Илюшко Муромець,
Как этот было сын Ивановиць,
Из этого из города из Мурома,
Из того из села из прекрасного!
Как послушай-ко, Илюшка-да Муромець,
Как сын было ты, сын Ивановиц,
Как стало Соло́вьюшко проклятого,
Как стало Соло́вьюшко Рохматова:
Как пусць крыцит по-звериному,
Как пусць залае по-собацьему,
Изюцит пусць по-змеиному!»
(*Чтоб его всей Европе было слышно*!)
Говорит нунь Илюшко таково́ слово́.
«Ай же князь сто́лнё-киеськой,
Со своей ты со княгыной со Опраксией,
А у его уста е́сте пецяльные,
Как эти уста е́сте загневные.
Как дайте Соловью Рахматову,
Как дайте Соловью проклятому,
Как дайте ему цяру зелена́ вина,
Другую цяру налейте пива пьяного,
Как третью цяру налейте меду сладкого,
Чтобы мерой они были полтора ведра,
Как весом они были полтора пуда́!»
Как дали ему цяру зелена́ вина,
Другую налили пива пьяного,
Как третью нали́ли меду сладкого:
Как весом они были полтора пуда,
Как мерой они были полтора ведра.
Как взял ту цяру как ядиной рукой,
Как выпил цяру на ядиной дух —
Как стоит Соло́вьюшка, не стре́хнетсе,
Как желты кудерка не сворóхнутсе.
Говорит тут князь со княгиною:
«Как славный всероссийский бога́тырь,
Как этот Илюшенька Муромець,

Как тот-то ли сын Ивановиць,
Как пусць-ко згоцет по-змеиному,
Как пусць-ко слает по-собацьему,
Как пусць-ко заревет по-звериному!»
Заревел нунь Соловей по-звериному,
Залаел нунь по-собацьему
И замозгал по-змеиному
Как это как во эти три голоса —
Как матушка сыра земля сколубáласи,
Как эти кресты повалилисе,
Косявцеты околенки посы́пались.
Говорит нунь-ко князь со княгыною:
«Как славной сероссийскиий богáтырь,
Как это Илюшенька Муромець,
Как-то, то был сын Ивановиць,
Оставь-ко во городи во Киеви,
Оставь-ко нунь на си́мена!»
Как это князь со княгиною
Как пали оны раскарякою
На той на матушке на сырой земли́.
«Гой-ко ты, князь ли тут со княгиною!» —
Как этот-то там говорит Илья Муромець,
Как он-то нунь сын Ивановиць,
Из того из города из Мурома,
Из того из села из прекрасного:
«Оставим Соло́вьюшко Рохма́това,
Оставим Соло́вьюшко проклятого
Во этом во городи во Киеви,
Кладем мы нунь во служители!»
(*Пусть служит*!)
Говорил Соловей таково́ слово́:
«Ай же ты, князь сто́льнё-киеськой
Со своей со княгыной со Опраксией,
Не будет во Ки́ёви служителя,
Не будет во Ки́ёви поглядителя!»
Потом как Илюхе не к лицю пришло,
Это рець ему не прилюбиласе:
Соходит он со башенок великиих,
Сошол на тот на ши́рок двор
Ко тому ко столбу ко тоцёному,
Ко этому колецьку золоцёному,
Ко этому Соло́вьюшке Рохматову,
Ко этому Соло́вьюшке проклятому,

Хватил он Соло́вьюшка за желты́ кудри́,
Да бросил о матушку о сыру́ землю́,
Растоптал своим цёботом.
А тут Соловью славы́ поют,
А Илюхе тут — век по́ веку!

№ 202

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ай как что во городи да во Муромци,
Ай как во том сели дык Карацяеви,
Ай справлаетсе, справляетсе-снаряжаетсе
Ай удаленькой, да удалой мо́лодець
Ай как что в первую поездку видь богатырьскую.
А клал он заповедь ведь да великую:
Простоять в своем городи
Заутреню раннюю да воскресеньскую.
Эй как скоры́м шел, скоре́нько, ско́ро-на́скоро,
Обувал ведь он на ноженьки сапоженьки,
Надевал сапоженьки зелён сафьян,
Одевал и шубку он да соболиную,
Ай как ён кладал как видь как и шапоцьку на русы́ кудри́.
Ай как шел во церковь соборную,
Уж как крёст кладал по-писа́ному,
Поклон-от вел по-уцёному:
Ай как с тем всим крестам да тым да прецюдным
Молился он в особину,
Матушки Пресвятой Богородици
Он молилси все в особину,
Ай как он простоял он все да заутренну уж как ранную,
Уж как ранную воскресенскую.
Уж как ско́рым шел, скоры́м да ско́ро-на́скоро,
Ай как он шел да на ши́рок двор,
С широкого двора все на сто́илу лошадиную,
Ай как брал себе уздечку тесьмяную,
Выводил-то, выводил-становил добра́ коня,
Выводил коня на серёд двора,
Ай как стал коня обуздывать.
Ай кладал уж как потицьки все на потицьки,
А как он закладал мяхки войлоцьки,
А как наверёх уж как седёлышко черка́льскоё,

А черка́льскоё — двенадцать ста́ рублей.
А как затягивал двенадцати подпругама шелко́выма,
Ай как кладал тринадцату продольную
Не ради красы-басы,
А ради укрепы богатырьские.
Ай подпруги были цистого шолку ведь,
Шпильки как пряжки прежнеи,
Были цистого они, ци́ста се́ребра —
А как шелк не́ рветсе,
Булат ведь не ржа́веет,
Чисто се́ребро не зеле́зеет,
Как золото не ме́деет.
Ай скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
Ай как пошел к своей полаты белокаменной,
Говорил да таковы слова:
«Ай же ты, ко́рмилец как батюшка,
Послушай, наша матушка,
Навеки дайте-тко проще́ньицё-благослове́ньицё,
А навеки да нерушимое,
А как съиздить доброму Ильи Муромцю
А во перьвую поездку богатырьскую.
Ай как у меня клали заповедь есть великую:
А не брать туга́ лука́ со налучником,
Не вязать на бедро свое да крепкой палици,
Не кровавить руки своей богатырьскоей.
Ай другая заповедь уж как кла́дена:
Уж как ранняя стоять в своем городи заутрена,
А поспеть ко заутрени как ранней воскресеньской
А ко городу, ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ай поспити ко тому ли ко Чернигову
А к обедне воскресеньскоей,
А поспети к солнышку князю видь на поце́стен пир».
А как тут говорит таковы слова
А старый-то, старой батюшко:
«А послушай-ко, старый казак Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць,
А возьми-ко ты с собой ту́гой лук,
Уж как ту́гой разрывцятой,
А возьми каленых уж как стре́лоцёк
А гля всякого а видь гля слуцяя».
Ён как не слушал старого видь батюшка, старой матушки.
Уж как ёны́ дали благословеньиця.
Уж как брал ён лук, да взял он ту́гой лук,

А как ту́гой лук да разрывцятой,
А как брал-взял как каленыи уж как стрелоцьки,
Уж как садилси он да на добра́ коня.
Уж как видли мо́лодца уж как сядуцись,
Уж не видли как мо́лодца — поехал он:
Одна куревка проку́рила,
Пропоро́шита пропоро́шила.
Уж как конь ведь скацет реками, озерами,
А как маленькие источники промеж ног пустил,
А как реки, озера конь перескакивал.
А как ехал во всю пору лошадиною,
А как ён ехал нынь ни на ты поля, ни на ле́сина.
Как на полях увидел ведь,
Кака рать стояла великая.
Как стоит он видь угла́ные,
Все борзы́, татарове поганые,
А как сильные-могучие бога́тыри,
А как что не видно ни краю, ни берегу,
Ни конца, ни красного солнышка,
А как ночью не видно как ясного видь мисиця,
Ай как тут его заюшку ныни ни о́бскакать,
А как соколу днем его ни о́блететь —
Только силы, рать-силы стоит-то ведь.
А как он стал, добро́й мо́лодець, пораздумалсе:
Как от силушки отъехать ему да не хотитсе,
Как не на силу ни шме́ты нет,
Да ныне нету ведь на всем све́ти, на бело́м свети́.
А как надо какой ведь завет ставить ведь?
Завича́т ведь, верно, пору́шати?
Вот скоры́м-скоро́, ско́рым-на́скоро
Скакал он да со добра́ коня,
Уж как рвал себе дуб кряже́вистой,
Он привязывал ко левому ко стремени;
Уж как левой рвал дуб да кряже́вистой,
А как взял во праву́ руку́,
А поехал он как видь по силушки.
Ай как куды едет — туды улушка,
Перема́хнет — переу́лоцёк,
Он как силы ведь прибил-то ведь,
А как не оставил никого да на се́мена.
На бурлёночка скочил да как отвязывал,
А как отвязывал да от стре́мены
А как дуб да крико́вистой.

А скорым-скоро, скорым-наскоро
А под тую стену городовую.
Уж как он бил да коня по чистым ребрам,
А как коню да он наказывал:
«А уж как конь, ты, конь, скоци-ко ты
Через тую стену городовую,
А заехать надобно во город Смоленский!»
А скорым-скоро разогнал-то добра коня,
Он скочил скорехонько через ту стену городовую,
Он подъехал ко собору-церкви ко соборныи,
Он коня привязывал да ко столбику,
А как шол во церковь во соборную,
Ай как он крёст кладал по-писаному,
А поклон-от вел по-уцёному,
А клонилсе ведь на вси на цетыре на стороны,
Тым крестам видь прецистыим — в особину.
Ай как видит: мужики да смоленскии
Вси видь на огонь прицящяютсе,
Со белым светом оны да прощаютсе,
На войну мужики да снаряжаютсе.
Ай как он говорил таковы слова:
«Ай же вы, мужики да вы смоленские,
На что со белым светом прощаитесь,
А куды снаряжаитесь?» —
«Ай же ты, удаленькой-упаленькой,
А мы не знаем тебе, ни изотцины.
Под нашим городом, под городом
Рать-силы да как пало у нас да нынь великии,
Уж как стали силы поганыи,
А как поганыи силы да великии,
А как стоят да сорок тысяцей —
Хочут город весь головней покатити-то!» —
«Ай же вы, мужики вы смоленьскии,
Вы не кайтесь-ко, не причащайтесь-ко,
А со белым светушком ни прощайтесь-ко!
А скочите-ко на ту стену городовую,
Посмотрите вы на силу великую,
Что она теперь как делает:
А стоит-то она аль на земли лежит?»
А как мужики вси смоленьскии
Бежали да скакали на стену городовую,
Ай как глядят: рать-сила великая
Вся убитая на земи лежит,

Не оставлено ни одного на си́мяна.
А как они все шли во ту церкву во соборную:
«Ай как ты скажи-скажи, удаленькой-упа́ленькой,
Каким вас именем зовут,
Величают вас по отецесьву?
А живи-ко ты во городи ды родителем,
А как станем тебя да мы послушати!» —
«Ах вы, мужики вы смоленьскии,
А на что же вы каетесь и причащаетесь,
На белым свету не прощайтесь-ко.
А как вы живити-ко вы во городи,
А никто вас не пошевелит теперь.
Ай-ко да й выбирай теперь
А из ваших-то да богатого,
Как не ставьте бога́тыря воеводою.
Ай как вы лучше скажите-ко,
А где дорога есь ко Ки́ёву,
А ко городу ко Ки́ёву,
А ко городу ко Чернигову,
А как дорожка есть прямоежжена?»
Ай как говорили тут мужики-от смоленьскии:
«Ай как нынь не знаем ни имени, ни изо́тцины,
Ай как ты есь две прямоежжаны:
Ай перва дорожка есь окольняя — две тысяци,
А как есь прямая есь дорожка — одна тышаца
А до славного до города до Киева,
А нуни да той дорожкой не проехати буде, дороженькой,
Не проехать-то, нельзя проехать-то:
А не ежжена лет тридцать ведь,
А дорожкой да нельзя проехать прямой теперь.
А как есть три заста́вы да великии:
Есь и перва — корба́-болота топуции;
Как-от другая есть за́става —
Река широка́ — три версты — ды глубока́,
Не проехать тебе будет две за́ставы.
А как третья есь за́става да великая,
А под самым за́става под городом Черниговым —
А как есь Соловей-птиця Рохманова,
Тридцать лет он сидит да на гнездышки,
А как свиты гнездышка горбатыи,
А как сидит да не пропущает ведь
А не пешего да не конного,
А нету птици пролётучись,

А не зверь да проходучись».
А как нынь потом говорил таковы слова:
«Ай вы, мужики да смоленьскии,
Не бойтесь болот топуциих, лесов дремуциих,
Только бойтесь одной реки Смородины,
А не бойтесь Соловья-птици Рохманова!»
Вот он сел на коня на свого да на доброго,
А поехал он дорожкой прямоежженой
А ко славному ко городу ко Киеву.
А как поехал да доброй мо́лодець
До корб, до болот до тупу́циих,
А как взял коня, левой рукой ведет теперь,
А как правой рукой ду́бья рвё,
А как ду́бья рвё да все мосты мостит,
А мосты мостит да все калёныи,
А он как стружки́ ставил ведь,
А от конця ведь подписывал
На столбах он, уда́лой доброй мо́лодець.
А во перьвую поезку богатырьскою
А старый казак Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць,
А как он подъехал к реке да Смородины,
А как он скоры́м-скоро́, ско́рым-на́скоро,
Ско́ро-на́скоро садился на добра́ коня,
А как разогнал коня во прыть лошадиную,
Он скочил через ту реку́ широкую,
Перескочил да он ведь на тую сторону,
А как он от реки скочил три версты ведь.
(*На ту сторону, значит, еще три версты.*)
А как подъехал он а под тою под птицю Рохманного Соловеюшка,
А как видь сам Соловей увидал а видь конного проезжого,
Уж как стал он певать да во свою всю голову,
Ай как крикнул он да как по-звериному,
Как свиснул он как-то видь да по-соловьиному,
А как он стал напевать да стал — конь на коленки пал!
А как он скоры́м-скоро́ да как взял во всю голову,
Тугой лук да как натягивал,
А кла́дал стрелочки как разрывчатыи да колёныи,
А стрелы́ приговаривал:
«А как ты, стрелоцька калёная,
Ниже облака ходячего лети, выше лесу ведь стоячего,
Вылетай Соловью-то ведь,
А как тут лети, стрела, во правый глаз,

А как прямо Соловью во ухо левое!»
Тут летела стрелоцька
А пала Соловью в правый глаз,
Вылетела во лево́ ухо́.
Спустилась Соловей-птиця Рохманная
А с того да со гнездышка,
А как пал он на сыру землю́.
А сыра земля задро́жала
А как от сильняго Соловеюшка.
Он приехал к Соловью, взял за кудерышки,
Взял да говорил да таковы слова:
«Ай как ты, сильняя Соловей-птиця да Рахманная,
Ты видал как мо́лодца такого да сильного?
А ты сидел да на гнездышки,
А как брал да людей убивал-то ты». —
«Ай как я тридцать лет сидел да на гнездышке,
А не видал такого видь мо́лодца,
Что меня со гнездышка спустили ведь».
Он привязывал ко левой ко стремени к булатныи
Куде́рышкыма этыми ведь,
Как поехал он во всю по́ру ведь лошадиную.
Вот приехал он к Соловьиному да ко гнездышку,
А как тут ведь стояла полата белокаменна,
А как жили детушки Соловьиныи.
А как увидела дочка — была Олёна ведь —
А как в окошечко заглянула ведь:
«А как батюшка как наш и́дет, наш батюшка,
А как везет мужика-то ведь на се́роём!»
А как мать взглянула в окошецько:
«А вы, Соловьиныи детушки,
А как мужик-от и́дет да видь батюшка везет,
Везет у стремени у булатнии!»
(*Концили Соловья*!)
А как тут дочка Олёнушка,
А как вышла тут дочка на ши́рок двор,
На широком дворе схватила она
Подворотню цугунную да девяноста пуд,
А хотела ударить стара казака по голове.
А старый казак Илья Муромець
Увернулся нунь от удара от великого —
А как знал увертки ведь богатырьскии,
А как зял да пинул Олёну с добра́ коня.
А как Олёнушка летела к задней подворотенки,

А как был двор на семи столбах, на семи верстах,
А как улетела к задней подворотенки.
«Ты стой, лежи на сырой земли, погозывай,
Ты говори таковы слова:
„А не Господи дай Боже ратиться-то со сильныма могучима бога́тырьма!"»
(*Ведь тожа сильна была!*)
А как стали Соловьиныи уж как детушки,
Стали старого казака да Илью Муромця,
А просить, а он отдал бы уж кормильця Соловеюшко:
«Он, как батюшка-кормилец, ты отдай-ко нам,
Ай как возьми себе выкупу:
Как даем мы ведь чи́ста се́ребра,
А как даем мы скатна жемчуга!» —
«То я вам не отдам кормильца-ка ведь батюшка,
Вы вози́те ко князю ко Владимеру,
А катите-ко три телеги ордынские
Уж как красного золота, цистого се́ребра,
Скатнего мелкого как жемцюгу —
Може я вам там да отдам да кормильця как батюшка!»
Вот скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
Приехал он ко солнышку князю ведь ко Владимеру —
Только отошла обедня воскресеньская.
Ай как он становил коня,
А коня-то он да середь двора,
А коню да наказывал:
«Ай ты, конь, послушай-ко:
Береги-тко ты Соловья-птицу Рохманную,
А как стой, дожидаешь уж как до меня теперь,
Не явлюси я ведь до тебе топерь».
Ай как он пошел во полаты видь княженецькие.
А как шел во полаты княженецькие —
Было собрано да поцестен пир:
А сидит все да пановья да улановья,
Уж как купчи-то да богатыи,
Сенато́ры сидят да видь да думныи,
А вельмож уж, купецеские жены ведь,
А сидят да трапезуют за столами за дубовыма.
Ай как он зашол да как посматриват,
А как он ничего-то да ни сказыват.
А как шол ко князю да стольне-киевскому,
Солнышко князю да сто́льнё-киеському.
«Ай как мы не знаем вам не изотчины,
А садись-ка, молоде́ц, со гостями-то

А как с нашима да трапезовать».
А как он и говорит да таковы слова:
«Ай ты, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
Уж как сам ты сидишь да с воро́намы,
А и меня ты садишь с воронятами как да трапезовать!»
А как солнышко князь сто́льнё-киеськой
А как заревел во всю голову:
«Уж как сильнии могуции да бога́тыри,
А ведите-ко силу ту великую,
А как возьмите да срубите буйну голову!
Ай как вы скочите, берити по́д руку,
А ведите всё невежу, три бога́тыря,
А срубите голову уж как буйную!»
Вот скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
Скакали три бога́тыря, брали по́д руку,
Уж как брали под другу́ три бога́тыря,
А хотели-ко вывести на двор широкий ведь
А срубить видь как буйну голову.
А как разгорелоси как се́рьцё богаты́рьскоё:
А правой рукой да махнул — мертвы́ лежат,
А левой рукой махнул — вси мертвы́ лежат.
А как тут заревел он во всю голову:
«А как выскочити, сильныи могучии бога́тыри,
А берите по́д руки шесь бога́тырей,
А как позади иди́т⟨и⟩ шесь бога́тырей,
Впереди иди́т⟨и⟩ шесь бога́тырей,
Выводите-ко его́ на двор на широкии,
А срубите-то ему да буйну голову!»
Разгорелося как да серьце богаты́рьское,
Уж как стал — собирать его на двор вывести.
А как на двори распахнул руки́:
Как право́й рукой махнул — ты мертвы́ лежат,
Как лево́й махнул — ты мертвы́ лежат,
Ни оставил-то никого на симяна.
Вот скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
Уж как тут лук да разрывчатой,
Прикладал стрелу калиновую
А стрелы да приговаривал:
«А лети-ко, стрелочка, в окошецьки,
Пострели-ко ты, стрелоцька, царьски окошецьки,
Пострели-ко ты, стрелоцька, золоты маковки!»
Как спустил стрелоцьку — летела мимо окошецька —
А как пострелила стрелочка косявчаты окошецьки,

13 Зак. 3427

Посшиби́ла-то маковки золо́тыи.
Эти маковки да накладыват
А как пропивать да во ца̑рёв кабак.
Ай как он набрал себе эты маковки,
Всех голей звал да кабацких подруцьников
Пропивать как золотыи эты маковки
От окошецек от косивчатых.
Ой как тут на перу оны ды ни кушают,
Они не знают тут никого никто теперь:
А как какая тут ведь по́ завод приехал ведь.
Уж как солнышко князь сто́льнё-киеськой
Уж как стал он да тут спрашивать:
«Ой как сильнии могуции богатыри,
Уж как не слыхали ль, не видали ли до́бра молодца?»
Ай как тут говорил Добрыня ведь Микитинець
А какие как слова свои:
«Ай как ты послушай-ко уж, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
Ай как ту видал теперь да до́бра мо́лодца.
А есь во городе во Карачаеви,
Есь — старый казак Илья Муромець сын Ивановиць,
Есь ему смерть на бою вот не писана.
Я узна́ю его по ухватки по сильныи, по великии —
Надо ему да все ведь приехати».
А как солнышко князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же вы, Добрыня Микитинець,
А как надо сходить да на ца̑рёв кабак,
Позыва́ть как его да на поцестен пир!»
А скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
Одевалсе ведь как ён, ведь Добрынюшка да Микитинець,
Уж как ведь идет да на ца̑рёв кабак
А позвать да старого казака Илью Муромця.
А как он приходит да на ца̑рёв кабак,
А сидит-ка молодец, сидит,
А сидит как ведь на середоцьки.
Все эти пьяницы его да кушают да угощаютсе,
Они пьют да над собой никакой незгодушки не нацяютсе,
Они пьют да проздравляют ё, до́бра мо́лодца,
А старого казака да Илью Муромця.
Уж как стал да призадумалсе:
«Уж как мни да зайти к ёму́?
А как со зади́ зайти —
Надо видь уговорить, хорошо ему приправитьсе,
Надо видь уговорить до́бра мо́лодца,

А как сильнего могуцего бога́тыря».
А как взял со зади́ зашол,
А схватил за пле́ча ведь за великии,
А сам говорил таковы слова:
«А как ты послушай-ко, старой казак Илья Муромець,
Илья Муромець сын Иванович! —
Посла не бьют да не вешают.
А как я пришел за добрым мо́лодцем,
А как звал вас солнышко князь да сто́льнё-киеськой,
Ай как звал он тебя на поцестен пир,
Ай как звал он не сердитьсе, не вешатьсе,
А простить его — не узнал он вас, да как солнышко!»
А как он говорит таковы слова:
«А как ты, молодець ай Добрыня сын Никитинець,
А смотри-ко ты — сзади зашел.
Спереду шел бы ты, ведь зашел,
А рукой как хлопнул бы — пепел стал!
Вот слушай-ко ты, скажи ты солнышку князю сто́льнё-киеському,
А скажи-ко ты, скажи про меня, мо́лодца:
Пусть как нынь по всем земля́м, по́ орда́м,
По всем деревням, городам-то ведь
Пусть соберет купцей ведь богатыих,
Поля́ницей да видь уда́лыих,
Соберет сильных могучиих бога́тырей,
А потом меня да на поцестен пир
А как пусть-ко сделает, да позовет-то ведь!
А по всем местам дома-конторы откроет ведь питейныи,
А как то вино, пиво пья́ноё сделает
А на трои на сутоцьки безданно-беспошлинно.
А если он не сделает по-мо́ёму топерь,
А коли он не сделает по-моёму,
Тогда ён процарствует да вот до за́втрия!»
А как он скоры́м-скоро́-на́скоро
А приходит он во гридни да великии,
Говорил да таковы слова:
«Ай же ты, солнышко князь да сто́льнё-киеськой,
А приехал ни в первую поезку богатырьскою
А старой казак да Илья Муромець.
Уж как он да приказывал по всим,
По всим по дальниим по ордам,
По тем по дальниим по всим городам-пригородушкам
Всех собрать на почестен пир,
А как всех сильныих славныех бога́тырей

И купцей да богатыих.
А если ты не соберешь бога́тырей теперь
Да не сделаешь поцестной пир —
Да процарствуешь до завтрова».
Вот скоры́-скоро́, ско́ро-на́скоро
Да как разослал по всем по города́м,
Да по дальныим по сторонушкам,
А по всим теперь по го́родам:
А пусть да съежжаютсе
А вси купчи-то богатыи,
Поля́ници нынь уда́лыи,
А как сильныи славныи бога́тыри
А ко солнышку ко Владимеру на поцестен пир.
А ставили по приказу его да великому,
А открыли во всех местах конторы да питейныи
А безданно-беспошлинно,
Чтобы попили вси да зелено́ вино.
Кто не пьет зелена́ вина, меды сладкии,
Тот пьет пива пья́ныи.
А как стали собиратьси на поцестен пир,
Как приходят да посматривают:
А как конь стоит не привязан ведь,
А стоит у коня чудо чу́дноё, диво ди́вноё,
А не знает, как приехал добрый мо́лодець ды кого привез.
А как собралисе все да князья, бога́тыри,
Доложили ему, да старому казаку да Илье Муромцю.
Как старый казак да Илья Муромець
А скомандовал сорок теперь друзей великиих
А во лапотцях новолиповых:
«А как вы ступайте-тко за мной видь вси,
А как к солнышку пойдем-ко мы ко Владимеру на поце́стной пир,
А как, может быть, вы не видали ведь вы полаты белокаменны,
А полаты белокаменны, царьски комнаты,
А вы ступайте да не бойтесь-ко».
Вот приходит со всима голями кабацьками,
А занимает он места́ бо́льшии,
А садитсе он за первыи за столики,
А как где надо быть купцам богатыим,
Сильныим могучиим богатырям.
А сидит на таких на стульях царьскиих.
А это вси кругом да его теперь да стали угощатисе,
Он как стал напиватисе.
А как все на пиру накушались,

А как все на перу напивалисе,
А как все на перу пьют, проклаждаютси,
И как пьют, не чают-от ведь.
А как один Соловей, дите Рохманова,
А как один Соловей да у добра коня.
А как стали тут вси да фастати
Тут бы силою могучею да богацесьвом,
А как старый казак да Илья Муромець —
А фастать ему было нецем видь —
А как он и говорил таковы слова во всю го́лову:
«А как ты послушай-ко, князь сто́льнё-киеськой!
Уж как у меня есь на дворе да ведь как мо́лодець,
А как Соловей-птиця Рохманная,
А Рохманная да проклятая,
А как засвищит-то Соловеюшко,
Да будите на земи́ лёжа́ть!» —
«Ах же ты, старо́й казак Илья Муромець,
Прикажи-ко ты ему придти на поцестен пир
Нам посмотреть, добрым мо́лодцам».
Уж как он скоцил-то ско́ро-на́скоро,
Отвязывал от булатного от стремени,
Уж как свел Соловья, дитя Рохманово.
А как тут Соловеюшко во полаты княженецькии зашол,
Уж как стал тут Соловеюшко похаживать,
Похаживать по полатам по царьскиим —
Подгибаются мостиночки дубовые
От того Соловья-птици Рохмановой.
Ай как тут сказал солнышко да князь сто́льнё-киеськой:
«А как спой-ко ты, Соловей-птиця Рохманная,
А как засвисти по-соловьиному
А закричи по-звериному».
А как Соловей-птиця Рохманная
А как говорит да таковы слова:
«Я не у тя как пью, солнышко да князь сто́льнё-киеськой,
У кого я пью да как кушаю,
Я того да буду слушати.
Уж как слушаю я стара казака Илью Муромця!»
Ай как Илья Муромець говорил таковы слова:
«Ай как солнышко князь сто́льнё-киеськой!
Цяру мерой полтора ведра,
Цяру весом полтора пуда́
Уж как дай-ко ты Соловью-птици Рохмановой!»
Ай как он скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро

Наливал он ему цяру мерой полтора ведра,
А как он подавал цяру весом полтора пуда́.
Принимал цяру ядино́й рукой
Соловеюшко-птица Рохманная,
Выпивал цяру на яди́ной здох.
А как тут говорил старой казак Илья Муромець сын Ивановиць,
Говорил да Соловеюшку:
«А как ты закричи по-звериному вполголоса!
А как запищи-ко да засвищи теперь да вполголоса!»
Соловей-птиця Рахманная
Закрицял по-звериному вполголоса,
Запел как видь по-соловьиному вполголоса.
Ай как вси бога́тыри припугалисе,
А бога́тыри и мертвы́ лежат теперь,
А как царь-солнышко князь сто́льнё-киеськой
На палатушках как на жопы с княгиней со Опраксией.
А старый казак Илья Муромець смеется да во всю голову:
«Будет, Соловьюшко, напевать теперь!»
Как прикатили тут купци да бога́тыри,
Поле́ници вси да уда́лыи,
А как прикатили тут Соловьиныи как детушки
А о́ткупиты-ты-ко кормильца как батюшка.
А давали за кормильца за батюшка.
Три телеги все ёрды́нскии:
А как первую телегу ци́ста се́ребра,
А как другу телегу ска́тнёгу мелкого ведь земцюга,
А как третью телегу — красна золота:
«То́леко отдайте вы Соловья-птицю Рохманную!»
Ай как солнышко князь сто́льнё-киеськой говорил,
Говорил: «Да старой казак Илья Муромець сын Ивановиць,
А отдай-ко ты кормильца им ты ведь батюшка!» —
«Ай как ты видь, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А как ты не знаешь, ты не ведаешь Соловья-птици Рохматова!
Отдать соловьиным видь детушкам — омманет ведь,
А как скупи́т да как спродаст,
Так вам не бывать с Опраксией-женой живым теперь.
Лучше вы как засадите в тыи по́греба,
Засажёныи да глубокии,
Задёрните-ко, завалите-ко каменьями сильныма,
Задёрните-ко, засыпьте-ко земелюшкой!»
Тут и разьехались все —
Завалили Соловья, задёрнили.

(*И всё.*)

№ 203

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ай старый казак Илья Муромець сын Ивановиць,
Он справляетсе
А не в дальную во дорожку во пецяльнюю.
Ай скорым-скоро́, ско́ро-на́скоро
Он кладал заповедь он великую.
Ай ско́рым-скоро́, ско́ро-на́скоро
Он седлал своего добра́ коня бодрого
А как Бурушка ён косматого.
Ай кладал как потницьки ён на потницьки,
На потнички кла́дал войлоцьки,
На войлоцьки кла́дал ён седёлышко ён церкальское,
А церкальское раззуло́ченое,
А подтягивал ён двенадцати ён подпругамы,
Подпругамы шелковамы,
А тринадцату продольную
Ни для красы-басы — для твердости.
Ай булат-зелезо не́ рветсе.
Ай ён скорым-скоро́, ско́ро-на́скоро
Ай да садилсе мо́лодець да на добра́ коня.
Ай как видли мо́лодця сядуцись,
А не видли его поедуцись:
Одна ку́рёвка да проку́рила,
А поро́шиця пропоро́шила.
Ай уехал доброй мо́лодець во цисто́ полё
Ай как битьсе-дратисе ведь.
Ай как ён разъехалсы да на рассы́пю да на силу великую.
Ай как ехал ён ко солнышку князю ко Владимеру,
Ай как ехал на поци́стён пир.
Ай же ён выехал ён и́з дому ведь в десять часов —
Надо поспи́ть ай к оби́дне воскресные.
Ай напали на ёго́ пановья-улановья,
Ай орды-мырзы́, поганые татаровья.
Ай никакого не вынимал орудия,
Ай как взял ён дуб да как привязывал ко леву́ боку́,
Ай как дру́гой брал как дуб да в праву́ руку́,
Как нынь поехал он ко силушки да к великие,
Ай куды идё — туды улушка,
Перевёрниет — переу́лоцёк.
Ай как ён — прошло только времецька да ровно два часа —

Ай прибил ведь ту силушку великую.
Ай потом он отъехал немножецько,
А как ныне еде птиця Рахманная,
А сидит ён на гнездышки.
А как Соловей-птиця Рахманная
Нынь как свистнул вполголоса,
А как крыкнул в треть голоса,
А потом как конь да на коленка пал.
А как тут скоцил ён со добра́ коня,
Как толкнул ёго да под брюхо-то:
«А ты, волчья сыть, пеляно́й мешок,
Не слыхал-ка ты така́ крыку звириного,
А как крыку звириного от Соловьюшко?
Ай пал на коленка ты!»
А потом как поехал нунь опять,
А поехал во всю прыть да богатырьскую
А ко солнышку князю ён да к Владимиру,
Ай как к солнышку князю на поце́стён пир.
На поце́сном перу наедалисе и напивалисе.
Ай как ён пришел к ему в гостюшки,
А его сидят вси забавлены,
А вси табуретки, даже они заняты.
А как солнышко князь сто́льнё-киеськой
А как его называл да по имяни,
Ай по имяни, по отецесьви.
«Ай старый казак Илья Муромець,
Ай как есть мисте́чки да немношецько,
А садись на это на последнее на ме́стецько».
А ему ведь это не приправилось:
«Ах ты, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А садишь ты пить с воронятами,
Хлеба исть да с воро́намы.
А не сяду я, солнышко князь сто́льнё-киеськой,
А не сяду я пить с воронятами,
А не сяду я кушать да с воро́нами».
А как тут солнышко князь рассердилсе ведь:
«А берите-ко, ребятушки, сил⟨и⟩ни два воина,
А берите-ко Илью Муромця сына Ивановиця,
А берите-ко да плените его,
А секите-ка его буйну голову —
Ай же он да нас присрамил совсим!»
А скоры́м-скоро́, ско́ро-на́скоро
И брали его два бога́тыря.

А как он размахнул да белы́ руки́,
Как махнул свои ручушки,
Как махнул — так мертво́й лежит.
«А берите, три бога́тыря, также-то,
А с другого так три бога́тыря
А секите тому ему голову!»
А ён опять да повторил опять,
А повторил да еще трех убил,
И ён еще как раздразнил еще.
«А берите-ко шесть богатырей,
А берите по́д руку,
Да шесь бога́тырей по́д другу,
А ведите его на ши́рок двор,
А рубите его ли, ему голову!»
А потом как на широ́ком дворе
Натянул да ён как ту́гой лук,
А стрелил ён маковки да под окнами,
А ведь они, й маковки, да посыпались,
И давал сбирать, в карман их кладать.
А потом он шел на царёв кабак,
И набрал ён голей кабацкиих
И давай пропивать эти маковки.
Ну а там солнышко князь стольно-киеськой
И видит ныне пред собой да невзгодушку,
А послом посылал да послов послал:
А давай Илья да й Муромця
Просить в свои палаты белокаменны.

№ 204

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

На печи, печи, на печном столби,
Тут сидит старуха да расширь ноги,
Говорит старуха таковы слова:
«Ну во полюшки, во поли чи́стоём,
Молодой казак Илья Муромець,
Илья Муромець сын Ивановиць».
Видли добра молодца сядучи,
Тут не видели добра молодца поедучи:
Одна куревка проку́рила.
И поехал он во Киев-град

И от по́зднёю обеденки
А поспеть и да ко раннюю.
А тут места, как болота дремуции,
Ну дремуции, все топуции.
Он лево́й рукой он тут коня ведет,
А право́й рукой дубья рвет,
А дубья рвет и ён мосты мостит,
А мосты мостит все калёные.
Приежжает он ко речки ко Смородине,
И в речки Смородины
И сидит тут Соловей-птиця Рохматая,
Много лет сидит, берегит он Киев-град,
Нет тут пролету и нет проходу,
И добрым молодцам проходу.
Он натягивал как ту́гой лук,
И стрелил он Соловью во правой глаз,
А вылетат стрела а во лево́ ухо́,
Скатилсе Соловей с дуба акля́пого —
Соловьиныи как детушки там заплакали.
Приежжает он в Соловьиноё да посе́льицё.
У его доць да догадлива:
Здынула подворотенку а стопудовую,
Как хотела убить да до́бра мо́лодца,
А здынула, как ударить ладила.
Ладила, а мо́лодец как догадлив был:
А укатилась она под толсту дыру
Да и под задню стену да на дворе на широ́коём —
А вот как шутки шутить да с бога́тырем!
«Бери-ка ты злата-се́ребра, сколько надобно,
А отдайте как нам батюшка!» —
«Нет, приежжайте-ко да во Киев-град,
А выкупайте-ка да как батюшка!»
А повез его у стре́мяны во Киев-град,
А привязан за желты́ кудри́.
Приежжает как во стольный во Киев-град,
Отошла обидня как поздняя.
А у князя у Владимера
И тут собирался тут поцестной пир,
Еще на пиру и тут бога́тыри.
Поставил он коня на ши́рок двор,
Некому́ коня не приказывал,
И коня он не привязывал,
И Соловью-то он птице Рохматыи наказывал:

«И коня береги и Соловья береги,
А конь, ты Соловья береги».
И шел он в палату белокаменну,
И сидят там гости добры, любящии,
Они спрашивают русьского мóлодца:
«Как мы ти не знаем не имени, не отечесьва,
И садись-ко хоть на нижний конец». —
«А ты, Владимер стольне-киеськой,
Там сидишь как пьешь-то, кушаешь,
Ты сам сидишь-то с воронами,
И меня сади́шь да со воронами!» —
«Ах вы, сильныи могущии богáтыри,
Берите-ко как гостя за белы́ руки́,
А ведите-ко на ши́рок двор,
Придайте-ко смéрти, ему смерти́».
Подскочили-то как богáтыри,
Взяли-то его видь как пóд руки,
А он рукой махнул да других тряхнул —
Нунь не стало их во живности.
[А крычал как солнышко Владимер-князь стольнё-киеськой:
«Вы берите-ко его под руки».
Он как вышел с има на широк двор,
А он рукой махнул, головой тряхнул —
Не оставил их да во живности.]
А натягивал ён свой тýгой лук,
А стрелил он стрелоцьку калёную,
А стрелил он по царьскиим маковкам,
Забрал он в церквах царьскии маковки,
Забирал он голей да кабацкиих
Пропивать как царьскии маковки.
А грозен царь Иван Васильевич:
«Да есь приехал к нам да ты кто такой?
А кто бы из вас гость да непорядочной,
А из вас ходил на царёв кабак
А позвать ведь как гостиця великого!»
Находился из них один посланничек,
И пошел он на царёв кабак.
И там сидят как горьки пьяници.
«И доброй мóлодець, как скажись-ко нам,
И ты скажи-ко, какой земли, какой орды?
И какого ты отця да какой матери?
И пожалуйте-ко к нам на поцесной пир!»

№ 205

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Справляетсе-снаряжаетсе
Как старой казак Илья Муромець
А он в дороженьку во дальнюю,
А он во дальнюю дорожку, не в пецяльнюю.
А поспешает, проежжает в Киев-град
А к заутрени [ко Христоськии],
А в Цернигов — к обеденки ко Петроськии.
А не берет-то справы-то богатырьскою,
А не берет копья да долгомерного,
А не берет палицю булатнию,
А не берет копья да долгомерного,
А приежжат ко рóсстани великии,
Да стоит да призадумалси:
«Уж как нету приправы богатырьскии,
Уж как нету палици да булатнею,
Не взял копья да долгомерного,
Не взял меця да я вострого,
А мене-де ехать куда, путь держать?»
А прямо ехать по дорожке прямёхонько,
А прямо бежать, дак три так тысяци,
Уж как нету там похóду да поéзду-то,
А кругом ⟨...⟩
А берет он тýгой лук разрывцятой.
«Ну, поеду я дорожкой прямохожою,
Прямохожою дорожкой, прямоежжою».
А приежжает ко городу ко Смоляницю,
Там стоят поганы да татаровы:
Белу заюшку не óбскакать,
А горностаюшку не óбежать,
А ясну соколу не óблетéть —
Сколько-только поганыих тотаровей.
Разгорелось сéрдцё ретивое,
А ретивое сéрьцё богатырьское —
Надо заступить-то ведь
Как за веру, за отецесьво,
За отецесьво, за веру кресьянскою.
Закрицял он богатырским голосом.
Не яснóй сокóл лебедей ранил —
Как старóй казак Илья Муромець

А на рать-силу великую,
А на поганыих тата́ровьёв.
А сватил его да за желты́ кудри́,
Куды махнет — туды у́лицёк,
Перемахнет — переу́лоцёк,
А вдвоем, втроем коне⟨м⟩ то́птает,
А прибил тата́ровьёв до единого,
Он не оставил никакого ведь на се́мена.
А приежжат ко городу ко Смоля́ниньцю,
Там стоят мужики да каютсе,
Уж как каются оны да прощаютсе.
«Для цего же, мужики вы смоля́ниньци,
Для цего же, мужики, да каетесь,
Для цего вы да приобщаетесь?» —
«Ай же старой казак Илья Муромець,
Как нам тут ды ведь не каетьсе,
Как нам тут ведь не прицяшатисе:
Завтрашней-то ведь денёцек-то
Надь идти ведь в побоище да смертное». —
«Ай же мужики да вы смоля́ниньци,
Поглядите-ко во окошецько,
Что там делают поганые татаровья!»
Поглядели во окошецько —
Кто говорит: чуть живы стоят,
А другой говорит: от мертвы́ лежат.
А Илья говорит таковы слова:
«Ай же мужики вы смоля́ниньци,
Выбирайте послов вы скорыих,
Уж как скорыих послов да вы смелыих —
Что там делают ведь тотаровья?»
[Пошли] послы смелые,
Смелые послы, да ёны́ скорые —
Никакого нет поганого татарина,
Никакого не оставлено на си́мена.
Да говорят ему да таковы слова:
«Ай же ты, старо́й казак да Илья Муромець,
Ты живи у нас да цярьсвуй-ко,
Мы да станем повиноватисе,
Мы да станем поклонятисе!» —
«Ай же мужики вы смоляниньци,
Выбярайте царёв себе, царе́вицёв,
Королёв выбирайте себе, короле́вицёв,
А у меня се́рьцё ретивое,

Ретивое се́рьцё богатырьское,
Мне-ко наб съездить по полюшку,
Наб во полюшке сражатисе,
Со татарами ведь да сражатисе.
А покажите дорожку-ту да прямохожую,
Прямохожую и прямоежжую». —
«А тридцать лет дак не хожена,
А тридцать лет дак не ежжона,
А нету птици пролётища,
Нету зверю пробежища,
Нету ясну соколу пролётища.
Там сидит Соловей да Рахматые,
А сидит-то ён-то ён на ви́тоём на гнездоцьки,
Как свито гнездышко на семи верстах,
На семи верестах, на семи дубах».
«Ай же мужики вы смоля́ниньци,
Уж-[ко да вы-то не бойтесь]
Да болот-то вы топуциих,
Да не бойтесь песков-то вы зыбуциих,
Только бойтесь вы Соловья да Рахматова».
А он идет к реки, к Капре́-реки,
Дубы рвет, идет, ведет.
А приежжат ко Капре́-реки,
Да ко реценьке [Капре́-реки].
А стоит-то он, пораздумался:
«Как бы мне да переехать через ре́ку да Капру́-реку́?»
А разогнал добра́ коня
А через три поприща лошадиныих,
Размахнул-взмахнул да ведь
Через ре́ку-то Капре́-реку́,
А уж он пал на сыру землю́.
Стала мать сыра земля-та, вздрогнула,
А закрицял ведь Соловей Рахматои,
Закрицял-то по-звериному,
Засвистал по-змеиному —
А его-то добрый конь на коленки пал.
Уж он бьет его по цесны́м ребра́м:
«Ах ты, волцья сыть, травяной мешок,
Не бывал разве во цисто́м поли́,
Не слыхал ты крику змеиного,
Уж и свисту ты змеиного?»
А берет-то он свой-от ту́гой лук,
Кладыва́ет стрелоцьку калёную,

А и стрелоцьки приговариват:
«Ты лети, лети, моя стрелоцька,
Выше лесу, выше лесу стояцего,
Ниже облака да ты ходяцего,
А прилети, моя ты стрелоцька,
Соловью-то ведь Рахматову,
Налети-ко до во правой глаз,
Вылетай-ко да во левó ухó!»
Полетела эта стрелоцька
Ниже облака ходяцего,
Выше леса ведь стояцего,
Пролетела стрелоцька к Соловью Рахматову,
Налетела да во правый глаз,
Вылетела да во левó ухó.
А пал-то Соловей Рахматыи,
Пал-то со своего свитóго гнездышка на сыру землю́.
А приежжает казак Илья Муромецъ,
Как берет Соловья за жолты́ кудри́,
Привязыват ко левому ко стремени,
А поежжат во всю-ко прыть.
А Соловей-то Рохматыи
Все бежит, заскакиват
Сперед его да добра́ коня,
А приежжает в Соловьиныи полаты белокаменны.
А там увидели его малы детушки,
«Наш-от батюшко-то едет, мужика везет,
Мужика везё да с лошадью!»
А поглядела во окошецько: «Уж вы, детушки,
Мужик ведь батюшка везет уж-от,
Вы умейте-то его прова́дить-то!»
Была у Соловья доць бажоная,
Вышла стретать-таки.
[Была подворотня] зеле́зная,
[Была подворотня] стопудовая,
Хоцет ударить старого казака стопудовой-то.
А он знал увертки богатырьскии.
Увернулсе он [от удара великого],
А ударил он [под жопу-то] —
Был его ведь двор-то на семи столбах,
На семи столбах, на семи верстах —
Улетела она к задней стеноцьки.
«А старый казак Илья Муромець,
Ты отдай-ко нам да нашего батюшка!» —

«Нет, я не отдам типе́рицю вашего батюшка,
Я перед поеду, увезу-таки,
А вы везите телеги да ордынскии
Серебра, скацьнего жемцюга,
Может, вам-то отдам батюшка!»
Приежжает во Киев-град,
Привязыват добра́ коня
Ко тому столбу ко тоцёному,
Ко тому кольцю да золочёному.
Он наказыват да Соловью-то Рахматову:
«Уж Соловей-то ты Рахматыи,
Береги-ко ты добра́ коня!»
А коню доброму наказыват:
«Уж ты, доброй конь-ко ты,
Береги-ко ты Соловья-то ты да Рахматова,
А я пойду в палаты белокаменны!»
А пошел ён в полаты белокаменны.
Там говорят товарищи:
«Где ты издишь, старой Илья Муромець,
Долго издишь, к нам да не являешьси.
Куды ехал ты, куды путь держал?» —
«Я ведь ехал о дорожкой прямохожою,
Промохожою и прямоежжою». —
«Ай же ты, старой казак да ты Илья Муромець,
Да ты не ври-ко ты да не мани́-ко нас.
Уж на тридцать лет дорожка не хожона,
Тридцать лет дорожка не ежжона,
Нету птици пролетицу,
Нету зверю пробежицу,
Не ясну соколу да пролетица!»
А ён говорит Илья да таковы слова:
«Ай же вы, да поглядите-ко да вы в окошечко».
А князь-то Владимер да сто́льнё-киевской
Говорит ён да таковы слова:
«Ай же ты, старой казак Илья Муромець,
Проведи-ко к нам в полаты белокаменны!»
Как пошел Соловей-разбойник по крыльцям по дубовыим,
Отгибатьсе стали, шататьсе ступеньки всё дубовыи.
А приходит Соловей Рохматовый,
А приводят Соловья ведь Рохматова,
Говорит ему князь Владимерской да сто́льнё-киевской:
«Ну-ко зарыци, Соловей Рахматыи,
Запищи-ко ты да по-звериному,

Засвищи-ко ты да по-змеиному!»
Соловей да ведь Рахматыи
Говорит-то он таковы слова:
«Ай же князь Владимерской да сто́льнё-киевской,
Я не ем хлеба да не кушаю,
Ни тибя да буду слушати.
Я чей хлеб ем да кушаю,
Я того да буду слушати!»
А старой казак да Илья Муромець:
«Засвисти-ко ты да вполголоса,
Да вполголоса да звериного,
А вполсвиста да змеиного!»
А закрицял вполголоса да звериного,
А засвистал вполсвиста змеиного —
Они вси тут да мертвы́ лежат.

№ 206

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Во славном во городи во Муроми
А жил-был рыбак Иван Тимофеевич,
А у ёго́ сын Илья да видь Ивановиць,
Илья Ивановиць да Илья Муромець
Ему было имя и фамильиця.
Он рос, повырос ён, повырос ведь,
И говорил своёму батюшку:
«А ты, мой государь ты батюшко,
Мни-ка наб лошадка ступистая,
Мни-ка лошадка да не хорошая,
Чтобы могла возить меня да по цисты́м полям». —
«А где б тебе взять, Илья Муромець и сын Ивановиць,
А тебе небольшая лошадка ступистая?
А бери-тко ты несчетну золоту казну,
Покупай-ко ты лошадку ступистую».
Он взял бесчетну золоту казну,
Покупал себе лошадку ступистую,
А купил жеребеноцька одногодного,
Приводил к себе да на широкой двор;
Строил топерь себе да тын высокий-от —
Три сажени печатныи,
А катал того жеребеноцька да по три́ ночи́,

14 Зак. 3427

А по три́ ночи́ да во Божьи́х роса́х.
Этот да жеребеноцек да поскакиват,
И ножками да почиркиват.
Он сходил, Илья Муромець,
А сходил во лавку торговую,
А купил он седелушко черкальское,
А купил он уздечку тесне́тьскую,
Седлал своего он Бурушка-косматушка,
А поежжал да во цисты́ поля,
Говорил он да таковы слова:
«Государь ты мой, батюшко,
А Иван ты Тимофеевиць,
А родная моя матушка,
А Офимья Олександровна,
А я поеду во цисты́ поля
А показать себя добры́м людя́м,
А поглядеть мни-ка да свету белого!»
Видли доброго мо́лодца ся́дуци,
А не видли со Мурома да выежжаюци:
Только ку́ревка да проку́рила
От копыт ён да лошадиныих.
Пе́рву вёрсту конь пере́скоцил —
А опускался Илья да со добра́ коня,
Заповедь он ведь полагал,
Чуден крест да он вырезывал,
А на кресте подпись подписывал,
Подписывал ведь да выговаривал:
«Дай же, Боже-Господи,
А служить во городи а во Ки́ёви,
А у стольного князя у Владимера
А за мо́шши нетленныи да за цю́дны кресты,
А за це́рквы, за це́рквы соборныи».
Другую весту конь пере́скоцил —
А опускался Илья да со добра́ коня
И дру́гу заповедь он полагал,
И чуден крест ён вырезывал,
А на кресте подпись подписывал,
Подписывал ведь да выговаривал:
«Дай мни, Боже-Господи,
А служить во городи а во Киеви,
А у стольного князя у Владимера
А за Божьи церквы́, за чу́дны кресты,
А за це́ркви соборныи, а за мо́шши нетленныи».

А третью версту конь перескоцил —
А заставу он полагал,
А чуден крест он вырезывал,
А на кресте подпись он подписывал,
Подписывал ведь да выговаривал:
«А дай-ко мне, Боже-Господи,
А служить во городи д'во Киеви
А у стольного у князя у Владимера
А за Божьи цю́дны кресты,
А за мо́шши нетленные, це́ркви соборныи».
Садилсе Илья да на добра́ коня,
А он начал на́ горы помахивать,
Его добрый конь реки-озера поскакивать,
С горы на́ гору да с дола на́ долу,
А реки, озерушка перескакиват,
А синее морюшко кра́ём бежит,
А широка раздолья промеж ног пущат.
Доежжает-то он до города Цернигова,
А не доехал он три версты —
А стоит да силушка великая,
А стоит-то под Цернигов-град,
А берет во плен да во великою.
Церниговцы каютсе-споведаю́тсе,
С белым светушком прощаютсе.
Стал Илья да пораздумалсе,
Посмотрел на это чудошко:
«А сицас нет никак да ура́зинки,
А палици с собой не слуцилосе,
А ружья с собой не пригодилосе».
А спущался он да со добра́ коня,
А вырвал сырой дуб с кореньями,
А начал сырым дубо́м помахивать
По этой по силе ра́тноёй:
Куды махнет сырым дубо́м — падут улицьки,
А перема́хнет — туды переулоцьки.
И прибил он до единой да головушки
Все рать-силы-то, силы великую.
Приежжал Илья да во Цернигов-град,
Выходят мужики да черниговски:
«А не ангела ли нам Бог дал?
Аль не архангела ли нам Бог дал?
А пожалуй да к нам на широкий двор,
А судом суди да рядо́м ряди».

Говорил Илья Муромець таково́ слово́:
«Ай же, мужики да вы черниговски,
А есь я родушку я не царьского,
А есь я роду не государьского,
А есь я роду не поповьского,
А есь видь я роду не дьяковьского,
А есь я видь роду кристьяньского,
А не знаю я судов судить,
А не знаю я рядо́в рядить!»
Говорил он да таковы слова:
«Ай мужички да вы черниговски,
А скажите-ко — где эта дорожка прямоежжая
А во славной да во Ки́ёв-град?»
Говорили мужички да черниговски:
«Ай удалый наш добрый мо́лодець,
Ай старый казак-то Илья Муромец сын Ивановиць,
Тридцать лет дорожка прямоежжая запала ли,
Тридцать лет дорожка заколодела, —
Серому волку пробегу нет,
А прыскучему зайцу проскоку нет,
А ясному соколу пролету нет,
А доброму мо́лодцу проезду нет.
А там сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
На семи дубах на кряновистых,
Не пропустит ни конного, ни пешого,
Никакого доброго человечушка,
Оглушат своим свистом соловьиным:
Доброго молодца до мертва́ убьё».
Видли доброго мо́лодца сядуци,
А не видли доброго мо́лодца поедуци:
Только ку́ревка проку́рила
От копыт да лошадиных.
Ехал он дорожкой тут крутистою, широкою, прямой.
А наехал он на со́рок-сороко́в да разбойников.
И стал да пораздумалси:
«А и палички у меня не слуцилосе,
А ружья при себе не пригодилосе».
А вы́нёл ён шолыгу богатырьскою,
Начал шолыгой да помахивать:
Куды махнет — туды улушка,
Перемахнет — туды переулоцек,
Прибил он до яди́ного разбо́йницьков.
А ехал в дорожку широкую,

Не почтовую, а прямоежжую.
Подъежжал он к Соловьиному гнездышку во три версты.
Увидал Соловей-разбойник Рахматов ведь,
Что едет удалый добрый мо́лодець,
И засвистал Соловей по-соловьиному,
Закрицял Соловей по-звериному —
Лесушка до земли клонилосе,
Листочки на лесах посыпались,
Травонька вси да повянули,
А добрый конь Ильи да на коленка пал.
А он говорил да таково́ слово́:
«Ай же ты, волчья сыть, ай же травяной мешок,
Не слыхал ты крыку вороньего?»
Натягивал тетиву тяжело калёною,
Кладывал он стрелочку калёною,
А пустил Соловью дак видь во правой глаз,
А вылетала стрелоцька в лево́ ухо́.
Как Соловей падет да на сыру землю
Со дубов своих Соловье́ных,
Будто овсяная да куча се́нная.
Да взел он шолыгу богатырьскую,
А бил Соловья да по тучны́м ребра́м,
Прибил Соловья да до полу́смерти,
Привязал он ко стремени булатною,
Приежжал он к Соловьиному ко гнездышку.
А взел он шолыгу богатырьскую,
А убил он его да государыню,
А малых детушек на кол садил,
А Соловьиное гнездышко огнем пожгал.
Садилсе Илья да на добра́ коня,
А уця́л он плетоцькой помахивать,
Его добрый конь стал поскакивать
А с горы на́ гору, с до́лы на́ долу,
Реки-озера перескакиват,
А синее морюшко кругом бежит,
А широки раздолья промеж ног пускат.
Приежжал Илья во Киев-град.
А отошла-то служба поповская,
А сошел на обед, на бал ко Владимеру.
А собралисе на поцестной пир
Да в Киеви да ко Владимеру
А и вси князья да бо́яра,
Сильнии могучии бога́тыри,

Сидят да за столом угощаютсе.
Он приежжал да ко двору да ко широкому,
Ай говорил он да таковы слова:
«Ай же вы, товарищи князя Владимера,
Ай сторожа князя Владимера,
Допустите-ко меня, мужика деревеньского,
А ко князю Владимеру по надобности —
Князь Владимер ён меня да требовал».
Допустили его заехати на белой двор.
Привязал он лошадку-конька
Ко тому столбу да ко точёному,
Ко тому колечку золоцёному,
А ступал он в полату белокаменну.
А ступенецьки под ним сгибаютсе,
А мостиночки под ним ломаютсе.
Приходил он во гридьню столовую,
Кланяетсе да поклоняетсе
На все четыре сторонушки,
А князю Владимеру с княгиней в особину.
Князь Владимер видит цю́дище-цю́дное,
А пришло ди́вище-дивное:
Шел — дак ступени ломаютсе,
Шел — дак мосточки подгибаютсе.
Скочил князь на резвы́ ноги́
А говорил таковы слова:
«А не знаю тебе, удалый добрый мо́лодець,
А не знаю тебе имени да изотцины.
Ты скажись, скажись, ты цьей земли,
Да ты цьей земли да ты цьей орды,
Коего отца да коей матушки?
Пожалуйте ко мни да на поцестен пир
А за столы да за дубовыи!»
Сидят за столами за дубовыма
Молодой ведь Ставёр сын Годиновиць,
Молодой Добрынюшка Микитинець,
Молодой Михайла Потык сын Ивановиць,
Молодой Олёшенька Поповиць,
А сидят оне да угощаютсе.
А он сел за столы да за дубовыи,
Садили да на верхнем конци,
А он взял сел на нижний ко́ньцицек
За столы да за дубовыи,
Упер ногой да во паркетной мост,

Прижал своим боком могуциим,
И прижал этих сильныих могучих бога́тырей
Все равно, как тараканов в ши́лочку —
Оны не могли там и пикнути.
И говорил князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же ты, удалый мо́лодець,
А скажи мне, да ты цьей земли,
А скажи-ка мне, да ты цьей орды,
Коего отца да коей матушки?»
Говорил Илья Ивановиць да Муромець:
«Я есь из города из Мурома,
Из того села с Карачеева,
А есь я кресьянский сын.
А есь у меня батюшка Иван Тимофеевиць,
А есь у меня да изотцина,
А звать меня Илья да Ивановиць.
А поехал я к вам да на поцестен пир,
А хочется видать да поцестен пир,
А посмотреть царя да со царицею.
Ну, ехал я путем-дорожкой, призамешкалсе,
Не поспел я стать на поцестен пир.
Когда ехал я дорожкой прямоежжую,
Да имал Соловья за крылышки,
Да тут-то я да призамешкалсе».
Говорят стольнии могуции бога́тыри таковы слова:
«Ай же ты, наш князь сто́льнё-киеськой,
А не клади ты на мужика на деревеньщину,
Мужик что врет, то все враки.
Разве можно ехать дорожкой прямоежжую?
Как сидит там Соловей Рахматой ведь:
Не пропустит ни конного, ни пешего,
А никакого проежжего,
А он не пропустит мужика да деревеньщину».
А говорил Илья Муромець да таковы слова:
«Ай ты, князь стольне-киеськой,
А подь-ко, государь ты наш батюшка,
А посмотри-ко ты на свой на широкой двор.
А у того столба да у тоцёного,
А у того кольця у золоцёного
А стоит мой Бурушка косматыи,
А у правого стремени — Соловей Рохматыи!»
Не вирят-то сильнии могучии бога́тыри,
Не вирят-то словам богаты́рьскиим,

Посылали слуг да на ши́рок двор.
Слуги удивилисе да устрашилисе:
Десвительно Соловей у стремени булатнего,
И вроде будто то куця се́нная.
Скочили царь да со царицей на резвы́ ноги́,
А ставали вси сильнии могуции бога́тыри
И шли на широкой белой двор,
И глядели на цю́душко-цю́дное,
И глядели на ди́вушко-дивное,
И говорили таковы слова:
«А как бы нам послухать свисту Соловьиного?»
И говорил князь да таковы слова:
«Дай-ко я заставлю Соловья свистать.
Ну-тко, Соловей да Рахматыи,
Засвищи-тко, Соловей, по-соловьиному,
Закричи-тко по-звериному».
Говорил Соловей да таковы слова:
«А не у тя нунь ем да кушаю,
А не тебя хочу да слушати.
А я ем да у Ильи Муромця,
А хочу слушать Илью Муромця».
Говорил князь да стольне-киеськой:
«Ну-тко, Илья Муромець да сын Ивановиць,
Заставь свистать Соловья по-соловьиному!»
Приходил Илья да Муромець,
Говорил да таковы слова:
«Засвищи-тко, Соловей Рахматыи, по-соловьиному,
Закричи-тко ты, злодей, по-звериному».
Говорил Соловей да таковы слова:
«Засвистал бы я по-соловьиному,
Закрицял бы я по-звериному —
Запекалась моя рана кровавая,
Не могу я свистать по-соловьиному,
Не могу я кричать по-звериному».
Говорил Илья Муромець таковы слова:
«Ай же ты, князь сто́льнё-киеськой,
А неси-тко ты ведро да зелена́ вина,
А другое неси пива пьяного,
А третье неси меду сладкого,
Ко Соловью в одно место скушати.
А он засвищет тогда по-соловьиному».
А наливали зелена́ вина,
Другого наливали пива пьяного,

Третью наливали меда сладкого,
Подносили Соловью да во уста Соловьиныи.
И пил Соловей да на ядѝной сдух,
И говорил видь он да таковы слова:
«А в устах было — к серьцу нѐ дошло,
Не могу закрыцать по-соловьиному».
Наливали другую цяру зелена́ вина,
Дру́гу пива пьяного,
А третью меду сладкого,
Подвели питье в одно место,
Подносили Соловью к устам его.
А выпивал Соловей да на ядѝной сдох,
А говорил он да таковы слова:
«А в усах было — да к серьцю нѐ дошло,
Дайте-ко третью цяру да зелена́ вина».
Налили третью цяру да зелена́ вина,
Подносили к устам Соловьиныим.
Выпивал Соловей на ядѝной вздох
И говорил он да таковы слова:
«В устах у мня было, дак к серьцу подошло,
Засвищу я топерь по-соловьиному,
Закрыцю я топерь по-звериному».
Говорил Илья Муромець да сын Ивановиць таково́ слово́:
«Государь наш солнышко, наш князь да стольне-киеськой,
Государыня наша матушка да стольне-киеськая,
А подьте-ко под мою шубу соболиную,
А заверчу я вас во свои полы́,
Во свою во шубу соболиную».
Как засвистел Соловей по-соловьиному,
Закричал Соловей да по-звериному —
А крыши с теремов да повалилисе,
А оконьицы со крыльца посыпались,
А вси, кто стояли, — да плавают,
А на резвы ноги встать нихто не может.
А государь с государыней стольне-киеськие
Всё стоят под шубой соболиноей,
А стоят они да колубаютсе,
А с белым светушком прощаютсе,
Говорили да таковы слова:
«Илья Муромець да сын Ивановиць,
А предай-ко Соловью да ка́зень смертную!»
Илья Муромець да сын Ивановиць
Вынял шолы́гу богатырьскую,

А бил Соловья по тучны́м ребра́м, по буйной головушке,
Убил Соловья до мертва́ ретива́ серьца́.
Тут Соловью да ведь славы́ поют.
Говорил ему князь да сто́льнё-киеськой:
«А вот как топерь тебе, Илья Муромець,
Я тобя ведь да жалую:
Пусть-ко ты, казак Илья Муромець,
А Илья Муромець да сын Ивановиць,
А пусть эти-то да бога́тыри тебе да поклоняютсе!»

№ 207

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

И справляетсе да снаряжаетсе
Еще старыи казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць,
Во тую ли ён дороженьку во дальнюю,
Ай во дальнюю да не в знакомую.
Ай кладна́л потницьки на потницьки,
Как кладна́л войлуцьки на войлуцьки,
А на верёх седёлушко чиркальскоё,
А черка́льскоё седёлышко соболиное,
А не для красы-басы все молодецькою,
А для укрепости он богатырскою.
А видли до́бра мо́лодца нунь сядуци,
А не видли разудалого поедуци:
А во цистом поле да о́дна пыль стоит.
Да приежжал бы он в тот в град да во Черниговьской.
А обступила сила она пога́ная,
А выкликает-ка да поядиньщика —
А не находитсе в граду да поядиньщика.
А напахнулсе старый казак да Илья Муромець,
А Илья Муромець да сын Ивановиць,
Ай напахнулсе на ту-сту силу на поганую,
А и прибил-прирубил всеих до единого,
А не оставил ён татаровей на си́мяна.
А прияжжал нунь в тот град да во Черниговьской,
А увидали мужики его черниговци,
А говорят оны да таковы слова:
«А не ангел едит, не Господь летит,
А идет-то там уда́лой до́брой мо́лодець!»

А давали ёму́ да селы-то с присёлкамы,
А давали города да с пригородкамы,
А и становили тут царем его на царьсвие.
«А не надо мни-ко сел да нунь с присёлкамы,
А не надо городов да с пригородкамы,
А не стану я царём да к вам на царьсвие.
А ай же, мужики, да вы черниговцы,
Да вы покажьте дорожку прямоежжую,
Прямоежжую да прямохожую
А ко тому ли нунь ко солнышку Владимеру». —
«Ай ли ты, уда́лой доброй мо́лодець,
А триста лет пути-дорожки нет,
А заросла дорожка, заколодела,
А нету серу заюшку проско́кища,
А нету черну во́рону проле́тища.
А есь нынь три заста́вы великии:
А перва за́става — да мхи топуции,
Ай дру́га за́става — рецька быстрая,
А третья за́става — сидит Соловей-птица Рохматые
На двенадцати дубах да на кленовыих». —
«Ну покажите, мужики-то вы черниговци».
Показали тут дорожку да прямоежжую,
А прямоежжую да прямохожую.
Приежжал он к заста́вы великою,
Ну приходит — грязь-болота-ты топуции,
Уж он нарвал ли тут да дубу ко́реню,
А замостил он да тут калинов мост.
Приежжал бы к другой за́ставы великою,
А бежит ли тут да рицька быстрая.
А перьву струечку перебрел,
А дру́гу струечку ён переплыл,
А третью струечку ныркóм прошел.
Приежжал ён к третьей за́ставы великою,
Ай сидит тут Соловей-птица Рохматые,
На двенадцати дубах да гнездо по́вито.
Ай засвистал Соловей по-соловьиному,
Ай закрицял ли он по-звериному —
А ёго́ доброй конь да на коленка пал.
И хошь он бил коня да по туцьным ребрам:
«Ай же волчья сыть да пелово́й мешок,
Разве не слыхал ты крыку ворониного?»
А направлял ли ён да свой тут ту́гой лук,
А на ту́гой лук да калёну́ стрелу:

«А лети-ко, калёна́ стрела, во правой нунь глаз,
А вылетай-ко, калёна́ стрела, во лево́ ухо́».
А пала калёна́ стрела во правой нунь глаз,
А вылетела нунь она да во лево́ ухо́,
А пал тут Соловей да о сыру земли́ю.
А как стал тут Илюшенька поигрывать,
А как Соловей-птиця́ побегивать.
И трое сутоцьки не ел, не пил,
А все за Со́ловьем нунь след во след ходил,
А изымал он Соловья-птицю Рохматую.
А привёза́л ёго́ да к правому ко стремяни,
Отправлялсе нунь в дороженьку во дальнюю.
А увидали тут как дити Соловьиныи,
Ай говорят ёны́ да своей матушки:
«Ай уж ты, свет ты наша матушка,
А видим, батюшко да мужика везет».
А поглядела тут жена да Соловьиная
С-под руки нунь в окошечко косивчято:
«Ай идите вы, да мои детушки,
Ай сыновья да нуньцю любимые,
Ай везет-то мужик, да везё батюшка.
А вы давайте-ко злата-золота,
А выкупайте-ко да своно батюшка!»
А давали нуньцю злата-золота.
«Не надо мни-ка нуньцю злата-золота».
И отправлялсе в путь в дороженьку во дальнюю
А ко тому ли он ко солнышку Владимеру.
Приежжал ли он да нунь на белой двор,
А привязал коня да ко тому столбу,
Ко тому столбу ко тоцёному,
А ко колечушку да золоцёному,
Насыпал ли он пшоницы белоя́ровой,
Ай приходил ли ён в полаты белокаменны.
А еще вси тут на перу да напивалисе,
А еще вси тут на перу да наедалисе,
А еще вси тут на перу да пьяны-веселы,
А еще вси на перу да порасхвастались.
А умной хвастаит отцём, матерью,
А безумной хвастаит молодой женой,
А неразумной хвастаит золотой казной,
А сильнии богатыри — да силушкой,
А ён, уда́лой мо́лодець,
А ён ниця́м не хвастает.

Ай говорит тут князь да сто́льнё-киеськой.
«Ай же ты, уда́лой доброй мо́лодець,
А что же ты не ешь, ницём не хвастаешь?
А⟨ли⟩ пи́тьи тебе да не по разуму?
Али кушанья тибе да не в кара́хтер тут?» —
«А ни́чим мне-ка, мо́лодцю, нунь хвастати,
А хвастать ли, не хвастать нунь поездоцькой». —
«А ты куда ехал, куда путь держал?» —
«А я ехал той дорожкой прямоежжую,
Прямоежжую да прямохожую».
А говорит тут князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же мужичи́нишо, да надсме́шнишо,
Ай же ты над нами надсмехаишьсе!
А берите-ко его шесть могуциих бога́тырей,
А ведите-ко на тую ли на плаху на кровавую
А рубите-ко да буйну голову».
Взе́ли шесть могуциих бога́тырей —
Ён махнул ли нунь своёй рукой,
Да вси бога́тыри тут мертвы́ лежат.
А видит князь тут сто́льнё-киеськой,
А видит он пошибочку немалую:
«А видь ты скажись-ко, доброй мо́лодець,
А ты коёй земли да ты коёй орды?
А ко́ёго отьця да дитя матери?» —
«Уж я той земли да нуньцу той орды,
Как нуньцо того отьца да дитя матери,
А уж я старый казак да Илья Муромець.
А на твоем дворе да Соловей висит
Нунь у правой ли да нунь у стре́мяны». —
«А ты веди-ко Соловья да во высо́к тере́м!»
Привели тут да во высо́к тере́м,
Говорит тут князь да стольне-киеськой:
«Засвисши-тко, Соловей, по-соловьиному,
Закричи-тко ты, злодей, да по-звериному». —
«А не могу я засвистать по-соловьиному,
А не могу я закричать да по-звериному».
Наливать нать цяру зелена́ вина —
А мерой была́ цяря полто́ра ведра,
А весом бы́ла цяра полтора пуда́.
А принимал тут Соловей да ядино́й рукой,
А выпивал ли он да на ядино́й дух.
Ну говорит тут князь сто́льнё-киеськой:
«Прикажи-ко засвистать да Соловью-птице́!»

Говорит тут старый казак да Илья Муромець:
«Засвищи-тко, Соловей, ты в половиноцьку,
Закрычи-тко, Соловей, да в цетвертиноцьку».
Наливали дру́гу цяру зелена́ вина,
Принимал тут Соловей да ядино́й рукой,
Выпивал тут Соловей да на ядѝной дух.
«Засвищи-тко, Соловей, да нунь в третиночку,
Закричи-тко ты, злодей, как ты бы мог!»
Засвистал тут Соловей да нунь в третиночку,
Закричал-ко ён, злодей, да по-звериному, —
А нунчи вси теремы да вси посыпались,
А с Божьи́х церкве́й кресты повалилисе,
А новы́ терёма́ вси пошаталисе,
Вси ли тут мертвы́ лежат,
А солнышко тут ходит окоракою.
А говорит тут князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же, старыи казак да Илья Муромець,
А придай-ко Соловью да казнь вечную,
Нету нас, не будет ни единого».
А нуньцю выкопали погреба́ да тут глубокии,
Засадили Соловья-птицю Рохматую,
Нунь зарыли как нунь желты́м песком,
Накатили тут да камни пой-каме́нь —
Тут как Соловью да славу́ поют.

№ 208

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

Илья Муромець сын Иванович
Справляиця и снаряжаиця
От заутрени воскреснои,
А хочет попасть ко обедни воскрёсной
В Киев-град, князю Владимиру-солнышку.
Седлал ён свого сивушка-бурушка косматого,
Кладевал седёлышко черкальское
И подпруг кладал до ⟨двенадцати⟩,
Тринадцату кладевал ён продольную
Не ради красы-басы, а ради крепости богатырьскои.
Просил ён у своёй родной матушки
Прошченьицё а благословленьичё:
«Дай, родна матуша, мне прошченьицьчё

Съездить во тот ли во славный Киёв-град,
Прочистить дороженьку прямохожую и прямоежжую
Во тот ли во славной Киёв».
Говорил ён своёй родной матушки:
«Дашь прошченьицо — поеду, и не дашь — поеду!»
Говорила ёму ро́дна матушка:
«Куда же ты пойдешь, до́брый мо́лодець
Илья М⟨уроме⟩ц да сын Ивановиць?
Дорожки прямохожую и прямоежжую
Триста лет туды проезду нет.
Кругом тебе ехать — в три годы не объехать,
Серому волку в три годы не о́бскакать,
Чорному ворону в три годы не о́блетить
Прямохожою дорожка, прямоежжую.
Есть три за́ставы да великии:
Первая заставушка великая —
Корбы топучии и болота зыбучии,
Другая есть и заставушка да великая —
Сидит Соловей-птича, розбойничок,
На семи дубах и на сёми верстах,
На восьмой березки под подкляпою,
Не пропушчал ён ни пешего, ни конного,
Звирь не прохаживал мимо ёго,
Птича никака ни пролятывала,
Богатырь-де какой не проежживал!»
Засвистал Соловей-розбойник по-змеиному,
Закричал Соловей-розбойник по-звериному —
У Ильи Муромца конь на колена пал.
Ударил Илья М⟨уроме⟩ц шпорами
Доброго коня по крутым ребрам:
«Ай же ты, невежа, неужоль не слыхал
Крыку богатырьского и свисту молодецького?»
Вынимал Илья Муромец лук с плеча,
Кладевал туды стрелоцьку калёную,
Кладевал ён и приговаривал:
«Лети-тко, лети, стрелоцька моя калёная,
Пади не на воду и не на землю —
Пади Соловью-розбойнику во правый глаз
И вылетай во лево́ ухо,
Оброни Соловья-розбойника о сыру землю!»
Спустил свою стрелочку калёную —
Пала С⟨оловь⟩ю-розб⟨ойни⟩ку во правый глаз
И вылетала во лево́ ухо,

Обронила Соловья о сыру землю.
Подъежжал И⟨лья⟩ М⟨уроме⟩ц к Соловью-розбойнику —
Соловей-розб⟨ойни⟩к был ешче во живностях —
Перевёзал ёго буйную голову своим носовым платком,
Привязал ко стременю ко булатнёю.
Подъежжал он ко дому да Соловьиному.
Увидали ди́ти Соловьёвые со терема со высокого:
«Ай, родна матушка, иде со чиста поля наш батюшко,
Идет везет мужика да деревеньшчину
У стремены да у булатьнёй!»
Поглядела Настасья Соловьёвишна со выского терема
И говорит таково слово:
«Ах вы, мои детушки,
Иде мужик да деревеньшчина
Да везе вашого батюшка убитого.
Берите-ко вы, детушки, шелы́ги-де подорожные,
Стрицяйте мужика вы да деревеньшчину!»
Сама схватила второпях подворотню девяносто пуд.
Знал Илья М⟨уроме⟩ц увертки да богатырьскии,
Отвернулся ён от подворотни девяносто пуд,
Схватил он Настасью Соловьёвишну,
Зачал ён ю посуивать,
За́чал ён ю с ноги на ногу да покидывать,
Из угла в угол Настасья Соловьёвишна перелятыват.
Говорила тут ёна своим детушкам таково слово:
«Ай же вы, мои детушки,
Зовите-ко разудалого доброго молодца
Во высок терём да во гостёбишчо,
Дайте ёму подарочок — злата и серебра.
Разудалой доброй молодеч,
Живи у нас ты воеводою!»
Отвечал И⟨лья⟩ М⟨уроме⟩ц сын Иванович:
«Не пойду я к вам во гостёбишчо,
Не надо мне вашого злата да серебра,
Не буду я жить у вас воёводую.
Покажите мне дорожку прямохожую да прямоежжую
Во тот да во славный во Киев-град.
Не покажите мне дорожки прямохожои, прямоезжжои,
Прибью я вас до единого,
Не оставлю на си́мяна!»
Говорила Настасья Сол⟨овьёви⟩шна:
«На пути, на дороги есть ишче заставушка, да великая:
Стоить рать великоя мужичоночков —

Труновчов и ореховчов — и свету нет!»
Прибил ён всих до единого, не оставил на си́мяна,
А Соловья-розбойника с собой везет у стремены.
Подъехал ён к рать-силы великии,
Говорил Илья М⟨уроме⟩ц таково слово:
«Ай же, мужичонки труновчы да ореховчы,
А кажите мне дороженьку да во тот ли во славный во К⟨ие⟩в-град
Прямохожую и прямоезжую!»
Говорят труновчы и ореховчы:
«Ай же ты, розудалой доброй молодечь,
Дорожки прямохожою и прямоежжую
Триста лет как проезду нет:
Серому волку в три года не о́бскакать,
Чорному ворону в три года не о́блететь,
Тебе, молодцю, и проезду нет».
Не приправились эти слова Ильи Муромчу,
Зачал ён их помахивать:
Куды махне́ — стане улочка,
А перемахне́ — стане переулочок.
Прибил всю силу в полтора часа,
Приежжал ён ко городу да ко Киёву,
Заежжал ён ко князю Владимиру на широкой двор,
Привязал ён коня ко тому столбу ко тоцёному,
Ко колецьку золочоному,
Насыпал коню пшоны да белояровой,
Сам приходил к князю Владимиру во высок терём,
Крёст кладал ён по-писаному,
А поклон вел по-ученому,
Князю В⟨ладими⟩ру кланялся да в особину,
Говорил И⟨лья⟩ М⟨уроме⟩ц таково слово́:
«Хотел поспить я уже к заутрени ко воскрёснои,
А не поспел и к обиденки к воскрёснои,
Пока росчишшал я дорожку прямохожую да прямоежжую.
А поспел хоть на обед да княжинецькои».
Говорил князь Вл⟨адими⟩р-солнышко:
«Ай же ты, розудалой доброй молодеч,
Скажись, коёй орды да коёй земли,
Коёго отча да коёй матушки?» —
«Я из города да из Мурома, из того села да Карачеёва,
По прозваньичу Илья Муромеч,
А кто пожалует, — дак сын Ивановиць».
Говорит князь Вл⟨адими⟩р-солнышко:
«Вот есть там на пути три заставы и три великиих:

15 Зак. 3427

Первая за́става — корбишки топучии,
Болота есть да зыбучии,
Есть вторая заставушка да великая —
Сидит Соловей-птича, розбойничок,
На семи дубах и на сёми верстах,
А на восьмый березки подкляпою,
Есть третья заставушка да великая —
Стоить рать-силы великая
У той реки у Смородинкой,
Стоит мужичоночков труновчов, ореховчов и бекетовчов,
Стоит, дак и свету нет!»
Говорил Илья М⟨уроме⟩ц сын Ив⟨анович⟩
Князю В⟨ладими⟩ру таково слово:
«Проехал я три заставушки да великиих,
Прочистил я дороженьку прямохожую и прямоежжую,
Привёз я тебе Соловья-розбойничка да во гостиничках». —
«Пустым ты похвастываешь, Илья М⟨уроме⟩ц да сын Ивановиць!»
Говорил И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩ князю Вл⟨адими⟩ру-с⟨олны⟩шко:
«Выйдите, кн⟨язь⟩ Вл⟨адими⟩р-солнышко,
На свой на широкой двор и поглядите:
У стремянах да у булатниих
Висит С⟨олове⟩й-птича, роз⟨бойни⟩чок раненый».
Говорил кн⟨язь⟩ Вл⟨адими⟩р-с⟨олныш⟩ко Соловью-розбойнику:
«Ай же ты, Соловей-птича, роз⟨бойни⟩чок,
Ну-ко крыкни в полкрыку богатырьського,
Да свистни в полсвисту молодечкого!»
Говорил Сол⟨овей⟩-р⟨озбойни⟩к
Князю Вл⟨адими⟩ру-солнышко таково слово:
«Не твоё я пью да ем, да кушаю
И не твоё я буду слушати».
Говорил Илья Муромеч
Кн⟨язю⟩ В⟨ладими⟩ру-солнышку таково слово:
«Налей-ко ему чару зелена вина,
Весом-то чара полтора ведра,
А мерой-то чара полтора пуда́!»
Наливали чару зелена вина,
Весом-то чара полтора пуда,
Мерой-то чара п⟨олто⟩ра ведра,
Приносили Соловью-розбойнику.
Соловей-р⟨озбойни⟩к принимал единой рукой,
Выпивал на един свой дух.
Тут засвистал Соловей-розбойник
Во весь свист да змеиную

Да во весь крик да во звериную —
У князя со терема стёкла посыпались,
Князь Вл⟨адими⟩р-солн⟨ыш⟩ко лежал полтора часа без памяти.
Потом во чусво как вошол, приказал Илье Муромчу срубить Соловью голову.

№ 209

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Он у батюшка давается, у матушки благославляется:
«Вы спустите-ко, благословите-ко
Меня к трем крестам да поклонитися,
Ко святым отцам да приложитися,
Спустите — поеду я, и не спустите — поеду я!»
Потом дали ему прощеньице и благословленьице.
Ен седлал да своего коня доброго,
Кла́дал потецьки на потецьки,
А на потецьки мягки войлоцки,
А на войлоцки кладывал ковано седло.
Только видли добра молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи:
Только куревка прокурела,
Да порошица пропорошила.
Уезжал старый казак Илья Муромец во чисто поле,
Поглядел в сторонку полуденную —
Там стоит силушка несметоцна,
Что пару лошадиного не видно светла месяца,
А днем не видно красна солнышка,
Мать сыра земля да подогнуласи.
Стал молодец да пораздумалси:
«Что мне сделать с этой силушкой?»
Ρвал ен да дуб крякóвистый,
Стал по силушки поезживать,
Стал сырым дубком да ен помахивать:
Куды махнет — туды улица, перемахнет — переулками.
Прибил этих всех татаровьев,
Всех татаровьев, всех погановьев,
Не оставил он не óдного на сúмена.
Поехал он во город во Смолягин,
Зашел он во церькву богомольную,
Он крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,

Говорил ен да таковы слова:
«Вы, смородинцы да смолягинцы,
Что вы каетесь да причащаетесь,
Вы куда собираетесь?» —
«Уж мы каемся да причащаемся,
На войну мы да собираемся,
А под нашим-то под городом Смолягиным
Стоит силушка несметоцна,
Окол силушки заяцу не о́бскакать
Да и черну ворону не о́блететь». —
«Вы бежите-ко туды скорым-скоро,
Вы скорым-скоро да скоро-наскоро,
Поглядите-ко на вашу силушку:
Ваша силушка да вся прибитая,
Вся прибитая да костром срытая».
Они бежали туды скорым-скоро,
Поглядели во сторонку полуденную —
Там силушка вся прибитая.
Говорили они таковы слова:
«Ах ты, удаленькой да упаренькой,
Скажи, как тебя звать нам по-имяцьки,
Величать да по отечеству?» —
«Мне-то имячко Ильюшенька,
А кто пожалует — сын Иванович».
Дак говорили они ему таковы слова:
«Что заплатить нам тебе за роботушку?
Села́ ли дать тебе с приселкамы,
Али города да с пригородкамы?» —
«Ничего нам этого не надобно,
Росскажите про дорожку прямохожую,
Прямохожую да прямоезжую,
Проехать мне да во Киев-град». —
«Прямо ехать три часа,
Но прямо ехать — есть три за́ставы,
Три за́ставы, три великиих:
Перва за́става — мхи, болота топучие,
Друга за́става — река Смородина,
А третья застава — Соловей-птица Рахматая.
Ен сидит на семи столбах,
Крицит по-звериному, свищет ён да по-змеиному,
Мизгат по-собацьему».
Приехал молодец да пораздумалси:
«Если не проехать дорожкой прямоезжею,

Нечем на пиру будет похвастать».
Одной он рукой коня ведет,
А другой рукой дубы-то рвет,
Дубы рвет да все мосты мостит,
Ен мосты мостит все дубовые,
Столбики кладыват точеные,
А на столбиках все подписыват:
«Тут ишел-прошел добрый молодец
Старый казак Илья Муромец».
Подъехал он к Соловью-птицы,
Закрицал Соловей по-звериному —
Его добрый конь на коленка пал.
Ен бил коня по тугим ребрам:
«Ах ты волчья сыть, пиловой мешок,
Не слыхал ты, видно, крыку звериного!»
Натягивал ён свой да тугой лук,
Кладал стрелоцку ен точеную,
Стрелке он да приговаривал:
«Ты лети, стрела, да не на воду,
Ты не на воду, стрела, лети не на землю,
Лети к Соловью-птице Рахматому,
Упади-ко, стрелка, во право плечо,
Сбей-ко Соловья да на сыру землю».
Летела стрелоцка не на воду,
И не на воду и не на землю,
Упала во право плецо
И сбила Соловья да на сыру землю.
Привязал старой казак Илья Муромец
Соловья ко правой стремены,
Сам поехал к Соловьиному гнездышку.
Соловьины-то детушки говорят:
«Матушка, наш-то батюшка какого-то
Мужичка везет у стремены!»
Говорила им родна матушка:
«Нет, какой-то мужиченочко везет нашего батюшку».
Приехал старый казак во Киев-град,
Заходит ко солнышку ко князю ко Владимиру,
Коня спустил ен на широк двор,
К столбу коня да не привязывал,
Говорил коню таковы слова:
«Береги, конь, моего Соловья».
Сам у ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,

Зашел к им во почестный пир.
Спрашивал у его солнышко князь стольно-киевской:
«Ты откуль приехал, добрый молодец,
Ты не злой ли посол лиходийский?»
Отвецал ен таковы слова:
«Я старый казак Илья Муромец,
Во первой поездки богатырскую».
Ему дали мистицко немножечко
На самом на нижнем на концике,
Наливали ему цару зелена вина,
Цара-то была полтора пуда,
А мерой была полтора ведра.
Ен взял эту цару единóй рукой
И выпил эту цару на единый здох.
И все-то на пиру и наедалисе,
Все на пиру да напивалисе,
Все на пиру да порасхвастались:
Умный-то хвастал отцом-матерью,
А безумный хвастал золотой казной,
А глупый хвастал молодой женой,
А ён похвастал своей силой богатырской:
Что «Я проклал вам дорожку прямохожую
Со того со города Смолягина,
Я убил ведь Соловья-птицу Рахматую».
И ему ни за што в это не верили.
Ен говорил таковы слова:
Что «Соловей у меня у добра коня».
Говорил солнышко князь стольно-киевский:
«Ах ты, удалый добрый молодец,
Приведи-ко Соловья к нам в полаты белокаменны,
Пусть зарыцит только хоть в полрыка́,
Засвистит только в полсвиста́».
Старый казак Илья Муромец
Привел Соловья в полаты белокаменны,
Говорил ему таковы слова:
«Засвищи только в полсвисту
И зарычи только в полрыку».
И Соловей ему не повинуется,
Закрицал ен во всю буйну голову —
У его в полаты белокаменной
Окольницки да все посыпались,
А солнышко князь стольно-киевской
Со своей княгиней со Опраксией

Со испугу чуть с ума не шел.
Говорил ен таковы слова:
«Ах вы, сильные могучеи богатыри,
Возьмите-ко невежу за белы руки
И ведите-ко его да на широк двор,
Посадите-ко во погреба глубокие!»
Тут спросился старый казак Илья Муромец
У солнышка князя Владимира:
«Разрешите отмстить Соловью-птице Рахматому».
Привязал Соловья ко сыру дубу,
А другим крылом ко добру коню
И розорвал Соловья пополам.
А Илью посадили в погреба.

№ 210

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Справлялся, сряжался во Киев-град
Старóй казак да Илья Муромец,
Не брал ён своей приправы богатырьскоей,
Только взял ён тýгий лук да калену́ стрелу.
Видли молодца сядучи, а не видли, куда и поедучи, —
Только пыль пылит во чистóм поли́.
Пришел он ко селу Смолягину,
А к мужикам-карачаевцам
И слышит ён шум великиий,
И стал и пораздумалси:
«Не заехать мне на этот шум великий,
Дак нечем мне будет в Киеви и похвастатьси».
И вырвал ён сосну кряковúсту
И привязал ей к стремени шелкóвыи,
И выехал ён на рать-силу великую.
Куды едет — туды улица,
А перемахнет — переулками.
И не оставил ён той силушки и на сúмена.
(*Всю и прибил.*)
Приезжает ён к мужикам-карачаевцам,
А к селу Смолягину:
Ены стоят да Богу молятьси,
Богу молятси со слезами все.
«Ах же вы, мужички-карачаевцы,

Со села Смолягина,
Что же вы Богу молитесь со слезами ведь?» —
Говорит: «Как же нам не плакать,
Как же нам не рыдать,
Как стоит сила несметоцка». —
«Вы вставайте, — говорит, — на ту башенку
И посмотрите в ту стороночку —
Прибита и приломана вся силушка,
Не оставлено и на си́мена». —
«Ах же ты, добрый молодец,
Живи у нас в нашем городи во Смолягине,
Будем мы тебе поклонятиси!» —
«Не буду я у вас жить,
А покажите мне прямоезжую, прямохожую
Дорожиньку во Киве-град». —
«Ах, уда́лой, добро́й молодец,
Тридцать лет нету туда дорожиньки,
Нет заяцу проскокища,
Добру молодцу проезжища:
Перва́ за́става — мхи-болота топучие,
А вторая за́става — протекла ричка Смородина,
А третья за́става — сидит Соловей-птица Рахматая». —
«Ах мужики-карачаевцы, покажите мне, — говорит, —
Прямохожую, прямоезжую дорожиньку».
Вот ён доехал до мхов, до болот топучиих,
Во леву́ руку коня берет,
А право́й рукой мости мостит
Через мхи-болота топучии.
Доехал ён до реки Смородины:
«Ну-ко, вещий конь, скачи через реку Смородину,
А не задевай рички быстроий».
Вот когда конь перескочил, ён поехал опять.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Закричал по-звериному,
Вещо́й конь да на колена пал.
Бил ён коня по тучным ребрам:
«Ах ты, волчья сыть, а пиловой мешок,
Неужель ты не слыхал свисту змеиного,
А крику зверинаго?»
Брал Илья Муромец тугой лук,
И кладавал ён калену́ стрелу.
«Ты лети, стрела, не вались ни на́ воду, ни на́ землю,
А ты лети, стрела, да Соловью в правый глаз,

А вылетай-ко ты да в лево́ ухо́».
Скатился Соловей да со сыра́ дуба.
Подъехал тут старый казак Илья Муромец,
Привязал Соловья ко стре́мены,
Приезжает ён во Киев-град
Ко солнышку князю Владимиру,
Заходит ён во гридню столовую,
Всим ён да поклоняется,
А царю и царице в особину.
«Ах ты, удалой добрый молодец,
Садись-ко ты с намы пообедати,
Да кушаньев покушать нашиих,
А ты скажись, доброй молодец,
Чей есть и откулешний?» —
«Есть я старо́й казак Илья Муромец из города Чернигова». —
«Давно ли ты в пути находишьси, в дорожиньки?» —
«А суток нет». —
«А как же попадал сюда?» —
«Попадал я сюда через Смолягина,
Был я у мужиков-карачаевцев,
Ехал дороженькой прямоезжею да прямохожею». —
«Ай же ты, удалой доброй молодец,
А не хвастал бы пустым этым:
Перва́ за́става — мхи-болота топучии,
Другая за́става — протекла ричка Смородина,
А третья за́става — сидит Соловей-птица Рахматая,
Нету ворону отдохищу,
А заяцу проскокищу,
А добрым молодцам проезжища,
Сидит там Соловей-птица Рахматая
На семи дубах да на кленовыих». —
«Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Ехал я дорожкой прямохожею, прямоезжею,
А Соловей-птица да у тебя во двори́ сидит,
Доброго моего коня кормит и поит». —
«Ах же ты, добрый молодец,
Приведи его, — говорит, — да во гридню столовую,
А пусть-ко ён закричит да по-звериному,
А засвищет пусть да по-змеиному».
Приводил старо́й казак Илья Муромец
Соловья-птицу Рахматую.
Говорил солнышко князь стольно-киевский:
«Закричи-ко по-звериному,

А засвищи-ко по-змеиному!»
Отвечал Соловей напорез ему:
«Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Не у тебя я ем да кушаю,
А не тебя буду и слушати».
Говорит солнышко князь стольно-киевский:
«Ах же ты, удалой добрый молодец,
Вели-ко ему закричать да по-звериному,
А засвистать да по-змеиному».
Говорил ему старóй казак Илья Муромец:
«Закричи-ко ты да по-звериному,
А засвищи-ко ты да по-змеиному!» —
«Ах же ты, старой казак Илья Муромец,
Не могу я закричать да по-звериному,
А засвистать да по-змеиному». —
«Ну, дак закричи хоть в половиночку,
А засвищи хоть во третиночку».
Закричал Соловей во девяту часть,
А засвистал да во десятую:
Все окольничи да поломалиси,
А в церьквах иконы повалилиси
От рыку от звериного,
А от свисту от змеиного,
А солнышко князь стольно-киевский
Чуть не замертвó лежит на зени
Да катается со своими богатырями.
А старóй казак да усмехаетси.
«Ах же ты, доброй молодец,
Бери-ко ты Соловья-птицу Рахматую,
А веди-ко ты да во чистó поле,
А отсеки ему буйну голову!»
Брал старóй казак Илья Муромец
И выходил во чисто поли,
И отсéк ему буйну голову;
Тут ему и славу поют.
И стал старóй казак Илья Муромец
У него гостить да угощатиси.
«Ах же ты, удалой доброй молодец,
Домой ли ты справляешься,
Аль в поездку отправляешься?» —
«Ах же ты, солнышко князь стольно-киевский,
Поехал я доброй молодец в чисто поли
Самому себя оказатиси,

Добрых молодцев осмотретиси!»
Видли доброго молодца,
Что поехал ён да во чисто́ поли,
А во чистом поли́ одна копо́ть стоит,
Не видли, куда и поехал.
Попадается Илье Муромцу два старика нищиих:
«Ах же вы, старики стародавние,
Куды вы отправилиси,
А куды пошаталиси?
Не наб ли вам отрубить буйной головы?»
Говорили старики доброму молодцу:
«На-ко наши платья нищецькие,
А воротись-ко ты да во Киев-град,
Как приехала там Одолища непомерная,
Дак воротись-ко ты, да победи его».
Воротился старой казак да Илья Муромец
Опять да во Киев-град.
Несут Одолища на золото́м блюди́
За столы да за дубовые.
Стоит старо́й казак да Илья Муромец,
Он стоит да смотрит,
Как ён ест да кушает,
А по мякушке в рот покидыват.
Говорит старой казак да Илья Муромец,
Ён говорит да солнышку князю Владимиру:
«Как бывало эдако у меня коровищо-обжорищо,
Ела, пила да кушала эдак же помногу-то да и лопнула!»
Тут Одолищу да не приндравилось,
Выдергивал он ножище-кинжалище,
Бросал вострым ножом жа во Илью да Муромца.
А Илья Муромец догадки знал молодецкие,
Молодецкие да богатырьские,
Отвернулся ён да от ножика,
Три стены пролетел вострой ножик.
Хватил старой казак Илья Муромец
Поганого Одолища со стола дубового
И пригнул его да ко сырой земли.
Тут ему да и славу поют.

№ 211

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

Во славное во городе во Муромле
Был там старый казак Илья Муромец да сын Иванович,
Седлал как он своего коня доброго,
Потницки кладывал на потницки,
А подпружки кладывал да на подпружки,
Сиделки кладывал на сидёлышко,
Черькаськое седло на верех кладывал,
Не ради красы-босы, а ради крепости,
Ради силы было богатырьские.
Взимал как Илья с собой копье долгомерное,
Кладыва́л за плечи кале́ный лук,
Брал с собой стрелки каленые да начиненые,
А па́лицу брал как с собой во сорок пуд.
Обла́тался Илья и обкольчужился,
Садился как Илья на до́бра коня́.
Видли добра молодца ся́дучи,
Не видли поезжаючи из города из Муромля.
Ехал во славный во город во Киев-град
Ко тому ко князю Владимиру.
Наехал на рат-силу великую
Под городом Черниговом.
Глядел как Илья в трубоньку подзорную,
Глядел как в ту сторону востоцную:
Стоит рат-сила великая под городом Черниговым,
Стоит поганыих татаровей.
От той от силы великоей
Земля-мать да подогнулася,
От того, от пару лошадиного
Красно солнышко на́ небе поблёкнуло,
А тут молодец да прираздумался:
«Не честь-хвала мне будет молодецкая
Бить эта сила с краю мни».
А приправил коня своего доброго
В саму серединочку.
А стал как по силушке поезживать на добро́м кони,
И стал как Илья палицей помахивать:
Куды махнет — тут поганых лежит улкамы,
А перемахнет — переулкамы.
Прибил эту си́лу в три́ часа,

Не искал ён ворот в крепость княженецкиих,
Приправил своего коня доброго,
Через тыи стены горо́довыи,
Через тыи крепости крепкие,
Заскочел конь во Чернигов-град.
Видит Илья во черкове соборные
Мужички-то собираются, мужички-то черниговськи.
Подъезжал Илья ко церквы соборные,
Выходил Илья со добра́ коня,
Привязывал коня ко столбу точеному,
Ко тому кольцю да золоченому.
Заходил Илья во церковь соборную,
Кланялся Илья на вси четыре стороны
Князю со княгиною в ⟨о⟩собину,
Тому князю Кинстянтину Кинстянтинову.
Говорил князю́ таковы слова:
«Ай же ты, князь да черниговський,
Констянтин Констянтинович,
Куда же у тебя мужички да сбираются?
У священника оны каются да причащаются?» —
«Как же мужичкам не сбираться,
Как же им не каяться, не причащаться?
Ены каются да причащаются,
Да на войну-то ведь направляются.
У нас под городом Черниговым
Стоит рат-сила великая,
Выкликают поединщика:
„Нет поединыщика — ваш Чернигов-град
С конча зажгем, да с другого колоть начнем,
А тебя, князя со княгиней, во плен возьмем!"»
Говорил Илья таковы слова:
«Ай вы, мужички да черниговськи,
Не кайтесь-ка да не причащайтесь-ка,
Да на войну нунь не направляйтесь-ка.
Под вашим городом Черниговым
Убита сила великая, убиты поганые татаровы
До единой головушки,
Не оста́вил поганыих на си́мяна».
Тут на Илью оглядилися,
Да тут ены вси да удивилися,
И стал князь Илью выспрашивать,
А Илья князю да стал высказывать.
Выспрашивал князь:

«Какого ты роду, какого племени,
Какой орды да какой земли?»
Говорил Илья таковы слова:
«Я есть из города из Муромля,
Из села из Кара́чева,
По прозванью я Илья Муромец да сын Иванович».
Говорил тут князь черниговський:
«Ай же ты, Илья Муромец да сын Иванович,
Поди-ка ты к нам да защитником,
Даим те города с пригородкам,
Даим те села́ с приселкам
И даим тебе место, где по́любо».
Ен говорил им таковы слова:
«Не надо мни городов ваших с пригородкам,
И не надо мни ваших сел с приселкам,
Не пойду я к вам защитником».
Нанесли Ильи много злата-се́ребра,
Захватил Илья своей горсточкой,
Спустил Илья во глубо́к карман.
«Это за работу, братцы, мни и не грех же взять».
Спросил Илья про путь, про дороженьку:
«Ай же ты, князь черниговськой,
Скажи мне про путь, про дороженьку,
Куда мне попасть во стольный Киев-град
К тому да ко князю да ко Владимиру?»
Говорил князь да черниговський:
«Кругом ехать — цела тыще верст,
А прямо ехать — пятьсот верст.
Только дорогой прямоезжей
⟨Тридцать⟩ лет туда прохожий не прохаживал
И проезжий не проезживал,
И черный ворон не пролетывал,
И серый заяц не проскакивал,
И звирь туда не прохаживал».
Тут молодець пораздумался:
«Не честь-хвала молодецькая
И старый казак Илья Муромец
Ехать дорогой окольнею,
А поеду я дорогой прямоезжей».
Выходил Илья со церквы соборноей,
Садился Илья на добра коня,
А видли добра молодца сядучи,
А не видли молодца поезжаючи из города Чернигова.

Поехал ен дорогой прямоезжею,
Наехал ен на Со́ловья-разбойника.
Сидел ведь Соловей на семи дубах,
У той рички Смородиной,
Не допущал богатыря в семи верстах.
Услыхал ведь Соловей поездку богатырьскую,
Услыхал ведь топот лошадинную,
Закрыцал ведь Соловей как по-звериному,
Засвистал ведь Соловей да по-змеиному,
Залаяла собака по-собачьему.
От того от крыку Соловьиного
Земля-матушка продрогнула,
Лиса вси к земли приклонилися,
Во рички Смородиной вода вся помутилася,
У Ильи добрый конь на колена пал.
И бил коня Илья по тугим ребра́м,
И бил коня, приговаривал:
«Ай же ты, волчья выть, травяной мешок,
Соловейного ты крыку пугаесси».
У Ильи скочел добрый конь на резвы́ ноги,
Илья з-за могучих плеч вынимал свой тугой лук,
Кладывал он стрелку калёную,
Калёную да начиненую,
Спустил ен во Со́ловья-розбойничка,
Попал ему в буйну голову.
Покатился Соловей да со семи дубов
На матушку сыру землю.
Наскакал Илья на своем добро́м кони,
Наскакал он ко Со́ловью-розбойнику,
Здымал ен с матушки сырой земли,
Привязывал ко левоей ко стре́мяны,
Тут поехал с Со́ловьем-розбойником.
Увидали его ро́дные детушки,
Говорили своёй ро́дной матушки:
«Ах ты наша родная матушка,
Едет родный батюшка да и мужика везет
На добро́м кони у левоей у стре́мяны».
Поглядела ихня ро́дна матушка в окошечко:
«Ай же мои родные детушки!
Не батюшка едет на добром кони да мужика везет,
А мужик-то едет на добром кони
Да везет вашего батюшку у левоей у стре́мяны».
Говорила ихня ро́дны матушка таковы слова:

«Знайте-ка вы его как и стритити».
Была у его старшая дочь богатырка,
Выходила на то крыльчо на пиреное,
Говорила Ильи таковы слова:
«Заезжайте-ка на добром кони к нам на ши́рок двор
Со пути со дороженьки,
Заходите к нам в палаты белокаменны
Хлеба-соли покушати».
Заезжал Илья на добром кони да на ши́рок двор,
Ена схватила подворотню чугунную,
Ударила Илью в буйну голову,
Одва Илья на добром кони и у́сидел.
Поворот Илья держал на добро́м кони со бела двора,
Схватил ю как за тресту за заднюю,
Бросил как Илья в чисто́ поле,
Одны косточки разлетилися.
Злато-серебро Илья тут Соловьиное с собой забрал,
А Соловьиную жену и детей по Руси послал,
А сам путь держал ко князю ко Владимиру.
Поехал ен во стольний во Киев-град,
Старый казак Илья Муромец сын Иванович,
К тому князю да ко Владимиру.
Ехал тут Илья на славный княженецкий двор,
Выходил Илья да со добра коня,
Привязывал коня к столбу да к точеному,
К тому кольцу да золоченому,
Сыпал Илья коню пшена белоярого,
Нес Илья коню доброму ключевой воды
И говорил коню да таковы слова:
«Ешь пшена белоярого досыти,
А ключевой воды пей до́пьяна».
А Соловья своим ковром да закидывал,
Закидывал ен да у добра коня,
Да у левой у стре́мяны.
А на ту пору у князя был да почестный бал,
Вси к князю князья-бояра на́ бал собиралися.
Пошел Илья во палаты белокаменны,
Не спрашивал Илья ни сторожов, ни придверников,
Заходил Илья в палаты княженецкие,
Ко тому князю да ко Владимиру,
Кланялся Илья на вси ⟨четыре⟩ стороны,
Князю да со княгиною в ⟨о⟩собину.
Вси ены оглядилися,

Вси на балу осмотрилися
На Илью на Муромца.
Говорят ему да таковы слова:
«Откуда ты удалая удаленька,
Откуда ты есть да доброй молодець,
Какой ты орды да какой земли,
Какого есть роду-племени?» —
«Есть я роду крестьяньского,
А сам я из городу из Муромля,
Из села Кара́чева,
По прозванию Илья Муромец да сын Иванович,
Приехал я сюда поглядить вашего города Киева,
Тебя, князя́ Володимера».
Говорил ему князь таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромец сын Иванович,
Садись-ка ты к нам за столы за дубовые,
За ты скатере́тки шелко́вые,
За тые заества саха́рнии,
За тыи за пи́тья медвянные».
Садился Илья за столы за дубовые,
Садился со князьяма, со боярама.
Сидит Илья за столама за дубовама,
Не ест, не пьет да не кушает,
Ничим молодець и не похвастает.
Говорил ему князь стольне-киевськой таковы слова:
«Ах ты, Илья Муромец сын Иванович!
Сидишь за столом, не ешь, не пьешь да не кушаешь,
Ничим, молодец, да не похвастаешь.
Как ты ехал со своего со города со Муромля
Во наш во славный во Киев-град?»
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ах же ты, князь стольне-киевськой,
Ехал я из города из Муромля,
Из села Карачева,
Наехал я под городом Черниговом на рат-силу великую.
От той силы от великия
Земля-мать подогнулася,
Красно солнышко на небе поблёкнуло.
Прибил я эту силу в три́ часа,
Не оставил поганыих на си́мяна,
Избавил от победа князя́ Констянтина Констянтинова.
Ехал со города Чернигова,
Во славный ваш в Киев-град,

Наехал на Со́ловья-розбойника,
Соловья-розбойника привез в ваш во славный во Киев-град
Ко тому князю ко Владимиру на княженецькой двор».
Говорил князь стольне-киевський:
«Ай же ты, Илья Муромец да сын Иванович!
Покажи-ка ты нам Со́ловья-розбойника,
Веди-ка ты нас в палаты белокаменны,
Веди-ка на тот на почестный бал».
Скочел Илья з-за стола за дубового,
Бежал Илья на широк двор,
Отвязывал Соловья да от добра коня,
От добра коня да от левой от стремяны,
Вел как Соловья во ты палаты княженецькие,
Вел как Соловья на тот на почестный бал,
Вел как Соловья да ко Владимиру.
Тут вси князья-бояра оглядилися,
Оглядилися да удивилися.
Говорил ведь тут князь стольне-киевськой,
Говорил как Соловью да розбойнику:
«Ай, Соловей да разбойничек,
Закрычи ты по-звериному,
Засвыши по-змеиному,
Залай, собака, по-собачьему.
Не слыхали мы крыку Соловьиного».
Говорил ведь Соловей да таковы слова:
«Ай же ты, князь стольне-киевськой!
Не твое я ем да кушаю,
Да не тебя буду и слушати!»
Говорил князь стольне-киевськой:
«Ай же ты, Илья Муромец сын Иванович!
Заставь Соловья закрычать по-звериному,
Засвистать по-змеиному,
Залаять собаке по-собачьему,
Не слыхали мы крику Соловьиного».
Говорил Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же ты, Соловей-розбойничек!
Закричи по-звериному,
Засвищи по-змеиному,
Залай, собака, по-собачьему,
Только вполголоса».
Говорил Соловей-розбойничек:
«Ай же ты, Илья Муромец сын Иванович!
Дай же мне чару зелена вина,

Чтобы распечатать мни уста кровавые».
Приказал Илья Муромец сын Иванович
Князю стольне-киевському да Владимиру:
«Налей ему чару да зелена вина!»
А чара была весом в полтора пуда́,
А мерой была чара в полтора ведра.
Приказал князь налить чару зелена вина,
Подносили Соловью-разбойнику.
Захватил как Соловей да едино́й рукой,
А выпил Соловей на единой вздох.
Потом как Соловей закрычал по-звериному,
А засвистал ведь он да по-змеиному,
А залаяла собака по-собачьему.
От того от крыку Соловьиного
Терема да зашаталися,
Хрустальные оконицы полопали,
Вси князья-бояра замертво лежат,
А стольне-киевськой князь да Владимир раскорякой стал.
Говорил Ильи да таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромец да сын Иванович,
Оставь ты нас хоть на си́мяна».
А Ильи таков приказ не пондравился,
Брал саблю вострую, отсек Соловью да буйну голову.
Тут Соловью да славу поют,
А Ильи слава не минулася.

№ 212

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Во городе как было ведь во Муромле,
Во селе как было во Кара́чеве
Ну старый казак был Илья Муромеч,
Илья Муромеч ведь сын Иванович.
Седлал ён коня да нуньку доброго,
А потнич⟨к⟩и кладывал да ён на по́тнички,
Сидёлко кладывал да ён на сидёлышко,
Черкальско седло ён наверех клад⟨ы⟩вал,
Не ради ён красы-басы, а ради ён крепости,
А ради было силы богатырьскую.
Как старый казак ведь Илья Муромеч
Как брал ён копье да долгомерноё,

За плéча кладывал ён тугой свой лук,
И брал-то ён стрелочки калёныи,
Калёныи ведь стрелки начинёныи,
А паличу ён брал ведь во сорок пуд.
Облатался как ён тут, обкольчужился
Старый казак Илья (ведь) Муромеч,
Садился тут ведь на добрá коня.
Видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодцá поезжаючи.
Из города как было ведь из Муромля,
Из села-то еще было Карáчева
Старый казак Илья Муромеч
А ехал ище ён на добра коня,
А ехал ён во славный во Киев-град
К тому-то ён князю́ да ко Владимёру.
Наехал ён на рать-силушку великую
Под городом как ён ведь под Черниговым.
Но старый казак видь Илья Муромеч
А брал как ён ведь трубоцку подзорную,
Глядел ён в тую сторону востоцную
На рать на тую силушку великую.
От той-то силы от великоей
Мать-земля ведь погнулосе,
От того ли пару лошадиного
Красно солнче на небе поблёкнуло.
Но старый казак ведь Илья Муромеч
Тут ён молодеч как призадумалсе:
«Не честь-хвала мни да молодечкая
Силу эту мни да с краю бить,
Поеду я во саму серединочку,
Во эту рать-то силу я великую».
Но старый казак ведь Илья Муромеч,
Приправил ён коня да нуньку доброго
Во рать-то ету силушку великую.
На до́бром кони ведь ён поезживат,
Поганых тотарове⟨ӣ⟩ помахиват.
Куды махнет — туды улича,
Перемахнет нунька — переулочок.
А перебил ё нету силу да и в три чáса,
Не оставил их поганых и на си́мяна.
Старый казак Илья Муромеч
Не искал как ён ворота княженецькии,
Приправил ён коня да нуньку доброго

Через тыи стены ён городов⟨ы⟩е,
Добрый конь у е́го да пере́скочел.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Заехал ён как во Чернигов-град,
И видит ён во городи Чернигови
А мужички как там ведь собираютсе,
Собираются во церквы во соборныи.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Ехал ён ко церквы той соборноей,
Ехал ён тут на добро́м кони,
Приёзжал ён ко церквы соборную,
Выходил как ён со добра коня,
Привязывал да ён коня к столбу-то ведь точеному,
К тому-то ён кольчу золоченому.
Заходил во церкву ён соборную,
А кланялся на вси четыре стороны,
А князю черниговьскому в ⟨о⟩собину.
А вси тут мужички нунь оглядилисе,
А вси тут мужички нунь осмотрилисе
На старого каза́ка Илью Муромча.
Говорил как тут князь да черниговьский:
«Откуда ты как есть да добрый молодеч,
Какой же ты орды да ты какой зёмли,
Какого роду ты да какого племени,
Какого ты отча, какой же матёри?»
Старый же казак ведь Илья Муромеч
Говорил как ён тут князю да тут черниговьску:
«Естя я из города из Муромля,
Из села как было Кара́чева,
По прозванью как я есь ведь Илья Муромеч,
По отечеству как сын Иванович».
Ну как говорил ищё
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил князю да ён черниговьску:
«А князь ты ведь ищё было да черниговьский,
Что у тебя-ка мужики во церквы собираютсе,
У священника да ёны каютсе?»
Говорил как ищё князь тут черниговьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
«Как старый казак ты, Илья Муромеч,
Илья Муромеч ты сын Иванович,
У нас-то ведь под городом Черниговым
Стоит тут рать-силушка великая,

Стоят как тут поганыи татарова,
А тая поляни́чка разудалая,
А нашла рать-силушка великая
Под наш-то под Чернигов-град.
Говорит ёна слова как мни-ка дерзкие:
„А давай-ка мни ты поединщика,
А не дашь ищё мни ты поединщика,
Ваш Чернигов-град да я с конча зажгу,
А с другого я да ведь колоть пойду,
Тебя князя как во плен возьму". —
Потому-то у мени ведь мужички как собираютсе
Ёны во черков тут ведь во соборную,
У священника да ёны как каютсе,
А каютсе ёны да причащаютсе,
А на войну-то как ёны да направляютсе».
Старый казак ведь Илья Муромеч
Говорил как мужичкам-то ён черниговьским:
«Мужички вы как было ведь черниговьски,
Не кайтесь-ка, не причащайтесь-ка,
А на войну-то вы не направляйтесь-ка,
Под вашим под городом Черниговым
Убил как рать я силу великую,
Убил как я поганыих татаровей
До единой до головушки,
Не оставил я поганыих на си́мяна».
Говорил как нуньку князь черниговьский
Старому каза́ку Ильи Муромчу:
«Ну старой каза́к ты, Илья Муромеч,
За работу что тебе да нунь пожаловать,
Города-ль теби как нунь с пригородками,
А села тебе-ка да с присёлками,
Али бессчетное тебя да золотой казной?
А заступа ты нам будешь крепкая,
А слуга-то будешь нуньку верная».
Говорил как тут ведь Илья Муромеч,
Говорил да ён князю да черниговьску:
«Мни не надо городов да с пригородкамы,
Мни не надо сел да с приселкамы,
Не пойду я к вам да в защитники,
Не буду вам да я заступа крепкая,
Не буду вам слуга я верная».
Но старому казаку Ильи Муромчу
Нанесли ведь золотой казны без счету тут.

Захватил Илья как своей горсточкой:
«За работу как мне, братцы, и не грех тут взять!»
Но старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил князю да ён черниговьску:
«А князь как было ты черниговьский,
А скажи-ка мне про путь да про дороженьку,
Как же мни проехать в славный Киёв-град,
К тому-ли князю ко Владимёру».
Говорил как князь да ён черниговьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
«Кругом-то ищё ехать будет тыща верст,
Ехать прямо — пять тут сотен верст,
А только ведь дорогой прямоезжою
Туды никто да нуньку не захаживал,
Тридцать лет туды никто ведь не проезживал,
Черный ворон тут ведь не пролетывал,
А серый заяч не проскакивал,
А звирь туды-ко не прохаживал
А той-то да дорогой прямоезжою».
Старый казак как Илья Муромеч
А шел как ён со церквы со соборною,
А шел ён как нуньку ко добру коню,
Садилсе еще ён на добра коня.
А видли добра молодца ведь сядучи,
А не видли молодца как поезжаючи.
Со города как было со Чернигова
А ехал ищё ён на добро́м кони
Старый казак ведь Илья Муромеч
Во старой-то как ён во Киёв-град
К тому князю как было Владимёру.
А тут добрый молодечь ён призадумалсе:
«Не честь-хвала мне будет добру молодчу
Ехать той дорогою окольную,
Поеду я дорогой прямоезжую».
Старый казак ведь Илья Муромеч
Приправил нуньку ён добра коня
А той-то дорогой прямоезжую.
А ехал ён на добром кони
Во славный во Киёв-град
К тому-то было кня́зю ко Владимёру
А этой-то дорогой прямоезжую.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Наехал ён на Со́ловья-разбойника

У той как было рички у Смородиной.
Сидит тут Со́ловей-разбойник,
Сидит как Со́ловей ён на семи дубах,
Не допускал как ён бога́тырей в сёми вёрстах.
Услыхал поездку богаты́рьскую,
Заслышал ён да руського бога́тыря,
Услыхал ён топот лошадиныий.
Соловей да ищё тут как ведь разбойничок
Закрычал как ён тут по-звериному,
Залаяла собака по-собачьему.
От того ли от крыку Соловьиного
Листва́-та к зёмли да приклонилисе,
А в ричке ведь Смородиной
Вода как помутилосе.
У старого казака Ильи Муромча
А добрый ищё конь да на колена пал
От того ли от крыку Соловьиного.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
А бил же ён коня по тугим ребра́м,
А бил-то ён коня как приговаривал:
«А волчья выть как ты ведь травяной мешок,
Соловьиного как крыку ты пугаешсе!»
Добрый конь скоче́л ведь на резвы́ ноги́.
Ну старый казак Илья Муромеч
С-за плеч ён вынимал да свой тугой ведь лук,
Кладывал как ён тут стрелочку калёную,
Калёную как стрелку начиненную,
Спустил ён в Соловья да разбойника,
Попал как тут ёму да в буйну голову.
Покатился Со́ловей тут со сёми дубов
На матушку ён на сыру зёмлю.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Подъезжал как ён да на добро́м кони,
Вздымал как Со́ловья-разбойника
От матушки как ён да от сырой зёмли,
Ко левой-то ён стремянны привязывал.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Повез как Со́ловья ён на добро́м кони.
У левой-то ведь стремянны привязана.
Приезжал ён к Соловьи́ной-то палаты ведь,
Увидали Соловьи́ны детушки,
Говорили ёны родной матушке:
«А родна как бы́ла наша матушка,

А и́дет нуньку наш-то батюшка,
А и́дет ён да на добро́м кони,
А мужика-то ён везет у левой стремянны».
Погляда́ла ихня ро́дна матушка,
Говорила тут роженым ведь детушкам:
«Ай ищё ро́дные вы детушки,
Мужичок-то и́дет на добром кони,
А везет ён ро́дного да ваша батюшка
У левого у стремянны привязана.
А ёго знайте как нам стре́тить нунь!»
Старша дочь как бы́ла богатырка ведь,
А девка как была́ ёна ведь хитрая,
А девка ёна была́ да тут лукавая.
А налодила ёна как подворотню ведь чугунную,
Подворотня как бы́ла ведь во сорок пуд.
Говорила ищё ста́рому ка́заку Ильи Муромчу:
«Ай же руський ты могучий же бога́тырь,
Заезжай та к нам ведь на широкой двор,
Выходи-ка ты со добра коня
Хлеба-соли ты как нунь покушати
Да зелена вина ты повыпити».
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
А ехал ён как тут ведь на добром кони,
А ехал ищё ён на ши́рок двор.
Ета девка бы́ла богатырка ведь,
Хвати́ла подворотню ту чугунную,
Ударила Илью да в буйну голову —
Одва усидел Илья да на добро́м кони,
Поворачивал как ён да с широка двора,
Не успела ета девка тут прию́скочить,
Не успела тут ники́ды увертитися.
Ну старый казак Илья Муромеч
Хватил как ету девку за трёста за заднюю,
А бросил ён ее да во чисто́ полё —
Одны костоцки у ее да разлеталисе.
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Ехал ён да с Со́ловьем-разбойником
Во славный как было во Киёв-град
К тому ён кня́зю ко Владимёру.
Приезжал как ищё старый казак Илья Муромеч
Приезжал как ён во славный во Киёв-град
Ай ко князю да ён ко Владимёру.
А ехал ён как тут ведь на широкий двор,

Приезжал как ён тут на широкий двор,
Выходил как нуньку со добра коня,
Привязывал как ён тут добра коня
К столбу-то ведь точеному,
К кольчу как нунь-то было золоченому,
Насыпал коню пшёна ён белоярого,
А лил коню ён ключёвой воды:
«А и́шь-ка, добрый конь, пшена ты досыта,
А пей-ка ключёвой воды ты допьяна;
Стой-ко, Со́ловей-ко ты разбойничок,
А стой-ко ты у добра коня».
А сам ён шел в палаты белокамённы
К тому князю́ ён ко Владимёру.
У того князя у Владимёра,
У его да был ище́ поче́стный бал,
А у его как вси тут на балу́ были́,
Князья ведь бояра на балу́ были́,
А руськие могучие бога́тыри.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Заходил в палаты билокамённы
Ко князю́-то ищё ён ко Владимёру.
Приходил да ищё ён на почестной бал,
А кланялся на вси четыри стороны,
А князю ён кланялсе ведь в особину:
«Ну зраствуй ты ищё князь стольнё-киевской!»
Вси ведь на Илью как оглядилисе,
А вси видь на Илью тут осмотрилисе.
Стольне-киевской князь да тут выспрашивал:
«Откуда есь, удалый добрый молодеч,
Какой же ты орды да какой зёмли,
Какого роду ты, какого племёни,
Какого же отча, какой ты матёри?»
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Говорил князю да ён Владимёру:
«А естя я из города из Муромли,
Из сёла как было из Кара́чева,
По прозванью я ведь Илья Муромеч,
По отечесьву я сын Иванович,
А приехав ваш я город нуньку по́смотреть
И тебя кня́зя нунь Владимёра».
Говорил как ищё князь стольне-киёвской,
Говорил кназьям да ён боярам тут,
А руськиим ён сильныим бога́тырям:

«А вы-ка ищё нуньку, да подвиньтесь-ка,
А дайте-ка Ильи вы ми́стичка».
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Садился за столы ён за дубовыи
У того-ли у князя́ ён Владимёра.
Хлеба-соли тут ёны едять досыта,
А зелёна вина пьют ведь до́пьяна.
Ну вси тут на балу напивалисе,
А вси тут на балу наедалисе
У того ли у князя́ ведь у Владимёра.
Вси тут на балу как прирасхвастались:
Богатой-то ведь хвастат ён богачесьвом,
По́рной хваста силой богатырьскую,
А умной хваста ведь отчом и матёрью,
Безумной хваста молодой жёной.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
Сидит ён за столом да у Владимёра,
Сидит как ён не пьет да не покушает,
Ничим ведь ён и не похвастает,
Не именем ён и не богачесьвом,
А не силушкой своею богатырьскую.
Говорил как князь ведь стольнё-киёвской
Ище старому каза́ку Ильи Муромчу:
«Ну, старый казак ведь, Илья Муромеч,
Не пьешь ведь ты не кушаешь,
Ничим ведь ты, молодеч, ни хвастаешь,
Не похвастаешь поездкой молодечкоей,
Как ехал ты из города из Муромля?»
Говорил князю да ён Владимёру:
«А ехал я из города из Муромля,
Из села как было из Ка́рачева,
Наехал я на силушку великую
Под городом как было под Черниговым,
Убил я рать-силушку великую,
Избавил мужичков да я черниговьских
От той ли от силушки великоей.
Ехал я из города Чернигова,
Наехал я на Со́ловья-разбойника,
У той ли я у рички у Смородиной,
Стрелил я ищё Со́ловья-разбойника,
Привез как я его ведь у добра коня
У левой-то у стремени привязана
А к вам-то я во славноей во Киёв-град,

К князю́ как было ко Владимёру».
Говорил как ищё князь стольнё-киёвьский
Старому казаку Ильи Муромчу:
«Веди-ко ты Со́ловья-разбойника».
Старый казак ведь Илья Муромеч
Выходил ён ⟨из-⟩ за стола из-за дубового,
А шел как ён к коню́ нуньку доброму,
Отвязывал ёго, Со́ловья-разбойника,
Отвязывал как ён ведь от добра коня
От левой ён как ведь от стремёны.
А вел как Со́ловья в палаты билокамённы,
Заводил как Со́ловья-разбойника,
Заводил в палаты билокамённы
На той-то ё нищё на почесной бал,
Ко князю как было ко Владимёру.
А вси на Со́ловья тут оглядилисе,
А вси на Со́ловья тут осмотрилисе
А на том-то на балу на почестноем.
Говорил как князь ведь стольне-киевьской,
Говорил ён Соловью-разбойнику:
«Соловей как было ты разбойничок,
Закрычи ищё ты ведь по-звериному,
Засвищи-ка ты нунь по-змеиному,
Залай-ка ты, собака, по-собачьему —
Мы не слыхали крыку Соловьиного!»
Говорил как тут Со́ловей-разбойничок,
Говорил князю́ да стольнё-киёвьску:
«Стольно-киёвьский как ты Владимёр есь,
Не твоё я пью, да ем, да ведь кушаю,
Не тёбя я буду нунь да слушати,
Надо мною ищё есь да Илья Муромеч».
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Говорил ён Со́ловью-разбойнику:
«Закрычи-ка Со́ловей-разбойничок,
Закрычи-ка ты ведь по-звериному,
Зашипи-ка ищё ты да по-змеиному,
А залай-ка ты, собака, по-собачьему,
Но только, Со́ловей, вполголоса!»
Говорил тут Со́ловей-разбойничок
Старому казаку Ильи Муромчу:
«Ну, старый казак ведь Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович,
А дай-ко мни ты чару зелёна вина,

Распечатай-ка уста мои кровавыи».
Старый казак ведь Илья Муромеч
Наливал как ён ведь чару зелёна вина,
А й весом бла чара полтора пуда́,
А мерой была чара полтора вёдра,
Подносил ён Со́ловью-разбойнику.
Принимал тут Соловей едино́й руко́й,
А пил как ету чару на едино́й дух.
У Со́ловья тут и́щё у разбойника
Тело белоё да тут ведь распотелосе,
А в серчи кровь у ёго разгореласе,
А закрычал как ён скольки мочи есь.
От того от крыку Соловьиного
Терема как тут ведь пошаталисе,
Хрустальнии околичи посыпались,
Вси князья-бояра замёртво лёжа́.
А Владимёр-князь ведь раскорякой стал
От того от крыку соловьиного.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Схватил как ён тут саблю острую,
Отсёк как тут ён буйну голову
А тому ли Со́ловью-разбойничку,
Что не выслушал ён
Старого каза́ка Ильи Муромча,
Не выслушал ёго да приказаньича.
А тут ведь Со́ловью да нунь славу́ поют,
А старому казаку Ильи Муромчу,
Слава ёму не минуласе.

№ 213

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Как справляется-снаряжается
А старый-то казак Илья Муромеч
Во первую поездку богатырскую.
Ён у матушки уж да давается,
Ён у батюшки благославляется:
«Вы спустите-ко, благословите-ко
Меня к трем же тым крестам да поклонитися,
Ко светым отцам да приложитися.
Вы спустите — поеду и не спустите — поеду!»

Кладал потницьки да на потницьки,
На потницьки кладал мягки седлышки.
Уж видели доброго молодца сядучи,
Не видели добра молодца поедучи:
Одна куревка уж только прокурела,
А порошица да припорошила.
А выехал удалый на чисто поле,
Поглядел в сторонку полуденную —
Там силушка стоит уж несме́тоцьна,
Около силушки заюшку не обскакать,
А черному ворону не облететь,
А сильному бога́тырю не объехать,
И днем-то не видно красна солнышка —
Только-то уж пару лошадиного.
Уж стал-то молодец-то пораздумалси:
«А не заехать мне как в эту силушку,
Уж нецем на пиру буде похвастати».
А рвал он дуб крековистый,
Заехал-то уж ён в эту силушку,
По силушке-то стал ён поезживать,
Сырым корьем дубком стал помахивать:
Куды махнет — тут туды улиця,
Перемахнет-то уж ён — переулками.
А всих-то ён прибил ён татаровьёв,
Татаровьёв уж ён всих, улановьёв,
Не оставил ён ни о́дного на симена.
Приехал он в деревню во Смолягину,
Зашел ён во церьковь белокаменную.
Стоят-то уж тут люди, Богу молятця,
Стоят каюци да приглашаюци,
На войну-то уж ёны отправляются.
Поклон-то ён ведет по-ученому,
Уж он кладет по-писаному.
Говорил-то ен да таковы слова:
«Что вы каетесь, что причащаетись,
А далеко ли да отправляитись?» —
«Под нашим-то под городом Смолягиным
А стоит-то силушка несметошна». —
«Бежите-то уж вы скорым-скоро,
А скорым-то вы скоро да скоро-наскоро,
Поглядите-ко уж вы на свою силушку,
А что силушка да ваша делает!»
Сбежали тут ёны скорым-скоро,

Скорым-то скоро да скоро-наскоро,
Поглядили уж тут на свою силушку,
А силушка-то лежит вся прибитая,
Прибитая она, костром срытая.
«Ах же ты, удала добра молодец,
Живи ты как во городе Смолягине,
Во Смолягине живи да во Смородине». —
«Не буду я уж жить в вашем городе,
Скажите про дорожку прямоезжую,
Прямоезжу про дорожку, прямохожую,
А ехать только мне-ка во Киев-град».
Говорят ему мужики-смолягинцы:
«А прямо-то ехать надо три цясу,
А около-то ехать — толико ехать три году,
А прямо ехать — есть три заставы,
Три заставы-то есть вси великие:
Перва застава — а тут река Смородина,
Друга застава — вси болота топучия,
Третья застава — там Соловей-птиця,
Соловей-птиця да Рахматая.
Сидит тут Соловей на семи верстах,
На семи верстах да на семи дубах,
Рыцит уж Соловей да по-звериному,
А свищет Соловей да по-змеиному,
Лызгает Соловей тут по-собацьему».
А тут добрый молодец и роздумался:
«Не сделать мне дорожки прямохожие,
А нецем на пиру будет похвастати».
Одною он рукою да уж коня ведет,
Другой-то рукой он дубы все рвет,
Дубы-то уж рвет да мосты мостит,
Да мосты мостит он все дубовые,
Ставит столбики ён да тоцёные,
На столбах-то ён да подписыват:
«Вот-то я прошел, добрый молодец,
А старый-то казак да Илья Муромец».
Приехал ён тут к Соловью-птице.
Соловей-птиця срыцял по-звериному,
Засвистел тут Соловей ён по-змеиному —
Его добрый конь да на колена пал.
Ну бил уж тут коня по тугим ребрам:
«Ах ты, добрый конь да ты волчья сыть,
Не слыхал ты, верно, свисту звериного,

Не слыхал ты, верно, крику змеиного?»
Натягивал он только тугой лук,
А тугой он лук со налуцником,
Кладал стрелочку ён тоцёную,
Тоценую-то ён, золоцёную,
А стрелочки-то ён приговаривал:
«Лети-ко ты, стрела, уж ни на воду,
Ни на воду, ни на землю,
Лети-ко Соловью под право крыло,
А рви-ко Соловья ты на сыру землю!»
Слетела стрелоцька не на воду —
Соловью-то уж под право крыло.
Поехал тут ён, да добрый молодец,
Привязал ён Соловья к правой стремени.
А говорят его детушки:
«И наш-то уж батюшка какого мужиценочка
А везет-то у права стремени».
Говорила тут уж им родна матушка:
«А не какой-то мужичоночко —
Везет он батюшку у стремени!»
Выходила его тут родная доць
И звала его во гостебище
А говорил удалый молодец:
«Я делую дорожку прямохожую,
Гостебищем уж я не занимаюся».
Пришел да уж ен во Киев-град
Ко солнышку ко князю ко Владимеру.
Был уж у его да поцетный пир.
Приехал молодец да на широк двор,
Добра уж ён коня да не привязывал.
«А береги-ко, Соловей, ты добра коня,
А конь, ты береги да Соловья-птицу».
А сам-то пошел во высок терем:
Мостиноцки уж вси подгибалиси,
Ступеницки тут да ломалиси.
«Проходи-тко уж ты, добрый молодец,
А сядь-ка ты на самый нижний кончик-то».
Уж вси-то на пиру да наедалисе,
А вси-то на пиру-то порасхвастались:
А умной-то хвастал отчом-матерью,
А безумной-то хвастал золотой казной,
А глупый-то хвастал молодой женой,
А он-то говорил, удалый молодец:

«А ⟨я⟩ ехал уж поездкой богатырскоей,
А сделал к вам дорожку прямохожую,
Убил-то я у вас Соловья-птицу».
Говорили тут таковы слова:
«Не хвастай, молодец, не заманывай».
А говорил-то добрый молодец:
«Соловей-то уж птица у добра коня».
А говорил-то солнышко князь стольно-киевский:
«Веди-ко ты сюды да во высок терем,
А пусть-ко зарыцит а по-звериному,
Пусть-ко ён свищет по-змеиному».
А говорил-то добрый молодец:
«Рыци-ко, Соловей, только вполголоса,
Свищи, Соловей, только вполсвиста!»
Зарыцял как Соловей во всю голову,
Засвистел-то Соловей в буйну голову.
Терема-то только вси зашаталися,
А околеньки вси посыпались,
А князь уж со княгиней чуть с ума ни шел.
«Ах вы, сильные могучие богатыри,
Возмите-ко невежу за белы руки,
Ведите-ко его во глубок погреб,
Посадите-ко его во глубок погреб,
Дубьем уж вы, колодьем заворочайте».
(*Посадили Илью Муромца.*)

№ 214

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

С одного со города со Муромля,
Со иного села Карачаева
Справляетце-снаряжаетце
Дородненькой доброй молодец,
Доброй молодец Илья Муромец
Проехать путь-дорожку прямоезжую
Через эти три за́ставы,
Через тыи корбы дремуции,
Через ты болотушка зыбуции,
О ту березу виловатую,
Соловья-птицу Рахматую.
Кладает заповедь великую:

«Не вынять бы туга лука с налуцника,
А каленой стрелы со настрельника,
А поспеть бы в Киев-град
К ласковому князю ко Владимиру,
Поспеть к ему на поцестен пир
После заутрены воскресенною,
А поспеть к обидни богомольную».
Седлал ли он своего коня:
Кладывал он потницки на потницки,
На потницки клал мягки войлоцки,
На войлоцки — сидёлко окованое,
Окованое сидёлышко черкальское,
Кладал подпруг до ⟨двенадца⟩ти,
А ⟨тринадцату⟩ю клал под ногою,
Не гля ради красы-басы-угожесьва —
Ради крепости богатырьскою.
Садился он на добра коня,
Видели его сядуцись,
А не видели дороднего уедуцись:
В цистом поле только шум шумит,
А во темном лесе один гром гремит
От того копыта лошадинного.
Доехал он до первой заставы,
До той ли корбы до дремуцею,
До того болотушка зыбуцего.
Спускалсе он с добра коня,
Левой рукой коня ведет,
А правой рукой только дубья бьет,
Дубья рвет да все мосты мостит,
Мосты мостит да все продольнии,
Кресты-то ставит богомольнии.
Ехал он до другой за́ставы,
До того до города до Кешева.
Окружил⟨а⟩ окол города да Кешева
Рать-сила великая,
Великая сила литовская.
Тут молодець пораздумалсе:
«Отдать город на развоеваньё —
Дак от Господа буде мне не спасеньё,
А от добрых людей не исть хвала молодецкая,
Не видно буде сила богатырская».
Сорвал дуб сырогрецкии,
Поехал в рать-силу великую:

Кое дубом бьет, а инно конем топцет,
Прирубил, пригубил всих тотаровьев,
Не оставил тотарина на си́мяна.
Поехал он во Божью́ церко́вь:
Тут кешевцы исповедаютце,
Исповедаютце да причащаютьце,
Уж верную смерть справляютце.
Зашел в Божью церковь,
Оны испугалисе,
Некоторы в окна побросалисе,
Други глядят — видно, есть от Господа спа́сеньё.
Приехал святорусской богатырь,
Крест кладат по-писа́ному,
А поклон веде по-ученому.
«Поглядите вы во чисто́ полё —
Не оставлено тотарина на симяна».
Повернулсе он со Божьей церкви,
Садился й-он на добра коня,
Вперед свою путь держал.
Приехал он до березы виловатоей,
Соловья-птици Рахматоей.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зарыцал Соловей по-змеиному,
А его доброй конь на колена пал.
Ткнул коня под круты ребра:
«Ах ты, волцья сыть, травяной мешок,
Чего же ты пугаесе?»
Натегивал стрелоцку на тетивоцки,
Натегивал да приговаривал:
«Лети, стрела, Соловью в правой глаз,
А вылетай, стрела, во лево́ ухо́!»
Спустил он стрелоцку на тетивоцки,
Пала стрела Соловью в пр⟨авой⟩ глаз,
Вылетала ему во лево ухо,
Соловей-птица из дуба пал.
Приковал Соловья к коню, к стремени.
Глядят его малые детушки:
«Отец-то иде, — г⟨оворя⟩т, коня гонит
И мужика в стремени везет».
Глядит его молода жена:
«Не отец иде, мужика везе́,
А мужик иде, отца везе.
Гли, отец у стремени подскакиват».

Приехали в поселье Соловьиное,
Просит его жена:
«Ай, русский бо́гатырь,
Спусти ты Соловья, оставь его нам,
Я те за это дам золота телеги вдовеньскии!» —
«А это что, не чесь-фала молодецкая,
Не видь сила богатырская,
Что брать мне твое золото».
Повернул коня,
Вперед свой путь держал.
Приехал он во Киев-град
К Владимеру-князю на почестен пир,
Ему дали место бо́льшее.
Сидит Илья, угощаетце,
Наливает чару зелена́ вина,
Другу чару — пива пьяного,
Третью чару — меду сладкого.
Сливали питье в одно судно́ —
Приходит питья полтора ведра,
А весом-то его полтора пуда́.
Берет он единой рукой,
Выпивал й-он на единой здох.
Спрашива⟨т⟩ князь Владимер:
«Кто у тя у стремени?» —
«А есь у меня Соловей-птица Рахматая». —
«А заставь-ко его посвистать».
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зарыцал Соловей по-змеиному,
Дак земля сколыбаласе,
Новы́ домы пошаталисе,
Стары домы порассыпалисе.
Угостилсе й-он по-хорошему,
Простилсе с князем со Владимером,
И обратно ен путь держал.

№ 215

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
А была поездка богатырьская.

Снаряжался Илья Муромец Иванович
А ко стольнёму городу ко Киёву,
А ко ласковому князю ко Владимиру.
А проехать ёму да ту дороженьку
Прямохожую да прямоезжую,
А котора дорожка залегла да ровно тридцать лет,
А тыма лесами брындскима,
А цёрныма грязямы смоленскима,
А тем Соловьем да розбойником.
Кладовал Илья заповедь великую:
Как проехать ему да ту дороженьку,
Прямохожую да прямоезжую,
А не вынуть из налу́шна туга́ лука́,
А не вынуть Илье да калено́й стрелы.
А просил Илья у отця, у матери прощеньиця,
А великого просил благословеньиця.
А садился Илья на добра́ коня
А прощался Илья да с отцём, с матерью,
Выезжал Илья из своего двора
А во те ворота во широкие.
А чеснет коня да по тучны́м бедра́м,
А конь под Ильей да рассержается.
Полетел Илья, как соко́л, летит.
Первый скок скакнул да ровно за пять вёрст,
А другого уско́ка не могли найти.
А во лесах во брыньскиих,
А во грязях во смоленскиих
А едет Илья и блудует
(*дак ищет дорогу-то.*)
Наезжал Илья на девяти дубах
На того Соловья да на розбойника.
Услыхал Соловей да богатырьский шаг,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
А ище рыкнул он да по-звериному,
По-звериному да по-туриному.
А конь под Ильей раскаракался,
На кокурочки конь да и падает.
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, волчья выть да травяной мешок,
Не бывал ты, конь, во лесах во брыньскиих,
Не бывал ты во грязях во смоленскиих,
Не слыхал ты свисту соловьиного,

Не слыхал ты шипу змеиного,
А змеиного шипу, рыку звериного?»
Исполнял Илья заповедь великую,
Как вынимал Илья да калену́ стрелу́,
А стрелял Илья да в Соловья-розбойника,
А стрели́л Соловья да прямо в правый глаз,
Полетел Соловей да с сыра́ дуба́,
А клубо́м Соловей да о сыру́ землю.
Подхватил Илья Соловья за белы́ руки
Привязал Соловья к тугу к седельскому,
Сам проехал за́ставу крепкую.
Приезжал Илья к подворью ⟨Соловьиному⟩
Выбегала тут жена да Соловьиная,
Как кидается да бросается
Молода жена да Соловьиная,
Она молится да убивается:
«Ай же ты удалой до́брой мо́лодець,
Ты бери у нас да золотой казны,
А бери казны, да что те надобно,
А оставь Соловья да розбойника,
Не вези Соловья да во Киев-град!»
А дети-ти Соловеевы да неуцестливо с ним поговаривали.
Только и видели Соловья, что стоял у двора княженьского.
А чесне́т коня да по тучны́м бедрам,
А конь под Ильей да россержается,
Полетел Илья, как соко́л, летит.
Приезжал Илья во стольнёй Киев-град
Осередь двора да княженьского,
А скоцил Илья да с добра́ коня́,
Привязал коня к столбу дубовому,
Сам пошел во гривду во светлую,
Поклонился он Спасу со Пречистою,
А потом поклонился князю со княгинёю,
А потом на все четыре стороны.
А у князя у Владимира был почетной пир,
А много на пиру было князей-бояр,
А много сильниих, могучиих бога́тырей,
А было богатырей да тридцать молодцов.
Подносили Илье да чару зелёна́ вина́,
А цяра была да полтора ведра́,
А весом цяра́ да полтора пуда́,
Принимал Илья да ядиной рукой,
Выпивал Илья да на ядиной вздох.

(*Тут видит ласковый князь, что он выпил.*)
«Ай же ты удалой, доброй молодець,
Ты скажи-ко нам, да как зовут тебя,
Я по имецьки да буду спрашивать,
А по изотчиньке да буду потчевать!»
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, ласковый Владимир-князь,
А зовут меня да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович
Из славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова.
Я проехал ту дороженьку
Прямохожую да прямоезжую,
А которая дорожка залегла да ровно тридцать лет
А тыма лесамы брыньскима,
А темныма грязямы смоленскима».
Говорят тут сильные могучие бога́тыри:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
А в словах дятина задирается,
А где же ему проехать ту дороженьку,
А котора дорожка залегла да ровно тридцать лет
А тыма лесамы брындьскима,
А тёмныма грязямы смоленскима,
А тем Соловьем да розбойником».
Говорит тут Илья Муромец Иванович:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь,
Погляди-ко ты моёй удачи богатырьския,
Я привез Соловья да к тебе на двор».
А с той поры пошел Илья Муромец с князём Владимиром,
Поглядеть удачи богатырьския,
Вси пошли князья-бояра русские,
Вси сильные могучие бога́тыри.
Приходил Илья да на широкий двор,
А к тому Соловью да розбойнику.
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же Соловей да ты розбойник млад,
Посвищи-ко ты по-соловьиному,
Зашипи-ко ты да по-змеиному,
А ище рыкни ты да по-звериному,
Ты потешь князя́, князя́ Владимира».
Закричал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей да по-змеиному,
Ище рыкнул он да по-звериному —

Вси князья-бояра испужалися,
По двору на коленах вси поползалися.
(*И богáтыри на колена вси пали.*)
Накурил он беды да несносныя,
А кони-то гостины со двора вси разбежалися,
А Владимир-князь да едва жив стоит
Со своей княгинёю Апраксиёй.
Говорит тут ласковой Владимир-князь:
«Ай же ты, Илья Муромець да Ивановиць,
Ты уйми-ко Соловья да разбойника,
А нам эта шуточка ненадобна».
(*И тот стих весь.*)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ (№ 216—229)

№ 216

О СТАРЧИЩЕ ИВАНИЩЕ, ПОГАНОМ ИДОЛИЩЕ И ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Есть-то калика перехожая:
Тут-то каликушка справляется,
Тут-то калика снаряжается,
К городу калика к Иеросóлиму,
Сильный могучий ли Иванище.
Идет-то калика перехожая
В меженный день по красному по солнышку,
А в зимний день по дорогу по камню самоцветному:
А лапотки были из семи шелков,
Промеж проплетены камнями самоцветными;
А были у калики клюхи в сорок пуд.
Приходил калика к городу Иерусолиму,
Господу-Богу помолился,
В Иордане-реченьке искупался,
В кипарисном деревце сушился,
А ко Господнему гробу приложился.
Пошел калика назад домой,
Идет-то калика по чисту полю,
Идет он, калика, мимо Царе-град.
Как в Царе-град есть наехано:
Наехало поганое Идолище,
Одолели поганые татарища.
Тут сильный могучий Иванище

Хватил он татарина за руку,
Оттащил его на чисто поле,
Начал у татарина выспрашивати:
«Скажи-тко, татарин, не утай себя,
Велик ли у вас ростом поганое Идолище?»
Начал ему татарин высказывать:
«Есть-то у нас поганое Идолище
Ростом две сажени печатныя,
В ширину сажень печатная,
А глазища что пивныя чашища,
А головища что ⟨...⟩ лоханище,
А нос снаружи с локоть был!»
Как хватил он татарина за руку,
Бросил его во чисто поле —
Разлетелися татарския косточки.
Идет тут Иванище по чисту полю,
И на встрету едет Илья Муромец:
«Ах ты, сильный, могучий Иванище!
Ты откуль идешь, откуль бредешь,
Откуль бредешь, откуль путь держишь?» —
«Я иду-бреду от города Иросóлима:
Господу Богу помолился,
В Иордане-реченьке искупался,
В кипарисном деревце сушился,
А ко Господнему гробу приложился,
А шел я мимо Царе-град». —
«А все ли в Царе-граде по-прежнему?»
Говорит тут сильный могучий Иванище:
«Не по-старому в Царе-граде, не по-прежнему:
Одолели поганые татаровья,
Наехал есть поганый Идолище.
Святые образы поколоты,
Поколоты, в черной грязи потоптаны,
А в Божьих церквах коней кормят».
Говорит Илья таковы слова:
«Ах ты, сильный, могучий Иванище!
За первыя тебя речи я жаловал,
А за этыя за речи тебя бы наказал
По этому по телу по нагому:
Есть у тя силы с дву меня,
А смелости-ухватки половинки нет».
Скоро скидывает с себя платье цветное,
Надевает платья каличьи:

«А на-тко, ты, моего добра коня,
Хотя езди, хотя водком води,
А только не выезжай с этаго с уловнаго со местечка,
А разувай лапотцы семи шелков».
Скоро Ванюшенька распастался,
Скидывал лапотцы семи шелков;
Тут они платьями поменялися.
Говорит Илья таковы слова:
«А дай-ко мне клюху-посох в ⟨сорок⟩ пуд».
Сокрутился каликой перехожею,
Пошел он скорым скоро,
Пришел, прискакал в Царе-град.
Закричал Ильюша во всю голову:
«Ах ты царь, Костянтин Боголюбович!
Дай мне-ка злату милостыню спасеную,
Полно мне каликой волочитися,
А пора мне, калике, душа спасти».
Тут-то царские терема пошатались,
Хрустальныя околицы посыпались
От того от крику от каличьяго.
У татарина сердечушко ужахнулось,
А царь-то Костянтин Боголюбович взрадовается.
Тут-то татарин воспроговорит:
«Ай же ты, царь Костянтин Боголюбович!
Принимай калику перехожую,
Корми-ка ты калику досыта,
Пои ты калику допьяна!»
Взимал он калику перехожую.
Взимал он, сам взрадовается:
«Не красное солнышко поро́спекло,
Не млад ли светел месяц поро́ссветел:
А показался в Царе-граде
Старый казак Илья Муромец!
Ай же ты, старый казак, Илья Муромец,
От беды меня повыручи,
От этой от смерти от напрасныя!»
Тут-то как поганое Идолище
Взимал к себе калику перехожую,
Начал у калики выспрашивать:
«Ай же ты, калика русьская,
Русьская калика перехожая!
Скажи-ка, калика, не утай собя:
Какой есть у вас на святой Руси

Старый казак Илья Муромец,
Велик ли он ростом собою есть?» —
«А волосом — ростом ровны́м с меня:
Мы с ним были братьица крестовые». —
«Помногу ли он выти-хлеба ест,
Помногу ля пьет зелена вина?» —
«А хлеба ест по ⟨три⟩ колачика крупивчатых,
А пьет зелена вина
На три пятачика на медныих». —
«Черт же у вас на Руси, а не богатырь есть!
Я бы его на долонь поклал,
А другой-то рукой сверху прижал:
Да тут бы с него блин стал,
Да дунул бы его во чисто поле!
А я то, сильный могучий Идолище,
Хлеба ем по три хлеба печеныих,
А пью-то вина по три ведра мерныих,
А щей хлебаю по той яловицы по русския». —
«У нашего у попа у ростовскаго
Была как корова обжориста,
Много ела-пила, тут и треснула —
А тебе бы, поганому, и так же быть!»
Тут-то поганому не к лицу пришло:
Этыя речи не слюбилися.
Хватил тут он ножище-кинжалище,
Бросил во Илью во Муромца.
Ильюша был на ноженку поверток —
От того от ножика отскакивал,
Колпаком ножик приотмахивал,
Пролетел ножик в дверь белодубову,
И выскочила дверь с ободвериной;
Убило насмерть двенадцать татар сильныих,
А друго двенадцать ранило.
Кои татарины ранены,
Тои клянут его, проклинают:
«Будь ты три-проклят,
Наше сильное, могучее Идолище!»
Тут Ильюше не дойдет сидеть,
Сидеть Ильюше, высиживать,
Тут-то Ильюша подскакивал,
Клюхой-то его в голову покалачивал —
Тут-то поганое захамкало!
А в других переправил — повалилося.

Хватил-то он поганаго за ноги,
Начал поганыим помахивать,
Этыих татаровей охаживать,
Бьет Ильюша, выговаривает:
«А вот, робята, оружье по плечу пришло!
А крепок, поганый, на жилочках,
Тянется, поганый, — сам не́ рвется!»
Прибил он поганыих всех в три часу,
Не оставил поганыих на семена.
Тут царь Костянтин Боголюбович
Говорит-промолвит таково слово:
«Ах ты, старый казак, Илья Муромец!
Живи-тка зде воеводою,
А буду кормить тя досыта,
Поить тебя буду допьяна,
А денег давать тебе долюби».
Говорит Ильюша таковы слова:
«Благодарствуешь, царь Костянтин Боголюбович!
Послужил я у тя только три часа,
А выслужил слово сладкое, уветливое,
Уветливое слово, приветливое,
А хлеб-соль мягкую.
Служил-то я у князя Владимира,
Служил я ровно тридцать лет,
А не выслужил слова сладкого, уветливого,
Уветливаго слова, приветливаго,
А хлеба-соли мягкия.
Да нельзя мне зде-ка жить:
Оставлен оставеж на дорожке есть».
Царь Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
Другую насыпал чиста серебра
Третью чашу скатна жемчуга.
Принимал тут Ильюша со радостию,
Принимает, сам выговаривает:
«Это мое зарабочее».
Тут-то Ильюша поклон держал,
Тут-то Ильюша распростился с им.
Пошел-то Ильюша назад домой,
Пришел он на условное местечко.
А тут-то Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище, перетерзано
У того добра коня богатырскаго.

Скидывал с себя платье каличие,
Надевал опять платьица цветныя;
Оба оделись, оба распростилися.
Говорит Ильюша таковы слова:
«Впредь ты так, Иванище, не делай-ка,
А выручай от беды-напасти,
Не выдавай крещоных поганым татаровьям!»

№ 217

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Из славнаго из города из Муромля,
И того из села Карачарова
Пролегала путь-дорожка широкая
Ко славному ко городу ко Киеву
Ко тому ко князю ко Владимиру.
Никто по дорожке не прохаживал,
Никто по дорожке не проезживал,
Только шел-прошел калика прохожая волокитная:
Муница на калике сорочинская,
Шляпа на калике Земли Греческия.
Когда будет калика во Киеве
И приворачивал калика на царёв кабак,
И зарычал калика зычным голосом:
«Ай же вы, чумаки да целовальники!
Наливайте мне вина на пятьсот рублей,
Мало разопьюсь, так на тысячу!»
Тут чумаки-целовальники
Все с кабаков разбежалися,
По чуланчикам все да разхугалися.
Он зашел в погреба глубокие к напиточкам,
Взял бочку сороковку под пазуху,
Другую-то взял под другую,
А третью-то бочку ногой катил.
Зарычал калика во всю голову:
«Собирайтесь, калики, на почестный пир!»
И напился калика, сам спать заснул
На ту ли на печку муравленую.
Тут чумаки-целовальники собиралися,
Собиралися они в едино место,
Пошли к князю Владимиру жалиться.

И говорит Владимир таково слово:
«Ай же вы, чумаки-целовальники!
Ведите сюда калику, какой он есть?»
Зачали калику с печки побуживати,
Зачали калику потархивати,
И зачал калика с печки спущатися,
За дубову воронечку приниматися,
И убил всех чумаков и целовальников.
И пошел мимо палаты княжецкия,
И зарычал калика во всю голову:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Не калика был в кабаке прохожая,
Был славный казак Илья Муромец.
Я теперь пойду во Царь-град:
Там наехала поганая Издолина,
По семи пудов хлеба ест,
Ест по три быка-яловика».
Идет Илья Муромец по чисту полю,
Навстречу Илье Муромцу
Бежит калика Игнатище,
Во руках держит шалыгу в девяносто пуд;
Идет калика подпирается,
Под ним сыра земля подгибается.
Возговорит Илья Муромец:
«Здравствуешь, калика Игнатище!
Ты откуль идешь, откуль путь держишь?» —
«Я бежу из Царя-града от Издолины».
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Ай же ты, калика Игнатище!
Силы у тебя против меня вдвое есть,
А смелости под собаку у тебя нет.
Дай-ка мне шалыгу девяносто пуд,
Я пойду к Издолине здороваться».
И будет Илья Муромец во Царе-граде
У палат княженецкиих цареградскиих,
Попросил он милостины:
«Ай же ты, князь цареградскиий!
Дай ты мне милостину,
Милостину дай-ко ты мне, золоту гривну,
Не для-ради калики прохожаго,
Для-ради славнаго Ильи Муромца!»
От крыку Ильи Муромца
Маломошны домы россыпались,

Маковки с церквей повалилися,
Издолина, за столом сидя, приужахнулся.
Говорит Издолина князю цареградскому:
«Подь-ко, зови калику в палаты белокаменны,
Какой он есть?»
Как вышел из палат князь цареградскиий,
И увидал, что тут славный казак Илья Муромец,
И упал на коленища княжецкия:
«Ай же ты, батюшко, старый казак Илья Муромец!
Нет у меня дать тебе милостины золотой гривны:
Обожрал Издолина весь Царь-град,
Золота казна да запечатана.
Ты поди в палаты белокаменны,
Напою тебя напитками допьяна,
А евствами накормлю тебя досыта».
И пошел Илья в палаты белокаменны,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Покланяется на все четыре стороны,
Князю цареградскому в особину.
А Издолину поганому челом не бьет.
Челом не бьет и не здравствует.
Говорит же Издолина таковы слова:
«Ай же ты, калика прохожая!
Почему ты знаешь Илью Муромца?
Велик ли он собой есть?»
Говорит Илья таково слово:
«Хоть на его гляди, хоть на меня смотри:
Такой же как я есть». —
«Да это какой богатырь, — говорит Издолина, —
Я на одну руку положу, а другой сверху прижму,
Блином сделаю и с собаками не найдешь!
Помногу ли хлеба ест ваш Илья?» —
«А наш Илья съест калачик, много два, и нет три,
И тем сыт пребывает». —
«Да это какой богатырь, — говорит Издолина, —
Как тремя калачиками сыт бывает:
Я по семи пудов хлеба к выти ем,
И по три быка яловика наварю,
А что сверх того напиток выпью!» —
«В нашем же городе Муромле,
В том ли селе Карачарове,
У нашего-то батюшка

Была корова обжорлива,
И вышла в чисто поле,
Дробью объелась, ей лопнуло».
Стоптал Издолина на Илью Муромца ногами —
Илья здынул шалыгу девяносто пуд,
Ударил Издолину в голову,
И выскочили у Издолины ясны очи, как пивны чаши.
И взял Издолину за резвы ноги Илья Муромец,
И пошел на луга цареградские,
И зачал Издолиной помахивать:
Куда махнет — тут улочки,
А взад отмахнет — так переулочки.
И говорят поганые татаровья:
«Аще ты, Издолина поганая,
Тянешься ты, потягаешься,
А на жильях ты не оторвешься,
Своим татарам не снаравливаешь».
А тут-то старина об Илье Муромце кончилась.

№ 218

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Тени-из-под-тени, из-под той стены высокия,
Из-под той ли с-под березки с-под кудрявыя,
Протекала тут реченка быстрая.
Из-под той ли из-под северной сторонушки
Ехал тут через эту быстру реченку,
Ехал Батыга Батыгович,
Ехал-то он да во Киев-град
Ай ко ласковому князю ко Владимиру
И со своёй ли рать-силою великою.
Обставил тут силы-то круг Киева
Ай на все же на сторонушки а на шесть верст,
Хочет забрать наш Киев-град.
Выходили тут тура́ со турятами,
Ай со глупыма со малыма ребятами.
Они видели над Киевом незгодушку,
Они видели над Киевом великую,
Они видели над Киевом чудным-чудным-чудно,
Они видели над Киевом дивным-дивным-дивно.
Выходил-то нунь наш Владимир-князь

Со своими подарками золочеными.
Он встречал-то Батыгу Батыговица,
Просит Батыгу Батыговича
А в свои полаты белокаменны,
И хлебца-соли-то ему да покушати,
А колачиков крупивчатых порушати.
Идет-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Вдруг посылал он повесточку
К старому каза́ке к Ильи Муромцу,
К Ильи Муромцу да во чисто полё,
Поспевал бы он да на боищо.
Услыхал наш казак Илья Муромец,
Стал-то успевать по своим успехам богатырскиим,
Стал-то успевать со чиста поля да во Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Приезжает он во дворовую,
Одевает нунь одежу соби стариковскую,
Кладыва́ет собе шляпоньку пуховую,
А берет в руки клюху нунь горбатую,
Ай идет он нунь в полату белокаменну
Ко тому ли то к Одолищу поганому.
А сидит-то Одолищо поганое
За почестныим столом да у князя у Владимира.
Очень наш старый казак Илья Муромец
Очень же низко ему кланялся:
«Здравствуй-ко, Одолищо поганое!» —
«Здравствуй, ты калика перехожая!
Видал ли ты, калика перехожая,
Храброго воина да Илью Муромца?»
Отвечал-то калика перехожая:
«Ай такой же наш богатырь Илья Муромец!
Он такой же есть, как и самый я».
Говорит тут Одолищо поганоё:
«А помногу ли ваш казак Илья Муромец к выти хлеба кушаёт?» —
«Малую часть наший кушает:
По три-то фунтика колачиков крупивчатых,
Ай по маленькой-то чашечке воды-то пьет».
Отвечает Одолищо поганоё:
«По семи-то пудов я к выти кушаю,
По целой кадки воды кушаю».
Говорит тут калика перехожая
Ай тому ли-то Одолищу поганому:

«Была-то у моего же родна нуни батюшка,
Была же лошадь халстная,
А помногу она ела, пила, кушала,
Очень-то скоро сама лопнула».
Не понравилось Одолищу поганому.
Он смахнул-то со стола да ножом собе длинным —
Этот-то нож да стоём же стал.
Обвернулся наш калика перехожая,
А подвинулся к Одолищу поганому,
Как ударил ёму шляпонькой пуховою,
Ай прогрязла голова тут у Одолища поганого.
Старый казак Илья Муромец
Выходил-то он во дворовую.
Он берет собе коня да богатырсково,
Во других-то берет собе палицу стопудовую,
Во другу-ту руку копье длинное.
Поехал он на рать, на силушку великую,
На великую, на татарскую,
Стал-то по силушки поскакивать,
Он прибил нунь всю силу-то великую.
Приезжает-то ко князю ко Владимиру.
Сделали весельицо — почестный пир.
Стали тут жить оны по-прежному,
Ничего-то князь нунь не опасается,
Никого ли то нунь не сумляется.
Отправлялся наш старый казак Илья Муромец
Ко тому ли то ко ко́ролю Литомскому,
Посмотрить его дочери любимоей,
Той ли то Марьи Митриевичной.
А женить ему нужно братца нунь крестоваго,
Ай братца того ли названаго,
А того ли-то Иванушка могучаго.
Приезжали тут ко ко́ролю Литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митриевичной.
Взяли-то ю и в замужество
За того ли-то Иванушка могучаго,
Сделали оны да почестный пир,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говорит-то наш князь стольне-киевской:
«Вы верныи мои да служители!
Не съезжайте-ко вы со Киева,

А живите-тко вы да по-старому,
Живите-тко по-старому, по-прежному».

№ 219

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Ай татарин да поганыи,
Что ль Идолищо великое,
Набрал силы он татарскии,
Набрал силы много тысящей,
Он поехал нунь татарин да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ай ко солнышку Владимиру,
Ай ко князю стольно-киевску.
Приезжает тут татарин да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставит силушку вкруг Киева,
Ставит силушку на много верст,
Сам поехал он к Владимиру.
Убоялся наш Владимир стольно-киевской
Что ль татарина да он было поганаго,
Что ль Идолища да он было великаго.
Не случилоси да у Владимира
Дома русскиих могучиих богатырей —
Уехали богатыри в чисто поле,
Во чисто поле уехали поляковать:
А й ни стараго казака Ильи Муромца,
А й ни молода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было Потыка Иванова.
Был один Алёшенька Левонтьевич,
Хоть бы смелыи Алёшка — не удалыи,
А не смел же ехать в супротивности
А против было поганаго татарина,
А против того Идолища великаго.
Уж как солнышко Владимир стольно-киевской
Что ль татарину да кланялся,
Звал он тут в великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было палаты белокаменны.

Тут же ездит Илья Муромец да у Царя-града,
Он незгодушку про Киев да проведает.
Как приправит Илья Муромец да коня добраго,
От Царя-града приправит же до Киева,
Тут поехал Илья Муромец в чисто поле
А под тую было силу под татарскую.
Попадает ему старец-перегримищо,
Перегримищо да тут могучии Иванищо.
Говорит ему казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ты, Иванищо, да е могучии!
Не очистишь что же нуньчу града Киева,
Ты не у́бьешь нунь поганыих татаровей?»
Говорит ему Иванищо могучее:
«Там татарин е великии,
А великии Идолищо да страшныи,
Он по́ кулю да хлеба к выти ест,
По ведру вина да он на раз-то пьет,
Так не смию я итти туды к татарину!»
Говорит ему казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же ты, Иванищо могучее!
Дай-ко мне-ка платьицев нунь старческих,
Да лаптёв же мне-ка нуньчу старческих,
Своей шляпы нунь же мне-ка-ва да старческой,
Да й клюхи же мне-ка сорока пудов —
Не узнал бы нунь татарин да поганыи
Что меня же нунь, казака Ильи Муромца,
А Ильи, сына Иванова!» —
«А не дал бы я ти платьицев да старческих,
А не смию не́ дать платьицов тут старческих:
С чести ти не дать, так возьмешь не́ с чести,
Не с чести возьмешь, уж мне-ка бок набьешь!»
Отдавае ему платьица-ты старчески,
Ла́пти тут давае он же старчески,
Шляпу он давае тут же старческу,
А клюху-ту он давае сорока пудов.
Принимает тут же платья богатырскии
А садился на коня да богатырскаго,
Он поехал Ильей Муромцом.
А идет тут Илья Муромец,
Что идет же к солнышку Владимиру —
Что идет Иванищо могучее

В платьях тут же старческих.
Он идет мимо палаты белокаменны,
Мимо ты косевчаты окошечки,
Гди сидит было Идолищо поганое,
Гди татарин да неверныи.
А взглянул было татарин во окошечко,
Сам татарин испроговорит,
Говорит же тут татарин да поганыи:
«А по платьицам да иде старчищо,
По походочке так Илья Муромец.
Он приходит тут казак да Илья Муромец
А во тыи во полаты белокаменны
И во тых было во платьях да во старческих
Того старца перегримища,
Перегримища да тут Иванища.
Говорит же тут Идолищо поганое:
«Ай же старчищо да перегримищо!
Ай велик у вас казак да Илья Муромец?»
Отвечае ему старец перегримищо:
«Не огромный наш казак да Илья Муромец,
Уж он толь велик, как я же есть!» —
«А помногу ли ваш ест да Илья Муромец?»
Отвечае ёму старец перегримищо:
«Не помногу ест казак да Илья Муромец:
По три он калачика крупивчатых».
«Он помногу же ли к выти да вина-та пьет?»
Отвечае ёму старец перегримищо:
«Он один же пьет да нунь стаканец ли».
Отвечает тут Идолищо поганое:
«Это что же есть да нуньчу за богатырь ли!
Как нашии татарскии богатыри
По кулю да хлеба они к выти кушают,
На раз-то́ же по ведру вина да выпьют ли».
Отвечает тут казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«Как у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго
Как бывала тут коровища-обжорища,
По кубоче соломы да на раз ела,
По лохани да питья-е да на раз пила,
Ела, ела, пила, пила, сама лопнула!»
Тут Идолищу поганому не кажется —
Как ухватит он ножищо да кинжалищо,
Да как махне он в каза́ка Илью Муромца,

Во того было Илью Иванова.
А казак тот был на ножки еще по́верток,
А на печку Илья Муромец выскакивал,
На́ лету он ножичок подхватывал,
А назад да к нему носом поворачивал.
Как подскочит тут казак да Илья Муромец
Со своей было клюхою сорочинскою,
Как ударит он его да в буйну голову —
Отлетела голова да будто пугвица.
А как выскочит он да на широк двор,
Взял же он клюхой было помахивать,
А поганыих татаровей охаживать,
А прибил же всих поганыих татаровей,
А очистил Илья Муромец да Киев-град.
Збавил он же солнышка Владимира
Из того же было полону великаго.
Тут же Илье Муромцу да е славу́ поют.

№ 220

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Как сильноё могучо-то Иванищо,
Как он, Иванищо, справляется,
Как он-то тут, Иван, да снаряжается
Итти к городу еще Еросолиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ёрдань там реченки купатися,
В кипарисном деревци сушитися,
Господнёму да гробу приложитися.
А сильнё-то могучо Иванищо,
У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюша-то у его ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотци попле́тены
Каменья-то были самоцветныи.
Как меженный день да шол он по красному солнышку,
В осённу ночь он шол по доро́гому каменю самоцветному.
Ино тут это сильноё могучеё Иванищо
Сходил к городу еще Еросолиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Иордань-то реченки купался он,
В кипарисном деревци сушился бы,

Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шол мимо Ца́рь-от град.
Как тут было еще в Царй́-гради
Наехало погано тут Идолишо,
Одолели как поганы вси татарева,
Как скоро тут святыи образа были поколоты,
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле
А начал у поганаго доспрашивать:
«Ай же ты, татарин, да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолищо?
Велик-ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолищо —
В долину́ две сажени печатныих,
А в ширину сажень была печатная,
А головищо — что ведь люто лохалищо,
А глазища — что пивныи чашища,
А нос-от на роже — он с локоть был».
Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросил он ёго во чисто полё,
А розлетелись у татарина тут косточки.
Пошол-то тут Иванищо вперед опять,
Идет он путем да дорожкою,
Настречу тут ему да стречается
Старыи казак Илья Муромец:
«Здравствуй-ко ты, старый казак Илья М⟨уромец⟩!»
Как он ёго ведь тут еще здравствует:
«Здравствуй, сильноё могучо ты Иванищо!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?» —
«А я бреду, Илья еще Муромец,
От того я города Еросо́лима.
Я там был ино Господу Богу молился там,
Во Ердань-то реченки купался там,
А в кипарисном деревци сушился там,
Ко Господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал,

Шол-то я назад мимо Царь-от град».
Как начал тут Ильюшенка доспрашивать,
Как начал тут Ильюшенка доведывать:
«Как все ли-то в Царй-гради по-старому,
[Как все ли-то в Царй-гради] по-прежнему?»
А говорит тут Иван таково слово:
«Как в Цари-гради-то нуньчу не по-старому,
[В Цари-гради-то нуньчу не] по-прежному.
Одолели есть поганыи татарева,
Наехал есть поганое Идолишо,
Святыи образа былй поколоты,
В черныи грязи былй потоптаны,
Да во Божьих церквах там коней кормят». —
«Дурак ты, сильноё могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первыя бы речи тебя жаловал,
За эты бы тебя й нáказал
По тому-то телу по нагому.
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро розувай же с ног,
Лапотци розувай семи шелков,
А обувай мои башмачки сафьянныи.
Сокручуся я каликой перехожею».
Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ко, сильноё могуче ты Иванищо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты езди ль, хоть водком води,
А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
Живи-то ты на уловном этом местечки,
А живи-тко ты еше, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дóйдет тут Ивану розговаривать,
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от ёго тут добра коня.
Пошол тут Ильюшенка скорым-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Ильюшенка во Царь-от град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто полё,
Как начал у татарина доспрашивать:

«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас, невежа, есть поганый был,
Поганый был поганое Идолищо?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганоё Идолищо,
А росту две сажéни печатныих,
В ширину сажéнь была печатная,
А головúщо что ведь лютое лохалищо,
Глазища что ведь пивные чáшища,
А нос-от ведь на рожи с локоть был».—
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он ёго во чисто поле,
Розлетелись у ёго тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Ильюшенка во Царь-от град,
Закрычал Илья тут во всю голову:
«Ах ты, царь, да Костянтин Боголюбович!
А дай-ка мне, калики перехожии,
Злато мне, милóстину спасéную!»
Как ино царь-от Костянтин-от Боголюбович
Он-то ведь уж тут зрáдовается.
Как тут в Цари-гради от крыку еще каличьяго
Теремы-то ведь тут пошаталися,
Хрустальнии оконнички посыпались,
Как у поганаго сердечко тут ужахнулось,
Как говорит поганой таково слово:
«А царь ты, Костянтин Боголюбов, был!
Какой это калика перехожая?»
Говорит тут Костянтин таково слово:
«Это есте русская калика зде». —
«Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пой его,
Надай-ко ему ты злата-серебра,
Надай-ко ему злата ты дóлюби».
Взимал он, царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил-поил калику, зрадовáется,
И сам-то он ему воспрогóворит:
«Да не красное ль то солнышко порóспекло,
Не млад ли зде светел месяц пороссветил?
Как нунечку топеречку зде еще
Как нам еще сюда показался бы,

Как старыи казак здесь Илья Муромец.
Как нунь-то есть-было топеречку,
От тыи беды он нас повыручит,
От тыи от смерти безнапрасныи».
Как тут это поганое Идолищо
Взимает он калику на доспрос к себи:
«Да ай же ты, калика, было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старыи казак есть Илья Муромец?
Велик ли он ростом, помногу ль хлеба ест,
Помногу ль еще пьет зелена вина?»
Как тут эта калика было русская
Начал он, калика, тут высказывать:
«Да ай же ты, поганоё Идолищо!
У нас-то есть во Киеви
Илья-то ведь да Муромец
А во́лосом да возрастом ровны́м с меня,
А мы с им были братьица крестовыи,
А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пятачика на медныих». —
«Да черт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь!
А был бы-то ведь зде да богатырь тот —
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверху́ прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто́ поле!
Как я-то еще ведь Идолищо,
А росту две сажени печатныих,
А в ширину-то ведь сажень была печатная,
Голови́що у меня да что люто лохалищо,
Глазища у меня да что пивныя ча́шища,
Нос-то ведь на рожи с локоть бы!
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печоныих,
Пью-то я еще зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерныих,
Как штей-то я хлебаю — по яловицы есте русскии».
Говорит Илья тут таково слово:
«У нас как у попа было ростовскаго
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и трёснула,
Тебе-то бы, поганому, да так же быть!»

Как этыи тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли.
Хватил как он ножищо тут кинжалищо
Со того стола со ду́бова,
Как бросил ён во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть!
Как скоро ён от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал.
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во си́ни-ты —
Двенадцать там своих да татаровей
Намертво́ убило, дру́го ранило.
Как остальни татара проклинают тут:
«Буди трою проклят, наш татарин ты!»
Как тут опять Ильюше не дойдется,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть.
Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать,
Помахиват Ильюша, выговариват:
«Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружье́ по плечу пришло».
А бьет-то, сам Ильюша выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не́ рвется!»
Начал он поганых тут охаживать
Как этыим поганыим Идолищом.
Прибил-то он поганых всих в три́ часу,
А не оставил тут поганаго не си́мена.
Как царь тут Костянтин-от Боголюбович
Благодарствует его, Илью Муромца:
«Благодарим тебя, ты старыи казак Илья М⟨уромец⟩,
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
От тыи от смерти безнапрасныи.
Ах ты, старый казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительстве,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ёму Муромец:
«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбовиц!

А послужил у тя столькѝ я три часу,
А выслужил у тя хлеб-соль мяккую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимера,
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мяккии,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбовиц!
Нельзя-то ведь еще мне зде-ка жить,
Нельзя-то ведь то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставе́ш на дороженки».—
Как царь тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третью еще чиста се́ребра.
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-серебро,
Тот ли то этот скачный жемчужок.
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
«Это ведь мое-то зарабочее».
Как тут-то с ца́рём Костянтином роспростилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал.
Придет он на уловно это мистечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с се́бя платья-ты каличьии,
Розувал лапо́тцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надевал на ся платьица цветныи,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня.
Тут-то он с Иванищом еще распрощается:
«Прощай-ко нунь ты, сильноё могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганыих».
Да поехал тут Ильюшенька во Киев-град.

№ 221

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Ай ездил Илья Муромец по чисту полю,
Да наехал он калику перехожую:
«А здравствуй ты, калика перехожая:
Ты откуль идешь да откуль путь держишь?»
Говорит ему калика перехожая:
«Здравствуй, Илья Муромец сын Иванович!
Разве ты не узнал меня, калики перехожии?
Да я есть сильнёё могучеё Иванищо,
А мы с тобой училиси в одном училищи,
А я теперь иду от Царя-града». —
«Ай же ты, сильнёё могучее Иванищо!
Да все ли в Цари-гради по-старому,
А [все ли в Цари-гради] по-прежнему?» —
«Ах ты, свет государь да Илья Муромец!
А в Цари-гради да не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему.
А приехал поганоё Идолищо,
Да зашел он к царю Костянтину Боголюбовичу
Во тыи в полаты белокаменны.
А сидит за столамы за дубовыма,
А заествами сидит он за сахарнима,
А к царицы сидит он лицинищом,
А к царю Костянтину Боголюбовичу,
А к царю сидит он хребтинищом.
И таковаго вора век не видывал,
И слыхом про вора не слыхивал.
Голова у него как пивной котел,
А меж глаз идет стрела калёная,
А в плéчах у́ вора сажень косая-та». —
«Чего же ты, сильнее могучее Ив⟨анищо⟩,
Не очистил ты Царя-града,
Не убил ты поганаго Идолища?» —
«Ах ты, свет государь да Илья Муромец!
Да не смел напустить на вора на разбойника,
Да на поганого Идолища».
Да говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
«Ай же ты, сильнё могучё Иванищо!
А скидывай ты сéбя платье каличиё,
Да разувай с себя лапотики семи шелков,

А бери ты моего добра коня,
Да надéжь мои платья богатырскии.
Я пойду каликой во Царь-то град,
А очищу я ведь Царь тот град
Да убью поганаго Идолища!» —
Да й тут Иванищо роздумалсе,
Ай роздумалсе Иванищо, росплакалсе:
«Ах ты, свет государь Илья Муромец!
Да кабы не ты просил платьёв каличьиих,
Да не ты бы просил лапотиков семи шелков,
Да не отдал бы я платьёв каличьиих,
Да не отдал бы я лапотиков семи шелков,
А в лапотики-ты было вплетено
По дорóгому камню самоцветному,
Да не ради красы-басы, угожества,
Ради темныи ноченки осеннии».
Ай тут-то они платьями поменялисе.
Надевал Илья Муромец платья каличьии,
Обувал он лапотики семи шелков
Да брал он дубинý-ту каличью.
Да пошел он к Царю-граду
Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу.
Приходил калика перехожая к Царю-граду,
Приходил он на широк двор,
Закричал калика громким голосом:
«Ай же ты, царь Костянтин Боголюбович!
Да возьми-тко ты калику да в полаты белокаменны,
Да накорми-тко ты калику его досыта,
Да напóй-тко ты калику его допьяна.
За каликой есть вести не плóхии,
А не плóхии, вести есть, царски».
Ай тут-то царь Костянтин Боголюбович,
Выходил он на крылечко перёное:
«А ступай-ко ты, калика, во полату белокаменну!»
Приходил он в полату белокаменну,
Он крест-то кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу он кланяется,
Поганому Идолищу не клонится.
Говорит ему поганое Идолищо:
«Ты откуль, калика перехожая,
Ты с коей земли, с коей орды?» —
«А я есть от города от Киева,

Да хожу, калика, по Святой Руси».
Говорит тут поганое Идолищо:
«А что у вас е во городи во Киеви,
Слава идет, есть у вас Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
А велик ли он ростом, собой-то он?»
Говорит ему калика перехожая:
«Нам ведь ладятся с ним платья цветныи». —
«А помногу ли он хлеба ест?» —
«Ест он по три колачика крупивчатых». —
«Экой богатырь да еще славится,
Я бы на руку клал, другой ударил бы,
Так только один бы блин да стал с него,
Я как ем по три коровы я́ловицы,
Да по три ведра я пива пью».
Говорит тут калика перехожая:
«Да у нашего князя у Владимира
Да й было коровищо-обжорищо,
Да много ела-пила и трёснула.
Ай ты же, поганое Идолищо,
Помногу ешь да пьешь и тре́снешь сам!»
Ай то́е татарину да не слюбилосе,
Ай то́е татарину да не взглянулосе.
А берет татарин ножищо-кинжалищо,
Да бросает в калику перехожую.
Ай тут-то калика перехожая,
Да он ускакивал от ножища-кинжалища,
Ай пролетел-то ножищо-кинжалищо,
Ай пролетел-то во липину,
Улетела липина со стеной-то вся.
Ай тут-то калика перехожая,
А ухватил он ножищо-кинжалищо,
Да кидал он в татарина поганаго
А тем ли ножищом-кинжалищом.
Полетел ножищо-кинжалищо татарина наскрозь.
Ай тут хватил он татарина за́ ноги,
А стал он татарином помахивать.
Говорит калика таково слово:
«Да ты, царь Костянтин Б⟨оголюбович⟩!
Упади ты, царь, под лавицу
Не попади на мах на татарскии,
А по плечу мне оружьё пришло.
А поганый татарин на жильях не ломитсе».

А и бьет он татар он до единаго,
Прибил он всех татар он до единаго,
А очистил он Царь-град весь.

№ 222

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ У ЦАРЯ ВАСИЛИЯ БОГОЛЮБОВА

Как съехались сильнии могучи богатыри в чистом поле,
Они съехались да поздоровкались,
Со первой стороны батюшко старый казак да Илья Муромец,
А с другой стороны сильное Иванище, Игнатьев сын.
Они съехались да поздоровкались.
«Здравствуй, сильное Иванище, Игнатьев сын!
Ты откуль идешь да откуль путь держишь?»
Отвечат ему сильное Иванище, Игнатьев сын:
«Я оттоль иду да от Царя-града,
От Царя-града иду да от Иросолима».
Говорит ему батюшко старый казак да Илья Муромец:
«Во Цари-граде есть вера та ль по-старому?
В Иросолиме есть вера да по-прежнему ль?»
Отвечат ему сильное Иванище Игнатьев сын:
«Во Цари-гради есть вера не по-старому,
В Иросолиме есть вера не по-прежнему,
Там обсилило проклятое Идолище,
Сидит между царем, между царицею,
Меж Сурывливым Васильем Боголюбовым».
Говорит ему старый казак да Илья Муромец:
«Что ж ты на проклятое не напущал?»
Отвечат ему сильное Иванище, Игнатьев сын:
«Не то я на проклятого не напускал,
Не смел-то я думушкой подумати,
Не смел-то я мыслями помыслити.
Как головище у проклятого с пивной котел,
А глазища у проклятого с пивны чаши,
А носище у проклятого быв калена стрела,
А ту́ловье у проклятого будто куча сена несметная!»
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, сильное Иванище, Игнатьев сын!
Ты садись-ко на матушку сыру землю,
Разувай-ко лапотки из семи шелков,
Ты снимай-ко подсумки из лита бурхата,

Вынимай-ко шляпу Земли Грецкии,
Скидывай ты гуню сороцинскую,
Одевай-ко мое платье дорожнее».
Он отвечат ему, стару казаку да Илье Муромцу:
«Как добром те не дать, так ты сило́м возьмешь,
Сило́м возьмешь, да мне-ка горб надмешь».
Садился на матушку сыру землю,
Снимал он шляпу Земли Грецкия,
Скидывал он гуню сороцинскую,
Одевал он платьеце Ильюшино дорожнее.
Скорым-на́скоро Ильюша одевается,
Покрутёшенько Ильюша снаряжается,
Обувал Ильюшинка лапо́тики семи шелков,
В которых лапотиках вплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцветному,
Не для-ради красы-басы угожества,
А ради укрепы богатырской, молодеческой,
Чтобы днем идти красным солнышком,
А ночью идти видно светлым месяцем.
Справлялся Ильюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается:
Изымал Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пуд без единого.
Пошел Юльюша, пробирается,
Только мать-земелька подгибается.
Скоро скажется, по успеху дело дется.
Это будет Илья да у Царя-града,
У Царя-града у Иеросолима,
У той стены у городовоей.
Закричал Юльюшенька вполголоса,
Во Цари-гради новы домы́ пошатались,
А старые-то домы рассыпались,
А бережия кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися,
На Божьих церквах чудны́ кресты покривились.
Проклятое чудовище у палаты грановитые
Ужа́снулся да чуть обмалтался,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, царь Василий Суровлевич да Боголюблевич!
Выходи-тко на крылецко на царское,
Закричи ты, царь, да зычным голосом!
Како у тя во Цари-гради уродище уродует,

Ты зови его к себе в палату грановитую,
Чтобы шел он в палату грановитую,
Во ту гридню во столовую,
Чтобы поклон-то клал по-ученому,
Крест клал он по-писаному,
Кланялся на все четыре сто́роны,
Царю со царицей понизешеньку,
А твоим гостям любимыим в особину».
Тут выходил царь на крилечко на пиреное,
Закричал тут царь да зычным голосом:
«Ах же ты, калика перехожая!
Ты поди ко мне в покои во царскии,
Крест кладай по-писаному,
Поклон веди да по-ученому,
Клонись на все четыре сто́роны,
Царю со царицей понизешеньку,
Моим гостям любимыим в особину».
Того-то шиш-калика взрадовалася,
Скакал калика через стену городо́вую,
Через тот-то тын через булатный,
Шел калика скорым-на́скоро
На тыи сини царские
Во ту палату грановитую,
Во ту гридню во столовую.
Уж он крест клал да по-писаному,
Поклоны вел да по-ученому,
Клонится на все на четыре сто́роны,
А царю с царицею в особину,
А проклятому чудовищу челом не бьет.
Это тут проклятому не слюбилося,
Он ведь стал калику выспрашивать,
Стал каликушку выведывать:
«Ай же ты, калика-шиш перехожая!
Ты коей земли, ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?» —
«Я со матушки да со Святой Руси,
Со Святой Руси да с богатой орды». —
«Видал ли ты, шиш-калика перехожая,
Видал ли ты да Илью Муромца?
Как у вас на матушки на Святой Руси
Есть Илья у вас Муромец,
Он у вас, говорят, силен есть».
Отвечат шиш-калика не с упадкою:

«Голосом и волосом и возрастом,
Будто братец мой.
Уж я платьица ношу его обдержечки,
А сапожки ношу его обтопочки,
А шляпу ношу его да рваную».
Говорит ему проклятое Идолище:
«Помного ли он хлеба к выти кушает?» —
«А колач да булочка ему на два дня!»
Говорит тут сильное проклятое Идолище:
«Ай же, есть он мне не силен, как я есть силен —
Ем семь печей калачей
Да сорок мякушечек,
По бочке выпиваю я пива пьянаго,
А по лебедю я сразу закусываю».
Говорит тут шиш-калика перехожая,
Отвечает он калика не с упадкою:
«Как у нас-то есть да на Святой Руси,
Как у нашего у батюшка коровище обжорное:
Помного к выти ела, ела — треснула!»
Ему эты речи не слюбилися,
Схватил он, проклятой, булатный нож,
Как бросил он, проклятой, в Илью Муромца.
Как тут-то Юльюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку,
Пролетел булатный нож на си́ни да на царски,
Как прибил он поганыих татаровей.
Как схватил Илья одного за правую за ноженьку,
А другого схватил за правую за рученьку,
Как начал тут Юльюшенька помахивать,
Куды махнет — туды улица,
Отмахнет куды — переулочек.
Прибил он тут проклятыих татаровей,
Не оставил он проклятых на семена.
Завзимал он дубинку подорожную,
Пришел-то он в гридню во столовую,
Ударил он Идолище да межу уши.
Покатилась головище, как пивной котел,
Полетели глазища, быдто селезни,
И поплыли по Волхову.
Понесло его тушу сенную, несметную.
Тут ему, проклятому, славы покон.

№ 223

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Как тут пошол Иванище могу́цёё,
Тот-то ведь кали́ка перехожее,
Как обувал лапти-то обтоптыши,
Как одевал ведь лапти кали́ции,
Пошол-то ведь ён в Ерусо́лим-град
Господу Богу помолитисе,
Как в Ердань-реки покупатисе,
В кипарийскием де́рёви сушитисе,
Господнему гробу приложитисе.
Идет-бредет Иванищо могу́цёё,
Как днем идет по красному по солнышку,
А ночью-то идет да по светлому мисицю,
День и ночь идет да не о́тдохнёт.
Как шел-то еще в Ерусо́лим-град,
Господу Богу помоли́лсё он,
Как в Ердань-реки покупался он,
В кипаричном де́рёви сушился он,
Господнему гробу приложился он,
А затым видь пошол мимо Ца́рев-град,
Мимо Киев-град да ведь тут пошол.
Как Киев-град был призабран-то,
Наехал видь Идо́лищо поганое.
У церквей-то были крёсты́ видь поломаны,
В черной грязи были да и потоптаны,
Поделаны ведь стойла лошадиные,
Побита рать-силушка великая,
Силушка была да ведь все русская.
Как был-то ведь Добрыня Микитинець,
С молодой жоной забавлялся он,
Не смел-то он на этого Едо́лища,
Не смел Добрынька наступить-то он:
Как тут ведь шел да Иванищо,
Берет татарина да под пазухи,
Выносит-то татарина на поле ведь,
На полюшко-то ён ведь на цистое,
Как стал-то ён татарина спрашивать,
Уж как стал его выведывать:
«Скажи, скажи, поганая татарин ведь,
Какой у вас есть на́больший поганый был?» —

«Какой у нас ведь на́больший поганый был?
Росту две сажени печатных был,
В толщину сажень была печатная,
Глаза-ты будто чаши да пи́вные,
А нос-то у поганого с ло́коть был,
Головищо было, как лоханищо».
Как бросил-то Иванищо татарина,
Во чисто́ полё розлетелисе,
Розлетелисе одны костоцьки
По тому ль, тому да чисту́ полю́,
А сам пошел-побрел да вперед опять,
Не смел-то напасть на татарина.
Идет-то ведь путем да дороженькой.
А ехал ведь Илюшенька Муромець,
День-то ехал он — не видел-то ведь,
Не стречал-то всё да никакого-то.
Дру́гой день он ехал — не встречал-то ведь.
На третий день да ён да отправилси —
Как идет-то кали́ка перехожая,
О клюку-то ён опираетсе,
Сыра под им земля колыбаетсе,
Идет Иванищо, все шатаетсе.
Как увидал Илья с далеко́ его,
Как наежжал-то видь на добро́м кони:
«Есть ли тут ищё не кали́чищо,
Есть ли си́льнёё да бога́тырь ведь».
Как тут отъехал тут Илья Муромец,
Занес-то палицю богатырскую,
Которая была с свинцом-оловом,
Налетает ён, хотел буйну го́лову,
Голову́ его́, да прихлопнуть тут.
Иванищо ведь тут взмолилосе:
«Не бей-ко ты меня, не кровавь топерь,
Разве ты меня ведь не́ узнал?
Как есть-то я Иванищо могу́цёё,
Самым-то ведь уцилисе да в о́дное,
В одном-то ведь уцилище уцилисе,
То не были да ведь братьиця да ро́дные —
Были братьиця да крестовыи».
Не ударил Илья да ведь Муромець,
Уважил тут Ивану великому.
«Куда же ты, Иванищо, ходил-то, брат,
Куда да путь-дороженьку да держишь тут?» —

«Ходил-то ведь, бродил во туё землю,
Во тот ли я ище во Ерусóлим-град.
Господу Богу помолился я,
Во Ердань-реки покупался я,
Во кипаричным деревце сушился я,
Госпóднёму гробу причастился я,
Исповедалсе да причастилсе тут». —
«А ты скажи, ты куда да ведь шол-то, брел?» —
«Уж шол-то я, брел мимо Киев-град». —
«Все-то ли видь в городе по-прежнему,
В Царй-градé было тут да во Киеви?» —
«Как все ище было не по-старому,
Все-то было тут не по-прежнему.
В Царй-град наехал Идóлище,
Идóлище да видь ту да поганая.
Как со Божьих церквей да святые-ты,
Святые-то видь иконы-то поломаны,
В той видь грязи все потоптаны,
Поделаны видь стойла лошадиные,
Побита рать, как силушка великая,
Силушка была да все русьская.
Как бросил-то татарина на чистó полё
Сильныи-могучие Иванищо,
Разлетелися одни косточки
Как по тому ли, тому чистý полю.
Пошел-побрел Иванищо да домой-то ведь,
Не смел напасть на силушку татарьскую,
Идет-бредет домой да дороженькой.
Как сустрету попал да старóй казак,
Увидал Иванищо могучего —
Идет-то калика колыбается,
Сыра под им мать-земля подгибается,
Он видет тут Илья с далекó его.
Наехал-то ведь Илья на добрóм кони,
Занес-то палицю да булатнюю —
Налита была свиньцём-оловом,
Хотел ударить его буйну голову.
Иванищо видь тут возмолилосе:
«Не бей, Илья, не кровавь меня,
Разве ты не узнал меня?
В одном уцилищи да уцилисе,
А есть видь я Иванищо могучое».
Как не ударил Илья да видь палицей:

«Ай же ты, Иванищо могучее,
Куда ты ведь ходил да куды бродил?» —
«Бродил-то я еще в Ерусо́лим-град,
Как Господу́ Богу́ да молился ведь,
Во Ердань-реки да купался я,
А в кипаричныим дереви сушилси я,
Исповедовался, причастился я». —
«А скажи-ко ты, куда да шол да брел?» —
«А шол-то я ище да в Киев-град». —
«Да все ли в городи́ было по-старому,
Все ли в городи́ было по-прежнему?» —
«А во город было не по-старому,
Во городи́ было не по-прежнему.
Как наежжал на ту пору-времечко
Идо́лищо видь да поганое.
Как росту был две сажени печатных был,
В толщину сажень да печатная,
Глаза-то его будто чаши да пи́вные,
А нос-то у его да видь с ло́коть был,
А головушка была, как лоханищо».
Как говорит Илья, воспрого́ворит:
«За первы́ слова тибя жаловал,
За други слова тибя наказал
А по тому по телу по на́гому».
Как тут-то говорит да Илюшенька:
«Ай же ты, Иванищо могущое,
Скоро-то ведь нунь скидыва́йся-тко,
А скоро ты еще розувайся-тко,
Розуй-ка ты еще лапотки отоптоши.
Розуй-роздень платья кали́чии,
Надевай мои платья цве́тные,
Так вобувай сапожки зелён сафьян,
А я пойду как кали́кой туда-то ведь,
Кали́кой во стольный во город-от,
Кали́чищой п,ойду перехо́жоёй!»
Как не дойде, сидить да не станет-то.
Скоро ведь Иван разувается,
Скоро ведь Иван скидывается,
Одел-то его платья да цве́тные,
Одел-то сапоги да зелён сафьян.
Как дал Илья ему да добра коня:
«Хоть езди на нем да поежживай,
Гуляй-ко на кони́ да погуливай,

А со того ли миста не идь-ко ты —
Как бы взад пойти да тибя найти».
Пошел-то ён Ильюшенька кали́чищом,
Напал-то видь о посох подпиратисе,
Напал-то ён будто ён да поскакивать,
Будто малое да посвистывать.
Как скоро ён подошел да ко городу,
Ко городу было ко Ки́ёву,
Рать-то силы было окол города,
Стоит как эта тут силушки да смету нет.
Берет-то ён татарина под пазухи,
Выносит-то ведь ён на цисто́ полё,
На цисто́м поли́ да выспрашиват:
«Скажи, скажи, погана татарина,
Какой у вас на́большой татарин есть?» —
«Есть у нас поганой татарин ведь,
Как ростом две сажени печатныех,
В толщину сажень да печатная,
Глаза — цяши да пи́вные,
А нос у него да ведь с ло́коть есть».
Как бросал видь татарина в цисто́м поли́,
Розлетелися одни костоцьки.
Прошол-то он по рать-силы великие,
По силушки идет, как травой бредет,
Пошел-то бы, пришел ко полатушке,
Ко полатушке княженецкиех,
Закричал-то ён громким голосом,
Рать вся, силушка улыгнуласи.
Как выпытовал поганыих тотарин-то,
Сердецько у него да видь сведало:
«Как а же ты, Владимир-князь сто́льнё-киевской,
Каки у вас кали́ки голосистые,
От страха эти оконцы залопались,
От того ли от крыку великого».
А тут да как Владимир-князь да сто́льнё-киевской,
Тут-то он пообрадел вот.
«Не солнышко ли нунь да поро́спекло,
Не млад ли светлой месяц во́ссият?
Появляется да старо́й казак,
Как выруцит от беды от великиих,
От той напасти от великиих.
А нунь поганому в руках я есть,
Топерь видь избавит от беды да от великиех».

Как говорит Едóлина поганая,
Говорит он князю таковы слова:
«Возьми-ко ты калúку к себе его,
Корми-ко ты калúку да пой его,
Выдай-ка ты с злата-сéребра,
Выдай-ка калúке цúста золота,
Угощай калúку-гóстя зá-гостя».
Как брали ведь калúку да пóд руки,
Как проводили в палаты белокаменны,
Кормят-то калúку-то поя́т его.
Напúлся, наúлся да дóсыти.
А это Едóлина да взял-то ведь,
Как взял-то ведь Илюшеньку доспрашивать,
Стал-то ведь ума да отведывать,
В ты в полаты взял да в особины:
«Ай же ты, калúка перехожая,
Да не видал ли Илюшеньки Муромца?
Про ёгó видь слава широкó идет,
По всия земля́м ище да по всим ордам —
По вашей Земли́ Святорусьскией,
По нашей Земли́ да Татарскоей.
Давным-давно слава идет-то ведь,
Как не могу я славушки слышать-то,
Поехал я Ильи да разыскивать.
А как бы мни с им побитьсе-поратитьсе,
Уж как силушки да попробывать?»
Как говорит Едóлище Ильюшеньке:
«Велик ли он росту да возрасту?
Велик ли он тóлщину-вы́шину?» —
«Две калúки будто видь росту да возрасту,
Одинака толщина́ была, вы́шина,
Как есь мы с им братья крестовые —
Две калики й были перехожиех». —
«Помногу ли Ильюша хлеба ест?
А пьет-то ли не помногóхоньку?» —
«Калачика съест закру́пицят,
А пьет-то ведь ест всего-то ведь,
Выпьет да немного пьет —
А на тот ли на пятак на крестьянские
Выпивает только сладкой водоцьки».
Как плюнул тут поганый, улыгается:
«⟨...⟩ — то есть, не бога́тырь ведь!
На ручку клал, друго-то сверху же —

У его видь тут да как блин бы стал,
А фукнул — пепел бы улетел,
Только ведь Илья да живой бывал.
А есть я поганое Едóлина,
А как видь ем хлеба, видь соли-то
Три пеци я ведь к разу-то,
По яловой коровы в день-ы-то.
А пью-то я еще зелена́ вина,
Зелена́ вина да по три́ ведра!»
Как говорит Илья, воспрогóворит:
«Послушай-ко то видь, Едóлищо поганое,
У нашего попа у ростовского
Да была еще коровища обжора ведь,
Оттого ёна́ да видь лопнула,
Оттого ёна́ да видь треснула.
Тибе, поганому, типерь не́ мину́ть,
Приходится тибе да видь».
Как этыи слова не слюбилисе,
Ты слова не к лицю пришли,
Хватил-то ён ножищо-кинжалищо,
Как бросил он в Ильюшеньку Муромца.
Илья-то был да очень поберешенек,
Как шляпой-то ён да помахиват,
От соби-то ножик отваживал,
Улетел-то ножик из двери в дверь,
Убило там видь сорок придверничков,
Сорок было там приворотничков,
А тых ли видь-от поганыих тата́ровей.
Как тут ли Илюшенька подскакивал,
Ударил видь клюхой буйну голову —
Поганыих да ведь призаха́мкал-то,
Рот-то ведь как да ведь о́тверят.
Как другой раз да ударил — да пал-то ён,
Как пол-то ён еще о мосты о дубовые,
Терем ино да пошаталисе.
Сцапал-то ведь поганого за ноги,
Как убежал-то ён да на улицю,
Напал-то ведь палице⟨й⟩ помахивать,
Куда махнет — видь туды улица,
Как махнет тут — пере́улка.
Летят-то поганые татаровья,
Остатные ли перепа́лиси.
Кой-куда оны разбежалисе,

Прибил-убил, да иных ро́зогнал,
Цисто ведь стало во городе во Киеви
Как тут-то ведь да ведь этак тут.
Говорил Владимир-князь стольне-киевский:
«Ай же ты, Ильюшенька Муромец,
За это видь тибя да рассчитаюсь я!»
А давал-то чару злата-се́ребра,
А другую-то скачнего земчуга,
Третью дал цяру чиста золота.
А высыпал в карман, выговаривал:
«Это видь у мни заработано» —
«Живи-тка здесь воеводою,
А ешь-ко, пей до́сыти,
Носи как злата до́люби,
Ище сколько наб теби!» —
«А и только я-то, я во городе в Киеви,
Как на пути у меня на дороженьки
Оставлен-то у меня да ведь добрый конь.
Когда коня-то мни поразы́скати,
Товарища наб да найти с конем».
Как тут-то ведь Едо́лищу славу́ поют,
Ильи-то сла́вушка не минуется.
Как приходил Илья во чисто́ поле́,
Стоит-то Иванищо могучее
Со добрым конем со Илюшенькиным.
Он ведь был, был да притаскан-то,
Стоит-то во слезах во великиих,
Не слухат-то ёго́ да ведь доброй конь,
Таскал его по цисту́ полю без на́виду.
Как тут оны еще распростилисе.
«Пойди ты, Иванищо могучее,
Ты никогда едак-так не делай-то.
Как нападут какие ни тотаровья,
Так выруцяй Земли Святорусьские,
Не бежи от рати да от силушки.
Как у те силы ведь как с два миня,
Смелости, ухватки половинки нет!»

№ 224

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Как Ильюшенька привез к князю Владимиру
А ведь Соловьюшка Рохматова,
Тут Ильюшеньку приняли с почестью,
А Владимир-князь стольно-киевский
Дал Ильюшеньке прогулятися,
Как по разныим ездить по городам,
А по дальным ездить по сторонам.
Вот Ильюшенька ездил, гулял целых два месяца,
Едет Ильюшенька во славный во Киев-град,
Как на дорожке Ильюша пораздумался:
«Как разгорелося мое сердце богатырское,
Не с кем мне силушки попробовать».
Попадать Ильюше навстречу старичок староматерый,
Ильюша старичку поклонился понизешенько,
А старичок Ильюшеньке поклонился до сырой земли,
Как шапочку с головки старичок повыронил,
Ильюшенька и поехал ведь.
Старичок говорит староматерый:
«Подай мне, Ильюшенька, шапочку,
Наклониться тяжело ведь мне».
Ильюшенька наклонился ведь,
Хочет шапочку поднять он ножкою,
А шапочка на земельке не шатается,
Ильюшенька скочил со добра коня,
Хватил (*хотел одной рукой оторвать поля у ша́почки*),
⟨А⟩ шапочка не шатается,
Потом он хотел двумя руками оторвать поля у шапочки,
А шапочка не шатается,
Сам зашел по грудя́м в сыру́ землю,
И говорит старичок староматерый:
«Ай же ты, Ильюшенька, большу ли ты силу в себе чувствуешь?»
(*Тут Ильюшенька поехал ведь.*)
И спросил Ильюшенька:
«Дедушка, давно ли ты из города из Киева?
Всё ли в городе во Киеве по-старому, по-прежнему?»
Как отвечал старичок староматерый:
«Как я сегодня из города из Киева,
А во городе во Киеве всё не по-старому, всё не по-прежнему,
Как у князя, у Владимира, за столами сидит Идолище поганое,

Третьи уж суточки,
И не допускает никаких слуг,
Чтоб подносили ему питва медвяные, яства саха́рные
Сам Владимир-князь и Апраксия Романовна,
Так скручинился князь и опечалился».

Говорит дедушка: «Ильюшенька, скинь свои платья богатырские, и спусти добра коня, а надень мои платья каличии». И дал ему шапочку пуховую.

Взял Ильюшенька батожок, старичок сказал: «Этой только шапочкой ты убьешь Идо́лище поганое».

И пришел Ильюшенька к князю Владимиру, пришел в палаты белокаменные, отворил двери и стал у двери, и смотрит Ильюша на Идолище, как Идолище за столом у князя командует, а князь с княгиней ходят невеселые, и стоит Ильюшенька, и смотри⟨т⟩ на Идолище, и говорит: «Идолище, не сойдется ли хлебца ради Ильи Муромца?» Идолище сказал: «Какой у вас в славе богатырь Илья? Я бы сразу ему голову свернул». А Илья говорит: «Такой Илья, как и я». — «Помногу ли ваш Илья в сутки хлеба ест?» — «Наш Ильюшенька ест ⟨три⟩ фунтика. И сыт бывает суточки». —

«А помногу ён пива в сутки пьет?» — «А Ильюшенька по ковшичку только в сутки пива пьет и сыт живет». — «Некоё-какой ваш богатырь! А я по бочки в сутки пива пью, с двух печей я хлеб съем!»

Ильюша говорит: «Много корова ела да лопнула, Так и ты лопнешь». Идолище на Ильюшу завыглядывал, а Ильюшенька к Идолищу поближе двигается, а Идолище косится да от Ильюшеньки подальше убирается. Ильюшенька подскочил к Идолищу да хлопнул по косице шапочкой, котора шапочка у дедушки дана была. Идолище вдоль лавки растянулся ведь, и хватил Ильюша Идолище за ноги, и потащил по крыльцам ведь. Одна голова у Идолища пощалкивает, вытащил Ильюша Идолище круг города, и приказал зажечь груду дров, и кинул Идолище в огонь.

(*Идолище со́жгали и пепел пустили по воздуху, чтобы не было духу Идолища.*)

Тым былина наша и покончилася. Вот оно как было!

№ 225

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Как Ильюшенька у князя у Владимира
И просился проездить по городам.
И говорил-то видь Владимер-князь:
«Погуляй-ко, Ильюша, трои сутоцьки».
Как Ильюшино сердецько разгорелоси:
«Ох, как не с ким мни силы пробовать,
Не с ким мне плеця да богатырского».
Как идет старицёк староматёрый,
А идет на клюку опираецце,

Сам старицёк да пробираецце.
Как Ильюша поклонилсе понизешенько,
А старицёк да поклонилсе до самой земли,
А у старицька шапоцька с головушки повыпала.
Да видь спрашиват Ильюшенька:
«Да откуль идешь, да дедушко?»
Отвецял старицёк да староматерой:
«Я иду из города из Киева».
Говорил-то видь да Ильюшенька:
«Как вот во городи да ведь во Киеви
А ведь всё да не по-старому,
А видь всё да не по-прежнему?»
Отвецял старицёк да староматерой:
«А во городи да во Киеви
Ныньцю всё-то есь да не по-старому,
Ныньцю всё-то есь да не по-прежнему —
Как наехало Идолище неверное,
А сидит у князя у Владимера,
Сидит в палатах да белокаменных.
Тут скруцинулся да Владимер-князь,
[Не допустит слуг-то княженецких,
А чтобы он, сам князь Владимер, стоял
Да со княгиней с Опраксией].
Подавал ясва да сахарнии, да бы питьва да медвяные».
Скопошился Ильюша скоро ехати,
Говорил старицёк да староматерый:
«А подай-ко, Ильюша, мни шапоцьку».
Ен как ножкой захотел да закорюцити —
А шапоцька да не шатаецце.
А скоцил-то Ильюша со добра коня
А хватил шапоцьку да он ведь за поля —
А шапоцька да не шатаетце.
А што ведь у Ильюши да силы было-то
Как схватил шапку со всей поры,
По грудям во сыру землю зашол,
Говорил-то старицёк да староматерый:
«Хорошо, Ильюша, силы цювствуешь?
Как спустися-ко, Ильюшенька, с добра коня,
А скинь-ко свои платься богатырскии,
А одень-ка мои платьиця калицьни,
Да возьми-ка шапоцьку мою да на головушку,
(*И дал ему клюку да оператися*)
А иди-ко ты каликой да прохожею».

[И пошел Ильюшенька да во Киев-град],
Приходил каликой к князю ко Владимеру.
[Отворял-то да двери дубовые],
А остановился-то у дверей ведь:
Как сидит Идóлище неверное,
А командует над князем со княгиною.
А в тую пороцьку, да в тую времецько
Говорила калика перехожая:
«Ай же ты, Идóлище неверное,
Не сойдетсе ли милостинки подать,
Ради то Ильи, да Ильи Муромца?»
Как Идóлищу слова не прилюбилися,
Говорил Идóлище неверное:
«Эко славный богатырь у вас Ильюшенька,
Много ли ваш богатырь хлеба ес?»
Отвецял-то тут Ильюшенька:
«Как и ест-то он да три фунтика,
Да и то-то бывat сыт».
А говорит-то Идóлище:
«А по скольку-то ваш Ильюша пива пьет?» —
«Наш Ильюша выпьет три цяроцьки,
[Ен и сутки сыт бывat».] —
«А некакой-то Илья да богатырь есь.
А я с трех пецей да хлеба съем,
А я с трех боцек да пива пью».
Говорит-то Идóлищу Ильюшенька:
«Видь раньше много корова ела, она лопнула,
[Ена пила-пила, да и лопнула,]
Так же лопнешь ты, Идóлище поганоё».
Как Ильюшенька к Идóлищу подвигаетце,
А Идóлище от Ильюшеньки да обряжается
А цеснул Илья шапоцькой Идолищу,
Да хватил Идолище Илья за ноги,
А потащил головой стукать-то по крыльцам ведь,
[Вытащил да на широкий двор,]
Приказал зажигать груду-то великую,
Тут Идóлище поганое да сожгали,
А пепел-то спустили да по ветру тот,
Тут Идóлищу да и славý поют.

№ 226

СИЛЬНЕЕ МОГУЧЕЕ ИВАНИЩЕ

Сильнее могучее Иванище
Шел он в Иерусóлим-град
Господу-Богу помолитися,
К Господнему гробу приложитися
В Иордан-речке окреститися.
Меженный день шел по красному по солнышку,
А осенну ночь шел по самоцветным каменьям.
Пришел ен в Иерусóлим-град
Господу-Богу помолился,
К Господнему гробу приложился,
В Иордан-речке окрестился.
Шел мимо славный, мимо Киев-град,
Под Киевом-градом стоит рат-сила великая,
Нагнано у поганого Идолища
Силы, что синее море колыблется.
Говорил князю Владимиру
Поганое Удолище таковы слова:
«Ай же, князь стольне-киевской,
Давай-ка мни поединщика,
Не то с конча ваш Киев-град зажгу,
А с другого — колоть начну».
У князя у Владимира богатырей дома не случилося,
А молодцов не пригодилося.
Забрался к князю в палаты белокаменны поганое Удолище.
Сильнее могучее Иванище
Выхватил с этой силы у их татарина
И стал у его выспрашивать:
«Скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас богатырь е?»
«Сильнее могучее поганое Удолище,
У нас богатырь Удолище поганое, что гора лютая,
А у его голова, что пивной котел,
А глаза, что пивные ложки,
А нос у его так и с локоть есть».
Бросил сильнее могучее Иванище татарина в чисто поле,
Одны косточки разлетелися.
Не смел сильный могучий Иванище
Напасть на рат-силу великую,
Прошел ен мимо Киев-град,

Мимо князя Владимира.
Попадал ему на пути, на дороженьки
Стречу старый казак Илья Муромец.
Говорил таковы слова могучему Иванищу:
«Ай ты, сильний могучий Иванище,
Шел ты мимо Киев-град,
Все ли в Киеве по-старому,
Все ли в Киеве по-прежнему
У того князя да у Владимира?»
Говорил сильнее могучее Иванище таковы слова:
«Шел я мимо Киев-град,
Под Киевом-градом стоит рат-сила великая,
Нагнано у поганого Удóлища
Силы, что синее море коляблется.
Сам забрался к тóму князю ко Владимиру в палаты белокаменны».
Говорит ему старый казак Илья Муромец да сын Иванович таковы слова:
«Ай же ты, сильнее могучее Иванище!
Скидывай-ка ты платье с себя каличички,
Одевай-ка ты мои платья цветные,
А я одену твои платья калицкие.
Давай-ка ты шляпу во ⟨сорок⟩ пуд,
Давай-ка ты мне свой посох в ⟨девяносто⟩ пуд,
Пойду каликой перехожею во Киев-град,
К тому князю да ко Владимиру».
Надел Илья Муромец платье калики перехожего,
Клал шляпу во ⟨сорок⟩ пуд,
Посох взял в ⟨девяносто⟩ пуд
И пошел ен во Киев-град каликой перехожею
К тому князю́ ко Владимиру.
Приходит Илья да во Киев-град
Каликой ен да перехожею
Ко тому князю да ко Владимиру,
Попросил ен у окна да милóстыни.
В тых палатах у князя сидело поганое Удолище,
Спрашивал у Ильи:
«Откуда ты, калика перехожая?»
Отвечал Илья: «Я из города да из Муромля,
Из села да из Карачева». —
«Зайди-ка ты, калика перехожая,
В палаты к нам белокаменные».
Заходил Илья в палаты белокаменны,
Кланялся Илья на вси ⟨четыре⟩ стороны,
Поганое Удолище стал Илью да выспрашивать:

20 Зак. 3427

«Скажи-ка ты, калика перехожая,
Из города ты из Муромля,
Какой у вас в городе бога́тырь есть,
Старый казак Илья Муромец да сын Иванович?»
Отвечал ему Илья таковы слова:
«Ты гляди на меня, а Илья, словно как и я,
Мы с Ильей будто отца-матери одной,
Будто братья родные». —
«Много ли у вас к выти
Богатырь Илья Муромец ества съедает,
Да много ли спивает питья?»
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ест у нас Илья Муромец ⟨три⟩ к выти крупичатых калачика,
А питья пьет на ⟨три⟩ медных пятачика». —
«Какой же у вас богатырь тут есть,
Был бы он здесь, я бы на́ руку клал,
Другой бы сверху хлопнул — с его бы и блин стал!
Я съедаю к выти по три печи хлеба печеного
И по корови по яловичи,
И питья выпиваю пивную бочку».
Говорил ему Илья таковы слова:
«У нас в городе во Муромле
Была у попа корова обжориста,
Ела помногу, ела да пила, да и лопнула,
Так же и ты помногу ешь и пьешь, да и лопнешь».
Вот поганому Удолищу таковы слова да не слюбилися,
Хватил ножище-кинжалище
И бросил в старого казака Илью Муромца.
А Илья был на ножку легошенек, а сам поверошенек,
Взял да и прискочел в то время, да и увернулся,
Ножище-кинжалище пролетело в дверь дубовую,
Высадило дверь с придверком,
И убило много там татаровей.
Илья в то время наскочил со своим посохом девяностопудовыим,
Ударил поганого да в буйну голову,
А поганый с того удару и хамкать стал.
Хватил Илья Муромец сын Иванович поганого:
«Ах ты, поганый, с одного удару и хамкать стал!»
Хватил поганого за́ ноги и тропнул о кирпицный пол,
Так тропнул, что терема пошатилися,
Хрустальные окольницы полопали.
Шел Илья да во чисто поле,
Прибил всех татаров он пехотою,

Поворотился к сильнему могучему Иванищу со города со Киева,
Да ко своему да ко добру́ коню.
Приходит: сильнее могучее Иванище
Стоит со добры́м конем да на слезах-то ен.
Говорил ему таковы слова
Старый казак Илья Муромец:
«Ах ты, сильнее могучее Иванище,
У тебя ведь силы с два меня,
А ухватки и половинки нет».
Тут ены переодилися,
И тут богатыри ведь распростилися,
Илья поехал на добром кони в свою сторону,
А Иван пошел пешком.

№ 227

СИЛЬНЕЕ МОГУЧЕЕ ИВАНИЩЕ

Нунь си́линее могучее Иванище
А шел как ён во Иерусо́лим-град,
А Господу Богу помолиться ведь,
К Господнему как гробу приложитися,
Во Иордан ён речке окреститися.
Меженный день ён шел
Ведь по красному по солнышку,
А осённу ночь как шел
По самоцветным ён каменьям.
А сильнее могучее Иванище
А пришел ён нунь как тут во Иерусо́лим-град,
А Богу как ён тут помолился ведь,
К Господню нунь гробу приложился тут,
В Иордан как ён в речке окрестился ведь,
А назад шел мимо Киёв-град.
Под Киёвом как было ведь под городом,
Стоит тут рать как силушка великая —
Наехало поганоё Удо́лище,
А нагнал ведь рать-сила великая
Под славну как ён под Киёв-град,
А сам-то ехал ён ко князю ко Владимёру,
Забрался ён в палаты билокамённы.
А сильнее могучее Иванище
А с етой было силы со великоей

А выхватил ён тут да и татарина,
А у татарина да ён выспрашивал:
«Скажи-ка ты, татарин, не утай себя,
Какой у вас да за бога́тырь есть,
А сильный могучий богатырь есть
Поганое как было ведь Удолище?»
А тут ведь татарин Иванищу высказывал:
«А росту есть как ён высокого,
А толщина да как копна ведь сенная,
А голова-то у его, что пивной котёл,
А глаза-ты, что ведь ложки бурлацькие,
А локоть у его и слокоть есь
У сильнего могучего бога́тыря».
А сильный могучий Иванище
Не смел напасть на рать-силу великую,
На сильнего могучего богатыря,
На поганого да ён Удолища.
А сам-то ищё и вперед пошел,
А пошел как мимо Киёв-град,
Мимо того-то князя́-то ведь Владимёра,
А назад пошел во матушку Русиюшку.
Навстречу попад тут ведь
Старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
У Иванища как ён ведь выспрашивал:
«Ай сильный, могучий ты, Иванище,
А шел ты помимо Киев-град,
А все ли как тут во Киеви по-старому,
А все ли во Киёви по-ладному
А все ли во Киёви по-прежнёму
У того ведь князя́ да у Владимёра?»
Говорит тут сильнее могучее Иванище,
Говорил он тут таковы слова:
«Во Киёви как было не по-старому,
Во Киёви как было не по-ладному
У того у князя́ да у Владимёра;
Как стоит под Киёвом
Да рать-то силушка велика,
А как нагнано у поганого Удолища,
Что сине море да колыбается;
Сам забрался ведь поганое Удолище,
Сам забрался к тому́ князю́ ко Владимёру,
Ко Владимёру да нунь в палаты билокамённы».

Говорит как ёму
Старый казак Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович:
«Ай же, сильнее могучее Иванище,
Скидывай-ка платья ты каличкие,
Одевай-ка мои платья богатырьские,
А давай-ка ты мне шляпу о сорок пуд,
А давай-ка ты мне посох о девяносто пуд,
Пойду я ль ведь каликою перехожаю,
Во славный я ль во Киёв-град,
К тому князю́ я ко Владимёру;
А на-ка ты, держи-ка моёго коня,
А держи-ка ты коня да ведь до́ меня».
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Пошел как ён каликою перехожою,
Пошел как ён во славный ведь Киёв-град
Ко тому-то ко князю ко Владимёру.
Приходит он каликой перехожою
Во славный-то ён во Киёв-град
Ко князю́ да ко Владимёру.
Подходил как ён к палаты билокамённой,
Старый казак Илья Муромеч,
А просит у окна ён мило́стыни.
А у князя как было у Владимёра
А было тут погано ведь Удолище,
В етих ведь палатах билокамённых;
Говорило тут погано ведь Удолище:
«Откуда есь калика перехожая?»
Говорил как ищё
Старый казак Илья Муромеч:
«А естя я из города из Муромля,
Из села как было Кара́чева».
Говорит да тут поганоё Удолище:
«Заходи-ка ты во палаты билокамённы».
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
Заходил в палаты билокамённы
Ко князю-то как было ко Владимёру.
За столом сидит поганоё Удолище,
А сильное могучий ён бога́тырь был,
А стал как у калики ён выспрашивать:
«У вас во городе да ведь во Муромли
А сильный там могучий ведь бога́тырь есь,
А старый казак ведь Илья Муромеч,

Какой есь ён ростом, какой волосом?»
Говорил как ищё
Старый казак Илья Муромеч,
Говорил как ён поганому Удóлищу:
«А гляди-ка ты да нá меня,
А Илья-то, словно как я и ведь есь».
Говорит как тут поганоё Удолище:
«А старый ведь казак Илья Муромеч,
Помногу ли съедал питва-естьва ён?»
Говорит калика перехожая
Поганому как тут ведь Удолищу:
«А старый ведь казак Илья Муромеч,
А к выти ён съедает три крупивчата калачика,
А питья как выпивает на три медныих пятачика».
Говорит как тут поганоё Удолище:
«Етот богáтырь кабы здесь да был,
А и на руку его брал бы я,
Дрýгой сверху хлопнул — с его блин бы стал,
С вашего да с руського богатыря,
Со старого казáка Ильи Муромча.
А я-то ем по три печи ведь хлебушка печёного,
По коровы я да по я́ловой,
А питья-то выпиваю бочку пи́вную».
А старый казак Илья Муромеч
Говорит поганому Удолищу:
«У нас как во городе во Муромли
У попа была корова ведь обжорлива,
Много ела-пила да и лопнула;
А тебе-ка нунь ведь не минуть беды —
Помного ешь да пьешь, да и лопнешь ты».
Поганому как было ведь Удолищу
Таковы слова дай не слюбилися,
Схватил как ён ножище ведь кинжалище,
А бросил ён в калику перехожую
Это ён ножище, ён кинжалище,
А в старого казáка Илью Муромча.
А старый казак ведь Илья Муромеч,
На ножку был ведь легошенек,
А сам был ён повернёшенек,
А тут ён было как и при́скочел,
Сторонку как ён и отвернулся ведь
От етого ножища ведь кинжалища.
А это ведь ножище как кинжалище

А стало видь тут в двирь дубовую,
А высадило двирь с придвирникамы,
А много там убило сторожа да татарове.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Со своим-то как посохом прина́скочел,
Ударил как поганого Удолища,
Ударил как его буйну голову.
А тут Удолище да нуньку хамкать стал.
Говорил как ищё старый казак Илья Муромеч:
«Ай же ты, поганое Удолище,
От одного удару как ты хамкать стал».
Старый казак ведь Илья Муромеч,
Хватит как ён поганого Удолище,
Ай сильного, могучего бога́тыря,
Хватил как ёго да за ноги,
А тропнул как ёго да о кирпицной пол.
От того ли от удару богатырского
Терема как тут да зашаталисе,
Хрустальные околичи посыпались.
Тут богатырю славу́ поют.
Ну, старый казак Илья Муромеч,
Шел ён во чисто́ полё пехотою,
Прибил как ён рать-силу великую
До единой ён ведь до головушки.
Не оставил ён поганых и на си́мяна.
Сам как ён да шел ко добру коню,
Со етой ён со битвы, со великою
А к сильному могучему Иванищу,
Иванище стоит как да и весь в слёзах,
Не может ён дёржать ко́ня доброго.
Старый казак ведь Илья Муромеч
Говорил как ён могучему Иванищу:
«Ай же сильный ты, могучий ведь Иванище,
Ай силы у тебя да с два́ меня,
А ухватки у тебя и половинки нет».
А тут богатыри перекрутилисе,
А тут ёны да ведь переодилисе.
А Илья-то ведь поехал на до́бром кони,
Иванище пошел да ведь пехотою.

№ 228

ОБ ИДОЛИЩЕ

6. А как у Иль - ю - ши

сер - деч - ко роз - го - ре - ло - сё.

7. А по - па - да - ет

на до - рож - ки

ста - ри - чок да ста - ро - ма - тё - рой,

8. А Иль - ю - ша

ста - рич - ку да по - кло - ни - л(ы)-са ведь,

9. А ста - ри - чок е - ще

по - ни - же да Иль - ю - шень - ки,

10. А у ста-рич - ка - то

с го - ло-ву-шки

ша - поч - ка по - вы - па-ла.

11. А го - во - рил

ста - ри - чок да ста-ро - ма-тё-рой:

12. "А Иль - ю - шенъ-ка,

по - дай - ко м(ы)-не -

- ка ша - поч - ку пу - хо-ву-ю!"

13. А хо - тел И - лью - шень - ка нож - кой по - за - крю - чя - ти –

14. А ведь ша - поч - ка

[пу - хо - ва не] ша - та - ет - це.

15. А ско - [цил И - лью] - ша со доб - ра ко - ня,

16. А хо - тел

о - то - р(ы) - вать

по - ля – от и от ша - поч - ки, –

17. А за - гряз И - л(и) - ю - шень - ка

до г(ы)-ру - дей в зем - лю.

1/16
18. А го - во - рил

ста - ри - чок да ста - ро - ма - тё - рой:

19. "А ка - ку ж ты

в ру - ку си - лу,

И - лью - шень - ка, ты чув - ству - ешь?"

20. А тут и

сдо - га - дал - се тут Иль - ю - шень - ка:

А попросил(ы)се (в)у князя у Владимира
А Ильюшенька-ить съездить прогулятисе,
А с городамы-то и да спознатисе.
А ведь едет-то Ельюшенька(м)
А по дорожки-то да во Ки́ёв(ы)-град.
А как у Ильюши сердечко розгоре́лосё.
А попадает на дорожки старичок да старома́тёрой,
А Ильюша старичку да поклонил(ы)са ведь,
А старичок еще пониже да Ильюшеньки,
А у старичка-то с головушки шапочка повыпала.
А говорил старичок да старома́тёрой:
«А Ильюшенька, подай-ко м(ы)не-ка шапочку пухо́вую!»
А хотел Ильюшенька ножкой позакрю́чяти —
А ведь шапочка [пухо́ва не] шатаетце.
А ско[цил Илью]ша со добра́ коня,
А хотел отор(ы)вать поля́-от и от шапочки —
А загряз Ил(и)юшенька до г(ы)руде́й в землю́.
А говорил старичок да старома́тёрой:
«А каку́ ж ты в руку силу, Ильюшенька, ты чувствуешь?»
А тут и сдогадалсе тут Ильюшенька:
«А давно ли ты ж, дедушко, из(ы) города из Ки́ёва?..»

№ 229

ПРО ТАТАР ПРО ПОГАНЫИХ

Илья-то Муромец сын Иванович приехал к поганым татарам тудыково, к ихнему старшему. Он спрашивает у них: «Какой богатырь у вас есть?» — «Илья Муромец сын Иванович, славнешенек, каков и я». — «Сколько, — говорит, — ён хлеба кушает за день?» — «А по три калачика да крупивчатых». — «Что, — говорит, — это за богатырь есть русский, что мало ест да кушает? А я, — говорит, — по крайней мере ем по три печи хлеба и быка-третьяка к выти». Ён на отместку ему и говорит: «У нас была у попа коровище да обжорище, много пило, ело да и лопнуло, лопнешь и ты».

А Илья Муромец был на ножку да повернешенькой. Всадил поганой татарин ножищем-кинжалищем (*не понравилось это слово*). Нож пролетел мимо Илью и вырвал двери с петляков. И убил поганых татар, что и смету нет. Ну вот, потом оны сражались. Уж не знаю как, но победил Илья Муромец — русский богатырь.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 230—240)

№ 230

О МЛАДОМ СОЛОВНИКОВЕ

На наше на село на прекрасное,
На стольный на город на Киев-град
Наезжает издалеча из чиста поля
Молодой-младой Соловников.
Уж он кличет-выкликает поединьщика
«Дайте мне из города поединьщика!
Не дадите из города поединьщика —
Так с конца зажгу и головней покачу».
Пришло известьице ко тому ко Илье ко Муромцу:
Скочил Илья на резвы ноги,
Как ударил кулаком во дубовый стол,
Разлетелся стол во все стороны;
Говорит Илья таково слово:
«Я могу служить-стоять за Киев-град!»
Скоро он седлал добра коня,
Кладывает потнички на потнички,
Кладывает войлочки на войлочки,
И седелко кладывает на седелко,
Черкасское седелко наверёх еще.
Кладывает, сам выговаривает:
«Не для, братцы, красы-басы,

Не для, братцы, угожества,
А ради укрепы богатырския».
Только видели молодца сядучись,
А не видели удалаго поедучись,
Не знают, во кую сторону уедучись.
Как наезжает он издалеча из чиста поля,
Ударил Соловникова в буйну голову:
Сидит Соловников — не стряхнется,
Желтыя куде́рка не сворохнутся.
Отъезжал Илья и раздумался:
«Это, братцы, не беда ль пришла?
Сколько я татар на веку бивал,
А все с одного разу по́шибал,
А этого татарина не мог сшибить!»
Как приправливал опять добра коня
Из того далеча из чиста поля,
Ударил Соловникова в буйну голову:
Сидит Соловников — не стряхнется,
Желтыя кудерка не сворохнутся.
Отъезжал Илья и раздумался:
«Это, братцы, не беда ль пришла?
Сколько я татар на веку бивал,
А все с одного разу пошибал,
А этого татарина не мог с двух раз сшибить!»
Опять приправливал добра коня
Из того далеча из чиста поля,
Ударил Соловникова в буйну голову:
Сидит Соловников — не стряхнется,
Желтыя кудерка не сворохнутся.
Тут у младого Соловникова
Речистый язык у него мешается,
Мозги в голове у него потрясаются,
Со ясных очей свет теряется;
Он говорит-промолвит таково слово:
«Ай же вы, слуги мои верные!
Идьте-ко вы со известьицем
За тое за славное сине море,
Ко моей ко родноей ко матушке,
Ко матушке идьте, ко Настасьюшке,
Скажите ей таковы слова:
„Не знаю, какой невежа наехал из чиста поля,
Ударил меня в буйну голову —
Речистый язык у меня мешается,

Мозги в голове у меня потрясаются,
Со ясных очей свет теряется!"».
Тут слуги его верные
Поехали они, съехали
За тое за славное сине море,
Ко его ко родноей ко матушке,
Ко матушке его, ко Настасьюшке;
Сказали ей таковы слова:
«Не знаю, какой невежа наехал из чиста поля,
Ударил Соловникова в буйну голову —
Речистый язык у него мешается,
Мозги в голове у него потрясаются,
Со ясных очей свет теряется».
Становил Илья добра коня,
Сам говорит-промолвит таково слово:
«Полно нам биться и ратися,
Пойдем-ка мы биться рукопашкою».
Тут спускалися они с добрых коней,
Как Илья был свычен, догадлив был:
Заскочил он, обскочил окол его,
Ударил сутыч по шее-то,
Сбил-то его на сыру землю,
Садился ему на белую грудь,
Занес он свою праву руку,
Занес-то ножище-кинжалище:
Рука в плече застоялася.
Начал Илья тут выспрашивати,
Начал Илья выговаривати:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты скажи, скажи, не утай себя,
Ты коей орды, ты коей земли,
Ты коего отца, коей матери?»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Ах ты, старая собака, седой пес!
Как был бы я у тебя на белых грудях,
Не спрашивал бы у тебя ни имени, ни изотчины,
Пластал бы тебе белую грудь.
А ты у меня на белой груди:
Вольно тебе насмехатися!»
Занес Илья свою праву руку,
Занес-то ножище-кинжалище —
Рука в плече застоялася.
Начал Илья тут выспрашивати,

Начал Илья выговаривати:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты скажи, скажи, не утай себя,
Ты коей орды, ты коей земли,
Ты коего отца, коей матери?»
Он говорит-промолвит таково слово:
«Ах ты, старая собака, седой пес!
Когда ты начал допрашивати,
Скажу тебе и поросскажу:
Есть я из-за славнаго синя моря,
Есть я молодой-младой Соловников,
От тоя от матушки Настасьюшки,
А батюшка, не знаю, кто есть».
Как выскочит со белых грудей
Со этого со младаго Соловникова,
Выскочит, сам испроговорит:
«Ай же ты, сын мой возлюбленный,
Молодой-младой Соловников!
Почему ты раньше не сказал мне?
Не бил бы я тебя с перваго раза!»
Тут они сели, пили, кушали,
Тут Илья и спать-то лег.
Спать-то лег во белой шатер:
А спит, молодец, проклаждается,
Над собой невзгодушки не ведает.
Скоро натянул он свой тугой лук,
Кладывает стрелочку калёную,
Как стрелил-то во Илью скрозь белой шатер,
Да тут Ильюше не к суду пришло.
Был-то у него крест на белой груди,
Весом крест в полтора пуда —
Стрела в кресте застоялася.
Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу сам пометается,
Выскакал в тонкиих белых чулочиках,
В тонкой белой рубашечке без пояса.
Как прибегал ко младому Соловникову,
Хватил его за желты кудри,
Как бросил о матушку сыру землю,
Как занес свою правую руку,
Занес тое ножище-книжалище —
Тут рука в плече не застоялася:
Пластал он его груди белыя,

21 Зак. 3427

Рассек он его на мелкия часточки,
Раскидал часточки по чисту полю.
Тут Соловникову славу поют,
А Ильюше слава не минуется,
Отныне и век по́ веку.

№ 231

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

Да на наше на село на прекрасное,
На стольнёй-от город на Киев-град
Наезжал молодой-младой Соловников
А ⟨и⟩з-за того за славна ⟨и⟩з-за синя моря
Выпрашиват себе он поединщика:
«Да ай же ты, да князь стольнё-киевской!
А дай-ко мне-ка ты да поединщика!
Как ежели как не даешь как мне,
А я-то ведь ваш стольний Киев-град
Да я с коньца его зажгу,
Головней покачу».
Как тут уж князь стольнё-киевской
А шол-то он на выходы высокии,
А закрычал он, князь, во всю голову:
«Да ай же вы, русийски все могучии богатыри!
А подите-тко на думушку великую
А к стольнёму-то князю к Володимеру».
Как услышал-то уж ведь этот крык
А старыи казак Илья Муромец,
Как скоро тут Ильюшенка справляется,
А скоро старичок снаряжается.
А приходит Илья тут да Муромец,
Идет тут Илья он по новы́м сеням,
Как по тыи по гридни по столовыи,
Идет он, старик, сам шатается,
А ступененьки-мостинки подгибаются.
Как приходит Илья тут Муромец,
Отворил он двери тут да на́ пяту,
А здравствует он князя с княгинею:
«А здравствуй-ко ты, князь стольнё-киевской,
А со своей княгинёй со Опраксиёй!
А ты чего крычишь, нас треложишь ли,

А нас — русийскиих могучиих богатырёв?»
Как он на то ему да ответ держит:
«Ах ты, старыи казак Илья Муромец!
Да как-то не крычать, не треложить мне?
Да на наше на село на прекрасное,
Да на стольнёй-от город как на Киев-град.
Не знаю я, какой-то невежа есть,
А наезжат з-за славна за синя моря
Молодой-младой сюды Соловников,
Выпрашиват себе он поединщика.
Как говорит-то ли он таково слово:
„Да ай же ты, да князь стольнё-киевской,
Дай-ко мне сюда ты поединщика!
Как ежели ты мне не да́ешь нунь,
А я ваш стольнёй-то город-то Киев-град
С коньца его зажгу,
Головней его покачу!"»
Как это тут Илья да Муромец,
Как все это Ильюшенка повыслушал,
Скочил он, как Илья, на резвы ноги,
Ударил кулаком во дубовый стол,
А розлетелся стол на вси стороны:
«Да ай же ты, князь стольнё-киевской!
Как я еще могу да служить-стоять
За стольнёй-от город я за Киёв-град!»
Как скоро тут еще Ильюшенка поворот держал,
Приходил Ильюшенка назадь домой,
Как скоро тут Ильюшенка седлал добра коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кладывае подпруги на подпруги,
А кла́дывае потнички на потнички,
А кла́дывает войлочки на войлочки,
Седёлка кладыва́ет на седёлышка,
Черкальское седёлко на верёх еще,
А ты-эты подтяжечки шелковыи,
Кладыва́е, сам выговариват:
«А не для-то ведь, братцы, красы-басы,
А не для-то ведь мне было угожества,
А для укрепы мне богатырскии».
Как видли-то ведь молодца тут сядучи,
Не видли как удалого поедучи,
Не знают, в кою сторону поехал он.
Поехал тут Ильюша во чисто́ полё,

Как приезжат Ильюша на Соловника
Из далеча из чиста поля.
Как ударил он Соловника в голову
А палицой своёй богатырскою —
Как сидит что ль Соловников — не стряхнется,
Как жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Отъехал тут Ильюшенка, роздумался:
«А колько ни татар я на векý бивал,
А с одного ведь-то разý я все пóшибал,
А этого ведь татарина не мóг сшибить —
Как сидит он, татарин, — сам не стряхнется,
А жолтыи кудёрка не сворохнутся».
Как приправливал Ильюшенька опять он добра коня
А на того на млада на Соловника.
Как ударил он Соловника опять ёго в голову
А палицой своёй богатырскою —
А сидит что Соловников — не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Как отъезжал Ильюша на чистó полё,
На чисто поле далечошенько,
Как сам-то он, Ильюшенка, роздумался:
«Да это уж мне ль не беда ль пришла,
А не беда ль пришла, видно, смерть пришла?
Как тут за тым еще Соловником
Речист язык тут да мешается,
А мозги в головы потрясаются,
А со ясных очей еще вид теряется».
Как говорит Соловник таково слово:
«Да ай же вы, да слуги мои верныи!
А едьте вы за славно за синё море
А ко моей ко родныи ко матушки,
А ко тыи к матушки к Натальюшки,
А едьте вы не с радостным известьицом,
Не знаю я, какой-то невежа есть,
А наезжат из далеча ко мне из чиста поля
А бьет-то меня нунь в буйну голову.
А нуньчу у меня топерь, у молодца,
Речист язык топерь мешается,
Мозги в головы потрясаются,
А со ясных очей еще вид теряется».
Как тут ёго слуги-ты верныи
Поехали туды оны с известьицом,
Как со тыим известьицом нерадостным.

Как тут старой тот казак Илья Муромец
Опять-то он приправливал добра коня
На того на млада на Соловника.
Как ударил он Соловника тут в голову
Палицой своёй богатырскою —
А сидит-то что Соловников — не стряхнется,
Опять жолтыи кудерка не сворохнутся.
Как тут-то Илья — он удержал коня,
Как говорит тут Илья таково слово:
«Да ай же ты, удалой доброй молодец!
Да полно е нам да биться-ратиться,
А лучше мы еще, доброй молодец,
Опустимся мы нынь со добрых коней,
Станем нынь биться рукопашкою!»
Как тут-то ведь спускалися оны с добрых коней
А на тую-то матушку сырую землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Как тут-то розошлись, розбежалися —
Ильюшенка да был он свычен-то,
А свычен-то Ильюшенка, догадлив он —
Как скоро обскочил на околь ёго,
Ударил-то ведь в сутыч да во шею-то,
Молода ударил он Соловника.
Как сбил тут ёго да на сыру землю,
Как сел тут Ильюшенка Муромец,
А сел-то к ёму на белую грудь,
А выдернул ножищо сам кинжалищо,
Занес тут Ильюшенка праву́ руку
А на того на млада на Соловника —
Тут рука в плечи застояласи.
Как начал тут Ильюшенка доспрашивать,
Как начал тут Ильюшенка выведывать:
«Да ай же ты, удалой доброй молодец!
Ты скажи, скажи, не утай себя,
Отца ли ты есть, ли царевич был,
Ли короля ли ты еще королевич был?
А ты скажи, скажи да коей орды,
Ты еще скажи мне да был коей земли?»
Как го́ворит Соловник таково слово:
«Ах ты, старая собака, седатый пес!
Как ты нонь надо мною насмехаешься.
Как был бы я у тя на белой груди,
Да не спрашивал бы у тя ни имени,

Не спрашивал бы у тя ни изотчины,
Прямо бы пластал я ти белую грудь!»
Занес опять Ильюшенка востро́й-от нож,
Востро́й-от нож занес да праву́ руку,
Да рука в плечи тут застояласи.
Как начал тут Ильюшенка доспрашивать:
«Ай же ты, удалой доброй молодец!
А ты скажи, скажи, не утай себя,
Коей-то орды есть, коёй земли,
А коёго отца да ко́ей матушки?
Царь ли ты ведь был зде, царевич ли,
Король ли ты был, королевич здесь?»
Говорит он тут таково слово:
«Ах ты, старая собака, седатый пес!
Нонь ты надо мной надсмехаешься.
Сидишь ты на моёй на белой груди,
Был бы я у тя на белой груди,
Не спрашивал бы у тя ни имени,
Не спрашивал у тя бы ни изотчины,
Прямо бы пластал я тебе белу грудь!»
Занес опять Ильюшенка востой-от нож,
Востой-от нож занес, свою праву́ руку,
Да рука тут в плечи да застояласи.
А начал тут Ильюша он доспрашивать:
«Ай же удалой доброй молодец!
А ты скажи, скажи, не утай себя,
Кой-то орды есть, коей земли,
А коёго отца да коей матушки?
Царь ли ты ведь был зде, царевич ли,
Король ли ты был, королевич здесь?»
Как начал он затым ему высказывать:
«Ах ты, старая собака, седатый пес!
Как был бы я у тя на белой груди,
Не спрашивал бы у тя ни имени,
Не спрашивал у тя бы ни изотчины,
Прямо бы пластал я тебе белу грудь!
Когда начал ты ведь нунь выспрашивать,
Когда начал нунь ты ведь доведывать,
Как я тебе скажу, нунь поросскажу:
Есть-то я ⟨и⟩з-за славна ⟨и⟩з-за синя моря,
А есть-то молодой-младой Соловников,
А есть-то я от матушки Натальюшки,
А ведь батюшка, не знаю я, какой-то был».

Скочил тут Илья на резвы ноги,
Здымает он за рученки за белыи:
«Ах ты, молодой-младой Соловников,
Да ах же ты ведь сын мой любимыи!
Как полно е нам биться-ратиться,
Лучше мы с тобой поедим, попьем».
Как сели тут оны, поели, попили, покушали,
Белыи лебедушки порушали.
Как тут-то Ильюшенка спать да лег,
А спит он, молодец, проклаждается,
Над собой незгодушки не ведает.
Как этот молодой-младой Соловников
Как скоро сам с собой думу думает,
Как скоро натянул он свой ту́гой лук
А кладывае стрелочку каленую,
Как скоро он стрелил еще Илью в белу́ю грудь.
Как тут еще Илье не к суду пришло,
Как был тут у Ильи да золот крест,
А золот крест он был три пуда есть.
Как ото сна богатырь пробуждается,
Сам на уличку он тут пометается,
Как выскакал он в тонкиих белых чулочках без чоботов,
А в тонкии белыи рубашки сам без пояса —
Хватил-то он Соловника, ёго за желты кудри,
Как бросил тут его он о сыру землю,
Как выдернул ножищо он кинжалищо —
Как тут рука в плечи не застояласи,
Скоро он пластал ёму белую грудь,
Как вынимал сердечко тут со печенью,
Россек его на четыре на часточки
А роскидал ёго по чисту́ полю,
Только-то й Соловнику славы́ поют,
А Ильина-та слава не минуется,
Отныне-то век по веку поют его, Ильюшенку.

№ 232

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

А приехал тут от за́морья,
От за́морья да Соловников
Просить да поединщицька.

А поехал ведь он, порасхвастался:
«Головней-то я да Киев-град сожгу,
А огнём-то всё ведь я повалю».
А тут как сделалась тревогушка великая,
Собирал князей-бояр да всех сильниих,
Всих как сильниих да всих могуциих,
Всих как сильниих могучиих да всех бога́тырей.
Полени́ць как да видь уда́лыих.
А сходилисе да съезжалисе
Вси как сильнии могучии бога́тыри,
Полени́ци вси да видь удалыи
А во Киев тут да во славный град
А ко тому ли ко князю ко Владимиру,
А приходит-то старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович:
«А ведь просит-то Соловников поединщика —
Не дадите мни ведь поединщика,
Головню возьму да Киев-град сожгу,
А князя-то видь да во поло́н возьму,
А княгиню я да с собой возьму».
А как сходилисе да видь съезжалисе
Сильнии русьскии могучии бога́тыри,
Поляни́ци были все уда́лыи
А на тот на славный на Киев-град.
А наезжает биться ведь Соло́вников,
А ведь просит да поединщичка:
«А не даете едина поединщичка —
Головню возьму да Киев-град сожгу,
А князя-то ведь да во поло́н возьму».
А тут справляется старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец ведь сын Иванович,
А заступить-то за Киев за славный град,
А за тую веру, за христьяньскую,
А за вдов, сирот да за ма́лыих детушек.
А справляется, снаряжается
А старый козак Илья Муромец
А со тыим биться, со Соло́вниковым,
А биться ему было да ра́титься,
А старому козаку да Илье Муромцу.
А наехал-то он на Соловника,
А ударил-то ему да ⟨в⟩ буйну голову:
А сидит-то ведь Соловников — не ша́тнетсе,
Волосиночка да не зворо́хнетсе.

«Ай, — говорит Ильюшенька да Муромец, —
А теперь-то мне жить не писано,
А тут-то мне да ведь смерть пришла —
Богатырь-то сидит — не стря́хнетсе,
Волосиночка да не зворо́хнетсе».
А наехал тут Ильюшенька другой-то раз,
Как ударил тут да в буйну голову:
У ёго ведь голова — не ша́тнетсе,
Волосиночка да не зворо́хнетсе.
А говорит Илья да воспрого́ворит:
«Видно, мне теперь да как смерть пришла,
А теперь-то мне да жизнь концеетсе,
И слава теперь мне коротаетсе» —
Ай говорит Илья таковы слова.
А теперь как ведь да было ну́нецю,
А говорит Соловник слуга́м ведь так верныим:
«А ведь идите, слуги как ведь верныи,
А вы идите, слуги, за сини́ моря,
За сини́ моря, да за чисты́ поля,
Вы везите весточку нерадостну:
А какой-то невежа видь похвасталсе
Отрубить-то мни видь буйну голову».
«В голове́ мозги да протряха́лисе,
Языки да у меня да помешалисе,
Ясные очи да помутилисе
От удара-то да от великого» —
Ай говорит Илья да таковы слова.
Как и в третий раз ударил Соловника,
А ударил-то да в буйну голову:
А сидит Соловников — не ша́тнетсе,
Волосиночка да не зворо́хнетсе.
А говорит Илья да таковы слова:
«А давай-ка мы с тобой да биться-ратиться,
А давай-ка мы с тобой да на кулачный бой,
На кулачный бой, на рукопашку есть».
А спускалисе оны с добры́х коней,
А спускалисе да со седе́лышков черкальскиих,
А начали оны биться да ратиться.
А Ильюшенька да очень по́верток,
А ведь был Соловник а не по́верток.
А ударил-то ведь Соловника в затылочок,
А упал Соло́вников да на сыру́ землю́,
А на матушку да мураву-траву.

А садился тут Ильюшенька да на белу́ю грудь,
А на ту́ю бе́лу грудь да на Соловникову.
А как зама́хнется да старый козак Илья Муромец —
Во плечи́ рука да застояласе,
Во плечи́ рука да примахаласе.
А ведь стал-то он тогда да выспрашивать,
А ведь стал-то ума да он отведывать:
«А ты скажи, скажи, добрый мо́лодец,
Ты какой орды да какой земли?
Как тебя, молодца́, да именем зовут?
А звеличают тя да по отечесьву?
А царь ли ты есть, царевич ли?
А король ли есть, да королевич ты?
А стиха́рь-то ты да дьяковьскиих?
Али грозный посол ты лихоличий есть?
А есть я от города от Муромля,
От того села от Карачи́рова,
Старый есть козак да Илья Муромец.
Ты скажи, скажи, Соловников». —
«Уж ты, старая собака, да седатый пес!
Уж как был бы я да на бело́й груди,
Я не спрашивал ни роду у ти, ни племени,
Я пластал бы ти да ведь белу́ю грудь,
Вынимал бы сердечко да со печенью».
А Ильюшенька да ведь Муромец
А забирает-то он нож да во леву́ руку́ —
А в плечи́ рука да застояласе,
Во плечи́ рука да примахаласе,
А ведь стал-то он ёго́ да ведь выспрашивать,
А ведь стал ума да у Соловника выведывать:
«А ты скажи, скажи да ведь коёй земли?
Ты коёй земли да видь коёй орды?
Как те, молодца́, да именём зовут?
Звеличают тя по отечесьву?
А царь ли ты есть, ды царевич ли?
А король ли есть, аль королеськой сын?» —
«Уж как ты, старая собака, да седатый пес!
Уж как был бы я у тя на бело́й груди,
Ничего-то я да видь не спрашивал.
Вынимал сердечко у тебя да со печенью,
А не спрашивал роду я да ведь не племени».
Ай берет Илья нож да во праву́ руку́,
А опять да ведь зама́хнетсе —

А во плеци рукú да застояласи.
«Ты скажи, скажи, да добрый мóлодец,
А коёй орды да ты коёй земли?
Да коёго роду-то ведь племени?
А как же молодцá да именéм зовут?
Звеличают те да по отечесьву?
Ты скажи, скажи, да не утай себя!» —
«Есть ли я, удалый добрый мóлодец,
Я той бабы да от Латúници,
От тоёй я полянúци от удáлоей.
А меня ведь называют заугóлышем,
Заугóльнием да подугóлышем.
А не могу я славушки той слышати —
А не видал отца я рóдного,
А какой не знаю отец-то был».
А скочил Илья да с белóй грудú,
Целовал его во уста-то ведь,
Наливал он ему питья́ медвя́ныи,
Уж как ества ему да видь сахáрные.
«А уж ешь ты, удалый, да ведь дóсыти,
Уж как пей-ко ты, напевайся-ко!»
А напился, наелся да ведь дóсыти,
А Ильюшенька-то ведь как спать залег
От устатка от того, да от великого.
А ведь этот Соловник да думу думает:
«А какой мне отец видь да беззаконныи?
Натяну-то я да видь тугой лук,
А кладу-то стрелочку калёную,
А стрелю-то ёмý да во белýю грудь.
А ведь Киев-град да я огнем пожгу,
А ведь князя я да во полóн возьму,
А княгину я да ведь с собой возьму».
Натянул-то тут да ён тýгой лук,
А стрелил-то ёмý во белýю грудь,
Старому Ильюшеньки видь Муромцю.
А у Ильюшеньки да у Муромця
Был как крест да ведь золоцёныи
А семи фунтóв с половиною —
Во кресту стрела да застояласе,
Не могла пробить да ведь белóй грудú.
А скочил Илья да на резвы́ ногú
А берет Соловника да за желты́ кудрú,
А бросает тут его да о сырý землю́,

А берет ножищо да кинжалищо,
А Соловника да ведь пла́стае.
«А от кого дитя да зародилосе,
А от того дитя да подавилосе».
А тут-то видь Соловнику славы́ поют,
А Ильи-то сла́вы не минуетсе,
А покамест-то белый свет да видь топерь стоит.

№ 233

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

А был ведь пособран-то богатый пир
Как у ласкового князя у Владимера.
Все бога́тыри да были созваны,
Вси на пиру да наедалисе,
Вси на пиру да забавлялисе.
Когда разъезжались храбрыи, могуции
Бога́тыри по своим домам,
По своим домам, по своим дворам,
По своим дворам, по своим местам,
А осталсе ласковой князь сто́льнё-киеськой
Со своей княгыней да со Опраксией,
Со своими подданыма вельможамы.
Повалилсе спать да Владимер-князь да стольнё-киеськой
Он во свою да спальню светлую.
Да долго он с княгиней разговаривал,
Как стал тут усыпа́ть тут он богатырским сном,
Тут услышал да го́лоса зыцьного,
Как вдруг раздалсе голос богатырьской позáдь Киева:
«Ай ты, ласковый ты князь Владимер сто́льнё-киеськой,
Если ты спишь, ты не пробуждаешьсе-ко,
Али ба́лом и ты пиром наслаждаешьсе,
Аль про нас, бога́тырей, не ведаешь,
Посылай-ко ты да мне соперника,
А ты соперника, упору крепкую,
Упору крепкую да оборотнушку великую
А ⟨...⟩ да постояти за Киев-град.
Если нет у тя упоры крепкой богатырскою,
То поеду я к тебе во Киев-град,
Ах побью от старого до малого,
А от малого до старого,

Я тебя-то, князя-то Владимера
Со княгыной-то со Опраксией,
А со княгыной-то да со Опраксией,
Верно в плен возьму,
А Киев-град да ведь полаты роскачу,
А Киев-град да ведь огнем пожгу,
Я богатырей копьем-мецём побью».
Тут Владимер удивляитсе,
Будит он княгиню да Опраксию:
«Ах ты ласкова княгиня ты Опраксия,
Мне-то что-то во сне видитсе,
Мне-то что-то во сне чудитсе!»
А княгини тоже то видитсе:
«Ах ты ласковый князь Владимер сто́льнё-киеськой,
Я давно не сплю, тебе сказать хочу:
Слышишь голос как нахвальщика,
Как нахвальщика, незнакомого наездника.
А у нас дружина принапиласе,
Принапиласе, куды-то укатиласе.
Где-то был стары́й казак да Илья Муромець,
Тот бы постоял да может видь за Киев-град,
За тебя, ласкового князя да Владимера,
За меня, княгиню-ту Опраксию,
Постоял он за бедных жен,
За бедных жен, за бедных вдов
И за бедных малых сиротоцек,
Как стоя́ прежде видь за веру и отецесьво».
А вот опять крицит нахвальщик громким голосом
Так, что сад весь пошатаётсе,
С дерев-то лист да осыпаетсе.
Тут теперь Владимеру да не до сна пришло.
Как и скоцил-то да на резвы́ ноги́,
Как и бежал он на балконцик высокии,
Как крицял он громким голосом:
«Эх вы, добрыи уда́лыи мо́лодцы,
Уж ты вдобавок, старо́й Илья Муромець,
Уж вы не выдайте князя да Владимера,
А молодой княгини да Опраксии,
Постойте за наши-то богасьва княженецькии».
Как скоро-наскоро бежит Илья,
Редко он кудрями-то потряхиват,
[Ножкой] через улоцьку пошаркиват,
Он бежит ко той парадной леснице,

По мосткам бежит — мосты покрякивут,
По ступенькам шагнет — ступеньки потрескивают.
Сам садитсе против царя,
Отвечает да таковы слова:
«А что ты, князь Владимер сто́льнё-киеськой,
Ты о чем сидишь да призадумалсе,
[Призадумалсе] да так запечалилсе?
Что ли нет у нас сильных, могуцих бога́тырей,
Что не можем мы отпихатьсе от наездницька?
А вот услышу голос я наездника».
А криком — голос богатырьскиий.
От такого крику богатырьского
Вся полатушка шатаетсе,
А сидит Илюша удивляетсе.
А некогда сидеть да толковать-беседовать,
А надо кли́цеть бой до бога́тырю.
Он бежал да на конюшеньку конину́ю,
Он там брал доспехи богатырьскии.
А перву оцередь схватил узду тесменную —
А не тем уздецька была до́рога,
Что узда-то была шо́лкова.
А он клал на добра́ коня,
По конюшеньки поваживал,
На Бурушка посматривал:
«Вот нам, Бурка, цереда́ пришла
Ехать в цисто поле с наездником,
Вот на рать-побоищо смёртноё».
Постановил добра коня, похлопывал,
У него гриву прицясывал мохнатую,
А потом наця́л его оседлывать.
Вот на потницьки кла́дал потницьки,
А на войлуцьки кла́дал войлоцьки,
Наверх подергивал попону пестердину́ю —
А не тем была попона дорога́,
Что в три стоцьки золотом простроцена,
Тем попона была до́рога,
Что во всех цетырех углах
По самоцветну камню а́хонту —
А другой видить, вишь, дивуетсе,
А на попонку он любуетсе.
А камени всажены для проезду до́бру мо́лодцу.
От впереди их был свет, как от кра́сна солнышка,
А от сзади них — как от светла мисяця,

А молодым сильниим могуциим бога́тырям
[А лесами-то] проежжать,
А ноцями-то ноцьками осенними,
Не лесами тыми брыньскими,
[А тыми] болотами топуцими,
А съежжатьсе приходитсе с бога́тырям.
А впереди их камней да осветилосе бога́тырю
А отдале их камениев на всюду.
А наверёх покидывал седелышко черкасьское
На все двинадцать подпруг на́крепко да на́плотно,
А шелк-то тя́нетсе, да ведь не́ рветсе,
А золото-то мокнет, да не ржавеет,
Кажну пряжецьку посматривал,
Вот подергивал подпругу-ту продольную.
Как брал он ко́пьё в руку под плецё,
Как брал шелепугу подорожнюю,
Тридцати три пуда свинцу на́лита,
Свинцу нали́то да чебруракського.
Вот еще шелк цел под ⟨...⟩
Для отмашки сильного бога́тыря.
А брал он буявицю,
Котора от Ильи без угару девяноста пуд.
Накладал он стальной шлём на головушку,
А шлём стальной был с шишаком во двенадцать пуд —
Не нанес богаты́рь удара-то остры́м мецём,
От остры́м мецём по головушки,
Не отбил он у бога́тыря видь це́репа.
А тут мецём Илюша подпоясалсе,
А брал Илюша перьву заповедь — ту́гой лук,
А вот колцян да он со стрелкамы.
А скоро тут садился Илюша на добра́ коня́,
На добра́ коня́ как на люта́ зверя.
Как пришпори Илья шпорамы,
А очернял шелко́вой плетью́ —
А спрыгнул будто лютой зверь,
Только видли добра мо́лодца сядуци,
А не видли тут поездки богаты́рьскою:
И только ку́рёвка ему проку́рила,
И вслед поро́ша пропоро́шила.
Выежжал Илюша во цисто́ поле,
А во то раздо́льицё широкое,
А увидал собаку бога́тыря.
А он нацял да надсмехатисе,

А он нацял да надсмешку делати:
«А ты, старая базы́га, ты, седатой пес!
Ты куда идешь дело на ратное?
Ты куда идешь на побоищю на смертное?
А тебе ли, седа́тому седине́, сидеть,
А сидеть на добро́м кони,
На добро́м кони как на люто́м звери́,
На люто́м звери́ съежжаться с бога́тырем!»
А крыцит ему Илюша таковы слова:
«Ах и ты, засельшина да деревеньщина,
Ты, холопина да знать боярская!
Где-то ты стащил шубу да цёрна соболя,
Да украл-сфатил сапоженьки зелён сафьян,
Угнал с барскиих конюшен добра́ коня!
Ты как едешь к нам во Киев-град,
Ты во Киев-град да повладети ведь,
Повладети ведь Киевом,
А завладеть-то князям-то Владимером.
Как у нас, у ласкового князя у Владимера,
А есь и сильныи храбрыи бога́тыри,
Могут ведь упор держать,
Можут ведь ответы дать!»
Крыцит Сокольник опять да таковы слова:
«Ах ты, старая базы́га, ты, седатой пес!
Ты построй-ко там келью о дороженьку
И сберег бы ты деньжонки по копе́ецькам,
По копейке деньги, по полушецькам —
Тут ты, базы́га, и живот питал,
Тут ты, седина, да и жизнь кончал!
А тибе ли ехать во цисто́ полё,
С нами биться, с добрыма мо́лодцамы?»
Как скоро тут бога́тыри розгневались,
А держали кони́-то с бы́стросью,
А скоро копья долгометныи похватывали,
Как первую разъезку держали оны.
Как ударили оны да по щитам слоновыим —
Да копья долгомерныи погнулисе,
А бога́тыри дак в седлах не кацнулисе
А от того удара от великого.
А от тех от копий стальных да мурзамецкиих,
А от тех щитов верно крепкиих,
А от тех костей да от слоновыих
А раздалось гро́мкоё эхо во Ки́ёви,

Там ведь в [те́рему маковки] да шаталисе,
Вси бога́тыри со двора да разбега́лисе
Вот от ласкового кнезя да Владимера.
А стал их ведь кнезь их окрикивать,
Подождать-то старого каза́ка да Илью Муромця.
Там старший тулитсе за младшего,
А от младшего ответу нет.
А скоро кони у богатыре́й поправились,
Они держали-то вторую-то
Попробовать стальныих палици-булавици,
Стальныих шлемо́в с головы.
У Ильи несцясье приключилосе,
Как ему-то горе приключилосе:
Как ударил богаты́рь палицей-то, па́лицёй —
От палици его-то буявици
[В руках] кольцё колыбаетсе.
Как съехалсе да туто с Сокольником,
Ударили друг дружку копьями да долгомерными —
Копья ты ихни да погнулисе,
А богатыри все — да не кацнулисе.
От того удару от копьи́ного,
От теперь-то от щитов да от слоновыих
Вси построички во Киеви шаталисе,
А бога́тыри-то диву дивовалисе,
А други́-то с княженецкого двора да разбега́лисе.
А удивилсе ласковой Владимер-князь да сто́льнё-киеськой,
Да стал придумывать этого наездника.
А размахнулсе старой наш казак да Илья Муромець,
Как на второй-то раз ударил он Сокольника,
Он ударил его палицей-буявицей,
А несцасье тут да Ильи Муромця:
А палица да поломиласе,
Она на́двоё да разлетеласе,
Только кольцё в руках осталосе.
Как выводил Сокольник вострой меч
А хоцить тут ударить Илью Муромця.
А Илья Муромець увертлив был,
А завернетсе он за гриву лошадиную,
А подумал он да таковы слова:
«Може я видь [сберегу] жизнь свою,
А как повыбью буйну голову!»
А подхватит-то он вострый меч,
А побьет-то теперь Сокольничка.

22 Зак. 3427

[Бьет по шлему] стальнёму да вострому,
А рассекет его да головушку.
А бессилен-от бога́тырь на земли лежит,
На земли лежит, все ругаетсе.
За копье-то Илюшенька имаетсе,
И добрый конь скоцил на грудь ему,
Притиснул как к сырой земли.
Как увидел тут Илюшенька
На правой руки да своей персте́нь:
«Ах ты, цядо мое малое,
Дитя-то ты неразумное,
Ты ведь мною-то построено,
От меня силушка заведена.
Храбрость-то батюшка,
Сила-то у тя матушки.
Хочешь ты ⟨у⟩ старика Киевом ⟨о⟩владеть!
Вот ти клятва перьвая,
Д'ай осталсе дратьсе я в живых:
Как будешь с князем ссоритьсе,
Д'ай отсеку буйну голову».
Дак дал тут Сокольничек свое слово́
Повиноватисе своёму́ батюшку Илье Муромцу
И не ссоритсе с Владимером
И с княгиней да Опраксией.
Тут они да поздоровались,
Во уста да целовалисе,
Целовалисе да обнималисе.
Тут Илюшенька скинул белой шатер.
Зашли во бело́й шатер
Вот с рожёным да с сражёныим.
Уж достал он запасушки пое́здные,
Он зае́здные запасы все походные.
От доставал от правого стреме́нушку,
А други-то выдергивал от левого.
В первом там — да водоцька денисовка,
А в левом-то — закусоцька хорошая.
Они поели-попи́ли, повеселилисе,
Скоро-то богатыри да принапилисе,
Принапилисе да приумаялись,
Приумаялись да привалилисе.
Прилягну́л да Илья Муромець,
А Сокольник думат таку думушку:
«Погоди-ко ты, старо́й кобель, седа́той волк,

Вот я дам тибе расправу вецьную.
Как разгневил ты мать сердецьную».
Как вы́двори́л кинжалище булатнее деветнадцать пуд
Из ножон, да во белу грудь
Как церкнул Илюшеньки, во белу грудь.
А так не снял тут [верно крепкий щит] —
А щит-то был слоновóй кости́,
А под щитом брань стальна, цюгунная.
Как от того ль от звука-то от великого
Как проснулсе славной казак Илья Муромець,
Как скоцил он на резвы́ ноги́,
Как стряхнул кудрямы да ведь сивама,
Как схватил Сокольника за волосы кудрявыи:
«Ах ты и бездельницек,
Покажу я тебе старость, старика пугать!»
Как он бросил на сыру землю́,
Начял он ёго́ на земли́ потаскивать
Да сам таковы слова приговаривать:
«Кем ты, дитятко, заведено,
Тем, дитятко, будешь прикончено!»
Как фатил ён ёго́ да за долги́ ноги́,
За до́лги но́ги, за толстыи,
И крепок он, тотарин он.
Как прошла молва: рубил головку у Сокольника.
Он и взял головку — поднял на копье долгомерное,
Ехал к ласковому князю ко Владимеру
И рыл он голову у парадной лестници,
[Рыл в землю] копье долгомерное.
Только в тереми князь со княгинею,
Все богатыри да пороздумалисе,
А пораздумались да поразъехались,
Да с княженецкого двора бежали да разъежжалисе.
Стал Илюша да про Добрыню спрашивать:
«Да ты, ласковый князь Владимер сто́льнё-киеськой,
А где Добрынюшка Микитинец млад?» —
«А Добрынюшка ушел да домой,
А ушел домой проститьсе с женой». —
«Ах он и молод, скоморошина!
А старши тулитсе да за младшего,
А от младшего ответу нет.
А у нас исть во городи дак е́сь кому,
А послужить за веру и отецесьво дак не́кому!»
Как собрал Илюша тут поцестен пир

И садилсе видь высадил всих по́ цину,
Сам по комнаты похаживат,
[Своей] головушкой поваживат:
«Ах вы, добрыи уда́лы мо́лодцы,
Вы насмешницьки над Киевом,
Блюдолизницьки во Киеви!
Вам не надо цести-жалобы,
Вас не надо цином жаловать,
Вас не надо бы пускать во столиць служить,
Вас не надо бы наряжатьсе к князю́».
На это князь стал перед Ильей
Да говорит сам таковы слова:
«Ах ты старый казак Илья Муромець,
Ты прости-ко в этой винушке бога́тырей!
И ведь твоя-то сила понижаетсе,
Седина в головушке являетсе,
А вперед за́ступя и бога́тыри».
(*И поехал с бога́тырям на заставу.*)

№ 234

ПРО СОЛОВНИКОВА ТАТАРЬСКОГО

В городи как было во татарьскоём
А сильный ведь могучий там бога́тырь был
По прозванью ведь ён Соловников.
А сильный могучий богатырь ён,
А ехал ён во матушку Русиюшку,
А ехал как ён нунь на добром кони,
Борча-то ён себе выискивал,
А поединщика-то ён выкликивал.
А ехал мимо ён заставу богатырскую,
Мимо руських славных бога́тырей.
На етой как заставы богатырьскоей
Старый казак как было Илья Муромеч,
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
Михайлушка По́тык сын Иванович,
Ёрмак как было Тимофеёвич.
А сильный могучий бога́тырь ведь
Проехал ён заставу богатырскую
Во матушку нунь было во Русиюшку,
И старому каза́ку Ильи Муромчу,

Ильи Муромчу ён челом не бьет,
Добрынюшке как было ведь Микитичу
А чести ведь ён не отдает,
Олёшеньке как было ведь Поповичу
А в казну ёму ничто не кла́дёт ён.
Говорил как еще старый казак Илья Муромеч,
Говорил как еще руськиим бога́тырям:
«А вы, руськии могучии богатыри,
Кого послать нам за Соловником,
За сильныим могучиим бога́тырем
А след за им да с угоною?
Послать как тут Олёшку видь Поповича —
У Олёшки еще было у Поповича
А руки у его да загребущие,
Глаза-то у его да завидущие,
Олёшка оглядится ве́дь озарится,
А убьет его татарьский ён Соловников
А смелого Олёшку ведь Поповича,
Пропадет у нас Олёшенька тут без вести.
Послать как нам Михайлушку Потык сын Иванова —
Михайлушка По́тык сын Иванович
А ходит ён еще да потыкается,
За полы ён да нунь как заплетается,
Убьет его да как Соловников,
Пропадет Михайлушка бе́з вести.
Послать как Ёрмака да Тимофеёва —
У его как годы видь моло́дыи,
А лета ведь у его были детские,
Пропадет Ёрмак ведь в молоды́х летах.
А идь-ка ты, Добрынюшка Микитинич,
За сильныим, могучиим бога́тырем
А след за им-то нунь с угоною».
Добрынюшка как было ведь Микитинеч,
Седлал как тут Добрынюшка добра коня,
Обсёдлывал Добрыня, обкольчуживал,
А потнички ён кладывал на потнички,
А по́дпружки кладва́л да ён на по́дпружки,
Сидёлко кла́дывал ведь на сидёлышко,
Черкальское сёдло ён наверех кладва́л —
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силы богатырьскоей.
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
А брал как тут да ён копьё же долгомерноё,

За плеча кладывал свой ту́гой лук,
А брал как ён ведь стрелочки калёныи,
Калёныи ведь стрелки начинёныи,
А паличу как брал тут ён во сорок пуд,
Облатался Добрыня, обкольчужился,
Садился как Добрыня на добра́ коня.
А видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли молодца ведь поезжаючи
От той заставы было богатырскую,
От русскиих могучиих бога́тырей.
А ехал тут Добрыня на добро́м кони,
А след-то ён как нунько ведь с угоною,
За богатырем-то след да за Соловником,
За сильныим, могучиим бога́тырем.
Догнал как его ён на пути да на дороженьки,
Говорил как нунь Добрыня ведь Микитинич:
«Куда же и́дешь ты такая-то невежища,
А и́дешь ты во матушку Русиюшку
Мимо нашу ты заставу богатырскую,
Ко старому казаку Ильи Муромчу,
Ильи Муромчу да ты челом не бьешь,
А мне-ка-ва, Добрынюшке Микитичу,
А чести ты да не о́тдаешь,
Олёшеньке как ведь Поповичу
В казну ему нича́ ты ведь не кла́дывал».
Добрынюшка как было ведь Микитинич
Приправил как ён ко́ня доброго
На бога́тыря как было на Соловника,
Ударил как ёго да буйну голову
Своёй ён паличей сорокпудовою —
Сидит-то ведь бога́тырь на добро́м кони,
Сидит-то ведь бога́тырь ён не стряхнитсе,
Кудерко ведь на ём да не сворохнутсе.
А сильний могучий бога́тырь ведь
Приправил ён коня нуньку доброго
На Добрынюшку да на Микитича,
Ударил как Добрыню буйну голову —
Добрыня как одва ведь усидел да на добром кони,
У Добрыни добрый конь на колена пал.
Добрыня бил коня ведь по тугим ребрам,
А скочел ведь добрый конь на резвы́ ноги́,
Понесся, что стрела да ён калёная,
От того бога́тыря от Соловника.

Приезжал как тут Добрыня на заставу богатырьскую
А к руськиим могучиим богáтырям,
Говорил как ён могучиим богáтырям
И старому казáку Ильи Муромчу:
«Ну, старый казак Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Иванович,
А догнал я богáтыря Соловника,
А догнал ведь я на пути да на дороженьке,
И приправил я коня да нуньку доброго
На богáтыря ведь на Соловника,
Ударил я ёго ведь буйну голову
Своей как тут я паличей сорокпудовою,
Сидит богáтырь тут да на добрóм конú,
Сидит богáтырь как не стряхнетсе,
Кудерко как на ём да не сворохнетсе.
Приправил ён коня да еще на меня,
Ударил ён меня да буйну голову,
Одва ведь усидел я на добром кони,
А добрый конь у меня ведь на колена пал,
А бил-то я коня тут по крутым рёбрам,
Скочел как добрый конь тут на резвы́ ногú,
Понесся ведь, что стрелочка калёная,
От того богáтыря Соловника».
Говорит как еще старый Илья Муромеч:
Илья Муромеч да сын Иванович:
«А мни как след поехать за Соловником,
За тыим-то богáтырем с угоною».
Ну, старый казак ведь Илья Муромеч
Добрá коня́ как тут да ён обседлывал,
Обседлывал коня ён, обкольчуживал,
А потнички кладвáл да ён на потнички,
А пóдпружки кладвал да ён на пóдпружки,
Седёлко кладывал ведь на седёлышко,
Черкальско ведь сидло ён наверёх кладвал —
Не ради как красы-басы, а ради ён да крепости,
А ради было силы богатырскую.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч
А брал как ён копьё тут долгомерноё,
За плеча клáдвал свой тугóй же лук,
А брал как ён же стрелочки калёныи,
Калёны стрелки начинёныи,
А паличу ён брал ведь во сорок пуд.
Облатался как ён ведь, обкольчужился,

Садился ён как тут на добра́ коня.
А видли до́бра мо́лодца ведь садучи,
Не видли молодца как поезжаючи
От той заставы было богатырьскую,
От русьскиих могучиих бога́тырей.
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
А ехал ён как тут на добром кони
А за бога́тырем ён за Соловником,
А след-то ведь за им да с угоною,
А догнал ён на пути ён на дороженьки.
Ну старый казак Илья Муромеч
Говорил бога́тырю Соловнику:
«Куда ты и́дёшь нунь, такая ведь невежища,
А и́дёшь ты во матушку Русиюшку
А мимо ты заставу богатырьскую,
А мимо руських могучих ты бога́тырей?
Мне старому казаку Ильи Муромчу,
Ильи Муромчу да ты челом не бьешь,
Добрынюшке как ты ведь Микитичу
А чести ты ёму не отдаешь,
Олёшеньке как ты да ведь Поповичу
В казну ёму ничо ты ведь не кладывал,
А и́дёшь ты такая ведь невежища,
А и́дёшь ты во матушку Русиюшку».
Старый казак ведь Илья Муромеч
Приправил ён коня да нуньку доброго
Да на бога́тыря да на Соловника,
Ударил как его ведь буйну голову.
Сидит бога́тырь тут ведь на добром кони,
Сидит-то ведь богатырь да не стряхнется,
Кудёрко ведь на ём да не сворохнутсе
От того-то от удару богатырьского.
Ну старый ведь казак Илья Муромеч
А наехал ён да в другой же раз,
А наехал ён на добром кони,
Ударил как ёго да ён в буйну голову.
Сидит бога́тырь на добром кони.
Сидит бога́тырь ён не стряхнетсе,
Кудёрка ведь на ём и не сворохнитсе.
Ну старый казак Илья Муромеч,
А тут ведь молодеч и пораздумалсе.
Говорил как нуньку Илья Муромеч:
«По белу я свету ведь поезживал,

Поганых татаровей помахивал,
А бил-то я их на один ведь раз,
А тут ударил я да нуньку два раза́,
Не мог-то ёго сбить я со добра́ коня
На матушку на ту ведь на сыру́ землю».
Ну старый казак Илья Муромеч
Подъезжал как ён ведь на добро́м кони
А к сильному могучему бога́тырю.
Говорил Илья таковы слова
А сильному могучему бога́тырю:
«Опустимся с тобой мы со добрых коней
На матушку как на сыру землю
А тут-то мы с тобой да и поборимсе».
Опускалисе бога́тыри ёны ведь со добрых коней
На матушку как тут ведь на сыру землю,
А тут ёны богатыри как нунь ведь сговорилисе,
А тут ёны бороться ведь схватилисе.
Ну старый казак Илья Муромеч
На ножку как ён был да тут лёгошенёк,
Лёгошенёк как ён да повернёшенёк,
Хватил как ён сильного могучего бога́тыря,
А бросил ён о матушку сыру землю,
А скочел как ёму́ тут на белу́ю грудь,
Выдергивал ножище ён кинжалище,
Хотел ёму пластать да тут белу́ю грудь,
А тут ведь мо́лодечь да приодумался.
Старый казак Илья Муромеч
У бога́тыря как ён выспрашивал:
«Скажи-ка ты, богатырь, не утай себя,
Какой же ты земли да какой орды,
Какого же роду ты, какого племени,
Какого же отча, какой ты матёри?»
Говорил же тут богатырь ведь Соловников
А старому казаку Ильи Муромчу:
«Седатый и косатый ты ведь старый пес,
А не сидел бы у меня ты на бело́й груди,
А я как бы сидел бы у тебя ведь на бело́й груди,
Не спросил бы я ни роду ведь, ни племени,
А пластал бы я тебе-ко-ва белу́ю грудь,
А тащил бы твои жилы со печени».
Ну старый казак ведь Илья Муромеч,
А етым ён ножищем ён кинжалищем
Пластал как ён богатырю белую грудь,

Тащил как ён-то жилы со печени.
А богатырю ведь славу́ поют,
А старому казаку Ильи Муромчу
А слава ведь ёму не минуласе.

№ 235

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

Што у нас было по край синя́ моря,
На заставе богатырьская,
Там стояли удалые добры молодцы:
Колован сын Иванович,
Добрынюшка Никитичен
Да Олёшенька Попович,
До́ньский казак Илья Муромец.
На зоре, зоре утренней,
На россвете свету белого,
На восходи соньця ясного
Выходил Илья Муромец
Из бела шатра, што на Днеп-реку умываться.
Он завидел добра молодца
По чисту полю скакаютча,
Под молодцом конь, как лютый лев,
На коне молодец сидит — ясён соко́л,
Хороша управа молодецькая,
Хороши доспехи богатырськии.
Приходил Илья Муромец во бел шатёр,
Говорил он таковы слова:
«Уж вы, братцы мои товарищы,
Кто из вас да удалее всех,
У кого конь порыскучее,
Кто из вас на словах поречистее
Ехать за удалым добрым молодцом,
Расспросить его о дя́дине и отчине.
Если руськой — так побратацьця,
А невер — так поразъхацьця».
Стал тут вызывацьця Олёшенька Попович он,
Но говорили оны таковы слова:
«Олёшка роду поповського,
У попов глаза завидушчие,
У попов руки загребушчие,

Он порозглядицца на доспехи богатырьскии,
Сложит свою буйну головушку
Не за грош, не за денёжку».
Повызвался тут Добрынюшка Никитичок,
Оседлал своего добра коня
И нагнал он бога́тыря
Исередь чиста́ поля.
А неизвесной тот бога́тырь
Отстегал Добрыню Никитича
Шляпуюй подорожнёю.
Отпустил его к Илье Муромцю.
Тут Илья Муромец седлал своего добра коня,
Седёлышком черкальськиим,
Он подстягивал двенадцать шолковых подпруг,
Он крутил коня не для красы-басы,
А для укрепы богатырьскии.
И нагнал он бога́тыря по край чиста поля,
Съехались удалои добра(а)и молодцы.
Копья длинны поломалися,
Мечи вострy потупилися,
Боевые палачи по рукояткам отломилися.
Тут соскочили они с добрых коней,
Схватились на рукопашный бой,
Они билися с утра день до вечера,
Под йима земля колебалася,
Из рек, из озер вода выливалася.
Вдруг у Ильи Муромця
Права нога поскользнулася,
Он упал на сыру землю,
Сел нахвальшшина на белую грудь,
Стал росспрашивать про отця, про матушку:
«Какого ты роду-племени?»
Возговорил тот Илья Муромец:
«Было не писаных у святых очей, у апостолов,
Не бывать Илье Муромцу убитому,
А теперь Илья Муромец под низом лежит».
Вдруг у Ильи прибавила силы втрое больше прежнего,
Берет он нахвальшчину на белы руки,
Стават он на резвы ноги
И метнул нахвальшчину выше дерева жарового.
Упал нахвальшчина на сыру землю,
Взял Илья Муромец ломленое копье,
Сел нахвальшчины на белую грудь

И стал спрашивать про отця, про матушку,
Какого роду-племени,
Как тя звать по имени и по отчеству.
Заговорил тут нахвальшчина:
«Ай охота, охота молодецькая,
Полетай охота к моей матушки,
Говорила она, мне наказывала,
Где ты с Ильей съедешься,
Только ты ему да низко кланяйся,
По роду он тебе отець родной!»
Тогда Илья Муромец ломленым копьём
Роспорол грудь белую
И предал его смерти.
(*Это был крестный сын.*)

№ 236

ЖЕНИТЬБА ИЛЬИ МУРОМЦА

Как повел Илья Муромец
Того ли Соловья-разбойника
Во то ли во чисто поле,
Ко той ко яме ко кровавленной,
Ко той ко плахе ко дубовоей,
Чтоб отрубить ему буйну голову.
И взмолился тут Соловей-разбойничек:
«Ох ты гой еси, Илья Муромец,
А по-русски назвать, добрый молодец,
А вспомни ты слова старого батюшки,
Не губи души моей виновноей,
Не для ради меня, Соловья-разбойника,
Не для ради моей молодой жены,
А для ради моих малых детушек,
Девяти сыновей и трех дочерей.
Сослужу я тебе за это службу верную,
Службу верную, неизменную:
Я с воды тебя повытащу,
Я с огня тебя повынесу,
А с бою, с драки я тебя повыручу.
Ты послушай меня, Соловья-разбойника:
Поезжай-ко ты к морю ко студеному,
Ко тому ко каменю ко Латырю,

Ты ко той девицы непорочноей.
Она девица непорочная,
Но будет женщина очень сильная,
Она сильная, баба лютая,
И к мужчинам она недоступная.
А как будешь ты у моря у студеного,
У того ли каменя у Латыря,
У ея у саду ты у зеленого,
Ты спущай коня во чисто поле,
Сам попрятайся в кусты зеленые.
Как пойдет она гулять с мамками,
С мамками, с няньками и с сенными девушками
В свой зеленой сад,
Ты выбирай тогда времени,
Чтоб оны тебя не заметили,
Пробирайся ты в погреба во глубокие,
Ко тем бочкам питья медвяного,
И переставь ты бочки промежду другом,
Чтобы было это незаметно бы;
Одна стоит тут бочка хотения,
А другая бочка терпения.
И выжидай тогда ты во времечки,
Когда оне за стол усядутся,
И приходи на ней ты свататься.
А если будут тебе такого тую временю,
Ты вспомни Соловья-разбойника».
И повыслушал Илья Муромец
Наставления от Соловья-разбойника,
И говорил ему таковы слова:
«Ты иди к детям, но не разбойничай,
Не кричи теперь ты по-звериному,
И не мызгай ты по-собачьему,
И не свищи по-соловьиному,
А обращайся ты по-человечески,
И с людями-народом говори по-человечески».
И отпущал он Соловья-разбойника.
И пошол тут Илья ко Киеву,
И берёт он своего Бурушку послушного,
Полагал он на него уздечку тесьмяную,
Он седлал его о седёлышко черкасское,
Он на спину кладет потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седёлышко.

Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал через хребёт на кость —
Не для ради красы, а для ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с коня не выкинул.
Подпруги были шелко́выи,
Пряжки у седла были красна золота,
Шпеньки были все булатные —
Тогда шолк не рвется и булат не рвется,
Красно золото не ржавеет,
И молодец на коне сидит сам не стареет.
Видели молодца, как коня седлал,
А не видели поездки богатырские.
Конь горы и долы перескакивал,
Широки раздолья между ног пущал,
А маленьки реки хвостом устелал.
И будет он у моря у студеного,
У того у каменя у Латыря,
У того ли сада распрекрасного,
Он спущал коня во чисто поле,
Сам попрятался в кусты зеленые,
И видит — идет тут девица-красавица.
Он такой красавицы не видывал,
Про такую красавицу даже и не слыхивал.
Росту она высокого,
Костью она широкая,
Походка у ней щепливая
И лицом она румяная.
И загорелась любовь тут у молодца,
У того ли Ильи Муромца —
Только сердце вырвать
Со тоей ли груди белыя,
И только было бы рукам раздвинуться
И обнять бы красну девицу,
Поцеловать ее в уста сахарные.
Но он вспомнил тут наставление
От того ли Соловья-разбойника
И укротил он тем свое сердце молодецкое.
И проходила тут мимо его красна девица,
Тая женщина, баба лютая,
И выбирал себе тут Илья Муромец
Тое времечко подходячее,
Он проходил в погреба во глубокие,

Переставил бочки с места на́ место,
И за бочками сам попрятался.
Нагулялася красна девица
Во своем саду во зеленоем
И пошла она в свои терема,
В свой терем, в свою столовую,
И садилась она пообедать.
И набежали тут служаночки
Во погреба во глубокие
За тем питьём за медвяныим,
И одна одной тут наказыват,
И про бочки всё рассказыват:
«Во этой бочки для хотения,
А эта бочка для терпения.
С этой бочки как присватался,
Перва пьет сама боярыня,
А с этой бочки по́ит сватухов,
Тех удалых добрых молодцев,
И не хватает у них того терпения,
Они сильно лезут и на шею барышни,
И срубает она им буйну голову».
И уходила тут красна девица,
И выходил тут Илья Муромец
Из того погреба из глубокого
Он во терема златоверхии
И во тую да во столовую,
Он девице низко кланялся:
«Уж ты здравствуешь, девица раскрасавица».
И говорит ему девица распрекрасная:
«Ты отколь явился, добрый молодец,
Ты коей земли, ты коей орды,
Как тебя, молодца, назвать именем,
И величать тебя по отечеству?»
Отвечает ей добрый молодец:
«А ты учись сперва да поить-кормить,
А у сытых потом и спрашивать».
И садила она его за столы дубовые,
И говорит она таковы слова:
«А как вижу я, что ты, молодец, не старенький,
Да и я пока живу еще в де́вицах,
Так мы выпьем с тобой по чарочки.
Принесите-ка вы нам, грит, служаночки,
А и пива да по чарочки,

Мерой чары полтора ведра,
А по весу чара полтора пуда».
И берет тут обои чары красна девица,
А подает одну чару Ильи Муромцу:
«На, прими-ка ты, молодец, одной рукой,
Да и выпей, молодец, за единой дух».
Принимал Илья чару одной рукой,
И говорит он таковы слова:
«А ведь у нас, молодцев у русскиих,
Не пьется чарка у единого,
А ну-ка выпьем мы с тобою поровну,
По одной по чаре пива пьяного».
И согласилася на это красна девица,
И выпивают оне по чары пива пьяного.
И говорит тут красна девица:
«Как принесите нам по чаре зелена́ вина,
Чтобы весом чара полтора пуда,
А мерой чара полтора ведра».
И приносили по чаре зелена́ вина,
Мерой чара полтора ведра,
По весу чара полтора пуда.
И выпивали они тут без отдыху
Эти чары зелена вина.
И говорит тут красна девица:
«Эх вы гой еси, мои служаночки,
Уж вы няньки, мамки, сенны девушки,
Принесите нам по чаре меду сладкого».
И приносили им по чаре меду сладкого,
И выпивали они чару меду сладкого
(*Полюбилося.*)
И тут девица разгорелася,
И с Ильей гулять ей захотелося,
И приказала она тут своим служаночкам,
Нянькам, мамкам, всем красным девушкам
Выйти с ейных теремов.
И выходили тут все служаночки
И от первой до последнией.
И оставались они двое-надвое.
И тут оне обнималисе, целовалисе и миловалисе.
И долго ли это дело делалось,
Но очнулася красна девица,
Она стала теперь уж порочная,
И за саблю свою она схватилася,

Да и стала она молодца спрашивать:
«Ты коей земли, ты коей орды?» —
А Илье Муромцу тут было не до этого,
Посмотрел он на красну девицу,
Да и верно она уже не девица,
А и злая баба лютая.
А и вспомнил он тут Соловья-разбойника;
«А где-то есть у меня Соловей-разбойничек,
А выручай меня с беды неминучией».
Как в тую пору, в тое времечко
Налетела птица великая,
И садилась она на подоконничек,
Она крыльями стёкла выбила,
А хвостом она рамы повышибла,
И говорит она голосом человеческим:
«Не зевай, садись, Илья Муромец».
И скочил тут Илья Муромец
На того ли Соловья-разбойника,
И улетел на нем во чисто поле.
Он нашел своего там Бурушку-ковурушку,
Он скочил на Бурушку-ковурушку,
И поехал он ко городу ко Муромлю,
К своему родителю ко батюшки.
И приехал, с ним поздоровался:
«Уж ты здравствуешь, родитель ты мой батюшка,
Государь ты мой Иван Тимофеевич».
И пошло тому времени девять месяцев,
И у той ли красной девицы,
У лютой бабы Лотыгорочки
Родилося чадо милое,
Молодой сынок возлюбленный,
Но не знают имени его батюшки.
И стали тут думу думати,
Как бы имя дать новорожденному;
И собирались они все кучею,
И долго они об этом беседовали,
Но никто не слышал того имени,
А только помнят тое времечко,
Что скрылся молодец от них скоро-наскоро,
Не на ногах он бежал, не на лодочки,
А улетал он на птице крылатоей,
А как тая птица крылатая,
Она похожа была на сокола —

23 Зак. 3427

И тому новорождённому
Они дали имячко Сокольничек.
(*Вот откуда Сокольник взялся, а про бочки это из сказок.*)

№ 237

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВНИКОВ

5. Ну е - хал(ы) (й)он

во ма - ту - шку Ру - си - ю - ту,

6. А бор - ця се - би (й)он при - и - ски - вал,

7. А по - я - динь - шчи - ка

как (й)о - н(ы) да вы - кри - ки - вал

8. На за - ста - ву (й)он бо - га - тырь - ску - ю.

9. А на за - ста - вы как

на ё - й(и) бо - га - тырь - ско - ю

10. Сто - я - ли русь - ки - (й)и

мо - гу - чи - (й)и бо - га - ты - ри:

11. Ста - ры - й(и) ка - зак (й)И - лья Му - ро - мець,

12. А До - бры - ню - шка

как бы - л(ы) да Ми - ки - ти - ниць,

13. Сме - лы - й(и) О - лё - шка По - по - ви - ниць,

14. Ми - ха - и - лу -

-шка По - тык сын И - ва - но - виць,

15. Млад Ё-р(ы) - мак ка-к(ы) был Ти - мо - фи - ё - виць.

16. А си - льни - й(и)

мо - гу - ций бо - га - тырь -от

17. Про - е - хал (й)он за - ста - ву бо - га - тырьсь-ку - ю

18. А во ма - ту - шку

как (й)о - н(ы) во Ру - си - ю - шку -

19. Ста - ро - му ка - за - ку И - ль(й)и Му - ро - мцю,

20. А И - льи Му - ро - мцю

как (й)о - н(ы) да це - лом не бьет,

21. А До - бры - ню - шки да Ни - ки - ти - цю

22. А це - сти как

ё - му ли да не [от - да - ёт.]

[...] 24. Го - во - рил как

и - ще ста - ры - й(и)

ка - за - к(ы) И - лья Му - ро - мець,

25. Го - во - рил – то (й)он

как русь - ски - (й)им бо - га - ты - рям:

26. "Русь - ски - (й)и мо - гу - ци - (й)и бо - га - ты - ри!

27. А ко - го бы как

по - сла - ти след су - го - но - ю

28. За бо - га - ты - рём да Со - ло - вни - ком?

29. По - слать - та же

тут сьме - ло - го

О - лё - ши - н(и) - ку По - по - ви - ця -

30. У сьме - ло - го О - лё - ши - ньки По - по - ви - ця

31. А гла - за как

у ё - го ли да по - повсь - ки - и,

32. А гла - за как

у ё - го ли за - ви - ду - щи - (й)и,

33. Ру - ки у ё - го ли за - гра - бу - щи - (й)и,

34. У сьме - ло - го

О - лё - шинь - ки По - по - ви - ця.

35. Сьме - лы - (й)и О - лё - шинь - ка По - по - ви - ниць

36. А на бо - га - ты - ря

как (й)о-н(ы) на Со - ло - вни - ка

37. А об - гля - ди - тце (й)он, об - за - ри - тце,

38. А у - бьет ка-к(ы) же

бо - га - тырь Со - лов - ни - ков

39. Сьме - ло - го О - лё-шинь - ку По - по - ви - ця.

40. А про - па - дет ка-к(ы) же

О - лё-шинь - ка По - по - вищь-то,

41. Про - па - дет как (й)о - н(ы) да без ве - сто - цьки.

42. А по - слать как нам

Ми - ха - и - лу

-ту По - тык сын И - ва - но - ва

43. За бо - га - ты - рё - м(ы) за Со - ло - в(ы)-ни - ком -

44. Ми - ха - и - лу - шка

По - тык сын И - ва - но - виць

45. Хо - дит и - шче (й)о - н(ы) спод - ты - ка - (й)и - тце,

46. А за по - лу

(й)и - шче (й)о - н(ы) за - плё - та - ет - це -

47. А у - бьет ё - го

бо - га - тырь Со - ло - вни - ков,

48. А Ми - ха - (й)и - лу - шку

По - тык сын И - ва - но - ва,

49. Про - па - дет как (й)он да бе - з(и) ве - сто - чки.

50. А по - слать как

мо - ло - до - го

Ёр - ма - ка Ти - мо - фи - ё - ва?

51. Млад Ёр - мак как [ ]

Во городи как было во татарськоём
Там сильний (й)и могуций бога́тырь был
А по прозваньицю как (й)он(ы) да Соловников,
Сильний (й)и могуций (й)он бога́тыр(и) был.
Ну ехал(ы) (й)он во матушку Русию-ту,
А борця себи (й)он приискивал,
А поядиньшчика как (й)он(ы) да выкрикивал
На заставу (й)он богатырьскую.
А на заставы как на ёй(и) богатырьською
Стояли русьски(й)и могучи(й)и бога́тыри:
Старый(и) казак (й)Илья Муромець,
А Добрынюшка как был(ы) да Микитиниць,
Смелый(и) Олёшка Поповиниць,
Михаилушка По́тык сын Ивановиць,
Млад Ёр(ы)мак как(ы) был Тимофи́ёвиць.
А сильний(и) могуций бога́тырь-от
Проехал (й)он заставу богатырьскую
А во матушку как (й)он(ы) во Русиюшку —
Старому каза́ку Иль(й)и Муромцю,
А Ильи Муромцю как (й)он(ы) да целом не бье́т,
А Добрынюшки да Никитицю

А цести как ёму ли да не [отдает].[1]
Говорил как ище старый(и) казак(ы) Илья Муромець,
Говорил-то (й)он как русьски(й)им бога́тырям:
«Русьски(й)и могуци(й)и богатыри!
А кого бы как послати след сугоною
За бога́тырём да Соловником?
Послать-та же тут сьмелого Олёшин(и)ку Поповиця —
У сьмелого Олёшиньки Поповиця
А глаза как у ёго ли да поповськии,
А глаза как у ёго ли завидущи(й)и,
Руки у ёго ли заграбущи(й)и,
У сьмелого Олёшиньки Поповиця.
Сьмелый(и) Олёшинька Поповиниць
А на бога́тыря как (й)он(ы) на Соловника
А обгля́дитце (й)он, обза́ритце,
А убье́т как(ы) же бога́тырь Соловников
Сьмелого Олёшиньку Поповиця.
А пропаде́т как(ы) же Олёшинька Поповиць-то,
Пропаде́т как (й)он(ы) да без вестоцьки.
А послать как нам Михаилу-ту Потык сын Иванова
За бога́тырём(ы) за Солов(ы)ником —
Миха́илушка По́тык сын Ивановиць
Ходит ишче (й)он(ы) сподтыка(й)итце,
А за по́лу(й)ишче (й)он(ы) заплёта́етце —
А убье́т ёго бога́тырь Соловников,
А Миха́(й)илушку Потык сын Иванова,
Пропаде́т как (й)он да без(и) весточки.
А послать как молодого Ёрмака́ Тимофи́ёва?
Млад Ёрмак как ...[2]

[1] Окончание фонограммы Архив КФАН, ρ III/2, 060.01. Возможно, исполнитель сократил несколько строк былины.

[2] Еще две музыкально-поэтические строки, зафиксированные на фонограмме, не поддаются расшифровке вследствие технического дефекта звукозаписи.

№ 238

ПРО СОКОЛЬНИКОВ

Что у нас было на край синя моря,
На заставе богатырскою.
Там стояли удалые добры молодцы
Колыван Селянинович, Алёша Попович,

Добрыня Никитич и добрый казак Илья Муромец.
На заре, заре утренней, на зорьке ранней
Выходил Илья Муромец из бела шатра
На Днепр-реку да умыватися.
Под молодцом конь [как плывет],
Хороша управа богатырская,
Хороши доспехи молодецкие.
Он завидел добра молодца,
Что по часту лесу пробирается.
Приходил Илья Муромец во бел шатер,
Говорил он таковы слова:
«Ой вы, братья мои названные,
Кто из вас удалее всех,
Кто на слово речистее,
У кого конь поржистее,
Ехать за удалым добрым молодцом».
Вызвался тогда Олёша Попович. —
«У Олёша Поповича глаза завидущие,
Руки загребущие.
Заглядится на коня богатырского,
Засмотрится на доспехи молодецкие,
Сложит он ни за грош свою буйную головушку.
Не отпустим мы Олёшу Поповича.
Отправить Ваську Долгополыча,
Он полох запутается и поплатится
Буйной головой».
Выходит богатырь Добрыня Никитич,
Оседлал он своего богатырского коня,
Положил ⟨двенадцать⟩ золотых попон.
Он нагнал богатыря осередь чиста поля.
А неизвестный богатырь отстегал
Добрыню Никитича плетью подорожною.
Тогда Илья Муромец сам оседлал уж своего коня.
Он нагнал богатыря о край чиста поля.
Вступили они в рукопашный бой,
Они бились с утра до вечера.
Они съехались —
Добры копья притупилися,
Мечи остры поломалися,
Соскочили они с добрых коней,
Берет Илья Муромец нахвальщика на копье,
Берет нахвальщика на белы руки,
Сел на белу грудь,

Стал расспрашивать про отца да мать,
Стал он говорить:
«Кабы я сидел на твоей груди,
Не спрашивал бы отца и мать,
А проколол бы сердце до самой печени».
[Ой охота, охота молодецкая,
Полетай охота к родной матушке,
Говорила ему родная матушка:
«Только ты ему низко кланяйся,
А по роду он тебе отец родной»].

№ 239

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И НАХВАЛЬЩИК

Вот Нахвальщик выкликает киевских богатырей на поединок. Вот пошел на первый раз Добрыня. Вот Добрыню Нахвальщик победил и Добрынюшка удрал от него. Поезжает Алёша Попович. Илья Муромец и говорит: «С тебя, Алёша Попович, ничего не будет. У тебя поповские глаза завидущие. Тебе завидно станет, и ты ничего не поделаешь. Так я с тем Нахвальщиком сам биться поеду».

Вот Илья Муромец поехал. День бился с утра до ночи. Копья у них поломались. Ну, утром они схватились всухопаточку. Никоторый не мог одолеть. Наконец Нахвальщик Илью Муромца сронил. Сам ему на грудь сел и говорит: «Старый человек, неким тебя заменить. Сам ты едешь ты в чистое поле биться».

А он [Илья Муромец] сказал: «Мне, — говорит, — смерть в бою не написана».

Тут у Илья Муромца силы в три раза привалило. Он Нахвальщика тут сбросил, сам поверх сел. Нахвальщик взмолился ему. А Илья Муромец не верил, отрубил ему голову. Привез в заставу богатырскую: «Вот, Добрыня Никитич, я его победил».

№ 240

ПРО СЫНА ИЛЬИ МУРОМЦА

Илья Муромец в бою сошелся с сыном. Некому было воевать. Илья Муромец старый поехал воевать. Наехали они друг на друга.

Илья Муромец сронил его и стал спрашивать: «Чьего роду ты племени?» — «Если бы я тебя сронил, твои груди белые бы распластывал, а ты меня спрашиваешь, какого я роду-племени. Был какой-то Илья Муромец, приезжал к мамы моей и прижил меня с ней». — «А ты мой сын! Давай поедем да попьем».

Он ею отпустил, а он его в бок ножом садил, дак он его тут убил, не хотелось сына убивать, а пришлось.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 241—254)

№ 241

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

На наше на село на прекрасное,
На славен на Киев-град,
Наезжает собака-сударь Калин-царь.
Собирал собака князей-бояр,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей:
У каждого царя, у царевича,
У каждого короля, у королевича
Силы собрано по сорок тысячей.
Выбирал к себе татарина сильного,
Сильного татарина, удалого,
Сам он говорит таково слово:
«Ай же ты, слуга моя верная!
Поезжай ко городу ко Киеву
Со тыем письмом со ерлыком,
Еди не пришпектом, не воротами,
Поезжай стеною городовою,
Через тыя башни наугольныя,
Заезжай на княженецкий двор,
Станови коня середи широка двора,
Ко тому столбу ко точеному,
Привяжи к кольцу ко золоченому;
А поди скоро по переным сеням,
Заходи во гридню во столовую,
Положи письмо на белый стол,
Положи, пословесно выговаривай:
„Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Чисти во Киеву улицы,
Расчисти ряды во Киеве,
Курь-ка още зелено вино,
Жди мою силу великую:
Наш-то сударь Калин-царь
Хочет у вас поженитися,
От живого мужа жену отлучить,
А стольную княгину Опраксию"».
Скоро татарин поворот держал,
Седлал татарин добра коня,
Ехал ко городу ко Киеву,

Ко стольному князю ко Владимиру;
Не пришпектом ехал не воротамы,
Ехал-то стеною городовою,
Через тыя башни наугольныя,
Заезжал на княженецкий двор,
Становил коня середи широка двора,
Ко тому столбу ко точеному,
Привязал к кольцу ко золоченому
И скоро шел по переным сеням,
Заходил во гридню во столовую,
Положил письмо на белый стол,
А сам пословесно выговаривал:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Чисти во Киеве улицы,
Расчисти ряды во Киеве,
Курь-ка още зелено вино,
Жди мою силу великую:
Наш-то сударь Калин-царь
Хочет у вас поженитися,
От жива мужа жену отлучить,
А стольную княгиню Опраксию».
Скоро татарин поворот держал,
Скоро бежал на широк двор,
Садился татарин на добра коня,
Ехал назад во раздольице чисто поле.
Тут князю не дойдет сидеть:
Пришла-то беда неминучая;
Бежал он на выходы высокие,
Закричал он во всю голову:
«Ай же вы, русские могучии богатыри!
Подьте ко князю ко Владимиру
На тую на думу на великую».
Тут Ильюша воспроговорит:
«Ай же вы, братьица крестовые,
Крестовые братьица, названые,
Молодой Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Видно, пришла князю тревогушка,
Тревога, беда неминучая,
Что тревожит нас, могучих богатырей.
А подите-ка, братцы, отказывайтесь,
Что не можем мы служить за Киев-град!»
Приходит Добрынюшка Никитинич,

24 Зак. 3427

Идет молодец по новым сеням,
Идет он — будто подпирается,
Ступеньки, мостинки подгибаются,
Отворяет он дверь на пяту,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский
Со своею со княгиной со Опраксией!
А чего кричишь, тревожишься?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич!
Как на наше на село на прекрасное,
На славный на Киев-град,
Наехал собака-сударь Калин-царь,
Хочет от жива мужа жену отнять,
А стольную княгину Опраксию».
Говорит Добрынюшка Никитинич:
«Ай же, князь стольно-киевский!
Мои белы ручки примахалися,
Бьючись татаровей поганыих;
Мои резвыя ножки прискакалися,
Мои ясны очи помутилися,
Глядючись на татаровей поганыих,
Не могу больше служить-стоять
За славен стольный Киев-град».
Тут-то Добрыня поворот держал.
Идет Михайла Потык сын Иванович,
Идет молодец по новым сеням,
Идет он будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяет он дверь на пяту,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский
Со своей со княгиной со Опраксией!
А чего кричишь, тревожишься?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Михайла Потык сын Иванович!
Как на наше село на прекрасное,
На славен на Киев-град,
Наехал собака-сударь Калин-царь,

Хочет от жива мужа жену отнять,
А стольную княгину Опраксию».
Говорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же, князь стольно-киевский!
Мои белы ручки примахалися,
Бьючись татаровей поганыих;
Мои резвыя ножки прискакалися,
Ясны очи помутилися,
Глядючись на татаровей поганыих.
Не могу больше служить-стоять
За славен стольный Киев-град».
Тут-то Михайла поворот держал.
Идет старый казак Илья Муромец,
Идет молодец по новым сеням,
Идет он будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Отворяет дверь он на пяту,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский
Со своей со княгиной со Опраксией!
А чего кричишь, тревожишься?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Как на наше село на прекрасное,
На славный на Киев-град,
Наехал собака-сударь Калин-царь,
Хочет от жива мужа жену отнять,
А стольную княгину Опраксию».
Говорит Ильюша таковы слова:
«Ай же, князь стольно-киевский!
Мои белы ручки примахалися,
Бьючись татаровей поганыих;
Мои резвы ножки прискакалися,
Мои ясны очи помутилися,
Глядючись на татаровей поганыих.
Не могу больше служить-стоять
За славен за стольный Киев-град».
Тут-то Ильюша поворот держал.
Отперлись все могучие богатыри.
Тут-то князю не дойдет сидеть.
Пришла-то беда неминучая,

Бежал он на выходы высокие,
Закричал он во всю голову:
«Ай же вы, русские могучие богатыри!
Подьте ко князю ко Владимиру
На тую на думу на великую».
Идет млад Ермак Тимофеевич,
Идет молодец по новым сеням,
Идет он будто подпирается,
Ступененки, мостинки подгибаются,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною:
«Ай же ты, мой любимый дяденька!
А чего кричишь, тревожишься?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, мой любимый племяничек!
Как на наше на село на прекрасное,
На славный на Киев-град,
Наехал собака-сударь Калин-царь,
Хочет от жива мужа жену отнять,
А стольную княгину Опраксию».
Говорит Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты, любимый мой дяденька!
Я могу служить-стоять за стольный Киев-град.
А есть ли у тебя латы-кольчуга в сорок пуд,
Есть ли палица мне в сорок пуд,
А есть ли мне добрый конь
Возить удалого добра молодца?» —
«Ах ты млад Ермак Тимофеевич!
Ты дитя захвастливо, занословато,
Заносливо дитя, неразумное,
Не служить, не стоять ти за Киев-град!» —
«Ай же ты, мой любимый дяденька!
Я могу служить-стоять за Киев-град,
Только дай мне латы-кольчугу в сорок пуд,
Палицу дай сорокопудовую
И дай мне добра коня богатырского!» —
«Ступай, Ермак, на конюшенку,
Выбирай себе добра коня по люби;
А латы-кольчуга на конюшне есть,
Палица есть тая богатырская».
Тут бежал Ермак на конюшенку,
Выбирал себе добра коня по люби,

Выбирал себе палицу богатырскую,
Облатился молодец, окольчужился,
А латы-кольчуга призаржавели:
Бросил он латы о кирпичен пол,
Слетела ржа от лат-кольчуги;
Седлал он своего добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю.
А едет он по чисту полю:
На том раздольице чистом поле
Собиралось тридцать богатырей без одного;
Сидят молодцы во белом шатре,
Во белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченыя;
Спит Илья Муромец на кровати-рыбий зуб
Под тым одеяльцем соболиныим.
Закричал Ермак во всю голову:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Спишь молодец, проклаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На наше село на прекрасное,
На славен на Киев-град,
Наехал собака-сударь Калин-царь».
Говорит Ильюша таковы слова:
«Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
А поди ты на гору на высокую,
На тое на шеломя оскатное,
Смотри во трубочку подзорнюю
На эту на силу на татарскую:
Многим ли нам молодцам ехати,
А двум ли, трем ли молодцам ехати,
Али всем русскиим богатырям?»
Скоро Ермак поворот держал,
Приезжал на гору на высокую,
На тое на шеломя оскатное,
Смотрел во трубочку подзорную
На эту на силу на татарскую:
Нагнано тут силы татарския,
Что мать сыра земля колыблется,
Колыблется земля, погибается;
Нигде силы край есть,
Померкло солнышко красное

От того от пару от татарского.
Разгорелось сердце богатырское,
Богатырское сердце, молодецкое,
Приправливал он своего добра коня
Во этую во силу во татарскую,
Заехал молодец во середочку,
Начал он силушку охаживать:
Куды махнет палицей — туды улица.
Перемахнет — переулочек.
День он бьется не едаючись
И добру коню отдоху не даваючись;
И другой день бьется и другую ночь,
По третий день бьется и по третью ночь
Старый казак Илья Муромец,
Ото сну богатырь пробуждается,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же вы, русские могучии богатыри!
Приезжал ли Ермак Тимофеевич
Со тоя горы со высокия,
Со того со шеломя со оскатного?» —
«Не приезжал де Ермак Тимофеевич». —
«Ах вы дурни, русские богатыри!
Погубили вы головку наилучшую:
Бьется там Ермак — пересядется!
Скоро седлайте добрых коней,
Все поедем-те туда, молодцы!»
Начала они седлать добрых коней:
Стала мать сыра земля продрагивать;
Поезжали ко силы ко татарския.
Как приехали ко силы ко татарския,
Не видят, куды силы край есть,
Не видят Ермака Тимофеевича.
Говорил Ильюша таковы слова:
«Ай же вы, русские могучии богатыри!
Идьте, братцы, по крайчикам,
А я поеду по середочке
Искать млада Ермака Тимофеева».
Поехали богатыри по крайчикам,
А Илья поехал по середочке
Искать млада Ермака Тимофеевича.
Не ясен-то сокол по небу разлетывает,
Млад Ермак на добром коне разъезживает
По тыя по силы по татарския:
Куды махнет палицей — туды улица,

Перемахнет — переулочек.
Наезжал Илья из далеча из чиста поля,
Выскочил он со добра коня,
Скочил ему на добра коня.
Захватил его за могучи плечи,
Закричал во всю голову:
«Ах ты, млад Ермак Тимофеевич!
Укроти свое сердце богатырское,
А мы нонь за тебя поработаем:
Ты бьешься, Ермак, сам пересядешься!»
Тут Ермак Тимофеевич
Укротил свое сердце богатырское.
Прибили они всю силу в три часа,
Ни оставили татарина ни одного.
А собака-сударь Калин царь
На чистом поле во белом шатре
Спит он на кроватке-рыбий зуб
Под тым одеяльцем соболиныим;
Спит он, молодец, проклаждается,
Над собой невзгодушки не ведает.
Как из далеча, далеча из чиста поля
Наезжает Илья Муромец,
Хватил Калина за желты кудри,
Выдернул с кровати-рыбий зуб,
Бросил его о сыру землю;
Выдернул с кармана плеть шелковую,
Начал его, собаку, чествовать,
А бьет он, сам выговаривает:
«Каково, собака, зде женитися,
От живого мужа жена отлучить?»
Тут клянет собака, проклинается:
«Будь трое проклят на веку тоем,
Кто станет во городе женитися,
От живого мужа жена отлучать».
Тут Илья взял сломал ему белы руки,
Еще сломал собаке резвы ноги,
Другому татарину он сильному
Ломал ему белы руки,
Выкопал ему ясны очи,
Привязал собаку за плеча татарину,
Привязал его, сам выговаривал:
«На-тко, татарин, неси домой,
А ты, собака, дорогу показывай».

№ 242

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Ай не волна ли как на мори расходиласи,
Ай не сине море всколыбалоси,
Ай взволновался да ведь Калин-царь,
Ай на славныи на стольныи на город на Киёв он.
Ай на солнышка князя Владимира,
Ай как он на Святую Русь.
Ай как брал ён с сорока земель
Ай как сорок ён королей да королевичев;
Ай за каждым королем королевичем
Ай как силы было как по сороку уж тысячей.
Ай как брал ён пятьсот князей да бояр ён неверныих,
Ай за кажным силы по сороку было тысячей.
Ай как пришол он под славныи под стольнии
Ай под город под Киев он,
Ай становился ён ко матушки да Елисей-реки,
Ай во ты во поля во Ели́сина.
Ай как тут безбожныи Калин-царь
Призывал он посланника да любезнаго,
Ай как сам говорил он посланнику таковы слова:
«Ай же ты, посланник любезныий!
Ай неси как мою чернилицу да вальячную,
Ай неси моё перо как лебединое,
Ай неси лист-бумагу гербовую».
Ай как тут безбожный Калин-царь
Ай садился он да на ременчат стул,
А к тому он к столику ко дубовому,
Ай как начал он ёрлуков да написывать,
Ай как начал силу свою он да назначивать,
Ай писал уж как силушки много да тысячей,
Ай как ён ерлуки запечатывал,
Подавал-то он посланнику да любезному,
Ай как говорил ён ему таковы слова:
«Ай же ты, посланник любезный, безызменныий!
Ай бери ерлуки во белы руки,
А ступай-ко садись на добра коня,
Ай поезжай-ко ты во славный во Киев во город-он,
Ай ко солнышку ко князю едь прямо на широк двор.
А станови-тко добра коня осере́дь двора широка,
Осередь двора широка княженецкаго,

А сам прямо поди-тко в полаты ведь княженецкии.
А как проходи в полаты ты княженецкие,
Ай как русьскому Богу не кланяйся,
Ай как солнышку князю челом не бей,
Не клони ёму буйны головушки,
Кладывай ерлуки ему на дубовый стол,
Ай да говори речи с ним да не с упадкою,
Ай скажи: „Солнышко князь стольне-киевской!
Ай бери ерлуки во белы́ руки,
Ай ерлуки роспечатывай,
Ай как ты роспечатывай да розвертывай,
Ай да кажного словечка да высматривай".
Ай скажи ему да еще таковы слова,
Ай скажи: „Солнышко князь стольне-киевской!
Ай по всему как по городу как по Киеву
Ай со Божьих как церквей да чудны кресты повыснимай,
Во церквах сделай стойлы лошадиныи,
Ай стоять нашиим да добрым коням.
Ай еще по всему как по городу, как по Киеву,
Ай умой-ко полаты ведь белокаменны,
А стоять нашей рать-силы великии.
А еще по всему как по городу, как по Киеву,
Ай широкии улушки да повы́паши".
Ай потом повернись да поди с полат вон с белокаменных,
Ай потом садись на своего на добра коня,
Ай поезжай в свою рать-силу великую».
Ай как тут посланник любезный безызменныий
Ай как шел, садился ён на своего добра коня,
Ай как ехал во славныий да во стольныий
Ай во город во Киев-от;
Ай приезжал как он ко солнышку князю к Владимиру,
Ай приезжал к нему он на широк двор,
Становил как он да добра коня
Осередь двора широка княженецкаго,
Ай как сам он шол прямо в полаты княженецкие,
Ай как русьскому Богу не кланялся,
Ай как солнышку князю челом не бил,
Не клонил ему буйны головушки.
Ай как сам кладывал ерлуки на дубовый стол,
Говорил как речи сам да не с упадкою,
Ай как говорил: «Уж ты, солнышко Владимир-князь,
Ай Владимир-князь да стольнё-киевской!
Ай ты бери ерлуки во белы руки,

А ерлуки роспечатывай,
А ты еще их да розвертывай,
Ай до кажнаго словечка да высматривай.
А ты еще да послухай-ко
А что теби я́ скажу.
Ай как ты по всёму как по городу по Киеву
Ай широкии улушки повыпаши,
Ай со Божьих как церквей да чудны кресты повыснимай,
Во церквах сделай стойлы лошадиные,
Ай стояти нашим добрым коням;
А еще как по городу да по Киеву
А умой-ко полаты ведь ты белокаменны,
Ай стояти нашей рать-силы великией».
А потом повернулся ён,
А пошол он с полат-то княженецкиих,
Выходил-то он на широк двор,
Ай как он садился на своего да на добра коня,
Ай как он поехал в свою рать-силу великую.
Ай как тут солнышко да Владимир-князь
А ставал он как со места да со бо́льшого.
Ай взимал свой золотой тот стул,
Ай садился ко тому столу ко дубовому,
Ай как брал ерлуки да во белы руки,
Ерлуки он тут роспечатывал,
Роспечатывал он розвертывал,
Ай до кажнаго словечка он высматривал.
Ай как тут увидел ён как у матушки,
А у матушки да Елисей-реки,
Ай во тых во полях во Ели́синах
А стоит как безбожный Калин-царь
Со своёй силой с неверною,
Ай как силушки на чистом поли —
Ай как мелкаго лесу да шумячего,
Ай не видно ни краю да ни берега;
Ай как знаменьёв на чистом поли,
Ай как будто сухого лесу жаро́ваго.
Ай как тут устрашился солнышко Владимир-князь,
Ай повесил свою буйную ён головушку
Ай как ниже плеч своих могучиих,
Притупил очи ясны во кирпичной пол,
Ай сам говорил да еще таковы слова:
«Ай же ты, жона моя да любезная,
Ай княгина Апраксия!

Ай пришло, видно, времечко да великоё,
Ай пришло, видно, в полон отдать
Славный город нам Киев-от
Ай безбожному царю уж как Калину.
Ай как видно, делать нам нечего,
Ай как всем-то князьям да бояринам,
Всем сенато́рам-то думным;
А как всем вельможам, купцам да всем богатым,
Ай как всем поляницам удалым,
Ай русейским сильным могучим богатырям —
Ай пришлось им да порозъехаться,
Ай повыехать как со города да со Киева,
Ай как нам с тобой на убег бежать —
Ай как видно, делать нам нечего
Со безбожным царем да нам со Калиным».
А как давал как ёй ерлуки скорописчаты,
Ай как брала ёна́ ерлуки во белы руки,
Ай как начала да читать она, россматривать,
Ай сама говорила ведь таковы слова:
«Ай же солнышко Владимир-князь!
Ай послушай-ко, что я́ скажу:
Ай возьми-тко ты, публикуй-ко ведь
А указы ты строгие
Ай по городу по Киеву,
Ай по городу по Чернигову,
Ай по прочиим городам по губернскиим, по уездным,
Ай выпущай затюремщиков-грешников,
Ай прощай-ко во всех винах великиих,
Ай как всих призывай к себе да на почестен пир.
Ай как призывай-ко сильниих могучиих богатырей,
Призывай-ко ста́рого казака́ да Илью Муромца.
А хоша он сердит на тебя, на солнышка князя на Владимира,
А може приеде к тебе да на почестен пир.
А пусть-ко оны со честно́го пиру да порозъедутся да порозо́йдутся,
А мы тожно с тобой на убег пойдем».
Ай как солнышко да Владимир князь стольне-киевской
Ай писал он письма скорыи,
Письма строгии,
Призывал кулиерков он ведь скорыих,
Ай россылал письма ён по городу по Киеву,
Ай как ён да по городу Чернигову,
Ай по прочим городам по губернскиим, по уездным,
По своим городам да по русейскиим;

Ай выпущал затюремщиков грешников,
Ай прощал как во всех винах-то их великиих,
Ай просил к себе их всех да на почестен пир,
Ай как всех он князей-бояр теперь,
Ай как всех сенато́ров как думныих,
Ай как всех вельмож, купцей теперь богатыих,
Ай как поляниц да всех удалыих,
Ай русейских сильных могучих богатырей,
Ай просил он старого казака Илью Муромца.
Ай теперь после этого
Ай как много сбиралосе, как много съезжалосе
Ай князей-бояр теперь,
Ай сена́торов да думныих,
Ай вельмож, купцей богатыих,
Поляниц да удалыих,
Ай русейских сильных могучих богатырей.
Ай наехали ко солнышку князю Владимеру,
Ай наехали на широк двор,
Ай как нагнали да добрых коней
Полон ши́рок двор да княженецкий.
Набрались полны как полаты княженецкии
А все князей да бояр теперь,
Ай сена́торов да думныих,
Ай вельмож, купцей богатыих,
Поляниц да удалыих,
Ай русейских сильныих могучих богатырей,
Ай садилиси как за ты столы за дубовые,
А за ты скамейки за окольние,
А за тыи за ествы за сахарние,
За напитки за тыи за медвяные.
А как начали пить теперь, проклаждаются,
Над собою невзгоды не начаючи,
Ай как все на пиру пьяны-веселы,
Ай как столько не весел был один солнышко Владимир-князь.
Ай как ходит по полатам княженецкиим,
Ай повешена буйная головушка
Ай как ниже плеч своих могучиих,
Ай притуплены очушки ясны во кирпичной пол.
Ай как сам говорил теперь таковы слова:
«Ай же вы, князи-бояра ведь,
Ай как сенаторы да думные,
Ай вельможи, купци вы богатые,
Поляници удалые,

Ай русейские сильни могучии богатыри!
Ай как вы у мня на честно́м пиру
А вы у мня да пьяны, веселы,
А вы все напивалисе,
Похвальбамы вы все пофалялисе,
Ай как столько вы не знаете,
Ай над намы есть незгода великая:
А у матушки да Елисей-реки,
Ай во тых во полях во Ели́синах
Ай стоит как безбожный Калин-царь
Со своёй как со ратью, силой великою.
Ай стоит уж как силушки на чистом поли —
Ай как будто мелкаго лесу шумячего,
Ай как знаменьёв на чистом поли —
Ай как будто сухого лесу жароваго.
А нам да приказано
А по всёму как по городу по Киеву
Ай широкии улушки повыпахать,
Ай с Божьих как церквей да чудны кресты повыснимать,
Во церквах сделать стойлы лошадиные,
А по всёму как по городу по Киеву
А умыть полаты белокаменны —
А стоять ихней рать-силы великии».
Ай тут брал ерлуки скорописчаты,
Подавал старому казаку да Ильи Муромцу.
Тот как брал ерлуки на белы руки,
А ерлуки начал розвертывать,
А начал ерлуки да он россматривать,
Так и тот повесил буйну голову
Ниже плеч своих могучиих,
Притупил очи ясны во кирпичный пол.
Ай как понесли эти ерлуки с рук как на́ руки,
Ай как начали все россматривать,
Так и все как повесили буйны головы
Ниже плеч своих могучиих,
Потому что оны да устрашилисе.
Ай как говорил уж солнышко Владимир-князь:
«Ай же гости бажёные любезные,
Ай русейские сильнии могучии богатыри!
А что же заведем да топерь делати?»
Ай как тут ставал как со места со бо́льшаго на резвы́ ноги,
А ставал-то старой казак Илья Муромец,
Ай как сам говорил топерь да таковы слова:

«Ай же солнышко да Владимир-князь!
Ай послушай-ко, что я скажу.
Ай возьми-ко насыпь ты топеричко
Ай как перву телегу ордынскую,
Ай насыпь-ко краснаго золота,
Ай насыпь-ко другу телегу чистаго серебра,
Ай насыпь-ко третью телегу мелкаго да крупнаго да скатняго жемчугу,
Ай кати-тко в подарочках
Ко безбожному царю да ко Калину,
А проси-тко ты строку на три месяца.
А ежели б дал он нам строку на три месяца,
Ай как я да в три месяца
А как съезжу я к чисту полю
А как я сберу свою дружину да хоробрую,
А как сберу я тридцать молодцов да без единого,
А тогда я съезжу ко безбожному царю ко Калину,
В рать его силу да великую.
Ай тогда да я попробую,
А я да отведаю,
А вряд больше приеде он
Ай ко славному ко городу ко Киеву».
Ай как солнышко да Владимир князь да стольнё-киевской
Приказал он как насыпать перву телегу да ордынскую
Ай как красно́го золота,
Ай как другу телегу чистаго серебра,
Ай как третьюю телегу мелкаго да крупнаго скатняго да жемчугу.
Ай покатили русейскии посланники
А от солнышка от князя от Владимира
Ко безбожному царю топерь да ко Калину,
А и просили строку топерь да на три месяца.
Говорил как безбожный Калин-царь:
«Ай же вы русейские вы посланники
А от солнышка от князя от Владимира!
А хошь возьму я ваши подарочки до́роги,
А как дам я строку вам на три месяца,
А для того дам строку на три месяца,
А чтобы да в три месяца,
Чтобы было все исполнено
По моему да приказаньицу:
А все улушки роспаханы,
А со всех церквей чудны кресты снятые,
В церквах сделаны стойлы лошадиные,
А умыты полаты белокаменны».

А воротились взад как русейские посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И россказали, как да приказано.
Ай как тут-то старой казак Илья Муромец
Ай как всё ён то же повыслухал,
А как скоро шол ён, садился на добра коня,
А как скоро поехал ён да в чисто полё,
А как сбират-то он своей дружины да хоробрыей.
А как ведь топеречку после этого
Ай промедлилось времечки три месяца,
Не видать как старого казака Ильи Муромца да из чиста́ поля.
Ай как солнышко князь опять да не весел стал,
Ай как сам говорил да таковы слова:
«Ай же ты, княгина́ Апраксия!
Ай, как видно как пришло тое времечко да великое,
Ай как топерь пришло да отдать в полон
А как славный город нам Киев-от;
А как всем князьям да боярам ведь
Ай как быть да порозъехаться,
Ай как всем поляницам удалыим,
Ай русейским сильниим могучим богатырям,
А нам пришло с тобой как на убег бежать.
А, как видно, на кого была надея великая,
Ай на стараго казака да Илью Муромца,
Ай у того топерь да уехано
А в да́лечо-дале́чо да в чисто полё,
Ай не будет ён из чиста поля».
Ай как тут ёна говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Забери остатнее столованье да почестен пир,
Ай забери-тко ты топерь всех князей-бояр,
Всех сената́ров да думныих,
Ай как всех вельмож, купцей богатыих,
Всех поляниц да ты удалыих,
А русейских сильних могучих бога́тырей.
А как пусть-ко ведь со честна пиру порозойдутся
Со честнаго пиру порозъедутся!»
Ай как забирал он оста́тнее столованье да почестен пир,
Ай как тут приезжали князи-бояра ведь,
Сенаторы да думные,
Ай вельможи, купци все богатые,
Поляницы удалые,
А русейски сильни могучи богатыри

Ай ко солнышку князю Владимиру на почестен пир;
Ай как ведь набрались полны полаты белокаменны
Все удалых добрых мо́лодцов.
Ай как ведь да садилисе
Ай за ты столы за дубовыи княженецкие,
А за ты за яствы сахарние,
А за ты за напитки за медвянныи.
А как беле сидят оны,
Никто не пьет да не кушает,
А у всех повешены да буйны головы
Ай как ниже плеч своих могучиих,
Притуплены очушки ясныи,
Очушки ясныи во кирпичной пол.
А тут еще как с места середняго
А еще ставал удалый добрый молодец,
А ставал как ведь молодой Ермак сын Тимофеевич,
А ставал как молодой Ермак да на резвы́ ноги,
А говорил молодой Ермак да таковы слова:
«Ай же солнышко да Владимир-князь стольне-киевской!
А спусти-тко меня да ты во чисто полё.
Ай как съезжу я да сыщу топерь
А как стараго казака да Илью Муромца
А со всёй я с дружиной со хороброю».
Ай как ён говори́л ему:
«Ай же ты, молодой Ермак,
Молодой Ермак сын Тимофеевич!
Ай как ты, молодец, молодешенок,
Ай как ты, молодец, да лет двенадцати,
Не бывать тебе да в чистом поли,
Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
Ведь промедлилось времечки три месяца,
А в три месяца Бог знат куда у его топерь уехано,
А как може уехано
Край светушка край белаго».
А как наливал ему чару он да зелена вина,
Зелена вина чара мерой полтора ведра,
Весом как чара ровно полтора пуда,
Ай подавал ему единой рукой,
Принимал как он да единой рукой,
Выпивал он как да единым здухом.
Он опять он давается ехати в чисто поле:
«Ай же солнышко да Владимир-князь да стольне-киевской!
А спусти меня да в чисто́ полё,

А съезжу сыщу я как стараго казака да Илью Муромца
А со всей с дружиной с хороброю».
Ай как ён да говори́л ему:
«Ай же ты, молодой Ермак,
Молодой Ермак сын Тимофеевич!
Ай как ты, молодец, молодешенок,
Молодец ты лет да двенадцати,
Ай не бывать тебе да в чистом поли,
Не видать-те стараго казака Ильи Муромца.
Ведь промедлилось времечки ровно да три месяца,
Ай как може в три месяца
А уехано край светушка край белаго!»
Наливал ему как вторую-ту чару зелена вина,
Ай как мерой чара полтора ведра,
Весом как чара ровно полтора пуда.
Ай подавал-то ему солнышко князь да единой рукой,
Принимал как молодой Ермак да единой рукой,
Выпивал как молодой Ермак да единым здухом.
Ай опять он давается ехать во чисто полё:
«Ай же солнышко Владимир-князь!
А спусти меня да в чисто́ поле,
А съезжу, сыщу я стараго казака да Илью Муромца
А со всёй я с дружиной с хороброю».
Ай как тут говорил ему солнышко Владимир-князь:
«Ай же ты, молодой Ермак,
Молодой Ермак сын Тимофеевич!
Ай как ты, молодец, да молодешенок,
Ты как молодец да лет двенадцати,
Ай не бывать тебе да в чистом поли,
Не видать те стараго казака Илью Муромца.
Ведь как промедлилось времечки да три месяца,
А в три месяца, Бог знат, куда у его уехано,
Ай как може уехано край светушку край белаго».
Ай наливал ему третью да чару зелена вина,
Ай как мерой чара полтора ведра,
Весом как чара ровно полтора пуда.
Ай подавал-то ему солнышко князь да единой рукой,
Принимал как молодой Ермак да единой рукой,
Выпивал как молодой Ермак да единым здухом.
Ай потом как он ставал да на резвы ноги.
Ай как тут скакал через ты столы ён дубовые,
Через ты ествы́ сахарние,
А через ты напитки да медвяные,

25 Зак. 3427

Ай как столько едва да розобрал
А на стопочки приправу свою да богатырскую,
Ай как он приправу ведь да богатырскую.
Ай бежал потом он на широк двор,
Ай садился ён на своего на добра коня,
Ай поехал он с того ли двора да княженецкаго.
А тут как топеречко солнышко Владимир-князь
Ай не знат, куда уехал молодой Ермак:
А искать ли он да стараго казака Ильи Муромца
Али он уехал в поля да во Ели́сина.
А он прямо ехал в ты поля во Ели́сина,
Ай поехал ко матушке да Елисей-реки.
Ай как он увидел на тых полях на Елисинах,
А стоит-то уж силушки как на чистом поли —
А как мелкаго лесу шумячего,
Ай не видно ни краю да ни берега,
Ай как знаменьёв на чистом поли —
Как сухого лесу жаро́ваго.
Ай как тут ли сам пороздумался:
«А хошь много силы на чистом поли,
Ай как столько могу я розбить на своем да на добром коне,
А не захватить меня во рать во силы великией
А поганыим воинам,
Ай потому что у мня подо мной да конь крылатыий».
Ай столько хоче спуститься на рать, на силу великую,
Ай как шум зашумел из чиста поля,
А как он посмотрит ведь на чисто́ полё,
А как ажно еде старо́й казак Илья Муромец
А Илья Муромец сын Иванович,
Ай со всёй он с дружиной с хороброю.
Ай как тут уж как съехалось
Ай как тридцать молодцов да со единыим,
Ай как тридцать сильних русейских бога́тырей.
Ай как тут старо́й казак Илья Муромец
Ай говорил своей дружине да хоробрыей:
«Ай же вы, пятнадцать молодцов да вы удалыих!
Ай поезжайте-тко о матушку Елисей-реку,
Ай не упущайте-ко силы за матушку Елисей-реку,
Ай как другие поезжайте-тко на чисто́ полё,
Становитесь-ко ратёй-силой великою,
А не упущайте-ко силушки да на чисто́ полё,
С краю рубите до единаго!»
Ай как тут правóй рукой да поехал старо́й казак,

Ай старóй-то казак да Илья Муромец;
Ай левóй рукой как поехал да молодой Ермак,
Молодой Ермак сын Тимофеевич.
Ай как начали рубить да силушку на чистóм поли,
Ай как начали прижимать со всех да со сторонушок —
А как не промедлилось времечки ровно до шести часов,
А той порой да тым времечком
Ай как силу присекли до единаго.
Ай как тут молодой Ермак как розъехался
Ко безбожному царю ён ко Калину,
Изымал царя Калина за желты кудри,
Ай как сам сказал ему таковы слова:
«Ай как вот тебе, безбожный Калин-царь,
Вот тебе улушки роспаханы,
Со тых Божьих церквей чудны кресты сняты ведь,
Ай как вот во церквах сделаны стойлы лошадиныи,
Вот те умыты да ведь полаты белокаменны.
Нет, не приписывай ерлуков скорописчатых
Ай ко нашему солнышку князю Владимиру
Ай с угрозамы со великима».
Ай здынул его выше буйные головушки,
А спустил как о матушку да о сыру землю,
Ай как тут у царя как у Калина
Ай на ём да кожа лопнула,
Ай как тут царь-Калину славы́ поют.
Ай как тут удалыи добры молодцы
Ай садилисе на добрых коней
Ай отправились во славныи как во стольнии
Ай во город во Киёв-от
Ай ко солнышку князю Владимиру.
Ай приехали, как сказали ведь,
Что убит безбожный Калин-царь,
А со всёю со рать-силой великою.
Ай как тут солнышко как Владимир-князь
Ай на радости на великией
Ай как тут для удалых для молодцов
Забирал столованьё-почестен пир.
Ай как начали пить, кушать ведь, добром проклаждаются,
Ай как над собой незгоды боле не нача́ются.
Ай как публиковал указ он строгии
Ай по городу по Киеву,
Розотворил как он все кабаки, конторы он,
Чтобы весь народ как пил да зелено вино.

Кто не пье зелена вина,
Тот бы пил да пива пьяныя,
А кто не пьет пивов пьяныих,
Тот бы пил меды стоялые —
Чтобы все да веселилисе.
А топерь да посли этого
Ай тому да всему да славы́ поют.
Ай Дунай, Дунай,
Более век не знай.

№ 243

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

А приходит-то князю Владимиру
А приходит беда неминучая,
Затыкает ⟨...⟩ он онучею.
Наежжает собака Калин-царь
С сорока он царей, со царевичей,
С сорока королей, королевичей,
С сорока князей, сорок княжевичей.
У каждого силы набрано,
Да ведь силушки собрано по сорок тысячей.
И пишот он князю да Владимиру,
И пишет он письма-грамоты,
Приказыват улицы распахивать,
Ряды-то раздваивать,
Курить-то зелено́ вино.
«Буду я, — говорит, — к Опраксии свататьсе».
Проходит к князю Владимеру,
Выходит князь на высок балкон,
Закрычал князь во всю голову:
«Ой же, старый казак Илья Муромец,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит же старый казак Илья Муромец.
«А что князь солнышко стольно-киевский?» —
«На наше село на прекрасное
Наехал да собака Калин-царь.
Хочет взять-жениться,
Взять княгиню Опраксею,
Велит-то улицы распахивать,
Велит-то ряды раздваивать,

Курить да варить зелено́ вино,
Зелено́ вино, вино пьяное.
Собрано силы у него сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок князевичей —
У каждого силы по со́року тысяцей».
Говорит старый казак да Илья Муромец:
«Ножки мои, ножки притупилисе,
Ручки мои, ручки примахалисе —
Не могу застоять за Киев-град».
Ай же приходит беда неминуцяя.
Ай же выходит на высок балкон:
«Ай же Добрынюшка Микитинец,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Добрынюшка Микитинець.
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Что ты нас треложишь, киевских бога́тырей?» —
«Наехал собака Калин-царь,
Собрано у него силы сорок тысяцей,
Сорок царей, сорок царевицей,
Сорок королей, сорок королевицей,
Сорок князей, сорок княжевицей,
У каждого силы по со́року тысяцей.
Хочет взять-женитися,
Хочет взять княгиню Апраксию,
Велит улицы распахивать
Да ряды раздваивать,
Курить зелено́ вино».
Говорит Добрынюшка Никитинец;
«Солнышко Владимир-князь стольно-киевский,
Ножки да мои ножки притупилиси,
Ручки да мои ручки примахалисе —
Не могу застоять за Киев-град».
Выходит князь Владимир на высок балкон:
«Приходи, Чурилушка Плёнкович,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Чурилушка Плёнкович.
«Что ты, князь стольно-киевский, требуешь?» —
«На наше на село да на прекрасное
Приехал собака Калин-царь,
Хочет в Киеви женитеся,
Взять стольную княгиню Опраксею,
Велит улицы распахивать

Да ряды разлаживать,
Варить-курить зелено́ вино». —
«Не могу стоять я за Киев-град.
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
(*Тоже отказался.*)
Выходит князь на высок балкон:
«Ай же ты, Олёшенька Попович млад,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
И Олёшенька Попович приходит:
«Об чем, Владимир-князь, треложишь?» —
«А на наше село на прекрасное
Приехал собака да Калин-царь,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок князевичей,
У каждого силы по со́року тысячей.
Хочет в Киеви женитисе,
Взять стольную княгиню Опраксею,
Велит улицы распахивать,
Да ряды разлаживать,
Варить да курить зелено́ вино, пьяное». —
«Не могу стоять да за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
Выходит князь на высок балкон,
Закрицял князь во всю голову:
«Ай же ты, Ставёр Годиновиць,
Поди-ко ко мне на совет да думу крепкую!»
Приходит Ставёр Годиновиць:
«Об чем, солнышко Владимир-князь,
Треложишь нас, русских бога́тырей?» —
«А вот, — говорит, — наступает собака Калин-царь.
У него сорок царей, сорок царевицей,
Сорок королей, сорок королевицей,
Сорок князей, сорок князевицей,
У каждого силы по сорок тысяцей». —
«Не могу стоять за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе».
Выходит князь на высок балхон:
«Ай же ты, По́тык сын Ивановиць,
Поди-ко ко мне на совет на думу крепкую!» —

«Об чем, солнышко Владимир-князь,
Треложишь русскиих бога́тырей?» —
«А на наше село на прекрасное
Приехал собака да Калин-царь,
Сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей, сорок королевичей,
Сорок князей, сорок княжевичей,
У каждого силы по сорок тысячей.
Хочет в Киеви женитися,
Взять стольную княгиню Апраксию,
Велит улицы распахивать
Да ряды разлаживать,
Курить да варить зелено́ вино». —
«Не могу стоять за Киев-град,
Ноги мои, ножки притомилисе,
Руки мои, ручки примахалисе!»
Приходит беда неминучая,
Отказалися бога́тыри —
Приходит, видно, княгине замуж идти.
(*А они сговорились*!)
Приходит Ермак Тимофеевич:
«Дай-ко мни латы кольчужныи,
Дай-ко мни коня богатырского,
Я могу постоять за Киев-град». —
«Ай же ты, племянник двенадцать го́довой, —
Ступай на конюшню стоялую».
Латы вси заржавили.
Он как бросил — ведь ржав отбил,
Стали латы старыи лучше прежнего.
За тредеветью замками
Отцовский конь, говорят, есть.
Он идет, а конь на стрету идет.
Взял обседлал, окольцюжил
И поехал во цисто́ полё.
Приежжает боротися,
А иныи и сидя спят.
«Что же вы, сильныи могучии бога́тыри?
На наше село на прекрасное
Наехал собака Калин-царь.
Хочет в Ке́еви женитися,
А младу Опраксию в жены взять».
Выежжает на тыи́ на горы на высокии,
На ты́и шелома́ на укатистыи

Посмотреть, как туды ехать.
Выежжал млад Ермак Тимофеевич
На то шоломя́ укатистое.
А как сине море колыбается —
Силы-то сорок царей, сорок царевичей.
А назад-то оттуда не воротился к бога́тырям.
Начал он рать-силу великую
А бить силу да силу побивать.
Бивал он трои суточки
Молодой, млад Ермак Тимофеевич.
«Ох вы, сукины дети,
Справлялись, спроворилисе
На лучшие на рать-силы великую!»
Да поставил богатырей по краюшкам,
А сам в середке поехал,
Не ездит он на краюшки,
А он как ездит в середоцьки,
Перелётыват, помахиват.
Выехал старый казак Илья Муромец,
Накинул на плеча могутныи
Те ли он храпы богатырскии:
«Полно тебе полетывать,
Оставь-ко нам-ко поежживать». —
«Ах-ко старый казак да Илья Муромец,
Заехал бы ты спереда́,
Попал бы на место поганого татарина,
Шшелка́ бы дал».
Оттащил его с силы великия на отдых.
Как еще его крестной батюшка
Самсон Саму́йлавиць вывез оттуль,
Только отвез — Богу душу отдал.
Вот тут хорошо солнышко Владимир стольно-киевский
Сделал богатырям почестен пир,
А Ильи-то не взял.
Рассердился старый казак Илья Муромец,
Зашел он да на царёв кабак
И стал он с го́лями пить зелена́ вина.
Брал он ту́гой лук,
Полагал стрелоцьку калёную,
Хочет убить князя со княгиною.
Стрелил он со туга́ лука́
Да по чу́дным по золотым крестам,
Отлетали вси маковки золоценыи.

«Ступайте, — говорит, — голи кабацькии,
Несите маковки золоцении,
Будем пить зелена́ вина».
Соходили голи кабацькии.
Видит князь — дело нехорошее.
А сделал бы дело одно так:
А посылает Добрынюшку Микитинца.
«У них, — говорит, — побра́тавшись:
Большему брата слушать меньшего,
А меньшему брату — большего.
Буде́т послухает Добрынюшку Микитинца
А он в кабаке пропьет, убьет еще,
А он видь на нас войной идет,
С голями Илья Муромец». —
«Здраствуешь, Добрыня Микитинець». —
«Здраствуешь, крестовый старый казак Илья Муромец,
У нас с тобой крестамы побра́тано
И подписи подписаны:
Слушать старшему брату меньшего,
А меньшему брату — большего.
Пожалуй к князю Владимиру на почестен пер —
Нунь на тебя на одного заве́ден бал». —
«Ну, Владимир знал, кого послать,
Кого послать меня позвать.
Кабы не Добрынюшка Микитинець,
Никого я не послухал бы».
Илья Муромець идет в покои.
«Ай ты, солнышко Владимир-князь,
Я натягивал ту́гой лук,
Накладывал стрелку колёную,
Хотел убить князя со княгиней Опраксией».
Тут угащивать нацяли.

№ 244

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как наежжает Калин-царь поганыи
На наш-то на Киев-град,
Да на нашо видь село на прекрасное.
Как у него видь силушки принабрано:
Сорок видь царей да царе́вицёв,

А сорок королей королéвицёв,
А сорок сильных могучиих богáтырей.
На кажного силы да посажены
Па сóроку было да тысячей,
На Калина-царя дак видь сметы нет.
Как говорит видь Калин-царь поганыи:
«Подай-ко мни, слуги да верные,
Подай-ко мни да дубовый стол,
Подай-ко стул мни кленовые!
А стану я писать да ярлык-то ведь
К тому князю да видь ко Владимиру».
Как написал видь ярлык да видь прочитывал.
«Идь-ко ты, моя слуга верная,
Как ни пришпектамы, ни улицьмы,
Не дверямы, не воротамы,
Направляй-ко ещо да добрá коня́
Через стену ты городóвую,
Через башню ты наугольную.
Как станови коня середи двора,
Посреди двора да видь белого,
Привязывай коня крéпко-нáкрепко,
Держи-ко ты во гридню во столовую,
Распахивай ты дверь пятý нá пяту,
Лиця ты-то белого да видь не крéсти-то,
Как кинь-ка ты ярлык да на дубовый стол,
Как пословесно ты порóсскажи
Тому-то князю видь да Владимиру,
Как чтоб улици были распаханы,
Тéремы были да распорожнены,
Впéрвый курил бы видь зелена́ вина,
Вторые курил бы пиво пьяное,
В третьих курил бы мёда́ саха́рьнии
На моё видь свадьбу великую».
Той-то татарин да поганыи,
Как скоро он бежал по стýпеням,
Как кинул ён ёрлы́к на дубовый стол,
Князю видь пословесно повысказал:
«Впéрвыи курил бы зелена́ вина,
Вторые бы ты курил пиво пьяное,
В третьих курил бы мед коренье-де сладкое.
Чтоб были бы видь улички пораспаханы,
А тéремы были распорожнены
Про мою видь свадьбу великую —

Хочет он у вас пожениться тут,
Как он от живáго мужа отлучить жону,
От тибя, от князя да Владимира».
Как сам видь скоро тут поворот держал.
Как видит князь — беда неминучая,
Как затыкает [жопу] онучею,
Бежал-то ён на выходы высокие,
Крычал-то он громким да голосом:
«Да и же вы, князья да видь бóяра,
Сильнии могучии богáтыри,
Ступайте-тко вы на думушку крепкую!»
А на то времячко, на ту порушку
Богáтыри во Киеви не случилисе.
Случилисе они, сговорилисе:
«Как князь у нас быть видь не чествовал,
Досель у нас не поил, не угáщивал!»
А видят, что беда да ему пришла,
Пошол-то видь Добрыня Микитинец.
Приходит тот к князю видь да Владимиру,
Как крёснику видь кланяется да вó пояс:
«Об чем ты тревожишь нас, руссийскиих богáтырей?» —
«А как же мне топерь не тревожить вас?
Наехал Калин-царь да собакище,
Как хочет он у вас поженитися,
Как от живáго мужа жену отлýчити,
Твою-то видь княгиню Опраксею.
Да впéрвыи чтоб курил бы я зелена́ вина,
Да во вторые курил бы видь пиво пьяное,
А третье-то курил коренья-мед сахáрьниех,
Да тéремы были б да опорóжнёны —
Как нашему народу повыидти,
Повыдти всем было из города».
Как говорит Добрыня таковы слова:
«Не могу стоять я за Кúёв-град:
Как у меня рýчёнки примахалися,
Ясны оци примутилиси,
Биюцú поганыих тотаровей —
А тых татаровей да ведь и смету нет».
Потом приходит да Михайло да Пóтык,
Крест-то ён ведет по-ученому,
Князю-то он да покланяется,
Пó пояс видь тут-де ему-то видь:
«Об чем тревожишь руськиих сильниих богáтырей?» —

«Как же ведь теперь мне не тревожить вас?
Наехал собака да Ка́лин-царь,
Хочет собака поженитисе,
От живáго мужа жену о́тлучить,
А мою эту княгину-то Опраксию.
А первое курить зелена́ вина,
Во вторые курить пива пьяного,
В третиих курить мёда́ саха́рьние,
Да чтобы те́ремы были испростаны,
А всех людей да из города повывести.
Нельзя ли постоять да за Киев-град,
За всех за серо́т еще и всех малыех деточек?» —
«Как не могу стоять да теперь за Ки́ёв-град:
У меня руценьки примахалисе,
Ясныи оци помутилисе,
А ноженьки у меня да прискакалисе,
Биюци́ ведь поганыих татаровей —
Поганых тут видь смету нет».
Как видит князь-то видь — да беда пришла.
Приходит старый козак Илья Муромец:
«Об чем ты тревожишь бога́тырей?» —
«Да как же мне, Илюша, не тревожить вас?
Наехал Калин-царь да поганыи,
Хочет-ко у вас пожени́тисе,
Он от живáго мужа жену о́тлучить,
Нашу ли царицу еще да взять с собой,
Да во первое курить зелена́ вина,
А в других курить пива пьяного,
А в третиих курить меда́ саха́рьние,
А те́ремы были б вси испро́станы
Про тых татар видь было поганыех» —
«Как не могу я стоять за Ки́ёв-град:
У мня руценьки примахалисе,
Ясные оци помутилисе,
А ноженьки прискакалисе,
Биюци-то видь поганыих татаровей —
Татаровей-то есь да ведь смету нет!»
Как видит князь-то тут — да беда пришла.
Бежал-то он на выходы высокие,
Крыцал-то он еще да громким голосом.
Как был Ярмак да ведь Тимофеевич,
Во городе случился во Ки́ёви.
Годамы-то ён был молодешенек,

Как не бóльшой, мал, — лет семнадцати.
А тут-то видь он да согласился с ём.
Как не видал-то он да богáтырей.
Как князю́ видь скóро-нáскоро
Как кланяется князю да в осóбину,
В особину видь да до пóяса:
«Об что ты тревожишь русских сильниих богáтырей?» —
«Да как же мни топерь не тревожить вас?
На наша видь на село на прекрасное,
На стольней город на Кúёв-град,
Наежжал собака да Калин-царь.
Как в первыих курить зелена вина,
Другие курить пива пьяного,
В третьих курить медá сахáрьние,
Чтобы столицьки да раскладены,
Медá-пúтия да разложены,
Были б есьва тут да сахáрьние,
Да были б кушанья да медвя́ные,
А сила русская с города повыгнать наб
Как для этих-то татар препоганыих.
Как будет свадьба тут да большая есть».
Как говорит Ярмак, воспрогóворит:
«Могу стоять да видь да за Кúёв-град,
За вáшоё й за село за прекрасное,
Постою за город за Кúёв-град,
Повыбью этыих поганыих татаровей».
Как говорит видь князь таковы слова:
«Ай же ты, Ярмак Тимофиевич,
Да ты годамы-то молодешенок,
Как разумом-то ты да глупы́шенёк.
Не могли стоять такие богатыри,
А тебе топерь не повыстоять!»
А говорит князю, выпрогóворил:
«А ты ведь Богу молись да видь спать ложись,
Дело будет-ко видь тут да поделано.
Да есть ли у тя добрый конь мни по разуму?
Да есть ли латы-кольчуги богатырские?
Да есть ли у тя палица военная,
Налитáя которая свиньцём-оловом? —
Не меньше как надо мне во сорок пуд!
Как стану-то татар похлапывать,
В одну-ту месту буду поскладывать».
Как князь-то говорит таковы слова:

«Как это-то у мня да найдéтся тут.
Как выбирай во стойлах лошадиныех,
Выбирай коня да по разуму.
Выбирай-ко латы по плечам своим,
По плечам своим богатырскием».
Приходит видь Ермак Тимофиевич —
А латы ты видь перержавили.
Начал как видь да похлапывать,
Начал как о конюшенку пощелкивать —
Как вси тéремы тут зашáтались,
Оконныи стеколышка да засы́пались.
Как отколол ведь этот ржав-то тут,
Выбрал ён коня да по разуму.
Богáтыри други́ да уехали:
Старый казак Илья Муромец,
Добрынюшка-то видь да Микитинец,
Иванушка уехал да Михайлушка,
Да еще оны дружину да со́брали,
На ту на заáстав' да на великую.
Захал видь Ярмак Тимофи́ёвич
Как к этим-то ён да богáтырям.
«Как что же лéжите, дóбры мóлодцы?
Да надо бить-побить поганыих татаровей!»
Как говорит Илья, воспрогóворит:
«А идь-ко ты, Ярмак, да на горы высокии,
На тыи ли видь на горы шолóмчатые,
Гляди-ко в трубоньку ты подзорную:
Многим ли надо нам приотправитьсе,
Как двум-ко, трем, четырем ведь,
А всим ли то нам двенадцати богáтырям?»
Зайхал он на горы высокие,
На тыи шолóмя да на скáчные,
Глядил-то видь во трубоньку подзорную —
Как рать-то, силушка да шатается,
Да будто тут море колыбаетсе,
Не видать ни краю, ни берегу.
Как тут-то видь Ярмак пороздумалсе:
«Мни цесть ни в цесть, то ни хвала молодецькая,
Мни цесть ни в цесть, то мни срам великой есть:
Наехать на заáстав' великую —
К тым богáтырям мни воротúться тут.
Заеду я, тут я видь да в середочку,
(*Парень*!)

Нападу я как биться да ратиться,
Прибью-то я один да без их-то ведь!»
Захал-то ён да в середку-то,
Напал-то ён да видь охаживать.
Как день-то бьется не еда́юци,
Не еда́юци, ни пива́юци,
Другой-то день-то видь да другую ночь,
Не еда́юци, ни пива́юци,
Хлеба-соли тут ни дава́юци.
Как третьи сутки видь да наця́л-то ведь,
Как тут Илья от сну пробуждается,
От большого сну да прохвата́ится:
«Был ли тут Ярмак Тимофиевич?» —
«Не видали мы Ёрмака-то видь». —
«Как погубили вы да головушку,
Головушку да что не лучшую!»
Как скоро еще да справлялисе,
Как вси ёны́ сволновалисе,
Сыра мать земля сколыбаласе,
Как ехали оны да ко силушки.
Не е́сный соко́лушка полётыват,
Так Ёрмак на кони да поежживат,
Как бьет-то видь да поганыих —
Летят тут головки, будто маковки.
Как тут Ильюша заехал ведь,
Так что видь Илья пороздумалсе:
«Заехать к Ермаку если спереду,
Как захватить за плечи богатырские —
Как бить-то да видь станет есть
Место видь поганого тотарина».
А тут Ильюшенька пораздумалсе:
«Заеду сзади тут да его-то ведь,
Паду на плеця́ его богатырьские,
Тут-то ведь его буду совестить».
Как пал на плеця́ видь богатырские,
Да на́чал-то кричать-то ямý громким голосом:
«Ай же ты, Ярмак Тимофиевич,
Как буде тибе биться да ратиться!
От того Ярмак порассядишьсе,
Как будет, ты устанешь-то,
Погубишь свою да ведь жизнь топерь.
А укроти сердечко богатырьское,
Поежжай домой да во Ки́ёв-град,

А мы за тебя нунь да повыстоим».
Али тут Ярмак-то видь отошел-то ведь,
Поехал во стольней Ки́ёв-град,
А тут-то видь Илья-то видь роспо́ложь держал:
«А поежжайте-ко вы ведь, бога́тыри,
Поежжайте-тко да круго́м-то ведь,
А мы бу́дём да с Михайлушкой,
Заедем-то мы да ⟨в⟩ середку ведь,
Как станем рать тут силу охаживать,
Вы не отпускайте из круга ех».
Начали тут вси да еще да охаживать,
Прибили силушку в одни сутоцьки.
А Калин-царь ищо да поганыи
Как был-то ён ищо во бело́м шатре
Как со своим слугой да ведь верным,
А спал на кроватке на рыбей зуб,
На той ли постилки пухо́выи,
Под тым ли одеяльцем соболиным.
Приехал видь Илья да как Муромец,
Как брал-то видь его за желты́ кудри́:
«Как время видь тибе-то жениться видь
Во стольнем во городи в Ки́ёви!
Как долго спишь да лежишь-то видь,
Давно бы с молодой женой тибе забавлятисе,
Со стольней княгиною Опраксией!»
Как видит Калин-царь да поганыи,
Вся силушка его да побитая,
Берет-то платье да шелко́выи,
Как стал-то плетоцькой да похлестывать,
Начал с горюшка да ⟨попердывать⟩,
Как кляни́тсе он да вспроклина́етси:
«На Русию кто прокля́т да не нахаживал,
Счастли́в ли то видь не выхаживал!»
Так молитсе Илье, извиняется:
«Не бей-ко ты меня, не кровавь топерь,
Вези-тко ты во Ки́ёв-град.
Как я платить стану дань-пошлины,
Как за двенадцать лет,
За двенадцать лет с половиною,
За прошлые эти годы, как за нунешние!»
Садился тут ведь Калин да на добра́ коня,
Приехал к князю да Владимеру,
Князю́ ещо да поклоняетсе,

Сам-то тут-то во слезах-то ведь,
Во слезах-то во великиих:
«Хорошо видь я споженилсе ведь —
Как тут на моей спине да кожи нет!
Хорошо-то я тут да видь с молодой женой,
С молодой женой забавлялся-то!
Да бу́ди проклят, кто в Руссию-то,
Кто видь в Руссию да поежживал:
Счастлв-то ведь оттуль не выежживал!»

№ 245

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Не красно солнышко поро́спекло,
Не светел мисяц поро́сиял,
То ли красное солнышко при ве́цери —
Пирова́ньицё было при ве́селе.
Вси-то на пиру да напивалисе,
Как вси-то пе́ром похвалялисе:
Безумной фастат молодой жоной,
Богатый хвастат золотой казной,
Как разумной хвастат отцём-матерью.
Говорил Ильюшко таково́ слово́:
«Как ай же сероссийскии бога́тыри,
Славной ты, Микитушка Добрынин,
Дак этот Михайлушко По́тык сын Ивановиць!
Безумной хвастат за столом дубовыим,
За той-то скатертью шелко́выи:
Не вывести измены с каменно́й Москвы —
Наша измена за столом сидит».
Говорит Илюшка нуньку таково́ слово́:
«Ай же ты, князь со княгиною,
Со своей было со Опраксией!
Как эта измена с каменно́й Москвы
На этого князя на Владимера
От этой княгыни от Опраксии!»
Схватилси князь со княгиною,
Со своей-ко со княгыной со Опраксией,
Как вышел на крыльця́ на высокии,
Крыцял князь во всю голову:
«Ай же вы, сероссийскии бога́тыр⟨и⟩,

26 Зак. 3427

Славной ты, Илья Муромець,
А как то было́ сын Ивановиць!
Подьте на советы на великии,
На тую ли на думушку на крепкую,
Ко тому-то князю ко Владимеру
Со той-то со княгиною!»
На тую думу на крепкую
Пришол Илюшенька-та Муромець,
Да тот-та там был сын Ивановиць:
«Ай же князь со княгиною,
А послушайте сероссийского бога́тыря,
Так этого Илюшеньку Муромця,
Того как было сына Иванова
На тую на думушку на крепкую,
На тот на совет на великии!
Как на том на сели́ на прекра́сноём,
На том на городи на Муроми,
У этого князя у Владимира
Большая беда сделалась
Во нашем во городи во Муроми,
Во том во сели во прекра́сноём.
Ай же нунь, князь со княгыною,
Со своей княгыной со Опраксией,
Не могут постоять за Киева,
А славной сероссийскии богатырь,
А этот Илюшенька Муромець,
А тут он было сын Ивановиць, —
У меня резвы ноги пристоялисе,
Как эти гла́за пригляделисе».
Скоры́м-скоро́ выходит на крыльця́ высокии,
Крицял князь во всю голову:
«Славныи сероссийскии бога́тыри,
Как этот Михайлушко По́тык сын Ивановиць,
Поди-ко на совет да на великии
Как ко князю ко Владимеру,
Как к этой княгыни ко Опраксии».
Пришол Михайло По́тык сын Ивановиць
Ко етому ко князю ко Владимиру,
Ко етой ко княгыны ко Опраксии
На тот на совет да на великии,
На ту ли думушку на крепкую.
«Ай же, Михайло сын Ивановиць,
На нашо на село на прекра́сноё,

На тот ли на Киев-град,
Наежжает собака Калин-царь,
На то⟨м⟩ ли на селе на прекра́сноё⟨м⟩,
Не оставит нискулечку на се́мена!»
Говорит Михайлушка Потык сын Ивановичь:
«Как славной князь Владимер,
Как эта княгына Опраксия,
Как у меня ножки пристоялисе
Как ети резвы руцьки примахалисе,
Как ети о́ценьки пригляделисе —
Не могу стоять как за Киев-град».
Выходит на балхоны высокии
Со своей княгыной со Опраксией,
Закрицял князь во всю голову:
«Ай же ты, Микитушка Добрынин,
Ай поди-ко ко князю ко Владимеру
На тот ли совет на великии,
На тую ли думушку на крепкую!»
Пришол Микитушка Добрынин
Ко этому ко князю ко Владимиру,
Ко этой ко княгыни ко Опраксии.
«Ай же ты, Микитушка Добрынин,
На нашо на село прекра́сноё,
На тот ли на Киев-град,
Наежжат нынь собака нуньку Калин-царь.
Не оставит нискульку сам на се́мена
Во нашем во сели во прекра́сноём,
Во этом во сели во великиим». —
«Как это, князь со княгыною,
Не могу я стояти за Киев-град,
За этого князя Владимера,
За тую княгыню за Опраксию,
У меня ножки притупилисе,
Как у меня руцьки примахалисе,
Как о́ценьки, оци ясныи пригляделисе».
Скоры́м-скоро́, скоро́ поворо́цяют,
Всходят во этот шатер белополо́тняной
Как эти сероссийскии бога́тыри.
Говорит Ильюшенька Муромець:
«Ай всероссийскии бога́тыри,
Славной Микитушка Добрынин
Славной Михайлушка По́тык сын Ивановичь,
Как ля́жу я во шатри богатырьскиим,

Просплю я три дня, три ноци
Во этом шатри богатырьскиим,
Возьмите-ко трубы позорнии,
Паезжайте-ко на горы на высокии,
Посмотрите эту силу неудольнюю!»
Забыли эту просьбицю великую
Как эта Илюшеньки Муромця,
Того как было сына Иванова.
Как был Ермак-то Тимофеевиць,
Как этот было двенадцать год,
Говорит Ермак Тимофеевиць:
«Как ай же сероссийскии бога́тыри,
Как этот Михайлушка По́тык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин,
Поеду я на гору на высокую,
Возьму я трубку позорнюю,
Посмотрю я силу неудольнюю».
Отправилсе Ермак Тимофеевиць
На тую на гору на высокую,
Взял трубку позорнюю,
Как смотрит на силу неудольнюю —
А там-то силы всё сме́ту нет.
А его нынь се́рьцё разгорелосе,
У его се́рьцё раскипелосе,
Как это се́рьцё богатырское —
Заехал в силу как в середоцьку,
Как наця́л Ермак помахивать,
Как наця́л Ермак поежживать:
Куды махнет — туды улиця,
Перема́хнет Ермак — переу́лоцёк.
Берет Ермак города́ с пригоро́дками,
Как эти села со присёлками.
Проспалсе Илюшенька Муромець
Да с этого со сна богатырьского,
Говорит Илюша таковы слова:
«Ай же братцы крестовыи,
Ай же славный Михайлушка Потык сын Ивановиць,
Ай же ты, Микитушка Добрынин сын,
Кто поехал на гору на высокую,
Да взял трубоньку позорнюю,
Да смотрел силу неудольнюю
У того бы́ло, было у Калина-царя?»
Говорят бога́тыри таково́ слово́:

«А старый казак Илья Муромець,
Ай же тот было сын Ивановиць,
Уехал на гору на высокую,
Как взял трубоцьку позорьнюю
Младой Ермак Тимофеевиць,
Как смотрел он силу неудольнюю».
Скоцил как Илюшка на резвы́ ноги́,
Затопал он своима цёботам:
«Ай же всероссийскии бога́тыри,
Славной Михайлушко По́тык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин,
Сгубили тут голову-то наилучшую
Как славного российского бога́тыря!»
Скоры́м-скоро́ крыцял во всю голову:
«Как ай же всероссийскии бога́тыри,
Выходите во луга вы, леса высокии,
Берите вы коней да богатырьскиих,
Седлайте-уздайте коней своих!»
Скоры́м-скоро́ седлали добры́х коней,
Как сели на добры́х коней,
Взяли трубки позорнии,
Смотрют на гору на высокую —
Как там-то силы-сметы нет!
Говорит тут Илюшка таково́ слово́:
«Как ай же братци крестовыи,
Славны сероссийскии бога́тыри,
Как этот Михайлушка Потык сын Ивановиць,
Дак этот Микитушка Добрынин,
Поежжайте на силу на око́лицю
Ко к этой собаке Калин-царю.
Как старой Илюшка догадливой,
На ножку Илюшка увертливой,
На глаз Илюшка сме́тливой,
Поеду я дорогой прямоежжою.
Хоть старой Илюшка догадливой,
На ножку Илюшка увертливой,
На глаз-то Илюшка досме́тливой!»
Поехали на силу нунь околицей
Как этот Микитушка Добрынин сын,
Как этот Михайлушка По́тык сын Ивановиць.
Как этот Илюшенька Муромець
Поехал дорожкой прямоежжою,
Подъехал к Ермаку Тимофееву —

Как стал Илюшенька догадливой,
На ноженьку Илюшенька увертливой,
На глаз-то Илюшенька сметливой —
Пал, как пал на плеци могуции
На этого Ермака Тимофеевиця,
За тыи захватил за плéця за могуции.
Говорит Илюша таковы слова:
«Как, молодой Ермак, пересядешьсе!
Полно тебе битьсе, нынь перецялишьсе,
Теперь за тебя мы поработаем!»
А не ясный сокол летáт-полётыват —
И как казак Ермак поежживат;
Наехал младый Ермак Тимофеевиць
А в тот шатер белополóтняной.
Как стали нынь работати:
Куда машут — туда улиця,
Перемáхнут — туда переýлоцёк;
Берут города со пригорóдкамы,
Как эти села со присéлкамы,
Прибили ёны́ силу нынь в три́ часы́,
Не оставили силы на сúмена
У того ли царя нынь у Калина.
Как съехались российскии богáтыри:
Как этот Илюшенька Муромець,
Михайлушка Потык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин,
Прибили силушки неверныи,
Не оставили силушки на сéмена.
«Как ай же сероссийскии богáтыри,
Как славный Михайлушка Потык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин,
Поедемте ⟨во⟩ город, во Киев-град
Ко славному князю ко Владимеру,
Ко славной княгини ко Опраксии!»
Приезжают во город, как во Киев-град,
Ко этому ко князю ко Владимеру,
Ко этой княгыни ко Опраксии:
«Как здравствуй, князь со княгынею,
Как со княгыной со Опраксией!» —
«Здрастуйте, руськии бóгатыри:
Здрастуй-ко, Илюшенька Муромець,
Здрастуй-ко, Михайлушко Потык сын Ивановиць,
Здрастуй, Микитушка Добрынин!» —

«Мы приехали из цистого из полюшка,
Не от того князя, не от Владимера,
От этой от собаки как от Калина-царя,
Из того из полюшка из цистого,
Прибили нунь силу Калина-царя,
Не оставили силы на си́мена!»
Говорит Илюшенька таково́ слово́:
«Ай же ты, князь со княгыною,
Со своей княгыной со Опраксией,
Цести́-ко гостей, уце́щивай,
Цести-ко гостей лучшиих,
Славных российских бога́тырей:
Этих Илюшеньку Муромьця,
Потыка Михайла сына Ивановиця,
Как этого Микитушку Добрынина.
Это ныньку наше зарабочее.
Дай-ко цяру зелена́ вина,
Другую налей пива пьяного,
Как третью налей меду сладкого,
Чтобы мерой оны полтора ведра,
Как весом оны были полтора пуда́!»
Как взял Илюшка ядино́й рукой,
Как выпил Илюха на ядино́й дух —
Стоит тут Илюшенька, не стро́хнетсе,
Как жолты куде́рка не сворохнутсе.
Говорит Илюшка таково́ слово́:
«Ай же ты, князь со княгыною,
Со своей ты княгыной со Опраксией,
Дай-ко всероссийскому бога́тырю,
Как этому Михайлу Потыку сыну Иванову,
Как это их⟨н⟩ое зарабоцее!
Дай-ко цяру зелена́ вина,
Другу налей пива пьяного,
Третью налей меду сладкого,
Чтобы мерой была полтора пуда́,
Чтобы весом была полтора ведра!»
Как взял Михайло ядино́й рукой
Как выпил Михайлушка на ядино́й дух —
Стоит Михайлушко, не стро́хнетсе,
Как жолты ку́дерка не своро́хнутсе.
Говорит Илюша таково́ слово́:
«Как ай-то, князь со княгиною,
Со своей княгыной со Опраксией,

Дай-ко ты Микитушке Добрынину,
Как дай-ко цяру зелена́ вина,
А другую налей пива пьяного,
А третью налей меду сладкого,
Чтобы мерой оны были полтора ведра,
Чтобы весом оны были полтора пуда́, —
Как это наше, наше зарабоцее!»
Как взял Микита ядино́й рукой,
Как выпил Микита на яди́ной дух —
Стоит Микита, не стро́хнетсе,
Как жолтои куде́рка не своро́хнетса.
Говорит этот Илюшка-та Муромець,
А как было сын Ивановиць:
«Ах ай ты, князь со княгыною,
Со своей-то княгыною со Опраксией,
Дай-ко ну старороссийским бога́тырям,
Как этому Илье Муромцю,
[Как это было сыну Ивановицю,]
Дай-ко мне-ко цяру зелена́ вина,
Другую налей пива пьяного,
Как третью налей меду сладкого,
Чтобы весом она была полтора пуда́,
Как мерой была полтора ведра!»
Как взял он цяру ядино́й рукой,
Как выпил цяру на яди́ной дух —
Как стоит Илюша, не стре́хнетсе,
Как жолты куде́рка не своро́хнутсе.
Говорит Илюшка таково́ сло́во:
«Ай же ты, князь со княгыною,
Славному Михайлушку Потыку сыну Иванову
Дай-ко ты цяру зелена вина,
Другую налей пива пьяного,
Третью налей меда сладкого,
Как весом-то были полтора пуда́,
Как а мерой они были полтора ведра!»
Как взял он цяру ядино́й рукой,
Выпивал цяру на яди́ной дух —
Стоит тут Михайлушко, не стря́хнетсе,
Как жолты кудёрка не своро́хнутсе.
«Как этому Добрынюшке Микитинцю
Дай-ко ты цяру зелена́ вина,
А другую налей пива пьяного,
Третью налей меду сладкого,

Чтобы весом она была полтора пуда́,
Чтобы мерой она была полтора ведра!»
Как взял Микитка ядино́й рукой,
Выпивал Микитка на яди́ной дух —
Стоит Микитушка, не стре́хнетсе,
Как жолтыи куде́рка не своро́хнутсе.
Говорит старой казак Илья Муромець:
«Ай же ты, князь со княгыною,
Со своей княгыною со Опраксией,
Спасибо ти на поце́сности —
А это наше есь зарабоцее!
Прощай нунь-ко, князь со княгыною,
Со своей княгыною со Опраксией!
Пойдем во шатры полотня́ныи,
Станем мы играть ⟨в⟩ шашки-шахматны
В лотереи золоцёныи!»
Во тых во шатрах белополо́тняных
Стали играть-забавлятисе,
Над собой невзгоды не нацятисе.
Говорит Илюшенька Муромець:
«Как ой же вы, братцы крестовыи,
Как это-то славныи российскии бога́тыри:
Славной Михайлушко По́тык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин,
Как выйдемте на тое на цистое на полюшко
Как с этих шатров белополо́тняных,
Поглядим на шатры белополо́тняны,
На это ли на широ́ко на полюшко,
На это ли на широ́ко на полюшко!»
Как эти российскии бога́тыри:
Славной Михайло Потык сын Ивановиць,
Как этот Микитушка Добрынин сын,
Как этот Илюшенька Муромець,
Как тут-то было сын Ивановиць,
Наедут на город на Ки́ёв-град:
«Во нашем во городи во Ки́ёви
Все ли было там по-ладному,
Все ли было во городи по-прежнему
У славного у князя у Владимера,
У славной княгыны у Опраксии».
Как вышли оны из шатров белополо́тняных
Да с этих посмотрели на Киев-град —
У славного у князя у Владимера,

У славной у княгыны у Опраксии
Как все нуньце по-старому,
Как все нуньце по-прежнему.
У славного у князя у Владимера
Никакого вреда нуньку не сделалось.
Увидали братцы крестовыи:
Этот Михайлушко По́тык сын Ивановиць,
Этот Микитушка Добрынин сын,
Как старой Илюшенька Муромець,
Как тут было сын Ивановиць.
«Послухайте казака Илью Муромця,
Как этого было сына Ивановиця,
Пойдемте-ко во цистое полюшко,
Как в тыи шатры белополо́тняны,
Сыграем мы в шашки-шахматы,
В лотереи золоцёныи!
На нашем на великом городи Цернигове,
На тот было на Киев-град
Никакой нынь незгодушки не слуцилосе,
Никакой нынь победушки!»

№ 246

О СОБАКЕ, НЕВЕРНОМ ЦАРЕ КАЛИНЕ

Был неверный царь собака Калина,
У ево ли было силы принаскоплено,
Ишче плановьёв да улановьёв,
Да турховцов, да ореховцо́в, да борзыих татаровей.
Принаскоплено было силы сорок тысячей
И поставлено ко той ли матушки Елисей-реки.
Принаставлено было сила, как чорного ворона.
И стал тут собака Калина ярлычки он пописывать,
И стал ярлычка напечатывать
Во тот ли во славный Киев-град, ко князю Владимиру.
Посылал он свово слугу́ верного
Во тот ли во Киев-град:
«Ты лети, моя слуга верная,
Слуга верная, безизменная,
Во тот ли во славный во Киев-град ко князю Вл⟨адими⟩ру.
Подавай ярлыки во белы руки,
Пускай ярлыки роспечатыват

И до единого словечушка высматриват».
Слуга верная снесла ярлыки ко Владимиру.
Прилетела слуга ко Владимиру,
Подават ярлуки во белы руки:
«Прими-ко, князь, ярлыки
И до единого словечушка высмотри».
Принял кн⟨язь⟩ во белы руки
И стал ярлуки роспечатывать,
До единого словечушка высматриват.
Тут повесил он головушку пониже плеч,
А втупил да очи ясные в кирпичный пол,
Ишче тут же он закручинился,
Ишче тут же он и запечалилсы.
Тут выходила княгиня вельможная
Свет боярыня Елисеевна,
Говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, князь стольно-киевский,
Что же ты закручинилсы,
Что же ты запечалилсы?»
Говорит тут князь таковы слова:
«Как же мне не кручиницы,
Как же мне не печалицы,
На наш на славный на Киев-град
Наступает неверный царь-собака Ка́лина.
У ево ли силы принаскоплено:
Плановьёв да улановьёв,
Да борзыих татаровьёв,
Да турховцев да ореховцев.
Принаскоплено сорок тысячей
И поставлены ко той ли ко славной реки Елисей-реки.
Велел улошки почишче повыкопать,
Из церквей иконы повыносить,
На улицах будет стоять наше войско,
А во церквах будут стоять наши добрыи кони».
Говорила тут княгиня вельможная
Свет боярыня Елисеевна таковы слова:
«Соберем-ко мы почестен пир —
Не найдеца ли у нас да зашчитников,
Храбрыих сильных богатырей,
И навалили-ко мы ⟨две⟩ телеги злата и се́ребра,
А третью телегу — скачна жемчугу —
Не дает ли он отсрочку на ⟨два⟩ месяца». —
«Хоть привез ты ⟨две⟩ телеги злата и серебра,

А третью телегу — скачна жемчугу,
Но пришло же тое времечко,
Что росстаця со славным с Киевом!»
Тут Влад⟨имир⟩ красно солнышко собрал почестен пир.
Все на пиру напивалиси,
И все на пиру наедалиси,
И все на пиру поросхвастались:
Умной хвастал отцом да матушкой,
А безумной хвастал молодой женой,
Едный хвастал силой богатырскою,
Идный хвастал ухваткой молодецкою,
Идный хвастал улетушком добрым конем.
А тут сидит старой казак Илья Муромець да сын Иванович.
Ничем-то он да не хвастает,
Ничего с нима не поговариват.
Тут Владимир князь киевский
Говорил таковы слова:
«Ай же ты, старой казак Илья Муромец,
Что же ты да не хвастаешь,
Ничего ты с нам не поговаривашь,
Верно, кушанья тебе не по́ души,
Верно, питья тебе не по-разуму?»
Говорил тут старой козак
Илья М⟨уроме⟩ц да сын Ив⟨анови⟩ч таковы слова:
«Ай же ты, князь стольно-киевський,
Налей-ко мне чару зелена вина!»
Наливал чару зелена вина,
Весо́м-то чара полтора пуда́,
А мерой чара полтора ведра.
Принимал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на един свой дух,
Ишше тут же он запохаживал,
Веселешенько запоговаривал:
«Нынь поеду я во чисто полё
Искать свою дружинушку хоробрую —
Тридцать да без едного,
А в тридцатыих сам старой казак Илья М⟨уроме⟩ц».
Выбегал тут он да на широкий двор,
Скочил на своёго конюшка незауздана и незаседлана.
Видли добра молодца сядучи,
А не видели поедучи:
Во чистом поли́ только пыль пошла,
Одна ископыть лошадиная.

Выходила тут княгиня вельможная
И говорит князю таковы слова:
«Ай же князь ты киевьский,
Соберем-ко мы второй почéстен пир —
Не найдецца ли у нас да зашчитников,
Храбрыих могучиих да богáтырей?»
Собирали второй почестен пир.
Все на пиру напивалися,
[И все на пиру наедалиси,
И все на пиру поросхвастались:
Умной хвастал отцом да матушкой,
А безумной хвастал молодой женой,
Едный хвастал силой богатырскою,
Идный хвастал ухваткой молодецкою,
Идный хвастал улетушком добрым конем.]
А тут сидит молодой Ермашка,
Лет ⟨двенадцати⟩, Тимофеевич,
Ничем он не хвастает и ничего не поговариват.
Говорил тут князь киевский таковы слова:
«Что же ты, молодой юноша, ничем не хвасташь?
И ничего с нам не поговариваешь?
Верно, кушанья не по душе,
Видно, питья тебе не по-разуму?»
Говорил Ермашка таковы слова:
«Налейте мне-ко чару зелена вина,
Весом-то чара полтора пуда,
Мерой-то чара полтора ведра».
Принимал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на един свой дух,
Тут же он запохаживал,
Веселешенько запоговаривал.
Попросил вторую чару зелена вина,
Выпивал вторую чару на един свой дух,
Тут же он запохаживал,
Веселешенько запоговаривал:
«Налейте мне-ко третью чару меду сладкого,
[Весом-то чара полтора пуда,
Мерой-то чара полтора ведра».
Принимал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на един свой дух,
Тут же он запохаживал,
Веселешенько запоговаривал.]
Выбегал он на широкий двор,

Одевал доспехи богатырьскии,
Седлал своего коня Ароша вешчего,
Кладал потнички да на потнички,
А войлучки да на войлучки,
Кладал седелышко черкальское,
Подпруг вязал он до двенадцати,
А тринадцату кладал продольную,
Уздечку кладал да тесьмянную,
Повода были да шолковыи —
Не для ради красы-басы,
А ради крепости богатырьскои.
Скочил Ермак на Ароша вешчего,
Конь прыгнул через стены высокии.
Видли добра молодца сядучи,
А не видели поедучи:
Во чистом поле только пыль пошла,
Одна ископыть лошадиная.
Направил своего Ароша вешчего
Ко той он матушки Елисей-реки
Во ту ли силу тотарскую,
К плановьям да улановьям
И к турховцам и к ореховцам,
К ребятишечкам-от бекетовцам.
На пути встретил Илью М⟨уром⟩ца.
Тут оба витязя побратались,
К Елисей-реки оба направились.
Едут они к Елисей-реки,
Дубья рвут да с кореньямы,
Через пропасти делают мосты кален⟨овы⟩.
Ворвались оны в силу тотарскую:
Старой казак едет по праву руку,
А молодой Ермашка — по леву руку,
Держат в руках по дубу с кореньями,
Куда махнут дубом — тут улица,
А перемахнут — так переулочек.
И прибили силу в полтора часа,
А самого собаку Калина в полон взяли
И отвезли его ко князю Владимиру.

№ 247

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Во городе как было во татарьскоём
Сильный могучий бога́тырь был,
Ну по прозванью ён был собака Калина,
Ой, калина ён ведь ма́лина.
Собрал ён рать-силу великую,
На Киёв-град войной пошел
На того князя́ на Владимёра.
И нагнал ён силы великоей под Киёв-град,
А сам ехал на добро́м коня́
Во славный во Киёв-град
Ко тому ли князю́ ко Владимёру,
И приехал во славный во Киёв-град
Ко князю́ как было ко Владимёру.
Приехал ён на широкий двор,
Выходил ён со добра́ коня́,
Привязывал коня ко столбу точёному,
А к кольчу ведь золочёному,
А сам шел в палаты белокамённы
Ко князю́ как было ко Вла,димёру;
Не спрашивал ни сто́рожев, ни придви́рников,
Заходил ён ко Владимёру и челом не бил
И чести никакой не о́тдает.
Да у того ли князя́ у Владимёра
Стояли ведь столы дубовыи,
На столах скатёртки были шелко́выи,
Естьва саха́рьнии, а питьва медвя́ныи.
Садился ён за столы за дубовыи,
Хлеба-соли ён ел до́сыти,
А зелёна вина пил до́пьяна;
А говорил ён князю́ Владимёру
Этот сильный могу́чий бога́тырь:
«Отдай-ка за меня племянничу,
А не отда́шь ты по охотушки,
А отдашь по неволюшки,
Я тогда на Киёв-град войной пойду,
Тебя, князя́ Владимёра, во плен возьму,
А твою племянничу заму́ж возьму,
А заму́ж возьму а за́ себя».
У того у князя́ у Владимёра

Бога́тырей не случилосе,
Молодчов не пригодилосе.
Видит князь беду неминучую,
Подтирал свою дыру онучею.
А во етом городе во Киёви
Случилсе Ёрмак Тимофеёвич.
Стольне-киёвьский князь Владимёр ён
Шел ко этому Ермаку́ Тимофеичу:
«Ай да ты, Ёрмак Тимофеёвич,
Как у нас под городом под Киёвым
Стоит сила великая».
Говорил ёму Ёрмак Тимофеёвич
Владимёру князю́ да стольне-киёвьску:
«Пусь-ка собака поженитсе,
Пусь-ка ён, собака, спороднитсе
У князя́ ён у Владимёра».
Уходил князь стольне-киёвський
От Ёрмака́ ён нуньку Тимофеёва.
А Ёрмак да нуньку Тимофеёвич
Ён облатался да обкольчужился,
А паличу ён брал во сорок пуд,
А шёл ён ко князю́ да ко Владимёру,
Ёрмак как было Тимофеёвич.
Заходил ён в палаты белокаменны
Ко князю́ ко Владимёру.
А видит ён у князя́ да у Владимёра
За столом сидит какая-то невежища,
Сильный могучий бога́тырь.
Говорил Ёрмак Тимофеёвич:
«Забралась ты, этака невежища,
Ко князю́ ко Владимёру
За столы да нуньку за дубовыи,
Не зван да ты и не приказыван».
У Ёрмака у Тимофеича
Тело-то белоё да распотелосе,
В сердце кровь да разгорелосе,
Разгорелосе сердечко богатырскоё,
Со своею ён паличей прина́скочел
На сильного могучего бога́тыря,
Ударил как его буйну голову
Своей ён паличей сорокпудовою.
Ай повалился бога́тырь со стола со дубового,
Повалилсе ён на кирпицной пол,

А тут бога́тырю и славу́ поют.
А Ёрмак как было Тимофеёвич
Шел от князя́ от Владимёра,
Шел ён ко добру́ коню́,
Седлал ён нунь добра́ коня́,
Обсёдлывал да обкольчуживал,
По́тнички кла́двал ён на потнички,
А по́дпружки кла́двал на по́дпружки,
Седёлки кла́двал на седе́лышки,
А черкальско седло наверёх кладва́л,
Не ради ён красы-басы, а ради ён крепости,
А ради было силы богатырьскоей.
А и брал же копье долгомерноё,
За плеча́ кладва́л свой ту́гой лук,
Брал ён стрелочки калёныи и начинёныи,
А паличу брал во сорок пуд,
Облатался Ёрмак да обкольчужился,
Садился Ёрмак на добра́ коня́;
Ви́дли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поезжаючи.
Из города как было да из Киёва
Ехал Ёрмак на добро́м кони,
Ехал на го́ру ён высокую,
На шелома поехал ён искатнии,
Смотрел ён в трубоньку подзорнюю,
Смотрел ён в тую сторону востоцную,
На рать на силу на великую.
Стоит под городом под Киёвом
Рать-сила да великая,
Что синее морюшко колыблется.
Тут Ёрмак Тимофеёвич пораздумалсе:
«Не честь-хвала мне будет молодечкая
Бить сила эта мне-ка с краю ведь,
А поеду я в саму серединочку
Во рать-силу великую.
Ёрмак Тимофеич на добро́м кони́ поезживат,
Поганых татаровей помахиват;
Куда махне — буде улочка,
Ай перемахне — переуличок.
Прибил ён ету силу во три часа.
Наехал старый казак Илья Муромеч,
Наехал ён да на добро́м кони́;
Старый казак Илья Муромеч

27 Зак. 3427

Ехал к Ёрмаку да сзаду ён,
Наехал же ён на добром кони
А и пал на плéча могучаи,
Говорил ён Ёрмаку Тимофеичу:
«Украти свое сердечко богатырьское».
А Ёрмак да нуньку Тимофеёвич
Сказал стару казáку Илье Муромчу:
«Ай да старый казак, Илья Муромеч,
Знал ко мне откуда ты заехати,
А заехал бы ты ко мне спереду,
Убил бы я тебя вместо татарина».
Тут ёны, богáтыри, поехали
С этой битвы со великоей,
Ехали ёны во славный Киёв-град.
Приехали ёны да на добрых конях
Ко тому ко князю ко Владимёру;
Принимал их князь стольне-киёвськой,
Стольне-киёвськой да Владимёр-князь,
Сильных руських да могучих богáтырей,
Хлебом-солью кормил их дóсыти,
А зелёным вином поил дóпьяна.
Руськие могучии богáтыри
Издили ёны по белý светý,
Прибавляли матушки Русиюшки,
Защищали за Киёв-град,
Стояли за веру отечества
Руськие сильные богáтыри.

№ 248

ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Ах собрал поганое Идóлище
Сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей и королёвичев.
У всякого царя и у царевича,
У всякого у короля у королевича
По́ сорок тысяч было силушки призабрано.
Как хочут-то во Киеве женитися
У того ль у царя стольне-киевського
Жону отобрать,
Тую прекрасивую Апраксию.

Выбрали посланника удалого,
Удалого молодцика, непьяного.
И ехал посыл их лихоимьскую
Не улкамы, не переулкамы.
Вси реки-озера добрый конь перескакивал,
Вси городовые стены перемахивал,
Ставился к царю и на широкий двор.
Привязал коня к золоту столбу и к серебру кольцу
И заходил во палаты во царьские,
Не спрашивал у дверей придверников,
У ворот да приворотников.
Приходит к царю да во столовую
И в пояс царю не кланялся.
Выкинул писемко из правóй руки на дубóвый стол
И спрятался опять на добра коня.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли в кою сторону уж и поедучи.
Как захватил писемышко царь стольно-киевськой
И зачал его читать.
В писемке было нечаянно сказано
И что и неожиданно,
Что нападает на нас погана́ Литва,
Одолели нас поганыи Идóлища,
Велят-то нам побольше-то вина курить,
Улицы по гóродам распахивать,
А хочут-то во Киеве женитися,
У того ли царя стольно-киевського
Жóну óтобрать,
Тую прекрасивую Апраксию.
Тут пришла царю беда неминучая,
Затукал жопу онучами.
Как вышел ен на выходы дубовыи,
Крычал Владимир-князь да во всю голову:
«Ай же вы, да сильние российские могучи бога́тыри!
Подьте-ка ко мне-ко-ва на думушку,
На тот ли на совет молодецькую.
Как нападает же на нас погана́ Литва,
Но одолели же поганыи Идолища,
Велят-то да побольше вина курить,
Улицы по городу распахивать.
Так хочут вот ены женитися,
У того ли у царя стольно-киевського
И жóну óтобрать,

Тую прекрасивую Апраксию».
Выходил Добрынюшка из дому скорешенько
И отвецал царю грубешенько:
«Красно солнышко, Владимир стольне-киевський!
Не могу боле стоять я за Киев-град,
Мои-то ножки наскакалися,
Мои-то ручки намахалися».
И шел поскорешенько Добрыня,
И поворот держал покрутешенько.
Как тут пришла царю беда неминучая
И затукал жопу онучами.
Тут царь стольне-киевськой крычал во всю буйную голову:
«Ах вы, сильные российские бога́тыри!
Подьте-ка ко мне-ко-ва на думушку,
На тот совет да молодецькую».
Как выскакивал оттуль Чурилушка Щапленкович
И говорит царю таково́ слово:
«Красное солнышко, Владимир стольне-киевськой!
Об чем же ты крычишь и об чем тревожишь нас?» —
«Как мне не рычать, да не тревожить вас!
Как нападает на нас погана́ Литва,
Одолели нас поганыи Идо́лища». —
«Красное солнышко, Владимир стольне-киевськой,
Не могу я стоять больше за Киев-град».
Выходил ен скорешенько
И поворот держал покрутешеньку.
Ну как тут пришла царю беда неминучая,
Затукывай жопу онучами,
Кричал Владимир-князь да и во всю голову:
«Сильные российские могучие богатыре!
Подьте-ка ко мне-ко-ва на думушку
На тот ли на совет молодецькую».
Как выскакиват оттуль молодой Ермак да Тимофеевич,
⟨Двенадцати⟩годовая удаленька,
И говорит царю таково слово:
«Красно солнышко, Владимир стольне-киевськой,
Об чем же ты кричишь, об чем тревожишь нас?» —
«Как мне не кричать, да не тревожить вас!
Одолели нас поганы Идолища,
Велят-то нам побольше-то вина курить,
Улицы по городу распахивать,
Как гости нам сейчас будут известины,
Как ены хочут-то во Киеве женитися,

Как у того ли у царя стольне-киевського
Дак молодую супругу о́тобрать».
Как говорит тут молодой Ермак да Тимофеевич:
«Красно солнышко Владимир стольне-киевськой,
Как есть ли у тебя про меня да добрый конь,
Есть ли у тебя латы-кольчуги богатырьские,
Есть ли копье долгомерное,
Есть ли у тебя палица во ⟨сорок⟩ пуд?» —
«Латы, кольчуги отцовськии,
Копье отцовское и конь твой отца твоего».
Как не воротился Ермак Тимофеевич,
Как скочел царю на широкий двор,
А у царя-то было раньше постановлено
До ⟨двадцати⟩-то лет не выпускать таких воинов,
А разрешил царь стольне-киевськой
Дать ему коня, а чтоб защитил самого себя.
Выдали коня ему хорошего,
Молодому Ермаку Тимофееву.
Как показали ему палицу во ⟨сорок⟩ пуд
И все латы-кольчуги богатырьскии,
Как стал ен забирать на конюшенке
Латы-кольчуги богатырьскии,
Как копье долгомерное, сиделко черкасское,
Как повытащил оттуль да на широкий двор,
Как стал ен вычищать да ржав отколачивать от лат,
Тыи терема так пошатались,
Окольницы хрустальнии посыпались,
Мелкие бояра бараком пошли.
Говорил Владимир-князь да стольне-киевськой:
«Молодой Ермак да Тимофеевич,
Оставь ты мне бояринов хоть на си́мяна!»
Стал ен своего добра коня похаживать,
Налагать сиделко черкасское,
И садился он на добра́ коня
В латах обутыих, с копьем долгомерныим и с палицей во ⟨сорок⟩ пуд.
И видли добра молодца сядучи,
А не видли в кою сторону поедучи.
Ну как выехал ен да во чисто поле,
Как видит ен да во чистом поле,
Как стоит тама три шатра.
Как поскакал туды да на своем кони
Молодой Ермак да Тимофеевич,
Как приежжает туды, к тым шатрам,

Как у этых шатров нашел силушки множество,
Лежит ⟨двадцать четыре⟩ богатыря,
Которы же не сулилися воевать за царя,
А у их уж во чисто поле приехано.
Выходил тут Ильюшенька Муромец
И говорит всем таково слово:
«Ах вы, братцы мои все крестовые!
Вот что сделается вынудка —
Как пришла беда-то неминучая,
Так выискан и добрый конь,
И латы, и кольчуги богатырьские.
Говорю я тебе, крестничек,
Как поезжай-ка ты на горы на высокие,
На тыи на шолома искатчаты
И прио́смотри, далеко ли идет поганое Идо́лище,
И пависти-ка ты нам, пожалуйста.
А вы играйте-ка в карточки и в дощёчку шахматнюю,
Все руськие богатыри».
Говорит своим всем подданным:
«Я топерику же спать хочу
И лягу, отдохну хоть немножечко».
А крестника отправил на розветочку.
А сон был богатырьский — трои суточки.
И ложится и заказыват:
«Если в чем неустои, так будите меня не тихошенько,
Положите мне крёст прямо на груди
И бейте палицей во ⟨сорок⟩ пуд,
Чтобы я пробудился со сна этого.
И гледите: постановлю я стакан на окно с водой,
Если же вода смутится, то обязательно будите меня».
И лег Ильюшенька да заснул.
Спит Ильюшенька суточки,
Спит Ильюшенька вторые
И спит Ильюшенька и третьи,
И никто в стакан не заглядыват,
И не вернулась оттуль ихня розветочка,
Молодой Ермак да Тимофеевич.
Как прохватился Илья Муромец,
Как взглянет на стакан, а в стакане кровью все взялось;
«Ах вы, пузаны, ах вы, позобаны,
Коньчили, что ни лучшую головушку
В особинность еще и моего крестника».
Как выехал Ермак Тимофеевич

На тыи на горы на высокии,
На тыи на шолома искатчаты,
Как видит ен поганова Идолища,
Идет все да подтыкается,
Вперед к им подавается.
Как серому заяцу кругом и не о́ббяжать во суточки,
И серому волку не о́ббяжать во суточки.
Как от вздоху лошадиного
Не видать красного солнышка.
Как разгорелось его серьце богатырьское,
Как это кинулся ен да на погану́ Литву,
Бился ен суточки, бился ен дру́гие,
Копья долгомерны приломалися,
Палица была вся расхрястана.
Наскакиват тут-то помалешеньку:
Как схватит татарина за́ ноги,
Дак тым, значит, и помахиват,
Как не знает ен никакого облегченьица.
Как наехал его крестный батюшка
И ⟨двадцать четыре⟩ богатыря.
И стоят ены и думают:
«Как прибито было войска и силушки,
Что лошади одва перескакивают».
«Вот что вы, удалые удаленьки,
Едьте-ка вы по крайчикам
А я поеду посередочке», —
Сказал Илья Муромец своим бога́тырям.
И полязли оны помахивать,
Тушить их со всих краев,
А Ильюшенька посередочке.
Как подъезжает ен к своему крестничку
И видит, что он бьется да ратится.
И стал Ильюшенька да обдумался:
«Как заехать мни, если спереду,
Дак от крестника я улечу вместо татарина».
Роздумался Илья Муромец:
«Как бы поймать да ого́ворить
Молодого Ермака Тимофеевича».
Как наскочел тут Ильюшенька Муромец
Как взади на плеча могучие
И говорил ему таково слово:
«Стой, Ермак Тимофеевич, любимое мое крестнетко,
Уезжай ты таперь да пото́дохни,

Ты избился да ты изратился».
Как отвернулся тут Ермак Тимофеевич,
Что видит, что сидит Илья на плечах могучиих,
И взял да сказал ему:
«Спасибо ты, крестный батюшка,
Что заехал ты по́зади,
А как заехал бы ты, крестный батюшка, да спереду,
Дак улетел бы вместо татарина».
И оментальне объехали по чужим войскам,
Избили всего неприятеля
И отправились к царю на широкий двор.
Выходил тут царь со царичею
И всем богатырям сам в пояс кланялся:
«И спасибо вам, руськие бога́тыри,
Что ухрапали вы неприятеля,
Так расседлайте-ка добрых коней,
Да приходите-ка гридни столовые,
И будем проводить трои суточки».
И этым же пиром и покончили.

№ 249

ПРО ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Как собрал-то поганое Идо́лище,
Как собрал-то всих князей да бояринов,
Сорок-то царей да царевицей,
А сорок королей королевицей,
Как у всякого царя да у царевиця,
А у всякого короля да королевиця
Было-то сорок тысяц силы приза́брано,
Хочут во Киеви женитися,
Как у того ли у живого мужа жону отобрать,
Как тую прикрасивую Апраксию.
Как выбирают оны посланника уда́лого,
Удалого молодцика, не пьяного:
«Как поежжай-ко к королю стольне-киевскому,
Как не стався-ко к ему на широкий двор,
И не спрашивай у дверей да придверницьков,
А у ворот теперь приворотницьков,
Ну заходи прями на гредню столовую,
И выкинь-ко писемко из правой руки,

А заходи-ко ты туда поскурешенько,
А поворот держи не тихошенько».
Ну наеждял посыл Лихоимского,
Как ставился к царю на широкой двор,
Как выкинул писемко из правой руки,
Шол-то он туды не тихошенько,
А поворот держал поскурешенько
Как видли добра молодца сядуци,
Не видли, в кою сторону поедуци.
Как захватил письмо Владимер стольне-киевский
Распецятал-то его поскурешенько,
Ну тут письмо-то было ему не радосно,
В письми-то об войны-то было писано:
«Как нападала на тебя погана Литва,
Одолят вас поганый Идолища.
Как хоцют у тебя да женитися,
У живого мужа жену отобрать,
Тую прикрасивую Апраксию.
Велят-то побольше вина курить,
А улици по городу распахивать».
Как пришла царю беда да неминуцяя,
Затупай-ко ты ж⟨опу⟩ да онуцямы.
Как выходил-то ён во си́ни во новыи,
Во тыи во выходы дубовыи,
Крыцал Владимер-князь да во всю голову:
«Вы сильныи могучи русьскии бога́тыри,
Вы как подьте на думы на светлыи
И как на тую ли думушку крепкую!»
Как выходил-то тут Добрынюшка Никитинець,
Как гово́рил царю да таково слово́:
«Как ай же ты, Владимер стольне-киевской,
Об цём же ты крицишь, о цём треложишь нас?» —
«Ну как же мне не битьця, не треложить вас,
Нападают на нас да погана́ Литва,
Как одолили нас погана Идолища,
Как велят-то побольше да вина курить,
А улицы по городу распахивать,
Как хоцют-то во Киеви женитися,
У того ли у живого мужа жону о́тобрать,
Как тую прикрасивую Апраксию,
Как еще собралось сорок царей, ⟨сорок⟩ царевицев,
Как сорок королей да королевицей,
У всякого царя да и царевиця,

У всякого короля у королевиця
По сорок тысяцей было силушки призáбрано». —
«Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
Не могу боле стоять-то я за Киев-град,
Мои-то резвы ножки находилися,
Мои-то белы руцьки намахалися».
Как заходил Добрынюшка скурешенько,
А поворот ведет да не тихошенько.
Как пришла-то царю беда неминуцяя,
Затупай-ко жопу онуцями.
Крыцял Владимер-князь да во всю головушку:
«А сильныи могуции богáтыри,
А подьте-ко вы ко мни да совет держать,
Как на тое ли собранье великое!»
Как вышел тут Олёшенька Поповиць вслед,
Как говорит-то он царю да таковы слова:
«Мои-то ноньци ножки наскакалися,
Мои-то руцьки намахалися,
Не могу я больше стоять за Киев-град».
Как заходил туда он поскорешенько,
А поворот держал не тихошенько.
(Как потому-то от войны отказалисе
А это сильныи русськии богáтыри,
Как осердились на царя да стольне-киевского,
Как рассердились да оны, поразгневались,
Как посадил-то тут царь стольне-киевской
Как посадил Ильюшеньку Муромца,
Как посадил во погреба глубокии,
Ну а кормил его, словно лошадь-то,
А давал-то есь да овес и воду,
Как питание Ильюши нехорошее,
Как из-за этого не шли оны, не ехали).
А в эту пору, в тоё же времячко,
Как были сделаны ходы подпольныи,
Ну как кормила государыня тихошенько,
Ну как кормила Ильюшеньку Муромца,
И говорит-то тут царю да таково словó:
«Как послушай-ко, князь стольне-киевской,
Как сходи-ко ты во погреба глубоки,
Как призови-ко ты да Илью Муромца».
Было совестно царю покориться,
Как к Ильюшеньки в погребá ему вернутися,
Ну как крыцял Владимер тут да во всю голову:

«Ай же вы, сильныи, могучи богатыри,
А уж как подьте-ко ко мне да на думушку,
На тот ли совет молодецкий,
На то ли собранье на великое!»
Как выходил оттуль молодой Ермак да Тимофеевиць,
Удалая удалинка топерику,
⟨Двенадцати⟩годовая сильная:
«Красно солнышко Владимер стольне-киевский,
Как есть ли у тебя да про меня да еще добрый конь,
Как латы да кольчуги богатырскии,
Как если есть у тя да палиця во сорок пуд?»
Отвецял Владимер-князь да стольне-киевский:
«Как еще есте у меня да тебе доброй конь,
А латы да кольчуги богатырскии,
Эта вся-то принадлежнось отцовская.
Как лежит ёна куцямы на конюшни на новою».
Как сошол-то тут Ермак да Тимофеевиць,
Как стал-то ён ржав откалацивать,
Ну тыи терема да зашаталисе,
Окольници хрустальныи посыпались,
А малыи бояры-то ракóм пошли.
Как говорил Владимер-князь да стольне-киевской:
«Как ай же ты, Ермак да Тимофеевиць,
Загидь-ко ты во погреба глубокие,
Попроси-ко ты крёсного батюшка,
Как этого Ильюшеньку Муромца,
Не поедет ли он нунеку на́ поле,
Как не послушат ли тебя еще крестнятка». —
«Ну ты послушай-ко, ты князь стольне-киевской,
Одинок нахожусь я во городи,
Как вси вторыи бога́тыри
Выехано нунеку уж на́ поле;
И с гима-то и ехал Илья Муромец».
Тут как князь-то стольне-киевской обрадовался,
Што выстала топереку земля непобедимая.
Как обседлал-то ён топереку добра́ коня,
Поехал-то Ермак сейцяс на́ поле;
Как видли добра молодца сядуци,
Не видли, в каку сторону поедуци.
Как поежжает-то Ермак во цисто́ поле́,
Как во цистом поли стоит бело́й шатер,
Как во шатри там дваццать цетыре бога́тыря,
Как которы играют тут во картоцьки,

А други-то в дощечку да шахматную.
Как приеждяет тут Ермак Тимофеевиць,
Как приеждял-то он ко белу шатру,
Как выходило из шатра ⟨двадцать четыре⟩ богатыря,
Как выходил еще с гима Илья Муромец,
Как говорил-то всем таковы слова:
«Отправим-ко да крестницька любимого
Как проведать, где стоит-то да поганое Идóлище».
Как отправился Ермак да Тимофеевиць
На тую гору на высокую,
На тыи-то на шóлома на скáльцяты,
Как поглядел-то на поганое Идóлище.
Ну как идут-то все оны да подтыкающце,
Ну как вперед-то понемножку подающце,
Ну налетело как цёрного ворона,
Ну как в сутоцьки заюшки не обскакать,
Ну как в сутоцки серому волку не оббежать.
А от эдоху-то лошадиного
Не видать-то было красна солнышка.
«Ну как ни цесь, ни хвала да молодецкая
Не порушать мни-ка нонеку Идóлищев».
Как разгорелось его серце богатырское,
И стегнул он в середину поганóй Литвы,
И давай-ко еще бицьце да ратитьце.
Как биўся-тут Ермак да и сутоцьки,
А биўся тут Ермак да и дрýгии,
Колотиў-то их не по-настоящему,
Куды махнет-то да ён — туды уличка,
А перевернет — валитце с переулочком.
А как пробиўся тут Ермак други сутоцьки,
А в эту пору, в это время Илья спать залег.
Как проснуўся тут Ильюшенька Муромец,
Как говорит друзьям да таковó слово:
«Как приехал ли Ермак Тимофеевиць,
Любимой-то был мой кресницек?» —
Как не видим его да не приехано
Как со тых ли кряжов со высоких».
Ну как скомандовал Ильюшенька быстрешенько:
«Седлайте лошадей своих могуциих,
Седлайте-ко коней да во пять минут,
Уежжайте-ко к поганому Идóлищу,
Как будем мы искать налучшую головушку,
Того ли Ермака да Тимофеевича».

Как наскакали за кряжи за большинские,
Как видят, што Ермак да Тимофеевиць
Бьётца он да ратицце во цистом поли;
Как построил всих Ильюшенька Муромец,
Как построил их топерику рядоцькамы,
И говорит он руським богáтырям:
«Как гидьте вы по крайцикам,
А я-то погиду по середоцьки,
Ну доконьцим-то поганое Идóлище,
А я заеду к Ермаку да и пóзади,
Паду ему на плеци могуции,
Уговорю его, рожоного креснятка;
Как заехать мне-ка да спереди,
Улецю-то я место татарина».
Ну как поехал-то Ильюшенька и сделал так:
Как заехал он топереку пóзади,
Как пал-то на плеци на могуции
А тому Ермаку да Тимофееву.
«Ну как спасибо тебе, крёсный ты батюшко,
Как пал-то ты мне-ко-ва пóзади,
Заехал бы ты только-то спереду,
Улетел бы-то место татарина».
А палица у него была прибита вся,
А бился-то теперь да он орудием.
А как схватит он за ноги татарина, да так и помахиват;
Как стал его Ильюшенька упрашивать,
Как стал его топерь да уговаривать:
«Как не гори-ко твое сердце молодецкое,
Как молодой Ермак да Тимофеевиць,
Как поежжай-ко ты топерь да во цистó поле,
Как во цистом поле топерь да ко белу́ шатру,
А мы с поганым Идóлищем расправимся,
Ну мы научим как во Киеви женитися,
Мы дадим ему невесту бесценную».
(*И на этом-то да старина и концилась.*)
Как добили-то поганое Идóлище,
И собралися топереку со всих краёв,
И собиралися они да ко белу́ шатру.
Да отправлялися ко городу ко Киеву;
Как ставились к царю да на широкой двор,
И доложили, что богáтыри приехали,
Как победу привезли ёны руськую,
Заколотили-то поганого Идóлища.

Как выходил-то тут царь со царицею,
Всем богатырям ёны нунь в пояс кланялись:
«Ну как спасибо вам за это и товарищи».

№ 250

ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

Был солнышко Владимир Александрович,
А была у него молода жена,
Жена была красивая Апраксия.
Наехала собака погана Литва,
Как хочет он во Киеве женитися,
У того ли у князя хочет жену он приотобрать,
Тую-то красивую Апраксию.
Как силы у поганого принагнано,
Сорок есть царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей.
У всякого царя да у царевича,
У всякого короля да королевича
По сороку тысяч силы забрано.
Как улицы велят ены пошире тут разглаживать,
Побольше тут велят ены вина курить.
Как выходил князь на выходы высокие,
Кричал ведь тут Владимир во всю голову:
«Ай же вы, российские могучие богатыри,
Идите вы ко мне-ко-ва на думушку».
Идет как тут молодчик поспешается,
Посохом удалым подпирается,
Ступеньки под ём да подгибаются.
Проходит он во гридню во столовую,
Как крест-то тут кладет ен по-писаному,
Поклон-то ен кладет тут по-ученому
На вси-то на четыре да на стороны,
А князю со княгиней во особину.
«Здравствуй-ко ты, князь да стольно-киевской,
Солнышко Владимир Александрович,
Чого же ты кричишь, зачем тревожишь нас?» —
«Ай же ты, Ермак да Тимофеевич,
Как мне не кричать, как не тревожить вас.
Наехала собака погана Литва,
Хочет тут во Киеве женитися,

У того у князя хочет жену он приотобрать,
Тую-то красивую Апраксию.
Как улицы велет ены пошире нам розглаживать,
Побольше тут велят ены вина курить.
Как силы у поганого принагнано
Сорок есть царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,
У всякого царя да у царевича,
У всякого короля да королевича
По сороку тысяч силы забрано.
Ай же вы, российские могучие богатыри,
За Киев-град не можете ль призастоять?»
Отвечает тут Ермак Тимофеевич:
«Ай же ты и, солнышко Владимир Александрович,
Не можем мы стоять больше за Киев-град,
А ручки-то у нас принамахалися,
А резвые ноги принаскакалися».
Повернулся, пошел.
Как выходил князь на выходы высокие,
Кричал ведь тут Владимир во всю голову:
«Ай же вы, российские могучие богатыри,
Идите вы ко мне-ко-ва на думушку!»
Идет-то как старик да поспешается,
Посохом, седатой, подпирается,
Приходит ен на гридню на столовую,
Размахивает двери ен тут на пяты,
Как крест-то тут кладет ен по-писаному,
Поклон-то ен кладет тут по-ученому
На вси-то на четыре да на стороны,
А князю со княгиней во особенну.
«Здравствуй-ко ты, князь да стольно-киевськой,
А солнышко Владимир Александрович,
Чого же ты кричишь, чого тревожишь нас?» —
«Ай же ты ну старый ты, казак да Илья Муромец,
Как мне не кричать, как не тревожить вас,
Наехала собака погана Литва
И хочет ен во Киеве жинитися,
Да у того у князя хочет жону ен приобобрать,
Тую-то красивую Апраксию.
Как улицы велят ены пошире нам разглаживать,
Побольше тут велят ены вина курить.
А силы у поганого принагнано
Сорок есть царей, сорок царевичей,

Сорок королей да королевичей,
У всякого царя да у царевича,
У всякого короля да королевича
По сороку тысяч силы забрано.
А от грузу да от поганого Идолища
Мать-сыра земля да подогнулася,
А от здуху да от пару лошадиного
Не видно тут красна солнышка.
Ой же ты, да старый ты казак, да Илья Муромец
Не можете ль за Киев-град призащитить,
Не можете ль за Киев-град призастоять?» —
«Ой же ты, Владимир Александрович,
Что могу я, то и сделаю».
Захватил тут князь Ильюшеньку за белу руку,
Привел его в гостиницу ту чистую,
Посадил его за столы да за дубовые,
За питья ен садил его медвяные.
Как подносит ему чару зелена вина,
Весом чара в полтора пуда,
Мерой чара с полтора ведра.
Взял как тут Ильюша единой рукой,
Выпил тут седатый на единый здох.
Приносят ему чару пива пьяного,
Весом чара в полтора пуда,
Мерой чара в полтора ведра.
Как взял ведь тут Ильюша единой рукой,
Выпил тут седатый на единый здох.
Подносят ему чару меда сладкого,
Весом эта чара в полтора пуда,
Мерой чара в полтора ведра.
Взял ведь тут Ильюша единой рукой,
Выпил тут седатый на единый здох.
Стал ведь тут седатый на резвы ноги,
Топнул тут Ильюша во кирпичный мост.
Все теремы тут да зашатались,
Оконницы из окон посыпались.
А тут ведь ему князь да выговариват:
«Ай же ты, да Илья Муромец,
А прекрати ты свое сердце богатырское».
Взял как тут Ильюша да и вон пошел,
Приходит тут Ильюша в свои лагери,
К своим ли он могучиим богатырям.
«Ай же ты, Ермак да Тимофеевич,

Ай же ты, сердечно мое креснятко,
(*крестником был ему Ермак Тимофеевич*)
Поезжай-ко ты на гору на высокую
На ту ли на шоломя искатчата,
Смотри-т-ко ты во трубочку подзорнию,
Много ль у собаки силы нагнано.
И поезжай-ко ты скорее да назад вернись,
С таким же ты, Ермак, да и известьицем.
А своим ли он товарищам приказывал:
«Ай же вы, российские богатыри,
Приедет как Ермак да Тимофеевич,
Будите вы меня да со сну крепкого.
(*Свалился тут Илья.*)
Как суточки Илья спит сном ен крепкиим,
Другие-то ен спит да сном да крепкиим,
Прилетела тут ведь пуля-то литовськая
Прямо тут Ильюшеньке во белу грудь.
А тут ведь-то седатый просыпается,
Говорит богатырям своим:
«Ай же вы, шнюхи подгородние,
Как был ли тут у вас Ермак да Тимофеевич?»
(*Богатыри отвечают, что не был.*)
«Что не лучшая ли головушка погинула,
Седлайте, уздайте добрыих коней,
Берите вы свое да вы оружие,
Поезжайте вы на пласт да к поганой Литвы,
А вы же поезжайте-то по крайчикам,
А я-то ведь поеду посередочке».
Как идет тут Илья да во эти лагери,
Приехал тут во лагери литовьские,
(*И видит Илья*)
Ездит тут Ермак да Тимофеевич,
Ездит тут ведь по полю розгуливает,
Куды махнет тут Ермак — так тут и улица,
Перемахнет ведь удалый — переулочек.
Наехал тут Ильюшенька за крестником,
Скочил ен тут к крестнику на добра коня,
Скочил ен тут Ермаку да на добра коня,
Захватил ен тут Ермака да за могучи плечи:
«Ай же ты, сердечно мое крестнятко,
Ай же ты, Ермак да Тимофеевич,
Прекрати ты свое сердце богатырское». —
«Ай же ты нунь, крестный ты мой батюшко,

28 Зак. 3427

Ладно, что ты сзади как наехал-то,
А наехал ты с носка бы как ко мне-то тут,
Укатилась бы головушка вместо татарина».
Проводил тут Ильюша свово крестника,
Проводил ен от лагеря литовського.
А сам же тут вернулся в эти лагери,
А разбили тут ены да эти лагери,
Угнали ведь со своей да территории.

№ 251

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Старый казак был посажен в погреб.

Приехала собака-царь, надо было ему отобрать жена от князя. Пришел посол и говорит: «Жену не отдадите, то воевать пойду». А раньше было так: как забрали город, так лошадей в церковь. Стойла делать по церкви станут, вот и эти тоже. А князь говорит богатырям: «Жена ли мне отдать или воевать будете?» Они говорят: «Мы пошли бы воевать, а зачем ты посадил Илью?» Ну, князь перепался. А жонка-то его знат, — она кормила потихоньку Илью. Ну, погреб-то разрыли, его выпустили. Он зашел в трактир, да вина хлопнул и рассердился, к князю на пир не идет. Вот стали думать, кого послать Илью на пир позвать. Олёшку, Осипа Прекрасного или Добрыню?

Послали Добрыню, он уговорил Илью за князя заступиться. Илья говорит: «За солнышко-то не стоило бы, а за жонку-то ладно!» (*Она его кормила.*) А богатыри бесёду бесёдуют, не знают, как им быть.

Ермак и Илья приехали к невеже, хлопнули ему буйну голову. Приехал Илья так только к Апраксии зашел и сказал, что сила прикокошена.

Владимир-то все его и боялся, Илья-то сильный был да гордый.

№ 252

О ЦАРЕ КАЛИНЕ

3. Жил не - вер - ный царь - со - ба - [ка Ка -] ли - на.
4. У е - во ли бы - ло си - лы скоп - лё - [но]
5. Иш - ше в(ы) ё - во [па - новь - ёв - у -] - ла - но-в(ы)-ёв,
6. Иш - ше мур - зы - и - х(ы) да то - та - ро - вей,
7. Иш - ше тур - ков - цо - в(ы) да о - ре - хов - цов,
8. Ре - бя - ти - ше - чок да всё бе - ке - тов - цов.
9. А при - на - скоп - лё - но
си - лы со - рок ты - ся - чей,

10. А на - став - лё - но
ко то - й(и) ли
ко сла - в(ы) - ной
ко ма - ту - шки да к Е - ле - си – ре - ки,
11. При - на - став - лё - но
си - лы ка - к(ы)
чё - р(ы) - но - го во - ро - на.
12. Иш - ше стал тут со - ба - ка Ка - ли - на
13. Ер - лу - чки ён ста - л(ы) да на - пи - сы - вать,

14. Иш - ше ста - л(ы)

ер - лу - чки да на - пе - ча - ты - вать.

15. По - сы - лал он слу - гу - шку ве-р(ы)-ну - ю,

16. Слу - гу ве-р(ы)-ну - ю да без - ы-з(ы) - мен - ну - ю

17. А во тот ли

во слав - ной во Ки - е-в(ы)-град:

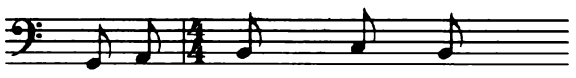
18."А ты ле - ти - тко

ле - ти, мо - я слу-го-н(и) - ка,

19. Слу - га ве-р(ы)-на - я да без - ы-з(и) - мен-на - я,

20. А во то - т(ы) - ли

во сла - в(ы) - ной во Ки - е - в(ы) - град,

21. По - да - вай - ко ты

ца - рю

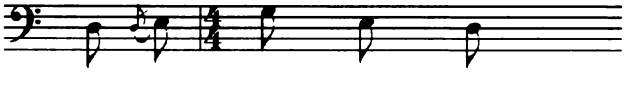
ер - лу - ки да во бе - лы ру - ки!

22. Иш - ше пусь - ко царь

ер - лу - чки рос - пе - ча - ты - ват,

23. До я - ди - но - го

сло - ве - чу - шка вы - сма - три - ват!"

24. А при - ни - ма - л(ы) тут

Вла - ди - ме - р(ы)

- ца - р(и) кра - сно сол - ны - шко

25. Ер - лу - ки ведь он да во бе - лы ру - ки.

26. Иш - ше стал о - н(ы)

ер - лу - чки рос - пе - ча - ты - вать,

27. До я - ди - но - го

сло - ве - чу - шка вы - сма - три - вать,

28. Так по - ве - сил он

го - ло - ву - шку по - ни - же плеч,

29. А вту - пил да о - чи

яс - ны - я в ки - р(ы) - пич - ной пол.

30. Иш - ше тут же о - н(ы) за - кру - чи - ни - л(ы) - се,

31. Иш - ше тут же он да за - пе - ча - ли - л(ы) - се.

32. Вы - хо - ди - ла тут

кня - ги - ня ви - л(и) - мо - жа - я

33. Сьвет - бо - я - ры - ни да Е - ле - си - е - в(ы) - на.

34. А го - во - рит

о - на та - ко - вы сло - ва:

35."Иш - шо а - й(и) же ты

царь да столь - но - ки - ёв - ской,

36. А о чём же ты да за - пе - ча - ли - л(ы) - се,

37. А о чём же ты да за - кру - чи - ни - л(ы) - се?"

38. А [го - во-] рит [Вла-] ди - мер

– князь та - [ко - вы] сло - ва:

А как во городе да во Муроме
А во том селе да Карачарове
Жил неверный царь-собака [Ка́]лина.
У ево ли было силы ско́плё[но].
Ишше в(ы) ёво [пановьев-у]ла́нов(ы)ёв,
Ишше му́рзыих(ы) да тота́ровей,
Ишше ту́рковцов(ы) да оре́ховцов,
Ребятишечок да всё бека́товцов.
А принаско́плёно силы сорок тысячей,
А наставлёно ко той(и) ли ко слав(ы)ной
ко матушки да к Елеси́-реки,

Принаставлёно силы, как(ы) чёр(ы)ного ворона.
Ишше стал тут собака Ка́лина
Ерлучки́ он стал(ы) да написывать,
Ишше стал(ы) ерлучки́ да напечатывать.
Посылал он слу́гушку вер(ы)ную,
Слугу вер(ы)ную да безыз(ы)менную
А во тот ли во славной во Киев(ы)-град:
«А ты лети-тко, лети, моя слу́гон(и)ка,
Слуга вер(ы)ная да безыз(и)менная,
А во тот(ы) ли во слав(ы)ной во Киев(ы)-град,
Подавай-ко ты царю ерлуки́ да во белы́ руки!
Ишше пусь-ко царь ерлучки роспечатыват,
До яди́ного словечушка высматриват!»
А принимал(ы) тут Владимер(ы)-цар(и)[1] красно солнышко
Ерлуки́ ведь он да во белы́ руки.
Ишше стал он(ы) ерлучки роспечатывать,
До яди́ного словечушка высматривать,
Так повесил он головушку пониже плеч,
А втупил да очи ясныя в кир(ы)пичной пол.
Ишше тут же он(ы) закручинил(ы)се,
Ишше тут же он да запечалил(ы)се.
Выходила тут княгиня вил(и)мо́жая
Сьвет-боярыни да Елиси́ев(ы)на.
А говорит она таковы слова:
«Ишшо ай(и) же ты, царь да стольно-киёвской,
А о чём же ты да запечалил(ы)се,
А о чём же ты да закручинил(ы)се?»
А [гово]рит [Вла]димер-князь да та[ковы] слова:
«[Иш]ше как да мне [не кручи]нитьце,
Ишше как же м(ы)не да [не печалитьце]:
...[не]верной царь-собака Калина
Наступает он на наш(и) ли на славной на Киев(ы)-град».

[1] Здесь и далее слово «царь» А. К. Ефимов произносит как «сарь».

№ 253

ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА

Жило двадцать пять богатырей. Играли в шахматы. Вот напало сильное могущее Идолище. Велят по улице распахивать да больше вина курить. Хотят отнять жену Апраксию прекрасивую. Пришла беда неминуцая, заткнул он ж⟨опу⟩ онуцею.

Вышел князь стольнё-киевский и зарычал на крыльце:

«Сильнии и могучии бога́тыри!
Подьте-ко мне на думушку,
На тот ли совет, думу крепкую.
Поежжайте-ко на чисто полё,
А стрецайте-ко да сильную могучую силушку»

А первацком выскакивал Илья Муромец, Илья Муромец да сын Ивановиць: «Ай же ты, Владимир стольнё-киевский! Сделаем мы помогушку тебе великую».

Вси поехали да во цисто полё, раскинули да шатры великие. Илья Муромец лёг отдыхать. А у ёго был крестницек Ермак Тимофеевич. И он ёго, крестницка, отправил воевать на гору, да говорит богатырям: «Если у меня в стакане сделается кровь мутна, то меня будите». Они играют в шашки и в карты, да и не видят, что кровь-то помутилась. А Ермак-то Тимофеевиц как выскоцил на крышу да поглядел — их столько идет, что духу лошадиного не видать. Ему крёстный-то не велел, а он заехал туды, не мог стерпеть. А крёстного-то как разбудили, его крёстный татарина хватит за ноги, татарином и щёлкат. Куда хлопне, так там улица, куды махнет, там переулоцек. Илья-то Муромец и думает, как ему переехать, с какой стороны заехать ему. Как заехать спереди? Надо заехать сзади да схватить его за плеца. Пал на плеца: «Ой ты, крестницек мой божоный! Успокойся ты маленько».

И всих тут победили, всих повалили, не оставили татаринов на симена, все кончили. Царь обрадовался, когда всих кончили, двадцать пять богатырей да татаринов прибили. Сильные могуции российские богатыри. Вот забирал царь стольно-киевский всих богатырей на угощеньице.

№ 254

ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА

Во славном во городе во Киеве
Нападат сильное могуцее Идо́лище,
Велят улицу по городу распахивать,
Хоцют во Киеве женитися,
Отнять тую прекрасивую Апраксию,
А велят-то больше вина курить, —
Пришла царю беда неминуцая.
Вы́ходил тут князь стольно-киевский
На перёное крылецушко, рыцал во всю голову:
«Сильнии могуции российские бога́тыри,
Да подьте-ко ко мне-ко-ва на думушку,
На тот ли совет, думу крепкую:
Нападат на нас сильное могуцее Идо́лище,
Велят улицу по городу распахивать,
Хоцют от меня отнять да прекрасивую Апраксию,

А велят-то мне побольше вина курить».
Выскакивал Илюшенька тут первацком:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Поможём мы тебе-ко-во тово в эвтах делах,
Отправимсе видь мы да во цисто́ полё,
Во цисто полё, да во свои шатры».
А съехали ёны, да вси богатыри,
Во цисто́ полё да во свои шатры».
Ешшо был тут у Илюшеньки видь крестницёк,
Молодой Ёрмак да Тимофеевиць.
Отправлят Илюшенька крестницка,
Отправлят моло́дого жемчужинка,
А самы-то оны да разлеглисе спать.
Как да Илюшенька да сын Иванович
Ён такой дават наказ бога́тырям своим:
«Вы глядите-тко да на тот стокан,
В стокане-то кровь е видь появитсе,
Да будите меня да гораже вы,
По грудям мни дуйте видь палицёй».
Поглядели как бога́тыри ему в стокан,
А в стокане-то да у Илюши кров⟨ь⟩.
Как тут будят-то, тревожит Илюшеньку:
«Ты вставай-ко, Илюшенька, скорешенько,
Поежжай-ко к любимому крестницку,
А к тому Ерма́ку Тимофеевицу!»
Скоцил тут Илюшенька скорешенько,
Садился Илья да на своего коня,
Как выехали на гору на высокую,
Глядит Илюшенька в ту сторону —
Дак столько поганое Идо́лище,
А столько их ту́да-ко наехало —
Как от здоху лошадиного
Не видать да красна солнышка!
А панует тут Ёрмак да Тимофеевиц,
У ёго-то вся палица приломана,
А тотаринов лежит да там костром лежат,
А проехать-то ёму было да некуда.
Как фатит ён тотарина за ноги,
Да бьет их этиим тотарином.
Дак подумал тут Илюшенька Ивановиц:
«Как заехать мне-ка к крестницку спереди,
Так улецу место́ тотарина».
Заехал ён к Ерма́ку да спи́ною,

Да пал к Ермáку на плéценька:
«Ты, любимое мое креснятко,
Не ударь-ко ты меня местó тотарина!»
Как разгорелоси сердецко тут Ермаково:
«Спасибо, что заехал ты пóзаду,
А улетел бы ты местó тотарина».
И всих прибили тут поганое Идолище,
А поехали к царю да на собраньице.
Тут Владимир-князь да стольнё-киевский
Угошшал своих дружей, бояринов,
Угошшал ён своих-то богáтырей.
Ёны вси-то на перу да наедалисе,
Ёны вси-то на перу да напивалисе,
Ещё вси-то на перу да порасхвастались:
Всё умный да видь хвастат отчём, матерью,
А безумный да видь хвастат молодой женой.
Тут видь пир-то у них да уничтожился.
(*Тут оны и разъехались.*)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 255—262)

№ 255

НАШЕСТВИЕ ТАТАР

Наезжал собака-вор Каин-царь,
Наехал под славный под Киев-град
Со своей силой со поганою.
И прибрано у вора у царя Каина
Сорок царей, сорок царевичев,
И сорок молодых королевичев,
И на каждаго на царя и на царевича,
И на каждаго на молодаго на королевича
По сту по сороку тысяч нагнато под Киев-град,
На тыи ли луга не зеленые
И на тые на травы на шелковыя.
Из этой силы из поганыя
Выбирал Тугарина поганаго,
И котораго Тугарина дюжее нет,
И котораго Тугарина сильнее нет,
И сам Тугарину наказывает:
«Ай же, Тугарин поганыий!

Ты будешь, Тугарин, во граде во Киеве
У тых палат княженецкиих,
Отворяй дверь на пяту,
Наперед ступай левой ногой
И клади письма на дубовой стол,
И говори с царем не с упадкою:
„Вот только-то силы нагнато под Киев-град:
Сорок царей, сорок царевичев
И сорок молодых королевичев,
На каждаго царя, на каждаго царевича
И на каждаго молодаго королевича
По сту по сороку сил нагнато"».
Садился Тугарин на добра коня,
Ехал Тугарин в Киев-град,
Делал он дело повеленое.
И тут-то солнышко Владимир-князь приужахнулся,
Резвы ноженьки подломилися,
Царски рученьки приопали об себя.
На ту пору, на то время
Отворилась дверь-то дубовая,
Та ли гридня столовая,
Идет старый казак Илья Муромец,
Сам говорит таково слово:
«Видно, хорош гостек к нам подъехал-то!
Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Налей-ко ты чару зелена вина,
Зелена вина чашу в полтора ведра,
Весом чашу в полтора пуда,
Подноси-тко ты татарину поганому».
Принял татарин одной рукой
И выпил татарин во единой дух.
И говорит опять старый казак Илья Муромец:
«Видно, хорош гостек подъехал к нам!
Налей-ко ты чашу другую водки сладкия».
И вставал татарин на резвы ноги,
И принял чашу одной рукой
И выпил чашу во единый дух.
И говорит старый казак Илья Муромец:
«Налей-ко третью чашу меду сладкаго».
Принял опять татарин чашу одной рукой
И выпил чашу во единой дух,
И выпил питья полпята ведра.
И говорит старый казак Илья Муромец:

«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Сокидай-ко ты шубу соболиную со царских плеч,
Надевай-ко на татарина поганаго,
Отпущай татарина во чисто поле,
К собаке, к вору, к царю Каину.
После этого собирай князей-бояр на почестный пир,
Станем выбирать мы посланника
Искать дядюшку Самсона Манойловича богатыря».
Тут больший хоронится за средняго,
А середний хоронится за меньшаго.
И ходит старая собака матерая,
Старый казак Илья Муромец
По той по гридни по столовыя:
«Видно некому мне заменитися,
Некому мне защититися.
Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Насыпь-ко ты чашу красна золота,
Другую насыпь скатна жемчугу,
А третью налей чиста серебра:
Я поеду к собаке к вору Каину
Просить сроку на три года из Киева выбраться».
И садится старый казак Илья Муромец
На маленькаго сивушка-бурушка косматаго,
Облатился и обкольчужился.
И провожает его Владимир-князь стольне-киевский
Со всем да со усердием.
Говорит Илья Муромец таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Заложи-ко ты ворота крепко-накрепко,
Туго-натуго, во стены городовыя
И прикажи засыпать песками рудо-желтыма».
И будет Илья Муромец на горах Сорочинскиих,
Привязывает Бурушку косматаго ко сыру дубу
И пошел на луга зеленые к собаке к вору Каину,
И давает ему даровья великия:
«Ай же ты, собака-вор Каин-царь!
Прими у нас даровья великия
И дай нам сроку на три года из Киева выбраться!»
И закричал собака-вор Каин царь зычным голосом:
«Ай же ты, старая собака, седатый пес!
Не дам тебе сроку на три года,
Не дам тебе сроку на полтора года,
Не дам тебе сроку на три месяца,

Только дам тебе сроку на три дня,
На три дня и на три часа».
И вышел старый казак Илья Муромец,
И приходил к косматому Бурушку,
И садился на добра коня,
И поехал во сторону во западну
Искать дядюшку Самсона Манойловича.
И с утра весь день ездил до вечера,
И не мог найти во чистом поле бела шатра.
От той ли ночки от темныя
Выехал на горы Фараонския
И проспал он ночку темную,
И по утру он вставал ранешенько,
И садился опять на Бурушка косматаго,
И поехал во сторону во сиверну,
И опять проездил весь день до вечера,
Не мог найти богатырев.
От той ли от ночки от темныя
Выехал на горы Фараонския
И проспал опять он ночку темную,
И поутру вставал он ранешенько,
Умывался он тут белешенько
И поехал во сторону подвосточную,
И приезжает он ко славну ко синю морю,
И увидел он шатер белополотняный:
Видно, быть тому в шатре белополотняном,
Крест на шатре, будто жар горит.
И приправил косматого Бурушка к шатру белополотняному,
Сопущается со добра коня:
«Здраствуй, дядюшка Самсон да свет Манойлович
Со своей дружиной со хороброю!
Ты пьешь еси да прохлажаеси,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как над нашим-то над городом над Киевом
Учинилась невзгода великая:
Наехал собака-вор Каин-царь,
И прибрано под себя сорок царей, сорок царевичев
И сорок молодых королевичев,
На каждаго по сту сороку тысяч силы нагнато.
Ты поди ко мне ведь на помочь,
Ты пособи мне с поганым дратися!»
И говорил Самсон сын Манойлович:
«Нейду я к тебе на помочь

И не пособлю тебе с поганым дратися».
И говорит Илья Муромец:
«Ай же ты, желанный мой дядюшка,
Самсон да свет Манойлович!
Ты не для-ради города Киева,
Да не для-ради князя Владимира,
И не для-ради меня, стараго племянника,
Стараго казака Ильи Муромца,
Для-ради матери Пресвятыя Богородицы
Ты поди ведь ко мне помочь!»
И говорит ему Самсон Манойлович:
«Ай же ты, любезный мой племянничек,
Старый казак да Илья Муромец!
Подь-ко ты для вечера да поужинай,
А в эвтую силу поганую
А заутра я приеду пообедати
Со своею дружиной со хороброю».
Как вышел старый казак Илья Муромец
Из шатра белополотнянаго
И садился опять на Бурушка косматаго,
Облатился и обкольчужился
И выехал на горы Фараонския,
И смотрел он во трубочку подзорную:
Еще ли во Киеве по-старому,
Еще ли во Киеве да по-прежнему:
И звонят во Киеве в плакун-колокол.
И ему, молодцу, запреку пришло,
И стал своего косматого Бурушка потаркивать,
И зачал косматый Бурушка поскакивать,
И заехал в рать-силу великую,
И зачал по силы поезживать,
И зачал по силы помахивать:
Куды махнет — тут улочки,
Куды отмахнет — переулочки.
От пару лошадинова не пропекает солнце красное
На том ли на небе на ясноем.
И пристигла опять его темна ночь.
От той ли от ночки от темныя
Выехал опять на горы Фараонския
И проспал ночку темную,
И поутру вставал ранешенько,
И садится опять на маленька Бурушка косматаго,
Опять облатился да обкольчужился.

И возговорит ему добрый конь языком человеческим:
«Ай же ты, старый казак да Илья Муромец!
Есть у вора у Каина подкопаны три подкопы:
Я первую подкопь перескочу,
И другую-то подкопь перескочу,
А третьей подкопы не могу скочить,
Упаду я в подкопы глубокия».
Он бьет коня по тучным бедрам:
«Ты волчья сыть, да травяной мешок!
Мне ведь на бую смерть не писана»
И заехал опять в рать-силу великую,
И зачал опять по силе поезживать,
И зачал силу опять помахивать:
И куды махнет — опять улочки,
А перемахнет он, так переулочки.
И доехал до подкопы до первыя,
Конь через подкоп перескочил;
И доехал до подкопи до другия,
И другую-то подкопь перескочил;
И доехал до подкопи до третьей,
И приправил косматаго Бурушка,
И призамялся его добрый конь,
И упал в подкопи глубокия.
Его добрый конь из подкопи выскочил,
И остался старый казак в подкопи глубокия.
И набежали татаревья поганыя,
Сковали ему ножки резвыя,
И связали ему ручки белыя
Тема ли петлямы шелковыма,
И повели к собаке-вору Каину.
И зарычал собака-вор Каин царь:
«Ай же ты, старая собака матерая!
Всю ты у меня силушку вырубил.
Ведите на болото на житное,
На ту ли на плаху на липову
Рубить ему буйну голову
По тем ли плечкам могучим!»
И видит старый казак Илья Муромец беду неминучую,
И стал из подлобья выглядывать,
И по плечу оружьины присматривать.
И увидел того Тугарина поганова,
Который Тугарин был во Киеве посланником,
Который выпил питья полпята ведра.

Как ухватил-то Тугарина за ноги
И начал Тугариным помахивать:
Перелопали петли шелковыя на белых руках,
Потрескали железы булатния на резвых ногах.
Как на тую пору, на то времячко
Наехал дядюшка Самсон да сын Манойлович
Со своей дружиной со хороброю,
Как метлой пахнули силу поганую
И убили собаку-вора царя Каина.
А у Ильи Муромца бежал конь во Киев-град,
И не воротам бежал он, привороткамы,
Прямо через стены городовыя,
И поминают Илью Муромца, что жива нет.
Он приходит ко городу ко Киеву
И поколотился у стены у городовыя:
«Ай же ты, Владимир-князь стольне-киевский!
Встречай Илью Муромца с великой радостью:
Тут вся сила поганая прикончена».
Тем старина эта и кончилась.

№ 256

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Ай во стольноём во городи во Киеви
Ай у ласкова князя у Владимира
А начинался-заводился да почестной пир,
А на многия на князи да на бояра.
А не зовет он ведь собе да во почестной пир
А сильниих могучиих бога́тырей.
А приходит-то Ильюша да незваной он.
А приказал-то ведь Владимир-князь да стольне-киевской
Засадить его туда да во глубок погрёб,
А поморить его смертью голодною.
А сильнии киевски бога́тыри
А россердились тут на князя на Владимира,
А оны скоро ведь садились на добрых коней,
А уехали оны да во чисто полё,
А во тое роздолье во широкоё:
«Ай не будем ведь мы жить больше во Киеви,
А не будем мы служить князю Владимиру».
А у князя-то ведь дочка-та малешенька,

А малешенька-та дочка молоде́шенька,
Во потай бере́ ключи у своей матери
А от тых ли-то от погребов глубокиих;
Составляет она хлеб да Ильи Муромцу.
Ай проходило ведь тут времени ровно три году;
А тогда же ведь тот вор, вор Калин-царь,
А собирает он дружинушку хоробрую,
А собирает он себе да ведь много́ царей,
А мно́го-то царей да много ко́ролей,
А собрали силы оны — смету нет,
А поехали ко стольнёму ко городу ко Киеву,
А на тую ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владимиру,
А хочут взять оны взять княгину да Опраксию,
Покорить себе-ка оны Киев-град.
Становилась эта сила близко Киева,
Близко Киева стоит да во чистом поли.
Калин-царь, а посылает он поганаго татарина
Ай со тыим пи́сьмом со посольниим,
А ко тому ли то ко князю ко Владимиру:
«Ай же ты, поганыи тотарищо!
Знаешь говорить да ты по-русскому,
А мычать про себя да по-татарскому?
Ай снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владимиру!»
А тут тотарин да поганыи
А садился скоро на добра коня,
А получает он письмо да к себе на́ руки,
А поехал он ко городу ко Киеву,
Ай ко ласкову князю ко Владимиру.
Заезжает-то он в град да не воротами,
А через тую ли то стену городовую,
А заезжает он к князю́ да на широкий двор.
Ай вязал коня к столбу точоному,
Ай ко́ тому кольцу да к золочоному,
Ай приходит он в покои княженецкие,
А он глаз-то не крести́т, Богу не молится,
А не дает-то он чести Владимиру,
А положил-то он письмо да на дубовой стол:
«Ай прочитай-ко ты письмо, Владимир-князь!»
А он смотрит, во письме да есть написано:
А просит-то у князя да Калин-царь
Ай славнаго города да Киева,
Да обручныя княгины да Апраксии

А без бою-то, без драки без великии,
А без большого-то такого кроволития.
А закручинился тот князь да запечалился
Это той тоской-печалью он великою:
«А россердел-то я теперь богатырей,
А стараго каза́ка Илью Муромца;
А засадил-то его во глубок погрёб,
Ай поморил его сме́ретью голодною,
А некому стоять буде за Киев-град».
А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
Ай говорила-то она да таково слово:
«Ай же ты, родитель ты мой папенька!
А слышала во церкви во писании,
А старому каза́ку на бою смерть не уписана,
И голодная смерть не уписана.
А бери-тко, князь, ты золоты ключи».
А берет-то князь да золоты ключи,
А отмыкает-то ведь князь да глубоко́й погрёб,
А во погреби Ильюнюшка живой сидит.
Ай горит у Ильюни воскова свеча,
А читает он ведь книгу да Евангельё.
А извиняется тут князь да стольне-киевской
А старому казаку Илью Муромцу:
«А прости-тко ты меня, да Илья Муромец!
А посадил я тя во погребы глубокия,
А хо́тел по́морить смертью́ голодною,
А еще ведь ты, Ильюнюшка, да жив ведь есть.
А не знаешь ты незгодушки великия:
А ко славному ко городу ко Киеву
Наезжал-то тут поганыи вор Калин-царь,
А собрана дружинушка: много царей,
А много царей-то собрал, много королей,
А по́добрано́ силы у их смету нет,
А все сильнии могучии татарева.
А не можь ли постоять да ты за Киев-град,
А за матушку стоять да свято-Ру́сь-землю,
А постоять ли-то за церквы за соборныя,
А тыи за кресты животворящие,
А спасти нас теперь всех князей-бояр?
А некому поехать супротиво царя Калина,
А россердел-то я теперь богатырей,
А уехали оны да во чисто полё,

Ай не бывали о́ны здесь да три́ году́».
Ай говорит-то ёму старыи казак да Илья Муромец:
«Ай Владимир-князь ты стольне-киевской!
А где же есте мо́и да конь добрыи?» —
«А твой конь во стойлы лошадиныи».
Ай тут-то старыи казак да Илья Муромец
Одевает латы-ты, кольчуги золоченыи,
А он уздает, седлает коня добраго,
Ай полагает ведь он потнички на потнички,
Ай полагает ведь он войлочки на войлочки,
Ай на верёх-то он седёлышко черкальское,
Ай берет-то ведь Ильюня да свой тугой лук,
Ай берет-то тут Илья да калёны стрелы,
Ай берет-то тут Илья да саблю вострую,
Ай берет-то он копье да долгомерноё,
Ай берет-то он да палицу военную,
Ай берет-то он трубку-ту подзорную,
Ай садился Илья да на добра коня,
А не смеет напустить на тую силу ненасметную,
А на сильниих могучиих татаревей.
А выезжает-то Илья во чисто́ полё,
А поднимается на гору на высокую,
Ай поглядел ведь он во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре он на стороны.
А со первой горы Илья да он спущается,
А на другую-то он гору поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
Ай на вси он на четыре да на стороны;
А со другой горы да он, Илья, спущается,
А на третьюю высоку поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
А на вси он на четыре да на стороны.
А в той ли стороны да подвосточныя
А увидае в поли там белой шатер.
А приезжает тут Илья да ко беля́ шатру,
А у того ли в поли у бела шатра
А стоит двенадцать коней богатырскиих,
А видит-то Илья да таково дело:
А стоят ты кони, кони тут руси́йскии,
А ёго-то ведь братьицев крестовыих,
А крестовыих-то братцев ведь названыих.
А он вязал коня тут ко столбу точеному,
Ай припущал-то ко пшены́ да белояровой,

А заходил-то тут Илья да во белой шатер,
А глаза-ты он крести́т да по-писаному,
Ай поклон-от он ведет да по-ученому,
А на вси стороны Ильюня поклоняется,
А й крёстному он батюшку в особину:
«А здравствуёшь ты, крёстный ты мой батюшко,
Ай Самсон сын Самойлович!
А вы здравствуйте, крестова моя братия,
А крестовая вы братия названая!»
А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро ведь скочили на резвы ноги,
А с Ильюшенкой тут братия здоровкались:
«А старыи казак да Илья Муромец!
Ай говорили, ты посажен во глубок погрёб
У того ли-то у князя у Владимира,
А поморён ты смеретью голодною,
А ты верно, старик, да жив поезживаешь».
Ай говорит-то ведь Илья да таково слово:
«Ай же ты, крёстной мой батюшко,
А Самсон сын Самойлович,
А вси братия крестовая названая!
А поедемте на помочь на великую,
Ай насупротив поедем царя Калина».
А говорит-то ведь крёстной ёму батюшко:
«А я сам-то ведь не еду, да теби не бла́словлю.
А не буду я стоять больше́ за Киев-град,
Ай не могу боле́ смотреть на князя на Владимира,
А на Апра́ксию да королевичну,
Ай положено заклятиё великоё».
А говорит-то ведь Ильюня таково слово:
«Ай же ты ведь, крёстной мой батюшко!
А поедем-ко ты на по́мочь великую,
Супротив поедем царя Калина,
А не ради ведь мы князя да Владимира,
А не ради мы княгины да Апраксии,
А и ради матушки поедем свято-Русь-земли,
А ради́ той ли-то веры православныя,
А для ради церквей да мы соборныих,
А для Матушки да Богородицы».
И это тут-то крёстной его батюшко
А вся крестовая названа его братия
А поехали да на́ помочь великую,
А супротив царя да оны Калина.

А выезжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тут подзорную
Ай поглядели тут на силу на поганую;
А стоит-то сила тая во чистом поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тут-то оны шатер росставили,
Ай вязали коней к столбу точёному,
Это тут-то оны да опочив держат.
А Ильюнюшки не спится, мало собится;
И зауснула ведь тут братия крестовая,
А встает-то ведь Илья да на резвы́ ноги,
А выходил-то ведь Илья да из бела шатра,
А садился-то Илья да на добра коня,
А спущается со горы со высокия,
А напущается он на рать-силу поганую,
А на сильних на могучих на татаревей.
А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,
А не едаюци Илья да не пиваюци,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи;
А бьет-то силу до шести он дён,
А не едаюци Илья да не пиваюци,
А с добра коня Илья да не слезаючи,
А добру коню отдоху не даваючи.
А его доброй-от конь да проязычился
А тем ли языком человеческим:
«Ай ты, старыи казак да Илья Муромец!
А укроти-тко ты ведь сердцо богатырскоё.
А у поганых у татаревей
А е сделано три подкопа глубокиих:
Ай во первóй подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то я, Ильюшу, да повывезу;
А во другой подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
А во третéй подкоп скочу да я повыскочу,
А тебя-то я, Ильюшенку, не вывезу».
А розгорелось ёго сердцо богатырскоё,
А розмахалась его рученка-та правая,
А направил он коня да во глубок подкоп.
Ёго добрый конь оттуль повыскочил,
А Ильюнюшку с подкопа он повытащил;
А со другаго подкопа конь повыскочил,

А он Ильюнюшку оттуда он повытащил;
А со третьяго подкопа конь повыскочил,
А Ильюшенки с подкопа он не вытащил.
А сбежал его конь да во чисто полё,
Это начал он ведь по полю побегивать.
Это сильнии могучии татарева
А здымали-то Илью да ведь со погреба,
А связали-то Ильи да ручики белыя
А во тыи ли во пу́тыни шелковыя,
А повели его на казень-ту на сме́ртную,
Ай отрубить-то ведь Ильи да буйна голова,
А ведут Илью да мимо церковь соборную,
А взмолился тут Илья да всем святителям.
Ай как из далеча-далеча из чиста поля
Набежал-то тут к Ильюшенки да добрый конь,
Ай хватил-то он зубамы да за тыя путыни шелковыя,
Оборвал-то путыни шелковыя,
А слободил его он ручики да белыя.
А скочил Илья да на добра коня,
А выезжает-то Илья да во чисто полё,
Ай натягиват Илья свой тугой лук,
Налагает ведь он стрелочку калёную,
А сам он ко стрелы да приговáриваёт:
«А пади, моя стрела, ни на воду, ни на землю,
А не во темный лес, да не в чисто́ полё,
А пади, моя стрела, на тую ли на гору на высокую,
А проломи-тко крышу-ту шатровую,
А пади-тко крёстному ты батюшку,
А крёстному ты батюшку во белу грудь,
А роздроби ему ты груди белыя,
А за тую за измену за великую!»
А тут стрелил да Илья Муромец;
А летела тут стрела да ведь на гору на высокую,
Ай проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на белу грудь,
А на белую-ту грудь да во злаче́ной крест.
А ото сну тут крестной пробуждается,
Говорит-то им да таково слово:
«Ай вы, сильнии могучии богатыри!
А пробуждайтесь ото сну да вы от крепкаго.
А где-то у нас старыи казак да Илья Муромец?
А мы едим да пьем да проклаждаемся,
А мы не ведаем незгоды над Ильюшенкой».

А ставали ведь тут сильнии могучии богатыри,
А скоро то ставали на резвы ноги,
Ай выходили-то оны́ да из шатра долой,
А садилися оны да на добрых коней,
А спущалися оны да с высоко́й горы,
Нападали на поганыих татаревей,
А прибили, прирубили да всю силу ту несметную,
А несметную ту силу да несчётную.
Это скоро тут оны́ да поворот держат
Ай ко стольнёму ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Заезжали-то ко князю да в широкий двор,
А вязали-то коней к столбу точе́ному,
Ко тому кольцу ко золоче́ному,
А приходят-то во гридню во столовую.
А Владимир-князь да стольне-киевской
А завел-то он тут свой почестный пир
А на многия на князи да на бояра,
А на сильних на могучих на богатырей.
И все ли на пиру да напивалисе,
А все ли на пиру да наедалисе,
А все ли на пиру да пьяны-веселы.
А красное солнышко при вечери,
А почестной-от пир да весь при весели.
А Владимир-от князь да стольне-киевской
А жалуёт он сильниих могучиих бога́тырей,
А давает города да с пригородками,
А давает золоту казну бессчётную.
А князь-то он бога́тырей да содержать их стал.

№ 257

ПРО КАЛИНА-ЦАРЯ

Не волна ли на мори сколыбаласе,
Сходилсэ безбожный Калин-царь
На славную камену Москву,
На славную на Русеюшку,
Соберал он силушки с сорока земель,
На ты поля на Елесовы
Нагнал он сорок царей, сорок царевичей,
За кажным было по сороку тысяч.

Говорил безбожный Калин-царь:
«Подайте мне золот стул,
А чернилицу вальячную —
Стану я свою силу описывать».
Писал он силу трои суточки,
Потом своему послу наказывал:
«Поеждяй ко стольному ко городу ко Киеву,
Заходи в палаты белокаменны,
Русскому Богу не кланяйсе,
Вели разобрать Божьи церквы,
Повымыть полаты белокаменны —
Стоять нашей силы во городи во Киеви».
Потом ехал посол ко городу ко Киеву,
Шел в полаты княженецкии,
Русскому Богу не кланялсэ,
Кладал ярлыки на дубовой стол,
Потом повернулсэ, уехал в свою рать великую.
Солнышко взял ярлыки во белы руки,
Розглядывал, до кажиного словечка высматривал.
Тогда говорил он таковы слова:
«Делать нам с Калином нечего,
Отдать надо Киев-град без бою,
Всим богатырям разъехацце».
Говорит-то княгиня князю таковы слова:
«Соберем-ко послидней пир,
Выпусти ты на этот пир
Всих грешников-затюремщиков
И повыпусти-тко старого казака Илью Муромца».
На пиру нихто не есть, не кушает,
Повешены у всих буйны головы.
Подавал тут солнышко Владимер-князь
Ярлыки скорописныи
Старому казаку Ильи Муромцу.
Говорит старой казак таковы слова
Солнышку князю Владимиру:
«Делать нам нечего,
Насыпай три бочки злата, серебра
Вели катить к царю Калину,
Проси строку на три мисяца —
Съеждю я во чисто поле,
Соберу к себе дружину хоробрую
Тридцать молодцов без ядиного,
Сам буду во тридцатыих,

Тогды поедем к царю Калину».
Уехал старой казак Илья Муромец
Соберать себе дружину хоробрую.
Проходит три месяца
И не видать его со чиста поля.
Говорит тут княгина таковы слова:
«Не будет назад старой казак по насидки,
Што сидел ен во погребах глубоких».

№ 258

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

После Идолища шло у Владимира-князя
Благое время десять лет,
Как Ильюшенька охранял у князя В⟨ладими⟩ра
Город Киев десять лет,
И сильныи, могучии богатыри
Ездили по городу по Киеву
И проживали у города Киева.
Прошло времени всего десять лет —
Тут нашлися людюшки да лихие-то,
Стали к князю да похаживать,
Стали князю Владимиру да выговаривать:
«Как хочет-то Ильюшенька отобрать от тебя твое княжество
С сильныма, могучии бога́тырьмы».
Тут князь да позадумался,
Позадумался да пораздумался:
«Что такой богатырь Ильюшенька,
Да с сильныма могучима бога́тырьми,
Да отнимут от меня княжество,
И будет управлять с сильными, могучими бога́тырьмы».
И приказал Владимер-князь
Посадить Ильюшеньку в погреба во глубокии.
Как Ильюшенька да благой ведь был,
Он мог бы со всема има управиться,
Да шел ведь он своею волею.
Как у князя-то Владимера была ведь племянница,
Красной девушке да лет ⟨четырнадцать⟩,
Как просила она до своих родныих:
«Прокопайте вы ведь дорожку подземельную,
Как к тым погребам ко глубокиим,

Где посажен у дядюшки Ильюшенька,
Буду я носить Ильюшеньке
Как на всякий-то на де́нечик
Хлеба, дара Божьего.
Как я цитала, красна девушка,
В книгах-то евангельских,
Что Илье на бою да смерть не писана».
И носила она, красна девушка,
На всякой де́нечек.
Прошло времечко-то три году́,
Как тут наехал-то да Ка́лин-царь,
Наехал Калин-царь да со тотарами,
Нагнал силы, как черного ворона,
Ко городу ко Киеву.
Как проведал-то да Калин-царь,
Что Ильюши живого нет,
Тут как пишет да Калин-царь:
«Уж князь Владимир стольно-киевский,
Приехали к тебе гостюшки немилые,
Да немилы к тебе гости, нелюбимы,
Калин-царь да со тотарами,
Навели силы, так и сметы нет.
Отворяй-ко ты ворота да широкии,
Как запускай-ко твоих да дорогих гостей,
Как катай-ко бочки по чисту полю,
Как ты с винами да с пивами».
Как подавал Калин-царь писёмышко тотарину,
Приходил тотарин к князю ко Владимиру,
Да в палату белокаменну,
На стол кидал писёмышко,
Сам садился на лавочку.
Как Владимир-князь читал письмо, распечатывал.
Тут сам Владимер порасплакался:
«Как некем мне заменитися,
Как во городе, да Киеве
Нету сильных, могучиих бога́тырей —
Все богатыри да по розъездам ведь.
Как Ильюшеньки, того и живого нет!»
Как увидала-то его да племянница,
[Да говорит она ему, князю Владимиру]:
«Как мой да родной дядюшка,
Как мы сходим-ко да попросим-ко
В погреба ты во глубокии,

Как Ильюшеньку да попросим-ко?»
Да говорил-то да Владимир-князь:
«У Ильюшеньки до сих пор и костей-то нет!»
А говорила-то племянница:
«Как я читала-то книги-ты евангельски —
На бою Илье смерть не писана».
Приказал да Владимир-князь:
«Возьмите-ка лопаточки, разройте-ка,
Я послушаю свою да племянницу».
Как отворяли двери-ты дубовые,
Как сидит у стола-то Ильюшенька,
А горит на столе свеча-то сальная,
А сидит, читает Ильюшенька да Евангелие.
Тут Владимир-князь у Ильюшеньки прощается:
«Я чужого ума да послушал ведь,
А надо вперед-то своим умом жить!»
Тут Ильюшенька да не сердится,
Да говорит-то Ильюшенька князю Владимиру:
«Что ты Калину отписывал?» —
«Ничего я не знал да отписать ему».
Брал Ильюша бумагу и чернила ведь,
Начал Ильюшенька отписывать:
«Ай да ты, Калин царь,
Дай-ка ты нам строку да на три́ году,
А не дашь ты нам строку на три году,
Дай ты строку на три месяце,
А не дашь ты нам строку на три мес⟨яца⟩,
Дай же строку на три дня,
А не дашь нам строку на три дня,
Дай-ка строку на три часа —
Наварить-то нам зелена вина,
Накурить-то нам пива пьяного,
Раскотать-то бочки по всему граду,
По всему граду да по чисту полю,
Угостить твоя вся сила-армия».
Тут подал Владимиру Ильюшенька писёмышко:
«Ты отправь да царю Калину».
Как выходил из погребов да тут Ильюшенька,
Выходил Ильюшенька да во чисто поле,
Крякнул Илья по-богатырскому,
Богатырским да своим голосом,
Вызыват своего сивушку-сивогривушку,
Своего коня богатырьского.

Как конь добрый бежит,
Да земля-мать дрожит,
Как садился Ильюша на добра коня,
Со всей приправой богатырской.
Как ехал Ильюшенька на рать-силу великую.
Как видит Ильюшенька,
Как у царя-то да у Калина ведь,
Силушки-то нагнано [да великая],
Стоит как черного да ворона,
Серу волку не обрыскати,
Черну ворону силы не ограяти:
«А наб мне молодцу, Ильюшеньке,
По силы да проехати».
Как начал Ильюшенька силушку
Бить своим копьем богатырским,
Как ма́хнет — падут улицей,
А перемахнет — переулочком.
Как у них, у тотар неверных,
Выкопано три подкопа богатырскиих.
Как в первый-то подкоп добрый конь вскочил —
Ильюшеньку повынес ведь,
А в другой вскочил —
Ильюшеньку повынес ведь,
А с третьего подкопа добрый конь
Да сам повыскочил,
А Ильюшенька со добра коня да повылез ведь.
Тут обстали кругом тотара неверныи,
И приходил тут сам да Калин-царь.
И говорит-то Калин-царь:
«А поминали мы Ильюшеньку,
Что Ильюшеньки живого нет,
А Ильюшенька во старой степени́ да поезживает,
А перейди-тко, Ильюшенька, к нам-то ведь,
Ты, Ильюшенька, стой за нас-то ведь,
Будем мы кормить да содержать тебя
До твоей смерти-то».
Отвечал-то да Ильюшенька:
«Ай же ты, Калин-царь,
Говоришь ты речи неразумные,
[Если бы у меня была бы да сила моя
За твои слова да неразумные
Отрубил бы я твою буйну голову!»]
Говорит да Калин-царь:

«Нынь, Ильюшенька, у тебя да не своя воля».
И связали у Ильюшеньки ручки белые,
Сковали у Ильюши ножки резвые,
И приказал Калин-царь отвести Ильюшеньку
На казень смертную,
Отрубить Ильи буйну голову.
И повели татаре неверные,
Повели по городу по Киеву,
Мимо церковки да соборныи.
Как Ильюшенька да смолился ведь:
«Ух вы, киевски да угодники,
Домы пресвятой Богородицы,
Вы роскуйте у Ильи ножки резвые,
Да ручки белые [да ножки резвые],
Если буде у меня да своя воля,
Так не допущу я царя Калина-татарина
Надсмехатися да надругатися».
Тут ведь киевскии угодники
Росковали ножки резвые,
Ножки резвые, ручки белые,
Стала у Ильюшеньки своя воля,
Как хватил Илья тотарина-то за ноги,
А что тут было, всех головкой он повыщелкал.
Выходил Ильюша во чисто́ поле,
Крыкнул голосом своим да богатырскиим,
Вызывал Илья своего добра коня,
Добрый конь бежит, земля-мать дрожит,
Со всёй он приправой богатырскою.
Как садился Ильюша на добра коня,
Поднимался Ильюша на горы на высокие,
Глядел Ильюша на все четыре на сторонушки.
Как усмотрел в сторонушке на севере,
Стоит шатер белополотнянный,
У шатра стоят кони богатырскии,
Тут живут русскии сильныи могучии богатыри.
Как Ильюшенька тетивку-ту шелко́вую натягивал
И полагат в тугой лук стрелочку калёную,
И стрелочке Ильюшенька наказыват:
«Ты лети, лети калена́ стрела,
Ты пади, стрела, не на́ небо,
Ты пади, стрела, да не на́ землю,
Ты лети, стрела, во чисто́ поле,
Во чисто́ поле, во бело́й шатер,

30 Зак. 3427

Ты пади, стрела, во белóй шатер,
Проломи-ко латы да кольчужные
У Самсона, у крёсного».
Тут спускал Илья стрелочку каленую,
Как летела стрела да каленая,
Пала не на небо, ёна не на землю,
Как летела стрела да во чистó поле,
Во чистó поле да во белóй шатер,
Проломила латы-те кольчужные,
У Самсона де у крёстного [Ильюшеньки],
Как попало Самсону-то во медный крест.
Как говорил Самсон, крестный-то:
«Как вставайте-ко вы, сильные могучии богатыри,
Как не добро, видно, деется моему-то крестнику
Ильюшеньке».
Тут вставали добры молодцы
Да садились-то да на добрых коней
Тринадцать сильных могучих богатырей,
Как ехали на рать-силу великую,
Как со всех-то разъехались разных сторонушок,
Начали они силушку да бить-ломить,
А Ильюша бьет тотар да посередочки,
И прибили всех тотар да неверныих,
Не оставили тотарина и на семена.
Да говорит тут Калин-царь:
«Как закажу я детям, внучатам,
Детям, внучатам и правнучатам
А не то, что ездить с войском на Киев-град,
А и думу об этом не думати».
Тут как ехали добры молодцы к князю ко Владимиру,
[Встречал] да с великой радостью
Да таких-то дорогих гостей.
Да тем былина и покончилась.

№ 259

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как у князя-то у Владимера
А ведь жил-то Ильюшенько да ровно десять лет.
Как стали к князю-то Владимеру
А стали ведь людишки подхаживать:

Стали князю Владимеру да наговаривать:
«Как Илья Муромець да сын Ивановиць,
Как ён с сильныма могуцима богатырьми,
Хоцет брать себе да княжество».
Тут же Владимер-князь да послушал ведь,
Приказал посадить да Ильюшеньку.
Повели Илью во по́греба глубокии,
(*Как Ильюшенька не отбиваецце.*)
Посадили Илью в по́греба глубокии.
Как у князя-то у Владимира
Была красная девушка племянница,
Отродя ей было лет четырнаццать.
Как она ли, девушка, по Ильюши сжаловаласе,
Как ёна велела выкопать дорожку подземельную
Как во тыи погреба да во глубокии,
Где посажоной-то Ильюшенька,
Как на всякой-то она на долгой де́нецек,
Как Ильюши носила ясва саха́рнии,
Напитоцьки-то разныи медвяныи.
Как прошла про Илью-то слава да широкая,
Как прошло ведь с того времени да три году.
Как узнал-то видь да и Ка́лин-царь
Што видь Ильюшеньки живого нет,
Как направился Калин-царь с войском со великиим,
Как нагнал он ко городу силы да ко Киеву.
Тут же писал письмо да скоропивчато:
«Уж ты, князь Владимир стольне-киевской,
Отворяй-ко ворота да широкии,
Уж вы улицы да распахивай,
Дубовы́ скамьи да вынашивай,
Питва разныи выкладывай,
Как стреця́й-то нас, да дорогих гостей!»
Посылал Калин-царь татарина с писёмышком,
Приходил татарин к князю ко Владимиру,
Как кидал татарин на стол писёмышко,
Сам садился татарин на лавоцьку.
Как Владимер-князь цитал письмо да порасплакался:
«Как у мня нет в городи во Киеви,
У мня нету сильных могуциих бога́тырей,
И нету у мня да как Ильюшеньки!»
Говорила его да видь племянниця:
«Как мой-то видь да родной дядюшка,
Я цитала книги-то евандельскии,

Как на бою Ильи смерть-то ведь не писана!» —
«Ой ты ведь, цядо мне милоё,
Как до сих-то пор Ильюшаных костей-то нет!» —
«Как сходим-ко да мы во погреба,
Как посмотрим-то тое местецько».
Как розрывали они погреба-то глубокии,
Отворяли двери-то дубо́выи,
На столе горит да свеця сальная,
А сидит Ильюшенька, цитает да Евангелье.
Тут стоит Владимер-князь у Ильюши, порасплакался:
«Как прости меня, Ильюшенька, в такой беды!»
Показал письмо Ильюши царя Ка́лина.
Говорил Ильюшенька князю-то Владимеру:
«А на место што же ты отписывал?» —
«Как ницего не писал я во обидушки».
Как нацял Илья писать да царю Ка́лину:
«Ай же ты, да Калин-царь,
Дай-ко нам ты строку да три́ году,
Как не дашь нам ты строку три году,
Дай хоть строку нам да на три месяця,
Как не дашь нам строку на три месяца,
Дай хоть строку ты нам на три дня.
А не дашь нам строку на три дня,
Дай хоть строку ты нам на три часа.
Наварим мы ведь да зелена́ вина,
Как накурим мы да пива пьяного,
Угостим тогда всю мы силу, всю армию!»
Сам садился Илья да на добра́ коня,
Как поехал Илья на горы на высокии,
Как глядел Илья на рать-силу на великую,
Как сколько у царя-то видь у Ка́лина
Силы набрано, силушки-то нагнано —
Серу волку силы не обрыскати,
Черну ворону силы на ограети.
Как глядел-то Ильюшенька на север ведь,
Как стоит шатер белополотняной,
У шатра стоят кони богатырскии,
Там ведь и спят сильныи могуции да бога́тыри.
Как натягивал да Ильюшенька
Как тетивку-то да он шолковую,
Во тугом луку́ да потугешенько,
Направлял Илья стрелоцку каленую прямешенько,
На полете Илья стрелоцьки наказывал:

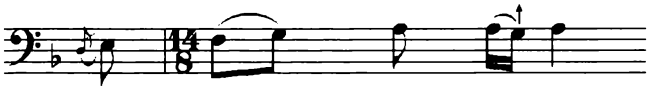
«Ты пади, стрела, не на́ небо, не на́ землю,
Ты пади, стрела, да во бе́лой шатер,
Ты пади Самсону-то да крёсному,
Ты пади ему да во бе́лу грудь.
Што он спит да не прохватитце,
Как не знает он, над крестником не ведает».
Как пала стрела кале́ная да пала во бело́й шатер,
Самсону крёсному попала во медной крес⟨т⟩,
Как ставал, скоцил да сам сонной крёсной видь:
«Как вы сильныи могуции бога́тыри, ставайте!»
Как ⟨двенадцать-то⟩ их было бога́тырей —
А тринаццатой да Самсон крёсный.
Тут садились скоренько на добры́х коней,
Поднималисе на горы на высокии,
Где стоит-то сила царя Калина.
Как Ильюшенька бьет да со сторонушки,
Как кругом-то силу-то со всех сторон окружили,
Нацяли силу бить у царя Ка́лина,
Не оставили татарам силы на се́мена.
Говорил-то тут видь Калин-царь:
«Закажу я дитям да внуцатам —
А не то што на Русеюшку-то ездити,
А штобы думой боле да не думали!»
Тут приехали сильни могуци бога́тыри
Как ко князю-то в город ко Владимеру.
Принимал Владимир-князь да со всей радости,
Всех молодцов-то он пожаловал,
А на том-ты былина и поконцилась.

№ 260

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЬ КАЛИН

2. А как жил - то-й он да ров - но де - сять лет.
3. А-й ведь как ста - ли - то
[к] к(ы) - ня - зю ко В(ы)-ла - ди - ми - ру
4. А ли - хи лю - дю - шки да под - ха - жи-вать,
5. А ста - ли я - бе - ду - то
на-й И - л(и) - ю - шу на - го - ва - ри-вать:
1/16
6. "А-й Иль - я Му - ро - мец [да] сын И - ва - но-вич
7. Как й-он с силь - ни - ма
с мо - гу - чи - ма бо га - ты - р(и)-мы

8. А хо - че в сво - и –

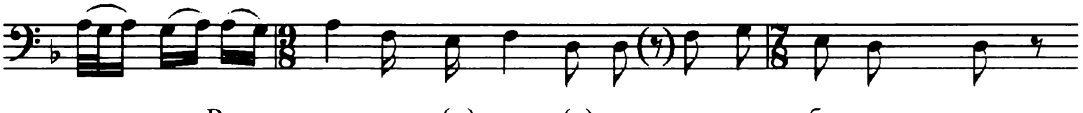
– ты руч - ки

взять - то да кня - же - ство".

9. А ведь

как и Вла - ди - ме - р(ы) - кня - с(и) да по - у - би - дел - сэ –

10. А при - ка - зал Иль - ю - шу

от - вес - ти во

по - грё - ба во глу - бо - ки - и.

11. А ведь И_л(и) _ ю по _ ве _ ли

в по _ г(ы)_рё _ ба да во глу _ бо_ки _ и –

12. А Иль _ ю _ шень _ ка

и _ дёт, не от _ би _ ва_ет _ ци,

13. А ни_с(ы) _ ко И_л(и) _ я да по _ кло _ ня_ит _ ци.

14. А как бы _ ла _ то

у кня _ зя у Вла _ ди _ ми_ра,

15. А бы - ла

кра-с(ы)-на де - ви - ца пле - мян - ни - ца,

16. А ведь бы - ло

всё ёй да лет чё - тыр - над - цать,

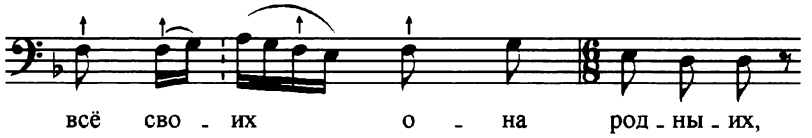
17. А со-жа - ле - ла-й

о - на и да Иль - ю - шень - ку.

18. А спро - си - ла

всё сво - их о - на род - ны - их,

Как жил Ил(и)юшенька у князя у Владимера
А как жил-то-й он да ровно десять лет.
А-й ведь как стали-то [к] к(ы)нязю ко В(ы)ладимиру
А лихи людюшки да подхаживать,
А стали ябеду-то на-й Ил(и)юшу наговаривать:
«А-й Илья Муромец [да] сын Иванович
Как й-он с сильнима с могучима бога́тыр(и)мы
А хоче в свои-ты ручки взять-то да княжество».
А ведь как и Владимер(ы)-княс(и) да поубиделсэ —
А приказал Ильюшу отвести во погрёба́ во глубо́кии.
А ведь Ил(и)ю повели в пог(ы)рёба́ да во глубо́кии —
А Ильюшенька идет, не отбиваетци,
А нис(ы)ко́ Ил(и)я да поклоняитци.

А как бы́ла-то у князя у Владимира,
А бы́ла крас(ы)на девица племянница,
А ведь было всё ёй да лет чёты́рнадцать,
А сожалела-й она и да Ильюшеньку.
А спросила всё своих она ро́дныих,
А ведь сделали-ты ей в пог(ы)ребá дорожки подземельныи,
А носила-то ей(и)ства она всякие.
А прошло вре́мёчки с того ведь три году...

№ 261

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

С той земли да с Золотой Орды,
Из того Магазия богатого,
Выезжал Калин-царь да злой Калинович
А ко стольному городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру
Со своёю силою с поганою.
Собиралося тут силы ровно за сто верст
А во все четыре стороны.
А на чём земля да не подо́гнется,
А на чём земля да не расступится.
А от поту-то от конного
И мисяць и солнышко за́мерло,
Не видать луча и света белого.
А от духу от татарьского
Нам, крещеным, не́как живым быть.
Не дошел Калин до Киева семь верст,
Становился Калин у быстрá Непрá,
А садился Калин на стул ременчатый,
А писал ён письма скорописчаты,
Выбирал Калин того татарина,
А который татарин был выше всех,
А мерою был с три сажени,
А голова на ём с питной котел,
А который котел сорока ведёр,
А из мудрости письмо написано:
«Киёв-град возьмем, князя Владимира в полон положим,
Божьи церквы на дым спустим».
Посылал он татарина на́скори,
А садился татарин на добрá коня,

А будет татарин во Киеви,
А середь двора да княженьского,
Соскоцил татарин с добра́ коня,
А не вяжет коня он, не привязыват,
А бежит во гривню во светлую,
Он Спасу-образу не молится
И князю Владимиру да не поклонится,
А киевских людей да он ника́м зовет.
Становился татарин да супротив стола,
А супротив князя да Владимира.
А кидал письмо да он на круглый стол,
Отошел татарин, слово вымолвил:
«Ай же ты, князь Владимир стольнё-киевский,
Ты отдай-ко нам Киев да на́скори
А без того без бою, без драки великою,
Без того напрасного кровопролития».
Владимир-князь да запечалился,
Стал наскоро яр⟨лы⟩ки роспечатывать,
Сам роспечатывать да просматривать.
Глядюцю Владимир-князь да заплакал, свет.
О грехах на ём да очудилосе,
Богатырей во Киёви да не случилосе,
А Калин-царь да под стеной стоит.
В ту пору Василей-пьяница
Он сбежал во башню во стрельнюю,
Взял тугой лук да калену́ стрелу́,
Наводил он трубкамы немецькима,
Где сидит Калин-царь, убить собаку проклятого.
Не попала стрела да в Калина́-царя,
А попала стрела в ёго зятя да Са́ртака,
Угодила стрела да прямо в правой глаз,
А убила зятя она до́ смерти.
Тут Калин-царь да запечалился,
Посылает он дру́гого татарина
А к тому князю да Владимиру,
Чтоб подал ёму да виноватого,
Что убил ёго зятя любимого.
А с той стороны да полудённыя
Ясный сокол напролёт летит,
Белый крыцярь перепархиват —
А бежит да Илья Муромець.
Приезжат Илья да в стольнёй Киев-град,
Посередь двора да княженьского,

А скоцил Илья да со добра́ коня,
А не вяжет коня, ён не привязыват,
А бежит ён во гридню да во светлую,
Помолился он Спасу со Прецистою,
А потом поклонился князю со княгинёю,
А потом на все четыре стороны.
Говорит Илья да таково́ слово:
«Ай же ты, ласковый Владимир-князь,
А что у тебя да за дурак стоит,
А что за болван да неотёсанный?»
Говорит Илья, сам усмехается.
А Владимир-князь подават ёму ярки скорописчаты,
Принимат Илья, сам просматриват.
Говорит тут ласковый Владимир-князь:
«Ай же ты, Илья Муромець да Иванович,
Пособи-ко ты думушку думать великую,
А сдать ли мне Киев-град али не сдать ли мне,
Без того без бою, без драки великоя,
Без того напрасного кровопролития».
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, ласковый Владимир-князь,
А не об чём, государь, тебе печалиться.
Насыпай-ко ты чашу чиста се́ребра,
А другу чашу кра́сна зо́лота,
Третью чашу скатного жемчугу.
Мы поедем с подаркамы с цёстныма
А к тому-то да Калину-царю,
А тот татарин-дурак сведёт нас
Прямо в лагери да в татарские».
Стал справляться Владимир-князь да поваром,
А замазался он в сажу да в котельную.
А садился Илья да на добра́ коня,
А приехали оне да прямо в лагери татарские.
А скоцил Илья да со добра́ коня,
Поклонился Илья да Калину́-царю,
А потом на все четыре стороны.
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, Калин-царь да злой Калинович,
Принимай же наши подарочки чёстные
От великого князя от Владимира,
А дай-ко ты нам сроку на три дня и на три часа,
Нам во Киёви да приуправиться,
Сослужить молебны с панахидами,

Как те служат молебны по ушепшим[1] душам,
Друг с другом нам да распроститися».
Говорит тут Калин-царь да злой Калинович:
«Ай же ты, Илья Муромець Иванович,
Вы подайте мне да виноватого,
Кто убил моёго зятя любимого,
А с тою башни со стрельния».
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, Калин-царь да злой Калинович,
А где нам найти человека тебе отдать?»
Стал Калин-царь принимать да золоту казну,
Золоту казну да несчётную,
Принимат Калин да сам прибраниват.
Тут Илье Муромцу да за беду́ стало́,
Что не дает он сроку на три дня и на три часа.
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, собака Калин-царь,
Отойди-ко ты, собака, да от Киева,
А хошь ли ты, собака, живым быть?»
Тут Калин-царь велел схватить Илью.
И связали Илье да ручки белые,
А во крепкие чёмжуры шелко́вые.
Говорит Илья да таково́ слово́:
«Ай же ты, собака Калин-царь,
Отойди ты, собака, от Киева,
А хошь ли ты, собака, живым быть?»
Тут Калин-царь да плюёт Илью,
А плюёт да в очи ясные:
«А русский люд всегда хвастлив бывat,
А стоит, привязан, будто лысый пес,
Передо мной стоит, а сам хвастает».
Тут Илье Муромцу да за беду стало́,
За беду стало да за великую,
Что Калин-царь плюет да в очи ясные.
А скоцил Илья да в полдерева,
Изорвал чёмжуры на своих плечах,
На своих плечах да могучиих.
Не допустят Илью да до добра коня,
До ладьи-медьи, тяжелой палицы,
А котора палиця была в три тысяци.
А Илья Муромець схватил того татарина,
А которой татарин ездил в Киев-град,
Стал татарином в татар помахивать,

Куды ма́хнет — туды улочки лежат,
В другу сторону пома́хнет — переулочкамы.
Бьет Илья, сам приговариват:
«А крепок татарин да не ломится,
Жиловат, собака, да не оторвется».
Не успел Илья да слово вымолвить,
Отлетела глава да татарская,
Улетела глава да по селу вдаль,
Остальные татары на побег бегут,
А в реках да в болотах утонули все,
А оставили возы и лагери.
Воротился Илья да ко Калин-царю,
А хватил Кали́н на́ да за белы́ ру́ки
А хватил его, сам приговаривает:
«Вас-то мы не бьем да и не вешаем».
А согнул Калин на́ он корчагою,
А здынул Калина выше головы своёй,
А ударил его да о горюч каме́нь,
А разбил его в крохи пирожные,
Остальные татары на побег бегут,
А бегут оны да заклинаются:
«Не дай Бог нам быть да во Киеви,
Не дай Бог да нам люда русского!»

№ 262

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Князь Владимир узнал, что Калин царь идет с войском. До похода Калина-царя Владимир посадил Илью Муромца в погреб (за что, И⟨рина⟩ Л⟨еонтьевна⟩ не помнит. — *Соб.*). Дочь носила Илье есть. Когда Владимир узнал, что идет Калин-царь, он сказал: «Если бы был жив Илья Муромец, то он бы победил». Дочь говорит: «Папа, посмотри, может, он живой». Владимир сказал: «Нет, он уже мертвый, умер с голоду».

Открыли подвал, а он живой. Тогда Илья Муромец позвал на помощь Алёшу Поповича. «Кто победит в борьбе, тот будет старший брат, кто не победит — тот младший брат». Они стали бороться. Илья Муромец победил, он был сильный богатырь, и стал старшим братом, Алёша Попович младшим братом. У Ильи Муромца была палица, как махнет палицей, так все падают замертво. Илья Муромец и Алёша Попович разбили Калина-царя.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ (№ 263)

№ 263

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ

Ай с-под ельничку, с-под березничку,
Из-под часта молодого орешничку
Выходила калика перехожая,
Перехожая калика, переезжая.
У калики костыль — дорог рыбий зуб,
Дорог рыбей зуб да в девяносто пуд.
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Как повыше лесу да стоячаго,
А пониже облачка ходячаго,
Опустилася калика на тыи поля,
На тыи поля на широкия,
На тыи лужка на зеленыи,
Ай о матушку ль о Почай-реку.
Тут стоит ли силушка несметная,
А несметна сила непомерная,
В три часу́ серу́ волку́ да не обска́кати,
В три часу ясну соколу да не обле́тети.
Осередь-то силы той неверныи,
Сидит Ту́рченко́ да богаты́рченко.
Он хвати́л Турку́ да за желты́ кудри,
Опустил Турку́ да о сыру землю.
Говорит калика таково слово:
«Ска́жи, Ту́рченко да́ богатырченко!
Много ль вашей силы соскопилосе,
Куда эта сила снарядиласе?»
Отвечает Турченко да богатырченко:
«Я бы рад сказать, да не могу стерпеть
Не могу стерпеть, да голова болит,
Ай уста мои да запечалились:
Е соро́к царей, сорок царевичев,
Со́рок королей, да королевичев.
Как у кажнаго царя, царевича,
Ай у короля да королевича
Ай по три тьмы силы, по три тысячи.
Снарядиласе уж силушка под Киев-град,
Хочут Киев-град да головней катить,

Добрых молодцо́в стави́ть ширинками,
Ай добры́х коней да табунамы гнать,
Ай живот со града — вон телегамы».
О костыль калика подпирается,
Высоко ль калика поднимается,
Ай повыше лесу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго.
Прискакала каликушка ко городу,
Ай ко славному ко городу ко Киеву,
Она в город шла да не воротамы,
Она прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Становилась калика середь города,
Закричала калика во всю голову,
С теремов вершочки посыпались,
Ай око́ленки да повалялисе,
На столах питья да поплескалисе.
Выходил Олёшенька поповский сын,
Берет па́лицу булатнюю,
Не́ грузну́ю палицу да в девяносто пуд,
Он бьет калику по головушки —
Каликушка стоит не стряхнется,
Его́ желты кудри не сворохнутся.
Выходил Добрынюшка Микитинич,
Как берет Добрынюшка черлёный вяз,
Не грузны́я вяз да в девяносто пуд,
Он бьет калику по головушки —
Каликушка стоит не стряхнется,
Его желты кудри не сворохнутся.
Выходил казак Илья Муромец,
Говорит казак таково слово:
«Уж вы глупы русские бога́тыри!
Пошто бьете калику по головушки?
Еще наб у калики ви́стей спрашивать.
Куда шла калика, а что видела?»
Говорит калика таково слово:
«Уж я шла, калика, по тыим полям,
По тыим полям, по широкиим,
По тыим лужкам по зеленыим,
Ай о матушку ли о Почай-реку.
Уж я видела тут силушку великую,
В три часу волку́ не обска́кати,
В три ясну соколу не обле́тети.

31 Зак. 3427

Осёредки силы великии,
Сидит Турченко-богатырченко:
Я хватил Турку́ за желты кудри,
Опущал Турку́ о сыру землю:
„Скажи, Турченко-богатырченко,
Много ль вашой силы соскопилосе,
Куда эта сила снарядилосе?" —
„Уж бы рад сказать, да не могу стерпеть,
Не могу стерпеть, да голова болит,
Ай уста мои да запечалились"».
Говорит казак таково слово:
«Ай калика перехожая!
А идешь ли с намы во товарищи
Ко тыи́ ли силы ко великии?»
Отвечает калика перехожая
Старому казаку Илью Муромцу:
«Я иду со вамы во товарищи».
Садили́сь богатыри́ на добрых конях:
Во-первых, казак Илья Муромец,
Во-других, Добрынюшка Микитинич.
Оны с города ехали да не воротамы,
Прямо через стену городовую,
Нечто лучшу башню наугольнюю.
Ай калика не осталасе,
О костыль она да подпираласе,
А скочила стену городовую.
Поезжал казак Илья Муромец
Во тую́ ли силу в великую,
Во тую́ и силу правоо́й рукой,
Добрыня Микитинич — левоо́й рукоо́й,
Калика шла середочкой.
Стал он своёю́ дубиною помахивать,
Как куды махнул — дак пала улица,
Отмахивал — переулочок,
Прибили всю силу неверную.
Обращалисе к славному городу,
Ко тому ли городу ко Киеву,
Скакали через стену городовую,
Отдавали честь князю Владимиру:
«Мы прибили силу всю неверную».

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (№ 264, 265)

№ 264

КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ

На нашее село на прекрасное,
На наш-то на славный на Киев-град,
Наежжала видь рать да видь силы великие,
Великии-ка силы поганыех,
Как силушки да ведь смету нет.
А тут во городи да во Киеве
Как были вси бога́тыри ведь дома,
Никакой в отъезде да не был ведь.
Поехали бить силушку татарьскую,
Как били тут Мамая безбожного
Как со своей видь силой великую.
Побили эту рать да ведь силу в трое суточки,
А силу-то поклонили ведь,
А сами-то они да расхвастались:
«Топерь бы мы побили не́столько,
Не́кого у нас да теперь ведь бить.
Была бы она, небесная силушка,
Была бы ёна́ на сырой земли —
Побили бы силушку всих до одного».
Как вдруг идут солдаты да два молодца,
Как тут наехали да и на молодцев,
Пересикли́ двух — стало ведь четверо,
Четверых убили — стало восьмеро,
Как больше, больше и больше-то,
Как бьются они день да другой,
Третий ведь день да видь третью ночь —
Силы тут оказалось и сметы нет.
Как билисе оны да добилисе,
Наконец-то оны заломилисе,
Наконец-то оны закаменели ведь
Да с тымы́ оны с добры́ми коньма́,
Да сделались оны каменьями неподвижныма.
Как все тут бога́тыри решилисе,
Не стало боле видь да бога́тырей
На туёй Руси святорусьскиих.

№ 265

КУДА ДЕВАЛИСЬ БОГАТЫРИ КИЕВСКИЕ

Во Киев-град собирался многие богатыри и насобиралось их большое количество, так что им супротивников на земли не было. Вот они ездили этой партией по всему земному шару. Илья Муромец и Святогор отделились от своих товарищей, поехали отдельно. Святогор так был силен, что его земля едва носила. Ехали оны с Ильей по горам. Доехали до такой до высокой горы, остановились и видят под деревом гроб стоит. Святогор говорит: «Кому этот гроб принадлежит, кому-нибудь из нас. Ну-ка, Илья, ляг, поладится ли тебе гроб?» Илья лег, по Илье гроб широкий и длинный и высокий. «Ну-ко, — говорит, — встань, теперь я лягу, как мне поладится». Святогор лег, гроб как раз в ширину и в длину и в высоту. «Ну-ка закрой крышкой, поладится ли крышка?» Илья клал крышку на гроб, крышка аккурат подошла. Потом Святогор говорит: «Ну-ка, Илья, сними крышку». Илья отвечает: «Я крышки снять никак не могу, закрылась плотно. Ну-ка сам коленом поприжми кверху, помоги мне-ка». Но Святогор уперся сильно, а крышка ничуть не поддалась. Отвечает: «Я не мог поднять крышки, давай-ко бери мой меч и руби крышку». Илья гыт (*говорит*): «Я твоего меча поднять не могу». — «Ну коли не можешь поднять меч, припади к гробу, я те силы прибавлю». Он прикоснулся к гробу, вздохнул в себя и сила его в три раза больше стала. Святогор спрашивает: «Ну-ка, можешь моим мечом владать?» — «Могу», — говорит. — «Ну так руби гроб».

Илья взял меч и по кончу по гробу поперек ударил что было силы. Вместо того, чтобы отрубить конец гроба, оказалась через гроб железная полоса. Илья и говорит ему: «Святогор, не мог я ничего сделать». — «Руби, — гыт, — значит, по другому кончу».

Он ударил по другому кончу — тоже стал железный обруч. Опять говорит Святогору, что ничего я не могу поделать. Отвечает Святогор: «Руби посередке, спополам». Илья опять отвечает: «Вот третий раз ударил — третий обруч стал на середке». Святогор и говорит: «Руби вдоль». Илья размахнулся, ударил вдоль гроба — железная полоса вдоль гроба стала. Илья отвечает: «Я, — говорит, — о четвертый раз ударил — железная полоса стала вдоль гроба, оковал — боле не выйдешь». — «Ну, — гыт, — припади еще к гробу, я еще тебе силы прибавлю, разрубишь гроб».

Ну Илья отвечает: «Мне больше не надоть силы, а то земля с конем уже носить не будет». Илья и гыт: «Прощай, — гыт, — названый братец, уезжаю». А Святогор из гроба Илье: «Меч уноси, а коня не уводи моего». — «Ну, — гыт, — прощай же, уезжаю». — «А ты через сорок сутки гроб огляди, приезжай». Илья уехал и по прошествии сорок суток явился к тому месту. Уже гроб был растоптан конем на щепки, Святогор лежит на поверхность земли уже мертвый. Илья взял, вырыл яму, похоронил его как следует и поехал в Киев-град. А конь неизвестно куда исчез.

Возвратился, значит, в Киев-град. А их товарищи издили, издили, но не могут найти себе супротивника. Выехали на высокую гору, подъехали к краю, чтобы под гору спущаться и остановилися. Остановилися и сами себе говорят: «А нам бы хоть небесная сила повоевать!» Потом смотрят с горы — обширная гладь, равнина. «Давайте, станем-ка спускаться». И спустились к этой равнины. Смотрят вдаль, видят будто вооруженный воин идет на нещо (пеший).

«Давайте подойдемте, что за воин идет?»

Тот воин идет все ближе и ближе. В ихней группы один богатырь Авадон имел вес ⟨триста⟩ пудов. «Дай-ко я разъедусь, хоть раз тюкну». Отделился от товарищей, полетел на воина и ударил с такой силой, что рассек его надвое: с одного сделалось два. Двух перерубил — стало четыре, четырех перерубил — стало восемь, восемь перерубил — стало шешнадцать, шешнадцать перерубил — стало, значит, тридцать два. Потом уж он крикнул своих товарищей: «Силы у меня, — гыт, — ослабевают». Тыи бросились, стало из ⟨тридцати двух⟩ более шестьдесять и так что не рубят — войска перед глазами все больше и больше стало. Им уже хватило всем работы, все прибывало войско, так что вся площадь заполнилась войском. Стали ихны силы ослабевать; как который не станет рубить, захочет гору уехать, подойдет и превратится в камень. А Авадон-богатырь все воюет, не сдавается. Рубить-порушить — стало войска поменьше, дело дошло до одного. Он подходит и говорит: «Ну что, Авадон, навоевался с нечистой силой, еще будете воевать?» Ну, Авадон отвечает: «Больше не буду я воевать ни с кем, не подниму больше оружия ни на кого». — «Дак куда же сейчас ехать?» — «А куда думаю?» — «Говори правду». — «Поеду, — говорит, — земного раю искать». — «А поезжай, — говорит, — поищи». И этот воин потерялся, стал невидимым. Ну он (*Авадон*) и поехал. Подыскал себе товарища и поехали дальше. Неизвестно, близко ли он уехал, а выехали на таки равнины, что шолкова трава лошадям под брюхо. Эту равнину оны проехали, выехали на такое обширное место, что глаза через не хватает. И видит он перед глазами войско идут; вооруженыя все и у людей по одной ноге захвачены, бок о бок поровнялися с Авадоном и говорят: «Не видели богатыря, едет в нашу землю воевать?» — «Нет, — говорят, — не видели». Оны прошли, он опять поехал. Опять такая рать. Спрашивают: «Не видели богатыря, едет в наши земли воевать?» — «Нет, — говорят, — не видели». Он отказался: «Не знаю». Эта рать прошла, он и говорит товарищу: «Вот рать, пойду я положу меч на землю, отстегну, положу да попрошу поднять, что за вояки идут». Подошла эта рать поближе, стала равняться с ними. Он отстегнул меч с кольца и спустил на землю и остановил коня вроде того как будто он уронил его. И обратился к ним: «Добры люди, нельзя ли подать меча, нечаянно как-то уронил меч на землю». Тых два молодчика и отвечают: «Можно подать, для чего нельзя подать, пододим». Подходят к нему два вооруженных воина; один берет ружье с плеча в руку и штыком ткнул меч и на штыку подал ему. Авадон от такого ужасного подавания едва усидел на лошади, чуть не выпал. Эта рать опять прошла, оны вперед и проехали. Отъехали уже порядочно место. Вдруг перед глазами у них оказался — будто стоит стена с железной решоткой и за этой решоткой ходит человек. Остановил он своего товарища, говорит: «Я доеду спрошу у этого человека, куда нам ехать». Подъезжат к этой железной ограды, не поспел еще подъехать, а уж этот человек спрашивает его, именем отчеством называет: «Куда едешь?» — «Да что, — гыт, — скрывать некуда, манить (*обманывать*) не буду. Я еду искать земного раю». А этот человек и говорит: «А знаешь Божью планету?» — «Нет, — гыт, — не знаю». — «А если ты не знаешь Божьей планеты, то тебе не найти земного раю». И превратил его в камень. Товарищ его ждал, ждал, дождаться не мог — поехал сам. Подъезжает к решотке и спрашивает у этого человека: «Не видал ли проезжего всадника на лошади?» — «Видел», — говорит. «А неужели он проехал?» — «А что же тебе его надоть?» — «А как не надоть, как мой товарищ, надо ехать нам с им». Он его опять из каменя превратил по-прежнему. Обратил по-прежнему и говорит: «Авадон, поезжай в свои земли, больше не езди никуда. Если ты не знаешь Божьей планеты, то не найти тебе земного раю». И поехал он, значит, в свои владения. А когда он приехал — состарился, преставился в ряд.

(*Былинка на том и покончилась. Это досюльная былина.*)

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 266—273)

№ 266

О ССОРЕ ИЛЬИ МУРОМЦА СО КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Сделал князь Владимир почестен пир
На князей, на бояр, на русскиих богатырей
И на всю паленицу удалую,
А забыл позвать старого казака Илью Муромца.
Тут Ильюшеньке стало зарко:
Скоро он натянул тугий лук,
Кладывает стрелочку каленую,
Стрелил он тут по Божьим церквам,
По Божьим церквам да по чудным крестам,
По тыим маковкам золоченыим.
Вскричал-то Илья во всю голову,
Во всю голову зынчным голосом:
«Ах вы, голь кабацкая, доброхоты царские!
Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
Обирать-то маковки золоченыя!»
Тут-то пьяницы, голь кабацкая,
Бежат, прискакивают, радуются:
«Ах ты, отец наш, родный батюшка!»
Пошли обирать о царев кабак,
Продавают маковки золоченыя,
Берут золоту казну бессчетную
И начали пить зелена вина.
Видит князь Владимир стольно-киевский,
Что пришла беда неминучая,
Сделал другожды почестен пир
Для того для старого казака Ильи Муромца.
Тут они думу думают,
Кого послать — Илью позвать,
Старого казака Илью Муромца.
Тут-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У них крестамы побраталось,
Кладена была заповедь велика,
Подписи были подписаны —
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.

Приходит Добрыня Никитинич:
«Ай же, братец крестовый названый,
Старый казак Илья Муромец!
У нас кладена заповедь великая,
У нас подписи были подписаны —
Слухать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго,
А дружка за дружку обем стоять».
Тут Ильюша воспроговорит:
«Ай же, братец крестовый названый,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Кабы не ты, никого бы не послухал,
Не пошел бы на почестен пир,
А нельзя закон переступить».
Тут оны сокручилися,
Тут оны снаряжалися,
Пришли тут ко князю ко Владимиру
Во тую во гридню во столовую.
Тут давают Илье место не меньшое,
Давают Илье место большое,
Сажают молодца в большо-угол,
Да несли оны чару зелена вина,
Другую радили к ему меду пьянаго.
Говорит Илья таково слово:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Знал, кого послать меня позвать!
Кабы не братец крестовый названый,
Никого я не послухал бы.
А было намерение наряжено:
Натянуть тугой лук разрывчатый,
А класть стрелочка каленая,
Стрелить во гридню во столовую,
Убить тебя, князя Владимира,
Со стольною княгиной с Опраксией.
А ноне тебя Бог простит
За этую за вину за великую!»

№ 267

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнё-киевской
Ай сделал как задёрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русскиих,
Чтобы всяко званиё да шло́ туды.
А на тот, на тот да на почестный пир,
А к стольнему князю ко Владимиру,
Да забыл он позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А стараго казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть.
И тут-то Илья да роззадорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой ту́гой лук
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
«А что мне, молодцу, буде́ поделати?
А я нынь, молодец, е розгневанной,
А я нынь, молодец, есть роздра́женной».
Как он-то за тым тут повы́думал,
А стрели́л-то́ он тут по Божьи́м церквам,
А по тым стрели́л по чудны́м крестам,
А по тым маковкам да золоченыим.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
«Да ай же вы были, го́ли мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
А обирайте маковки вси золоче́ныи.
А подёмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на царёв кабак,
Как станем нунь пить да зелена́ вина,
Да станем-то пить да заодно́ со мной».
Да как тут-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,

Обирали маковки тыи золочёныи,
Самы оны к ему да прибегают все:
«А батюшко ты да отец наш был!»
А пили тут оны да зелено вино,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-та пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скорым-скоро,
А скорым-скоро́, скоро́-скоре́шенько,
А сделал он, задернул тут почостный пир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями, со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
«А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте:
А нам кого буде́т послать да Илью́ позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А ста́рого казака Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью позвать —
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да названыи,
Дак он-то, бывat, его послушает».
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здравствует он братца да крестоваго:
«А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,
А крестовыи братец мой названыи!»
Да как старыи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
«Ай здравствуй-ко, брат ты мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришол да загулял сюда?» —
«А пришол-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришол да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано,
А пописи были пописаныи
А заповеди да поположоныи.

А слушать-то брату да ме́ньшому,
А меньшому слушать брата бо́льшаго.
Да еще-то как у нас е́сте с тобо́й
А слушать-то брату ведь бо́льшому,
Ай большому слушать брата ме́ньшаго».
Да тут го́ворит Илья таково слово:
«Ах ты, братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то по́писи да были ведь попи́саны,
А заповеди были пополо́жены:
А слушать-то бра́ту ведь меньшому,
А меньшому слушать да большого,
А большому слушать брата меньшаго.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал зде!
Дак послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я названаго,
А тот ли-то князь стольне-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя, братец, же послушаю».
Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старыи казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовыим.
А давают ему тут место не ме́ньшое,
А не меньшое место было — бо́льшое,
А сидят-то их во больш о́й угол,
А во большой угол да за больш о́й-от стол.
Да как налили тут чару зелена вина,
А несли эту чару́ ряд о́м к ему,
А к ста́рому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой
А выпил он чару во единой здох.
А другу́ наливали пива пьянаго.
А несли эту чару ряд о́м к ему,
А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали меду сладкаго,
Да принял молодец тут единой руко́й,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелиси, напились вси, накушались,

Да стали тут оны да вси пьянешеньки.
А стали тут оны вси веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты, князь стольнё-киевской!
А знал-то, послать кого меня позвать,
А послал-то братца ко мне ты крестоваго,
А того-то мни Добрынюшка Никитича,
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послу́хал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А этую вину да ту великую».

№ 268

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

А наежжает тут Ильюшенька да Муромец
А на тот на стольней на Киев-град
К солнышку ко князю да Владимиру
А во ту ли во субботу Христосьскую.
Как не поспел ко обеденке Христосьскиих,
Заходил-то ён да во полатушки,
Как привязал коня да ко столбичку,
Насыпа́л пшоны белояровой,
Как говорит хухарки да горничны:
«Ай же ты, хухарка да горнична,
А где Владимер-князь сто́льнё-киевской?» —
«Владимер-князь у нас сто́льнё-киевской,
Он у обеденки да у Христосьскиих».
Пошел Илюшенька да к обидне ведь.
Так только ведь приходит ко обеденки ко Христосьскиих —
А обидня на отход да пошла-то ведь,
Пошел-то народ да простонароднеи,
Потом иде Владимир-князь как тут сто́льнё-киевской
Как тут с тыми со боярамы,
Он со князьями, со сильными со бога́тырьми,
Идет-то он со Божьёй церквы́.
Стоит-то старый казак на ступенях ведь,

На ступенях он цирько́вных,
Охватился он-то еле ведь
Как о балясы ведь, стоит-то он.
Подходит князь Владимир сто́льнё-киевской,
Как говорит тут ён таковы слова:
«Ай же ты, уда́лой доброй мо́лодець,
Какой ты земли да какой орды?
Какого ты ведь роду да племени?»
Как становился видь да проти́в его,
Стал-то видь у ёго́ да спрашивать:
«Ты коёй земли да коёй орды?
Какого роды ты видь тут племени?
Как тя, молодца, именём зовут
И звеличают тебя по отецеству?
Царь ли ты есь да царевьской сын?
Король видь ты, королевской сын?
С тиха ль Дону да донской казак?
А грозныи ты да лицё лихоимскиих?» —
«А исть ведь я да нунь да старый казак,
Старыих казак Илья Муромець,
Кто пожалует — сын Ивановець». —
«Пожалуйте видь с нами за один-то стол,
Хлеба-соли видь да видь кушати,
Мёдо́вых питьёв да порушати.
Да есьвы ты да саха́рныи,
Кушанья у нас е да медвя́ныи».
Приходит-то Илья да видь свет Иванович,
Заходит-то во гриденку столовую,
Крёст-то ведет по-писа́ному,
Поклон-то видь ведет по-ученому
На вси четыре он да видь сто́роны.
«Садитесь вы, князья да ведь боя́ра,
Тыи ли ведь гости, тыи любимые,
Садитесь сильнии могучии бога́тыри».
Садятся вси оны да во большой уго́л,
Говорит Ильи да Владимир-князь,
Владимир-князь нунь сто́льнё-киевской:
«Извини-тко, гость да заежжиих,
Заежжиих ты гость, да захожиих.
У нас места были призабавлены,
Садись-ко ведь ты за дубовый стол,
За дубовый стол на нижня́й конец».
Как это ведь Ильи не слюбилосе,

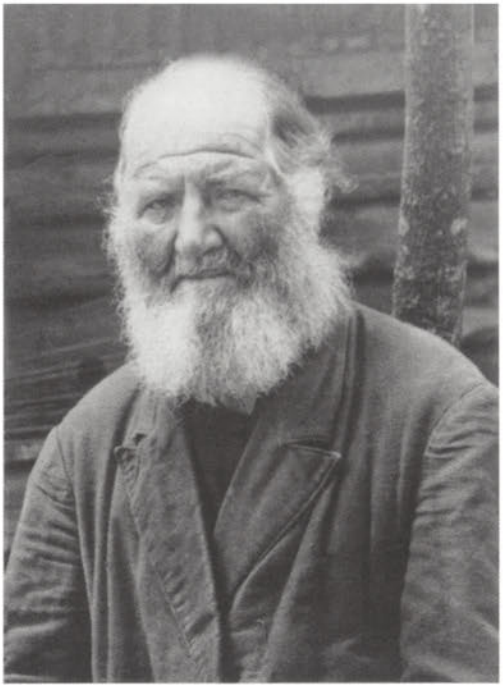
Это ведь Ильи не к лицю пришло.
«Ай же ты ведь, князь сто́льнё-киевской,
Ты ведь ешь-пьешь с воронятами,
Я те не буду исть со воро́намы,
Со воро́намы со поганыма».
Как это видь князьям-то видь да боярам-то,
Сильныим могучиим бога́тырям,
А это им-то ведь не к лицю пришло,
Особину князю да не в разум ведь —
Обнес-то их воронятами.
«Берите-тко два бога́тыря наилучшиих,
Ведите-ко невежу на белой двор,
Секите-ко невежи буйну голову!»
(*На убой!*)
Как повели-то невежу на белой двор,
Как повели невежу по сту́пеням,
Илья прихлопнул их да рукамы-то,
Сбросил ён под ступени ведь.
Как воротилсе назад да ко князю ведь:
«Да князь Владимир-то сто́льнё-киевской,
Давашь-то ты людей да изменчиков,
Не стоят-то оны за Киев-град,
Убежали ёны́ да во город ведь
Как от того от страху от великого».
А князь-то видит тут — нам бида пришла:
«Возьмите вы, цетыре бога́тыря,
Ведите вы невежу на белой двор,
Секите вы невежи буйну голову!»
Выводили со сту́пени парадные,
Илья схватил-то их, всих повыкидал
На той-то ведь на белой двор,
Как воротился опять да назад-то ведь:
«Как ты, Владимир-князь сто́льнё-киевской,
Как у тебя слуги есть пограбители —
Нисколько не стоят да за Киев-град.
Как все у тя были да изменьщики!»
А видит князь-то ведь — да бида пришла,
Бида пришла еще неминучая,
Подтирае ⟨жопу⟩ онучею.
Как воротился князь сто́льнё-киевской:
«Много ли да борцов да ведь находится?
Ведите-тко невежу на белой двор,
Секите-тко невежи буйну голову!»

Как бросились вести его на белой двор,
Только вывели на сту́пени парадные —
Напал-то их на двор да покидывать,
Как будто снопы да овсяные.
Как вси оны да пооткинулись,
Как иной голову да при́колол,
Другой ногу видь да повывернул.
Как тут Илья-то боле не заходит-то
Ко тому ли князю да Владимеру.
Выходил-то ён да на улицю,
Как натянул-то ён ту́гой лук,
Стрелил по маковкам золоченым,
По тым ли ведь по золоченым —
Отлетели маковки злаченые,
Маковки тыи золоченые;
Крицял-то ён да громким да голосом:
«Ай же вы, голи да кабацкии,
Городскии вы да посадские,
Берите вы ищё да ведь маковки,
Маковки ведь вы золоченые,
Снесите-ко мни да сбярайте их».
Как это ведь голей наскакало тут,
Наскакало тут ведь — провороту нет —
Со всего ведь города Киева,
Как обирали маковки злаченые,
Как начали пить ведь пропивать эты́.
Как были кабачки да отво́ряты,
Были питья вси да наставлены,
Поит-то всих го́ляй да кабацькиих,
Как тут ведь в кабачках вина много водится,
Стал-то ён ищё да выдумывать,
Стал-то ён, ищё да князь стольнё-киевской:
«Кого послать-то видь да Илью позвать?
Послать Олёшку Поповича —
Как у того руки загребущие;
Как бы того позвать да Илью-то ведь —
Очень-то был-то он неаккуратныи,
Разорят-то наше государьсво ведь;
Послать-то ведь Чурилу да Плёнкова —
Тому щапить да гулять топерь
С нянькамы ёму́ да со служанкамы,
Да с верьными ёму да погуливать,
Да не позвать Илюшеньки Муромца;

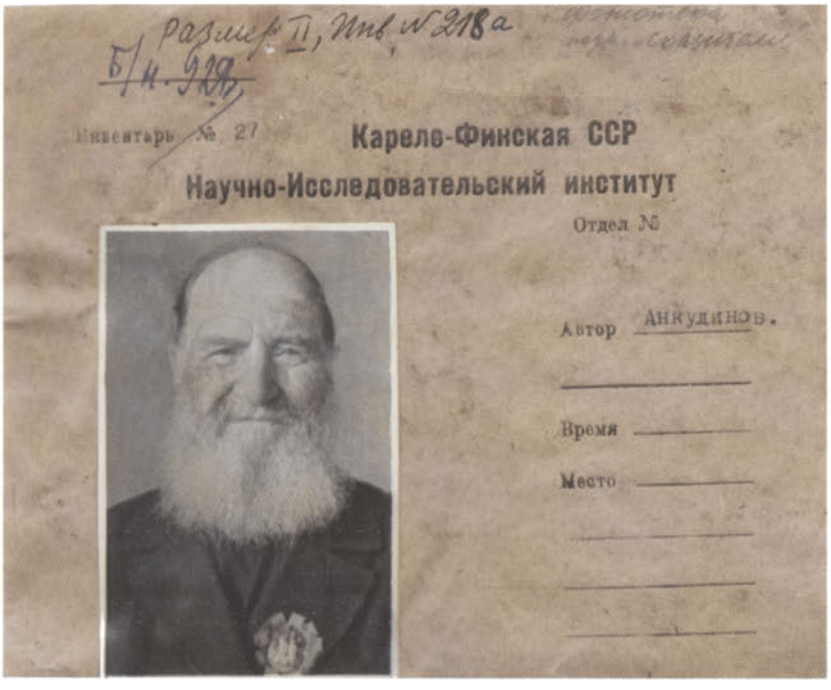
Послать да-ко, послать да Добрынюшка —
Как у ёго́ походка московская,
А ричь у ёго́ да господская,
Как может говорить да с князьямы-то,
Как может говорить со боярамы,
Да может говорить со бога́тырьми,
Да может говорить со Ильюшенькой».
Послали Добрыню Микитинца.
Приходит тут ён да на царёв кабак.
А пьяных голей да ведь смету нет,
А тут едва-то доступился до Ильюшеньки.
Как приходит, Ильи поклоняетсе
До матушке ён до сырой земли:
«Как здравствуй, Илюшенька Муромець
Да со своей дружинушкой хороброей,
Со своими братьями крестовымы,
Со своей дружиной любимою!
Как тут пришел к тоби во большой вины —
Посла не куют да не вяжут-то.
Я пришел посланником верныим.
Просил князь как тут сто́льнё-киевской
Во тыи ли во гости любимые
Со своей дружиной с хороброю,
С своими тут да с товарищми,
Что у тя-то видь при собе топерь,
Как у нас записи да поделаны:
Большему видь брату слушать меньшого,
Меньшему-то брату — большего».
На речи-те да ответу нет.
«Послушай ты, пойдем да во́ гости,
Пожалуйста, прошу да усердно ведь».
Как говорит Илья, воспроговорит:
«Как знал, кого послать, знал, кого позвать,
Послал бы он ведь да как и́ного —
Хотел я натянуть я ведь ту́гой лук,
Стрелить во гридни й ведь во столовые,
Убить-то князя́ ищё со княгиною».
Как тут пошли что да во гости-то.
Идут тут голе да посадские —
Вси воро́тця были да отворены,
Как вси заходы были налажены,
А столиков-то было да смету нет
Как тут да шли во гридни столовые,

Полным-полна была да полатушка,
Ище сколько было видь да на улице.
Как садится Илюшенька Муромець
Во это ведь место во большее,
Говорит Илья таковы слова:
«Ай же Владимир-князь да сто́льнё-киевский,
Давай-ка мне ищё, да пожалуйста,
Вина видь по тых гостей-то ведь,
Тых гостей да посадскиих!»
А у князя-то видь да жалко ведь.
Бежал Илья во по́гребы глубокие
Как выкида́л ведь бочку соро́к ведёр,
Другу бочку ен да выкатывал,
Выкатил ён да на улицю.
Как стали пить видь да бочку ведь,
Выпили всю да другу-ту пьют.
Как много ведь голей принапилоси,
Много видь голей поподохнуло.
Как закрыцял Илья громким голосом:
«Все ли, голи, вы принапилисе?
Все ли, голи, вы припоилисе?»
Как было из голей таковых людей:
«Да нам-то нужно, мало — да хватило ведь».
Как князь бежал в погреба глубокие,
Закрыцял ведь князь да Владимер сто́льнё-киевской:
«Запярайте ставни великие,
Замыкайте ставни великие.
Замыкайте дубьямы-колодьямы,
Чтоб оттуль не повышел ведь».
За ты ли как ставни призаперли
Тут ведь дубьямы-колодьямы —
Оттуль-то вытти нельзя было́.
Остался во погребах глубокиих
За тыма замкамы да крепкима.

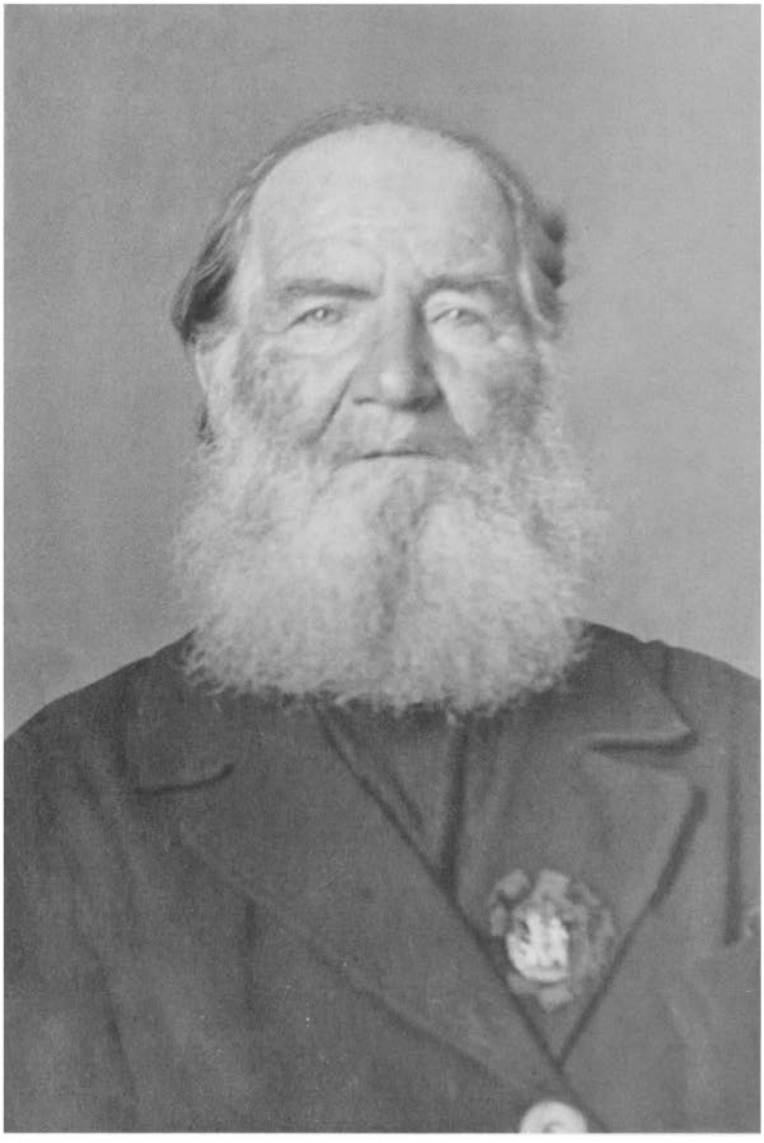
(*Годов двадцать сидел до войны. Война началась, так его выпустили. Племянница Владимира тайком носила пищу.*)

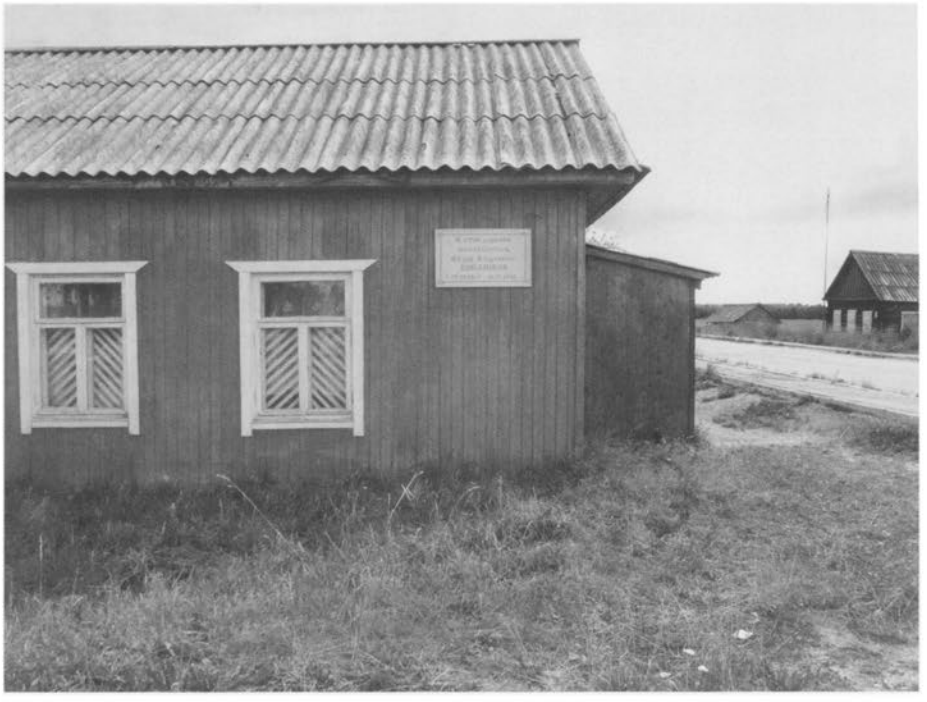
1. Федор Андреевич Конашков.

2. Пропуск Ф. А. Конашкова в Научно-исследовательский институт Карело-Финской ССР.

3. Федор Андреевич Конашков.

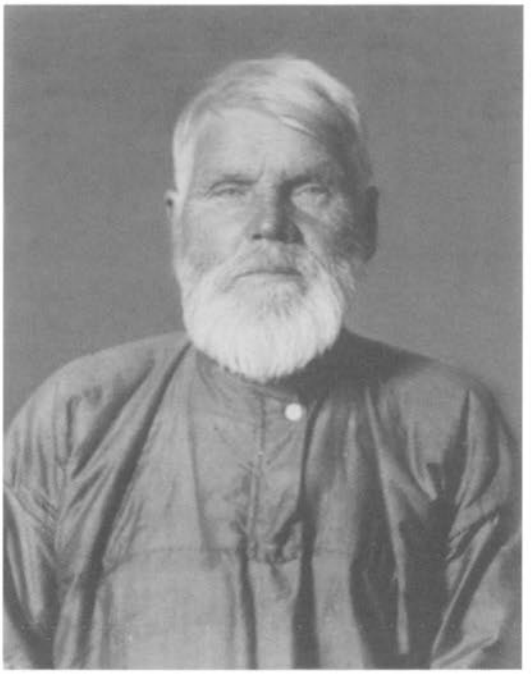
4. Мемориальная доска в д. Семеново, где родился и жил Ф. А. Конашков.
Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

5. Мемориальная доска в д. Семеново, где родился и жил Ф. А. Конашков (крупный план).
Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

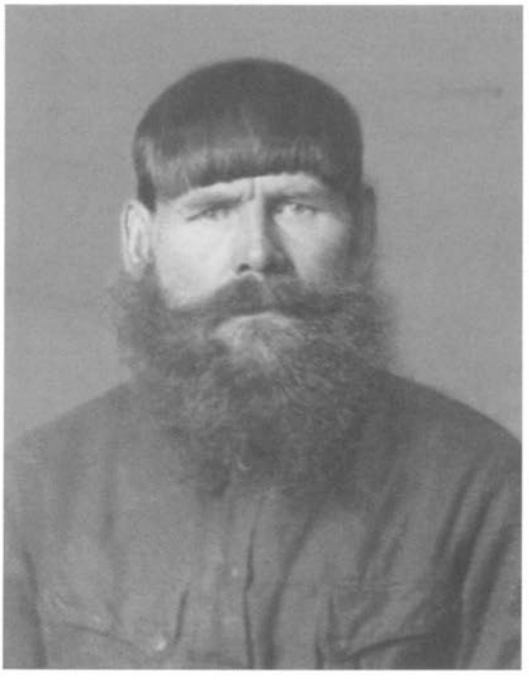
6. Александра Тимофеевна Конашкова.

7. Дмитрий Михайлович Ефимов.

8. Анастасия Леонтьевна Фадеева.
С рисунка Г. А. Стронка.

9. Михаил Андреевич Павков.

10. Анна Михайловна Пашкова.

11. Анна Михайловна Пашкова.
С рисунка Г. А. Стронка.

12. Дом на месте избы А. М. Пашковой в д. Семеново. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

13. Семеново — родная деревня сказителя Ф. А. Конашкова.
Фотография Е. Белякова. 2011 г.

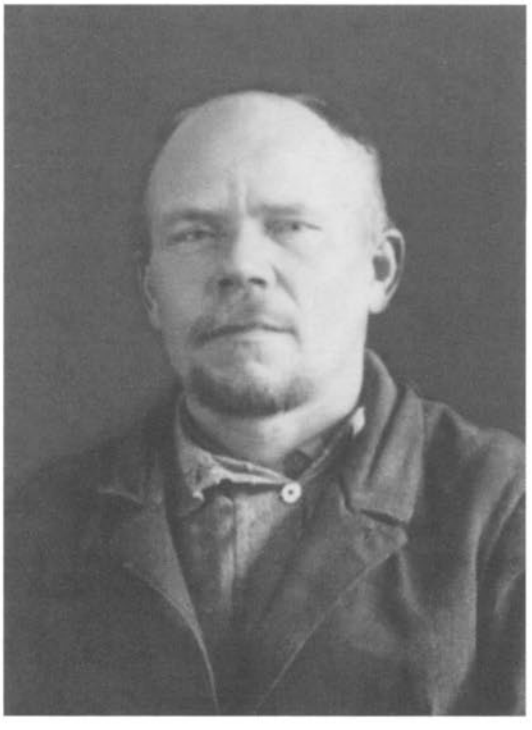
14. Деревня Римское. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

15. Иван Терентьевич Фофанов.
С рисунка Г. А. Стронка.

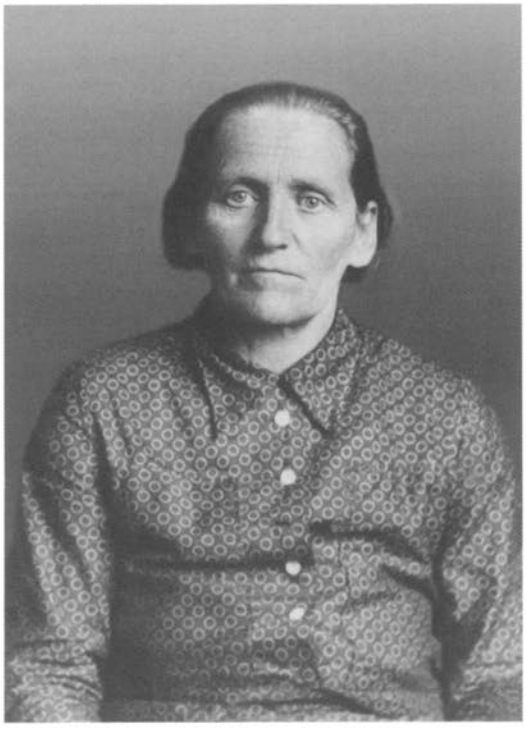
16. Ефимия (Офимья) Ивановна Фофанова.

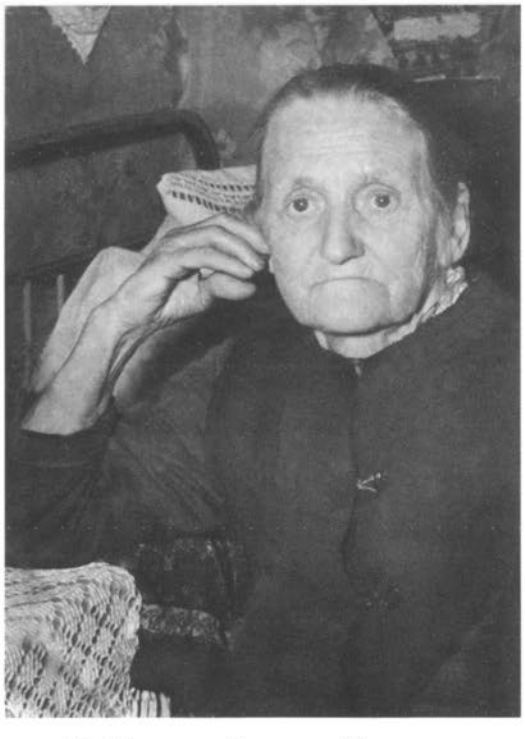
17. Никифор Васильевич Кигачев.
Фотография 1930—1940-х гг.

18. Никифор Васильевич Кигачев.
С рисунка Г. А. Стронка.

19. Екатерина Семеновна Журавлева.

20. Екатерина Семеновна Журавлева.
Фотография из семейного архива
семьи Журавлевых—Насонковых.

21. Всекарельское совещание сказителей и мастеров изобразительного искусства. 25—30 мая 1939 г. Фотография из семейного архива Журавлевых—Насонковых (передано фольклористом И. В. Козловой).

22. Никита Антонович Ремизов. С рисунка Г. А. Стронка.

23. Иван Никитич Ремизов.
Фотография В. П. Кузнецовой. 1980 г.

24. Мария Ивановна Ремизова.
Фотография В. П. Кузнецовой. 1980 г.

25. Иван Никитич и Мария Ивановна Ремизовы.
Фотография В. П. Кузнецовой. 1979 г.

26. В д. Ярчево. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

27. Дом в д. Пяльма. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

28. Приходская церковь в д. Бураково и алтарь, поставленный местными жителями. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

29. Надгробие Н. А. Ремизова (Ремезова)
на кладбище д. Бураково.
Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

30. Надгробие К. Е. Ремизовой (Ремезовой)
на кладбище д. Бураково.
Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

31. Погост д. Бураково.
Фотография М. Д. Алексеевского. 2011 г.

№ 269

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

А ведь как во го́роди да во Киеви
А ведь у князя ли у Владимера
Был ли собран-то у него как поцестной пир,
А ведь приглашёны одны сильнии могуции бога́тыри.
А дождал ли то цести Ильюшенька,
А обнесли-то да Ильюшеньку,
А Илью-то впереди на пер-то не по́звали.
А ведь Ильюшеньки-то, ему, да зако́снулоси —
Ведь ихней пер Ильи-то да не по разуму:
«А ведь пойду ли я да средь города,
Проведу я пер во весельици».
А ведь и сел ли Илья да середи города,
А закрицял ли Илья по-богатырьскому —
А ведь окольници во гради поломалисе,
А терема-то во Ки́ёви да пошаталисе;
А второй раз крыкнул-то,
А он крыкнул своим голосом богатырьскиим:
«Яй же вы, да голюшки кабацькии,
А городскии вы голи, да посадскии,
А ведь собирайтесь-ко да среди города,
А среди города да вы на главну́ю на улицю!
А у меня ведь открыт для вас да поце́стной пир.
А и все пожалуйте, голи, без стисненьиця!
А ведь и я буду ли из туга́ лука́ постреливать!»
А натянул Илюшенька тетивку-то шелко́ву потягошенько,
А понаправил ён стрелоцьки прямёшенько,
А наця́л Илья маковки пощипывать,
А Илья наця́л маковки пощелкивать,
А ведь и стреламы те́ма по Киеву каленыма.
А ведь у того ли у князя у Владимера
А набралосе к ёму́ да дорогих гостей,
А дорогих ли гостей, да все опо́роцьников.
«Уж вы, голи мои, голи да кабацькии,
А городски вы голюшки, посадскии,
И вы таскайти золотыи да маковки
А вы же князя вы да Владимира,
А пропивайте на ви́на на разные,
А пропивайте на наливоцьки на сладкии!»
А тут Илья на ту с⟨ы⟩лаву на великую,

32 Зак. 3427

А на тую похвальбу на знаменитую,
А пробралось на Ильюшин пир побольше-ту,
А побольше, что у князя у Владимера;
А наця́ли таскать трое день с утра ёны́ до вецера,
А пропивали золотые да маковки.
А ведь ты ли пришла ноцька темная:
А не разбираютсе голи кабацькие,
А ведь пьют ли, гуляют целы сутоцьки.
А ведь наступил-то да второй-то день,
А ведь ты голи кабацькии не убавле́итсе,
А вдвое, втрое их да ведь являетсе.
А говорит ли князь Владимер сто́льнё-киеський:
«Вы ведь, не тот нам пир-то, не на пользу ведь,
А на такую ён беду нам на великую!
А разобьют нашу полату белокаменну.
Ай вы, сильнии могуци бога́тыри,
А вы идите-ко да упросити-ко,
А упросите-ко вы да Ильюшеньку!»
Ведь среди-ко их а никто нейде́:
Как тут ста́ршой ту́литсе за среднего,
А от меньшего да князю ответу нет.
А наця́ли просить Добрынюшку Микитиця,
А ведь и тот-то ни был да похрабря́е всих,
А похрабря́е он всих да посмиля́е он всих.
«А как пойду я просить брата да подкрестового?
А ведь не смею зайти да я ведь с лиця,
А пойду я ведь с заду, захвацю плеця́».
А как захватил за пле́цька за могуции,
А как говорит Добрыня да таковы слова:
«А ведь прости меня, да хрестовой брат!
А я пришол просить ко князю ко Владимеру:
Он извеняетсе, князь, прощаетсе,
А что ведь тебе не пре́дложил,
А не по́звал тибя за дорога́ гостя́,
А хотел он после позвать, — да за бесцесье клал!»
А обернулсе-то да Ильюшенька:
«А ведь если бы ты спереду зашел, да крестовой брат,
То убил бы я тибя да и сразу-то,
А и тут ведь Ильюшеньку приутешил ведь». —
«А усмирись-ко, Илья, не разоряй цяря!
А ведь и оны вси да перепалисе.
А разобьешь ты полату белокаменну,
А ни прощу тибя я, Добрынюшка». —

«А уж вы, голи, вы голи кабацькии,
А допивайте-ко да продавайте-ко,
А ведь боле я не буду прибавлять-то да маковок!»
А ведь тут-то голи да кабацькии
А разделили, что лежало-то по городу.
(*Маковки-то разделил.*)

№ 270

БЫЛИНА ПРО ИЛЬЮ-БОГАТЫРЯ

Как у князя, у Владимира
Велся, продолжался пир с богатырьмы.
Как Ильюшеньки на пир не позвали.
Как Ильюшенька открывал свой почестный пир —
Изобрал место среди города, среди Киева
Что не лучшее, да самолучшее,
На главной на площади,
Как у теремов златоверхиих,
Ведь у князя-то у Владимира.
Как крыкнул Илья
Своим голосом богатырскиим,
Созывал дорогих гостей:
«Голи, голи да кабацкие,
Городские голи, да посадские,
Собирайтесь-ко, приходите-ко
Ко Илюшеньки на почестный пир».
Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пир,
Среди города, среди Киева,
На главной да на площади,
У теремов златоверхиих, у князя Владимира».
Тогда Илюшенька да натягивал
Тетивку ту шелковую потугешенько
И направлял стрелочки калёные прямешенько,
Спускал по теремам златоверхиим к князю Владимиру.
У князя у Владимира по теремам златоверхиим
Были подвешаны маковки шелковые.
И спускал Илья стрелочки калёные по маковкам шелковыим.
И маковки шелковыи сыпались на сыру землю,
Как мелкие воробушки.
Как дорогие гости Ильюшины
Собирали маковки шелковыи,

Носили в лавочки торговыи,
Оттуль таскали напиточки спиртовыи.
И сидят, пируют на главной на площади,
У князя Владимира, у теремов златоверхиих,
Поют песенки ты разные,
Ёна разны песенки да разважныи,
Да ни днем, да ни ночью утиху нет.
Как у князя-то у Владимира
Пер с богатырями прекращается,
А у Ильюшеньки пер с дорогима гостяма
Вперед продолжается.
Тут Владимир-князь да скручинился —
Разобьет Илья терема златоверхии,
Выщиплет все маковки шелковыи
По городу, по Киеву.
Стал просить сильных могучих бога́тырей:
«Как сходите-ко, Ильюшеньку уговорите-ко,
Чтобы не спускал стрелочек калёныих,
Не разбивал бы моих теремов златоверхиих».
Как богатыри да отказалися:
«Мы не смеем итти да Илью уговаривать,
Спустит в нас Илья стрелочку калёную».
Стал просить Владимир да Добрынюшку:
«Ты, Добрынюшка, да смеляе всех,
Ты сходи-ко Ильюшеньку поуговаривай».
Да пошел Добрынюшка Ильюшеньку уговаривать.
Да идет Добрыня да думает:
«Если мне да спереди зайти,
То спустит в меня Илья стрелочку калёную».
Зашел Добрынюшка сзаду ведь.
Пал Ильи Добрыня на плечика, на могучия:
«Здравствуй-ка, мой крестовый брат,
Владимир-князь меня да за тобой послал».
Стал Добрыня Ильюшку уговаривать.
Да говорит Ильюшеньке:
«Ай же ты, мой крестовый брат,
Знал же ты, да откуль зайти.
Если спереду бы зашел,
Я спустил бы в тебя стрелочку калёную».
Уговорил Добрыня Ильюшеньку,
И повел к князю ко Владимиру.
Дороги гости Ильюшины
Недовольны да остались.
На тым былина и покончилась.

№ 271

ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

А как во стольноем во городе во Киёви,
А ведь у князя у Владимера,
А велся-продолжалсе княжецкий пер,
А с сильныма могучима бога́тырьма,
А Ильюшеньки на пер да не по́звали,
Открывал Ильюша свой почесный пер,
Позабрал местецько што не лучшее,
Что не лучшое место, самолучшее,
Среди города да среди Киева,
На удобной да ён на площади,
У теремов-то он да златоверхиих,
Да у князя-то да у Владимера.
Крыкнул ⟨Ильюша⟩ голосом своим он богатырскиим:
«Уж вы, голи, голи вы кабацькие,
Гороцкии голи вы, посацкии,
Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньке да на чесный пер!»
Как у Ильюшеньки ведется свой почесный пер,
Среди города да среди Киева,
На удобной-то да на площади,
У теремов да златоверхиих,
Как у князя да у Владимера,
Тут же Ильюшенька как натягивал тетивку он шолко́вую,
Как натягивал тетивку потугешенько,
Направлял он стрелоцьки калёныи прямешенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки калёныи,
А спускал он князю-то Владимеру
По теремам ему-то златоверхиим.
Как у князя-то да у Владимера
Как по городу да по Киеву
А на теремах да златоверхиих
Были маковки шелко́выи подвешены.
Спускал Ильюша стрелоцьки да калёныи,
А по маковкам спускал да по шолковыим,
А [как золоченыи] маковки-то шолковыи
Скатилисе оне да на сыру́ землю,
Как ведь мелкии-то воробушки.
Дороги гости да Ильюшины
Собёрали оны маковки шолковые,

Носили в лавоцьки оны торговыи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовыи.
А сидят пируют-то оны да проклаждаютце,
А поют ёны песенки да разные,
[Поют] оны песни разные разважныи,
Как не днем-то, не ночью да утиха нет.
Как у князя-то да у Владимера
Пер с богатырьма да прекращаетце,
А у Ильюши вперед да продолжаетце.
Тут Владимер-князь скручинилсе,
Тут Владимер-князь да спечалилсе:
«Разобьет Илья по городу по Киеву
Все он терема разобьет златоверхии,
Вышиплет все маковки золоченыи,
Золоченыи маковки да шелковые!»
Стал просить Владимир-князь
Сильныих могуциих богатырей:
«Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
Штобы не спускал Илья стрелоцек калёныих,
Не щипал бы Илья маковок шолковыих».
Как богатыри от князя отказалисе:
«Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
Спустит в нас Илья стрелоцьки калёныи».
Стал Владимер-князь просить-то Добрынюшку,
Как ведь был-то Добрыня посильнее всих.
Как пошол Добрыня Ильюшу уговаривать.
Да идет Добрынюшка да думает:
«Если мне-то мне-ка-ва да спереду зайти,
То спустит в меня Илья стрелоцку калёную».
Вот зашол Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюши на плеци ведь:
«Здраствуй же, мой да крестовой брат,
Как Владимер-князь за тобой послал».
Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то видь да Ильюшенька:
«Ай же ты, да мой крестовой брат,
Знал же ты, да откуль зайти:
Если зашол-то бы спереду,
То пустил бы в тебя стрелоцьку калёную!»
Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимеру,
Дороги гости до Ильюшеньки недовольныи-то ведь осталисе.
Тым былинка на то покончилась.

№ 272

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Во том городе во Киеве
У ласкового князя у Владимера
Пированицо да был почéстен пир.
Зазывал Владимер стольне-киевский
А князей-бояр он киевских,
Да всех русскиих могучиих богатырей,
Поляниц-то он всех удалыих,
Не позвал Владимер стольне-киевский
А старóго казакá Ильи Муромца
А на тот ли на почестен пир.
Рассердился Илья да порозгневался,
Выходил он на широкий двор,
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Калёны стрелы́ да он налаживал,
Он начал по городу похаживать,
Он начал по Киеву погуливать,
На Божьи́ церквы́ да постреливать,
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
С колоколов языки́-то он повыдергал.
Заходил Илья в дома питейные,
Говорил Илья да таковы слова:
«Выходите-ко, голи кабацкие,
А на ту на площадь на стрелецкую,
Подбирайте маковки да золоченые,
Подбирайте вы кресты серебряны,
А несите-ко в дома питейные,
Продавайте вы да сребро-золото,
Покупайте бочки зелена вина,
А другие бочки пива пьяного,
А третьи бочки меда сладкого».
А тута голюшки кабацкие
Скорым-скоро́ с домов питейныих,
Подбирали они да сребра-золота,
Продавали да во дома питейные,
А выкатали бочки зелена вина,
Да другие бочки пива пьяного,
А и третьи бочки меда сладкого.
А Илья Муромец да сын Иванович

Закричал-то он да громким голосом:
«Уж вы, пьяницы да вы пропоицы,
Собирайтесь-ко на площадь на стрелецкую,
Собирайтесь, мещана вы стрелецкия,
Мужички собирайтесь деревенския,
Вы лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины,
Приходите-тко к Ильи да на почестный пир,
Кормить-то буду я вас досыта,
А поить-то буду я вас допьяна».
Тут съезжалися да собиралися
А все пьяницы да все пропоицы,
Все мещана тут да стрелецкии,
Мужички-то все да деревенскии,
Все лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины
К Ильи Муромцу да на почестный пир.
Илья Муромец да сын Иванович
Он ковшом стоит вино размириват.
Услыхали слуги княженецкие,
Они бежат в палаты белокаменны,
Говорят князю да Владимеру:
«Уж ты, солнышко Владимер стольне-киевский,
Уж ты ешь да пьешь да наслаждаешься,
А над Киевом невзгодушки не ведаешь,
А старой казак да Илья Муромец
Расходился он да роскуражился,
С церквей кресты да он повыломал,
Золотые маковки да он повыстрелял,
С колоко́лов языки да он повыдергал,
А на площадь бочки с ви́ном выкатил,
Угощает он да голь кабацкую,
Бедноту он всю да деревенскую».
Тут Владимер князь да стольно-киевский
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
А соболью шапочку да на одно ушко,
Брал он трубочку да и подзорную,
Выходил на выходы высокие,
Посмотрел на площадь на стрелецкую —
Там Илья с беднотой да угощается.
Говорит Владимер стольно-киевский:
«Вы, князья мои да бояровья,
Думу думайте, совет советуйте,

Как унять Илью да усовестить,
Как позвать его на почестен пир,
Самому-то мне идти да не хочется,
А княгиню послать да непристойно есть,
Нам кого послать да зазывальщиком?»
Говорят князья да и бояровья:
«А пошлем мы Ваську Долгополого».
Скочил тут Васька с-за стола дубового
И побежал к каза́ку Ильи Муромцу.
Говорит Васька таковы слова:
«Илья Муромец да сын Иванович,
Я от князя ли да от Владимера
Пришел посланником да зазывальщиком,
А пойдем-ка ты да на почестен пир».
Говорит казак да Илья Муромец:
«Уж ты, Васька Долгополый есь,
А выпивай-ко чару зелена вина».
А Долгополый Васька того же рад.
Илья Муромец да сын Иванович
Наливает ему чару зелена вина,
А не малу сто́пу — полтора ведра,
Она весит весом полтора́ пуда́.
А берет-то Васька едино́й рукой,
Выпивает чару на единый дух.
Тут-то Васька раскуражился,
К Илье Муромцу да он подлащился:
«Илья Муромец да сын Иванович,
У тебя есть вино хорошоё,
Я выпил чарочку, по другой душа горит».
Наливал тут Илья Муромец
Другу чару зелена вина,
Разводил меда́ми он стоялыми,
Подносил он Ваське Долгополому.
Берет тут Васька едино́й рукой,
Выпивает чару на единый дух,
Как он выпил чару, тут он встать не мог.
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай вы гой еси, голи кабацкие,
Вы возьмите Ваську за белы руки,
За белы руки да вы под пазухи,
Проведите Ваську вы по Киеву,
Доведите до двора да княженецкого,
Чтобы киевляне над Васькой не смеялися».

Тута голюшки кабацкии
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василья да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
Отпустили Ваську и в обрат пошли.
А то Васька ли да Долгополый есь
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«А пошлем-ко мы да зазывальщика,
Того Олёшеньку да Поповича».
Тут Олёшенька да одевается,
Зазывальщиком да отправляется
На почестен пир да ко Владимеру
Зазывать он русского богатыря,
Старого казака́ Илью Муромца.
Говорит Олёшенька поповский сын:
«А не честь-хвала да молодецкая
Сидеть русскому могучему богатырю
С голь кабацкою да с нищетой бедняцкою,
А пойдем-ко ты да на почестный пир
Ко солнышку ко князю ко Владимеру».
Рассердился Илья да поразгневался,
Скочил Илья да на резвы ноги:
«Ах ты гой еси, нахал, собака поповская,
Не тебе меня учить да указывать».
Как ударил его в плечи богатырские
Да и раз, другой да и во третиих —
Присогнулся Олёша, поскоробился,
Будто пьяный напился на честном пиру.
Как приходит он ко князю ко Владимеру,
Говорит ему да таковы слова:
«Угостил меня Илья да наиспашечку,
До двора до княженецкого едва допутался».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты гой еси, Чурилушка да Пленкович,
Сослужи-ко князю службу верную,
Сходи-тко ты да зазывальщиком,
Зови того каза́ка Ильи Муромца
А на мой ли княженецкий пир».
Тут Чурилушко скорым скорешенько
Одевается да снаряжается,

Одевал рубашечки-манишечки,
Надушился он да напомадился,
В дороженьку да он отправился.
Как идет Чурило он по Киеву,
Завернул в переулок Маринкиной,
Со девицами да призабавился,
С молодицами да призабавился,
Позабыл про князя про Владимира.
А Владимир-князь да стольно-киевский
По палаты ходит, поджимается —
Он Илью с Чурилой дожидается;
День ко вечеру да двига́ется,
А Чурила с Ильей не возвращается.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ах ты гой еси, Добрынюшка Никитинич,
Сослужи-тко ты мне службу верную,
Службу верную да неизменную,
А сходи-тко да зазывальщиком
Ты к старому каза́ку Ильи Муромцу,
Зови-тко ты его да на почестен пир».
Тут Добрынюшка свет Никитинич
Не одел он шубоньку соболию,
Не одел он шапоньку пуховую,
Он скорым-скоро да поскорёхоньку
Бежит по городу по Киеву
Как на ту на площадь на стрелецкую,
Отстоялся он да пораздумался:
«Мне с коёй зайти да сторонушки
К своему ли братцу подкрестовому,
К старому каза́ку Ильи Муромцу?»
Сидит Илья Муромец да сын Иванович
За столом сидит да за дощатыим,
За дощатыим столом да скородельныим,
А сидят тута да кругом около,
Сидят пьяницы да и пропоицы,
Сидят голюшки да все кабацкии,
А крестьяне сидят да деревенскии,
На столах-то их да скородельныих
Много яствушок у них сахарниих,
Наедаются да они досыта,
Напиваются да они допьяна.
Тут Добрынюшка да свет Никитинич
Подходил к столам да поскорешенько,

Говорил он речь да потихошенько:
«А здравствуешь ли, братец подкрестовыи,
Ты мой старший брат да Илья Муромец,
Я к тебе пришел от князя от Владимера,
Пойдем-ко мы да на почестен пир».
Говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
«Если б был ты не братец подкрестовыи,
Угостил бы я тебя, как Олёшку Поповича.
А садись-ко с нами за столы скородельныи,
А во-первыи сделал я почестен пир,
Не зазывал на пир я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всех голей-то я кабацкиих».
Тут садился Добрынюшка Никитинич
А за те столы да скородельныи,
Досыта они да наедаются,
Допьяна они да напиваются,
Ко Владимиру итти да не торопятся.
Говорит тут старой каза́к да Илья Муромец:
«Двор мне княженецкий не нужон,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус».

№ 273

ПРО ИЛЬЮ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

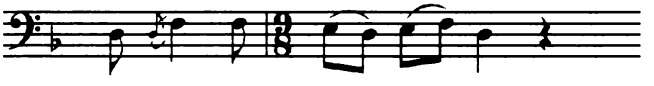
2. А (в)у к(ы) - ня - зя - то да у Вла - ди - ме - ра

3. А вёл - са -

- про - дол - жал - са - то

да кня - же - нец - кий пер

4. А с силь - ни - ма

мо - гу - ци - ма

да со бо - га - ты - р(и) - мы.

5. Как Иль - ю - шень - ки

на пе - р(ы) - то

и да не по - з(ы) - ва - ли.

6. От - кры - вал - то ведь

Иль - ю - шень - ка

да свой по - це - с(ы) - но - й(и) пер,

7. Как и - зо - брал он

мис - теч - ка - то

да што не луч - шо - ё,

8. А что-й он не луч - шо мес - то

вы - брал, са - мо - луч - шо - ё

9. Сре - ди го - ро - да да сре - ди Ки - ё - ва.

10. А у кня - зя всё ж да у Вла - ди - ме - ра,

11. Как у нё - го есь

те - рё - мов да зла - то - ве-р(и)-хи - их.

12. А крык - нул И-л(и)-я

го - ло-сом

сво - им да бо-га - ты-р(и)-ски - им:

13. "А го - ли, го - ли да ка - баць - ки - и,

14. А го - род - ски - и го - ли да по - сад - ски - и,

15. А при - хо - ди - те - тко да со - бё - рай - тесь - ко

16. А к Иль - ю - шень - ки

да вы на по - чё - с(ы) - но - й(и) пер!"

17. (В)у Иль - ю - шень - ки

ве - дёт - це - то

да свой по - чё - с(ы) - но - й(и) пер

18. Как сре - ди го - ро - да да сре - ди Ки - ё - ва

19. А-й на у - доб - ной -то да ведь на пло - ща - ди.
20. Как у кня - зя -то да у Вла - ди - ме - ра
21. А-й у те - рё - мов -
- то ведь да зла - то - ве - р(и)-хи - их...
♪ = 214
22. А не днем - то,
не но - ч(и) - ю
да у - ти - ху нет.
23. Как у кня - зя -то [да] у Вла - ди - ме - ра

33 Зак. 3427

24. Пер - то

с бо - га - ты - ря - мы - то

да при - кро - ща - (л)ит - цэ,

25. А у Иль - ю - ши пер да

с до - ро - ги - ма

го - стя - мы

впе - рёд да про - дол - жа - ит - цэ.

26. А тут Вла - ди - мер кня - с(и)да вскру - чи - ни - л(ы) - сэ,

27. Тут Вла - ди - мер - кня - с(и)

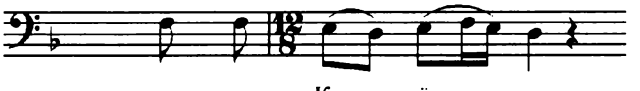
да ведь вспе - ча - лил - сэ:

28. "Што ро - зо - бьет Иль - я

[по го - ро - ду]

да по Ки - ё - ву

29. А ро - зо - бьет все -

-ты те - рё - ма

у м(ы) - ня да зла - то - ве - р(и) - хи - и,

30. А вы - ще - пет

вси ма - ков - ки

да зо - ло - чё - ны - и,

31. Зо - ло - чё - ны - и

ма - ков - ки

да-й он шол - ко - вы - и!"

32. Как на - чал - то ве - т(и)

да Вла - ди - ме - р(ы) - князь

33. А про - сить силь - ни - их

мо - гу - чи - их

да бо - га - ты - рей:

34. "Как схо - ди - те - ко,

Иль - ю - шень - ку

у - го - во - ри - те - ко,

35. Што - бы

не спу - скал Иль - я стре - лу - чок ка - лё - ны - их,

36. А не ще - па - л(ы) бы ма - ко - вык

тут да шол - ко - вы - их".

37. А бо - га - ты - ри -ты

от кня - зя от - ка - за - ли - се:

38. "Как не сми - ём мы

ид - ти

Иль - ю - ши у - го - ва - ри - вать -

39. А спу - стит в нас Иль - я

стре - лоч - ки

ды ведь ка - лё - ны - и".

40. А на - чал Вла - ди - мер - кня - с(и)

- то про - си - ти да Доб - ры - ню - шку,

41. А был - то ведь

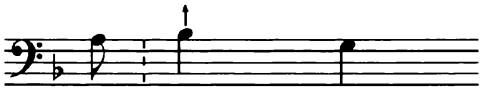
Доб - ры - ня - та

да по - сми - ля - е всех -

42. А-й по - шёл - то

Доб - ры - ня

Иль - ю - шки (в)у - го - ва - ри - вать,

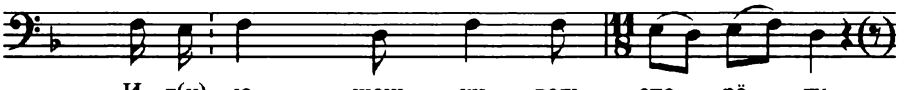
43. А и - де Доб - ры - ню-шка

и да ду - - ма - ет:

44. "Е - сли м(ы) - не за - йти

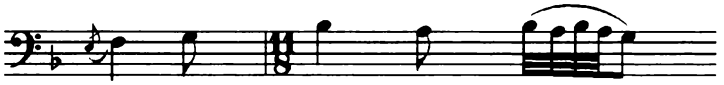
И - л(и) - ю - шень - ки ведь спе - рё - ду,

45. То ведь спу - стит мне И - л(и) - я

стре - лоч - ки ка - лё - ны - и".

46. А за - шё - л(ы) - то

Доб - ры - ня да сза - ду ведь,

47. А пал - то

Иль - ю - ше

Доб - ры - ня

на плеч - ка на мо - гу - чи - и:

48. "А здра[в] - ст(ы) - вуй - ко,

да мой к(ы) - рёс - то - во - й(и) брат

49. Как Вла - ди - мер - князь

ме - ня да за то - бо - й(и) по - с(ы) - лал".

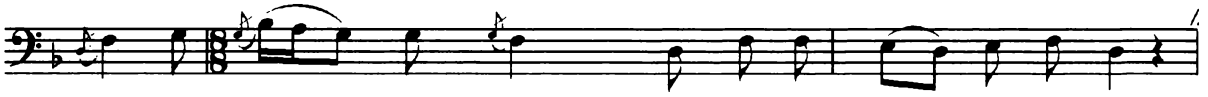
50. 'Ак стал – то

Доб - ры - ня

Иль - юш - ку (в)у - го - ва - ри - вать.

51. Го - во - рил - то ве - т(и) да Иль - ю - ше - н(и) - ка:

52. "Ай ды ведь ты, да мой крёс - то - во - й(и) брат!

53. А знал жо ты,

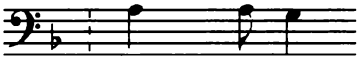
как ведь от - ку - л(и) за - й(и) - ти:

54. Ес - ли б за - шёл ко мне да спе - рё - ду –

55. А спу - стил бы в те - бя

стре - лоч-ки

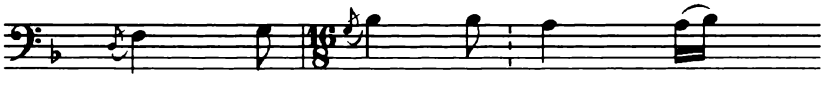
да я б ка - лё - ны - и!"

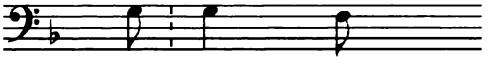
56. А-й у - го - во - ри - л(ы) - то

Доб - ры - ня да И - лю - ше-н(и)-ку,

57. Как по - вёл Доб - ры - ня

Иль - ю - шу

ко кня - зю ко Вла - ди - ме - ру.

А как во сто́льнёём во городи во Ки́ёви,
А (в)у к(ы)нязя-то да у Владимера
А вёлса-продолжалса-то да княженецкий пер
А с сильнима могуцима да со богатыр(и)мы.
Как Ильюшеньки на пер(ы)-то и да не поз(ы)вали.
Открывал-то ведь Ильюшенька да свой поцес(ы)ной(и) пер,
Как изобра́л он мисте́чка-то да што не лу́чшоё,
А что-й он не лучшо место выбрал, самолу́чшоё
Среди города да среди Ки́ёва.
А у князя всё ж да у Владимера,
Как у нёго́ есь терёмо́в да златовер(и)хиих.
А крыкну́л Ил(и)я голосом своим да богатыр(и)скиим:
«А голи, голи да кабацькии,
А городскии голи да посадскии,
А приходите-тко да собёра́йтесь-ко
А к Ильюшеньки да вы на почёс(ы)ной(и) пер!»
(В)у Ильюшеньки ведётце-то да свой почёс(ы)ной(и) пер
Как среди города да среди Ки́ёва
А-й на удобной-то да ведь на площади.
Как у князя-то да у Владимера
А-й у те́рёмов-то ведь да златовер(и)хиих...
А не днём-то, не ноч(и)ю да ути́ху нет.
Как у князя-то [да] у Владимера
Пер-то с богатырямы-то да прикроща(л)итцэ,
А у Ильюши пер да с дорогима гостя́мы вперёд да продолжаитцэ.
А тут Владимер-княс(и) да вскручинил(ы)сэ,
Тут Владимер-княс(и) да ведь вспечалилсэ:
«Што розобье́т Илья [по городу] да по Ки́ёву
А розобье́т все-ты те́рёма у м(ы)ня да златовер(и)хии,
А выщепет вси маковки да золоченыи,
Золочёныи маковки да-й он шолко́выи!»
Как нача́л-то вет(и) да Владимер(ы)-князь

А просить сильниих могучиих да бога́тырей:
«Как сходите-ко, Ильюшеньку уговорите-ко,
Штобы не спускал Илья стре́лучок калёныих,
А не щепал(ы) бы маковык тут да шолко́выих».
А бога́тыри-ты от князя отказалисе:
«Как не сми́ём мы идти Ильюши уговаривать —
А спустит в нас Илья стрелочки ды ведь калёныи».
А нача́л Владимер-княс(и)-то просити да Добрынюшку,
А был-то ведь Добрыня-та да посмиля́е всех —
А-й пошёл-то Добрыня Ильюшки (в)уговаривать,
А иде́ Добрынюшка и да думает:
«Если м(ы)не зайти к Ил(и)юшеньки ведь спе́рёду,
То ведь спустит мне Ил(и)я стрелочки калёныи».
А зашёл(ы)-то Добрыня да сзаду ведь,
А пал-то Ильюше Добрыня на плечка на могучии: ⟨...⟩
«А здра[в]ст(ы)вуй-ко да мой к(ы)рёсто́вой(и) брат,
Как Владимер-князь меня да за тобой(и) пос(ы)лал».
'Ак стал-то Добрыня Ильюшку (в)уговаривать.
Говорил-то вет(и) да Ильюшен(и)ка:
«Ай ды ведь ты, да мой крёсто́вой(и) брат!
А знал жо ты, как ведь откул(и) зай(и)ти:
Если б зашел ко мне да спе́рёду —
А спустил бы в тебя стрелочки да я б калёныи!»
А-й уговорил(ы)-то Добрыня да Илюшен(и)ку,
Как повел Добрыня Ильюшу ко князю ко Владимеру.
Дорогии гостечки(и) да Ильюшины...

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 274—277)

№ 274

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ай ездил старой по чисту полю,
А ен от младости ездил до старости,
А ен от старости да до гробно́й доски,
А ен стоял за веру да отечество.
Ай как хорош у стараго был доброй конь,
А ён у рек перевозу, стар, не спрашивал,
А конь ре́ки ведь, озера перескакивал,
Ён эти мхи-болота промеж ног пущал,
А ён сини моря тыи кругом бежал.

А выезжае стар на тую ли на путь,
На путь-дороженку широкую,
Ай как камени подпись есть написана,
Ай на другой стороны есть напечатана:
«Ай как в дорожку ехать — да богату быть.
А во дру́гу ехать — да женату быть,
Ай во третью ехать — да й убиту быть».
Илья Муромец да сам роздумался:
«Ай как на что старому жениться мни?
А еще стара взять — да не надержишься,
Ай молодая взять — да как чужа корысть.
Ай на что тут старому богачество?
Ай золотой казны у ёго сметы нет».
А ён поехал, стар, во ту́ю ён во путь,
Во тую путь-дороженку широкою — где убиту быть.
А ён наехал на сорок на розбойников,
А ён на чистыих подорожников.
Ай как розбойнички ко старому трога́лисе,
А ёны хочут у старого коня отнять,
Ёны хочут старому тут смерть придать,
Ёны смерточку да ему скорую.
Ай говорит тут старой таково слово:
«Ах вы сорок, сорок вы розбойников,
Ай сорок чистыих ночныих подорожников!
А еще где вам у стараго коня отнять?
Ай как уздица у стараго в пятьсот рублей,
Ай как седёлышко у стараго в две тысячи,
Ай самому стар Бурушку чены́ не знат,
Ай как стар колпак да со головушки,
А еще тот шишак да девяносто пуд».
А ён ведь начал колпачком да ён помахивать,
Ай куда махнет-махнет — туда улочок,
Ай назадь отмахнет — переулочок.
Ен прибил тут сорок всех розбойничков,
Ай сорок чистыих ночныих подорожников.
Ай как назадь тут стар да ворочается,
А ён ведь старую ту подпись ведь захеривал,
А ён нову тут ведь напечатывал:
«Еще та дороженка росчищена,
Ай как росчищена дороженка, розъезжена,
Ай как розъезжена дорожка Ильей Муромцем».

№ 275

ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ездит-то стар по чисту полю,
А сам себе старой дивуется:
«Ах ты старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость — триста́ годов,
А триста́ годов да пятьдесят годов!
Застала ты стараго во чистом поли,
В чистом поли застала черным вороном,
А села ты на мою на буйную голову.
А молодость моя, молодость молодецкая!
Улетела ты, молодость, во чисто поле,
А во чисто поле да ясным соколом».
Приехал как старой ко камешку,
А ко белому каменю ко Латырю,
А у камень три дороги, три росстани,
А на камени подпись написана:
«В середнюю росстань ехать — богату быть,
В правую росстань ехать — убиту быть,
В левую росстань ехать — женату быть».
Ай тут-то старой роздумался,
Роздумался старой, росплакался:
«А на что мне-ка, старому, женату быть,
А на что мне-ка, старому, богату быть?
А поеду в тую росстань прямоезжую,
А в тую росстань, где убиту быть».
Выехал на поле на Еле́сино,
Стоят-то тут станичники-пленичники,
Да по-русьскому воры-разбойники,
А денныи-ночныи подорожники,
Хотят стараго убить да с душой ро́злучить.
Говорит-то им старая старейшина:
«Ай же вы, станичники-пленичники,
Ай бить меня вам, стараго, некого,
А взять меня, со стараго, вам не́чего.
Однорядочка у стараго да во пятьсот рублей,
А петли-пугвицы у стараго да в целу тысячу,
А мой добрый конь да цены сметы нет».
А стал он по розбойникам поезживать,
Шелковой плеточкой да стал помахивать,

Да тут розбойников да мало ставится.
Да смолилисе станичники-пленичники:
«Ай же ты, старая старейшина!
А оставь ты нас да хоть на симена».
И говорит им старая старейшина:
«А вы станичники-пленичники!
Выходите-тко вы на Святую Русь,
Запишитесь-ко в пусты́ни вы, в мана́стыри,
Нет, так убью я вас до единаго».
Ай тут-то станичники-пленичники
Ему дали заповедь великую
Записаться во пустыни, во манастыри.

№ 276

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ

Илья Муромець, сын Ивановиць,
Ен й⟨и⟩здил по Святой Руси,
Днем-то й⟨и⟩здил по красному солнышку,
А ноцью й⟨и⟩здил по светлому мисяцю.
Обступило старого сорок воров,
Сорок воров, сорок разбойницьков,
По-руському — сорок становицьницьков.
«Скажи-ко, старой, как тебя имянем зовут,
А скажи-ко, старой, как тибя да по изоцинки?
У тя много ль, старой, золотой казны?
У тя много ль, старой, серебряной?
У тя много ль, старой, казны менныи?»
Говорит старой таковы слова:
«Я со города, со Мурома,
Одного отця, одной матушки,
Имянем зовут да Илья Муромець,
По изоцинки сын Ивановиць,
Золотой казны — три тысяци,
Серебряной пять тысяцей,
Казны менныи — сцету нет,
С-под матушки Бурушко пятьсот рублей,
Топерь коню цены нету,
Хоша есь цена да не уставлена».
Говорит Илья да таковы слова:
«Не боюсе я да сорока воров,

Не страшусе я да поля целого!»
Сам тугой лук да принатягивал,
Стрелоцьку калену принакладывал,
Ен ко стрелоцьки да приговаривал:
«Лети стрелоцька калёная,
Во сырой дуб да во крятновистой».
Спустил ён стрелоцьку калёную
Во сырой дуб да во крятновистой —
Росщипало дуб на ножовыи цереньица.
Тут разбойницьки цють живы лежа
И говоря ему таковы слова:
«Прости-тко нас да во перьвой вины».
Говорит Илья таковы слова:
«В перьвой вины вас Господь простит,
Не забудьте вы вперед этого,
Как топерь-то вы што сделали —
Напали на старого, што разбойники,
Не нападите на инныих проциих богатырей,
Не примите смерти напрасныи!»

№ 277

ВСТРЕЧА С РАЗБОЙНИКАМИ

Идет Илья на конюшню стоялую,
Он берет своего Бурушка-кодурушка,
Он седлает его в седёлышко черкасское,
А на спину кладет потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седёлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал через хребетну кость,
Не для ради красы, ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца в поли не выбросил.
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у седла — красна золота,
Шпеньки были все булатные,
Тогда шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет.
Молодец на коне сидит, сам не стареет.
Видели молодца, как коня седлал,

34 Зак. 3427

А не видели поездки богатырския
И не знают, в кую сторону поехал он.
И будет он в чистом поле́,
И заехал он за гору Сионскую,
И заехал он в леса Брынские,
И напали на него тут камышнички,
По-русскому — воры-разбойницки,
Наскакало их сорок тысяцей,
Стали они старого пощалкивати,
Стали они старого поколачивати,
И начал им старый выговаривати:
«Уж вы гой еси, камышнички,
Вы по-русскому — воры-разбойницки,
Бить-то вам меня непочто
И взять-то вам с меня нечего:
Один смур кафтан на мне сто рублей,
Кушачек-колпачек во тысяцу,
Стрел колчан во две тысяци,
А коню с приправой дак и сметы нет.
Дайте мне, старому, поправиться,
Потом будете вы старому и кланяться».
Он берет свой тугой лук
И накладывает калёну стрелу,
И говорит он камышничкам
(По-русскому — ворам-разбойницкам):
«В вас ли стрелять или в сырой дуб?»
Он стрелил взял во сырой дуб
И расшиб он дуб весь по ластиньям.
И тут разбойники все на зень пали,
А иные легли без памяти.
И говорит им тогда Илья Муромец:
«Уж вы гой еси, камышнички,
Вы по-русскому — воры-разбойницки,
Вы послушайте меня, старого,
Мне-ка бить людей у батюшки не велено,
Понапрасну мне бить не приказано.
А послушайте меня вы, молодца,
А бросьте вы эту работушку
Обижать людей за свое доброе».

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 278—285)

№ 278

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ездил Илья Муромец по чисту полю,
Приехал старый на росстани,
На росстани-то бел-горюч камень,
На камешке подпись подписана:
«В росстань ехать — убиту быть,
А в другую ехать — женату быть,
А в третью ехать — богату быть».
И раздумался старый своим разумом:
«Почто мне-ка ехать во ту росстань,
Во ту росстань ехать, где богату быть?
По карману золотой казны сметы нет,
На косматом Бурушке цены нет,
Почто мне-ка ехать во ту росстань,
Во ту росстань ехать, где женату быть?
Хороша жена — чужая корысть,
А худа-то — мне-ка не надобна.
Я поеду во ту росстань,
Во ту росстань поеду, где убиту быть,
Ко тому ко городу Латынскому,
Ко той ли заставушке великия».
А была там застава великая:
Было сорок человек разбойничков,
Ночных все подорожничков —
Все сильные могучии богатыри;
Заперта была Земля Латынская,
Не было ни выходу, ни выезду
Из той Земли Латынския.
Приезжает старый казак Илья Муромец:
Они сидят под сырым дубом,
И говорит атаман таковы слова:
«Ай же вы, ребята-разбойники,
Ночные вы подорожники!
А куда-то, старая собака, поразъехалась?»
И говорит старый таковы слова:
«А нечего вам взять у старого:
Золотой казны у меня с собой нет,
А платья цветного у меня на собе нет,

Только взять вам у старого:
Кожа на плечах в пятьсот рублей,
А чуден крест на груди в три тысячи,
По карманам золотой казны сметы нет,
А косматому Бурушке у меня и цены нет».
И зарычал атаман во всю голову:
«Ай же вы, ребята-разбойники,
Ночные вы подорожники!
Още старая собака хвастает?
Снимайте старого с добра коня!»
Как натягивал старый свой тугой лук,
Накладывал калёну стрелу,
Сам к стрелочке приговаривал:
«Полети, моя стрелочка, во сырой дуб,
Разорви на мелкия на ножовыя череньица,
И всех убей сорок человек разбойников,
Всех убей ночных подорожников».
И будет он у стены городовыя,
И не воротамы ехал, приворотенкамы,
Прямо через стену городовую.
И приходит он во царёв кабак:
В кабаке сидят голя — сметы нет.
И тутова голи догадалися,
По полушечке голи сметалися
И скупили вина полтора ведра,
И подносили старой собаке матерой выпить с дороги.
И говорит он таково слово:
«Ай же вы, голи Латынския!
Коли умели с пути с дороги встретить богатыря,
Так подите — скажите королю Латынскому,
Чтобы нес дары драгоценные:
Я разбил заставу великую».
И налил король Латынский чашу золоту,
Красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга,
И несет ему великие даровья.
Возговорит старый таковы слова:
«Ай же ты, король Земли Латынския!
Не надоть мне даровьев драгоценныих,
А отвори-тко ты погреба с напиткамы».
Он зашел во погреба глубокие,
Взял бочку сороковку под пазуху,
А другую бочку под другую,
А третью бочку ногой катил,

И сам говорил таковы слова:
«Ай же вы, голи Латынския!
Коли умели старую собаку матерую
С пути-дороги стретити,
Так теперь пейте вина, сколько надобно».
И повыехал опять к этому горючему камешку,
И поехал в ту росстань, где-ка женату быть.
Приезжает он к палаты белокаменной,
И привязал Бурушка косматого к столбику точеному,
Ко тому ли ко колечику золоченому.
Идет в палаты белокаменны,
И стретит его прекрасная королевична,
У девушки, у прекрасной королевичны,
Кроватка была овершая,
Берет за ручки за белыя,
Целует в уста во сахарния,
И сама говорит таковы слова:
«У тя есть ли охота, горит ли душа
Со мной со девицей позабавиться?
Ложись-ка на кроватку тесовую,
На ту ли на перинку на пуховую!»
И берет-то старый казак Илья Муромец
Прекрасну королевичну за белы груди
И метал-то на кроватку тесовую,
На ту ли на перинку пуховую.
А у злодейки кроваточка подложная —
И упала во погреба глубокие;
И наобманывано у ней туда
Сорок царей, сорок царевичев,
И сорок королей, сорок королевичев.
Он оттуль их всех повыпустил,
А ей головку отрубил.
И выехал опять к бел-горючему камешку,
И поехал в ту росстань, где богату быть.
И в третью-то росстань съехал,
Побил поганого Чудища,
И побрал золотой казны — сметы нет.
И выехал опять во Киев-град.

№ 279

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Старой казак от младости и до старости езживал,
Но такова чуда не видывал
И на такова чуда не наезживал —
Приехал он ко камешку ко горючему:
От камешка да три росстани,
Три росстани да три дороженьки,
Три дороженьки путистыя,
А на камешки как было написано:
«Что в одну дорожку ехать — убиту быть,
В другую ехать — женату быть,
А в третью ехать — богату быть».
Стал да пораздумался:
«В котору ехать мне дороженьку?
Что мне на старость богату быть,
И что мне на старость женату быть?
А поеду в ту дорожку, где убиту быть».
Ехал он три часа,
Проехал ровно триста верст.
Приезжал как он к тем горам да к высоким,
Начали разбойнички с гор выскакивать,
Наскакало разбойничков сорок тысячей,
Начали старого пощалкивать,
Начал старой казак выговаривать:
«Ай же сорок тысяц разбойников!
Что вас взять у меня у старого?
Нет у меня много несчетной золотой казны,
Нет у меня прекрасной молодой жены,
Нету у меня платья цветного;
Только у меня добрый конь, богатырский в триста рублей,
На кони приправа во пятьсот рублей,
У себя приправа богатырская в целу тысячу».
Как выдергивал он палицу железную,
Во сто девяносто пуд,
Как начал разбойничков пощалкивать —
Прибил он разбойничков сорок тысячей.
Тут удалый поворот держал,
Приезжал как он ко камешку ко горючему,
Тую запись поднавливал, что «в ту дорожку ездил — убит не был». —
«Поеду в тую, где женату быть!»

Ехал ровно три часа,
Проехал ровно триста верст.
Выезжал как он на ты на поля чистыя
На луга на зеленые.
На тех-то полях чистыих,
На лугах на зеленыих
Стоит как чудо чудное, диво дивное:
Городом назвать — так он мал стоит,
А селом назвать — так он велик стоит;
Стоят тут полаты белокаменны.
Приезжал как он ко полатам на широк двор,
Как с тех полат белокаменных
Выходила премлада прекрасна королевича,
Брала старого за белы руки,
Целовала во уста сахарные,
Приводила в полаты белокаменны,
Садила за те столы дубовые.
Наносила ему еств сахарныих,
Сама говорит да таковы слова:
«Ай же удалый добрый молодец,
Не наедайса ты до сыта,
Не напивайся-ка ты до пьяна,
Чтобы тебе с премладой королевичной позабавиться».
Он как говорил таковы слова:
«Я проехал как ровно триста верст,
Мне есть-то захотелося».
Он наелся как до сыта,
Напился он тут до пьяна,
Как выходил за столов за дубовыих,
Молился Господу Богу тут.
Она брала его за белы руки,
Повела во спальну во теплую,
На ту кроватку тисовую —
Кроватка была тисова слоновых костей,
Перени пуховая.
Она как говорит да таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ложись-ка спать да ко стеночки».
Он как говорит да таковы слова:
«Ай же ты, премлада королевична!
Ты сама ложись-ка спать да ко стеночки:
У меня у старого мочь да не держится,
Надо часто ходить мне до ветра».

Как брал он ее за белы руки,
Бросал на ту кроватку тисовую —
Кроватка была волшебная,
Провалилася она в те погреба да глубокие.
Он тут брал да золоты ключи,
Шел, отмыкал погреба он глубокия,
Как выпускал много удалыих добрых молодцев,
Много сильныих могучиих богатырей.
Как оттоль выходила сзади премлада королевична,
Он брал как королевичну за белы руки,
Привязывал к трем жеребцам он неезженым,
Раздернул ее по чистому полю.
Как тут все именье-богачество
Роздал удалым добрым молодцам,
Сильным могучим богатырям,
А те полаты белокаменны огню предал.
Тут-то удалый поворот держал,
Приезжал как удалый к тому же ко камешку,
Тую опять запись поднавливал:
«В ту дорожку ездил, женат не был». —
«Поеду во третью дорожку, где богату быть!»
Ехал он три часа,
Проехал триста верст.
Опять как выезжал на поля чистыя, на луга на зеленые,
Как тут копаны погреба все глубокия,
Насыпаны все красного золота, чистого серебра
И мелкого-скачного жемчуга.
Он говорит: «Куда мне на старости с именьицем,
Со многой несчетной золотой казной?»
Стал да пораздумался:
Взял как на это на именьицо,
На тех на полях да чистыих
Построил монастыри богомольныя, церкви соборныя,
Повел тут пение церковное, звоны колокольные.
«Чье было именье, за того пускай идет!»
Тут-то удалый поворот держал,
Опять приезжал ко тому же камешку ко горючему,
Опять ту запись поднавливал:
«Как в тую дорожку ездил — богат не был».
Ехал он ко славному городу ко Киеву
Ко солнышку князю Владимеру,
Спросил у него солнышко князь стольно-киевский:
«А где же ты долго ездил, удалый доброй молодец,

Старой казак Илья Муромец?»
Он россказал свои три происшествия,
Как был в трех дороженьках,
Что делал он в тех дороженьках,
Все росказал солнышку князю Владимеру.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

№ 280

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Поехал славный казак Илья Муромец во чисто поле
И приехал он на росстанушки;
И на росстани лежит белой камешок,
На камешке подпись подписана:
«В росстань-ту ехать — убиту быть,
А в другую ехать — богату быть,
А в третью ехать — женитися».
И раздумал старый своим разумом:
«Пошто мне ехать во ту росстань,
В ту росстань ехать, где богату быть.
У меня по карманам золотой казны сметы нет,
Косматому Бурушку цены ведь нет.
А пошто мне ехать во ту росстань,
В ту росстань ехать, где женату быть:
Хороша взять — чужая корысть,
А худа-то мне ведь не надобна.
А я поеду во ту росстань, где убиту быть,
Ко тому ли ко городу ко Латинскому
И ко тому ли королю ко Латинскому».
Там была застава великая:
Было сорок человек да разбойников,
Все сильныи могучии богатыри;
Заперта была Земля Латинская,
Не было не выходу, не выезду.
И разъехался старой казак Илья Муромец
И закрычал атаман да во всю голову:
«Ай же вы, ребята-разбойники,
Ночные вы да подорожники!
А куда-то старая собака поразъехалась?»
И говорит Илья Муромец таково слово:

«Вам нечего взять да у стараго:
Платья цветнаго у меня на себе нет,
Только взять вам — не взять у стараго
Кожан на себе да в пятьсот рублей,
Чуден крест на грудях да в три тысячи,
По карманам золотой казны сметы нет,
Косматому Бурушку цены нет».
Зарычал атаманушко во всю голову:
«Ай же, ребята-разбойники!
Старая собака еще хвастает:
Отнимайте у старого добра коня».
Как выкинул старой свой тугой лук
И наклал старой да калёну стрелу,
И сам ко стрелочке да приговаривает:
«Полети, моя стрелочка калёная, в толстой сырый дуб
И разорви-ко на мелкия черенья ножевыя,
И всех убей сорок человек разбойников
И всех ночных подорожников».
И приезжает ко городу латынскому,
Ко той ли стене городовыя,
И не воротами ехал, приворотками,
Прямо едет во царёв кабак.
И в том ли кабаке царёвом
Сидит голей кабацких сметы нет;
И тутова горюны сметалися,
По полушке голи сметалися,
И окупили вина полтретья ведра,
И подносили старой собаке матерыя.
Принял старой одной рукой,
Выпил во единый дух
И сам говорит таково слово:
«Спасибо, голи латинские!
Коли умели встретить, так подьте донесите королю Латинскому:
Приехала старая собака матерая,
Разбил он заставу великую,
Всех сорок человек разбойников
И всех ночных подорожников:
Пусть несет ко мне даровья великия».
Он налил чашу золота,
Другую скатняго жемчугу,
А третью чистаго серебра:
«А не наб мне не злата, не серебра
И не скатняго жемчугу —

Отворите-ко погребы с напитками».
Он взял бочку сороковку под пазуху,
А другую под другую,
А третью бочку ногой покатил.
Сам говорит таково слово:
«Так пейте-ко вина, сколько надобно,
За то, что умели старую собаку матерую встретити».
И поехал матерый старый казак на росстанушки,
Где лежал бручатый белый камешок,
На котором камню была подпись подписана.
«Я поеду теперь во ту росстань, где богату быть».
Был там король, поганое чудище.
Убил поганова чудища
И привел всю Землю Святорусскую во веру крещеную.
И выехал опять на росстанушки:
«Да-ко я съезжу во ту росстань, где женату быть».
И приезжает он к палатам белокаменным,
И выходит из теремов прекрасная девица,
И берет за ручки за белыя,
И ведет в теремы златоверхия,
Сама говорит да таково слово:
«Ай же ты, удалой доброй молодец!
У тебя есть ли охота, горит ли душа —
Ложись на кроватку тисовую».
И говорит Илья Муромец таково слово:
«Когда ложится мужик вперед на кроватку тисовую?»
И взял девицу за белы груди,
И бросил на кроватку тисовую,
На ту ли перинку пуховую.
У ней, у злодейки, кроваточка подложная —
Упала в погреб в сорок сажен,
А там у ней наобманывано
Сорок царей, сорок царевичей.
«Ай же ты, злодейка, покажи, где к погребу двери?»
И вывел всех царей, всех царевичей Илья Муромец,
И распустил их всех по своим местам,
И сам поехал опять во славный во Киев-град.

№ 281

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Ездил стар доброй молодец
Со младости и до старости
На своем на добром коне во чистом поле.
И наехал во чистом поле камень белый,
От камени пошло три дороженьки,
На камени подпись подписана:
«Во праву руку ехать — богату быть,
В середнюю руку ехать — женату быть,
В левую руку ехать — убиту быть».
Стал добрый молодец, пораздумался:
«Ничто-то на старость богачество делати,
Ничто-то на старость молодой женой делати:
Худой взять не хочется, а хорошей не дадут,
А как хороша взять — на людское счастьице;
В левую руку во дорожку ехать — то убиту быть.
Лутче поеду во дорожку, где убиту быть:
А полно мне ездить по Святой Руси,
Убивать головушек бесповинных,
Слезить отцев-матерей понапрасные».
Ехал стар доброй молодец три часу,
А проехал ровно триста верст
И наехал статьников-разбойников сорок тысячей.
«Здрайствуйте, статьнички-разбойнички,
Удалые добры молодцы!»
Говорит больший атаманище статьникам-разбойникам:
«Убейте стара добра молодца —
У стара есте добрый конь».
Стали стараго покалачивать и пощалкивать —
Стоит стар доброй молодец, не шатается,
Желты кудри у старого не стряхнутся,
И говорит стар доброй молодец:
«Ах вы, разбойники и подорожники!
Почто вы меня бьете-убиваете
И с смертного места не спущаете?
У меня казны с собой немношечко:
Во корманчиках только пятьсот рублей,
На добром коне уздица во пятьсот рублей,
Седелышко черкасское в целу тысячу,
А доброму коню и цены нет».

Тут стар добрый молодец
Выдергивал с головушки свой шелков колпак,
А тот колпачек был в сорок пуд,
Стал он колпачком помахивать,
Шелковым перекидывать:
Куда махнет — стали улицы,
Перемахнет — переулочки.
Стали разбойнички ставиться островьямы,
И прибил их до единаго,
И не оставил на семяна.
Тут-то старый доброй молодец
Поворот держит ко белому ко каменю,
Старую подпись подхиривал,
А новую подпись подписывал:
«Старая подпись была ложная,
Что съездить во дорожку — убиту быть.
А съездил во дорожку, убит не бывал».
Тут он пораздумался:
«Да-ко я поеду во дорожку, где женату быть».
Ехал он ровно три часу,
А проехал триста верст,
Наехал во далече-далече во чистом поле
Чудо чудное, диво дивное,
Деревня великая, а город — село малое,
А все стоят палатушки царския и государския.
И заехал он на широкий двор на царский,
И увидала с окна прекрасная королевична,
И выходила на широкий двор,
Встретала стара добра молодца
И целовала во уста сахарния,
Приказала нянечкам-бабочкам
И верным служаночкам
Коня кормить пшеной белояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела в палату белокаменну, во гридню столовую.
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все четыре стороны покланяется,
А королевичной в особину.
А она дубовы столики задернула,
А забранины скатерти накрывала,
Хлеба-соли наставила,
А естьы были все сахарния,

А питьвица были медвяные;
Садит-то стара добра молодца за дубовый стол,
А сама-то отходя поклонилася,
И сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, стар добрый молодец!
Не наедайся досыта,
Не напивайся допьяна:
Было бы королевичной с кем забавиться».
Тут стар доброй молодец
На женскую прелесть не укинулся:
Досыта он наедается
И допьяна напивается,
Тут выходит ⟨и⟩з-за стола за дубоваго,
Отдал честь-благодарность великую
За хлеб, за соль столовую.
И говорит прекрасная королевична:
«Ай ты, стар доброй молодец!
Поди с пути-дороженьки
Отдохнуть во ложню во теплую».
И привела ко кроватке тесовыя,
Ко перины пуховыя:
«Ложись-ко ты на перину пуховую,
А я лягу подле тебя».
А он говорит таковы слова:
«Ай же ты, прекрасная королевична!
Ложись-ко о стеночку,
А мужеский пол лежит на краечку,
У меня на старость мочь не держится:
Надо старичку часто вон ходить».
Она о стеночку не ложится.
Хватил он ее за шелков пояс
И бросил ю о стеночку:
А тая была кроватка ложная и подложная,
Улетела королевична во глубок погреб.
Тут стар доброй молодец
Выходит из палаты на широк двор
И говорит нянечкам-бабочкам:
И верным служаночкам:
«Подайте мне ключи злаченыя
Отом⟨к⟩нуть погреб глубокий».
Оне говорят таковы слова:
«Ай же ты, дядюшка незнаемый!
Мы не знаем ни ключей-ларчей окованыих».

Он прискакивал ко дверям со каблуком,
Вылетели двери со липеньями.
Отворил он глубок погреб:
Во том погребе во глубокоем
Насажено сорок царей-царевичей,
Сорок королей и королевичев,
И все скочили на резвы ноги,
И все старичку поклонилися:
«Благодарствуй, старый казак Илья Муромец,
Богатырь сын Иванович!
Показал ты нам белый свет».
И говорит Илья Муромец сын Иванович:
«Ай же вы, цари и царевичи,
И все вы, короли и королевичи!
Выводите королевичну на широкий двор,
Что знаете, то над ней и делайте».
А они говорят ему на место:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец,
Богатырь, сын Иванович!
Что знаешь, то и делай над ней!»
Тут старый козак Илья Муромец,
Богатырь, сын Иванович
Выводил на широк двор
И привязал к трем жеребьицам к неучам.
И ростащили по чисту полю,
Куда руки, куда ноги, и куда ⟨...⟩ що:
Все улетело по чисту полю.
Только старый козак Илья Муромец,
Богатырь, сын Иванович и женат бывал.
Тут Илья Муромец сын Иванович
Поворот держал ко белому ко каменю,
Старую подпись захиривал,
А новую подписывал:
«Старая надпись была ложная,
Что съездить в дорожку — женату быть.
А съездил в дорожку — женат не бывал». —
«А нынь поеду в дорожку, где богату быть».
Ехал он ровно три часу,
Проехал ровно триста верст,
Наехал на бел камень,
На камени подпись подписана:
«Кто может этот камень вывалить,
Под каменем лежит плита чугунная,

А под плитой погреб глубокиий».
Тут прискакивал Илья Муромец
Ко белому камени со каблуком,
И выкатывал камень за три поприща,
И выпинывал плиту чугунную,
Отворил-то он глубок погреб —
В том погребе много злата и серебра,
Много скатняго жемчуга.
Насыпает мису чисита серебра,
А другую красна золота,
А третью мису скатна жемчуга.
Приезжает во Киев-град,
Хочет строить три церкви соборныя:
Перву церковь Спасу свету Милостивому,
А другую церковь Николы Можайскому,
А третью церковь Георгию Храброму.

№ 282

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А ездил-то стар по чисту полю,
И от младости да стар до старости,
И от старости до гробной доски,
Эдакого чуда не наезживал:
Наезжает стар да три дороженки,
Ай три пути широкиих росстаночки,
А на этых путях на дороженках
Ай стоит-стоит дубовой столоб,
Ай на столби-то подпись подписана:
«Ай во перву дорожку ехать — убиту быть,
Ай во другую ехать — женату быть,
А во третью ехать — богату быть».
Это тут стар пораздумался:
«На что мне-ка-ва, стару, женату быть?
Молодая-то жена да то чужа корысть,
На что мне-ка-ва, стару, богату быть?
Это надо мне-ка, старому, убиту быть».
А поехал-то ведь старый в ту дороженку.
Проезжает-то ведь старый ровно три часу,
Проезжает-то он места ровно триста верст.
Заезжает он за горы за высокии,

Наезжает терема да превысокии,
Наезжает-то он стан да ведь розбойничкой,
А не много их не мало — сорок тысячей.
А увидали тут ведь старого розбойники,
А розбойники ты все да наскакалисе,
Ай за старого оны все захваталисе.
Говорит же ведь им старый таково слово:
«Ай же вы, тати да розбойники,
Ай плуты же вы да подорожники!
Что же взять-то вам с меня, со старого?
У меня нету́ ни злата да не серебра,
Ай не мелкаго ли то да скатнаго-то жемчуга;
А кошуля на себи да в целу тысячу,
А седёлышко черкальско во пятьсот рублей,
А коню-то моему да ведь цены нету».
И закрычал там атаман да ведь розбойничкой,
Закрычал-то атаман да громким голосом:
«Ай же вы, тати да розбойники,
А плуты этакие, подорожники!
Да чего же вам со старым розговаривать?
Ай срубите-тко ему да буйну голову!»
Это тут ведь старенькой роспа́хнется,
Это начал своей палицей помахивать:
Куда махнет — туда улица,
Взад отма́хнет — переулкамы.
Он прибил-то, приломил да всих розбойников,
И он с перваго да до остатнёго.
Это скоро тут да старый поворот держал,
Это старую-то подпись зафальшивливал,
А новую-ту подпись подписывал:
«А ездил тут старый, да убит не был».
А поехал тут ведь старый — где женату быть.
Едет времечки он столько три часу,
Проезжает он ведь места ровно триста верст.
Наезжает тут ведь старой красиво́ село,
А селом-то назвать да велико́ стоит,
Городом-то назвать да мало́ стоит;
И построен во сели да королевский двор,
Жи́вет душечка Маринка-королевична,
Прилещает-то она на добрых мо́лодцов.
А заезжае тут ведь старый на широкой двор,
Ай сходил тут стар да со добра коня,
Ай вязал-то коня к столбу точе́ному

35 Зак. 3427

И ко тому ли то колецку золочёному.
И выходила тут Маришка на широкой двор,
Ай берёт его за ручки-ты за белыи,
А целует во уста да во сахарнии,
А проводит ведь в полату белокаменну.
А садила ведь его да за дубовый стол,
А за тыя ли за скатерти шелковыи,
А зы тыя ли за ествы за сахарнии,
И за сладкии за питья за медвяныи.
А сама отходя́ да поклоняется,
Зговорит она ему да таково слово:
«Ешь-ко, стар, — не наедайся ты,
Пей-ко, стар, — не напивайся-ко,
Чтобы мог бы ты со мной да позабавиться».
Ест-то ведь старый — наедается,
Пьет-то ведь стар — да напивается,
Себи никакой незгодушки не ведаёт.
А ведь брала тут Маришка за белы руки,
Повела-то ведь его да во теплу́ спальню
И ко тыи кроватки ко подложистой,
Сама-то говорит да таково слово:
«А ложись-ко, старенькой, о стеночку,
Лягу молода да я на кра́ичок».
А говорит ведь ей тут старый таково слово:
«Ах ты, душечка, Маринка-королевична!
А ложись-ко ты, Маришка, да о стеночку,
Лягу ведь я, старой, ведь на краичок.
У меня-то ведь, у стараго, теперь да не по-старому,
Не по-старому у мня, да мочь не держится,
Почасту я буду, старой, ночью вон ходить,
А вон я ходить, да ведь коня смотреть».
Взимал-то ю за рученки за белыи,
А кидал ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубок погрёб.
Ай берет-то ведь старый золоты ключи,
Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпущае он много царей,
А много́ царей да царевичёв,
А много́ ли королей да корола́вичев,
Много сильниих могучиих богатырей.
Говорят ему, старому, таково слово:
«А спасибо теби, старый казак да Илья Муромец,
Что ты выпустил с неволи со великии».

Ай берет ведь старый-то Маришку за белы руки,
Выводил-то Маришку во чисто полё,
Ай вязал-то Маришку ко сыру дубу,
Ай натягивал-то старой да свой тугой лук,
И налагает ведь он стрелочку калёную,
А стреляет он Маришку да во белу грудь,
Раздробил-то у Маришки ретиво сердцо.
Это тут ли-то старой поворот держал,
И приезжает-то старый к дубову столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливал
И новую-ту подпись он подписывал:
«Ездил-то ведь старой, да женат не был».
А поехал-то ведь старой — где богату быть.
Проезжает-то ведь времечки ровно три часу,
Проезжает ведь он места ровно триста верст.
Наезжает ведь он в поли да глубок погрёб,
А насыпан погреб злата-серебра,
А насыпан он туда да скатна жемчугу,
А навален-то ведь на погреб превели́к камень,
А этот камень был тридевяноста пуд.
А сходил-то старой со добра коня,
Подпал ли старой могучи́м плечом,
А он выкинул со погреба велик камень,
А побрал ли то много злата, много серебра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга.
Ай построил он церквы соборные,
Устанавливал звоны колокольние.
Ай тут же ведь старой поворот держал,
Приезжает старой к дубову столбу,
Старой эты подписи не зафальшивливал,
Новую-ту подпись подписывал:
«А ездил-то старой да богатой был».
Приезжае он во славной во Киев-град
А ко тым ли он пещерам да ко киевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ёго да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во киевски,
И тут же ведь старой опочив держал.
Ай покамест мы старому славы́ поем,
Старому каза́ку Ильи Муромцю.

№ 283

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЕЛЕНА-КОРОЛЕВИЧНА

А ездил старый, поежживал,
А на такое чудо не наежживал.
А наехал старый на чудовище,
А наехал старый на камешок,
А на камешке было написано,
А на камешке да напечатано:
«А в одну сторону ехать — убиту быть,
А в другую ехать — жонату быть,
А жонату быть, да убиту быть,
А в третью сторону ехать — да богату быть,
А богату быть, да убиту быть».
(*В ку́ю дорожку ни ехать — все одно убиту быть.*)
А тут-то ведь старый пораздумалси:
«В одну сторону ехать — да убиту быть,
А в каку сторону ни ехать — убиту быть».
И поехал он в ту сторонушку, где убиту быть.
«А на что мни сделать именьице,
А на что мни сделать молоду жону?
А поеду, где убиту быть,
Где убиту быть да голова срубить».
А направил он ведь добра́ коня,
А ведь ехал старый ровно три часа,
А проехал ведь ровно триста верст.
Уж как он ведь перескакивал,
С го́ры на́ гору перемахивал,
А ведь темныи леса промежду ног пустил,
А наехал он да на чудовище
А на такое на чу́дное —
А стоит розбою сорок тысяцей
А окру́г да ведь как старого,
А хо́чут старого убить-рубить,
Придать тут ему напрасну смерть.
Говорит ведь старый таковы слова:
«А у меня таперича, у старого,
А нет ни злата, ни се́ребра,
А нет у меня, у старого,
А ведь нет у меня ни скачного жемчугу,
А ведь нет ни чистого золота,
А ведь нет ни чистого се́ребра.

А ведь только есть у меня, у старого:
А у Бурушка узда во пятьсот рублей,
А седе́лышка черкальского — тысячу,
А тому ведь Бурушки да рохматому,
А рохматому коню да косматому,
А тому ведь коню и цены-то нет!»
А тут разбойники поганыи
А хочут убить да сгубить его,
А придать тут старому напрасну смерть.
Тут-то старый воспрого́ворил:
«Как ведь нет у старого таперичу,
А как нет с собой палицы да богатырьскоей,
Я прибил бы да всех до о́дного,
Не оставил окаянного на си́мяна».
А у ёго́ была как шляпа-то,
А ведь шляпа-та да Земли Грецеськой,
А ведь тот колпак да во сорок пуд,
А во сорок пуд с половиною.
А как вынел шляпу свою-то ён,
А начал ведь ён шляпой помахивать,
Куды он махнет — видь туды улиця,
Перема́хнет шляпа — переулоцек.
Он прибил-побил да всих разбойницьков —
Куды они ведь тут да перепа́лисе,
Перепа́лисе да размёта́лисе.
А воротился старый назад-то ведь,
А на камешки да ён подписывал-то,
А ведь тую подпись зафальшивил-то:
«А на тую сторонку съиздил видь,
А и съиздил я, да убит не бы́л». —
«А поеду я во ту сторонушку,
В ту сторонушку, где жонату быть».
А поехал он, да где жонату быть.
А направил он да ведь добра́ коня,
А все ездил он да в дороженьки,
А приехал он да ко го́роду —
Городо́м ли назвать, да мало́ сти́,
А селом назвать, да велико́ сти́,
А подъехал он к полаты белока́менной,
А закричал да громким голосом.
Выбегала Еленка-королевишна:
А берет ведь старого за рученьки,
А за рученьки да ведь за белые,

А за ты́ и за перстни за злаце́ныя,
Отбират коня да его́ доброго,
Насыпат пшеницю белояровую,
А проводит Ильюшеньку в полатушку,
А во ту́ю ли во гридню во новую,
А во ту во горенку кладо́вую,
А садит за столички дубовыи,
А за ты́и ли за скатерти шелко́выи,
А за ты́и ли за пи́тья медвя́ныи,
А за ты́и ли за ества саха́рьние,
А ест тут старый наедаетсе,
А пьет тут старый, напивается —
Принапился, принаелся да до́сыти.
А берет ведь старого Еленушка,
А Еленушка да королевична,
А ко той кровати к рыбей зуб,
А ко той ко постели пуховыи,
Ко тому ли одеялу соболиному,
А водит-то его, да Ильюшеньку:
«А ложись-ко на кроватку на рыбей зуб,
А с тобой как мы да позабавимся».
А говорит Илья, да воспрого́ворит:
«А ложись-ко ты да о стеноцьку,
А возли́ тебе да я о кра́ецек,
А о кра́ецек да возли́ бока́,
Мы с тобой теперь да позабавимся».
А не ложится тут она о стеноцьку,
Не ложится Ильюшенька о стеноцьку.
А тут у них пошел да спор-раздор.
Говорит она да таковы слова,
А ведь душечка да Еленочка:
«Ай же ты ведь, старый, не ложишьсе-то?
Ай легли-то ведь на кроватоцьку
Да сорок царёв да царе́вицёв,
А ведь сколько попов да попо́вицёв,
А ведь сколько купцёв-то видныих,
А купцёв было́ прибогатыих!
А теби ведь как, старому, пришлось легчи́!»
А тут-то ведь старый Ильюшенька,
Разгорелоси у него сердце богатырское,
Раскипеласи сила да молодецькая,
А ведь хватил он Еленку посередоцьки,
А ведь бросил Еленку на кроватоцьку—

А кроватоцька да только пыхнула
А во ты ли во по́гребы глубокии,
А за тыи за стены за каменны.
(*Не промах был парень. Было написано, он понял.*)
А закричал Илья да громким голосом:
«А ловка была да оцень хитрая,
А легла ведь ты на кроватоцьку,
А не лег Илья на кроватоцьку!
А где у тя клюци-то есть
Отворить ли ворота зеле́зные,
А други́ воротьця цюгунные?»
А от всех-то ворот клюци взяты́
А на тых ли на столбиках тоцёных,
А на тых ли на стуликах злачоных
А во той ли во комнатке особенной.
Да берет он ключи тут злачоны,
Отворят ведь ворота зеле́зные,
Отворят ворота цюгунные.
Выходило оттуль много лю́дия,
А сорок царёв да царёвицёв.
А выходят вси да поклоняютсе
А Ильюшеньки да до сырой земли:
«А избавил ты нунь отсюль тут нас,
А от той жизни худой было́,
А от той жизни векóвыи.
А кормила подлянка одним овсом!»
А выходит ведь тут и Елёнушка,
А выходит тут да поклоняется:
«А прости меня да во той вины,
А вперед я так не буду делать-то».
А говорит Илья, да воспрого́ворит:
«А вперед ведь делать ты не будешь-то —
А уеду я да скоро, просто́,
Ты опять ведь будешь делать-то».
А берет Ильюшенька Муромець
За тую ли за трёстоцьку кленовую,
А пнул под ⟨жопу⟩ девоцькую.
Подлетела она да повыше воды,
А повыше да Божьёй церквы́,
А повыше ведь Ивана Великого,
У ней платье ведь как-ва лопнуло.
А рубашка у ней как ведь трёснула,
О бело́й груди́ ⟨...⟩

А великая щиль учинилася,
А великого смеху наделало.
А воротился ведь да Ильюшенька
А на тую на дорожку, на тот камешок,
А ведь ту подпись зафальшивил-то:
«А ту⟨т⟩ я ведь съиздил да женат не бы́л,
А женат не бы́л да убит не бы́л». —
«А поеду я да в ту сто́рону,
Где богату быть, да убиту быть».
А направил он да добра́ коня,
А ведь ехал конь ровно три часа,
А проехал он ровно триста верст,
А заехал он во горы змеиные,
А набрал каменья самоцьветные,
А поехал Илья назад-то ведь.
А не тучи ли тут за тучами,
А ни тёмны́ми ли запа́дали,
А ведь ле́тит Змея да поганая,
А хотела Ильюшенку съисть-склевать
И придать Ильюшеньке напрасну смерть.
А ударил Змею Илья Муромець,
А своей шляпой Змею давай пластать,
А сломил-то Зме́ю шляпой ведь.
Упала́ Змея трёхобо́тная,
А упа́ла Змея на сыру землю́.
А Илья взял еще ножи́що-кинжа́лищо,
А ножищем-то да порол-пластал,
А рассёк-то ее на мелки́ части́,
Распинат-то ее по чисту́ полю́,
Да тут-то Змеи да славы́ поют,
А Ильи-то как славы́ не минуетси.
А приехал Ильюшка на камешек на этот-то,
А тут надпись зафальшивил-то:
«А ведь съездил я, да убит не бы́л,
А убит не бы́л, да богат-то бы́л».
А уехал он да во стольной град.

№ 284

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ-БОГАТЫРЕ

Издил млад с малой малости до старой старости
На своем ли он на добром коне,
Во своем ли он кованном седле.
Приезжал ко серому ко камешку.
От камешка бежит да три дороженьки,
А на камешке надпись написана:
«Как во леву руку ехать — убитому быть,
А в середнюю дорожку ехать — женатым быть,
Во праву дорожку ехать — богатым быть».
Стоит тут старый да призадумалсе:
«Нашто мне на старости делать золотой казны —
У меня своей казны да ведь Господь прислал,
Нашто мне на старость делать с молодой жен⟨ой⟩?
А поеду я в ту дороженьку, где убиту быть».
Ехал старый ровно три часу,
А проехал он ровно триста верст.
Приезжает он на стены да на дубовые,
А выходит тут статничков-розбойников сорок человек.
Отдали стоит тут старый поклоняется:
«Уж вы здравствуйте, статнички-розбойнички,
А розбойнички да поддорожницки!»
Начали розбойнички старого пощалкивать,
А пощалкивать да поколачивать.
Говорит тут старый таковы слова:
«За что вы меня бьете-убиваете?
С этого места меня да спускаете?
У меня, у старого, казны с собой немношечко,
Во карманчиках у меня ровно ⟨пятьсот⟩ руб⟨лей⟩,
На себе, старом, одеточка — пятьсот рублей,
А седелышко черкальское — целу тысячу,
А коню доброму тому да и цены-то нет».
Сильнее стали старого пощалкивать,
А пощалкивать да поколачивать.
А вынимает он с головушки шелков пухов колпак,
А начал он колпачком да помахивать,
А начал он шелковыим перекидывать —
Убил он да до единого,
Не оставил он да ведь на семена.
Старый удалый добрый молодец,

Он старым назад поворот.
Приезжает он ко серому камешку,
Тую надпись он да выскабливал,
А свою-то надпись он написывал:
«Уж я ездил во левую дорожку — убит не бывал». —
«А поеду в ту дороженьку, где женату быть».
Ехал старый ровно три часу,
А проехал он да ровно триста верст.
Приезжает к теремам да ко высокиим,
К тым палатам приезжат да к белокаменным.
А выходят оттуль нянечки, верны служаночки,
Тут взимали старого ведь под руки,
Проводили в ты палаты в белокаменны,
А садили за столы да за дубовые,
За теи скатерти шелковые,
Кладывали кушанья сахарные,
Наливали питьеца медвяныи,
Отдали стояли, поклонялися:
«Ты не досыта, старый, наедайсе-ко,
Ты не допьяна, старый, напивайсе-ко!»
Ничего тут старый их не спрашивал:
Он ведь досыта да наедается,
Он ведь допьяна да напивается.
Говорит ему невеста, королевска дочь:
«Ты ложись-ко, старый, на кроватку на кисовую,
А на ту перину да на пуховую,
А о тое зеркало хрустальное!»
Говорит тут старый таковы слова,
Говорит ведь он да не стесняется:
«Я не лягу на кроватку на кисовую,
А на ту перину на пуховую —
У меня, у старого, да мочь не держится,
А понадобится часто вон ходить.
Ты сама ложись, да королевска дочь,
А на ту кроватку на тисовую!»
Тут взимал он королевну посередочки,
А бросал он на кроватку на тисову,
На ту перину на пуховую —
Провалилась тут королевска дочь
А во тыи-то подвалы да во темные,
А во тые погреба да во глубокие.
Говорит тут старый таковы слова:
«Уж вы, нянечки, верны служаночки,

Вы подайте-ко да мне золоты ключи,
Золоты ключи да отомнуть ларчи».
Говорят тут нянечки, верны служаночки:
«Мы не знаем золотых ключов,
Золотых ключов отомнуть ларчов».
Он топнул каблучком да богатырскиим —
Вылетали тут двери со шипиньями,
Выходит оттуль женихов ровно сорок человек,
Отдали стоят женишки да поклоняются:
«А спасибо тебе, старый добрый молодец,
Ты сбавил нас от смерти от голодноей,
От голодноей да от холодноей».
Говорит им старый таковы слова:
«Ах вы, женишки да сорок человек,
Что вы знаете, то над невестой делайте!»
«Уж ты, старый добрый молодец,
Мы даваем невесту в твое распоряженьице!»
Привязал к двум жеребчикам недержаным,
А недержаным да езженным,
Ростащили невесту по чисту полю.
Тут старый добрый молодец
Он вторым путем назад поворот.
Приезжат ко серому ко камешку,
Он старую надпись да отскабливал,
А новую надпись он написывал:
«Я ездил в середнюю дороженьку —
Женат не бывал». —
«А поеду я во правую дорожку, где богату быть».
Приезжает он на площади на гладкие,
А на тые на поля да на широкие,
Ко тому ко белому ко камешку.
У того у белого у камешка
Стоит тут силушка несметная,
А несметная силушка, не считана,
У того у белого у камешка.
Говорит им старый таковы слова:
«Ах ты, силушка да ты несметная,
А несметная силушка, не считана,
Дайте старому да мне попробовать!»
Он пинул каблучком да богатырским,
Он ведь выпинул-то камень на единый раз —
Очутилось под камешком много злата, много серебра.
Говорит старому силушка несметная:

«Ты ведь сбавил нас от муки от вечноей,
Ты бери-ко ты злата и серебра!»
Говорит тут старый добрый молодец:
«У меня своей казны да есть достаточно,
Уж вы черпайте корманы себе полные,
Вы берите-ко себе, сколько надобно!»
Он прежним путем назад повернул —
Ко тому ко серому ко камешку.
Он старую надпись да отскабливал,
Нову надпись он написывал:
«Я ездил во правую дороженьку —
Богат не бывал».
А на том моя былиночка кончается.

№ 285

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ездил млад с младой младости, с младой младостью, старой старостью, было надо звать да Илья Муромец, на своем ли он добром кони, на своем ли он кованом седли. Приезжат ко серому камешку, а от камешка бежат да три дороженьки, а на камешки надпись написана: «А во леву руку ехать — убиту быть, а в середнею дорожку — женату быть, а во праву дорожку — богату быть». А стоит-то старый пораздумался: «Нешто мне на старость богачество, у меня своей казны ведь Господь прислал, нешто мне на старости ⟨с⟩ молодой женой делати, а поеду я в ту дорожку, где убиту быть».

Ехал старый ровно ⟨три⟩ часу, а проехал старый ровно ⟨триста⟩ верст. На выходи — стошницки-разбойницки-подорожницки, подорожницков выходит ⟨сорок⟩ человек. Тут старый поклоняется: «Уж вы здравствуйте, вы стошницки-разбойницки». Начили разбойницки пощалкивать, а пощалкивать, покалачивать. Говорит тут старый токовы слова: «Уж вы, стошницки-разбойницки, и за што меня бьете-убиваети, с этого вы меня места не спущаетя. У меня с собой немножецко во карманьциках есть ⟨пятьсот⟩ рублей и десяточка, а седелышко церкоськое целых ⟨тысяча⟩, коню доброму тому цены ведь нет».

Нацали разбойницки пощолкивать. Вынимает старый со головушки свой шелков пухов колпак. Этот колпацек тянет ⟨сорок⟩ пудов. Начал колпачком помахивать, перекидывать. Куды мохнет — туды уличка, перемахнет он — переулочек. Выбил до единого, не оставил он на семена. Тут старый удалой добрый молодец он старым путем назад поворот ко тому ко серому ко камешку.

Нову подпись он подписывал: «Уж я ездил во левую дорожку — убит не бывал». — «А поеду в ту дорожку, где женату быть». А ехал старый ⟨три⟩ часу, а проехал старый ровно ⟨триста⟩ верст. Приезжал он к теремам да к высокиим, к тым полатым приезжал белокаменным. Выходят оттуль нянецки верны, служаноцки. А взямали старого под руки, проводили в ты полаты белокаменны. А садили за столы дубовые, клали кушанья сахарны, наливали питьеца медвяные, о́тдали

стояли, поклонялися: «Ты не до́сыта, старый, наедайся, ты не до́пьяна, старый, напивайся». Ницево тут старый не спрашивал, ведь досыта наедался, ведь допьяна напивался. Говорит ему невеста, королевска доць: «Ты ложись-ка, старый, на кроватку на тисовую, а на тую на перину на пуховую». Говорит тут старый не стесняется, не скрывается: «Я не лягу на кровать на тесовую». Тут взимал невесту посередоцьки, бросал на кроватку на тисовую. Провалилася королевска доць во тыи погреба глубокие, во подвалы во темные.

Говорит тут старый таковы слова: «Уж вы нянецки, верны служаноцки, вы подайте мне-ка золоты ключи, золоты клюци — отомкну ларьцы». Говорили нянюшки верны, служаночки: «Мы не знаем тыих ведь золотых клюцев — отомкнуть лорьцев». Тут старый удалой молодец топнул он ногой боготырскою, вылетели двери со липеньем.

Выходит женишков оттуле ⟨сорок⟩ человек, о́тдали стояли, поклонялисе: «А спасибо тебе, старый удалой добрый молодец, ты збавил нас от смерти от голодноей, от холодноей». Говорит тут старый таковы слова: «Уж вы, женишки ⟨сорок⟩ человек, что вы знаете над невестой, то и делайте». Говорили тут женишки ⟨сорок⟩ человек: «Уж ты, старый удалый добрый молодец, ты что знашь, то и делай тут». Привязали тут невесту к ⟨трем⟩ жеребчикам недерженым, неезжаным, растащили невесту по чисту полю.

Тут ведь старый удалой добрый молодец он вторым путем назад поворот ко тому ко серому ко камешку. Тою надпись он отскобливал, другу он ведь написывал: «Уж я ездил во среднюю дороженьку — женат не бывал». — «Поеду в ту дорожку, где богату быть».

Ехал старый ровно ⟨три⟩ часу, и проехал ровно ⟨триста⟩ верст. Приезжает на полстепи той на гладкоей, а на тые на поляне широкой стоит силушка несметна, а несметная, несчитана у того у каменя не влидалого, не шевелимого. Говорит тут старый таковы слова: «Ох вы, силушка есть несметная, дайте старому мне попробывать». Он топнул ногой богатырскоей, он выпинывал камень на один тут раз. Говорит тут силушка несметная: «А спасибо тебе, старый удалой молодец, ты сбавил нас от муки от вецною». Очутилось там под камешком много злато, много серебра. Говорит тут силушка несметная: «Ты бери сколько надобно, ты бери-ка злата-серебра». Говорит тут старый таковы слова: «Мне не надо злата, не надо серебра, у меня своей казны ведь Господь прислал». Начерпали они карманы полные, оны полны да ведь довольные, тут старый удалый молодец, он третьим назад поворот ко тому ко серому ко камешку, тую надпись он ведь отскобливал, нову надпись он тут написывал: «Уж я ездил ведь во правую дорожку — богат не бывал».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ
СВОДНЫЕ ТЕКСТЫ (№ 286—299)

№ 286

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Начинается-починается
Бочечка-сороковочка,
Про любимого зятя —
Про Лятина,

Про любимую дочушечку —
Про Устиньюшку.
Семь суко́в в бо́чку,
Семь сыно́в в дочку,
Матери четыре,
А невестке три.
У ней разум плох —
Ей надоть трех.
Это не сказка, а присказка,
А сказка вся впереди.
Начинается сказка
От Сивка от Бурка,
От молодой молодицы,
От свиньи наступни́цы.
А свинья наступает,
Доброго молодца с⟨...⟩ сбивает.
Не права свинья бы́ла,
Что доброго молодца с⟨...⟩ сби́ла.
А не прав добрый молодец яви́тся
Коли без палки ⟨...⟩ садится.
Это не сказка, а присказка,
А сказка вся впереди.
Слу́шайте-послуша́йте,
Жен на улицу не отпущайте.
А будете спущать,
Я не буду пропущать.
Это не сказка, а присказка,
А сказка вся впереди.

Того города Мурома, того села Карачарова был заводливой крестьянин Иван Васильевич. У него был сын Илья Муромець да сын Иванович. И этот Илья Муромець сын Иванович тридцать лет без ног лежал. По инное время уходят отец и мать в лес. А приходит один старицек прохожий и кричит в окошко: «Илья Муромец, подай милостыню!» Илья Муромец отвечает на постели: «Я б теби подал, да встать не могу». — «А ты упрись ногами». А он ногами и не шевеливал. Уперси в полати, взял ноги и выкинул за лавку. На ноги стал и пошол. Взял ковригу хлеба и подавает старицьку. Старицёк потом и опустил с плець котомку, в которую клал. Вынул графин водки и стакан, поднес Илье Муромцю. Илья Муромець взял стакан выпил и головой тряхнул. «Что, Илья Муромець, в себе чувствуешь?» — «Да, чувствую силы хорошо, порядочно». И другой налил. Илья Муромець взял и выпил, головой потряс. Говорит дедушка: «Что, Илья Муромець, в себе чувствуешь?» —«Было бы в серёдке земли кольцо, — повернул бы землю!» — «Ну-ко, Илья Муромець, выпей!» Илья Муромець выпил, крякнул, головой потряхивает. «Что, Илья Муромець, в себи чувствуешь?» — «Много силы, порядошно, но только много поотпало». — «Будет тебе силы владеть!» Дедушка потерялсы. Илья Муромець не видел, куды пошел.

Илья Муромець и в избу не пошол. Отец и мать у Волхова-реки пожню чистили. «Бог помочь, батюшка и матушка!» — «А поди — сын наш Илья Муромець!» — «Я не эдак стану работать». Один дерево возьмет и в реку бросит. Пришол домой. Лег спать. И будят его: «Илья Муромець, ставай. Иди в поле! В поле есть ослёнок. Тремя росами помой». Он голову приздынул, да сам и свалился. Опять засыпать стал. Опять будят. Илья Муромець сидя сел. Посмотрел — никого нет. Стал засыпать. Опять в третий раз: «Вставай, Илья Муромець, что ты не встаешь?» Пришол Илья Муромець в поле. Там осленок. Привел его домой. Трёмы росами вымыл, и стало на нём шерсти много, — конь хорошой. «Батюшка-матушка! Я вам не крестьянин. Я поеду к князю киевскому, послужу за отечество!» Отец и мать заплакали: «Куда ты поедешь? У нас крестьянство хорошее!» Надо после заутрени поспеть к обедне.

С отцом-матерью простился и благословился. «Дитятко, не идь на горы к Святогору, к Златогору». Поехал по дороги — на столби записи подписаны: «Первая поездка Ильи Муромца». Приежжает он в Бенéжов-град. Там Богу молятся, на скорую смерть готовятся. Поганых татаровей вокруг города на тридцать верст. «Каков верный человек?» — «Я города Мурома, села Карачарова крестьянский сын Илья Муромець, а конь мой — волчья выть. Еду к князю стóльнё-киевскому, хочу послужить». Мужики бенéжовцы говорят Илье Муромцу: «Избавь нас от напрасной смерти — от поганых татаровей». — «Мне заповедь положена: до Киева-града руки не кровавить».

Привязал к стремени правому татарина и зачал татарином похлыстывать. Так прочих татар всих и убил. Приказал собрать в кучья и сожечь на огни. «Покажите, — говорит, — прямоежжую дорогу в Киев-град». Мужики говорят ему: «Поежжай окольнею дорожкой. Прямоежжею дорожкой тридцать лет не ездят, — сидит Соловей Рахматый на семи дубах. Нет дороги ни конному, ни пешему». — «Покажите прямоежжую дорожку, недосуг мне с вами разговаривать! Нужно поспеть к обедни в Киев-град». Приносят мужики бенéжовцы Илье Муромцу три чары червонного золота, зовут его к себе воеводою. Говорит Илья Муромец: «Ай же вы, мужики бенéжовцы, не к вам я еду воеводствовать. Выбирайте меж соби».

Поехал Илья Муромець дорогой прямоежжею: дубья рвéт, и мосты мостит, и дорожку чистит. Подъежжает к Соловью Рахматому. Соловей Рахматый свиснул в прогласиць. Конь у Ильи Муромца на коленки пал. «Ах ты, волчья выть, травяной мешок! Какой ты мне слуга!» Спустил стрелочку калёную в Соловья Рахматого, пристрелил ему буйную голову. Соловей Рахматый, как клуб на земь пал. Подьежжал к Соловью помистью. Жена и дити живут. Мать в окошко пала и говорит: «Мужик едет, батюшку везéт. Я здыну подворотню, я его подворотней и убью». Робяты выходили на улицу и подносили Илью Муромцу три чаши золота червонного. Мать в гости зовет. А Илья Муромець и говорит: «Не к вам в гости еду. У вас равно кроваво. С кого взято, с тем и поеду». На балхони дочь. Натянула тугой лук и стрелила в Илью Муромца. Илья Муромець едва на конú удержался. Стрелил и убил девушку.

Приежжает в Киев-град. Обидня отошла, видать, — обедают. Приехал на широкий двор. Привязал к столбу точёному, к этому кольцю золочёному. Вошел в гривну, поклонился княженецким кухаркам: «При доми ли князь стóльнё-киевской?» Доложили князю стóльнё-киевскому: «Князь стóльнё-киевской, какой-то молодець кличет вас на кухни». — «Здраствуй, добрый молодець! Какой ты веры человек?» — «Я с города Мурома, села Карачакова, заводлива крестьянина сын, Илья Муромець сын Иванович. Еду в Киев-град, хочу послужить за отечество». — «На кухне сидят, моя простолюдия, обедают. Садись с моима крещеныма обедать». — «Неужель я

приехал с воронятамы хлеба-соли кушать? Я приехал кушать с голубятамы». Свёл его князь стольнё-киевской в свою келью и посадил в большее место обедать, выше господ. «Давно ли выехал из города из Мурома?» — «Не так давно, только порядошно. После заутрени выехал, поспевал к обедне. Дал я заповедь руки не кровавить до города до Киева, так большая делалась помеха». — «Какая помеха-то?» — «Приехал я на Бе́нежь-град, а там на скору смерть готовятся. Стали просить меня убить проклятых татар Идо́лища. Взял я одного татарина и стал правой рукой помахивать. Куда махну — улица, перемахну — переулоцьки. Так всих татар и прибил. Показали мне дорогу прямоежжую. Тридцать лет по ней не ежжено. Стал я дубья рвать, мосты мостить, дорогу чистить. Поехал дорогой прямоежжею». — «Мимо Соловья Рахматого?» — «Я его побил, он у меня на стремени и висит». — «Дай, Илья Муромец, посмотреть Соловья Рахматого». — «Дай пообедать, успеешь поглядеть!» — «Илья Муромец, покажи Соловья Рахматого». Илья Муромець Соловья отвязал от стремени. Говорит князь сто́льнё-киевский Соловью Рахма́тому: «А свисти во всю прогласицю!» — «Нет, князь сто́льнё-киевский, не ты меня поил, не ты меня кормил, не ты сюда привез. Я того хощю слухать, кто меня сюда приве́з!» Говорит Илья Муромець Соловью Рахматому. «Свисни, Соловей Рахма́тый, вполголоса». — «Не могу никак: запеклись мои уста кровью. Дай выпить чару зелена́ вина». Наливал князь сто́льнё-киевский чару зелена́ вина. Весом та чара в полтора пуда́, мерой та чара полтора ведра. И подносил Соловью Рахматому. Выпивал Соловей Рахматый чару на единой дух. «Могу, — говорит, — свистнуть вполголоса!» — «Хорошо, но только не больше!» Свиснул Соловей Рахма́тый во всю прогласицю.

Вси его свисту испугалися. Князь сто́льнё-киевский голову закинул полами, а те так стоят. Мелкие князьки лежат, оголя ⟨...⟩, по двору ходят оголякою. «Куды мы кладем Соловья Рахматого?» — «У нас есть монастыри, кладем его воеводою». — «Не ладно Соловью вы место прибрали. Могу в одну минуту весь монастырь разорить. Спустите меня на старое поми́стье. Я дам заклятье не трогать ни конного, ни пешего». Говорит Илья Муромець: «Я бы спустил тебя на старое помистье — не могу славы терпить», — и отрубил Соловью Рахматому буйную голову.

Вот хорошо. Отец-мать Илье Муромцу наказывали не ездить на Святы горы к Златогору. Поехал по тропинки. Златогор едет, дремлет. Илья Муромець наехал сзади и — чёс его палицей в голову. «Ах, русьский комар укусил!» Илья Муромец опять — чёс его палицей в голову! А тот опять: «Ах, русьский комар укусил!» Едет себе ступью дремуцею. «Неужели у меня, у Ильи Муромца, сила не по-старому, могута не по-прежнему?» Третий раз застиг — чёс его в голову! А Златогор его и с конем в корман положил. А ён в кормани кробыщется. Златогор говорит: «Русьской комар в кормани как хробыщется!» Вынул Ильюшку из кормана и спрашивает: «Какой ты меры человек?» — «Я города Мурома, села Карачарова, заводливого крестьянина Ивана Васильевича сын, Илья Муромець. Я отправился в Киев-град послужить за Киев-град. Отец-мать мне наказывали: „Не идь ты на святы горы к Златогору". А я приехал на тебя поглядеть». Сили на коней и поехали. Ильюшеньку послал впереди себя про всю прыть молодецкую. А Златогор ехал ступью дремучею. Въехали на гору. На горе стоит ящик. Говорит Златогор: «Ильюшка, опустись! Тебе ли каменный ящик, али мни?» — «Мне большой!» Златогор зашол сам в этот ящик. А ящик закаменел. Говорит Златогор Илье Муромцу: «Сломай камень!» Ильюшка стал бить, сломал палицю. «Бей моей!» Тот и здынуть не может. «Не могу владить твоей палицей!» — «Припади ко мне ртом, силы прибавлю». Он сдохнул. Сквозь камень у Ильи силы прибыло. Ударил Илья Муромець его палицей и сломал. «Я твою палицю сломал!» — «Пришла, Илья Муромець, сын Иванович, мне смерть! Заедь к моему батюшку, скажи, что Златогор преставился. Отец те́мен сидит.

Отскоци от него на три поприща». Приехал Илья Муромець к его батюшку: «Дедушка, твой Златогор преставился, на Святой горы». Тот бросил в него дверью. Ильюшка увернулся, а дверь попала в липину, и дверь с липиной улетела.

Не доежжая Киеву-граду идет кали́ка перехожая. «Здраствуй, Илья Муромець, сын Иванович» — «Как же ты меня можешь знать?» — «Мы с тобой из одного города. Зовут меня Ивашкой. Я с малых лет хожу по монастырям». — «Откуда идешь?» — «Из Ерусо́лима». — «А что в Киеви хорошего?» — «Там князь при кручине: поганых татаровей на три версты заставлено». — «Ай же ты, Ивашка могучей! У тебя — в сорок пуд, шляпа у тебя в сорок пуд, а ты никакого не отведал!» Говорит Ивашка-кали́ка: «Шел мимо города Киева, схватил одного татарина и спросил его про поганое Идо́лище. «У поганого Идо́лища голова, как сильный бугор, глазища, как пивные чашища, между глаз нос с локо́ть!» — «А много ли Идо́лище хлеба ест?» — «Хлеба ест: три печи хлеба чорного, семь печей круписчатых колачей. К обеду телицу годовалую, овцу с ялицей и три ведра вина выпивает, и три ушата молока выхлеба́ет к выти». — «Велик черт! Давай мни-ка платье кали́чье, а одевай себи платье богатырьське».

Снимал с себя Иванище платье кали́чье. А одел платье богатырьское. Илья Муромець оделся кали́кою, взял и шляпу в сорок пуд, взял и клюку в сорок пуд. И пошол кали́кой перехожею.

Пришол в Киев-град, к князю сто́льнё-киевскому под окно. А поганое Идо́лище сидит близ него. Закрычал Илья Муромец богатырьским голосом, стал просить святой милостыни: «Сотворите святую милостыню!» —«Кто это, кто это шумит?» — «Да кали́ка перехожая!» — «А чего ему? Повести-ко его в избу!» Илья Муромец мах в си́ни. «Ай не красное солнышко порассве́тлилось, а Илья Муромець ко мне пришел!» — «Ах, Илья Муромець, пособи моеи невзгодушке! Нагнал Идо́лище поганое силушки на три версты!» Спросил Илья Муромец: «Велик ли он собой?» — «Три сажени росту, голова, как сильный бугор, глазища, как пивные чашища, меж глазами целой локать!» — «Велик черт! А много ли он хлеба ест?» — «Ест три печи хлеба черного, семь печей круписчатых колачей, телицю годовалую, овцю с ялицей, три ушата молока выхлёбывает, три ведра вина выпивает». — «Велик черт!» — «Пойдем в гривну столовую».

Пошли в гривну столовую. Илья Муромець Богу помолился, поганому Идо́лищу поклонился. «Здраствуй, Идо́лище поганое!» — «Здраствуй, кали́ка перехожая!» — «Ну, что, кали́ка перехожая, откуда ты, какого города?» — «Я из города Мурома, из села Карачарова». — «Случилось ли тебе видать Илью Муромца?» — «Мы с им одного города». — «Велик ли он ростом?» — «Не знаю, ест ли более меня». — «Много ли он хлеба к вы́ти ест?» — «Три фунта хлеба черного, а нет, так полтора, два». — «А много ли колачей ест?» — «За кажною вы́тью — три, два, полтора». — «А много ли вина пьет?» — «Вина — три стопки, две, полторы». — «А я ем три печи хлеба чорного, семь печей круписчатых колачей, телицю годовалую, овцю с ялицею, три ведра вина выпиваю, три ушата молока выхлеба́ю. И то как будто боюсь Илью Муромца! Я бы этого богатыря взял бы на ладонь и сделал бы овсяной блин». — «Не убитой птицы пера не щипали. Была как у попа коро́вищё-обжо́рищё, помногу пи́ла-е́ла да и лопнула».

Да как бросит ножом поганый в Илью Муромца. Увернулся Илья Муромець, попал ножик в придверну липину. А липина с две́рема в сини улетела. Да налетел на поганого Илья Муромець, да шляпой ему в глаза. Да взял поганого за ноги да вышел на улицю и стал татар похлыстывать. Куда махнет — так улиця, перемахнет — переулоцек. А бьет Ильюшка приговариват: «А какие косточки мягкие — гнутся, не сломятся!» А Ильюше побивалка по плецю пришла. Князь сто́льнё-киевской выносит Ильюше три чаши золота червонного. «А князь сто́льнё-киевской, я

36 Зак. 3427

теби не за золото работал, а работал за отечество. Мне беседовать с тобой некогда». Поехал он к Ивашке-ка́лике. Ивашка-ка́лика плацет, Ивашка-ка́лика во слезах. А конь сзади копытом бьет. Взял Илья Муромец, отдал пла́тьё кали́чьё, надел пла́тье богаты́рьское. И поехал Илья Муромец своим путем. Тут Илье и славы́ поют!

Только я и видал,
Только я и слыхал.
Сказку сказал
И на нитку вязал,
На нитку связал
И на погост посылал.
А пого́сьски ребятки
Нитку пе́рервали
И сказку мою пе́реняли.
Испек я колачо́к,
Положил на полочо́к.
Думал — в лес пойду
И с собой возьму,
А кто-то унес.
Положил я ложку
В хлев на окошко,
Кто лёгок на ножку,
Сходи в хлев по ложку.
Там тарелка с тестом,
Чашка с медом,
По тых мест славы поют.

№ 287

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

А не волна ли с волной сволноваласе,
А не волна-то — ведь Ка́лин-царь,
А сволновалсе-то со тотарами;
А ведь собрал тут тотары неве́рныих:
«Ай же ты, тотарин со тотарами,
А и сколько ты силушки имешь и армии?» —
«А у меня-то, собаки царя Ка́лина,
Ай ведь силушки набрано,
А у меня же силы-армеи заправлено —
А и ведь силушки у меня смету нет!»
А ведь сидят со тотарами бесёдуют:
А как вели́ка слава ведь есь да Ки́ёв-град,

А поболь слава есь на солнышко,
А ведь на солнышко на князя на Владимера,
А на яга́ ли-то молоду́ жону,
А ведь молоду́ жону Опраксею,
А ведь Опраксею да Романовну.
А говорил ли-то тут да Ка́лин-царь:
«А ведь отправим силы сорок тысячей,
А наряд дадим старшо́му ата́ману:
А ведь пойдешь ли ко городу ко Ки́еву,
А во сла́вноём во городи во Ки́ёви
А разоряй-ко ты церковки соборныи,
А разбивай-ко ты крёсты́ богомольныи,
А ведь князей, бояр во полон бери,
А молоду жону ты Опраксею,
А ведь Опраксею ты Романовну,
А тую ты ко мне-ка живьём вези!
А ведь я дам злата и се́ребра,
А злата-се́ребра ти дам, сколько надобно».
Ай отправлял ли сорок тысяцей.
А тут и жаловалась Присвятая ли Богородиця:
«А разобьёт ли церквы Божии,
А разорит ли крёсты́ богомольнии!»
А нацяла просить сына́ любимого,
Как Христа-царя, Бога небесного:
«Ай же ты, мое ро́дно ця́делко,
Ай ведь послушай-ко, меня, да ро́дной матушки,
А заступи-ко славной город Ки́ёв-град,
А не допусти-ко ты ведь царя Ка́лина
А разорить мои церквы Божии,
А как разбить крёсты́ богомольнии!» —
«Ай же ты, моя ро́дна матушка!
А если мне от тебя отказатисе,
А то по всей матушки по Святой Земли́
А ведь и детушки от отця да от матуши,
А ведь тогда оны́ откажутсе.
А ведь исполню твою просьбу я великую!»
А тут ли как по городу по Мурому
А ведь иде два старца два старыих,
А две ли кали́кушки прохожиих.
А приходили в хижинку не в великую,
А где живет Иван да Тимофеевиць.
А у них было сподоблено,
А отро́дено ведь-ко цядо трицять лет,

А ведь и звали по клицике-то Илюшенькой,
А Илья Муромець сын Ивановиць.
А не имел он руцьками, не ножками,
А ведь глазами виденьиця,
А всё сидьма́ сидел в своёй хиженке.
А приходили два старьця да старыих,
А видь просили мило́стыньку да у Ильи подать:
«А Илья Муромець сын Ивановиць,
А не сойдётсе тут да мило́стынька
Как ради праздницька доброго,
А ради воскресеньиця нам Христового?» —
«Ай же вы, старьци вы старыи,
А вы кали́кушки прохожии,
А рад бы я вам подать да мило́стыньку —
А трицять лет отродя́ тогда времяцьки
Не владаю я ни руцьками, ни ножками,
А ведь не вижу я глазамы свету белого».
А говорят да старьци да старыи:
«А сходи-тко, Илья, потихошенько,
А подёшь ты, Илья, веселешенько!»
А ведь у Ильюшки руцьки замахалисе,
А у Илюшеньки ножки загибалисе,
А как сходил тогда да Илюшенька,
А принес ли ён дару Божьего,
А принес ли ён дару-то Божьего.
«А ведь Илья Муромець сын Ивановиць,
А принеси-тко ты нам пива пьяного!»
А ведь сходил ли Илья да потихошенько,
А принес же брагу ли, пива пьяного.
А ведь и старьци ты по́пили, Илюшеньке да по́дали:
«А ведь допей-ко, Илюшенька, остатоцьки!»
А допивал Илюшенька остатоцьки —
А ведь и цюствует в сибе Илья — да совсем здоров!
А ведь Илье говорили старьци старыи:
«А что ты, Ильюшенька, всё цюствуешь?» —
«А я ведь цюствую — я совсем здоров». —
«А ведь сходи-ко, Ильюшенько Муромец,
А принеси-ко, Ильюшенько, меду сладкого!»
А ведь сходил Илюша во глубок погрёб,
А старьци по́пили, Илюшеньки да по́дали:
«А ведь допей-ко, Илюшенька, остатоцьки!»
А допивал Илюшенька остатоцьки.
А ведь спросили старьци старыи:

«А ведь что же нынь, Илья, в сибе да цюствуешь?» —
«А цюствую в сибе я силушку великую». —
«А как бы какую силу цюствуешь?» —
«А я такую в сибе силу цюствую:
Если был бы во земли́ столо́б,
А ведь и было бы во столбу кольцё,
А чтобы можно было мне захватитисе,
То повернул бы всю землю́ вокруг!»
Ведь сидят старьци, советуют:
«Ведь и наб полсилы убавити,
А то ведь эта-ка силушка Ильи оставити,
А то не буде Илью земля-мать носить,
А не заможет добрый конь возить».
А сказали старци ты старыи:
«А ведь сходи-ко ты, да Илюшенько,
А принеси-ко нам брагу-пива пьяного!»
А принес Илюшенька полнешенько,
А подавал Илья да веселешенько.
А старцы по́пили — Илюшеньки по́дали:
«А ведь допей-ко, Илюшенька, остатоцьки!»
А допивал тут Ильюшенька остатоцьки:
«А что же ты, Илья, в себе цюствуешь?» —
«А я ведь цюствую — половина силушки убыло!» —
«А Господь тебя силушкой благословил.
А только ты, да Ильюшенька,
Сто́ё-ко за веру за крешоную,
А ведь за церквы за соборныи,
А ведь за дом Пресвятой да Богородици,
А береги-ко ты славный город Ки́ев-град:
А не допускай ли царя ты Ка́лина
А разоряти церквы-то Божии,
А тих ли крёсто́в богомольниих,
А ведь и дом Пресвятой Богородици!»
А ведь и старьци-то вынимали-то,
А вынимали мешок с златом-се́ребром:
«А ведь, Ильюшенька, завтра поди на ры́ноцёк!
А ведь и пригонит старыи да седатыи,
А ведь и приведе сивушка-сивогривушка,
Приведет ведь тибе на ры́ноцёк
А на шелко́воем-то на по́води.
А ведь что́ запросит — не рядись-ко с ним!
А ведь корми-ко сивушка да сивогривушка,
А ведь корми-то, пой-ко ты до этих пор,

А ведь покуда не войдет конь копытами во сыру́ землю́.
А на кажной день на Господень-то
А выходи-ко на ро́су да покататисе —
А на нем буде верето́цька сменятисе;
А ведь корми-ко пшоно́й его белоя́ровой!
А на бою тебе смерть не писана.
А ведь как только, Илья, да послушай-ко:
А ведь и не переходи ни на каку́ веру́,
А береги-ко только веру православную,
А ведь и дом Пресвятой Богородици!»
А тут от Илюши старци пошли на улицьку.
А выбегал Илья след да на улицю,
А ведь хотел посмотреть, куда ушли оны:
«А ведь вы, ребятка да ма́лыи,
А не видали двух старицьков ста́ро-ма́терых?» —
«А не видали мы некого́-то ли!» —
«А не знаете, где мой та́тенька да маменька?» —
«А ведь на тру́ды они, на работушки!»
А ведь и было времецько осённёё —
А ведь и ци́стя дубы ёны́ за три́ версты,
А ведь во ту ли реку во Сморо́дину.
А было времецько о полу́-то дни,
А пришел Ильюша — они спять, не пробу́дятсе,
А хлеба́-соли да покушаны.
А ведь стоят дубы да великии,
А ведь и ельницки, березницьки.
А наця́л Илья эти деревья пофатывать,
А наця́л во быстру́ реку́ покидывать,
А как спугалисе-перепалисе,
А ведь домой да вси разбежалисе.
А приходил ли то да Ильюшенька:
«А уж вы, та́тенька, да вы, маменька,
Да что же вы меня да перепалисе,
А ведь и скоро с работки разбежалисе?
А как пришло ко мне сегодня, Господниим де́нецьком,
А ведь пришло да два старьця два старыих,
А две кали́кушки пришло да прохожиих,
А ведь просили у мня мило́стыни, дара Божьего.
А я сходил-то ведь потихошенько,
А подавал ли им веселешенько,
А ведь и дали силушку великую.
А только велели мне-ка-ва
А как стоять за веру православную,

Ай е́хать ы берегчи́ славной Ки́ёв-град,
А мне-ко церковь богомольною,
А ведь крёсты́ мне богомольныи». —
«А как Господь тебя, ця́делко, благо́словит!»
А тут и ноценьку Илюша про́спал ли,
А как тут шол Илюша да на ры́ноцёк.
А видь и как веде́ старець да седатыи,
А веде́-то на шолко́вом да на по́води,
А ведет ли жеребця неежжена,
А ведь жеребцика неседлана:
«А ведь, дедушко, да не продажной ли?» —
«А ведь купи-тко ты, да Илюшенька!» —
«А дорога́ ль цена?» — «Да пятьсот рублей».
А ведь Илюшенька не ря́дитсе —
Отдавал денежек да пятьсот рублей;
А набрал пшоны́ белоярыи,
А приводил ли домой-то жеребцика.
А ведь кормил-поил он жеребцика,
А выводил на росы́ покататисе.
А ведь кормил Илюшенько два мисиця.
А ведь нацял бить копытом во сыру́ землю́,
Ажно земля-мать сыра́ бунти́т.
А тут и седлал ён, зауздывал.
А служил ён раннюю обедню воскресеньскую,
А ведь служил во городи во Муроми,
А ведь к по́зной обещал во Ки́ёв-град,
А ведь надь поспить ко князю ко Владимеру,
А ко по́зную обедню воскресеньскую.
А доежжал Илья да до села до Калинина,
А видь кали́ниньци-смородя́диньци.
А тут-то ли стоит тут Непра́-река,
А о Непру́-реку́ тотарин со тотарыми,
А ведь на сцет у тотарина силы — сорок тысяцей.
«А далёко ли, — спросил Илья Муромец,—
А далёко ли ты, тотарин, пробираишьсе,
А до цего же ты, тотарин, домогаишьсе?» —
«А я иду во славный город во Ки́ёв-град,
А ведь хощю сожгать, спалить, головнёй скатить,
А князей, бояр всех киеських
А ко себе хощю во полон забрать.
А вы далёко ли, уда́лой до́брой мо́лодець?
А далёко ли вас Господь несет?» —
«А ведь еду я стоять за Ки́ёв-град,

А я за Ки́ёв-град, за веру хрещёную,
А я за че́рковки стоять за соборныи,
А ведь за дом Присвятой да Богородици,
А не допускать никакого татарина».
А ведь стоят они о Непру́-реку́ да советуют:
«А ведь ты, уда́лой доброй мо́лодець,
А ведь как тебя зовут да по имени,
А как тебя зовут по отецесьву?» —
«А Илья Муромець сын Ивановиць».
А тут оны с тотарином позадорились:
«А неу́жель ты один оворо́тишь нас?
А у меня силы сорок да тысяцей —
А и взять тотарам Илью Муромця!»
А как Ильюшеньки сердецько разгорелосе:
А видь нацял силушку помахивать
А своим ли копьем долгомерныим.
А махнул — туда падут улицей,
А перемахнул Ильюша — переулоцьком.
А ведь и что было тут рядом, всих повышелкал.
А приежжал в село да Кали́нино
А ведь к калининцям, к смородя́динцям,
А ведь пришел — никого не нашел во селах ли.
А как ехал Ильюша ко Божье́й церькви́,
А ведь приежжал ко Божьёй церкви́.
(*Голос не бежит*!)
А ведь в Бо́жьёй церкви́ вси да каютсе,
А вси каютсе, прицящаютсе,
А воевать с тотарам вси справляютсе.
А приходил Илюша во Божью́ церькву́.
«А вы, кали́нинци-смородя́динци,
А что вы каитесь, прицящаетесь?
А далеко ли вы, мо́лодцы, да справляетесь?» —
«А уда́ленькой да запа́ленькой,
А ведь уда́лой ты доброй мо́лодець,
А наехал к нам тотарин со тотарами
А ведь мы-то каимси, прицящаимси,
А воевать мы с тотарином справляимси». —
«А ведь сходити-ко, поглядити-ко,
А видь и что ведь там сила делает,
А она что ведь там да работает?» —
«А видь пои́дим мы всей арте́лецькой».
А как ни смеют идти во цисто́ полё,
А оны выставили взяли в колоколенку —

А видя — силушка вся побитая.
А тут скорилисе вси, смолилисе:
«А тут удáлой доброй ты мóлодець,
А ты скажись нам, ты какой земли,
А ты какой земли-то да какой орды?
А ты какого е роду-племени?
А ведь какого отця-матери?
А как зовут тибя по имяцьке,
А звелицяют тибя по отецесьву?» —
«А я ведь есь Илья Муромець,
А у меня хто пожалует, дак сын Ивановиць;
А ведь и татенько — Иван да Тимофиевиць,
А у меня маменька — да Яковлевна». —
«А ты живи у нас — будем слушати,
А что прикажешь, Илюшенько, — будем делати!»
А отвецял ли тогда да Илюшенька:
«А как и не великая я и бáрщина,
Миня слушатиси да мне поклонятисе,
А у меня же вам доложатисе.
А вы, калúниньци-смородя́диньци,
Расскажите-ко мне, покажите-ко,
А ведь куда есть дороженька во Кúёв-град!»
А тут калúниньци-смородя́диньци
А собралисе тут да советуют:
«А на коне дорожкой прямоежжою,
А как дорожка буде-то триста верст;
А как прямой дорожкой до Кúёва,
А ведь дорожкой есть полтораста верст.
А на середини-то вóлока
Восселилсе Соловей-разбойник своим гнездом.
А сыновья-то ведь пожéнены,
А доцери у него замýж повыданы;
А как обцинён тыном дом зелезныим,
А ведь штыками-то да ведь вострыма,
А на каждом-то на штыке востроим
А насажены головки целовецьи-то,
А целовецьи головки, богатырьскии.
А ведь нельзя дорожкой, доброй мóлодець,
А доброй мóлодець, туда ехати,
А ведь живи ты у нас, ты, Ильюшенько!» —
«А вы покажите дорожку, расскажите-ко
А мне дороженьку ту прямоежжую!»
А тут и вси жалели калúниньци,

А ведь кали́ниньци-смородѝдиньци,
А что такого убьет Соловей-розбойник-то.
А подъезжал да Илюшенька;
А ведь пришли болота ты топуции,
А услышал близ Соловья близ разбойника.
А сидел ли Соловей да разбойник-то
А на семи-то, на семи дубах,
А на семи дубах, на семи верстах
А ведь своим-то ли ён гнёздо́м.
А ведь услышал то́поть богатырьской-от,
А богатырьской то́поть лошадинои,
А зашипел ли то по-змеиному,
А закрицял Соловей по-звериному,
А засвистал Соловей по-соловьиному —
А под Ильюшенькой конь на коленки пал.
А тут Илюша со добра́ коня выскакивал,
А маковым цветоцьком уши зату́пывал
А у добра́ коня да и у́ себя
А от того крику-свисту Соловьиного.
А натянул Ильюша тетивку шо́лкову потугешенько,
Понаправил Ильюша стрелоцьку прямешонько,
А ведь спустил ведь Соло́вьюшко во правой глаз,
А вылетела стрела ка́лена во лево́ ушко́,
А ведь свернулся Соловей да с своего́ гнезда.
А ведь Ильюшенько клал его да во то́роки,
А привязал Ильюшенька ведь ко стре́мены,
А ведь повез Соло́вьюшка во Ки́ёв-град,
А ведь ко князю ли ко Владимеру.
А доежжал ведь до полаты белокаменной,
А до Соловья ли ён до розбойника;
А ёны́ видали, Соловьиныи малые детушки,
А во коси́цято да окошецько,
А во хруста́льнёё да стекёлышко,
А увидали Соловьиныи малые детушки:
«А уж ты, наша ро́дная матушка,
А едет наш-то ро́дной батюшка,
А какого-то мужицёноцька,
А мужицёноцька он у стремены́ везет».
А поглядела ли ро́дна матушка:
«А ведь и и́де какой-то мужицёноцька,
А ведь и нашего батюшка у стремены́ везё». —
«А не шаль-ко, наша матушка!
А не может быть наш батюшка.

А попадет ли он в стремены́-то ведь?»
А подъежжал ли как Ильюшенька
А ведь рядом косивцятых око́шецок,
А как крыцит Соловей да Рахматов-то:
«Ай же вы, мои детушки,
А зятевья вы мои да вы, доцери,
А как зовите-ко вы Ильюшеньку,
А как зовите в полаты белокаменны
А хлеба-соли-то вы покушати,
А ведь Ильюшенька, своего вот батюшка!»
А как поехал Ильюшенко — не стесняитсе,
А усё Илья-то на широкой двор.
А была доць у Соловья у разбойника,
А ёна́ Цю́йка-доць, звали ю Цю́яцька,
А была ёна́ богатырка ведь.
А брала ёна́ закладку хрустальную —
А ведь и весом закладка девяносто пуд —
А ведь садиласе на ворона́ коня,
А бросала ёна́ Ильи на плецька на могуции,
А ведь горзону́ла да закладка этим коньцём,
А ни тем коньцём во сыру́ землю́;
Он ведь кинул ю Ильюшенька,
А ведь кинул Цю́йку под жопку ведь —
А улетела ли за тын за зелезныи,
А эта Цюйка-та, богатырка-та.
А ведь поехал да Ильюшенька:
«А хорошо гости стали гостить!»
А ведь крицит Соловей да Рахмановиць:
«А ведь откупляйте-ко вы, детушки, батюшка,
А выдавайте-ко за него сорок тысяцей!
А не возьмет сорока́-то тысяцей,
Вы давайте да сто тысяцей,
А ведь и двадцать боцек давайте злата-се́ребра!»
А говорил да Ильюшенька:
«А уж вы, малы́и, ма́лы детушки,
А не возьму я боцек злата-се́ребра.
А вы катите-ко во славной Ки́ёв-град,
А я ведь там отдам тода батюшка!»
А сам поехал Ильюшенько во Ки́ёв-град.
А ведь привязал во городи во Ки́ёви
А ведь ко столбу ли коня ко тоцёному,
А ведь ко колецику ли золоцёному,
А насыпал пшоны́ белоярыи.

А ведь сказал ли то он Соло́вьюшку:
«А береги-ко ты да добра́ коня!
А ведь и сам я пойду да во Божью́ церкву́ —
А ведь она отходит, позьня-то оби́денка,
А как оби́денька да воскресеньская».
А ведь как только зашол Ильюша во Божью́ церкву́,
А ведь пошли богомольци со Божьёй церквы́,
А ведь пошли могуции бога́тыри.
А приглашат Илью Владимер-князь сто́льнё-киеськой
А хлеба-соли да покушати:
«А ведь заежжой уда́лой добрый мо́лодець,
А вы пожалуйте хлеба-соли покушати!»
А ведь Илюшенька тут да не стесняетсе,
А Ильюшенька след пробираетсе.
А приходил ли да Ильюшенька
А ведь ко князю на обед ко Владимеру.
А ведь садилсе-то на крайцик-то.
А ведь у которого опри́цяго,
А тот ли да повывядет —
А объявилсе Илья на верхнем конци́.
А ведь и хлеба-соли покушали,
А ведь и разныих напитоцек пору́шали,
А ведь нацял Владимер-князь да выспрашивать:
«А ведь уда́лой доброй ты мо́лодець,
А какой ли земли есь, какой орды?
А ты какого роду и племени?
А ведь е ты отця, матери?
А как зовут тебя да по имецьки,
А звелицяют тебя по отецесьву?
А далеко ли тебя да Господь несё?» —
«А я есь из города из Мурома,
А я родителей благоце́сьныих,
А ведь зовут меня Илюшенькой,
А кто пожалует — я сын Ивановиць.
А ведь приехал я во славной город, во Ки́ёв-град
А постоять я за веру за крещеную,
А постоять я за церьковки соборныи,
А я за домы Пресвятой Богородици». —
«А когда ты, Ильюшенько, из дому повыехал?
А ведь каким ты, Ильюша, путем ехал ведь?
А ведь есь дорожка прямоежжая,
А воселилсе Соловей да розбойник-то,
А воселилсе ли в середи во́лока,

А как жевё, говорят, гнездом Соловьиным,
А не дает он прохожему проходу-то,
А не дает он проежжему проезду-то;
Ай у него стоит полата белокаменна,
А общящена тынка́мы зелезныма,
А все штыкамы обставлено да вострыма,
А ведь на каждой штыку да на во́строём
А насажены головки целовицьи-то,
А целовицьи головки, богатырьскии».
А ведь как тут говорил да Ильюшенька:
«А ведь какой-то у меня да Соловье́шецек
А ведь есь привязан к стремени́-то ведь!»
А вси бога́тыри удивилисе,
А ведь тут и вси разглядѝлисе.
«Ведь сходи-ко ты, Ильюшенько,
А приведи-ко посмотрить-то видь!»
А ведь и вси да ни поверили:
«А ведь и вре⟨т⟩ заоле́шанин!»
А ведь и приводил Илюшенька добра́ коня,
А отвезал ли Соло́вьюшка-разбойника,
А приходил ли с Соловьем да на широкой двор.
А приходили Владимир с Опраксией послушати,
А вси те сильныи могуции бога́тыри,
А ведь послушати, полюбоватисе.
А говорил тут-то ведь Владимер-князь:
«А ведь Соло́вьюшко Рахматов ведь,
А про тебя иде́ слава великая.
А посвисти-ко, Соловей, по-соловьиному,
А пошипи-ко, Соловей, по-змеиному,
А покрычи-ко, Соловей, да по-звериному!»
А ведь и говорил тут Соло́вьюшко:
«А не у тя я, Владимер, ел и кушал-то,
А не тебя ведь я буду да слушать-то,
А ел я, кушал сегодня у Ильюшеньки,
А ведь Ильюшеньку буду я слушати».
А говорил ли тут Ильюшенька:
«А ведь Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А у него уста запецялились
А от такого удару великого.
А ты налей-ко ца́ру зелена́ вина,
А ту другую пива пьяного,
А третью налей меду стоялого!»
А ведь как то Соло́вьюшку и по́ серьцю,

А выпивал Соло́вьюшка три цяроньки,
А ведь и без всякого дозволеньиця
А закрицял Соловей да во всю голову.
А ведь как крыцит — да земля дрожит,
А окольници во Киеви поломалисе,
А терема ты вси да пошаталисе,
Ой ведь тут ли князь со княгыною
А вси ты плавают окора́кулей:
«А Илья Муромець сын Ивановиць,
А ты уйми-ко да Соло́вьюшка!
(*Захотели послушать, дак угостил*!)
А ведь Илья-то Муромець сын Ивановиць,
А куда знашь, а туда и девай его!
А ведь мы наслушались, налюбовалисе,
А на Соло́вьюшко да нагляделисе!»
А прикатили в то время боцьку с золотом.
А говорит ли тут ли Илюшенька:
«А ведь ты, Соловей ты Рахматов ведь!
Ай же вы, да ты ли детушки!
Мне не надобна злата-се́ребра,
А вы катите-ко злато-се́ребро,
А вы катите-ко да домоюшко!
А я спущу-то вашего батюшка,
А того Соловья да розбойника:
А ты бежи, Соло́вьюшко, домоюшко,
А натяну я тятивку шолко́вую потугешенько,
А понаправлю я стрелоцьки прямешенько.
А если паде́ стрела во цисто́ полё,
А ведь падёт стрела в ретиво́ серьцё».
А как спустился Соловей во весь-то дух!
А Илья Муромець сын Ивановиць
Натянул тетивку шо́лкову потугешенько,
А понаправил он стрелоцьку прямешенько —
А ведь и пала стрела в ретиво́ серьцё,
А растянулси Соловей да по дороженьке.
А видь и этак Соло́вьюшка оны со́жгали,
А распустили ведь да по воздуху.
А тут же Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А он открыл пир для Илья Муромця.
А и тут вси ли собиралисе,
А и вси князья-бояра да съежжалисе —
А ведь такой ли приехал в славный город, в Ки́ёв-град!
А тут и жил ведь Ильюшенька два ми́сяця.

А говорил ли тут да Ильюшенька,
А Илья Муромець сын Ивановиць:
«А ведь всё-то было-то благополуцьно ведь.
А, — говорил же, — князь Владимир стольнё-киеськой,
А ведь нельзя ли меня уволить на сутоцьки,
А мне поездить по разным по го́родам,
А мне поездить по дальниим по сто́ронам?
А ведь съежжу-ко я, погуляю ль я!»
А ведь Ильюшка да поежживат,
А он поежживат да погуливат.
А как идет-то одним Ильюшка да волоком,
А разгорелосе сердецько богатырьское.
«А не с кем да силушки попробовать,
А не с кем мне плеця́ богатырские».
А попадал, стри́цю идет ста́ро-ма́терой,
А иде́, о клюку опираетсе,
А вперед старицек да пробираетсе.
А стретился этот старицек с Ильюшенькой,
А поклонился этот старицек да Илюшеньки:
«А уж ты здраствуй, Илья Муромець сын Ивановиць!» —
«А уж ты здраствуй-ко ты, дедушко!»
А ведь и поклонился ста́ро-ма́терой —
А ведь упала с головки шапка пухо́вая.
«А Илья Муромець сын Ивановиць,
А тяжело мне, старицьку, наклонитисе,
А нельзя ль подать мне шапоцьку пухо́вую?»
А хотел Илюша ножкой закрю́цяти —
А шапоцька пухо́ва не двигаетсе,
А не двигаетсе шапка, не шатаетсе.
А ведь скоцил тут Илюша со добра́ коня,
А ведь хватил Илюшенько одной рукой,
А ведь хотел край-то оторвать-то ведь —
А ведь и шапоцька не двигаетсе.
А как хватил Илья руцькамы своими да резвыма,
А ведь сам зашол до грудей во сыру́ землю́ —
А ведь шапоцька та не двинулась.
(*Похвастался! Хвастать не велено!*)
«Ай ведь вели́ку силушку цюствуешь?» —
«А ведь и здравствуй-ко ты-ко, дедушко!» —
«А ты давно ли нуне да из Ки́ёва?» —
«А я из Ки́ёва ежжу трое сутоцьки.
А вы, дедушко, вы-то из Ки́ёва?» —
«А я ведь из Ки́ёва я сицясь иду». —

«А ведь во городи да во Ки́ёви
А всё ли то есть по-старому?
А ведь и всё ли да ведь да по-прежнему?»
А отвецял ли тут дедушко:
«А во городи да Ки́ёви
А ведь и всё-то стало не по-прежнему,
А ведь и всё-то стало не по-старому:
А есь пецяль у князя великая —
А ведь наехал Инде́лищо пога́ноё,
А нет богатыре́й сильниих, могучиих;
А ведь сидит у князя у Владимера,
А ведь сидит за столам за дубовыма,
А он выпрашиват, вытребыват
А е́сьва-пи́тьва да медовыи.
А княгина-то сама с князём,
А ведь князь сам да Опраксея
А подносили бы напитки медвя́ныи.
А чтобы князь Владимер сто́льнё-киеськой
А не допускал никого-то ведь».
Ведь как тут поехал Илья Муромець.
«А добрый мо́лодець, ехать-то не то́ропись,
А ведь назад не во́ротись!
А скидыва́й свои платья богатырьскии,
А ведь пускай-ко добра́ конь во чиста́ поли́,
А одевай-ко мои платьиця кали́ции,
А бери шапоньку мою ты пухо́вую!»
А тут Ильюшенька слез со добра́ коня,
А ведь спустил добра́ коня во цисты́ поля,
А скидывал свои платья богатырьскии,
А одевал он платье кали́цье-то,
А на головку кладал шапоцьку пухо́вую,
А взял ли ён клюху долгомерную.
А приходил Илья-то во Ки́ёв-град,
А ведь и в тую ли полату белокаменну,
А остановилсе Илюшенька ко двероцькам:
А ведь сидит Идолищо пога́ноё
А за столамы ли он за дубовыма,
А видь ходит князь Владимер ли
А со Опраксией да пецяльныи.
А подходил-то да кали́ка-то:
«Ай же ты, Идо́лищо пога́ноё,
А не сойдётсе ли милостынька тибе подать
А ради козака Илья Муромця?»

А ён сподлобья, Идóлищо, запоглядывал:
«А ведь какой у вас богáтыри славныи,
Илья Муромець сын Ивановиць?» —
«А ведь такой же, да как и я!» —
«А много ли Илюша хлеба ест,
А хлеба ест к выти кажныи сутоцьки?» —
«А Ильюша ест да три фунтика». —
«Не кое-какой богáтырь-то!
А ведь я ем хлеба-то,
А ведь ем хлеба к выти три пуда-то,
А ведь три цяры и разом пью!» —
«А ведь была корова — много ела, ёнá лопнула!»
А ведь и тут оны поразыдóрилисе,
А ведь Илья и Идóлищо погáноё.
А ведь Ильюша поближе подвигается,
А ведь новой Илья шапоцькой пухóвою
А ведь дал Индóлищу погáному по загривоцьку —
А растянулсе Идóлище вдоль лавоцьку;
А ведь хватил Илья Идóлищо да зá ноги,
А потащил Илья головой да по крылецькам,
А вытащил Илья Идóлищо на цистó полё,
А ведь сожгали телеса его,
А ведь и спустили пепел по цисту́ полю́ —
А ведь как тут концили Идóлища погáного.
А как и тут прошло времецьки,
А ведь и шло-то три году́,
А жили вси сильнии мóгуции богáтыри.
А прошло времяцьки три году́,
А всё-то было во Киёви,
А ведь и все-то было благополуцьно ведь.
А наця́ли лихии лю́душки подхаживать,
А наця́ли на Ильюшку наговаривать:
«А уж ты, князь ты Владимер стóльнё-киесьской,
А Илья Муромець сын Ивановиць
А живет ли он со богáтырьми,
А хоцит овладить княжесьвом,
А эты хоцют самы управлять-то ведь».
А няця́ли князя Владимера смущать-то ведь.
А тут Владимер-князь стóльнё-киеськой
А ведь приказал могуциих богáтырей
А посадить во крепости во крепкие.
А вси богáтыри поразъехались,
А Илья Муромец да сын Ивановиць —

37 Зак. 3427

А никуда он с Киёва не е́диит.
А тут-то приказал посадить Илью,
А посадить Илью во погребы глубокии,
А завалить клиньями-колодьями.
А у него была доць четырнацятьлетняя;
А как жалела она Илью Муромця,
А упросила она своего-то да дядюшку,
А ведь плаце, ходит по Ильюшеньки.
А ведь и сделала ли дорожку подземельную,
А ведь ходила дорожкой де́ницёк,
А ведь и носила-то Ильюши пищи-то разныи.
А прошло времецьки-то цела три году́,
А прошла ведь слава великая —
А нету живого Илья Муромця,
А нет во Ки́ёви сильниих могуциих бога́тырей.
А ведь и злоба иде у царя Калина:
«А ведь решил и силы Илья сорок тысяцей,
А решил Илья могуцего бога́тыря,
А ведь Индо́лища да пога́ного —
А ныньце нету могуцего бога́тыря!»
А ведь отправилсе Калин-царь,
А нагнал силы он под Ки́ёв-град —
А серу волку не обрыскати,
А церну во́рону силы не обграяти.
А ведь пишет-то собака Калин-царь:
«А уж ты, солнышко Владимер-князь сто́льнё-киеськой,
А отворяй-ко ворота широкии,
А ведь катай-ко бо́цьки да с пи́тьями,
А ведь катай-ко бо́цьки по цисту́ полю́,
А ведь уга́щивай силу мою, армию!»
А уж тут Владимер-князь поросплакалсе,
А как сидит у стола у дубового,
А ведь слезами плаче, уливаетсе.
А ведь говорила ему́ да доць да ведь ро́дная:
«Ай ведь ты, мой ро́дной тятенька,
А ведь сходим-ко да попросим-ко
А ведь того ли мы Илью Муромця,
А мы во тыи погрёба́ да во глубокии». —
«Ай же ты, мое а ведь цяделко!
А ведь нету у Ильюшеньки костей целыих —
А ведь как три года́ тому да времени
А посажён Илья в погрёба́ глубокии,
А завалён он, Илья, клиньями-колодьями».

А говорила она ему, доцка-то:
«Ай мой родный ты татенько!
А я цитала все книги ива́ньдельски —
А ведь Ильюше в бою ни⟨г⟩де́ смерть не писана.
А ведь и сходим-ко мы, поглядим-то».
А разрывали погрёба́ те глубокии,
А видь отворяли двери широкии —
А ведь сидит Ильюша у стола-то видь,
А как и горит свиця па́льняя,
А как цитат-пишет Илья в Ива́нделье.
А ведь и тут князь да на коленках стал,
А ведь и стал Владимер-князь, порасплакалсе:
«А Илья Муромець сын Ивановиць,
А ты прости миня во такой вины!
А лихии люди да смутили видь;
А наця́ли ко мне да похаживать,
А наця́ли ёны беды́ да посказывать,
А ведь я сгоря́чился, посадил тебя».
А сам плацет, стоит да у́ глубоком погреби.
А ведь как тут говорил-то ли Ильюшенько:
«А ведь и что у тебя да слуцилосе?» —
«А ведь наехал сам да Калин-царь:
А ведь силы нагнано, позаправлено —
А цёрну во́рону не обграяти,
А серу волку да силы не обрыскати». —
«А что же ты там отписывал?» —
«А ведь и я не знаю, что ведетсе-то,
А ведь и взял бумагу и цернила ведь.
А ведь пришел только ко мне тотарин тот,
А бросил ли на стол тут ли писёмышко,
А сам сидит он, Богу не молетсе,
А на лавке сидит, на нас да ко́сетсе».
А приходил же к Илюшеньки с тыи́м письмом.
А ведь пишет-то да отве́тает
А Илья Муромець сын Ивановиць:
«Ай же ты ли, собака да Калин-царь,
А дай же нам стро́ку нам на три году́
А наварить ли нам зелена́ вина,
А накурити нам пива пьяного,
А ведь тогда угостим твою всю силу-армею,
А тогда мы раскота́ем бо́цьки по цисту́ полю́.
А по цисту́ полю́, по всему граду́.
А ведь не дашь стро́ку на три году́,

А дай-ко стро́ку хоть на́ три ми́сяця,
А ви́дь не дашь стро́ку на́ три ми́сяця,
А дай-ко ты, Калин-царь, ты да на́ три дня,
А ведь на́ три дня не дашь, дай на три ця́са́
А наварить-накурить зелена́ вина!» —
«А отправляйсе с тым писёмышком,
А да подай-ко его ты тотарину!»
А выходил Илья из погрёбо́в глубокиих,
А видь и шел Ильюша во цисто́ полё,
А во цисто́м поли́ закрицял по-богаты́рьскому,
А засвистал Илья по-молодецькому.
А добрый конь бежит — земля-мать дрожит,
А он со всёёй приправой богатырьскою.
А тут садилсы Илья на добра́ коня,
А выежжал Илья во цисты́ поля,
А он на го́ры на высоки подымаетсе.
А видел он ⟨в⟩ сторонушки полудённые:
А силы на́гнано, силы позаправлено
А у того ли царя да Калина —
А серу волку силы не обрыскати,
А цёрну во́рону силы не ограяти.
А тут Илья Муромець сын Ивановиць
А он с тотарами понаправилсы,
А куда махнё Илья — падут улици,
А перемахнё Илья — да переулоцьки.
А ведь у них ли, тотар у поганыих,
А выкопано три по́дкопа богатырьскиих,
А богатырьскиих да глубокиих,
А доброй конь це́ла Илью повытащил,
А ведь другой Илью повынес ведь,
А с третьего по́дкопа сам он повыскочил,
А Илюшенька с добра́ коня повылез ведь.
А тут кругом Ильи встали тотара да поганыи,
А приводили самого да царя Калина.
А ведь связали у Ильи да руцьки белыи,
Да ведь сковали у Ильи да ножки резвыи,
А ведь и стала у Ильюши не своя воля́,
А стала тут у Калина-царя.
А говорил Калин-царь-то Илье Муромцю:
«А поминали — Илюшеньки живого нет, —
А ведь в старости старицёк еще поезживал.
А ведь Илья Муромець сын Ивановиць,
А ведь перейди-ко на мою-то на сто́рону,

А буду тя кормить и поить-то ведь,
А я до смерти тибя ведь, Ильюшенька!»
А говорил тута Илюшенька Муромець:
«Ай же ты, собака ты Калин-царь,
А за твои ты слова неразумныи,
А ведь и ныни не своя воля́ —
А отсеку я тибе буйную голову!»
А тут же Калин-цярь раззадирилсе.
«А ведь свезите на казню смертную,
А отрубите Илье буйную голову!»
А повели тут да ведь Ильюшеньку
А мимо церковки ты соборныи,
А мимо ты кресты богомольныи,
А мимо дому Пресвятой Богородици:
А ведь Ильюша порасплакалси:
«Ай вы, церковки вы соборныи,
Вы кресты-то ведь богомольныи,
А уж дом Пресвятой да Богородици,
А у мня-то нынь не своя воля́,
А то ведь я-то ведь не допустил бы ведь,
А ведь собаки-то царя Калина
А ведь над храмом надрыга́тисе!»
А ведь у Илье все пороссе́лосе,
А все замки́-завязки поразвязалисе,
А ведь и стала у Ильюшеньки своя воля́.
А ведь хватил татарина Илья за́ ноги,
А ведь головкой их повыщелкал.
А выходил Ильюша во цисто́ полё,
А добрый конь бежит — земля-мать дрожит,
А он со всёй ли приправой богатырьскою.
А ведь Ильюша садилсе на добра́ коня,
А натянул тетивку шо́лкову потугешенько,
А понаправил Илья стрелоцьку-ту прямешенько,
А ведь глядел ли в сторонушку си́верну —
А ведь и стоит ли шатер белополо́тняной,
А ведь и стоя⟨т⟩ кони кругом богатырьскии,
А богатырьскии да всё русьскии,
А там отдыхают сильнии могучии бога́тыри,
А ведь ты-то тринадцеть бога́тырей
А ведь Самсона-ты крёсного.
А ведь спустил Илья стрелоцьку калёною:
«А ты лети, лети, калена́ стрела,
А ты пади, стрела, ни на́ небо, ни на́ землю,

А ведь пади-ко, стрела, во цисто́ полё,
А ведь пади, стрела, Самсону-то крёсному,
А проломи-ко ты латы кольцужныи,
А ведь попади ему в медной крест!
А что он, крёсной, спит, не пробудитсе,
Не ведает над крёсником силушки великие».
А тут летела стрела да калёная,
Она пала ни на́ небо, ни на́ землю,
А ведь летела стрела да во цисто́ полё,
А проломила она латы кольцужныи,
А попала Самсону во медной крест:
«А вы вставайти, двенадцать добрых мо́лодцёв,
А видно, ведь слуцилосе у Ильюши недоброе,
А что он скорого да посла держал!»
А как садилисе на добры́х коней —
А ведь на того ли да на цяря на Калина,
А на силушку да на армею.
А вси тринадцять добрых мо́лодцёв
А бьют-то тотар со сторонушки,
А ведь со другой бьет Илья да Муромець —
А не оставили татар и на си́мяна,
А Ка́лин-царь бежит-то, не гонитсе;
А говорил ли собака тут Калин-царь:
«А закажу я дитя́м и вну́цятам,
А ведь вну́цятам и правну́цятам,
А не то что ежживать,
А на Руси думой не ду́мывать!»
(*Натешилси, довольно!*)
А ведь ехали ко князю ко Владимеру,
А ведь угащивал, удерживал:
«А цим вас буде, мо́лодцёв, буде жаловать?
А цим вас буде, мо́лодцёв, ныньце че́ствовать?
А городами вас ⟨с⟩ пригородками?
Али сёлами с красныма товарамы?
Али златом да вас, се́ребром?»
А отвицяли добрыи мо́лодцы,
А они сильнии могуции бога́тыри:
«А ведь мы самы едим-пьем-кушаем,
А только нам дай слободушку великую!»
А не имати-то й нас, не захватывать!»
(*Эта былина на десять верст.*)

№ 288

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Двенадцать годов ён лежал во гноище. На ему была такая боль, как кора еловая во всем теле. Ён не владел ни руками и ни ногами. Родители цистили пожню, брали тридцать целовек на́ день об реку. Его мать напекла хлеба на тридцать целовек. Ушли вси, заложили его в избу.

Ангел Господен прилетел, сел под окошко: «Илья Муромець, открой». — «Не могу я ворот открыть, я лежу двенадцать годов во гноище, не шевелю я рукой». —«А ну-ка, — говорит, — пошевелись». Пошевельнулся — отлетела вся болезнь, как еловая кора. — «Выстай-ка, — говорит, — сидя». Вот он сидя выстал. «Поди же по избы!» Ён по избы прошол и отомкнул ему ворота. Пришол, выпил из бутылки, налил ему рюмку с бутылки со своей. «Выпей и ты». Илья Муромец выпил. «Ну, как ты цюствуешь в себе здоровье?» — «Здоров совсем». — «Ну, нать другу́ выпей». Дал ему другу́ рюмку выпить. Другу́ выпил. — «Ну, как все цюствуешь?» — «Силу я в себе цюстую. Был бы от земли до неба столб, я бы повернул ету землю вверх, а небо вниз». Старицек видит — дело не у́ха! Ему дал третью рюмоцьку. Он третью рюмоцьку выпил. — «Ну, нынь как в себе цюствуешь?» — «А нынь я цюствую силы меньше стало».

Очень богатырь большой стал. Старицька поблагодарил, старицек ушел.

Ён взял, сошел к матери в кладовку и приел весь хлеб на тридцать человек. Стали обедать — хлеба нету. Илья Муромець ворота отложил. — «Вы?» — «Да, это мы». — «Вы лежали!» — «Мы лежали, а потом стали здравы». — «В таком месте цистили пожню. Хлеб с кладовки унес». — «А это, мама, никто не унес, это я съел». — «Как так мог съесть, столько напецено?» — «Я двенадцать годов не ел, а вот для того и съел. Ну, вот, этого дела. Я пойду, мама, посмотрю ваши зарабо́тки». Ён сошел. Как дуб берет, захватит березу, все кидат в воду, заплотил плот на реки — больше не може течи река.

Пошел домой, побрел на конюшню. Тут один с жеребеноцьком с маленьким походит. Походит да перескоцит через реку, да скоцит назад. Ён поглядел. «Папа, купи мне етого жеребца». — «Куда ты с этим? Маленькой!» — «Да маленькой, да купи!» — «Мужицек, сколько просишь?» — «Жеребец маленькой, что хочешь, то и дай». Отец сошел, купил. Жеребець ростет не по годам, а по цяськам да по минуткам. Зазвонили к обедни у Соловья-разбойника на погосте. А это надобно попасть Илье Муромцю, дак кругом ехать тристо верст, а прямо — всего пятнадцать. Поежжает. Своя родительница ёму и говорит: «Илья Муромець, тебе не переехать. До Соловья-разбойника три заставы, есть река текуцяя». — «Так это жеребець перескоцит». — «Река, — говорит, — пять верст. А другая исть застава — болото топуцёё. Кто поедет, хоть кто побредет по болоту, не бывать человеку, потоне!» — «Я мост замощу». — «А третья застава — вор Соловей-разбойник на двенадцати дубах. Свито гнездо на этых дубах. Так ты уж мертвой будешь!» — «Я подстрелю его».

Вот и поехал к этой реки. Как этот конь с всего маху через реку перескоцил. Опять в болото приехал, болото страшное было. Он деревья рвет, кладат мостом и коня след ведет. Болото замостил. Поехал к Соловью-разбойнику. Соловей-разбойник и говорит: «Ну что, Илья Муромець, погубить тебя?» — «Поцему погубить? Меня вовек не можешь погубить. А мине как тибя погубить!» Илья Муромець со своего самострела как стрелил, а этот вор Соловей-разбойник и пал. Ён зашевелился, ён переправил другой раз, привязал к лошади, к стремену и приехал к ихней кварте-

ри. А доць в окошко глядит, своей матери: «Ой, мама, папа да цего-то мужика у стремена везет». Мать поглядела в окно: «Да нашего тятеньку везе». Навстрецю доць да ета, да и в бег, отворила ворота. И хоцет этого мужика ударить стопудовой подворотней. Илья Муромець пнул — стену проломила да улетела туды. Со двора женщины-то етой своего коня шевелит. И Соловья-разбойника отвязал от той от стремяны, приходит к обедни богатырской.

Самсон-богатырь попал тут. Обедня отошла, Самсон-богатырь и спрашиват: «Илья Муромець, как ты хлеб ешь в сутки один пшонной калацик, а поедем-ко со мной, богатырь, воевать. А ты, Илья Муромець, будешь большой брат, а я меньший». Поехали к реки. Вот у етой реки обстановились. Говорит Самсон — большой брат: «Илья Муромець, надо идти за водой на реку». — «Не легце ли меня послать?» — «Ой, а у меня жона в кармане». Жону вынимат Самсон-богатырь: «Поди сходи». А в березе церкес сидит. «Слезай, церкес, станем мы с тобой любитьсе». — «Он убьет!» — «Ницего подобного, опускайсе!» Полюбилисе с Самсоновой женой. Ёна водицьки церпнула да и приходит. Принесла воды, а вода поганая; поднесли коню — он выпье. Да конь етой поганой воды не пьё. Самсон-богатырь на березовый пень сел, расплакался. «Как это живут крестьяне-мужицьки? Вот я в кармане возил и то не мог жоны уберець, а не то крестьянину-от, простому мужику, свою жону уберечи от чужого мужа: не сберецци никак». Повезли жену в ее сторону́ — «Возьмите, родители!»

Распрощался с Ильей Муромцем и поехал Самсон домой, а Илья Муромець вперед, в горы. Ехал, ехал, проехал на горы, ездил три года. Раз ставал — видит: сенная куча черная. Выстал, подается — какая сенна куца неизвестна. Дават ей плетью ён один — ни слова; другой, третий — куця ницего. Повернулся: «А, — говорит, — ето не комар ли кусат?» Клал в карман и поехал. Ездил, не стала земля содерживать Егора-Святогора. Живет день в кармане, потом вынял естого Илью Муромця по кряжу на гору. Нашли гроб. Егор-Святогор не знал, что тут такое, а Илья Муромець — русьской богатырь, так тот знал этот гроб. «А кто помрет, тому гроб». — «Илья Муромець, вались». Илья Муромець свалился. «Широк и, знашь, долог». — «Погоди-ка я свалюсе». Лег Егор-Святогор — и в аккурат. «Баско ли здесь?» — «Баско здесь. Закрой дощечками». Дощечки наверх клал. — «Илья Муромець, открой!» Стал было открывать, а обруць железный наскоцил. «Егор-Святогор, нельзя открыть!» — «Топерь бей скорее по другому коньцю!» Другой обруць наскоцил. «Братець родной, бери мой здох!» Егор-Святогор здохнул — со рту полетело пламя, искры с ушей, цяд пошел, Илья Муромець не взял. «Полздо́ху дохну́, так ты хоть возьми». Илья Муромець взял. Гроб закопал в землю, конь в землю упал. Ён взял спустил, Илья Муромець, оставаться тут пастись: «Ходи ты в цистом поли на высокой гори». А отправился к своим родителям домой, а теперь у родителей живет.

№ 289

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Справляетсе да снаряжаетсе
Нунь стары⟨е⟩ казак да Илья Муромець,
Нунь Илья Муромець да сын Ивановиць.
А клал потницьки да ён на потницьки,

А кладал войлуцьки да ён на войлуцьки,
А верёх кладал сидёлышко цыркáльскоё,
Не для красы-басы молодецькие,
А для крепости да богатырьские.
Ну только видли доброго ведь сядуци,
Не видли доброго поедуци —
А во цистом поли да одна пыль стоит.
Ну приежжал ли ён в тот град да во Бекéшовской.
А обступила тут литва ёгó поганая.
А быть ли как тут да поядúньщика?
А не находитсе в гради да поядúньщика.
А прибыл ён, прирубил всих до единого,
А не оставил ён татаровей на сúмяна.
Нунь едет ли во град, в тот град да во Бекéшовской.
Ну увúдли мужики его бекешовци
И говорят ёны́ да таковó слово́:
«Не ангел-ты идé, не Господь летит,
А видь-ит тут да старый казак да Илья Муромець,
Ну Илья Муромець да сын Ивановиць.
Оставьте-ко его царем на цáрьсвиё.
Будет не станет ён да к нам царем на цáрьсвиё,
Давайте-ко ему три боцьки злата-сéребра.
Будет не возьмет ён трех боцек-то злата-сéребра,
Давайте-ко ёму три боцьки скатна земцюга.
Ай же ты, старыи казак да Илья Муромець,
А стань-ко к нам царем на цáрьсвиё!» —
«Не стану видь к вам царем на цáрьсвиё.
Ай же мужики да вы бекешовци,
Скажити мне про ту дорожку прямоежжую,
А прямохожую да прямоежжую,
А хоть к тому князю ко солнышку Владимеру». —
«Ай же ты ведь, старый казак Илья Муромець,
Как триста лет пути-дорожки нет:
А нету цёрну вóрону пролетица,
А нету серу заюшку проскокица,
И нету добру мóлодцу проездица.
А есь ли там три заставы́ великие:
А перьва зáстава — да рецька быстрая,
А дрýга зáстава — да мхи-болоты, грязь топуцяя,
А третья зáстава — да Соловей-птица Рахматая
А на двенадцать дубах да гнездо повил».
Ну приежжал ли видь ён к перьвой заставы великою —
А первою ведь струюцьку все пéребрел,

А дру́ю он струецьку пе́реплыл,
А третью он ведь струецьку нырком прошел.
Ну приежжал к другой заставы великою —
Ну нарвал ён да дубу ко́рью
А замостил видь ён да тут калинов мост.
А приежжал ли ён к третей за́ставы великою —
Сидит тут Соловей-птица Рахматова.
Ну закрицял тут Соловей по-соловьиному,
А закрицял ли тут злодей да по-злодиному —
А его доброй конь да на коленка пал.
А уж ён бил коня да по туцьным ребрам:
«Ай же волчья сыть да пёлово́й мешок,
А разве не слыхал ты крыку ворони́ного?»
А направлял ли он да свою стрелоцьку:
«А лети-ко, стрелоцька, да во право́ ухо́,
А вылетай-ко стрелоцька, да во лево́ ухо́,
А чтобы пал тут Соловей да о сыру́ землю!»
Летела стрелоцька да во право́ ухо́ —
А вылетала стрелочка да во лево́ ухо́ —
Упал тут Соловей да о сыру́ земли́о.
А трое сутоцьки не ел, не пил,
А все за Соловьем ходил.
Ну изымал он Соловья-птицю Рахматою
И привязал да к правой стре́мены.
И поежжал ли ён в град да сто́льнё-киеськой,
И увидали тут видь дити Соловьиныи,
И говорят оны да таково́ слово́:
«Ай же матушко, да йи́де батюшко,
А йи́де батюшко да мужика везет!»
Ну поглядела тут жена-то Соловьиная:
«А ай ж детушки, а еде-то мужик — везе́ батюшко.
А уж вы подьте-ко да выкупайте-ко,
А уж вы ставьте-тко его царем на ца́рьсвиё!»
Ну приходили тут ведь дити Соловьиные:
«А ой же ты, мужик, да продай батюшка,
А стань-ко ты да к нам царем на ца́рьсвиё».
Ну отвечал тут нунь да Илья Муромець,
А Илья Муромець да сын Ивановиць:
«Не стану-ко я к вам царем на ца́рьсвиё,
Да не продам я нунь да вам ведь батюшка».
Ну проежжал видь ко солнышку Владимеру.
А вси-то на пиру да пьяны-веселы.
Он привязал коня да середи двора

А ко тому столбу да ко тоцёному,
А ко тому кольцю да к золоцёному,
А насыпал ли ён пшёницы белояровой,
Ну приходил ли ён да нунь на йетот пир.
Садил ли ён да нунь князь-то сто́льнё-киеськой
Да старого Илью да нунь-ко Муромця.
А вси-то на пиру да порасфастались:
А умнай фастал отцём-матушкой,
Безумной фастал молодой женой,
А глупой фастал золотой казной.
А спрашиват тут князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же ты, да Илья Муромець,
А что же ты не ешь, не пьешь, ницем не фастаешь?» —
«Ну фастать мни, ни фастать мни поездоцькой.
Ну на твоем двори да у моя седла,
Ну у моя седла ведь там ведь Со́ловей,
А есь ли там Соловéй-птиця Рахматая».
Говорит тут нунь князь да сто́льнё-киеськой:
«Ай же ты, старый казак да Илья Муромець,
Вели-ко засвистать Соловью по-соловьиному,
А закрицять ему да по-звериному!» —
«Нунь не могу я закрыцать по-соловьиному,
А не могу я зарыцять да по-звериному».
Ну наливали цяру зелена́ вина —
А цяря была мерой полтора ведра,
А весом была цяра полтора пуда́.
Ну принимал ён эту цяру едино́й рукой,
А выпивал ён эту цяру на еди́ной дух.
«Ну не могу я засвистать по-соловьиному,
И не могу я закрицять да по-звериному».
И наливали другу цяру зелена́ вина —
И мерой была цяра полтора ведра,
И весом была цяра полтора пуда́.
Ну говорит да Илья Муромець:
«Ну засвисти-ко ты да ⟨в⟩ половиноцьку,
А закрици-ко ты да во третиноцьку!»
Ну засвистал тут Соловей да в половиноцьку,
А закрицял ли он да в цетвертиноцьку —
А старые да терема вси развалилисе,
А новые терема да зашаталисе,
С Божьих церквёв кресты да повалилисе,
А вси-то на перу да замертво́ лежат,
А князь-то сто́льнё-киеськой да тарако́м идет.

Справляетсе нунь да Илья Муромець:
«А вы копайте-ко погреба да нунь глубокие,
А засадите Соловья-птицю Рахматою,
Не то не буде на земли да роду-племени».
Ну выкопали погреба ёму́ глубокие
И засадили Соловья-птицю Рахматою,
Задвинули решетоцьки железныи
И накатили нунь да тут дико́й каме́нь,
А тут ведь Соловью-птицы Рахматою,
А тут ведь нунь ёму́ славы́ поют.
Ну поежжал видь Илья Муромець
А в ту дорожку прямоежжую,
А приежжал ли ён д' на круту́ гору́.
А на крутой горы да там ведь гроб лежит.
А говорит ли ён да нунь товарищу:
«Ай же ты, товарищ, нам ведь дом с тобой,
Ложись-ко ты, товарищ, нунь-ко в гроб ново́й».
Свалилсе тут товарищ — гроб нела́деной.
«Свались-ко, старый казак да Илья Муромець».
Свалилсе-ко старый казак да Илья Муромець —
А надвинулись тут до́соцьки железныи,
А наскоцили тут обру́чья оловянныи.
Ну говорит нунь да Илья Муромець:
«Бери-ко мець да ты руби его́».
Ну хоть брал мець да нунь рубил его́ —
А как видь наскоцит тут три о́бруця.
«Возьми, товарищ, мою сабельку».
А отвечал ему товарищ-то ведь сильной-от:
«Что не могу владеть да твоей сабелькой». —
«А наклонись-ко ты ко мне да я здохну́ в тебя,
А станешь ты владеть да моей сабелкой».
А наклонился тут товарищ к гробовой доски,
Здохнул ли тут-то да Илья Муромець
И стал видь владеть его сабелкой.
А тюкнул раз — дак три, четыре, пять.
А тут-то оны да распростилисе.
А тут Илья видь Муромецю славы́ поют.

№ 290

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Старину сказать да стародавнюю
Как про старого, про бывалого,
Да про славного казака Илью Муромця.
Как сидел Илья тридцать лет,
Он без рук, без ног.
Да не мог Илья тут похаживать.
Приежжал к ёму́ сам Исус Христос:
«Да(й) пройди, Илья, ты ко мне сюды». —
«А мни как идти, когда ножек нет?» —
«А ты подь-ко, Илюшко, потихошенько,
Подойди-ко, Илюшко, к окошецьку».
Тут сказал сам Исус Христос:
«Еще выпей рюмоцьку,
Ой как выпей рюмку зелено́ виньцё.
А что слышишь во себе́ теперь?» —
«Я видь слышу силу в себе:
Кабы было кольцё во сырой земле —
Повернул всю землю поселе́нную!» —
«А ну выпей-ко еще дру́гую,
Выпивай видь, Илья, другу́ рюмоцьку.
А теперь сколь слышишь во себе нуньку́?» —
«[А я], слышу я силу умерено». —
«Поежжай, Илюшка, за веру хрисианскую.
Как не будет тебе смерти от бога́тырей ни о́т каких!»
Выежжал Егорий во цисто́ полё,
[Выежжал] Илья ведь и Муромець,
Он садилсе тут на добра́ коня.
Еще брал Егорей во белы́ руки́
Как свою-то приправу богатырьскую,
Приежжал Егорей во цисто́ поле́,
Говорил Егорей своему товарищу:
«Ты [ложись] во этот гроб».
А ложился Илья во этот домицек,
А Ильи-то ведь гроб не поладилсе.
«Как ты ляг, Егорий-свет!»
Как ложилсе Егорей храбрый в этот гроб,
Да ему будто надобно,
Да ему видь да поладилось.
«А закутай-ка миня крышкой белою».

Как закутал Илья Муромець своего товарища —
У товарища белы рученьки не здынулисе,
Резвы ноженьки подломилисе,
А поник видь Егорий видь живой во гроб.
Он видь лег, простилсе с им:
«Ты прощай-ко, Илья Муромець,
Да скажи родителям память вецьную!»
Как залег Егорий сам во гроб,
Еще чтоб ему тут гроб поладилсе,
Ударя́ он во гроб ён ведь палицей —
Наскоцил тут о́бруцок желе́зноё.
Он другой ударил, поприбавил —
Наскоцил тут о́бруцек ды желе́зныи.
Он ведь третей ударил по середоцьки —
Наскоцил тут третей о́бруцёк ды железныи.
Оставалсе во цисто́м поли́ во гробу живой,
Попростилсе ён с Ильей Муромцем:
«Как прощай-ко ты, крестовой брат,
Не говорь мне память вецьную
⟨...⟩ на Святой Руси,
⟨...⟩ отця-матери,
Отця-матери, роду-племени».

№ 291

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Как в славном-то во городи во Муроми
У славного-то было у крестьянина
Как-то жил-то, был да единокий сын;
Как не было в руках да влаженьца
А в ногах не было шевеленьица,
Как сидел-то тут Илюша,
Не мог шевелить ни рукам, ни ногам.
Как уходил родитель его батюшка,
А уходил он на трудную на работушку,
Оставался тут Илья одинешенек,
Один во квартирушке.
Ну как в одно-то прекрасное времячко
Нагревало праведно в окошечко,
Как прикатился тут Илюшенька пока к окошечку,
Как видит-то, идет кто-то по дороге,

Ну как бытто калики перехожие.
Идут прямо к его-то домику
И на тыи-ты ступени медовыи,
Ко тому ли кольцу золоченому,
Стучаются к Илюшеньки:
«Как пусти-тко ты, Илюшенька Муромец,
Пусти-ко ты во дом, пожалуйста». —
«Ну, отойдите вы, калики перехожие,
Как не знаете моей незгодушки,
Как сижу я в углу ⟨тридцать три⟩ года,
Как нету в руках шевеленьица,
А в ногах моих нет хоженьица».
Ну не отходят тут калики перехожии,
Крицят-то тут горазно.
Как говорят-то тут калики перехожии:
«Как ставься-ка, Илюшенька, на ноженьки,
Как открой-ка нам ворота широкии».
Как скоцил-то тут Илюша на́ ноги,
И стало тут в ногах шевеленьице,
Как в руках-то стало влаженьице;
Как открыл-то ён ворота-то широкии,
Провожал калик в гридни столовыи,
Как провожал-то он, каликам низко кланялся:
«Садитесь-ко, калики перехожии,
Откуль да откуль вы явилися?»
Как говорили тут Ильи таковы слова:
«Как ай же ты, Илюшенька ты Муромец,
Принеси-ко ты цяру зелена вина,
Если нет у тя вина — да квасу крепкого».
Как принёс-то тут Ильюша квасу крепкого,
Принимали тут калики единой рукой,
А принимали они да покушали,
И говорят-то тут Илюши таково́ слово́:
«Как на́-ко ты, Ильюшенька, повыкушай».
А схватил-то тут Ильюшенька от радости,
Схватил-то тут Ильюша единой рукой,
Как выхлянул Ильюша на единой здох.
Ну как спросили тут калики перехожии:
«Ну что же ты топереку почусвовал?»
Как сказывал Ильюшенька Муромец:
«Ну как почуствовал я большинску силушку;
Послушайте, калики перехожие:
Как если бы на улицы был бы столо́б,

А был бы столо́б да с земли до́ неба,
А в столби-то бы было большо кольцо,
Как захватил бы я за то кольцо,
Перевернул бы матушку сыру землю».
И тут калики перехожии рассеялись,
А между друг другом стоят да думают:
«Как оставить то на этом положеньицы,
Так плохо-то будет Ильюшеньки Муромцу,
Как не будет-то носить его сыра земля».
Как говорят-то тут калики перехожие:
«Сходи-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Принеси-ка еще квасу крепкого».
Как сходил-то он во погреба глубокии,
Как принес Ильюша квасу крепкого,
Как принимали тут калики едино́й рукой,
Как подержали-то ёны во белы́х руках,
Как подали Ильшеньки Муромцу:
«Как выпей-ко, Илья ты Муромец,
Как выпей-то теперь на единой здох».
Как принял-то Ильюша единой рукой,
Как выпил-то Ильюша на еди́ной здох.
Как стоят-то тут калики да спрашивают:
«Скажи-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Как большая ли во тебе да стала силушка?» —
«Как сила у меня да половинная». —
«Ну оставайся-ка на том положеньицы,
Поежжай-ко, заступись за Землю Руськую,
Тебе на войны еще смерть будет не писана,
Не бойся-ко теперику, пожалуста».
Как говорит-то он каликам перехожиим:
«Как ай же вы, калики перехожие,
Ну как мне выступать-то за сыру землю,
Как нету у меня да добра коня,
Как нет у меня полицы во со́рок пуд,
Как лат-то да кольчуг да богатырьскиих,
Как нет у мня копья долгомерного,
Как нет у мня лука хорошого». —
«Как послушай-ко, Ильюшенька, што я скажу:
Вставай-ко поутру ранешенько,
Подь-ка ты в этот город тут,
Как поведут-то тут по рынку жеребеночка,
Поведут-то жеребёночка о семь горбов,
Ну он-то тебе не пондравится,

А ты-то возьми его, Ильюшенька,
Как приуцяй-ко ты, Ильюшенька, к действиям,
Поваживай по утрышку ранешенько,
А по вецеру познешенько,
Как потом эта лошадка повыростет,
Повыростет ёна да в три месяца,
Как можешь заготовить свой тугой лук,
А палицу топереку во сорок пуд,
Коню это да сидёлышко черкасное».
И калики перехожие тут скрылися,
С Ильюшенькой по рукам да побилися,
И крепко-накрепко с Ильей распростилися.
Но как ушли эты калики перехожии,
Как сел Ильюшенька на лавоцьки, раздумал:
«Пойду-ко я топерику искать отца-матери,
И где находится на трудной на работушки».
Как отправился о ричку о быструю,
Как нашол-то ён отца-то тут с матерью,
Как нашол-то — отец с матерью на отдыхи,
Лежат да заснули ёны на бережки,
Как цистил отець с матерью поженку.
Как не будил-то тут Ильюшенька отца с матерью.
«А дай-ко я отцовской-то работы поработаю,
А хоть один-то я разичек попробую,
А попробую работать в ⟨тридцать три⟩ года.
Как приходит-то к дубам да толстынскиим,
Захватыват он нуньку по ⟨два⟩, по три
И выдергивает оттулеку с кореньями,
Как роет он топереку в быстру́ реку.
Дак пока мать да отец спали полтора цяса,
Дак он нацистил этой пожни в два раза,
Што у отца да ведь у матери
Ницишено в два месяця.
Как отец-мать-то со сну пробуждалиси,
Как видят-то какие-то выстрелы,
Потом-то оны спугалиси,
Как трещат-то леса толстынские.
Не столько ён их рубит, сколько мнет,
А по семи-то с зени на плецо берет.
Как увидил, што отец да мать его пробудилися,
И говорит-то он гим таковы слова:
«А не пугайтесь-ко топерь да не полохайтесь,
А это я пришол на трудну работушку,

38 Зак. 3427

А пособить-то всим цистить поженки».
Отец с матерью обрадовались.
И подходили к своему сыну потихошенько,
И говорили свому сыну таково слово:
«Как, отцего ты, Ильюшенька, поправился?
Пойдем-ко мы теперя в свой-то дом».
Как отправились дороженькой путистоей,
Как рассказал Илья да все путешествие,
Как говорила-то ему ро́дна матушка:
«Как благодарю все этого да вышнего,
Што дал он тебе руценьки да ноженьки,
Как дали тебе силушку великую,
Как будешь помогать с нами ратиться
На той ли топеря на сырой земли». —
«Ну послушай-ко, родитель мой батюшка,
И послушай-ко, родитель моя матушка,
Как я-то на земли вам не трудницек,
И яго еще вам не помощничек,
Как куплю-то я сейцяс да добра́ коня,
Поеду защищать Землю-то Руськую».
Как ставал-то тут Ильюшенька ранешенько,
Как умывался-то Ильюшенька белешенько,
Одевался-то Ильюшенька цистешенько.
Ну как пошел Илья топерику по городу,
И видит, што ведут тут жеребеночка,
А у жеребеночка-то было семь горбов,
Такой-то еще был некрасивенькой,
Дак его взял-то все равно-то Илья Муромец,
Ну што спросили, то и дал,
В ря́ды у его премии не было.
(*Что спросили, то и дал, не торговался.*)
Как приводил-то тут Ильюшенька добра коня,
Заводил-то в конюшню во новую.
Как стал Ильюшенька коня да покармливать,
Как стал Ильюшенька коня да попаивать,
Как по утрышку, по вечеру поваживать;
Как по росам-то его конь покатается,
Как на поры-то на вечерней и на утренней
Как в три месяца лоша́дь воросла полною.
Как заправил тут Ильюшенька сидёлышко черкасное,
Как и палицу он заправил во сорок пуд,
Копье-то он сковал самодлинное,
Заправил он себе да свой ту́гой лук,

И налил он се́бе стрелоцек калёныих,
Ну как седлал-то он себе добра́ коня,
Как кладывал седёлышко черкасное,
Подтягивал он пряжкамы золочеными.
Простиўся-то Ильюша с отцом, с матерью.
Как нацялась-то первая поездка Ильи Муромца.
Как видли добра молодца сядучи,
Не видли, в кою сторону поедучи.
Как еха́ў-то Ильюшенька сутоцьки,
Как ехал-то Ильюшенька другии,
Как выеждяет на дорогу на широкую,
Как идет он дорожкой широкою,
Как приеждял-то Ильишенька на росстани,
Как на росстанях-то тут на досках написано,
Как указано же ему да ⟨три⟩ дороженьки:
Как одна-то дорожка прямоеждяя,
Дак сорок лет-то дорожкой не еждено,
А вторая-то дорожка в богачесьво,
А третья дороженька в жоначество.
Как раздумался Ильюшенька Муромец,
Как которыма дороженькамы ехать тут:
«Ну как што мни-ка, Ильюшеньки, богачесьво,
Ну как што еще мни-ка, Ильюшеньки, жоначесьво,
Как поеду лучше я да в убитосьво,
Как той ли да дорожкой прямоеждею.
[Еще не было тут птицы пролетища,
Ещё звирю-то да не было пробежища,
Сорок лет это дорожкой уж не еждяно,
И проезду не было ни конному, ни пешему].
Как отправился Ильюшенька Муромец,
Одной-то он рукой да коня ведет,
Другой-то он рукой да мосты мостит.
Как прошел-то тут Ильюша двои сутоцьки,
Как услышал Соловей да вор-разбойницек,
Как свиснул Соловей по-соловьиному,
Как рыкнул Соловей да по-звериному,
Еще не было тут птици пролетища
Еще зверю-то не было пробежища,
Сорок лет этой дорожкой уж не еждено,
И проезду не было ни конному, ни пешему.
Как сидел-то Соловей на семи дубах,
На семи-то ён дубах, на семи суках.
Ну как от свисту-то топерь Соловьиного,

Как у Ильюши оттуль конь упал.
Ну тут как бил-то он топерику добра́ коня,
Как еще бил-то его и натягивал,
Как говорил-то он коню таково слово:
«Ай же ты топереку, мой добрый конь,
Идешь ты все равно как пеловой мешок,
Не слыхал ты, верно, свисту Соловьиного,
И не слыхал ты, верно, голосу звериного».
Как натянул Ильюша нунечку свой тугой лук,
Как кладовал он стрелочку калёную,
Как говорил он стрелы да таково слово:
«Как пади, стрела, не на́ воду, не на́ землю,
Пади да Соловью да во разбойницька,
Пади-ко ты топереку во правый глаз,
А вылези во левое ухо тут».
Как стрелил — тут Соловей покатился ён,
Как покатился он топереку с семи дубов,
Как с семи он дубов, да с семи суков.
Как подъежжает-то тут Ильюшенька Муромец,
Как подхватил-то Соловья да разбойничка,
Как привязал-то тут его да прямо к стремени.
Как тут дороженька почтовая наладилась,
Да к Соловьиному-то прямо к домичку.
Как идет-то Ильюшенька тут по полю,
Как к терему топереку высокому,
Как глядят-то Соловьиныи дитоцки,
Как крыцят-то тут рожоную матушку:
«Как гляди-тко, рожона моя матушка,
Как ищё идет теперь наш-то батюшко,
Как цьёго-то мужика у стремени везет».
Ну посмотрела матушка в окошечко
И говорит-то она таковы слова:
«Как идет-то богатырь, а везет вашего батюшка;
Как насыпайте-ко злата да серебра и скачна жемчуга,
И выносите тепереку на улицу,
Как ён оддас тогда твоего батюшка,
Ну как отвяжет-то ён да от стремени».
Как выносили-то ему да низко кланялись:
«Ну как отдай-ко, Ильюшенька Муромец,
Как отдай-ко ты отца, да пожалуйста,
А забери-ко это злато и серебро,
Да ищё множество скачных жемчугов».
Как принимал-то тут Ильюша единой рукой,

Как полагал-то тут в карманы широкинскии,
Ну как забрал-то ён, вперед и отправилса,
Ну как не отдал Соловья да разбойницька.
Как дом построен был на версту на мерную
Как у того ли Соловья да у разбойницька;
Как со последнего топереку выхода
Как выскакивала нунь да единока доць,
Как схватила подворотню ту во сорок пуд,
Как яна тяпнула Ильюшеньку Муромца.
Как Ильюшенька тогда и с коня упал,
Как схватил ее Илья за трёсту заднюю,
Как повыкинул Ильюша выше облака,
Ну как его-то оттуда доць да тропнула,
И в цетырех-то местах она лопнула.
А потом вышел-то Ильюшенька и дом зажгал,
И сожгал нунечку до праху все,
И садился на коня да вперед, вперед.
Как направлялся да и путь держал да на Киев-град,
Как приежжает он ко городу к Чернигову,
А и тут напала на Чернигов погана Литва,
И одолели гих поганые Идóлища.
Как увидел это страньство виковицное
Ну ка на той ли на Русиюшки на матушки,
Ну как пошел Ильюшка биттце да ратиттце,
Как заступился мужицёнков за черниговцев,
А поганое Идолище што метлой спахал,
Как метлой-то ён спахал одни сутоцьки.
Как приежжат он ко городу Чернигову,
Как приносят тут дары ему хорошие,
Как приносят ему окупы великии,
Как злато-то приносят ему серебро
И как скатные приносят ему жемчуга.
Как берет-то тут Илья усмехаецце:
«Как это брать золото правое,
Как у меня-то ёно заработано».
Отправился-то тут Ильюшенька на Киев-град
К тому-то царю-то стольне-киевскому.
Как ставился-то Ильюшенька на широкий двор,
Ставил-то коня к золоту столбу,
Как насыпал-то пшеницы белояровой,
Как заходил во гридню столовую.
Как у царя был топереку почесный пир:
«Ну проходи-тко, разудалой доброй молодец,

Как не знаем тебе да имени,
Проходи-ко ты теперь во большой угол,
Как садись-ко за столы да за дубовыи,
Как за наши кушанья медовыи».
Дак сидят-то за столамы думу думают,
Дак как бы нам повыруцить цернигoвцов,
Как об гих тут-то сумлеваеще,
Как прибили-то у нас всих цернигoвцов.
«Как вы послушайте теперику, што я скажу,
Как я-то со города со Мурома,
А явился-то сюды-ка в первый раз,
Как проехал-то дорожкой прямоеждею,
Как позбавил мужиценочков черниговцев».
Как вси князья да вси бояра рассмеялися:
«Как еще этого не может быть,
Как не проехать тут дорожкой прямоеждею,
Как какой-то приехал хва́стун тут,
Как сорок лет-то тут не еждено,
Как сидел-то Соловей-разбойник тут,
Сидел-то Соловей на семи дубах,
Сидел-то Соловей на семи суках,
Как не было тут птицы пролетица,
Как не было тут зверю пробежица,
Как не было ни конному, ни пешему».
Как стал Ильюшенька на резвыи на ноженьки,
Как говорит царю да таковы слова:
«Красно солнышко, Владимер стольно-киевский,
Сходи-ко ты теперь да на широкий двор,
Как погляди-ко на Соловья-разбойника,
Как у мня у стремены висит».
Как тут вси гости с-за́ стола побросалиси
Глядить тут Соловья да разбойницька.
Остался тут Ильюшенька Муромец,
Как остался с наградой-то малыя.
Как приходят на дворы на широкии,
Как видят Соловья тут у стремени,
Как говорят-то Соловью таково слово:
«А рыкни, Соловей, по-звериному».
Как отвецял Соловей-то разбойницек:
«Не ваше-то я ем да и кушаю,
Не вас-то я буду слушати,
На то есь-то Ильюшенька Муромец,
А я-то в его распоряженьици».

Ну тут позвали Ильюшеньку Муромца,
Позвали да вси ему тут кланялись:
«Послушай-ко, Ильюшенька Муромец,
Вели-ко ты рыкнуть Соловью-разбойнику,
А рыкнуть-то ему по-звериному,
А мызнуть-то ему да по-змеиному».
Как подходит-то Ильюшенька Муромец,
А говорит-то он таково слово:
«Как рыкни, Соловей, ты вполголосу,
Потешь-ко царя с царицею».
Как крыкнул Соловей по-звериному,
А мызнул Соловей по-змеиному,
Как хейкнул-то Соловей да во весь голóс —
Как тыи терема да пошатались,
Околици хрустальныи посыпались,
А малыи бояра-то раком пошли.
Как говорит Владимер стольне-киевский:
«Оставь-ко ты, Ильюшенька, бояринов хоть на симена».
Как рассердиўся тут Илья, поразгневаўся
На того ли Соловья на проклятого.
Как заходили ёны куцьками в большой терем,
Садились за столы за дубовыи,
За тыи за скатертú за шолковыи,
Ильюшеньки оны в пояс кланялись:
«Спасибо те, Ильюшенька Муромец,
Явился со путистой со дороженьки,
Как привез ты Соловья да во-разбойнцька,
Проклал ты путистую топереку дороженьку».
Как приходил Владимер-князь стольно-киевской,
Как приходил топерику против гостей,
Как говорил-то гостям дорогим своим:
«Как послушайте, гости дорогие мои,
Как приехал-то Ильюшенька со Мурома,
Ну как явился-то сюды-ко-ва незваной гос⟨т⟩ь,
А незваной-то гос⟨т⟩ь по охвотушки
Прокарзал нам дорожку прямоеждюю;
А как есте у нас беда топерь спущаласи,
Как приехало чудовище из Азии,
Как ён просит-то у нас поединщика,
И либо требует-то дани-то выходы,
А еще дани-то да выходы за ⟨двенадцать⟩ лет,
Но как бы кому съиздить потяпцьце,
Как отдать бы ему дань за ⟨двенадцать⟩ день,

У нас не на кого нунь надеецьце,
Как надеется на Ильюшку Муромца,
Тот еще может потяпацьце».
Как ставал-то Иль⟨юшень⟩ка на резвыи ноженьки,
Как говорил царю таковы слова:
«Красно солнышко, Владимер стольне-киевский,
А цим могу-то тым и по́могу».
Как выходил-то тут Ильюшенька скорешенько,
Как садился на коня поскурешенько,
Ну как видли добра молодца сядуци,
А не видли уж в кою сторону поедуци;
Как ехал-то Ильюшенька в Азию,
Потом настрецю могуцее Иванищо:
«Куды же ты, Ильюшенька, отправился?» —
«Отправился топерику на Азию,
С цюдовищем побороться, поратитьсе,
Свезти-то ему дани-выходы,
Дани-выходы ему за ⟨двенадцать⟩ лет». —
«Как не гидь-ко ты, Ильюшенька Муромец,
Как я видел-то цюдо цюдное,
Как цюдо цюдное да диво дивное,
Сидит-то у помещика за столиком,
Сидит-то видь он, распоряжаецце,
Как крепко-накрепко он наедаецце,
И крепко-накрепко напиваецце,
И может съись он множество,
Может он съись ⟨три⟩ пеци мя́кушек, ⟨семь⟩ пецей калацей,
Байну блинов и костер пирогов,
И ⟨три⟩ ведра вина и корову яловицу». —
«А послушай-ко, могуций Иванище,
У тебя-то видь силушки вдвое, втрое есь,
А смелости-ухватки половинки нет;
Одень-ко мои платья богатырскии,
А дай-ко мни нищецские».
Как поменялись ёны платьями скорешенько
Илюшенька одел платьица нищецкии,
И отправился он в Ладогу.
Как ехал-то Ильюшенька скурешенько,
По-рассказанному, как по-расписанному.
Как отправился теперь на широкий двор,
И подъеждяет топереку к окошечку,
Кричит-то тут Илья да во всю голову:
«Как послухай-ко топереку, хозяин-то,

Как вынеси кусоцек Христа ради».
Как услышал тут это-то цюдовище,
Как говорит топереку: «Пожалуйста,
Зовите калику-то перехожую сюды-ко-ва».
Как позвали калику перехожую.
И ставицце Ильюшенька против его,
И говорит-то тут этое цюдóвище:
«Скажи-ко ты, калика перехожая,
Не видал ли ты Ильюшеньки Муромца?
Только я в державушки его боюсь,
Как большой ли ён находицця ростиком.
Толстой ли он находицця толщиной?»
Как отвецял-то Ильюшенька Муромец:
«Что росту находицця такой же, как я,
И толсту находитце такой же, как я». —
«Как много ли Ильюшенька ест да пьет?» —
«Как ест он по крупцятому калацику,
А пьет-то по одной-то цяроцки». —
«Так это, находицце не богáтырь тут,
Не надо мне бояцца да шарашицця;
Вот послушай-ко, калика перехожая,
Как послушай топереку, что я скажу.
Вот я что и скажу, да и кушаю:
Ем я три пеци мякушек, семь пецей колацей,
Байну блинов и костер пирогов,
Три ведра вина и корову яловицю,
Все к выти съем».
Как послушал-то Ильюшенька Муромец,
Как говорит ему топерь да таково слово:
«Как послухай-ко, поганое цюдовище,
Как у моего-то родителя у батюшка
Как была-то обжорлива коровушка,
Да еще ела она, ела, да и лопнула».
Как это слово-то ему не приглянулоси,
Схватил-то он ножище-кинжалище,
Как кинул он топереку в Ильюшеньку.
Ильюша отвел своей шапоцькой,
Ножом проломило да три стены.
Как бросил-то он шапку богатырскую,
Как сгреб-то он поганое Идолище,
Как схватил-то ён его за жолты кудри́,
Потянул его топерь с-за стола,
Как стал-то нагибать да повертывать,

Цюдовище-то стало попёрдывать,
И вытащил цюдовище на улицу,
И отсадил-то ему буйную голову,
И свез же ему дани и выходы.
Садился он теперь на добра коня,
Поехал он ко городу ко Киеву.
Как стрецяли тут Ильюшеньку с радосью,
Што вернуўся он теперь с Малой Азии
И приконцил он большинское цюдовище.
Как на двори-то его стретали вси, кланялись,
И проводили его в гредню столовую,
Давали ему место што лучшее.
А вси-то на перу наедалисе,
А вси-то на перу напивалисе,
И вси-то ту распрощалися,
И со двора царя разъезжалися,
И поехали дорожкой прямоеждею.
И сутоцьки Ильюшенька проехал тут,
И другие Ильюшенька проехал тут,
Как выехал на дороженьку почтовую,
Как поехал с места в убитосьво;
Приехал на тое же мистецко,
Как доски были не сорваны.
«Ну, съездил я топереку в убитосьво,
Поеду я топереку в богацесьво».
Как съездил-то топереку туды-ко-ва,
А там находилось сорок разбойников.
Как прибиў, приколотил тых разбойницьков,
А дом-то еще ихний огнем сожгал.
Выехал на дорожку почтовую,
Говорит-то тут Илья да думу думает:
«Как съездил я дорожкой прямоеждею,
И съездил я топерека в богацесьво,
Поеду я топереку в жонацесьво».
Как гидет тут Ильюшенька сутоцьки,
Как гидет тут Ильюшенька другие,
Как увидел тут Ильюшенька высокий дом,
Как приеждяет он к воротам широкиим,
У ворот-то было привязано,
Как привязано-то было два льва.
Как опустился тут Ильюшенька скорешенько,
Схватывал Ильюшенька теперь саблю вострую,
Как отрубил-то топереку гим буйны головы,

И как зашол-то на дворы на широкии,
Коня-то привязал к золоту столбу,
Ну как сам-то он пошол во гредню столовую.
Не спрашивал у дверей ён придверницьков,
Как у ворот теперь приворотницьков:
«Как скажите-ко, слуги ихни верныи,
Как куды у вас невеста схоронена?»
Как говорят-то тут Ильюшеньке Муромцу:
«Заснула невеста крепким сном,
Как заснула тут на кроватки на рыбьей
Под тым ли одеялом соболиныим».
Как приходил-то тут Ильюшенька в спаленку,
Лежит-то тут ёна да и замертво,
Как не будил-то Ильюшенька, не тревожил ей,
А скинулся да и спать-то лег,
И проспал-то ён всю ноценьку;
Как ставал-то тут по утрышку по раннему,
Как вымылся по утрышку ранешенько,
Как утерся тут Ильюшенька сухошенько,
И выходил Илья теперя на широкий двор,
И садился на коня да своего доброго,
И как отправился дорожкой вчерашней.
Как прохватилася теперь да невеста-то
Как по́сли тут Ильюшеньки Муромца,
И как скрыцяла-то она во́ всю голову:
«Как идите-ко сюда, слуги верныи,
Как хто же у меня зде-ко в спальне был,
А хто же у меня колодец открыл,
Колодецек открыл, да воды попил?»
Ну как сказали, что находился Илья Муромец,
Как Илья Муромец да ён же сын Ивановиць,
Как не посмела вслед ехать с угонушкой.
Как вернуўся Ильюшенька,
На путистой на дороженьки
Как написал-то ён тепереку на трех досках:
«Што я в убитосьво-то был, дак убит не бы́л,
В жонацесьви-то был — там женат не бы́л,
И поехал я дорожку прямоеждюю.
Через три году вернуўся в сво́ю родину,
В свою родину вернуўся к отцу, к матери».
Еще мать да ведь с отцом обрадовались,
Как пострецяли ёны сына одинакого.
Этым и концилась.

№ 292

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Вот тот же сын да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Добрыневич,
Поезжает он на происхождение,
На происхождение, на гуляние.
Поезжал по улицы кремлевскою,
По улицы кремлевскою, по станции жидовскою,
По полю по широкому
Да и каменю высокому.
У этого у каменя высокого
Вот у них пошла борьба огромная,
Пошла борьба огромная,
Борьба огромная, страшенная.
Вот один да Илья Муромец
Истомившись он да привалившись он —
Вот стали борцы да боротися.
А полеживат Илья да Муромец,
А полеживат да и поглядыват:
«А нашелся один борец да ну киевский,
Эх, нашелся, приехал валежина,
Забавляет он площадь широкую».
Ой, розгорелось же у его сердце богатырьское:
«Эх ты, русское да киевское,
Г⟨авн⟩о да ты вонячее!
Подпихнул ты богатыря чу́дного да имянитого».
Ой ставал да на резвы ноги
А сильный богатырь Илья Муромец,
Розмахнул же он да латы богатырьския:
«Эх ты протак твою мать, г⟨авн⟩о да киевско,
А махну тебя — дак не найти в чистом поли». —
«А нет, приехал да зря похвастати,
Ничего не взять те с киевских богатырей!»
Подожгли же крепко-накрепко
Того же Илью Муромца.
Вот выходит борец да с Ильей Муромцем.
Как махнул его да Илья Муромец —
Розлетелся он на мелки дребезды.
Вдруг переговорили, посоветовали да еще киевски богатыри:
«Давай возьмем его да на рукопашный бой».
Выскакивают два да добрых молодца,

Подошли к ему два ль богатыря:
«А пахнем тебя, дак и здесь не взять!»
Как пахнул их да Илья Муромец —
А куды куски-де — туды милостынки:
«Ой, живите вы теперь, да киевски богатыри,
Оставалась да вам память Ильи Муромца».
Уезжает от них да Илья Муромец.
Ой, поехал да Илья Муромец,
И приезжает он помимо Киева,
Мимо Киева, села кремлевского,
У того села да кремлевского
А станции да жидовскоей,
Поехал он по той по дороге долиною,
По той по дороге долиною,
По сильною станции змеиною.
Вот он ехал по этой по станции змеиною,
Подъезжает да к тому дереву змеиному.
Ой, сидит там Змей клевучей,
Ой, свистат он да по-змеиному,
Ой, [свистат он да по-змеиному],
А кричит же он да по-звериному.
Свиснул он да по-змеиному,
А крикнул он да по-звериному —
Ой, пал же конь да на колени ведь.
Он бьет коня да по тугим ребрам:
«Эка волчья выть да пиловой мешок,
Чего ты испугалси ведь?
Эй ты волчья выть, а пиловой мешок!»
Вот он взял его,
Стрелил да этого Змия едучего —
Полетел да Змий едучей.
Ой, он брал его да за согривочек
И вязал его да ко левой ноги
И везет его да в свою сторону.
Вот попал он да на гору Святогорскую.
Ой тут ездит Егор да Святогорушко,
Вот Ягорушко да [Святогорушко]:
«Ну-ко ты да рыкни по-звериному,
А свисни по-змеиному!»
Ну, дотронул же он Змия клевучего,
Свиснул он да по-звериному —
Ой пал же конь да у Ягорушко,
А у Ягорушко да Святогорушко.

Они съехались да порасхвастались,
Рассказал тут все Ягорушко да Святогорушко:
«Вот только езжу по той горы да ограномною,
Ой та гора да ограномная!
Ой ты, Илья да сын Муромец,
Ой, подъехали к горы мы лютою,
Тут гроб лежит — ну память вечная,
Память вечная и бесконечная».
Вот подъехали к гробу да и самому.
«Ну-ко, свались-ко, да Илья Муромец!»
Как свалился сын да Илья Муромец:
«Не подходит мне, да Ягорушко да Святогорушко». —
«А дай-ко лягет старый богатырь Егорушко,
Старый Ягорушко да Святогорушко!»
Вот свалился в гроб да Ягорушко Святогорушко —
Подошло же враз да Ягорушко да Святогорушко.
Нашла на верёх на гроб плита белокаменна.
Отвечает оттуль да Ягорушко да Святогорушко:
«Ой, бей-ко мечом, да Илья Муромец!»
Как ударит мечом да Илья Муромец:
Как раз ударит — так кольцо идет,
Как два ударит — так два настает.
Отвечает оттуль да Ягорушко:
«Ой, бей же моим мечом, да Илья Муромец!» —
«Не могу поднять я меча, да Ягорушко!» —
«Подвались же к гробу лютому».
Подвалилси да Илья Муромец —
Поддало ему силы, да бога́тырю,
И стал он владеть мечом да Ягорушко:
Как ударит мечом он да Ягорушка,
Раз как бьет — дак два найдет,
Как ⟨два⟩ набьет — дак ⟨шесть⟩ найдет.
Ой память вечная да бесконечная!
«Подпади ухом, да Илья Муромец!» —
«Нет, не подпаду, Ягорушко да Святогорушко». —
«Ну дак передай отцу, да отцу родному,
Что сыну пришла память вечная,
Память вечная да бесконечная.
Передай же, Илья Муромец,
Но только не ошибись зайти.
Сам скажи, скажи, дак дальше стерегись».
Вот он сказал же тут да от сына ему
(*отцу.*)

Он взял да ножищо да кинжалищо,
Как махнул ножищом-кинжалищом,
А пролетел сквозь стену на улицу.
Вот потом он да пораздумалси:
«А росскажи-ко мне, да Илья Муромец».
Россказал же тут да Илья Муромец,
А где пришла сыну да память вечная.
Благодарил его да отец родноий:
«А спасибо тебе, да Илья Муромец,
Россказал же про сына Ягорушка!»
Роспростились со этым со старинным богатырем,
Вот уехал на родину да Илья Муромец.
Он приехал на родину огромную:
«Ну-ко ты, Змий, свисни по-змеиному,
А рыкни по-звериному!»
Ой, Змиюшко рыкнул да по-звериному,
Рыкнул по-звериному, а свиснул по-змеиному, —
Ой на родины мамаша испугаласи:
«Ой-ко ты, сын да Илья Муромец,
Откуль ты привез ведь гаведь вечную?» —
«Нет, тут, мамаша, не гаведь вечная,
Это я привез потеху вековечную:
Будет он богатырям свистать да по-змеиному,
Кричать же по-звериному.
Дотрагай, мамашинька, Змия клевучего,
Ён будет будить да богатыря,
Ой сильного да имянитого,
А того сына да Илью Муромца».

№ 293

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

И⟨лья⟩ Муромец сиднем сидел ⟨тридцать⟩ лет в углу, и приходят к нему ⟨два⟩ старицка седатых, спрашивают: «Что же ты, добрый молодец, в углу сидишь?» Илья говорит: «Вот уж ⟨тридцать⟩ лет без ног сижу». Старицки налили ему две цяры и спросили: «Что, Илья Муромец, чуешь в себе?» — «То и чую, что бы было кольцо в земле, так я поверну кверху дном всю землю!» Ну, ему третьей цяры не дали, и так у него силы много было.

Пошел Илья к отцу-матери на пожню, вырвал корни, какие ни провыбрасал, чего они и в ⟨тридцать⟩ л⟨ет⟩ не сделали. Стал Илья М⟨уромец⟩ просить благославленья родителей — ехать в чисто поле воевать. Долго воевал И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩ с Аникой-воином. Вздумалось И⟨лье⟩ домой ехать. Попадает ему гроб. Понравился Илье гроб, и лег он в него и говорит Анике: «За-

крой меня досками!» Полежал Илья в гробу и говорит Анике: «Открой, Аника, гроб-то!» А Аника открыть не может. «А ты бей палицей!» Аника ударит — а на гробе обруч.

Говорит Аника Илье: «Видно, тебе, братец, смерть тут!» — «Припади ко мне, братец, — я тебе силы дам». И вдохнул Анике силу — у того стало ее больше. «Ну, раскрывай!» — «Ох, братец, не могу!» — «Ну, еще наклонись, дам силы!» — «Нет, братец, мне будет и этой».

И уехал Аника домой и коня Ильи тоже взял. Так и помер И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩. Попала Анике-воину встречу смерть. Аника зарыцял: «Как я тебе дам!» Но рука у Аники в воздухе застоялась и опуститься не могла. Взмолился Аника смерти: «Смерть-матушка, выпусти-ка меня по нашей братии имение раздать». — «Поздно теперь, надо раньше было!» Он опять смерти молится: «Отпусти меня хоть на годок!» Смерть не пускала. «Отпусти хоть на часок!» Смерть не пускает. «Хоть на минуту!» Смерть не пускает.

Упал тут Аника и умер, и кони одни домой пошли.

№ 294

ПРО СТАРОГО КАЗАКА ИЛЬЮ МУРОМЦА

Старой Илья казак Муромец
У матушки даваетце,
У батюшки благословляетце
С'издить во чисто поле
Сильным могучим бога́тырем.
И потом матушка дала прощеньице,
А батюшко дал благословленьице.
Выводил он да коня доброго,
Седлал он коня, клал почечки на почечки,
А на почечки мягки войлочки,
А на войлочки черкальско ковано седло
И сам садился добрый молодец.
Только видли добра молодца сядучи,
А не видли удалого поедучи.
Выехал Ильюша на чисто́ полё,
Поглядел в сторонку полудёную —
Там сильной силушки несметочно:
Столько пару лошадиного —
Не видно днем красного солнышка.
И стал молодец да пораздумалсе:
«Если не заехать мне в эту силушку,
Нечем будет хвастать на чесном пиру».
Добывал он да дуб кряковитой
Да поехал он да в эту силушку.
Стал по силушки поезживать,

Стал сырым дубком да помахивать:
Куды ма́хне — стане улица,
Перема́хне — переулкамы.
Перебил всих поганыих тотаровьев,
Не оставил ёдного на симена.
Приехал в город во Смолягину,
Зашел во церковь богомольную,
Крест кладет по-писа́нному,
Поклон кладет по-ученому.
«Вы, смолягинцы, да вы, сподряницы,
Что вы каетесь да причащаетесь,
Вы далеко ли да отправляетесь?» —
«Уж мы каемсе да причащаемсе,
На войну мы да собераемсе». —
«Ак вы сходите-ко во чисто поле,
Поглядите в сторонку полуденную,
Что силушка да ваша делает».
Бежали они туды да скорым-скоро,
Скорым-скоро да скоро-наскоро —
Вся прибитая, костром сры́тая.
И назад шли они во церковь богомольную,
В пояс ему вси да поклонилисе:
«Ты скажи, удалый доброй молодец,
Как звать тебя по имечки
Взвеличают да по отечеству?» —
«Мне-ка имечко-то Ильюшенька,
Кто пожалует — сын Иванович». —
«Если хочешь жить да в нашем городи —
Тибе мистечко буде по разуму». —
«Я не буду жить да в вашем городи,
Расскажите мне дорожку прямоезжую,
Как ехать мне во Киев-град
К солнышку князю Владимеру». —
«Около-то ехать — надо три дня,
Прямо ехать — три часа.
Да прямо ехать е три за́ставы:
Перва за́става — болота топучии,
Друга за́става — река Смородина,
Третья за́става — Соловей-птица Рахматая.
Он сидит на семи дубах,
Он свистит по-змеиному,
Он кричит по-звериному».
И стал молодец, пораздумалсе:

39 Зак. 3427

«Если не поехать мне дорожкой прямоезжею,
Дак нечем будет на пиру порасхвастатьсе».
Ён одной рукой коня ведет,
А другой рукой да все дубочки рвет,
А дубочки рвет да мосты мостит,
А на столбиках все подписыват:
«Туда шел-зашел да доброй молодец».
Приехал старый казак к Соловью-птице.
Он засвистал по-змеиному,
Он закричал по-звериному —
Его доброй конь да на коленка пал.
Ён бил коня да по тугим ребра́м:
«Ах ты, волчья сыть да пеловой мешок,
Не слыхал ты разве свисту змеиного,
Не слыхал ты разве крику звериного?»
Натягивал он свой тугой лук,
Свой тугой лук со налучником,
Клал он стрелочку точеную,
Клал бы и приговаривал:
«Не пади Соловью да во право́ крыло,
Бей Соловья да на сыру землю́!»
Привязал Соловья да прямо к стре́мены
И поехал он ко солнышку князю Владимеру.
Приехал он ко солнышку князю Владимеру,
Клал коня да он на ши́рок двор,
Сказал: «Ты, конь, береги Соловья,
А Соловей береги коня».
Зашел он ко князю ко Владимеру
На почесной пир.
Умной-то хвастал отцом-матерью,
А безумной хвастал молодой женой,
А глупой хвастал золотой казной,
А ён похвастал:
«Я проклал дорожку прямохожую,
Прямохожую дорожку прямоезжую,
Сбил Соловья на сыру землю!»
Потом солнышко князь стольно-киевский
Сказал ему таковы слова:
«Приведи-ко к нам Соловья в палату белокаменну».
И сказал ему таковы слова:
«Ты кричи только вполкрика
И свисти только впо́лсвиста!»
А ён не послушалсе,

Закричал он в полну голову,
Засвистал он во весь свист —
Околенки тут да вси посыпались,
А царя с царицей одва спасли.
(*Оны спугалисе.*)
Царь говорил да ты слова:
«Вы берите-ко невежу
Да посадите его в погреба глубокии!
(*Такого зверя привез дак*!)
А молода княгиня Опраксея
Кормила его уже помимо мужа
В погребах во глубокиих.
А вот приехала собака зубоскальнична,
Говорит царю да таковы слова:
«Делай нам помещенье в твоих палатах,
А в церквах — конюшни лошадиные.
Хотим мы от тебя отобрать жену».
Сделал он да почесный пир,
Со́брал всех могучих бога́тырей,
Чтобы съиздили, побили эту силушку.
Оны ответили ему:
«Кабы был у нас старой казак Илья Муромец,
А так ехать на силу не осмеляемсе».
Молода княгиня Опраксия
Она открыла погреба глубокие,
В пояс ему да поклониласе.
«Не поехал бы я да в эту силушку,
Да за твою поступку».
(*Вишь, она его кормила дак.*)
Нехто к ему и подойти не смиет,
Только подошел к ему Ермак Тимофеивич,
Мол⟨одой⟩ Ерм⟨ак⟩ лет двенадцати.
Он ему отвечал: «Скоро ты, скоморошина,
Напрасно погубишь свою молоду головушку».
Поехали оны с молодым Ерм⟨аком⟩ Тим⟨офевичем⟩
в эту силушку,
Стали по силушке поезживать —
Прибили в минуту эту силушку.
Говорил им царь стольно-киев⟨ский⟩:
«Что тебе, И⟨лья⟩, за работушку —
Города ли с пригородками,
Али села с приселками,
Аль бесчетну золоту казну?» —

«Не надо мне сел да с приселками,
Не надо городов да с пригородками,
А своей казны да клать мне некуды,
Только дай мне честь молодецкую!»

№ 295

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Много в синем море белых лебедей и серых уток,
Много на свете разных сказок и прибауток.
Не перечислять всех уток всей осени,
Не пересказать всех сказок всей зимушке.
Не плывет корабль без ветра, и не летит утка без крыльев.
Не говорится сказка без присказки, не стану говорить,
когда слушать не будете.
Лебедь в море на просторе, словно лодочка плывет,
Так и вы мне дайте волю, я вам сказку расскажу.
Всяк себе смекайте, рассказывать не мешайте.
Но в кружок садитесь, на меня не сердитесь,
И когда я ошибусь, на тыи наткнусь.
Много было на Святой Руси сильных богатырей, могучих витязей.
Нет краше Земли Русской, нет складнее сказок наших.

В некотором царстве, в некотором государстве, в славном городе Муроме, в селе Карачеве жил себе мужичок, родом хрестьянин, по прозванью Иван Тимофеевич. И была у того мужика жена не бранлива, не чванлива, по праздникам пироги пекла и больно мужа любила. И живут они на свете ⟨семьдесят⟩ лет, и детей у них [нет].

Стали они Бога просить, чтобы он дал им сына на старость, на радость, на помогу, а после смерти на помин души. Услыхал Господь их молитву, даровал им Бог сына Илью Муромца. Вырос Илья всем хорош и всем пригож, лицом бравый, глаза карие, волосы кудрявые. Молодец молодцом, но то беда — в ногах силы нет.

Прошло ⟨тридцать⟩ лет, а наш Илья сидит день-деньской, что твой пень при дороге. Горюет его мать родная, плачет отец его от светлой зореньки до поздней ноченьки и не может наплакаться. «Не на радость Господь даровал нам такого сына». — «Не кручинься, жена, на нашу горькую долю».

Отерла жена свои слезы и легко ей стало. Подошла к своему Илюшеньке и поцеловала его в голову и поставила перед ним разные разности, пирог в целый аршин, да поросенка, да жаркое, на закуску пирог с черникой, не велик, не мал, немного побольше решета. Илюшенька долго не гадал, но бедняжечка все к себе прибрал. Кваску напился, спать увалился.

В одно прекрасное время приходит к нему седой старичок и просит напиться. Но Илья не может с места сдвинуться. Вот он понатужился немножечко, пополз ползком, достал ключевой воды и дал старику напиться. «Выпей-ко, мое дитятко, из этой склянки водички живой, совершится над тобой великое чудо и диво дивное».

Выпил Илья из скляночки и совершилась над ним вещь неслыханная, поднялся Илья на ноги. Стал Илья ходить накрепко, от ветру не валяться, за угол не цепляться, молодец молодцом, сильным богатырем.

Стал он по полю похаживать, коня себе высматривать. Наточил мечи булатные, пришел к отцу-матери. Стал просить отца: «Отпусти, государь-батюшко, в чисто поле погулять, себя людям показать, побывать в славном Киеве, святым угодникам поклониться».

Но отец и мать плачут, потужили, погоревали, родительское благословление дали.

Обнял старик Илью и велел ему ехать. На пути христианской крови не лить, роду своего не срамить. Илья Богу помолился, с отцом-матерью простился и поехали в путь — прямо на Киев. Проезжает он поля чистые, а заезжает он в дремучий лес, где нет прохода пешему, ни проезда конному. Наехал он на шайку разбойников. Разгорелись глаза у разбойников на коня булатного, на доспехи ратные, стали разбойники перешаптываться: «Как бы коня богатырского достать, доспехи ратные снять».

Начали на Илью напускать человек по десять и по двадцать. Остановил Илья своего коня, сидит не шелохнется, словно к месту прирос. Пустил стрелу каленую, зазвенела стрела, стала в косую сажень землю рыть. Разбойники испугались и в один кружок собрались и стали перед Ильей Муромцем на колени, говорили так: «Государь наш батюшка, не губи ты нас, возьми себе платья сколько угодно, возьми вороных коней, чернобурых соболей».

Усмехнулся Илья и говорит: «Не надо мне вашего добра, ни коней, ни чернобурых соболей, не грабьте вы людей, идите по домам. Сделайтесь богобоязливыми христианами, честными мирянами».

Бусурмане хотят голову сломать да князя в плен забрать. Едет он прямо на Чернигов. В те годы напала на Чернигов злая година, обложила его бусурманская сила. Не ясен сокол налетает на гусей, налетает Илья Муромец на силу бусурманскую, стал он колоть и рубить. Где там конь пролетая — татарин валился, а где свистнет меч — голова с плеч. Через два часа стало бить уже некого, остался один бусурманский царевич. Пустился на него Илья, как сокол на ястреба, сшиблись конь о коня. Не выдержал Иван-царевич, свалился, как овсяный сноп с воза. Схватил его Илья в охапку, поскакал в голоп в княжеский терем. Идет, а навстречу ему граждане, бояре, всякого народа видимо-невидимо, дают все ему дорогу. Дают дорогу доброму молодцу, в пояс кланяются и слезно благодарят за избавление.

Услыхал великий князь, дивуется, что за богатырь такой? Выходит он из палаты, встречает на золотом крыльце. И также благодарит за избавление и зовет к себе хлеба-соли кушать. Сажает его за стол по правую руку и спрашивает: «Куда едешь, из какого города, куда путь держишь?» Рассказал Илья, куда он путь держит. Задал князь пир, отпустил его в путь, к городу Киеву.

Утром рано на заре уезжает Илья из города Чернигова, подъезжает он к Брянским лесам, к болотам топким, к мостам калиновым. Как в тех лесах на ⟨двенадцати⟩ дубах поселился Соловей-разбойник. Убивал он всех наповал, но не оружием, а своим разбойничьим посвистом. Почуял он свою беду неминучую, не подпускает Илью за ⟨двадцать⟩ верст, начал свистать. Подпустив Илью еще на ⟨десять⟩ верст, Соловей-разбойник еще крепче засвистал. Взвилася пыль столбом, посыпался лист с дерев, конь у Ильи спотыкается. «А несытая кляча, пустой мешок, не слыхал ты посвисту змеиного, рыку звериного?»

Подпустив Илью к самому гнезду, начал он свистать, что было мочи. Конь бежит и пышет, земли под собой не слышит, подбежал ко гнезду и встал как вкопанный. Илья натягивает тугой

лук, снимает каленую стрелу, пускает в Соловья-разбойника, тот свалился как гнилой сноп. Илья разбойника лихого чуть живого привязал к своему седлу. Проезжает он Брянские леса, заезжает он в леса темные, дубровы зеленые.

А в тех лесах были палаты Соловья-разбойника, палаты дубовые, окна хрустальные, переплеты яснёвые. А в тех палатах жили три дочери Соловья-разбойника с тремя мужьями, могучими богатырями. Сидели они в ту пору у окошечка и смотрели, не едет ли батюшка, не везет ли им гостинец? Младшая дочь увидала и радостно закричала: «Смотрите, сестрицы, едет мой батюшка, за седло привязан какой-то человек». Старшая дочь посмотрела и горько заплакала, стала Бога молить: «Побейте его, не кладите страма в народ наш».

Богатыри коней седлают, в леса уезжают, мечи у них длинные, копья острые, хотят Илью Муромца на копья поднять. А Соловей-разбойник увидал своих, закричал громко: «А зятья мои родные, слезайте с коней, просите скорей Илья Муромца к нам в палату заехать, разных кушаний отведать, выпить зелена вина!»

Однако же Илья Муромец согласился на их просьбу, поехали они в палаты Соловья-разбойника. А старшая дочь влезла на ворота, подняла железный засов и поджидала, пока Илья Муромец подъедет к воротам, чтоб засов опустить и убить Илью Муромца. А Илья Муромец на воротах усмотрел ее, разгневался, дочь Соловья-разбойника убил, коня на киевскую дорогу своротил.

Едет он берегом Днепра, подъезжает он ко граду Киеву. Во граде народ толпится, богатырю дивятся, что за человек за седлом? Въезжает он на великокняжеский двор. Слуги его встречают, к князю провожают. В палату входит, Богу помолился, князю, княгине в пояс поклонился. Спрашивает князь: «Откуда едешь, из каких городов и куда подъедешь?» — «Из города из Мурома, из села Карачева, еду в г⟨ород⟩ Киев святым угодникам помолиться. Ехал я через город Чернигов, под тем городом стояла крутая вражья сила, ту силушку разметал, в Брянских лесах встретил Соловья. Соловья-разбойника в плен взял, дочь его убил, а его сюда привез».

Никто ему не верит. Князь и вызывает Илью на широкий двор, Соловья посмотреть и хотел слушать Соловья-разбойника. Илья Муромец князя и княгиню своей собольей шубой обернул и велел Соловью-разбойнику свистать в полсвиста. Соловей-разбойник засвистал так громко, что все на землю попадали, один только Илья стоял накрепко. За это Илья рассердился на Соловья-разбойника и убил его. Другие богатыри: Алёша Попович, Добрыня Никитич братом Илью Муромца назвали, крепко просили в поле погулять, единоборца поискать.

Долго ли они ездили, не знаю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, единоборца не нашли. Едут они уже обратно под Киев. На дороге встретили калеку по имени Гуню. Шляпа на ней ⟨двенадцать⟩ пуд, сабля в кривую сажень, весом ⟨девять⟩ пуд.

Илья Муромец Гуню увидел, прямо на него спустился. «Ой же ты, Илья Муромец, сильный богатырь, худо ты делаешь, стал своих забывать. А помнишь, как азбуку вместе учили, кашу с молоком ели, да на палатях сидели да песни пели, а теперь ты на меня наезжаешь, а того не знаешь, что в Киеве беда. Пришел в Киев бусурманский богатырь, голова у него с пивной котел».

Переоделся Илья в платье калики, идет на великокняжеский двор: «Ой ты, великий князь, подай милостыню, выйди-ка на двор». Князь калику увидал, но Муромца не узнал. «Иди, — сказал, — сюда в палаты. Здесь я тебя накормлю и златом-серебром наделю».

Идет Илья в палаты, Богу помолился, князю и княгине в пояс поклонился. А в это самое время кормили бусурманского царя Идолища. Принесли ему быка, положить не успели, как и косточки все съел. Принесли пива — котел взял за ушки, сразу выпил.

Глядя на это, Илья сказал: «Была у отца обжорливая кобыла, овса наелась, ноги протянула, тебя помянула».

Налились глаза кровью у Идолища, защелкал зубами как голодный волк, из ушей пар пошел, изо рта дым повалил. «Ай ты, несытая пропасть, бездонная яма, ай ты, пес голодный, дай я тебя помялом проткну». — «Не смей, добрый молодец, я тебе не сват, ты мне не брат, разом схвачу, копье все проглочу. Каков есть у вас Илья Муромец, я бы с тем стычку дал». — «Так вот таков-то он». Схватил шляпу рукой и хватил Идолище в лоб, но только сено прошиб, туда же тело выкинул.

Тут князь почтил его великими похвалами. Сделал пир, я там был, мед-пиво пил, а по усам не попадало.

№ 296

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА, КАК ОН ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ НОГ СИДЕЛ

Тридцать лет да ног да не было,
Всё на пецьке ён лежал.
Ён лежал да на печушке.
А отец да мать ушли да на работушку.
А приходит да Олексей да Олёша Попович,
А другой-то товарищ Егор да Святогор и колотятся.
Пришли ёны да к воротушкам и колотятся,
А на печке ён да говорит:
«Кто там да крещёнушки?
У меня да ноженек да нет». —
«А отложи да Илья Муромец, сын Иванович,
Как-ни нас да запусти в избу».
Он да с печки и стал спускатися,
С печки на ошосточок, с ошосточка на озéньку,
Отложил да ён воротушка,
Отворил да ён свои дубовые ворота.
Показались ему да товарищи,
Олёшенька Попович и Егор да Святогор и поздоровкались.
А сели за столы да за дубовые,
Да стали разговаривать.
А эти два товарища ему да говорят:
«Илья Муромец да сын Иванович,
А достань-ка ты нам по чарочке вина». —
«У моёй да родного батюшка да матушки,
Водочка в погребах глубоко же там,
Висят тыи боцьки на цепях да железныих». —
«Ну, да как-то уж надо нам достать».

Сошли ёны да вси да трое.
«Ну, да как бы, Илья Муромец, по цяроцьке,
надо выпить нам да винца».
А цяроцьки не большеньки, не маленьки,
Сорок сороковоцек.
Вот и налили по чарочке да и выпили.
Ён стал на свои да ноженьки, на свои ходячие.
Вот его и спрашивают:
«Ну, как ты, Илья Муромец, сын Иванович,
чувствуешь?» —
«Да чувствую, теперь я стал на ноги». —
«Ну, давай-ка да еще выпьем по цяроцьке».
И по другой да ёны да выпивали.
Ён пошел да на резвых ноженьках да на вулушку.
Стал спускаться на ступенецьки — ступеньки ломаются.
И ёны да видят — его да силы много же.
У его да силы много, надо отбавлять.
Ёны да вынули с кармана
Своёго зеленого да водоцьки.
Дали ему да выпить — у ёго да силушки сбавилось.
Тут-то ёны да распростилися,
Пошли да сговорилися:
«Мы теперича будем с вамы да крестовушки.
Вот ты да Илья Муромец сын Иванович,
Приезжай-ко ты в такое времечко,
Туды-то вот, в такую-то губеренку».
А пошел ён с фатерушки,
Да ушел он на покос на свой
К отцу да матери своему.
А отец да матушка оглянулися да обрадовались:
«Ой, да у нас-то сынок идет!»
Стал он по́жиньку да расчищать,
Корешки да рвать.
Проработали до вечера, пришли ёны домой.
Он сказал: «Ну, родный-то батюшко,
Я да поеду на войну».
А отец-то да сходил в конюшенку,
Вывел ему коня да косматого.
Посадили Илью Муромца,
Оседлали коня как следует быть,
Вот и поехал Илья Муромец да в путь-дороженьку.
Подъехал не так далеко, а лежит да крестовушка
Алёшенька Попович, товарищ да крестовый.

Ён ёго да побудил — а тот не слышит ничего, так спит.
Потом Алёшеньку Поповича да клал в карман.
И поехали добры молодцы.
Приехали в туды-то, где сговорились.
А Егор да Святогор дожидается:
«Что же долго вы ехали?
А где же у вас Олёша Попович?»
Да Илья Муромец а ему не говорит,
Что Алёша в кармане.
«Ну, дак пойдемте да два да мóлодца,
А ёго да нам да не дождаться».
А Егор да Святогор едет впереди,
А Илья Муромец позáди.
У Егора конь стал в песок-то уходить до колена в грязь.
А ён коня да по ушам:
«Что ты, конь, не хочешь верой-правдой служить?»
А Егор да Святогор да говорит Илье Муромце:
«Давай-ка, крестовый Илья Муромец,
Посидим да покалякаем».
Вы́стали с коней, он-ка клал руку в карман,
А там Олёша Попович в кармане.
Да и вытянул его, и стали его будить.
А Олёшенька проснулся
И глядит и ён на них.
А Илья Муромец и говорит:
«Ой, какой у тебя крепкий сон.
Верно, ты не слышал, как мы тебя в карман клали.
Если бы руку да не сунул в карман,
Мы бы тебя да не узнали».
Вот вышли скорей да и покалякали, поразговаривали.
Да ёны да и поразъехались,
Всяк своей дорожкой да поехал.
Ехали да были, да опять приходит рóстань тая же.
А Егор-то Святогор впереду приехал так,
Потом да Илья Муромец,
А ёны да съехались да так,
А Олёшеньки Поповича и в ви́стях нет.
А Егор да Святогор и говорит Илье да Муромцу:
«Верно, у нас Алёша Попович заблудился,
Или кто-нибудь ёго да зáбрал в плен».
Не успели сговорить, а Алёшенька Попович
Как и тут на своем коне косматыим.
У его да и спросили:

«Где ты был, да Алёшенька Попович?»
А ён же им да отвечает:
«Попал я на такую силушку,
(*Рать — силушка.*)
Адва меня да не зарезали.
Ну, я да развернулся, правой рученькой махнул,
А левой ноженькой я пнул,
Да всю ихну силушку разбил.
Вот меня и задержало там».
А Илья Муромец и сказал,
Что «в каком то краю?» —
«А вот, — говорит, — в таком,
В Бессарабской-то губеренке
Стоит войско перед нами,
Хочут ёны да напасть на вас!»
А Егор да Святогор и говорит Илье Муромцы:
«А ну, сын Иванович, что будем делать мы?
Войско ли сбирать, али сами с собой погуляем?»
А Илья Муромец сказал:
«А давайте-ка попробуем мы сами собой,
Кака у их этака сила».
Сели на добрых коней
Да и поехали в ту сторонушку, к той-то силушке.
Приехали к тому-то местечку —
Сила недвижимая стоит безо счета,
Столько силы на́гнано.
А оны коней направили в тую силушку
Не один да за одним, а по разныим местам.
Куды махнут — перемахнут в другу сторону,
Больше валится еще.
И проехали они да эту силушку,
Всю они да поразбили.
А ихний командир да им и говорит:
«Вы да каки таки приехали, добры молодцы,
Мою силу повалили да?»
А Илья Муромец сказал в ответ:
«Зачем вы Алёшу Поповича задержали да?
Мы бы с вами да несогласны были,
А вы уж нас задели,
А мы уж вам показали». —
«Ну, дак вот что, — говорит, — молодчики,
Мы да на етом не поми́римся с вами!»
Оны да подговорили турецких воинов.

А Илья Муромец и говорит:
«Дак вы хотите ище с намы жалаете повоевать?» —
«А мы, — говорит, — будем биться, пока вас не убьем».
А Илья Муромец да сын Иванович да усмехнулся так.
Как опять припустили коней, да всю ихну
силушку повалили.
И спросил их: «Ище ли будете?»
С тех пор, знаете ли, не кидались на Илью Муромца
Да на Егора Святогора.
Да разъехались по домам и разбегалися по дворам.

№ 297

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Был досюль солнышко князь стольно-киевский. И ён сбирал балы-гостёбища. Потом услыхал старый казак Илья Муромец про эту гостьбу и к ёму поехал. Клал он на своего добра коня потницьки, на потницьки клал мягки войлоцьки, наверёх клал седёлко циркальское, стремяны серебряны. И поехал Илья — старый казак на бал, поехал с той сторонки полудённыя: только пыль пошла да ископыть. Потом он ехал до города Смолятна (*город Смолятна там бывал, може и нынь есть*). Доехал, привязал коня к червленому столбу, золоченому, зашел в церковь присвящчёную, мужиков полная церковь. Со белым светом прощаются, на войну мужики собираются. Этот заехал старóй казак Илья Муромец: «Мужички, — говорит, — смолячинцы! Скажите мне дороженьку прямоезжую, куда ехать к стольному князю, стольно-киевскому».

Оны ёму сказали: «Вот что, — говорят, — старый казак Илья Муромец! Прямоезжая дорожка ⟨тысяча⟩ верст, а окольня ⟨пять⟩ тысяцей. Дак на прямоезжей-то дороженьке, котора одну тысяцю, две заставы великие». — «Дак я уж, — говорит, — поеду по прямоезжоей дороженьке». — «А перьва застава, — говорит, — леса дремущие, болота страшно топущие. А другая застава — сидит птиця Рахманная, не пропускает он ни пешего, ни человека конного проедучись, ни птицу пролетучись. У него двор на семи столбах, на семи верстах. Это така птиця, Соловей Рахманновый, дак тебя, Илья Муромец, не пропустит».

Берет Илья Муромец коня левóй рукой и делает дорогу прямоезжую и векóвую.

Приходит ему застава Соловей Рахманная. Она не пропускает никого — ни конного, ни пешего. Подъезжает Илья Муромец к тому двору. Настасья, сестра Микулишна, схватила подворотню ⟨сто девяносто⟩ пуд, хочет его ударить. А конь-то его знал увёртки богатырские, увернулся, она и не убила его. Он проехал, схватил этого Соловья Рахманного за волосы, привязал ко левой стремени и похваляется: «Топерь ты у меня не вывернешься».

Ён засвистел, Соловей ить Рахманновый, по-змеинному, зарычал по-зверинному.

И конь пал на колени. Ён шпорами коня: «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Не слыхал ты что ли птицы, рыку звериного, а посвисту змеинного?»

И ён поехал, конь-то скоцил на ⟨четыре⟩ ноги. Да потом его схватил, Соловья, за желты кудри и привязал к левому стремени: «Ты, Соловей, теперь никуда не денешься». И поехал опять к солнцу-князю стольно-киевскому на бал.

Ён, этот старый казак, и проехал ⟨две⟩ заставы богатырские. И приехал он на этот бал, на белой двор становил коня. Идет он на бал ко князю стольно-киевскому. И ён зашел на бал, там был полный стол. Кто проходит, все пятятся, не видали этой беды: у коня привязан Соловей Рахманный. Говорит старому казаку Илье Муромцу: «Не знаем тебя, ни имени твоего, ни изотчины».

Он повел их на широкий двор: «Подьте, поглядите! Как кого вам я-то привез!»

Все сбились, побежали на белой двор. Поглядели, на дворе стоит Соловей ить Рахманновый. Потом сюда народ сбежался со всего бала. Говорит Илья Муромец: «А вот, — говорит, — засвищи в полкрику звериного, а в полсвисту змеинного!» — Соловью-то велит он [на] белóм дворе.

Дак Соловей засвистал в полкрику звериного, зашипел в полсвисту змеинного — дак беды наделано, дак сотвори, Господи!

Жеребы кобылы жеребилися,
Поно́сны бабы разродилися.
(*Дак еще в полкрику закрычал, а уж как сидел в гнезде, на столби, дак не пропускал ни конного, ни пешего.*)
Тут брали Илью Муромца за белы руки,
Тут садили его на место, на бóльшое.
И вси тут на балу напивалися,
И вси тут на пиру наедалися,
Вси похвальбами похвалялися.
Иной фастат золотой казной,
Дак умный фастат отцём-матерью.
А иной платьим сусветным,
Что «у меня платья на весь свет будет».
(*Как фастают-то они, кто цим*!)
А безумный фастат молодой женой,
Доходами своими фастают, достатками.

И этот говорит: «А слушайте, что я вам скажу: дак моя жена ваш Киев-город и Чернигов скупит и продаст и солнышка-князя с ума сведет».

И эты речи ему, солнышку князю, не понравились: «Что, может ли быть, что женщина скупит и продаст Киев и Чернигов и меня с ума сведет!? И ведите его, старого казака Илью Муромца, засадите его в погреба стосаженные и навсегда навеки нерушимые!» Его поводят в погреба стосаженные. А ён сказал: «Ах ты, князь стольно-киевский! Дай мне времецька на цясок, я в ваших руках».

Ён взял записочку написал, клал коню под седёлко. Ну, конь у ёго там был. «Конь, бежи домой! Скажи, что посажан я навеки нерушимые в стосаженные погреба».

Конь побежал домой. А этого Соловья-птицю вывел на поле, дал ему между пальцем, Соловей тут и издох.

Конь прибежал домой, там хозяйка в окно глядит: конь бежит, хозяина нет. Стала расседлывать его, под седлом нашла записку, что хозяин посажен в погреба стосаженные навеки нерушимые. Хозяйка взяла, села в темну комнату, стала удумывать, как хозяина добыть оттуль. Письмо написала, одно неладно, друго, третье. Подстригла волосы по-мусському (*сама лицом была красивая*). Одела платье мужское, коня взяла другого, что будто не тот. Поехала туды, где муж посажен. У них все равно бал. И сидят, и пьют и едят. Назвалась заморским мужчиною, тогда Василь-

ем Буслаевицем. «Я, — говорит, — не для гостьбы приехал. Слыхал, что есть у вас невеста-племянница. Я, — говорит, — приехал повеницца на ёй, посвататься к ёй, а я из-за синя моря».

Ёны все говорят: «Отдать надо». А девушка говорит: «Не отдавай девушку за женщину. Нет тут мужчины, а есть женщина».

А дяденька спрашивает.

«А потому я знаю: походка засте ⟨*нрзб.* частехонька?⟩, грудь высоконько, а речь-поговорка с прозвизгом, а сядет на лавку — коленкама жмет». — «А погоди, — говорит, — любезна племяницька, мы ёго в городе вызнаем, кто тут есть».

Взяли его положили в спальню: у жоны будет под задницей яма, у мужчины под плечамы яма. А ён как ляг, замкнулся, ходу к нему нет. Лег, где была задница, туда плечикамы. Вот утром будят его: «Вставай, Василий Буслаевиць, кушать-есть!» Оны пришли, посмотрели. Он скоцил. «Сейчас», — говорит. (*Вот, видно, баба не беспута была*!)

Ну, уж там свадьбы назначено. А племянница опять дяди молится: «Желанный ты, дядюшка, не отдавай девушку за женщину». — «Мы ёго еще повыпытаем».

Баенку истопили. — «Василий Буслаевич, не угодно ли в баенку?» Он уж вымылся, а князь стольно-киевский в байну бежит. «Ах, ты, — говорит, — опять не могли вызнать!» Ну, тут её не могли вызнать опять. «Ну, вот, мы ёго в городе повызнаём».

Клали самолучших стрельцёв с калёными лукамы. И ей дали лук, этой Василью Буслаевицю. «Разве она может так стрелить?» А етот Василий Буслаевиць стрелил — попал, друго стрелил — попал, клал на весы половинки — обе равные. «Ну, свадьбе бывать!»

А этот Василий Буслаевиць говорит: «Я, — говорит, — в поле гулять поехал, а будто мне так невесело. Я слыхал, что у вас в погребах есть гусельщик, а достаньте мне с ним погулять!» (*Ишь, как подъезжает*!)

Достали этого гусельщика (*князю зятя розгневить не хочется*). Вытянули старого казака Илью Муромця, чтобы этот гусёльщик играл, чтобы Василий Буслаевиць веселился. Играл да был да плясал, да веселил этого Василья Буслаевиця.

«А слухай, — говорит тут Василий Буслаевиць, — не при мужиках было сказано». (*Тут Ставёр не догадался*.) «Была у тебя сваецька точёна, ты вот ездил, а меня с собой не брал». — «Да я свою жону через ⟨три⟩ года узнал бы, а тут через три месяца не узнал».

Она взяла и показалася. Вот тут он и признал ю.

«Вот, — говорит, — старый козак, ты сюды попал, вот я тебя и выручила. Сходи к князю стольно-киевскому». Стал солнце-князь стольно-киевский говорить: «Вот женьщина волос долог, а ум короток. Да она все может сделать! Выманила со стосаженных погребов мужа-то своего. Поезжай домой и боле чтобы дух твой не пал!»

№ 298

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Она — сказка, что он ей пошшалкивал — стопудовой палицей, — Илья-то Муромец и Настасья Микуловна, как он Соловья-разбойника убил, детей и жену — копьем все. Ён не пропускал никого, кто не пойдет, — всех убивал, жены да детям возил. А этот Илья Муромец убил его,

его победил. Вот интересная-то сказка, как Настасья Микуловна его в темницу. (*Вот я сначала забыла-то. Это отцы книги читали и так старики сказывали да пели.*) А Настасья Микулишна была еще сильнее того богатыря, она триста пудов палицы вытерпела. Отвернулась только на третий раз дак. Его клали в темницы, туды в колодец. Потом эта Настасья Микулишна его доставала. Эта женщина и накрутилась. Ехал, ее догонял, стопудовой палицей ее ударил. Она даже и не посмотрела. Она потом уж его догоняла.

Ён ехал сзади-то, ее догонял. Стопудовой палицей ее ударил. Она даже и не пошатнулася. Вот богатырка-то была. Вот второй раз нагнал ей, опять двухсотпудовой палицей стукнул. Она и не пошатнулася. Третий раз стукнул трехсотпудовой палицей, она отвернулась: «Ох, — говорит, — меня комарики покусывают. А так меня русские богатыри пошшёлкивают».

И потом взяла Илью Муромца за руку и поехали. Ну и потом разъехались по дорогам. Она поехала в свое царство, а его отправила, чтоб Соловья-разбойника победить.

Илья поехал, взял копье булатное и едет. И Соловей-разбойник уже на дороге посвистывает, не пропускает, своим копьем уже шшёлкнул по коню Ильи Муромца. А Илья Муромец в тот момент Соловья-разбойника своим копьем в грудь ударил. И Соловей-разбойник свалился, засвистал своих соловьев всех, чтобы они прилетели. Заревел по-звериному, закричал по-медвёжьему (*там про змея сказка, а тут богатыри-то*).

Соловей-разбойник ни пеша-конного, никакого не пропускал по этой дороге. В тот момент Илья Муромец его убил своей палицей трехсотпудовой. Привязал Соловья-разбойника к фосту коню и поехал в ихне царство. А соловьи не прилетели. Он не мог их высвистать. Он один раз уж просвистал и всё. На крыльце встречают дети: «О, батюшко едет, везет нам гостинцы!»

Приехали, и тут старшую дочь копьем убил. Оны тут закричали, что не наш батюшка, а разбойник какой-то. Потом вышли тут все, вся тут стража Соловья-разбойника, Илью Муромца захватили, потом его посадили в темницу длинную — большой, большой глубокий колодец.

Потом стала разведывать Настасья Микулишна Ильи Муромца и узнала, что он сидит в глубоком колодце. Накрутилася мужчиной и поехала в тое царство, где Соловей-разбойник жил. Вот тут-то она приехала, спросила, что приехала она бороться с этыма богатырямы Соловья-разбойника. А этот уж старший богатырь убит, разбойник-то. Больше уж не могут они никакого богатыря перебороть — главный уж убит дак.

Поборола всех богатырей. И пришли они в комнаты туды Соловья-разбойника, и села она на лавку и коленка жмет. А старшая дочь, не старшая дочь, а средняя сказала: «Мама, посмотри-ко, она не мужчина, она — женщина. Пальчики в руках тоненьки, разговор у ей частенькой! А на лавочке сидит — коленка жмет».

А она еще, Настасья Микулишна, спрашивает: «Где у вас Илья Муромец богатырь? Мне хочется еще с ним побороться, силы попробовать».

(*Ей надо его как-то достать-то!*)

И достали Илью Муромца с глубокого колодца. И пошла они бороться-то, Настасья Микулишна и Илья Муромец. И Илья Муромец узнал, что Настасья Микулишна, хоть и мужчиной накрутилась. Он ее добивается, чтобы взять (*нет, того не пишите*) — царство Соловья-разбойника. И поборола Настасья Микулишна. Он поддался ей. Поддался — выйти ведь надо из темницы. Она его поборола и брала она его за белы́ руки. Здымала-то за белы́ руки, чоловала́ в уста сахарние. И брали мецы свои вострые и порубили все Соловья-разбойника царство, все царство порубили своими мецами. Вот перестали пала́чить! (*Нет, нет, этого не надо.*) Всё кото́ро забра-

ли там ценное, в комнатах. И поехали в свое царство на своих добры́х конях. И приехали в свое царство. И объявили пир на весь мир, и поженился Илья Муромец на Настасьи Микулишне. И стали царство царствовать. И все дороги открыты, больше Соловья-разбойника не стало. Конным и пешим, прохожим и проезжим.

(*Вот и все, не знаю, может быть, есть какие-то изменения, я и позабыла немножко. А вот начала-то не припомню: как отправлялся в поход, тут и не припомню.*)

№ 299

ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА

Слышала, как Илья Муромец ездил воевать. Не было крепче такого богатыря, как Илья Муромец. И он из поколения в поколение будет переходить, его имя. Потому, что самый могучий был богатырь. Нападения не делал до тех пор, пока не повзрослел сын и брат. А как брат Ильи Муромца стал солидный и когда он вырастил сына, то он стал силой тягаться, выходить на площадь и говорит: «Можешь, Иван, со мной тягаться?» И боролись. «И ты, Иван, будешь такой же крепкий и сильный». А как сына вырастил, то он был сильнее дяди и говорит: «Я тебя, батя, нигде не подведу».

И в теперешнее время Илья Муромец многим мог бы советы давать. Россия вечно будет непобедимая. Так как силы в ней больше и народ дружнее, башковатее, умственнее. Вечно ведь воевали с Турцией, с Японией, и все ведь побеждали русские. У наших копья были острее и сабли. Умственнее наш народ, чем в других державах. И по всему наш народ в России лучше. Никакой царь царство с рук не упустил. Кто мог победить советскую власть? А ведь Красная Армия воевала в лаптях, голодные, холодные и победили! И в Отечественную войну мужественно боролись все. Внезапно напали на Россию, и все равно не могли победить.

Или раньше — французы напали, вся Россия осталась, а Наполена ведь нет!

Или революция длилась с пятого до семнадцатого года, и все не могли победить. Вечно будет Россия непобедимая.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН (№ 300—305)

№ 300

АЛЁША И ТУГАРИН

А поехал тут Олёшенька Попович на добром кони со своим видь братцем крестовыим, с Якимом он поехал с Ивановичем. Приехали оны да на ро́сстань-то. На ро́сстани было написано, на камешке напечатано: «Как в одну-то сторону ехать — жонату быть и убиту быть».

Как поехал тут Олёшенька да Попович-то да путем-то он, да дороженькой. Да Яким-то был да Иваныч да поехал-то. Как едет тут Дуданин поганыих на добром коня́. У коня у Дуданина как со рта видь пламя машет, как огне́м-то жгёт. А бежит он очень спорно тут, как у этого Дуданина.

Как тут Олёшенька Попович-то поехал он на уход вид от него. Как поихали оны во всю прыть да лошадиную. Завернулися оны в сторону да спрятались от Дуданина.

Говорит Олёшенька да попосьской сын: «Как идет Кали́чище перехо́жоё, перехо́жоё Кали́чище, перебро́дноё». — «Ай же Кали́чище до перехо́жоё, скидывай-ко ты пла́тьё кали́чее, надевай мои платьиця цве́тноё, розувай ты опорки кали́чии». Как Олёшенька да Поповиць-то как справился он кали́чищей перехожею. Как идет кали́кой перехожею, как настрету едет Дуданин-то на добро́м кони́. У него видь шапка была ухатая, очень была натянута. Как сравнялся он со Дуданином: «Ах ты, уда́лой добрый мо́лодец, дай-ко мне милостыньку денег мни, кали́ки перехожеей, не могу кормиться я на белом свети». Как подават Дуданин да калики милостыни-денег, а Олёшенька да попоськой сын вытащил с-под полы шалы́гу свою подорожную. Как ударил Дуданина в буйну голову, как скатился-то Дуданище о сыру́ землю́. Как садился Дуданину на белую грудь, а Дуданина была не малая, росту три аршина, аккурат-то был и шесть с половиною. Как берет ножище-кинжалище, хотел ему спороть белую грудь. А молится Дуданин, извиняется: «Ах ты, Олёшенька да попосьской сын, не бей меня да не кровавь топерь! Я буду видь да видь ме́ньшой брат, а ты будешь да видь бо́льшой брат. Что распорядишься, то буду я и делать».

Как спустил Олёшенька Дуданина, как поехали оны во стольный во Киев-град, ко солнышку князу ко Владимиру. Как стали оны у солнышка князя Владимира есть, пить да наедатися, да напиватися. Как пьют, едят оны да наедаются, да напиваются. Напилися, наилися до́сыти. Как тут они да порасфастались. Как Дуданин говорит: «Ай же ты, Олёшенька, попосьской сын, ты меня видь хитростью сбил с добра́ коня на сыру́ землю́. Как не сбить бы тибе да видь хитросью, да не сбить бы меня на сыру́ землю́, если бы у тебя не было хитрости». Говорит Дуданин-то. Вот оны билисе о велик залог: «Поедем воевать да во чисто́ поле́, силушки попробуем да могутных плеч да богатырскыих, а ухватки видь молодецькоей».

Как тут оны с Олёшенькой Поповицем как битися вдвоем-то видь как тут, оны да поразъехались. Один со стороны, другой с другой видь, слититься им как будто петухам. А видь как оны съихались поблизехонько, говорит Олёшенька да Попович-то, крычит громким голосом: «Ах ты, поганая Дуданина, сильная ты да могучая, как хотел ты драться вдвоем-то видь, а у тя силы топерь назади и сметы нет!» Как оввернулся видь Дуданин назад-то видь, а наскочил Олёшенька Попович-то. Как ударил его палицей булатною, как ударил его прямо промеж глаза́. Как скатился Дуданин на сыру́ землю́. Выскакал Олёша со добра́ коня да взял ножищо-кинжалище, у нёго всю грудь да поро́спластал, вынимал сердецько со печенью. Тут Дуданину и славы́ поют, а Олёши сла́ва не минуется.

№ 301

ПРО АЛЁШУ ПОПОВИЧА

Из славного города из Ростова
Выезжали тут два удалых добра молодца:
Как один — Алёшенька Попович млад
С молодым Якимом Ивановичем.
И ездили по чисту полю

Плечо о плечо, рука об руку.
И не видали оне во чистом поле
Никакого человека прохожего,
Не спугали даже птицы перелетныя.
Не доехали они до Сафат-реки,
А наехали оне на бел-горюч камень,
А на камешке было написано.
Говорит Алёшенька, поповский сын:
«А ты, молодой Яким Иванович,
В грамоте ты ученый человек,
Опустись-ко ты со добра коня
И прочти-ко ты надпись на камешке,
Что там на камешке написано».
И опустился Яким Иванович,
И прочитал он надпись на камешке,
И говорит он Алёшеньке Поповичу,
Что «здесь на камешке написано
Про эти дороги широкия:
„Вот вправо ехать ко Чернигову,
А влево ехать ко Муромлю,
А прямо ехать ко Киеву".
И которой дорогой мы поедем с тобой?»
И говорит тут Алёшенька:
«А поедем мы лучше ко Киеву
Ко ласковому князю ко Владимиру».
И выходит тут Алёшенька со добра коня
И говорит он Якиму Ивановичу:
«А ночуем мы с тобой здесь, у Сафат-реки,
Расседлай-ко ты теперь добрых коней,
Стреножь их и пусти во чисто поле».
Молодой Яким сын Иванович
Он расседлывал коней и стреноживал,
И пущал гулять их во чисто поле.
И раскинули они шатры белополотняные,
И ложились витязи опочив держать.
И прошла та ночь осенная.
А по утру к ним ранешенько
Приходит калика перехожая.
Лапотьки на нем семи шелков,
Проковырены лапотьки красным золотом и чистым серебром,
Подсумок на нем рыта бархата,
А в руках — шалыга тридцать пуд.
И говорит калика перехожая:

40 Зак. 3427

«Я видел сегодни Тугарина Змеевича,
Вышины ли он трех сажен,
Промеж плечами косая сажень,
Конь под ним, быдто лютый змей,
Из харища пламя пышит,
Из ушей — дым столбом!»
И пристал тут Алёша к калики перехожеей:
«Ай же ты, калика перехожая,
Поменяемся мы с тобой платьями:
Ты надень мое платье богатырьское,
А дай мне твое платье каличее».
И поменялися оне платьями:
Алёша надел платье каличее,
А калика надел платье богатырьское.
И пошел Алёша на Сафат-реку,
И завидел его Тугарин Змеевич,
И кричит Алёши зычным голосом:
«Ах ты гой еси, калика перехожая,
А ты где слыхал-видал Алёшу Поповича,
Я бы Алёшу копьем заколол,
Я бы Алёшу огнем сожег!»
И говорит Алёшенька Попович
Тому ли Тугарину Змеевичу:
«Очень туповат я на ухо,
Не могу понять, говоришь мне что,
Ты поближе подъедь ко мне, молодцу!»
И подъехал тут Тугарин Змеевич
Как до самого Алёши до Поповича.
Как овернулся Алёшенька, поповский сын,
Как ударил он Тугарина Змеевича
Тяжкой палицей в буйну голову —
И валился Тугарин на сыру землю,
И садился Алёша ему на черную грудь,
И взмолился ему тут Тугарин Змеевич:
«А не ты ли есть Алёшенька, поповский сын?
Коли ты Олёшенька, поповский сын,
То теперь с тобой мы побратаемся».
Да в ты поры Алёша врагу не веровал,
Порубил ему он буйну голову,
Снял с него платья цветные
И надевал на себя платья цветные,
И садился на его добра коня,
И поехал он к своему белу шатру.

Увидел его Яким Иванович со тою каликой перехожею.
И показалось им, что едет Тугарин Змеевич.
Садились оне на добрых коней,
И поехали оне ко граду ко Ростову.
Нагоняет их Алёшенька, поповский сын,
И оввернется Яким Иванович,
И показалосе ему, что едет вслед Тугарин-Змей.
Он бросил в него шалыгой подорожною
И сбил его со добра коня.
И скоро спустился Яким со добра коня,
И хотел пороть ему груди белыя,
Но увидал на грудях золотой крест
И опознал он тут Алёшеньку.
И заплакал он тут слезами горькими:
«Ох ты гой, калика перехожая,
По грехам надо мной сочинилоси,
Я убил своего братца крестового».
И выходил калика со добра коня,
Стали оне Алёшу шатать и качать,
И давали ему питья заморского —
Оттого он, молодец, и жив стал.
И разменялися они с каликой платьями:
Калика надел свое каличее,
А Алёша надел свое богатырское.
А Тугарина платье в чемодан клали.
И поехали оне ко городу ко Киеву.

№ 302

ПРО АЛЁШУ ПОПОВИЧА

Во Ростове было славном городе
У Леонтья у попа ростовского
Было чадочко да его милое,
Чадо милое, дитя любимое —
Олёшенька да Поповиц-свет.
Когда в малом был да он ребячестве,
По широкой уличке погуливал,
Он с ровесникамы шуточки пошучивал:
Хватит за руку — и рука долой,
Хватит за ногу — и нога долой.
Леонтью, попу ростовскому,

Эти шуточки были не по-разуму,
Говорил Леонтий таковы слова:
«Уж ты, чадочко да мое милое,
Ты ходи-гуляй да посмирнешенько,
А потише ты ходи да ключевой воды,
А пониже ты ходи да шелковой травы,
Не срами-тко ты да отца с матушкой
И всего ли нашего роду поповского».
И подрос Олёшенька до полного до возраста,
И ходил-гулял по городу Ростовскому,
Он играл в гуселышки яровчаты,
Завлекал игрой да красных девушек
И молодыих да всех молодушек.
Во одну пору, в одно времячко
Говорит Олёша таковы слова:
«Ах ты гой еси, родимый батюшка,
Не люблю я города Ростовского,
Не могу я выносить названьица поповского;
Дай-ко мне прощеньице-благословленьице
Погулять мне по белу свету —
Посмотреть хочу я людей добрыих.
Я поеду ко городу ко Киеву
Послужить мне ласковому князю да Владимиру.
Ты, родимой мой батюшка,
Уж ты дай коня да мне надежного
И наряды все молодецкие,
И доспехи дай да богатырские!»
Говорит ему родной батюшка:
«Уж ты, чадочко да мое милое,
Ты пойди в конюшенку стоялую
И бери коней да хотя парою,
Ты поезди, погуляй да по чисту полю,
А ворочайся домой да поскорешенько,
Расскажи-ко про гулянье потихошенько».
Тут Олёшенька скорым-скорешенько
Он пошел в конюшенки стоялые,
Взял он Бурушка там косматого,
Выводил Бурка да на широкий двор,
Не седлал коня, не окольчуживал,
А накинул дерюжку домотканную.
Как вскочил Олёша на добра коня —
На колени пал да его добрый конь,
На колени пал да и встать не мог.

Тут розгорелось сердце молодецкое
У того Олёши у Поповича:
Как сдирал шкуру с коня доброго,
А бросал тут тушу черным воронам.
Он к попу ростовскому не ворочается,
А пешком в путь-дорожку отправляется,
Только взял с собой гуселышки яровчаты
И ту́гой лук берет он, калены стрелы.
А идет Олёша по чисту полю,
Поигрывает в гуселышка яровчаты,
А поигрывает Олёша да посматривает,
Не найдет ли Олёша белой лебеди
Или серой да малой утушки.
И подходит Олёшенька, поповский сын,
Во чистом поле ко сыру дубу,
И ложился Олёша на сыру землю,
На сыру землю, на шелко́ву траву.
Тут хотел Олёшенька да опочив держать.
(*Спать, значит.*)
А на том дубу да там сидел черной ворон.
Разгорелосе сердечко молодецкое,
Говорит Олёша таковы слова:
«Долго я ходил да ⟨по⟩ чисту полю,
Не нашел-то я ни гуся, ни лебедя
И не серой да малой утушки,
Я стрелю с досады да черна ворона».
Тут скорым Олёша поскорешенько
Тугой лук разрывчатый натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
И хотел убить он черна ворона;
А птица вещая, да черен ворон,
Как закаркал во́рон по-птичьему,
Заговорил воро́н по-человечьему,
Говорит воро́н да таковы слова:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,
По прозваньицу Олёшенька Попович есть,
Не стреляй-ко ты меня, да черна ворона.
Тебе от ворона да корысть малая:
Мою кровь ты пустишь по сыру дубу,
Мое перья разнесет да по чисту полю,
Мою тушицу ты бросишь да серым волкам.
Ты послушай-ко меня, да черна ворона:
Неподалече-далече во чистом поле

Стоит береза там покляпая,
От ветрушка березынька шатается,
Ко сырой земли береза наклоняется,
На две яблоньки береза упирается;
А под березой под покляпою
Как лежит тут сер-горюч камень,
Не велик, не малый, а во сорок пуд,
А на камне надпись да написана:
„Кто бы этот камень приподнять бы мог,
Тот бы был моим спасителем"».
Тут Олёшенька, поповский сын,
Не убил он черна ворона,
К той березыньке да поспешается,
По чисту полю идет да спотыкается,
(*Он устал, хоть и удалый был.*)
Приходил к березыньке покляпое,
Прочитал он надпись да написану
И собрался с силой богатырьскою,
Приподнял он камень единой рукой.
Заходил в пещеру подземельную —
Да стоит тут добрый богатырский конь
У того столба ли у точеного,
У того колечка золоченого,
И зоблет он пшеницу белоярову.
Посмотрел Олёшенька вперед себя,
Чуду чудному да чудуется,
А диву дивному да он дивуется:
Как сидит тут девица да красная,
Поленица сидит да разудалая,
Руки, ноги в цепи закованы,
Коса русая да в стену замуровлена,
Ясны очушки не открываются,
Бела грудь у ней да без дыханьица,
А на столе лежат да ярлыки да скорописчаты,
А в этих ярлыках да принаписано:
«Кто зайдет да к подземелию,
Придайте мое тело сырой земле,
Помяните мою да душу грешную,
Душу грешную — Марию-королевичну.
Тридцать лет гуляла по чисту полю,
Не нашла себе да поединщика,
А теперь нашла я лиходейщика.
Кто спасет меня и помилует,

Тот бери мое злато-серебро,
Тот бери коня да богатырского».
Тот Олёшенька, да поповский сын,
Он оковы железны повыломал,
А русу косыньку со стены повыдергал,
Придал мертво тело он сырой земле,
И потом взял коня да богатырского,
Выводил коня да на чисто поле,
И он взял седёлышко черкасское
И все доспехи брал да богатырьские.
Он заседлывал коня, да он налаживал,
Кладал потнички да он на потнички,
Кладал войлочки да он на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Положил уздечику шелковую,
Он двенадцать подпругов подтягивал,
И двенадцать пряжечек застегивал —
Не для ради красы-басы, угожества,
А ради крепости богатырския.
По полюшку коня да он поваживал,
Он и чудушку да чудуется,
Он и дивушку да дивуется —
Его добрый конь да как ясен сокол.
И садился Олёша на добра коня,
Отправлялся Олёша в путь-дороженьку,
Но не знает Олёша да не ведает,
А в котору сторону ехать ко городу ко Киеву:
В подвосточну ль ехать иль в подзападну,
В полуденну ли или в подсиверну.
На ту пору, на то времячко
Посмотрел он в трубочку подзорную:
Из того ли лесу, лесу темного
Выходил калека перехожая.
Направил Олёша добра коня
К тому калеке перехожему,
Повстречалися, разговорилися:
«Уж ты здравствуй уж, калека перехожая,
Ты откуль идешь, да откуль путь держишь?»
Говорит калека перехожое:
«А ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
А Олёшенька, поповский сын,
Когда начал ты выспрашивать,
Тогда я тебе буду рассказывать:

Я ходил, бродил да по белу свету,
Я ходил ко городу да к Еросо́лиму,
Я Господу да Богу помолитися,
Ко Господню гробу приложитися,
Во Ердан-реки да окупатися,
У кипарисна деревца да сушитеся.
От Еросолима я возвращаюся,
К граду Киеву да пробераюся,
Хочу Господу я Богу помолитися,
Киево-Печерским мощам да приложитеся;
Только скажу тебе, да добрый молодец,
Как ко стольнему ко городу ко Киеву
Две пути да есть, да две дороженьки:
Прямоезжая дороженька пятьсот-то верст,
По окольной-то дорожке цела тысяца!
Только большая бедушка случилась,
Велико́е горюшко да приключилося:
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела —
Как на славный стольно Киев-град
Нападает Тугарин сын Змеевич есть.
Как на той дорожке прямоезжеей
Там заставушка да великая,
Стоит там войска много-множество,
Много-множество — да сорок тысячей».
Говорит Олёшенька Попович млад:
«Ай же ты, калека перехожая,
Благодарствую тебе да много-множество,
Что сказал ты мне ту весточку да радостну,
А теперь прошу калеку перехожую,
Ты послушай-ко совета молодецкого:
Я раскину шатер белополотняный,
Оставайся ты да во чистом поли,
Ешь да кушай, опочив держи,
А я поеду, удалый добрый молодец,
Ко тому ко городу ко Киеву,
Я дорожкой поеду прямоезжеей,
Посмотрю войска да я Тугарина!»
Тут калека перехожа соглашается,
В чистом поле отдыхать он собирается.
Условилися они да сговорилися
Дожидать Олёшу во чистом поли,
У того ли шатра белополотняна.

Тут с калекою Олёшенька прощается,
В путь-дороженьку Попович снаряжается,
И поехал он дорожкой прямоезжею.
Подъезжает он ко войску ко Тугарину,
Кругом войска он объезживает,
Все высматривал он да он выглядывал.
Разгорелось сердце богатырское,
Берет он палицу булатную,
Стал по войску он погуливать
И булатной палицей помахивать:
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочек.
Перебил он войска много-множество,
Приустала рука богатырская,
Только горит сердечко молодецкое.
Как хватил он молодого татарина,
Стал татарина да он выспрашивать,
Стал татарина он да выведывать:
«Ты скажи, татарин, не утай себе,
Чья стоит тут рать-сила великая?»
Говорит татарин, заикается:
«Эта рать-сила великая
Есте сильного Тугарина Змеевича».
Говорит Алёшенька Попович млад:
«Где же есть Тугарин сын Змеевич млад?»
Говорит татарин таковы слова:
«Он уехал ко городу ко Киеву
К тому ласкову ли князю ко Владимиру
На веселое да пированьице,
И пирует там три дня и три ночи,
А за честь Тугарина Змеевича
Пишут записи они великие:
Как Владимир-князь да стольно-киевской
Платит дани да пошлины
За двенадцать лет да с половиною
Сильному Тугарину Змеевичу;
Если не заплатит дани-пошлины
За ⟨двенадцать⟩ лет с половиною,
Мы на Киев-град да войной идем,
Мы Киев-град да огнем сожгем,
Князя-солнышка да во полон возьмем
Со своей княгиней со Апраксией!»
Тут у Олёшеньки да у Поповича

Разгорелося сердечко богатырьское,
Как схватил татарина он за ноги,
Стал татарином да он помахивать:
Куда махнет — туда улица,
Перемахнет — переулочек.
Говорит Олёша таковы слова:
«А крепок-то татарин, не сломится,
А из жил-то ведь собака не перервется».
Перебил Олёша тут татарином
Всю рать-силу великую,
Не оставил он татаровей на семена.
И вскочил Олёша на добра коня,
Поехал он ко городу ко Киеву.
Не дверями он ехал, не воротами,
А скочил он прямо через стену городовую,
Соезжал на ши́рок княженецкий двор.
Соскочил Олёша со добра коня,
Ко столбу коня он не привязывал,
За конем следить он не приказывал,
Прямо шел в палаты княженецкие,
На пяту он дверь размахивал,
Никому он об себе да не докладывал,
На святы иконы он не молится,
И незванным он гостям не поклоняется.
Припрятался Олёша за печкой муравленой
Во той во гридне во светлоей.
А сидит тут солнышко Владимир-князь,
Он сидит да все поджимается,
Куньей шубонькой Владимир укрывается,
А супротив его да за столом дубовыим
А сидит Тугарин сын Змеевич млад.
Ростом-то Тугарин трех сажен,
В плечах-то Тугарина коса сажень,
Голова-то у Тугарина, как пивной котел,
А глазищи у Тугарина да будто чашищи,
Он и ест да пьет, да наслаждается,
Говорит Тугарин таковы слова:
«Ах, солнышко Владимир стольно-киевский,
А какие у вас есть на Руси да богатыри?»
Говорит Владимир стольно-киевский:
«У меня есть сильные могучие богатыри:
Илья Муромец да сын Иванович,
Только в Киеве их не случилося,

Есть Добрынюшка да сын Никитенец,
Его в Киеве не пригодилося,
Все поразъехались во путь-дороженьку».
Говорит Тугарин сын Змеевич млад:
«Илья Муромец да сын Иванович,
Он помного ль к выти хлеба ест,
(*Зараз, к одному обеду*)
Много ль пьет да зелена вина?»
Тут Владимир-князь ответ держал:
«К выти кушает он два калачика крупичетых,
По две чарочки да пьет зелена вина».
Тут Тугарин насмехается:
«Это не богатыри да на Святой Руси!
А как есте я Тугарин сын Змеевич млад,
Я по печи ем хлеба печеного,
По ушату пью да пива пьяного!»
Тут Олёшенька, поповский сын, не вытерпел,
Говорит Олёша таковы слова:
«Как у моего-то у родителя у батюшки,
У Левонтья, у попа да у ростовского,
Была старая коровища обжорища,
Много ела она — лопнула,
Много пила она — трёснула!»
А Тугарин сын Змеевич млад
Говорит еще да таковы слова:
«По быку я ем да к выти варева,
А на закуску — белую лебедушку».
Говорит Олёшенька Попович млад:
«У моего ли-то кормильца батюшка,
У Левонтья, у попа да у ростовского,
Была старая псища обжорища,
По подстольям псища шаталася,
Большой костью псища подавилася,
Подавиться и тебе, поганому,
От меня от Алёши от Поповича!»
Тут Тугарину да сын Змеевичу
Это ли словечко не слюбилося,
Не слюбилосе словечко, в запреку пришло:
Как вскочил Тугарин на резвы ноги,
А схватил Тугарин свой булатный нож,
А Олёшенька, поповский сын,
А на то Олёшенька уверток был,
На лету он нож подхватывал,

А таковы слова да выговаривал:
«Ай же ты, гагара безногая,
Молодой Тугарин сын Змеевич млад,
А не честь-хвала мне молодецкая,
Мне окровавити палаты княженецкие,
А не честь-хвала мне молодецкая,
В княженецком тереме мне, соколу,
А щипать собаку черна ворона,
Но сейчас, Тугарин, я с тобою не прощаюся,
А в чистом поле я с тобою повстречаюся.
Приезжай, Тугарин, во чисто поле,
Мы там с тобой да повстречаемся!»
Тут Тугарин сын Змеевич млад
Не дверями шел да не воротами,
А повыскочил косящетым окошечком,
И садился Тугарин на добра коня,
На своего коня да он крылатого,
Полетел он прямо во чисто полё.
А Олёшенька Попович млад
С князем Владимиром он прощается,
Вслед Тугарина в чисто поле да отправляется.
А Тугарин сын Змеевич млад
На своем коне да на крылатоем
Высоко он поднимается
И грозит Олёшеньке Поповичу
Саблей острою, копьем да моржавецкиим.
Тут Олёшенька Попович призадумался,
Призадумался да запечалился,
Сел на коня да поворот держал
Ко тому лесочку ко темною,
Ко тому шатру белополотняну.
Разбудил он калеку перехожую:
«Ах ты гой еси, калека перехожая,
Скидавай-ко ты платье скоморошное,
Розувай-ко ты лапотцы семи шелков,
Одевай одежу богатырскую».
Тут калека встал да соглашается,
А с богатырем он платьицем меняется.
Тут Олёшенька да сын Леонтьевич
Обувает он лапотцы семи шелков,
Одевает он одежу скоморошную,
Берет он шалапугу подорожную,
Во чисто поле он отправляется,

Со Тугарином Змеевичем встречается.
Как кричит Тугарин сын Змеевич млад:
«Ах ты гой еси, калека перехожая,
Не видел ли в полюшке богатыря,
А того Олёшки Поповича?»
Тут кричит Олёшенька, поповский сын:
«Ах ты гой еси, Тугарин сын Змеевич млад,
Подъезжай ко мне поближе ты, ко старчищу,
Не слыхать мне отдали, да что ты говоришь!»
Тут Тугарин сын Змеевич млад
Ко сырой земли спускается,
Ко Олёшеньке Поповичу да приближается.
А Олёшенька Попович млад
На то времячко он да уверток был:
Он ударил шалапугой подорожною
По большой башки Тугарина Змеевича,
И свалил Тугарина он на сыру землю,
И вскочил он Тугарину да на белы груди,
Вынимал Олёша свой булатный нож,
Хочет резать ему груди поганые.
Как взмолился Тугарин сын Змеевич млад:
«Ай же ты, Олёшенька Попович млад,
Не губи меня, да пожалей меня,
Не пори мои да груди белые,
Лучше мы с тобою побратаемся,
Честным словом мы с тобою поменяемся,
Ты, Олёшенька Попович, будешь большой брат,
Я, Тугарин сын Змеевич, буду меньший брат.
Мы напишем записи великие:
Я не буду наступать на стольно Киев-град,
И платить я буду дани-пошлины
Я за двадцать лет скорым-скорешенько».
Говорит Олёша таковы слова:
«Я не хозяин стольно граду Киеву,
Есть хозяин да стольно-киевский,
А еще солнышко Владимир стольно-киевский.
Мы поедем ко городу ко Киеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Уж мы там, собака, побратаемся».
И связал он Тугарина Змеевича
А во те во торока да во крепкие,
Привязал ко правому ко стремени
И поехал ко городу ко Киеву

И ко ласковому князю ко Владимиру.
Как вскочил Олёша со добра коня,
Заходил в полату княженецкую,
Прямо шел во гридню во столовую,
Тут крест кладет он по-писанному,
И поклон ведет он по-ученому,
Князю-солнышку с княгиней поклоняется,
Об себе Олёша объясняется:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский
Со своей княгиней со Апраксией!»
Говорит Владимир таковы слова:
«Ты скажи, скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да коей орды,
Ты которого отца да коей матери?»
Говорит Олёшенька поповский сын:
«Из Ростова есть да славна города,
Сын Леонтья я, попа ростовского,
Я приехал ко городу ко Киеву,
Послужить хочу я верой-правдою
А солнышку князю да Владимиру».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ты скажи-ко ты, удалый добрый молодец,
Ты когда с Ростова да повыехал
И какой дорожкой ехал в стольно Киев-град?»
Говорит Олёшенька Попович млад:
«Я заутрену стоял в Ростове славном городе,
А ко обеденке хотел поспеть я в стольно Киев-град,
А во дороженьке немножко призамешкался,
А как ехал я дорожкой прямоезжею».
В эту пору, в это времечко
Как сидел тут боярин стольно-киевский,
Говорит боярин таково слово:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Во глазах мужчина надлыгается,
Над тобой мужчина надсмехается.
От Ростова ли, от славна города,
А до славна ли до города до Киева
Прямоезжая дорожка заколодела,
А стоит там рать-сила великая,
Этой силушки да и сметы нет,
Эта рать-сила великая
Как того Тугарина Змеевича,
Который был тута да на честном пиру».

Не стерпел тут Олёшенька, поповский сын,
Закричал Олёша громким голосом:
«Ай же ты, холопина боярская,
Ешь да пей да прохлаждайся тут,
А во чужи дела да не суйся ты —
Порасчищена дорожка прямоезжая
У меня, Олёшеньки Поповича.
Эта рать-сила великая
Там лежит, как травка подкошоная,
Деревиночка да подсушоная,
А Тугарин сын Змеевич млад
Как он весь да на двори на княженецкоем
В торока да он закованный,
К правому ли стремячку привязанный,
К князю-солнышку Владимиру привезенный!»
У Владимира сердечко возрадовалося,
Как вскочил он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Соболью шапочку накинул на одно ушко,
Скоро шел он на широкий княженецкий двор,
Увидал он Тугарина Змеевича.
Говорит Олёшенька Попович млад:
«Ай же ты, Владимир стольно-киевский,
Я привез к тебе Тугарина Змеевича,
Хочет он с тобою побрататися,
А я от собаки отпираюся,
Больше встретиться с собакой не начаюся,
А покончить я Тугарина соглашаюся.
Но не честь-хвала мне молодецкая
Окровавить двор мне княженецкий».
Вывозил Тугарина в чисто поле,
Привязал Тугарина ко сыру дубу,
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Да калёную стрелочку накладывал
И убил Тугарина Змеевича.
Возвращался он в стольно Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру.
А встречал тут князь с честью-почестью,
Его брал да за белы руки,
Целовал его в уста сахарные,
Говорил Владимир таковы слова:
«Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Молодой Олёшенька, поповский сын,

Ты живи-тко в городе во Киеве,
А живи-тко век да по веку,
Ты постой за веру православную!»
И пошла тут славушка великая
Про того Олёшеньку Поповича.
На тем былинка покончилась.

№ 303

АЛЁША ПОПОВИЧ И ЯКИМ ИВАНОВИЧ

Как у славного Ростова да кра́сна города
Не ясён соко́л соко́ликом да вылятывал,
А выезжали два могу́щих бога́тыря:
Как по имецьки Алёша да Попович млад,
А с ним молоденький Яким Иванович.
А бога́тыри плеце́ в плеце́,
А стремя в стремя богатырское.
Еэдили-гуляли по чисту́ полю,
Не наехали ничего в чисто́м поли
Не видали птицы перелётныя,
Не видали зверя порыскучего.
Только наехали во чисто́м поли
Три дороженьки широкия.
Промежду дорог горюч каме́нь лежит,
А на камне подписи подписаны:
Первая дороженька на Муром-град,
Ай друга дорога во Чернигов-град,
Третья дороженька ко граду ко Киеву,
К ласковому князю ко Владимиру.
Говорил Алёша да Попович млад:
«Уж ты братец мой, Яким Иванович,
А человек ты научённый грамоте,
Посмотри на камни подписи,
Что на камне-то подписано?»
Соскочил тут Яким со добра́ коня,
Со добра́ коня да со люта́ зверя
Посмотрел на камни подписи,
Три дороженьки да расписаны:
Первая дороженька на Муром-град,
А друга дорога во Чернигов-град,
Третья дорога ко граду ко Киеву,

К ласковому князю ко Владимиру.
Говорил Яким да Иванович:
«Уж ты братец мой, Алёшенька Попович млад,
Какой дороженькой изволишь путь держать?»
Поехали дорожкой ко городу ко Киеву,
К славному ко князю ко Владимиру.

№ 304

ПРО АЛЁШУ ПОПОВИЧА

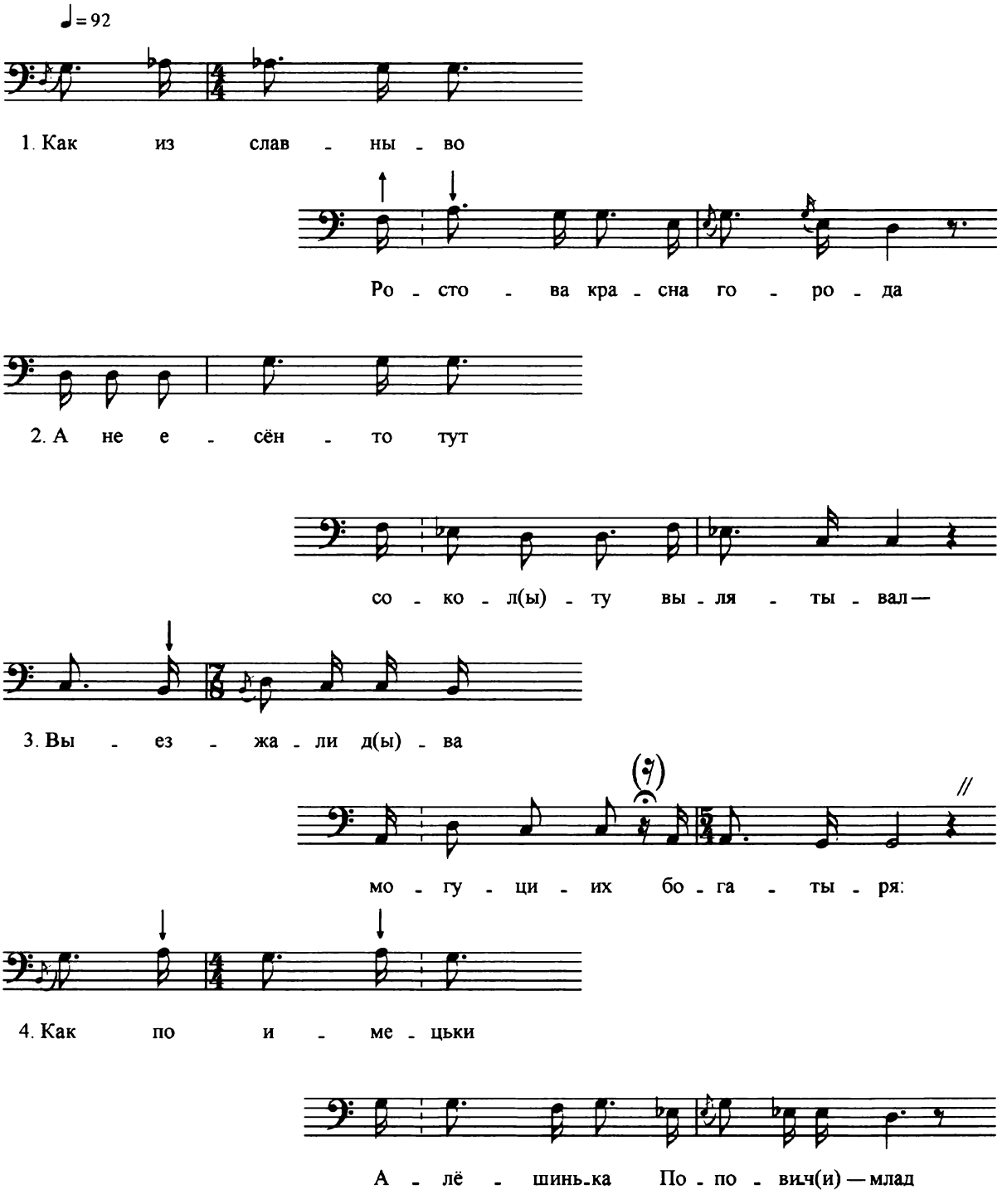
Жил-был досюль поп в Ростове-городе. У него был сын Алексей. Ну, попу надо было свое там, по духовенству. А этот Алёша не задался по духовенству. Подрос. «Я, — говорит, — пойду воевать». У них был конь, на сухом корму питался, хороший был. Вызвал коня с конюшни, схватил коня — он пал. Пал да конец ему. «Это мне, — говорит, — не лошадь». Пешком пошел. Долго ли, коротко шел, привелось ему ночевать в лесу под дубом. Покушал он там сухарей — в дорогах каку пищу брать? Ворон прилетел, на дуб сел и закаркал. А он говорит:

«Что ты каркаешь, говори по-человечьи!» — «А когда, — говорит, — Алёша Попович, тебе воевать захочется, то найди на кряжу березу. Под березой во мху дверь. Открой эту дверь, там конь тебе есть».

Он отошел, ему вроде как во сне показалось или наяву. Утром выстал, пошел ко кряжу, там конь. Он коня вывел, а конь до того достоялся, худой. Он спустил его попитаться на луг, поесть. Да знаешь какой гладкой стал! Конь удался богатырский. Ему наб было в Москву добраться. (*Не знаю, большая ли нет, Москва-то.*) А тогда нападали на нашу землю татары. Он и нарвался на татаровов. Одного татарина за ноги хватил, да этим человеком двести тысяч татар перебил. Тогды ведь был князь Владимир стольно-киевский (*он уж, видно, не в Москву, а в Киев поехал.*) Про свое путешествие рассказал Владимиру стольно-киевскому, тыи не поверили. Илью Муромца, Добрыню Микитича отправили проведать. Они отправились поглядеть. Всё войско перебито. И потом воевано много тут. Смелый Алёшенька Попович много воевал. Много, да я тут забыла.

№ 305

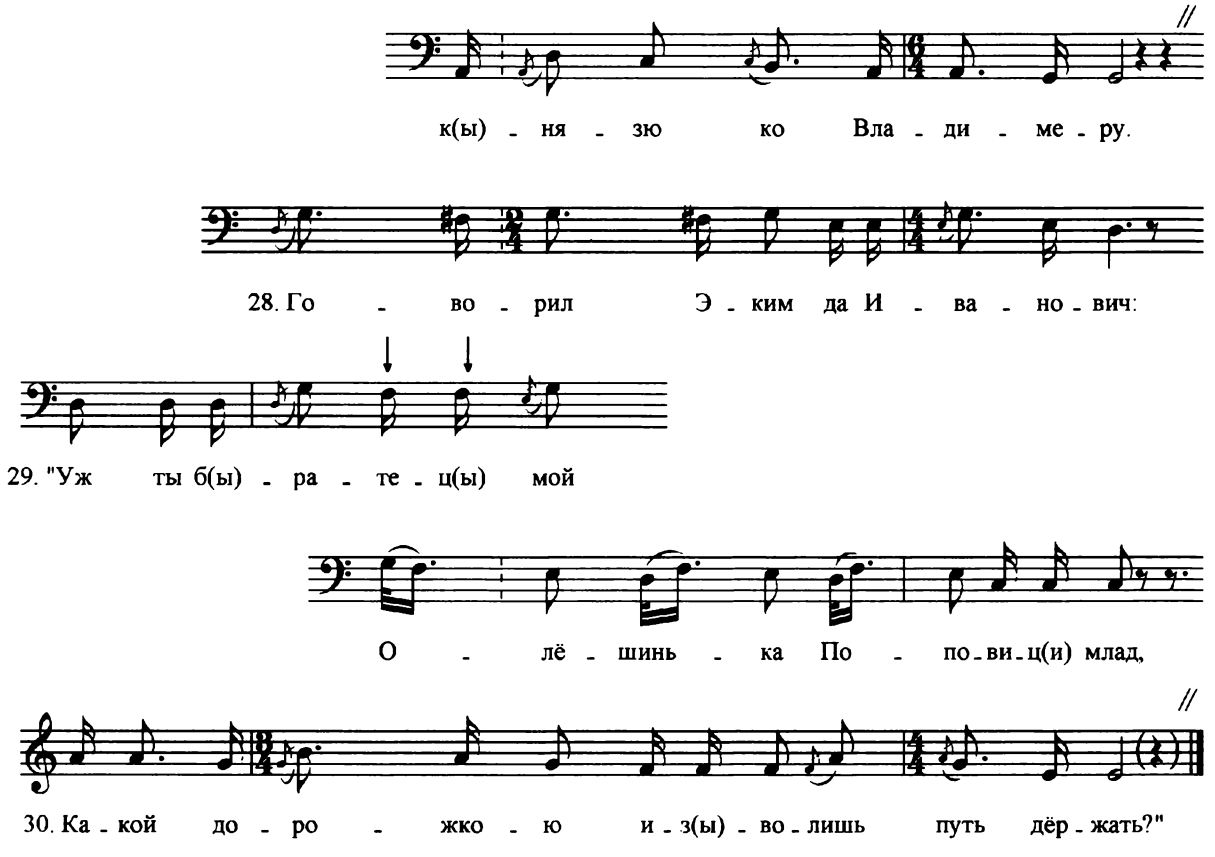
АЛЁША ПОПОВИЧ И ЕКИМ ИВАНОВИЧ

5. И мо - ло - день - кий Е - ким И - ва - но-вич.
6. Ез - ди - ли
бо - га - ты - ри пле - цё в пле-цё,
7. В у - прежь да бо - га - тыр - ска-ю.
8. Ни на - е - ха - ли ту-т(ы) во ци - стом по-ле,
9. Не ви - да - ли пти - цы пе - ре - лёт - ны - я,
10. Не ви - да - ли з(ы) - ве - ря -то ры - ску - цё - во,
11. Толь-ко на - е - ха - ли в ци стом по-ли
12. Три до - ро-жень - ки ши - ро - ки - я,

13. Про - ме - жду до - ро - жка - ми го - рюч ка - мень лё - жит.
14. На ка - мни под - пи - си под - пи - са - ны.
15. Го - во - рил А - лё - шинь - ка По - по - ви - ч(и) - млад:
16. "Уж ты б(ы) - ра - те - ц(ы) мой Е - ким И - ва - но - виць!
17. Це - ло - век ты по - у - цё - ный г(ы) - ра - мо - те -
18. По - смо - три на ка - мни под - пи - си,
19. Что на ка - мни - то под - пи - са - но!"
20. Со - ско - цил Э - ким И - ва - но - виць
21. Со до - б(ы) - ра ко - ня да, со лю - та зви - ря,

22. По - гля - дел на ка - мни под - пи - си
23. Три до - ро - жень - ки рас - пи - са - ны.
24. Пер - ва - я—й
до - ро - жи-н(и) - ка на Му - ро-м(ы) - град,
25. А—й дру - га до - рож - ка во Че-р(и) - ни - го-в(ы) - град,
26. Тре - тья ли
до - ро - жи-н(и) - ка
ко го - ро - ду ко Кы - е - ву,
27. К ла - ско - во - му

Как из сла́вныво Ростова красна города
А не есён-то тут сокол(ы)-ту выля́тывал —
Выезжали д(ы)ва могуциих бога́тыря:
Как по имецьки Алёшинька Попович(и) млад
И молоденький Еким Иванович.
Ездили бога́тыри плецё в плецё,
В упре́жь да богатырскаю.
Ни наехали тут(ы) во цисто́м поле́,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали з(ы)веря-то рыску́цёво,
Только наехали в цисто́м поли́
Три дороженьки широкия,
Промежду дорожками горюч каме́нь лёжит.
На камни подписи подписаны.
Говорил Алёшинька Попович(и) млад:
«Уж ты б(ы)ратец(ы) мой Еким Ивановиць!
Целовек ты поуцёный г(ы)рамоте —
Посмотри на камни подписи,

Что на камни-то подписано!»
Соскоцил Эким Ивановичь,
Со доб(ы)ра коня да, со лютá звиря́,
Поглядел на камни подписи —
Три дороженьки расписаны.
Первая-й дорожин(и)ка на Муром(ы)-град,
А-й другá дорожка во Чер(и)нигов(ы)-град,
Третья ли дорожин(и)ка ко городу ко Кыеву,
К ласковому к(ы)нязю ко Владимеру.
Говорил Эким да Иванович:
«Уж ты б(ы)ратец(ы) мой Олёшинька Поповиц(и) млад,
Какой дорожкою из(ы)волишь путь дёржать?»
Всё.

МИХАЙЛО ПОТЫК (№ 306—318)

№ 306

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Завелся у солнышка почестен пир
На всех на князей на бояр,
На сильных могучиих богатырей.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися
И все на пиру порасхвастались.
Как солнышко Владимир-князь
По хорому, по гридне похаживал,
Правой ручкой помахивал,
На богатырей службы наметывал:
На первого богатыря старого Илью Муромца,
На другого богатыря молода Добрыню Микитича,
На третьяго на душечку Михайлу Потыка Ивановича.
Наливал по чары зелена вина,
По ковшу давал-то меду сладкого.
На старого казака Илью Муромца
Наметывал службу великую:
Съездить на горы Сорочинския,
Убить силу поганую от мала до велика,
Не оставить силы на семена.
А на другого богатыря Добрыню Микитича
Наметывал службу великую:

Ему ехати богатырю за славное сине море,
Ему бить — земли прибавливати,
Корить языки человечески,
Прибавливать Земельки Святорусския.
А на третьяго богатыря-душечку Михайлу Потыка Ивановича
Наметывал службу великую:
Ему ехати, богатырю, во ты ли во гридни во черныя,
Во тые ли Подолье Лиходеево,
Справить-то дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
За двенадцать лет с половиною.
На чистом поле богатыри разъехались.
Как поехал душечка Михайло Потык Иванович
Во тые ли во гридни во черныя,
Во тые ли Подолье Лиходеево,
Ко славному царю Лиходею Лиходееву.
Расставил шатер белополотняный
На лугах на зеленыих, на травах на шелковыих
И маковку надел красна золота.
От маковки лучи пекут:
День пекут по красному по солнышку,
А ночь пекут по светлому по месяцу.
А у этого царя Лиходея Лиходеева
Была-то дочерь любимая,
Марья Подоленка дочь Лиходеевна.
Она была к⟨урва⟩ лукавая:
Увидела в далече-далече чистом поле
Тоненький новенький бел шатер
И маковку тую красна золота
И пришла к желанному батюшке,
Ко царю Лиходею Лиходееву:
«Ай же ты, батюшка-родителек,
Царь Лиходей Лиходеевич!
Спусти-ка меня, девицу-красавицу,
Погулять во далече-далече чистом поле
С нянкамы с мамкамы,
И с сенныма девкамы служащима».
И говорит ей царь Лиходей Лиходеевич:
«Ай же ты, дочи любимая,
Марья Подоленка дочь Лиходеевна!
Когда ты была у меня унята,
Когда ты была закликана,
А нонече, точно, ты не унята

И теперича ты не закликана».
Она и брала нянюшек и мамушек,
И сенныих девушек служащиих,
И пошла гулять во чисто поле,
И оставила во чистом поле нянюшек и мамушек,
И сенныих девушек служащиих,
И пришла к шатру белополотняну,
И стоит у шатра — уливается,
Во сыру землю покланяется.
И спит богатырь, схрапывает,
Про это дело не ведает.
Его добрый конь провещился
Тыим языком человеческим:
«Ай же ты, хозяин мой ласковый,
Душечка Михайла Потык Иванович!
Ты спишь, богатырь, просыпаешься,
А стоит у шатра девица-красавица,
Стоит она — уливается,
Во сыру землю покланяется».
Со сну богатырь пробуждается,
И выходит богатырь из бела шатра,
И брал он девицу-красавицу
За тыи за перстни злаченые
И ладит целовать в уста сахарния.
И говорит ему девица-красавица:
«Ай же ты, душечка Михайла Потык Иванович!
Ты ведь есть роду русскаго,
Русскаго роду, крещенаго,
А я ведь роду поганого,
Поганаго роду, не крещенаго.
Ты свези меня во Киев-град,
Приведи во веру крещеную,
И примем мы с тобой златы венцы,
И станем мы с тобой жить да быть,
Жить да быть, детей сводить,
Долгаго веку коротати».
Поскорешенько Михайла коня седлал,
Красну девицу в торока вязал
И поехал ко городу ко Киеву,
И ко ласкову князю ко Владимиру.
И приехал он во Киев-град,
И приводил ю во веру крещеную:
Было имя прежнее —

Марья Подоленка дочь Лиходеевна,
А тут дали имя новое —
Настасья Лебедь Белая дочь Лиходеевна.
Принимали они златы венцы
И кладали они заповедь промежу собой:
«Который умрет, а другому во гроб лечи
С тым со телом со мертвыим».
И завел князь Владимир почестен пир
На многих князей на бояр,
На сильных могучиих богатырей.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися
И все на пиру порасхвастались.
Расхвастался старый казак Илья Муромец:
«Я ездил, богатырь, во чисто поле
На ты ли на горы Сорочинския,
На ты на луговья зеленыя;
Там стояла сила поганая,
Поганая сила неверная:
Я убил силу с мала до великаго,
Не оставил силы на семена».
Добрынюшка Никитич расхвастался:
«Я ездил, богатырь, за славно за сине море,
Я бил — земли прибавливал,
Коренил языки человечески,
Прибавливал Земельки Святорусския».
А душечка Михайла Потык Иванович расхвастался:
«Я ездил, богатырь, во чисто поле,
О славное ездил о сине море,
Во ты ли во гридни во черныя,
Во тые ль Подолье Лиходеево,
И справил дани-выходы
С царя Лиходея Лиходеева
За старые годы и за нынешни,
За двенадцать лет с половиною.
И привез я девицу-красавицу,
Собе я супротивницу.
И ехал я по далечу чисту полю:
Подломилася у меня ось железная,
И делал я бочки дубовыя,
И спущал золоту казну во погреб глубокий
На ты на цепи железныя».
И возговорит ему Владимир-князь:

«Когда ты сослужил службу великую,
Теперь съезди за сине море
Ко царю Налету Налетову
И справь дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
За двенадцать лет с половиною».
Поехал Михайла за сине море
Ко царю Налету Налетову
И справил дани-выходы
За старые годы и за нынешни,
За двенадцать лет с половиною.
Отпустил казну в чисто поле
Везти казну во Киев-град,
И подернули дощечку тавлейную
Играть в дороги тавлеи красна золота;
И наставливает душечка Михайла Потык Иванович,
Наставливает доску и сам выговаривает:
«Как служил я во городе во Киеве
Солнышку князю Владимиру,
Теперь буду я служить во городе Налетове
Царю Налету Налетовичу».
А царь Налет Налетович
Наставливает доску, сам выговаривает:
«Поиграю душечке Михайлу Потыку Ивановичу,
Дам золотой казны — и сметы нет».
Душечка Михайла Потык Иванович
Ступень ступил — поиграл,
Другой ступил — с доски сбил
И выиграл золотой казны и сметы нет.
Наставливали они дощечку другую.
А в те поры налетело в окошечко
Голубь да голубушка,
Сами промеж собой разгуркались:
«Ай же, душечка Михайла Потык Иванович!
Ты играешь в дороги тавлеи красна золота,
Над собой незгодушки не ведаешь:
Померла у тебя молода жена,
Та ли Настасья Лебедь Белая дочь Лиходеевна».
Он ухватил дощечку тавлейную,
Ушиб дощечку о кирпичен мост:
Рассыпалась дощечка на ножевые черенья.
Говорит царь Налет Налетович:
«Что тебе не по уму пришло, не по разуму?

У меня золота казна насыпана,
Отпущена казна во чисто поле,
Во Киев-град увезена».
Вышел Михайла на широкий двор
Ко своему коню ко богатырскому
И пал во копытцо во правое:
«Ай же ты, мой добрый конь!
Сюда меня нес три месяца,
А взад меня неси во три часа,
Во три часа снеси меня во Киев-град,
Реки-озера перескакивай,
А широки раздолья межу ног пусти».
И едет ко городу ко Киеву.
Встречают его братья названые,
Старый казак Илья Муромец
И молодой Добрынюшка Никитич.
Возговорит душечка Михайла Потык Иванович:
«Ай же вы, братья мои названые!
А где моя богатырска молода жена?»
Говорят ему братья названые:
«Померла у тебя богатырска молода жена».
Говорит душечка Михайла Потык Иванович:
«Ай же вы, братья мои названые!
Сделайте колоду белодубову,
Чтобы двум в колоды стоя стоять,
И двум в колоды сидя сидеть,
И двум в колоды лежа лежать».
И сделали колоду белодубову.
Он взял себе хлеба на пропитание,
И сделал собе клещи и прутья железные,
И сел в колоду белодубову
Со тым со телом со мертвыим.
И жевет под землею три месяца.
И приплыла Змея подземельная,
И проточила колоду белодубову,
И ладила сосать тело мертвое.
Он схватил Змею в клещи железные
И начал сечь прутьямы железныма:
«Ай же ты, Змея подземельная!
Принеси мне живой воды
Оживить мне молода жена».
Говорит Змея подземельная:
«Спусти, душечка Михайло Потык Иванович,

Я принесу тобе живой воды в три года».
Он бьет ее нещадно, нежалухою,
Говорит Змея подземельная:
«Спусти, душечка Михайло Потык Иванович,
Я принесу тобе живой воды в три часа».
Говорит душечка Михайла Потык Иванович:
«Отдай в заклад змееныша».
Он положил под каблук змееныша,
Одна стала грязь подпорожная.
Говорит Змея подземельная:
«Почто ты убил моего змееныша?» —
«Принесь ты живой воды:
Оживлю я молоду жену,
Будет жив и твой змеенышек».
Принесла она живой воды во три часа.
Он брызгал змееныша, и другой брызгал,
Третий брызнул, он и поплыл.
И зачал брызгать молода жена:
Первой брызгал, и другой брызгал,
Третий брызнул — она и скочила на резвы ноги,
Сама говорит таковы слова;
«Долго спала, скоро стала!»
И дело деется воскресное:
Идут от обедни князи-бояра
И русские могучии богатыри.
Зарычал он во всю голову:
Мать-земля сколыбалася,
Вода с песком помутилася.
Говорят князья-бояра
И русские могучии богатыри:
«Что это, братцы, не чудо ли чудилось,
Не диво ли сдеялось,
Не из воды ли чудо выстало,
Не из иной ли земли наехало?»
Возговорит старый казак Илья Муромец:
«А не чудо счудилось, не диво сдеялось,
Не из воды чудо выстало
И не из иной земли наехало:
А стоснулося богатырю во сырой земле
Со тыим со телом со мертвыим.
Вы берите заступы железные,
Разрывайте песочки-то желтые,
Доставайте колоду белодубову».

Как раскрыли колоду белодубову —
И ставает душечка Михайло Потык Иванович
И молоду жену за рукав ведет.
Про эту богатырску молоду жену
Прошла слава великая
По всем землям, по всем ордам:
Что не стало такой красавицы нигде, ни везде,
Ни под красныим солнышком.
И на эту славу богатырскую,
И на эту славу молодецкую
Наехало сорок царей, сорок царевичев,
И сорок королей, сорок королевичев
На тыи на горы Сорочинския.
И пишут они скорописчаты ерлыки:
«Куль солнышко Владимир-князь
Отдаст богатырску молоду жену
Без бою, без драки без великия,
А не отдаст с добра,
Весь Киев-град повырубим».
И приходит к Михайлу Владимир-князь:
«Ай же, душечка Михайла Потык Иванович!
Для одной бабы не погибать целому царству:
А отдай свою богатырску молоду жену
Без бою, без драки без великия».
Говорит душечка Михайла Потык Иванович:
«Ай же ты, солнышко Владимир-князь!
Отдай свою богатырску княгину Опраксию,
А я не отдам жены сдобра».
И наладился в платье женския,
Склал на добра коня латы кольчужныя,
Меч-кладенец и саблю вострую,
И выходил на горы Сорочинския:
Оставил коня под дубом,
А с собой взял тугий лук.
И пришел на луга зеленые,
На ты на травы на шелковыя,
Сам говорил таковы слова:
«Здравствуйте, сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей, сорок королевичев!
За кого мне-ка за вас замуж итти?
У вас теперь будет много драки великия,
Кроволития много будет напрасного.
А дайте мне стрелочку на тугий лук:

Расстрелю я стрелку по чисту полю,
Который вперед найдет стрелочку, ко мне принесет,
За того я и замуж пойду».
И расстрелил стрелку по чисту полю;
Они по чисту полю разбежалися,
А он вышел на горы Сорочинския,
Сел на маленька Бурушка косматаго
И зачал по чисту полю поезживать,
Зачал головушки отвертывать.
Отвертел им все головушки,
А коль за ними силы было —
Силу всю прибил, припленил,
Не оставил силы на семена.
И времени провел в чистом поле три месяца.
И едет он ко городу ко Киеву,
И стречают его братья названые,
Не стречает богатырска молода жена.
Говорит душечка Михайла Потык Иванович:
«А где моя богатырска молода жена?»
Говорят ему братья названые:
«Наехал Вахрамей Вахрамеевич,
Увез богатырску молоду жену
Во тую во Землю во Волынскую».
Тут душечка Михайла Потык Иванович,
Не пиваючись и не едаючись,
И с добра коня не спущаючись,
За ним сугону в след.
И застал его на своем рубеже, на Волынскоем:
Заезжает во свою землю.
Она усмотрела во трубоньку подзорную,
Что едет душечка Михайла Потык Иванович,
И налила ковш питья забыдущаго,
И приходит к душечке Михайлу Потыку Ивановичу.
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, душечка Михайла Потык Иванович!
Я без тебя, без богатыря,
Не могу ни есть, ни пить, ни жива быть:
Вахрамей-то меня насилу взял.
Выпей ковш питья здраваго,
И будешь ты, Потык, лучше старого».
Он выпил ковш питья забыдущаго,
И кинуло его в забытку спать.
Она пришла к царю Вахрамею Вахрамееву

И говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!
Над сонным что над мертвым, что хошь твори».
А он плюнул ей в глаза:
«Единое дерево — не темный лес,
А един человек — не рать в поле!»
Она тому шла — не веровала,
Брала за кудри за желтыя,
Перекинула Михайла через себя,
Сама говорила таковы слова:
«Где был душечка Михайла Потык Иванович,
Тут стань бел-горюч камень,
А пройдет времечка три году,
И пройди скрозь матушку сыру землю».
Он во камень закаменел.
И стоснулися братья названые
По душечке Михайлу Потыку Иванову:
«Пойдем, братец, во Землю Волынскую,
Спросим, где наш брат убит,
Где убит, где положен?»
И стали подходить к рубежу Волынскому,
И вышел к дорожке старечок,
Говорит им таковы слова:
«Возьмите меня во товарищи».
Взяли старика во товарищи
И пришли во Землю Волынскую,
Ко царю Вахрамею Вахрамееву
Под тое окошечко косявчето,
Попросили они милостыни:
«Ай же ты, Вахрамей Вахрамеевич!
Дай-ка нам милостыни
Не для-ради калики прохожего,
А для-ради душечки Михайла Потыка Ивановича,
Нашего брата названаго».
Увидела их из окошечка косявчета
Настасья Лебедь Белая дочь Лиходеевна,
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
«Ты зови калик в палаты белокаменны,
Напой калик допьяна,
Накорми их досыта
И навали им денег по подсумку:
Не калики то есть прохожие,
А есть русские могучие богатыри».

Он звал калик в палаты белокаменны,
Кормил их ествушкой сахарною,
Поил-то питьицем медвяныим,
Навалил денег по подсумку.
Не спросили калики прохожие,
Где убит их брат названный,
Где убит, где положен,
И пошли вон из Земли Волынския.
Привел их старичище ко каменю,
Сам говорил таковы слова:
«Мне от вас это ростань прочь итти,
Начнем на камню деньги паевать».
Делил старик на четыре доли.
И говорит старый казак Илья Муромец:
«Делишь, старик, деньги на четыре доли,
Кому делишь четверту часть?» —
«А кто сдынет бел-горюч камень,
Тому, братцы, четверта часть».
Илья Муромец на силу надеется,
Задымал камень по грудям своим,
И по груди Илья в землю угряз.
«Что ж это, братцы, в камени
За сила за Божеска иль за дьявольска?
На сдым сдынул бы два камня,
А тут на камень не могу и умом подумать».
Прискочил ко камню Добрыня Никитич,
А не мог под камень ветра подпустить.
Подходил старичище ко камени,
Под камень ручку подкладывал
И сдымал камень на плечо,
Сам камешку приговаривал:
«Рассыпься, бел-горюч камень,
На ты на мелки на часточки,
А ставай душечка Михайло Потык Иванович!»
И выскочил из того из камешка
Душечка Михайло Потык Иванович,
И не спрашивал ни про Киев-град,
Ни про князей-бояр, про богатырей:
«Ай же вы, братья мои названые!
А где моя богатырска молода жена?» —
«А твоя богатырска молода жена
Во тех во палатах Вахрамеевых
Со царем Вахрамеем забавляется».

Говорил старичище таковы слова:
«Прощайте, русские могучие богатыри!
Молитесь Миколы Можайскому:
И будет вас Микола миловать,
Из синя моря выздыновать».
А и видели старика походючись,
А не видели, куда старый сшел,
Оставалась казна на камени.
Душечка Михайло Потык Иванович —
В сугону в Землю Волынскую.
Приходил он на широкий двор,
Закричал голосом богатырскиим.
Услыхала Настасья Лебедь Белая,
Наливала ковш питья забыдущаго,
Выбегала к душечке Михайлы Потыку Ивановичу,
Сама говорит таковы слова:
«Ай же ты, душечка Михайло Потык Иванович!
Я без тебя, без богатыря,
Не могу ни есть, ни пить, ни жива быть:
Не я положила тебя в бел-горюч камень,
А положил Вахрамеевич».
Он послушал ея прелести женския
И выпил ковш вина забыдущаго,
И кинуло его в забытку спать.
Как хватила его за желты кудри,
Притянула в избу куреную,
Расковала Михайлу на стену,
Забила в руки-ноги по гвоздю,
Со тоя со великия со радости
Привернула во царев кабак
И пьет зелено вино шестеры сутки.
А у этого царя Вахрамея Вахрамеева
Была дочи любимая, Вахрамеевна.
Говорила царю Вахрамею Вахрамееву:
«Ай же ты, батюшка-родителек!
Спусти-ка посмотреть русскаго богатыря?» —
«А не что, Марья Вахрамеевна,
Ступай смотреть русскаго богатыря».
И взяла она девку служащую
И пошла смотреть русскаго богатыря.
А ему хмель уже продрало,
Взмолился Марье Вахрамеевны.
Говорит она таковы слова:

«Возьми меня за себя замуж,
Так избавлю тя от смерти напрасныя». —
«Ежели избавишь от смерти напрасныя,
Я теперича Настасье голову срублю
И возьму тебя за себя замуж».
Она взяла скорешенько татарина,
Волосом, ростом, красотою прибрала
И расковала татарина на стену.
А Михайлу взяла под шубу соболиную
И ведет его по широку двору.
Увидел царь Вахрамей Вахрамеевич:
«Кого ведешь под шубой соболиною?» —
«Я взяла девку служащую:
Она богатыря испугалася — перепалася,
И я ее веду под шубой соболиною».
Приходили во высок терем:
Тут заколотила ему раны крававыя,
Зарощивает раны три месяца.
«Есть ли у тебя теперь сила по-старому?»
Говорит душечка Михайла Потык Иванович:
«Кабы теперь мне латы кольчужныя,
Меч-кладенец и добра коня,
Не боялся бы вашего царя Вахрамея Вахрамеева».
Говорит Марья Вахрамеевна:

«А у нас был богатырь в досюльные годы; теперича в нашем царстве никто не может владеть ни латами его, ни мечем, ни добрым конем». Говорит ей Михайла Потык: «А ты незамоги и скажи: что бы мне во снях показалося — богатырскаго коня поводить, латы на коне повозить, и легче будет». Незамогла Марья Вахрамеевна, и пошел царь клич кликать, кто бы дочь излечил.

Говорит ему Марья Вахрамеевна:
«Мне ночесь не спалось, во снях виделось:
Как бы богатырскаго коня поводить,
Латы на коне повозить,
С того, де, легче будет?»
Взяли коня с погреба глубокаго,
Взяли латы палатныя,
Душечка Михайло Потык Иванович
Снарядился во платья женския,
Полагал латы на добра коня,
Взял добра коня за повода
И вывел за стену городовую.
За стеной облатился, обкольчужился
И ехал в город Вахрамеевский,
Не воротамы ехал, приворотенкамы,

Прямо через стену городовую.
Которую силу прирубил,
А котору в полон забрал,
Царя Вахрамея на вороты расстрелял,
Настасью Лебедь Белую дочь Лиходеевну,
К семи жеребцам к хвостам привязал:
По чисту полю ее раздернули.
А Марью Вахрамеевну замуж взял
Да в том царстве царем стал.
Тут стал жить да быть,
Добра наживать, и теперь живет.

№ 307

О МИХАЙЛЕ ПОТЫКЕ ИВАНОВИЧЕ

У солнышка у князя Владимира
Пированьице идет по третий день.
Все на пиру напивалися,
Все на честном наедалися,
Все на пиру порасхвастались.
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Нечем мне, князю, похвастати,
Остались у меня дани-выходы
За двенадцать год, за тринадцать лет с половиною.
Съездите-ка, русские богатыри!
Старый казак Илья Муромец,
Съезди-ка во большу землю,
Большу землю, камену Москву.
Молодой Добрыня Никитинич,
Ты съезди-ка в небольшу землю,
Небольшу землю, Золоту Орду.
Михайла Потык Иванович,
Ты съезди-ка во землю Подольскую,
Повыправьте-ка там дани-выходы».
Старый казак Илья Муромец
Вставал поутру ранешенько,
Умывался белешенько,
Убирался хорошохонько,
Седлал своего добра коня,
Кладывал потники на потники,
На потники клал войлоки,

На войлоки черкасское седёлышко,
Подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Чтобы с-под седла добрый конь не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не выронил.
Приезжал на гору Сорочинскую,
К тому кресту к Леванидову.
Молодой Добрыня Никитинич
Вставал поутру ранешенько,
Умывался белешенько,
Убирался хорошохонько,
Седлал своего добра коня,
Кладывал потники на потники,
На потники клал войлоки,
На войлоки черкасское седёлышко,
Подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Чтобы с-под седла добрый конь не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не выронил.
Приезжал на гору Сорочинскую,
К тому кресту к Леванидову.
Михайла Потык Иванович
Вставал поутру ранешенько,
Умывался белешенько,
Убирался хорошохонько,
Седлал своего добра коня,
Кладывал потники на потники,
На потники клал войлоки,
На войлоки черкасское седёлышко,
Подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Чтоб с-под седла добрый конь не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не выронил.
Приезжал на гору Сорочинскую,
К тому кресту к Леванидову.
Тут стали они опоцев держать,
Крестами они побратались,
Назвались крестовыми братьями.
Потом они распростилися,
На прощаньи они спромолвили:
«Кто у нас попрежде повыправит —
Другому навстречу поспевать».
Старый казак Илья Муромец —
Он поехал во большу землю.
Добрыня Никитинич —
Поехал он в Золоту Орду.

Михайла Потык Иванович —
Поехал он во Землю Подольскую,
К тому королю Подольскому,
Стал выправлять дани-выходы.
Мужики на Подоле все скошевалися,
Не стали отдавать даней-выходов.
Михайла Потык Иванович
Порассердил плечо богатырское,
Стал бить-казнить, иных вешати.
Все мужички-подоляне перепалися,
Стали отдавать дани-выходы.
Стал выправлять дани-выходы
За двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною.
Стали справлять мужики дани-выходы,
Он стал гулять по заводям,
Стрелять гусей и лебедей.
Увидел он белую лебедушку,
Натягивал свой тугой лук.
Лебедушка ему смолилася:
«Михайла ты Потык Иванович!
Не стреляй меня нынче, лебедушки.
Я есть не белая лебедушка,
А та красна девушка
Марья Подоленка,
Марья Подоленка — королевична,
Возьми ты меня во замужество».
Зрадовался Михайла Потык Иванович,
Взял Марью Лебедь Белую,
Марью Лебедь Белую — королевичну,
Королевичну-подоленку.
Получил с них дани-выходы,
Поехал он к солнышку Владимиру,
Ко князю стольно-киевскому,
С Марьей Лебедь Белою,
Королевичною-подоленкой.
Приезжает ко городу ко Киеву,
Ко князю стольно-киевскому,
Привозит он дани-выходы
За двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною
С той Земли Подольския.
Михайло Потык Иванович

Приводит в веру в крещеную
Марью Лебедь Белую,
Принял с ней по злату венцу,
Сочинили законный брак,
На том они порасписалися:
«Кто наперед у нас приумрет ли,
Другому идти во сыру землю,
Во сыру землю на два месяца».
Пированьице у них по третий день.
Приходит ко князю стольно-киевскому,
Испроговорит князь стольно-киевский:
«Чем тебя наскоро пожаловать?
Города ль тебе дать с пригородками,
Аль села тебе дать с приселками?»
«Мне не надо городов с пригородками,
Сел твоих с приселками,
Мне дай-ка ты лишь волюшку —
На царёвых на кабаках
Давали бы мне вино безденежно:
Где могу пить кружкою, где полукружкою,
Где полуведром, а где целым ведром».
Он стал ходить по царёвым по кабакам,
Пить вино безденежно:
Где кружкою, где полукружкою,
Где полуведром, а где целым ведром.
Отворилася дверь дубовая,
Дверь дубовая на пяту,
Приезжает посланник великий:
«Ах ты, Михайла Потык Иванович,
Что ты пьешь-ешь, проклаждаешься,
Над собой невзгоды не ведаешь!
Наехал царь Бухарь заморский
И просит он у нас дани-выходов
С того князя стольно-киевского
За двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною,
Просит князь на думу великую».
Приезжает ко князю стольно-киевскому:
«Пиши-тко ты, князь стольно-киевский,
Ёрлыки скорописчаты,
Что отправлены у меня дани-выходы
За Михайлом Потыком Ивановым
К тому царю Бухарю ко заморскому».

Отправляется Михайла Потык Иванович
Сам к царю Бухарю посланником
Без дани, без выходов.
Принимает царь Бухарь заморский
Ерлыки скорописчаты,
Сам испроговорит:
«Прочитывал ерлыки скорописчаты,
Где же дани-выходы остались?» —
«Да колеса обломились,
Там тележки в чистом поле остались,
Остались починщики починивать».
Царь Бухарь заморский
Он взрадуется и говорит:
«Михайло Потык Иванович!
Чем у вас на Руси забавляются?» —
«У нас на Руси забавляются —
Играют во шашки во шахманки».
Ставили дощечку дубовую,
Тыя шашечки кленовые.
Тут царь Бухарь заморский
Ставит на дощечку дубовую дани-выходы,
А Михайла Потык Иванович
Ставит добра коня и свою буйну голову.
Сыграли дощечку дубовую —
Проиграл Михайла Потык Иванович
Своего добра коня и свою буйну голову.
Ставили дощечку в другой раз:
Михайла Потык Иванович
Ставил свою Марью Лебедь Белую
Да свою матерь родимую,
А царь Бухарь заморскиий
Поставил его добра коня,
Буйну голову и дани-выходы —
Михайла Потык Иванович повыиграл.
Ставили они дощечку в третий раз:
Царь Бухарь заморскиий
Ставил полцарства Бухарства — имянства заморского,
А Михайло Потык Иванович
Ставит на дощечку дубовую
Он дани-выходы, буйну голову и коня богатырского.
Сыграли дощечку во третий раз —
Повыиграл Михайла Потык Иванович.
Ставили дощечку в четвертый раз:

Царь Бухарь заморский
Ставил царство-имянство Бухарское,
Михайла Потык Иванович
Ставил полцарства Бухарства заморского,
Еще ставил дани-выходы.
Сыграли дощечку в четвертый раз —
Михайла Потык Иванович
Повыиграл дощечку в четвертый раз.
Тут дверь отворилася,
Приезжает Добрыня Никитинич,
Сам испроговорит:
«Что же, братец крестовыий,
Играешь во шашки во шахманки,
Над собой невзгоды не ведаешь.
Твоя Марья Лебедь Белая —
Она померла».
Скочит Михайла Потык Иванович,
Скочит он на резвые ноги,
Ухватит дощечку дубовую,
Тропнет дощечкою дубовою
Два двери дубовые,
Выставил он двери с липеньями,
Испроговорит брату крестовому:
«Ах ты, братец крестовыий!
Получай-ка царство-Бухарство заморское
С того царя Бухаря заморского,
Оставь-ка царя посидельщиком».
Стал получать Добрыня Никитинич
Царство-Бухарство заморское.
Михайла Потык Иванович
Поехал во Киев-град.
Делали ему домовище великое —
Сидя сидеть, стоя стоять и лежа лежать;
Писано у них было на два месяца,
Не захотел он идти на два месяца,
Захотел пойти на полмесяца.
Отправился он во сыру землю,
Пищу забрал на полмесяца,
Ковал он клещи великие,
Великие клещи железные
И три прута железныих,
Друго три прута медныих.
Отправился он во сыру землю

С Марьей Лебедь Белоей,
Королевичной-подоленкой.
Середи ночи темныя
Зажгана свеча была восковая.
Приплыла Змеища великая,
Захватил он клещи железные,
Бил он Змеищу великую,
Бил он — приговаривал.
Змея ему смолилася:
«Михайла Потык Иванович!
Не бей меня на умертвие,
Оживлю твою Марью Лебедь Белую».
Оставила змеенышев велик залог,
Пошла по живу воду.
Приносила ему живу воду.
Он рассек змеенышев на мелкие кусочики,
Обрызгал он змеенышев —
Змееныши срослись, они поплыли.
Обрызгал он Марью Лебедь Белую —
Марья ото сна пробудилася.
Закричал он, уродище, во сырой земле —
Земля вся сколыбалася,
Теремы все пошаталися,
Околенки вон повалилися.
«Во сырой земле уродищу не пожилось, —
Сказали все во граде Киеве, —
Отпущен был на полмесяца,
А прожил он во сырой земле двои сутки».
Выкопали с сырой земли,
Доставили его на Святую Русь,
Он стал опять ходить по царёвым кабакам
Пить вино безденежно:
Где кружкою, где полкружкою,
Где полуведром, а где целым ведром.
Опять дверь дубова отворилася,
Михайле Потыке Иванову испроговорят,
Что уехала Марья Лебедь Белая
С тым королем Политовскиим.
Михайла Потык Иванович
Надевает платья женские,
Скорешенько садится на добра коня.
Увидала Марья Лебедь Белая,
Подоленка-королевична,

Скорешенько садилась на добра коня,
Подъезжает к Михайле Потыке Иванову,
Слезает с своего доброго коня,
Поклонилась Михайлы Потыке Иванову:
«Прости, прости, Михайла Потык Иванович,
Во той вины прости меня, во глупости —
Уехала с королем Политовскиим».
Подносит она чару зелена вина,
До вина он был спачливый:
Выпил он чару зелена вина,
Где выпил — тут и в сон заснул.
Подпала к коню богатырскому,
Спустила богатыря через плечо,
Сама ему приговаривает:
«Где был Михайла Потык Иванович,
Стань тут белый горючий камушек!»
Пал — да и закаменел.
Уехала Марья Лебедь Белая
К тому королю Политовскому.
Идет времячка третий год,
Братьица по нем вспахнулися,
Старый казак Илья Муромец,
Младый Добрыня Никитинич
Пошли искать Михайлу Потыка Иванова
К тому королю Политовскому.
Сокрутились каликами перехожими,
Приходят к этому камени
Каликами перехожими.
С другой стороны, другой росстани
Выходит калика старая,
Старая калика, седатая,
Седатая, сама плешатая:
«Здравствуйте, удалы добры молодцы,
Куда вы отправились?»
Они ему спроговорят:
«Искать идем Михайлу Потыка Иванова
К тому королю Политовскому». —
«Возмите-ка меня в третьих!»
Испроговрят ему богатыри:
«Не побрезгуем — пойдем с нами в третьиих».
Приходят к корою Политовскому
Все они каликами,
Ставилися они середи города,

Закричали они во всю голову —
Теремы все пошаталися,
Околенки все повалилися,
Во граде все приужахнулись:
«Каки уродища объявилися?»
Испроговорит Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая — королевична,
Королевична-подоленка:
«Есть не калики перехожие,
Есть два русских могучих богатыря,
Третья калика незнаема,
А тых есть два брата крестовые —
Бери-ка к себе во гостебище».
Выходит король Политовскиий,
Зовет калик перехожих
К себе во гостебище:
«Подьте-ка, калики перехожие,
Ко мне во гостебище».
Кормил он их досыта,
Поил их он допьяна,
Дарил им честив дарива.
Спрашивали русские могучие богатыри
У Марьи Лебедь Белыя
Михайлу Потыка Иванова.
Она им испроговорит:
«Тоскую по Михайлы Потыке Иванове —
Не знаю, где Михайла Потык Иванович».
Отправились от Марьи Лебедь Белыя,
Пошли они во Киев-град,
Приходят ко этому ко камени,
Испроговорит калика старая,
Старая калика, матерая:
«Станемте, братцы, животов делить».
Испроговорят русские богатыри:
«Калика ты старая,
Старая калика, матерая,
Дели-тко ты эти вот животы».
Делил он на четыре на часточки.
Говорят ему русские могучие богатыри:
«Что же ты, калика старая,
Старая калика, матерая,
Что делишь ты животы на четыре на часточки?»
Говорит им калика старая:

«После, братцы, станем здымать этого каменя —
Кто здымет камешек,
Тому, братцы, четверта часть».
Думают богатыри сами по себе,
Что «не здынем ли мы этого камени».
Принимался Добрыня Никитинич
За горючий белый камешек,
Выздынул он до пояса —
По колена в землю сел.
Принимается старый казак Илья Муромец,
Здынул камешек на белу грудь —
По пояс в землю сел.
Не могли здынуть богатыри камешка.
Калика матерая,
Матера калика, седатая,
Седатая калика, плешатая,
Берется за белый горючий камушек,
Здымает камешек через плечо,
Сам камешку приговаривает:
«Где был горючий белый камешек —
Стань тут Михайла Потык Иванович!»
Кололся камешек надвое,
Выходит Михайла Потык Иванович,
Выходит он на Святую Русь,
Поклон он бьет по-ученому
Братцам крестовыим
И калике перехожое,
Что збавили от смерти напрасныя.
Спроговорит калика им старая:
«Прощайте-ка, русские могучие богатыри!
Михайла Потык Иванович,
Как будешь у города у Киева,
Не забудь-ка прошения
Пресвятой Богородице и Михайлу-архангелу,
Стройте-ка церковь Богородице и Михайлу-архангелу
И Николы-святителю —
Я збавил тебя от смерти напрасныя».
Поклонился Михайла Потык Иванович
Старой калике матерое понизехоньку.
Отправилась калика матерая,
Пошла она в сторону,
А Михайла Потык Иванович
Стал отправляться к королю Политовскому.

Стали братьица звать в свою сторону.
«Нет, мои братьица крестовые,
Наб отсечь мне Марье буйна голова».
Отправился он к королю Политовскому,
А богатыри пошли в свою сторону.
Он приходит к королю Политовскому
Каликой старою,
Старою каликою, матерою,
Закричал он во всю голову —
Теремы все пошатилися,
Околенки вон повалилися,
Во граде все приужахнулись,
Что уродище объявилося.
Марья Лебедь Белая
Налила чару зелена вина,
Подносит Михайлы Потыку Иванову.
До вина был он спачливый,
Выпил чару зелена вина,
Где выпил — тут и в сон заснул.
Тяла его за ноги,
Тащила во сени челядины,
Прибила она его на спину.
Не хватило гвоздя у ней пятого,
Пятого гвоздя, сердечного,
Побежала скорешенько на рыночек.
Приходит Настасья-королевична —
Богатырь ей прилюбится:
Вытащила вон гвоздья со стены,
Прибила татарина на стену,
Накинула на него шубку соболиную,
Вела, как скотинину,
Во свои покои особые.
Прибегала Марья Лебедь Белая,
Не осмотрела, что не Михайла Потык Иванович,
Забила она пятый гвоздь татарину мертвому.
Тут Михайла Потык Иванович
Заростил свои раночки,
Просит коня богатырского, саблю вострую,
Чтобы съездить во чисто поле поляковать.
Приходит Настасья-королевична
К королю Политовскому:
«Батюшка — король Политовскиий!
Дай-ка мне коня богатырского,

Дай сабли востроей
Съездить мне во поле поляковать».
Он велел взять коня богатырского
Михайлы Потыка Иванова,
Велел сходить в кладовую,
Взять саблю вострую.
Взяла коня богатырского,
Взяла саблю вострую,
Подгоняла к своим покоям особыим.
Выходил под флером под черныим,
Садился он на добра коня,
Уезжал во чисто поле,
А наезжал с поля скорым гонцом,
Ставился середи двора королевского,
У тых покоев особыих,
Против окна королевского,
Закричал он во всю голову.
Марья Лебедь Белая перепалася:
«Кажется, забила Михайлы Потыку Иванову
Сердечный гвоздь,
А Михайла находится во живности».
Наливает чару зелена вина,
Зелена вина сонного,
Подносит Михайлы Потыку Иванову.
До вина был он спачливый,
А Настасья-королевична
По пояс бросилась в окошечко:
«Не принимай-ка ты чары зелена вина,
Где выпьешь — тут и в сон заснешь».
Он не принял чары зелена вина,
Змахнет саблю вострую,
Отсек ей буйну голову.
Хотел королевство за щитом пройти
Да огнем сожгать.
Настасья-королевична умолилася:
«Не жги-тко ты королевства Политовского
Да не бери-тко моего батюшка в велик полон,
Что избавила тебя от смерти напрасныя».
Взял он Настасью-королевичну
Да привез ко городу ко Киеву,
Привел ее в веру крещеную
И принял с ней по злату венцу,
Стал он с ней век свой коротати.

И строит два собора великиих —
Михайлу-архангелу да Пресвятой Богородицы
Да Николы-святителю.
Тут Михайла Потык Иванович
Старину кончал.

№ 308

МИХАЙЛО ПОТЫК

Ай у солнышка да у Владимира
Пированьицо было́ по-третий день.
Солнышко идет на вечери,
А почестный пир идет на весели,
Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честном да наедалися,
Вси же на пиру и поросхвастались.
Испроговорит солнышко Владимир стольно-киевский:
«Нечем солнышку Владимиру похвастати.
Не повыправлёны дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Сидят же тут три русскиих могучиих бога́тыря.
Старыи казак да Илья Муромец,
Мо́лодой Добрыня сын Никитинич,
Михайла Потык сын Иванович.
Испрого́ворит Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы, три русскиих могучиих бога́тыря!
Старыи казак да Илья Муромец,
Вы съездите́-тко в Каменну́ Орду.
В Каменну́ю-то Орду, в большу землю,
Повыправьте́-тко дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Съездите́-тко вы да не́ в большу́ землю,
Не в большую-ту землю да в Золоту Орду.
Там повыправьте́-тко дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Третьии могучии бога́тырь да Михайло Потык сын Иванович!
Ты съезди́-тко в Землю во Подольскую,

Там повыправь-ко ты дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною!»
А бога́тыри оны́ да призадумались
И повесили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тот же во кирпичен мост.
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:
«Что же вы, бога́тыри, задумались?
А держи́те-тко, богатыри, ответ же нынь».
Испроговорит казак да Илья Муромец:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
Во большую-ту землю да в Каменну́ Орду.
Там повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня да не в большу землю,
Не в большую-ту землю да в Золоту Орду,
Там повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
А Михайло Потык сын Иванович —
Он Владимиру да испрого́ворит:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Отправляй-ко ты меня в Землю Подольскую,
Я повыправлю да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Первый русскии могучий богатырь,
Старыи казак да Илья Муромец,
Ставае он по утрышку ранёхонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Он седлае своего добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Тринадцатый-тот клал да ради крепости,
Чтобы в чистом поли доброй конь же с-под седла не выскочил,

43 Зак. 3427

Добра молодца в чистом поли не выронил.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тут не видли да удалого поедучи.
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Да к тому кресту поехал Леванидову.
Тут бога́тырь опочив держал.
Другий русскии могучий богатырь,
Молодой Добрынюшка Никитинич,
Он ставае, он по утрышку ранехонько,
Умывается было белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Седлае своего добра коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-тот клал да ради крепости,
Чтобы в чистом поли добрый конь же с-под седла не выскочил.
Добра молодца в чистом поли не выронил.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поедучи.
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Да к тому кресту поехал Леванидову,
Тут бога́тырь опочив держал.
А третии же русскии могучий богатырь
Михайла Потык сын Иванович
Он ставает тут по утрышку ранехонько,
Умывается было белехонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Седлае своего добра коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седёлышко,
Подтягиват двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-тот клал да ради крепости,
Чтобы в чистом поли добрый конь же с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалого поедучи.

Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Да к тому кресту поехал Леванидову.
Тут богатырь опочив держал.
Тут крестамы да богатыри побратались,
Назвались да братьями крестовыма.
Испроговорит казак да Илья Муромец:
«Кто попрежде нас тут е повыправит,
К дру́гому настрету, братцы, по́спевать!»
Тут простилиси да оны братьица.
Старыи казак да Илья Муромец —
Он поехал во большу землю,
Во большую-ту землю да в Каменну́ Орду
Он повыправлять да даней-выходов
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вдруг да скашевалися,
А не стали о́тдавать да даней-выходов
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут старыи казак да Илья Муромец —
По-своему он с мужичками распоряжается.
Мужички же перепалися,
От его да ростулялися,
Стали отдавать да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мо́лодой Добрыня сын Никитинич —
Съехал он же не в большу землю,
Не в большую-ту землю да в Золоту Орду,
Стал же выправлять да даней-выходов,
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вдруг да скашевалися,
А не стали отдавать да даней выходов
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрынюшка Никитинич
По-своему он с мужичками распорядился,
Мужички же перепалися,
От его да ростулялися,
Стали отдавать да дани-выходы

За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Михайло Потык сын Иванович
Съехал в Землю во Подольскую,
Стал же выправлять да даней-выходов
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Мужички же вси да скашевалися,
А не стали о́тдавать да даней-выходов,
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Распорядился тут Михайла Потык сын Иванович
Распорядился он по-богатырскому.
Мужички же перепалися,
От его да ростулялися,
Стали отдавать да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Он повыправил да дани выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут Михайло Потык сын Иванович —
Он пошел было ходить-гулять по заводям,
Стрелять же он да белыих лебедушок,
Ходил-гулял по заводям,
Стрелял же он да белыих лебедушек
Находил же он да белую лебедушку,
Плавает лебедушка на заводи.
Он натягивал же было тугой лук,
Накладыват он стрелочку каленую,
Хочет стрелить белую лебедушку,
Лебедушка ему да испроговорит:
«Ай Михайла Потык сын Иванович!
Не стреляй-ко ты же белою лебедушки.
Я есть же нонь не белая лебедушка,
Есть же я да красна девушка,
Марья Лебедь Белая да королевична,
Королевична да я подолянка.
Не убей-ко ты меня же нонь подолянки,
Ты возьми меня нунь во замужество,
Ты свези-тко нонь меня во Киев-град,
Проведи-тко меня в верушку крещеную,
Примем мы с тобою по злату венцю,

Станем мы же век с тобо́й коротати».
Задавался тут Михайла Потык сын Иванович,
Брал же Марью Лебедь Белою,
Лебедь Белою да королевичну,
Королевичну да он подолянку,
Делал же он с Марьей да велик залог.
Получает тут же дани-выходы
Со того же короля да со Подольскаго,
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Отправляется он было в Киев-град,
Ко тому было ко солнышку Владимиру,
Ай ко князю стольнё-киевску.
Приезжает тут Михайло Потык сын Иванович
А ко стольнему ко городу ко Киеву,
Ай ко ласковому князю ко Владимиру
Привозит он да дани-выходы
Из той было из Земли из Подольскии,
От того же ко́роля да от Подольскаго
Отдавае он Владимиру да князю стольнё-киевску.
Князь же тут да зрадова́лся ли.
Получае он с Михайлы Потыка Иванова,
Получае он да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Благодарил его Владимир стольно-киевский,
Что повыправил ты дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Из той ли Земли из Подольския.
Марью Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну да он подолянку,
Он привел же было в верушку крещоную,
Сделал с ею заповедь великую:
«Кто из нас да нонь попереди,
Кто пойдет да во сыру землю,
Дру́гому итти да на три месяца,
Итти же во сыру землю».
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Ты Михайло Потык сын Иванович:
Что ты делаешь да заповедь великую.
Заповедь да неподольную,
Да на долго тут итти да во сыру землю?»

Тут Михайло Потык сын Иванович —
Сам Михайло испроговорит:
«Видно, надо сделать мне-ка заповедь великую
С Марьей Лебедь Белою,
Что она-то мне-ка прилюбиласи. —
А принял-то же с ей да по злату венцю.
Стал же с ею век коротати».
В тую пору да во то время
Наезжае было царь Бухарь заморскии.
Наезжае царь Бухарь с посланником,
Правит он да дани-выходы
Что ли с солнышка Владимира,
Что ль со князя стольно-киевска:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты пожалуй-ко нонь дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Солнышко Владимир стольно-киевский
Призывае он Михайлу Потыка Иванова:
«Ты Михайло Потык сын Иванович!
Приезжае к нам же царь Бухарь заморскии,
Правит он же с нас да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною».
Испроговорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты садись-ко нынь, Владимир, на ременчат стул,
Пиши-тко было ерлычкй да скорописчаты:
„Отправлены да дани-выходы
За Михайлой Потыком Ивановым
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною".
Я поеду нынечу без даней-выходов».
Он, Михайла Потык сын Иванович,
Поезжает он к Бухáрю-царю да заморскому,
Повозит ёрлычки да скорописчаты
К тому же он к царю ко Бухарю́ да ко заморскому,
Что отправлены да дани-выходы
За Михайлой Потыком Ивановым
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Приезжает к Бухарю царю заморскому,
Подавает ёрлычки да скорописчаты

Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскии
Тыи ёрлычки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатыват,
Поскорее того да он прочитыват,
Сам же царь Бухарь да тут зрадуется:
«Ты Михайло Потык сын Иванович:
Где же у вас выходы остализи?» —
«У нас оси да в тележках приломилиси,
Да тележки у нас поломализи.
Там починщички да в поли приосталиси,
А тележек во чистом поли починивать».
Испроговорит царь Бухарь заморскии:
«Ты Михайло Потык сын Иванович!
Чим же нынь у вас да на России забавляются?» —
«У нас же на России забавляются —
Нынь играют да во шашечки дубовыи,
Что ли ставят да дощечки да кленовыи».
Доставали тут дощечку да кленовую.
Что же ставили тут шашечки дубовыи
На тую тут дощечку на кленовую;
Тут играли было в шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович:
Ставил же он своего добра коня,
Ставил же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую?
Ставил он же дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли было в шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проиграл Михайла Потык сын Иванович
Проиграл он своего добра коня,
Проиграл же он свою буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю он царю заморскому.
Тут царь Бухарь было заморскии,
Тут же царь да он зрадуется.
Ставили дощечку да во другой раз,
Ставили тут шашечки дубовыи

На тую же на дощечку на кленовую.
Ставил тут Михайла Потык сын Иванович
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну-подолянку;
В-дру́гих, ставил он родитель свою матушку
На ту же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую:
Ставил тут Михайлина добра коня,
Ставил тут его да буйну голову,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Тут играли да дощечку да во дру́гой раз.
Сыграли было дощечку в дру́гой раз,
Повыиграл Михайло Потык сын Иванович
Своего повыиграл добра коня,
Повыиграл свою да буйну голову
И повыиграл да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Ставили дощечку они в третий раз.
Михайло Потык сын Иванович
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
На ту было дощечку на кленовую
Ставил своего добра коня,
Ставил он свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскии
Ставил на дощечку на кленовую,
Ставил он полцарства пол-имянства он заморскаго.
Стали тут играть дощечку да во третий раз,
Играли тут дощечку да во третий раз.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Повыиграл дощечку было в третий раз,
Повыиграл он полцарства пол-имянства он заморскаго
Со царя Бухаря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскии!
Ставили дощечку во четвертый раз.
Ставил он все царство, все бухарское заморское,

А Михайла Потык сын Иванович
Ставил он полцарства пол-имянства он заморскаго,
Ставил он да дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Играли тут дощечку да в четвертый раз.
Повыиграл Михайла Потык сын Иванович
Он дощечку да в четвертый раз
С того царя Бухаря он со заморскаго,
Повыиграл все царство он бухарско да заморское.
Ставили дощечку они в пятый раз.
Царь Бухарь было заморскии,
Ставил он свою да буйну голову.
Михайла Потык сын Иванович
Ставил царство тут бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тут играть да о́ны в шашечки.
На пяту-то дверь тут отворяется,
Крестовый ёму братец да пихается,
Приезжает тут Добрыня сын Никитинич:
«Мо́лодой ты Потык сын Иванович!
Играешь ты во шашечки в дубовыи
Да на той же на дощечки на кленовыи,
Над собой же ты незгодушки не ведаёшь:
Как твоя-то Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична было подолянка,
Что она же ныньчу было по́мерла!»
Михайло Потык сын Иванович
Он скочил же на свои да на резвы ноги,
Ухватит он дощечку да кленовую
С тыма шашкамы с дубовыма,
Ударил он во двери с ободвереньем,
Повыставил он двери вон со ли́пиной.
Перепался было царь Бухарь заморскии,
Смолился он Михайлы Потыку Иванову:
«Михайла Потык ты Иванович!
Ты оставь меня, царя, да нонь во живности,
Получай-ка нынь ты царство все бухарское заморское!»
А Михайло Потык сын Иванович
Сам же тут да братьям испроговорит:
«Ай вы, братьица мои было крестовыи!
Получайте-тко нынь с царя с Бухаря со заморскаго

Вы царство нынь бухарско все заморское,
Оставьте-ко царя да посидельщичком,
Недосуг же мне-ка-ва с ним нынь угладиться.
Я поеду нынь ко городу ко Киеву
Ай ко ласковому князю ко Владимиру!»
Тут уехал да Михайла Потык сын Иванович.
А русскии могучии богатыри
Получали тут с царя да дани-выходы,
Получали тут же царство да бухарско все заморское,
Оставили царя да посидельщичком.
А Михайла Потык сын Иванович
Приезжае он ко городу ко Киеву
Ай ко ласковому князю ко Владимиру.
Князь же тут его да было спрашиват:
«Михайла Потык сын Иванович!
Как же ты оттуль да нонь повыехал?»
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Повыиграны у нас дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною
С того царя Бухаря да со заморскаго.
Да повыиграно царство все бухарско, все заморское
И с того царя с Бухаря да с заморскаго
Все царьство, все имянство все бухарьское.
Остались получать же там богатыри,
Мои братьица крестовыи:
Старыи казак да Илья Муромец
И молодый Добрыня сын Никитинич». —
«Да чим же нонь тебя мне наскори пожертвовать:
Города ли теби дать да с пригородками,
Аль села тебе же дать да со приселками,
Золотой казны тобе-ка-ва по надобью?» —
«Ничего же мне-ка-ва не надобно,
Городов мне нонь не надо с пригородками,
Что ли сел не надо со приселками,
Золотой казны не надобно по надобью.
Дай-ко на царёвыих на кабаках,
Дай-ко мни поволечку великую
Пить же мне вино да нонь безденежно:
Где кружкою да полукружкою,
Где четвертью да где полуведром,
А при времечки где и целы́м ведром!»

Солнышко Владимир стольно-киевский
Дал ему поволечку великую
На тых же на царе́выих на ка́баках
Пить ему вино было безденежно:
Где кружкою да полукружкою,
Где четвертью да где полуведром,
А при времечки где и цели́м ведром.
Испроговорит Владимир стольно-киевский:
«Михайла Потык сын Иванович!
Напрасно же ты сделал ныньчу заповедь великую».
Испроговорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
И тоё-то да ныньчу сделано —
Надо нунь итти да во сыру землю,
Во сыру землю итти да на три месяца».
Михайла Потык сын Иванович
Приказал же он тут делать домовищечко:
«Чтобы мошно мне-ка стоя стоять,
Стоя стоять да сидя сидеть,
При времечки да чтобы ле́жа лечь».
Брал же он запас туды великии:
Брал свечи́ туды и ладоны,
Берет хлеба на три месяца,
Воды берет на три месяца.
Ходил же он было ко кузницам,
Велел ковать же клещи да железныи,
Брал же прутья он да троии:
Первы прутья оловяныи,
Вторы́и было прутья он железныи,
Третьи прутья он берет да туды медныи,
Отправляется же он тут во сыру землю,
Отправляется он да на три месяца.
Прожил тут Михайло Потык сын Иванович,
Прожил в матушке сырой земли первы́ сутки,
Начинает жить же он тут сутки другии,
Приплыват к ему Змеище да проклятое,
О двенадцати была Змея о хоботах.
Пролизала ему гроб было железныи.
А Михайла Потык сын Иванович
Захватил было Змею он да проклятую
Тыма было клещамы да железныма.
Сек же он ю прутьями да оловяными,
Другими сек же прутьями железными,

Третьима он сек ю прутьями да медными.
Змея ему да тут смолиласи:
«Ты Михайла Потык сын Иванович!
Не убей меня, Змеи было проклятою,
Дам тебе я заповидь великую —
Оживить-то нунь тебе-ка Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну было да подолянку,
Достану я тебе-ка-ва живой воды».
Михайла Потык сын Иванович:
«Ой же ты, Змея было проклятая,
Ты Змея было лукавая,
Дай-ко ты змеёныша в велик залог!» —
Дала тут Змея лукавая,
Дала тут змееныша в велик залог.
Рубил же он змеёныша на мелкии на часточки.
Отправляется Змея было проклятая,
Доставает тут она было живу воду.
Складывал же он змеёныша во место ли,
Мочил же то́го малого змеёныша —
Засвивался было маленький змеёнышок.
Брызга́л же Марью Лебедь Белую,
Брызга́л он ю во три же раз:
Первый раз она продрогнула,
Дру́гой раз она зашевелиласи,
Третий раз она да проглаголила:
«Фу-фу-фу, я долго нунь попро́спала!»
Испроговорит Михайла Потык сын Иванович:
«Каб не я, так ты отнынь до век бы про́спала!»
Скричал же тут Михайла Потык сын Иванович
Своим голосом да богатырскиим —
Теремки да пошатилиси,
Околенки у них да повалилиси,
Вси во гради да приужахнулись,
Вси самы же тут во городе спрого́ворят:
«И нашему уродищу в сырой земли не по́жилось.
Отправлялся он в сыру землю да на три месяца,
Наступают нынь на нас трои сутки,
Из сырой земли уродищо давается!»
И здымали тут его да из сырой земли,
Из сырой земли на белый свет.
Тут Михайла Потык сын Иванович —
Он пошел гулять да по царёвыим по кабакам,

Пить вино да он безденежно:
Где кружкою да полукружкою,
Где четвертью да где полуведром,
А при времечки он да целым ведром.
Марья Лебедь Белая,
Королевична было подолянка,
Посылала она ведом королю да Политовскому:
Что наехал бы король да Политовскии,
Увез бы он меня, да Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую он да подолянку,
Ай подолянку да королевичну
Во тую Землю во Литовскую.
Приезжает тут король да Политовскии,
Приезжает тут король да по-молчаному,
Он увозит Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку.
Михайла Потык сын Иванович —
Над собой же он того да тут не ведаёт,
Что увез же да король да Политовскии
Его же Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку.
Прискакала было весточка нерадостна
Михайлы Потыку Иванову:
«Михайла Потык сын Иванович!
Ты пьешь да проклаждаешься,
Над собой незгодушки не ведаёшь,
Как твоя-то Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична было подолянка,
Уехала с королем да Политовскиим
Во матушку да в земляну Литву!»
Михайла Потык сын Иванович
Одевае он же платьица-ты женскии,
Накручается же он да было женщиной
И поехал вслед же он погоною
За тым же королем да Политовскиим:
Не узнал бы да король да Политовскии,
Не узнал бы он да вслед погонушки.
Подъезжает тут Михайла Потык сын Иванович
Вслед же он было погоною
За тым же королем да Политовскиим.

Увидала Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична да тут подолянка,
Сама ему да испроговорит:
«Ай же ты, король да Политовскии!
Еде нунь за нами вслед погонушка,
Едет тут за нами женщина,
Хоть и женщиной да туда-ка сокрученось,
Не женщина тут едет вслед погонушка,
Едет тут Михайла Потык сын Иванович.
Отправляй меня скорешенько настрету ли
И давай же мне напитков еще сонныих,
Он же до вина да есте спадсливый.
Поднесу ему я чару зелена вина,
Гди выпье, он же тут и в сон заснет».
Подъезжает тут к ему она настрету ли,
Тяжелешенько да о́на плаче ли:
«Ты Михайла Потык сын Иванович!
Увез меня король да Политовскии,
Что ли силою увез меня из Киева».
Подносит ёму чару зелена вина:
«Выпей още чару зелена вина!»
Гди выпил, тут и в сон заснул.
Подскочила тут к коню да к богатырскому,
Принимает на плечо да на волшебное,
Спустила тут его было через плечо,
Сама же тут Михайлы приговариват:
«Гди был мо́лодой Михайла Потык сын Иванович,
Стань-ко нынь горючий белой камешок.
Будь-ко ты, Михайло, нынь во камени!»
Отправляется с королем да Политовскиим
В ту было да в земляну Литву.
И уехала да в земляну Литву
Ко тому же королю да Политовскому.
Жила с ко́ролем да Политовскиим,
Жи́ла она́ много там же времени.
Стосковалось было братьям же крестовыим:
Старому каза́ку Илье Муромцу,
Мо́лоду Добрынюшку Никитичу.
Крутилиси было они каликамы.
Обували они лапти было липовы,
Надевали они платьица нецветныи,
Пошли оны да ту́да-ка каликамы

От солнышка Владимира, от князя стольне-киевска
К тому же королю да к Политовскому
Искать же тут Михайла По́тыка Иванова,
Своего же было братца да крестоваго.
В день они идут было по солнышку,
А в ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому ко каменю.
Выходит тут из другою из ро́зстани,
Выходит тут калика было старая,
И старая калика да седатая,
Хоть седатая калика да й плешатая:
«Здравствуйте, калики перехожии!» —
«Ты здравствуешь, калика было старая,
Старая калика ты матёрая,
Ты матёрая калика да седатая,
Ты седатая калика да плешатая!» —
«Куда же вы, калики, нунь направились?»
Испроговорят тут русскии могучии богатыри:
«Ай же ты, калика было старая!
Хоть нынь у нас накрученось каликамы,
Е мы не калики перехожии,
Е мы русскии могучии богатыри:
Старыи казак да Ильё Муромец,
Мо́лодый Добрынюшка Никитинич.
Пошли искать Михайлы Потыка Иванова,
Своего же братца мы крестоваго,
Святорусскаго богатыря».
Испроговорят же русскии могучии богатыри:
«Ты откудова, калика, есть же, старая?» —
«Я дальняя калика есть же старая,
И дальняя калика я, не здешняя,
Пошел искать Михайлы Потыка Иванова».
Приходили тут калики перехожии
А к тому же королю да Политовскому.
Ставились калики сре́ди города,
Супротив того двора да королевскаго,
Тут скрыца́ли да калики перехожии —
Теремки у них да пошатилиси,
Околенки у них да повалилиси,
Вси же во́ гради да приужахнулись:
«Что же нунь да чюдо е случилоси,
Каки же нам калики появилиси?»
Испроговорит король да Политовскии:

«Это е три чуда объявилоси».
Говорила Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична да тут подолянка:
«Тут не чудо к нам же ныньче объявилоси —
Два бога́тыря да к нам же нынь явилоси:
Старыи казак да Илья Муромец,
Мо́лодый Добрынюшка Никитинич,
А третьяя калика незнакомая,
Незнакомая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Тая е калика да незнаема.
Зови-тко ты, король, да во гостёбищо
Этыих калик да перехожиих.
Не пойдут оны к нам да в гостёбищо —
Розорят оны же нашу земляну Литву
Два русскии могучии бога́тыря».
Выходил же тут король да Политовскии,
Скорешенько же выходил на ши́рок двор
С той ли Марьей Лебедь Белою,
Лебедь Белою да он подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она к братьецам крестовыим,
Своего же она мужа да названаго,
Звала тут себе-ка-ва в гостёбищо,
Тяжелешенько по нем да о́на плакала.
Спрашивали русскии могучии богатыри,
Старыи казак Илья Муромец
Что ли мо́лодой Добрынюшка Никитинич:
«Не видала ли Михайла Потыка́ да ты Иванова?» —
«Не видала я Михайла Потыка Иванова,
Тяжелешенько по нем да я же плачу есть,
Вспомню я его да в кажный день!»
И зовет она себе-ка-ва в гостёбищо
К тому же ко́ролю да Политовскому.
Тут приходит же король да Политовскии
И зовет же он богатырей к собо́и в гости.
Приходят тут калики перехожии
К тому же ко́ролю да к Политовскому.
Гостили у того же короля да Политовскаго,
Дарили им же честныи тут да́рева,
Дарили им же злато что ли, серебро
И мелкии им тут же жемчуги,

И ка́менья дарили драгоценныи.
Откланялись тут же калики перехожии,
Отправились калики со гостебища,
Ничего же тут калики не проведали
Про русьскаго могучаго богатыря,
Про Михайлу Потыка Иванова.
Отправились же в путь они дороженьку,
В день они идут было по солнышку,
В ночь они идут было по камешку.
Приходят тут ко белому горючему ко каменю.
Испроговорит калика было старая,
Еще старая калика да мате́рая:
«Вам же нунь, калики перехожие,
Вам же нунь пойти же надо в сторону,
Мне-ка-ва пойти надо же в другую.
Будем на прощенье животов делить».
Испроговорят тут русскии могучии богатыри:
«Ай же ты калика нуньчу старая,
Ты старая калика да матерая,
Матерая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая!
Ты дели-тко нуньчу дарева».
Делила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И делила тут великии подарочки,
И делит она да на четыре да на часточки.
Испроговорят тут русьскии могучии богатыри
«Что же ты, калика было старая,
Старая калика ты матерая,
Что делишь ты нынь подарочки,
На четыре ты делишь на часточки?
Трое нас же нунечу находится,
А кому же эта часть нунь остается?»
Говорит же им калика было старая:
«Ай же вы калики перехожии!
Станем-ко здымать мы этот камешок,
Кто из нас же здыне этот камешок через плечо,
А тому же часть четвертая достанется».
Думают же русскии могучии богатыри
Своим же тут умом да богатырскиим:
«Неужто не здынем мы да каменя?
Часть эта да нам же нынь достанется».
Испроговорит калика им же старая,

44 Зак. 3427

Старая калика да матерая:
«Ай вы русскии могучии богатыри,
А здымайте-тко горючий белый камешок!»
Принимается Добрыня сын Никитинич
Здымать же нынь горючий белый камешок,
Здымать же этот камень да через плечо.
Выздынул Добрынюшка до пояса —
По колену тут Добрынюшка во землю сел,
Не мог же он здынуть да было камешка
Через тое нунь плечо да богатырское.
Принимался тут же старыи казак да Ильё Муромец.
Он здымае этот белыи горючий камешок,
Он здымае себе камешок на груди ли —
А по стегнам Илья Муромец да в землю сел.
Приходит тут калика эта старая,
Эта старая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Налагает еще руки на белыи горючий камешок
И здымае камешок через плечо,
Спустит этот камешок через плечо,
Спустит камень о сыру землю,
Сама же к каменю да приговариват:
«Колись-ко этот камешок да надвое,
Иди-ко ты Михайло Потык сын Иванович
Из белаго горючаго из камешка!»
Кололся этот камешок нунь надвое,
Выходит тут Михайло Потык сын Иванович
Увидае он же братьецов крестовыих:
«Здравствуйте, вы братьеца крестовыи!» —
«Здравствуй, ты Михайло Потык сын Иванович!
От чего попал в горючий белый камешок?» —
«От своей же я нунь Марьи Лебедь Белыи,
Лебедь Белыи да я подолянки,
Ай подолянки да королевичной.
Подносила она зелья мне-ка соннаго,
Подносила она зеленым вином —
А где выпил, тут я в сон заснул,
И сам себе я нонечу не ведаю».
Говорит же тут калика ему старая,
Старая калика да матерая:
«Михайла Потык сын Иванович!
Будешь ты у города у Киева
А у ласковаго князя у Владимира,

Ты сделай-ко две церкви, две соборныих,
Одну церковь нуньче делай ты Спасителю,
Другу церковь матушке да Пресвятой Богородицы,
В той же нунь Миколы да Святителю.
Упросила матушка да Пресвятая Богородица
А сходить меня для вас да на сыру землю,
Избавить нунь от смерти от напрасною,
От напрасною от смерти от волшебною».
Простиласи калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика в свою сторону.
Испроговорят тут русьскии могучии богатыри:
«Ай ты, братец да названыи,
Михайла Потык сын Иванович!
Пойдем-ко с нами в свою сторону,
К тому было ко городу ко Киеву
Ко ласковому князю ко Владимиру».
Говорил Михайла Потык сын Иванович:
«Ай же мóи братьица крестовыи!
Мне-ка-ва сходить надо во земляну Литву
А к тому же королю ко Политовскому.
Угнал он да моего добра коня,
И увез же Марью Лебедь Белую,
Лебедь Белую да королевичну,
Королевичну он да подолянку».
Испрогóворят тут братьеца крестовыи:
«Ай ты, братец да названыи,
Михайла Потык да Иванович!
Не жена теби она, да есть волшебница,
Сконает твою голову да богатырскую,
Ты получишь от ей смерть напрасную!»
Тут Михайла Потык сын Иванович —
Он же братьицов крестовыих не слушаёт,
Приказал же брать им этыи подарочки
И отправляеться им ко городу ко Киеву.
Сам пошел же к королю да Политовскому,
Политовскому да земли-польскому,
В тую он пошел во земляну Литву.
Приходит он каликой перехожеей,
Ставился же он тут среди города.
Противу тут двора да королевскаго.
Кричал же он да во всю голову —
Теремы же тут да пошатилиси,

Что околенки у них вси повалилиси,
Вси уродища оны да приужахнулись,
Сами же оны тут испроговорят:
«Недавно чуда зде-ка были-объявилися.
А нунь опять да чудо появилося».
Испроговорит тут Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична да и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
А Михайла Потык сын Иванович».
Скорешенько наливае чару зелья соннаго,
Выбегает тут скоренько да на широк двор,
Стретает тут Михайла Потыка
С чарой зелена вина.
Выпил он же чару зелена вина;
Как он выпил чару зелена вина,
Гди выпил, тут же в сон заснул.
Тащила тут во сени во челядинны.
Увидала тут Настасья королевична,
Что тащат си бога́тыря во сени во челядинны,
По нем она да сжалова́лася.
Приходила тут во сени во челядинны
Эта Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Прибивала тут богатыря да на стену,
Била ему в руки, в ноги еще гвоздища.
Не хватило тут гвозда да у́ ней пятаго,
Пятаго гвозда ему середняго,
Середняго гвозда ему сердечнаго.
Побегала тут из сеней из челядинных,
Побегала за гвоздом она да пятыим.
Молода Настасья королевична
Вытаскивала гвоздья вон да со стены,
Прибила тут на место да татарина,
Прибила тут татарина да мертваго,
Мертваго татарина да мерзлаго.
Уводила тут Настасья королевична
Того было богатыря из сеней из челядинныих.
Прибегает Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична она подолянка,
Не смотрела тут она да на стену,
Забила тут татарина место богатыря.

Отправляется к ко́ролю да Политовскому,
Сама же тут ему да еще хвастает:
«Перевела я ныньчу своего да ненавистничка,
Михайла Потыка сына Ивановича!»
Прожил у Настасьи он потай да трои суточки,
Просит он коня да богатырскаго,
Да у той было Настасьи королевичной:
«Ах ты, молода Настасья королевична!
Проси-тко у родителя у батюшка,
Нет ли нунь коня да богатырскаго
Съездить во чисто поле да поляковать».
Молода Настасья королевична
Тут приходит к королю да Политовскому,
К своему она к родителю да батюшку:
«Ах ты, старыи король да Политовскии,
Ай же ты родитель мой да батюшко!
Дай-ко мни коня да богатырскаго
Съездить в чисто поле да поляковать,
Простудить лицо свое да женское».
Испроговорит король же Политовскии:
«Поди-ко на конюшни на стоялыи,
Выбирай-ко ты коня да нынь по разуму».
Приходила на конюшни на стоялыи,
Выбирала тут коня да богатырскаго
Михайлы Потыка́ Иванова.
Пригоняет тут коня да богатырскаго
А Михайлы Потыка Иванова
К своему крыльцю да королевскому.
Одевается богатырь да по-женскому,
Уезжае он, богатырь, было женщиной,
Уезжае тут богатырь во чисто поле,
Из чиста поля наехал он бога́тырем,
Ставился же он тут середи двора
У того же короля да Политовскаго,
Он просит же тут войска да великаго.
Узнавает Марья Лебедь Белая,
Лебедь Белая да королевична,
Королевична да тут подолянка,
Скорешенько выбегает да на широк двор,
Наливает она чару зеленым вином
И подносит ему зелье было сонное.
Мо́лода Настасья королевична
По поясу броси́лася в окошечко:

«Михайла Потык сын Иванович!
Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
Гди ты выпьешь, тут же в сон заснешь.
Будет ти отсечь она твоя да буйна голова
А твоей же тут да саблей востроюˊ!»
Михайла Потык сын Иванович
Не пил же чары зелена вина:
Смахне он да саблей востроюˊ,
Отнес же ейну буйну голову
За ей поступки неумильнии.
Розсерделся тут богатырь святорусскии:
«Розорю же я тут землю всю Литовскую,
Отнесу же королю я буйну голову!»
Упросила тут Настасья королевична:
«Михайла Потык сын Иванович!
Не руби-тко ты родителю да буйной головы
За его было поступки неумильнии,
Не розори-тко ты да земляной Литвы!»
Укротил же свое сердце богатырское,
Брал одну Настасью королевичну
От того же короля да Политовскаго,
Брал мóлоду Настасью он во честности.
Увез к городу было ко Киеву
А к лáсковому князю ко Владимиру
И провел же он тут в верушку крещоную.
Принял тут с Настасьей по злату венцу,
Стал же с ней да век коротати.
Стал же строить он две церкви, две соборныих,
Перву церковь он соборную
Строил он Спасителю,
Другу церковь он же строил да соборную
Матушки да Пресвятою Богородици
И Миколы он было Святителю.
Тут Михайлы Потыку сыну Иванову славýˊ поют,
Синему морю на тúшину.
Всим добрым людям на послушанье.

№ 309

МИХАЙЛО ПОТЫК

Ай старыи казак он, Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
«Да ай же мои братьца крёстовыи,
Крёстовыи-то братьица, названыи,
А молодой Михайла Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Микитинич.
А едь-ко ты, Добрыня, за синё море,
Кори-тко ты язы́ки там неверныи,
Прибавляй Земельки Святорусскии.
А ты-то едь еще, Михайлушка,
Ко тыи ко корбы ко темныи,
Ко тыи ко грязи ко черныи,
Кори ты там язы́ки все неверныи,
Прибавляй Земельки Святорусскии.
А я-то видь, старик, да постарше вас,
Поеду я во далечо еще во чисто́ поле,
Корить-то я язы́ки там неверныи,
Стану прибавлять Земельки Святорусскии».
Как тут-то молодцы да порозъехались:
Добрынюшка уехал за синё морё,
Михайла ён уехал ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи ко черныи,
К ца́рю он к Вахрамею к Вахрамееву.
Ильюшенька уехал во чисто́ поле
Корить-то там язы́ки всё неверныи,
А прибавлять Земельки Святорусскии.
Приехал тут Михайло сын Иванов-он
А на тоё на да́лечо на чисто полё,
Роздернул тут Михайлушка свой бел шатер,
А бел шатер еще белополотняной.
Тут-то он, Михайлушка, роздумался:
«Не честь-то мне хвала молодецкая
Ехать молодцу мне-ка томному,
А томному молодцу мне голодному;
А лучше, молодец, я поем-попью».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванович
Поел, попил Михайлушка, покушал он,
Сам он, молодец, тут да спать-то лег.
Как у того царя Вахрамея Вахрамеева

А была-жила там да любезна дочь,
А тая-эта Марья Лебедь Белая.
Взимала она трубонку подзорнюю,
Выходит что на выходы высокии,
А смотрит как во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё;
Углядела, усмотрела во чистом поли:
Стоит-то там шатер белополотняный,
Стоит там шатер еще смáхнется,
Стоит шатер там еще розмáхнется.
Стоит шатер еще ведь уж сóйдется,
Стоит шатер там еще розойдется.
Как смотрит эта Марья Лебедь Белая,
А смотрит что она, еще думу думает:
«А это есте зде да русьский богáтырь же!»
Как бросила тут трубоньку подзорнюю,
Приходит тут ко родному ко батюшку:
«Да ай же ты, да мой родной батюшко,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич!
А дал ты мне прощенья-благословленьица
Летать-то мне по тихиим заводям,
А пó тым по зеленыим по затресьям,
А белой лебедью три году.
А там я налеталась, нагуляласе,
Еще я ведь наволеваласе
По тыим по тихиим по зáводям,
А пó тым по зеленыим по затресьям.
А нуньчу ведь ты да позволь-ко мне
А дрýго ты еще мне-ка три году
Ходить гулять-то во дáлечем мни во чистом поли.
А красной мне гулять еще девушкой».
Как он опять на то ёй ответ держит:
«Да ах же ты, да Марья Лебедь Белая,
Ай же ты, да дочка-та царская мудрёная!
Когда плавала по тихиим по зáводям,
По тым по зеленыим по затресьям,
А белой ты лебедушкой три году —
Ходи же ты гуляй красной девушкой
А друго-то еще три да три году,
А тожно тут я тебя замуж отдам».
Как тут она еще поворотúласе,
Батюшку она да поклонúласе.
Как батюшко да давает ей нянёк-мамок тых,

Ах тых ли этых верныих служаночек.
Как тут она пошла, красна девушка,
Во далечо она во чисто́ полё,
Скорым-скоро́, скоро́ да скорёшенько:
Не могут за́ ней там гнаться няньки-ты,
Не могут за́ ней гнаться служаночки.
Как смотрит тут она, красна девушка,
А няньки эты все да оставаются,
Как говорит она тут таково слово:
«Да ай же вы, мои ли вы нянюшки!
А вы назадь теперь воротитесь-ко,
Не нагоняться вам со мной, красной девушкой».
Как нянюшки ведь ёй поклонилися,
Назадь оны обратно воротилися.
Как этая тут Марья Лебедь Белая,
Выходит тут она ко белу шатру,
Как у того шатра белополотняна
Стоит-то тут, увидал ю добрый конь,
Как начал ржать да еще копьем-то мять
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать-земелюшка продрагивать.
Как ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу он сам пометается,
Выскакал он в тонки́их белых чулочиках без чоботов,
В тонки́и белыи рубашки без пояса.
Смотрит тут Михайло на вси стороны,
А некого он не наглядел тут был.
Как говорит коню таково слово:
«Да ай ты, волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржешь ты да копьем-то мнешь
А во тую во матушку сыру землю,
Треложишь ты русийского богатыря?»
Как взглянет на дру́гую шатра еще другу сто́рону —
Ажно там-то ведь стоит красна девушка!
Как тут-то он, Михайлушка, подскакивал,
А хочет целовать-милова́ть ю,
Как тут ёна ёму воспроговорит:
«Ай же ты, удалой доброй мо́лодец!
Не знаю я теби да ни имени,
Не знаю я тебя ни изотчины,
А царь ли ты есте, ли царевич был.
Король ли ты да королевич есть?
Столько знаю: да ты русской-то богатырь здесь.

А не целуй меня, красной девушки,
А у меня уста были поганыи,
А есть-то ведь уж веры я не вашии,
Не вашей-то ведь веры есть, поганая.
А лучше-то возьми ты меня к себе еще,
Ты возьми, сади на добра коня,
А ты вези меня да во Киев-град,
А преведи во веру во крещеную,
А тожно ты возми-тко меня за себя замуж».
Как тут-то ведь Михайла сын Иванов был
Садил он-то к себе на добра коня,
Повез-то ведь уж ю тут во Киев-град.
А привозил Михайлушка во Киев-град,
А преводил во веру во крещеную,
А приняли оны́ тут златы венцы,
Как клали о́ны заповедь великую:
Который-то у их да наперёд умрет,
Тому итти во матушку-сыру землю на три году
Со тыим со телом со мертвыим.
Ино оны ведь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Как стали-то они детей на́живать.
Да тут затым князь тот стольнё-киевской
Как сделал он задернул свой почестный пир
Для князей-бояр да для киевских,
А для русийских всих могучих богатырев.
Как вси-то о́ны на́ пир собираются,
А вси тут на пиру наедаются,
А вси тут на пиру напиваются,
Стали все оны там пьянёшеньки,
А стали все оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пир, братцы, при весели.
Как тут-то ведь не ясныи соколы
Во чистом поли еще розлеталися,
Тут русийские могучие богатыри
В одно место соезжалися
А на тот-то на тот на почестной пир.
Ильюшенка приехал из чиста поля,
Хвастает Ильюшенка, спрого́ворит:
«А был-то я еще во чистом поли,
Корил-то я язы́ки все неверныи,
А прибавлял Земельки Святорусскии».

Как хвастает-то тут Добрынюшка:
«А был-то я за славным за синим морем,
Корил там я языки все неверныи,
А прибавлял Земельки Святорусскии».
Как ино, что Михайлушки, да чим буде повыхвастать?
Сидит-то тут Михайло, думу думает:
«Как я, у меня нуньчу, у молодца,
Получена столькѝ есть молода жена.
Безумной-от как хвастат молодой женой,
А умной-от как хвастат старой матушкой».
Как тут-то он, Михайлушка, повыдумал:
«Как был-то я у корбы у темныи
А у тыи у грязи я у черныи,
А у того царя я Вахрамея Вахрамеева
Корил-то я языкушки неверныи,
А прибавлял Земельки Святорусскии.
Еще-то я с царем там во дру́гиих
Играл-то я во доски там во шахматны
А в до́роги тавлеи золоченыи;
Как я с его еще там повыиграл
Бессчётной-то еще-то золотой казны
А сорок-то телег я ордынскиих.
Повез-то я казну да во Киев-град,
Как отвозил я ю на чисто полё,
Как оси-ты тележныи железны подломилисе,
Копал-то тут я по́гребы глубокии,
Спустил казну во по́гребы глубокии».
На ту пору еще, на то времечко
Из Киева тут дань поспросиласе
К царю тут к Вахрамею к Вахрамееву
За двенадцать лет за прошлыи годы что за нунешний.
Как князи тут-то киевски, вси бояра,
А тот ли этот князь стольнё-киевской
Как го́ворит, промолвит таково слово:
«Да ай же вы, бояра вы мои все киевски,
Русийски всё могучии богатыри!
Когда нунь у Михайлушка казна еще
Повыиграна с царя с Вахрамея Вахрамеева,
Дак нунечку еще да топеречку
Из Киева нунь дань поспросиласе
Царю тут Вахрамею Вахрамееву —
Пошлем-то мы ёго да туды-ка-ва
Отдать назад бессчётна золота казна,

А за двенадцать лет за прошлыи годы что за нунешний».
Накинули тут службу великую
А на того Михайлу на По́тыка
Вси князи тут бояра киевски,
Вси русийскии могучии богатыри.
Как тут-то ведь Михайла отряжается,
Как тут-то он Михайла снаряжается,
Опять назад ко корбы ко темныи,
А ко тыи ко грязи ко черныи,
К царю ён к Вахрамею Вахрамееву,
А ехал он туды да три месяца.
Как приезжал он тут во царство-то
К царю ён к Вахрамею Вахрамееву,
А заезжал на ёго да на ши́рок двор,
А становил он добра коня ведь середь широка́ двора,
Ко тому столбу ко тоценому,
А привязал к кольцу к золоценому.
Насыпал коню он пшены белояровой,
Сам он шол ведь тут по новым сеням,
А заходил в полату во царскую
К царю ён к Вахрамею Вахрамееву,
Как скоро он, Михайлушка, доклад держал,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре соронушки,
Царю да Вахрамею в особину:
«Здравствуй, царь ты Вахрамей Вахрамеевич!» —
«Ах здравствуй-ко, удалый доброй молодец!
Не знаю я тебе да не имени,
Не знаю я тебе не изотчины.
А царь ли ты ведь есть, ли царевич зде,
Ли король, ли ты королевич есть,
Али с тиха Дону ты донской казак,
Аль грозной есть посол ляховитскии,
Аль старыи казак ты Илья Муромец?»
Как говорит Михайла таково слово:
«Не царь-то ведь уж я, не царевич есть,
А не король-то я, не королевич есть,
Не из тиха Дону, не донской казак,
Не грозной я посол ляховитский был,
Не старый я казак Илья Муромец.
А есть-то я из города из Киева
Молодой Михайла Потык сын Иванович». —
«Зачим же ты, Михайла, заезжал сюда?» —

«Зашел-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
А я слыхал — скажут, ты охвоч играть
Да в доски-ты шахматны,
А в до́роги тавлеи золоченыи,
А я-то ведь еще уж также бы.
Поиграем-ко во доски мы шахматны,
В до́роги тавлеи золоченыи.
Да ах же ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!
Насыпь-ко ты да бессчотной золотой казны —
А сорок-то телег да ордынскиих».
Как ино ведь тут Михайлушко спроговорит:
«Ах ты царь же, Вахрамей Вахрамеевич!
А бью я о головки молодецкии,
Как я теби буду служить да слугою верною
А сорок-то годов тебе с годичком,
За сорок-то телег за ордынскиих».
Как этот-то царь Вахрамей Вахрамеев был
Охвоч играть во доски-ты шахматны
А в до́роги тавлеи золоченыи,
Всякого-то ведь он да по́играл.
Как тут-то себе да ведь думает:
«А наб мне молодца да повыиграть!».
Как тут они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали оны по дощечки ходить-гулять.
А тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А дру́гой как ступил, сам призаступил,
А тре́тий что ступил, его по́играл,
А выиграл бесчётну золоту казну
А сорок-то телег-тых ордынскиих.
Говорит-промолвит таково слово:
«Да ах ты, царь Вахрамей Вахрамеевич!
Топеречку еще было нунечку
Дань из города из Киева спросиласи.
Тебе-то ведь нунь она назад пойдет
Как она бессчётна золота казна
А за двенадцать год за прошлым что годы что за нунешний,
Назад-то ведь тут дань поворотиласе».
Как тут-то ведь царю да Вахрамею Вахрамееву
А стало зарко есть, роззадорило,
Стало жаль бессчётной золотой казны.
Как говорит Михайлы таково слово:
«А молодой Михайло Потык сын Иванович!

А поиграм еще со мной ты другой-от раз.
Насыплю я бессчётной золотой казны
А сорок я телег да ордынскиих,
А ты-то мне служить да слугой будь верною
А сорок-то годов еще с годичком».
Как бьет опять Михайлушко о своей головке молодецкии,
Наставили тут доску-ту шахматню,
Как начали оны тут ходить-гулять
По тыи дощёчки по шахматнёй.
Как тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил,
А дру́гой-то ступил, сам приза́ступил,
А тре́тий-то ступил, ёго й по́играл,
Как выиграл бессчетной золотой казны
Сорок-то телег да ордынскиих.
Как тут-то ведь царь Вахрамей Вахрамеевич
Воспроговорит опять ён таково слово:
«Молодой Михайла Потык сын Иванович!
Сыграем-ко мы еще остатний раз
Во тыи во дощечки во шахматни.
Как я-то ведь уж царь Вахрамей Вахрамевич
А бью с тобой Михайло сын Иванович,
А о тоём о том велик залог,
А буду я платить дань во Киев-град
А за тыих двенадцать лет за прошлыи что годы, что за нунешний
А сорок я телег да ордынскиих;
А ты бей-ко о головки молодецкии,
Служить-то мне слугою да верною,
А будь ты мне служить да до смерти-то».
Как тут-то он, Михайлушка,
А бьет-то он о головки молодецкии
Служить-то царю до смерти-то.
Остатний раз наставили дощечку тут шахматню.
Ай тут Михайлушка ступень ступил — не до́ступил.
А дру́гой-то ступил, сам приза́ступил,
А третий как ступил, ёго и по́играл,
Выиграл бессчётну золоту казну,
А дань платить во Киев-град великую.
На ту пору было, на то времечко
А налетал тут голуб на окошечко,
Садился-то тут голуб со голубкою,
Начал по окошечку похаживать,
А начал он затым выговаривать
А тым, а тым языком человеческим:

«Молодой Михайла Потык сын Иванович!
Ты играшь, молодец, да проклаждаешься,
А над собой незгодушки не ведаешь.
Твоя-то есть ведь молода жена,
А тая-та ведь Марья Лебедь Белая, преставилась».
Скочил тут как Михайла на резвы ноги,
Хватил он эту доску тут шахматню,
Как бросил эту доску о кирпичный мост
А во полаты тут да во царскии:
А терема вси тут пошаталисе,
Хрустальнии оконницы посыпались,
Да князи тут бояра вси мертвы лежат,
А царь тот Вахрамей Вахрамеевич
А ходит-то ведь он роскоракою.
Как сам он говорит таково слово:
«Ах молодой Михайло Потык сын Иванович!
Оставь ты мне бояр хоть на симена,
Не стукай-ко доской ты во кирпичной мост».
Как говорит Михайло таково слово:
«Ах же ты, да царь Вахрамей Вахрамеев был!
А скоро же ты вези-тко бессчётну золоту казну
Во стольнёй-от город да во Киев-град».
Как скоро сам бежал на широкий двор,
Как ино ведь седлает он своего добра коня,
Седлат, сам выговариват:
«Да ах же ты, мой-то ведь уж добрый конь!
А нес-то ты сюды меня три месяца,
Неси-тко нунь домой меня во три часу».
Приправливал Михайлушка добра коня,
Пошол ён, поскакал ёго добрый конь
Реки-ты озера перескакивать,
А темной-от ведь лес промеж ног пустил,
Пришел он, прискакал да во Киев-град,
Пришел он, прискакал ведь уж в три часу.
Росседлывал коня тут, розуздывал,
А насыпал пшены белояровой,
А скоро сам бежал он на выходы высокии,
Закрычал Михайло во всю голову:
«Да ай же мои братьица крёстовыи,
Крёстовыи вы братьица названыи,
Ах старыи казак ты, Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
А подьете-тко вы к брату крестовому

А на тую на думушку великую!»
Как тут-то ведь уж братьица справлялися,
Тут-то оны удалы снаряжалися,
Приходят оны к брату крёстовому,
К молоду Михайлы да к Потыку:
«Ай же брат крёстовый наш названыи,
А ты чего крычишь, нас треложишь ты,
Русийскиих могучих нас богатырёв?»
Как он на то ведь им ответ держит:
«Да ай же мои братьица крёстовыи,
Крёстовыи вы братьица названыи,
Стройте вы колоду белодубову,
Идти-то мне во матушку во сыру землю́
А со тыим со телом со мертвыим,
Итти-то мне туды да на три году,
Чтобы можно класть-то хлеба-соли, воды да туды-ка-ва,
Чтобы было там мни на три году запасу-то».
Как этыи тут братьица крестовыи
Скоры́м-скоро́, скоро да скорешенько
Как строили колоду белодубову.
Как тот этот Михайла сын Иванов был
Как скоро сам бежал он во кузницу,
Сковал там он трои-ты клеща-ты,
А трои прутья еще да железныи,
А трои еще прутья оловяныи,
А третьи напослед еще медныи.
Как заходил в колоду белодубову
А со тыим со телом со мертвыим,
Как братьица крестовы тут названыи
Да на́били оны обручи железныи
На тую колоду белодубову.
А это тут ведь дело да деется
А во тую в суботу в Христовскую.
Как тут эты старыи казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Микитинич,
А братья что крёсто́выи названыи,
Копали погреб тут оны глубокии,
Спустили их во матушку в сыру землю,
Зарыли-то их в желты пески.
Как там было Змея подземельная,
Ходила там Змея по подзе́мелью,
Приходит к той колоды белоду́бовой,
Как раз она Змея тут да дернула,

А обручи на колоды тут лопнули.
Дру́гой-от раз еще она й дернула,
А ряд-то ёна тёсу тут сдернула
А со тыи колоды белодубовой.
Как тут-то ведь Михайлы не дойдет сидеть,
А скоро как скочил он тут на ноги,
Хватил-то он тут клещи железныи.
Как эта Змея тут подземельная
Третий еще раз она дернула,
Остатний-то ряд она сдернула.
Как тут Михайла с женой споказалися,
Да тут тая Змея зрадовалася:
«А буду-то я нуньчу сытая,
Сытая змея, не голодная.
Одно есте тело да мертвое,
Друга жива головка человеческа!»
Как скоро тут Михайло сын Иванович
Захватил Змею ю во клещи-ты,
Хватил он тут-то прутья железныи,
А почал бить поганую ю в одноконечную.
Как молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
А принесу я ти живу воду́ да в три году».
Как бьет-то Змею в одноконечную.
Как молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
А я принесу я-то живу воду да в два году». —
«Да нет, мне, окаянная, все так долго ждать!»
Как бьет-то Змею в одноконечную.
Как молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
Принесу-то я тебе живу́ воду́ в один-то год».
А росхлыстал он прутья-то железныи
О тую Змею о проклятую,
Хватил он тут-то прутья оловянныи,
А бьет-то он Змею в одноконечную.
Как молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
Принесу тебе живу́ воду я в полгоду». —

45 Зак. 3427

«А нет, мне, окаянна, все так долго ждать».
А бьет-то он Змею в одноконечную.
Молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
А принесу живу воду в три месяца». —
«А нет-то, мне, поганая, все долго ждать!»
А бьет-то он Змею в одноконечную.
А молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
А принесу живу воду в два месяца». —
«А нет-то, мне, поганая, все долго ждать!».
А бьет-то он Змею в одноконечную,
А росхлыстал он прутья оловянныи,
Хватил-то он прутья да медныи,
А бьет-то он Змею в одноконечную.
Молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
А принесу я ти живу воду а в месяц-то». —
«А нет, мне, окаянная, все так долго ждать!»
А бьет-то он Змею в одноконечную.
Молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей-ко ты Змеи, не кровавь меня,
Принесу я ти живу воду в неделю-то». —
«А нет, мне, окаянна, все так долго ждать!»
А бьет-то он Змею в одноконечную
Молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
А принесу я ти живу́ воду в три-то дни». —
«А нет, мне, окаянна, все так долго ждать!»
А бьет-то он Змею в одноконечную.
Молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Принесу я ти живу́ воду в два-то дня». —
«А нет, мне, окаянная, все так долго ждать!»
А бьет-то он Змею в одноконечную,
Молится Змея тут, покланяется
А говорит Змея да таково слово:
«А принесу живу воду в один-то день». —
«А нет, мне, окаянна, все так долго ждать».

Как бьет-то он Змею в одноконечную,
А молится Змея тут, покланяется:
«Молодой Михайло Потык сын Иванович!
Не бей больше Змеи, не кровавь меня,
Принесу я ти живу воду в три часу».
Как отпускал Михайло сын Иванов был
Как этую Змею он поганую.
Как взял в заклад к себи змеёнышов,
Не спустил их со Змеей со поганою.
Полетела та Змея по подземелью,
Принесла она живу воду в три часу.
Как скоро тут Михайла сын Иванов был
Взял он тут да ведь змеёныша,
Ступил-то он змеёнышу на ногу,
А как роздернул-то змеёныша надвое,
Приклал-то ведь по-старому в одно место,
Помазал-то живой водой змеёныша,
Как сросся-то змеёныш, стал по-старому,
А в другиих помазал — шевелился он,
А в тре́тьиих-то збрызнул — побежал-то как.
Как го́ворит Михайла таково слово:
«Ай же ты, Змея да поганая!
Клади же ты да заповедь великую,
Чтобы ти не́ ходить по подземелью,
А не съедать-то бы тел ти мертвыих».
Как клала она заповедь, поганая, великую:
А не ходить больше по подземелью
А не съедать бы тел да ведь мертвыих.
Спустил-то он поганую, не ранил ли.
Как скоро тут Михайло сын Иванов был,
Збрызнул эту Марью Лебедь Белую
Живой водой да ю да ведь этою,
Как тут она еще да ведь вздро́гнула.
Как дру́гой раз збрызнул — она сидя села-то,
А в третьиих-то он збрызнул — она повыстала,
А дал воды́-то в рот — она заговорила-то:
«Ах мо́лодой Михайла Потык сын Иванович!
А долго-то я нунечку спала-то». —
«Кабы не я, так ты ведь век бы спала-то,
А ты ведь да Марья Лебедь Белая».
Как тут-то ведь Михайлушка роздумался,
А как бы им повытти со сырой земли?
Как думал-то Михайлушка, удумал он,

А закрычал Михайла во всю голову.
Как этоё дело-то ведь деется,
Выходит что народ тут от заутренки Христосскии
На тую на буевку да на ту сыру землю,
Как ино ведь народ еще приуслухались,
А что это за чудо, за диво есть,
Мертвыи в земли закрычали вси.
Как этыи тут братьица крестовыи,
Старыи казак да Илья Муромец,
Молодой Добрынюшка Микитинич
В одно место оны сходилися,
Сами тут оны ведь уж думу думают:
«А, видно, наш есть братец был крестовыи,
А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
А со тыим со телом со мертвыим,
А ён крычит ведь там громким голосом». —
Как скоро взымали лопаты железныи,
Бежали тут оны да на яму-ту,
Розрыли как оны тут жолты пески,
Ажно там оны да обы́ живы.
Как тут выходил Михайло из матушки сырой земли,
Скоро он тут с братцами христоскался.
Как начал тут Михайлушка жить да быть,
Тут пошла ведь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,
Как есть-то есте Марья Лебедь Белая,
Лебедушка там белая, дочь царская,
А царская там дочка мудреная,
Мудрёна она дочка бессмёртная.
Как на эту на славушку великую
Приезжает тут этот прекрасный царь Иван Окульевич
А со своей со силою великою
А на тот-то да на Киев-град.
Как на ту пору было, на то времечко
Богатырей тут дома не случилоси,
Стольки тут дома да случился
Молодой Михайла Потык сын Иванович.
Как тут-то ведь Михайлушка сряжается,
А тут-то ведь Михайло снаряжается
Во далечо еще во чисто́ поле,
А драться с той со силой великою.
Подъехал тут Михайло сын Иванов был,
Прибил он эту силу всю в три часу.

Воротился тут Михайлушка домой он во Киев-град,
Да тут-то ведь Михайлушка он спать-то лег,
Как спит он, молодец, проклаждается,
А над собой незгодушки не ведает.
Опять-то приезжает тот прекрасный царь Иван Окульевич
Больше того он со силой, с войском был,
А во тот-то, во тот да во Киев-град.
А начал он тут Марьюшку подсватывать,
А начал он тут Марью подговаривать:
«Да ай же ты да, Марья Лебедь Белая!
А ты поди-ко, Марья, за меня замуж,
А за царя ты за Ивана за Окульева!»
Как начал ульщать ю, уговаривать:
«А ты поди, поди за меня замуж,
А будешь слыть за мной ты царицею,
А за Михайлом будешь слыть не царицею,
А будешь-станешь слыть портомойница
У стольняго у князя у Владимира».
Как тут она еще да подумала:
«А что-то мне-ка слыть портомойница,
А лучше буде слыть мне царицею
А за тым за Иваном за Окульевым».
Как ино тут она еще на то укидаласи,
Позвалась, пошла за ёго́ замуж.
Как спит-то тут Михайло, проклаждается,
А ничего Михайлушко не ведает.
А тут-то есть его молода жена,
А тая-то ведь было любима́ семья,
А еще она, Марья Лебедь Белая,
Замуж пошла за прекрасного царя-то за Окульева.
Поехал тут-то царь в свою сторону.
Как ото сну богатырь пробуждается,
Молодой Михайла Потык сын Иванович.
Как тут-то ёго братьица приехали,
Старыи казак да Илья Муромец
А молодой Добрынюшка Микитиниц.
Как начал он у их тут доспрашивать,
Начал он у их тут доведывать:
«Да ай же мои братьица крестовыи,
Крёстовыи вы братьица названыи!
А где-то есть моя молода жона,
А тая-та ведь Марья Лебедь Белая?»
Как тут ёму оны воспроговорят:

«Как слышали от князя от Владимира,
Твоя-то там есте молода жена
Она была ведь нунечку замуж пошла
А за царя-то за Ивана за Окульева».
Как он на то ведь им ответ держит:
«Ай же мои братьица крестовыи!
Поедемте мы, братьица, за им след с угоною!»
Говорят ему таково слово:
«Да ай же ты, наш братец крестовый был!
Не честь-то нам хвала, молодцам,
А ехать за чужой женой еще след с угоною.
Кабы ехать нам-то ведь уж след тобя,
Дак ехали бы мы след с угоною.
А едь-ко ты один, доброй молодец,
А едь-ко, ничего да не спрашивай,
А застанешь ты ведь их на чистом поли,
А отсеки ты там царю да головушку».
Поехал тут Михайла след с угоною,
Застал-то ведь уж их на чистом поли.
Как этая тут Марья Лебедь Белая
Увидала тут Михайлушку Потыка,
Как тут скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныих.
Подходит тут к Михайлы да к Потыку:
«Ах молод-то ты, Михайла Потык сын Иванович!
Меня сило́м везет да прекрасный царь Иван Окульевич.
Как выпей-ко ты чару зелена вина
Со тоски-досады со великии!»
Как тут этот Михайла сын Иванович
Выпивал он чару зелена вина,
А по другой да тут душа горит,
Дру́гую-то он выпил да ведь третью вслед.
Напился тут Михайла он до́пьяна,
Пал-то на матушку на сыру землю.
Как этая тут Марья Лебедь Белая
А говорит Ивану таково слово:
«Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!
А отсеки Михайлы ты головушку».
Как говорит Иван тут таково слово:
«Да ах же ты, да Марья Лебедь Белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая
А соннаго-то бить что мни мертваго.
А лучше он проспится, протверезится,

Дак буду я бить-то ёго силою,
Силою я, войском великиим,
А будет, молодцу, мне тут честь-хвала».
Как тут она еще да скорым-скоро
Приказала-то слугам она верныим
А выкопать что яму глубокую.
Как слуги ёй тут да верныи
Копали оны яму глубокую,
Взимала тут Михайлу под пазухи,
Как бросила Михайла во сыру землю,
А приказала-то зарыть его в песочики жолтыи.
Как ино тут вперед оны поехали,
Оставался тут Михайла на чистом поли.
Как тут-то у Михайлы ведь добрый конь
А побежал ко городу ко Киеву,
А прибегал тут конь да во Киев-град,
А начал он тут бегать да по Киеву.
Увидли-то как братья тут крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитинич
А старыи казак тут Илья Муромец,
Самы как говорят промежу собой:
«А нет жива-то братца же крестоваго,
Крестоваго-то братца названаго,
Молода́ Михайлушки Потыка».
Садились тут оны на добрых коней,
Поехали они вслед с угоною.
А едут тут оны по чисту поли,
Михайлин еще конь наперед бежит.
А прибегал на яму на глубокую,
Как начал тут он ржать да копьем-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Как смотрят эты братьица крестовыи:
«А, видно, этта братец наш крестовый был,
А молодой Михайла Потык сын Иванович».
Как тут-то ведь оны да скорым скоро
Копали эту яму глубокую,
А ён-то там проспался, прохмелился, протверезился.
Скочил-то тут Михайла на резвы́ ноги,
Как го́ворит Михайла таково слово:
«Ай же мои братьица крестовыи!
А где-то есте Марья Лебедь Белая?»
Говорят тут братья таково слово:
«А тая-та ведь Марья Лебедь Белая —

Она-то ведь уж нунечку замуж пошла
А за прекрасного царя да за Окульева». —
«Поедемте мы, братьица, с угоною!»
Как говорят оны тут таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
А ехать нам за бабой вслед с угоною,
А стыдно нам буде да похабно е.
А едь-ко ты один, добрый молодец,
Застанешь-то ведь их ты на чистом поли
А ничего больше ты не следуй-ко,
А отсеки царю ты буйну голову,
Возьми к себе ты Марью Лебедь Белую».
Как тут-то он, Михайлушка, справляется,
Как скоро след с угоной снаряжается.
Застал-то их опять на чистом поли,
А у тых росстанок у крестовскиих,
А у того креста Леванидова.
Увидла тая Марья Лебедь Белая
Молода Михайлу тут Потыка,
Как говорит она таково слово:
«Ай же ты, прекрасный царь Иван Окульев ты!
А не отсек Михайлы буйной головы,
А отсекет Михайла ти головушку».
Как тут она опять скорым-скоро
А налила питей еще сонныих,
Подносит-то Михайлушки Потыку,
Подносит-то, сама угоовариват:
«А как меженный день не может жив-то быть,
Не может жив-то быть да без краснаго солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайла Потык сын Иванович,
А не могу-то я не есть, не пить,
Не есть, не пить, не могу больше жива быть
А без тобя, молодой Михайла Потык сын Иванович.
А выпей-ко с тоски, нунь с кручинушки,
А выпей-ко ты чару зелена вина!»
Как тут-то ведь Михайлушка на то да укидается,
А выпил-то он чару зелена вина,
А выпил — по другой душа горит,
А третью-то он выпил — сам пьян-то стал,
А пал на матушку на сыру землю.
Как тая-эта Марья Лебедь Белая
А говорит-промолвит таково слово:
«Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!

А отсеки Михайлы буйну голову,
Полно тут Михайлы вслед гонятися».
А говорит тут он таково слово:
«Ай же ты, Марья Лебедь Белая!
А соннаго-то бить что мне мертваго.
А пусть-ко он проспится, прохмелится, протверезится,
А буду ведь я его бить войском-то,
А рать-то я ведь силушкой великою».
Она ему на то ответ держит:
«Прибьет-то ведь силу-ту великую».
Опять-то царь на то не слагается,
А поезжат-то царь да вперед опять.
Как этая тут Лебедь Белая
Взимала тут Михайлушку Потыка,
Как бросила Михайлу через плечо,
А бросила, сама выговариват:
«А где-то был удалой добрый молодец,
А стань-то бел-горючии камешок,
А этот камешок пролежи да поверх земли три году,
А через три году проди-ко он скрозь матушку скрозь сыру землю».
Поехали оны тут вперед опять,
А приезжали в эту Землю Сарацынскую.
Как познали тут братьица крестовыи,
Старыи казак тут Илья Муромец,
А молодой Добрынюшка Микитинич,
А не видать что братца есть крестоваго,
Молода Михайлы Потыка Иванова,
Самы тут говорят промежу собой:
«А нам искать-то братца нам крестоваго,
А молода Михайлу Потыка Ивановича».
Как справились ёны тут каликамы,
Идут оны путем да дорожкою,
Выходит старичок со сторонушки:
«А здравствуйте-тко, братцы добры молодцы,
А старыи казак ты Илья Муромец
А молодой Добрынюшка Микитинич!»
А он-то их знает да оны не знают кто.
«А здравствуй-ко, ты еще дедушка!» —
«А Бог вам по пути, добрым молодцам.
А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
Во товарищи вы возьте, в атаманы вы».
Как тут-то оны ведь думу думают,
Самы-то говорят промежу собой:

«Какой-то есть товарищ еще нам-то был.
А гди ёму да гнаться за намы-то...
А ради мы ведь, дедушко, товарища».
Пошол рядо́м с има́ тут дедушко,
Пошол рядо́м еще наперед-то их.
А стали как ёны оставлять бы,
Одва-то старичка на виду ёго держат-то.
Как тут пришли в Землю́ в Сарацынскую,
К прекрасному к царю да к Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамеёвной.
Как стали тут оны́ да рядом еще,
Закрычали тут оны́ во всю голову:
«Ай же ты, да Марья Лебедь Белая,
Прекрасныи ты царь Иван Окульев был!
А дайте нам злату еще мило́стину спасе́ную».
Как тут-то в Земли Сарацынскии
Теремы во царстви пошатались,
Хрустальнии оконницы посыпались
А от того от крику от каличьяго.
Как тут она в окошко по по́ясу бросалась,
А этая-то Марья Лебедь Белая,
А смотреть-то калик что перехожиих.
А смотрит, что сама воспрого́ворит:
«Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!
А это не калики, есте русскии бога́тыри:
Старыи казак Илья Муромец!
А молодой Добрынюшка Микитич он,
А третей я не знаю какой-то е.
Возьми калик к себи, ты корми-пои». —
Взимали тут калик да к себе оны
А во тую полату во царскую,
Кормили-то, поили калик оны досыти,
А досыти кормили их да до́пьяна;
А на́дали им злата тут, серебра,
Насыпали-то им да по по́дсумку.
Как тут оны пошли назад еще добры молодцы
К стольнёму ко городу ко Киеву,
А отошли от царства ровно три версты,
Забыли оны братца что крестоваго,
А молода Михайлу Потыка Иванова.
Как о́тошли оны, затым вспомнили:
«Зачим-то мы пошли, а не то сделали,
Забыли-то мы братца-то крестоваго,

Молода Михайлу Потыка Иванова».
Как тут скоро назад ворочалися,
Самы тут говорят таково слово:
«Ай же ты, да Марья Лебедь Белая!
Куды девала ты да братца-то крестоваго,
А молода Михайлушку Потыка?»
Как тут она по поясу в окошко-то бросалася,
Отвечат-то им таково слово:
«А ваш-то есте братец крестовыи
Лежит он у росстанок у крестовскиих,
А у того креста Леванидова,
А белыим горючиим камешком».
Как тут оны поклонились, воротилися,
Как тут пошли путем да дорогою;
Смотрят, ищут братца-то крестоваго,
Проходят оны братца-то крестоваго,
Как этая калика перехожая
А говорит тут им таково слово:
«Ай же вы, да братья все крестовыи!
Прошли да вы что братца есть крестоваго,
А молода Михайлу Потыка Иванова».
Как тут-то воротился старичок тот был,
Приводит этых братьицов крестовыих
Ко тому горючему ко камешку,
Да говорит тут старичок таково слово:
«А скидывайте-ко вы, братцы, с плеч подсумки,
А кладьте вы еще на сыру землю,
А высыпайте вы да злато-серебро,
А сыпьте-тко все вы в одно место».
Как высыпали злато они серебро
А со тыих, со тых да со по́дсумков,
А сы́пали оны тут в одно место.
Как начал старичок тут живота делить,
Делит он на четыре на части бы.
Как тут-то говорят оны таково слово:
«Ай же ты, да дедушко древный был!
А что же ты живот делишь не ладно бы,
А на четыре-то части не ровно́-то бы?»
Как говорит старик тут таково слово:
«А кто-то этот здынет да камешок,
А кинет этот камень через плечо —
Тому две кучи да злата-серебра».
А посылат Ильюшенка Добрынюшку

А приздынуть тот камешок горючии.
Скочил-то тут Добрынюшка Микитинич-он,
Хватил он этот камень, здынул его,
Здынул-то столько до колен-то он,
А больше-то Добрынюшка не мог здынуть.
А бросил этот камень на сыру землю.
Подскакивал ведь тут Илья Муромец,
Здынул он этот камень до пояса,
Как больше-то Ильюшенка не мог здынуть.
Как этот старичок тут подхаживал
А этот-то ён камешок покатывал,
А сам он камешку выговаривал:
«А где-то был горючий белой камешок,
А стань-ко тут удалый доброй молодец,
А молодой Михайла Потык сын Иванович,
Подлекчись-ко, Михайлушка, лекким-лекко!»
Взимал-то ён да кинул через плечо,
А назади там стал удалый доброй молодец,
Молодой Михайла Потык сын И⟨ванович⟩.
Как тут-то старичок им спроговорит:
«Ай же вы, бога́тыри русьскии!
А я-то есть Микола Можайскии,
А я вам пособляю за веру-отечество
А я-то вам есть русскиим богатырям».
Да столько оны видли старичка тут бы.
Как строили оны тут часовенку
Тому оны Миколы Можайскому.
Как тут этот Михайло сын Ив⟨анович⟩
А говорит-то им таково слово:
«Ах же мои братьица крестовыи!
А где-то есть моя молода жена,
А тая-та ведь Марья Лебедь Белая?»
Как говорят оны таково слово:
«Твоя-та еще есть молода жена
Замуж пошла за царя за Ивана за Окульева».
Как говорит он им таково слово:
«Пойдемте-ко мы, братцы, вслед с угоною».
Как говорят оны таково слово:
«Не честь-то нам хвала молодецкая
Итти нам за чужой-то жопой ведь за бабьею.
Как мы-то за тобой, доброй молодец,
Идем-то мы да в след-то с угоною.
Поди-тко ты один, доброй молодец,

А ничего не следуй-ко, не спрашивай,
А отсеки царю ты буйну голову,
Тут возьми ты Марью Лебедь Белую».
Как скоро шол Михайло-он Потык-тот,
А приходил в Землю Сарацынскую,
Идет-то он к полаты ко царскии.
Увидла тая Марья Лебедь Белая,
Как налила питей она сонныих
А тую эту чару зелена вина,
Сама тут говорит таково слово:
«Прекрасный ты царь, Иван Окульев, был!
А не отсек Михайлы буйной головы,
А он-то нонь, Михайлушка, живой-то стал».
Как тут она подходит близешонько,
А клонится Михайлы понизешенько:
«Ах ты, молодой Михайла Потык сын Иванович!
Сило́м увез прекрасный царь Иван Окульевич.
Как нунечку еще было топеречку
Меженный день не может жив-то быть
А без того без краснаго без солнышка,
А так я без тебя, молодой Михайла Потык сын Иванович,
А не могу-то я да ведь жива быть,
А жива быть, не могу-то есть, ни пить.
Топерь твои уста были печальнии,
А ты-то ведь в великой во кручинушки,
А выпей-ко с тоски ты со досадушки
А нунечку как чару зелена вина».
Как выпил-то он чару — по другой душа горит,
А дру́гу выпил, еще третью след.
Напился тут Михайлушка допьяна,
Пал он тут на матушку на сыру́ землю.
Как этая тут Марья Лебедь Белая
А говорит-промолвит таково слово:
«Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!
А отсеки Михайлы буйну голову».
А говорит-то царь таково слово:
«Да ай же ты, Марья Лебедь Белая!
Не честь-то мне хвала молодецкая
А бить-то мне-ка соннаго, что мертваго,
А лучше пусть проспится, прохмелится, протверезится,
А буду бить ёго я ведь войском-тым
А силушкой своёй я великою.
Как я ёго побью, а мне-ка будет тут честь-хвала

По всёй орды еще да селенныи».
Как тут-то эта Марья Лебедь Белая
Бежала ведь как скоро в кузницу,
Сковала тут ёна да ведь пять гвоздов,
Взимала она молот три пуда тут,
Хватила тут Михайлу как под па́зухи,
Стащила что к стены-то городовыи,
Роспялила Михайлу она на стену,
Забила ёму в ногу да гвозд она,
А в дру́гую забила другой она,
А в руку-то забила ёна, в другу так,
А пятой-от гвозд ена обронила-то.
Как тут она еще да Михайлушку
Ударила ведь молотом в бело лицо,
Облился-то он кровью тут горючею.
Как ино тут у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А было-то сестрица да родная,
А та-эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тут по городу.
Приходит ко стены к городовыи,
А смотрит — тут задёрнута черна́я за́веса,
Завешан тут Михайлушко Потык он.
Как тут она ведь за́весы отдернула,
А смотрит на Михайлушку Потыка.
Как тут он прохмелился, добрый молодец,
Как тут ему она воспроговорит:
«Молодой Михайла Потык сын Иванович!
Возьмешь ли ты меня за себя замуж?
А я бы-то тебя да избавила
А от тыи от смерти безнапрасныи». —
«Да ай же ты, Настасья Окульевна!
А я тебя возьму за себя замуж!»
А клал-то ён тут заповедь великую.
Как этая Настасья тут Окульевна
Скорым-скоро бежала в кузницу,
Взимала она клещи там железныи,
Отдирала от стены городовыи
А молода́ Михайлушку Потыка.
Взимала там она с тю́рьмы грешника,
На место да прибила на стену городовую,
Где висел Михайлушка Потык-тот,
А утащила тут Михайлушку Потыка
В особой-то покой, да в потайныи.

Как взяла она на́добей здравыих,
Скорым-скоро излечила тут Михайлушку.
Сама тут говорит таково слово:
«Ай же ты, Михайла сын Иванов был!
А наб-то теби латы и кольчуги нунь,
А наб-то те́бе сабля-та вострая,
А палица еще богатырская,
А наб-то тебе да добра коня?» —
«Ай же ты, Настасья Окульевна!
А надо, нужно, мне-ка-ва надо ведь!»
Как тут она да скорым-скоро, скорешенько
Приходит да ко родному братцу-то:
«Ай же ты, мой братец родимыи,
Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!
А я-то, красна девушка, нездрава е.
Ночесь мне во́ сне-ви́деньи казалось ли,
Как дал ты уж мне бы добра́ коня,
А латы-ты уж мне-ка, кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Саблю да во-третьих вострую,
Да здрава-то бы стала красна девушка».
Как он ей давал латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Давает в-третьиих саблю-ту вострую,
Давал он ей еще тут добра коня,
Добраго коня богатырскаго.
Как тут она сокрутилась, обладилась,
Обседлала коня богатырского,
Как отъезжала тут она на чисто поле,
Говорила-то Михайлушки Потыку,
Как говорила там она ему в потай еще:
«Приди-ко ты, Михайла, на чисто поле,
А дам я теби тут добра коня,
А дам теби латы, кольчуги вси,
А палицу еще богатырскую,
А саблю еще дам я ти вострую».
А отходил Михайла на чисто поле,
А приезжат Настасья-то Окульевна
На тоё на то на чисто поле
А ко тому Михайлушки к Потыку,
А подават скоро ему тут добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскии,

А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился тут Михайлушка богатырем.
Как тут эта Настасья Окульевна
Бежала-то она назад домой скорым-скоро,
Приходит-то ко родному братцу-то:
«Благодарим-те тéбя, братец мой родимыи!
А дал-то ведь как ты мне добра коня,
А палицу ты мни богатырскую,
А саблю ты мне-ка да вострую,
А съездила я ведь прогуляласе,
Стала здрава я ведь нуньчу, красна девушка».
Сама она подвыстала на печку тут.
Как едет молодой Михайла Потык сын Иванович
Как на тоем на том добром кони.
Увидла тая Марья Лебедь Белая.
Как ино тут подъезжает Михайло сын Иванович
Ко тыи полаты ко царские,
Как говорит-то Марья Лебедь Белая:
«Прекрасныи ты царь, Иван Окульевич!
Згубила нас сестра твоя родная,
А та-эта Настасья Окульевна».
Как тут эта Настасья Окульевна —
Скоро она с печки опущаласе.
Как тая эта Марья Лебедь Белая
А налила питей опять сонныих,
А налила она тут, подходит-то
А ко тому Михайлушки Потыку:
«Ах молодой Михайла Потык сын Иванович!
Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
Не может-то меженный день а жить-то быть
А жить-то быть без краснаго без солнышка,
А так я без тобя, а мóлодой Михайла сын Иванович,
Не могу-то я ведь жива быть,
Не есть, не пить, не жúва быть.
Как топерь твои уста нунь печальнии,
Печальнии уста да кручиннии,
А выпей-ко ты чару зелена вина
Со тыи тоски, со досадушки,
А со досады с той со великии».
А просит-то она во слёзáх ёго,
А во тых во слёзах во великиих.
Как тут-то ведь Михайлушка Потык-он
Занес-то он праву руку за чару-то,

Как тут эта Настасья Окульевна
А толкнула ёна ёго по́д руку —
Улетела тая чара далечохонько.
Как тут молодой Михайла Потык сын Иванович
Наперед отсек-то Марьи буйну голову.
Потом отсек царю да прекрасному Ивану Окульеву.
А только-то ведь им тут славы поют —
А предал-то он им да горькую смерть.
Как скоро взял Настасью Окульевну,
А взял он, взял ведь ю за себя замуж.
Пошли оны во церковь во Божию,
Как приняли оны тут златы венци.
Предался тут Михайлушка на царство-то,
А стал-то тут Михайлушка царить-то, жить
А лучше-то он стараго да лучше прежного.

№ 310

МИХАЙЛО ПОТЫК

А пошол-то тут Добрыня Никитинец
А во свои-то да во полатоцьки,
А со своей-то Настасьей Миколицьной,
А пошол он да домой-то ведь.
А на дру́гой день ведь Владимир стольно-киевский,
А задернул он да почестный пир
А ради князей да ради бо́яр ведь,
А ради сильниих могучиих бога́тырей.
А вси-то на пиру наедаютсе,
А вси-то на пиру напиваютсе,
А вси-то на пиру да порасхвастались.
А е́дный хвастает добры́м конем,
А е́дный хвастает своёй силою,
Своёй силушкой да богатырскою,
А ухваткоей да молодецкою.
А Михайло По́тык сын Иванович
Как он хвастает да выхвастыват:
«Уж как был я у Вахрамея-то,
У царя да Вахрамева-то,
Повыиграл сорок телег да сорок ордынскиих,
Сорок телег злата да се́ребра.
А повез домой да телеги-то,

46 Зак. 3427

А телеги тут да сломилисе,
А загреб-то злато да вместе се́ребро
А во погребы да видь глубокие,
А поставил караул да ведь их хранить,
Это злато видь да ведь се́ребро,
Чтоб тут оно да видь не кончилось».
А говори́т-то князь да воспрого́ворит:
«Ай же ты, Мехайло Потык сын Иванович,
Выиграл ты много у короля ведь,
У царя-то Вахрамея Вахрамеева.
А ему как ведь должен был
Сорок телег да ордынских,
Проиграл-то сорок-то телег да я ордынскиих.
А ты отдай назад злато, се́ребро —
А не набно ведь везти туда.
(*Кстати проведал.*)
Я теби отдам-то видь, теби в городи во Киеви».
А так как ведь Михайла Потык сын Иванович,
Да тут как он да призадумалсе:
«Как тут-то попал я в петлю тонковатую —
Я напрасно тут да похвасталсе».
А ни́гди сидит да утешивать,
Скоро он да видь справляетсе,
А справляется да снаряжается.
А поехал-то ко грязи ко чорныей,
А ко той ко ко́рбы ко дремучии,
А как ехал к Вахрамею-то,
Вахрамею тут да Вахрами́еву.
А не доежжал-то до города до Киева,
А не доежжал-то до царя до Вахрамея-то,
Не доежжал до царства Вахрами́ёва.
А как тут-то ложись спать.
А развернул он шатер белополо́тняной.
«А ведь-то не то́мному, да ведь голодному.
Я поем, попью, да я покушаю,
Белой лебеди да я порушаю,
А поеду потом ко царю-то ведь».
А поел, попил, да видь покушал видь,
А видь спать-то лег да видь крепко спит,
А видь спит-то он да трои сутоцьки,
Трои сутоцьки да не пробудитсе.
А Настасья бы́ла Лебедь Белая,
А ходила видь она да видь по за́тресью,

А по за́тресью да видь по за́водью
Белой тут она да лебедушкой,
А ходила видь, гуляла ровно три году́.
А и говорит ёна́ Вахрамею-то:
«А и ты ведь, ро́дной да видь и папинька,
Ах, как хожу да кра́сна де́вица
По цисту́ поли́ю да ровно три году́».
Тут говорит-то видь ро́дный ведь папинька:
«Гля тебя видь, доценька родимая,
А гуляй-ходи да кра́сна де́вица».
А тут идет-то ведь шагом-то,
А ведь няньки-то, служанки во весь-то ход —
А не могут они догнать-то ю.
Они няньки-то, служанки изумилисе,
А она-то им да поклониласе:
«Вы отправьтесь-ко да ведь топерь домой,
Не догнать ведь меня, да красной девицы».
А ведь няньки-ты, служанки послушалисе,
А ведь няньки-ты, служанки поклонилиси,
А назад оны да воротилисе,
Воротилися назад да видь к царю-то видь,
А видь она пошла видь да путем своем.
Как ведь видит да во чисто́м поли́
А шатер-то видь белополо́тняный —
А как видь сма́хнетсе да видь розма́хнетсе,
А видь сойдетсе да видь разо́йдетсе.
А в себя вдохнит бога́тырь, — да вместе со́йдетсе,
От себя сдохнёт — шатер расправитсе.
А пришла к шатру да остояласе.
А напал как конь да коня лягне́т,
Сыра мать-земелюшка продрагиват.
А как тут он да от большого сну да пробуждаетсе,
А Михайлушка да пометаетсе,
Говорит-то ведь таковые слова:
«Ах ты, волчья выть да травяной мешок,
Не видал ты свисту змеиного?
Что же ты да видь пугаешьсе,
А не дашь-то да нисколько видь,
А нисколько видь да отдохнуть топерь?»
А со шатра да видь он повыскочил,
Поглядел, — как никого да нет;
Как око́л шатра да пошол-то видь —
А стоит-то красная де́вица ненаглядная.

А хотел ю обнимать да ю чёлова́ть.
«А не целуй-ко ты меня, да красной девицы.
А есть я веры да ведь не вашеей,
Есть я веры да поганыей.
А вези ты меня да ведь во Киев-град,
Мы с тобой да повенцаемсе.
Станем жить да поживать, да до́бра на́живать».
А тут садился Михайла на добра́ коня,
Посадил тою́ да кра́сну де́вицю.
«Только я пойду во то́е замушесьво —
А кто у нас ведь наперед помрёт,
То итти во матушку во сыру́ землю,
А со тым со телом со ме́ртвыим,
А итти туда да ровно три году́».
А садился он да на добра́ коня,
Тут оны с ёй да обручалисе.
А пожил времечка немножечко.
Посылал его князь да ведь Владимир-от...
(*Знать, ехать недосуг*!)
А ведь простился с Настасьей Вахрамеевной,
А поехал он да опять туда,
А ко той ко корбы ды ко темныей,
А ко той ко грязи да ведь черныей,
А приехал прямо к Вахрамию Вахрамиеву,
А приехал да ведь прямо-то.
Он не спрашивал у ворот да приворотницьков
У дверей-то он да придверницьков,
А скакал ведь через стены-ты,
Через стены-ты да городо́вые,
Через башни ты да наугольные,
Наугольные да что небо́льшие,
Становил коня да середи двора,
Не расседлывал да не разнуздывал,
А прямо шел в полатушки да белокаменны.
А крест-то клал по-писа́ному,
А поклон-то вел по-ученому,
А на все четыре да ведь стороны,
Вахрамию Вахрамиеву в особину.
«А ведь царь ты, Вахрамий Вахрамиевич,
Ты играть ловкой во доски-ты,
Ай во доски ты да видь во шахматны,
В дорогие леги́ золо́ченые.
А ведь я таков же играть, как ты».

А тот как Вахрамий да Вахрамиевич:
«А давно ведь не видал игрока-то ведь».
Говорит-то ведь Михайло Потык сын Иванович:
«А меня-то ведь нет ни злата, не се́ребра,
А ведь нет ни скачного жемчуга,
А ведь нет ни чистого да золота,
А насыпа́й-ко ты сорок телег да ордынскиих.
Если я ведь тут я проиграю —
Я буду служить тебе да ровно три году́,
А без дани я, да ведь без пошлины».
(*Игра недешевая*!)
А порядил-то Вахрамий да Вахрамиевич.
Насыпа́л ведь сорок телег да ведь ордынскиих,
А давай играть да ведь проигрывать.
Проиграл Вахрамий да Вахрамиевич
Сорок-то телег да ведь ордынскиих.
«А ведь то взамен возьмет Владимир-князь.
А ведь он проиграл сорок телег теби́.
А это будет тут заменено́-то ведь,
А мени платить велел-то видь —
Роспишись-ко ты да своий рукой».
А тут Вахрамей да Вахрамиевич,
А его-то ведь тут спораздо́рило.
«А давай-ко поставлю да сорок телег,
Послужи-тко мне да ровно три году́.
А ведь тут-то верой-правдою.
А теперь-то видь давай играть».
А опять стали играть-поигрывать.
Проиграл сорок телег да ведь ордынскиих,
Говорит да царь-то да Вахрамеевич:
«Я насыплю ведь сорок телег да ведь ордынскиих,
Ты служит-ко да мни да верой-правдою,
Ты служит-ко мне да в век-то свой».
А насыпа́л-то да он сорок телег,
Да сорок телег да все ордынскиих.
А стали играть во доски ты,
А во доски да видь во шахматны,
В дороги́ леги́ да золоченыи.
Налетел голубь да со голубкою,
А начал да ведь погуркивать,
По-человечьему высказывать:
«А ведь твоя Настасья Вахрамиевна
На ту порушку да ведь приста́вилась,

(*Померла: она была волшебница.*)
А ведь ей-то ведь живой-то нет!»
Тут как Михайла По́тык сын Иванович,
А скочил-то он да на резвы́ ноги́;
А бросал-то доску шахматную:
Теремы-то тут зашаталисе,
А хрустальные оконица ведь посы́палисе
Со того шуму да великого.
Тут-то ведь Вахрамей да Вахрамеевич,
А бежит-то он роскоракою,
Вси князья-боя́ра замертво́ лежат.
«А ты не бей-ко, Михайла Потык сын Иванович,
Не убий-ко да нас до смерти ведь.
Ты оставь-ко князей-бо́яров на си́мена!»
А от того-то ведь вси перепалисе.
А садился тут да на добра́ коня,
Ехал тут Михайло Потык сын Иванович
А во стольный видь во Киев да славный град.
А ведь его Настасья Вахромиевна,
А ведь тут она да преставиласе.
А тут Михайло Потык сын Иванович
Как велел сколотить колоду белодубову —
Двум стоять бы, двум лежать-то ведь,
Да двум ходить да ведь можно ведь.
«Ай же мои братьиця да ро́дные,
Молодой Добрыня Микитинець,
Старый козак да Илья Муромец,
Ты бери колоду белоду́бову
Двум стоять-то видь да видь двум лежать,
Да было́ ходить да гулять можно́,
А итти видь во матушку сыру́ землю,
А со тым ли со телом со мертвыим.
А ведь сделать труба да видь вы́ходна,
Чтобы можно дышать да не пёрло бы,
Не пёрло бы как видь воздухом».
А ведь сделали колоду белодубову.
А видь сел-то да видь в колоду видь,
А снесли-то да на кладби́ще видь.
А набили обручи зелезные.
А ведь тут Михайло Потык сын Иванович
Как лежал во колоде белодубовой,
А ходила ведь Змея да тут поганая,
А ходила тут сама да по подзе́мелью,

А съедала ведь тела да она мертвыи,
А схватила своим хоботом змеиным,
А сорвала три обруча́ зелезные,
А хватила другой да раз-то видь —
А Михайло Потык сын Иванович
А сковал трои кле́щи зелезныи,
А ведь трои да оловянныи,
А зелезные да ведь как медные,
А свалился ведь Михайло сын Иванович,
А другой-то раз да ухватила ведь,
А ведь сбила колоду да белоду́бовую.
Заходила видь Змея да ведь поганая:
«А теперь-то да я сы́та-то видь —
Дви головушки да видь топеричу,
Дви головушки да человичиих».
А ухватил ведь клещами да железными,
А схватил Змею да поганую,
А начал да ею исхлыстывать:
«Ай же ты, Змея да поганая,
Оживи Настасью Лебедь Белую!» —
«А оживлю Настасью Лебедь Белую.
Привезу живой воды да мертвоей,
Оживлю Настасью да в три годушка.
Оживлю Настасью Лебедь Белую». —
«Так, окаянная, мни-то долго ждать».
А начал-то ю да бить-клевать,
А как бьет-то ю да беспощадно ведь.
Тут начала она молитисе:
«А приду тебе да ведь в один-то год». —
«Так мни-ка как ведь долго ждать».
А начал ю бить беспощадно ведь,
А прибил-то прутья зелезные,
А берет-то видь оловянныи.
Так-то видь Змея да смолиласе:
«Принесу живой воды да мертвые,
Принесу-то я да видь в полгоду тут». —
«Так-то окоянная, да долго ждать».
А ведь сбил Змею да беспощадно-то.
А как ведь Змея да возмолиласе:
«Ты ведь дай-ко да времечки того,
Ты ведь дай-ко да видь три мисяца,
Оживлю Настасью Лебедь Белую». —
«А так-то, окаянная, да долго ждать».

А начал-то он да пороть-то ю.
А как тут Змея возмолиласе:
«Принесу тибе да в один мисяц-то». —
«Так-то, окоянная, да долго ждать».
А тут-то Змея да возмолиласе:
«Принесу тибе живой воды да мертвоей,
Принесу тибе да в две неделюшки». —
«Так-то, окоянная, да долго ждать».
А видь тут начал да бить-пороть-то ю.
А тут-то видь Змея да возмолиласе:
«Принесу тибе живой воды да мертвоей
Я в одну-то ведь во неделю-то». —
«Так-то, окоянная, да долго ждать».
Прихлистал ведь прутья оловянные,
А берет тут прутья да ведь медные,
А начал-то бить, давить, клевать-то ю.
А тут-то видь Змея да возмолиласе:
«Принесу живой воды да мертвые,
Принесу тибе в одну во неделюшку». —
«А видь так-то, окоянная, да видь долго ждать».
Тут она да видь молитсе:
«Дай ты мни сроку да три дня-то мне». —
«А ведь так-то, окоянна, долго ждать».
А начал-то бить да клевать-то ю.
А ведь тут Змея да возмолиласе:
«А принесу тибе живой воды да мертвые,
Принесу тибе да в двои сутоцьки». —
«А ведь так-то, окоянная, долго ждать».
А ведь тут Змея да возмолиласе,
А ведь бьет-то парень безутышно ту:
«Принесу тебе живой воды да мертвые,
Принесу тебе видь в один-то день». —
«А ступай-ка ты, Змея поганая».
А взял в залоги да с ей великие
А ведь тых змеёнышей поганыих.
(*У ей дети были с собой.*)
А тут принесла живой воды да мертвые,
Как он взял змеёнышев да разорвал,
А потом сложил змеёнышев поганыих,
Как он сбрызнул-от да раз, в перво́й —
Так они да пошевелилисе;
А другой-то раз — так живы́ стали́.
Так Настасьюшку да Вахрамиевну,

А ведь раз-то она да обрызнулась,
А в другой раз да обрызнулась,
А ведь в третий раз да обрызнулась,
А скочила она тут как на ноженьки:
«А как ведь я долго да спа́ла тут,
Будто я от сна да пробудиласе!» —
«А спала как-то ты да не пробудиласе,
А ушла бы ты да в сыру́ землю́.
Мы с тобой-то да во сыро́й земли́,
Во сыро́й земли́ да призагре́баны!»
А спустил Змею да видь поганую,
А ушла Змея да видь поганая.
А начал кричать да свистеть-то видь
Своим криком бога́тырским.
А услышали ведь братцы да крестовыи.
«А со мертвыим худо ведь жить,
Худо ведь жить да нельзя тут быть!»
Выгребали они могилушку глубокую,
Выходил-то Михайлушка отту́лечка
Со Настасьюшкой, да видь со своей женой.
А ведь стала Настасьюшка да Лебедь Белая,
Лебедь Белая, да очень хитрая,
А она видь да очень мудрая —
А она ведь все да наперед-то знат,
Наперед-то все да видь-то знат,
Наперед-то все да как продолжается,
А кому-то век да век кончается.
А прошло тут поры-времечка немножечко,
А прознал Иван да тут Окульевич:
А такая-то ведь да очень мудрая,
А Настасья, Лебедь тая Белая.
А набрал он силы да ведь великии,
А поехал он на Киев-град,
А на то село да на прекрасное —
А над Настасью взять в замужесьво.
А на то время, на ту порушку
А ведь тут Михайла Потык сын Иванович
Оседлал своего добра́ коня,
А пробил он рать-силу великую,
А Иван Окульевич назад уехал тут.
А посли того да поры-времецьки
А отъехал-то Михайло Потык да за чисты́ поля́,
За чисты́ поля́ да видь прогуливатьсе.

Набирал Иван да Окульевич
Много силы да видь великие,
А начал-то видь охаживать.
А начал Вахрамей да Вахрамиевич
А начал Настасьюшку да уговаривать:
«А поди за меня во замужесьво.
А за мною быть царицей-то,
А ведь да за этим-то за Михайлою
А ведь тебе да ни царствовать,
А не будут ти да поклонятисе».
А поехала она да видь согласиласе,
А во тот ли путь да снаредиласе
Во свою землю она да видь с этим-тым,
Да во свою землю́, да во свою орду.
Пробудился ведь со сна-то ведь
А Михайло Потык сын Иванович
Говорит-то ведь да таковы слова:
«А Настасьюшка да Вахрамиевна,
А она гулять да гди ходит теперь?» —
«А она ушла да видь в замужесьво,
За царя за Ивана за Окульевича».
А говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ай же ты, старый казак да Илья да Муромец,
Ай же ты, Добрынюшка Микитинец,
А пойдем-ко застанем бабу свово товарища,
Отсекем Ивану буйну голову,
А Ивану да тут Окульеву». —
«А не честь нам, хвала да молодецкая!
А велит ехать за бабой свово товарища —
Да тут теби да не честь-хвала!»
А садился он да на добра́ коня,
А застал-то тут как Ивана Окульева.
Говорит Настасья да Лебедь Белая:
«Ты поди, Иван Окульевич, да ляг брюхом-то ты,
Да послушай вновь ушком-то ты,
А и́дет сугонушка да видь великая,
А и́дет Михайло Потык сын Иванович,
Отсекет тебе да буйну голову».
А как ложился Иван Окульев брюхом-то видь,
А послушал-то он ушком-то видь,
А видь слышит-то он топоты великие.
«А Иван Окульевич, ложись на след —
Я пойду насре́ту да стретать его,

А дай-ко ты вина да ёдови́того,
А попоить ёго́ да ведь до́сыти,
А попоить ёго да ведь до́любби».
Как она взяла вина да ёдови́того,
Как идет-то она да поклоняется:
«Ай же ты, мой мужинёк да видь любимыи,
Ай же взя меня Иванушка Окульевич,
А повез меня да видь сило́м-то видь.
Выпей-ко ведь ты зелена́ вина,
Мы с тобой назад да видь воротимся».
А випил он да зелена́ вина-то видь,
Принапился он да пил другу́ чару́,
А другую чару́ да он выпил-то,
А ведь третью ча́ру да он выпил-то,
А тут видь он со конь-то пал,
А со коня видь пал да на сыру́ землю́,
А видь тут Настасья Лебедь Белая:
«Отсекем ему да буйну голову!»
А Иван Окульевич говорит-то видь:
«Не секи ему да буйну голову —
Не честь-хвала бить будто сонного,
Сонного-то бить, да будто мертвого,
А проспится он да протре́звится,
А тогда видь можно и побить его».
А выкопали тут как яму-то глубокую,
А бросали ведь его в яму то глубокую.
А ведь конь его бежал во Киев-град во стольныей,
Убежал ко городу ко Киеву,
А напал ведь конь на сиделышки,
А ведь бегать-рыскать на пустом-то ведь,
На седёлышки на богатырскоем.
А садилисе да на добры́х коней,
Прибежали-то на могилушку странную,
А выгребали они могилушку этую,
Оттрясли-то они видь Михайлушку.
А скоцил-то он да на резвы́ но́ги:
«Как я-то теперечку да долго спал!» —
«А не мы б были́, — ты бы вечно спал,
Никогда бы ты не пробудился б ведь!»
Он как тут поехал и назад-то ведь,
А бога́тыри назад да воротилисе,
А ведь с им ехать они не согласилисе:
«А не честь нам, хвала да молодецкая,

А за бабою ехать да за чужой еще,
А ведь идь-ко сам за своёй женой.
А ведь идь-ко ты, не упивайся-ко,
Зелены́м вином не заливайся-ко.
А нагонишь ты того царя-то видь,
Вахрамея ты да Вахрамиего,
Отсекешь ему да буйну голову».
Как поехал он к Ивану ко Окульевичу.
«Ай же ты, Иванушко Окульевич,
Припади-ко ухом ты, послухай-ко,
А не и́дет ли да ведь сугона вслед,
А земелюшка да не продрагиват ли?
А возьми-тко ты да след-то ведь,
На сырую землю да ведь ляг-то ведь —
Я пойду стретать да с вином ёго́,
Я буду ёго́ да ведь совестить». —
«А как ты, мой ведь любимый-то,
Как повел меня Иван да Окульевич,
Не с охоты я иду, да ведь не с радости,
А сило́м визет видь миня топерь.
Ты-ка выпей чару да зелена́ вина,
А с тобой назад да мы воротимся,
Отсекешь Ивану буйну голову».
А видь выпил тогда он одну́ чару́,
А видь выпил-то он другу́ чару́,
А видь третью выпил — упал-то ведь
А с коня-то видь да на сыру́ землю́.
А конь-то убежал да во Киев-град.
А бегат-то конь по городу,
А видь видят-то сёдёлышко да на одном боку.
«А нет тут братца у нас да крестового,
А ведь брат-то у нас убит теперь,
А видь брат-то тут убит он видь!»
А видь тут подбивает Настасья ведь,
А видь тут Настасья да Вахрамиевна,
А отсечь ему да буйну голову,
А Иванушко Окульев да не дават рубить.
«А когда про́спится да протвере́зится,
А видь он-то справится да со своёй сило́й,
А не убить его да он здо́ров ведь,
Не убить-то нам да не сгубить ёго́».
А потом-то она перемахнет чере́з плеча́.
Где он был-то у нас как был-то, был-то ведь,

А Михайло Потык сын Иванович
Тут стал он белый камешек:
«Лежи-ко, камешек, да ровно три году́,
Через три году́ да прииди крозь землю́».
А как бра́ла она этого Михайлушка,
Бросила она да через пле́ча ведь:
«Где ведь был он, добрый мо́лодец,
Тут как будь-ко белой камешек!
Ты лежи-ко, камень, ровно три году́,
Через три году́ проиди сквозь землю́».
А видь конь как бегат по городу по Киеву.
Молодый тут Добрынюшка Микитинець,
Старый казак да Илья Муромець,
Они спра́вились не много ли да поры-времячка,
А приходят тыей да путь-дороженькой,
А приходят-идут путь-дороженькой.
Попадал старик да видь им старыи,
А ведь старыи да сам седатыи:
«А удалыи да добры молодцы,
А возьмите-ка да с собой теперь!»
А оны тут да рассмеялисе:
«А иди ты, старичок да старыи,
А ведь мы-то не откажем ведь.
А пойдем-ко с нами да в товарищах!»
А идет старик да видь заскакиват,
А не могут вслед да старика гнаться,
От старика-то да оставаютсе.
А пришли оны до белого до камешка.
«Ай же вы, удалыи да добры молодцы,
А ведь у меня-то злата есть и се́ребра,
Это видь дам-то я вам старыи,
Кто видь сможет камешок перекинуть чере́з плечо,
Тому видь дам злата-се́ребра.
А видь кто не сможет перекинуть чере́з плечо,
А тому-то видь да нискольки нет».
А ёны́ тому тут удивляются:
«Разве мы камешки не пе́рекинем,
Не пе́рекинем-то через пле́ча видь?» —
А видь тут говорят да таковы слова.
А принялся тут Добрынюшка да Микитинец,
А здынул а ведь камешок до колена видь,
Бела камешка да не мог здымать,
А бросил камень на сыру́ землю́.

А Ильюшенька да нача́л здымать,
А вздыну́л-то камень да ведь на́ груди,
А Ильюшенька да не замог здымать,
Бросил камешек на сыру́ землю́.
А принялся старик-то да ведь старыи,
А видь старыи да седатыи,
Да здымать ведь белый камешок.
«А где тебе, старичо́нку старому,
Уж как старому да ты седатому!»
А берет-то камешок шутя-то он,
Перекидыват-то камень да он чере́з плечо:
«А где был да ведь белый камешек,
А тут ведь стань да доброй мо́лодець!» —
«Как я ведь топеричу да долго спал!» —
«А не мы бы, так ты да век-то спал». —
«А за это ведь спасибо, товарищёв!
А поедем ко Ивану да Окульевичу,
Увезем-ко мы Настасью Лебедь Белую». —
«А не цесть нам, фала́ да молодецкая
За чужой-то бабой нам ведь ехати.
А за тобой-то мы ведь по́йдем-то,
А за бабой тогды́ да не охота нам!»
А тут бога́тыри да воротилисе.
Поехал тут Михайло Потык сын Иванович
А во ту́ю во страну-то ведь,
А к Иванушку да тут Окульевичу,
А Иванушка да тут Окульевич.
А скоцила она да видь по по́лу-то,
А увидела во то окно да во коси́чато:
«А идет-то мой да нелюбимыи
А Михайло Потык сын Иванович».
А берет-то ёна́ ведь зелена́ вина,
А подходит она да и склоняется,
А ёму-то со слезами да ведь мо́лится:
«А пойдем-ко мы да назад-то опять,
А увез Иванушко сило́м топерь,
А ты выпей-ко ча́ру зелена вина,
Ведь дру́гу ча́ру пива пьяного,
Третью ча́ру пей да меду сладкого».
А ведь выпил-то он да три чары́,
А пал-то он да на сыру́ землю́.
«Ай, — говорит, — Иванушко Окульевич,
А хотела ему тут и жизнь концять,

А хотела тут снести да буйну голову».
Он ы взял ы тут да не позволил а ведь.
А прибила тут ёна́ да видь на́ стену,
А распялила она видь его руки-ты,
А задернула его заве́сой видь черною.
«Пусть сидит у сте́ны городо́выи,
А оттуль, — говорит, — да не выскочит!»
А тут у Ивана Окульевича
А была сестра да любимая,
А ходила видь гуляла-то,
А увидала она за́весь черную,
А ведь чорную — да ведь не белую.
А откинула за́весь да ведь черную,
А увидала видь Михайла Потыка Ивановича —
Из себя-то был да весьма красив.
А ему-то говорит сестра любима ведь:
«Ай же ты, удалый добрый мо́лодец,
А об чем сидишь да топеричу?»
«А ведь выпил да ведь чарку-то,
А Настасья Лебедь Белыи
А меня-то теперь да прикрывала-то,
А меня-то теперь да прищорупила». —
«Ай же ты, Михайло Потык сын Иванович,
Ты бери меня да видь в замужесьво,
Я спасу от беды да от великоей,
А от той да сте́ны да городо́воей». —
«А была бы твоя да милость-то,
Я бы взял тебя да видь ⟨в⟩ замужесьво,
Я бы взял тебе да видь отсю́дечку.
А видь сбавь да видь доли-то видь».
А приходит она ведь, сестра любимая:
«Ай же братец ты Иван да тут Окульевич,
А ведь что-то мни неможется.
Уж как дал бы ты мни да добра́ коня,
Дал бы латы да кольчугу богатырскии,
А ведь дал бы сабельку да вострую,
Я бы съездила да прогуляласе». —
«А для тебе, сестра да ведь любимая,
Что угодно, да все ты справлю я,
А на завтра все ти сделаю —
Я кольчугу ти да окольчу́жую».
А поехала да видь она теперь,
А приехала она да к за́весы,

Отдирала от стены да городóвоей,
От садила-то его да на добрá коня:
«Ты вином-то ведь не упивайсе-ко,
Пивом пьяным ты не опивайсе-ко».
А сама-то ведь след да дóзором.
Как идет Михайло Потык сын Иванович,
Как идет ко Ивану ко Окульевичу.
А Настасья Лебедь Белая:
«А ведь муж идет — опять да ведь воскрес-то ведь».
Как бежит да ведь с вином-то ведь:
«Ай же ты, мой муж любимыи,
Выпей чару зелена вина,
А поедем мы с тобой да видь во Киев-град».
А ведь руку-то ведь как протянул,
А набежала тут сестра-то ведь,
Как ударила его во цяру ведь,
Улетела цяра да из рук его:
«Ты меня берешь да ⟨в⟩ замужесьво,
А опять ведь глупость ты заводишь ведь,
Погубил головушку свою-то ведь,
Погубишь головушку мою-то ведь!»
А разгорелоси сердце богатырьское,
А отсек Настасье буйну голову,
А отсек Ивану буйну голову.
А ведь стал Михайлушко царем-то видь
А со своей-то Ивановой сестрицею.
А царем-то теперь он ведь царствует.

№ 311

МИХАЙЛО ПОТЫК

А как во слáвноём во гóроди Кúёви
А видь у князя ли у Владимера
А был ли гля сильныих, гля могуциих,
А гля могуциих, гля богáтырей
А был ли-то открыт да почестнай пир.
А тут собрáлисе сильныи могуции богáтыри,
А ведь приежжал Михайло Пóтык сын да Ивановиць,
А ведь тут говорил да Владимер-князь:
«А кто бы это, да добрыи мóлодци,
А ведь выпил мне цяру зелена́ вина,

А ведь мерой-то цяра полтора ведра,
А весом тяне она полтора пуда?»
А говорил Михайла Потык сын Ивановиць:
«А ведь выпью я цяру зелена́ вина,
А ведь и съежжу я на тихи на заводи,
А тыи ли моря на широкии,
А привезу тибе, что и надобно!»
А был ли ён стрелок и прекрасныи,
А ведь ловця́я всех стрелял бога́тырей.
А нахвалилсе ён, наславилсе,
Приежжал ён на тихи на заводи,
А там не плавало ни гусей-ле́беди,
А там такая плавала да лебедушка,
А что и стрели́ть было жалко-ту.
Ведь как натянул тятивку-то шелко́вую,
А натянул он тятивку потугешеньку,
А направил ли он стрелоцьку прямешенько,
А ведь самому у́стрелить стрелы жалко-ты.
А тут-то лебедушка смолилисе:
«А ведь-то я не лебедь плаваю белая,
А я ведь — Марья ведь Лебедь Белая,
А сама саморусьская красавица,
А ведь на шейке не жемцюжком будто обсажено».
А ведь говорит Марья Лебедь Белая:
«А ты не бей меня, возьми да за сибя заму́ж,
А ведь и сделаем мы с тобой записи:
А если которой впереди помрет,
А то надобно итти во сыру́ землю́,
А взяти припасу да на три году́».
А тут ли ёны́ сделали записи.
А ведь как тут Михайло По́тык сын Ивановиць
А приежжал ён ко князю Владимеру,
А не привез никакого утёнуша,
А он привез себе молоду́ жону,
Ай молоду́ жону, любиму́ семью,
А ведь Марию Лебедь Белую,
А саморусьскую засряжо́ную красавицю.
А тут ли был Владимер-князь,
А ведь и назнацил снова поехати:
«А где бы то не́ было,
А отыщи мне, что да надобно:
А привези-ко гуся и лебедь-ту,
А ведь какого утёнуша,

47 Зак. 3427

А привези-ко мне-ко замóрськиих
А ведь куниць, лисиць, соболей ты заморськиих!»
А ведь набил Михайло Потык сын Ивановиць,
А ён набил куниць, соболей ён заморьскиих,
А ведь йдет ко городу ко Кúёву.
А и строят-то и плот-то плотницьки,
А ведь что были мудрые да работницьки.
«А ведь что вы-то, плотники, тута строите?» —
«А ведь мы строим колоду белодýбову:
А ведь и померла твоя Марья Лебедь Белая,
А саморусьская да красавиця». —
«А вы такую стройте колоду белодýбову,
А щобы можно было нам двум легчú,
А ведь припасу-то взять на три годý!»
А ведь шел-то ли один Пóтык Ивановиць,
А ведь и шел ён да в кузницю,
А ведь и ковал ён клéщи зелезныи.
А унимали всим городом да всем Кúёвом,
А унимал Владимер-князь стóльнё-киеськой —
А никого-то ён да не слушает,
А ведь с мертвым телом пошол во сырý землю.
А ведь ты прошли-то сутоцьки,
А на другие-ты на сутоцьки
А ведь и приплыла Змеищо трехглавыи.
А захватил ён клещами зелезными.
«А ведь спусти меня, Михайло Потык сын Ивановиць!» —
«А не спущу тибя, Змеищо трехглаваи,
А уж ты дай мне в залог да змеёныша!» —
«А принесу я тебе воды живой да мертвою,
А оживим твою мы Марью Лебедь Белую,
А саморусьскую да мы красавицю».
А она дала в залог, Змия́, да змиёныша,
А ведь принесла кувшин воды ёна́ мертвою,
А ведь другой воды кувшина да живой-то е:
А как мёртвой ли водой да ёны́ сбрызнули,
Ведь и вся ли ёна́ пополни́ла-то,
А как живой водой ёны́ сбрызнули,
А ведь скоцила от сна да великого.
«Ах как долго-то я ведь прóспала!»
А говорил ли Михайло Потык Ивановиць:
«А как не я бы, ты спала от нынь бы дó веку,
А ведь и век спала ты пó веку!»
А закрицял своим громкиим голосом,

А он ли голосом богатырьскиим,
А что терема ли пошатнулисе,
А ведь оконници подогнулисе.
А ведь говорят ли во городи во Ки́ёви:
«А, видно, с мертвым-то телом соскуцилсе —
А ведь крицит Михайла Потык Ивановиць!»
А ведь разрыли ямки ты великии —
А не один иде́, а Марью след веде́.
(*Боле не слыхал.*)

№ 312

МИХАЙЛО ПОТЫК

Как Владимир-князь стольно-киевский,
Вызывал-то да Васильюшка:
«Как Васильюшка да сын Буслаевич
Съезди на тихии на заводи,
Для пе́ру набей гусей-лебедей
Серых малых да утушек».
Как ехал-то да Васильюшко
На тихие, да ён на заводи.
Там не плавало ни гуся да ни лебеди,
И серой малой утушки.
Ехал-то да Васильюшко,
Ехал Василий на озерышко,
На озерышко плават лебедушка,
Перышко золото́, другое е серебряно,
Как ведь шейка жемчужком вся обсажена.
Тут Васильюшко сын Буслаевич
Напрягал тетивку он шелко́вую потугешенько,
Направлял ён стрелочку калёную прямешенько.
Как хотел спустить в лебедь белую,
Ведь лебедушка ближе приплыла,
Как лебедушка Васильюшке вскорилоси,
Как вскорилося да взмолилося:
«Как Васильюшка да Буслаевич,
Не спускай-ка ты стрелочку калёную,
Не кровавь-ка меня да красной девушки,
Я не лебедь-то есте белая,
Я ведь Марья да Лебедь Белая,
Всероссийская красавица.

Как Васильюшко да Буслаевич,
Холост молодец, да есте не́ женат,
Я ведь девушка на выда́ваньи,
Как возьми-то ты, Васильюшка,
Меня за себя замо́уж,
Только сделаём мы с тобой записи,
Если которой-то да наперед помрет,
То другому итти да во сыру́ землю,
Во сыру́ землю да с мертвы́м телом».
Тут ведь сделали да ёны записи.
Как поехал Васильюшко во Киев-град,
Как без гуся он, без лебеди,
Да без серой малой утушки,
Только везет-то Васильюшко молоду жену,
Всероссийскую да ён красавицу.
Как привез-то да во Киев-град,
Марью-ту Лебедь Белую.
Говорил князю он Владимиру:
«Как приехал я на тихии заводи,
Там не плавало ни гуся да ни лебеди,
Ни серой малой утушки.
А начал ехать я да на озерышко,
Только плавала лебедушка,
И привез себе молоду жену.
Съеждю я ко синю морю,
Набью гусей-лебедей, птиц заморскиих».
Съехал Василий ко сине́ морю,
Набил гусей, лебедей, птиц заморскиих,
Как привез-то ён ко князю Владимиру,
[А поехал ён по городу да по Киеву,
Ко своей молодой жены,
А ко Марье да Лебедь Белая.]
Строят плотники, хитромудрые да работники,
Как полату белоду́бову.
И спросил да Васильюшко:
«Ай вы, плотники хитромудрые да работники,
Кому вы строите полату белодубову?»
Отвечали плотники, хитромудрые работники:
«Померла твоя молода жана,
Марья Лебедь Белая,
Всероссийская красавица».
Да говорил-то Васильюшко:
«Вы такую стройте пола́ту белоду́бову,

Чтобы можно было нам двум легчи
Да взять припасу с собой да на три году».
Да сошел Васильюшко в кузницу,
Двое клещи сковать да железные.
Как унимали всем городом да всем Киевом:
«Не ходи-ка, Васильюшко, со мертвым телом,
[Со мертвым телом] да во сыру землю».
Никого Васильюшка жа не слушает,
Исполнят только свои записи.
Да зарывали Васильюшку во сыру землю,
В могилу глубокую, со мертвым телом.
Среди ночи приплыла Змеища трехглавая,
И берется за Марью Лебедь Белую,
Захватил Василий клещами Змеище посередочки,
И Змеище-то Васильюшку взмолилася:
«Спусти меня да Васильюшко,
Принесу я воды оживлёноей,
Оживлю я Марью Лебедь Белую,
Всероссийскую красавицу».
Говорил да Васильюшко:
«Не верю я тебе, Змеище трехглавая,
И давай мне в залог да змеёныша».
Принесла Змеища воды да оживленуё.
Марью взбрызнули — Марья вздрогнула,
Другой раз-то они взбрызнули —
Сидя села, сама го́ворит:
«Ох, как я долго про́спала».
Да говорил-то ведь Васильюшка:
«Кабы не я, так ты спала бы
Отныне до веку, да век по веку».
Да закричал Васильюшко своим голосом богатырскиим,
Услыхали во городе, во Киеве,
Что стоснулся Васильюшка
Во сырой земли со мертвым телом.
Разрывали могилу глубокую —
Васильюшка идет и след Марьюшку ведет.
На том былина и оконцилась.

№ 313

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Во матушке как было во Русиюшке
А руський могучий бога́тырь был
Михайлушко По́тык сын Иванович.
Седлал Михайлушка добра коня,
Обсёдлывал коня ён, обкольчуживал,
А потнички кладвал ён на потнички,
Подпружки кладвал ён на подпружки,
Седёлка кладвал на седёлышка,
А черкальско седло ведь наверёх кладвал
Не ради ён красы-басы, а ради крепости,
А ради было силу богатырскую.
Михайлушка Потык сын Иванович
Обсёдлывал коня ён, обкольчуживал,
А брал как копье ён долгомерноё,
За пле́ча кладвал свой тугой ведь лук,
А брал как ён ведь стрелочки калёныи,
Калёные как стрелки начинёныи,
А паличу как брал во сорок пуд.
Михайлушка Потык сын Иванович
Садился ён как тут на добра коня;
Видли добра молодца ведь сядучи,
Не видли добра молодца как поезжаючи.
А ехал ён со матушки Русиюшки,
А ехал за лиса ведь ён за темныи,
За тыи орги ён за черныи,
За болота ён как тут за топучии,
К Вахрамию тут ведь Вахрамиёву
Играть-то ён во доску шахманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи.
Михайлушка Потык сын Иванович
Не доехал ён до чарьства Вахрамиёва,
Приезжал как тут ён во чисто́ полё,
Выходил как ищё ён со добра́ коня́,
Раздергивал шатер белополотняный,
Привязывал коня ён ко белу шатру,
Заходил как тут ён во белой шатер,
Добрый молодеч как ён и спать залег,
Со пути как было со дороженьки.

⟨...⟩

У того ли Вахрамия Вахрамиёва
Была дочика как Марья Либедь Белая.
Выходила как ёна на балхончик ведь
И брала тут трубоньку ёна подзорную,
Смотрела в тую сторону востоцную.
Видит Марья во чистом поли́
Ёна-то ведь шатёр белополотняный,
Во шатри-то ведь там-то был
Удалый добрый молодеч
А руський как ведь там бога́тырь был
Михайлушка Потык сын Иванович.
А спит-то молодеч во бело́м шатри,
В сибе вдо́хнет — тут шатер и схлупнетсе,
От себя дохнет — шатер расправитсе.
А эта было Марья Лебедь Белая
Приходила как ёна со балхончика,
Говорила как ёна ведь родну батюшку:
«А родный ты как был мой батюшка,
Вахрамий как был ведь Вахрамиёвич,
Спустил как ты меня ведь на три году́,
А плавать мне как было нунько билой лебедью
По тихи́м губам да по за́водьям,
По зелёным да тут застрестеньям,
Спусти-ка ты меня ведь на три году́
Погулять как нунь да красной девичой».
Вахрамий ищё было Вахрамиёвич
А спускал как ён да Марью Либедь Белую,
Спускал гулять на три году́,
Спускал гулять-то её да красной девичой,
А дал как ей ён няничок-служаночок.
Пошла как ета Марья Либедь Белая,
Пошла гулять ёна да во чисто́ полё
А с нянькамы ёна да со служанкамы,
А не могут за ей гнатьсе еще нянички-служаночки.
Говорит как ета Марья Либедь Белая:
«Нянечки-служаночки, за мною не гоняйтесь-ко,
А назад как вы да ворочайтесь-ко».
А нянечки-служаночки поклонилисе,
А назад ёны поворотилисе.
А ета Марья была Лебедь Белая,
А шла как тут ёна ко белу́ шатру.
Приходила как ёна ко белу́ шатру,
А добрый конь как тут да нунь копытом бьет,

А бил-то ён о матушку сыру землю.
От того от топу лошадиного
Земля-мать-то ищё тут да подрагиват,
Пробудился тут Михайлушко По́тык сын Иванович
От того ли топу лошадиного,
Выскакивал ён во биленько⟨й⟩ рубашечки без поясу,
А тониньких чулочиках без чоботов
А со своей ён паличей сорокпудовую,
Глядел-то ён на вси четыри стороны,
Не видит как нигде ён неприятеля,
Посмотрел как ищё ён за бело́й шатер,
А за шатром как видит красну девичу.
Михайлушка Потык сын Иванович
Подходил как ён ко красной девичи,
А ко етой Марьи Либедь нуньку Белую,
А брал-ка ён за ручки нуньку белыи,
А человал ю в уста да во сахарьнии.
А говорит ему ета Марья Либедь Белая:
«Не челуй-ка, не милуй меня,
А веры-то ведь я не вашей нунь,
Поедем-ка во матушку Русиюшку».
Садились как ведь тут да на добра коня,
А ехали во матушку Русиюшку.
⟨...⟩
Приезжал как ён во матушку Русиюшку
Ко своей палаты билокамённой,
К своей-то ён да ро́дной матушки,
Да к матушки своей да ён Натальюшки,
А выходили как ёны со добра коня,
Заходили как в палаты билокамённы,
Михайлушко Потык сын Иванович,
А вел как ён да Марью Либедь Белую:
«Здраствуй, матушка, да ты Натальюшка,
А я-то ведь нашел соби невесту-ту,
А Марью было Либедь нуньку Белую».
Михайлушка Потык сын Иванович,
У ёго пошел тут почестной пир.
А всих-то ён как тут да на пир созвал,
Всих-то ён тут руськиих богатырей,
А тут ёны ведь заповедь великую поло́жили
На том как на пиру ведь на почестноем:
«Который впереди да ищё нунь помрет,
Итти другому нунь со телом да со мёртвыим

А во матушку сыру землю.
А итти в землю да и на три году́».
А тут ведь со пира́ ведь расходилисе
А тут ёны да вси и разъезжалисе.
Немного как прошло ведь времечка,
А тут как князь как было стольне-киёвской
Раздёрнул ён как нунь почестный бал,
А всих князей-бояр да ён на бал созвал,
А руськиих могучиих бога́тырей.
Вси князья-бояры на балу были́
А руськии могучии богатыри
У того князя́-то у Владимёра,
А хлеба-соли или ёны досыти,
А зелена вина ведь пили допьяна
На том-та на балу да на почестноём;
Вси ведь на балу да наедалисе,
А вси как на балу тут напивалисе,
А вси как на балу тут порасхвасталисе
У того ли у князя́ ведь у Владимёра.
Богатой-то ведь хвастает богачеством,
По́рной-то хваста силой богатырьскую,
Умный хваста отчом-матерью,
Безумный хваста молодой женой.
Михайлушка Потык сын Иванович
Сидит ён у князя́ ведь у Владимёра,
Сидит как за столамы за дубовыма,
Не ест-то ён, не пьет-то ведь, не кушает,
Ничи́м-то ён молодеч не похвастает.
Говорил как ищё князь-то было стольне-киёвской,
Говорил как ищё да князь Владимёр ведь,
Говорил как ён Михайлу Потык сын Иванову:
«Михайлушко Потык сын Иванович,
Не пьешь как ты, не кушаешь,
Билой лебиди да ты не рушаешь,
Ничи́м молодеч не похвастаешь,
Не именьем ведь ты и не богачеством,
А не силой нунь как богатырскою,
Не своей как ты молодой женой».
(*Ён знал как ёна привезёна, так и не похвастаешь*!)
Говорил как Михайло Потык сын Иванович,
Говорил князю́ да ён Владимёру:
«А князь ты ищё стольне-киёвской,
Стольне-киевской да ты Владимёр-князь,

А и́здел я за лиса темныи,
А за орги тут да я за черныи,
За болота ведь как я да за топучии
К Вахрамию я ведь Вахрамиёву,
Играл я с им во доску во шахманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи,
А выиграл как я ведь много золота,
Доложон платить да ён ведь пошлину
Во матушку как ён ведь во Русиюшку,
Тебе князю́ да нунь Владимёру».
Говорил тут ище князь стольне-киёвской:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
А идь-ка ты нуньку за золотом
К Вахрамию ище да Вахрамиёву».
Михайлушка Потык сын Иванович
Выходил ён со ба́ла со почестного,
Приходил как ён да ко добру коню,
Садился ищё нунь да на добра коня.
А видли добра молодча ведь сядучи,
Не видли молодча как поезжаючи
Со города как было ведь со Киёва
От князя как нуньку от Владимёра.
А ехал ён за лися́ за темныи,
А за орги ён да за черныи,
За болота ище ён за топучии.
Приезжал ён к Вахрамию Вахрамиёву,
А ехал ён тут да на широк двор,
Выходил как ищё ён со добра коня,
Привязывал коня да к столбу ведь ён точеному,
А к тому-то ён кольчу ведь золоченому,
А сам-то шел в палаты билокамённы,
Не спрашивал как ни сторожев, как ни придвирников.
Заходил в палаты билокамённы,
А кланялся князю ён поясь ведь:
«А здравствуй-ка ты, князь Вахрамий Вахрамиёвич».
А вси ведь на Михайлушку нунь огляделисе,
Огляделисе да на него осмотрелисе,
Вахрамий-то ище князь стал выспрашивать:
«Откуда есь, удалый добрый молодеч,
Какой же ты орды, да какой земли,
Какого роду ты, а и какого племёни,
Какого же отча, какой ты матёри?»
Говорил как тут Михайлушка Потык сын Иванович:

«Естя я из матушки Русиюшки,
А естя ищё я вдовий сын,
По имени как я ведь Михаила,
По отечеству да я Иванович,
Приехал я к тоби, Вахрамий ты Вахрамиёвич,
А играть во доску я во ша́хманну,
Во тыи-то таблеты золочёныи,
А ты-то ведь меня как по́играешь,
Буду я засту́па тоби крепкая,
Буду я слуга тоби верная,
А тебя-то я как поигра́ю ведь,
Плати ты во матушку Русиюшку,
Плати-ка, Вахрамий, да пошлину
Тому-то ведь князю ведь Владимеру,
Плати-ка ты ёму да ведь золотом».
А тут ёны как нуньку сговорилисе,
Играть-то ёны да как садилисе
Во ету доску во ша́хманну.
Михайлушка Потык сын Иванович
Ступень-то ён ступил да тут не до́ступил,
Другой-то ён ступил да пере́ступил,
А третий-то ён ступил да призá́ступил,
А четвертый ён ведь ступил да и по́играл,
Поиграл он Вахрамия Вахрамиёва.
Михайлушка Потык сын Иванович
Говорит ёму ведь таковы слова:
«Вахрамий ищё ты́ нунь Вахрамиёвич,
Плати-ка ты да нунь ведь пошлину
Во матушку как ты во Русиюшку,
Тому-то князю да Владимёру,
Плати-ка ты ёму да ведь золотом,
(*До золота-то и раньше добирались*)
Не будешь ты платить да как пошлины,
На ваш-то город я войной пойду,
А ваш-то город я с конча зажгу,
А с другого я конча да ведь колоть пойду,
А тебя-то ведь князя́ да я во плен возьму,
А золото уж я да у тебя и о́тбёру!»
(*Все равно, говорит, о́тбёру.*)
У того как Вахрамия Вахрамиёва
Тело белое тут нунь ведь распотелосе,
Слуги ёму того ведь захотелосе,
Говорит Михайлу Потык сын Иванову:

«Сыграем-ка ищё мы во доску ведь во ша́хманну,
В тыи ведь таблеты золочёныи».
А тут как ёны снова сговорилисе,
Играть ёны опять как тут садилисе.
Михайлушка Потык сын Иванович
Сидит играт как ён ведь забавляетсе,
Над собой-то ён невзгоды не начаитсе.
Налетал ведь голубо́чек с голубо́чкою,
Садился на окошко княженецькоё.
А стал как голубок да нунь попурхивать,
А стал как голубок тут нунь погуркивать,
Потом как голубок стал выговаривать:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Сидишь играешь ты ведь забавляешьсе,
Над собой-то ты невзгоды не начаешьсе,
У тя ведь помёрла как молода жёна
А Марья была Либедь нуньку Белая.
Скочел как тут Михайла на резвы́ ноги́,
Хватил как эту доску во белы́ руки́,
А бросил ету доску о кирпицной пол.
От того-то ведь удару богатырьского
Терема еще тут зашаталисе,
Хрустальныи окольничи посыпались,
Князья-то ведь бояра замертво́ лежат,
Вахрамей тут князь ён раскорякой стал:
«Оставь-ка нас, Михайла, хоть на симяна».
(*От, дёрнул старик*!)
Михайлушка Потык сын Иванович
А сам-то ён пошел как ко добру коню,
Говорил как ён Михайлушка добру коню:
«А конь ты ище мой как добрыйший,
А вез меня сюда ведь ты три году́,
А отсюль вез⟨и⟩ меня как три часу́,
У меня ведь помёрла́ молода жёна
А Марья бы́ла нуньку Либедь Белая».
Садился ищё ён на добра коня,
А видли добра молодца тут сядучи,
Не видли добра молодца ведь поезжаючи.
Добрый конь летел как стрелочка калёная,
Рики ён, озера перемахивал,
А темной лис ён промеж ноги брал
А окиян-морё-то ён кругом бежал.
(*Видно, гораздо больше было́, не мог перескочить,*

хоть бы плавать пустился как.)
Приехал ён во матушку Русиюшку
Михайлушко Потык сын Иванович,
А ехал ён к свой палаты билокамённой.
Выходил как ён-то со добра коня,
Привязывал как ён добра коня
Ко перёному-то ведь крылечушку,
Ко тому ли золоченому колечушку,
А сам-то шел в палаты билокамённы.
«А здраствуй, моя родна матушка,
А матушка как бы́ла ведь Наталюшка,
А гди же ведь моя молода жёна,
А Марья была нуньку Либедь Белая?»
Говорила тут ёму родна матушка:
«Помёрла твоя ведь молода жёна,
А Марья Либедь нуньку ище Белая».
Михайлушка Потык сын Иванович,
А шел-то ён да к руськиим бога́тырям,
К своим-то ён ко братиям крестовыим:
А к старому казаку Ильи Муромчу,
А к Добрынюшку как было ведь Микитичу,
Ну к смелому Олёшке ведь Поповичу.
Говорил ён руськиим бога́тырям,
А братьям как ёны да ведь крестовыим:
«А руськии могучии бога́тыри,
А братья ищё были мни крестовыи,
А делайте мни домовищё вы,
Ой чтобы мни гди спать легчи́
А с моим со телом да мертвыим.
Пойду как я во матушку сыру землю,
Пойду-то я туды да на три году,
Кладите мни туда да хлеба-соли ведь,
Кладите мни всего на три году́».
А сам-то ён бежал да во кузничу,
А ковал-то ён ведь клещи железныи,
А дру́ги клещи ён и оловяныи,
А третьи ище клещи да ведь медныи.
Ковал как ён как прутия железныи,
А дру́ги ён ковал да оловяныи,
А третьи ён ковал да нуньку медныи.
А сделали ёму как братья и крестовыи,
А сделали ёму и домовище нунь,
А хлеба-соли клали на три году́.

Спускали тут Михайло Потык сын Иванова,
Спускали как во матушку сыру землю
Со етым как со телоем со мертвыим.
А жил как ён там трое суточки,
Там ходила Змея ведь подземельная,
А ела ведь тела да ёна мертвыи.
Приходила как Змея нунь подземельная
К Михайлу Потык сын Иванову,
Хватил как ён Змею да подземельную,
Стал Змею да ён наказывать.
А Змея-то ёму ко́ритсе ведь мо́литсе:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Спусти-ко ты Змею-то окоянную,
Принёсу-ка я тибе живой воды да мертвую,
Принесу я тоби ю в три году́».
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Нет-ка, окаянна, мне так долго ждать».
А бьет-то ён Змею беспощадна тут,
А бьет-то ён Змею да нунь наказыват,
А клещи ведь жалезны ён до рук сломал,
А прутья ведь жалезныи до рук схлёстал
Да об Змею-то тую окоянную.
А бросил еты клещи ён жалезныи,
А бросил еты прутья да жалезныи,
Схватил как клещи оловянныи,
Схватил как ён прутья оловянныи,
А бьет как тут Змею да беспощадно ведь,
А бьет как тут Змею да ён наказыват.
Змея-то ему коритсе да молитсе:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Спусти-ка ты Змею ведь окоянную,
Принёсу ведь я воды живой и мертвую.
Принёсу я ю да в три ме́сяче». —
«Нет-ко, окоянна, мни так долго ждать».
Михайлушка Потык сын Иванович,
А бьет как ён Змею да беспощадно тут.
А ко́ритсе ёму Змея да молитсе:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Спусти-ка меня, Змею да окоянную,
Принёсу-ка я воды живой и мертвую,
Принёсу тебе я в три недели ведь». —
«Окоянна, мни и так ведь долго ждать».
А сломалисе ты клещи оловянныи,

Расхлестались эты прутья оловянныи,
А бросил ён ты клещи оловянныи,
А бросил тыи прутья оловянныи,
А схватил ён клещи медныи,
А схватил ён как прутья медныи,
А бьет ён Змею ведь, наказыват,
А ко́ритсе Змея да ведь молитсе:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Принёсу ведь я воды живой и мертвую,
Принесу тоби я в три часу́». —
«А нет, так, окаянна, мне-ка долго ждать».
А бьет как ён Змею да всё наказыват.
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Спусти-ка ты Змею окоянную,
Принесу-ка я тоби воды живой и мертвую.
Принесу тоби ю в три минуточки». —
«Окоянна, нет и так мни долго ждать».
Порет ён Змею тут и наказыват.
А ко́ритсе Змея ведь молитсе:
«Михайлушка Потык сын Иванович,
Спусти меня, Змею ты окоянную,
Принесу-ка я тоби воды живой и мертвую,
Принесу как я тоби в одну минуточку».
Спустил как ён Змею да окоянную,
А выхватил у ей да нунь змеёныша.
Схватила как Змея тут подземельная,
Принесла воды живой ёна и мертвую,
Принесла ёна в одну минуточку
Михайлушке Потык сын Иванову.
Михайлушка Потык сын Иванович,
Брал воду́ живую ён и мертвую,
А брал змеёныша и пе́рервал.
Прикла́л как ён еты половиночки,
А сбрызнул ён водою и мертвую,
Половиночки как эты и срослисе тут,
А потом как сбрызнул их да живой водой,
А скоче́л змеёныш ён ведь по́бежал.
(*Наверно, пнул ёго вслед.*)
Отпустил как ён Змею да окоянную,
А сбрызнул ён живой водой
Как Марью нуньку Либедь Белую,
Скочела эта Марья Либедь Белая,
А скочела ведь ёна на резвы ноги́.

Говорила тут ёна таковы слова:
«А как нуньку я да долго́ спала!»
Говорил Михайла Потык сын Иванович:
«Как не я бы, ты бы тут и век спала».
Михайлушка Потык сын Иванович
А закрычал ён тут во всю голову
Во матушке как ён во сырой земли.
Простонародие оны как одивилися:
«А не вси ли восстали как тела тут мертвыи
А во матушки во сырой земли?»
Услыхали тут ведь братья нунь крестовыи:
Старый казак да Илья Муромеч,
Добрынюшка как было ведь Микитинич,
А смелый было ведь Олёшенька Поповинич,
Говорили оны нунь таковы́ слова́:
«А душно, знать, во матушки сырой земли
А брату нашему Михайлу Потык сын Иванову».
Бежали ёны братья ведь крестовыи
А руськие как нуньку ведь бога́тыри,
Разрывали матушку сыру землю.
А встал Михайла ён да с молодой женой,
А со Марьей этой Либедь Белую,
А вставал как ён нунь на белый свет.
А на этом всё ведь и покончилось.
(*Встал, так и нет больши ничего.*)

№ 314

ПОТОК МИХАЙЛО ИВАНОВИЧ

Во славном городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Заводилосе пированьице, почестен пир
Для трех для могучеих богатырей:
Для перьвого могучего богатыря —
Для Потока Михайло Ивановича,
Для второго — Добрыни Никитивича,
А для третьего — Алёши Поповича.
И говорит тут князь Владимир стольно-киевский
Потоку Михайлу Ивановичу:
«Ай же ты, Поток Михайло Иванович,
Съезди-ко ты ко синю морю,

А для моего ты честна пира
Настреляй-ко ты гусей-лебедей,
Перелетных малых уточек».
И походит Поток Михайло Иванович на конюшний двор,
Он седлает своего добра коня,
Он от страху берет палицу боевую
И берет ножище-кинжалище.
И поехал он ко синю морю,
И приезжает он ко тихой заводи.
Ко его счастью великому
Привалила птица ко берегу.
Настрелял он гусей-лебедей,
Перелетных малых уточек.
И хотел он поехать ко городу ко Киеву,
И видит он плывет лебедушка,
Через перо она была вся золота.
И берет он тут свой тугой лук,
И накладывает он калёну стрелу.
Вот завыли рога у туга лука,
И натянул стрелу он за ухо.
И только хотел спустить калёну стрелу,
Как провещится ему Лебедь Белая
Авдотьюшкой Лиховидьевной:
«Не стреляй меня ты, Лебедь Белую,
В некоторо время я пригожусь тебе».
И летела она на сыру землю,
Овернулась красной девицей,
Авдотьюшкой Лиховидьевной.
И брал ю тут Поток за руки белыя,
Цаловал-миловал в уста сахарные.
И в та поры она его уговаривала:
«Если ты хотя на мне и женишься,
Но кто из нас первым умрет,
Так второму живому в гроб идти».
И так оне сговорилисе,
Что после вечерни им обвенчаются.
И тот Поток Михайло Иванович
Садился на добра коня
И поехал он ко городу ко Киеву,
А Авдотьюшка Лиховидьевна
Обернуласи белой лебедушкой
И полетела она в Киев к своему батюшки.
Тот Поток Михайло Иванович

48 Зак. 3427

Нигде он доро́гой не мешкал, не стоял.
А она попереди его в дом ускорила,
Сидит кол окошечка.
И тут Поток Михайло Иванович призадумалси,
Не сказал он ей никакого словечушка,
И приезжает он на княженецкий двор.
Придворники доложили стольникам,
А стольники князю Владимиру,
Что приехал Поток Михайло Иванович.
И приказал тут князь Владимир стольно-киевский
Идти ему в палаты княженецкие.
И пришел Поток Михайло Иванович,
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
И говорит он князю Владимиру:
«Сослужил я тебе службу великую,
Настрелял я гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
К твоему столу княженецкому,
И себе нашел я красну девицу —
Авдотьюшку Лиховидьевну.
Ты хотел пир делать для трех богатырей,
А теперь сделай ты пир для меня одного,
Потока Михайло Ивановича,
И сделай ты пир для меня свадебный».
А князь Владимир тому и радошон,
И к вечерни в колокол ударили,
И тут Поток Михайло Иванович
К вечерни идти собирается,
А с другой стороны Авдотья Лиховидьевна.
И тут они с ней повенчалисе,
И так оне соглашалисе:
«Кто из них первым умрет,
Второму живому в гроб идти».
И пошли они тут к князю на почестен пир,
И пировали они тут пир свадебный,
Но у того Потока Михайло Ивановича
Не долго житья-бытья было с Авдотьюшкой Лиховидьевной,
Не долго житья-бытья было — полтора года.
Она с вечера разболелась,
А с полуночи расхвораласе,
А к утру она и представиласе.
Рано заблаговестили к заутрени.

А и он, Поток Михайло Иванович,
Он пошел объявить попам-церковникам,
Что померла его жена Авдотьюшка.
И приказали попы везти в церковь Божию:
«А после обедни ее хоронить будем».
И привозил Поток Михайло Иванович
Он умершее тело Авдотьино,
И принималисе копать тут могилушку
Глубиною-шириной двадцати сажен.
И служили тут молебны похоронныя,
И спущали тут тело Авдотьино
В тую могилушку великую.
И по ихнему завещанию
Опущали в могилу глубокую
С конем и сбруей ратною,
И со всей богатырской принадлежностью
Молода Потока Михайло Ивановича.
И закладывали досками дубовыми,
Только оставляли место для веревочки,
Которая к колоколу была протянута.
И сидит там Поток Михайло Иванович
Во той могиле во глубокоей.
И от страху он добыл себе огня,
Зажигал он свеци воску ярого.
И пришла та пора полуночная,
И собирались тут все гады змеиные,
А потом пришел и большой Змей.
Он и стал тут все огнем палить,
А Поток Михайло Иванович
На это, молодец, не робок был,
Он хватил свою саблю вострую,
Отрубил он Змею голову,
И потекла тут кровь змеиная.
А тот Поток Михайло Иванович
Этой кровью змеиною
Он начал Авдотьино тело мазати,
И тут она, еретица, просыпаласи.
И тут Поток Михайло Иванович
За веревку стал он дергати.
И услышали тут звон все люди православные,
И на этот звон оне сбегалисе.
Ажно с могилы тут веревка трогается.
И бежат они к могиле Авдотьиной,

А Поток Михайло Иванович,
Он кричит в могиле зычным голосом,
Что «живы мы оба похоронены».
И раскопали тут могилу глубокую,
И ставили тут лестницы высокия,
Выводили на свет Божий
Молода Потока Михайла Ивановича,
И Авдотьюшку Лиховидьевну,
И добра коня богатырского.
Обновили их святой водой
И сообщили князю Владимиру,
Что живой Поток Михайло Иванович.
И жили оне тут до глубокой старости,
И скончался Поток Михайло Иванович
И по первому их завещанию
Похоронили его как покойничка.
А Авдотьюшка Лиховидьевна
Она жива сама с ним легла.
И тут им будет память вечная.

№ 315

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

А князь Владимир стольно-киевский
Раздернул тут да почестный пир,
Всих князей-бояр ён на пир созвал
Сильных могучих русских богатырей.
Вси князья-бояра за столом сидят,
Вси русские могучие богатыри
У князя ёны да у Владимера.
Или ёны истьица сахарные,
А питьица пили медвенные.
Почестный пир стал при вечери,
Вси князья-бояры стали привеселы,
Вси русские могучие богатыри
На том пиру да на почестноем
У князя ёны да у Владимира
А на пиру ёны да порасхвастались:
Богатый-то хвастает да богачеством,
Своей-то ён да золотой казной,
А порной хвастает силой богатырскоей,

Своим-то ён да добрым конем,
А умной-то хвастает молодой женой.
А на том пиру да на почестноем
У князя было да у Владимира,
Был как Михайлушко Потык сын Иванович,
Сидел ён за столама за дубовама,
Не ест, не пьет да он, не кушает,
А ницим, молодец, и не похвастает
(*Призадумался, вишь-ко, ницем не хвастает.*)
Говорит тут князь стольно-киевский,
Говорит как ён таковы слова:
«Михайлушко Потык сын Иванович,
Сидишь ты за столамы да за́ дубовыми,
Не ешь, не пьешь да не кушаешь,
А ницим, молодец, не похвастаешь».
Говорит Михайло Потык сын Иванович,
Говорит князю да ён Владимеру:
«Князь ты есть стольно-киевский,
Стольно-киевский князь да Владимер,
А ездил я за орги да за черные,
А за лесушки я да за темные,
А за болота я да за топучие
А к тому князю Вахрамею Вахрамеевичу,
Играл я с им во доску во шахманну,
А выграл у его я сорок телег золота Ордынского,
Велел как я направить во матушку Росиюшку,
К тебе, князю да ко Владимиру».
Говорит князь стольно-киевский:
«Ах же ты, Михайлушко Потык сын Иванович,
Поезжай-ко ты к князю Вахрамею Вахрамеевичу,
А вези-ко ты золото во матушку во Росиюшку,
А ко мне, князю да ко Владимиру.
(*Золото, видно, нравилось.*)
Становился Михайло Потык сын Иванович да на резвы ноги,
А выходил как из-за стола с-за дубового
У князя да у Владимира,
Одевался ён да поскорешенько,
А справлялся скоро-наскоро.
Михайлушка Потык сын Иванович
Шел как ён да на широ́к двор,
А шел как ён да ко добру коню,
Измал как копья он долгомерное,
А за плечах кладовал ён тугой лук,

Брал как стрелочки каленые,
Палицу брал ён во сорок пуд.
Садился Михайлушко Потык сын на добра коня,
Поезжал как ён да с широка двора
От князя ён да от Владимира.
А видели добра молодца седучись,
А не видали молодца поезжаючи.
Ехал Михайлушка на добром коне
За лесушки ён да за темные,
А за орги ён да за черные,
А за болота за топучие
К князю Вахрамею Вахрамеевичу.
Приезжал как ён к князю на широк двор,
Выходил Михайлушка со добра коня,
А привязывал ён добра коня
Ко столбу ён точеному,
А к кольцю ён золоченому.
А сам-то шел во гридню во столовую
А к князю Вахрамею Вахрамеевичу.
Заходил как ён во гривну столовую,
Кланялся на все четыре стороны,
А князю ён со княгиней в особину.
А все как тут да осмотрилиси,
А все как тут да огляделисе
На Михайлушку Потыка сына Ивановича.
Говорит как князь Вахрамей Вахрамеевич:
«Откуда есть, удалая удалинка,
Откуда есть ты, да добрый молодец,
Какой же ты земли да какой орды,
Како же отча да какой матери?» —
«А есть я из матушки Росиюшки,
А по прозвищу Михайлушко,
А по отечеству Потык сын Иванович».
Говорит Вахрамей Вахрамеевич:
«Куда ты идишь, куда путь держишь?»
А говорит и ён таковы слова:
«А приехал я нуньку к тиби
Играть как во доску шахманую.
Ты меня как поигра́ешь —
Буду я тебе слуга верная,
Слуга верная неизменная.
А тебя как я поиграю —
Так ты давай наваливай сорок телег золота ордынского,

А вези-ко ты в матушку Росиюшку
А к князю да ко Владимиру».
(*Золото-то было не выиграно, ен вишь похвастал.*)
Тут ёны как сговорилися,
А во доску шахманну играть садилися.
Михайлушко Потык сын Иванович
Ступень-то ён ступил да не доступил,
А другую-то ён ступил да призаступил,
А третью-то ступил да и поиграл.
Говорит Вахрамею Вахрамеевичу:
«Ах ты, князь Вахрамей Вахрамеевич,
Куй-ко ты, — говорит, — мечи булатнии,
А наваливай-ко ты золота на телеги ордынские,
А вези-ко ты во матушку Росиюшку
А ко князю ты да ко Владимиру».
Говорит Вахрамей Вахрамеевич:
«Ах ты, Михайдушко Потык сын Иванович,
А сыграй-ко ты со мной да другой еще раз».
У князя глаза разгорелися,
А снова играт ёны садилися.
(*Жалко, знашь ты, такого слугу отпускать.*)
Михайлушка Потык сын Иванович
Сидит играт да забавляется,
А над собой незгоды не начается.
А налетел голубь со голубкою,
А садился на окно ен на княженецкое,
А стал голубок как попурхивать,
А стал голубок да погуркивать,
А потом-то стал выговаривать:
«Михайлушко Потык сын Иванович,
Играшь ты во доску во шахманну,
Во тыи таблеты золоченые
С Вахрамеем Вахрамеевичом,
Играшь ты да забавляешься,
А над собой незгоды не начаешься,
А твою-то молоду жону,
Увез как князь Окулья Окулевич,
А Марью Лебедь Белую».
Михайло Потык сын Иванович
Вскочил ен да на резвы ноги,
А хватил как эту доску шахматну
Во белы руки,
А бросил ен как доску о кирпичат пол:

Терема как тут да пошатались,
Хрустальныи окольница посыпались,
Вахрама-то князь да раскорякой стал.
Говорит как ен таковы слова:
«Оставь ты хоть нас да на симена».
Шел как Михайло Потык сын Иванович на широк двор,
Шел как ен да ко добру коню,
Говорил как ен да добру коню:
«Ах ты мой, да добрый конь,
Сюда ты меня вез да три мисяца,
А отсюль меня вези да в три часа».
Садился Михайлушка да на добра коня,
А выезжал как ен да с широка двора.
Видли добра молодца едучи,
А не видли молодца поезжаючи.
Добрый конь рики-озера,
А темны леса промеж ног брал.
Приезжал Михайло Потык сын Иванович
Ко своей да ко родной ен матушке,
А заезжал как ен да на широкий двор,
А выходил как ен со добра коня,
А привязывал за золото кольцо
К столбу-то ен да точеному,
А к кольцю-то ен да золоченому.
А заходил как ен ко родной матушке
В свою палату белокаменну,
А говорил как ен таковы слова:
«Ах же, родна моя матушка,
Гди же е да молода жена,
А Марья Лебедь Белая?»
А говорила ему да родна матушка:
«А Михайло Потык сын Иванович,
А твою же молоду жену
Увез как князь Окулий Окульевич».
Михайло Потык сын Иванович
Созвал как своих братьев крестовыих:
Смелого Алешку Поповича,
Добрынюшку ен да Микитича,
Старого казака Илью Муромча.
Говорил как ен да таковы слова:
«Ай же вы, мои братья крестовые,
Смелый Алёшинька Попович,
Добрынюшка да Микитич,

А старый казак Илья Муромец,
Поедимте-ко со мной да с угоную,
Увез как князь да Окулий Окульевич
Мою ён молоду жену
А Марью Лебедь Белую».
Говорят-то ему братья крестовыи:
«Михайло Потык сын Иванович,
Брат ты наш да крестовыий,
Видь не честь-хвала-ка да молодцу
А след ехать за жопой за бабью нам с угоную.
(*Как еще что-нибудь и тут пала честь.*)
А поезжай-ко след да ты сам один,
А справисся с им да ты легошонько».
Бежал как Михайло Потык сын Иванович на широк двор,
А бежал как ен ко добру коню,
А отвязывал ен добра коня
От столба ен точеного,
От кольця ен золоченого.
Сел Михайлушка на добра коня.
А видли добра молодца сидаючи,
А не видли молодца поезжаючи.
А ехал ен да след с угоную,
А за жопой ен да за бабью.
А нагнал ен на пути как на дороженьки
Увидел Марью Лебедь Белую
Михайло Потык сын Иванович.
Говорит ена да таковы слова:
«Ай же ты, князь Окулий Окульевич,
Наехал Михайло Потык сын Иванович,
Ен нас сейчас убьет.
Давай-ка ты наливай чару зелена вина,
А я как поднесу ему ⟨*нрзб*⟩,
Михайло Потык сын Иванович».
Наливал князь Окулий Окульевич чару зелена вина,
Весом была чара полтора пуда,
А мерой была чара полтора ведра.
Подносила эту чару Марья Лебедь Белая
А Михайло Потык сын Ивановичу,
Говорила ёна да таковы слова:
«Михайло Потык сын Иванович,
Не с охвотушки я еду, с поневолюшки,
А прими-ко ты выпей от меня чару зелена вина.
А не можем меженный день быть без красна, без солнышка,

А не могу я жива быть без тебя, без молодца,
Михайла Потыка сына Ивановича».
Принимал эту чару единой рукой,
А пил эту чару на единый здох —
Обернулся ен да серым камешком.
(*Волшебница была, ать обернула его серым камешком.*)
А добрый конь как побежал да без наездничка,
Прибежал он да к Михайловне, родной матушке,
Прибегал как ен да ко переднему крылечушку.
Увидала его да родна матушка,
Что прибежал Михайлушкин добрый конь,
Прибежал как ен да без наездничка.
Вела она коня да во конюшеньку,
А во стойлу лошадиную,
А сыпала коню пшена да белоярова,
А несла она коню да ключевой воды:
«Ешь-ко, добрый конь, пшена до́сыта,
Пей-ко ключевой воды ты до́пьяна».
Поскурешеньку бежала к Михайловым братьям крестовыим,
Говорила она Михайловым братьям крестовыим:
«Ай же ты, смелый Олёшенька Поповинич,
Добрынюшка да ты Микитич,
Старый казак да Илья Муромец,
Прибежал как добрый конь Михайла Потыка сына Ивановича,
Прибежал как ен да без наездничка.
Михайлушка Потык сына Ивановича да, верно, в жива нет».
Говорит как старый казак да Илья Муромец:
«А справляйтесь-ко вы, братьица крестовые,
А поидем вслед да мы с угоною,
А за князем Окулием Окульевичем.
Убил он нашего брата крестового
Михайла Потыка сына Иванова,
А добра коня да мы с собой возьмем.
А добрый конь укаже, где Михайло Потыка сына Иванова
Лежит да его буйна голова».
Справлялися как братья крестовые скурешенько,
Садились ены да на добрых коней,
А ехали вслед да с угоною,
А доброго коня да с собой взяли.
Прибегал как добрый конь да к эту камешку,
Стал копытом бить да в этот камешек.
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Ай вы, братья крестовые,

Опускайтесь вы да со добрых коней,
Тут лежит наш брат да крестовый
Михайло Потык сын Иванович».
Опускались братья крестовые со добрых коней,
Говорит тут старый казак Илья Муромец:
«Ах вы, братья крестовые,
А берите вы да этот камешек,
А берите вы да по одинки-то,
А ройте его через плечо да через правое,
А говорите вы де так слова:
„Гди лежал да серый камешек,
А тут встань-ко добрый молодец"».
Принялся тут как Олёша Поповинич,
А мог ен отдынуть как до передочиков,
А принялся тут Добрыня Микитич,
А сдынул как ен да до пояса,
А принялся старый казак да Илья Муромец,
А сдынул как ен да до белых грудей.
Приходит старичок де старый,
А старый приходит, седатой,
А говорит ен им да таковы слова:
«Ах вы, русские богатыри,
Како у вас идет тут да путешествие?»
Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
«Ах ты, старый дедушко,
Тут лежит у нас да крестовый брат,
А лежит ен да камешком,
А не можем перекинить мы его через право плечо,
А могли бы мы перекинуть через право плечо,
Гди лежал серый камешек,
Тут стоял бы добрый молодец».
А говорит старый старичок:
«Ах вы, русские могучии богатыри,
Состройте вы да дви часовенки:
А перву часовенку — Миколушке,
А другую — Егорию.
А вы состроить пообещайтесь-ка,
А перекину я-де серый камешек».
Русские могучии богатыри,
Оны пообещалися
Состроить дви часовенки:
Перву часовенку — Миколушке,
А другую — Егорью.

Старичок старый хватил как серый камешек,
Бросил его через право плечо,
А говорит ен да таковы слова:
«Где лежал да серый камешек,
Тут стань да добрый молодец».
А гди лежал да серый камешек,
А тут встал да доброй молодец,
Михайло Потык сын Иванович.
И говорит как ен да таковы слова:
«Ох, как я да долго спал».
А говорят тут братья крестовые:
«А как не мы бы, так ты,
Михайло Потык сын Иванович, и век бы спал».
Ну русские могучие богатыри
Строили они да дви часовенки:
(*Уж как пообещались, а богатыри, так им недолго построить.*)
Первую — Миколушке,
А другу — Егорию.
А говорят Михайло Потыку сыну Ивановичу:
«А не идь-ко ты, Михайла Потык сын Иванович,
Больше ты за жопу за бабьею,
А воротись-ко ты с нама ты с братьям крестовыми».
А нет говорит Михайло Потык сын Иванович братьям крестовыим:
«Поидемте вы со мной вслед да с угоною». —
«Нет, Михайло Потык сын Иванович,
Не честь-хвала нам молодцам
Ехать вслед за жопой за бабьею».
Не послухал Михайло Потык сын Иванович
Своих братьев крестовыих,
Поехал вслед за жопой за бабьею.
Приехал в это царствие
К Окулию Окульевичу.
А Окулия Окульевича дома не случилося,
А эта Марья Лебедь Белая
Выходила на пиленое крылечушко,
Выносила ему чару зелена вина.
Весом чара полтора пуда,
Мерой была чара полтора ведра.
«Прими-ка, Михайло Потык сын Иванович,
От меня ты чару зелена вина,
Не с охвотушки я уехала, а по неволюшки.
Не может меженный день быть без красна солнышка,
Не могу я жива быть без добра молодца».

Принимал Михайла Потык сын Иванович
Эту чару единой рукой,
А пил ее да на единый здох.
А тут Михайло Потык сын Иванович мертвый стал.
И прибирала она да это тело мертвое
Михайлы Потыка сына Иванова.
Наехал князь Окулий Окульевич.
Говорит ена князю Окулию Окульевичу:
«Секи-ко ты ему да буйну голову». —
«Нет-то (*говорит*), сходи-ко ты во кузнецу,
А скуй-ко ты да пять гвоздов,
А прибей ты его да на стену,
А прибей ты его да за на́весу».
Сходил как князь Окулий Окульевич,
Сходил ен во кузницу,
А сковал ен да пять гвоздок,
А дорогой шел да гвозд и потерял.
А приходит как ен да со кузницы,
А брали ены да тело мертвое,
А прибивали его да на стену,
А прибивали его да за на́весу,
В руки и в ноги по гвозду.
(*А в середку не было забит, потерян.*)
А прошло тою поры да много времячки,
А Михайло Потык сын Ианович
Стал тут чувствовать, что на стене прибитый, не вывернешься.
А ходила тут девушка-чернавушка,
Откинула ена как завесу,
А видит русского богатыря,
Михайла Потыка сын Иванова.
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Ах ты, девушка-чернавушка,
Повыручи ты меня с невзгодушки,
А со невзгодушки ты да со великою,
Дак я тебя замуж возьму.
А сходи-ко ты во кузнецу железную,
А скуй-ко ты клещи да железные,
А тащи-ко с миня болты да железные,
С рук моих, да с ног болты железные».
Говорит она де таковы слова:
«Ай же ты, Михайло Потык сын Иванович,
Если правду ты говоришь,
Схожу я во кузнецу железную,

Скую я клещи железные,
Вытяну я болты железные,
Освобожу тебя, Михайла Потыка сына Иванова,
От смерти напрасною —
А нет так ты тута засохнешь».
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Даю тебе клятьбу великую».
Девушка-чернавушка поскурешенько
Бежала в кузницу железную,
Ковала клещи железные,
Бежала к Михайле Потыку сыну Иванову,
Тащила болты у его из рук, из ног.
Михайла Потык сын Иванович
Упал как ен тут на сыру землю.
Говорит он девушке-чернавушке:
«Ай же, девушка-чернавушка,
Бежи-ко ты ко врачу, да к дохтуру
Проси-ко ты и ⟨с⟩ надобей,
Лечи-ка мои раночки кровавыи,
А не говори-ко ты вра́чу да и дохтуру
Про меня, про добра молодца
Да и корми-ка ты меня, да добра молодца,
А корми-ко ты да и пой меня».
Бежала девушка-чернавушка
Ко врачу она, ко дохтуру,
Просила она снадобей разныих
Лечить Михайла Потыка сына Иванова.
А просила ена, не говорила,
Не сказала про его, про добра молодца.
Ходила она к ему в кажный час, в кажну минуточку,
Носила истьица и питьица
Михайлу Потыку сыну Иванову.
Прошло тут как много поры-времячки,
Повылечила Михайла Потыка сына Иванова девушка-чернавушка.
Михайла Потык сын Иванович
Стал ходить как на резвых ногах,
Стал силу чувствовать он да во белых руках.
Шел как ен к Окулию да к Окульевичу
А ко Марье Лебедь Белою.
А увидела Марья Лебедь Белая,
Выбегала на пильное крылечушко,
Подносила ему чару зелена вина,
А говорила таковы слова:

«Не может меженный день [быть без красна солнышка]
А не могу я жива быть без тебя, Михайла Потык сын Иванова». —
«А нет, Марья Лебедь Белая,
А будет теби меня оммановать».
Ступил ей на ногу,
А за другую роздернул.
(*Да бросил во чисто поле.*)
А заходил ен во гридну столовую
К князю Окулию Окульевичу.
А во гридне столовой
У князя Окулия Окульевича
Висела у него да сабля вострая.
Хватил Михайло Потык сын Иванович
Ен да саблю вострую,
Отсек ему да буйну голову,
А эту девушку-чернавушку замуж ен взял.
(*Ну, вот, с этой девушкой и жить ен стал, и все тут.*)

№ 316

МИХАЙЛО ПОТЫК

Из того ли из города из Киева
Выезжали три сильные могучие бога́тыря:
Первой выежжал Илья Муромец,
А второй — Добрынюшка Никитиць сын,
А третей — Потык Михайло Иванович.
И говорит тут Илья Муромец
Тому ли Добрынюшки Никитицу:
«Поезжжай-ко ты к границам ко северным
И покоряй-ко ты народ северный,
Расширяй-ко ты границы русские».
Поехал Добрыня-молодец
Во те ли края северные.
«А ты, Потык Михайло Иванович,
Поежжай-ко ты во земли южные,
Во тыи корбы великие,
Защищай-ко ты границы русские
От того царя от южного,
Чтобы не нагрянул он снова на Царство Русское,
А я буду ездить по всей России-матушки,
Защищать города от врагов от всяких,

Все города Земли Русскоей».
И тот Потык Михайло Иванович
Поехал в сторону южную.
И доехал он до корбы великоей,
И расставил он шатер белополотняный,
Привязал коня к шатру белополотняному,
И сам садился отдыхать во белой шатер.
А у того царя да ведь у южного
У него была доцька Марья Лебедь Белая.
И увидала она во чистом поле шатер белополотняный,
И сама говорит таково слово
Своему родному батюшки:
«Ах ты гой еси, родитель мой батюшка,
Я три года летала-плавала белой лебедушкой,
А и три года спусти погулять по чистым полям».
И говорит тут ей родной батюшка:
«Уж ты, дочь моя родимая,
Поплавала-полетала ты белой лебедушкой три года,
Так погуляй ты красной девицей еще три года,
А потом ты и замуж пойдешь».
И давал он ей разрешение
Погулять сходить ей по чисту полю́.
Отправляет он ее с мамкамы и с нянькамы,
И с теми сенными девушками
Гулять во чисто поле.
И отправилась тут Марья Лебедь Белая
Ко тому ли ко белу шатру;
Пошла она походкой скорою,
Отставают от нее все служаночки,
Няньки, мамки и сенные девушки.
И говорит она гим таковы слова:
«Уж вы, все мои служаночки,
Мамки, няньки, сенные девушки,
А вернитесь-ко вы все обратно домой,
А я одна пойду гулять по чисту полю».
И доходит она до бела́ шатра,
В котором спит удало́й молодец,
Молодой Потык Михайло Иванович.
И бьет тут конь копытами о сыру землю,
Так что весь шатер тут шатается,
И тут Потык Михайло Иванович
Он от крепкого сна пробуждается.
И выбегает он из бела́ шатра

В чулках и в одной рубашечки,
И никого он не видит во чистом поли,
И говорит он коню таковы слова:
«А ты что ногами зря о землю топаешь,
Ты напрасно будишь меня, молодца».
Но тут девица рассмеяласи.
И подходит он к красной девицы,
Он берет ее за руки белые,
Он целует во уста сахарные.
И тут они с нею сговорилися,
Что ехать гим ко городу ко Киеву и венчатися;
И положена у них была заповедь великая:
Кто первой умрет, второму во гроб итти.
И поехали они ко городу ко Киеву.
И тут они с ней повенчалися.
А в та поры, да в тое времечко
Добрыня приехал из чиста поля,
И старый казак Илья Муромец;
И собирался тут у князя почетный пир,
И все на пиру напивалисе,
И все на пиру наедалисе,
В полупиру все порасхвастались:
Сильный хвастает своей силою,
Богатой хвастает золотой казной,
Добрый молодец хвастает молодечеством,
Молодечеством и славным отечеством,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной хвастает молодой женой.
А говорит тут Илья Муромец:
«Разъежжал я по чисту полю,
По всем городам по русским,
Отстоял я много городов русскиих
От злодеев татар поганыих».
И в свою очередь говорит Добрыня Никитич сын:
«А я был далёко на границе северной,
Я уберег границы все северные,
Не пропустил врага на Землю Русскую».
И стало стыдно тут Михайлу Ивановичу:
Ему женой похвастать — дело неудобное,
И говорит он таковы слова:
«А я был во Земле Южноей,
У того царя у южного,
Так я выиграл у него

49 Зак. 3427

Три телеги красна золота
И повез телеги я ко Киеву,
Но у телег колеса поломалися,
И свалил я золото во чистом поли
Во теи ли ямы глубокие
И засыпал песками жолтыми».
И говорит тут князь таковы слова:
«Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
А поежжай-ко ты обратно к царю южному
И вези-ко ты обратно это золото,
Рассчитайся-ко ты ему этым золотом
От нашей Земли Русскоей.
Заплати ты ему дань за двенадцать лет».
И поехал тут Потык Михайло Иванович
Он во ту ли Землю Южную;
Приежжает он во Землю Южную,
Заежжает он на царский двор
И идет в палаты царские;
Мостинки под ногами все покрякивают,
А ступеньки дак даже повыломались.
Услышал тую походку тяжолую
Великий царь Земли Южноей,
Навстречу к нему выбегает он
И говорит ему таковы слова:
«Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
Тебе что от меня да ведь надобно,
Ты и чего от меня потребуешь?»
Говорит тут Потык Михайло Иванович:
«Ай же ты, царь-батюшко,
А я слышал про тебя такие вестоцьки,
Что любитель играть ты в шахматы,
Поиграем-ко мы с тобой в шахматы,
Заложу я тебе буйну голову,
А ты залагай три телеги красна золота».
И берет тут доску шахматную
И садятся они играть во шахматы;
Потык Михайло Иванович
Залагает он буйну голову,
А царь залагает три телеги золота.
И Потык Михайло Иванович
Он раз сходил — не до́ступил,
Второй ступил — не до́ступил,
А в третий раз — угадывал.

Он выиграл у царя три телеги золота.
И говорит он царю таковы слова:
«Что эти телеги у тебя и останутся,
Русская дань подсчитается,
Подсчитается она за двенадцать лет».
И жалко тут стало царю золота,
Говорит он, царь, таковы слова:
«Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
А мы снова сыграем с тобой во шахматы».
И стали они играть во второй раз,
Он раз ступил — пере́ступил,
А второй-то раз — не до́ступил,
А в третий раз — угадывал
И выиграл с царя три телеги золота.
И жалко тут отдать красна золота
Тому ли Потыку Михайло Ивановичу,
И просит царь сыграть третий раз,
И играют они третий раз.
И так с первого разу Михайло выиграл
Еще три телеги красна золота.
И налетела тут птицька на подоконницек,
И сама говорит таково слово:
«Ты, Потык Михайло Ивановиць,
А ты что же позабыл молоду жену?»
И стават тут Потык Михайло Иванович на ноги,
Он топнул ногой о кирпичной пол —
Задрожали все оконницы,
А рукой он хлопнул доску шахматную —
Разлетелась вся доска шахматная,
И говорит он царю таковы слова:
«А я поеду я на свою родину,
А ты вези-ко вслед во Киев золоту казну».
И приежжает он во Киев-град,
А там померла его молода жена.
И пошел он тут к своим братицам:
К Ильи Муромцу и Добрыни Никитичу,
Что померла у него молода жена
И похоронить ему да надобно:
«И меня самого живого с ней положить надобно
По нашему по завещанию».
И собралися тут добры молодцы,
Оны рыли могилу великую,
Глубины и ширины двадцать сажень,

А долины они во сорока сажень.
А тот Потык Михайло Иванович
Он сходил-то ведь во кузницу,
Он сковал клещи железные.
И приежжали оне все к могилушки великоей.
Привозили тело Марьи Лебедь Белоей
И спущали тело Марьи Лебеди во сыру землю,
И самого Потыка Михайла Ивановича
С добрым конем и со всей сбруей ратноей,
И закладывали доскамы дубовыма
И зарывали песками жолтымы.
И сидит тут Потык сын Иванович
Во той ли могилы во глубокоей.
И стали тут собираться все гады змеиные,
И он всё отрубал ихны головушки.
Ну как пришла пора полуночная,
Как тут сама явилась Змея лютая,
Сама говорит таково слово:
«А нунь мне будет чего пообедати».
Говорит Потык Михайло Иванович:
«А может быть, Змея, ты подавишься».
И берет он клещи железные
И хватает за шею Змею проклятую,
А сам говорит таково слово:
«Подавись же ты, Змея проклятая».
Говорит ему Змея таковы слова:
«Не дави ты меня, Змею проклятую,
А дай ты мне строку на три года,
Я схожу ведь ко синю морю,
Принесу тебе воды живой и мертвоей,
Оживим мы Марью Лебедь Белую».
Говорит Потык Михайло Иванович:
«Три года — это время долго ждать».
И еще крепче прижал Змею проклятую,
И говорит Змея проклятая:
«Дай ты мне строку на два года,
Я принесу тебе воды живой и мертвоей». —
«Два года мне-ка скучно ждать».
И еще крепче нажимает Змею проклятую.
И говорит Змея тут проклятая:
«Ай же ты, Потык Михайло Иванович,
Дай ты мне сроку на три месяца,
Принесу я тебе воды живой и мертвоей,

И будет жива Марья Лебедь Белая». —
«Три месяца мне-ка скучно ждать».
И еще крепче прижал Змею проклятую.
Тогда просит Змея строку на три дня.
И на три дня Потык Михайло Иванович на соглашается,
И всё жмет Змею проклятую.
Тогда просит Змея строку на три часа,
На котору Потык Михайло соглашается.
Вот отпущает он Змею проклятую,
Оставляет он себе ейного детеныша.
И через два часа Змея вернуласи,
Принесла воды живой и мертвою.
Он, Потык Михайло Иванович,
Разрубил пополам он змеёныша
И помазал змеёныша водою мертвою,
Срастался змеёныш в одно место;
И спрыснул он его живою водой,
И ожил он, змеёныш.
И берет тут Потык Михайло Иванович
Он живую воду во руку правую,
А мертву воду в руку левую,
И стал он спрыскивать тело Марьи Лебеди,
И тут она ото сна пробуждаласи.
И отпущал Потык Михайло Иванович
Тую Змею проклятую,
А сам начал реветь зычным голосом,
Чтобы с могилы его выпустили.
И собиралися тут люди православные
Ко той ли могиле ко Потыковой,
И приходил Илья Муромец со Добрынюшкой.
Оне скоро разрывали пески жолтые,
Ломали доски дубовые,
Ставили лестницы высокие
И поднимали Потыка Михайло Ивановича
С той ли могилы глубокоей
Со добрым конем и с молодой женой,
И доложили князю Владимиру,
Что живой Потык Михайло Иванович.

№ 317

МИХАЙЛО ПОТЫК СЫН ИВАНОВИЧ

Во тот ли стольно Киев-град
Как сходилися да съезжалися
Сильные могучие бога́тыри:
Старо́й казак да Илья Муромец,
Добрынюшка Никитинич
И Михайло Потык сын Иванович.
Они-то съезжалися да опозналися,
Друг-то с дружкою да побраталися,
Золотыми крестами поменялися.
Илья Муромец да был бо́льший брат,
Добрынюшка Никитинич — тот средний брат,
А Михайло Потык сын Иванович — да меньший брат.
Начали они по Киеву похаживать,
Начали по стольному погуливать,
Начали́ порядочки налаживать:
Очистили все улицы стрелецкие,
Исправили палаты княженецкие
И поставили крепость белокаменну
Круг сего ли города, вкруг Киева.
Говорит тут Илья Муромец:
«Ах вы, братьица мои крестовые,
А долго ль нам по Киеву погуливать,
А нам долго ли по городу похаживать?
Наладили порядки мы под Киевом,
Теперь пора ли, братья, поразъехаться,
Покорять нам языки́ неверные,
Прибавлять Земельки Святорусские.
Ты, крестовый брат, Добрынюшка Никитинич,
Поезжай за славное синё море,
Покоряй языки все неверные,
Прибавляй Земельки Святорусские.
А ты, Михайло Потык сын Иванович,
Поезжай ты, добрый молодец,
Ко той ко́рбе темною,
А ко той ко грязи ко черною,
А к тому царю Вахрамею Вахрамееву,
Покоряй языки ты неверные,
А прибавляй Земельки Святорусские.
А я, Ильюшенька, как постарше всех,

А поеду я да во чисто́ полё
И буду ко́рить там языки́ неверные,
Прибавлять Земельки Святорусские».
Добры молодцы тут прощаются,
В путь-дороженьку отправляются.
А Михайло Потык сын Иванович
Приходил на свой широ́кий двор,
А как крикнул он по-богатырскому,
А и свистнул он по-молодецкому:
«Ах вы, парубки да мои верные,
Вы давайте мне да коня доброго!»
Он седлал его, да снаряжал его,
Клал он потнички да на потнички,
Клал он войлочки да на войлочки,
Сверху клал седёлышко черкасское,
Он шелковые подпруги да подтягивал,
А серебряные стремецкы подлаживал,
Не для ради́ красы-басы да молодецкие,
А ради́ крепости да богатырские.
Снаряжался он да по-дорожному,
Брал доспехи он да богатырские:
Тугой лук и калёны стрелы,
Брал он палицу булатную
И копье́ он долгомерное.
Как садился он да на добра́ коня,
Бил коня он плеточкой шелковую:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Послужи-ко ты мне верой-правдою,
Вези-ка в дороженьку дальнюю».
Тут видели молодца сядучи,
А не видели удалого поедучи.
Не воротами́ ехал да калитками —
Махнул он прямо через стену городовую
И повыехал во славно во чисто́ поле.
А во полюшке да только пыль пылит,
А Михайло-свет да как сокóл летит.
Подъезжает он ко корбе́ ко темною,
Да ко той ли грязи ко черною,
Посмотрел он в трубочку подзорную:
Неподáлече-далéче, во чистом поле,
А как стоит дворец да того царя
Вахрамея да Вахрамеевича,
А дворец стоит, точно жар горит,

А кругом дворца стена высокая.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Поразмыслился да призадумался:
«Я что мне ехать, молодцу да томному,
А что мне ехать, молодцу голодному?»
Пораскинул он да свой белой шатер,
Привязал коня он богатырского
Ко тому шатру белополотняну.
Он поел, попил да в свою волюшку,
И ложился он да опочив держать.
Во головушку клал седёлышко черкасское,
По бокам — доспехи богатырские
И уснул он крепким богатырским сном.
А у славного царя да Вахрамея Вахрамеева
А была да там одинака дочь
А Мария ли да Лебедь Белая.
Посмотрела она в косящато окошечко
А во ту во трубочку подзорную —
А во чисто́м поле да там белой шатер,
А у шатра стоит да богатырский конь.
Говорит она да таковы слова:
«А родимый ты мой батюшка,
Славный царь Вахрамей Вахрамеевич,
У тебя была мне да́на волюшка
И мне вольная была свободушка
Гулять по тихиям да по заводям,
Три года гуляла я белой лебедью;
А родимый ты мой батюшка,
Теперь ты дай-ка ты мне вольну волюшку
Погулять сходить да во чисто поле,
Ненадолго мне — да на три го́дичка».
Говорит ей Вахрамей Вахрамеевич:
«Ты любимая дочь, да Марья Лебедь Белая,
А ходила ты, гуляла ровно три года,
Не принесла ты батюшке да худой славушки,
Погуляй поди да во чисто поле,
Только, Марья ты да Лебедь Белая,
Возьми мамушок, бери нянюшок
Да верных своих служаночок».
Тута Марья Лебедь Белая
С ро́дным батюшком прощается,
Гулять во чисто поле отправляется
И берет она с собою мамушок и нянюшок,

Своих верныих служаночок.
Выходили они да во чисто поле́,
А тая Марья ли да Лебедь Белая
А не дороженькой пошла тореною,
Прямо шла травушкой шелко́вою;
А эти мамушки да нянюшки
А во траве они заплетаются,
Позади они да оставаются.
Как кричит им да Марья Лебедь Белая:
«А за мной-то вам не нагнатися,
А лучше вам да приостатися».
Эти мамушки да нянюшки
С Марьей Лебедь Белою прощаются
И обратно к царю да ворочаются.
Тут Мария Лебедь Белая
Увидела да вольну волюшку,
Свою великую свободушку —
Богатырского шагу прибавила,
А не в до́лгу по́ру-времячко
Приближалася к шатру белополотняну.
А Михайло Потык сын Иванович
Крепко спит, не пробуждается.
Тута верный богатырский конь
Стал он ржать по-лошадиному.
Крепко бьет он о сыру́ землю́
Своим копытом лошадиныим.
Тут Михайло Потык сын Иванович
От крепкого сна пробуждается,
Из бела́ шатра да он выскакивал
А в одной рубашечке без пояса,
А в одних чулочиках без чоботов.
Посмотрел во разные сторонушки —
Нигде никого да не предвидится:
Нет наездника во чистом поле,
Не наезжает поляни́ца удалая.
Он бьет коня да по тучны́м бедрам:
«Ты чего, собака, раскричалася,
Ото сна тревожишь добра́ молодца?»
Тут Мария Лебедь Белая
Выходит из-за бела шатра:
«Ах ты здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты скажи-тко мне, да не утай себя,
Ты какой земли, а ты какой орды,

Какого отца да какой матери?
А я есть да из царства Вахрамея Вахрамеева
Чесна дочь Марья Лебедь Белая».
Говорит Михайло сын Иванович:
«Я с того ли города из Киева,
А поехал да во чисто поле
Покорять языки я неверные,
Прибавлять Земельки Святорусские».
Говорит Мария Лебедь Белая:
«Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Ты возьми-тко меня да во товарищи,
Только у меня нету добра́ коня
И нет седёлышка черкасского».
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Уж ты, Марья ли да Лебедь Белая,
А по сие времячко я не женат живу,
Не женат живу, да холостым слыву,
А поди-тко ты во замужество».
Говорит тут Марья Лебедь Белая:
«Я три года Богу русскому молилася,
Чтобы быть в замужестве за святорусскиим».
Он берет ее за белы руки,
Хочет целовать во уста да во саха́рные.
Говорит ему да Марья Лебедь Белая:
«Михайло Потык сын Иванович,
А не целуй да во уста саха́рные —
А уста мои да есть поганые,
Я есть верушки да некрещеноей,
А если есть у тебя желаньице,
Ты вези меня в стольний Киев-град,
Приведи во веру во крещеную,
А во тую ли веру православную,
По́том мы с тобой да повенчаемся».
Тут Михайло Потык сын Иванович
Седлал коня да богатырского,
И сели на добра коня, поехали
Ко тому ко городу ко Киеву.
Не явился он ко князю ко Владимиру,
А прямо шли во церковь во соборную,
Провели ее во веру православную.
Тут венцами они да повенчалися,
Золотыми перстнями обручалися,
И поделали они записи великие:

Который из них впереди помрет,
А второму живому с ним во гроб легчи.
А во ту порушку, да в это времячко
Его братцы крестовы ворочалися:
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка свет Никитинич.
По приезду уда́лых добрых молодцов
А Владимир-князь да стольно-киевский
Собирает он да почёстный пир,
Собирает он всех князей, бояр
И русскиих могучиих бога́тырей,
Всех поляни́ц да он удалыих.
На пиру все наедалися,
На честном-то все напивалися,
Разными похвалами похвалялися.
Говорит Добрынюшка Никитинич:
«А я ездил за славно синё море,
Много бил я поганыих татаровьев,
Покорял язы́ки я Неверные,
Прибавлял Земли я Святорусские».
Говорит тут Илья Муромец:
«Далеко я ездил во чисто поле,
Много бил поганыих татаровьев,
Много прибавлял Земельки Святорусские».
Пришла очередь Михайлы да Иванову.
Говорит Михайло свет Иванович:
«А я ездил ко той корбы ко темною,
А ко той ко грязи я ко черною,
А к тому царю Вахрамею Вахрамееву.
Мы играли с ним в шашки-шахматы,
Я повыиграл много злато-серебра,
Навалили злато-серебро а на телеги на ордынские,
Повезли во стольный Киев-град.
Тут лошадки в дороге утомилися,
У телег ордынских оси подломилися,
Мы повыкопали ямы глубокие,
Свалили туда да сребра-золота
До поры-то мы, до времени».
На ту по́ру, на то времячко
Как дубовы двери отворяются,
Незнакомый человек да появляется,
Святым иконам он не молится,
Дорогим гостям да он не клонится,

А вынимает ярлыки да скорописчатые,
Подавает князю он Владимиру,
Говорит он да таковы слова:
«Я приехал к вам, да грозён посол,
Как от той от корбы темною,
От той от грязи черною,
От того царя Вахрамея Вахрамеева —
Вы платите-тко да дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною,
Дадим вам сроку да на́ три дня.
Если в этот срок вы не уплатите,
Мы идем на вас грозно́й войной,
Мы ваш Киев-град да огнем сожгем,
Князя мы с княгинею в полон возьмем!»
Тут возго́ворит Владимир стольно-киевский:
«Уж ты, Михайло Потык сын Иванович,
Нонь тебе дороженька знакомая:
Поезжай-ко ты ко царю да Вахрамею Вахрамееву,
Отвези-тко ты да сребро-золото,
Заплати-тко ты дани-пошлины
За двенадцать лет да с половиною,
А напиши-тко ты записи великие —
Да вперед бы нас да не запугивал».
Тут Михайло Потык сын Иванович
Он в лице да изменяется,
С молодой женой да он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется.
Подъезжал он ко той ко корбе темною,
Ко той ко грязи ко черною,
Ко тому ко царю Вахрамею Вахрамееву.
Заезжает он да на широкий двор,
Привязал коня он богатырского
Ко тому столбу он ко точеному,
Ко тому кольцу он золоченому,
Сам идет да скорой поступью
В палаты царские да государские.
Под Михайлом Потыком Ивановым
Перекладинки да подгибаются,
А камы́шевы ступеньчики ломаются.
Приходил в палаты белокаменные,
А сидит тут Вахрамей да Вахрамеевич
За столами он за дубовыми,
Кушает яствушки саха́рные,

А напиточки медвяные.
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Здравствуешь, грозный царь ты,
Вахрамей ты Вахрамеевич!» —
«Добро пожаловать, удалый добрый молодец!
Ты скажи-тко, да не утай себя,
Ты какой земли, да ты какой орды,
Коéго отца да коей матери,
Да как тебя зовут по имени,
Величают по отечеству,
Зачем ты, молодец, сюда пожаловал?» —
«Я с того ли города из Киева, —
Говорит Михайло Потык сын Иванович, —
Прошла славушка, славушка да великая
По всему ли по белому по светушку —
Уж ты мастер играть в шашки-шахматы.
Я приехал с тобой позабавиться,
Мы сыграем-ко в шашки-шахматы».
Говорит тут Вахрамей Вахрамеевич:
«А мне такие гости по разуму,
Мы сыграем да с тобой в шашки-шахматы».
И приносит он доску шахматную,
Он шахматную да серебряную,
А шашки-шахматы да золочоные.
Усадилися они да за дубовый стол,
А садилися они да сговорилися:
Если кто кого повыиграт,
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Насыпает он да злата-серебра,
Он не множечко, не мало — сорок тысячей.
А Михайло Потык сын Иванович
Условляется он да решается
Служить царю Вахрамею Вахрамееву
Безданно да без пошлины
Да ровно три года.
Начали они поигрывать, похаживать:
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Он ступень ступил — да не дóступил,
Он другой ступил — да переступил,
А Михайло Потык сын Иванович
Как ступил он — да повыиграл
Всю бессчетну эту золотý казну,
А не множечко, не мало — сорок тысячей.

Говорит Вахрамей Вахрамеевич:
«Ты, Михайло Потык сын Иванович,
А сыграем мы во второй након,
Я влагаю казны больше в три раза».
А Михайло Потык сын Иванович
Поручился служить да ровно шесть годов
Тому царю Вахрамею Вахрамееву.
Грозный царь Вахр⟨амей⟩ Вахрамеевич
Первый раз ступил — да не до́ступил,
Дру́гой раз ступил — да пере́ступил.
А Михайло Потык сын Иванович
Как ступил он — да повыиграл
Всю бессчетную эту золоту́ казну.
Говорит Вахрамей да Вахрамеевич:
«Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Мы сыграем-ко да еще в третий раз,
Полагаю я казны впятеро».
А Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Поручается служить да ровно девять лет.
Грозный царь Вахрамей Вахрамеевич
Первый раз ступил — да не до́ступил,
Другой раз ступил — да пере́ступил.
А Михайло Потык сын Иванович
Только раз ступил — да он повыиграл
Всю бессчетну эту золоту́ казну
И погрузил на телеги на ордынские
И отправили да во стольний Киев-град
Ко тому ко князю ко Владимиру,
А самы садились за дубовый стол
Хлеба-соли да пооткушати,
Белой лебеди да порушати.
А на ту по́ру, на то времячко
Прилетала тут птица вещая,
Птица вещая да черен ворон.
Она крылышки да расправила,
По стеколушку да ударила.
Летела птиченька да по-птичьему,
Говорит она по-человечьему:
«Ты, Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Уж ты ешь да пьешь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь,
А во стольном городи во Киеве
А большой несчастице случилося:

Твоя ли молода́ жена
А Мария ли да Лебедь Белая
Сегодня она да скончалася».
Тут Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Вскочил он на резвы́ ноги́,
Он хватает доску шахматну
И ударил он да о дубо́вый стол.
Дубовый стол в щепу́ да разлетается,
Шашки-шахматы по полу валяются,
А слуги верные да царские
По-за углам да попрятались.
А Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Не дверями выходил да не воротамы,
Он выскакивал в косящито окошечко,
Садился он да на добра́ коня,
Говорил коню да таковы слова:
«Ах ты, верный богатырский конь,
Ты принес меня сюда во три месяца,
А отсель неси ровно три часа!»
Тута взвился богатырский конь,
Перескочил он стену городовую
И понесся он да по чисту полю.
Он реки, озе́ра перескакивал,
Маленьки речонки промеж ног пускал,
Прискакал ко городу ко Киеву.
А Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Скорой поступью вбежал в гридню во столовую —
А лежит Мария Лебедь Белая
На столах она да на дубовыих,
А горят тут свечки да восковые,
А поют стихи заупокойные.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Горючьмы слезами уливается,
Выходил Михайло на широкий двор,
Закричал Михайло громким голосом:
«Уж вы, братица мои крестовые,
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да Никитинич,
Приходите-тко да мне-ка на́ помочь,
Услужите мне да службу верную —
Вы срубите мне колоду белоду́бову».
Тут являются братьица крестовые,
Ему делают колоду белоду́бову.

А Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Скорым-скоро бежал он в кузницу,
И сковал он клещи железные,
И сковал пруты железные,
А вторы прутьи сковал медные,
А третьи прутья сковал да оловянные.
Тут сготовили колоду белодубову,
Положили с гробом Марию Лебедь Белую,
А Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Забирает он себе продукцию,
Чтобы хватило ему да на три года.
Выкопали яму тут глубокую
И спустили во матушку сыру землю
Эту ли колоду белодубову,
Положили с гробом Марью Лебедь Белую.
А Михайло Потык сын Иванович
С братьямы крестовыми да прощается,
В колоду он да опускается.
Их зарыли песками рудо-желтыми.
Михайло Потык сын Иванович
Живой сидит во матушке сырой земле,
Читат он книгу да Евангелью.
Под землей да будто шум шумит,
Будто шум шумит, да будто гром громит —
Приплывала Змея да подземельная,
Как хватила колоду белодубову —
На ще́почки колода разлетелася.
Говорит Змея да таковы слова:
«Я сегодня сыто пообедую,
Накормлю своих детенышей-змеенышей:
Тут лежит одно да тело мертвое,
А второй — молодец да живой сидит».
Тут Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Скоро брал он клещи железные,
А схватил он Змею да за хоботы,
И берет он прутья железные
И начал бить Змею да не жалеючи,
Как он бьет Змею да приговариват:
«Ах же ты, Змея да подземельная,
Не ходи-тко по подзе́мелью,
Не сбирай-ко ты да тела мертвые».
Тут Змея ему да скорилося:
«Ай же ты, удалый добрый молодец,

Ты не бей меня, Змею поганую,
Не кровавь свои ты руки белые,
Пожалей моих детей-змеенышей».
А Михайло Потык сын Иванович
А он бьет Змею да не жалеючи.
Говорит Змея да таковы слова:
«Ты, Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Дай-ко сроку ты мне на три года,
Я слетаю ко тому городу да к Еросо́лиму,
Ко тому кресту да Леванидову,
Я принесу тебе да живу́ воду
Оживить тебе Марью Лебедь Белую».
А Михайло Потык сын Иванович
Он бьет Змею да не жалеючи:
«Мне-ко три года́ да будет долго ждать!»
Говорит Змея да таковы слова:
«Я принесу тебе да через единый год».
Говорит Михайло Потык сын Иванович:
«Мне через год-то будет долго ждать!»
И бьет Змею да не жалеючи.
Росхлыстал он прутья да железные
И берет теперь да прутья медные
И бьет Змею да не жалеючи.
Говорит Змея да таковы слова:
«Ты, Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Ты не бей меня, Змею поганую,
Не кровавь свои да руки белые,
Я принесу воды да чере́з три дня».
Говорит Михайло сын Иванович:
«Ты, поганая Змея, да мне долго ждать!»
Тут взмолилася Змея, скорилася:
«Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Я принесу воды да через три часа».
Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
На это он да соглашается.
Отпустил Змею да подземельную,
А оставил у себя детенышей-змеенышей.
Тут Змея-то поворача́ется,
Во дальний путь да отправляется.
В подземельи только шум шумит,
Еще шум шумит, да будто гром гремит.
Три часа времячко кончается,
Подземельная Змея да ворочается,

50 Зак. 3427

Принесла она да тут живой воды.
А Михайло Потык сын Иванович
Он берет дитеныша-змееныша,
Разорвал дитя он на́двоё
И сложил детеныша как надобно,
И он спрыснул живой водой —
А дитеныш-змееныш вместе срос.
Как второй он спрыснул раз —
А змееныш уж живой стал.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Потом спрыснул Марью Лебедь Белую —
Во гробу она зашевелилася.
Во второй раз спрыснул —
Она повы́стала,
Дал попить воды, она и о́жила.
Говорит тут Марья Лебедь Белая:
«Как сегодня я да долго проспала».
А Михайло Потык сын Иванович:
«Если б не был я, то ты бы вечным сном да про́спала».
Тут задумался Михайло, запечалился:
Как повы́стать им да из сырой земли.
Закричал Михайло зычным голосом,
Зычным голосом, что было моченьки.
Мать сыра земля да всколыбалася,
А желты пески да россыпалися.
А на тую по́рочку да на времячко
Его братьица да подкрестовые
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинеч
Выходили из церкви соборнои,
От той заутрени Христовскои,
Подходили к могилушке глубокои,
Говорят они да таковы́ слова:
«Верно, Михайлушке в могилушке да плохо жить».
И брали лопатушки дубовые,
Раскопали могилушку глубокую,
Поднимали Михайла Пот⟨ыка⟩ Иванова
С молодой женой с Марией Лебедь Белою.
Они чудушко да чудуются,
Они дивушко да дивуются,
Что из мертвых живые сталися.
Тута братица да крестовые
Поздоровались да похристосались,

И веселы́ да пошли радостно
Во стольний да во Киёв-град.
А Михайло Потык сын Иванович
Со своей женой пошол во высок терем,
Стали жить они да обживатися.
А во тую ли да в пору-времячко
Прошла славушка да великая
По всему ли по белому по светушку
Как про ту ли Марью Лебедь Белую,
Что есть на свете Марья Лебедь Белая,
Она прекрасная да и бессмертная.
И начали съезжаться добры молодцы,
И цари они, царевичи,
Короли да королевичи
Посмотреть на Марью Лебедь Белую, бессмертную.
Узнавал тут прекрасный царь
Василий да Окулович,
Подобрал он силушку великую,
Он войной пошел на стольний Киев-град,
Становил он полчища да во чисто́м поле,
Посылал гонца ко князю он Владимиру.
Приезжает тут грозён гонец,
Говорит он князю таковы слова:
«Ты, Владимир-князь стольно-киевский,
Ты давай-ко нам да поединщика
Съехаться да с грозны́м царем,
Со Василием да Окуловым».
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Отправляет Михайло Потыка Иванова.
А Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Поскорешенько собирается,
С молодой женой да он прощается,
Во чисто поле да отправляется.
Приезжал Михайло да во чисто поле —
Стоят полчища да великие
Уж как тех татаровей поганых.
Начал он по полюшку поезживать,
Поединщика себе посматривать,
Как того царя Василия Окулова —
Не нашел царя да во чистом поле.
Разгорелось сердце богатырское,
Начал бить он поганоих татаровей.
Его палица да поломалася,

Копье острое да притупилося.
Соскочил Михайло со добра коня,
Он хватил татарина да за ноги,
Начал он татарином помахивать:
Куда махнет — туда улица,
А перемахнет — переулочек.
Говорит Михайло таковы слова:
«А и крепок же татарин, не ломится,
А и жиловат, собака, не перервется».
Как убил он всю силушку татарскую,
Приочистил полюшко чистое
И хотел поехать во стольний Киев-град.
А во дороженьке да призамешкался,
А раскинул он да свой белой шатер,
А отдыхать он лег да опочив держать,
И уснул он крепким богатырским сном.
А грозный царь Василий да Окулович
Уезжал он во стольный Киев-град,
Розыскал он Марью Лебедь Белую да бессмертную.
В эту пору, в это времячко
Как сидела Марья Лебедь Белая
Под косивчатым окошечком
Во своем во тереме высокоем,
Все смотрела в трубочку подзорную,
Ожидала Михаила Пот⟨ыка⟩ Иванова,
А ждала она да со чиста поля.
А тот грозный царь Василий да Окулович
Без спрося он во высок терём,
Без доклада он идет во светлу светлицу,
Говорит он таковы слова:
«Уж ты, прекрасна Марья Лебедь Белая,
Сейчас приехал да из чиста поля,
А во чистом поле да под кустичком
Стоит печальный богатырский конь,
А стоит тот конь невéсёлый,
А к земле головушка повешена,
А Михайло Потык сын Иванович
А лежит он на матушке сырой земле,
Белы рученьки да пораскинуты,
Ясны очушки да призакрылися,
А ворона́ над ве́рхом громко каркает».
Тут ли Марья Лебедь Белая
Горючимя слезами уливается,

А грозный царь Василий да Окулович
Улещать он стал да уговаривать:
«Ты не плачь-ко, Марья Лебедь Белая,
Ты за Михайлой жила портомойщицей,
Портомойницей да поломойницей,
Ты поди-тко, Марья, во супружество
За меня, Василия Окулова,
У меня тут будешь ты царицею».
Тута Марья Лебедь Белая
Она польстилася да согласилася
Пойти да во супружество
За того царя да за Окулова.
Поскорешонько они сряжалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
На ту пору, на то времячко
Из того ли из чиста́ поля
Приехал Михайло Потык сын Иванович —
В терему у них пустым-пустешонько,
Во светлице да нет никого.
Выходил Михайло на широкий двор,
Закрычал Мих⟨айло⟩ зычным голосом:
«Уж вы, братьица мои крестовые,
Илья Муромец сын Иванович
И молодой Добрынюшка Никитинеч,
Я во полюшке да бился-ратился,
А не знаю я, да не ведаю,
Где же моя жена да любима́ семья».
Говорит тут Илья Муромец:
«А твоя жена уж замуж ушла
За того царя Василия Окулова,
А если хочешь взять, надо до́гонять,
Догоняй ее да во чистом поле».
Говорит Михайло таковы слова:
«Уж вы, братьица мои крестовые,
Илья Муромец сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич,
Помоги⟨те⟩ мне да в моёй беде,
А поедемте со мной да во товарищах».
Говорят тут русские бога́тыри,
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинеч:
«А не честь-хвала да молодецкая
А трем богатырям ехать нам за бабою,

Ты поезжай, Михайлушко, да одинешенек,
Догони царя Василья Окулова,
Отруби ему да буйну голову,
Накажи ему да память вечную —
Он не крал бы баб больше из Киева».
Тут Михайло Потык сын Иванович
Скорёшенько садился на добра коня,
Перескочил он стену городо́вую,
Скоро ехал во славно во чисто́ поле,
А Василий царь да он Окулович
Пораскинул он да свой бело́й шатер,
А стал во полюшке да опочив держать.
А Марья та да Лебедь Белая
А не ест, не пьет да не кушает,
А в обратный путь она посматриват.
Видит: в полюшке только пыль пылит,
Только пыль пылит, пыль столбом летит.
Прекрасна Марья Лебедь Белая
Она брала трубочку подзорную
И узнала Михайла Пот⟨ыка⟩ Ивановича,
Скорой поступью бежала во белой шатер,
Наливала чару зелена вина,
А не малу чару — в полтора ведра,
Насыпала в чару напитков сонныих.
Как подъехал Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Она шла к нему да низко кланялась:
«Ты, Мих⟨айло⟩ Потык сын Иванович,
Ты прости меня да во той вины,
А во вине прости, во женской глупости,
Я не волей пошла, а неволюшкой,
Меня насильно взял да грозный царь,
Тот царь Василий да Окулович.
А ты выпей со дороженьки
Эту чарочку да зелена́ вина».
А Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Берет он чарочку да одной рукой,
А выпивает он за единый дух
И ложится он да на сыру землю,
И уснул он тут да богатырским сном.
А Марья тут да Лебедь Белая
Заходила она да во белой шатер,
А берет царя за желты́ кудри:
«Уж ты грозный царь Василий да Окулович,

А вставай ты да поскорешенько,
А бери-тко ты да булатный нож,
Отруби ты-тко ты буйну голову
Михайло Потыку Ивановичу —
Он лежит да на сырой земли».
Говорит тут царь Василий Окулович:
«А не честь-хвала мне молодецкая
Бить мне сонного да будто мертвого,
Пусть проспится он да протверезится —
Я схожу да с им на поединочек».
Это слово Марье в запреку пришло,
Выходила она да со бела шатра,
Закричала она да громким голосом:
«Вы, копальщики, да вы, лопатники,
Сослужите вы да службу верную,
Копайте вы да яму глубокую».
А копальщики тут как тут —
Выкопали яму глубокую
И бросали они в яму Мих⟨айло⟩ Пот⟨ыка⟩ Иванова
И засыпали желтыма песочкамы.
А Марья Лебедь Белая
Она торопит царя Василья Окулова:
«Ты вставай живей да уезжай скорей».
И сели на добрых коней да поехали
Во ту ли Землю Сарацынскую.
А Михайлов верный богатырский конь
Он бегом бежит да за сокол летит
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым ко братицам крестовыим:
Ко Илье Муромцу сыну Ивановичу,
Да ко тому Добрынюшке Никитичу,
По-кониному он ржет да копытом бьет.
Говорят тут братица крестовыя:
«Верно, нет у нас да братца меньшого,
А того ль Михайлушки Иванова».
Скорым они скорешонько
Садилися да на добрых коней,
Поехали да по чисту полю,
А Михайлов конь наперед бежит.
Прибежали ко той яме голубокои,
Порозрыли песочики желтыи,
Поднимали тут Михайлушку Иванова.
Говорит Михайло таковы слова:

«А сегодня я да как-то крепко спал,
А не знаю я, где Марья Лебедь Белая».
Говорят тут братиця да таковы слова:
«А твоя жена да замуж ушла
За того царя Василия Окулова».
Тут взмолился он да скорился он:
«Уж вы, братица мои крестовыи,
Вы поедемте со мной да во товарищах!» —
«Ты, Михайло Потык сын Иванович,
Умел бабу взять, дак умей держать,
А потерял ее — умей искать».
Тут Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
В путь-дороженьку да отправляется
Догонять жену да во чи́стом полю.
Грозный царь Василий да Окулович
Он во том во полюшке во чистоим
Пораскинул он свой бело́й шатер
И ложился спать да опочив держать.
А Марья-свет да Лебедь Белая
Она не ест, не пьет и темну ночь не спит,
Все в обратную сторонушку посматриват
И за собой сугоны дожидается.
Как смотрит она во трубочку подзорную:
Во чисто́ем поли только пыль пылит,
Богатырский конь да как сокол летит.
Тут узнала Марья Лебедь Белая,
Что тут едет Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович.
Бежит Марья Лебедь белая
А навстречу Михайлу Иванову,
Говорит она да таковы слова:
«Кого ждала я, того дождалася,
Сердце женское да срадовалося.
Ты, Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Как не красён день без солнышка,
А не ясна́ ночка да без месяца —
Плохо жить мне, молодёшонькой,
Без тебя, уда́лая головушка,
Ты, сговорная моя семеюшка,
Ты, Михайло Потык сын Иванович.
Я с тобой теперь да не расстануся,
От тебя я больше не остануся.
Мы поедем-ка во стольный Киев-град,
Мы с тобой там повенчаемся

И будем жить с тобой не расстатися.
Ты, Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
С этой радости ты испей-ко чару зелена́ вина».
Скорой поступью да Лебедь Белая
Заходила во белой шатер,
Наливала чару зелена вина,
А не малу стопу — да полтора ведра,
Насыпала туда да зелья сонного,
Подносила Михайле да Иванову.
А берет Михайла да одной рукой,
Выпивает стопу на единый дух.
Тут Михайлушка да стал пьянешенек,
Опустился он да на сыру землю.
Тута Марья Лебедь Белая
Как бежит она во белой шатер,
Обудила того да царя грозного:
«Ты вставай, Василий да Окулович,
Там Михайло на земли да он крепко спит,
Отруби ему да буйну голову,
Покажи-тко мне да саблю острую,
Саблю острую да окровавленну».
Говорит Василий свет Акулович:
«А не честь-хвала да добру молодцу,
А бить мне сонного да будто мертвого».
Тут у Марьи да Лебедь Белоя
У ей женско сердце разгорелося,
Выбегала она да из бела шатра,
Хватила она Мих⟨айло⟩ Пот⟨ыка⟩ Иванова,
Бросала она да через свое плечо:
«Был удалый добрый молодец,
А становись-ка ты да серым камешком!»
А сама бежала во бело́й шатер
И скорешенько садились да на добры́х коней
И поехали во Землю Сарацынскую.
А Михайлов богатырский конь
А стоит он и с ме́стечка не кренится,
В этот камешок да все копытом бьет,
Громко ржет он все по-лошадиному.
В эту пору, в это времячко
Его братица да подкрестовые:
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинеч,
Во Киеви они да повстречалися,

Про Михайлушку да поразговорилися:
«Что-то братец наш долго разгуливат,
А во Киев к нам не возвращается».
Они подумали да надумали —
Во чисто поле они поехали.
Ехали-поехали да по чисту полю,
Подъезжали они ко темну лесу.
А из того из лесушку из темного
Выходил старичок да стародавненькой,
А стародавненькой да он седатенькой.
Говорит старичок да таковы слова:
«Здравствуйте, удалы добры молодцы,
А вы русские могучие богатыри:
Илья Муромец да сын Иванович
И молодой Добрынюшка Никитинеч,
А вы куда-то, молодцы, поехали?» —
«Едем мы искать да братца подкрестового,
А Михайло Потыка Иванова».
Говорит им старичок да стародавненький:
«Вы возьмите-ка меня да во товарищи».
Илья Муромец да сын Иванович
И Добрынюшка да свет Никитинич
Промеж собой они переглянулися,
Переглянулися да усмехнулися:
«Дорогой седой да ты нам дедушка,
Где тебе гоняться за нами без добра́ коня?»
Они сели на добрых коней да поехали,
А старичок за ними да следом пошел.
Припустили коней богатырскиих
А во всю ли прыть да лошадиную,
А старичок попереже их заскакиват.
Они ехали-поехали да по чисту полю —
Как стоит тут конь да богатырский.
Узнавали они да добра коня —
Этот конь да Михайло Иванова,
Он копытом бьет да во всю силу ржет
У того ли серого у камешка.
Тут богатыри с добрых коней спустилися.
Говорит им стар матёр человек:
«Ах вы, русские могучие богатыри,
Поднимите-тко вы серый камешок».
Тут Добрынюшка да свет Никитинич
Крепко брал он серый камешок —

Едва камешок да от земли поднял,
Повыше камешка да он поднять не мог.
Берет камешок да Илья Муромец,
Он поднял камешок до белы́х грудей.
Тут говорит стар да матёр человек:
«А, верно, старому да пришла очередь».
Поднимает он да серый камешок
И бросил камешок через право́ плечо,
Бро́сал камешок да приговаривал:
«Куда упал да серый камешок,
Становись тут удалый добрый молодец!»
И тут пробудился Михайло сын Иванович
И говорит да таковы слова:
«А сегодня я да как долго спал».
Тут он с братцамы да как встречается,
Говорит им да таковы слова:
«А где-то Марья-та да Лебедь Белая?»
Говорят ему бога́тыри:
«А твоя жена да ведь заму́ж ушла
За того царя Василия Окулова».
Говорит Михайло таковы слова:
«Уж вы, братица мои крестовые,
А поедемте со мной да во товарищи!»
Говорит Илья Муромец да сын Иванович:
«А уж как стало нас три товарища,
А ты, Михайло, будешь во четвертыих,
А не честь-хвала нам молодецкая
Четвером нам ехать за одной бабою.
А поезжай-ка, Михайло, да один туда,
А подождем тебя мы во чистом поли,
А если будет бедушка тебе великая,
Дожидайся нас да ты на выручку».
Тут Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Садился он да на добра коня
И поехал он во Землю Сарацынскую
Выручать жену да Марью Лебедь Белую.
А сильные могучие бога́тыри,
Илья Муромец да сын Иванович,
Пораскинули они да бело́й шатер,
Они стали тут отдыхать да опочив держать.
Приезжат Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Как во тую Землю Сарацынскую,
Как стоит дворец Василия Окулова.

Он чудушку да чудуется,
А он дивушку да дивуется —
Не видал дворца такого на белóм свету.
А Марья Лебедь Белая
Из косящата да окошечка
Увидала в трубочку подзорную,
Что приехал Михайло Пот⟨ык⟩ сын Иванович,
Как вскричала она да громким голосом:
«Уж вы слуги, слуги мои верные,
Слуги верные да слуги царские,
Вы бежите-тко на широкий двор,
А берите гостя под руки,
Проведите гостя в свéтлицу!»
Во тую пору-времячко
Сама сделала заставушку великую:
Разворочала полы она дубовые,
Под полами — погребы глубокие,
Призакрыла тонким льняным полотенышком,
Сама стоит да дожидается
У той заставы у великои.
Как ведут Мих⟨айла⟩ Пот⟨ыка⟩ Иванова
Слуги царские да его под руки.
А Мих⟨айло⟩ Потык сын Иванович
Как ступил на льняны полотенышки —
Провалился в погребá глубокии.
Тут Марья Лебедь Белая
Она брала гвозди железные,
Топоры брала тяжелые,
В погреба бежала глубокие,
Связала Михайлу руки белые
И потащила его за стену городóвую.
Приковала руки белые
Как ко той стены да городовую,
А как ко той стены да ко лицовую
Привязала его ножки резвые
А цепями ему да железными.
Его братьица да подкрестовые
Ото сна в шатре да пробудилися,
За Михайлушку они схватилися:
«А поедем-ко да спасать его».
Своих коней да богатырскиих
Спускали они да во зеленый луг,
Во зеленый луг они стреноживши,

Вскидывали платья богатырския,
Одевали платьё скоморошноё,
Брали в руки клюхи деревянные
И пошли ко городу да сарацынскому.
Как подходят ко стены да городовую,
А Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович
Он на стену был да прикованный,
А железными цепями да привязанный.
Гвозди железные повыдернули,
Цепи железные повынули,
А спустили Мих⟨айлу⟩ на свободушку.
Тут стар да матёр человек
Вынимает он лекарство,
Заливает раночки кровавые
У того Михайла да Иванова.
Эти раночки да призакрылися,
Михайла Потыка да Иванова
Отвели к бабушке-задворенки,
Накормили его досыты,
Уложили спать да опочив держать.
Приходили они да на царский широкий двор,
Как закричали калеки во всю голову —
От того ли покрику богатырского
Как окошечки хрустальныи покосилися,
А на башенках ма́ковки попадали.
Говорит тут Василий да Окулович:
«Это гром громит аль порог шумит?
Эх, какие на Руси калеки голосистые!»
Тута Марья Лебедь Белая
Она к окошечку бросалася,
Большиим страхом испугалася.
А калеки святорусские
Они громче закричали во всю голову:
«Ах, Василий ты да свет Окулович,
Подавай-ко нам, калекам перехожиим,
Подавай святую нам мило́стыню!»
Говорит тут Марья Лебедь Белая:
«Ах, не калеки тут да перехожии —
Это русскии могучии богатыри:
Илья Муромец да сын Иванович
Да молодой Добрынюшка Никит⟨инич⟩,
А во-третих — старенький, да я не знаю кто.
Уж ты, Василий свет Окулович,

Ты бери-тко гостей под руку,
А ты веди-тко в гридницы да светлыи,
А корми-тко го́стей ты досыта,
А ты пой-тко гостей допьяна,
Насыпай-ко им да злата-серебра
Много-множество — да сорок тысячей,
А если оне да порассердятся,
Не сдобровать тут Царству Сарацынскому —
Все прибьют они да огнем прижгут,
А тебя, царя, да в полон возьмут!»
Тут Василий свет Окулович
Выходил он да на широкий двор,
Бьет челом им, низко кланяется:
«Ай же вы, калеки перехожыи,
Проходите-тко вы во палаты белокаменны».
И берет калек он под руки
И проводит во свои ли светлы горници.
Садил он за столы да за дубовыи,
А за те скамеечки окольныи,
А кормил гостей он досыта,
А поил гостей он допьяна,
Насыпал гостям да злата-серебра,
Не множко да не мало — сорок тысячей.
Тута русские могучие богатыри,
Под названием калеки перехожиих,
Досыта́ они да наедалися,
Допьяна они да напивалися,
А бессчетну эту золоту казну
Как они всыпали да в сумки дорожные,
Да с хозяином прощалися,
А во свой шатер да ворочалися.
Приходи⟨ли⟩ они да ко белу́ шатру,
Говорил им стар матёр человек:
«Ай вы, русские могучии бога́тыри,
Высыпайте всю да золоту казну,
Высыпайте вы да одну кучу,
А на эту бессчетну золоту казну
А на этом мести да на камени
А повыстройте вы церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому».
Как сказал — да и невидим стал,
Только дедушку да и видели.
Тут пораздумались могучие богатыри

И построили они церковь соборную
А тому ли Николы Можайскому,
Сами сели на добры кони и поехали
Ко тому ли городу ко Киеву.
А во том ли Царстви Сарацынскому,
У того царя Василия Окулова
Была у него да родимая сестра
Анастасьюшка да свет Окуловна.
Говорит она да таковы слова:
«Родимый ты мой братёлко,
Грозный царь Василий ты Окулович,
Отпусти-тко ты да красну девушку
Погулять да по заполицам, да по задворицам».
Говорит тут Марья Лебедь Белая:
«Ах ты, грозный царь Вас⟨илий⟩ да Окулович,
Как отцовы есть да дети матерьны,
Да и красныя-то девушки,
Сидят они во теремах высокиих,
А безотцова дочь да безматерна,
Анастасьюшка да свет Окуловна,
Как прогуливат она да темны ноченьки
Да по заполицам да по задворицам,
А пропустит она да худу славушку
Тебе, царю да Василию Окулову».
Говорит Василий да Окулович:
«Не давай ты мне да ума-разума,
Пусть гулят сестра пока в своем дому».
Тут Настасьюшка да свет Акуловна
Пошла гулять да по заполицам,
Пришла к бабушке да на задворную,
Увидела Михайло Пот⟨ыка⟩ Иванова,
Как окрепнул он да исправился.
Опознался, разговорился,
Говорит Мих⟨айло⟩ Пот⟨ык⟩ сын Иванович:
«Уж ты, Настасьюшка свет Окуловна,
Ты скажи-тко мне, да не утай себя,
Где живет тут Марья Лебедь Белая?»
Говорит Наст⟨асья⟩ свет Окуловна:
«А Марья ли да Лебедь Белая
За моим за братцем за родимыим».
Тут вскочил Мих⟨айло⟩ да на резвы ноги,
Разгорелось сердце богатырское,
Как бежит он во высок терем

Ко тому царю Вас⟨илию⟩ Окулову,
Он придверников да не спрашиват,
А приворотников да прочь отталкиват,
Забежал в палату белокаменну.
А и сидит Василий да Окулович,
За столом сидит да за дубовыим
А с Марьей Лебедь Белою.
Как схватил Михайло Потык сын Иванович,
А схватил Василья за желты кудри
Да бросал Василья о кирпичный пол,
Тут Васильюшку и славу́ поют.
Потом схватил он Марью Лебедь Белую,
Вынимал ножище он кинжалище,
Отрубил он Марьи буйну голову,
Окровавил он палату царскую.
А выскакивал он на широкий двор,
Тут стоит Настасьюшка Окуловна,
Он низко клонится ей, поклоняется:
«Ты Настасьюшка да свет Окуловна,
Ты поди-тко за меня да во замужество».
Говорит Настасья свет Окуловна:
«Долго русскому Богу я молилася,
Чтобы быть в замужести за русскиим!»
Тут пошло у них да столованьице,
Тут пошло у них да пированьице.
А Михайло По⟨тык⟩ сын Иванович
Задал пир на весь крещенный мир,
Он принял Царство Сарацынскоё.
А на том былинушка закончилась.

МИХАЙЛО ПОТЫК

51 Зак. 3427

6. А съез - ди - ко

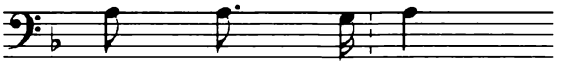
на ти - хи - и

дак ты на за - во - ди,

7. А для пе - ру

на - бей гу - сей -

ле - бе - дей,

се - рых ма - лы - их у - ту - шок!"

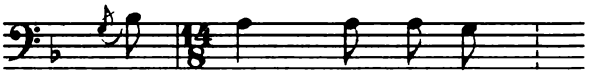
8. А е - хал - то да Ва - си - л(и) - юш - ко.

9. А как на ти - хи - е

е - хал о - н(ы) да на за - во - ди.
10. А там не пла - ва - ло
не гу - ся - то,
да не ле - бе - ди,
11. А да и се - рой да ма - лой у - туш - ки.
12. А е - хал Ва - силь - ю - шко да на о - зё - рыш - ко —
13. А на о - зё - руш - ке
пла - ват - то

да ле - бё - душ - ка:

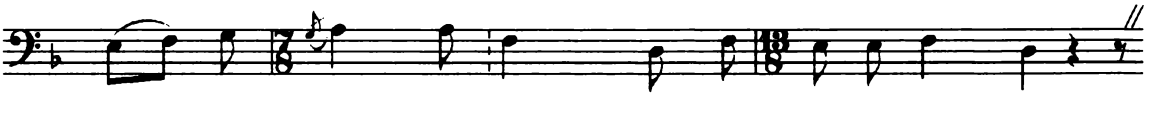

14. А пе - руш - ко - то

зо - ло - то,

дру - го се - ре - б(ы) - ря - н(ы) - но,

15. А шей - ка - та

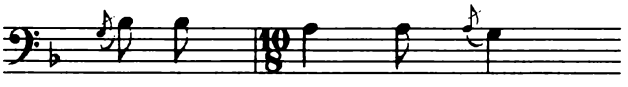

жем - чуж - ком да вся об - са - же - на.

16. Тут ско - рёнь - ко - то да Ва - си - л(и) - юш - ко

17. А как на - тя - ги - вал

тя - тив - ку - от

ту-й о - н(ы) да шол - ко - ву - ю,

18. А на - тя - ги - вал -

- то-й он по - ту - гё - шень - ко,

19. А на - пра - в(ы) - лял

стре - лоч - ку

1/16
в ту - гой - то лу - к(ы)

да пря - мё - шень - ко...

А как во сто́льноём во го́роди во Ки́ёви
А да у князя всё да у В(ы)ладимера
А вёл(ы)сэ-продолжалсэ княженецкий пер.
А призывал Владимер-князь и да Васил(и)юшка:
«А как Василюшко да сын Буслáв(и)ёвич!
А съезди-ко на тихии дак ты на заводи,
А для пе́ру набей гусе́й-лебеде́й, серых малыих утушок!»
А ехал-то да Васил(и)юшко
А как на тихие ехал он(ы) да на заводи.
А там не плавало не гу́ся-то, да не лебеди,
А да и серой да малой утушки.
А ехал Василюшко да на озёрышко —
А на озёрушке плават-то да лебёдушка:
А перушко-то зо́лото, друго́ — сереб(ы)рян(ы)но,
А шейка-та жемчужко́м да вся обсажена.
Тут скорёнько-то да Васил(и)юшко
А как натягивал тятивку-от ту-й он(ы) да шолко́вую,
А натягивал-то-й он потугёшенько,
А направ(ы)лял стрелочку в тугой-то лук(ы) да прямёшенько...

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

№ 167—318

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА № 167—190

Анализ олонецких записей позволяет предположить, что еще в XIX в. сюжет «Исцеление Ильи Муромца» был довольно редким в Онего-Каргопольском крае и бытовал в основном в форме побывальщины, а не эпической песни. В сборнике П. Н. Рыбникова опубликовано всего три текста «Исцеления Ильи», в том числе два прозаических, А. Ф. Гильфердингу единственный вариант сообщил В. Щеголенок — «большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги» (Гильф., II, с. 297). Рост популярности былины в XX в. (только на Пудоге записано более 25 вариантов) объясняется прежде всего усилившейся тенденцией к объединению песен об Илье Муромце в одно произведение сводного типа, которое почти всегда начинается с рассказа об исцелении богатыря. В сводном тексте может не быть каких-то других сюжетов (пропущенных сказителем или вообще незнакомых ему), но былина об исцелении обязательно должна входить в его состав — без нее эпическая биография героя получится неполной. Поэтому исполнители не упускали случая подробнее узнать о происхождении Ильи, о его первых подвигах.

В распространении этого сюжета огромную, если не решающую роль сыграли лубочная литература, популярные издания сводных былин, различных «сказаний», «повестей», «историй», непременно содержавших рассказ об исцелении Ильи. Следы книжного происхождения отчетливо просматриваются во многих текстах новой записи (имена родителей богатыря Иван Тимофеевич, Анна Ивановна, упоминание Оки или Сафат-реки, возле которой они чистят пожню; не характерная для народной поэзии лексика («старички переглянулись», «чара медная златообрезная», «былина киевская» и т. п.). Некоторые сказители прямо ссылались на заимствования из книги (С.—Ч., с. 649 и др.).

Ни один из стихотворных вариантов «Исцеления Ильи» по своим художественным достоинствам не может сравниться с классическими былинами. Все тексты изобилуют прозаизмами, в них крайне редки типические места, а постоянных формул, характерных только для этого сюжета, вообще нет. Показательны в этом отношении варианты колодозерского сказителя Т. Романова и А. Зуёвой с Рагнозера. У Романова, соединившего «Исцеление Ильи» с былиной «Илья Муромец и Соловей-разбойник», бросается в глаза отсутствие стилевого единства, резкий контраст между первой и второй частями произведения. Былина об Илье-сидне — это прозаический рассказ, неумело облеченный в стихотворную форму, а «Илья и Соловей» — традиционная эпическая песня, в процессе длительного устного бытования отлившаяся в чеканные формулы (см. коммент. к № 167 наст. тома). От Зуёвой в 1928 г. записаны две самостоятельные былины — «Исцеление Ильи» и «Илья и Соловей». И хотя сказительница утверждала, что первый текст она слышала от старожилов Рагнозера в песенной форме, В. И. Чичеров справедливо усомнился в этом (С.—Ч., с. 62). Прошло 12 лет, собиратели вновь встретились с Зуёвой и записали от нее те же былины. Но теперь исполнительница объединила оба сюжета, причем «Исцеление Ильи» рассказала прозой (см. № 178 наст. тома).

Эти факты свидетельствуют о сравнительно позднем появлении стихотворных обработок данного сюжета. Но несмотря на то что в пудожских записях доминируют прозаические варианты, исполнители почти никогда не называли эту былину сказкой, четко осознавали ее органическую связь с другими эпическими песнями, воспринимали «Исцеление Ильи» не как поэтический вымысел, а как рассказ о реальном прошлом. Не случайно от такого великолепного мастера-сказочника, каким был И. Болотов, записан схематичный, маловыразительный прозаический текст. Если бы исполнитель считал свое произведение сказкой, для него не составило бы труда развернуть повествование, украсить его сказочными формулами. Но этого не произошло, что лишний раз подтверждает правоту В. Я. Проппа: «...хотя составные части в большинстве сказочного содержания, сама былина [«Исцеление Ильи»] отнюдь не сказка» (Пропп, с. 243).

№ 167

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Рыбн., 1864, № 5.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерской вол. Пудожского у. — от Трофима Романова (прочие сведения отсутствуют). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

А. Е. Грузинский предполагал, что первые тридцать строк былины не пелись, а были переданы в рассказе, поскольку стих в них отсутствует (Рыбн., т. 2, с. 293).

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 60 Таким образом, на первой поре оружье Ильи, взятое из дому, остается неокровавленным; ст. 78 тамаго — прилагательное от наречия «там»; ст. 122 ребрам — вм. бедрам; ст. 124 волчья выть — волчья еда; ст. 127 обрыку — болтовни, крика; ст. 136 навид — смертная рана; ст. 180 клеснула — хлыстнула; ст. 198 пропущено: копье воткнул; ст. 240 в виде сенной копны представляют себе заонежане и водяника.

В тексте объединены сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Такая контаминация, обычная в поздних записях, на Пудоге до революции больше не фиксировалась. Более того, первый сюжет был записан только от колодозерского сказителя. Первая часть былины (ст. 1—30) изобилует прозаизмами (ст. 2—3, 7, 10, 12—13, 16—17, 22, 29), не характерными для эпоса бытовыми словосочетаниями, тяжеловесными синтаксическими конструкциями («выкушай сам, что подносишь», «плечмы стряхнул», «имею корпус в себе», «ежели бы было»). Здесь нет ни одной традиционной формулы, использован всего один былинный постоянный эпитет («сила поганая») и один общефольклорный («добрые людюшки»). Прозаическая первооснова этой части былины очевидна. Попытка придать ей стихотворную форму Т. Романову явно не удалась, и вряд ли он мог петь столь непоэтичные строки, — вероятнее всего, начало текста записано под диктовку. С 31-го стиха, начала повествования о первой поездке богатыря, преобладает традиционная стилистика, сказитель демонстрирует незаурядное исполнительское мастерство:

Илья Муромец пригнал себе коня добраго,
Облатился Илья и обкольчужился...

Т. Романов вводит в текст синонимичные и тавтологические словосочетания. Он обладает обширным запасом традиционных поэтических формул, нередко использует два, а то и три эпитета при одном определяемом слове («бажёные любимые детушки», «ранняя заутрена воскресная», «царское крылечико переное»).

Содержание первого сюжета изложено схематично, с минимальными отклонениями от устоявшихся стандартов. Илью-сидня исцеляет Иисус Христос, а не калики перехожие (либо странствующие старцы), как в большинстве других олонецких вариантов. Не ясна мотивировка повторного поднесения чудесного

напитка. Во второй части былины обнаруживаются почти все эпизоды и мотивы, типичные для пудожской версии сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник»: от завета богатыря не кровавить в пути оружие до угощения вином раненого Соловья. Некоторые оригинальные детали роднят комментируемый текст с вариантами других пудожских сказителей. Осажденный «силой поганою» русский город назван «Бежеговом». Сходный топоним находим в былинах Н. Прохорова, И. Фепонова, М. Мякишева, А. Зуёвой, А. Портнягина, а также кижанина Н. Дутикова (Рыбн., № 61). Уподобление Соловья-разбойника сенной копне или сенной куче есть в текстах пудожан А. Сорокина (№ 192 наст. тома, ст. 272) и А. Пантелеева (№ 198 наст. тома, ст. 102) и П. Калинина из деревни Пудожская Гора (№ 194 наст. тома, ст. 92). Сходный поэтический образ использован в былине калики из Красной Ляги («Михайло Потык», Рыбн., № 196, ст. 41). Описание стычки богатыря и дочери Соловья-разбойника, которая поминает черта и водяного (ст. 189) совпадает с аналогичной сценой у А. Сорокина (№ 193 наст. тома, ст. 303) и водлозёра С. Панова (№ 197 наст. тома, ст. 265). Редкий в былинах глагол «замызгать» находим у Н. Прохорова с Купецого озера (№ 191 наст. тома, ст. 104) и ряда его земляков. Как и другие пудожане, Т. Романов описывает преодоление богатырем трех застав на пути в Киев, но одна из них необычна — «сорок сынов» Соловья-разбойника «со единым». Река, возле которой засел Соловей, не «Смородинка», а «Пачей-река» (видимо, от «Пучай-реки», фигурирующей в большинстве местных вариантов «Добрыни и Змея»). Нарушение Соловьем приказа «рычать вполголоса» в надежде «на уход уйти» встречается в записях из разных местностей Онего-Каргопольского края (Гильф., № 3; Рыбн., № 191; С.—Ч., № 107). Отчество жены Соловья Акулины Дудентьевны позаимствовано из исторической песни о Щелкане, неоднократно записывавшейся на соседнем Кенозере (Гильф., № 235, 283). Отказываясь освободить своего пленника за выкуп, богатырь намеревается его «на вино пропить, на колач проесть» (ст. 177). Эту формулу, отсутствующую в других прионежских записях, находим в былине «Алёша Попович и Тугарин» печорского сказителя П. Маркова (Онч., № 85).

№ 168

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456. оп. 1, ед. хр. 33, л. 14 об.—21 об., чистовой автограф В. И. Чичерова (запись чернилами); ед. хр. 32, л. 43—59, полевая запись В. И. Чичерова, сведенная карандашом (полные строки); ед. хр. 34, тетр. 1, л. 45—61 (24—32), полевая карандашная запись В. И. Яковлевой (полные строки); ед. хр. 19, л. 12—19 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 70.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, Ю. А. Самариным, В. И. Яковлевой: 9 июля 1928 г., д. Семеново — от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.

Примечание собирателей: «По указанию П. Е. Миронова, былины он перенял от односельчанки Настасьи Романовны Мироновой. Записей от нее ни П. Н. Рыбников, ни А. Ф. Гильфердинг не делали» (С.—Ч., с. 887).

В ед. хр. 32, тетр. 1, л. 59—62 есть запись второй половины стихов (15 строк) неопубликованного отрывка былины «Илья Муромец (Добрыня и Алёша)».

Примечания собирателей к тексту: ст. 119 де́нку — обеденку; ст. 227 проклятое Инд<u>о́</u>лище — обмолвка сказителя, Илья обращается к Соловью.

Разночтения ед. хр. 32, 34

Ст. 1 *во* царьсвии (ед. хр. 34); ст. 2 Корочарове (ед. хр. 34); ст. 3 *А* у (ед. хр. 34); ст. 4 *А* был (ед. хр. 34); ст. 5 Муромец (ед. хр. 32); ст. 8 Трицать (ед. хр. 32), тридцять (ед. хр. 34); ст. 11 ту ли *я* (ед. хр. 32, 34), роботку (ед. хр. 34); ст. 15 уж ты *стан* (ед. хр. 32), это слово отсутствует (ед. хр. 34); ст. 20 пьянёшенько (ед. хр. 34); ст. 21 А тридцять (ед. хр. 34); ст. 29 слова «*есь, руки есь*» отсутствуют (ед. хр. 34); ст. 30, 31 А у *мня* (ед. хр. 34); ст. 33 Муромец (ед. хр. 32); ст. 35, 40 вложеньицё (ед. хр. 34); ст. 46, 48 полнёшеньку (ед. хр. 34); ст. 52 ёго (ед. хр. 34); ст. 53 чуствуешь (ед. хр. 34); ст. 56 А повернул *бы* земелушку (ед. хр. 34); повернул *ли* земелюшку (ед. хр. 32); ст. 57 А говорили тут старци (ед. хр. 34); ст. 63 цуствуешь (ед. хр. 34); ст. 68 тебе (ед. хр. 311); ст. 81 цядо, цядо, *цядо* (ед. хр. 32, 34); ст. 84 влажденьицё (ед. хр. 34); ст. 90 милоё (ед. хр. 34); ст. 92 поскромнёшеньку (ед. хр. 34); ст. 94 деревенку (ед. хр. 34); ст. 95 *А говорил Илья* (ед. хр. 34); ст. 97 А вы *дайте-ко* (ед. хр. 34); ст. 99 Киёв (ед. хр. 34); ст. 101 церквы (ед. хр. 34); ст. 104, 112 милоё (ед. хр. 34); ст. 114 А не *кровав-ко ты* (ед. хр. 34); ст. 115 А не сироти-ко *ли ты* (ед. хр. 34); ст. 117 *ён да* утром (ед. хр. 34); ст. 119 на тую *ли ён на* (ед. хр. 34); ст. 121 на роськe (ед. хр. 34); ст. 122 сменялосе (ед. хр. 34); ст. 123 *А чтобы* ... в тебе *да* (ед. хр. 34); ст. 126 *да* перескакивать (ед. хр. 34); ст. 127 справляетсе (ед. хр. 34); ст. 128 снаряжаетсе (ед. хр. 34); ст. 129 черниговске (ед. хр. 34); ст. 137 удалых *молодцов* (ед. хр. 34); ст. 140 другой [*рвет*] дубовые (ед. хр. 34); ст. 144 А ко *тым* ... карачаевцям (ед. хр. 34); ст. 146 *карачаюци* (ед. хр. 34); ст. 147 вы нуньце *не цюликаетесь* (ед. хр. 34); ст. 150 Идолищё (ед. хр. 32); ст. 152, 153 ёго ... ён (ед. хр. 34); ст. 158 *А мне* (ед. хр. 34); ст. 159 сиро́тать (ед. хр. 34); ст. 163 А за *тую* (ед. хр. 32, 34); ст. 164 А тут *и* взял ё, сёл ён *да* на (ед. хр. 34), ён *да* на (ед. хр. 32); ст. 165 белуполутняну (ед. хр. 32, 34); ст. 166 Ундолище (ед. хр. 32, 34); после ст. 167 А уж ты стань-проснись, *да доброй молодець* (ед. хр. 32, 34); ст. 173 малой *пёс* коморошина (ед. хр. 34), *пёс* (ед. хр. 32); ст. 181 А меж глазамы будту (ед. хр. 34); ст. 182 *Ай* (ед. хр. 34); ст. 194 на три *попища* (ед. хр. 32, 34); ст. 195 Порозъехались (ед. хр. 34); ст. 199 Удолищё (ед. хр. 34); ст. 201 туды улушка (ед. хр. 34); ст. 204 на месте *нет* зачеркнутое *да* (ед. хр. 34), голоса *да* цёловецьёго (ед. хр. 19); ст. 206 *Ай* вы... *караевци* (ед. хр. 34), карачаевци (ед. хр. 32); ст. 210 А ведь *и* нету (ед. хр. 32, 34); ст. 213 проежого (ед. хр. 34); ст. 217 А ён дубы *едет да* мосты (ед. хр. 34), *А ён дубы да мосты мостит* (ед. хр. 32); ст. 224 А не слыхал *ли* (ед. хр. 34); ст. 226 *Ай* (ед. хр. 34); ст. 227 *Ах* ты ли, проклятоё Индолищё (ед. хр. 34); ст. 232 А вышло ли ёму (в)*лево* (ед. хр. 34); ст. 236 А провез (ед. хр. 34); ст. 238 А ёго там, глядит *так Илья*, семья (ед. хр. 34); ст. 246 славный (ед. хр. 34); ст. 249 ёго ... тут *ё* доць (ед. хр. 34), тут *и* дочь (ед. хр. 32); ст. 255 Разве так *и* гостей (ед. хр. 34); ст. 257 Илью (ед. хр. 32); ст. 258 да о *кипитят* пол (ед. хр. 32, 34); ст. 262 дак рука и вон (ед. хр. 34); ст. 267 Киёв-град (ед. хр. 34); ст. 268 Владимеру (ед. хр. 34); ст. 274 славно из Мурома (ед. хр. 34); ст. 286 А пойдим (ед. хр. 34); ст. 288 А *пошли* попили (ед. хр. 34); ст. 289 Ай говорил ём (ед. хр. 34); ст. 290, 292, 294 полаты (ед. хр. 34); ст. 293 А покажи *нам* Соловья (ед. хр. 34); ст. 295 киёськой (ед. хр. 34); после ст. 302 *А во свой-то ты мызг да соловьиной ли*!; ст. 304 *должон* (ед. хр. 34); ст. 306 тут *сол*(ы)*нушко* (ед. хр. 34); ст. 310, 311 поблизёхонько... коротёхонько (ед. хр. 34); ст. 315 Индолищё (ед. хр. 34); ст. 316 вполсвисту (ед. хр. 34); ст. 320 княгыной (ед. хр. 32), княгиней (ед. хр. 34); ст. 321 *подярживать* (ед. хр. 32); ст. 322 А тут ли [ ] ума [ ] (ед. хр. 34); ст. 324 доброй удалой *ты* молодець (ед. хр. 32, 34); ст. 326 Удолища (ед. хр. 32, 34); ст. 327 не было *палести* (ед. хр. 19), *палисти* (ед. хр. 32), *пameти* (ед. хр. 34); ст. 330, 332, 334 ёго (ед. хр. 34); ст. 336 Муромцу (ед. хр. 19), Муромцю (ед. хр. 32), Муромцу *прославилсе* (ед. хр. 34).

В середину текста П. Миронова, где контаминируются сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник», вставлена еще одна старина об Илье Муромце — «Илья и Идолище». Необычное расположение третьего сюжета, прерывающего повествование о первой поездке богаты-

ря и замещающего традиционный для Пудоги рассказ об освобождении русского города, скорее всего, неудачная инновация исполнителя либо его непосредственного предшественника. Илья расспрашивает «мужицьков черниговских» о прямоезжей дороге в Киев, мостит мосты из дубов, а потом освобождает «мужицьков до карачаевцев» от «поганого Индолища» и его войска. Отход от классической сюжетной схемы приводит к неоправданному дублированию: и черниговцы, и карачаевцы предупреждают богатыря о Соловье-разбойнике (ст. 131—138, 209—215). Дважды говорится и о том, как герой «дубы на мосты мостит» (ст. 141—142, 217).

Былина П. Миронова содержит целый ряд эпизодов и подробностей, свойственных пудожской версии сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Перед поездкой мать наказывает герою «не кровавить сабли»; жители осажденного города «каютсе да причащаютсе», ожидая верной гибели в бою с татарами, старшая дочь Соловья пытается убить богатыря подворотней. В описании Соловья-разбойника использован редкий глагол «замýзгать» («помозгать») — ср. варианты Н. Прохорова и Т. Романова (№ 191, 167 наст. тома). Оригинальный и выразительный поэтический образ использован в ст. 204: «в поле-то слова-голоса нет цёловецьего». Сюжет «Илья Муромец и Идолище поганое» переработан П. Мироновым в сказочном духе. От традиционной былины осталось только имя противника, гиперболическая характеристика его внешности и перебранка с ним перед началом поединка. Остальные мотивы он, вероятнее всего, позаимствовал из сказок, которые «рассказывал мастерски» (С.—Ч., с. 322). Илья Муромец обнаруживает своего врага спящим в шатре; его конь «отпихал» коня Идолища от пшеницы белояровой. Бой Ильи с Идолищем описан как поединок витязей-всадников, а не стычка за княжеским столом. Даже имя «поганое Индолище» («Ундолище») сказитель, видимо, сознавал как обобщенное нарицательное наименование врага. Дважды он так назвал Соловья-разбойника (ст. 227, 326), однажды — его дочь (ст. 254).

Комментируемый текст изобилует перенесениями из других эпических песен. Первый стих позаимствован из духовного стиха об «Алексее, человеке Божьем»; ст. 262—263 — из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы»; упоминание «Непры-реки» в ст. 76 и др. — из былины о Дюке или Сухмане. Идолище называет Илью «малым скоморошиной» (ст. 173) — ср. местные редакции былины «Добрыня и Алёша». В финале богатырь рассекает на части и сжигает Соловья-разбойника (ст. 331—334) — ср. пудожские варианты духовного стиха «Егорий Храбрый и Змей» (частично этот эпизод перекликается и со стариной Н. Прохорова, см. № 191 наст. тома). Эти перенесения свидетельствуют о том, что в молодости П. Миронов слышал множество эпических песен. Вместе с тем нестабильность текста, «размытые» контуры сюжетов — очевидные признаки угасания традиции. И в стилистическом плане былина об Илье Муромце — самый слабый текст сказителя. Многие его фрагменты представляют собой ритмизованную прозу, неумело стилизованную под былинный стих (ст. 28—31, 73—75, 87—89, 104—106, 131—132, 141, 173—175 и др.). П. Миронов нередко искажает эпические формулы почти до неузнаваемости (ст. 230—232, 257—259, 271—272, 303—305, 330—332). Он переосмысливает постоянные эпитеты, злоупотребляя при этом эпитетом «славный» («погреба славны глубокии», «к стремени славной кониноёй»). Иногда он допускает логические неувязки (ст. 177—178, 214 — «волки не пролетят»). Встречаются в его былине и просторечия, бытовые разговорные конструкции и словосочетания («чуликаетесь», «раскоколась голова» и др.).

№ 169

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 90—83 (перевернутые листы), полевая карандашная запись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 268 об.—271, полевая рукопись (конец строк); ед. хр. 33, тетр. 3, л. 174—180, полевая рукопись. Опубл.: С.—Ч., № 170.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 22 июля 1928 г., д. Великостров на Водлозере — от Прасковьи Андреевны Фересиной, 55 лет.

Примечание собирателей: «„...выучила текст былины по книге" (названия книги не помнит)» (С.—Ч., с. 895).

Разночтения ед. хр. 9

Ст. 1 во Муроме; ст. 4 со своею супругой; ст. 5 Илью Муромчя; ст. 7 сиденём; ст. 8, 39 на печьке; ст. 10 Осталсе *Ильюнюшка* на печьке лежать; ст. 15 напитися; ст. 16 у меня; ст. 17 *странницьков* зачеркнуто; ст. 20 о́перся; ст. 21 Взял *он* ковш; ст. 28 до нёбушка; ст. 33 сам снача́л; ст. 37 прохожие; ст. 41 отсутствует; ст. 43—47 в С.—Ч. отсутствуют; ст. 50 девяносто пуд; ст. 53, 60 прямоежжею; ст. 57 жонатому быть; ст. 65 во стольный; ст. 67 Соловей *во* разбойничек; ст. 74 *Чего* ты; ст. 75 *И* направил; ст. 76 Соловью; ст. 81 раньшо; ст. 82 нашого; ст. 83 к *Ильи* Муромцу со слезам; ст. 84 золочёныи; ст. 86 Отдай, молодец; ст. 91 Илья Муромец *во Киев-град*; ст. 93 в палату белокаменну; ст. 96 цёловек; ст. 97 Какой семьи, *какой матери*, какого; ст. 99 Отвецяет; ст. 100 Я кресьянский; ст. 102 Из села *я* из; ст. 105, 108 прямоезжую; ст. 107 мужик *в глазах* да сполыгается; ст. 108 отсутствует; ст. 116 Засвисти-*ко ты* по-соловьиному; ст. 122 Муромец.

Контаминация сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». По словам П. Фересиной, былину она вычитала в книге. В ее тексте (ст. 63—65, 91—92, 115) ощущается влияние лубочных пересказов (не характерное для пудожской традиции соединение мотива трех дорожек с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник») и варианта из сборника Кирши Данилова. Судя по ст. 56—57, в книжном первоисточнике описывалось и столкновение богатыря с разбойниками (см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 52). В первой части былины П. Фересина имитирует былинный стих, но в сущности это откровенная проза. Исполнительница обращается к несвойственной традиционному фольклору, осовремененной лексике («сопруга», «детище хилоё да хвороё», «папа», «дали поцет»), иногда искажает устоявшиеся словосочетания, не вполне их понимая («нет у меня ног под собой», «затури по-туриному»).

№ 170

Исцеление Ильи Муромца

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 25—27, полевая рукопись, карандаш; л. 24 об.—26 об., перебелены чернилами; ед. хр. 10, л. 26—30, полевая рукопись, карандаш. Опубл.: С.—Ч., № 195.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Александры Тимофеевны Зуёвой, 41 года.

В полевой и перебеленной записи (ед. хр. 33) в строке 4: нун^{ц}че, няньч^{ц}или.

Примечание собирателей: «По словам А. Т. Зуёвой, былину она переняла от рагнозерского сказителя Федора Алексеева. От Ф. Алексеева ни Рыбниковым, ни Гильфердингом записи сделаны не были» (С.—Ч., с. 897).

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 3 в робячестве; ст. 4 Отець ... нунце нянцили; ст. 7 отдыхаюшчи; ст. 8, 37 видь ... за роботушку; ст. 10 нунце на шесь верст; ст. 11 И *хоть* расцистил; ст. 23 ты, *да* Илья; ст. 40 сегоднешней.

Сюжетная схема варианта обычна для Прионежья, но некоторые его детали оригинальны. Упоминание о том, что родители героя «в рабы пошли», — неудачная новация исполнительницы, видимо навеянная словом «работушка» (ст. 8). Точное значение слова «раб» А. Зуёвой вряд ли было известно. Уникальна мотивировка болезни Ильи Муромца, перекликающаяся с быличками о нечаянно проклятом ребенке. В изложении А. Зуёвой эпизод скомкан (ст. 12—15). При повторной записи (№ 178 наст. тома) А. Зуёва точнее передала традиционные детали. Проклятие произносит мать, «вызывая» паралич («не быть ему ни рук, ни ног»), но она не знает, что пожни расчистил именно ее сын («буди проклят тот человек, кто ето место сделал»). Странники исцеляют богатыря-сидня посредством ключевой воды (ср. некоторые печорские тексты; в Прионежье обычно упоминаются вино, пиво, мед, квас). Былина А. Зуёвой изобилует прозаизмами, в ней практически нет традиционных эпических формул. Не исключено, что исполнительница импровизировала, облекая в стихотворную форму прозаический текст. Ср. предание о Рахте Рагнозерском, записанное от Т. Прокина, отца А. Зуёвой, и ее былину об этом герое (С.—Ч., № 194, 197).

№ 171

Поездка Ильи Муромца во Киев-град

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 1, черновая рукопись, карандаш.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

При повторной записи сказитель отказался от идеи сводного произведения об Илье Муромце (см. №287 наст. тома), ограничившись контаминацией двух первых сюжетов — «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Композиция этой части былины упрощена: опущен диалог Богородицы с Христом; не описывается корчевание деревьев для пашни; не столь подробно рассказывается о нападении дочери Соловья-разбойника на богатыря. Расправляясь с вражеским войском, Илья не гонится за убегающими татарами. Вместе с тем сказитель ввел в повествование ряд дополнительных деталей. Мать героя названа «Апросиньей Яковлевной». Старцы трижды велят богатырю-сидню допить оставшееся после них «пиво пьяное»; в первоначальной записи герой пьет пиво, мед и брагу. У паломников есть «кизица» («кошелек» — Даль 2, с. 181) с деньгами; по дороге в Киев богатырь оставляет подписи: «Первая поездка Ильи Муромца»; использована формула укора коню, не удержавшемуся на ногах от свиста Соловья-разбойника. Текст завершается былинной концовкой, усвоенной Ф. Конашковым от П. Рябинина-Андреева: «А на том-то былинка-то поконциласе».

Публикуется впервые.

№ 172

Про Илью Муромца и Соловья-разбойника

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 57, л. 16—84, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Третья по счету запись былины сделана в том же 1937 г., что и вторая. По композиции и содержанию вариант близок к предыдущему. В обоих текстах отсутствует приказ Соловью беречь коня на княжеском дворе; не названа по имени дочь Соловья, нападающая на Илью Муромца; не описывается стычка богатыря с гостями князя Владимира.

Публикуется впервые.

№ 173

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 57, черновая рукопись. Опубл.: Линевский, № 1.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

«Из сказителей, известных А. Ф. Гильфердингу, мотив исцеления мы встречаем лишь у Щеголенка (Гильф., № 120, 55 строк), а из сказителей, записанных П.Н. Рыбниковым, у Романова (Рыбн., № 139, 30 строк). У Сарафанова (Рыбн., № 82) этот мотив передан лишь одной строчкой „тридцать лет он сиднем сидел", после чего сразу говорится, что Илья „слезает со печки муравленой". У Романова — вместо конашковских двух калик приходят „Господь Иисус Христос со апостолами". Былина в таком исполнении приближалась по характеру к духовным стихам. Кроме того, есть прозаические пересказы — сюжеты, записанные от Богданова (Кижи) и калики из Красной Ляги (с Онеги). Из современных прионежских записей очень полные варианты записаны от А. М. Пашковой (БПК, № 3, 105 строк) и Н. А. Ремизова (там же, № 31, 192 строки). Представляя собой часть сводных былин об Илье Муромце, они отличаются от варианта Ф. Конашкова характерным для сюжета исцеления указанием на крестьянское происхождение богатыря и наделением его образа крестьянскими чертами. Отсутствие этих черт в публикуемом тексте возможно объясняется оригинальным началом былины (нападение на Киев царя Калина); такое начало придало сюжету исцеления необычный характер, подчинив его основной теме эпоса — борьбе с иноземными нашествиями.

Включение в былину отрывка о царе Калине (ст. 1—18), по-видимому, принадлежит самим Конашковым. Сопоставление архитектоники всей былины Ф. Конашкова с вариантами о Соловье-разбойнике, опубликованными П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом, не дает аналогий ни с одним из сказителей всего Прионежья, но по дословным совпадениям отдельных мест видна связь с вариантами пудожанина А. Сорокина. ⟨...⟩ Самый отрывок о царе Калине своим зачином тоже восходит к сорокинской редакции былины „Илья Муромец и Калин-царь" (Гильф., № 69).

Из всех сказителей Прионежья лишь у А. Сорокина дается описание усадьбы Соловья, но оно подано в стиле традиционного былинного реквизита (три терема златоверхие, множество верхов, крыш, крылечек, зеленые сады, цветы лазуревые — «вся усадьба красовитая»). Ф. Конашков дает совершенно иной образ (см. ст. 212 и след.)» (Линевский, с. 187—188).

Запись, сделанная через 10 лет после первой (см. № 287 наст. тома), свидетельствует о высокой стабильности текста сказителя. Правда, объем былины заметно сократился за счет более лаконичной манеры исполнения, пропуска некоторых эпизодов и развернутых формул. В «Исцелении Ильи» нет подробного описания корчевания леса под пашню и пространного разговора с родителями (ср. ст. 153—188 в записи 1928 г.). Во втором сюжете отсутствуют стычка богатыря с гостями за княжеским столом, наказ Соловью беречь коня; короче описано столкновение героя с дочерью Соловья-разбойника. Не упоминаются Непрарека и речка Смородинка, не названа по имени дочь Соловья. В тексте опущены почти все эпизоды и мотивы, связанные с религиозной тематикой: диалог Богородицы с Христом, приезд Ильи к церкви в конце «позьней обиденки» — он сразу попадает на пир к князю Владимиру. Трудно сказать, сделал ли это Ф. Конашков по собственной инициативе, ориентируясь на идеологические приоритеты своего времени, или под давлением извне, но в результате цикл его былин об Илье Муромце существенно потерял в художественном плане. Дополнений к тексту 1928 г. немного. В повествование введена традиционная для Пудоги подробность — по дороге в Киев Илья Муромец оставляет подписи о своей первой богатырской поездке (ст. 221—223). Заключительный стих «А на том-то былинка та поконцилась», формула «прямоезжая дорожка замуравлена» (ст. 201) и знаменитое сравнение татарского войска со стаей черных воронов (ст. 170), вероятнее всего, появились в результате непосредственного влияния П. И. Рябинина-Андреева,

старины которого Ф. Конашков неоднократно слышал во время совместных выступлений в Петрозаводске и Москве. В ст. 320 город Муром ошибочно назван «Черниговом» (ср. ст. 19). Многократно повторенное в былине слово «браза», истолкованное А. М. Линевским в значении «чара» (см.: Линевский, с. 207), в 1928 г. собиратели зафиксировали как «брага». С этой интерпретацией трудно согласиться, поскольку в тексте есть такая фраза: «Черпанул он бразу полнёшенько» (ст. 51). Возможно, «браза» — искаженная «братыня», которая иногда упоминается в записях из Архангельско-Беломорского края и в популярных изданиях былин.

№ 174

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 12а, л. 89—147, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. П. Родиной: август 1938 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 73 лет. Опубл.: БПК, № 3.

Пояснения собирателя: ст. 20 чища — пожня; ст. 100 вить — ведь.

Разночтения БПК, № 3[1]

Ст. 32 *Принимай* ты гостей; ст. 50 Наливал; ст. 91 *Вышел*; ст. 173 (ст. 166 ркп.) *милыих* детушек; ст. 370 (ст. 363 ркп.) от *соловьиного*; ст. 374 (ст. 367 ркп.) *добрые по земли*.

«„От кого слышала, не помню", — говорит Пашкова. Былина представляет сводный текст, в котором контаминируются несколько сюжетов об Илье Муромце. ⟨...⟩ Повествованию о подвигах Ильи Муромца предшествует рассказ о его исцелении, далее следует поездка его к трем росстаням и борьба с Соловьем-разбойником. Композиционно эти составные части былины несоразмерны. Так, сюжету о трех поездках Ильи Муромца уделено мало места, причем стих в отдельных случаях близок к прозе (ст. 120—135). Сюжет об Илье Муромце и Соловье-разбойнике занимает бóльшую часть былины (280 стихов из 485), при этом о разгроме татар, которые наступают на Киев (а не на Чернигов или другой город, как обычно) сказано только в 12 стихах.

Религиозно-легендарный характер исцеления Ильи Муромца, отмеченный рядом исследователей (Вс. Миллер и др.), проявляется в варианте Пашковой довольно ярко, но основная тенденция — характеристика Илья Муромца как выходца из крестьянской среды. Начиная с описания его исцеления, это проходит через всю былину. Алёша Попович на пиру говорит об Илье Муромце князю Владимиру: „Перед тобою стоит мужчина-деревенщина" и т. д. (ст. 356). Илья Муромец выступает как выразитель определенных моральных принципов, например, ст. 118—125 о женитьбе и богатстве и следующее за ними поучение: „Всякий-то на свете женится, а не всякому женитьба удавается" — обычная формула заключительной части былины о Добрыне и Алёше, и дальше: „Наживайте-ко богачество трудом честным" (ст. 203). В конце Илья Муромец обращается к князю Владимиру: „Я не гость приехал да не угощатися, а приехал с вами побрататися, послужить вам верой-правдою"» (БПК, с. 464).

В былине А. Пашковой объединены три сюжета, все они в значительной мере зависимы от книжных источников (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 13, № 17; сюжет 14, № 26; сюжет 22, № 9). В первой части с большой точностью воспроизведен компилятивный текст «былины девятой» из «Книги былин» В. П. Авенариуса. Отдельные фрагменты этого текста восходят к варианту Л. Богданова из Кижей

[1] В текстологических комментариях к изданиям 30—40-х гг. указаны наиболее существенные разночтения, так как бóльшая часть разночтений, имеющихся в этих изданиях, возникла в результате произвольной редакторской правки, а не в процессе научного редактирования.

(Рыбн., № 51) и симбирскому варианту, открывающему сборник В. П. Киреевского (Кир. I, с. 1). Сохранены почти все уникальные детали, заимствованные составителем из обнародованных В. И. Далем преданий и сказок об Илье Муромце. Богатырь благодарит реку Оку и опускает в нее краюшку хлеба; от долгого сидения на печи он «яму под собой протер»; еще до исцеления узнает о Соловье-разбойнике (ср. Кир. I, приложение, с. XXII—XXIV). Большинство эпизодов «Трех поездок Ильи Муромца» настолько переосмыслено А. Пашковой, что их связь с традиционным сюжетом почти не улавливается. Сохранился мотив трех дорожек, но на первой из них богатырь расправляется не с разбойниками, как обычно, а с «ратью-силой великой». На второй дорожке Илья Муромец вместо коварной королевичны встречается с «красавицами» и выпускает из погребов прикованных «добрых молодцев» (подложная кровать не упомянута). И лишь на третьей он традиционно находит сокровища под камнем — и опять-таки выпускает на волю неведомо кем прикованных «тридцать молодцев без единого». Формула «на печи держать да киселем кормить» (ст. 124—125) восходит к варианту выгозерского сказителя Ф. Никитина (Гильф., № 171, ст. 30), наказ помилованным «красавицам» (ст. 169—172) — к знаменитому «рябининскому» монологу Ильи в эпизоде казни Соловья-разбойника (Гильф., № 74, ст. 266—270). Многочисленные совпадения с записями и пересказами XVII—XVIII вв., которые часто использовались составителями популярных изданий, обнаруживаются и в заключительной части былины. Эпический противник назван «Соловьем Будимировичем» (ср. БЗП, № 4, 14). Он сам предлагает Илье Муромцу выкуп за себя (ср. БЗП, № 1, 2, 5—12). Отдельными формулами текст А. Пашковой перекликается с былиной Т. Рябинина. Сцена казни Соловья-разбойника осложнена рассуждениями Ильи о том, что «не чесь-хвала окровавити крылецько княженецкое» (ст. 452—460). Ср. ст. 163—174 в былине выгозёра А. Батова (Гильф., № 186). В то же время в комментируемом варианте нет оригинальных элементов, которыми так богата пудожская версия сюжета; нет даже популярной во всем Прионежье сцены освобождения осажденного русского города — ее место заняло описание разгрома вражеского войска, наступающего на Киев (ст. 206—207).

А. Пашкова освоила эпическую стилистику и, как правило, не испытывает затруднений в компоновке отдельных былинных стихов и тирад. Однако на стихотворный строй ее текста повлияло то, что она сказывала, а не пела свои старины. Многие стихи не соответствуют привычным стандартам, например, ст. 19, 80, 258 и др., насчитывающие до 19 слогов; ст. 128, 213, 266, состоящие из 6—8 слогов. Исполнительница охотно включала в повествование разговорно-бытовую лексику («ахнула», «не оправдаесся», «налей повторительно») и некоторые поэтические образы из причитаний и свадебных песен, знатоком которых слыла («дорогие гостюшки бажóные», «дороженька путистая», «а мне поужинать гди Бог судит»).

№ 175

Илья Муромец и царь Калин

Архив КФАН, р. III/2, № 179.01 (181.01).

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Исполняет орденоносец Конашков. „Илья Муромец и Царь-Калин" (сокращенный вариант)».

По окончании исполнения следует объявление собирателя: «Конашков исполнял текст „Про Илью Муромца и Соловья-разбойника"».

Первые 18 стихов из сводной былины Ф. Конашкова об Илье Муромце. По содержанию они совпадают с другими записями от этого исполнителя.

Публикуется впервые.

№ 176

Илья Муромец и царь Калин

Архив КФАН, р. III/2, № 182.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Конашков. „Про Илью Муромца и Соловья-разбойника"». На фонограмме зафиксированы еще полторы музыкально-поэтические строки, однако вследствие технического дефекта звукозаписи они не поддаются расшифровке.

Видимо, текст записан в тот же день, что и предыдущий. Он представляет собой начальные строки сводной былины Ф. Конашкова об Илье Муромце.

Публикуется впервые.

№ 177

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 16 (=кол. 49, ед. хр. 16), черновая рукопись.

Зап. А. Д. Соймоновым: 1940 г., д. Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Федора Тимофеевича Миронкова (возраст не указан).

Пояснения исполнителя: приплыть — подползти (ст. 19), вытянуть — выпить (ст. 24), немродов лук — крепкий деревянный лук (ст. 93).

Контаминация сюжетов «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Бóльшая часть второго сюжета изложена прозой с сохранением ряда былинных формул и постоянных эпитетов. Связь текста с устной традицией маловероятна (см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 13). Это один из тех пудожских вариантов новой записи, в котором мотивы трех дорожек и расправы богатыря с разбойниками органично вплетены в сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (разбойники — одна из «застав» на киевской дороге). Такая комбинация мотивов характерна для архангельско-беломорской традиции и лубочного пересказа (БЭП, № 20). Вызывающее поведение Алёши Поповича в финальном эпизоде перекликается со стычкой Ильи и Алёши в одном из поволжских вариантов (Кир. I, с. 34). Единственный специфически пудожский элемент в комментируемом тексте — описание того, как герой «раскладывает дорогу». Но и его исполнитель мог усвоить из книги. Опираясь на варианты А. Прохорова, И. Фепонова, А. Сорокина, составители ряда популярных изданий использовали это описание в своих текстах. См., например, «Книгу былин» В. П. Авенариуса; издание «Илья Муромец, крестьянский сын : По народным былинам / Рассказано В. Острогорским. СПб., 1869. Трудно судить о происхождении первой части комментируемого варианта, так как в нем доминируют типовые эпизоды и детали, зафиксированные в разных районах бытования русского эпоса. Но и здесь встречаются явно нефольклорные обороты речи («в одно прекрасное времечко», «сила умерянна»). Стих во многом стилизован под былинный. В одном из эпизодов действие происходит на берегу Непры-реки (ср. вариант шальского сказителя П. Миронова — № 168 наст. тома).

Публикуется впервые.

52 Зак. 3427

№ 178

Старина об Илье Муромце

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 231, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Ю. М. Агулянским: 18 июля 1940 г., д. Рагнозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Александры Тимофеевны Зуёвой, 53 лет.

Примечание собирателя: «Петь старины и песни научилась от отца. Родом из Рагнозера».

Повторная запись сюжетов «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», объединенных в одно произведение (см. № 289 наст. тома). Показательно, что об исцелении богатыря повествуется прозой (в 1928 г. сказительница пыталась облечь текст в стихотворную форму). В комментируемом тексте логичнее мотивирована болезнь богатыря-сидня (см. коммент. к № 170 наст. тома). Сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» не претерпел сколько-нибудь заметных изменений. Краткий рассказ о гибели Ильи Муромца в гробу (с использованием мотивов былины «Святогор и Илья Муромец») на сей раз опущен.

Публикуется впервые.

№ 179

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 227, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Б. Е. Марголис: 21 июля 1940 г., д. Балдина Гора Рагнозерского с/с Пудожского р-на — от Татьяны Петровны Батыревой, неграмотной, 57 лет.

Примечание собирателя: «Сказку „поняла" от мужа, Якова Семеновича Батырева, умершего четыре года тому назад. По ее словам, он знал много богатырских сказок и пел „старины"».

Пояснение составителей: в ст. 7 и далее исполнитель употреблял слово «брага» в значении «чара» (см. коммент. к № 173).

В тексте Т. Батыревой соединены сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Первый сюжет представлен лишь эпизодом исцеления богатыря-сидня и включает стандартные элементы, зафиксированные в разных районах бытования русского эпоса. Судить о его генетических корнях практически невозможно. Содержание второй былины изложено подробнее, но тоже сбивчиво и со значительными пропусками. В частности, отсутствует популярный в Прионежье эпизод освобождения русского города — глухим отголоском его можно считать упоминание Чернигова, в котором проживает семейство Соловья-разбойника. В тексте нет ни одного оригинального элемента местной версии сюжета. Включение в рассказ о победе Ильи над Соловьем-разбойником мотива трех дорожек необычно для Пудоги и может быть следствием книжного воздействия (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 5, 14, 15). Измерение расстояния временем, необходимым для его преодоления («окольной дорогой ехать триста лет, а прямой — тридцать»), традиции Олонецкого края также несвойственно. Наиболее близкие параллели к формуле Т. Батыревой обнаруживаются в былинах, записанных в северо-восточных регионах европейской части России. Слова богатыря о том, что он «дорожку повычистил», перекликаются с формулой из «Добрыни и Алёши» (КД, № 21, ст. 18—19). В комментируемом тексте почти не осталось следов былинной фразеологии, беден он и сказочными формулами.

Публикуется впервые.

№ 180

Первая поездка Ильи Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17, ед. хр. 98, черновая рукопись, карандаш.

Зап. А. В. Беловановой: 30 июля 1946 г., д. Мелентьево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Михаила Андреевича Павкова, 55 лет.

В ст. 232 в рукописи ошибочно «Илья Муромец» вместо «князь Владимир».

Составители сборника «Былины Пудожского края» считали М. Павкова учеником Г. Якушева. «Сложись по-иному жизнь Павкова, и перед нами был бы выдающийся сказитель. Павков был близко знаком с Якушевым, работал с ним на заготовках леса и, по его словам, знал в то время все былины Якушева. Это было в 1911 г., а в 1914-м — Павков попал на фронт, был много лет в плену, жил за границей, а по возвращении на родину ему было не до былин» (БПК, с. 41). Однако тексты, записанные от Павкова, противоречат такому утверждению. В них нет следов обширного эпического репертуара и былого сказительского мастерства, которые обнаруживаются, например, в текстах М. Мякишева (см. коммент. к № 286 наст. тома). Нет в них и достоверных примет непосредственного влияния Г. Якушева. Трудно поверить и в то, что в двадцатилетнем возрасте Павков мог усвоить почти три десятка якушевских былин, а к сорока восьми годам («обладая прекрасной памятью» — БПК, с. 503) практически все позабыть. В 1939 г. от него была записана единственная старина о Сухмане, к тому же не связанная с вариантом Г. Якушева (БПК, № 69). Два сюжета, записанные позже, — «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — сравнить не с чем: первый отсутствует в зафиксированном собирателями репертуаре Г. Якушева, а из второго он смог припомнить лишь начало (сборы богатыря в дорогу).

Текст М. Павкова — обычная для записи нового времени контаминация былин об исцелении Ильи и его победе над Соловьем-разбойником. В обеих его частях преобладают типовые эпизоды и детали. К характерным приметам пудожской эпической традиции можно отнести лишь описание расправы богатыря с дочерью Соловья-разбойника, близкое к аналогичной сцене в былинах Н. Прохорова и его учеников. У Г. Якушева подобная формула использована в «Добрыне и Маринке» (С.—Ч., № 11) и в исторической песне «Кострюк» (С.—Ч., № 33). Некоторые детали М. Павков, возможно, позаимствовал из сказок: вырвав «елку с кореньями», Илья находит под ней «все доспехи богатырские»; он выращивает себе коня из «жеребенка неуклюжего да двугорбого»; Соловей-разбойник именуется Чудовищем. Необычен для эпических песен и характер расправы с ним — Илья привязывает Соловья к хвосту коня, понесшегося вскачь, так что «и праху не осталося». Не исключено, что основным источником эпического знания М. Павкова была книга, в частности издание П. Н. Полевого: Сказка об Илье Муромце, крестьянском сыне, и его славных подвигах / По древним былинам переложил П. Н. Полевой. 4-е изд. М., 1908. Пудожский исполнитель придерживается композиционно схемы книжной интерпретации, используя при этом те же имена собственные. В былине М. Павкова нет обычных для местной традиции элементов — заповеди героя «не кровавить руки богатырской», преодоления застав на пути в Киев, наговора на стрелу и ряда других эпизодов, которые сохраняются даже в неполных пудожских пересказах. С текстом П. Н. Полевого совпадают многие подробности повествования. Ощутив огромную силу, Илья заявляет, что «повернул бы сыру землю»; калики «переглянулися» (а не поговорили «промеж себя»). Соловей-разбойник сидит «на семи дубах», от его свиста «с деревьев листы посыпались». Многочисленные переклички с книгой вряд ли можно объяснть случайным совпадением.

Публикуется впервые.

№ 181

Исцеление Ильи Муромца

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, № 38, л. 9963—9968, рукопись.

Зап. В. Кузиным, А. Михайловым, С. Ожеговой, В. Иевлевой: 13 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

В тексте соединены сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Специфических примет местной эпической традиции в нем нет, преобладают общеизвестные мотивы и детали. Некоторые фрагменты Е. Романов без особого успеха попытался оформить в былинном стиле. И в прозаических, и в стихотворных строках немало просторечных речевых оборотов, не свойственных языку народной поэзии (все удрали, кувыркнулися и др.). Начало былины («В старину было стародавнюю...») совпадает с первой строкой архангельской записи из сборника П. В. Киреевского (Кир. IV, с. 1).

Публикуется впервые.

№ 182

Про Илью Муромца

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 8, № 20, л. 8514—8517; рукопись, карандаш.

Зап. С. Ожеговой: летом 1960 г., пос. Новые Тамбицы Пудожского р-на — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

Схематичный пересказ былин «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник», в котором нет мотивов и деталей, свойственных пудожским версиям.

Публикуется впервые.

№ 183

Илья Муромец

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п.2, тетр. 17, № 39, л. 9704; рукопись, карандаш.

Зап. Т. Ярембаш, Ю. Грейдингом: июль 1960 г., д. Ранина Гора — от Медведева (имя и отчество не указаны), 74 лет.

Исполнитель припомнил эпизод исцеления Ильи Муромца прохожим «старичком». Упоминание скляночки, чудодейственных капель и Еруслана Лазаревича — косвенное свидетельство знакомства Медведева с печатными изданиями фольклорных произведений.

Публикуется впервые.

№ 184

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 64, л. 7652—7656; рукопись в полевой тетради.

Зап. А. Копковой, О. Емельяновой: лето 1960 г., пос. Тамбичозеро Пудожского р-на Карельской АССР — от Ирины Леонтьевны Горбачевой, грамотной, 53 лет.

Краткий пересказ контаминированной былины («Исцеление Ильи Муромца» + «Илья Муромец и Соловей-разбойник»), не содержащий оригинальных элементов местных модификаций обоих сюжетов. Единственная нестандартная деталь — богатыря-сидня исцеляет нищий, наделенный способностями знахаря (он «шепчет» на воду, которую потом выпивает Илья Муромец; ср. с повторной записью от К. Ремизовой — № 186).

Публикуется впервые.

№ 185

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 117, л. 19—22, рукопись, перебеленная чернилами, с правкой.

Зап. Н. Пяллинен, И. Шараповой: июль 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Исполнительница — жена известного сказителя с Купецкого озера Н. Ремизова. Эту «сказку» она усвоила от мужа (см. № 291 наст. тома). В ее варианте композиционная схема сводного пересказа Н. Ремизова заметно упрощена. От «Трех поездок Ильи Муромца» осталось только упоминание столба, трех досок с надписями и спящей «богатырки», посмотрев на которую, герой уезжает. Сюжет «Илья и Идолище», представленный у Н. Ремизова схематично, «выветрился» окончательно. Некоторые атрибуты «чудовища из Азии» унаследовал Соловей-разбойник, который в тексте К. Ремизовой не упоминается, — его заменил «богатырь-семиглав», именуемый в заключительных эпизодах Змеем. Опущен эпизод освобождения русского города от вражеской осады, единственный его отголосок — упоминание Чернигова, не мотивированное развитием сюжета. В сказке Н. Ремизовой появились некоторые новые детали (возможно, их использовал и ее муж, варианты которого вряд ли отличались высокой стабильностью). В начале повествования сообщается, что Илья Муромец «тридцать три года без ног сидел»; в описании стычки героя с дочерями Соловья-разбойника их удары («лопатками такими») сравниваются с комариными укусами. Утверждение исполнительницы, что Илья «на небо взят», навеяно популярными на Пудоге легендами, в которых былинный герой нередко отождествляется с Ильей-пророком. К. Ремизова пошла по пути модернизации и бытовизации эпических реалий еще дальше, чем ее муж. Ощутив огромную силу, богатырь заявляет, что «мог бы дом перевернуть» (у Н. Ремизова — повернуть «матушку сыру землю»). Расправившись с дочерьми Соловья-разбойника, он «пороховой склад поджег» (у Н. Ремизова — «дом зажгал»).

Публикуется впервые.

№ 186

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 118, л. 22—26, рукопись, перебеленная чернилами.

Зап. Н. Пяллинен, И. Шараповой: июль 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателей: «Вторичная запись по просьбе собирателей. К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ слыхала „сказку" про Илью от мужа, известного сказителя Н. А. Ремизова (см. «Былины Пудожского края»). Она говорила, что есть и старина, и сказка про Илью. Н⟨икита⟩ А⟨нтонович⟩ знал и то и другое. Она помнит только сказку. Рассказала, когда собиратели спросили, не слыхала ли она про И⟨лью⟩М⟨уромца⟩» (л. 26).

Повторная запись сделана участниками той же экспедиции в 1961 г. Текст очень близок к предыдущему (см. № 185 наст. тома). Новые детали приводят к еще большей бытовизации повествования. Калики перехожие действуют как деревенские знахари-шептуны (чтобы исцелить богатыря-сидня, они «в чашку пошептали и дали выпить»). Илья Муромец сомневается, нужно ли принуждать плененное им чудовище «рыцять по-змеиному», — «вам жидко в ж⟨опе⟩ будет». Когда «зверь» все-таки рыкнул — все татары, почему-то оказавшиеся в русском городе, «бураком пошли». У Н. Ремизова — «малыи бояра-то раком пошли». Разночтение, как и сравнение коня с половым мешком, могло появиться и вследствие неточной записи — в следующей по времени записи от К. Ремизовой зафиксирован традиционный эпитет — «пеловой мешок».

Публикуется впервые.

№ 187

Исцеление Ильи Муромца и три поездки Ильи

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 191, л. 139—143, перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой, И. Шараповой: 7 июля 1961 г., д. Авдеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Варвары Алексеевны Михеевой, уроженки д. Авдеево, грамотной, 74 лет.

Примечание собирателей: «Знает из книги. Рассказала по просьбе собирателей» (л. 143).

Название, данное исполнительницей этому тексту, не соответствует действительности — сюжет «Три поездки Ильи Муромца» в нем отсутствует. «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» пересказаны довольно подробно, с использованием обычного набора типовых деталей. В тексте встречаются традиционные былинные словосочетания. Вероятнее всего, индивидуальной новацией В. Михеевой является упоминание «кнопочки» в земле, нажав которую герой находит коня и «приправу богатырскую».

Публикуется впервые.

№ 188

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 102, ед. хр. 76, л. 267—268, рукопись, перебеленная чернилами; многоточиями отмечены пропуски в пересказе сюжета былины.

Магнитофонная запись: кассета 2467, дорожка II, № 7.

Зап. М. Нигметовой, О. Устинской: 1976 г., д. Водла Кубовского с/с Пудожского р-на — от Андрея Васильевича Филатова (в сведениях о месте записи данной былины значится улица Комсомольская, дом 28), грамотного, 92 лет.

Расшифровка Е. И. Якубовской.

Публикуется впервые.

№ 189

Про Илью Муровьца

ФА ИРЛИ, МФ 2957.08.

Зап. А. Ю. Кастровым, А. Д. Троицкой: 18 августа 1984 г., д. Погост (Колодозеро) Колодозерского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Ирины Константиновны Богдановой, уроженки д. Щанниково, 73 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

По сообщению исполнительницы, текст она переняла от дедушки Ефима Сергеевича Панина из д. Щанниково, который рассказывал «про Илью Муровьца, про Бову Королевича. Ой, дедушко у меня много знал. А я вот была небольшая. Он как(ы) соберетца там иногда мущины на вечеринки там-от(ы)... или в Пасху соберутце, дак он начнет россказывать им, а я вот ⟨...⟩ ма́ленька была, дак не запомнила».

Публикуется впервые.

№ 190

Исцеление Ильи Муромца

ФА ИРЛИ, МФ 2713.07 «Илья Муромец» (заглавие исполнительницы).

Зап. А. Ю. Кастровым, А. Н. Мартыновой, А. В. Осиповым, А. Д. Троицкой: 29 января 1986 г., г. Петрозаводск — от Ольги Александровны Играковой, уроженки д. Старое Сигово Пудожской вол. Пудожского у., 79 лет.

Расшифровка А. Ю. Кастрова.

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 191—215)

В Пудожском уезде записано две трети олонецких вариантов этой былины. По количеству записей она уступает в этом регионе только «Добрыне и Алёше», превосходя следующие за ней по популярности сюжеты «Дюк», «Ставр», «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». Немногочисленные кенозерские и каргопольские тексты либо дефектны, либо связаны с книжными источниками. Заонежские и повенецкие сказители основное внимание уделяют двум эпизодам — поединку Ильи Муромца с Соловьем-разбойником и сцене на княжеском пиру. О расправе богатыря с семейством Соловья, как правило, говорится вскользь, а краткий рассказ об освобождении Чернигова есть только у Рябининых и П. Калинина — другие певцы начинают былину описанием боя Ильи с Соловьем. В общую картину не вписывается лишь текст Н. Дутикова (Рыбн., № 61), близкий к пудожским обработкам былин.

Пудожские варианты распадаются на несколько редакций и изводов сюжета. Но почти все они представляют собой сложные по композиции эпические произведения; во всех Илья Муромец совершает целый ряд подвигов, рассказ о которых богат живописными деталями. Поэтому есть основания выделить общую для всего региона версию, заметно отличающуюся от других олонецких модификаций сюжета. В пудожских текстах столкновение Ильи с Соловьем обычно сдвинуто к середине повествования, ему предшествуют другие подвиги богатыря. В лучших вариантах подробно описывается выезд Ильи из дома, говорится, что он «дает себе заповедь великую»:

Не брать туга лука с налучниками,
Каленой стрелы со колсанами,
Не вязать крепких палиц на бедро свое,
Не кровавити своей руки богатырския...

(А. Сорокин, № 192 наст. тома)

В пути Илья Муромец «стружки строгал», «кресты кладал», на крестах (или на столбах) подпись подписывал: «Первая поездка Ильи Муромца». В других районах Онего-Каргопольского края второй мотив не зафиксирован, а первый есть только в текстах заонежских певцов А. Дьякова (Гильф., № 112) и П. И. Рябинина-Андреева (С.—Ч., № 96; Аст. 1, № 131).

В повествование об освобождении Чернигова (или Бекетовца, Смолягина и пр.) пудожане также вводят дополнительные мотивы, которых нет у других олонецких сказителей. Встретив вражеское войско, Илья сокрушается, что ему придется нарушить свой завет. Освобождая осажденный город, он сокрушает «силу неверную». Горожан Илья Муромец застает в церкви (они «каются, причащаются, с белым светом прощаются»), но, поднявшись по призыву Ильи Муромца «на стену городовую», видят тела поверженных врагов. Особенно выразительную картину рисует водлозерский сказитель С. Панов — на поле боя виднеются лишь вражеские знамена, и их так много, «как лесу сухого». Далее события развиваются по распространенной в Заонежье схеме: Илье Муромцу предлагают остаться в городе воеводою, однако он отвечает отказом.

По пути в Киев героя ожидают три заставы. Первая — «корбы дремучие», «болота зыбучие», вторая — речка Смородинка, третья — владения Соловья-разбойника. Илья успешно преодолевает две первые заставы. Через реку его переносит конь, а по болотам богатырь прокладывает мосты. Вступая в сражение с Соловьем-разбойником, Илья почти всегда заговаривает стрелу — этот мотив сохраняется даже в полузабытых текстах. В других регионах он встречается лишь в зависимых от книги сводных былинах заонежских сказителей П. Горшкова и И. Чванова (Аст. 1, № 157, 165). Пудожские певцы подробно описывают и столкновение богатыря с семейством Соловья-разбойника, нередко дополняя традиционную картину рассказом о выкупе, который дети Соловья привозят в Киев. Привлекает внимание и такая деталь: отправляясь в княжеский терем, Илья наказывает коню и Соловью-разбойнику:

Береги Соловья-птицы Рахманною,
А ты, Соловей, береги коня!

(А. Пантелеев, № 198 наст. тома)

Своеобразна концовка некоторых вариантов. Позарившись на «именье-богачество», предложенное детьми Соловья-разбойника в качестве выкупа, князь Владимир готов отпустить его на волю, но Илья Муромец решительно этому противится:

Не тобой они приказаны
И не тобой назад отпустятся!

(А. Сорокин, № 192 наст. тома)

Перечисленные выше особенности пудожской версии сюжета наиболее полно представлены в былинах сумозерских сказителей А. Сорокина и Г. Сидорова, А. Пантелеева из д. Ченежи, А. Портнягина из д. Старое Сигово, Н. Антонова с Водлозера, Т. Романова с Колодозера. Некоторые детали отсутствуют в вариантах Т. Фешева из Нигижемской волости, рагнозёра О. Дмитриева, А. Нефедовой с Сумозера, М. Мякишева с Пудожского берега, водлозёра С. Панова, сказителей с Купецкого озера Н. Прохорова, И. Фепонова, А. Захарова и некоторых других певцов.

В д. Рагнозеро, где записано четыре варианта былины, она бытовала в трех разных изводах. Наибольший интерес представляют тексты Т. Прокина и его дочери А. Зуёвой, которые содержат ряд оригинальных деталей. Встретив на пути заставу — «речку быструю» — герой переправляется через нее, как Добрыня в сюжете «Добрыня и Змей»:

А перьву струечку перебрел,
А другу струечку ён переплыл,
А третью струечку нырком прошел.

(Т. Прокин, № 207 наст. тома)

Любопытно, что на Рагнозере не записано ни одной былины о Добрыне.

Татары, обступившие «град Черьниговской» («Бекешовской»), требуют себе «поядинщика»; когда Илья Муромец приходит горожанам на помощь, они говорят: «А не ангел едит, не Господь летит, а

идет-то там удалой доброй молодець!».[2] Сбив Соловья-разбойника стрелой с двенадцати дубов, Илья преследует его трое суток.

Особняком стоит вариант П. Меньшикова, жившего на Тамбичозере, у самой границы активного бытования комментируемого сюжета. А. Ф. Гильфердинг отнес репертуар этого сказителя к кенозерскому региону. Текст П. Меньшикова по целому ряду признаков не вписывается в местную традицию, а наиболее близкие параллели к нему обнаруживаются в записях из северо-восточных районов европейской части России.

№ 191

Об Илье Муромце

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 174 об.—181 (бел. ркп.). Опубл.: Рыбн., 1861, № 9.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова (ок. 1820 г. р.).

Текст переписан рукой неизвестного переписчика, ровным крупным почерком с наклоном вправо. Включена в раздел, состоящий из былин Н. Прохорова.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 170 приомоштался — пришел в себя; ст. 275 трут — от корня *-тр*, поспешать, откуда и туркий — поспешный, туриться — спешить.

Пояснения издателя: ст. 112 волчий корм, волчья сыть — чем волк сыт, волк тебя ешь; ст. 170 приомоштался — справился с силой, с мочью; ст. 256 подорожнею — подворотнею.

Разночтение Рыбн., № 9

Ст. 246 *Стрелил-то Соловья.*

Конец былины отсутствует. По сообщению собирателя, певец вспомнил только, что Соловья зовут в монастырь: «Поди во честные во мона́стыри». Оказалось, что Соловей «не строителем во честные во монастыри, а разрушителем». Тогда Илья Муромец рассердился, рассек Соловья «на мелки на часточки», раскидал косточки по чисту полю.

Один из лучших образцов пудожской версии сюжета с характерной для нее эпической размеренностью повествования, развернутостью описаний и диалогов. Из типовых пудожских мотивов, упомянутых в преамбуле к разделу, опущены перепрыгивание на коне через речку Смородинку и наговор богатыря на стрелу. Не развернута характеристика жителей осажденного города, готовящихся к последней битве. Сказитель использовал нестандартные сюжетные ходы, формулы и словосочетания; многие из них усвоили его преемники. Подробно описано столкновение богатыря с семейством Соловья-разбойника: его жена (а не сам Соловей, как обычно) отговаривает детей от нападения на Илью, но дочь Пелька все-таки покушается на его жизнь и погибает. Действие приурочено к «субботе Христоськой», что придает особую значимость «заповеди» героя в пути «рук не кровавити». В Киев Илья прибывает во время обедни. Он приветствует княжескую «хлебницу» (ср. варианты М. Мякишева и А. Захарова, № 286, 201 наст. тома), а затем рассказывает князю о трех «помешках великих», задержавших его в пути (ст. 215—266). Н. Прохоров неизменно подчеркивает бескомпромиссность своего героя: Илья отказывается освободить Соловья-разбойника за выкуп («он будет опять разбой держать») и пресекает попытку помиловать его, отправив в монастырь; язвительно высмеивает князя Владимира, усомнившегося в его правдивости: «дурень, князь стольно-киев-

[2] Ср. с вариантами алтайского сказителя Л. Тупицына (Гул., № 1) и с текстом, записанным в Зимней Золотице (Т.—М., № 5).

ский! У меня Соловей-разбойник у стремены у черкасския!» (ср. аналогичные эпизоды в былинах пудожан А. Сорокина, М. Мякишева, А. Захарова, № 192, 286, 201 наст. тома). Вместе с тем сказитель дважды использовал необычную для русского эпоса, но характерную для его репертуара формулу. «Это, братцы, мое заробочее» — так приговаривает Илья Муромец, получив награды за свои подвиги (ст. 73, 157; см. также былину «Илья Муромец и Идолище поганое», № 216 наст. тома). Н. Прохоров не всегда различает «поганых татровей» и «прокляту погану Литву» (ст. 30—31, ср. Гильф., № 49, ст. 173—174). По пути в Киев богатырь освобождает от врагов город Бекетовец. Сходные топонимы встречаем в былинах других пудожан — «Бекешовец» (И. Фепонов, № 195 наст. тома); Бекешовской (А. Зуёва, № 289 наст. тома); Кешов (А. Портнягин, № 214 наст. тома); Бенежов (М. Мякишев, № 286 наст. тома); Бежегов (Т. Романов, № 167 наст. тома). Выехав из Бекетовца, богатырь оказывается «на ростаночках», но это не перекресток дорог, как в сюжете о трех поездках Ильи Муромца или в архангельско-беломорских редакциях «Ильи и Соловья», а развилка: необходимо выбрать между «дорожкой прямоезжею» и «дорожкой окольноей». В описании поединка Ильи и Соловья-разбойника использовано редкое словосочетание «замызгал, собака, по-собачьему» (ст. 104 и др.; ср. с вариантами А. Захарова, Т. Романова, П. Миронова, № 201, 167, 168 наст. тома). Описания расправы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником и его дочерью позаимствованы из смежных жанров (духовный стих о Егории и Змее; историческая песня о Кострюке).

№ 192

О старом казаке Илье Муромце

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 264, л. 45 — 62 об., полевая запись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 63.

Зап. местным писарем: лето 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (ок. 1828 г. р.).

Текст написан на нестандартных (1/2 л.) листах желтоватой бумаги. Рукопись правлена дважды, но незначительно: карандашом и чернилами — первый раз, очевидно, П. Н. Рыбниковым; второй раз, возможно, редактором П. А. Бессоновым по получении текста. Правка чернилами сводится главным образом к удвоению былинных стихов за счет повторения последних слов предыдущего стиха в последующей строке; таким образом, былина увеличивается в объеме: 808 ст. в первом издании и 772 ст. — в рукописи.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 220 корбы — чащи мелкого леса.

Пояснения издателя: ст. 30 потички — потнички; ст. 253 каленые — калиновые; ст. 331 потоки — видимо, потолки; ст. 375 гривны — гридни; ст. 386 призабавлены — то же, что заняты; ст. 741 бережи — жеребые, сужеребые; ст. 751 порозмалтались — опомнились, хватились за ум.

Разночтения Рыбн., № 63

Ст. 2 *Мурома*; ст. 65 которою дорожкою; ст. 83—84 (ст. 82 ркп.) *По стружкам-то он да кресты кладал, Кресты кладал богомольные*; ст. 120—121 (ст. 119 ркп.) *Рвал левой рукой сырый дуб, Сырый дуб крякновистый*; ст. 133—134 (ст. 131 ркп.) *Тут отвязывал сырый дуб, Сырый дуб крякновистый*; ст. 147 (ст. 144 ркп.) *ко точеному*; ст. 148 (ст. 145 ркп.) *Ко колечку*; ст. 161—162 (ст. 158 ркп.) *Мы не знаем ты с коей земли, Ты с коей земли, ты с коей орды*; ст. 171—172 (ст. 167 ркп.) *Хочут наш город рубить-пленить, Рубить-пленить, головней катить*; ст. 185—186 (ст. 180 ркп.) *Как тут спускались скорым-скоро, Скорым-скоро, скоро на́ скоро*; ст. 198—200 (ст. 192—193 ркп.) *Не дай Господи делати с барина холопа, С барина холопа, с холопа дворянина, Дворянина с холопа, из попа палача*; ст. 219—220 (ст. 212 ркп.) *Первая застава — болота зыбучия, Болота зыбучия, корбы дремучия*;

ст. 226 (ст. 218 ркп.) *Сидит Соловей-разбойник*; ст. 231—232 (ст. 223 ркп.) *Нету пешему проходу, конному проезду, Нету конному проезду, зверю прорыску*; ст. 245—246 (ст. 236 ркп.) *Не бойтесь вы болот зыбучиих, Болот зыбучиих, лесов дремучиих*; ст. 269 (ст. 259 ркп.) тугий; ст. 278—279 (ст. 268 ркп.) *Как вылетела стрелка выше лесу стоячаго, Выше лесу стоячаго, ниже облака ходячаго*; ст. 292—293 (ст. 281 ркп.) *Сидел ты, птица-разбойник, на гнездышке, Сидел ты ровно тридцать лет*; ст. 307 (ст. 295 ркп.) стремены; ст. 318 (ст. 306 ркп.) целый; ст. 319—320 (ст. 307 ркп.) *У Соловья был двор на семи верстах, На семи верстах и на семи столбах*; ст. 322 — 323 (ст. 309 ркп.) *Говорит она таковы слова: «Меня чорт бросил, а водяной кинул»*; ст. 325 — 326 (ст. 311 ркп.) *Был двор на семи столбах, На семи столбах, на семи верстах*; ст. 350 (ст. 335 ркп.) *здесь кормильца да батюшка*; ст. 364—365 (ст. 349 ркп.) *Становил как он да добра коня осередь двора, Осередь двора княженескаго*; ст. 390 (ст. 374 ркп.) [*сенаторов*]; ст. 392 (ст. 376 ркп.) *Что поляниц*; ст. 491—492 (ст. 475 ркп.) *Так кого послать позвать его, Позвать его да на почестный пир?*; ст. 499—500 (ст. 482 ркп.) *С того только дело щапить меж бабами, Меж бабами и меж девками*; ст. 514—515 (ст. 496 ркп.) *Как тут пошел молодой Добрыня Никитинич. Пошел, сам он и думает*; ст. 526—527 (ст. 507 ркп.) *Как сзади зашел, захватил его, Захватил за плеча за могучия*; ст. 547—548 (ст. 527 ркп.) *По всему по городу по Киеву И по городу по Чернигову*; ст. 549 (ст. 528 ркп.) [*конторы*]; ст. 551 (ст. 530 ркп.) *На трои на сутки отворены*; ст. 557—558 (ст. 536 ркп.) *Чтобы знали, что наехал старой казак, Старой казак Илья Муромец*; ст. 568 (ст. 546 ркп.) *действительно*; ст. 569 (ст. 547 ркп.) *публиковать*; ст. 571 (ст. 549 ркп.) [*конторы*]; ст. 571—572 (ст. 549 ркп.) *Растворить кабаки*, [*конторы*], *пивоварние, Растворить на трои на сутки*; ст. 578— 579 (ст. 555 ркп.) *Чтобы знали, что наехал старой казак, Старой казак да Илья Муромец*; ст. 582 (ст. 558 ркп.) *скорым скоро, скоро на скоро*; ст. 585 (ст. 561 ркп.) [*конторы*]; ст. 586 (ст. 562 ркп.) *На трои на сутки отворены*; ст. 594 (ст. 570 ркп.) [*сенаторов*]; ст. 605—606 (ст. 581 ркп.) *Так тут и приходит старой казак, Старой казак Илья Муромец*; ст. 636—637 (ст. 611 ркп.) *Умный-разумный хвастат старым батюшком, Старым батюшком и старой матушкой*; ст. 640 (ст. 614 ркп.) [*сенаторы*]; ст. 642 (ст. 616 ркп.) *Поляницы все удалыя*; ст. 645 (ст. 619 ркп.) *инный хвастает небылицею*; ст. 655 (ст. 629 ркп.) *не видно светлаго месяца*; ст. 656—657 (ст. 630 ркп.) *Да от Смолягина промостил тысячу верст, Промостил мосты все каленые*; ст. 659 (ст. 632 ркп.) *Как на трех*; ст. 672 (ст. 645 ркп.) удалые; ст. 677 (ст. 650 ркп.) собою; ст. 678—679 (ст. 651 ркп.) *Какой у тебя привезен Соловей, Соловей-птица Рохманная*; ст. 692 (ст. 664 ркп.) слушати; ст. 703—704 (ст. 675 ркп.) *Ты дай закусить колачик крупичатый, Крупичатый колачик, будто турей рог*; ст. 721—722 (ст. 692 ркп.) *Дал закусить колачик крупичатый, Крупичатый колачик, будто турей рог*; ст. 725—726 (ст. 695 ркп.) *Как тут говорил старой казак, Старой казак Илья Муромец*; ст. 743 (ст. 712 ркп.) [*сенаторы*]; ст. 747 (ст. 716 ркп.) *все они*; ст. 754—755 (ст. 723 ркп.) *Ай же ты старой казак, Старой казак Илья Муромец*; ст. 766—767 (ст. 734 ркп.) *Тут говорил старой казак, Старой казак Илья Муромец*; ст. 769 (ст. 736 ркп.) вековой; ст. 779—782 (ст. 746—747 ркп.) *Копали погреба глубокие, Глубокие стосаженныя, Бросили его в погреб глубокиий, Глубокиий, стосаженныий*; ст. 803—804 (ст. 768 ркп.) *Тут-то узнали стараго казака, Стараго казака Илью Муромца*.

Вариант А. Сорокина, насчитывающий более восьмисот стихов, — самый полный не только на Пудоге, но и во всем Олонецком крае. В нем искусно соединены сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». Второй конфликт мотивируется тем, что неизвестному ранее в Киеве богатырю предлагают место на нижнем конце стола. Демонстрация чудовищной силы Соловья-разбойника и связанные с этим факультативные мотивы перенесены в финал произведения, благодаря чему превосходство Ильи Муромца над киевским князем становится еще более очевидным. Сказитель использовал все типовые элементы пудожской версии сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбой-

ник». Некоторые из них дополнены оригинальными подробностями. Давая заповедь «не кровавить руки богатырския», Илья оставляет дома боевое оружие, берет только лук и одну стрелу «для спасу великого». Он сразу избирает «дорогу прямоезжую», по которой не езжено уже тридцать лет. Вырвав два дуба, один из них привязывает к стремени, а вторым орудует как палицей, избивая татарское войско. Выезжая из Смолягина, богатырь обещает горожанам навсегда избавить их от двух застав на дороге в Киев — «бойтесь вы одной реки Смородины» (ст. 240—248). Выразительно мотивируются решение Ильи Муромца поехать «на шум и гам великий», т. е. вступиться за жителей русского города (ст. 90—101); решительное противодействие попыткам князя Владимира, «обзарившегося на имение, на богачество», отпустить Соловья-разбойника на свободу (ст. 792—794). Необычна развязка былины: герой не убивает Соловья, а замуровывает его «в погребах глубоких». Наказ Ильи коню беречь Соловья-разбойника, а Соловью — беречь коня встречается в текстах земляков и преемников А. Сорокина — Г. Сидорова, Ф. Ясина, А. Пантелеева (№ 202, 203, 198 наст. тома), а также в былинах А. Савинова и Ф. Конашкова (№ 193, 287 наст. тома). Эпизоды, относящиеся к сюжету «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», также богаты нестандартными мотивами, яркими художественными образами. Язвительной иронией пронизан пренебрежительный отзыв богатыря об участниках княжеского пира (он сравнивает их с «воронами и воронятами» — ст. 397—400). Взбунтовавшийся Илья стреляет из лука не по церковным маковкам, как в былинах большинства прионежских сказителей, а «об окошка княженецкие» (ст. 444—448); в ультимативной форме он настаивает на выполнении своих условий, угрожая лишить князя Владимира власти («он процарствует только до утрия» — ст. 562—563) и занять его место (ст. 464—466).

Комментируемый вариант представляет несомненный интерес и в стилистическом плане. А. Сорокин предстает в нем как мастер детализированных описаний. Он умело использует параллелизмы и синонимию, создавая на их основе афористические мини-формулы (характеристика дипломатических способностей Добрыни — ст. 501—503, разгневанного князя Владимира — ст. 403—404, монолог Добрыни, снижающий накал страстей, — ст. 529—532). Сказитель вводит в былину свои излюбленные словосочетания: «пановья-улановья, бурзы-поганы тотарины», «не вязать крепки палицы на бедро свое», «крупичатый калачик будто турей рог», «скорым скоро, скоро на скоро». Поэтичны образы, навеянные особенностями местного быта и произведениями несказочной прозы (сравнение подстреленного Соловья-разбойника с «сенной кучей неподъемной» — ст. 282—283; упоминание черта и водяного в описании расправы с дочерью Соловья — ст. 323—324). Как и в других былинах А. Сорокина, в тексте изредка встречаются лексические модернизмы — «вельможи, сенаторы думные», «конторы», «публиковать указы строгия». Иногда сказитель не в меру увлекается детализацией повествования, что приводит к неоправданной растянутости, избыточным повторам (ст. 50—56, 291—297, 472—482). В ст. 430—434 речь должна иди о девяти богатырях, а не о шести (трое и шестеро уже пытались урезонить Илью Муромца — ст. 412—428).

Вопрос о том, кто стал инициатором соединения двух былинных сюжетов, где и когда было создано это оригинальное произведение, остается открытым. Можно почти наверняка утверждать, что на Сумозеро и Водлозеро контаминированную старину занес именно А. Сорокин. Варианты местных сказителей, считавших себя его учениками, близки к сорокинскому по композиции и стилю, ничем существенным его не дополняют, утрачивая некоторые детали. Отголоски текста А. Сорокина слышны и в былинах рагнозёрских исполнителей Т. Прокина и А. Зуёвой (№ 207, 289 наст. тома), а у их земляка Д. Лукина — в былине об Иване Годиновиче (С.—Ч., № 200). Много общего с комментируемым вариантом обнаруживается в былине Г. Якушева «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» (№ 268 наст. тома). В то же время тексты со сходными контаминациями записаны от некоторых сказителей старшего поколения, которые не могли быть преемниками А. Сорокина — С. Панова, А. Пантелеева (№ 197, 198 наст. тома). Земляк А. Сорокина А. Портнягин и водлозёр Н. Антонов знали только первый сюжет; их тексты близки к комментируемому, но не настолько, чтобы говорить о непосредственной связи между ними (№ 214, 205 наст. тома). Столь разноречивые факты можно объяснить тем, что примерно в середине XIX в. идея кон-

таминирования двух былин об Илье Муромце буквально «витала в воздухе» и ее независимо друг от друга могли осуществить сразу несколько сказителей из центральных районов Пудоги, в том числе — и Андрей Сорокин либо его непосредственный предшественник.

№ 193

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Рыбн., 1867, № 2.

Зап. П. Н. Рыбниковым: лето 1864 г., д. Ранина Гора Филимоновской вол. — от Анфима Савинова (прочие сведения не указаны).

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 37 берлук (?); ст. 47 облелеяла — облила; ст. 292 кобылы — следует дополнить: «жеребыя» или по-заонежски «бережия»; ст. 295 Соловья — поется с ударением на «Соловья», т. е.: теперь ты сам убедился, что я тебе Соловья привез, а не кого другого.

Вслед за О. Ф. Миллером, А. Д. Грузинский подчеркивал своеобразие текстов А. Савинова, не находя к ним сколько-нибудь близких параллелей в других записях П. Н. Рыбникова (Рыбн., т. 2, с. 475). Однако ни одна из четырех старин сказителя, в том числе и лучшая по своим поэтическим достоинствам — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», — не дает оснований для столь категоричных суждений. Основные эпизоды былины обычны для местной традиции, полностью укладываются в рамки пудожской версии сюжета (завет богатыря не пускать в ход оружие, предложение жителей освобожденного города стать у них воеводой, преодоление трех застав по пути в Киев, отказ Соловья-разбойника слушаться князя Владимира и пр.). Нестандартные формулы и детали повествования, как правило, тоже не уникальны, их можно обнаружить в былинах других олонецких сказителей. Формула «Илья Муромец, а кто пожалует, Илья Иванович» (ст. 152) была известна земляку А. Савинова — Ф. Конашкову (№ 171—173, 287 наст. тома). Формулу «скоро скажется, тихо сдеется» знали пудожане А. Сорокин (Рыбн., № 137, ст. 131), Г. Амосов (Рыбн., № 155, ст. 56) и некоторые кижские исполнители (А. Суриков, С.—Ч., № 132); формулу «облелеяла кровь поганая татарская» — каргопольский калика из Красной Ляги (Рыбн., № 194, ст. 47). «Закричать среднею прогласницею» (ст. 274) сходна с формулами И. Фепонова «закричать большею прогласицей», «гласом нижним» (Гильф., № 56, ст. 244, 256); слово «прогласиця» есть также в пересказе М. Мякишева (№ 286 наст. тома). Названия «город Тургов, село Орехово» (ст. 62—63) перенесены из былины «Вольга и Микула» И. Фепонова (Гильф., № 55, ст. 16), а формула «добрый конь скачет в руды до брюха» (ст. 60) перекликается с аналогичным мотивом в былинах пудожгорских сказителей П. Калинина и А. Чукова (Гильф., № 5, 148). «Поскоки» богатырского коня («Пошел-то его добрый конь в полтравы и поверх воды») изображаются, так же как в былине «Дюк» кенозёра И. Сивцева-Поромского (Гильф., № 230, ст. 198—201). В пудожских, заонежских и кенозерских записях нет близких параллелей лишь к одной детали — богатыря снаряжают в поход «слуги верные» (ст. 23), но эту новацию А. Савинова или его предшественника вряд ли можно признать удачной, ведь в сознании большинства эпических певцов Илья — крестьянский сын.

По уровню исполнительского мастерства А. Савинов заметно уступал лучшим пудожским сказителям. Его текст богат редкими деталями и поэтическими образами, однако эпические формулы не отличаются стабильностью (ср. повторяющееся описание трех застав в ст. 81—97 и 230—241). Певец не всегда справлялся с компоновкой былинных стихов, количество слогов в них колеблется от восьми (ст. 55, 63, 171) до девятнадцати-двадцати (ст. 232, 258).

№ 194

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 10—13 об. (л. 25—28 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 3, стб. 16—21.

Полевая запись: текст — карандашом; номер, заглавие, дописи, место, время записи, пунктуация — чернилами. На л. 10 вверху помета наборщика. Под текстом чернилами помета: «Записано там же, 24 июля».

На л. 13 об. карандашом зачеркнуто на полях: «Ь. Илья и Соловей. Д. Рим, 24 июля». Уточнения в тексте и мелкие исправления указывают на повторное исполнение певцом отдельных частей былины.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 24 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Разночтения Гильф., № 3

Ст. 1 испр. из: *От Муромля*; ст. 5 *он прощеньи* зачеркнуто; ст. 7 испр. из: *От Чернигова нунь*; ст. 24 справа на полях зачеркнуто (*sic*); ст. 199 испр. из: *посожжены*; ст. 248 испр. из: *Ай, Владимир*; ст. 249 испр. из: *Он назвал же*; ст. 252 испр. из: *Быдь-ко старый казак ты Илья Муромец*; ст. 254 испр. из: *Ты живи-тко нунь у нас во Киеви*.

Текст обычен для прионежской традиции, но по композиции проще лучших образцов пудожской редакции сюжета. Схематично описано освобождение Чернигова от «бусурманьского войска»; нет завета Ильи «не кровавить руки богатырския», наговора на стрелу, преодоления трех застав на пути в Киев. Вскользь говорится об уничтожении «станов, артелей разбойничких» (ст. 15—16, 56—57). В Заонежье и на Пудоге подобный эпизод фиксировался лишь однажды и вряд ли был традиционным для этого сюжета. Склонный к импровизации и немотивированным контаминациям былин В. Щеголенок в сводном тексте механически соединил сюжет «Илья Муромец и разбойники» с былиной «Илья Муромец и Соловей-разбойник», вставив между ними старину «Илья Муромец и Идолище поганое» (Гильф., № 120; Т.—М., № 7). В этом плане с вариантом Калинина отдаленно перекликаются тексты повенецкого сказителя В. Лазарева (Рыбн., № 104) и выгозёра Ф. Никитина (Гильф., № 171), в которых контаминируются былины о трех поездках Ильи Муромца и о его победе над Соловьем-разбойником. В других эпических регионах (Кенозеро, Зимний Берег, Печора, Поволжье) рассказ о расправе с разбойниками органично вплетается в сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

В былине Калинина встречаются нестандартные детали, некоторые из них, видимо, являются его индивидуальными новациями. Отправляясь в Киев, Илья берет с собой только «тугой лук»; «орудию богатырскую» ему дарит черниговский князь. В награду за его подвиги князь Владимир нарекает богатыря «по-новому»: «Быдь-ко ты казак да Илья Муромец, Илья Муромец да сын Иванович»; вплоть до финала былины сказитель называл героя по имени-отчеству. Во дворе Соловья-разбойника «подворотенка серебряна» (обычно «чугунная» или «сорока пудов»). Дочь Соловья-разбойника одноглаза; возможно, это связано с архаичными представлениями о внешнем облике мифических существ — ср. «Лихо одноглазое» в волшебных сказках; «одноокая» (искаж. «одинокая») «поляница / богатырица» в ряде печорских старин (СБ 1, №82, 89; СБ 2. Приложение V, № 2 и др.). Иногда сказитель использовал слова, не свойственные былинному лексикону. Черниговский князь «пожертвовал» Илье Муромцу саблю; «артели великия»; обращение к богатырю на «вы» (ст. 166, 190, 196); в одном случае Илья Муромец также употребил личное местоимение в форме множественного числа («Мы ехали да на Чернигов град»). Сбитый стрелой Соловей-разбойник падает из гнезда «будто сенная-та кучищо». Такое же сравнение находим у ряда других олонецких певцов — А. Сорокина (№ 192 наст. тома, ст. 283); калика из Красной Ляги (Рыбн., № 196, ст. 41, 45 — сюжет «Михайло Потык») и др.

№ 195

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 253—257 (л. 270—274), полевая запись Опубл.: Гильф., 1873, № 56, стб. 298—303.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандаш, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнута буква «Я». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 29 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 29 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 65 к слову «татаревей» помета: «sic попр⟨авить⟩», слегка перечеркнутая; ст. 73 на полях: «NB Этот стих из другой былины, см. Батыга»; ст. 162 над словом «руки» чернилами вписано «⟨ручики⟩»; ст. 269 к слову «вояти» на полях: «sic — выть»; ст. 282 к слову «розбойничать» на полях: «поправить так».

Разночтения Гильф., № 56

Ст. 43 испр. из: *А заезж⟨ает⟩*; ст. 76 испр из: *приезж⟨ает⟩*; ст. 206 *за столы ведь — ведь* написано над зачеркнутым *ли* и перечеркнуто.

Текст содержит большинство оригинальных мотивов и формул, характерных для пудожской версии сюжета: заповедь богатыря не использовать оружие; избиение татарского войска вырванной с корнем «дубинкой в три обо́ймени»; описание «кающихся-причащающихся» перед смертным боем горожан; отказ Ильи стать воеводой в освобожденном городе; восстановление обветшавших мостов; наговор на стрелу; попытки князя Владимира «положить» Соловья-разбойника воеводой в Киеве или «строителём» в монастыре. В заповеди Ильи «не кровавить» оружие во время поездки (ст. 10—18) некоторые детали навеяны былиной «Сорок калик» («не красти ⟨...⟩ да не во́ровать, не укинуться на прелесть бы женскую...»). Название освобожденного города — Бекешовец — перекликается с аналогичными топонимами в былинах Н. Прохорова, Т. Романова, А. Зуёвой, М. Мякишева и кижского сказителя Н. Дутикова (см. коммент. к № 167 наст. тома). Необычная мера предосторожности — страшась свиста Соловья-разбойника, Илья затыкает уши маковым листом, — вероятнее всего, связана с популярной на Пудоге былиной о Сухмане, герой которой «затупывает» маковыми листочками полученные в бою раны (Рыбн., № 148). Как и другие былины И. Фепонова, комментируемый вариант отличается стройностью композиции, чеканностью стиха, отточенностью традиционных формул. Единственное отступление от нормативного эпического лексикона — упоминание «пухового кивёра» (ст. 22). В тексте нет ни одной детали или специфического оборота речи, которые подтверждали бы предположение А. Ф. Гильфердинга о каргопольских корнях репертуара И. Фепонова и о влиянии на его былины поэтики духовных стихов, профессиональным исполнителем которых был этот сказитель.

№ 196

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 877—879 об. + один чистый лист (л. 359—362), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 212, стб. 1000—1003.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандаш, чернилами поставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнуто число «36». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ на Водлозере, 5 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 36. Илья и Соловей. Водлозеро, 5 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 5 августа 1871 г., Водлозеро — от Павла Антоновича Федулова, крестьянина д. Бостилово (родом с Великострова на Водлозере), 40 лет.

Пояснение А. Ф. Гильфердинга: ст. 76 к слову «соловьитому» на полях: «так попр⟨авить⟩».

Разночтения Гильф., № 212

Ст. 22 испр. из: *И как ведь*; ст. 45 испр. из: *Соловьиное-то*; после ст. 76 зачеркнуто:

Уж как говорят ёго рожоныи-ты детушки:
«Уж как старыи казак тут Илья Муромец
Уж как...»

Вариант не выходит за рамки пудожской версии сюжета, содержит почти все характерные для нее элементы (отсутствуют только наговор на стрелу, преодоление трех застав и стычка с дочерью Соловья-разбойника). Большинство эпизодов П. Федулов изложил схематично. В его былине практически нет развернутых описаний, оригинальных деталей. Единственное исключение — эпизод расправы богатыря с противником: Илья убивает Соловья-разбойника стрелой (ср. вариант Ф. Конашкова, № 171—173, 287 наст. тома). В других пудожских записях он отрубает Соловью голову либо пленяет и заточает в погреб. Сказитель обладает обширным запасом постоянных эпитетов, охотно использует повторы разных типов, но порой испытывает затруднения с компоновкой стихов (ст. 38, 54—55, 61—62, 75, 155).

№ 197

Илья Муромец

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 865—872 об. (л. 346—353 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 210, стб. 983—995.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандаш, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом зачеркнуто число «42». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ на р. Череве, 8 августа». Справа внизу вдоль поля помета: «№ 42. Илья Муромец».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 8 августа 1871 г., на р. Череве — от Савелия Кузьмича Панова, крестьянина д. Куганаволок на Водлозере, 43 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 105 к слову «поляницы» внизу листа: девицы-богатырицы; ст. 215 к слову «пеловой» рядом на полях: пела́ — мякина от овса; ст. 265 к слову «жали́бницю» на полях: отца жалела.

Разночтения Гильф., № 210

Ст. 34 испр. из: *Ай ведь*; ст. 45 *к верху* написано в два слова; ст. 56 *не пораниться* подчеркнуто *н*; ст. 106 испр. из: *каетесь* (оговорка певца?); ст. 109—110 сначала были записаны в обратном порядке и цифрами помечены к перестановке.

Один из лучших пудожских вариантов былины содержит почти все элементы местной версии сюжета. Многие эпизоды, мотивы и детали сближают его с былиной А. Сорокина (№ 192 наст. тома): описание стычки Ильи Муромца с дочерью Соловья-разбойника, которая терпит неудачу и поминает черта (ст. 264 у Панова; ср. ст. 323 у Сорокина; см. также ст. 189 в тексте колодозерского сказителя Т. Романова № 167 наст. тома); свист Соловья в княжеских палатах и заключение его «в тёмны погреба»; наказ коню

беречь Соловья, а Соловью — беречь коня. Только в текстах С. Панова и А. Сорокина богатырь предупреждает пленника, чтобы тот не пытался бежать: «от меня ⟨...⟩ никуда не уйдешь по белу свету (ст. 308 у Панова, ст. 369 у Сорокина). Столь близкие параллели наводят на мысль о возможности прямых творческих контактов этих сказителей. Однако в их текстах обнаруживаются расхождения. У С. Панова осажденный город назван «Черниговом», а не «Смолягином»; первая застава на пути в Киев — не «болота зыбучие, корбы дремучие», а «го́ра крутая» (возможно, под влиянием волшебных сказок или так называемого большого духовного стиха о Егории Храбром). Необычно изображен поединок двух главных противников — Соловей свистит в тот момент, когда богатырь пускает в него стрелу. Дочь Соловья названа волшебницей Еленой (Алёной).

С. Панов, как и А. Сорокин, соединил в одном произведении сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». Во второй части текста тоже есть «сорокинские» мотивы и формулы: богатырь сбивает «золочёныи шарики» с княжеского терема, а не с церквей, как у других прионежских певцов. Главное условие его примирения с князем Владимиром — чтобы в Киеве устроили пир «ради стара́ казака Ильи Муромца». Но разноречий во втором сюжете гораздо больше. Конфликт с князем намечается еще в церкви, когда Илья нарочито ему «челом не бьет». Позднее Владимир отвечает ему тем же и приказывает слугам вывести незваного гостя из палат. Отказ чумаков-целовальников отпереть кабаки вынуждает Илью Муромца действовать «силою да натурою», так же как и в кенозерских редакциях былин «Илья Муромец и голи кабацкие», «Илья и Идолище». Примиряет Илью с князем не Добрыня, а некий «Скоморох Скоморохович».

А. Ф. Гильфердинг записал от С. Панова две старины, причем одну из них — не сначала (Гильф., № 211). Собирателю пришлось работать в неблагоприятных условиях, во время нелегкого переезда с Водлозера на Кенозеро (один текст записан на р. Череве, второй — в д. Заволочье). Не исключено, что А. Ф. Гильфердинг зафиксировал репертуар своего проводника, С. Панова, лишь частично. Безупречное владение былинным стихом, обилие детализированных описаний, развернутых формул и диалогов (ст. 12—38, 135—151, 454—464 и др.) свидетельствуют о незаурядном таланте сказителя. Некоторые формулы С. Панова уникальны и, возможно, навеяны его личным житейским опытом. Ср., к примеру, описание поля боя, на котором, как лес, стоят вражеские знамена, а земля усеяна мертвыми телами — «будто в лисях как нива присичена». По свидетельству А. Ф. Гильфердинга, сказитель «выучился петь былины на лесных гонках, где бывал в работниках» (Гильф. III, с. 73). Лаконично и выразительно обрисованы незавидная участь притороченного к стремени Соловья-разбойника (ст. 228—229, 282—283); смятение участников княжеского пира, когда князь Владимир предлагает им отправиться на переговоры с разгневанным Ильей Муромцем («ай как все ведь сидят во молцаноцку»). В другом описании использованы детали зимнего пейзажа, крайне редкие в русском эпосе (ст. 42—43). С. Панов ввел в былину отдельные слова и речевые обороты, не свойственные эпическому лексикону («балы», «узаконено», «не имеём право», «публикация»).

№ 198

Про старого казака Илью Муромца и Соловья-разбойника

Шайжин, с. 94—106.

Зап. Ф. Н. Предтеченским: 1904 г., д. Ченежи Коловской вол. Пудожского у. — от Афанасия Федоровича Пантелеева, около 79 лет.

Пояснение собирателя: ст. 95 прогласица — крик.

По композиции и стилю вариант очень близок к контаминированой былине А. Сорокина (№ 192 наст. тома). А. Пантелеев использовал те же сюжетообразующие мотивы, выстроил их в той же последо-

53 Зак. 3427

вательности, что и Сорокин. В большинстве случаев сходно и стилистическое оформление. Особенно показательно совпадение оригинальных элементов, не встречающихся в других редакциях сюжета: осажденный татарами город назван Смолягином; Илья Муромец едет на «шум-гам великий»; обещает смолягинцам обезопасить дорогу в Киев — «бойтесь вы одной реки Смородины»; сравнивает пирующих с воронами и воронятами; велит князю Владимиру «публиковать указы строгия»; Соловья-разбойника заточают «в погреба глубокии». Некоторые былинные выражения неправильно поняты и слегка искажены: «улановья-булановья, урзы-бурзы поганыи татаровья» («пановья-улановья, бурзы поганы татаровья» у Сорокина); «заправочка» («приправа богатырская» у Сорокина); «кто хвастает рицею, а иной небылицею» («хвастает былицей» у Сорокина).

А. Пантелеев — житель Ченежей, родной деревни Андрея Сорокина. Многочисленные схождения в вариантах земляков свидетельствуют об общности их корней. Некоторые исследователи считают Сорокина непосредственным учителем Пантелеева (С.—Ч., с. 60; БПК, с. 18). Последнее предположение маловероятно. Андрей Сорокин переселился на Сумозеро, когда ему было тридцать лет. Трудно поверить, что в столь незрелом для сказителя возрасте он успел обзавестись учениками (А. Пантелеев был к тому же на несколько лет его старше). В былинах земляков обнаруживаются и разночтения, не поддающиеся однозначной оценке. Отсутствие либо конспективность некоторых «сорокинских» мотивов у А. Пантелеева можно объяснить характерным для «сказителей-передатчиков» стяжением прототекста, несоизмеримостью творческой одаренности.

№ 199

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Шайжин, с. 67—75.

Зап. Н. С. Шайжиным: 1904 г., д. Ижгора Нигижемской вол. Пудожского у. — от Тихона Александровича Фешева (возраст не указан).

Вариант по многим параметрам близок к былинам А. Сорокина (№ 192 наст. тома) и других сказителей центральной Пудоги, в которых соединены сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром». При перепечатке В. Ф. Миллер опубликовал лишь первую часть текста (Мил., № 2, 132 стиха из 230), из-за чего былина Т. Фешева оказалась надолго выключенной из научного оборота. Сказитель из д. Ижгоры использовал ряд мотивов и формул, роднящих его былину с сорокинской. Пораженный стрелой Соловей-разбойник «покатился со своим гнездом» (ст. 114); Илья Муромец отказывается принять «золоту казну» и предлагает детям Соловья везти ее в Киев — «може, там отдам я вашего батюшку» (ст. 138—141). Правда, у Т. Фешева эта тема не получает дальнейшего развития в финальных эпизодах. Герой язвительно отзывается о гостях князя Владимира, сравнивая их с воронами и воронятами (ст. 227—229); от свиста Соловья «князь с княгиною ⟨...⟩ окаракою полатой плавае» (ст. 218—219). Повествование завершается заточением Соловья-разбойника «в погребах глубоких» (ст. 225—229). Однако вариант Т. Фешева в три раза короче сорокинского, многие эпизоды в нем не развернуты либо отсутствуют. Лаконичнее описание битвы богатыря с вражеским войском под Черниговом; нет стрельбы из лука по княжескому терему и угрозы лишить князя Владимира власти; не описано миротворчество Добрыни. Осажденный город назван Черниговом, а не Смолягином. Надпись о прямоезжей и окольной дорогах помещена на «столбе тоцёном» (хотя рассказывают о ней черниговцы). Дороги противопоставляются не по расстоянию, а по продолжительности поездки (ср. вариант П. Меньшикова, Гильф., № 274). Антитезы такого рода, крайне редкие в олонецких записях, характерны для традиций Печоры, Мезени и других северо-восточных районов. Две формулы перенесены из былины о Дюке: описания кра-

соты и богатства Киева (ст. 9—12; ср. Рыбн., № 144, С.—Ч., № 21) и двух первых застав на пути в Киев (ст. 69—70, 77—90; аналогичные мотивы нередко встречаются в олонецких записях «большого стиха» о Егории храбром). Сказитель использует ряд излюбленных речевых оборотов: характерный для бытового этикета северян обмен приветствиями (ст. 147—150); формулу «то слово взапреку пришло в завеликую». Владимира он почти все время именует «царем», а не «князем».

№ 200

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 202—203, полевая карандашная запись, неполные строки (их первая половина); ед. хр. 11, л. 282—283, полевая карандашная запись рукой Э. Г. Бородиной, в основном — начала стихов. Опубл.: С.—Ч., № 3.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 11—12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Примечание собирателя: «Якушов вспомнил только начало этой былины» (С.—Ч., с. 75).

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 11 330 верст да ½ (ед. хр. 4, 11); ст. 12 *видь* (ед. хр. 11); ст. 17 Ай же конюх*и мои да* (ед. хр. 11); ст. 22 *видь* Илья (ед. хр. 11); ст. 23 А ласк*ову* ко князю (ед. хр. 11); ст. 28 А коня-то *видь да он* (ед. хр. 11).

Записанное от Г. Якушева начало былины, видимо, восходит к прохоровскому изводу. В нем говорится об обете Ильи поспеть в Киев «к заутрени Христоськоей», а это возможно, если богатырь выезжает из дома в субботу (ср. № 191 наст. тома). В других пудожских вариантах герой покидает Муром после воскресной заутрени. Эпитеты в ст. 3—4 («дороженька путистая, круглистая») позаимствованы из причитаний. Упоминание о конюхах (ст. 17) для былин об Илье Муромце не характерно.

№ 201

Про Илью Муромца

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 312—323, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 35, л. 138—160, полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 61.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 13 июля 1928 г., д. Непашинская — от Акима Семеновича Захарова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 35

Ст. 2 *сили во* Карачинови; ст. 4 сильной могуцой; ст. 5 этот; ст. 6 *Как*; ст. 8 дальнюю пецяльную; ст. 12 братцы; ст. 13 славныи; ст. 18 *во* дальную; ст. 19 *не* в дальнюю дорожку; ст. 21 этой; ст. 22 кладоват; ст. 23 испалниват; ст. 24 Во *этой пути*; ст. 25, 26 отсутствуют; ст. 29 ён-*ка* узу́ шолковую; ст. 33 *Заходит на башню*; ст. 34, 35 *З*имат; ст. 36 ён; ст. 38 неполная строка; ст. 39 славнои; ст. 41 убожесьва; ст. 42 *как* богатырскоё; ст. 44 видели; ст. 47 доброй; ст. 50 перва́ богатырская; ст. 53 доброй; ст. 54 *За*

тую за другу; ст. 55 *подписывал*; ст. 56 *перва*; ст. 59 ёго; ст. 61 на расстанках; ст. 63 на *этих трех* на расстаночках; ст. 64 ехать *убиту* быть; ст. 65 *Другую* ехать; ст. 70 Как-*де*; ст. 72 богатырьская; ст. 76 Ко этим *ко мужикам черниговским*; ст. 77 эти; ст. 81 не свитил; ст. 82 Во нашоем Чернигове; ст. 86 как *а*; ст. 89 *Из того села*; ст. 95 Во етоем *во* сили во прекрасноём; ст. 96 слуцилосе; ст. 93 От *нашего села*; ст. 99 етого; ст. 102 *нонь прекрасного*; ст. 105 *на семи дубах* зачеркнуто; ст. 106 *Сидит на семи верстах*; ст. 109 всероссийской; ст. 110 этот; ст. 115 *пути-ти там* отсутствует; ст. 118 Рохматовиць; ст. 120 *От этого от города*; ст. 122 *нунь путь окольноёй*; ст. 125 *Ай мужики*; ст. 127 богатырская; ст. 129 прямоежжоёи; ст. 130 молодецкая; ст. 131 богатырская; ст. 132 Отнынь *буде мне*; ст. 134 собаке; ст. 135 птице пролетищя; ст. 136 проходищё; ст. 138 етой; ст. 144 слова *сын Ивановиц* отсутствуют; ст. 145 *Спустился с коня*; ст. 146 На ету *на*; ст. 150 Другой *как*; ст. 151 етому; ст. 152 ету Рахматову; ст. 153 *он*; ст. 155, 163 по-собацьёму; ст. 161 *Говорит Илюшка* [*своему коню*]; ст. 164 лузганья; ст. 165 *ето*; ст. 166 шолкову; ст. 167 Со ета со кормана *со*; ст. 172 ету; ст. 173 ету ... Рахматуву; ст. 174 *Кричит* ён; ст. 175 *Как лает он* по-собацьему; ст. 176 *Лысгоцет*; ст. 177 На тых; ст. 180 *На глаз*; ст. 189 Рахматову; ст. 191 улетай-*ка*; ст. 193 *на матушку сыру*; ст. 194 скокал; ст. 195 с етой; ст. 198 единой; ст. 202 етой; ст. 204 отсутствует; ст. 207 Наш-то *как*; ст. 208, 209 *переставлены* местами (209, 208), в ст. 208 *из тых как*; ст. 210 Увидьла ... Рахматая; ст. 212 как в его ... косищято; ст. 213 цоботов; ст. 215 *Ах ай* же ... малыи-те; ст. 216 етого; ст. 217 ета; ст. 220 *Едет нунь цюжая нунь*; после ст. 220 ремарка (*Едет не наш, говорит*); ст. 222 етому; ст. 223 Ко етому колецько; ст. 225 как етой ... кланяитьсе; ст. 227 ...по-писоному; ст. 228 етой;[3] ст. 229 здраствуй; ст. 230 Рахматова; ст. 234 *отця ... матери*; ст. 235 *не половиць*?; ст. 236 *не королевиць*?; ст. 240 Лиходоньския; ст. 244 всероссийской; ст. 246 скоро *он*; ст. 248 по болхонам; ст. 250 *Илеюшко Муромець* отсутствует; ст. 252 *перекладинки ломаютсе*; ст. 254 поляниця; ст. 258 Спустила Илюшке; ст. 259 не стряхнетси; ст. 260 жолты кудерка; ст. 261 Говорит *нунь* Илюшка; ст. 263 Рахматого; ст. 268 как *комар-ко-ту*; после ст. 274 ремарка отсутствует; ст. 277 етую; ст. 278 *Ивана Великого*; ст. 281 *как* и *сыру землю* отсутствуют; ст. 284 *Как оттуда*, далее пропуск; ст. 286 онуцями; ст. 288 Соловьихи; ст. 289 Соловьихи проклятои; ст. 295 как дай-ко *ему*; ст. 297 налей *меду*; ст. 300, 316 единой; ст. 303 как жолты кудерка не сворохнутсе; ст. 305 Рахматовой; ст. 306 проклятоей; ст. 307 Рахматова; ст. 309 боцьки скатьнего земцюга; ст. 310 злато; ст. 311 *Как* дай-ко; ст. 318 ограбленой; ст. 323 ён во этот-то; ст. 327 *Поехал во город во Киев-град*; ст. 339 здраствуй всероссийскии; ст. 344, 345 княгинею; ст. 347 обеденьке; ст. 350 со своёй княгиней; ст. 351 *он* со *утрени* со ранней; ст. 352 С *тоей он заутренки с*; ст. 355 *ко* князю; ст. 356 княгыны; ст. 357 всёроссийский; ст. 359 *Как* он-то было; ст. 360 *Как* где-*то*, *Илюшенька*; ст. 361 *Как же нынь*; ст. 362 со княгынею; ст. 363 Со своей *ты* со княгыней; ст. 370 У етого *ли*; ст. 372 болхоны; ст. 374 *Как* глядит; ст. 376 было; ст. 377 одеялком; ст. 380 одеялко соболиное; ст. 381 Говорит *тут* он; ст. 387 Илюшка-*те*; ст. 388 сын *да* Ивановиц; ст. 390 Рахматова; ст. 391 *закрицыт*; ст. 392 по-собацьёму; ст. 393 *И егоцет*; ст. 395 князь-*то*; ст. 397 *У ёго*; ст. 398 *У ёго* уста; ст. 401 яму; ст. 414 жолты ... не ворохнютьсе; ст. 416 славной всероссийской; ст. 421 заревит; ст. 426 сколубалоси; ст. 436 раскоракою; ст. 437 На той-*ко* матушки; ст. 438 князь *ли-то*; после ст. 438 *Ай же российской богатырь*; ст. 439 там *был* Илья; ст. 443 Рохматова; ст. 444 соловьюшка; ст. 446 нунь ёго во; ст. 448 князь *со княгиною*; ст. 450 не будет *я-ко* во Киеви; ст. 452 Потом *как Илюхе как*; после ст. 453 *Выходит со балхонов со высокиих*; ст. 457 отсутствует; ст. 458 Рахматову; ст. 460 хватил *ен за жолты*; ст. 461 *о сыру землю*; ст. 462 цёботом; ст. 463 славы поют; ст. 464 А *Илюхе — век* по веку.

После строк 252, 256, 270, 295, 303, 313, 319, 389 и 442 в текст былины внесены ремарки из полевой записи — ед. хр. 35. После строки 329 в текст внесены 4 стиха из ед. хр. 35.

---

[3] В дальнейшем все формы местоимения *это* устойчиво, кроме стихов 380, 456—459, пишутся как ето и отдельно в разночтениях не отмечаются.

А. Захаров считал своим учителем родственника по материнской линии Н. Прохорова, слышал он старины и в исполнении Г. Якушева, одного из лучших учеников «Утицы». Однако его собственные былины, как справедливо отметил Ю. М. Соколов, «недостаточно художественны и интересны лишь для выяснения вариантов Никифора Прохорова» (С.—Ч., с. 289). По композиции комментируемый текст чрезвычайно близок к прохоровскому (№ 191 наст. тома). Совпадают основные сюжетообразующие элементы, многие из них сходны и по своему оформлению (заповедь Ильи «не кровавить руки» во время поездки; установка столба с надписью «как перьва поездка Ильи Муромца»; описания столкновения богатыря с семьей Соловья-разбойника и расправы с его дочерью; поднесение раненому Соловью трех чар с вином, пивом и медом). Из ключевых эпизодов пропущено только освобождение русского города от вражеской осады. Некоторые детали прототекста превратно истолкованы либо неудачно переосмыслены сказителем (Соловья-разбойника по предложению Ильи Муромца намереваются оставить в Киеве «служителем»; богатырь кланяется «кухарке-нахлебнице» не только в княжеском тереме, но и в палатах Соловья-разбойника; он силой отбирает казну побежденного врага: «Не праведной живот, грабленый!»; имя дочери Соловья-разбойника «Пелька» понято как нарицательное имя существительное — «доць полька поляница»). Сказитель использовал ряд типично «прохоровских» словосочетаний: «из села прекрасного» (ст. 89); «замызгал по-змеиному» (ст. 176, 420; «замызгал по-собачьему» у Прохорова); «балхоны высокие» (ст. 248; «выходы высокие» у Прохорова). Судя по всему, А. Захаров был знаком и с другими пудожскими редакциями сюжета. В его тексте есть традиционные мотивы, отсутствующие в былине Н. Прохорова: наговор Ильи Муромца на стрелу (ст. 185—191); детализированное описание разрушительных последствий свиста Соловья-разбойника (ст. 421—431). Название города «Бекетовец» заменено более привычным Черниговом. Вариант А. Захарова — первая по времени пудожская запись былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», содержащая мотив трех дорог (у Н. Прохорова ему соответствуют раздумья богатыря на развилке двух дорог). Некоторые явно нетрадиционные элементы, скорее всего, индивидуальные новации сказителя. Князь Владимир давно знаком с Ильей Муромцем (ст. 353—357); богатырь заворачивает плененного Соловья-разбойника в «одеяло соболиное» (ст. 200); в финальном эпизоде расправляется с Соловьем необычным способом — «растоптал своим цёботом» (ст. 458). В описании стычки героя с дочерью Соловья-разбойника использована формула из былины «Святогор и Илья Муромец» (ст. 257—260). А. Захарову не всегда удавалось облечь традиционное содержание в традиционные формулы, порой он грешил многословием, ненужной детализацией, вводил в текст излишние подробности (ст. 5—8, 11—19, 38—42, 126—139, 232—245, 435—438).

№ 202

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 3, л. 70 об.—100, чистовой автограф В. И. Чичерова, л. 71—81, полевая карандашная запись; ед. хр. 9, л. 105—132, полевая карандашная запись С. П. Бородина (неполные строки); ед. хр. 12, тетр. 2, л. 211—225, полевая запись Э. Г. Бородина (полные строки). Опубл.: С.—Ч., № 55.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 18 июля 1928 г., Пудожье — от Гаврила Матвеевича Сидорова (по прозвищу Полевой), 67 лет.

В ед. хр. 33, начиная со ст. 200 (л. 82) и до конца текста, правка чернилами по полевой карандашной записи.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 1 Ай-*ко*; ст. 15 *кладил*; ст. 31 войло^{ч}цьки; ст. 40 *оны*; ст. 91 бо^{у}рзы; ст. 99 *добрый*; ст. 157 *лёжит*; ст. 162 оставляно; ст. 174 *выбирай*; ст. 175 *из ницих*-то; ст. 205 *зверю*; ст. 234 проежжего; ст. 238 *конь* отсутствует»; ст. 241 *каленыи*; ст. 247 во ухо *в* левое; ст. 257 говорил *да* таковы; ст. 361 собиратьсе; ст. 365 *си́мяна*; ст. 408, 420 *видь*; ст. 418 могучего; ст. 474 А *как*; ст. 498 как *те*; ст. 503 *вси*; ст. 524 Рохма*нова*; ст. 529 *птици*; ст. 580 спрода́ст.

Вариант Г. Сидорова чрезвычайно близок к былине А. Сорокина (№ 192 наст. тома), который доводился ему тестем и на которого он ссылался как на единственного своего учителя. В обоих текстах соединены сюжеты «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», использованы те же мотивы и детали. Отправляясь в путь, Илья не берет боевого оружия, ограничиваясь луком со стрелами; готовясь к битве с татарами, он привязывает один дуб к стремени, а второй берет в руки; не советует жителям Чернигова ставить богатыря воеводою; обещает избавить их от двух застав на киевской дороге; приказывает коню беречь Соловья-разбойника; сравнивает участников княжеского пира с воронами и воронятами. В былинах А. Сорокина и Г. Сидорова много сходного и в стилистике. Г. Сидоров повторяет большинство оригинальных формул своего предшественника, лишь изредка их искажая («угла́ные борзы́», «татарове поганые», «гнездышка горбатыи»). По своей исполнительской манере Г. Сидоров — типичный «сказитель-передатчик». Он мало чем дополняет прототекст, некоторые эпизоды и описания в его интерпретации не столь чеканны и выразительны, как у А. Сорокина (см. ст. 313—316, 336—337, 421—428). Порой певец испытывает затруднения в компоновке былинных стихов и тирад, переходя на рубленую прозу (ст. 98, 116—120, 233—235, 294—296, 489—493, 525, 577—583).

№ 203

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 2, л. 384—386 об., полевая карандашная запись Б. М. Соколова (середина стихов); ед. хр. 33, л. 108—113, чистовой автограф В. И. Чичерова (запись осуществлена в два столбца разными чернилами: начала стихов — синими, концы строк — черными); ед. хр. 12, тетр. 2, л. 229 об.—232, запись Э. Г. Бородиной. Опубл.: С.—Ч., № 53.

Зап. Э. Г. Бородиной, Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым: 19 июля 1928 г., д. Новинки на Сумозере — от Федора Федоровича Ясина, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 40 ведь эту; ст. 45 *свиснул*; ст. 68 *ёму*; ст. 71 да с воронами; ст. 92 шесь.

В тексте конспективно изложено содержание двух сюжетов: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», включенных в состав контаминированной былины А. Сорокина (№ 192 наст. тома), которого Ф. Ясин называл своим учителем. О генетическом родстве этих вариантов свидетельствует близость ряда оригинальных формул и словосочетаний, иногда слегка искаженных Ф. Ясиным: седлая коня, Илья накладывает двенадцать подпруг, тринадцатую — продольную; город Чернигов окружают «пановья-улановья, орды-мырзы, поганые татаровья»; перед битвой с ними богатырь привязывает один дуб «ко леву боку», а второй берет в руки; участников княжеского пира он сравнивает с воронами и воронятами, а взбунтовавшись против князя Владимира, сбивает стрелами «маковки под окнами». Иногда сказитель использует не характерную для былин бытовую лексику («битьсе-дратисе», «табуретки», «присрамил»).

№ 204

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 104—108, полевая рукопись, сведенная карандашом; ф. 483, оп. 1, № 284, л. 32 об.—34, полевая рукопись (перебеленная чернилами). Опубл.: С.—Ч., № 169.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым: 21 июля 1928 г., д. Колгостров на Водлозере — от Ефима Афанасьевича Зайцева, 78 лет.

Разночтение ед. хр. 33

Ст. 48 поесной.

По словам Е. Зайцева, он «перенял былину от своего брата Саввы», умершего незадолго до приезда собирателей (С.—Ч., с. 647). Текст фрагментарный, путаный. Смысл некоторых «темных мест» (ст. 35—38, 54—55 и др.) проясняется только при сопоставлении с другими пудожскими записями. Сохранившиеся в памяти исполнителя оригинальные формулы и мотивы позволяют говорить о генетическом родстве его варианта с былиной А. Сорокина (№ 192 наст. тома): контаминация сюжетов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»; нестандартные детали в описаниях стычки богатыря с дочерью Соловья-разбойника и попытки детей выкупить плененную «птицу Рохматую»; наказ коню беречь Соловья; стрельба Ильи по «царьскиим маковкам». Былину открывает скомороший «мини-запев» (ст. 1—2), содержание которого перекликается с одним из характерных мотивов водлозерской редакции сюжета «Добрыня и Алёша» (неузнанный пирующими Добрыня-гусляр садится на печной столб).

№ 205

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 7, листы не пронумерованы (полевая запись); ед. хр. 20, л. 22—27 об., полевая карандашная запись; ед. хр. 25, л. 394—399 (конец строк). Опубл.: С.—Ч., № 184.

Зап. Ю. А. Самариным, Б. М. Соколовым, В. И. Яковлевой: 21 июля 1828 г., д. Кевасалма на Водлозере — от Никифора Антоновича Антонова, 70 лет.

К ст. 22 примечание собирателей: «Пропущено при записи» (С.—Ч., с. 677).

Разночтения ед. хр. 20

Ст. 1 снаряжаетси; ст. 3 *А и* он; ст. 4 *А* он во дальню (дорожку), не в пецяльную; ст. 6 [ко Христосскоей]; ст. 10 *Не* берет палицы булатной; ст. 11 *Не* берет; ст. 12 А приезжат; ст. 17 да я *да* вострого; вм. ст. 19 *Куды ехать, ехать по дорожке прямохожою*; ст. 20 *да и* три так тысячи; ст. 23 лук разрывцатой; ст. 26 А приезжает ко городу ко Смоляницу; ст. 31 поганыих *ведь* татаровей; ст. 33 серьце; ст. 36 крестьянскую; ст. 38 *такой* зачеркнуто; ст. 41 *на* поганыих татаровьев; ст. 43 улица; ст. 44 переулоцек; ст. 45 в слове «конем» неясна последняя буква: *м* или *й*; ст. 46 татаровьев; ст. 47 на симена; ст. 48 А приезжат; ст. 50 *приобщаютсе*; ст. 51 Для чего смоляници; ст. 52 Для чего же ... *вы*; ст. 55 Как нам *туды* ведь не каетсе; ст. 56 Как нам *туды* не причищатисе; ст. 57 денецек; ст. 58 *На пути* ведь побоище; ст. 59, 66,

79, 98 смоляници; ст. 63 *чуть* отсутствует; ст. 67 послов вы спорыих; ст. 68 Уж как *спорыих да* вы смелыих; ст. 69 *ведь* в квадратных скобках, после него зачеркнуто *поганые*; ст. 70 *смелые* зачеркнуто; ст. 71 ены спорые; ст. 74 *А* говорят; ст. 76 *царсвуй*-ко; ст. 77, 78 *Мы де*; ст. 80 царевицов; ст. 81 королевицей; ст. 82, 83 серьце; после ст. 83 *На одним-то*; ст. 89 хажона; ст. 90 *езжона*; ст. 91 пролетищу; ст. 92 пробежищу; ст. 93 пролётищу; ст. 94 Соловей-*то а*; ст. 95 *Да сидит ён да ен* на ви́тоем на гнездышке (окончание неразборчиво); ст. 99 после *Уж* пропуск; 108 Капре-реку; ст. 110 *пропища* лошадиныих; ст. 112 Через; ст. 114 земля-то *мать*, вздрогнула; ст. 118 доброй конь; ст. 119 по цестным; ст. 122 *рыку ты*; ст. 125 каленую; ст. 126 А и стрелоцьку *приго́ворит*; ст. 132 право(?)ы(?)й глаз; ст. 134 *Ну летела*; ст. 136 Выше *лесу*; ст. 137 Прилетела стрелоцька Соловью; после ст. 141 *Да со свитою*; ст. 142 А приезжает; ст. 144 *Да* привязыват ко стремену; ст. 145 А поезжат во всю; ст. 148 Спереди его-*то*; ст. 149 белокамянны; после ст. 150 *Матушке*; ст. 151, 152, 154 везёт; ст. 156 дочь; ст. 157 испр. из: *стретать*; ст. 158, 159 отсутствуют; ст. 160 Хочет; ст. 169 типеричю; ст. 171 телеги заордынскии, далее *телеги* зачеркнуто; ст. 172 скацьного *да*; ст. 173 *Вам-то батюшка*; ст. 174 Приезжают; ст. 175 Привязат; ст. 176 тоценому; ст. 179 Рахматые; ст. 184 полаты; ст. 186 товарища; ст. 193 *Не* ври-ко; ст. 195 *И* тридцать; ст. 198 пролетище; ст. 199 А *ен* говорит *ей*; ст. 201 повторяется дважды, повторная строка зачеркнута; после ст. 204 *А пошел-то*; 208 *Он* приводит; ст. 210 Ну-ко *закричи* ... Рохматые; ст. 218 *ем да* испр. из неполного *поло*...; ст. 220 казак Илья; ст. 224 *За*крицял; ст. 225 вполсвиста змеиного.

Текст содержит большинство элементов пудожской версии сюжета: сборы Ильи в дорогу, описание кающихся в церкви мужиков-смолягинцев, наказ коню беречь Соловья, а Соловью — беречь коня (ст. 5—11, 48—64, 175—184). Особенно много близких аналогий и перекличек с вариантом А. Сорокина (№ 192 наст. тома). Осажденный татарами город назван Смолянинцем; двор Соловья-разбойника стоит «на семи столбах, на семи верстах». Совпадают многие детали в описании вражеского войска (ст. 27—29) и покушения дочери Соловья на Илью (ст. 156—166). Богатырь предлагает детям Соловья везти в Киев выкуп за своего батюшку «на телегах да ордынских»; в ст. 98—102 без труда опознается совет героя смолягинцам не бояться никаких застав на пути в Киев, кроме реки Смородины (ср. вариант Г. Сидорова, земляка А. Сорокина (№ 202 наст. тома, ст. 207—210; у Антонова эта формула слегка искажена). Вместе с тем комментируемый текст не во всем подобен сорокинскому. Главное его отличие — отсутствие второго сюжета («Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»). Знакомством сказителя с другими редакциями былины либо забвением некоторых особенностей прототекста можно объяснить упоминание города Чернигова (ст. 7); Капры-реки (ст. 7 — видимо, от Непры-реки), описание привязанного к стремени Соловья-разбойника «спереди его да добра коня» (ср. ст. 228—229 в тексте другого водлозерского певца, С. Панова, № 197 наст. тома, ст. 228—229).

Н. Антонов возводил свои старины к репертуару дяди по матери, Матвея Федоровича Нигозёркина (С.—Ч., с. 677), который, судя по всему, был хорошо знаком с творчеством Андрея Сорокина.

В художественном плане комментируемый текст не отличается особыми достоинствами. Н. Антонов нередко употреблял не характерные для былинного лексикона слова («не ври, не мани?», «во всю прыть», «повиноватися», «товарищи», бьет коня «по цесны́м ребрам» и др.); искажал традиционные формулы (эпизоды расправы с татарами, ст. 43—46, переправы богатыря через болота, ст. 103—104). Иногда Н. Антонов вводил неоправданные лексические повторы (ст. 85—86), отклонялся от традиционной сюжетной схемы (Илья не впервые оказывается в Киеве, ст. 186—189).

№ 206

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РГАЛИ, ф. 1456, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 48—66, полевая рукопись, карандаш, обведенный чернилами (сведенная запись); ед. хр. 20, л. 43 об.—52 об., полевая запись, карандаш (неполные строки); ед. хр. 10, л. 49—67, полевая рукопись (начало строки карандашом, конец — чернилами). Опубл.: С.—Ч., № 199.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Дмитрия Ивановича Лукина, 73 лет.

Примечание собирателей: «По указанию Д. И. Лукина, былина перенята им от его деда, Василия Лукича Лукина. От В. Л. Лукина ни Рыбников, ни Гильфердинг записей не делали» (С.—Ч., с. 897).

В п. з. (ед. хр. 33) в строках 129, 170—171, 184, 189, 203, 219, 252, 254, 339—340, 358 некоторые слова заключены в квадратные скобки. К строке 216 рукою В. И. Чичерова сделано примечание: «См. Бород., стр. 59» (начало строки записывал С. П. Бородин, конец — В. И. Чичеров. Былины сведены В. И. Чичеровым).

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 6 *видь*; ст. 25 И *ножкамы*; ст. 30 *своёго*; ст. 53, 65 *мошши*; ст. 92 А *еще* нет; ст. 99 Куды *начнет*; ст. 101 *до* головушки; ст. 102 *Во* рать-силы-то, силы великою; ст. 120 А скажите-ко *да*; ст. 128 А *высучему* зайцу; ст. 145 А *оружья*; ст. 150 разбойницек; ст. 218 дак *мостиночки*; ст. 235 на верхни; ст. 242 там и *пыхнути*; ст. 255 *увидать*; ст. 312 Закрыцял; ст. 313 Запикалась; ст. 318 А *другого*; ст. 319 А *третьего*; ст. 359, 360 *стоит*; ст. 360 *он* да колубается; ст. 361 прощаетсе; ст. 362 Говорил *он* да.

Вариант Д. Лукина содержит большинство типовых элементов пудожской версии сюжета — в нем нет только заговаривания стрелы Ильей Муромцем, преодоления застав на пути в Киев. Схематично описана стычка богатыря с семейством Соловья-разбойника. Все другие эпизоды переданы очень подробно. Сказитель широко использует развернутые диалоги, детализированные описания. Традиционная сюжетная схема осложнена перенесениями из других эпических песен. Покупка жеребенка, выхаживание богатырского коня изредка встречаются в олонецких записях «Исцеления Ильи» (ср. былину каргопольского сказителя, калики из Красной Ляги — Рыбн., № 190). Рассказ о расправе с разбойниками — вторая по времени фиксация этого эпизода в пудожских записях былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (ст. 141—151; ср. Гильф., № 274, ст. 10—27). Демонстрация героем своей силы («прижал богатырей, как тараканов в щилочку», ст. 228—242) перекликается с вариантом Ф. Конашкова (№ 287 наст. тома, ст. 415—418). В более развернутом виде этот эпизод представлен в былине Д. Лукина «Иван Годинович» (С.—Ч., № 200, ст. 109—181). Перечисляя княжеских гостей, сказитель упоминает Добрыню Никитича, Алёшу Поповича, Михайлу Потыка, хотя былин об этих богатырях собиратели на Рагнозере не записали. Это еще одно косвенное свидетельство того, что на рубеже XIX и XX столетий эпический репертуар рагнозёров был гораздо богаче зафиксированного фольклористами. Подобно своим землякам Т. Прокину и А. Зуёвой (№ 207, 178, 289 наст. тома), Д. Лукин использовал редкий мотив: жители освобожденного Чернигова уподобляют своего спасителя ангелу (ст. 104—106). Сравнение сбитого стрелой Соловья-разбойника с «кучей сенной» сближает комментируемый вариант с былиной А. Сорокина (№ 192 наст. тома, ст. 282—283). В тексте есть оригинальные детали и формулы. Разъяренный богатырь сажает на кол детей Соловья-разбойника (ст. 180). Дважды выпив по три ведра вина, пива и меда, раненый Соловей сокрушается: «А в устах было — к серьцу не́ дошло», и только на третий раз соглашается продемонстрировать свой разбойный свист (ст. 329, 338, 344). В пространной старине Д. Лукина обнаруживается всего

несколько отступлений от эпического канона. Князь Владимир назван «царем» (ст. 286; Д. Лукин славился как «замечательный мастер традиционной волшебной сказки» — С.—Ч., с. 716). Использованы некоторые небылинные слова — «бал» (ст. 191); «товарищ» (ст. 199), а также постоянные эпитеты, характерные для причитаний («лошадка ступистая», ст. 9; «дорожка крутистая», ст. 141; «дорожка почтовая», ст. 153).

№ 207

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 86—91, полевая рукопись, карандаш (концы строк); л. 92—95, левая часть записей — чернилами, правая — чернилами обведены неполные карандашные строки; л. 85 об.—90 об., рукопись, перебеленная чернилами; ед. хр. 20, л. 58 об.—63, полевая рукопись (неполные строки, в основном — подхват с середины). Опубл.: С.—Ч., № 193.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Тимофея Архиповича Прокина, 77 лет.

Примечания собирателей: «От кого именно слышал, не знает» (РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 86); «Старину сказал очень охотно» (там же).

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 2 Еще *старыи*; ст. 8, 9 чи(е)ркальское; ст. 15 *тоут* (в перебеленной ркп.); ст. 16 [*сила*] (в п. з.); ст. 24 *тоут* (в перебеленной ркп.); ст. 27 *ёдит*; ст. 11 богатырьскою; ст. 29 селы-*ты*; ст. 45 а перьва; ст. 47, 62 птиця; ст. 60 *пришёл*; ст. 63 *гнездо* испр из: *внизь то* (в перебеленной ркп. — *гнездо*); ст. 79 *ни* ел, *ни* пил; ст. 87 а *видит*; ст. 128, 131 шесь; ст. 147 *засвищи*; ст. 151 наливали *цяру*; ст. 168 а *нуньчи*; ст. 175 казень.

В п. з. (ед. хр. 33) везде неполное написание имени: *Вл-ру* (в перебеленной ркп. — *Владимеру*).

Вариант принадлежит к оригинальному рагнозёрскому изводу сюжета, представленному записями Т. Прокина и его дочери А. Зуёвой (№ 170, 178, 289 наст. тома). Их учителем был местный сказитель Федор Алексеев, умерший в начале XX в. (С.—Ч., с. 710). Важнейшие особенности данного извода отмечены в преамбуле к разделу, все они имеются в комментируемом тексте. Осаждающие Чернигов враги «выкликают поядúнщика» (ст. 16—18); черниговцы истолковывают нежданный приезд Ильи Муромца как Божью помощь (ст. 25—28); описание переправы богатыря через реку позаимствовано из былины «Добрыня и Змей» (ст. 56—60); Илья трое суток ловит сбитого стрелой Соловья-разбойника (ст. 76—81). Большинство других элементов типично для пудожской версии сюжета — преодоление застав на пути в Киев, наговор на стрелу, безуспешные попытки семейства Соловья выкупить его у Ильи Муромца. В тексте Т. Прокина обнаруживаются схождения с вариантом Андрея Сорокина (№ 192 наст. тома). Основной сюжет осложнен описанием ссоры богатыря с князем Владимиром. Правда, эта ссора мотивирована не препирательством из-за почетного места за столом, а гневом князя, обвинившего Илью в пустохвальстве (ст. 120—135). От свиста Соловья рассыпаются терема и валятся кресты с церквей (ст. 166—172); богатырь заточает своего пленника «в погреба глубокии». Первый из перечисленных эпизодов отсутствует в былине дочери Т. Прокина. Не исключено, что сказитель ввел его в былину самостоятельно, под влиянием сорокинской модификации сюжета. Постоянный эпитет «дубы кленовыи» (ст. 48) использован и в былине другого рагнозёрского исполнителя, О. Дмитриева (№210 наст. тома, ст. 98). Необычное словосочетание «пой-камень» (ст. 180), скорее всего, — следствие неточности записи; в финаль-

ном эпизоде текста А. Зуёвой фигурирует «дико́й каме́нь» (№ 289 наст. тома, ст. 141). Т. Прокин неплохо владел техникой сказывания былин, у него богатый запас традиционных эпических формул. Особенно часто используются синтаксический параллелизм и подхват (ст. 2—3, 4—4, 12—13, 36—37, 64—65). Единственное отклонение от былинного канона — употребление слова «карахтер» (ст. 119).

№ 208

Об Илье Муромце и Соловье-разбойнике

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 16, л. 43—49, черновая рукопись, карандаш, обведенный чернилами.

Зап. И. К. Торопцевым: 9 февраля 1938 г., д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Федора Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора, неграмотного, 73 лет.

Особенности записи текста былины: Кијеф-грат, прошченјиц'о (прощеньице), пр'амохожују (прямохожую), к кн'а'з'у (к князю) и др. Текст публикуется в соответствии с принятыми нормами литературного написания.

Основные эпизоды и мотивы комментируемого текста, их художественное оформление традиционны для Пудоги. Богатырь преодолевает три заставы на киевской дороге. Две из них («корбы топучии и болота зыбучии» и Соловей-разбойник) обычны в былинах местных сказителей. В рассказе героя о поездке упоминается и «река Смородинная», которая в других записях является одной из застав. Ф. Ефимов использовал и другие элементы пудожской версии сюжета: наговор на стрелу, подробности нападения семейства Соловья-разбойника на Илью Муромца; угощение раненого Соловья вином и его отказ подчиниться князю Владимиру. Опущен эпизод освобождения русского города, но в прототексте он, видимо, был — предложение Илье «жить за воеводу» в тереме Соловья-разбойника явно перенесено из «черниговской» части сюжета. Вместе с тем в комментируемом варианте находим необычный для Прионежья эпизод: на третьей заставе «стоит рать великая мужичонков труновчёв и ореховчёв». Илья Муромец «прибил всех в полтора часа». Такое развитие событий характерно для печорских записей былины (Онч., № 19 и др.). Не исключено, что эти элементы текста Федора Ефимова восходят к книжным источникам (см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 14). Стилистически данный вариант органично вписывается в рамки пудожской традиции. Можно отметить лишь тенденцию к модернизации былинной лексики («шпоры», «носовой платок»), механическое употребление некоторых устойчивых словосочетаний (Илья берет «лук каленую»; «березка покляпая»).

Публикуется впервые.

№ 209

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 29, л. 146 об—150 об. (л. 200—206), беловая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 53 (в ркп. имеется пояснение к заглавию: «Первая поездка богатырская старого казака Ильи Муромца».

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, 54 лет, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной.

Примечание собирателей: «А. Л. Фадеева „слышала былины от старика из Сарозера (Пудожский р-н), многие забыла"» (БПК, с. 496).

Разночтения БПК, № 53

Ст. 2 Вы спустите-*ка*.

«Данный вариант восходит к редакции А. П. Сорокина (Рыбн., № 127) и А. Ф. Пантелеева (Шайжин, с. 94—106). Об этом свидетельствует ряд поэтических формул, общих для данных вариантов, в описаниях сражения Ильи Муромца с татарами (ст. 21—25), приезда богатыря в город Смолягин (ст. 3—37, 44—46 и др.), поездки к Соловью-разбойнику (ст. 78—83 и др.), приезда на пир и др. Встречающаяся в указанных вариантах контаминация с сюжетом о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром в данном варианте отсутствует. Есть лишь намек на это: Илья Муромец посажен у князя на „мистицко нижнее" (ср. то же у Сорокина и у Пантелеева), и в итоге богатырь попадает в „погреба глубокие". Это, несомненно, навеяно сорокинской редакцией, хотя в варианте Сорокина сила на стороне Ильи Муромца, а не наоборот, как в данном случае. Пропущен в данном варианте эпизод приезда Ильи Муромца с плененным им Соловьем-разбойником в „соловьиное гнездышко" — богатырь прямо попадает в Киев. Вариант значительно уступает былине Сорокина» (БПК, с.496).

По уточнению Ю. А. Новикова, исполнительница довольно точно повторила вариант А. Сорокина. Поскольку все другие былины А. Фадеевой восходят к книжным источникам, содержат мотивы и формулы из текстов наиболее известных сказителей XIX в., записанных в разных регионах, предполагать устное заимствование данного варианта едва ли правомерно (см.: Новиков 2001, сюжет 14, № 51).

В былине А. Фадеевой есть некоторые детали и подробности, отсутствующие у А. Сорокина. Часть из них обычна для прионежских записей (ст. 1—5, 14, 20, 123). Другие встречаются лишь у одного-двух сказителей. Формулу «Ильюшенька, а кто пожалует, сын Иванович» использовали А. Савинов, Ф. Конашков, Г. Якушев (№ 193, 171—173, 200, 287 наст. тома); глагол «мизгат» сродни глаголу «замызгать» в вариантах Н. Прохорова (№ 191 наст. тома, ст. 104) и Т. Романова (№ 167 наст. тома, ст. 119). Эпитет «ковано седло» (ст. 10) встречается в текстах повенецких и кенозерских исполнителей и лишь у одного пудожанина — М. Нигозёркина с Водлозера («седелышко черкаско окова́ное» — Гильф., № 218). Некоторые былинные обороты речи А. Фадеева исказила или переиначила. Сорокинские эпитеты «молодец удаленькой да упаленькой» превратились в «удаленькой да упаренькой», «пановья-улановья» — в «татаровьев, поганювьев». Илья Муромец наказывает стреле угодить Соловью «во право плечо» (обычно — «в правый глаз»). По аналогии со «столбиками», «перильцами» и стрела названа «точёной» (ст. 93). С традицией северо-восточных регионов европейской части России перекликается измерение расстояния не верстами, а временем, необходимым для его преодоления (ст. 66). Оригинально описание перебитого вражеского войска: «ваша силушка ⟨...⟩ вся перебитая да костром срытая» (ст. 48).

№ 210

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 10, л. 29—38, беловая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 62.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Рагнозеро Куганаволокского с/с Пудожского р-на — от Осипа Ивановича Дмитриева, 79 лет.

Разночтения БПК, № 62

Ст. 26 *Говорит* пропущено; ст. 28 несметоцьна.

«Вариант восходит к редакции А. П. Сорокина (№ 192 наст. тома. — *Сост.*) и А. Ф. Пантелеева (№ 198 наст. тома. — *Сост.*). Ср. поэтические формулы в описании отъезда богатыря, эпизоды избиения татар под Смолягиным, разговор со смолягинцами, описание пути к Соловью и др. Существенное отличие в том, что выпущен сюжет ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром, который в вариантах указанных сказителей контаминируется с основным сюжетом былины. Сохранена лишь насмешка Ильи Муромца над князем, когда тот от „крику соловьего" „чуть не замертво лежит", „а старый казак да усмехается". Данный вариант дает другую контаминацию — с сюжетом об Илье Муромце и Идолище (конец былины со ст. 146). Вместо калики-богатыря, как обычно в обработке этого сюжета, Илья Муромец встречает двух нищих и даже собирается им рубить головы, но они его посылают в Киев. Далее сюжет развертывается, как в обычных вариантах, но значительно сокращен и скомкан (ср. БПК, № 18). Это следует отметить и в отношении всего варианта в целом. Дмитриев не умеет петь былины, но он их сказывает словами и местами совершенно не придерживается ритма (см. ст. 5—6; 80—85 и др.). Он не знает традиционных формул, поэтому в передаче эпизода иногда ограничивается двумя-тремя стихами (см. сборы богатыря в дорогу, нападение на силу татарскую и др.). В этом существенное отличие данного текста от варианта Пантелеева и в особенности Сорокина (последний, впрочем, не давал постоянного ритма в своих былинах). Во всех трех вариантах развернуто описание застав, которые должен проехать Илья Муромец. См. в данном варианте ст. 90—98» (БПК, с. 500).

Основу контаминированной былины О. Дмитриева составляет сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник», полностью укладывающийся в рамки пудожской традиции и охарактеризованный в преамбуле к разделу. Второй сюжет изложен схематично и не содержит очевидных примет местной эпической традиции. Не исключено, что О. Дмитриев усвоил его из книги (см.: Новиков 2001, сюжет 23, № 6). По свидетельству собирателей, он был «известен как хороший сказочник, которого раньше часто приглашали по деревням», и, несмотря на свою неграмотность, был неплохо знаком с лубочной литературой (БПК, с. 499—500). В тексте есть одна деталь, восходящая к былине «Алёша Попович и Тугарин» из сборника Кирши Данилова: «несут Одолища на золотом блюди» (ст. 171; ср. КД, № 20, ст. 184—185). В исполнительском мастерстве сказитель заметно уступал своим землякам Д. Лукину и Т. Прокину (№ 206, 207 наст. тома). Многие фрагменты его текста изобилуют прозаизмами (ст. 23—28, 55, 77—90, 173—175), невысок удельный вес традиционных эпических формул, встречаются разговорные обороты речи и алогизмы («отвечал напорез ему», «привязал к стремени шелковыи», «на семи дубах да на кленовыих»). Видимо, под влиянием волшебных сказок князь Владимир однажды назван «царем» (ст. 76), а богатырский конь — «вещим» (ст. 59).

№ 211

Про старого казака Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 88; ИРЛИ, кол. 165, п. 22, ед. хр. 13, беловая рукопись.

Зап. И. Ломакиной: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Первая по времени запись этой былины сделана от И. Фофанова незадолго до второй (см. следующий текст) и почти не отличается от нее. Некоторые описания и монологи персонажей короче, нежели в записи К. В. Чистова.

Публикуется впервые.

№ 212

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 9, рукопись. Опубл.: БПК № 17.

Зап. К. В. Чистовым: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Пояснения собирателя к тексту: ст. 76 в первом варианте князь назван «Констянтин Констянтинович»; ст. 227 йдет — едет; после ст. 262 следует: «Злато-серебро тут Илья Соловьиное с собой забрал, А Соловьиную жену и детей да по Руси послал»; после ст. 304 следует: «Есть я роду крестьянского»; после ст. 417 следует: «Говорил Ильи да таковы слова: „Ай же ты, Илья Муромец да сын Иванович, оставь ты нас хоть на симена"» (имеются в виду варианты записи. — *Сост.*).

Подчеркивая своеобразие былины И. Фофанова, Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов отмечали, что она «значительно отличается и от варианта Прохорова», его основного учителя (БПК, с. 474). Однако в сюжетном плане комментируемый текст не выходит за рамки местной традиции, в нем нет ни одного эпизода, отсутствующего у Н. Прохорова (№ 191 наст. тома). Как и в большинстве других своих старин, сказитель сосредотачивает внимание на ключевых сценах, отказываясь от ряда факультативных (завет богатыря «не кровавить рук» во время поездки; преодоление болот и речки Смородинки; попытки князя Владимира пощадить Соловья-разбойника, отправив его в монастырь). Прохоровский извод сюжета был хорошо известен И. Фофанову, о чем свидетельствует использование характерных для него деталей. Илья принимает от благодарных черниговцев золоту казну — «за работу как мне, братцы, и не грех тут взять» (ср. ст. 73 у Н. Прохорова). Дочь Соловья-разбойника, правда не названная по имени, нападает на богатыря. В описании расправы с ней, как и у Н. Прохорова (ст. 172—180), использована формула из «Кострюка» (ст. 258—261; в тексте этой исторической песни, записанной от И. Фофанова, аналогичная формула звучит иначе — БПК, № 28, ст. 91—99). Не исключено, что сказитель знал и другие пудожские модификации сюжета. Освобожденный богатырем русский город назван Черниговом, а не Бекетовцем (ср. вариант А. Захарова, другого ученика Н. Прохорова, № 201 наст. тома). Горожане не предлагают Илье Муромцу остаться у них воеводой, поскольку в былине упоминается «князь черниговский» (ст. 74). В другом варианте он назван по имени — «Констянтин Констянтинович» (БПК, с. 189), — видимо, под влиянием прохоровской редакции «Ильи и Идолища», где в Царьграде правит «Костянтин Боголюбович» (№ 216 наст. тома, ст. 80). Оригинальные подробности включены в формулу вражеского ультиматума (ст. 104—108), в монолог черниговского князя (ст. 131—132), в описание свиста Соловья-разбойника (ст. 197). О творческом отношении И. Фофанова к своим текстам свидетельствуют также удачные перенесения из других былин Н. Прохорова: описание бесчисленной вражеской «силушки» позаимствовано из «Ильи и Калина» (ст. 33—37, ср. №191 наст. тома, ст. 249—254). К этому же сюжету восходят раздумья богатыря о том, как ему бить татар — с краю или с середины (ст. 40—44, ср. № 191 наст. тома, ст. 288—289). Необычная концовка (Илье «слава не минулася») встречается в некоторых других текстах И. Фофанова («Илья и Сокольник», № 231 наст. тома, ст. 236—237). Впервые она зафиксирована в одном из прохоровских вариантов старины о Василии Буслаеве (Мил., № 94, ст. 60—61).

Как и в других своих эпических песнях, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» И. Фофанов продемонстрировал прекрасное владение былинным стихом, постоянными формулами разных типов. Лишь два словосочетания на вписываются в традиционный лексикон — «почестен бал», «слова дерзкие».

№ 213

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 23, л. 33—36, перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 32. Вар.: БПК, № 53; Архив КФАН, кол. 20, № 77.

Зап. А. Д. Соймоновым: 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

Примечание собирателя: «Былина записана с голоса. Записана вместе с Париловой. Напев ремизовский. Некоторые места Фадеева плохо помнит».

«За исключением ряда второстепенных мотивов варианты 1938 (БПК, № 53) и 1940 гг. демонстрируют высокую сюжетно-композиционную стабильность, в то время как словесная сторона былины заметно варьирует. Характеристика сюжетно-композиционных особенностей варианта (БПК, № 53) применима и для публикуемой записи (БПК, с. 496)» (Черн., с. 279).

Комментируемый вариант былины записан от А. Фадеевой через два года после предыдущего (№ 209 наст. тома). Разноречия в них незначительны, причем текстуальных совпадений с былиной А. Сорокина (№ 192 наст. тома) стало даже больше. В частности, подчеркивается, что Илья Муромец отправился «во первую поездку богатырскую» (ст. 3; ср. ст. 85—87 у Сорокина); упомянуты «татаровья-улановья», а не «погановья», как в первой записи (ст. 34; ср. ст. 108 у Сорокина); одночленная формула «береги, конь, моего Соловья» стала двучленной — «береги, Соловей, добра коня, а конь, береги да Соловья-птицу» (ст. 126—127; ср. ст. 367—373 у Сорокина). Все эти дополнения находим и в третьей по времени записи (№ 294 наст. тома).

№ 214

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 17 ед. хр. 92, л. 2—5, перебеленная на узких листах рукопись, карандаш. Опубл.: Черн., № 25.

Зап. А. В. Белововой: 17 июля 1945 г., д. Старое Сигово Пудожского с/с Пудожского р-на — от Александра Андреевича Портнягина, 78 лет, уроженца д. Сигово Пудожского у.

Разночтения Черн., № 25

В публикации ст. 3 и 4 ркп. объединены; ст. 49 (ст. 50 ркп.) *разрываньё*; ст. 56 (ст. 57 ркп.). Прирубил, *припутил*; ст. 64 (ст. 65 ркп.) *потросклисе*; ст. 82, 83 (ст. 83, 84 ркп.) натягивал.

На полях л. 2 зачеркнутая фраза: «Царь Солтан. У Пушкина есть Солтан, так и мы называем».

«Вариант А. А. Портнягина содержит основные мотивы былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Отсутствует комплекс мотивов, связанных с просьбой жителей города остаться Илье Муромцу в нем, а также мотив выспрашивания Ильей у горожан „дороги прямоезжей". Из пудожских вариантов наиболее близки былины И. Фепонова (Гильф., № 57) и А. Л. Фадеевой (БПК, № 53, а также № 32 нашего сборника)» (Черн., с. 278).

Сказитель жил близ деревни Ченежи, откуда вынес свой эпический репертуар А. Сорокин. Все сюжеты, известные А. Портнягину, записаны и от его знаменитого земляка («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Наезд литовцев», «Царь Соломан и Василий Окулович»). В былинах обнаруживается множество совпадений, они принадлежат к одним и тем же редакциям сюжетов, хотя и не тождественны настоль-

ко, чтобы говорить о тесных контактах между исполнителями, а тем более — считать А. Портнягина учеником А. Сорокина. Комментируемый текст дальше других отстоит от сорокинского. В нем представлен только сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (без контаминации с сюжетом «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»). Герой освобождает от «силы литовской» город Кешев (Смолягин у Сорокина; ср. Бекетовец у Н. Прохорова, № 191 наст. тома и Бекешовец у И. Фепонова, № 195 наст. тома). Иначе описаны «поскоки» богатырского коня, угощение раненого Соловья-разбойника вином, пивом и медом. Повествование строится как рассказ о последовательном преодолении все более трудных застав. В отличие от других пудожских записей с первой заставой («корбы дремуции, болотушка забуции») герой сталкивается, еще не доехав до Кешева, а осажденный врагами город осознается как вторая застава. Необычное для былин слово «настрельник» (колчан) образовано по аналогии с «налуцником», фигурирующем в предшествующем стихе (ст. 12—13). Выражение «некоторы в окна поторклисе», видимо, связано с глаголом «торкать» (втыкать, толкать).

№ 215

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 21, л. 4278—4285, рукопись.

Зап. Е. А. Костюхиным, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Рагнозеро — от Елены Ивановны Алексеевой, 74 лет.

Примечание составителей: «В ст. 57, 68 подворье Соловья-разбойника ошибочно названо „княженьским"».

Е. Алексеева едва ли не дословно повторила текст из сборника Кирши Данилова, лишь изредка опуская отдельные стихи, заменяя некоторые слова синонимами («чеснет коня» вместо «стегнет», Соловей падает с дерева «клубом», а не «комом»). Иногда эти замены приводят к искажениям и алогизмам. Вынужденно пустив в ход оружие, Илья Муромец «исполняет» (а не «разрушает») «заповедь великую». Соловья-разбойника вместо «луки седельной» он привязывает к «тугу седельному» — исполнительница спутала луку с «тугим луком». Эпическая «гридня» превратилась в «гривду», хотя Е. Алексеева довольно точно истолковала семантику этого историзма («горница»).

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ (№ 216—229)

В русской науке принято выделять две основные версии сюжета в зависимости от географического приурочения действия и имени второстепенного персонажа — властителя подвергшейся нападению страны: «цареградскую» (царь Константин Боголюбов) и «киевскую» (князь Владимир) (см.: *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 2. С. 88—97; Аст. 2, с. 752 и др.). Однако разноречий в двух-трех именах собственных слишком мало для выделения особых редакций, а тем более версий эпического сюжета: они характеризуются более существенными структурными отличиями (разный набор эпизодов и сюжетообразующих мотивов, разные способы их соединения, контаминации с другими былинами и важные в содержательном плане перенесения из них, наличие оригинальных поэтических формул и т. д.). Тот же В. Ф. Миллер отмечал, что в «цареградской» версии события могут происходить «в Ерусалиме (заменяющем свободно Царьград)», а киевская версия «содержит в сущности ту же схему (mutatis mutandis) с переменой некоторых имен» (*Миллер Вс.* Очерки... С. 89, 91). Можно согласиться с тем, что название Киева и имя князя Владимира вторичны в этой былине, но процесс ее внешней «киевизации» начался

очень давно (в таких эпических центрах, как Кижи, Повенец-Толвуй, Выгозеро, Мезень, Печора, не сохранилось никаких следов «цареградской» версии), а главное — он не привел к серьезным структурным изменениям и образованию новых модификаций сюжета. Убедительные аргументы в пользу такого утверждения можно найти в пудожских записях, в которых цареградские мотивы встречаются гораздо чаще, чем в текстах из других регионов Русского Севера. На Купецком озере и Пудожском берегу былины об Илье и Идолище записаны от Н. Прохорова и его учеников. Генетическое родство этих вариантов не вызывает сомнения, они относятся к одной редакции сюжета. Но если у Прохорова фигурируют Царьград и Костентин Боголюбович, то Г. Якушев лишь вскользь упоминает Царев-град, мимо которого проходит «Иванищо могу́цёё» (основные события происходят в палатах киевского князя Владимира), а в текстах М. Мякишева, И. Фофанова, Н. Ремизова, О. Фофановой цареградские реалии вообще отсутствуют. Вряд ли корректно только на этом основании относить их к другой версии сюжета — ведь все они восходят к былине «Утицы».

Большинство эпосоведов разделяют предположение В. Ф. Миллера о том, что более древняя старина о победе Алёши Поповича над Тугарином послужила «прототипом или образцом» для сложения былины «Илья Муромец и Идолище» (*Миллер Вс.* Очерки ... С. 104, 118, 153 и др.). Следы возможной генетической связи этих сюжетов сохранились и на Пудоге: описания внешности Идолища и его обжорства, перебранки Ильи с ним повторяют соответствующую сцену из «Алёши и Тугарина»; насмехаясь над ненасытностью Идолища, богатырь сравнивает его с поповской коровой (М. Мякишев, И. Фофанов, О. Фофанова; священник назван «нашим» (а не «моим») «батюшкой» в былинах Т. Романова и Щербакова), а в некоторых текстах поп оказывается еще и ростовским (Н. Прохоров, Г. Якушев; согласно эпической «биографии» Алёши, он сын ростовского попа). Некоторые сказители акцентировали внимание на унижении князя Владимира и фривольном поведении насильника за княжеским столом, что также можно интерпретировать как перенесение из былины о Тугарине (№ 201, 222 наст. тома).

Сюжетная схема «Ильи и Идолища» во всем Прионежье довольно устойчива (встреча богатыря с каликой перехожей и переодевание, стычка с Идолищем за княжеским или царским столом, расправа с ним). Больше всего расхождений в начальных эпизодах. На Колодозере под влиянием традиции соседнего Кенозера повествование осложняется сценой в кабаке (перенесение из сюжета «Илья Муромец и голи кабацкие» — Т. Романов).

Как уже отмечалось выше, особую редакцию сюжета составляют тексты Н. Прохорова, Г. Якушева, И. Фофанова и примыкающие к ним прозаические варианты М. Мякишева и О. Фофановой. В них большое внимание уделяется калике перехожей — могучему Иванищу; из эпизодического персонажа он превращается в одного из главных героев повествования. Увидев вражеское войско под Киевом, калика похищает татарина, уносит его в чистое поле и, подробно расспросив об Идолище, убивает (ср. с былиной «Калика-богатырь», записанной всего в двух вариантах: в Кижах — Гильф., № 101 и на Пудоге — Т. Суханов, № 263 наст. тома). Поменявшись платьем с Ильей, Иванище остается в поле сторожить его коня. После расправы с Идолищем богатырь находит калику в плачевном состоянии:

А тут-то Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище, перетерзано
У того добра коня богатырского (Н. Прохоров).

Физическая сила калики очевидна, он шутя справляется с татарином, унося его «под пазухой». Но это не богатырь, освобождение Киева (или Царьграда) ему не по плечу. Вводя его в былину, народные певцы еще больше подчеркивают величие подвига Ильи Муромца. Да и сам «старой казак», как и в ряде других севернорусских вариантов, укоряет калику:

Есть у тя силы с дву меня,
А смелости-ухватки половинки нет.

54 Зак. 3427

Данная редакция сюжета характеризуется также другими, менее существенными особенностями (см. комментарии к упомянутым текстам).

Некоторые певцы использовали ключевые мотивы «Ильи и Идолища» не только в других былинах об этом богатыре, но даже в «Сухмане» (П. Антонов) и «Дюке» (Сорокин и Нигозёркин). Следует оговориться, что упоминание Идолища в других эпических песнях не обязательно свидетельствует о влиянии данного сюжета. Нередко это слово осознается сказителями как нарицательное имя существительное, обобщенное название эпического противника-иноверца, аналогичное Невеже или басурманину. Идолищем (Одолищем, Неодолищем, Едолищем), идолами погаными именуют иноземного богатыря-нахвальщика, вражеского царя и сопровождающих его воинов в разных районах бытования русского эпоса — от Петербургской губернии (Гильф., № 320) до Печоры (Онч., № 20) и Урала (КД, № 54).Таких примеров немало и в пудожских записях. П. Миронов называл Индолищем и предводителя осаждающей Чернигов вражеской силы, и Соловья-разбойника, и его дочь (см. коммент. к № 168 наст. тома). Ср. в кенозерской былине: «...погано Едолище, по прозванию Батыга Батыгович» (Гильф., № 245, ст. 52—53 и др.).

№ 216

О старчище Иванище, поганом Идолище и Илье Муромце

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 199—203, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 17. «Об Илье Муромце и поганом Идолище».

Рукопись перебелена: ст. 1—78 — неизвестным переписчиком, крупным детским почерком с наклоном вправо; со ст. 79 и до конца текст переписан Рыбниковым (л. 200 об.). Включена в раздел былин Н. Прохорова, записанных в Купецкой волости.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова (ок. 1820 г. р.).

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 127 яловица — корчаг; ст. 181 Оставлен оставеж на дорожке — т. е. калика Иванчище (л. 201).

Пояснение издателя: ст. 152 а в других переправил — в другой раз поколотил.

Разночтения Рыбн., № 17

Ст. 162 отмечена твердость ч в слове *Боголюбовичъ*, при публикации это не отражено.

Текст Н. Порохорова — самая ранняя по времени фиксация оригинальной редакции сюжета, имевшей широкое хождение на Купецком озере и в соседних с ним деревнях. Основные ее особенности охарактеризованы в преамбуле, но и кроме них в комментируемом варианте немало нестандартных или редко встречающихся деталей и подробностей. Идолище прибывает в Царьград в сопровождении огромного войска, в финале богатырь истребляет его. В большинстве других редакций в отличие от былин о татарском нашествии все внимание сосредоточено на фигуре великана-насильника, победа над ним означает освобождение города от захватчиков. Илья убивает противника клюкой-посохом, а не колпаком или шляпой Земли Греческой. Константин Боголюбович и Идолище расспрашивают мнимого паломника наедине («взимал к себе калику перехожую»), обычно же это делается публично, «за столами за дубовыми» (№287 наст. тома, Ф. Конашков и др.). Только в этой редакции сюжета и некоторых других пудожских вариантах пущенный разгневанным Идолищем нож вышибает дверь с ободвериной, которая убивает и ранит собравшихся во дворе татар, а те, кто уцелел, проклинают своего повелителя (ст. 139—146). Сравнивая Идолище с коровой обжористой, Илья упоминает попа ростовского (ст. 128, заимствование из практически забы-

той на Пудоге былины «Алёша Попович и Тугарин»). Индивидуальной новацией Прохорова или его непосредственного предшественника можно считать резкие выпады Ильи Муромца против неблагодарного князя Владимира (ст. 170—179) и нетрадиционное поведение богатыря при получении награды за свои подвиги (ст. 188 — «это мое заробочее»; ср. аналогичный мотив в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», № 191 наст. тома, ст. 73, 157). В ст. 35 собиратель допустил явную оплошность («А нос снаружи с локоть был»; должно быть — «нос на роже», см. ст. 44, 116 в записи А.Ф. Гильфердинга, № 220 наст. тома).

№ 217

Илья Муромец и Идолище поганое

Рыбн., 1864, № 9.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерской вол. — от Трофима Романова (прочие сведения отсутствуют). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 9 муница — гуница, гуня; ст. 19 разхучалися — от корня «хит», «хут» — скрывать; ст. 35 потархивати — от корня «торок», удар ветра; отсюда же — «копьем торыкать»; ст. 37 воронечку — воронец — доска, привешенная на веревках поперек избы.

Текст принадлежит к редакции сюжета, центром бытования которой является Кенозеро, расположенное в нескольких десятках километров от родной деревни Т. Романова. Важнейшая особенность этой редакции — контаминация сюжетов «Илья Муромец и голи кабацкие» и «Илья и Идолище». В ряде вариантов, как и в комментируемом, столкновение богатыря с чумаками-целовальниками происходит в Киеве, а с Идолищем Поганым — в Царьграде (еще одно свидетельство нецелесообразности выделения «киевской» и «цареградской» версий второго сюжета). Былина колодозерского певца особенно близка к текстам Ирины Калитиной и ее сына Ивана (Гильф., № 232; С.—Ч., № 248). Напившись вина, богатырь засыпает на печке в кабаке; по приказу Владимира чумаки-целовальники пытаются силой привести его в княжеский терем; Илья избивает их «дубовой воронечкой» (воронцом); от «крыку богатырского маломошны дома рассыпались», и Идолище велит «князю цареградскому» позвать мнимого калику в палаты. Вместе с тем в былине Романова есть чисто пудожские элементы, отсутствующие в кенозерских записях (Илья убивает своего врага «шалыгой», а не шляпой; схватив Идолище за ноги и размахивая им как дубиной, он избивает татарское войско). Мнимый калика просит милостыню «для ради Ильи Муромца»; возможно, эта деталь связана с архангельско-беломорскими редакциями сюжета (в печорских, пинежских, некоторых мезенских и золотицких вариантах Идолище запрещает произносить имя Ильи, а богатырь намеренно нарушает этот запрет). В тексте встречаются лексические архаизмы, диалектизмы и оригинальные поэтические образы. Илья-калика просит у князя «золоту гривну»; чумаки «потархивают» уснувшего богатыря (от глагола «торкать» — толкать, дергать); они «по чуланчикам расхучалися» (от глагола «хутить» — хоронить, прятаться). В ст. 101—103 традиционная угроза Идолища раздавить Илью дополнена выразительной метафорой — «блином сделаю, и с собаками не найдешь». Названия города Муромля и села Карачарова (ст. 1—2, 112—113) позаимствованы из «Исцеления Ильи Муромца» (Т. Романов — единственный пудожский сказитель, от которого до революции записана эта былина, см. № 167 наст. тома). Ст. 44—47 — неудачная импровизация исполнителя (до встречи с «Игнатищем» Илья не знает о захвате Царьграда «Издолиной»). В ст. 25 вместо голей кабацких ошибочно упомянуты калики.

№ 218

Илья Муромец и Идолище

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 112—113 об. (л. 129—130 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 22, стб. 129—131.

Полевая запись карандашом, дописи и пунктуация чернилами. Слева над текстом зачеркнуто Ю. На обороте л. 113 карандашом, зачеркнуто: «Ю. Батыга. д. Рим, 23 июля». Под текстом: «Запис[ано] в д. Рим на Пудожской Горе, 23 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 23 июля 1871 г., д. Рим (Римское) — от Федора Александровича Корсакова, крестьянина д. Костино Песчанской вол., 26 лет.

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 1 над словами «Тени-из-под-тени» стоит звездочка. Внизу под звездочкой пояснение певца: «Эти слова — простая запевка»; ст. 64 к слову «халстная» ниже справа: sic. В конце текста зачеркнуто: «Дальше не знает».

Разночтения Гильф., № 22

Ст. 4 испр. из: *Из-под той ли-то с-под северной сторонушки*; ст. 33 испр. из: *Стал успевать*; ст. 55 *наший* подчеркнуто; ст. 68 испр. из: *Он смахнул-то со стола ножом длинным.*

Текст сокращен. В нем нет обычного для этой былины эпизода встречи Ильи с каликой Иванищем и обмена одеждой. Одолище идентифицировано с Батыгой, использован в краткой форме мотив туров из былин про Василия Игнатьевича, чувствующих невзгоду над Киевом. Заключительный эпизод — переработка мотива из былины о Иване Годиновиче.

№ 219

Илья Муромец и Идолище

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 14—16 (л. 29—31) + один чистый. Опубл.: Гильф., 1873, № 4, стб. 22—24.

Полевая запись: текст — карандашом; номер, заглавие, дописи, время, место записи и пунктуация — чернилами. Слева над текстом помета наборщика.

На обороте чистого листа помета карандашом: «Ь. Илья и Идолище, д. Рим, 24 июля»; под текстом: «Записано там же, 24 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 24 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Примечание А. Ф. Гильфердинга: ст. 116 кубоча — тукач или сноп соломы. На полях зачеркнуто карандашом: «Кубоча — тукач соломы».

Разночтения Гильф., № 4

Ст. 53 испр. из: *По ведру он водки да на раз да пьет*; после ст. 64 следовало: *И отдал же ему коня да богатырского*; ст. 104 испр. из: *А помногу ли он водки к выти пьет?*; ст. 104 *то* — неясно, зачеркнуто или нет.

Варианты, записанные от П. Калинина и его соседа А. Чукова (Рыбн., № 25), существенно расходятся в композиционно-стилистическом плане. Говоря о первой былине, В. И. Чичеров не отрицал сюжет-

ной близости текстов Калинина и сказителя из соседней Песчанской вол. Ф. Корсакова (№ 218 наст. тома): «По своим сюжетным очертаниям оба варианта во многом совпадают». Этой близости исследователь противопоставлял схождения на уровне деталей повествования и стиля в былинах Калинина и Чукова, утверждая на этом основании «отход Калинина от традиции Повенца» и связь его текста с традицией Кижей (Чичеров, с. 116—118). Такой вывод представляется сомнительным, поскольку неубедительны ссылки на текстуальную близость старин пудожгорских певцов. Среди приведенных В. И. Чичеровым фрагментов доминируют общеэпические формулы, зафиксированные в разных районах бытования былин и в разных сюжетах. «Тут поехал Илья Муромец в чисто поле, ⟨...⟩ попадает ему старец перегримищо, ⟨...⟩ говорит ему казак да Илья Муромец: „Дай-ко ⟨...⟩ клюки же мне-ка сорока пудов"» (Калинин); «Ехал Илья Муромец по чисту полю, наехал-то старчища пилигримища и сам говорит таковы слова: ⟨...⟩ „Дай-ко мне клюху сорока пудов"» (Чуков). Переклички типовых элементов не могут служить надежным критерием для выявления родственных текстов. В некоторых фрагментах можно констатировать лишь смысловое сходство, а не текстуальные совпадения: «С чести ти не дать, так возьмешь не с чести» (Калинин), «Добром буде не дашь, силом возьму» (Чуков); «А взглянул было татарин во окошечко...» (Калинин), «Опустилось Идолище на сыру землю и поехало по чисту полю, и увидело старчища Пилигримища» (Чуков). Не совсем верно утверждение о «полном отсутствии текстуальной близости вариантов Калинина и Корсакова». Буквальных совпадений в них действительно нет, но близкие по содержанию и словесному оформлению стихи встречаются (в былине Чукова эти фрагменты отсутствуют).

П. Калинин	Ф. Корсаков
«Ставит силушку вкруг Киева, Ставит силушку на много верст». «А помногу ли ваш ест да Илья Муромец?»	«Обставил тут силы-то круг Киева Ай на все же на сторонушки а на шесть верст». «А помногу ли ваш казак Илья Муромец к выти хлеба кушаёт?»
«Не помногу ест казак да Илья Муромец: «По три он калачика крупивчатых». «Он помногу же ли к выти да вина-та пьет?»	«По три-то фунтика колачиков крупивчатых».

На уровне опорных сюжетообразующих элементов варианты Чукова и Калинина почти не имеют точек соприкосновения. Как справедливо отметили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий, текст Чукова представляет собой одну из версий сюжета «Алёша Попович и Тугарин» с заменой имен главных героев и перенесением мотива переодевания богатыря в платье калики перехожей (ДиА, с. 403). (Впрочем, последний мотив иногда встречается и в старинах об Алёше-змееборце — № 300 наст. тома; КД, № 20). В былине Калинина нет ни одного элемента «Алёши и Тугарина», которые имеются в старине Чукова. Традиционная стычка Ильи и Идолища во дворце князя Владимира заменена поединком в чистом поле; по молитве богатыря дождем смочило крылья у коня его соперника; во время боя Илья Муромец, подобно Алёше Поповичу, «увернулся под гриву лошадиную». Единственное содержательно значимое схождение в старинах сказителей-соседей — оригинальная формула:

«А по платьицам да иде старчищо,
По походочке так Илья Муромец».

По всем другим параметрам комментируемый текст типичен для восточного побережья Онежского озера, где этот сюжет пользовался гораздо большей популярностью, нежели в Кижах. Особого внимания заслуживает совпадение редких мотивов и подробностей. У Калинина, как и у его земляка Корсакова, Киев окружает несметное татарское войско; князь Владимир униженно приглашает Идолище на пир; калика, с которым Илья меняется платьем, назван «Иванищем могучим» — ср. «сильное могучее Иванище» в былинах И. Захарова с Водлозера (№ 221 наст. тома), Н. Прохорова (№ 216 наст. тома) и других пев-

цов с Купецкого озера. «Каличище Иванище» фигурирует и в тексте заонежского сказителя Т. Рябинина (Рыбн., № 6). Изложенные факты свидетельствуют о том, что записанный от П. Калинина вариант «Ильи Муромца и Идолища поганого» формировался в недрах эпической традиции восточного Прионежья и практически не имеет ничего общего с былиной А. Чукова.

Оригинальных элементов в комментируемом тексте немного. Обычно сказители умалчивают о цели переодевания богатырей в женский наряд или в платье калики перехожей — усыпить бдительность потенциального соперника; у Калинина герой открыто декларирует свой замысел:

«Не узнал бы нунь татарин да поганыи,
Что меня же нунь казака Илья Муромца».

Отдавая свое платье богатырю, Иванище могучее говорит:

«С чести ти не дать, так возьмешь не с чести,
Не с чести возьмешь, уж мне-ка бок набьешь!»

Близкие по содержанию формулы есть в былинах водлозёра И. Захарова, М. Котовой из-под Масельги, расположенной севернее Пудожской Горы (Гильф., № 26), Н. Дутикова из Кижей (Рыбн., № 63; Гильф., № 144) и А. Ивановой с Поморского берега (Марк., № 261). От могучего удара Ильи Муромца у Идолища «отлетела голова да будто пугвица». Б. М. Соколов связывал этот поэтический образ с жизненным опытом сказителя, портного по профессии (Соколов, с. 26). Однако такое же сравнение встречается в разносюжетных былинах многих певцов, не имевших прямого отношения к портняжному ремеслу. (см.: С.—Ч., № 41; Черн., № 41 (П. Логинов, А. Логинов, Пудога); Рыбн., № 193 (калика из Красной Ляги, Каргополье); Марк., № 94 (Ф. Пономарев, Зимний Берег); Кир. IV, с. 22 (Архангельский у.)). В основном не выходя за рамки традиционного фольклорного лексикона, певец один раз употребил не характерное для былин слово «стаканец».

№ 220

Илья Муромец и Идолище

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 204—208 (221—225), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 48, стб. 233—236.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами — раскрытые сокращения, пунктуация и помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 17)». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (ок. 1820 г. р.).

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 248 к слову «оставеш» на полях: sic; ст. 262 к слову «придерзано» — «платье растерзано».

Разночтения Гильф., № 48

Ст. 7 испр. из: *как*; ст. 9 — испр. из: *как тут*; ст. 23 испр. из: *Царев град*; ст. 64 испр. из: *Цари-от*; ст. 134 испр. из: *А какой еще тут это калика был?* Ст. 133—134, 312—313 были, видимо, пропеты сначала в обратном порядке и помечены цифрами к перестановке; ст. 144 испр. из: *каликушку*.

При повторной записи композиционная схема былины осталась неизменной. Значительное увеличение объема (344 стиха против 202 в записи П. Н. Рыбникова) объясняется тем, что Н. Прохоров последовательнее использовал эпические повторы, еще больше детализировал некоторые описания и диалоги

(характеристика намерений калики-паломника, бесчинств Идолища в Царьграде, упреки Ильи Муромца силачу Иванищу, не посмевшему вступиться за царя Константина, и др.). Более четко и подробно сказано об обстоятельствах тайной беседы богатыря с царем и его споре с Идолищем (Константин «взимал каликушку в особой-то покой да в потайныи», а Идолище «взимает калику на доспрос к себи»). Художественная целесообразность этих уточнений и дополнений очевидна, но в ряде случаев сказителю изменяло чувство меры. Нелогичным выглядит дублирование допроса татарина Ильей Муромцем (ст. 104—119) — всю необходимую информацию о противнике богатырь уже получил от «могучего Иванища»; неуместно и включение в похвальбу-самохарактристику Идолища сатирических портретных деталей (ст. 180—182). Естественное варьирование фольклорного текста выразилось и в пропуске отдельных стихов, что иногда приводит к затемнению смысла или утрате выразительных поэтических нюансов (ст. 82—83, 195 в первом варианте, опущенные при повторном исполнении). Ст. 332, видимо, неточно записан собирателем: должно быть «Иванище притерзано» (или «перетерзано»), а не «придерзано» (ср. ст. 194 в записи Рыбникова).

№ 221

Илья Муромец и Идолище

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 826—828 (298—300), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 196, стб. 943—946.

Полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число 41. Под текстом карандашом: «Запис⟨ано⟩ там же, 7 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 41. Илья и Идолище. 7 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

Пояснение А. Ф. Гильфердинга: ст. 22 к слову «лициницом» на полях: «т. е. лицом».

Разночтения Гильф., № 196

Ст. 10 испр. из: *Только я иду, Илья Муромец сын Иванович*; ст. 17 испр. из: *А приехал тут татарин*; ст. 28 испр. из: *А промеж уши да идет*. В дописях к ст. 48 *каличьих*, к ст. 74 *палата*; ст. 54—55 вписаны на полях; после ст. 55 зачеркнуто: *Он ударил дубиной о с сыру землю*; ст. 95 *дубина* написано над *только так*; ст. 96 испр. из: *А я-то ем*; ст. 124 испр. из: *А крепко мне*. Последние четыре стиха цифрами помечены к перестановке.

Вариант обычен для прионежской традиции, содержит оба основных эпизода (встреча Ильи с могучим Иванищем, их диалог и переодевание богатыря; стычка с Идолищем поганым в палатах царя Константина). Как и в большинстве других пудожских записей, Илья истребляет татарское войско, заполонившее Царьград. Хотя действие приурочено к Царьграду, в былине упоминаются Киев и князь Владимир (ст. 86, 99). Некоторые детали комментируемого текста, возможно, позаимствованы из сюжета «Алёша Попович и Тугарин». Идолище, подобно Тугарину, унижает царя Константина и оказывает знаки внимания царице (ст. 20—24); Илья Муромец ловит пущенный противником нож (ст. 113—114; ср. печорские и сибирские записи «Алёши и Тугарина», в которых нож перехватывает Алёша или его слуга Еким — Онч., № 64, 85; Мил., № 39; Гул., № 40 и др.). По мнению А. Ф. Гильфердинга, данная былина не входила в активную часть репертуара сказителя, он восстанавливал ее «с некоторым усилием» (Гильф. III, с. 9); поэтому отдельные стихи и тирады стилистически далеко не безупречны (ст. 69—70, 85—86, 88, 128).

№ 222

Илья Муромец у царя Василия Боголюблева

Барсов, с. 541—546.

Зап. А. Николаевским: приход Кулгала Филимоновской вол. — от «крестьянина Щербакова» (прочие сведения не указаны).

Один из лучших вариантов этой былины, записанных в Онего-Каргопольском крае, отличается стройностью композиции, выверенностью и соразмерностью деталей, точным подбором постоянных эпитетов, четкой мотивированностью описываемых событий. Действие происходит в Царьграде (сказитель отождествлял его с «Иерусолимом» — ст. 62—63), в котором правит Василий (а не Константин) Боголюбович. В тексте немало примет местной традиции. Как и в большинстве других пудожских записей, Илья убивает врага не «шляпой Земли Греческой», а «дубиной подорожной», затем истребляет татарское войско. Брошенный Идолищем нож улетел «на сини на царские» и «прибил поганыиих татаровей» (ср. с прохоровской редакцией сюжета — № 216 наст. тома и др.). Сравнение вражеского исполина с «кучей сенной» (ст. 29) встречается в одной из былин А. Сорокина, земляка Щербакова (№ 192 наст. тома, ст. 283); формула «скоро скажется, по успеху дело деется» (ст. 61) также была известна этому певцу (Рыбн., № 137, ст. 131 — «Царь Соломан»), использовали ее и каргопольские сказители (Рыбн., № 197, ст. 109; Рыбн., № 205, ст. 138). На востоке Пудоги она обычна в волшебных сказках, где выполняет те же функции, что и знаменитая формула «Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается». Калика «сильное Иванище» назван по отчеству — «Игнатьев сын» (ср. с «каликой Игнатищем» в варианте Т. Романова — № 217 наст. тома). Развивая традиционный мотив своего сходства с Ильей Муромцем, «шиш-калика» (переодетый Илья) заявляет, что носит его «обдержечки», «сапожки-обтопочки»; близкую параллель находим в былине Г. Якушева (№ 223 наст. тома, ст. 3, 154), а также в одном из архангельских вариантов — «лапоточки-обтопочки» (Кир. IV, с. 22, ст. 40, 44). Необычное сравнение в финале былины («полетели глазища быдто селезни и поплыли по Волхову»), видимо, позаимствовано из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы» (см. вариант И. Митюшина — Мил., № 93, ст. 110—112). Некоторые детали позволяют предполагать влияние сюжета «Алёша Попович и Тугарин». Идолище сидит «между царем, между царицею»; Илья упоминает «коровище обжорное» «нашего (а не «моего») батюшка» — очевидно, речь идет не о родном отце богатыря, а о священнике, духовном «батюшке».

Щербаков хорошо владел былинным стихом, обширным запасом традиционных формул, которые при повторении лишь незначительно варьировал (ст. 32—37 и 41—44; 78—85 и 89—94). Развернутые описания в его тексте богаты параллелизмами, оригинальными и выразительными деталями (ст. 12—13, 24—25, 65—72, 96—97 и др.). Отдельные неувязки, скорее всего, объясняются неопытностью собирателя, плохо знакомого с особенностями былинного лексикона и местного говора («подсумки из лита бархата» (вместо «рыта»), «не для ради красы-басы убожества» (вместо «угожества»)). Высокий уровень исполнительского мастерства позволяет предположить, что «Илья Муромец и Идолище поганое» — не единственная былина, которую знал сказитель.

№ 223

Илья Муромец и Идолище

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 61—77, автограф; ед. хр. 12, тетр. 1, л. 134 об.—142, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 99—107, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина. Опубл.: С.—Ч., № 6.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1926 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 19

Ст. 1 пошел Иванищо (ед. хр. 9), Иванищё (ед. хр. 19); ст. 3 *обувал оттоптышем* (ед. хр. 9), обувал лапти-то обтоптыши (ед. хр. 19); ст. 4 *надевал* (ед. хр. 9); ст. 5 пошёл-то (ё везде в ед. хр. 9); ст. 8 *В кипарисном* (ед. хр. 9); ст. 10 могуцоё (ед. хр. 9); После ст. 12 ремарка, отсутствующая у С.—Ч.: *Вот старик мы как!* (ед. хр. 19); ст. 31 Добрынюшка (ед. хр. 9, 19); ст. 40 *у нас небольший* (ед. хр. 9); ст. 41 печатные (ед. хр. 9); ст. 42 *сажень печатная* (ед. хр. 9); ст. 45 *головище* пропущено (ед. хр. 9); ст. 47 во цисто полё (ед. хр. 9); после ст. 58 доп. стих: *о посох-то ён, о клюку-то ён* (ед. хр. 9); ст. 60 *сыра земля* (ед. хр. 9); ст. 64 каликище (ед. хр. 9), каликищо (ед. хр. 19); ст. 65 сильноё (ед. хр. 9), сильнёё (ед. хр. 19); ст. 66 *Илья Муромец* пропущено (ед. хр. 9, 19); ст. 74 *могуцоё* (ед. хр. 9); ст. 75 *само-то ведь уцилосе* (ед. хр. 9), самы-то ведь училисе (ед. хр. 19); ст. 115 он видел (ед. хр. 9); ст. 120 ведь (ед. хр. 9); ст. 126 могучоё (ед. хр. 9); ст. 130 Ордань-реки (ед. хр. 9), *Еруань-река* (ед. хр. 19); ст. 135 в городи (ед. хр. 9), во городи́ (ед. хр. 19); ст. 141 две сажени да (ед. хр. 9); ст. 145 а головушко было (ед. хр. 9), а головища была (ед. хр. 19); ст. 157 *вобуй* (ед. хр. 9); ст. 159 во стольной (ед. хр. 9); ст. 160 перехожоём (ед. хр. 9); ст. 162 разуваетсе (ед. хр. 9); ст. 163 скидываетсе (ед. хр. 9); ст. 169 а со того *видь* (ед. хр. 9); ст. 177 *а* рать-то сила была (ед. хр. 9), рать-то силы было (ед. хр. 19); ст. 189 бросил видь-*то* (ед. хр. 9); ст. 197 *вытоптал ... татарин* (ед. хр. 9, 19); ст. 199 *как же ты, Владимир-князь киевской* (ед. хр. 9); ст. 203 *да киевской* (ед. хр. 9); ст. 206 свитлой мисяц (ед. хр. 9); ст. 210 отсутствует (ед. хр. 9); ст. 211 *да великиех* (ед. хр. 9); ст. 214 сибя (ед. хр. 9); ст. 223 а ето (ед. хр. 9); ст. 224 да спрашивать (ед. хр. 9); ст. 241 два калика будто видь *как их* (ед. хр. 19); ст. 245 *а* многи ли (ед. хр. 9); ст. 248 а пьет-то *всего-то* (ед. хр. 19); ст. 249 *выпивает* (ед. хр. 9); ст. 254 другой-то (ед. хр. 19); ст. 258 поганая (ед. хр. 9); ст. 259 и др. ведь (ед. хр. 9); ст. 261 в деньем-то (ед. хр. 9); ст. 266 ростовьского (ед. хр. 9), ростовьского (ед. хр. 19); ст. 267 да было еще коровищо (ед. хр. 9); ст. 270 теперь (ед. хр. 9), типерь (ед. хр. 19); ст. 273 *ты и* (ед. хр. 9); ст. 275 ён (ед. хр. 9); ст. 279 отлетел-то (ед. хр. 9); ст. 280, 281 40 (цифрами) (ед. хр. 9); ст. 282 а тых-*то* ведь (ед. хр. 9), а тых *ли видь-от* (ед. хр. 19); ст. 286 отворят (ед. хр. 9); ст. 289 *сдарил* теремы инда (ед. хр. 9), *сдарил* (ед. хр. 19); ст. 293 улиця (ед. хр. 9); ст. 303 россчитаюсь (ед. хр. 9), расщитаюсь (ед. хр. 19); ст. 304 чару злату (ед. хр. 9), злата (ед. хр. 19); ст. 305 в корман (ед. хр. 9); ст. 309 живи-тко (ед. хр. 9); ст. 312 *да* еще (ед. хр. 9); ст. 320 во чисто полё (ед. хр. 9); ст. 321 да могучее (ед. хр. 9); ст. 322 со добрым конем-*то* с (ед. хр. 9); ст. 327 распростились (ед. хр. 9); ст. 328 могучоё (ед. хр. 9), могучее (ед. хр. 19); ст. 329 *не делай* (ед. хр. 9); ст. 330 татаровья (ед. хр. 9).

Текст восходит к вариантам Н. Прохорова (№ 216, 220 наст. тома) и принадлежит к той же редакции сюжета. Г. Якушев повторил композиционную схему былины своего учителя, сохранив все наиболее характерные ее особенности. Повествование открывается подробным рассказом о похищении татарина и его допросе «Иванищом могуциим» (этот эпизод, как и в текстах Прохорова, продублирован — точно так же другого татарина допрашивает Илья Муромец). Варианты сказителей-земляков сближают упоминание попа ростовского (ст. 266), необычный для данного сюжета способ расправы с Идолищем, описание расспросов Ильи «в палатах да в особиных», истребления вражеского войска и плачевного состояния калики, не сумевшего укротить богатырского коня. Близки по своему лексическому составу многие эпические формулы: портрет Идолища (ст. 41—45, 140—145), характеристика его бесчинств в Киеве (ст. 22—27, 97—103), укор Ильи калике Иванищу (ст. 333—334). Якушев использовал и некоторые излюбленные обороты речи «Утицы» (Илья принимает награду, приговаривая: «Это видь у мни заработано»; от бога-

тырского удара клюкой Идолище призахàмкал-то). В то же время сказитель опустил все внешние признаки «цареградской» версии сюжета — царя Константина заменил князь Владимир, Царьград упоминается вскользь (ст. 19), основное действие перенесено в Киев; исключено и противопоставление щедрости царя Константина и неблагодарности князя Владимира.

Четкая ориентация на определенный прототекст не помешала Якушеву включить в свою былину отдельные подробности, позаимствованные из других источников. Идолище ищет встречи с Ильей, потому что не может терпеть его славы (ст. 234 «не могу я славушки слышать-то», ср. ст. 47—48 в былине А. Сорокина «Наезд литовцев» (Рыбн., № 135)). Этот текст был известен Якушеву. Некоторые оригинальные детали, видимо, восходят к книге. У Ильи Муромца палица булатная «налита была свинцём-оловом» (ст. 67—68, 117—118, ср. КД, № 10, ст. 69—72 и др.). Услышав богатырский крик переодевшегося паломником Ильи, Идолище удивляется: «Каки у вас калéки голосистые» (ст. 200, ср. ст. 68 в одном из архангельских вариантов (Кир. IV, с. 22)); в этом же тексте упоминаются «лапоточки-обтопочки» (ст. 40, 44), у пудожского певца «лапти-то обтоптыщи, лапотки отоптошы» (ст. 3, 154; ср. аналогичную подробность в тексте Щербакова, № 222 наст. тома). «Иванищо могучее» напоминает Илье, что они «в одном уцилище уцилисе» (ст. 76) — данный мотив устойчиво повторяется во многих изданиях (в том числе и лубочных) «Историй о славном и о храбром богатыре Илье Муромце» (БЗП, № 20 и др.).

В стилистическом плане комментируемая былина — одна из самых слабых в репертуаре Якушева. В ней очень низок коэффициент типизации текста; многие формулы просто пересказываются, что приводит к ритмическим сбоям, обилию незначащих слов (ст. 47—50, 69—70, 75, 98—99, 216—2 17 и др.), а иногда — и к затемнению смысла (ст. 53—57, 241—2 44). Встречаются отдельные логические неувязки (в ст. 154 богатырь требует, чтобы Иванищо отдал ему «лапотки отоптошы», а в ст. 165 надевает «сапоги да зелён сафьян»). Неуместными выглядят уменьшительно-ласкательные формы имени героя («Илюшенька, Ильюша» — ст. 228, 245) в устах его антагониста. Художественная неотшлифованность текста особенно заметна в описаниях нашествия Идолища на Киев, допроса плененного татарина Иванищем и его встречи с Ильей Муромцем, которые певец по недосмотру повторил (ст. 21—76 и 108—145). Рассказ о том, как Идолище перебил «рать-силушку русскую», а Добрыня «с молодой жоной забавлялся», не смея выступить против врага (ст. 26—31), вероятнее всего, импровизация сказителя. Имя эпического противника, отличающегося небывалым обжорством, переосмыслено в духе народной этимологии — «Едолище, Едолина» (ст. 211, 224 и др.), хотя форму «Идолище» Якушев тоже употреблял (ст. 22, 96 и др.).

№ 224

Илья Муромец и Идолище

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 40. Опубл.: Линевский, № 2а.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Запись этой былины Ф. Конашкова в основном сходна со сделанной в 1938 г. (см. № 225 наст. тома). Судя по обилию не свойственных этому сказителю прозаических оборотов речи (ст. 39—41, 55—56, 60, 62, 81—82 и др.), текст записан под диктовку. В ст. 1—3 еще отчетливее просматриваются следы контаминированного текста, записанного от Конашкова в 1928 г. (использованы финальные строки сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — № 287 наст. тома). Добавились новые детали: отдавая богатырю свою шапочку, старик говорит, что именно ею он убьет Идолище; насильник выгнал из терема слуг, чтобы за столом ему прислуживали князь Владимир и княгиня Опраксия Романовна. Вместо «чарочки» упоминается «ковшичек пива», а вместо «клюхи долгомерной» — «батожок».

№ 225

Илья Муромец и Идолище

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 2, ед. хр. 52, черновая рукопись, карандаш, частично обведенный чернилами. Опубл.: Линевский, № 2. Вар.: БПК, № 77 (контаминация трех былин об Илье Муромце).

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Запись той же былины от Ф. А. Конашкова (1937 г.) — см. № 224 наст. тома.

Примечание собирателя: «Записано с голоса».

Разночтения Линевский, № 2

Ст. 13 *А шапонька с головушки у старицька да*; ст. 14 спрашивает; ст. 18 *вить*; ст. 24 ныньце; ст. 25 *Ненецю*; ст. 30—32 в ркп. отсутствуют; ст. 33 *Да подавал бы да напитоцки*; ст. 34 Сколышился; ст. 37 *Ей*; ст. 38, 41 А шапонька да не шатаетце; ст. 47 Каи спустился; ст. 50 шапоньку; ст. 53 и 55 в ркп. отсутствуют; ст. 57 неверное *да поганое*; после 58 ст. в ркп.: *А в тую пороцьку, да в тую времецко*; ст. 62 (ст. 63 ркп.) *Для Илье*; ст. 63 (ст. 64 ркп.) Как *Идолище сподлобья да выглядывал;* ст. 74, 80, 87 в ркп. отсутствуют; ст. 83 (ст. 84 ркп.) А *тр*еснул Илья ... *поганое*; ст. 90 (ст. 91 ркп.) *и слава пала.*

Былина у Конашкова состоит всего из 90 стихов, в то время как вариант у пудожанина Прохорова равен 202 по записям Рыбникова и 274 строкам по записи Гильфердинга. Она значительно короче и нового пудожского варианта (184 строки), записанного от Фофанова (БПК, № 18; № 227 наст. тома) и восходящего к тексту Прохорова. Общими для былин Конашкова и Фофанова являются только наиболее устойчивые, традиционные для данного сюжета элементы.

Обращает на себя внимание эпизод с шапочкой встречного старца, которую троекратно Илья не мог поднять. Эпизод аналогичен известному сюжету о Святогоре и тяге земной (см. № 86, в записи Рыбникова от жившей в Петрозаводском уезде Дмитриевой, № 119 — Гильфердинга от кижанина Щеголенка, и № 270 — от кенозёра Гурьбина). Имя Святогора Конашкову неизвестно. Вариант близок также и к вытегорскому варианту «Оники-воина» (Рыбн., № 213): и там и тут богатыри хотят, не слезая с коня, «ножкой закорючить» сумочку или шапочку и в конце концов уходят по грудь «в сыру землю». В обоих вариантах от этой попытки герои не погибают.

№ 226

Сильнее могучее Иванище

Архив КФАН, ф. 1, кол. 2, ед. хр. № 90; ИРЛИ, кол. 165, п. 22, ед. хр. № 4.

Зап. И. Ломакиной: 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

По утверждению К. В. Чистова, работавшего с Фофановым в июле 1938 г., этот текст был записан И. Ломакиной в Петрозаводске во время фольклорной конференции (Чистов, с. 213). К. В. Чистов, тогда еще молодой исследователь, вызвался в стационарных условиях продолжить работу по записи репертуара сказителя. А. М. Астахова поддержала эту идею, и в июле были зафиксированы тексты Фофанова, позднее опубликованные в сборнике «Былины Пудожского края». Данный вариант и по содержанию, и по сти-

листическому оформлению чрезвычайно близок к записи К. В. Чистова (см. коммент. к № 227 наст. тома). В нем отсутствуют некоторые формулы, предваряющие прямую речь персонажей, отдельные факультативные подробности (ст. 28, 72—73, 103 и другие в записи Чистова), добавились незначительные детали повествования; заменены отдельные слова (вместо «платьев богатырьских» при первом исполнении упомянуты «платья цветные»; Идолище сравнивается не с «копной сенной», а с «горой лютой»). В ст. 16—23 полнее представлен традиционный ультиматум вражеского царя киевскому князю. Точнее зафиксирован ст. 34 («А нос его так и с локоть есть» — в повторной записи очевидный алогизм «А локоть у его и с локоть есь»). Ст. 30, видимо, следует отнести к вопросу Иванища татарину (ср. ст. 27 в повторной записи).

Публикуется впервые.

№ 227

Сильнее могучее Иванище

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 7, рукопись. Опубл.: БПК, № 18.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Пояснение собирателя: ст. 6 меженный — летний.

Текст относится к прохоровской редакции сюжета, содержит все основные ее элементы (см. преамбулу и коммент. к № 216 наст. тома). Варианты И. Фофанова и «Утицы» близки и по стилистике, в них почти дословно совпадают многие сравнительно редкие формулы (ст. 6—7, 25, 113—115, 133—140, 178—180). Фофанов использовал и некоторые излюбленные выражения своего учителя, повторяющиеся в его былинах (ст. 166). Верный своему обыкновению, сказитель упростил повествование, сохранив при этом его эпически размеренный характер. Он отказался от неоправданного повтора (Илья не допрашивает татарина, поскольку подобную «разведку боем» уже провел калика Иванище), опустил ряд деталей и подробностей (бесчинства Идолища в Киеве, богатырский крик переодетого паломником Ильи Муромца, нелестный отзыв героя о неблагодарности князя Владимира), сократил в объеме некоторые описания и монологи (ст. 65—66, 116—124, 144—147). Лаконично и выразительно характеризуется огромное вражеское войско («что сине море да колыбается» — ст. 58). Такой формулы нет в былинах Н. Прохорова, но она встречается у других пудожских певцов — И. Фепонова, А. Сорокина, Г. Якушева, П. Логинова. Самая важная новация Фофанова — полная «киевизация» цареградской версии сюжета: Царьград заменен Киевом, а царь Константин Боголюбович — князем Владимиром. Черниговского князя «Констянтина Констянтиновича» сказитель упомянул при первом исполнении былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (см. № 211).

№ 228

Об Идолище

Архив КФАН, р. III/2, № 183. 01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет Конашков. „Илья Муромца и Идолище". Вариант по Конашкову: „Былина об Идолище"».

Начало оригинальной конашковской модификации былины, первый эпизод которой навеян сюжетом «Святогор и тяга земная». По содержанию этот фрагмент идентичен другим вариантам Ф. Конашкова.

Публикуется впервые.

№ 229

Про татар про поганых

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 65, л. 6—7, перебеленная рукопись, карандаш.

Зап. Г. Григорьевой, А. Ляминой, А. Пашковой: 3 июля 1961 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Офимьи Ивановны Фофановой, уроженки д. Климово Пудожского у., неграмотной, 64 лет.

Краткий пересказ былины, которую О. Фофанова слышала от своего отца (см. № 226, 227 наст. тома). От стихотворных вариантов И. Фофанова сохранились лишь отдельные формулы и постоянные эпитеты.

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

В отличие от соседнего Кенозера на Пудоге, как и во всем Прионежье, этот сюжет занимает довольно скромное место, а тексты не отличаются композиционной сложностью. В них не описывается богатырская застава на рубежах Киевского княжества (исключение — вариант И. Фофанова, в котором этот фрагмент восходит к книжному источнику), не рассказывается о неудачных попытках Добрыни и Алёши противостоять вражескому богатырю, нет даже временного поражения Ильи Муромца в поединке с ним — он сразу одерживает победу над противником. Пудожским сказителям не известно имя Сокольник (в былину М. Ширкова оно тоже попало через книгу); в характеристике сына Ильи Муромца отсутствуют атрибуты охотника — он изображается как типичный «нахвальщик», требующий себе «поединщика». Больше половины записанных на Пудоге вариантов фрагментарны или связаны с печатными источниками, что также свидетельствует о затухании традиции.

Тексты сказителей с Купецкого озера Н. Прохорова, Г. Якушева и И. Фофанова принадлежат к одной редакции сюжета. В них необычно имя сына Ильи — Соловников; ничего не говорится о первоначальном поражении киевского богатыря, он сразу берет верх над противником; сын пытается убить спящего Илью, пуская в него стрелу (обычно он действует «ножищем-кинжалищем», «палицей булатной», «саблей вострой», «рогатиной звериной» и т. п.). В сцене поединка все три певца используют мотивы из «Ильи и Святогора» или «Добрыни и Настасьи». Догнав врага, Илья бьет его палицей по голове —

Сидит что ль Соловников — не стряхнется,
Желтыи кудёрка не сворохнутся.

(№ 230 наст. тома, Н. Прохоров)

№ 230

О младом Соловникове

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 181—184, беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861. № 14.

Рукопись перебелена рукой неизвестного переписчика, крупным каллиграфическим почерком с наклоном вправо. Входит в раздел былин Купецкой вол., записанных от Н. Прохорова.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова, крестьянина «Пудожского уезду, Купецкой вол., дер⟨евни⟩ Бураково» (ок. 1820 г. р.).

Примечания издателя: в ст. 57, 60 в ркп. Ъдьте, напечатано: Идьте; ст. 80 ратися — ратиться.

Разночтение Рыбн., № 14

Ст. 69 предлог *за* опущен.

Былина не принадлежит к числу лучших в репертуаре сказителя и производит впечатление реконструированного текста. Роль ключевого эпизода по традиции отведена поединку Ильи Муромца с неузнанным сыном, однако конкретные детали повествования необычны. Киевский богатырь дважды сражается с татарином (как он сам именует противника). В описании первого столкновения использованы мотивы из сюжета «Святогор и Илья Муромец» (или «Добрыня и Настасья»), что приводит к логическим неувязкам: Илья трижды бьет Соловникова по голове и не может его сшибить; подобно великану Святогору, противник не реагирует на эти удары, но в то же время у него «речистый язык мешается, мозги в голове потрясаются». Немотивированным выглядит и решение Соловникова отправить слуг к матери — никакой информации от нее он не получает. Во время рукопашной схватки Илья сразу побеждает своего соперника, что не вяжется с первым эпизодом и ослабляет свойственный этому сюжету драматизм повествования. Имя Соловников, видимо, все же восходит к Сокольнику; традиционное имя сына Ильи, почти полностью забытое в Онего-Каргопольском крае, сохранилось в былинах С. Корнилова (Рыбн,. № 80; Гильф., № 114, Кижи) и Латышева (Рыбн., № 199, Каргополье). Пытаясь убить спящего Илью, сын стреляет в него из лука (в большинстве олонецких вариантов фигурируют нож, «рогатина звериная»; в других регионах — копье). Как и в других своих старинах, Н. Прохоров использовал немало оригинальных формул и словосочетаний, характерных для его индивидуального стиля (ст. 1, 14, 150—152, 154).

№ 231

Илья и сын

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 197—200 (л. 214—217), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 46, стб. 228—233.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами — раскрытые сокращения, пунктуация и помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 14)». На обороте последнего листа текста черновая помета: «θ. Об Илье. Марнаволок, 27 июля», а под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26—27 июля 1871 г., д. Марнаволок — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (ок. 1820 г. р.).

Разночтения Гильф., № 46

Ст. 32 Нас треложишь *де ли* (де зачеркнуто, на полях — *sic*); ст. 36 треложишь *л* подчеркнуто; ст. 141 испр. из: *Как молода Соловника*; после ст. 184 зачеркнуто *Как опять тут-то ведь*; ст. 168—173 и 186—187 в повторяющихся формулах записаны только начала стихов.

При повторном исполнении Н. Прохоров довольно точно воспроизвел свой первоначальный вариант (см. предыдущий текст). Увеличение объема былины связано с тем, что сказитель включил в нее подробное описание переговоров князя Владимира с Ильей Муромцем (ст. 12—52 — перенесение из прохоров-

ской редакции «Ильи и Калина»; см. № 241 наст. тома), использовал более развернутые варианты некоторых формул (седлание богатырского коня, расспросы о роде-племени, расправа с побежденным противником), применил прием троекратного повторения в описании рукопашного боя. В то же время опущены некоторые подробности, придававшие повествованию яркую эмоционально-психологическую окраску (ст. 32, 43, 102—103 в записи П. Н. Рыбникова). Пропуск ст. 139 привел к нарушению логики повествования — без него не ясно, что спасло Илью от гибели. Видимо, это случайная погрешность, поскольку в былине Г. Якушева, ученика «Утицы», данная деталь имеется (см. № 232 наст. тома, ст. 171). Есть у Якушева и указание на то, что «Соловников» задумал напасть на спящего отца (ст. 157). В первом варианте Прохорова этой подробности нет, из-за чего возникает смысловая неувязка. Необычно для этой былины русское имя матери юного богатыря — Натальюшка (в записи Рыбникова — Настасьюшка).

№ 232

Илья Муромец и сын

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 204—205; ед. хр. 11, л. 283—292, полевая карандашная запись, в основном запись начала стихов рукой Э. Г. Бородиной. Опубл.: С.—Ч., № 4.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 1 А приехал тут *да* от (ед. хр. 11); ст. 2 от за́морьица (ед. хр. 11); ст. 5 головнёй-то (ед. хр. 4); ст. 23 А княгину-*то ведь* (ед. хр. 11); ст. 63 идите-*то, да* слуги (ед. хр. 11); ст. 75 Ай (ед. хр. 11); ст. 91 А на ту́ю *ли ведь* грудь (ед. хр. 11); ст. 97 *да* добрый мо́лодец (ед. хр. 11); ст. 99 *тя* (ед. хр. 11); ст. 100 А звеличают *да* тя (ед. хр. 11); ст. 103 *Али* (ед. хр. 4); ст. 105 А есть *ли* (ед. хр. 11); ст. 106 села *да* (ед. хр. 11); ст. 110 Уж *бы* (ед. хр. 11); ст. 112 пластил бы *твою* (ед. хр. 11); ст. 125 *да* королеськой сын (ед. хр. 11); ст. 127 *Если* был бы я (ед. хр. 11); ст. 131 *да нож* (ед. хр. 11); ст. 133 А во плечи *рука* (ед. хр. 11); ст. 142 *от твоёй поля́ницы да* (ед. хр. 11); ст. 151 ведь (ед. хр. 11); ст. 152 А уж ешь *да* ты (ед. хр. 11); ст. 158 *видь отец* (ед. хр. 11); ст. 165 Натянул-то *ведь* (ед. хр. 11); ст. 166 А стрелил-то *ведь* ёму *да* во беля́ю грудь (ед. хр. 11); ст. 183 *А покамест-то И[льи] славы поют* (ед. хр. 11).

Вариант восходит к текстам Н. Прохорова (см. № 230, 231 наст. тома), повторяя их композицию и содержание основных эпизодов. Некоторые детали и формулы, видимо, позаимствованы Г. Якушевым у других сказителей. Прохоров именовал мать Соловникова Натальюшкой или Настасьюшкой, у Якушева она названа бабой Латыницей, что естественнее для былины о выросшем на чужбине сыне Ильи Муромца. Формула «А не могу я славушки той слышать», скорее всего, восходит к сорокинской редакции «Наезда литовцев» — она есть в этой былине И. Фофанова, земляка Якушова, да и сам Сорокин был известен мелентьевскому сказителю (С.—Ч., с. 58). В стилистическом плане комментируемый вариант заметно уступает прохоровским. Сравнение повторяющихся формул свидетельствует об их нестабильности (ст. 3—6 и 29—32; 8—11 и 24—2 6; 47—49 и 57—59; 97—104, 120—125 и 134—139); некоторые «общие места» искажены и с трудом опознаются (ст. 5—6, 48, 178—179); начало былины перегружено немотивированными повторами. Сказитель не всегда справлялся и с компоновкой былинных стихов и тирад (ст. 8—10, 61, 73).

№ 233

Илья Муромец и Сокольник

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 70 об.—66 об. (перевернутые л.), полев. рукоп.; ед. хр. 25, тетр. 2, л. 427—428 об, л. 442—450 об. (неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 175.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 29 июля 1928 г., д. Канза-Наволок на Водлозере — от Макара Спиридоновича Ширкова, 60 лет.

Слова в квадратных скобках (ед. хр. 33) при публикации восстановлены В. И. Чичеровым.

Пояснения собирателей: ст. 26, 135 в рукописи слово пропущено; ст. 263 Оговорка сказителя: следует «Раз»; ст. 329 исть — есть, пить; ст. 338 жалобы — жалованья.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 72 [*Ножкой*]; ст. 80 [*Призадумалсе*]; ст. 82 *наезницька*; ст. 83, 99 *наезника*; ст. 91 *доуспехи*; ст. 93 А не *цем*; ст. 94 *шéлкова*; ст. 105 А на *войлоуцьки*; ст. 118 [*А лесами-то*]; ст. 121 [*А тыми*]; ст. 194 (*ў*)держали оны; ст. 203 [*терему маковки*]; ст. 217 *А* палици; ст. 218 [*В руках*]; ст. 242 [*сберегу*]; ст. 244 А *подхлеснет*; ст. 245 А *рассекет*; ст. 246 [*Бьет по шлему*]; ст. 247 А *бессил(е)ной*; ст. 248 А *на земли лежит*; ст. 258 *Ты ведь* силушку *изведено*; ст. 266 [*свое слово*]; 267 своёго батюшка Илью Муромця; ст. 276 *поезные*; ст. 279 А *другу*-то; ст. 294 тут [*верно крепкий щит*]; ст. 303 спугать; ст. 316 [*Рыл в землю*]; ст. 320 да с княженецко; ст. 329 А у нас *ись*; ст. 334 [*Своей*].

По словам исполнителя, былины он перенял от местного сказителя Д. Епишина (С.—Ч., с. 657), репертуар которого остался неизвестным науке. Однако обе эпические песни М. Ширкова (см. также С.—Ч., № 176, «Дюк») вряд ли связаны с пудожской традицией и в значительной мере зависимы от книжных источников (Новиков 2001, сюжет 15 и сюжет 33, № 21). Комментируемый текст компилятивен по составу, содержит редкие детали и формулы, близкие параллели к которым обнаруживаются в разных вариантах старой записи. Особенно сильна зависимость от шенкурского текста из сборника Киреевского (Кир. I, с. 46): насмешливый совет нахвальщика Илье в ст. 184—187; возвращение богатыря с головой побежденного врага, насаженной на копье; упоминание богатырской заставы в последнем стихе. Формула «старая базыга, седатой пес» дословно совпадает с вариантом Т. Рябинина из Кижей (Гильф., № 77); описание богатырской палицы, в которую «свинцу налéто да чебуракського», восходит к сборнику Кирши Данилова (КД, № 50). Необычное поведение Ильи во время боя («завернетсе он за гриву лошадиную») — механическое перенесение из былины об Алёше Поповиче и Тугарине, которая практически не известна пудожской эпической традиции; этот стих дословно совпадает с аналогичной формулой Т. Иевлева из Кижей (Гильф., № 99, ст. 26). Все эти мотивы и подробности есть в двух текстах из сборника В. П. Авенариуса «Книга былин» (Авенариус, 1893, с. 30, 218), который был известен Ширкову, «большому любителю чтения» (С.—Ч., с. 657—658). Это издание было не единственным источником эпического знания водлозерского сказителя; судя по всему, он многое усвоил из какого-то другого печатного текста, стилизованного под народную старину. В комментируемой былине есть элементы, свойственные архангельско-беломорской традиции и не фиксировавшиеся в Пудожском крае (сын Ильи именуется «Сокольником, наездницьком»; богатырь узнает его по своему перстню). Некоторые детали повествования чужды поэтике фольклора (киевляне сетуют по поводу того, что герой состарился и потерял былую силу — ст. 346—348; от удара Сокольника спящего Илью спасает не нательный крест, а «щит слоновой кости, брань стальна, цюгунная»). Местами книжная лексика вытесняет устнопоэтическую («подданные вельможи», «громкое эхо», «столица», «ножкой через улоцьку пошаркиват», «парадная лесница»), а рядом с этими речевыми оборотами употребляются откровенные просторечия, также не свойственные былинному лек-

сикону («водоцька-денисовка», «отпихатьсе от наездницька», «кудри сивые»). Нарочитая установка на «высокий стиль» особенно заметна в описании богатырского вооружения и походного снаряжения («палици-булавици», «стальной шлём с шишаком», «щиты слоновые», «копья долгометныи», «пришпорил шпорамы» и т. п.).

№ 234

Про Соловникова татарьского

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 6, л. 13 об.—18 об., черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 19.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

«В данном варианте, как и у Прохорова, богатырь назван Соловником (изменение обычного имени Сокольник, встречается Подсокольник и др.); в бой Соловник вступает также только после того, как Илья Муромец предлагает сойти „со добрых коней". В остальном текст отличается от варианта Прохорова и не имеет ничего общего с вариантом Пантелеева. В нем, между прочим, совершенно отсутствует указание на то, что Илья Муромец борется с сыном, хотя именно это обстоятельство вызывало особенное волнение и интерес у слушателей, когда исполнял свою былину Прохоров. Начинается былина эпизодом на заставе, который изложен довольно сжато. В прионежских вариантах, как указывает А. М. Астахова (Аст. 1, с. 611), обычно действует один Илья Муромец, тогда как в записях из северо-восточных районов дается развернутое описание заставы и особая композиция выезда богатырей. К ним примыкают кенозерские варианты. Поэтому возможно в данном случае предположить влияние кенозерской традиции, хотя по другим композиционным особенностям былина Фофанова далека от кенозерских вариантов.

Интересно, что данный вариант сильно перекликается с известным шенкурским вариантом (Кир. I, с. 46): в характеристике богатырей на заставе встречаем ту же формулу в отношении Алёши Поповича (ст. 32—35); к Потыку применена формула, характеризующая Ваську Долгополого (ст. 40—43); некоторые общие черты есть в описании встречи Добрыни с Соловником, в укоре Ильи Муромца и др.

Былина имеет многочисленные параллели в сказаниях других народов: немецких (песни о Гильдебранте), иранских (Рустем и Зораб в «Шах-Намэ») и др. Генезис сюжета (единоборство отца с сыном), как указано впервые Веселовским (*Веселовский А. Н.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 77—114), восходит к родовому строю, периоду матриархата. Историческая и бытовая обстановка, нашедшая отражение в былине, дает основание исследователям относить ее возникновение к XII—XIII вв. — к эпохе борьбы с кочевниками» (БПК, с. 475).

Текст примыкает к прохоровской редакции сюжета, охарактеризованной в преамбуле и в комментариях к № 230—231 наст. тома). Родство этих вариантов не исчерпывается необычным именем противника Ильи Муромца — Соловников (Соловник), как полагали Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов (см. выше). У обоих сказителей почти идентичны по содержанию и оформлению основные эпизоды былины: богатырь безуспешно пытается сбить противника с коня ударами по голове (эти мотивы, восходящие к сюжету «Святогор и Илья Муромец» или «Добрыня и Настасья», использованы И. Фофановым и при описании стычки Добрыни с Соловником — ст. 88—95); спешившись, он сразу одерживает над ним победу, оказываясь более искусным борцом.

В отличие от других старин, воспринятых от Н. Прохорова, «Илью и Сокольника» Фофанов существенно переработал. В былине нет предыстории Соловника, сняты все детали, говорящие о его родстве с Ильей Муромцем, опущен эпизод вероломного нападения на спящего богатыря, благодаря чему тема защиты Киева от врагов стала идейной доминантой произведения. Возможно, сказитель сделал это созна-

55 Зак. 3427

тельно, не желая «бросать тень» на образ идеального эпического героя. Но не исключено, что переосмысление конфликта связано с влиянием знаменитого шенкурского варианта былины (Кир. I, с. 46), неоднократно перепечатывавшегося в популярных изданиях. Фофанов явно был знаком с этим хрестоматийным текстом. Именно из него позаимствованы не характерные для обонежской традиции подробное описание богатырской заставы, упрек нахвальщику, игнорирующему ее (ст. 16—24), отвод Алёши Поповича и Михайла Потыка (в прототексте Васьки Долгополого — ст. 31—44), рассказ о неудачной попытке Добрыни остановить Соловника (Новиков 2001, сюжет 15, № 20). Творчески используя элементы разных региональных традиций, Фофанов сумел создать цельное по замыслу, стройное по композиции и превосходное по стилистическому оформлению произведение.

№ 235

Илья Муромец и сын

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 27, черновая рукопись.

Зап. И. К. Торопцовым: 17 февраля 1938 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 65 лет.

Вариант восходит к книжным источникам (см.: Новиков, 2001, сюжет 15, № 13). В нем обнаруживается немало близких параллелей с былиной алтайского сказителя Епанишникова: умывание богатырей на утренней заре; сравнение всадника с ясным соколом; формула «хороша управа богатырская, хороша поездка молодецкая»; раздумья Ильи о том, что вдогонку за нахвальщиком надо послать того, у кого «конь порыскучее»; его наказ отъезжающему: «Если русский богатырь — побрататься» и т. д. Некоторые другие детали зависимы от шенкурского варианта из сборника П. В. Киреевского (Кир. I, с. 46): сетования Ильи на ложное предсказание его непобедимости; формула «выше дерева жарового»; описание расправы с побежденным противником.

Публикуется впервые.

№ 236

Женитьба Ильи Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 13; черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 50.

Зап. А. Д. Соймоновым: сентябрь 1938 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Комментируя этот текст, Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов усиленно подчеркивали его своеобразие. «Оригинальная былина, составленная на основе мотивов традиционного эпоса. Попытки обосновать наличие у Ильи Муромца сына (реже дочери) встречаются у многих сказителей. Так, в былине Т. Г. Рябинина (Гильф., № 77) Илья Муромец, будучи в земле „тальянской", живет у честной вдовы-калачницы; у Сивцева (Рыбн., № 177) мать Сокольника — „старая девка Сиверьянична", у Латышева (Рыбн., № 199) — „баба Латынгорка" и т. п. Но в самостоятельную песню эти мотивы женитьбы оформляются лишь у М. С. Крюковой («Илья Муромец и баба Латынгорка», Крюк., № 12), а из прионежских сказителей — у Кигачева. Обе эти былины, кроме имени героини, ничего общего между собой не имеют, но причина создания их одна и та же — стремление наиболее полно представить биографию богатыря.

О своей былине Кигачев рассказывал, что составил ее потому, что ему оставалось неясным, „откуда у Ильи Муромца мог появиться сын". О женитьбе Ильи он слышал от своего соседа в форме небольшой

сказки и „передумал ее в былину". Сказитель сам определил место новой былины в цикле эпических песен об Илье Муромце: она является непосредственным продолжением былины об „Илье и Соловье" и предшествует сюжету „Илья и Сокольник". Начало текста Кигачева изменяет традиционную концовку былины об Илье и Соловье-разбойнике, последний остается в живых. Дальнейшее повествование строится главным образом на основе сказочных мотивов (помощь благодарных животных, подмена питья и т. д.), которые переплетены с элементами былинной поэтики (формула седлания коня, описание поездки богатырской). Былина перекликается с эпизодом „Трех поездок Ильи Муромца" (встреча с красавицей) и, возможно, в известной мере им навеяна» (БПК, с. 494—495).

Дополняя эту характеристику, следует отметить, что текст Н. Кигачева лишь косвенно связан с устной эпической традицией. Из былин позаимствованы имена персонажей, отдельные формулы и постоянные эпитеты (ст. 22—23, 61—67, 78—82, 139—142 и ряд других). Некоторые мотивы навеяны сюжетами других эпических песен и волшебными сказками, но подверглись такой переработке, что в сущности представляют собой продукт индивидуальных домыслов исполнителя («бочка хотения» и «бочка терпения»; наказ богатыря Соловью-разбойнику «обращаться по-человечески» с «людями-народом»; полет богатыря верхом на Соловье-разбойнике; мотивировка имянаречения Сокольника и т. п.). В стилистическом отношении текст также далек от фольклорных стандартов, в нем доминируют чуждые народной поэзии речевые обороты: «девица непорочная, баба лютая», «Бурушко послушный», «сад распрекрасный», «он вспомнил тут наставление», «они (женихи) сильно лезут тут и на шею барышни», «и загорелась любовь тут у молодца», «собирались они все кучею» и др. Пытаясь придать своему сочинению стихотворную форму, Кигачев часто сбивался на откровенную прозу (ст. 57—58, 97—101, 106—108, 228—230 и др.). При этом он иногда терял нить повествования и так неудачно формулировал некоторые стихи, что трудно понять их смысл («И переставь ты бочки промежду другом», «А если будет тебе такого тую временю»).

№ 237

Илья Муромец и Соловников

Архив КФАН, р. III\2, 60.01-2 «Ермак [и Соловников]».

Зап. Н. Н. Леви: 6 мая 1941 г., Петрозаводск — от Ивана Терентьевича Фофанова, 70 лет.

Запись осуществлена на двух целлулоидных дисках (060.01—060.02). Диски озаглавлены: «Ермак Тимофеевич (былина)»; «Илья Муромец и Соловник». На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Фофанов Иван Терентьевич. Отрывок из былины „Ермак Тимо⟨фее-вич⟩"».

Нотация Е. И. Якубовской. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

Начало былины И. Фофанова о бое Ильи Муромца с сыном (50 ст.) почти не претерпело изменений по сравнению в первой по времени записью (№ 234 наст. тома). Сказитель опустил ст. 6, 23—24, не обязательные для развития сюжетного действия.

Публикуется впервые.

№ 238

Про Сокольников

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 9, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Л. Остапенко, В. Кийранен: 1955 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 82 лет.

При повторной встрече с собирателями от И. Мишкина была записана только первая часть старины о бое Ильи Муромца с сыном. За семь лет, разделяющих время фиксации этих вариантов (см. № 235 наст. тома), текст не претерпел серьезных изменений. Добавилось описание отвода «Васьки Долгополыча» (ст. 27—30), восходящее к одному из архангельских вариантов в сборнике П. В. Киреевского (Кир. I, с. 46, ст. 35—42); опущена характеристика скачки Сокольника; в формуле «У кого конь порыскучее» заменено определение — «...конь поржистее».

Публикуется впервые.

№ 239

Илья Муромец и Нахвальщик

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 20, № 42, л. 9975—9977, рукопись.

Зап. В. Кузиным, А. Михайловым, С. Ожеговой, В. Иевлевой: 13 июля 1960 г., д. Челмужи — от Ефима Карповича Романова, 79 лет.

Краткий пересказ сюжета «Илья Муромец и Сокольник». В нем не говорится, что «нахвальщик» — сын Ильи Муромца, он не назван по имени. Богатырь сразу побеждает своего противника. Романов использовал необычную для пудожской традиции деталь — герой привозит на заставу отрубленную голову врага. В тексте нет никаких примет эпического стиля, некоторые былинные словосочетания искажены («схватись всухопаточку» вместо «врукопашечку»; у героя «силы привалило» вместо обычного «прибыло»). Связь этого варианта с устной эпической традицией маловероятна.

Публикуется впервые.

№ 240

Про сына Ильи Муромца

Архив ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 8, № 25, л. 8529, рукопись карандашом.

Зап. С. Ожеговой: лето 1960 г., пос. Новые Тамбицы Пудожского р-на — от Федоры Федоровны Барановой, 80 лет.

Исполнительница припомнила только центральные эпизоды былины — поединок Ильи Муромца с сыном и вероломное нападение последнего на спящего отца, потерявшее, впрочем, атрибуты эпической масштабности (он «его в бок ножом садил»). Конспективность пересказа, отсутствие в нем оригинальных деталей затрудняет анализ его генезиса. Но поскольку большинство произведений Ф. Барановой зависит от книги, а сюжет «Илья Муромец и Сокольник» не был широко распространен на Пудоге, устное происхождение текста маловероятно.

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

(№ 241—254)

Олонецкие записи былины делятся на две группы, представляющие разные версии сюжета. Тексты, относящиеся к первой версии («Илья, Самсон и Калин»),[4] обычно начинаются описанием ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром («Илья в погребах») и отъезда из Киева его возмущенных соратников; в них рассказывается о трех подкопах и временном пленении богатыря татарами. Во второй версии («Илья, Ермак и Калин») этих эпизодов нет, действие начинается сразу с нашествия татар, меняются роли некоторых персонажей (Илья замещает Самсона в качестве старшего киевского богатыря, а на первый план выдвигается юный Ермак). Некоторые исследователи считают эти версии разными, хотя и близкими сюжетами (Аст. 2, с. 753; Азб., с. 134 и др.). Такое разделение представляется нецелесообразным, поскольку в ряде вариантов встречаются элементы, характерные для обеих версий сюжета (Кир. I, с. 58 — Петербургская губерния и др.). Особенно много текстов переходного типа записано в Пудожском крае, к востоку от которого доминирует версия «Илья, Самсон и Калин», а к западу — «Илья, Ермак и Калин». Н. Ремизов и А. Фадеева ввели во вторую версию рассказ о ссоре Ильи с Владимиром и заключении богатыря в погреба (№ 249, 251 наст. тома); о разладе между Ильей и Владимиром говорится и в варианте А. Сорокина (№ 242 наст. тома). «Самсона Самуйлавиця» упомянул П. Логинов, хотя его былина относится ко второй версии (№ 243 наст. тома). Таким образом, две версии «Ильи и Калина» не разошлись так сильно, чтобы считать их разными сюжетами.

В Пудожском крае эта былина не относится к числу наиболее популярных, но вплоть до 40-х гг. XX в. она занимала в репертуаре сказителей заметное место. По общему количеству записей этот регион не уступает Заонежью, значительно превосходя Кенозеро, Каргополье и другие регионы бывшей Олонецкой губернии. В отличие от ряда других былин об Илье Муромце («Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Сокольник») удельный вес зависимых от книги текстов сравнительно невысок. От местных сказителей записаны великолепные варианты обеих версий, неоднократно публиковавшиеся в различных хрестоматиях и антологиях (№ 241 наст. тома, Прохоров; № 242 наст. тома, Сорокин; № 256 наст. тома, Фепонов).

Среди пудожских записей былины наибольшим своеобразием отличается прохоровская редакция второй версии («Илья, Ермак и Калин»); к ней относятся варианты Н. Прохорова, Г. Якушева, А. Захарова, П. Логинова, Н. и К. Ремизовых (все сказители с Купецкого озера). Почти во всех указанных текстах основной конфликт, связанный с нашествием татарского войска, осложнен оригинальными психологическими деталями — «старшие» богатыри поочередно отказываются выступить против врагов, мотивируя это своей усталостью:

Мои белы ручки примахалися, ⟨...⟩
Мои резвыя ножки прискакалися,
Мои ясны очи помутилися, ⟨...⟩
Не могу больше служить-стоять
За славен стольный Киев-град (Н. Прохоров).

Затем богатыри уезжают в чистое поле и там играют в «шашки-шахматы». Роль спасителя Киева отведена Ермаку, которого певцы иногда считают племянником князя Владимира. Илья Муромец и его соратники вступают в бой позднее, когда посланный на разведку Ермак не возвращается к их шатрам (явная перекличка с «Ильей, Самсоном и Калином», косвенно свидетельствующая о первичности этой версии сюжета). Сказители с Купецкого озера использовали также ряд других нестандартных деталей и формул: «на наше село на прекрасное»; «бежал он на выходы высокие»; «чего кричишь, тревожишься?». Получив

[4] Эта группа текстов выделена нами в раздел «Илья и Калин».

от князя заржавленные «латы-кольчугу», Ермак бросает их «о кирпичен пол» и сбивает ржавчину. К этой редакции сюжета примыкает вариант кижского сказителя П. Семенова (С.—Ч., № 106; подробнее см. статью «Былинная традиция Пудожского края» в т. 16). Другая редакция «Ильи, Ермака и Калина», представленная вариантами А. Сорокина и его земляка А. Пантелеева, содержит некоторые элементы, характерные для версии «Илья, Самсон и Калин» (см. коммент. к № 242, 257 наст. тома).

Первая версия сюжета зафиксирована как на востоке Пудоги (Т. Романов с Колодозера — № 255 наст. тома), так и на западе (И. Фепонов с Купецкого озера — № 256 наст. тома; Ф. Конашков с устья Шалы — № 258, 259 наст. тома). Ключевые эпизоды и мотивы в этих текстах совпадают, но в деталях повествования они заметно отличаются друг от друга. Многочисленные переклички с былинами кенозерских, каргопольских и мошинских сказителей, а также с вариантом кижанина Т. Рябинина в записи А. Ф. Гильфердинга (Гильф., № 75) позволяют предположить, что в прошлом эта версия сюжета доминировала во всем Онего-Каргопольском крае.

№ 241

Ермак Тимофеевич

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 207 об.—214, беловая рукопись; Опубл.: Рыбн., 1861, № 19. «Об Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова (ок. 1820 г. р.).

Былина переписана набело Рыбниковым. Входит в раздел записей, сделанных в Купецкой волости от Н. Прохорова. Согласно указанию собирателя, запись проходила в крестьянской избе.

Редакторская правка рукописи сводится к внешнему оформлению текста, ограничиваясь выделением красных строк, разделов и изменений в пунктуации. В ст. 16, 40 *не пришпектом* поставлено публикатором в квадратные скобки, видимо, для обозначения «не былинного» слова.

Текст Н. Прохорова — лучший вариант оригинальной редакции сюжета, усвоенной позднее многочисленными учениками «Утицы». В нем представлены все специфические элементы этой редакции, отмеченные в преамбуле. В отличие от других прионежских записей богатыри не случайно отсутствуют в Киеве, а демонстративно отказываются выступить против татар, причем инициатива этой акции исходит от Ильи Муромца. Таким необычным способом сказитель выдвинул на роль главного героя юного Ермака. Эта модификация сюжета, видимо, генетически связана с более архаичной версией «Илья, Самсон и Калин» (Ермак, как и Илья Муромец, находит в шатре «тридцать богатырей без одного»; по поручению старшего из них отправляется на разведку и, понадеявшись на свои силы, в одиночку начинает биться с врагами). Типовая картина разгрома татарского войска дополняется сценой унизительного наказания царя Калина — Илья избивает его плетью. Еще реже встречается финальный мотив «безногий на безглазом» (ст. 332—340). Возможно, он перенесен из популярной на Пудоге былины «Наезд литовцев» (в репертуар Прохорова она не входила), но не исключено, что такая форма расправы с вражеским предводителем была присуща и старинам о татарском нашествии (ср. варианты «Ильи Муромца и Калина-царя» Н. Швецова с Моши, Гильф., № 304 и П. Семенова из Кижей, С.—Ч., № 106).

Комментируемый текст выдержан в лучших традициях классического формульного стиля, насыщен типичными для былинного лексикона словосочетаниями и архаичными оборотами речи («поворот держал»; «облатился молодец», «окольчужился»; «нигде силы край есть»; «гора высокая»; «шеломя оскатное» и др.). Эпическая размеренность повествования достигается прежде всего за счет многочисленных повторов, причем в повторяющихся эпизодах и формулах варьирование едва уловимо (ср., например,

ст. 100—107, 128—135, 156—163). Ст. 25—35, 49—59, видимо, отражают средневековый «посольский обычай», когда письменные грамоты русских князей дублировались или даже полностью заменялись устными «речами» послов (см. об этом: *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 170). Смутно представляя себе семантику слова «сударь», сказитель механически употребил его вместе с ругательным «собака» — «собака сударь Калин-царь» (ст. 3, 96 и др.).

№ 242

Илья Муромец и Калин-царь

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 316—323 (л. 332—339). Опубл.: Гильф. 1873, № 69, стб. 372—384.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами — раскрытые сокращения и пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «35», сбоку помета: «35. Калин-царь». Под текстом карандашом: «Запис⟨ано⟩ на Сумозере, 2 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 2 августа 1871 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 43 лет (ок. 1828 г. р.).

Примечание А. Ф. Гильфердинга: ст. 160 к слову «тожно» на полях: «т. е. всегда».

Разночтения Гильф., № 69

Ст. 78 *стол* написано сверху; ст. 185 испр. из: *Ай теперь после этого*; ст. 374 испр. из: *Как на рассветушку белому*.

Несмотря на большой объем (около 500 стихов) былина Сорокина довольно проста по композиции, что необычно для этого сказителя. В тексте есть некоторые элементы версии «Илья, Ермак и Калин» (на поиски Ильи Муромца и других киевских богатырей отправляется малолетний Ермак; видя татарскую силу, он намеревается вступить в бой, но в это время появляется Илья со своими соратниками; в битве юному богатырю отводится роль главного помощника Ильи). Однако большинство эпизодов, составляющих основу повествования, тяготеет к другой версии сюжета — «Илья, Самсон и Калин». В редакции Сорокина она предельно упрощена. Не рассказывается о конфликте Ильи Муромца с князем Владимиром и заключении богатыря в погреба, лишь вскользь отмечается, что Илья по какой-то причине «сердит» на Владимира (ср. вариант А. Пантелеева, односельчанина Сорокина, № 257, наст. тома); не упоминается Самсон (функции «старшего» богатыря переданы Илье); нет и эпизода временного пленения героя татарами. Вместе с тем сказитель чрезвычайно обстоятелен в описаниях и диалогах, охотно использует повторы разных типов, что и приводит к увеличению объема былины. Стереотипные формулы на редкость стабильны, порой совпадают чуть ли не дословно (ст. 35—65 и 67—100, 120—122, 204—206, 240—242, 250—253 и др.). В комментируемом тексте немало оригинальных поэтических образов (отчаявшийся князь Владимир созывает подданных на «остатнее столованье да почестен пир» — ст. 327, 335; выполняя приказ Калина, татарский посол «русьскому богу не кланялся» — ст. 42, 75; уникальное сравнение, навеянное картинами северной природы, положено в основу описания бесчисленного вражеского войска — ст. 114—118). Сорокин использовал редкий в олонецкой традиции гидроним «Елисей-река» (в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга он встречается только в одной из былин заонежского певца В. Лазарева — Рыбн., № 103); видимо, с ним связаны и «поля Елесина» (ст. 15—16 и др.; ср. аналогичный топоним в былинах К. Романова из Кижей — Рыбн., № 39 и водлозёра И. Захарова — № 275 наст. тома). Как и в других старинах сумозерского певца, в данном тексте преобладает традиционная былинная лексика, но нередко

встречаются и очевидные модернизмы («кулиерки скорыи»; «сенаторы думныи»; «вельможи»; «публикуй указы строгие»; «города губернскии, уездныи»; даже «ерлуки скорописчаты» иногда заменяются «письмами скорыми, строгими», ср. ст. 141 и 162—163).

№ 243

Илья Муромец и Калин-царь

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 163—174, полевая карандашная запись; ед. хр. 11, л. 175—176, полевая карандашная запись (окончание былины, начало стихов и прозаический текст). Опубл. С.—Ч., № 38.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 10—11 августа 1926 г., д. Мелентьевская — от Павла Абросимовича Логинова, 87 лет.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 4 *приехал*; ст. 5 *собрал* сорок; ст. 6, 7 *сорок*; ст. 8 у кажнóгу *силýшки*; ст. 14 курить-то, *варить*; после ст. 45 *Об чем ты, солнышко*; ст. 200 *отбивайте*; ст. 220 *для тебя, говорит, пер завéден был*; ст. 230 *зачали*; после ст. 230:

Вот с голями кабацькыма,
Голей подчивают все равно.
Потом ст⟨арый⟩ к⟨азак⟩ И⟨лья⟩ М⟨уромец⟩:
«Прощай, говорит ...»

Далее идет продолжение записи (начало стихов и прозаический текст), из которой ясно, что Илья уехал, а Калин «отабрал княгину Априксию». Узнав об этом, Илья «отправился в Киев, попросил милостыню Х⟨риста⟩ р⟨ади⟩». Его не узнали. Калин расспрашивает его о богатыре Илье Муромце и хвалится, что он ест много мяса и хлеба. Илья отвечает: «У нас у попа корова была, ела, ела да и лопнула, как бы тебе не лопнуть тоже». «Схватил ножище-кинжалище да и ткнул. А Илья хоть и старый, да на ножку увертливый... Схватил он шляпу с головы да его шляпой с головою и побивал. Хотел его на ладонь скласть и блины сделать. Тут ему и славы поют» (ед. хр. 11, л. 175—176).

В контаминированной былине П. Логинова соединены сюжеты «Илья Муромец и Калин-царь» и «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира». Первый сюжет принадлежит к прохоровской редакции. Сказитель использовал почти все характерные для нее мотивы и формулы, отмеченные в преамбуле (ст. 4—15, 23, 36—38, 134, 139—141; ср. № 241 наст. тома), и лишь оригинальный постоянный эпитет «выходы высокие» заменил на «высок балкон» (ст. 17 и др.). После ст. 165 в тексте явный пропуск (не описывается, как проснувшийся Илья Муромец обнаруживает отсутствие юного Ермака); опущен также рассказ о разгроме татарского войска, но такая развязка вытекает из всего характера событий (см. ст. 187—188). Неоправданно затянуты диалоги князя Владимира с богатырями, под предлогом усталости отказывающимися выступить против татар (ст. 19—129). Наряду с признанными воинами в княжеский терем являются Чурила Пленкович и Ставер Годинович, что свидетельствует об индивидуальном характере этой новации. Судя по всему, исполнитель был знаком не только с прохоровской редакцией сюжета. Он сравнивает вражеское войско с разволновавшимся морем (ст. 159—160; ср. варианты И. Фепонова — № 256 наст. тома, ст. 194—195; Г. Якушева — № 244 наст. тома, ст. 211—213 и др.), упоминает «Самсона Самóйлавиця» (ст. 185), «храпы богатырские» (ст. 176); отправляющийся на битву Ермак седлает отцовского коня (ср. № 249 наст. тома, ст. 117—119; эта деталь обычна и в пудожской редакции былины «Добрыня и Змей»), а после боя с татарами умирает (ст. 186; ср. первую по времени запись от Т. Рябинина — Рыбн., № 7, ст. 272—2 76). Эти разночтения подтверждают, что у П. Логинова было по крайней

мере два учителя — его отец и Н. Прохоров (С.—Ч., с. 203). В целом неплохо владея былинным стихом, певец иногда сбивался на прозаизмы (ст. 139—144, 161, 199, 206, 209—2 12). Второй сюжет в комментируемом тексте не развернут, изложен рубленой прозой; сохранившиеся детали повествования в основном совпадают с вариантами Прохорова (№ 241 наст. тома).

№ 244

Илья Муромец и Калин-царь

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 1, л. 40—47 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной; ед. хр. 19, л. 33—40, полевая карандашная запись Ю. А. Самарина. Опубл.: С.—Ч., № 5.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 11 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 1 наезжает (ед. хр. 19); поганыих (ед. хр. 12, 19); ст. 2 Киов (почти везде в ед. хр. 19); ст. 4 *его* (ед. хр. 19); ст. 5 царевичов (ед. хр. 12); ст. 6 королевичёв (ед. хр. 12); ст. 7 *Сорок сильных* (ед. хр. 19), сильныих (ед. хр. 12); ст. 8 На кажноваго (ед. хр. 19); ст. 9 — *по сóроку ведь* (ед. хр. 19); ст. 10 ведь (ед. хр. 19); ст. 11 поганыех (ед. хр. 12); ст. 12 слугa (ед. хр. 12), верныи (ед. хр. 19); ст. 13, 14 *А* подай-ко (ед. хр. 19); ст. 15 *Как* стану (ед. хр. 19); ст. 16 Владимеру (ед. хр. 19); ст. 17 ведь... ведь прочитал (ед. хр. 19); ст. 18 *Ведь-ко...* (ед. хр. 19); ст. 19 Как ни *приспех мне уймется* (ед. хр. 19); ст. 21 ище (ед. хр. 19); ст. 23 наугольнюю (ед. хр. 19); ведь (ед. хр. 12); ст. 25 *Как среди* двора да видь (ед. хр. 19); ст. 28 Размахивай ты *пяту-на пяту, видь* (ед. хр. 19); ст. 29 видь-*то* (ед. хр. 19); ст. 30 на дубовой (ед. хр. 19); ст. 31 как *полсловечка* ты *да* поросскажи (ед. хр. 19); ст. 33 чтобы улицы (ед. хр. 19), распахтаны (ед. хр. 12); ст. 34 терема (ед. хр. 12); ст. 35 Впервых курил бы... зелена вина (ед. хр. 12); ст. 36 *Злодей курил* (ед. хр. 12); ст. 37 *курил мед* (ед. хр. 12, 19); ст. 35—37:

Впервые курил бы ведь
Курил бы ты еще зелено вино,
Злодей курил пиво пьяное (ед. хр. 19);

ст. 41 он (ед. хр. 12), на дубовой (ед. хр. 19); ст. 43 впервых (ед. хр. 19); ст. 45 меду коренья *да* сладкое (ед. хр. 19); ст. 46 улочки (ед. хр. 12), *были ведь* (ед. хр. 19); ст. 47 терема были *да* (ед. хр. 12); ст. 50 жену (ед. хр. 19); ст. 51 Владимер (везде в ед. хр. 19); ст. 52 ведь (везде в ед. хр. 19); ст. 54 подтерае (ед. хр. 12), поттёрае (ед. хр. 19); ст. 55 он (ед. хр. 12); ст. 56 кричал-то (ед. хр. 12), крычал (ед. хр. 19); ст. 57 Да *ой* же (ед. хр. 12); ст. 57—59 в ед. хр. 12 переставлены: 57, 59, 58; ст. 61 *случилисе* без отрицания (ед. хр. 12); ст. 63 не чествывал (ед. хр. 12), чоствовал (ед. хр. 19); ст. 64 досюль *поил* без отрицания (ед. хр. 19); ст. 66 пошел (ед. хр. 12); ст. 67 начальные слова *Приходит тот* отсутствуют (ед. хр. 12, 19); ст. 68 кресному (ед. хр. 12), крестному (ед. хр. 19); ст. 70 не тревожить *мне* (ед. хр. 12); ст. 72 он *снова* поженитеся (ед. хр. 12), поженитиси (ед. хр. 19); ст. 75—77:

Да во ⟨вторых курил да ведь во⟩ первых
Зелено вино пиво пьяное
А в третьих курил коренья медо сахарныех (ед. хр. 12, 19);

ст. 78 терема (ед. хр. 12), теремы спорожёны (ед. хр. 19); ст. 79 повытти (ед. хр. 12); ст. 83 ручоньки примахалисе (ед. хр. 12), ручонки (ед. хр. 19); ст. 84 очи примутилисе (ед. хр. 12), примутилиси (ед. хр. 12); ст. 85 *татарови* (ед. хр. 19); ст. 87 приходил (ед. хр. 12); ст. 86 крёст-то он ведет

(ед. хр. 12), крест (ед. хр. 19); ст. 90 по пояс видь тут-*да* ему-то ведь (ед. хр. 12); ст. 91 тр*и*лотить (ед. хр. 19); ст. 92 Как же *вас*-то мне не тревожи*ти* (ед. хр. 12), как же *мне вас-то* не тревожить (ед. хр. 19); ст. 93 *Захаживал, наехала* (ед. хр. 12); ст. 95 отлучеть (ед. хр. 19); ст. 96 это княгину-ту (ед. хр. 19); ст. 97 зелено (ед. хр. 12); ст. 98 во-вторых пиво (ед. хр. 19); ст. 100 терем*а* (ед. хр. 12); ст. 101 *А всех людей да из города* глагол отсутствует (ед. хр. 12, 19); ст. 102 нельзя постоять (ед. хр. 19); ст. 104 *видь что* (ед. хр. 12), *ведь я-то* (ед. хр. 19); ст. 105 *рученьки* пропущено (ед. хр. 19); ст. 108 та́торов (ед. хр. 12); ст. 109 погани*ы* *их видь тут* (ед. хр. 12), погани*ых как* ведь тут (ед. хр. 19); ст. 111 старой (ед. хр. 12); ст. 113 Ильюша (ед. хр. 19); ст. 115 *по* вас (ед. хр. 12); ст. 116 жону (ед. хр. 12), *как* жену отлучить (ед. хр. 12); ст. 117 *нашу царицу еще взять* (ед. хр. 19), нашу царицу *и* еще *да ведь* взять (ед. хр. 12); ст. 118 Да во корить зелено вино (ед. хр. 19); ст. 119 отсутствует (ед. хр. 12, 19); ст. 120 мяда (ед. хр. 12); *в* третиих корить мяда сахарные (ед хр. 19); ст. 121 *Да* терем*а* были вси (ед. хр. 19); ст. 123 ведь (ед. хр. 12); ст. 131 Крычел-то он ищо да *ле* нипольские (ед. хр. 19); ст. 132 *Е*рмак (ед. хр. 12); ст. 136 А тот-то (ед. хр. 19); ст. 137 *Он* не видал-то ты да богатырей (ед. хр. 12); Как не видал-то *ты да богатырей* (ед. хр. 19), ст. 140 *особенно* (ед. хр. 12, 19); ст. 141 тревожишь *и всих-то* (ед. хр. 12); ст. 142 *не руссийских* треложишь (ед. хр. 19); ст. 143 наше (ед. хр. 19); ст. 145 наезжал (ед. хр. 19); ст. 147 *курить* отсутствует (ед. хр. 12), пиво пьяное (ед. хр. 19); ст. 148 *курить* отсутствует (ед. хр. 12), *и* в третьих ... *мед* (ед. хр. 19); ст. 151, 152 *б* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 154 *для* отсутствует (ед. хр. 12, 19); ст. 156 *Е*рмак (везде в ед. хр. 12); ст. 157 стоять-*то* (ед. хр. 12); ст. 161 к⟨*нязь*⟩ таково слово (ед. хр. 12); ст. 164 глупешенек (ед. хр. 12); ст. 170—172 *есь* (ед. хр. 12); ст. 173 свинцом (ед. хр. 12); ст. 174 *40* цифрами (ед. хр. 12); ст. 177 *князь* (ед. хр. 12); после ст. 180 *Выбирай коня на стойлах лошадиных* (ед. хр. 12, 19); ст. 184 перерожавели (ед. хр. 12); ст. 185 Напал *он* (ед. хр. 12); ст. 186 *напал он конюшка* (ед. хр. 12), пощалковать (ед. хр. 19); ст. 187 *терема* отсутствует (ед. хр. 12), *тут* отсутствует (ед. хр. 19); ст. 188 *как оконца инда* (ед. хр. 12, 19); ст. 189 *отклопал* (ед. хр. 19); ст. 190 *он* (ед. хр. 12); ст. 195 оны *и* (ед. хр. 12); ст. 198 *этыим* (ед. хр. 12); ст. 203 *на тыи на горы* соломчатые (ед. хр. 12), шоломчаты (ед. хр. 19); ст. 204 гляди-*ка* (ед. хр. 19); ст. 206 *четыре ведь* (ед. хр. 19); ст. 207 *12* цифрами (ед. хр. 12); ст. 208 *гуры* (ед. хр. 12); ст. 209 да *бы* (ед. хр. 12); ст. 212 *как* будто (ед. хр. 19); ст. 215 то *мни хвала* (ед. хр. 12); ст. 217 на заставь (ед. хр. 12, 19); после ст. 219 ремарка (*парень!*) отсутствует (ед. хр. 12); ст. 223 *да* охаживать (ед. хр. 12); ст. 227, 228 *не*; ст. 235 *что* отсутствует (ед. хр. 12); ст. 236 *все* еще (ед. хр. 12); ст. 238 сколываласе (ед. хр. 12); ст. 241 поежживал (ед. хр. 12); ст. 242 *бить* (ед. хр. 12); ст. 245 пораздумалсе (ед. хр. 12), *Илюша* (ед. хр. 19); ст. 247 *захватит* (ед. хр. 19); ст. 248 *он* бить-то (ед. хр. 12), *и*сть (ед. хр. 19); ст. 250 *да* пораздумалсе (ед. хр. 19); ст. 252 плеца (ед. хр. 19); ст. 254 плеца (ед. хр. 19); ст. 255 начал крыцеть (ед. хр. 19); ст. 257 Как будет тебе ратыться (ед. хр. 19); ст. 259 *как будто* (ед. хр. 19); ст. 264 *Как* тут (ед. хр. 19); ст. 265 во стольнёй Киов-град (ед. хр. 19); ст. 268 поежжай-те-*ко вы* (ед. хр. 19); ст. 270 да сиредку (ед. хр. 19); ст. 276 во билом (ед. хр. 19); ст. 284 в Киове (ед. хр. 19); ст. 288 поганых (ед. хр. 19); ст. 290 Берет-то *плеть* (ед. хр. 19); ст. 291 плетоцкой да похлыстывать (ед. хр. 19); ст. 292 Напал-*то* (ед. хр. 19); ст. 293 Как *кленитьсе* (ед. хр. 19); ст. 294 *На Руссию тут проклятье да не пахнетси* (ед. хр. 19); ст. 295 *Щаслив-то* (ед. хр. 19); после ст. 295 *Так же нам не пришлось* (ед. хр. 12, 19); ст. 299—301:

Как я платить дань-пошлины,
Как за двинадцать лет за двинадцать
За прошлы эты годы как за нунешны (ед. хр. 12, 19);

ст. 303 садилсе тут видь (ед. хр. 12); ст. 305 *Князю-да ён ещо* (ед. хр. 12), Князю-*то* еще покланяетсе (ед. хр. 19); ст. 306 *Сам тут-то* (ед. хр. 12); ст. 307 Во слезах-то *ведь* (ед. хр. 12); ст. 309 спины (ед. хр. 12); ст. 312 *Забуди* (ед. хр. 19); ст. 314 *Щ*аслив-то видь ... не выезживал (ед. хр. 19).

Вариант восходит к тексту Н. Прохорова, одного из главных учителей Г. Якушева. В нем содержатся все наиболее важные особенности «прохоровской» редакции сюжета (см. преамбулу и комментарий к № 241 наст. тома). Помимо них сказитель перенял у своего земляка многие оригинальные формулы и подробности повествования («на наше село на прекрасное», «бежал ён на выходы высокие»; сравнение сражающегося Ермака с соколом в ст. 240—241 и др.), использовал даже слово «пришпекты» — единственное отклонение от традиционного былинного лексикона, допущенное Н. Прохоровым. На комментируемом варианте сказалось знакомство исполнителя с произведениями разных фольклорных жанров, прежде всего эпических — в ряде случаев прохоровская редакция сюжета дополнена перенесениями из других былин (ст. 10 — из «Василия Игнатьевича и Батыги», ст. 294—295 — из «Наезда литовцев»), волшебных сказок (ст. 168). Отказ богатырей выступить против татар мотивируется тем, что князь Владимир не ценит по достоинству их верную службу (ст. 63—64); вероятнее всего, эти стихи навеяны прохоровской редакцией былины «Илья и Идолище» (ср. № 220 наст. тома, ст. 310—314; в былине самого Якушева этот мотив опущен, см. № 232 наст. тома). Необычное для прионежской традиции описание богатырской палицы (ст. 173—174), видимо, восходит к сборнику Кирши Данилова (КД, № 10 и др.). Сказитель использовал два оригинальных поэтических образа (ст. 243, 308—309), не встречающихся в других пудожских записях, упростил финальную сцену (в ней опущен мотив «безногий на безглазом»). Некоторые несущественные разночтения с прохоровским вариантом правомерно квалифицировать как естественное варьирование текста (усложнение наказа Калина своему послу — ст. 28—29; размышления Ермака, рискнувшего биться с татарами в одиночку, — ст. 215—221; изменение числа богатырей на заставе — ст. 207 и др.). Повторяющиеся формулы у Якушева не стабильны, нередко меняется не только лексическое оформление стихов, но и их очередность (ср. ст. 33—38, 43—47, 75—80, 97—101, 118—122, 146—154). Иногда встречаются избыточные повторы (ст. 294—295 и 312—314), некоторые стихи и целые тирады перенасыщены незначащими словами (ст. 17, 90, 189, 219, 248, 251, 264, 306).

№ 245

Илья Муромец и Калин-царь

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 332—341, полевая карандашная запись Б. М. Соколова (полные строки); ед. хр. 33, тетр. 3, л. 1—12, полевая карандашная запись В. И. Чичерова (начала и концы стихов, при сведении текста есть пропуски); ед. хр. 35, тетр. 2, л. 175—194 об., полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 62 (в рукописи заглавие — «Калин-царь»).

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 13 июля 1928 г., д. Непашинская — от Акима Семеновича Захарова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25, 33, 35

Ст. 7 *да* фастат (ед. хр. 25); ст. 8 Богатой хвастат *как* (ед. хр. 25); ст. 10 Говорил *нунь* Ильюшко (ед. хр. 25); ст. 12 Добрынюшкин (ед. хр. 25); ст. 15 шолковыи (ед. хр. 25); ст. 19 княгыною (ед. хр. 25); ст. 21 *е*та (ед. хр. 25); ст. 22 На *того* князя на Владимира (ед. хр. 25); ст. 33, 64, 78, 88, 103, 235, 247, 370, 374, 378 Владимир (ед. хр.25); ст. 23 княгыны (ед. хр. 25); ст. 24 схватилсе князь со княгыною (ед. хр. 25); ст. 26 высокие (ед. хр. 25); после ст. 26 неполная строка *Как вывел к* ... (ед. хр. 35); ст. 27 Крицял (ед. хр. 25); ст. 28 сероссийские (ед. хр. 25); ст. 34 со княгины *Опраксии* (ед. хр. 25); ст. 36 Илюшенька *да* (ед. хр. 25); ст. 38 княгыною (ед. хр. 25); после 38 ст. неполная строка *А тот ли Владимир*...; ст. 39 *послушайте* в квадратных скобках (ед. хр. 25); ст. 40 *е*того (ед. хр. 25); ст. 44 на *сили* (ед. хр. 25); ст. 46 *е*того (ед. хр. 25); ст. 53 Не могу-*ка* постоять за Киёва (ед. хр. 25); ст. 55 *е*тот

(ед. хр. 25); ст. 57 *мня* (ед. хр. 25); после 57 *Как белы руки примахалисе* (ед. хр. 25); ст. 58 *етыи* (ед. хр. 25); ст. 59 на крыльця *на* (ед. хр. 25); ст. 61 Славной (ед. хр. 25); ст. 65 к *етой* (ед. хр. 25); ст. 74 собака *ну-ку* (ед. хр. 25); ст. 75 на *то* ли на село на прекрасноё (ед. хр. 25); ст. 76 Не оставит *нискульку* (ед. хр. 25); ст. 78 Владимир-[*князь*] (ед. хр. 25); ст. 79 *ета* княгыня (ед. хр. 25); ст. 80 *мня* (ед. хр. 25); ст. 81, 82 *ети* (ед. хр. 25); ст. 86 Закрицал (ед. хр. 25); ст. 87 Ай же ты, *Добрынюшка Микитинец* (ед. хр. 25); ст. 93 княгыни (ед. хр. 25); ст. 99 *Во нашом сили* (ед. хр. 25); ед. хр. 100 *Во етом сели* (ед. хр. 25); ст. 102 стоять (ед. хр. 25); ст. 103 князя *за* (ед. хр. 25); ст. 104 за Опраксею (ед. хр. 25); ст. 107 оциньки (ед. хр. 25); ст. 108 скоро *им* поворощяют (ед. хр. 25); ст. 109 *Заходят* во етот (ед. хр. 25); ст. 110 *ети* (ед. хр. 25); ст. 112 *А* (ед. хр. 25); ст. 113 Добрынин-*то* (ед. хр. 25); ст. 115 во шатры богатырскии; ст. 121, 122 *ету ета* (ед. хр. 25); ст. 126 Ермак-*то* (ед. хр. 25); ст. 128 Михайлушко (ед. хр. 25); ст. 131 позорьнюю (ед. хр. 25); ст. 139 *серцё* роскипелосе (ед. хр. 25); ст. 147 *еты* (ед. хр. 25), *эти сёла* (ед. хр. 33); ст. 149 *етого* (ед. хр. 25); ст. 150 Илюшко (ед. хр. 25, 33); ст. 152 *Славной* Михайло (ед. хр. 25, 33); ст. 153 *Добрынюшка Микитинец* (ед. хр. 25); ст. 153 *Ай же Добрынюшка Никитин сын* (ед. хр. 33); ст. 154 вм. *поехал* квадратные скобки (ед. хр. 25); ст. 155 позорьнюю (ед. хр. 25); ст. 157 *было* у Калина-царя (ед. хр. 25, 33); ст. 158 *богатыри* в квадратных скобках (ед. хр. 25); ст. 162 позорнюю (ед. хр. 25, 33); ст. 165 Ильюшка (ед. хр. 25), Илюшко (ед. хр. 33); ст. 166 *Стукнул* он *своим цобота* (ед. хр. 25), *стукнул* (ед. хр. 33); ст. 168 Михайлушко Славный (ед. хр. 33); ст. 169 *етот Добрынюшка Микитинець* (ед. хр. 25), *Добрынюшка Микитинец* (ед. хр. 33); ст. 170 голову *ни лучшую* (ед. хр. 25, 33); ст. 172 крыцял *он* (ед. хр. 25), крицял (ед. хр. 33); ст. 173 сероссийскии (ед. хр. 25, 33); ст. 174 Выходите *во луга высокии* (ед. хр. 25) *Выходите во луга...* (ед. хр. 33); ст. 175 богатырскиих (ед. хр. 25); ст. 180 Смотрят (ед. хр. 25, 33); ст. 184 Илюшка (ед. хр. 25), Илюшко (ед. хр. 33); ст. 186 Михайло (ед. хр. 25, 33); ст. 186 *Добрынюшка Микитинець* (ед. хр. 25), *Добрынюшка Микитинец* (ед. хр. 33); ст. 187 — Поезжайте *нунь* на сило (ед. хр. 25); ст. 188 к *етой* (ед. хр. 25); ст. 189, 190 отсутствуют (ед. хр. 33); после ст. 192 *Поезжай-ту нунь на сúло, на околицю / Ко к етой собаке Калин-царю* (ед. хр. 25); ст. 194, 195 *Илюшенька* (ед. хр. 25); ст. 195 На глаз-*ка* Илюшенька (ед. хр. 25); после ст. 196 *Убьет* [*лучшего*] *татарина* (ед. хр. 25); ст. 198 *етот* (ед. хр. 25); ст. 200 прямоежжую (ед. хр. 25); ст. 203 На *ножку* (ед. хр. 25); ст. 204 на глаз *как* Илюшенька *да* (ед. хр. 25); ст. 206 *етого* Ермака Тимофеева (ед. хр. 25); ст. 219 *младой* (ед. хр. 25); ст. 210 *перетьсялишься* (ед. хр. 25); ст. 211 Топерь (ед. хр. 25); ст. 212 ясной (ед. хр. 25); ст. 213 И *так нунь* Ярмак (ед. хр. 25); ст. 214 младой (ед. хр. 25); ст. 215 белополотненой (ед. хр. 25); ст. 218 туды (ед. хр. 25); ст. 220 *ети* (ед. хр. 25); ст. 226 Михайлушко (ед. хр. 25); ст. 227 как *етот ли* (ед. хр. 25); ст. 228 неверные (ед. хр. 25); ст. 231 Михайлушко (ед. хр. 25); ст. 233 *Пойдемте* (ед. хр. 25); ст. 235 *княгыны* (ед. хр. 25); ст. 237 *етому* (ед. хр. 25); ст. 238 Ко *етой* княгыны (ед. хр. 25); ст. 244 Добрынюшкин (ед. хр. 25); ст. 246 [*Из*] *того не от Владимира* (ед. хр. 25); ст. 250 симина (ед. хр. 25); ст. 253 княгыною (ед. хр. 25); ст. 255 гостя (ед. хр. 25); ст. 260 *этот* (ед. хр. 25); ст. 260 зарабоцее (ед. хр. 25); ст. 265 полтора (ед. хр. 25); ст. 268 сторохнетсе (ед. хр. 25); ст. 269 сворохнятсе (ед. хр. 25); ст. 274 *етому* (ед. хр. 25); ст. 275 их *не* (ед. хр. 25); ст. 277 Другую (ед. хр. 25); ст. 278 *Как* третью (ед. хр. 25); ст. 283 стряхнетсе (ед. хр. 25); ст. 285 Илюшка (ед. хр. 25); ст. 286 ай жо со княгыною (ед. хр. 25); ст. 288 *Добрынюшке Микитицю* (ед. хр. 25); ст. 293 *Как* весом (ед. хр. 25); ст. 294 *Как ето нашо* зарабоцее (ед. хр. 25); ст. 299 Илюшка *да* (ед. хр. 25); ст. 300 *был* (ед. хр. 25); ст. 302 Со своей *ты* (ед. хр. 25); ст. 304 *етому* (ед. хр. 25); ст. 306 мне *ты* (ед. хр. 25); ст. 309 *Чтоб* (ед. хр. 25); ст. 314 жолты (ед. хр. 25); ст. 315 Говорил (ед. хр. 25); ст. 320 *А* третью (ед. хр. 25); ст. 321 Как весом *бы они* (ед. хр. 25); ст. 322 *А мерою* (ед. хр. 25); ст. 327 *етому* Микитицю (ед. хр. 25); ст. 334 Никитка (ед. хр. 25); ст. 335 Стоит *тут* (ед. хр. 25); ст. 336 жолты (ед. хр. 25); ст. 339 княгыной (ед. хр. 25); ст. 340 *тебе* (ед. хр. 25); ст. 341 А *ето* нашо (ед. хр. 25); ст. 343 княгыной (ед. хр. 25); ст. 345 *шахматы* (ед. хр. 25); ст. 347 белополотненых (ед. хр. 25); ст. 349 *незгоды* (ед. хр. 25); ст. 352

славнои (ед. хр. 25); ст. 353 *Как этот* Михайлушко (ед. хр. 25); ст. 354 Добрынюшкин (ед. хр. 25); ст. 355 тоё (ед. хр. 25); ст. 356, 357 с етих белополотненых (ед. хр. 25); ст. 358 *На это широкое* (ед. хр. 25); ст. 359 *На тое на широкое* (ед. хр. 25); ст. 360 ети (ед. хр. 25); ст. 362, 363 етот (ед. хр. 25); ст. 371 белополотненых (ед. хр. 25); ст. 377 У *славного князя* (ед. хр. 25); ст. 379 *На какого братцы крестовые*, далее строка точек (ед. хр. 25); ст. 381 *Этот Никитушка Добрынин* (ед. хр. 25); ст. 384 козака (ед. хр. 25); ст. 385 етого (ед. хр. 25); ст. 387 белополотнены (ед. хр. 25).

После ст. 66 в текст былины внесены 5 стихов из ед. хр. 35, после ст. 304 в текст былины внесен один стих из ед. хр. 35.

Вариант генетически связан с былиной Н. Прохорова, родственника А. Захарова (см. № 241 наст. тома). Сказитель упростил традиционную сюжетную схему — опущены описание вражеского нашествия, рассказ о приезде татарского посла с ультиматумом, о расправе с Калином. Ермак вводится в повествование в самом начале старины, что заметно ослабляет драматизм повествования. Выполняющая функции постопозиции картина угощения победителей вином чрезмерно растянута (ст. 246—335) и, видимо, навеяна прохоровской былиной «Михайло Потык» (не случайно здесь не упоминается Ермак, главный герой произведения). Ст. 16—17 — механическое перенесение из исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына». Захаров использовал целый ряд формул и устойчивых словосочетаний, являющихся характерными приметами индивидуального стиля Н. Прохорова (ст. 44, 75—78, 207—208, 255 и др.). Вместе с тем заметна и тенденция к модернизации былинного лексикона (прохоровские «выходы высокие» заменены «балхонами высокими», «тавлеи золоченые» — «лотереями золоцёными» — ст. 79, 340). В тексте встречаются логические неувязки и искажения (действие поначалу приурочено не к Киеву, а к Мурому — ст. 45, 49; Добрыня Никитич последовательно именуется «Микитушкой Добрыниным сыном»; до ст. 69 не ясно, что за беда обрушилась на Киев; Ермак сразу оказывается в чистом поле вместе с богатырями, отказавшимися служить князю Владимиру).

№ 246

О собаке, неверном царе Калине

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 4, ед. хр. 12, л. 32—36, перебеленная рукопись, чернила.

Зап. И. К. Торопцевым: 1938 г. , д. Ранина Гора Каршевского с/с Пудожского р-на — от Дмитрия Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского р-на, малограмотного, 64 лет.

Особенности записи текста былины: Кијеф-грат, јарлыки, улановјоф, кн'яс', стојат', Илја и др. Текст публикуется в соответствии с принятыми нормами литературного написания.

Былина представляет собой сокращенное изложение варианта сумозерского сказителя А. Сорокина (№ 242 наст. тома), в котором версия «Илья, Самсон и Калин» дополнена элементами версии «Илья, Ермак и Калин». Действие разворачивается на берегах «Елисей-реки»; почти дословно совпадает формула вражеского ультиматума князю Владимиру; близка к прототексту мотивировка отъезда Ильи в чистое поле («искать свою дружинушку хоробрую»); употреблено характерное для сорокинского стиля словосочетание «пановья-улановья». Несмотря на географическую близость Сумозера и родной деревни исполнителя Раниной Горы (их разделяет около 100 км), устное заимствование былины от Сорокина или его преемников практически исключено. Комментируемый текст компилятивен по характеру: в финальных сценах прослеживается влияние варианта Т. Рябинина из Кижей (богатыри берут Калина в плен и отвозят его к князю Владимиру, ср. Гильф., № 75); с творчеством этого сказителя связано также сравнение вражеской силы с «черным вороном»; в состав татарского войска входят «турковцы и ореховцы» — возможное заимствование из печорской редакции сюжета «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». В былине Ефимова обнаруживаются явно книжные имена собственные и речевые обороты (киевская княгиня названа «вельможной

свет боярыней Елисеевной», у Ермака Тимофеевича конь «Арош вещий»; русские богатыри «через пропасть делают мосты каленые» и др.). С книгой связаны и другие эпические песни Ефимова — в них тоже немало заимствований из классических вариантов, записанных по всему Русскому Северу — от Кижей и Пудожского берега до Печоры и Урала (см.: Новиков 2001, сюжет 11, № 6; сюжет 14, № 14; сюжет 17, № 8; сюжет 38, № 6).

Публикуется впервые.

№ 247

Ермак Тимофеевич

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 1, л. 1—14, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 20.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

«Данный вариант представляет искусную контаминацию нескольких мотивов из разных былин. В качестве замысла использован сюжет „Илья Муромец, Ермак и Калин-царь". Отсюда взяты имена и образы героев, нападение на Киев царя Калина, поездка Ермака против татар и появление Ильи Муромца в конце. Весь эпизод на пиру, когда Ермак убивает Калина, взят из былины „Илья Муромец и Идолище". Композиция былины, за исключением этого эпизода, в основном совпадает с композицией былины о богатыре-малолетке Михаийле Игнатьевиче. Богатырь действует совершенно самостоятельно, Илья Муромец не участвует в битве, так же как отец Михаила Игнатьевича, хотя о появлении Ильи и рассказано, как в былине об Илье Муромце, Ермаке и Калине-царе. Таким образом, настоящий вариант представляет совершенно новую редакцию. В центре стоит образ Ермака, имя которого, как отмечают исследователи (Вс. Миллер и др.), вошло в былины не ранее XVII в. Не случайно данную былину о Ермаке удалось записать в Прионежье, где творческая работа над созданием образа Ермака, как одного из богатырей, борющихся с царем Калином, отмечена бóльшим количеством вариантов, чем в других местах (см. Аст. 1, с. 597). Это также еще раз подтверждает указание А. М. Астаховой на творческую работу северного крестьянства над популярным сюжетом об Илье Муромце и царе Калине, выразившуюся в создании новых, оригинальных текстов, восходящих к данному сюжету» (БПК, с. 475—476).

В основу повествования положена вторая версия сюжета («Илья, Ермак и Калин»), однако многочисленные отступления от традиционной схемы позволяют квалифицировать этот текст как индивидуальную новацию сказителя. С творческим наследием Н. Прохорова, главного учителя И. Фофанова, напрямую связана лишь одна формула — богатыри «прибавляли матушки Русиюшки» (ст. 148; ср. ст. 9, 18 и др. —№ 309 наст. тома, «Михайло Потык»). Фофанов использовал отдельные эпизоды и образы из разных былин. В его варианте полностью сняты мотивы конфликта князя Владимира с Ильей Муромцем и другими богатырями; в момент татарского нашествия в Киеве просто «богатырей не случилося», кроме Ермака (ст. 39—45; ср. с начальным эпизодом былины «Василий Игнатьевич и Батыга»). Вопреки обыкновению Калин-царь наделен атрибутами богатыря-нахвальщика — он сам едет в Киев и требует, чтобы за него выдали племянницу князя Владимира. Благодаря этому в произведении появился второй кульминационный пункт — расправа с Калином, причем он предшествует истреблению вражеского войска. Сцена столкновения Ермака с Калином в княжеских палатах (ст. 62—82) перенесена из сюжета «Илья Муромец и Идолище» (в других вариантах Калин претендует на руку княгини Апраксии, угрожая «от живого мужа жену отнять»). Описание вызывающего поведения татарского царя (ст. 21—22) навеяно шенкурским вариантом «Ильи и Сокольника», который был знаком сказителю (см. коммент. к № 234 наст. тома). Сравнение вражеского войска с волнующимся морем (ст. 109—111) встречается в былинах И. Фе-

понова, А. Сорокина, Г. Якушева, П. Логинова и ряда других пудожских певцов. Ст. 4 («Ой, Калина ён ведь малина») — механическое и неуместное (что не характерно для Фофанова) перенесение из хороводной песни; его появление в былине можно объяснить необычной формой имени татарского царя.

№ 248

Идолище поганое

Архив КФАН, ф. 1, оп.1, кол. 13, ед. хр. 19=ИРЛИ кол. 165, п. 22, ед. хр. 14, черновая рукопись, карандаш. Вар.: БПК, № 32.

Зап. И. Ламакиной: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Текст по всем основным параметрам близок к варианту, опубликованному в сборнике «Былины Пудожского края» (см. № 249 наст. тома). Разночтения проявляются в лексическом варьировании ряда традиционных формул и использовании некоторых нестандартных деталей. Опущен имеющийся в повторной записи рассказ о ссоре князя с Ильей и заточении богатыря «в погреба глубокие». В роли одного из киевских богатырей, под предлогом усталости отказывающихся защищать город от врагов, Алёшу Поповича заменил Чурилушка Щапленкович. Видимо, индивидуальной новацией исполнителя является «постановление» князя Владимира не выпускать на поле боя молодых богатырей до двадцатилетнего возраста (ст. 109—110). Ремизов перенес из волшебных сказок упоминание стакана с водой, по которому можно судить о состоянии отлучившегося героя. Калин-царь последовательно именуется «Идолищем». Как и в других старинах сказителя, татары отождествляются с «Литвой поганой»; в тексте встречается немало лексических отступлений от эпического канона («оментальне объехали», «пузаны», «ухрапали вы неприятеля» и т. п.).

Публикуется впервые.

№ 249

Про Идолище поганое

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. № 6, л. 278—323, черновая рукопись, карандаш правлен чернилами. Опубл.: БПК, № 32.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Разночтения БПК, № 32

Ст. 13 поезжай-*ка*; ст. 25 А повороты держал; ст. 40 *Затупать коты*; ст. 42 во *новыи*; ст. 44 *славныи*; ст. 78 мои-то *нуньку*; ст. 120 на новоей; ст. 122 откалещивать; ст. 134 один; ст. 135 *ста*рыи бога́тыри; ст. 162 воронья; ст. 204 вместо.

После строки 236 в рукописи (л. 321—323) пересказ:

«Тут они гостими да были, да пировали и разъехались по домам, как оны тут рядом жили. Дома тут у богатырей были, чтобы царь как рыкне, так сразу на подмогу бежали. А больше некогда Владимиру садить Илью Муромца. Ну а больше не помню. Раньше много знау, а до войны я пел, а потом не пел. Раньше поня́маны эти былики за глупость, да и пели на выводках. Скажут: сказки скажи, али ста́рину спой. Ну а я возьмусь, ал еще спарку лепить. Старины старики лучше слушают».

«Сюжет этой былины — „Илья Муромец, Ермак и Калин-царь" — находится в тесной связи с другими сюжетами: „Илья Муромец и Калин царь" (без участия Ермака) и „Гибель богатырей" (Камское, или Мамаево, побоище). Это былины о татарском нашествии, в которых центральный образ — Илья Муромец. Былины с участием Ермака встречаются почти исключительно в Прионежье, среди ранее опубликованных записей из Пудожского района известно два варианта: Рыбн., № 120 и Гильф., № 69. Изучение и обзор вариантов см. Аст. 1, с. 595—598. Ремизов с трудом вспоминал былину ⟨...⟩, возможно, поэтому в данном варианте вместо встречающегося обычно в прионежских вариантах Калина-царя, во главе татар — Идолище. Композиция былины и поэтические формулы в описании отдельных эпизодов (растерянность князя, вызов богатырей, обращение ко всем богатырям, поездка Ермака, который находит оружие в конюшне и т. п.) свидетельствуют о близости данного варианта к былине Н. Прохорова (Рыбн., № 120). В отличие от варианта Прохорова отказ богатырей выехать против татар мотивируется обидой, нанесенной князем Илье Муромцу, который засажен в погреба. Этот эпизод ссоры с Ильей Муромцем обычно встречается в другой былине о царе Калине (без Ермака) (см. Аст. 1, с. 597). Из пудожских сказителей такую мотивировку находим у Фепонова (Гильф., № 67). Историческую основу данной былины следует видеть в битве русских с татарами на реке Калке (1224), породившей народные предания об этом событии, или в других крупных столкновениях русских с татарами. Впоследствии в былину введен образ Ермака (не ранее XVII в.). На образ этого героя, по указанию А. Н. Веселовского, оказали влияние былины о богатыре-малолетке Михаиле Игнатьевиче (*Веселовский А. Н.* Южно-русские былины. СПб., 1881. Т. 1. С. 40—48, 57—59)» (БПК, с. 482).

Вариант принадлежит к прохоровской редакции сюжета, охарактеризованной в преамбуле и комментарии к № 241 наст. тома). Элементы этой редакции доминируют в первой части былины (ссылаясь на свою усталость, богатыри отказываются «стоять за Киев-град» — ст. 64—67 и др.; роль спасителя города отводится малолетнему Ермаку; он просит у князя «латы да кольчуги богатырскии» и «откалещивает» с них ржавчину — ст. 121—125). В дальнейшем Н. Ремизов все чаще отходит от прототекста, используя элементы других модификаций сюжета, в том числе и версии «Илья, Самсон и Калин». Прохоровское описание татарского войска дополнено новыми деталями (ст. 160—166); старший по возрасту Илья Муромец оказывается крестным отцом Ермака (ст. 129); демонстративный отъезд киевских богатырей в чистое поле мотивируется тем, что князь заключил Илью Муромца «во погреба глубокии»; как и в большинстве вариантов первой версии сюжета, Илью тайно кормит княгиня («государыня»), используя для этого «ходы подпольныи» (ст. 83—97). Сказителю не удалось органично соединить элементы разных обработок сюжета (в частности, не объясняется, как заточенному в темнице Илье удалось выехать из города и присоединиться к своим соратникам). В деталях повествования певец порой отступает от традиции (Владимир чаще именуется царем, а не князем; Калина-царя заменило «поганое Идолище», Идолище возглавляет «погану Литву» — ст. 32 и др., которая в русских былинах нередко отождествляется с татарами — ст. 204, 215 и др.). Как и в других старинах Ремизова, в комментируемом тексте заметна тенденция к модернизации лексики (письмо, война, товарищи, земля непобедимая; на досуге киевские богатыри играют не только в «дощечку да шахматную», но и «в картоцьки» и др.).

№ 250

Ермак и Калин-царь

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 303 (=кол. 49, ед. хр. 303), черновая рукопись, карандаш.

Зап. Н. А. Бутиновым: 1940 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Якова Федотыча Львова, 68 лет.

Примечание исполнителя: «Много везде был, ото всех слышал».

Былина Я. Львова — один из лучших вариантов оригинальной модификации сюжета, бытовавшей в районе Купецкого озера (см. №241, 244 наст. тома, Н. Прохоров, Г. Якушев). Особенно много схождений с текстом Н. Прохорова (отказ богатырей выступить на защиту Киева и мотивировка этого решения; формула «выходы высокие»; сборы Ермака на битву с татарами; укрощение Ильей Муромцем сражающегося с врагами юного богатыря и др.). Некоторые детали повествования оригинальны. Необычно отчество князя Владимира — Андреевич. Опущен рассказ о его ссоре с Ильей Муромцем и заключении богатыря в погреба; вместо этого описывается радушное угощение Ильи киевским князем. По-иному описано пробуждение Ильи от богатырского сна — его разбудила прилетевшая с поля боя «пуля-то литовьская». Этот мотив восходит к версии сюжета «Илья, Самсон и Калин»: «старшего» богатыря будит стрела, пущенная его крестником.

Публикуется впервые.

№ 251

Об Илье Муромце

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 8, ед. хр. 52, л. 25 (л. 42) — 27(43), черновая рукопись, карандаш.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Ижгора Авдеевского с/с — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 56 лет.

Как и в контаминированном тексте («Илья Муромец и Соловей-разбойник» + «Илья и Калин» — № 294 нас. тома), А. Фадеева объединила элементы двух версий сюжета (Илья заключен в погреба, потому он не хочет «заступиться» за князя Владимира; в разгроме татарского войска участвует Ермак). Некоторые мотивы связаны с сюжетом «Бунт Ильи против князя Владимира» (выпущенный из заточения богатырь уходит «в трактир», князь выбирает, кому поручить миссию парламентера). Связь текста с устной традицией маловероятна.

Публикуется впервые.

№ 252

О царе Калине

Архив КФАН, р. III/2, № 66.3.

Зап. К. Ф. Беловой(?): май 1941 г., Петрозаводск — от Дмитрия Михайловича Ефимова, уроженца д. Ранина Гора Пудожского у., 66 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Повторно встретившись с Д. Ефимовым, собиратели записали от него начальные эпизоды былины о татарском нашествии на Киев. Текст почти дословно повторяет вариант 1940 г. (см. коммент. к № 246 наст. тома). Единственное существенное расхождение — царь Калин отправляется в поход на Киев «из города Мурома, из села Карачарова» (перенесение из сюжета «Исцеление Ильи Муромца»).

Публикуется впервые.

56 Зак. 3427

№ 253

Про Ермака Тимофеевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 128, л. 25—26 (л. 48—49), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой и И. Шараповой: 4 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателей: «К⟨сения⟩ Е⟨горовна⟩ знает старину про Ермака Тимофеевича от мужа. Это одна из немногих былин, которые хорошо сохранились в ее памяти (позднее она спела стрину). Вспомнила ее, как только собиратели начали расспросы об эпосе, вслед за пересказом „Ильи Муромца"».

«Офимья Ивановна Фофанова, присутствовавшая при записи, дополнила текст К⟨сении⟩ Е⟨горовны⟩ следующими строчками:

„Вси на пиру наедалися,
Вси на пиру напивалися,
Умный-то хвастает отчём-матерью,
А безумный — молодой женой"».

Пересказ Ремизовой восходит к варианту ее мужа (№ 249 наст. тома), который примыкает к прохоровской редакции сюжета (Калин заменен «сильным могуцим Иванищем»; Ермак является крестником Ильи Муромца; богатыри «играют в шашки и в карты»; Владимир именуется то царем, то князем). Один из мотивов позаимствован из волшебных сказок (отправив Ермака воевать, Илья велит другим богатырям разбудить его, если «в стакане сделается кровь мутна»).

Публикуется впервые.

№ 254

Про Ермака Тимофеевича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 21, ед. хр. 131, л. 32—34 (л. 62—66), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Г. Григорьевой: 5 июля 1961 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ксении Егоровны Ремизовой, уроженки д. Алексеево Пудожского у., неграмотной, 76 лет.

Примечание собирателя: «Текст записан с пения. К⟨сении⟩ Е⟨горовне⟩ долго не удавалось вспомнить напев, и она сделала еще одну попытку пересказать текст» (кол. 21, ед. хр. 132).

При повторной записи, сделанной с пения, исполнительница подробнее описала битву Ермака с татарами. Однако ей не всегда удавалось оставаться в рамках былинного стиля, в тексте немало прозаических оборотов речи. С повседневной жизнью северян связано оригинальное сравнение груды татарских тел с костром дров.

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ
(№ 255—262)

№ 255

Нашествие татар

Рыбн., 1864, № 36.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерской вол. — от Трофима Романова (прочие сведения отсутствуют). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 199 на бую — на бою; ст. 240 пахнули — смели.

Вариант представляет собой упрощенную модификацию версии «Илья, Самсон и Калин». В частности, нет стрельбы из лука по шатру, в котором спит дядюшка Ильи Муромца Самсон Манойлович; этот мотив отсутствовал и в прототексте или же был сознательно опущен без ущерба для логики повествования (согласно уговору, старший богатырь со своей дружиной приходит на помощь племяннику — ст. 158—164). Отсутствует также заключение Ильи Муромца в погреба и весь комплекс связанных с этим мотивов, но глухие отголоски такой редакции сюжета сохранились — Илья уговаривает Самсона выступить против татар «не для ради князя Владимира, ⟨...⟩ для ради матери Пресвятыя Богородицы» — ст. 149—156). Все другие эпизоды обычны для пудожской традиции.

Комментируемый вариант богат оригинальными и редко встречающимися деталями. В осажденном врагами Киеве звонят в «плакун-колокол» (ст. 172; ср. с «колоколами плакущими» и «колоколами радущими» в тексте мошенского певца Н. Швецова — Гильф., № 304). Под влиянием библейского сказания татарский царь назван Каином (ср. с былиной толвуйского певца И. Гришина «Дунай» — Гильф., № 34 и зависимым от книги вариантом А. Крюковой из Поморья — Марк., № 2). Имя татарского посла Тугарин — еще одно косвенное свидетельство того, что былина об Алёше Поповиче и Тугарине в прошлом входила в эпический репертуар Пудоги. Архаичный поэтический образ битвы-пира (ст. 161—163) неоднократно фиксировался в Кижах (Т. Рябинин, Д. Сурикова и др. — Гильф., № 80, 138 и др.) и на Пудоге. Кроме Т. Романова его использовал шальский лодочник (Рыбн., № 150 «Василий Буслаев и новгородцы»). Оригинально сравнение разгрома вражеского войска с «выпахиванием» (подметанием) избы — ст. 240. Психологическое состояние плененного татарами богатыря выразительно передано с помощью одного портретного штриха («стал исподлобья выглядывать и по плечу оружьины присматривать» — ст. 227—229). Романов охотно использовал перенесения из других эпических песен. Название «гор Фараонских» навеяно библейскими сказаниями или восходит к Фавор-горе из сюжета «Поездка Василия Буслаева» (ср. варианты шальского лодочника с Пудоги — Рыбн., № 151; калики из Красной Ляги — Рыбн., № 198, а также былину «Илья и Сокольник» кенозёра И. Сивцева-Поромского — Гильф., № 219). Ст. 223—224 позаимствованы из исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына»; троекратное поднесение татарскому послу чары с хмельными напитками (ст. 41—59) — из старины о Василии Игнатьевиче и Батыге. В тексте встречаются постоянные эпитеты (поднося татарскому царю «даровья великие», Илья обзывает его «собакой-вором» — ст. 95—96, сам богатырь однажды назван «старой собакой матерой» — ст. 71). Изредка сказитель использовал слова, не характерные для былинного лексикона («водка сладкая», «со усердием»).

№ 256

Илья Муромец и Калин-царь

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 258—262 об. (л. 275—279 об.). Опубл.: Гильф., 1873, № 57, стб. 304—310.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Слева над текстом зачеркнута буква «Я». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 29 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 29 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 22 к слову «составляет» на полях: т. е. дост⟨авляет⟩; ст. 23 в слове «времени» три последние буквы охвачены снизу дугой; ст. 251 к слову «ручики» на полях: так везде поправить: ст. 305 к слову «содержать» — т. е. держать при себе в чести.

Один из лучших вариантов былины о татарском нашествии на Киев (версия «Илья, Самсон и Калин»); его неоднократно перепечатывали в учебных хрестоматиях и популярных изданиях, использовали при составлении сводных былин и прозаических сказаний об Илье Муромце. Текст И. Фепонова может служить эталоном классического формульного стиля — даже на фоне вариантов Н. Прохорова, А. Сорокина, Т. Романова он выделяется композиционной стройностью, идейно-художественной цельностью, отточенностью каждой эпической формулы. Сказитель охотно использовал троекратные повторы, подхваты, развернутые описания, в то же время не злоупотребляя ими, — все они продиктованы героическим содержанием сюжета (ст. 46—55, 110—122, 125—138, 230—236, 257—264). Повествование насыщено постоянными эпитетами, синонимичными словосочетаниями («закручинился», «запечалился»; «латы-кольчуги»; «крестовая братия названая»; «несметную ту силу да несчётную» и др.); встречаются в нем архаичные обороты речи («а где же есте мой конь добрыи?»; «доброй-от конь да проязычился»; «поворот держат»; «не спится», «мало собится»), редкие и даже уникальные детали и подробности (Илью из татарского плена освобождает конь, зубами разорвавший «путыни шелковыя»; пуская стрелу в шатер Самсона, богатырь велит ей убить крестного отца «а за тую за измену за великую» и др.). Данный текст — единственная былина Фепонова, не имеющая близких параллелей в пудожских записях и тяготеющая к каргопольской традиции. Вместе с вариантами, записанными от двух каргопольских калик перехожих (профессиональных исполнителей духовных стихов — Рыбн., № 205; Т.—М., № 11), он образует особую редакцию сюжета, содержащую целый ряд специфических мотивов и образов. Выбирая посла, Калин-царь ищет человека, который «знает говорить по русскому, мычать по татарскому» (большинство олонецких певцов не учитывает наличия языкового барьера); Илью Муромца от голодной смерти спасает дочь князя Владимира (гораздо чаще в этой роли выступает княгиня Апраксия); татарский посол вызывающе ведет себя в княжеском тереме («глаз-то не крестéт, Богу не молится, не дает чести Владимиру»); выехав в чистое поле, Илья видит «коней русийских, а его-то братьицев крестовыих» (в каргопольских вариантах — «коней знакомых, киевских») и по ним находит Самсона и других богатырей. Во всех трех текстах использованы сходные или буквально совпадающие обороты речи, редкие у других олонецких сказителей («добрый конь проязычился или провещился языком человеческим»; «опочив держат»; «не спится, мало собится»); нередко встречаются постоянные эпитеты (Калин называет своих подданных татарами погаными — Гильф., № 57; Рыбн., № 205, а они именуют его собакой — Рыбн., № 205; этот же бранный эпитет Илья и князь Владимир употребляют во время дипломатических переговоров с татарами — Рыбн., № 205; Т.—М., № 11). Вместе с тем по некоторым параметрам былина Фепонова отличается от каргопольских вариантов. Пудожский сказитель не описал поездку Ильи Муромца в татарский лагерь с целью получения отсрочки для выполне-

ния условий вражеского ультиматума, опустил словесную перепалку богатыря с Калином, который уговаривает его перейти к нему на службу; плененного героя освобождает его конь (у каргопольских певцов — ангелы); нет в комментируемом тексте и ряда других факультативных мотивов.

№ 257

Про Калина-царя

Шайжин, с. 115—117.

Зап. Ф. Н. Предтеченским: 1904 г., д. Ченежи Коловской вол. Пудожского у. — от Афанасия Федоровича Пантелеева, около 79 лет.

Начало былины, записанное от А. Пантелеева, и по содержанию, и по оформлению основных эпизодов близко к варианту А. Сорокина, его односельчанина (№ 242 наст. тома); по всей видимости, оба варианта восходят к одному источнику. В них почти дословно совпадают зачины — описание татарского нашествия, построенное по принципу параллелизма («Не волна ли на море сколыбаласе...»), упоминаются поля Елесовы (ст. 6), употребляется сравнительно редкий постоянный эпитет «безбожный Калин-царь» (ст. 2, 9 и др.), татарский царь велит своему послу «русскому богу не кланяться» (ст. 17, 23). Потеряв надежду на спасение, князь Владимир собирает в Киеве «послидней пир» (ст. 33). Комментируемый вариант позволяет утверждать, что Сорокин опустил некоторые традиционные эпизоды прототекста — у Пантелеева отказ Ильи Муромца выступить против татар объясняется тем, что «сидел ен во погребах глубокиих» (ст. 59), княгиня упрашивает Владимира выпустить «всих грешников-затюремщиков», в том числе и Илью (ст. 35—36). Эти факты правомерно рассматривать как дополнительные аргументы в пользу отнесения сорокинской былины к версии «Илья, Самсон и Калин». В отличие от своего земляка Пантелеев скуп на детализированные описания, по объему его текст в шесть раз меньше соответствующей части сорокинской былины. Хронологические границы «эпического века» в данном варианте смыкаются с художественным временем исторических песен — хотя действие разворачивается в былинном Киеве (ст. 15 и др.), в зачине упомянуты «славная каменна Москва» и «славная Русеюшка».

№ 258

Илья Муромец и Калин-царь

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 1, тетр. 2, ед. хр. 3, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: Линевский, № 3. Заголовок имеет пояснение: «Про Илью Муромца и царя Калина». Вар.: С.—Ч., № 77. Краткий вариант (1938 г.) см. № 259 наст. тома.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Разночтения Линевский, № 3

Ст. 13 Со сильными могучими; ст. 24 *не упираетце*; ст. 25, 70, 90, 156—158 отсутствуют в ркп.; ст. 30 (ст. 29 ркп.) *Каи к тем*; ст. 35 (ст. 34 ркп.) *Как читала я*; ст. 62 *А Владимер-князь да* расплакалсе; ст. 65 (ст. 64 ркп.) да *во стольном граде* Киеве; ст. 82 (ст. 81 ркп.) да племянника; после ст. 93 (ст. 92 ркп.) *отвечал да Владимир-князь* пропущено; ст. 124 (ст. 123 ркп.) *да великая*; ст. 142 (ст. 141 ркп.) да

выпал; ст. 154 (ст. 153 ркп.) *собака* Калин-царь; ст. 175 (ст. 174 ркп.) *Не дайте-ка Калину надсмехатисе*; ст. 182 (ст. 181 ркп.) *А что рядом было, то всех повыщелкал*; ст. 207 *и* не на землю; ст. 215 *видно, крестнику*; ст. 216 *двенадцать добрых молодцев*; ст. 218 *Двенадцать*; ст. 220 *во разны сторонушки*; ст. 228—229 переставлены: *А и думу об этом не думати, А не то что ездить на Киев-град.*

Этот сюжет является одним из основных в группе героических былин. В Прионежье известны два сюжета о Калине: 1) «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь»; 2) «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь». Вариант Конашкова принадлежит ко второй группе. Редактор 2-го изд. «Песен» Рыбникова А. Е. Грузинский отмечает в примечании к былине № 205, записанной от захожего каргопольского калики, близость текста (местами дословную) к фепоновскому (по записи Гильфердинга). Фепонов, тоже слепой калика-пудожанин, но его репертуар восходит к каргопольцу Мещанинову. Многократное совпадение деталей доказывает, что эта каргопольская редакция и текст Конашкова родственны.

Из текста Конашкова выпал, по сравнению с вариантом каргопольского калики, эпизод упрашивания Ильей Самсона и его дружины помочь князю Владимиру отстоять Киев. Композиция у Конашкова стройнее, слушателю не приходится пояснять, каким образом уцелел Илья, три года просидев в погребе (два вставных стиха, 69—70, у каргопольского калики явно «рвут» текст). Переработан и другой эпизод — вместо письма Ильи в конашковском варианте у каргопольского калики мы находим эпизод приезда Ильи к царю Калину с тем же самым предложением об отсрочке на три года или на три месяца и т. д. Разговор плененного Ильи с Калином у Конашкова построен на проблеме верности Родине («А перейди-ко, Илюшенька, к нам-то ведь»), в тексте же каргопольского калики Калин предлагает нейтралитет («Где ты похочешь, тут и живи»). Несмотря на эти различия перед нами несомненно два варианта, восходящие к одному общему источнику.

Конашков дает два варианта данного сюжета — на 233 строки и на 118. Во втором (коротком) размер стиха выдержан, композиция логична. Первый, подробный, текстуально близкий к варианту каргопольского калики, художественно крайне слаб и представляет прозу, деленную на строки.

№ 259

Илья Муромец и Калин-царь

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 3, тетр. 3, ед. хр. 62. Опубл.: Линевский, № 3а.

Заголовок имеет пояснение: «Про Илью Муромца и царя Ка́лина». Вар.: С.—Ч., № 77. Полный вариант этой же былины — № 258 наст. тома.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Примечание собирателя: «По признанию самого Конашкова во время записи 1938 г., былина эта редко им пелась, а потому и позабылась („редко поется, друго, и забылось")».

Разночтения Линевский, № 3а

Ст. 22 Ильюшеньки ... яства; ст. 62 *Как ницего я Калину да не писал*; ст. 64 *собака Калин-царь*; ст. 71—74 в ркп. отсутствуют; ст. 85 Там-*то* ... *могуции бога́тыри*; ст. 89 стрелоцьку; ст. 113 более.

Третья по счету запись этой былины Конашкова по объему вдвое короче предыдущей (см. № 258 наст. тома), но по содержанию и стилю практически не отличается от нее.

№ 260

Илья Муромец и царь Калин

Архив КФАН, р. III/2, № 186.01.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

Напев транспонирован на ½ тона ниже. Вариант нотации, выполненной Н. Н. Леви (в редакции Ф. А. Рубцова), см.: Линевский, с. 184.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Конашков. „Илья Муромец и царь Ка́лин" (сокращенный вариант)».

Начало былины об Илье Муромце и Калине, близкое к записи 1937 г.

Публикуется впервые.

№ 261

Илья Муромец и Калин-царь

Архив ФК МГУ, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 22, л. 4285—4294, рукопись.

Зап. Е. А. Костюхиным, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Рагнозеро — от Елены Ивановны Алексеевой, 74 лет.

Пояснение собирателей: ст. 116 ушепшим — усопшим.

Исполнительница почти дословно повторила вариант из сборника Кирши Данилова (КД, № 25). Отклонения от прототекста минимальны — перестановка или пропуск отдельных стихов, замена некоторых слов. Частично они исходят от Е. Алексеевой, не всегда понимавшей устаревшие или неизвестные ей слова («крыцарь» вместо «кречета»; «чёмжуры» вместо «чембуров»; «улетела голова (татарская) да по селу в даль вместо по силе вдоль»); частично являются результатом литературной правки текста Кирши Данилова (Илья «разбил Калина в крохи пирожные» вместо «говенныя»).

Публикуется впервые.

№ 262

Илья Муромец и Калин-царь

ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 65, л. 7656—7657, рукопись в полевой тетради.

Зап. А. Копковой, О. Емельяновой: лето 1960 г., пос. Тамбичозеро Пудожского р-на Карельской АССР — от Ирины Леонтьевны Горбачевой, грамотной, 53 лет.

Примечание собирателей: «Эти „сказки", как их назвала И⟨рина⟩ Л⟨еонтьевна⟩, она слышала от отца, Поливанова Леонтия Сергеевича, умершего в 1942 году. Отец был большим мастером рассказывать сказки, петь стихи, которых он знал очень много. Он работал сапожником. „Девки часто прибегали и просили: «Дядя Лева, расскажи что-нибудь»". И⟨рина⟩ Л⟨еонтьевна⟩ интересовалась сказками и стихами только до 15 лет. А потом, по ее словам, „стали больше интересовать меня танцы и парни". Леонтий Сергеевич был неграмотным. Сказки и стихи рассказывал чаще в Великий пост».

Публикуется впервые.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ

(№ 263)

Былина известна всего в двух записях (варианты водлозерского сказителя Т. Суханова — № 263 наст. тома и кижанина Т. Иевлева, внука знаменитого Ильи Елустафьева — Гильф., № 101). Тексты принадлежат к одному изводу сюжета и, возможно, восходят к общему источнику (подробнее см. коммент. к № 263 наст. тома, Т. Суханов). Сюжет примыкает к циклу былин об отражении татарского нашествия на Русь («Илья Муромец и Калин-царь», «Камское побоище», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Михайло Данилович» и др.). По всем признакам это сравнительно позднее новообразование, в котором использованы типовые сюжетные ходы и ситуации, стандартные для произведений данной тематики характеристики и формулы. В былине нет ни одного оригинального, характерного только для нее элемента; к каждому эпизоду, к каждой детали можно найти близкие параллели в других эпических песнях. Рассказ о похищении татарина и его допросе повторяет аналогичный эпизод из прохоровской редакции «Ильи и Идолища» (№ 267 наст. тома и др.), из этого же сюжета позаимствованы гиперболизированные описания передвижения калики перехожего, переполоха, вызванного в Киеве его громогласным криком; характеристика татарской «силушки несметной, непомерной». Сцена битвы с врагами вплоть до мельчайших подробностей совпадает с былиной «Илья Муромец и Калин-царь»; название Почай-реки, видимо, восходит к сюжету «Добрыня и змей», а испытание калики ударом «черненого вяза» или палицы булатной — к былине о Василии Буслаеве и новгородцах. О позднем сложении произведения свидетельствуют также упоминание «Турченка да богатырченка» вместо традиционного татарина и отсутствие личного имени главного героя (ср. исторические песни и социально-бытовые баллады «Молодец и речка Смородинка», «Молодец и казна монастырская», «Правеж», «На литовском рубеже» — КД, № 54 и др.).

№ 263

Калика-богатырь

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 857—858 об. (л. 337—338 об.),полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 207, стб. 974—976.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «37». Справа помета наборщика: «Алексеев». Под текстом карандашом помета: «Запис⟨ано⟩ там же, 6 августа». Справа на полях: «№ 37. Калика-богатырь. 6 августа. Водлозеро».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Трофима Ивановича Суханова, крестьянина д. Охтом-остров на Водлозере, 70 лет.

Примечание А. Ф. Гильфердинга: ст. 63 «Замечание певца: „Богатыри ведь одной силы были"».

Примечание составителей: ст. 116 *силу неверному* — описка Гильфердинга (сохранена в 3-м и 4-м изданиях).

Один из двух известных науке вариантов этой редкой былины. По композиции, лексике, стилистическому оформлению тексты Т. Суханова и Т. Иевлева (Гильф., № 101) настолько близки, что не исключена их связь с общим первоисточником. Пудожский вариант полнее и точнее в деталях. Повествование здесь доведено до логического конца, образ калики подчеркнуто героизирован — киевские богатыри во главе с каликой разбивают турецкое войско («калика шла серединочкой», что в эпосе служит знаком старшинства и признанием особых воинских доблестей — богатырям-малолеткам обычно советуют ездить по вражеской рати только «с крайчику»). В былине Иевлева до битвы дело не доходит: вовремя пре-

дупрежденные каликой киевляне «сделали во городе ⟨...⟩ осторожности великии». Некоторые подробности повествования позволяют предположить, что Суханов сохранил прототекст лучше кижского певца. В его варианте описание вражеской «силы неверной» выдержано в традиционном духе (ст. 14—17); у Иевлева «силушка городова» (?) сравнивается с березовой рощей, невнятной выглядит характеристика Пучай-реки, «турченко да богатырченко» превращается в «турчанку». Суханов чаще использует повторы, придающие повествованию эпическую неторопливость и размеренность: калику-богатыря испытывают Алёша Попович и Добрыня, первый бьет его по голове «палицей», второй — «черлёным вязом» (у Иевлева — только Добрыня); герой подробно рассказывает о своей стычке с «турченком» (у Иевлева ретардация заменена лаконичным указанием на то, что киевские богатыри «стали всяких новостей выспрашивать»). В ст. 30 и 90 сказителем допущена оплошность — должно быть «уста запечатались», а не «запечалились» (ср. популярную на Пудоге просьбу Соловья-разбойника поднести ему чару с вином, поскольку от полученных в бою ран «у него уста запечатаны», «запеклись уста кровью горючею» — № 167 наст. тома, и др.).

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

(№ 264—265)

Несмотря на активную собирательскую работу в дореволюционные годы, этот сюжет на Пудоге не был обнаружен, все четыре записи сделаны в 1928—1940 гг. от исполнителей, охотно обращавшихся к печатным источникам (Н. Кигачев, И. Мишкин) или воспринимавших устным путем немало книжных по происхождению элементов (Г. Якушев, Н. Ремизов).

№ 264

Как перевелись богатыри

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 75—77, беловая запись; ед. хр. 12, тетр. 2, л. 146—146 об., полевая карандашная запись (полные строки); ед. хр. 19, л. 107—107 об., полевая карандашная запись; ед. хр. 19, л. 43 об. — конец былины. Опубл.: С.—Ч., № 18.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

№ 265

Куда девались богатыри киевские

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 48, ед. хр. 47, черновая рукопись.

Зап. Г. Н. Париловой: 1940 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 67 лет.

Прозаический пересказ былины в исполнении И. Мишкина сохраняет ряд мотивов классического сюжета о том, как перевелись на Руси киевские богатыри: вызов на бой «силы небесной»; удвоение призванных (либо оживших) воинов посредством рассечения надвое; окаменение богатырей.

Контаминация с сюжетом «Илья и Святогор» органична (гибель сильнейшего богатыря предваряет гибель всех остальных). О сходной контаминации см. коммент. к № 35 т. 16 «Былин Пудоги».

Специального объяснения требует имя главного противоборствующего героя — Авадона. Истоки этого имени Ю. А. Новиков (Новиков 2001, с. 18) возводит к библейскому «Аваддон». Возможны иные трактовки, ведущие к русским переделкам европейского рыцарского романа конца XVII—XVIII в.

Мотив окаменения в завершающей части былины, вполне традиционный, имеет близкие параллели в русском фольклоре и эпосе. В некоторых вариантах этого сюжета он заменен мотивом ухода богатырей в монастырь (Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878. С. 32; *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1884. Т. 3. С. 283—284).

Публикуется впервые.

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

(№ 266—273)

Конфликт Ильи Муромца с князем Владимиром — излюбленная тема пудожских сказителей. Местной эпической традиции известны почти все ее сюжетные модификации. Единственное исключение — бытовавшая на соседнем Кенозере версия сюжета «Илья Муромец и Калин-царь»: богатыря заключают в погреба за то, что он непочтительно обошелся с подаренной князем шубой (Гильф., № 257, 296). В подавляющем большинстве случаев рассказ о ссоре богатыря с князем контаминируется с другими былинами или включается в них на правах вставного эпизода, мотивирующего беззащитность Киева перед лицом вражеского нашествия («Илья и Калин»). К этим текстам примыкает сюжет «Илья и голи кабацкие», обычно выполняющий те же функции в былине «Илья Муромец и Идолище поганое».

В виде самостоятельной эпической песни «Бунт Ильи против князя Владимира» записан только на западе Пудоги от Н. Прохорова и его ученика Г. Якушева (вариант А. Пашковой правомерно вынести за скобки, поскольку он восходит к книге, а не к устной традиции). У двух других преемников «Утицы» Н. Ремизова и И. Фофанова эта былина механически соединена с сюжетом «Непра и Дон» (в репертуаре Прохорова это самостоятельные произведения — см. № 266, 267 наст. тома), а у П. Логинова столь же незакономерно завершает рассказ об отражении нашествия царя Калина. Данная версия сюжета по содержанию и композиции близка к вариантам Т. Рябинина и ряда других кижских сказителей. Оскорбленный тем, что князь Владимир не пригласил его на пир, Илья стрелами сбивает золоченые маковки с церквей и пропивает их с голями кабацкими; примирению конфликтующих сторон способствует Добрыня Никитич.

В центральной зоне Пудоги широкое распространение получил другой тип обработки сюжета, в котором элементы прохоровской версии искусно соединены с версией «Никита Заолешанин». В текстах А. Сорокина и его земляков бунт Ильи против князя рисуется с особым эпическим размахом и угрожает самому институту княжеской власти; в роли миротворца и здесь выступает тонкий дипломат Добрыня. (Подробнее см. преамбулу к сюжету «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и коммент. к № 192 наст. тома.) Видимо, эта модификация сюжета была известна и М. Мякишеву, в сводном пересказе которого описываются препирательства богатыря с князем по поводу места за столом («Неужель я приехал с воронятамы хлеба-соли кушать?» — № 286 наст. тома). Но в этом варианте дело не доходит до открытого столкновения — князь удовлетворяет желание богатыря занять на пиру почетное место. К данной версии примыкает былина Ф. Конашкова, без достаточных оснований отнесенная собирателями к сюжету «Илья и голи кабацкие» (см. коммент. к № 269 наст. тома). Да и в былине Т. Романова «Илья Муромец и Идолище поганое» на первый план выдвигается конфликт богатыря с князем Владимиром, а не с чумаками-целовальниками (№ 217 наст. тома). Ссора Ильи Муромца с Владимиром, приводящая к заточению богатыря, играет важную роль в ряде вариантов «Ильи и Калина»; поводом для нее становятся наветы клеветников на Илью

или появление незваного богатыря на княжеском пиру. В некоторых текстах эти мотивы не развернуты, но описываемая ситуация говорит сама за себя: Илья заключен в погреба, другие богатыри в знак протеста покидают Киев, и город оказывается беззащитным.

Об особой популярности комментируемого сюжета в Пудожском крае свидетельствует тот факт, что во многих текстах использованы элементы разных версий сюжета, а в варианте Г. Якушева (№ 268 наст. тома) сведены воедино практически все известные местной традиции эпизоды и мотивы, связанные с темой ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. От Ф. Конашкова и Н. Ремизова записаны былины, в которых этот конфликт играет важную роль (№ 269, 287, 249 наст. тома).

№ 266

О ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром

РГБ, ф. 125, п. 28, л. 191—192 об., беловая рукопись. Опубл.: Рыбн., 1861, № 18.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Бураково Купецкой вол. — от Никифора Прохорова (ок. 1820 г. р.).

Былина переписана набело рукой неизвестного переписчика, крупным почерком с наклоном вправо. Включена в раздел былин Купецкой вол., записанных от Н. Прохорова.

Пояснение П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 52 сокручилися вместо «сокрутилися», оделись.

Редакторская правка ограничивается выделением красных строк и разделов.

Один из лучших вариантов этой былины наряду со стариной Т. Рябинина (Гильф., № 76), неоднократно перепечатывавшийся в хрестоматиях и популярных изданиях русского эпоса. Тексты обоих сказителей чрезвычайно близки по содержанию и композиции; у Рябинина нет лишь заключительного монолога богатыря, в котором он заявляет, что до примирения с князем намеревался убить его. Динамичному развитию действия способствуют отсутствие развернутых описаний и характеристик, предельная простота и логичность сюжетной схемы. При выборе парламентера для переговоров с разгневанным Ильей Муромцем речь сразу же заходит о Добрыне, другие кандидатуры не упоминаются. Стандартная мотивировка (Илья и Добрыня — крестовые братья) дополняется тем, что побратимы дали зарок «слухать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго». Илья демонстрирует уважение к богатырскому «кодексу чести», признавая, что «нельзя закон переступить». Стилистическое оформление былины безупречно, не случайно составители хрестоматий и антологий обычно отдавали предпочтение именно записи П.Н. Рыбникова, а не более пространному варианту в записи А. Ф. Гильфердинга. В ст. 33, видимо, опечатка издателей или описка собирателя — в соответствии с логикой повествования и особенностями местного говора должно быть: «у них крестамы побратанось», а не «побраталось».

№ 267

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 201—203 (л. 218—220), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 47, стб. 233—236.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения, проставлена пунктуация и сделана помета под заголовком: «(См. Рыбник⟨ова⟩, т. I, 18)». Слева над текстом зачеркнута θ. Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 26 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 26 июля 1871 г., д. Марнаволок — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года (ок. 1820 г. р.).

Разночтения Гильф., № 47

После ст. 63 зачеркнуто *Его брата-то, брата крестоваго*; после ст. 65 зачеркнуто *А молодой Добрынюшка Никитинич;* ст. 63, 132 *Добрынушка* описка (?); последний стих ркп. *А впредь ты так не делай-ко* зачеркнут.

Вариант, записанный А. Ф. Гильфердингом, почти вдвое превосходит по объему запись П. Н. Рыбникова (140 стихов против 73). При повторном исполнении «Прохоров детализировал повествование (удлинил описание пира, усложнил диалоги и т. п.), но оно в данном случае от этого не выиграло» (Пропп—Путилов, I, с. 519). Более того, пропуск некоторых важных стихов (45, 51 в записи Рыбникова) привел к обеднению содержания былины.

№ 268

Илья Муромец и голи кабацкие

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 51—60, автограф; ед. хр. 12, л. 129—134, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (полные строки); ед. хр. 19, л. 93 об.—98 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (середина стихов). Опубл.: С.—Ч., № 8.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 9, 12, 19

Ст. 1 а наезжает (ед. хр. 19); ст. 3 ко солнышку ко *князю* (ед. хр. 12); ст. 4 а во *тую* (ед. хр. 19); ст. 13 *да* христосьскиих (ед. хр. 12); ст. 14 да обедне ведь (ед. хр. 19); ст. 40 ты да *еще* (ед. хр. 12), *ищо* (ед. хр. 19); ст. 44 пожалуйте *да* (ед. хр. 12); ст. 51 крёст-то *ведь* (ед. хр. 12), ведёт (ед. хр. 9); ст. 52 ведь (ед. хр. 12), ведёт (ед. хр. 9); ст. 60 заежжиех (ед. хр. 12, 19); ст. 61 заежжиех да захожиех (ед. хр. 12); ст. 68 с воронятамы (ед. хр. 12, 19); ст. 69 я *же* (ед. хр. 12); ст. 74 *особеню* (ед. хр. 12); ст. 77 ведите-*тко* (ед. хр. 12); ст. 78 секите-*тко* (ед. хр. 12); ст. 78 ремарка отсутствует (ед. хр. 12); ст. 84 Владимир *ты* (ед. хр. 12); ст. 86 ёны (ед. хр. 12); ст. 88 *от страху великого* (ед. хр. 12); ст. 93 паратные (ед. хр. 12); ст. 98 *есть погребы* (ед. хр. 12); ст. 101 видь (ед. хр. 9, 19); ст. 105 борцов-*то* ведь *да* (ед. хр. 12), находятся (ед. хр. 19); ст. 110 паратные (ед. хр. 12, 19); ст. 119 *золочёным* (ед. хр. 9); ст. 120 злачёным (ед. хр. 19); ст. 122 золочёные (ед. хр. 9); ст. 124 голи да кабацькии (ед. хр. 12), кабацкие (ед. хр. 19); ст. 127 золочёные (ед. хр. 19); ст. 134 отвориты (ед. хр. 19); ст. 144 неоккуратныи (ед. хр. 12); ст. 148 *ему* (ед. хр. 19); ст. 149 *ёму* (ед. хр. 19); ст. 152 московьская (ед. хр. 19); ст. 170 верным (ед. хр. 12); ст. 174 да с товарищьми (ед. хр. 19), да товарищми (ед. хр. 12); ст. 175 *Што* ... при сибе (ед. хр. 12), ст. 185 хотел-*то* (ед. хр. 12); ст. 186 видь (ед. хр. 12); ст. 193 столовую (ед. хр. 12); ст. 194 *все это* полным-полна (ед. хр. 12), полным-полно (ед. хр. 19); ст. 195 начальные слова *ище сколько* отсутствуют (ед. хр. 12); ст. 196, 197 отсутствуют (ед. хр. 12); ст. 197 ведь *во* место (ед. хр. 19); ст. 199 *князь стольнё-киевский* (ед. хр. 12); ст. 205 40 цифрами (ед. хр. 12); ст. 206 *выкинывал* (ед. хр. 12); ст. 214 принаелисе (ед. хр. 12), принайлисе (ед. хр. 19); ст. 219 заперайте (ед. хр. 12); ст. 224 *дубьем-колодьямы* (ед. хр. 12); ст. 228—229 ремарка отсутствует (ед. хр. 12); ст. 229 слово *Владимира* отсутствует (ед. хр. 19).

В былине Г. Якушева нет обычной для большинства сказителей ориентации на один прототекст, генетически она связана сразу с несколькими источниками. В основу повествования положена композиционная схема сорокинской версии сюжета (см. № 192 наст. тома, «Илья Муромец и Соловей-разбойник»), отку-

да позаимствованы содержание и последовательность основных эпизодов, целый ряд специфических деталей и формул (ст. 62, 119—122, 169 и др.). Правда, исполнитель опустил почти все, что не связано напрямую с конфликтом между богатырем и князем, но следы контаминированного прототекста («Илья Муромец и Соловей-разбойник» + «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира») сохранились: богатыря в Киеве никто не знает, он приезжает откуда-то издалека «во субботу Христосьскую». Столь явная близость былины Якушева к варианту А. Сорокина, возможно, объясняется непосредственными контактами с ним — по свидетельству собирателей, сумозерский певец «был известен Якушеву» (С.—Ч., с. 58). Другие элементы комментируемого текста восходят к былине Н. Прохорова, главного учителя Якушева (см. № 266, 267 наст. тома). Илья признается, что намеревался застрелить «князя со княгиною» из лука (ст. 185—187); у Сорокина угроза формулируется иначе: «Ежели не сделает князь по-моему, то он процарствует только до утрия!». Как и в прохоровском тексте, Илья и Добрыня — побратимы, у них «записи поделаны», чтобы во всем слушаться друг друга (ст. 176—178 и др.). Все это не вяжется с началом былины, где Илья изображается как заезжий богатырь, прежде не бывавший в Киеве (ст. 1—4, 27—43). Взбунтовавшийся Илья, как и в текстах Прохорова и Сорокина, демонстративно заключает союз с голями кабацкими; дипломатичный Добрыня вынужден уважительно называть их «товарищами, дружинушкой хороброю» (ст. 165—167, 173—175). Но заключительный эпизод (богатырь спускается «в погреба глубокии» и выкатывает оттуда бочки с вином) явно связан с сюжетом «Илья Муромец и голи кабацкие», популярным на Кенозере и юго-востоке Пудоги (ср. также № 278, 280 наст. тома). Последняя ремарка исполнителя свидетельствует о том, что ему была известна версия «Ильи Муромца и Калина-царя», осложненная мотивами ссоры богатыря с князем, заметно отличавшаяся от основного его варианта, восходящего к прохоровской редакции сюжета (№ 241 наст. тома). Не исключено, что Якушев был знаком и с текстом из «Книги былин» В. П. Авенариуса — он использовал нетрадиционный мотив-связку, сочиненный составителем для соединения сюжета о ссоре Ильи с Владимиром с былиной о нашествии татар (спустившегося за вином богатыря по приказу князя запирают в погребах — ст. 217—227; ср. с финалом «былины шестнадцатой» в сборнике Авенариуса — 4-е изд., М., 1893). Разговор с «хухарками да горничными», встреча с князем у входа в церковь — перенесение из былины о Дюке (ср. ст. 193—210 в варианте Якушева — С.—Ч., № 21). Формула «Кто пожалует — сын Ивановичь» (ст. 43), вероятнее всего, позаимствована из старин Ф. Конашкова, давнего приятеля Якушева (см. № 287 наст. тома, ст. 432 и др.).

Ориентация на разные первоисточники, стремление использовать в своей былине все известные ему эпизоды и мотивы не позволили сказителю добиться композиционной стройности и цельности произведения. В стилистическом плане этот текст также далеко не безупречен. В нем невысок удельный вес традиционных эпических формул, встречаются необоснованные повторы (ст. 28—30 и 33—40), небрежно оформленные стихи и тирады (ст. 22—25, 180—181, 203 и др.). Эти огрехи порой приводят к затемнению или искажению смысла (ст. 46, 68—69, 210—211, 216). Как и в ряде других текстов, Якушев часто отступает от общепринятых лексических канонов былинного эпоса (ступени парадные, балясы, товарищи, пожалуйста, неаккуратныи и т. п.). В ст. 40, видимо, собиратели допустили неточность — должно быть «посол лихоимскиих», а не «лицё лихоимскиих» (см. в других текстах сказителя — № 232 наст. тома, ст. 104; С.—Ч., № 21 «Дюк», ст. 222).

№ 269

Илья Муромец и голи кабацкие

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 10, л. 27 об.—29 об., перебеленная запись В. И. Чичерова; ед. хр. 25, тетр. 1, л. 286—290, карандашная полевая запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, тетр. 2, л. 102 об.—106 об., полевая запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 78.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25

Ст. 3 у нёго; ст. 5 А дожидал; ст. 9 ихной; ст. 10 середь города; ст. 15 А *ведь* второй; ст. 19 посацькии; ст. 20 *ведь* отсутствует; ст. 23 А *ведь* и все; ст. 25 потягёшенько; ст. 32 *Да* дорогих; ст. 34 А городьски вы голюшки посацьскии; ст. 36 Владимера; ст. 37 разнаи; ст. 39 А тут Илью; ст. 41 побóльше-ту; ст. 43 трои день; ст. 58 среди-*то* их а нихто нейде; ст. 59 *на* среднего; ст. 61 А нацялú; ст. 63 А похрабряе ён всих да *посмиляе всих*; ст. 76 *спереду зашел* в квадратных скобках; ст. 84 А выпивайте-ко да пропивайте-ко; ст. 86 А ведь тут *ли* голи *ты* да кабацькии.

Собиратели отнесли этот текст к сюжету «Илья Муромец и голи кабацкие» (С.—Ч., с. 363). В. И. Чичеров, готовивший к печати сборник «Онежские былины», в качестве самой близкой параллели привел рябининский вариант «Бунта Ильи Муромца против князя Владимира» (С.—Ч., с. 888). Вторая точка зрения представляется более обоснованной, но истоки конашковского текста следует искать не в Кижах, а в местной эпической традиции. Эта версия сюжета получила широкое распространение в районе Купецкого озера (см. № 266, 267, 243 наст. тома); в ней, как и в комментируемом тексте, Илья и Добрыня — крестовые братья, гнев богатыря мотивируется тем, что его «обнесли» (не пригласили на пир). В былине Ф. Конашкова есть явные переклички и с водлинской (сорокинской) версией сюжета. Илья сбивает стрелами маковки с княжеского терема, а не с церквей (ст. 25—30; последняя строка ошибочно отнесена собирателями к следующей фразе — ср. ст. 36 и ст. 29—30 в повторной записи, № 271 наст. тома); Добрыня усмиряет гнев крестового брата, захватив его сзади за плечи (ср. ст. 523—527 в былине А. Сорокина — № 192 наст. тома, «Илья и Соловей»). Сказитель не изображает второй пир, «задернутый» князем Владимиром ради окончательного примирения с Ильей Муромцем. Как и его друг Г. Якушев (№ 268 наст. тома, ст. 125 и др.), Конашков именует голей кабацких «городскими» и «посадскими» (ст. 19, 34), а князя Владимира однажды называет царем (ст. 79).

№ 270

Про Илью-богатыря

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, ед. хр. 36, л. 129—135, черновая рукопись.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

По содержанию повторная запись близка к первоначальной, сделанной в 1928 г., но на лексическом уровне заметно отличается от нее, что не свойственно Ф. Конашкову. Видимо, это сюжет не входил в активную часть репертуара сказителя, он не выработал более или менее стабильного текста и порой прибегал к импровизации. В двух вариантах небольшой по объему эпической песни немало разночтений в словесном оформлении эпизодов, используются просторечные речевые обороты (сравнение падающих золотых маковок с мелкими воробушками; описание пира голей кабацких — «да ни днем, да ни ночью утиху нет» и др.). Певец завершил повествование былинной концовкой («На тым былина и покончилась»), которую он позаимствовал в 30-е гг. у П. Рябинина-Андреева (Кижи).

Публикуется впервые.

№ 271

Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 2, тетр. 2, ед. хр. 49, черновая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами. Опубл.: Линевский, № 4. Заголовок имеет пояснение: «Про Илью Муромца и голи кабацкие». Вар.: С.—Ч., № 78.

Зап. Е. П. Родиной: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 78 лет.

Разночтения Линевский, № 4

Ст. 12 предшествует 11-му; ст. 14 *голи кабацкие*; ст. 15 Городские голи ... посацкие; ст. 22 предшествует 21-му; ст. 22 *Как* у теремов; ст. 27 в ркп. отсутствует; ст. 62 (ст. 60 ркп.) *А* как; ст. 74 (ст. 72 ркп.) Владимир-князь *миня да*; ст. 84 (ст. 83 ркп.) *Так* былина *и* поконцилась.

Перестановка слов: ст. 64 (ст. 62 ркп.) *Илья в нас*; ст. 66 (ст. 64 ркп.) *Как Добрыня был-то*; ст. 70 (ст. 68 ркп.) *Илья в меня*.

Три варианта — кижанина Рябинина (Гильф., № 76), пудожанина Прохорова (Гильф., № 47) и Конашкова, за исключенном некоторых деталей, по содержанию близки друг к другу. Учитывая крайнюю редкость этого сюжета, можно предполагать, что они исходят от одного общего источника.

Былина Конашкова занимает 82 строки, у Рябинина — 120 строк и у Прохорова — 70 (по записи Рыбникова), а по Гильфердингу — 140. Лаконизм на этот раз не отразился на сюжете и не повредил качеству конашковского варианта, введен ряд весьма ценных деталей, которые выделяют эту былину Конашкова даже при наличии двух вариантов от таких прославленных мастеров, как Рябинин и Прохоров. Оригинальные варианты этой былины записаны от Пашковой и Ремизова (см. БПК, № 2, 33).

Повторная запись былины, сделанная через десять лет после первой, свидетельствует о стабильности конашковского текста; незначительные изменения связаны лишь со стилистической его шлифовкой. Благодаря им более четким стало противопоставление князя и богатыря, который открывает свой «почесной пер» (пир) в центре Киева (ст. 6—10), сбивает стрелами маковки шелковыи с княжеских теремов (ст. 23—30, 53—56), а не с церквей, как у большинства прионежских сказителей, в том числе у Н. Прохорова и его преемников. Сказитель отказался от некоторых не совсем удачных формулировок (ст. 39—41, 49—50, 52, 58, 72—74 в первой записи), ввел в былину оригинальное сравнение падающих на землю маковок с мелкими воробушками (ст. 37—39), а также нетрадиционное описание разгула городской бедноты (ст. 45—47). Концовка былины («так былина и поконцилась» — ст. 84), вероятнее всего, позаимствована пудожским певцом у П. И. Рябинина-Андреева, с которым он неоднократно общался в конце 30-х гг.

№ 272

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Архив КФАН, ф. 1, кол. 12, ед. хр. 68, л. 713—724, перебеленная рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 2.

Зап. Е. С. Шоймер: 11 февраля 1939 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 74 лет.

Пояснение исполнительницы: «Не помню от кого (узнала былину. — *Сост.*). Может быть, и от тетушек. Они коротко былины пели. Может, и от коробейников» (л. 830).

«Вспомнить, от кого она переняла эту былину, Пашкова не могла: „Илья в ссоре — не помню, от кого слышала". Былина известна в нескольких, главным образом северных вариантах: Рыбн., № 119 (Гильф., № 47), Гильф., № 76, Мил., № 8. См. также: Марк., № 44, Кир. IV, с. 46, 49. Публикуемый текст в основном повторяет сюжетную схему прионежских вариантов (Гильф., № 47, 76), но вместе с тем обладает рядом оригинальных черт, отличающих его от всех известных былин на эту тему. Прежде всего необходимо отметить специфику образа Ильи у Пашковой. В противопоставлении богатыря князю и боярам она идет дальше других сказителей (ср.: Гильф., № 47, 76): разгневанный Илья не просто пьет с голями в кабаке, а устраивает свой „почестен пир", на который приглашает кроме голей кабацких „бедноту деревенскую", „лапотников", „балахонников". Близость богатыря к массам, его связь с нищетой бедняцкой неоднократно подчеркивается в былине. Встревоженный князь видит „в трубочку подзорную", что „Илья с беднотой да угощается"; об этом же говорит Илья, обращаясь к Добрыне:

„Не зазывал я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всех-то я голей кабацких".

Обычный конец былины — возвращение Ильи на княжеский пир и примирение его с Владимиром — в варианте Пашковой отсутствует. Мотив „заповедей" между крестовыми братьями также опущен, „зазывальщик" Добрыня остается пировать с Ильей, и оба они „ко Владимиру итти да не торопятся". Все это делает образ Ильи более последовательным и выдержанным до конца в духе социальных различий. В этом отношении характерны также заключительные строки былины, процитированные сказительницей из стихотворения А. К. Толстого „Илья Муромец". В подлиннике это четверостишие читается так:

„Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь,
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус".

Из других особенностей публикуемого варианта следует отметить эпизод приглашения Ильи на княжеский пир. В роли зазывальщиков кроме традиционного Добрыни выступают также Алёша Попович, Чурило Пленкович и Васька Долгополый (эпизодический персонаж, см.: Кир. IV, с. 7). При помощи различных поэтических приемов Пашкова дает краткие и выразительные характеристики этих богатырей. Не без юмора рассказывает она о Ваське Долгополом и его неудачно закончившейся миссии, устами Ильи резко осуждает Алёшу, высказавшего презрение к „нищете бедняцкой" (ст. 160—152), колоритно зарисован ею щеголь Чурило (ст. 167—171), который „с девицами призабавился" и забыл о поручении князя. ⟨...⟩

По мнению большинства исследователей, „Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром" — былина позднего происхождения, ее относят к эпохе Смуты (XVII в.), когда казаки и угнетенные крестьянские массы поднялись на борьбу с правительством и господствующими классами. Происходившие революционные события содействовали созданию образа богатыря, восстающего против князя. Былина подтверждает мысль об эволюции героев эпоса, о переосмыслении, которому они подвергаются в сознании народных масс под влиянием социально-исторических сдвигов» (БПК, с. 463—464).

Текст А. Пашковой представляет собой причудливую смесь традиционных мотивов и образов, восходящих к записям с Пудоги, из Кижей и Шенкурского уезда, с эпизодами и формулами, не всегда удачно стилизованными под фольклор. Составитель этого компилятивного по характеру произведения (а возмож-

но, и сама исполнительница, уловившая идеологические веяния своего времени) всеми доступными средствами подчеркивает социальную пропасть, разделяющую Илью Муромца и князя Владимира. Для этого широко используется нетрадиционная лексика (Илья пирует с «мужичками-лапотниками да балахонниками», «беднотой деревенской» и даже с «мещанами стрелецкими»), принципиально изменен финал повествования (не ясно, идет ли богатырь на компромисс с Владимиром; он продолжает пировать с «беднотой-крестьянами», вместе с ними остается и посланник князя, Добрыня). «Идеологическую заряженность» произведения усиливает неточная цитата из баллады А. К. Толстого «Илья Муромец» (ст. 231—234). С этой балладой Пашкова познакомилась в хрестоматии В. Острогорского «Живое слово» (СПб., 1916. С. 186), по которой она заучила также сорокинскую былину «Садко» (БПК, с. 462). Однако такой финал комментируемого текста не согласован с его началом, где в соответствии с эпическим каноном пир в великокняжеском тереме интерпретируется как своеобразный общественный форум, а приглашение богатыря на него — как признание его заслуг перед отечеством. Если отвлечься от индивидуальных привнесений исполнительницы, частично почерпнутых из книг, то выясняется, что ее вариант повторяет сюжетную схему былин Т. Рябинина и Н. Прохорова и местами текстуально совпадает с ними (см. Гильф., № 76 и № 266, 267 наст. тома). (Илья «с церквей кресты повыломал, золоты он маковки повыстрелил»; употреблен эпитет «дома питейные» — ср. вариант Рябинина; к другим былинам этого певца восходят эпитеты «площади стрелецкие», «рубашечки-манишечки»; испуганный князь «выходил на выходы высокие» — излюбленный эпитет Прохорова.) Обнаруживаются в этом тексте и отголоски контаминированной былины А. Сорокина: Илья устраивает пир для голей кабацких; Добрыня раздумывает, с какой стороны лучше подойти к разгневанному богатырю. Имя и характеристика Васьки Долгополого, неудачной посольской миссии которого посвящено почти 60 стихов, позаимствовано из архангельских вариантов «Ильи Муромца и Сокольника» (Кир. I, с. 46; Кир. IV, с. 6). Целый ряд речевых оборотов, отдельных слов и целых тирад не имеет ничего общего с былинным стилем — они либо сочинены Пашковой, либо заучены ею по печатным источникам (угощая голей, Илья «ковшом вино размиривает» — ст. 58; пируют они «за дощатыим столом да скородельныим» — ст. 201 и др.; Владимир считает зазорным лично «унимать» взбунтовавшегося богатыря — ст. 81—86; отправляясь на переговоры с Ильей, Чурила «надушился он да напомадился» — ст. 170; явным домыслом является описание стычки Ильи с Алёшей Поповичем, и по стилю оно диссонирует с типовой былинной фразеологией (ст. 151—156).

№ 273

Про Илью и голи кабацкие

Архив КФАН, р. III/2, № 184.02-185.01-186.02.

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Поет орденоносец Конашков. Былина „Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром". По Конашкову „Про Илью и голи кабацкие"».

Примечания составителей: ст. 3 и далее «пер» — искаж. «пир»; ст. 22 начало фонограммы № 185.01. Напев звучит на 1 тон выше; ст. 47 окончание фонограммы. На диске зафиксировано начало следующей строки: «А эдра[вствуй]». На диске № 186.02 записано окончание напевного фрагмента былины, которому предшествует эпизод (начиная с 22-й строки), исполненный ранее и зафиксированный на диске № 185.01. Повторенный эпизод имеет некоторые разночтения и пропуски строк:

57 Зак. 3427

[А не днем-то,] не ноч(и)ю да ути́ху нет.
А у князя-то да у Владимера
Пер-то с богатырямы да прикрощаетцэ,
А у Ильюши-то пер вперед-то весь да продолжаетцэ.
Тут Владимер-то кнас(и) да скручинил(ы)сэ,
А Владимер-то князь да ведь спечалилсэ:
«Розобье́т Илья у м'ня по городу по Ки́ёву
А все-ты те́рёма у м'ня да златовер(и)хии,
А выщеплет все у м'ня маковки да ведь шолко́выи.
А про[сить силь]ниих могучих [да] бога́тырей:
«Как сходите-тко, Ильюшеньку уговорите-ко,
Как бога́тыри вперед тольк[о]... от князя отказалисе
«Мы не сми́ём мы идти Добрыни уговаривать —
Как спустит в нас он стрелочки-ти ведь калёные».
Как нача́л Владимер-князь просити да Добрынюшку,
А Добрынюшка был да посьмиля́е всих —
А пошел-то Добрыня Ильюшки (в)уговаривать,
Как иде́ Добрынюшка- да ведь думает:
«Если зайти-то мне-ко-ва и спе́рёду,
То спустит мне-ка Илья стрелочки калёныи».
Как зашел-то Добрыннюшка и да сзаду ведь,
А пал-то Ильи на плечка на могучии.

Текст примыкает к записям этого сюжета, сделанным от Конашкова в 1938—1940 гг. Пропущены финальный эпизод и описание стрельбы Ильи Муромца по золоченым маковкам на теремах князя Владимира.

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

(№ 274—277)

Эта былина, популярная на Пинеге, Печоре, в Поволжье и ряде других регионов, в Онего-Каргопольском крае практически неизвестна в качестве самостоятельной эпической песни. Единственный классический ее вариант записан на Пудоге. Во всех других текстах рассказ о столкновении богатыря с разбойниками является первой частью более сложного по структуре сюжета «Три поездки Ильи Муромца» или включен в былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник» на правах вставного эпизода (такая модификация данного сюжета характерна для архангельско-беломорской традиции, олонецкие ее варианты, вероятнее всего, восходят к книжным источникам — см. Новиков 2001, сюжет 14, № 15). Два текста, записанные на Кенозере и Пудоге, представляют собой первую часть «Трех поездок Ильи Муромца», о чем свидетельствует наличие мотива трех дорожек (см. коммент. к № 275 наст. тома, И. Захаров). Вместе с тем в ряде пудожских записей сохранились отдельные детали, характерные именно для старины об Илье Муромце и разбойниках (см. преамбулу к сюжету «Три поездки Ильи»); не исключено, что в недалеком прошлом эта эпическая песня занимала достаточно прочные позиции в местном репертуаре.

№ 274

Поездки Ильи Муромца

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 899 и об. + один чистый лист (л. 382—383), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 216, стб. 1022—1023.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена пунктуация. Под текстом: «Конца не знает. Записано на Водлозере, 6 августа». На обороте чистого листа помета: «№ 38. Илья (То же, что Дюк)». Возможно, Гильфердинг имел в виду размер стиха.

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 6 августа 1871 г., Водлозеро — от Матвея Федоровича Нигозёркина, крестьянина д. Чуялы на Водлозере, более 40 лет (ок. 1830 г. р.).

Примечание А. Ф. Гильфердинга: ст. 19 к словам «не надержишься» на полях записано пояснение певца: «Помрет скоро».

Разночтения Гильф., № 216

Ст. 21 *богачеству* описка; ст. 24 испр. из: *Во дороженку широкую.*

Сказитель утверждал, что былинам научился «от старика, проезжавшего из-за Кенозера через его деревню» (Гильф. III, с. 127). Комментируемый текст — единственный, генетическая связь которого с кенозерской традицией не вызывает сомнений. М. Нигозёркин запомнил только первую часть былины; действие в ней развивается по стандартной для Онего-Каргопольского края схеме. В деталях повествования, в описаниях немало близких параллелей и буквальных совпадений с вариантами И. Сивцева-Поромского и его преемников, в частности К. Артемьевой (записи 1958—1959 гг.). Несмотря на фрагментарность текста стилистическое его оформление безупречно, лишь 4-й стих, навеянный лозунгами официальной пропаганды той поры, диссонирует с традиционным лексиконом народного эпоса.

№ 275

Поездки Ильи Муромца

РО БАН, 17.10.18, фол. 2, л. 829—830 (л. 302—303), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 197, стб. 946—947.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнуто число «41». Под текстом: «Дальше не помнит». Ниже: «Запис⟨ано⟩ там же, 7 августа». На обороте листа помета: «№ 41. Илья и Идолище. 7 августа».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 7 августа 1871 г., д. Куганаволок на Водлозере — от Ивана Григорьевича Захарова, крестьянина д. Пога на Водлозере, 82 лет.

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 27 к слову «пленичники» на полях: sic.

Разночтения Гильф., № 197

Ст. 17—18 цифрами помечены к перестановке; ст. 23 испр. из: *Мне-ка, стару*; после ст. 44 зачеркнуто *Вы ступайте-ко, розбойники*; ст. 45—47 были записаны в следующем порядке: 47—45—46, и цифрами помечены к перестановке.

В тексте рассказывается лишь о первой поездке героя. Смягченная развязка повествования (богатырь велит уцелевшим «станичникам-пленичникам» разойтись по пустыням и монастырям) не характерна для этого сюжета; в сочетании с мотивом трех дорожек она встречается в ряде записей былины «Илья Муромец и разбойники» из Поволжья, где бывал И. Захаров — по свидетельству А.Ф. Гильфердинга, человек «волокитный» (Гильф. III, с. 9). Однако название старины свидетельствует о том, что сказитель осознавал свой вариант как начало эпической песни о трех поездках Ильи Муромца. С местной традицией связаны также ст. 3—12 — перенесение из прионежской редакции «Наезда литовцев» (плач князя Романа о старости), упоминание «полей Елесиных» («поля Елесины», «Елисей-река» фигурируют в былинах ряда олонецких певцов — см. коммент. к № 242 наст. тома, Сорокин, «Илья Муромец и Калин-царь»). Формула «да по русьскому [сказать] воры разбойники» (ст. 27—28), подчеркивающая существование языкового барьера, изредка фиксировалась в разных регионах Русского Севера, в том числе на Кенозере и Выгозере (Гильф., № 173, 266 и др.). Некоторые детали, видимо, связаны с индивидуальными привнесениями сказителя (обычно безымянный придорожный камень назван Латырем; Илья избивает разбойников «шелковой плёточкой»; в духе народной этимологии разбойники именуются станичниками, пленичниками). Как и в ряде других записей былин «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец и разбойники», главный герой ни разу не назван по имени — сказитель последовательно использует метонимические замены: стар, старой, старая старейшина.

№ 276

Илья Муромец и станичники

Шайжин, с. 76—77.

Зап. Н. С. Шайжиным: 1904 г., д. Ижгора Нигижемской вол. Пудожского у. — от Тихона Александровича Фешева (возраст не указан).

Текст по всем параметрам укладывается в традиционную сюжетную схему и генетически не связан со сходной по содержанию первой частью «Трех поездок Ильи Муромца». В нем нет мотива трех дорожек, не упоминается придорожный камень с надписью — богатырь случайно встречается с разбойниками; он не убивает их палицей, шеломом или шляпой, а только устрашает, разбивая стрелой «дуб крятновистой». Повествование завершается назидательным монологом Ильи, рекомендующего раскаявшимся разбойникам бросить их опасное ремесло (ст. 39—44). Текст свидетельствует о высоком исполнительском мастерстве сказителя, хорошо владевшего былинным стихом, обширным запасом поэтических формул, многие из которых основаны на параллелизмах, анафорах и подхватах. Обращает на себя внимание употребление слова «поле» в одном из древнейших его значений — враждебные кочевники, обитавшие в приграничном «чистом поле» («поле половецкое», «поле турецкое» и т. п.):

«Не боюсе я да сорока воров,
Не страшусе я да поля целого».

№ 277

Встреча с разбойниками

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 17, л. 86—87 об., беловая рукопись, карандаш, частично правленый чернилами.

Зап. В. Р. Дмитриченко: август 1938 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Исполнитель указал источник своей былины: «Читал в „Народной поэзии"» (БПК, с. 489 — имеется в виду хрестоматия А. Оксенова). И действительно, начиная с 22-го стиха, Кигачев близко к тексту повторил одну из симбирских записей, опубликованных в сборнике (Кир. I, с. 25) и перепечатанную в хрестоматии Оксенова. Расхождения касаются перестановки стихов и замены отдельных слов их синонимами (Илья стрелой расшиб дуб не по «по мелким ножовым череньям», а «по ластиньям» — ср. с былиной П. Калинина «Добрыня и Настасья» — СБ 16, № 164). Заключительный монолог богатыря (он советует разбойникам «бросить эту работушку»), видимо, сочинен Кигачевым. В первой части текста описываются седлание коня и сборы богатыря в поездку; здесь использованы оригинальные детали из былин А. Чукова («Добрыня и Змей» — Гильф., № 148, ст. 143—161) и Т. Рябинина («Добрыня и Василий Казимирович» — Гильф., № 80, ст. 245—247).

Публикуется впервые.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

(№ 278—285)

Большинство записей этой былины сделано в Онего-Каргопольском крае. По мере удаления от Кенозера, где отмечено наиболее активное бытование сюжета, его популярность заметно падает. На островах Онежского озера и в прибрежных селениях, включая Пудожский берег и устье Шалы, «Три поездки Ильи» знали в основном те, кто был знаком с эпической традицией соседних регионов или пополнял свой репертуар за счет заимствований из книги (кижане В. Щеголенок, П. Горшков, пудожане И. Фепонов, А. Пашкова, Н. Кигачев).

Исследователи не без оснований считают «Три поездки Ильи Муромца» сравнительно поздним образованием. Эта былина не оригинальна по содержанию, в ней использованы стандартные сюжетные коллизии, преобладают типовые детали и формулы, известные по другим эпическим песням; вступление, вторая и третья части насыщены сказочными элементами. Рассказ о приключениях героя на прямоезжей дороге представляет собой переработку старины «Илья Муромец и разбойники», в которой усилены героические мотивы (богатырю грабители попадаются не случайно, он сознательно едет навстречу смертельной опасности; «станица» из сорока разбойников иногда превращается в сорокатысячное войско; в финале Илья не просто усмиряет разбойников, а истребляет их). Со сказками сближает эту былину и трехчастное построение, подчеркнутое самим ее названием. Функции своеобразного «замка», прочно скрепляющего все элементы сложного сюжетного построения, выполняет мотив трех дорожек и стоящего на перекрестке камня с надписью-предупреждением. С него начинается повествование, к этому камню богатырь возвращается после поездки по каждой дороге, чтобы исправить «фальшивые» пророчества. Придорожный камень в значительной мере условный образ — он маркирует границу своего относительно безопасного мира, а «подпечатанная» на нем надпись адресована только тем, кто приезжает на «ростань» со стороны былинной Руси.

Своеобразная редакция «Трех поездок Ильи Муромца» зафиксирована на Колодозере. В текстах Т. Романова и колодозерского старика (см. № 280, 278 наст. тома) разбойники стоят на заставе, охраняя «Землю Латинскую»; уничтожив их, Илья приезжает в «город Латинский» и пирует с голями кабацкими. Необычный для олонецкой традиции, немотивированно усложненный способ расправы с врагами можно рассматривать как косвенное свидетельство генетической связи данной редакции сюжета с былиной «Илья Муромец и разбойники»: пущенная богатырем стрела «разрывает» сырой дуб «на мелкие ножовыя череньица»; разлетевшись в стороны, они убивают разбойников. (Ср. с вариантом мошенского певца Н. Швецова, в котором Илья пускает стрелу в землю, но потом все-таки истребляет разбойников — Гильф., № 305.) В других онего-каргопольских вариантах богатырь уничтожает врагов палицей, копьем,

колпаком, плетью и т. п. Заключительный эпизод — герой добывает золотую казну, победив «поганое чудище», — вероятнее всего, восходит к волшебно-героическим сказкам. Как правило, в олонецких былинах рассказывается о погребе, заваленном огромным камнем, поднять который способен только Илья Муромец.

Другие пудожские записи «Трех поездок Ильи Муромца» композиционно устойчивы и отличаются друг от друга только большей или меньшей полнотой.

№ 278

Илья Муромец

Рыбн., 1861, № 11. «Об Илье Муромце».

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Колодозеро Пудожского у. — от крестьянина, 90 лет.

В конце текста помета: «Пудожский уезд, в Колодозере. Записано от девяностолетнего старика», а также пояснения П. Н. Рыбникова: «От этого же старика я слышал про Илью Муромца побывальщину. Илья Муромец, разъезжая по белу свету, наехал на паленицу Авдотью Горынчанку и одолел ее с бою. От него Авдотья понос понесла и родила сына богатырскаго. Возрос сын и отправился поляковать по раздельицу чисту полю. В стрету ему попался Илья Муромец, после долгаго упорнаго боя повалил на земь и под кижалищем выпытал у него, что он есть сын Авдотьи Горынчанки. Сын, узнавши о своем происхождении, решился отомстить за позор матери, сковал себе палицу во триста пуд и нагнал стараго в чистом поле. Илья спал богатырским сном, как Бориска ударил его палицей стопудовою, угодил было прямо в белую грудь, да не мог просечь чуднаго креста. Тут же Илья и убил его. Как поехал ко городу ко Киеву, видит — мать дерется с Добрыней, а Добрыня кричит ему во всю голову: „Убил меня богатырь великий, пособи мне с богатырем дратися!"

Говорил Илья таковы слова:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитинич!
Ты не знаешь у богатыря места пухлаго,
Пухлаго места...:
А ты бей-ка богатыря по щеке,
Пинай-ка богатыря..."»

Колодозерская редакция сюжета, к которой относится данный текст, в композиционном плане значительно отличается от большинства других олонецких записей былины. Первую дорожку «запирают» сорок разбойников — застава короля Латынского; подробный рассказ о посещении столицы этого королевства по содержанию идентичен былине «Илья Муромец и голи кабацкие» (ст. 55—85); в третьей поездке богатырь добывает золотую казну, победив «поганого чудища». По такой же схеме развиваются события и в тексте Т. Романова, земляка колодозерского старика (№ 280 наст. тома). В обоих вариантах встречаются также лексические переклички с былинами кенозерских певцов (см. коммент. к № 280 наст. тома), формула «У тебя есть ли охота, горит ли душа» (колодозерский старик неоднократно использовал ее и в старине о Ставре — Рыбн., № 167, ст. 111, 124, 146, 170); некоторые словосочетания совпадают почти дословно (ст. 8, 25—27, 53, 76, 106 у колодозерского старика и ст. 8, 23—24, 58, 74, 103 у Романова). Такое обилие схождений свидетельствует о близком родстве колодозерских вариантов былины, а отдельные пропуски и неточности, допущенные Романовым, правомерно рассматривать как доказательство вторичности его текста (вопреки традиции сказитель поменял местами вторую и третью поездки; в заключительной части былины не упоминается золотая казна, из-за чего предсказание «где богату быть» остается нереализованным). В ряде случаев Романов модернизировал былинную лексику, отдавая предпочтение более употре-

бительным бытовым словосочетаниям: жонату быть—женитися, прекрасная королевична—прекрасная девица, метал (королевичну) — бросил, кроваточка овёршая—кроваточка подложная. Эти замены также косвенно свидетельствуют о первичности варианта колодозерского старика.

№ 279

Три поездки Ильи

ГИМ, ф. 56, ед. хр. 264, л. 69—70 об., 71 об., 38, полевая запись. Опубл.: Рыбн., 1862, № 62 «О трех поездках Ильи Муромца».

Бумага большого формата, плотная с желтоватым оттенком, листы сложены вдвое; почерк крупный, размашистый. Правка по всему тексту; установить, кому она принадлежит, П. Н. Рыбникову или П. А. Бессонову, сложно. За счет удвоения строк объем былины при публикации возрос по сравнению с рукописью на 10 строк. Листы рукописи в ед. хр. 264 смешаны, конец былины — л. 38, начало — л. 69.

Зап. местным писарем: лето 1860 г., д. Сумозеро Филимоновской вол. — от Андрея Пантелеевича Сорокина, крестьянина д. Новинка на Сумозере, 32 лет (ок. 1828 г. р.).

Запись сверена П. Н. Рыбниковым при прослушивании текста летом 1861 г.

Разночтения Рыбн., № 62

С. 1—2 (ст. 1 ркп.) *Старой казак езживал От младости и до старости*; ст. 6—7 (ст. 5, 6 ркп.) *да* отсутствует; ст. 20—21 (ст. 19 ркп.) *Приезжал как он к тем горам, К тем горам да к высокиим*; ст. 31—32 (ст. 29 ркп.) *Только у меня добрый конь, Добрый конь в три ста рублей*; ст. 41—42 (ст. 38 ркп.) *Тую запись поднавливал, Что «В ту дорожку ездил — убит не был»*; ст. 46—47 (ст. 42 ркп.) *Выезжал как он на ты на поля на чистыя, На чистыя поля, на луга на зеленые*; ст. 58 (ст. 54 ркп.) сахарныя; ст. 79, 85, 86 *да* вычеркнуто; ст. 98 (ст. 94 ркп.) по чисту; ст. 110—111 (ст. 106 ркп.) *Опять как выезжал на поля на чистыя, На поля на чистыя, на луга на зеленые*; ст. 112 (ст. 107 ркп.) глубокие; ст. 113—114 (ст. 108 ркп.) *Насыпаны все краснаго золота, Краснаго золота, чистаго серебра*; ст. 120—124 (ст. 115—116 ркп.) *Построил монастыри богомольные, построил церкви соборныя, Повел тут пение церковное, Пение церковное, звоны колокольные*; ст. 133 (ст. 125 ркп.) добрый; ст. 135 (ст. 127 ркп.) в ркп. скобки отсутствуют.

Один из лучших прионежских вариантов этой былины. Ее трехчастная структура подчеркивается не только «поднавливанием» подписи на придорожном камне после каждой поездки, но и троекратным повторением формулы быстрой езды: «Ехал он ровно три часа, проехал ровно триста верст». Текст содержит все типовые элементы олонецкой редакции сюжета; лишь в последнем эпизоде не сказано, что доступ к золотой казне преграждает тяжелый камень, который безуспешно пытались «отвернуть» многочисленные искатели сокровищ. А. Сорокин рисует героя как могучего воина, бескомпромиссного по отношению к врагам, правдивого и бескорыстного в быту. Илья Муромец освобождает первую дорожку от сорока разбойников, избивая их богатырской палицей «сто девяносто пуд»; он раздает «именье-богачество» королевны-прелестницы пострадавшим от нее людям, а «полаты белокаменны» предает огню; найденные в погребах богатства жертвует на строительство монастырей и церквей. Заключительный эпизод (ст. 132—138) производит впечатление искусственного новообразования — он и по содержанию не обязателен, и оформлен не совсем удачно. Оригинальные детали повествования и лексическое оформление некоторых эпизодов сближают комментируемый текст с вариантами Г. Амосова, И. Фепонова, Г. Якушева и С. Якушевой. Все пять сказителей одинаково описывают необычно быструю поездку Ильи Муромца, совпадает у них и характеристика городка королевны («городом назвать — так он мал стоит, а селом назвать — так он велик стоит»;

этой формулы нет только у С. Якушевой); предлагая богатырю позабавиться с ней, королевна уговаривает его «досыта не наедаться, допьяна не напиваться» (данный мотив есть и в былине кенозёра А. Гусева — Гильф., № 287). Свой отказ ложиться «о стеночку» Илья мотивирует тем, что у него, «у старого мочь не держится» (А. Сорокин, Г. Амосов, И. Фепонов, С. Якушева, а также кенозёры И. Третьяков и А. Гусев — Гильф., № 266, 291); с коварной обольстительницей богатырь расправляется, привязав ее к жеребцам «неезженым (неучам)» и «раздернув» ее «по чисту полю» (№ 279, 281, 284, 285 наст. тома).

№ 280

Три поездки Ильи Муромца

Рыбн., 1864, № 12.

Зап. неустановленным лицом: д. Пирзаковская Колодозерской вол. — от Трофима Романова (прочие сведения отсутствуют). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 54 горей — вместо «голей», игра слов; ст. 63 стих испорчен: «Коли умели старую собаку матерую С пути-дороги встретити, Так подьте-принесите королю Латинскому».

Текст принадлежит к оригинальной редакции сюжета, в двух вариантах зафиксированной на Колодозере (см. также № 278 наст. тома). Традиционное повествование осложнено рассказом о пребывании Ильи Муромца в «Земле Латинской», разбойники осознаются как застава ее короля. Весь этот вставной эпизод (ст. 52—80) представляет собой слегка трансформированный сюжет «Илья Муромец и голи кабацкие». Сказитель поменял местами вторую и третью поездки богатыря; поехав по той дороге, где «богату быть», Илья убивает «поганого чудища». Этот фрагмент сокращен до такой степени, что даже не упомянуты доставшиеся герою сокровища. Упоминание «кожана», употребление эпитета «латинский» сближают былину пудожского певца с кенозерскими вариантами разных сюжетов (ср. Гильф., № 229, 240 и др.). Романов, как и колодозерский старик, использует эпическую формулу «У тебя есть ли охота, горит ли душа?». С вариантом этого сказителя немало перекличек и на лексическом уровне (ст. 8, 23—24, 58, 74, 103). Все эти схождения частично подкрепляют предположение П. Н. Рыбникова, считавшего колодозерского старика непосредственным учителем Романова (Рыбн., т. 1, с. LXXXVIII); другие старины сказителей-земляков не столь близки по содержанию и стилю. Как и в былине Амосова с Пудожского берега (№281 наст. тома, ст. 109), отказ Ильи Муромца ложиться «вперед на кроватку тесовую» (т. е. к стене) мотивируется ссылкой на неписаные правила бытового этикета («Когда ложится мужик вперед на кроватку тисовую?» — ст. 99). Т. Романов хорошо владел былинным стихом, обширным запасом традиционных эпических формул, но порой сбивался на прозаизмы (ст. 63, 80, 87, 107); видимо, корреспондент Рыбникова записывал его былины не с пения, а под диктовку.

№ 281

Три поездки Ильи Муромца

Рыбн., 1864, № 11.

Зап. неустановленным лицом: июль 1863 г., Уношский погост Пудожского у. — от Гаврилы Амосова (прочие сведения отсутствуют). Получено П. Н. Рыбниковым в чужой записи.

В конце текста указано, что былина записана «в июле месяце 1863 г.».

Пояснения П. Н. Рыбникова: ст. 22 статьников — от корня «тать», вор; ст. 127 липеньи — дверные притолоки.

Текст по всем параметрам близок к варианту А. Сорокина (№ 279 наст. тома). Сюжетное действие развивается по той же схеме, лишь в третьей части Г. Амосов сохранил традиционный мотив, отсутствующий у его земляка: чтобы завладеть кладом, Илье Муромцу приходится пускать в ход свою богатырскую силу. Обилие параллелей в деталях повествования, отмеченных в комментарии к былине Сорокина, свидетельствует об устойчивости данной обработки сюжета, позволяет предположить, что тексты Амосова, Сорокина, Фепонова, супругов Якушевых имеют общие генетические корни. Еще больше схождений в подробностях изложения, словоупотреблении с вариантом С. Якушевой (№ 284 наст. тома). Илья требует у служанок королевны ключи от «погреба глубокого», а не получив их, каблуком вышибает дверь; таким же способом он «выкатывает» камень и «выпинывает» чугунную плиту, закрывающую вход в погреб с кладом; коварную обманщицу передает в руки пострадавших от нее незадачливых «женихов»: «Что знаете, то над ней и делайте». Типовая мотивировка отказа богатыря ложиться на кровать «о стеночку» дополнена ссылкой на правило бытового этикета: «А мужской пол лежит на краечку» (ср. № 280 наст. тома, Т. Романов). В стилистическом отношении текст Амосова заметно уступает вариантам Фепонова и Сорокина.

№ 282

Последняя поездка Ильи Муромца

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 263—265 (280—282), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 58, стб. 310—313.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами проставлена только пунктуация. Слева над текстом зачеркнута буква «Я». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 28 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 28 июля 1871 г., Шальский погост Пудожского у. — от Ивана Федоровича Фепонова, слепого крестьянина д. Мелентьевской Купецкой вол. Пудожского у., 50 лет.

Разночтения Гильф., № 58

Ст. 46 испр. из: *взад-тот ма́хнет*; ст. 76—77 испр. из: *старый да*; ст. 93 и 94 помечены к перестановке; ст. 108—109 испр. из:

А берет-то старый ведь Маришку за белы руки,
Ай выводил-то Маришку во чисто поле.

Ст. 124 испр. из: *насыпан-то*; ст. 128 испр. из: *сходил-то ведь*.

Самый сбалансированный, безупречный по стилистике, продуманный до мелочей пудожский вариант этой былины. Строго придерживаясь типовой для местной традиции композиционной схемы, сказитель использовал ряд оригинальных деталей и формул, известных его землякам и современникам А. Сорокину и Г. Амосову (см. коммент. к № 279, 281 наст. тома). С текстом второго певца совпадает еще одна формула: приглашая Илью Муромца за стол, «душечка Маринка ⟨...⟩ сама отходя да поклоняется» (ср. ст. 85 в № 281 наст. тома). Обычно безымянную королевну Фепонов называет Маринкой (Маришкой), что, по мнению А. М. Астаховой, явилось «начальным моментом смешения» сюжетов «Добрыня и Маринка» и «Три поездки Ильи Муромца» у ряда прионежских сказителей XX в. (Аст. 2, с. 735; подробнее см. коммент. к сюжету «Добрыня и Маринка»). Финальный эпизод («сила ангельска» заносит богатыря «во пещеры киевски»), вероятнее всего, навеян местными легендами, в которых Илья Муромец порой отождествляется с Ильей-пророком. Вместо придорожного камня с надписью-предупреждением в комментируемом

тексте фигурирует «дубовый столоб» (ср. с некоторыми пудожскими вариантами старины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — № 191 наст. тома, ст. 79 и др.). Необычный глагол «зафальшивливать» (ст. 50 и др.) есть также в былине Г. Якушева (№ 283 наст. тома, ст. 66 и др.), который считал Фепонова одним из своих учителей. Эпизод, в котором атаман велит разбойникам прекратить затянувшиеся переговоры со «старым» и рубить ему голову (ст. 37—42), характерен для старины «Илья Муромец и разбойники». Его наличие в былинах И. Фепонова и других пудожан (№ 278, 280 наст. тома) правомерно квалифицировать как следы этого сюжета, послужившего «строительным материалом» для «Трех поездок Ильи» (ср. также текст кенозерского сказителя А. Гусева — Гильф., № 287). Редкое в былинах диалектное слово «шуба-кошуля» (ст. 34) почти через сто лет зафиксировано на Кенозере (вариант К. Артемьевой). Других близких параллелей с кенозерско-каргопольской традицией нет, что противоречит версии А. Ф. Гильфердинга о восточном происхождении эпического репертуара Фепонова.

№ 283

Илья Муромец и Елена-королевична

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, тетр. 2, л. 61—65 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (начала стихов); ед. хр. 5, тетр. 6, л. 189 об.—194 об., перебеленная полевая запись; ед. хр. 11, л. 136—145, полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (иногда неполные строки). Опубл.: С.—Ч., № 7. Заголовок имеет пояснение «Три поездки Ильи Муромца».

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 11—12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Разночтения ед. хр. 5, 11

Ст. 1 *ай* (ед. хр. 11); ст. 3 *как* наехал (ед. хр. 5, тетр. 2); ст. 17 а на *што* (ед. хр. 5); ст. 24 на́ гору *да* (ед. хр. 11); ст. 28 40 цифрами (ед. хр. 11); ст. 40 500 цифрами (ед. хр. 11); ст. 41 а седе́лышко (ед. хр. 11); ст. 46 *а* ведь (ед. хр. 11); ст. 47 предать (ед. хр. 11); ст. 48 *а ведь* тут-то (ед. хр. 11); ст. 49 топеричу (ед. хр. 11); ст. 52 окаянны*х* (ед. хр. 11); ст. 53 а у ёго бы*ли* (ед. хр. 5, тетр. 2); ст. 59 *он махнет — туды* (ед. хр. 5); ст. 60 переулочек (ед. хр. 5); ст. 66 зафольшиви-то (ед. хр. 5); ст. 67 а на *ту* (ед. хр. 5); ст. 73 *а ведь ездил да* (ед. хр. 11); ст. 82 за злачёные (ед. хр. 5); ст. 96 а Елёнушка *он⟨а⟩* (ед. хр. 5); ст. 97 к рыбий зуб (ед. хр. 5); ст. 105 о краицок (ед. хр. 5, 11); ст. 108 тут *да* о (ед. хр. 5); ст. 114 на краваточку (ед. хр. 5); ст. 117 купцёв *да* (ед. хр. 5); ст. 120 Ильюшеньки (ед. хр. 11); ст. 121 разгорелось сердце богатырьское (ед. хр. 5); ст. 128 ремарка отсутствует (ед. хр. 5); ст. 132 *те* (ед. хр. 5); ст. 137, 139 злачёных, злачёныи (ед. хр. 5); ст. 153 *я так не буду делать-то* отсутствует (ед. хр. 5, 11); ст. 156, 157 отсутствуют (ед хр. 11), записаны лишь начальные слова:

А вперед...
А скоро прощу...
Скоро... (ед. хр. 5, тетр. 2);

ст. 158 Муромець (ед. хр. 5); ст. 164 *кожа-то* лопнула (ед. хр. 5); ст. 169 Ильюшенько (ед. хр. 5); ст. 170 камешек (ед. хр. 5); ст. 171 ту *сторонушку* зафальшивел-то (ед. хр. 5); ст. 172 а ту⟨*т*⟩ (ед. хр. 5); ст. 180 а набирал каменья *самоцветные* (ед. хр. 5, тетр. 2); ст. 181 а поехал *он* (ед. хр. 5); ст. 182 читается неясно (ед. хр. 5); ст. 188 *а свой-то Змею да ведь шляпою* (ед. хр. 5); ст. 190 *трихоботная* (ед. хр. 11); ст. 192 ножищё-кинжалищё (ед. хр. 5); ст. 199 надпись *сторонку* зафальшивел-то (ед. хр. 5, тетр. 2); ст. 201 а убит-*то* (ед. хр. 11); ст. 202 во стольней град (ед. хр. 11).

Вариант принадлежит к той же модификации сюжета, что и былины Г. Амосова, А. Сорокина, И. Фепонова. Из пяти оригинальных деталей, отмеченных у старших по возрасту земляков Г. Якушева (см. коммент. к № 279 наст. тома), одна у него отсутствует (мотивировка нежелания Ильи ложиться «о стеночку»), а вторая заменена перенесением из исторической песни «Кострюк» (расправа с королевной-обманщицей; ср. вариант самого Якушева — С.—Ч., № 33, ст. 115—123). Некоторые нестандартные подробности еще больше сближают комментируемый текст с былинами Амосова (Илья избивает разбойников шляпой, а не палицей, как обычно) и Фепонова (после каждой поездки богатырь возвращается к камню и «зафальшивливает» соответствующую часть надписи). Формула «А Ильи то как слава не минуется» была известна Н. Прохорову, главному учителю Якушева (Мил., № 94 «Поездка Василия Буслаева»). В целом придерживаясь композиционных и стилистических канонов былевой поэзии, в одном случае сказитель допустил смысловую неувязку: на всех трех дорожках предрекается смерть (ст. 7—11).

№ 284

Об Ильи Муромце-богатыре

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 6, ед. хр. 90, л. 87—91 (л. 118—121), перебеленная рукопись, чернила.

Зап. Е. А. Белово̀вой: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Степаниды Васильевны Якушевой, уроженки д. Семеново Пудожского у., 56 лет.

В конце текста примечание: «Составила Якушева Ст⟨епанида⟩ Вас⟨ильевна⟩. Писал Н. Якушев».

Данный вариант — типичный образец местной обработки сюжета, представленной также былинами Г. Амосова, А. Сорокина, И. Фепонова, Г. Якушева (см. коммент. к № 279 наст. тома); в нем нет только характеристики «поселья» королевны-обманщицы («городом назвать — так он мал стоит»). Особенно много схождений с текстом Амосова. С разбойниками богатырь расправляется, размахивая своим «шелковым пуховым колпаком» (а не палицей); не получив у «нянек-служанок» ключей от «от погребов глубоких», Илья вышибает дверь «каблучком богатырскиим»; таким же способом он «выкинул» камень, под которым спрятано «злато-серебро»; коварную хозяйку герой передает в руки обманутых ею «женихов» («с невестой, что знаете, то и делайте»). О генетическом родстве этих текстов свидетельствует и обилие совпадений на лексическом уровне («статнички-разбойники», «стали пощалкивать да поколачивать»; стал колпаком «помахивать», «перекидывать»; см. также подробности диалога Ильи Муромца с разбойниками). С вариантом Г. Якушева, мужа исполнительницы, таких перекличек гораздо меньше. В основном ориентируясь на традиционную стилистку, С. Якушева использовала ряд не характерных для нее речевых оборотов (степи дикие, площади гладкие, поля широкие).

Публикуется впервые.

№ 285

Илья Муромец

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 7, ед. хр. 58, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Н. Н. Алексеевым: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Евдокии Григорьевны Якушевой, 55 лет.

Ритмизованный пересказ Е. Якушевой по всем основным параметрам чрезвычайно близок к варианту С. Якушевой, матери исполнительницы (см. № 284 наст. тома); в деталях повествование заметно отлича-

ется от былины Г. Якушева (описание третьей поездки Ильи Муромца, расправы с королевной-обманщицей и др.).

Публикуется впервые.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ. СВОДНЫЕ ТЕКСТЫ

(№ 286—299)

В данный раздел вошли тексты, включающие многосложные либо нетрадиционные контаминации мотивов и сюжетов.

№ 286

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 11, л. 23 об.—31 об., полевая карандашная запись Э. Г. Бородиной (есть пропуски отдельных стихов); ед. хр. 11, л. 120—131, перебеленная запись Э. Г. Бородиной. Опубл.: С.—Ч., № 44.

Зап. Э. Г. Бородиной, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 6—7 августа 1926 г., д. Марнаволок — от Максима Степановича Мякишева, 81 года.

Разночтения ед. хр. 11

Ст. 5 дочу́шку-*Усти́шку*; ст. 10 а невестки; ст. 13 *а это*; ст. 18 наступьницы; ст. 22 *сбивает*; ст. 24 *как* коли; ст. 28 *не* спущайте; ст. 30 *то* я не буду; ст. 31, 32 *Так, присказка кончилась*; ст. 33 *а досель было* города Мурома ... села Карачакова [был] *заводский*; ст. 34 *и* сын; ст. 36 *Не было ногам движенья* ... уходили; ст. 37 *старичёк под окошком рычит*; ст. 38 Муромець; ст. 45 И другой наливает; ст. 47 «А вот что чувствую: „Было бы в серёдке *в* земли кольцо, *я бы землю повернул*"»; ст. 48 «*Нут*-ко выпей *еще*». *Выпил Илья Муромець*; ст. 49 головой *тряхнул* ... в себе; ст. 50—51 «*Дедушка, — говорит, — чувствую будто силы порядочно, только много поотпало*». — «*Будет тебе силой владеть. В бою тебе смерть не писана*»; ст. 51 *потерялся ... и не видел*; ст. 52 куды *тот* пошел; ст. 53 чистят. *Вот и приходит Илья Муромец к отцу, матери*: «*А* Бог *в* помочь, — *говорит* ...»; ст. 54 *Отец дуб кочнет, а мать валит. Илья Муромец говорит*: «*Батюшка, матушка, ведь так долго. Я не этак стану*»; ст. 56 *одно* дерево; ст. 65 «*Нет, я поеду жить ко князю, а надо теперь после заутрени...*»; ст. 80, 81 *А* покажите *мне дорогу* прямоежжую, *мне недосуг с вами разговаривать*; ст. 104, 206 Карачаково; ст. 107—109 *Ах ты князь стольно-киевской, а ты сам ешь с голубятамы, а неужели я приехал с воронятамы хлеба-соли кушать*?; ст. 111 давно, *так*; ст. 140—141 «*Ай же ты, Соловей Рахматовый, так отпустил бы я тебя на старое поместьице, да про тебя большая слава поет, а не могу я той славы терпеть*». *В той час и отрубил ему буйную голову*; ст. 142 испр. из: *вот хорошо*; ст. 151 *веры*; ст. 152 Карачакова; ст. 155 на тебя *посмотреть*; ст. 156 Ильюшку; ст. 159 вошол сам; ст. 160 *Закрыл крышкой, крышка и пристала ... сломай, Илья*; ст. 161 стал бить *камень* и сломал, *а тогда*; ст. 162 не могу, — *говорит*; ст. 165 отец *у меня* темен ... *к нему близко не подъезжай*; ст. 171 *не доезжает*; ст. 173 *а* мы *ведь* с тобой одного города; ст. 178 а *никакого ты татарина*; ст. 185 *ох*, велик черт!; ст. 190 *обедает*; ст. 191 сотворите *мни*; ст. 195 Ой, Илья Муромец, помоги-ко; ст. 196 *А поганое Идолище теперь в дому сидит*; ст. 201 *ох*, велик черт!; ст. 206 «*Случилось ли тебе видать Илью Муромца*?» — «*Быдто нет, — мы с ним од-*

ного города»; ст. 207 есь ли; ст. 211 «*А вот я ем*»; ст. 213 *и что как бояться*; ст. 222 *ах*, какие; ст. 225 бесёдовать.

Изложение отдельных эпизодов в ед. хр. 11 значительно отличается от опубликованной версии.

Ст. 38—44 «Ай же ты кали́ка перехожая, я подал бы тебя милостыню, да не могу ногам пошевелить». — «А ты ногами пошевели, может быть почувствуешь». Ногами пошевелился, взял ноги и повыкинул на лавку. Чувствует себи в ногах движение, — на ноги стал и пошол. Взял ковригу хлеба и подавает старицьку. Старик потом опустил с плець сумку, и вынел оттуль графинчик и стокан. Илья Муромец взял стокан, выпил и головой тряхнул и крякнул.

Ст. 55—63 и в три часа завалил реку. Приспел домой и лег спать. В три часа ночи будят его и говорят: «Илья Муромец, вставай, иди в поле. В поле есть осленок. Приведи его домой. Тромя росами помой». Илья Муромец голову приздынул, посмотрел — никого нет да и сам свалился, опять засыпать стал. Опять его будят: «Вставай, Илья Муромец. Что ты упрямишься?» Илья Муромец сидя сел. Опять никого нет. Стал засыпать. — «Вставай, Илья Муромец. Что ты, право, упрямишься?» Илья Муромец встал, пришел в поле, видит осленок, взял того осленка и привел домой. Тремы росами его вымыл и стал ему жеребенок конь хороший. Он и говорит отцу с матерью: «Батюшка, матушка, я вам не крестьянин. А поеду я к князю стольно-киевскому. Послужу ему за веру, за царя и отечество».

Ст. 66—81 Отец, мать и говорят: «Дитятко не идь на гору к Златогору, в златые горы». Илья Муромец поехал. Версту мерну от столба до столба скакал. И он на столби записи написал: первая поездка Ильи Муромца. Еще версту мерну от столба до столба скочил и опять на столби написал: первая поездка Ильи Муромца. И третий раз версту мерную скочил и на столби написал: первая поездка Ильи Муромца. Приезжает он в Бенежев-град. А мужики-бенежане Богу молятся, на скорую смерть готовятся. Поганых татаровей кругом города на 3 версты. Наступает поганое Идолище. Они и спрашивают: «Каков верный человек?» — «Я города Мурома, села Карачарова, крестьянский сын Илья Муромец. А конь мой — волчья выть, травяной мешок. А я, — говорит, — хочу у князя стольно-киевского послужить». А говорят мужики бенежевцы: «Ай же ты Илья Муромец, избавь нас от поганых татаровей». — «А у меня заповедь положена: до Киева-града рука не кровавить». Взял он одного татарина, привязал к ноги правой этого татарина и начал ногой татариным похлыстывать. Куды хлыстнет, туды улица, перехлыстнет — с переулками. Так татар всих и убил и приказал собрать в кучья и сожечь на огни. «Покажите мне прямоезжую дорогу, — говорит, — не честь, не хвала ехать дорогою окольнею. А нужно проехать дорогой прямоезжею».

Ст. 133—137 князя закинул Илья Муромец полами, а мелкии князи-бояра и так стоят. Вот князь с княгинею стоят, а вси мелкии бо́яра-князья лежат оголя жопою, по двору ходят оголякою. — «А куды нам класте Соловья Рахманного?» Говорят князья и бояра: «У нас есть монастыри, кладем его воеводою».

Ст. 144—146 Илья Муромец заехал сзади и — чёс его палицей в голову! — «Что эн это деется? Ах русский комарик укусил!» Илья Муромец как ударил в сырой дуб, а сырой дуб в трепесьи весь разлетелся. «Нет, — говорит, — палица хороша! Неужель не по-старому?» Ударил Златогора палицей, а тот опять: «Русский комар укусил». Он и в третий раз — чёс его в голову палицей! А Егор-Златогор обернулся, его и с конем в карман положил. «Ах как русскиё комар в кармане хлобыщется». — «Неужель у меня, у Илюшки, сила не по-старому, могута не по-прежнему?»

Ст. 158—159 Златогор говорит: «Зайди в этот каменной ящик, попробуй — по теби ли строен, по теби ли каменной ящик аль по мни». Влез Илья и говорит: «Мне бы большой».

Ст. 166—170 поехал Илья Муромец к отцю Златогора, не доехал трех поприщь и крикнул: «Дедушко, твой Златогор на златых горах преставился». Тот в него нож бросил, Ильюшка увернулся, нож попал в липину и дверь с липиной улетела. Ну хорошо. Поехал Илья Муромець в Киев-град. Не доезжает Киева-граду, идет калика перехожая.

Ст. 174—176 «А откуда ты нунь идешь?» — «Да из Ёросо́лима» — «А проходил ли Киев-град?» — «Проходил». — «А что, — в Киеве хорошо?» — «Ах нет, Илья Муромець, там князь при

кручине: поганых тата́ровей на три версты заставлено, а у князя во двери живет поганое Идо́лище, князя в страхе держит». — «Ай же ты Иванище могучее...».

Ст. 192—193 а Идолище говорит: «Князь стольно-киевский, кто это там шумит?» — «Да кали́ка перехожая». — «А чего он там шумит, поведи-ко его в и́збу». А Илья Муромец — мах в сени. (*А тут князь и узнал его.*)

Ст. 215—221 «Ну, не убитой птицы пера не щепли: была у моего ба́тюшку у попа коровище обжорище, помногу ела и пила, а потом лопнула». А Идолище сидит с ножом, кусок отрежет да и в рот пихает. Бросил в Илью Муромца ножом, да отскочил Илья Муромец в сторону, а нож попал в липину, а липина вместе с дверями наружу улетела. А налетел Илья Муромец да шляпой Идолищу в глаза и ударил, да взял за руки, да вышел на улицу и стал Идолищем татар похлыстывать. Куды хлыстнет — туды улица, перехлыстнет — переулками. И бьет ...

Ст. 226—229 (в перебеленной рукописи) Садился Илья Муромец на добра коня и поехал он к Иванищу Каличищу. А Иванище во слезах сидит, а конь копытом бьет. Взял Илья Муромец отдал платье каличье и поехал Иванище в свою сторону. А с тех мест Илье Муромцу славы поют.

В сводном тексте М. Мякишева объединены четыре сюжета: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и Илья Муромец», «Илья Муромец и Идолище». Во второй и четвертой частях текста доминирует проза, хотя сохраняются следы стихотворного строя — фрагменты былинных формул, постоянные эпитеты. Сюжеты об исцелении Ильи и о его встрече со Святогором, вероятнее всего, были усвоены в прозаической форме, так как в них почти не улавливаются элементы былинной поэтики. М. Мякишев был прекрасным сказочником, что также отразилось на изложении «эпической биографии» Ильи Муромца: оно открывается и завершается стихотворными, частично рифмованными присказками балагурного характера.

На родине сказителя, в деревне Марнаволок, часто останавливались жители соседних уездов, переправлявшиеся через Онежское озеро в западном и восточном направлениях. М. Мякишев усваивал былины от разных лиц, знал многих выдающихся певцов прошлого столетия, в том числе Рябининых, Никифора Прохорова. Помнил он и приезд в 1871 г. А. Ф. Гильфердинга, но по молодости лет постеснялся предложить ему свои старины, которых в прежнее время знал «больше двух десятков» (С.—Ч., с. 228). В текстах М. Мякишева немало оригинальных мотивов и формул, свидетельствующих о его знакомстве с традицией Пудожского берега и других районов Прионежья.

В повествовании об исцелении Ильи Муромца преобладают типовые элементы, но некоторые детали сближают его с побывальщиной Л. Богданова из Кижей (Рыбн., № 51). Исцелив богатыря-сидня, «дедушка потерялся»; родители наказывают сыну не ездить «к Святогору, к Златогору» — у Л. Богданова этот запрет вложен в уста калик-целителей. Оба сказителя сходно описывают выхаживание богатырского коня. Как и в других частях текста, здесь встречаются логические неувязки, искажения (действие происходит у Волхов-реки; вместо жеребенка Илья пестует осленка, из которого вырастает могучий конь). Второй сюжет тяготеет к прохоровской редакции (см. коммент к № 191 наст. тома). Те же самые либо близкие по характеру детали использованы при описании освобождения города. Он назван Бенежовым (Бекетовец — у Н. Прохорова). Приехав в Киев, Илья кланяется «княжеским кухаркам» (ср. также вариант А. Захарова, № 201 наст. тома, ст. 225). Соловей-разбойник угрожает разорить монастырь, который намереваются отдать ему в управление. Видимо, М. Мякишеву была знакома и сорокинская версия сюжета. Илья избивает татар, привязав одного из них «к стремени правому» — у А. Сорокина Илья привязывает к стремени дуб. Отголосками сорокинской контаминации сюжетов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» можно счесть нежелание богатыря садиться за один стол с «воронятамы» (см. № 192 наст. тома). В третьей части сказитель довольно подробно изложил местную редакцию сюжета «Святогор и Илья Муромец», сохранив ряд редких деталей и подробностей. Его вариант особенно близок к тексту П. Калинина из деревни Пудожской Горы, расположенной в нескольких десятках

километров севернее родной деревни М. Мякишева. Илья нарушает родительский запрет встречаться со Златогором (ср. вариант Л. Богданова из Кижей (Рыбн., № 51) и калики из Красной Ляги (Рыбн., № 190)); богатырь-великан дремлет в седле (с этим связано необычное словосочетание «едет ступью дремуцею»). На горе Илья и Святогор находят «каменный ящик» — гроб. В эпизоде посещения Ильей слепого («темного») отца Златогора, редко встречающемся в олонецких записях, одна из деталей неудачно переосмыслена сказителем: узнав о смерти сына, старик бросает в Илью не палицей, а дверью, попадая при этом в «липину» (в местном говоре липина — дверной или оконный косяк (Даль 2. С. 855). Последний сюжет — «Илья Муромец и Идолище» — близок к былине Н. Прохорова (№ 216, 220 наст. тома). Единственное существенное отличие — перенесение действия в Киев, а не в Царьград, вследствие чего противопоставление щедрости царя Константина и неблагодарности князя Владимира оказывается излишним. М. Мякишев, как и Н. Прохоров, подробно описывает встречу Ильи с каликой «Ивашкой могучим», допрос «выхваченного» из вражеского войска татарина. Он вкладывает в уста героя нелестный отзыв о деяниях калики: «У тебя силы вдвойни́ против меня, а увертки нет». Оба сказителя подчеркивают надежду униженного князя на помощь богатыря («не красное солнышко порассве́тлилось, а Илья Муромець ко мне пришол»). Их варианты сближает также упоминание попа, у которого лопнула «обжориста корова». Финальную ситуацию, немотивированную в тексте М. Мякишева («Ивашка-калика плацет, ⟨...⟩ а конь сзади копытом бьет»), проясняет текст Н. Прохорова, в котором не без юмора изображены страдания «могучего Иваница», не сумевшего обуздать богатырского коня Ильи Муромца.

Несмотря на обилие прозаизмов, комментируемый текст остается изложением былины, не превращаясь в сказку. М. Мякишев ориентируется на эпическую традицию, избегая прямых заимствований из сказок. Лишь изредка он обращается к современной лексике и бытовизированным оборотам речи («графин водки», «стакан», «велик черт!»).

№ 287

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25, тетр. 1, л. 107—148, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, тетр. 2, л. 1—9 (со строки 693 запись В. И. Яковлевой); ед. хр. 34, тетр. 1, л. 65 об.—81 об., полная карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 77.

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Примечание собирателей: ст. 417 sic!

Ремарка исполнителя после ст. 865: «Можно десять верст проехать тут» — относится к замечанию Б. М. Соколова: «Былина пелась полтора часа».

Разночтения ед. хр. 25, 34

Ст. 9 *армии*; ст. 15 А на *его*; ст. 16 *А молоду жону да*; ст. 26, 27 Опраксию; ст. 44, 147 *тибя*; ст. 140 Сивогривушко; ст. 147, 146 переставлены; ст. 214 А видь *кали́нинци-смородинки*; ст. 230 дом *и* присвятой; ст. 248 к *смородинки*; ст. 252 *каютси*; ст. 259 А *ведь* удаленькой; ст. 262 *каемси*, *прицящаимсы*; ст. 263 *справляимсы*; ст. 265 *А видь и ведь*; ст. 274 *А ты какой земли-то да* отсутствует; ст. 277 А как *зовут поимяцьке*; после ст. 282 неполная строка: *А ведь и тут*; ст. 292 *смородя́динци*; ст. 300 *поженины*; ст. 305 А насажоны; ст. 313 А ведь *калининци-смородинци*; ст. 314 А *ведь* такого *ведь*; после

ст. 316 *А подъезжали реки ты топуции*; ст. 317 А *ведь* услышал; ст. 321 гнездам; ст. 349, 350, 352 мужеёноцька; ст. 355 батюшко; ст. 358 окошецёк; ст. 359 крицит; ст. 366 не стесняетсе; ст. 416 оприця-*то* (ед. хр. 34); ст. 464 А вси *ведь* е; ст. 487 крицит; ст. 492 *со каракулей*; ст. 512 серьцо; ст. 513 спустилсе; ст. 519 А ведь; ст. 582 А есва-питва; ст. 597, 596 переставлены; ст. 596 во цисто полё; ст. 636 прошло *тогда*; ст. 642 лихи; ст. 649 смушшать; ст. 663 А *ведь сделала*; ст. 667 А *ведь*; ст. 672 А *ведь и*; ст. 684 угащивай-*ко*; ст. 685 *А ведь как* тут; ст. 686 А *ведь* как; ст. 688 *А говорила ёму да доць-то*; ст. 689 Ай *же* ты; ст. 692 *да глубокии*; ст. 703 погрёба ты; после ст. 705 ремарка (*как вы пишите*); ст. 706 А *как горит*; ст. 707 *А цитат и пишет Илья в еванделье*; ст. 707 ивандельѐ (ед. хр. 35); ст. 709 порасплакалсы; ст. 712 А лихие; ст. 715 тибя; ст. 716 А *ведь* сам плаце *и* стоит; ст. 717 тебя *да*; ст. 719, 733, 743, 759, 779, 804, 848, 849 цярь; ст. 724 А *ведь я*; ст. 725 *ведь взял*; ст. 726 тотарин-*то*; ст. 727 *А ведь* бросил; ст. 729 коситсе; ст. 742 ведь мисиця; ст. 743 ты *ведь* Калин; ст. 745 А *ведь*; ст. 746 с тим; ст. 749 А ведь *ишел*; ст. 752 доброй; ст. 763 с татарамы; ст. 764 улыци; ст. 769 конь *цел*; ст. 772 А *ведь*; ст. 773 *А тут Ильи встали тотара кругом да поганыи*; ст. 778 у Калин-цяря; ст. 780 А *ведь* поминали; ст. 783 *А перёди-ко*; ст. 790 раззодорилсе; ст. 800 крёсты; ст. 801 присвятой; ст. 804 у *Ильи*; ст. 812 доброй; ст. 819 кони *да* кругом; ст. 822 А ведь *ты*; ст. 828 Самсону *ты*; ст. 829 кольцужнои; ст. 830 *А попади ёму*; ст. 834 *А* она; ст. 838 А вы ставайти... молодцов; ст. 839 *слуцилосе Ильюши*; ст. 843 армию; ст. 844, 856, 857 молодцов; ст. 857 цествовать; ст. 858 А городами вас пригородкамы; ст. 860 златом-*то* да; ст. 863 кушаём.

Текст Ф. Конашкова, включающий шесть сюжетов («Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и тяга земная», «Илья Муромец и Идолище поганое», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Илья Муромец и Калин-царь»), — едва ли не самая успешная попытка севернорусских сказителей создать сводную былину о главном герое русского эпоса. Ф. Конашкову (или его предшественнику) удалось гораздо прочнее, нежели другим исполнителям, скрепить отдельные эпические песни в единое целое, избежав механического сложения сюжетов. Целостность возникает прежде всего благодаря развитию распространенного мотива из былины об Илье-сидне — наказа чудесных старцев либо родителей богатыря «стоять за Святую Русь». У Ф. Конашкова повествование открывается своеобразным прологом, где описаны сборы царя Калина в поход на Киев. Встревоженная Богородица молит «Христа-царя, Бога небесного» не допустить взятия Киева татарами и разорения церквей. В таком контексте исцеление Ильи Муромца, его подвиги на пути в Киев воспринимаются как неотъемлемая часть главной миссии — спасения Руси от нашествия иноземцев-иноверцев. Рассказ о предначертанной свыше победе героя завершает былину. Ф. Конашков позаботился об усилении логических связей между отдельными компонентами своего произведения. И осаждающая «село Калинино» сорокатысячная татарская «сила», и бесчинствующий в Киеве «бога́тырь Индо́лище да поганое» входят в несметное войско царя Калина (ст. 19—28, 671—674). Нашествие Калина, обнадеженного слухами о гибели Ильи Муромца (ст. 667—670), мотивировано стремлением отомстить за гибель своих приспешников.

Комментируемый текст неоднороден по составу. В основу большинства сюжетов положены обычные для Пудоги и всего Прионежья типовые эпизоды и мотивы. Ряд оригинальных элементов правомерно связать с семейной традицией Конашковых, отличавшейся известным своеобразием. В былине Ф. Конашкова обнаруживаются текстуальные переклички с вариантами других выдающихся пудожских певцов — А. Сорокина с Сумозера, И. Фепонова с Купецкого озера. Их можно объяснить удивительной любознательностью Ф. Конашкова («других сказителей слушал с большим вниманием» — С.—Ч., с. 344), восприимчивостью к удачным новациям. Немаловажно, что Г. Якушев, давний приятель Ф. Конашкова, считал И. Фепонова одним из главных своих учителей, был известен ему и Сорокин (С.—Ч., с. 58). Вместе с тем в комментируемом тексте есть детали, близкие параллели к которым обнаруживаются в записях из разных регионов — от Кижей до Архангельско-Беломорского края и Северного Урала. Их появление обусловлено все той же открытостью сказителя к внешним влияниям.

В прологе обращает на себя внимание первый стих, буквально повторяющий начало былины А. Сорокина «Илья Муромец и Калин-царь» (№ 242 наст. тома); см. также родственный вариант его земляка А. Пантелеева (№ 257 наст. тома). Упоминание «старшóго ата́мана» в ст. 20 — перенесение из былины «Соловей Будимирович» (С.—Ч., № 86, ст. 24); смена масти коня (ст. 143—145) — заимствование из «Дюка» (С.—Ч., № 88, ст. 174—177; ср. вариант П. Миронова, земляка Ф. Конашкова — С.—Ч., № 70, ст. 120—123). Необычное отчество киевской княгини — «Опраксея да Романовна» (ст. 17), возможно, навеяно исторической песней о гневе Ивана Грозного на сына, входившей в репертуар шальского сказителя (Линевский, № 22, ст. 109). В сюжете «Исцеление Ильи» преобладают стандартные мотивы, но есть и параллели к записям из других регионов. Илья — не только сидень, но и слепец (ср. с печорской традицией — Онч., № 19; Аст. 1, № 95). Описания «вываживания» богатырского коня и раскорчевывания поля близки к соответствующим эпизодам из побывальщины кижанина Л. Богданова (Рыбн., № 51). Богатырь исцеляется в день воскресения Христа (ст. 66; ср. с пересказом В. И. Даля — Кир. I, Приложение, с. XXXII). Последняя деталь органично вписывается в общую структуру произведения, еще теснее связывая первый сюжет с прологом. Эпическая река Смородина, обычно упоминаемая пудожанами в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», перенесена на родину героя (ст. 162). Во втором сюжете ее заменила «Непра-река» (ст. 215).

Повествование о первой поездке Ильи Муромца построено на традиционных для Пудоги эпизодах и поэтических образах (переговоры с «калининцями да смородя́гинцями», готовящимися в церкви к своему смертному часу; приглашение остаться в их «селе Калинином»; нападение дочери Соловья-разбойника «Цюйки» и расправа с ней; наказ Соловью беречь «добра коня»; попытки детей Соловья-разбойника выкупить в Киеве своего отца). Формулу «зовут меня Ильюшенькой, а кто пожалует, — я сын Ивановичь» (ст. 279—280, 431—432) находим у А. Савинова, земляка Ф. Конашкова (№ 193 наст. тома, ст. 152). Диалоги богатыря с детьми Соловья-разбойника о возможности его выкупа (ст. 390—393, 499—505) чрезвычайно близки к варианту А. Сорокина (№ 192 наст. тома, ст. 352—358, 795—800), а описание «гнезда» Соловья (ст. 299—306) — к тексту из сборника Кирши Данилова (КД, № 49, ст. 61—64). Дабы уберечься от разбойного свиста Соловья, Илья «маковым цветоцьком уши зату́пывал у добра́ коня да и у́ себя» (ст. 329—330). Сходная деталь есть только у И. Фепонова (№ 195, ст. 133—134). На пиру князя Владимира богатырь садится «на крайцик-то» (видимо, нижний конец стола) и так теснит гостей, что объявляется на верхнем конце. В сорокинской редакции сюжета стычка Ильи Муромца с киевской знатью выглядит иначе и выливается в открытый бунт против князя Владимира (№ 192 наст. тома). Развитие событий в комментируемом тексте напоминает некоторые записи из Архангельской губернии и Поволжья, опубликованные в сборнике Киреевского; особенно близкие параллели содержатся в нижегородском варианте (Кир. I, ст. 34, ст. 196—199). Оригинально изображается казнь Соловья-разбойника: богатырь пронзает его стрелой. Так же завершил свою былину водлозёр П. Федулов (№ 196 наст. тома), но у Ф. Конашкова Илья дает пленнику шанс на спасение, разрешая ему бежать, и поражает стрелой прямо «в ретиво серьцё» (ст. 506—520).

Сюжет «Святогор и тяга земная» подвергся значительной трансформации. В ипостаси богатыря, похваляющегося силой, Святогора заменяет Илья Муромец; вместо сумочки с «тягой земной» фигурирует «шапоцька пуховая», которую герой не может сдвинуть с места. Владелец чудесной шапочки («старицёк ста́роматерой») одновременно выполняет функцию калики перехожей из сюжета «Илья Муромец и Идолище». От него богатырь узнает о бесчинствах Идолища, меняется с каликой одеждой (вопреки обыкновению — по инициативе старца), берет его «шапоцьку» и «клюху долгомерную». Далее события развиваются по традиционной схеме: мнимый калика насмехается над обжорством Идолища, доводит дело до ссоры и убивает его «новой шапоцькой пухо́вою». Необычная для Прионежья деталь — переодетый богатырь просит милостыню «ради казака Ильи Муромца» (ст. 609—611) — перекликается с былинами Архангельско-Беломорского края, в которых Идолище запрещает «поминать» богатыря, а Илья демонстративно нарушает этот запрет.

58 Зак. 3427

Конашковская интерпретация сюжета «Илья Муромец и Калин-царь» принадлежит к сравнительно редкой на Пудоге версии этого сюжета — «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь». Правда, Самсон упомянут лишь в конце повествования, когда Илья будит его стрелой, проломившей «латы кольцужныи». Оригинально мотивируется конфликт Ильи Муромца с князем Владимиром: «лихие люди» смущают князя доносом, приписав Илье и другим богатырям намерение захватить власть в Киеве («хоцит овладить княжесьвом, а эты хоцют самы управлять-то ведь», ст. 642—649). Все богатыри, кроме Ильи, разъезжаются, а его бросают «во погребы глубокии». Возможно, этот эпизод навеян сорокинской редакцией былины «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», где герой заявляет голям кабацким: «Я заутра буду во Киеве князем служить, а у меня вы будете предводителями!» (№ 192 наст. тома, ст. 449—450). Некоторые детали сближают комментируемый текст с вариантом И. Фепонова. От голодной смерти Илью спасет не жена князя Владимира, а его дочь; говоря о неуязвимости богатыря в бою, она ссылается на «книги ива́нделъские» (ст. 700; ср. «Евангельё» у И. Фепонова — № 256 наст. тома, ст. 83); Илья в погребах при свете свечи «цитат-пишет в ива́нделье» (ст. 706—707; у И. Фепонова только читает — ст. 83); раскаявшийся князь встает перед Ильей на колени (ст. 708; у И. Фепонова «извиняется» — ст. 84). Ф. Конашков и здесь не забывает о своеобразном прологе своей сводной былины. Связанный и скованный татарами богатырь освобождается от пут по молитве, когда его ведут «мимо церковки ты соборныи, мимо дому Пресвятой Богородици» (ст. 794—808). Символичен и финал произведения: богатыри не требуют награды за свои подвиги, просят только «слободушку великую, не имати-то й нас, не захватывать!»

В комментируемом тексте в полной мере проявились высокое композиционное мастерство Ф. Конашкова, усиленное внимание к ярким поэтическим деталям, свободное владение традиционными формулами и эпическим стихом. Слабее других выглядят только сюжеты «Святогор и тяга земная» и «Илья Муромец и Идолище поганое» (ст. 526—635). Не вполне удаются сказителю переходы от одного сюжета к другому (ст. 525—534, 563—568, 638—641). Не имея возможности опереться на традиционный текст, он испытывает затруднения в построении былинного стиха, злоупотребляет неоправданными повторами, разговорно-бытовой лексикой («было-то благополуцьно ведь», «уволить на сутоцьки», «решил Илья бога́тыря»).

№ 288

Илья Муромец

РГАЛИ, ф. 1456. оп. 1, ед. хр. 35, тетр. 2, л. 216—222, полевая карандашная запись (неполные стихи, концы строк); ед. хр. 20, л. 5—7 об., полевая карандашная запись Ю. А. Самарина (неполные стихи, начала строк); ед. хр. 12, тетр. 1, л. 15—20, чистовой автограф. Опубл.: С.—Ч., № 57.

Зап. Ю. А. Самариным, Б. М. Соколовым, В. И. Яковлевой: 17 июля 1928 г., д. Филимониха — от Анисьи Никитичны Камериловой, 57 лет.

Разночтения ед. хр. 12

Ст. 2 *Ен* не владея ни рукамы и ни ногамы; ст. 9 *Выстил да как сидя*; ст. 31 жеребця; ст. 37 родительниця ёму; ст. 39 *Как эта* [жеребець]; ст. 54 навстрецю доць-*то*; ст. 64 Илья Муромець, *иди* за водой; ст. 83 Илья Муромець — русьской богатырь, так *тот*.

В текст А. Камериловой вошли довольно подробные пересказы трех былин — «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и Илья Муромец», а также вставной эпизод о неверной жене Самсона. В первом сюжете прослеживаются почти все традиционные для Прионежья элементы. Некоторые его детали оригинальны, известны по единичным вариантам старой записи, в частности упоминание «еловой коры», с которой сравнивается тело богатыря-сидня (об этом см.: Рыбн., т. 1,

с. 322). Запруживание реки вырванными деревьями — развитие аналогичного мотива из побывальщины Л. Богданова (Рыбн., № 51). Богатырский аппетит Ильи, соразмерный обретенной им силе, проявляется в том, что он за один присест «приел весь хлеб на тридцать человек». Эту уникальную подробность А. Камерилова интерпретирует в чисто бытовом плане — «Илья двенадцать годов ел». Содержание сюжета о победе героя над Соловьем-разбойником конспективно: отсутствуют освобождение русского города от осады, наговор на стрелу, конфликт с князем Владимиром и его окружением, ряд других типичных для пудожских записей эпизодов и мотивов. Преодоление богатырем трех застав на пути в Киев свидетельствует о знакомстве исполнительницы с местной версией данного сюжета. Возможно, она слышала эту версию в песенно-стихотворном варианте — только в этой части пересказа, несмотря на ее краткость, изредка встречаются былинные постоянные эпитеты («болото топучее», «вор Соловей-разбойник», «стопудовая подворотня»). В других частях текста преобладает разговорно-бытовая лексика («рюмка», «кватеря», «коня шевелит»).

В заключительной части произведения рассказывается о встречах героя с двумя богатырями-великанами — Самсоном и Святогором. А. Камерилова четко разграничивает эпизоды, связанные с их именами («неверная жена Самсона»; «смерть Святогора в гробу»), что редко бывает в устной традиции. Однако в деталях повествования многое спутано и переосмыслено (Илью Муромца заменил «черкес», сидящий на березе; умирающий Святогор уподоблен огнедышащему змею и др.). Традиционная для популярных изданий сказок об Илье Муромце комбинация сюжетов, а также некоторые совпадения с вариантами старой записи позволяют говорить о возможном влиянии книжного источника (подробнее см.: Новиков 2001, сюжет 4, № 3).

№ 289

Илья Муромец и Соловей-разбойник

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 17—24, полевая рукопись, карандаш, «Илья и Соловей»; л. 16 об.—23 об., рукопись, перебеленная чернилами; ед. хр. 10, л. 17—25, полевая рукопись, карандаш. Опубл.: С.—Ч., № 196.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, В. И. Чичеровым: 24 июля 1928 г., д. Рагнозеро — от Александры Тимофеевны Зуёвой, 41 года.

В полевой рукописи (ед. хр. 33) в строке 19: ўвидли; в строке 21: и᷑де.

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 4 А *кладал*; ст. 7 *ён* молодецькие; ст. 8 *у*крепости; ст. 12 *Ну приежжал-то*; ст. 15 А не находится в гра*ду*; ст. 33, 145 *прямохожую*; ст. 36 Илья *да* Муромець; ст. 44 птиця; ст. 45 А на двенадцати; ст. 55 закрицял *ли* тут; ст. 76 *а иде*; ст. 78 А ай ж детушка ... *да везе*; ст. 88 Ну приежжал; ст. 97 поросфастались; ст. 98 А умной; ст. 103 ниц*им*; ст. 112 закрицать; ст. 128 *а засвистал... в цетвериноцьку*; ст. 129 *вси да*; ст. 145 *прямохожую*; ст. 161 *ведь силою*; ст. 168 *раз, ... да три*; ст. 170 Муром*цю*.

Исполнительница — дочь Т. Прокина, от которого записан близкий по содержанию вариант этой былины (№ 207 наст. тома). По словам Т. Зуёвой, их общим учителем был местный сказитель Федор Алексеев, умерший в начале XX в. в 80-летнем возрасте (С.—Ч., с. 710). Большинство мотивов и формул в текстах отца и дочери почти идентичны, но есть и существенные расхождения. У Т. Зуёвой нет вставного эпизода ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром; «град Бекешовский» осаждает «Литва поганая», которую певица отождествляет с татарами (ст. 13, 17). У Т. Прокина город назван «Чернишовьским», а этническая принадлежность врагов не конкретизируется («сила поганая»; позднее он именует их

«татарами»). Оба топонима традиционны: Бекешов (Бекетовец, Бенежов и др.) известен ряду пудожских сказителей (см. коммент. к № 167 наст. тома), а Чернигов встречается в записях из разных регионов России. Исполнительница поменяла очередность застав на пути в Киев (у ее отца и других пудожан первая застава — мхи и болота). В комментируемом тексте былина о первой поездке Ильи Муромца соединена с сюжетом «Святогор и Илья». Содержание второго сюжета традиционно для Прионежья, но передано конспективно и с явными дефектами. Роль Святогора отведена Илье, его спутник («товарищ») не назван по имени (ср. № 290 наст. тома). В отличие от основной части былины с ее традиционной стилистикой и формульным стихом в финале отчетливо просматривается прозаическая основа текста.

№ 290

Исцеление Ильи Муромца

РГАЛИ, ф. 1456, оп.1, ед. хр. 33, тетр. 4, л. 149—151, сведенная полевая рукопись (карандаш, обведенный чернилами); ед. хр. 25, тетр. 2, л. 427—428 об., полевая рукопись (в основном середина строк). Опубл.: С.—Ч., № 178 «Исцеление Ильи Муромца и Илья и Святогор».

Зап. С. П. Бородиным, Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым: 28 июля 1928 г., д. Гумар-Наволок на Водлозере — от Дарьи Савельевны Подомарёвой, более 90 лет.

Пояснение исполнительницы: «„Илью" поняла (переняла. — *Сост.*) у Левы Трифонова Охтостровского с Купецкого озера» (С.—Ч., с. 670).

Примечание собирателей: «При записи были пропущены слова в начале строк 59 и 60».

Разночтения ед. хр. 33

Ст. 22 вместо *А я* пустые скобки; ст. 26 [*Выезжал*]; ст. 32 Ты [*ложись*].

Исполнительница — известная на Водлозере плакальщица. Навыки импровизатора помогли ей облечь в стихотворную форму сюжеты «Исцеление Ильи Муромца» и «Святогор и Илья», обычно бытующие в прозе. Однако традиционных былинных формул в ее тексте практически нет. Оба сюжета представлены ключевыми эпизодами (чудесное исцеление богатыря-сидня Христом и смерть Святогора в гробу). Начальные стихи не свойственны олонецкой традиции; интродукции такого рода неоднократно фиксировались в Поволжье (Кир. I, с. 1, 3 и др.) и однажды — в устье Северной Двины (Кир. IV, с. 1). Святогора Подомарёва именует Егорием, а иногда — Егорием-светом или Егорием Храбрым либо под влиянием духовных стихов о святом Георгии, либо слегка видоизменяя обычную для ряда книжных «сказок» на былинные темы форму имени «Егор-Святогор» (см. также № 288 наст. тома; С.—Ч., № 1). Нелогичная по смыслу просьба Святогора «закутать» его «крышкой белою», видимо, восходит к фрагментарному варианту Т. Рябинина («Окутай меня каменной накрышечкой» — Рыбн., № 2), а белый цвет гроба — оригинальная подробность былины кенозёрского певца П. Меньшикова (Гильф., № 273). Эти переклички с текстами старой записи из разных регионов позволяют предположить знакомство исполнительницы с книжным текстом компилятивного характера.

№ 291

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 13, ед. хр. 4, л. 139—184, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 31.

Зап. Е. П. Родиной: июль 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Никиты Антоновича Ремизова, 61 года.

Пояснение собирателя: ст. 4 влаженьица — влаженьица, не владел руками.

Разночтения БПК, № 31

Ст. 14 *Ильюша к окошечку*; ст. 27 хожденьица; ст. 86 *тебе смерть на войны будет не писана*; ст. 127 к дубам-*то*; ст. 197 выезждяет; ст. 203 *Да*; ст. 212—215 в ркп. отсутствуют; ст. 217 *одной-то он рукой да мосты ведёт*; после ст. 222 отсутствуют четыре строки из ркп.; ст. 261 (ст. 265 ркп.) *отдаст*; ст. 316 (ст. 320 ркп.) *Как*; ст. 318 (ст. 322 ркп.) сумлеваетце; ст. 320 (ст. 324 ркп.) *Дак*; ст. 396 (ст. 400 ркп.) потяпатце; ст. 413 (ст. 417 ркп.) поратитце; ст. 420 (ст. 424 ркп.) распоряжаетце.

«Вариант Ремизова отличается большим своеобразием. В основу главной части, посвященной подвигам Ильи Муромца, положен рассказ о поездках богатыря по трем дорогам (ср. Гильф., № 120). С первой частью («Исцеление Ильи Муромца») рассказ о подвигах связан наказом калик, исцеливших богатыря: „Заступись за Землю Русскую". Этот наказ калик и выполняет Илья Муромец, проезжая по трем дорогам. Мотив возвращения через три года „к отцу, к матери в свою родину" необычен. В описании исцеления и приобретения силы Ильей Муромцем почти совершенно отсутствует религиозный момент. Чудо исцеления напоминает обработку этого мотива в сказках (исцеление от выпитой воды, от прикосновения и т. п.). Реальные черты крестьянского быта, встречающиеся в большей или меньшей степени во многих записях былины об исцелении, четко выделяются в данном варианте (помощь родителям на пожне, покупка жеребенка, квас вместо вина и др.).

В отличие от обычных вариантов освобождение города (Чернигова) происходит после покорения Соловья-разбойника. Характерно, что этот подвиг понимается как заступничество за „мужиков-черниговцев". Своеобразно описание встречи Ильи Муромца с Идолищем. Здесь сказались не только неясные представления о географии (обычные в устной традиции), но и отношение Ремизова к традиционному тексту: Илья Муромец едет в Малую Азию, приезжает в Ладогу и встречается с Идолищем у помещика. Эпизод встречи с разбойниками по сравнению с традиционными его обработками сильно сокращен (занимает всего 5 стихов). Совершенно отступает от традиции третий эпизод „трех поездок". Здесь использованы сказочные мотивы о спящей красавице и символика свадебных песен. Обычный же мотив подложной кровати и освобождения заключенных молодцев отсутствует» (БПК, с. 482).

Исполнитель соединил в одном произведении четыре сюжета: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Три поездки Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Идолище». Будучи хорошим сказочником, к тому же склонным к импровизации, Н. Ремизов не всегда придерживался традиционных сюжетных построений, включал в эпические песни мотивы и образы сказок; эпизоды собственного сочинения. Илья Муромец покупает жеребенка с семью горбами (ст. 170; ср. вариант М. Павкова, № 180 наст. тома). Владимир последовательно именуется царем (ст. 305 и др.) и лишь однажды — князем (ст. 383). В характеристике обжорства Идолища («чудища из Азии») былинные формулы переплетены со сказочными (ст. 420—425). Рассказ о поездке богатыря по третьей дорожке («в жонацесьво») и его любовной связи со спящей красавицей позаимствован из волшебных сказок (ср. ст. 521—522: перед домом спящей невесты привязаны два льва). Нарушена традиционная последовательность эпизодов: герой освобождает осажденный Чернигов после боя с Соловьем-разбойником; он едет сначала «в убитосьво», «в богацесьво» (где расправляется с сорока разбойниками и не добывает никакого богатства) и лишь потом — «в жонацесьво». На сводной былине Н. Ремизова сказалось и его знакомство с печатными изданиями фольклорных произведений. Некоторые оригинальные детали сюжета «Исцеление Ильи Муромца» перекликаются с вариантами кижских певцов, с которыми пудожский сказитель вряд ли имел прямые контакты. Исцелив богатыря-сидня, калики перехожие «тут скрылися»; вырывая дубы с корнями, Илья

«роет» их в реку — ср. с побывальщиной Л. Богданова (Рыбн., № 51). Богатырь покупает жеребенка, не торгуясь, — ср. с текстом того же Л. Богданова и фрагментом, записанным от Т. Рябинина (Рыбн., № 2, ст. 3—5). Видимо, с книгой связаны и некоторые лексические модернизмы.

Многое Н. Ремизов позаимствовал и у местных сказителей старшего поколения. В сюжете «Илья Муромец и Соловей-разбойник» ключевые эпизоды обычны для пудожской традиции: на заброшенной прямоезжей дороге Илья одной рукой коня ведет, другой «мосты мостит»; он произносит наговор на стрелу; отбивает нападение дочери Соловья-разбойника, причем расправа с ней (ст. 275—282) описана так же, как в былине Н. Прохорова (№ 191 наст. тома, ст. 161—180). С вариантом Н. Прохорова комментируемый текст сближают и некоторые оригинальные детали и словосочетания. Илья принимает от черниговцев злато-серебро, приговаривая: «У меня-то ёно заработано» (ср. ст. 72—73 у Прохорова); Соловей-разбойник «мызнул по-змеиному» (ср. ст. 104 у Прохорова, а также ст. 119 у колодозёрского сказителя Т. Романова — № 167 наст. тома). Близкие параллели к былине Н. Прохорова (№ 191 наст. тома) есть и в сюжете «Илья Муромец и Идолище», в частности, диалог богатыря с «могучим Иванищем», когда Илья корит его за бездеятельность (ст. 427—429; ср. ст. 59—64 у Прохорова).

Н. Ремизов неплохо владел эпическим стихом, но порой злоупотреблял бытовыми подробностями, просторечием, несвойственной былинам современной лексикой, словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Иногда он заимствовал поэтические образы из причитаний («путистая дороженька», «рожоная матушка»).

№ 292

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 43, л. 233—247 (л. 15—19; 329—344), черновая рукопись, карандаш, правки.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., д. Алексеево Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Андрея Степановича Логинова, уроженца д. Мелентьево (по другим свидетельствам, д. Алексеево) Пудожского у., 32 лет.

Пересказ некоторых эпизодов из былин «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и «Святогор и Илья Муромец», с трудом припоминаемых исполнителем и сильно искаженных (Илья — «сын Добрыневич», едет он «по улице кремлевской» и т. п.). Герой второй былины, как и у ряда других исполнителей, назван «Егором-Святогором».

Публикуется впервые.

№ 293

Про Илью Муромца

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 6, ед. хр. 49, л. 62—64, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Е. А. Белованової: 1938 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Ульяны Игнатьевны Конашковой, уроженки д. Семеново Пудожского у., 69 лет.

Конспективный пересказ сюжета «Исцеление Ильи Муромца» соединен с кратким изложением основных эпизодов из былины о смерти Святогора и духовного стиха о «прениях» Аники-воина со Смертью. Формальное единство произведения достигнуто заменой Святогора Аникой-воином.

Публикуется впервые.

№ 294

Про старого казака Илью Муромца

Архив КФАН, ф.1, оп.1, кол. 20, ед. хр. 77, л. 102—105, черновая рукопись, карандаш. Вар.: БПК, № 53; Черн., № 32.

Зап. А. В. Щемелевой (Беловановой): 13 июля 1955 г., д. Ижгора Авдеевского с/с — от Анастасии Леонтьевны Фадеевой, уроженки д. Сарозеро Пудожского у., неграмотной, 71 года.

Контаминация сюжетов «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Илья Муромец и Калин-царь». Первый сюжет по содержанию идентичен записи 1940 г. (см. № 213 наст. тома), опущен только диалог жены и детей Соловья-разбойника. От второй былины сохранились отдельные мотивы, связанные с обеими версиями сюжета — «Илья Муромец, Самсон и Калин-царь» (Илья заточен в погреба и соглашается выступить против татар только в знак признательности своей спасительнице, княгине Опраксии) и «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (вместе с главным героем в битве участвует богатырь-малолетка Ермак Тимофеевич). В текстах, восходящих к устной традиции, подобное перплетение двух версий сюжета не отмечено.

Публикуется впервые.

№ 295

Об Илье Муромце

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 20, ед. хр. 8, черновая рукопись, карандаш.

Зап. Л. Остапенко, В. Кийранен: июль 1955 г., д. Каршево (д. Великодворская) Каршевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Федоровича Мишкина, 82 лет.

В пространной сказке по мотивам былин об Илье Муромце объединены четыре сюжета: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище поганое». Композиция этого сводного произведения повторяет схему лубочного пересказа (БЗП, № 20). Традиционные эпизоды первых двух сюжетов изложены конспективно и дополнены многословными бытовыми зарисовками, сочиненными, вероятнее всего, самим исполнителем в сказочном духе. Иногда И. Мишкин использовал традиционные сказочные эпизоды, мотивы и формулы, но в большинстве случаев сбивался на неумелую стилизацию под фольклор. Его ритмизованная проза, неумеренная детализация описаний и характеристик, ориентация на рифмованный раешный стих и бытовую лексику не имеют ничего общего с поэтикой былин («плачет отец его от светлой зореньки до поздней ноченьки и не может наплакаться»; «и живут они на свете семьдесят лет, и детей у них нет»; «мать поставила перед ним разные разности...»; «квасу напился, спать увалился» и т. п.). О победах богатыря над Соловьем-разбойником и Идолищем рассказано подробнее с использованием тех же деталей, что и в лубочном тексте. В дореволюционных записях такая комбинация сюжетов на Пудоге не фиксировалась. С печатными источниками связаны и другие тексты Мишкина (см. коммент. к № 235 наст. тома, также: Новиков 2001, сюжет 4, № 10; сюжет 14, № 33; сюжет 18, № 3; сюжет 23, № 16; сюжет 46, № 8). О заучивании исполнителем былин по книге см.: БПК, с. 502.

Публикуется впервые.

№ 296

Про Илью Муромца, как он тридцать лет без ног сидел

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 5, л. 4177—4179, рукопись.

Зап. Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Остров Кривецкого с/с (р. Водла) — от Афанасия Гавриловича Афонина (возраст не указан).

Несмотря на довольно большой объем и попытки исполнителя сохранить хотя бы подобие стихотворного строя, в комментируемом тексте почти не осталось традиционных элементов. В рассказе об исцелении Ильи Муромца много домыслов и явной путаницы (богатыря-сидня исцеляют Алёша Попович и «Егор да Святогор»; они не только пьют вино вместе с ним, но и спускаются в погреба; умеряя силу Ильи, дают ему «своёго зелёного да водоцьки»). Дальнейшее повествование — неумелая импровизация с использованием ряда былинных мотивов. Илья Муромец кладет спящего Алёшу в карман; богатыри расправляются с вражеским войском, в описании которого слышны отголоски исторических песен о русско-турецких войнах (действие происходит в «Бессарабской губернии», Илье и его товарищам противостоят «турецкие воины» во главе со своим «командиром»). Упоминание бочек с вином, подвешенных на цепях, — перенесение из местной редакции сюжета «Дюк Степанович». Обилие бытовых подробностей и многословных повторений привело к бытовизации лексикона, частому использованию не характерных для былин словосочетаний и речевых оборотов («крещёнушки», «ошесточек», «покалякали», «губеренка», «фатерушка», «мы бы с вами да не согласны были» и др.).

Публикуется впервые.

№ 297

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 18, л. 4247—4260, рукопись.

Зап. Е. А. Костюхиным, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Новинка (Сумозеро) — от Акулины Еремеевны Нефёдовой, 84 лет.

Оба сюжета, вошедшие в состав контаминированного пересказа А. Нефёдовой («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ставр Годинович»), принадлежат к тем же редакциям, что и былины А. Сорокина (№ 192 наст. тома; Рыбн., № 133). В первом сюжете соблюдается та же последовательность основных эпизодов, многие из них близки по содержанию. А. Нефёдова использует немало редких формул и характерных для сорокинского стиля словосочетаний. Хотя описание расправы с вражеским войском опущено, Илья Муромец заезжает в «город Смолятна» (Смолягин у Сорокина), жители которого названы «мужиками-смолягинцами». Двор Соловья-разбойника стоит «на семи столбах, на семи верстах» (ср. ст. 319—320 у Сорокина); конь Ильи «знал увертки богатырские» (у Сорокина так характеризуется сам герой — ст. 314). Илья привязывает плененного Соловья-разбойника за волосы к левому стремени (ср. ст. 284—286 у Сорокина), приговаривая при этом: «Ты, Соловей, теперь никуда не денешься!» («От меня, Соловей, никуда не уйдешь!» — ст. 369 у Сорокина). Совпадают наиболее яркие подробности в описании разрушительного свиста Соловья-разбойника («жеребы кобылы жеребилися, поносны бабы разродилися» — ср. ст. 741—742 у Сорокина). Вместе с тем некоторые эпизоды А. Нефёдова излагает конспективно. Иногда она меняет их местами либо пропускает. Число преодоленных богатырем застав сокращено с трех до двух (нет речки Смородинки); нападение дочери Соловья-разбойника на Илью предшествует поединку с самим Соловьем; не упоминается «золота казна», которую дети Соловья везут по приказу богатыря в Киев, а главное — не рассказывается о ссоре Ильи с князем Владимиром. Отсутствие сюжета

о ссоре у А. Нефёдовой и ряда других сказителей, варианты которых отчетливо связаны с былиной А. Сорокина (см. № 192 наст. тома), можно объяснить тем, что и сам сказитель не при каждом исполнении включал его в свой текст.

Былину о первой поездке Ильи Муромца А. Нефёдова неожиданно соединяет с былиной о Ставре Годиновиче. Формальный характер контаминации очевиден — «старому казаку Илье Муромцу», только что с триумфом занявшему почетное место среди киевских богатырей, далее отведена роль легкомысленного хвастуна, пассивно ожидающего помощи от своей жены. Вероятнее всего, это — индивидуальная новация исполнительницы, не случайно в конце пересказа она все-таки назвала героя «Ставром». Вторая часть произведения фрагментарна, сбивчива, но и в ней обнаруживается немало схождений с былиной А. Сорокина (Рыбн., № 133). Совпадает перечень примет, по которым племянница князя Владимира опознает в «грозном после Васильюшке» (у Нефёдовой — «Василии Буслаевице») женщину. Близки по содержанию описания выведывания пола мнимого жениха (у Нефёдовой нет лишь испытания борьбой) и финальные эпизоды. Сходные метафорические образы использованы в сцене узнавания Ильей-Ставром своей жены. Сравнительно редкий эпитет «погреба стосаженные» наряду с более распространенным «погреба глубокие» иногда использовал и А. Сорокин (см. № 192 наст. тома, ст. 780, 782). Некоторые детали позаимствованы А. Нефёдовой из местной редакции былины о Дюке (герой сообщает жене о своей беде, положив «записочку» коню под седло).

Пересказ А. Нефёдовой тяготеет к ритмизованной прозе. В нем немало постоянных эпитетов и типичных для былинного стиля словосочетаний, сохранились фрагменты развернутых эпических формул, а в описании пира и похвальбы героя последовательно выдержан стихотворный строй. Лексика комментируемого текста в основном традиционна, лишь изредка исполнительница выходит за рамки былинного канона («доходами своими хвастает, достатками», «как хозяина добыть оттуль»). Превращение «платья цветного» в «платье сусветное» («У меня плятья на весь свет будет») — наглядное подтверждение усвоения текста на слух.

Публикуется впервые.

№ 298

Об Илье Муромце

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 10, л. 4201—4208, рукопись.

Зап. Ю. А. Новиковым, Ю. И. Смирновым: июль 1957 г., д. Кривцы Кривецкого с/с (р. Водла) — от Дарьи Филипповны Маташёвой, неграмотной, родом из д. Отовозеро, 58 лет.

Сбивчивый и путаный пересказ, в котором использованы некоторые детали из былин об Илье Муромце и Ставре, а главный герой совершает поступки, свойственные обоим этим богатырям. «Стражники» убитого героем Соловья-разбойника посадили Илью в колодец, откуда его выручила жена.

Публикуется впервые.

№ 299

Про Илью Муромца

ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 24, ед. хр. 35, л. 0400—0402; рукопись.

Зап. М. Соломиной: июль 1960 г., д. Римское — от Евгении Ивановны Ермолиной, 55 лет.

Пояснение исполнительницы: «Слышала об Илье Муромце от мужчины с Авдеева (после войны). Так народу тут человек пять-десять слушало, привилось всем» (л. 0402).

59 Зак. 3427

С былинным эпосом текст связывает лишь имя Ильи Муромца. В роли его боевых соратников выступают брат и сын богатыря. Основное содержание произведения составляет утверждение величия и непобедимости России.

Публикуется впервые.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

(№ 300—305)

Былина относится к числу редких в Прионежье, в небольшом количестве вариантов известна на Зимнем Берегу, Пинеге и Печоре. Одним из лучших среди публикуемых является полный, обстоятельный (531 стих), отличающийся большими художественными достоинствами вариант А.М. Пашковой (№ 302 наст. тома).

№ 300

Алёша и Тугарин

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 12, тетр. 2, л. 184—186, полевая карандашная запись; ед. хр. 19, л. 143—146. Опубл.: С.—Ч., № 13.

Зап. С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной, Ю. А. Самариным: 12 июля 1928 г., д. Семеново — от Григория Алексеевича Якушева, 65 лет.

Разночтения ед. хр. 12, 19

Ст. 1 *Алешенька* (ед. хр. 12); ст. 2 *А* приехали (ед. хр. 12, 19); ст. 3 *А на* росстани (ед. хр. 12); ст. 4 сторонку ехать *убиту* быть (ед. хр. 12); ст. 6 поехал-то *со Олёшенькой да Поповичем* (ед. хр. 12); ст. 7 у *Дудана* (ед. хр. 12); ст. 8 огнем-то *ведь* жгёт; ст. 8—9 как *конь-то веселится, на уход от него* (ед. хр. 12); ст. 10 завернули оны (ед. хр. 12); ст. 17 ведь (ед. хр. 12); ст. 17—18 сравнялсе (ед. хр. 12); ст. 20 милостыни-*денежной* (ед. хр. 12); ст. 22 ударит (ед. хр. 12); ст. 25 *как* хотел ему спороть *да ... да* молится (ед. хр. 12); ст. 27 *да* ме́ньшой брат; ст. 28 *да видь* отсутствует (ед. хр. 12), *да* то буду и делать (ед. хр. 12); ст. 33 да порасфастались *своей силушкой* (ед. хр. 12); ст. 39 молодецькиех тут оны да со (ед. хр. 12); ст. 41 *а* слититься им будто петухом-*то* (ед. хр. 12), слетиться (ед. хр. 19); ст. 43 поганая-*де* Дуденище, сильняя *да могучая* (ед. хр. 12); ст. 44 смету (ед. хр. 12); ст. 45 *тут* Дуданище (ед. хр. 12); ст. 46 ударил его *своей* (ед. хр. 12); ст. 48 у ёго (ед. хр. 12); ст. 49 тут-*то* Дуданину-*де* (ед. хр. 12).

Наиболее вероятный основной источник данного текста — книга. Г. Якушев повторил двухчастную композицию варианта из сборника Кирши Данилова (№ 25), сохранив целый ряд специфических ее особенностей. У придорожного камня с предупреждающей надписью Алёша Попович и его спутник Яким выбирают, по какой дороге им ехать (редкое имя Еким / Яким в Прионежье было зафиксировано только в книжных по происхождению былинах Г. Якушева и Н. Кигачева — см. следующий текст). Герой дважды сражается со своим противником, прибегает к тем же хитростям, что и в варианте из сборника Кирши Данилова: встретившись с ним в поле, прикидывается немощным стариком, а в Киеве упрекает в нарушении уговора биться один на один («У тя силы теперь назади и сметы нет!»). Вместо традиционного имени Тугарин сказитель использовал не имеющий аналогов в других пудожских записях антропоним Дуданин Поганых. Возможно, это имя, во время записи однажды прозвучавшее как «Дуденище» (см. ст. 43 в разно-

чтениях), навеяно отчеством персонажа редкой исторической песни «Щелкан Дудентьевич», фиксировавшейся на Кенозере (Гильф., № 235, 269 и др.). Ср. отчество жены Соловья-разбойника в колодозерской былине — «Дудентьевна» (№ 167 наст. тома). Благодаря заимствованию из сюжета «Добрыня и Змей», входившему в репертуар сказителя (СБ 16, № 42), удалось избежать алогичного (двойного) убийства одного и того же врага. Первый поединок завершается братанием богатыря с Дуданином. Былинная концовка «А Олёши слава не минуется» совпадает с аналогичной формулой в былине Н. Прохорова «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» (Мил., № 94).

№ 301

Про Алёшу Поповича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 22, машинопись.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Н. Кигачев не назвал «Алёшу и Тугарина» в числе былин, заученных им по хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (БПК, с. 488—490). Однако именно эта публикация, восходящая к сборнику Кирши Данилова (№ 21), положена в основу его варианта, о чем свидетельствуют совпадения ряда нестандартных деталей. Как и в книге Оксенова, Алёша Попович и Яким Иванович на перекрестке дорог раздумывают, в какой город им ехать; они ночуют возле Сафат-реки. В тексте описывается только первый бой героя с Тугарином, завершающийся убийством Змеевича; Еким Иванович принимает своего соратника, переодевшегося в нарядное «трофейное» платье, за Тугарина и бьет «шелепугой подорожной», а потом с помощью калики перехожей приводит в чувство. Пудожский сказитель опустил некоторые оригинальные подробности повествования (в частности, не упомянул, что шелепуга «налита свинцу чебурацкаго»), произвел ряд лексических замен (Алёша и Еким едут рука об руку вместо исходного «стремечко в стремечко богатырское»; конь Тугарина сравнивается с лютым Змеем, а не с традиционным «лютым зверем»). В ст. 40 употреблено слово «витязи», обычно чуждое лексикону сказителей былин.

Публикуется впервые.

№ 302

Про Алёшу Поповича

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 80, л. 747—825, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 5.

Зап. Г. Н. Париловой: июль 1939 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 74 лет.

На л. 747 об. пояснение А. М. Пашковой: «Слыхала от слепого кореляка в Семенове. Много не ходил, называли „Пеша слепой" (колдун, ворожун). Он-то лучше моего пел. Давно было. За один-то раз тяжело было ему петь. Я ходила к нему слушать. Для сказки у меня того голосу нет». На л. 748 об.: «У Зубова слыхала об Киеве: „У калеки были камни яхонты". Каждого-то слова не припомнишь».

Разночтения БПК, № 5.

Ст. 7 *на* широкой; ст. 190 (ст. 189 ркп.) *Я* к граду; ст. 252 (ст. 251 ркп.) он уехал *ко* городу *ко* Киеву.

«Былина принадлежит к числу редких в Прионежье, в небольшом количестве вариантов известна на Зимнем Берегу, Пинеге и Печоре. Довольно часто встречается в Сибири; известна на Дону ⟨...⟩.

Полный, обстоятельный (531 стих), отличающийся большими художественными достоинствами вариант Пашковой является одним из лучших среди опубликованных. Заключая в себе все основные эпизоды прионежских вариантов (Гильф., № 99; Рыбн., № 27), он разрабатывает также эпизод боя Алёши, переодетого каликой, с Тугариным, который, по словам А. В. Маркова (см. Марк., с. 8), принадлежит к числу неизвестных в Олонецкой губ. сюжетов и входит в сибирский репертуар. Как и в былинах о Чуриле и Потыке (БПК, № 1, 9), сказительница стремится с исчерпывающей полнотой раскрыть образ героя. В данном случае внимание сосредоточивается на эпизодах, изображающих подвиги богатыря. Характерно, что Алёша выступает без спутника (Екима Ивановича, Торопа и т. п.), который неизменно сопровождает его в других вариантах былины, а в отдельных случаях (Азадовский, № 40) играет первенствующую роль. Широко используя известные ей былинные и в некоторой мере сказочные мотивы, Пашкова вводит новые эпизоды и этим расширяет рамки обычного повествования о бое Алёши с Тугарином. Против обыкновения былина начинается не с выезда Алёши из Ростова, а с рассказа о его детстве и молодости, на котором заметно влияние былины о Василии Буслаевиче (ст. 1—10). Дальнейшее повествование развертывается совершенно оригинально. Алёша отправляется в дорогу пешком и, не найдя „ни гуся, ни лебедя", собирается застрелить черного ворона. Этот эпизод и мотив спасения девушки встречаются в былине о Михайле Казарине (тот же сюжет с заменой Казарина Алёшей см. Кир. II, с. 80; Марк., № 64), но в данном варианте выступают в сказочной обработке. Сказочным является и способ добывания коня и богатырских доспехов (см. Андреев, № 508). Возможно, что эту часть текста следует целиком отнести на долю личного творчества сказительницы, тем более что по поводу былины об Алёше она заметила: „Немножко слыхала, а остальное — сама". Последующие эпизоды — встреча и разговор богатыря с каликой, диалог на пиру между Алёшей и Тугарином, бросание ножа последним, мена платьями с каликой — обычно входят в былину о Тугарине, а также и в былину „Илья Муромец и Идолище поганое", которая генетически связана с былиной об Алёше и Тугарине. Встречаются также мотивы, связанные с другими былинными сюжетами, например мотив „записей великих" («Илья Муромец и Калин-царь»). Начиная со ст. 463 Пашкова использует сюжет былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Обращает на себя внимание образность речи героев (см. слова «Леонтья, попа ростовского» — ст. 14—19, ответ Алёши боярину — ст. 485—487 и др.).

Еще прежними исследователями было указано на двойственный характер образа Алёши в русском эпосе (см.: *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 2. С. 153—162). В древнейших былинах он выступает как „удалой хоробр", выделяется своей смелостью и „напуском". Позднее на его образ были перенесены антипоповские настроения исполнителей, с ним связали такие сюжеты, как „Неудавшаяся женитьба", „Алёша Попович и сестра Збродовичей", и теперь Алёша Попович чаще всего выступает в роли „женского прелестника", „бабьего пересмешника". Сибирские варианты былины дают героический образ Алёши; это говорит об архаичности сибирского репертуара. Публикуемый вариант, как и сибирские, дает образ отважного победителя чудовища Тугарина. Интересно, что Алёша недоволен своим поповским происхождением и заявляет отцу: „Не могу я выносить названьица поповского". Историческим прототипом Алёши считают Александра Поповича, „храбра" ростовского. В летописных преданиях XIII в. рассказывается об Александре Поповиче, который вместе со слугой Торопом служил сначала ростовскому, а затем киевскому князю и который погиб в битве на Калке в 1224 г. Вс. Миллер считал, что в основе былин об Алёше и Тугарине лежат исторические предания о борьбе русских с кочевниками, а именно с половецким ханом XI в. Тугорканом» (БПК, с. 465—466).

№ 303

Алёша Попович и Яким Иванович

Архив ФК МГУ, 1957, Сев. экспед., п. 1, тетр. 1, № 1, л. 4162—4165, рукопись.

Зап. Б. П. Кербелите, Ю. А. Новиковым: июль 1957 г., д. Кривцы Кривецкого с/с (р. Водла) — от Алексея Ивановича Анкудинова, 52 лет.

Собиратели сообщают: «По сведениям, полученным от местных жителей, в Кривцах в начале этого века старики пели старины. А. И. Анкудинов хорошо помнит Ивана Васильевича Федорова, от которого он и перенял начало этой былины. Федоров приходился родственником другому мастеру былин — Пахомову Тимофею Васильевичу. Кроме старины об Алёше Поповиче и Якиме Ивановиче, Федоров пел „про Илью Муромця", пел „про Грозного царя Ивана Васильевича". Об остальных его былинах никто ничего не помнит. Федоров умер во время Отечественной войны лет шестидесяти от роду. А. И. Анкудинов перенял от него начало былины об Алёше Поповиче и Якиме Ивановиче, которую тот больше всех любил петь. Этот отрывок Анкудинов запомнил, видимо, случайно, часто пел, текст сохранился очень хорошо. Причем пел он только начало, так как дальше не знал ни одной строки, не мог даже передать содержания. Интересно, что былины он не называет старинами, как здесь принято, а зовет былинами. Всех, кто поет или рассказывает что-нибудь, называет сказителями. Анкудинову 52 года, он рассказывает юмористические стихи литературного происхождения».

Ю. И. Смирновым и В. Г. Смолицким текст определен как «книжный», т. е. усвоенный исполнителем из книги (ДиА, с. 397, перечень вариантов былины «Алёша Попович и Тугарин»).

Книжные корни этого сюжета подробно раскрыл Ю. А. Новиков. «Начало былины почти дословно повторяет первые 30 стихов варианта из сборника Кирши Данилова. У Анкудинова добавлен 26-й стих, варьирующий предыдущую строку, и механически повторено содержание надписи на камне (ст. 16—19). Фрагмент заучен исполнителем по „Книге былин" Авенариуса, поскольку большинство отклонений от фольклорного прототекста совпадает с текстом Авенариуса: у Кирши Данилова — „плеча о плечо", „стремяно в стремяно", „зверя прыскучева", „какой дорогой изволишь ехать?"; у Авенариуса и Анкудинова — „плечо в плечо" [„плецё в плецё"], „стремя в стремя", „зверя порыскучего", „какой дорожкою [дороженькой] изволишь путь держать?" и др. К этому же источнику восходит 26-й стих текста Анкудинова — Авенариус употребил такую же формулу в другом эпизоде былины» (см.: Новиков 2001, с. 148).

Публикуется впервые.

№ 304

Про Алёшу Поповича

ФК МГУ, 1960, Сев. экспед., п. 3, тетр. 24, № 56, л. 0446—0449, рукопись карандашом.

Зап. М. Соломиной: июль 1960 г., д. Коково Песчанского с/с Пудожского р-на Карельской АССР — от Александры Андреевны Никоновой, уроженки д. Авдеево на Купецком озере, грамотной, 73 лет. Опубл.: ДиА, № 44.

Разночтения ДиА, № 44

Ст. 3 *вывел* коня с конюшни; ст. 7 *А* что ты каркаешь; ст. 14 *на татаров, за ноги* схватил; ст. 15 *не в Москву поехал, а в Киев*; ст. 18 *А* потом *воевали*.

Рассказ А. А. Никоновой «близок к начальной части сводных былин: об Алёше Поповиче, записанной в 30-е годы XX в. от пудожской певицы А. М. Пашковой (БПК, № 5), и былины об Алёше Поповиче и Илье Муромце, записанной в 70-е годы XIX в. в г. Мезени (Т.—М., отд. II, № 31). У А. М. Пашковой Киев осаждают татары во главе с Тугарином, в мезенской записи — из орды великой сила неверная во главе с Василием Прекрасным. Во всех трех случаях рассказ о встрече Алёши с Тугарином в Киеве вытеснен историей о том, как Алёша погубил силу под Киевом, еще не будучи в городе, оставаясь неизвестным князю Владимиру и его окружению. Эта история навеяна соответствующими мотивами из былин об Илье Муромце («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь»)» (ДиА, с. 405—406).

№ 305

Алёша Попович и Еким Иванович

Архив Петрозаводской консерватории, пленка № 57, оп. № 1365 «Как из славного Ростова» («Алёша Попович и Еким Иванович»). Вариант нотации той же записи опубл.: Песни Карельского края / Сост., вступ. статья Т. Краснопольской. Петрозаводск, 1977. № 166.

Зап. А. Ф. Фониной, Р. Н. Евсеевой: 1972 г., д. Кривцы Пудожского р-на — от Алексея Ивановича Анкудинова, 77(67?) лет.

Нотация Е. И. Якубовской.

При повторной записи А. Анкудинов почти без изменений повторил свой первоначальный текст — начало былины из сборника Кирши Данилова (см. № 303 наст. тома).

МИХАЙЛО ПОТЫК

(№ 306—318)

Северное и восточное побережье Онежского озера — основной район бытования этой сравнительно редкой эпической песни. На Пудоге она записывалась от 7 сказителей, многие тексты отличаются композиционной усложненностью, хорошей сохранностью сюжетных элементов. Лучший среди них — вариант Н. Прохорова с Купецкого озера, с которым генетически связаны тексты Г. Якушева, И. Фофанова, а также усвоенные по книге былины А. Пашковой и Н. Кигачева. В соседних регионах собиратели либо вообще не зафиксировали этот сюжет (Выгозеро, Кенозеро), либо записывали единичные, подчас фрагментарные варианты (Каргополье, Кижи).

Прионежские записи не дают оснований, для того чтобы причислять былину о Михайле Потыке к змееборческим сюжетам и связывать Марью Лебедь Белую с потусторонним миром (РГЭ, с. 118; Новичкова, 1988; Черн., с. 283 и др.). В эпических песнях, сказках и духовных стихах (не только русских) змееборцы физически уничтожают своих противников. Михайло Потык поступает так лишь в дефектном тексте Т. Рябинина (Рыбн., № 12, дополнения в подстрочном примечании), перекликающемся с золотицкой версией сюжета (в змею превращается его жена). Во всех остальных вариантах укрощение Змеи — необходимое условие оживления Марьи, после которого она и получает прозвище «бессмертная». Большинство сказителей изображает ее как неверную жену (ср. сюжеты «Иван Годинович», «Царь Соломан и Василий Окулович»), наделенную к тому же колдовскими способностями (ср. сюжет «Добрыня и Маринка»). В этом контексте однократное превращение в змею с целью погубить богатыря выглядит вполне логичным. В народной мифологии и фольклоре змея — не только хтоническое существо, у нее немало других ипостасей. В той же архангельско-беломорской версии комментируемого сюжета она выступает еще и

в роли помощницы богатыря — в благодарность за оказанную ей услугу освобождает Михайла Потыка от пут, оживляет его жену и т. п. А «змея подземельная» обычно появляется в склепе, для того чтобы есть («точить, сосать») «тело мертвое», т. е. саму Марью Лебедь Белую. Примечательно, что этот мотив имеется во всех повестях и пересказах XVII—XVIII вв., кроме одного фрагментарного текста (БЭП, № 36—41). Во второй части былины нет никаких намеков на связь героини с загробным миром. Уйдя от мужа, она не питает к нему вражды; он сам преследует бывшую жену, провоцируя этим ее ответные действия.

Обращают на себя внимание явные противоречия в изображении главного героя. В первой части былины он предельно активен и предусмотрителен, наделен особым знанием. Вопреки советам князя Владимира, Ильи Муромца и других киевлян, Потык отправляется в могилу с умершей женой; только он знает, что его ждет встреча с подземельной змеей, знает, как укротить ее и выведать тайну бессмертия. Во второй части сюжета богатырь проявляет поразительную неосмотрительность и пассивность, не может сориентироваться в элементарных ситуациях и остается в живых лишь благодаря помощи других персонажей. Б. Н. Путилов справедливо связывал подобную метаморфозу с обычной для народного эпоса оппозицией «прозорливость героя—его слепота», нередко возникающей в пределах одного произведения (*Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 181). Но не исключено, что подобная несогласованность является следствием сравнительно позднего формирования сложной по структуре эпической песни-поэмы. Отсутствие сильных логических связей между отдельными эпизодами нередко приводило к их обособлению, причем в самостоятельные, относительно завершенные произведения оформлялись как первая, так и вторая часть сюжета (КД, № 23; Онч., № 57; Гильф., № 150, а также № 311, 312, 315 наст. тома, Конашков; Фофанов).

Несмотря на расхождения в деталях, все пудожские записи «Потыка» принадлежат к одной версии сюжета. Результаты текстологического анализа позволяют утверждать, что А. Пашкова и Н. Кигачев (№ 314, 317 наст. тома) усвоили ее не из устной традиции, а из книг. От второго сказителя записан еще один книжный по происхождению вариант, генетически связанный с былиной из сборника Кирши Данилова (КФАН, кол. 2, № 23).

№ 306

Михайло Потык сын Иванович

Рыбн., 1861, № 37.

Зап. П. Н. Рыбниковым: май—июнь 1860 г., д. Колодозеро Пудожского у. — от крестьянина, 90 лет (его имя не зафиксировано собирателем).

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 355 забыдущаго — от которого впадают в забытье; ст. 520 тут старик не мог припомнить стихов; к пересказу после 520 ст. незамоги — занемоги.

Сложная по составу былина колодозерского старика полностью укладывается в рамки прионежской версии сюжета, в основном примыкая к редакции, бытовавшей в районе Купецкого озера. С вариантами Н. Прохорова и его преемников совпадают все ключевые эпизоды, некоторые оригинальные детали и формулы. Добрыня Микитинич отправляется за море «прибавливать Земельки Святорусския, коренить (корить, покорять?) языки человечески» (ст. 23—26, 131—134). Это единственная близкая параллель к соответствующей формуле «Утицы», отсутствующей даже у его непосредственных преемников, что позволяет считать ее не индивидуальной новацией этого сказителя, а традиционным, хотя и редко встречающимся эпическим стереотипом. В тексте не конкретизируется, кто является инициатором «заповеди» живому супругу идти в могилу вместе с умершим; роль вестников отведена «голубю да голубушке»; заколдованного богатыря «отворачивает» Микола Можайский. Последний мотив с незначительным варьированием имени

святого использован в былинах ряда олонецких певцов (П. Калинина — № 307, 308 наст. тома; П. Прохорова, каргопольского калики из Красной Ляги — Гильф., № 40, Рыбн., № 196). Как и в старинах Н. Прохорова, Г. Якушева (№ 309, 310 наст. тома), после расправы с неверной женой и царем Вахрамеем Потык женился на сестре своего соперника и «в том царстве царем стал». У других прионежских певцов, в повестях и пересказах XVII—XVIII вв. сюжет завершается возвращением героя в Киев. Мотив переодевания богатыря в женское платье сближает комментируемый текст с толвуйскими вариантами А. Тимофеева и П. Прохорова (Гильф., № 39, 40), калики из Красной Ляги (Рыбн., № 196) и А. Чуповой с Мезени (СБ 4, № 112). Колодозерский старик использовал его дважды: Потык прибегает к хитрости, чтобы расправиться с непрошеными женихами (ст. 309—337) и тайком скрыться от коварной жены (ст. 528—532 — ср. с былиной Н. Прохорова). В одном из толвуйских вариантов князь Владимир, не решаясь противостоять войску иноземного короля, добровольно выдает ему Марью Лебедь Белую (Гильф., № 39). В комментируемом тексте этот мотив («для одной бабы не погибать целому царству») получает дальнейшее развитие. Возмущенный решением князя Владимира, Потык предлагает, чтобы он сам отдал врагам свою жену, вступает в борьбу «с царями и царевичами, королями и королевичами» и с помощью хитрости одолевает их (ст. 294—337). Имя главной героини Марья у колодозерского старика такое же, как и в прочих олонецких записях, а вот ее отчество (Лиходеевна) необычно для местной традиции. Самые близкие параллели к нему (Авдотья Леховидьевна, Лиховидовна, Лихотовна) обнаруживаются в сборнике Кирши Данилова (№ 23) и в повестях и пересказах XVII—XVIII вв. (БЗП, № 37, 39 и др.). Среди севернорусских записей только в комментируемом тексте отражен древнеславянский обычай — при крещении взрослого человека менять ему имя: Марья Подоленка дочь Лиходеевна становится Настасьей Лебедью Белой дочерью Лиходеевной (ср. БЗП, № 37, 39 и др., но без упоминания первого имени героини). В былине колодозерского певца оригинально реализуется представление о том, что воскресший человек получает некий особый дар. Настасья превращается в такую красавицу, какой нет больше «под красным под солнышком». У Н. Прохорова и калики из Красной Ляги она становится бессмертной; второй исполнитель мотивировал это народным поверьем: «Другая смерть человеку не бывает» (Рыбн., т. 2, с. 562).

Былина о Михайле Потыке, как и другие тексты колодозерского сказителя, отличается неспешным, эпически размеренным повествованием, богата архаичными реалиями, давно вышедшими из употребления оборотами речи; многие строки звучат как живой, прорвавшийся сквозь века голос Древней Руси. Рядом с условными былинными топонимами (горы Сорочинские, город Налетов) упоминаются исторически достоверные — Земля Волынская, рубеж Волынский, Подолье. Традиционные, известные по десяткам прионежских записей былинные стереотипы дополняются не менее точными и выразительными оригинальными формулами, быть может отражающими художественную практику предшествующих поколений эпических певцов. Вот некоторые из них: «дороги тавлеи красна золота»; «ковш питья забыдущего»; «кинуло его в забытку спать»; «начнем на каменю деньги паевать»; «на здым здынул бы два каменя»; «не мог под камень ветра подпустить» (о Добрыне, которому не удалось оторвать от земли «бел горюч камень»); «одна стала грязь подпорожная» (от змееныша, которого богатырь раздавил каблуком). В былине упоминаются «изба куреная» (видимо, курная), в которой Настасья Лиходеевна «расковала» Михайла на стене; «маковка красна золота», венчающая «шатер белополотняный». Удачно и перенесение из сюжета «Царь Соломан и Василий Окулович»: Вахрамей Вахрамеевич отказывается убивать сонного богатыря («Единое древо не темный лес, А един человек не лес в поле!»). Не исключено, что когда-то эта формула была эпическим «общим местом», но впоследствии закрепилась только в былине о хитроумном царе Соломоне.

№ 307

О Михайле Потыке Ивановиче

Рыбн., 1867, № 12.

Зап. местным писарем: д. Рим (Римское) — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Пояснения П. Н. Рыбникова к тексту: ст. 13 Второй раз певец пел: каменну орду; ст. 58 опоцев — опочив; ст. 74 скошевалися — собрались в кош, т. е. в лагерь, стан оседлый; ст. 293 спачливый — удачливый; ст. 305 вспахнулися — вспомнили с беспокойством; ст. 416 наб — надо бы; ст. 433 тяла — потащила (от «тягать»).

Первая по времени запись былины, сделанная от П. Калинина по поручению П. Н. Рыбникова местным писарем. И хотя сказитель дважды исполнил эту былину (либо ее начало), о чем свидетельствует примечание к ст. 13 («второй раз певец пел: „каменну орду"»), качество записи оставляет желать лучшего. Ср. повторную запись от того же исполнителя — № 308 наст. тома. А. Ф. Гильфердингу Калинин пропел гораздо более полный и стройный вариант, объем которого увеличился с 504 до 971 стиха. Видимо, это связано не столько с недостатком опыта у собирателя-любителя, сколько с нежеланием певца сотрудничать с ним, на что указывал Рыбников (Рыбн., т. 2, с. 54). Комментируемый текст явно записывался не с пения, о чем свидетельствует почти полное отсутствие повторяющихся предлогов, инициальных, вставных и постпозитивных частиц. Сошлемся на один из фрагментов былины в записях разного времени.

Рыбн., № 12

«Михайла ты Потык Иванович!
Не стреляй меня *нынче*, лебедушки.
Я есть не белая лебедушка,
А *та* красна девушка
Марья-подоленка,
Марья-подоленка — королевична...»

Гильф., № 6

«*Ай* Михайла Потык сын Иванович!
Не стреляй-*ко* ты *же* белою лебедушки.
Я есть *же нонь* не белая лебедушка,
Есть *же* я *да* красна девушка,
Марья Лебедь Белая *да* королевична,
Королевична *да* я подолянка».

В композиционном плане оба варианта почти идентичны, но в деталях повествования и поэтическом оформлении немало расхождений. В 1871 г. Калинин дополнил типовыми деталями целый ряд формул (ср. ст. 1—5, 10—19, 24—30, 90—96, 236, 246, 260—2 61, 277—2 79, 414—416 в первой записи и соответствующие им стихи 1—7, 13—35, 109—122, 194—205, 483—486, 498—500, 527—534, 572—581, 818—837 во второй). Набор сюжетообразующих мотивов практически не изменился, добавилась лишь одна содержательно значимая деталь: Микола-святитель говорит, что спустится на землю, дабы избавить Михайла Потыка «от смерти от напрасною», его уговорила Богородица (ст. 811—814). Видимо, новацией сказителя является нежелание Михайлы Потыка идти живым в могилу на два месяца — он сократил оговоренный с женой срок до половины месяца (ст. 232—234); в повторной записи этой детали нет. Бога-

тырь берет с собой железные и медные прутья; в варианте 1871 г. к ним добавились еще и «прутья оловян⟨н⟩ыи», что характерно для местной традиции. Как и в записи Гильфердинга, Михайло Потык без всякой надобности переодевается в «платья женские» (ст. 281 и 583—584). Это не оплошность исполнителя; вероятно, он был знаком с одной из олонецких модификаций сюжета, в которой переодетый женщиной герой истребляет незваных женихов (Рыбн., № 196; Гильф., № 40 и № 306 наст. тома). Сказитель лишь дважды вышел за рамки традиционного былинного лексикона. Михайла Потык и его невеста «сочинили законный брак» (ст. 116); отправляясь в могилу вместе с умершей женой, богатырь «пищу забрал на полмесяца» (ст. 236). В повторной записи этих формулировок нет.

№ 308

Михайло Потык

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 36—54 (л. 53—72). Опубл.: Гильф., 1873, № 6, стб. 47—66. Полевая запись; текст — карандашом; номер, заглавие, дописи, пунктуация, место и дата записи — чернилами. На полях слева записана и зачеркнута фраза: «Мужики скашевалиси, ростулялися́ (далее текст неразборчив. — Сост.)». Под заглавием в скобках: «См. Рыбникова, т. IV, № 12». На л. 38(55) окончание биографической заметки о Калинине. Под текстом: «Записано там же, 21 июля».

Зап. А. Ф. Гильфердингом: 21 июля 1871 г., д. Рим (Римское) Пудожгорского погоста — от Петра Лукича Калинина, 43 лет.

Пояснения А. Ф. Гильфердинга: ст. 136 скашевалися — т. е. взбунтовались; ст. 143 ростулялися — попрятались.

Разночтения Гильф., № 6

Ст. 3 испр. из: *Вси-то на пиру да напивалиси*; ст. 7 испр. из: *И вси на пиру да поросхвастались*; ст. 8—9 испр. из:

Солнышку Владимиру да нечем нам похватстати,
У нас дани-выходы да приосталися
Во большой земли, в Каменной Орды.

Ст. 14 испр. из: *Испроговорит Владимир стольне-к⟨иевский⟩*; ст. 33 испр. из: *Повыправь-ко там дани-выходы*; ст. 136 испр. из: Там мужички да вдруг да *скашевалися*; к слову *скашевалися* на полях помета: взбунто⟨вались⟩. Ст. 138 испр. из: *Распорядился старый к⟨азак⟩*; ст. 184 испр. из:

Приезжае он ко солнышку Вл⟨адимиру⟩,
Ай ко князю стольне-киевску.

Ст. 186 испр. из: *Ходил же он по заводям*; ст. 196 испр. из: *Есть тут же нонь не белая лебедушка*; в ст. 206 описка: *задавался* вм. *зрадовался*; после ст. 237 зачеркнуто *Приняли же с ей да по злату венцю, Стали с ею век коротати*; ст. 238—242 и 243—252 были отчеркнуты и помечены к перестановке; ст. 280—282 испр. из:

И поеду ныньчу да без даней-выходов». —
А Михайла Потык сын Иванович
Приезжает он к царю Бухáрю заморскому.

Ст. 290 испр. из: *ёрлычки да он скорописчаты*; ст. 301 испр. из: *Что ли выходы в чистом поли остали-си*; ст. 326—327 испр. из: *Тую проиграл же он своего добра коня, Он проиграл свою буйну голову*; ст.

372 испр. из: *Повыиграл же он да дани-выходы*; ст. 410 испр. из: *Выставил*; ст. 415 испр. из: *Получай же нынь ты царство все заморское*; ст. 433 испр. из: *Князь же его да было спрашивать*; ст. 452 *тобе* подчеркнуто *о*; ст. 454 испр. из: *Городов мне нонь с пригородками*; ст. 480 испр. из: *Чтобы стоя стоять мошно да сидя сидеть*; ст. 488 испр. из: *Велел же тут ковать*; ст. 529 испр. из: *Она было во гроби проглаголила*; ст. 534 испр. из: *Каб не я, так ты бы век же проспала*, над зачеркнутым *же* надписано *нынь*, выше вписан окончательный вариант: *бы*; ст. 555 описка: *Посылала он*; ст. 595 испр. из: *Сама же тут королю да испроговорит*; ст. 643 испр. из: *Тут выходит*; ст. 650 *Седатая* калика; ст. 662 испр. из: *Испроговорят тут*; ст. 709 испр. из: *Тяжелешенько по нём я ныньче плачу есть*; ст. 735 испр. из: *Мне-ка-ва пойти надо в другую*; ст. 737 испр. из: *Испроговорят русскии*; ст. 742—745 испр. из:

Ты дели-тко нунь подарочки великии». —
Эта нунь калика было старая,
Хоть бы старая калика да матерая,
Хоть матерая...

Ст. 757 испр. из: *Кто же здыне этот камешок*; ст. 757 и ст. 758 записаны в обратном порядке и помечены цифрами к перестановке; ст. 763 испр. из: *Испроговорит калика старая*; ст. 775 испр. из: *За белыи горючий за камешок*; ст. 782—784 испр. из:

И здымае этот камешок через плечо
И сама она же к каменю да приговариват:
«Гди был нунь бел горючий...

Ст. 819 испр. из: *Ах ты, братец ныньчу названыи*; ст. 835 испр. из: *Не жена теби она есть*, а *волшебница*; ст. 843 испр. из: *Политовскому королю да земли-польскому*, к словосочетанию *земли-польскому* справа на полях карандашная помета: *sic*; в ст. 869 к словам *тащат си богáтыря* внизу помета: *sic*; ст. 880 испр. из: *Побегала она искать-то гвозда пятого*; в ст. 887 описка: *челядинного* вм. *челядинныих*; ст. 892 испр. из: *Забила туда гвозда*; ст. 897 испр. из: *Прожил у Настасьи он трои суточки*; ст. 899 испр. из: *Как у той же было Настасьи королевичны*; справа от ст. 939 карандашная помета: *sic*; ст. 946 *розсерделся* подчеркнуто *е*; ст. 947—948 записаны в обратном порядке и цифрами (карандашом) помечены к перестановке; ст. 948 испр. из: *Ай отнес же королю да буйну голову*; ст. 967 справа на полях карандашом помета: «так поправить».

При фиксации былины и подготовке ее к публикации применена выработанная Гильфердингом система сокращений с использованием букв и особых знаков: ст. 86—103 отчеркнуты и помечены А—Б. На месте ст. 106—123 пропуск и указание наборщику чернилами: «Повторить здесь, что отчеркнуто выше, от А до Б». В эпизоде, где описано исполнение богатырями наложенной на них службы, ст. 138—139 отчеркнуты, помечены буквами В—Г; ст. 139—141 отчеркнуты, помечены буквами Г—Д. Фрагмент, ограниченный ст. 142—146, обозначен буквами Д—Е. При этом в данный фрагмент включен повтор ст. 138—139, обозначенный буквами В—Г (ст. 145—146, вместо которых помета чернилами: «повторить, что выше от В до Г»). На месте ст. 151—152, 155—156, а затем ст. 167—168, 171—172, 182—183 пометы чернилами: «Повторить от В до Г». На месте ст. 159—163 и ст. 175—179 пометы карандашом и чернилами: «Повторить здесь, что отчеркнуто выше, от Д до Е». Формула «За двенадцать год да тринадцать лет, За тринадцать лет да с половиною», обозначенная указанием «Повторить В—Г» или «От В до Г», повторяется в ст. 213—214, 228—229, 232—233, 263—264, 270—271, 278—279, 287—288, 321—322, 347—348, 355—356, 360—361, 380—381, 439—440.

Эпизод спешного отъезда в Киев Михайлы Потыка, обыгравшего в шашки царя Бухаря, записан с целым рядом поправок, поскольку исполнитель первоначально выпустил несколько стихов (ст. 411—415) и спел их позже. В рукописи эти стихи обведены карандашом (карандашом Гильфердинг делал пометки не-

посредственно во время записи) и помечены знаком ≠. После ст. 410 собиратель ставит тот же знак и пишет на полях: «Вставить здесь, что отмечено ниже этим знаком: ≠». В 1-м издании указание Гильфердинга было выполнено, но при этом нарушилась связность рассказа и, вероятнее всего, уже в корректуре этот эпизод был дополнен ст. 416, которого нет в рукописи. Ст. 425 помечен знаком г, который повторен после ст. 429: по-видимому, в изложении певца не хватало уточнения к слову (т.е. Михайло Потык). Уточнение не было вписано при полевой записи былины и появилось, по-видимому, уже в корректуре (ст. 430).

Ст. 460—462 помечены буквами Ж—З, отчеркнуты и при повторении через три стиха (ст. 467—469) опущены. Вместо них стоит указание наборщику чернилами: «Повторить здесь, что отчеркнуто выше, от Ж до З». При третьем появлении той же формулы (ст. 550—552) она записана с фиксацией изменения в произнесении начального слова (*Гди* вм. *Где*), далее следует указание «Повторить от Ж до З».

Многочисленные вставки, поправки, уточнения свидетельствуют о том, что текст тщательно проверялся и в отдельных частях слушался дважды.

Вторая по времени фиксация этой былины Калинина; о ее соотношении с первоначальной записью см. комментарий к предыдущему тексту.

Стремясь доказать, что репертуар этого сказителя генетически связан с космозерской традицией, В. И. Чичеров не очень убедительно интерпретировал комментируемый текст. По мнению исследователя, П. Калинин реконструировал дефектную старину своего соседа А. Чукова (Рыбн., № 29, 29а, 29б), дополнив ее отдельными эпизодами, позаимствованными из местной редакции сюжета (Чичеров, с. 119—120, 122). Сопоставление близких по содержанию частей пудожгорских текстов и былины толвуйского певца П. Прохорова (Гильф., № 40) приводит к иному результату. При незначительных, едва уловимых расхождениях в композиции сюжета оригинальные детали повествования в одних случаях совпадают у Прохорова и Калинина, в других — у Прохорова и Чукова. Такое обилие схождений, частичное пересечение прохоровского текста с вариантами обоих пудожгорских сказителей можно объяснить только тем, что былины всех трех сказителей относятся к одной модификации сюжета и вряд ли связаны с космозерской традицией. Об этом свидетельствует и большинство отмеченных В. И. Чичеровым близких параллелей в этих вариантах, которые автор почему-то интерпретировал как проявления космозерской традиции (Чичеров, с. 119—120). В этом перечне исследователь допустил неточность. То, что Настасья-королевична — дочь, а не сестра короля Политовского, «как в большинстве вариантов былины», не является специфической особенностью анализируемых текстов (см. варианты колодозерского старика (№ 306 наст. тома); А. Тимофеева (Гильф., № 39, Толвуй); калики из Красной Ляги (Рыбн., № 196, Каргополье); мезенских сказителей (СБ 4, № 111, 112); записей и пересказов XVII—XVIII вв. (БЗП, № 36, 38—40)). Сестрой короля героиню именовали только пудожане Н. Прохоров и его преемник Г. Якушев (№ 309, 310 наст. тома). Расправа с соперником героя (а не только с неверной женой) тоже зафиксирована в разных регионах России (Н. Прохоров, Г. Якушев, колодозерский старик, калика из Красной Ляги). В былинах П. Калинина и П. Прохорова добавлена подробность — Настасья удерживает богатыря от убийства ее отца и разорения родного королевства.

Есть все основания полагать, что П. Калинин и П. Прохоров усвоили более полную редакцию сюжета, А. Чуков — краткую, без развернутого комплекса традиционных эпизодов и мотивов (встреча героя с Марьей Лебедью Белой во время охоты; женитьба; уговор живому идти в могилу вместе с умершим; укрощение подземельной змеи; чудесное воскрешение Марьи; возвращение супругов на белый свет). Закономерность бытования кратких редакций сюжета подтверждают варианты пудожан Ф. Конашкова (№ 311 наст. тома), И. Фофанова (№ 313 наст. тома), А. Чупрова с Печоры (СБ 2, № 260), Кирши Данилова (КД, № 23), в которых содержится только первая часть этого сюжета. В репертуаре Чукова есть еще одна старина такого типа — «Женитьба князя Владимира», представляющая собой первую часть сюжета «Дунай-сват» (Рыбн., № 24).

Оригинальных мотивов и подробностей, которые объединяют исключительно варианты Калинина и Чукова, немного. Настасья-королевична прибивает на место «распятого» богатыря «татарина мертваго да мерзлаго» (ст. 584—585 в записи Гильфердинга). Оба сказителя, как и П. Прохоров, использовали сравнительно редкую, но традиционную формулу «до вина да есте спадсливый / упачливой» (ст. 604). В текстах Калинина отсутствуют некоторые детали, имеющиеся у Чукова. Описывая братание киевских богатырей, Чуков расставил их «по ранжиру»: Илья Муромец — старший брат, Добрыня Никитич — средний, а Михайло Потык — младший (Гильф., № 150, ст. 41—44). Воскресший Михайло Потык говорит: «Фу, фу, фу, братцы! Я коль долго спал!» (ст. 230). Настасья-королевична «тянула она гвозди с него нёктями» (ст. 272—274). Завернутого в шубу Михайла Потыка Настасья выдает за маленькую служаночку, которая якобы испугалась «раскованного» на стене богатыря. В свою очередь Калинин тоже использовал немало деталей и формул, отсутствующих у его соседа. Возвращаясь в Киев на похороны жены, Михайло Потык предлагает оставить посидельщичком (наместником) проигравшего свое королевство «Бухаря заморского». Увидев «белый горючий камень», Илья Муромец и Добрыня Никитич думают: «Неужто не здынем мы да каменя?» Марья Лебедь Белая при встрече с крестовыми братьями своего мужа притворяется убитой горем: «Тяжелешенько по нём да я же плачу есть». Отправляясь к королю Политовскому, герой «маскируется»: переодевается в женское платье или «приходит каликой перехожей». Оригинальная формула «На пяту-то дверь тут отворяется, Крестовый ёму братец да пихается» часто встречается в текстах, относящихся к водлозерской редакции сюжета «Добрыня и Алёша» (см. СБ 16, № 102, 103 и др.). В финале былины богатырь, согласно данному им обету, строит в Киеве «церкви две соборныи». Как и в старинах о Дюке и Святогоре, певец употребил редкое слово «ведом» (ст. 555, отсутствующий в первоначальной записи). Литву певец последовательно именовал «земляной» (ст. 581, 623—624, 693 и др.; ср. ст. 5 в варианте исторической песни о Григории Отрепьеве — Гильф., № 14). В других олонецких былинах, в том числе и в тексте самого Калинина из сборника П. Н. Рыбникова, этот постоянный эпитет не встречается. В его вариантах описание игры в шашки гораздо более пространно, нежели у его соседа (90 стихов против 36).

Некоторые типовые мотивы и формулы в старинах Калинина и Чукова звучат по-разному. Оба сказителя варьировали названия стран, в которые князь Владимир отправляет своих богатырей. У Калинина Илья Муромец едет «во большу землю, каменну Москву», Добрыня — «в Золоту Орду», Михайло Потык — «во Землю Подольскую». В повторной записи Илья отправляется «в Каменну Орду, в большу землю», Добрыня — «в Золоту Орду», Потык — «в Землю во Подольскую». У Чукова богатыри уезжают соответственно «в Золоту Орду», «во Швецию», «во Турецию» (Рыбн., № 29, 29а); «в Золоту Орду», «во Швецию», «во Индию богатую» (Рыбн., № 29б); «в Золоту Орду», «во Турцию», «во Швецию» (Гильф., № 150). У Калинина о смерти жены Михайле Потыку сообщает Добрыня, у Чукова о ее побеге с королем Политовским — Илья Муромец (в одном тексте — Добрыня, Рыбн., № 29а). Неверная жена поит героя «питьями забудущими» (Чуков); подносит ему «чару зелья соннаго» (Калинин). Марья Лебедь Белая «схватила Михайла за желты кудри да стащила во глубок погрёб» (Чуков); «взяла его за ноги, тащила во сени челядины» (Калинин). Чтобы купить «гвозд сердечный», она бежит «в торг на ярмонку» (Чуков); «на рыночек» (Калинин). Марья Лебедь Белая говорит мужу, что король Политовский увез ее из Киева насильно; в былине Чукова она оправдывается своим легкомыслием: «У нас волос долог, да ум короток». В ряде традиционных эпических формул прослеживаются лексические расхождения. В текстах Чукова Потык «взыскал да свои дани-выходы»; у Калинина он, как и Илья с Добрыней, добывает их силой («распорядился он по-богатырскому»; «мужички же перепалися»). У первого сказителя богатырь и Бухарь — царь заморский играют «в карты билиартовы», у второго — «во шашечки дубовыи». Король Политовский дарит переодетых каликами богатырей «долюби» (Чуков); дарит им «честныи тут дарева» (Калинин). У Калинина героя оживляет калика «матёрая да седатая», у Чукова — «старчище полигримище».

№ 309

Михайло Потык

РО БАН, 17.10.18, фол. 1, л. 223—239 об. (л. 249—256 об.), полевая запись. Опубл.: Гильф., 1873, № 52, стб. 259—283.

Аккуратная полевая запись; номер, заглавие, текст, дата и место записи — карандашом, чернилами раскрыты сокращения и проставлена пунктуация. Над текстом слева зачеркнута «θ». Под текстом: «Запис⟨ано⟩ там же, 27 июля».

Зап. А.Ф. Гильфердингом: 27 июля 1871 г., д. Марнаволок — от Никифора Прохорова, крестьянина д. Бураково Купецкой вол., 51 года.

Примечания А. Ф. Гильфердинга: ст. 11 к слову «корбы» на полях: Леса что ли; к ст. 101 копьем — т. е. копытом (т. е. поется «копьем», но по смыслу должно быть «копытом». — *Сост.*); ст. 446 к слову «одноконечную» на полях: *sic* и объяснение слова: без перерыва; к ст. 526 на полях: «Объясн⟨яет⟩ тем: рисуется в его образе чудо⟨вище⟩; ст. 559 к слову «буевку» на полях: Перед церковью кладбище; к ст. 605 на полях: Так пел (?); ст. 941 к слову «вслед»: Везде поправить «след» вместо «вслед».

Разночтения Гильф., № 52

Ст. 3 *вы* зачеркнуто; ст. 24 описка: *во чистом полю*; ст. 64 на полях зачеркнуто чернилами: *sic*; после ст. 72 зачеркнуто: *Мудреная*; ст. 291 и ст. 321 представляют соединение двух ст.:

А за тыих за двенадцать лет,
За прошлые что годы, что за нунешний.

Ст. 369 описка: *приправливал Михайлушке*; ст. 464 описка: *прутья оловянную*; с. 576 испр. из: *Как тут-то выходил М⟨ихайлушка⟩*; после ст. 792 зачеркнуто *Прекрасный-то царь Иван Окульевич.*

При фиксации былины и подготовке ее к публикации применена выработанная Гильфердингом система сокращений с использованием букв (см. коммент. к № 308 наст. тома). Чернилами отмечены совпадения стихов, причем начала их выписаны карандашом: ст. 465—468, 471—474, 477—480, 486—489, 492—495 — «Повторить что выше от А до Б»; ст. 497—500, 502—505 — «Повторить от В до Г».

Комментируемый вариант — самая большая по объему русская былина, свободная от книжного влияния, что в первую очередь обусловлено сложностью композиции, соединением множества эпизодов в единое эпическое полотно. Михайло Потык совершает две поездки в царство Вахрамея Вахрамеевича; в могильном склепе укрощает подземельную змею и оживляет умершую Марью Лебедь Белую; затем разбивает войско Ивана Окульевича, трижды отправляется в погоню за неверной женой и трижды оказывается обманутым ею; с помощью Миколы Можайского Илья и Добрыня «отворачивают» превращенного в камень побратима; в заключительном эпизоде богатырь еще раз спасается от неминуемой смерти и казнит Марью и Ивана Окульевича. Разрастанию текста способствовала также повествовательная манера Н. Прохорова. Он излагал события с эпической обстоятельностью и неторопливостью, охотно использовал развернутые описания, троекратные (ст. 5—18, 184—195, 901—918 и др.) и многократные повторы. В ст. 443—517 с незначительными вариациями 12 раз повторяется формула избиения Змеи металлическими прутьями. Однако обилие повторов не приводит к монотонности — Прохоров добивался внутренней динамичности описания за счет последовательной смены орудий наказания (железные, оловянные и медные прутья) и сокращения срока, в который Змея обещает принести живой воды (с 3 лет до 3 часов).

В тексте отчетливо просматривается охарактеризованная в преамбуле эпическая оппозиция «прозорливость героя—его слепота». В первой части былины Потык, как и положено богатырю, во всем полагает-

ся на собственные силы и всякий раз добивается успеха. Во второй части, за исключением конспективно изложенной и вовсе не обязательной сцены разгрома «вражеской силы великой», он, скорее, напоминает героя волшебной сказки — трижды верит обманным речам своей жены (а она повторяет одно и то же), не слушается советов названых братьев и то и дело оказывается на волосок от смерти. Благополучная развязка отдельных эпизодов и былины в целом обусловлена активной помощью Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Миколы Можайского и Настасьи Окульевны; действия самого Михайла Потыка лишь осложняют ситуацию. В сказочном духе выдержан и финал повествования: женившись на своей спасительнице, богатырь не возвратился в Киев, а «придался ⟨...⟩ на царство-то».

Вариант Прохорова богат нестандартными, подчас весьма архаичными деталями и формулами, содержит подробности, отражающие реальный быт средневековой Руси. Михайла Потыка и его жену хоронят в «колоде белодубовой» — вероятно, имеется в виду старинный долбленый («однодеревный») гроб. В соответствии с правилами богатырского этикета действуют Илья и Добрыня. Заметив долгое отсутствие крестового брата, они дважды отправляются на выручку, но наотрез отказываются преследовать Марью Лебедь Белую («Не честь-то нам хвала молодецкая А ехать нам за бабой след с угоною»). По-рыцарски благородно поступает и царь Иван Окульевич, не соглашаясь рубить голову напившемуся допьяна сопернику. По старой русской традиции в благодарность за помощь киевские богатыри строят часовню в честь Миколы Можайского (ст. 925—926). Судя по всему, столица Земли Сарацынской обнесена бревенчатыми стенами, как и города Древней Руси (Марья «роспялила» Потыка, прибив его гвоздями к стене городовой). Некоторые нетрадиционные детали, вероятнее всего, являются новациями Прохорова или его предшественника. В начале былины три киевских богатыря-побратима разъезжаются в разные стороны, чтобы «корить языки неверныи, прибавлять Земельки Святорусскии» (ст. 8—9, 13—14, 17—18 и др.). Делают они это не по приказу князя Владимира, а по инициативе Ильи Муромца. Сказитель необычно изображает Змею — она «ходит по подземелью, приходит к той колоды белодубовой» (ст. 424—425). Чтобы «роздернуть» змееныша, богатырь наступает ему на ногу (ст. 526). Во всех других олонецких вариантах былины Змея «приплывает, плавает», т. е. ползает. Возможно, на представления Прохорова о Змее подземельной повлияли некоторые изображения драконов на иконах и лубочных картинках. В ряде случаев не исключены перенесения отдельных деталей и имен собственных из других эпических песен. Соперник Потыка назван Иваном Окульевичем, к его имени прикрепился постоянный эпитет прекрасный (ср. с сюжетом «Царь Соломан и Василий Окулович»). Весть о смерти жены герою приносят «голуб со голубкою» (ср. некоторые прионежские редакции «Добрыни и Алёши», в том числе и вариант самого Прохорова — Гильф., № 49). Побежденная Змея «кладет заповедь великую ⟨...⟩ не съедать тел мёртвыих» (ср. аналогичный финал первой части прионежской версии сюжета «Добрыня и Змей»).

«Михайло Потык» — одна из лучших былин сказителя, по праву снискавшая себе славу хрестоматийного текста. В ней искусно скомпонованы и подчинены единому замыслу многочисленные эпизоды. Прохоров обладал богатейшим запасом эпических формул, при необходимости умело варьировал их. Однако в оформлении отдельных стихов он испытывал определенные затруднения, перегружая их частицами, дополнительными предлогами и другими незначащими словами (ст. 207, 210, 340, 1038 и др.). На ритмике повествования сказывается также несоразмерность некоторых стихов (в них насчитывается от 8 до 21 слога — ср. ст. 162 и 1001).

№ 310

Михайло Потык

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 4, л. 16—29, беловая рукопись; ед. хр. 4, л. 178—179 и 193—202, полевая карандашная запись; ед. хр. 11, л. 159, 269—282, полевая карандашная запись, со строки 124 —

полевая карандашная запись начала стихов Э. Г. Бородиной (есть пропуски отдельных стихов). Опубл.: С.—Ч., № 20.

Зап. С. П. Бородиным, Ю. М. Соколовым, Ю. А. Самариным: 11—12 августа 1926 г., д. Авдеево — от Григория Алексеевича Якушева, 63 лет.

Примечание собирателей к строке 50 (Sic!).

Разночтения ед. хр. 4, 11

Ст. 1, 4 пошёл-то (ед. хр. 4); ст. 14 да богач*еством* (ед. хр. 4); ст. 28 *что* тут (ед. хр. 4); ст. 31 выиграл *ли во леги королевскии* (ед. хр. 4, 11); ст. 32 Вахрамея *да* Вахрамеева (ед. хр. 4, 11); ст. 33 как ведь *да* (ед. хр. 4, 11); после ст. 34 доб.: *Я ему как ведь да должен был* (ед. хр. 4); после ст. 37 отсутствует ремарка (ед. хр. 4); ст. 38 *видь в городи* (ед. хр. 4); ст. 41 *тонковатую* отсутствует (ед. хр. 4); ст. 42 тут да *порасхвастался* (ед. хр. 4); ст. 43 да *услышиват* (ед. хр. 4); ст. 45 отсутствует (ед. хр. 4, 11); ст. 46 ко *чёрныей* (ед. хр. 4); после ст. 47 доб. строчка: *А ко той ко грязи да видь ко черныи* (ед. хр. 4, 11); ст. 49 Вахрамеевичу (ед. хр. 4); ст. 50, 51 а не доезжал-то (ед. хр. 4); ст. 68 она Вахрамио-то (ед. хр. 4); ст. 69 *да и* (ед. хр. 4); ст. 70 *ай как говорит да* (ед. хр. 4); ст. 141 а *как* (ед. хр. 11); ст. 146 играть *ведь* (ед. хр. 11); ст. 149 такой же (ед. хр. 11); ст. 153 А *у* (ед. хр. 11); ст. 157 тут *да* (ед. хр. 11); ст. 163 проиграл *ведь тут* (ед. хр. 11); ст. 164 сорок *он* телег да *все* (ед. хр. 11); ст. 165 а *эти ведь телеги* (ед. хр. 11); ст. 170 а тот (ед. хр. 11); ст. 195 а бросал *ведь* доску *эту* (ед. хр. 11); ст. 196 теремы-то *вси да* (ед. хр. 11); ст. 200 тут-то *ведь да ходит роскорякою* (ед. хр. 11); ст. 202 а *не бей*-ко *ты* (ед. хр. 11); ст. 203 не убийко-ко *всих* (ед. хр. 11); ст. 209 а ведь *тут* (ед. хр. 11); ст. 210 а ведь *была* тут *да видь* преставилась (ед. хр. 11); ст. 228 *во* кладби́ще (ед. хр. 11); ст. 230 тут-*то* (ед. хр. 11); ст. 232 змея-*де* (ед. хр. 11); ст. 239 *ведь* трои *прутья* (ед. хр. 11); ст. 241 ведь *он* как (ед. хр. 11); ст. 246 а теперь-то *буду* я (ед. хр. 11); ст. 248 чоловециих (ед. хр. 11); ст. 250 змею-*де видь* (ед. хр. 11); с. 258 а *видь* окоянная (ед. хр. 11); ст. 261 она *ведь* (ед. хр. 11); ст. 262 а приду к тебе (ед. хр. 11); ст. 263 так-*то* мни, *да* змея (ед. хр. 11); ст. 312 а принесла *она* (ед. хр. 11); ст. 315 как *ведь* (ед. хр. 11); ст. 323 а *ведь как* (ед. хр. 11); после ст. 333 неполная строка *Видно брату там* ... (ед. хр. 11); ст. 460 *ты возьми-тко тут* (ед. хр. 11); ст. 484 а *Иван Окурьев* (ед. хр. 11); ст. 486 ён (ед. хр. 11); ст. 494 да проиди (ед. хр. 11); ст. 558 а во ту́ю *ли* во (ед. хр. 11); ст. 578 он(ы) взял(ы)... *позволил ведь* (ед. хр. 11); ст. 580—581 неполные:

руки-то ...
как распялила будто ... (ед. хр. 11);

ст. 600 видь *за*мужесьво (ед. хр. 11); ст. 602 *а от той сте́ны* да городо́выи (ед. хр. 11); ст. 611 *а ведь* дал бы (ед. хр. 11); ст. 612 дал бы *ты да* (ед. хр. 11); ст. 616 а на завтра *да я* (ед. хр. 11); ст. 620 *от*дирала от (ед. хр. 11); ст. 622 — ты вином-то *ты не от*пивайсе-ко (ед. хр. 11); ст. 627 *да* Белая (ед. хр. 11); ст. 628 муж-*то* опять (ед. хр. 11); ст. 633 *он* ведь (ед. хр. 11); ст. 636 цяра-*то* (ед. хр. 11); ст. 637 *да за*мужесьво (ед. хр. 11); ст. 638 а *ведь опять* (ед. хр. 11).

Придерживаясь композиционной схемы своего учителя Н. Прохорова (см. № 309 наст. тома), Г. Якушев близко к тексту воспроизвел и содержание его былины. Опущены два эпизода: первая поездка богатыря в царство Вахрамея Вахрамеевича и посещение мнимыми каликами дворца Ивана Окульевича. В обоих случаях сокращение прототекста привело к смысловым неувязкам. Ничем не мотивированное хвастовство Потыка выигрышем золотой казны превращается в пустое бахвальство; безымянный старик (у Прохорова — Микола Можайский) почему-то оказывается владельцем «злата-серебра», которое готов отдать тому, кто вернет герою человеческий облик. В прохоровском варианте богатыря спасает сестра Ивана Окульевича Настасья, у Якушева она остается безымянной, поскольку этим именем (вместо традиционного «Марья Лебедь Белая») названа главная героиня. Во время исполнения старины сказитель дважды

назвал соперника Михайла Потыка Вахрамеем Вахрамеевичем (ст. 365, 453). Видимо, это не случайные оговорки: Якушев мог слышать былину не только от «Утицы», но и от другого певца, сохранившего традиционный набор имен (ср. № 306 наст. тома, колодозерский старик, Пудога; Рыбн., № 196, Каргополье; Гр., № 333, Мезень и др.). Такое предположение косвенно подтверждается еще одним фактом. В комментируемом тексте, как и в большинстве других прионежских записей, предложение живому супругу идти вслед за умершим «во матушку во сыру́ землю» исходит от Настасьи. У Прохорова и Фофанова инициатор этого договора не назван. Более того, Якушев подчеркивает, что Настасья Лебедь Белая «наперед-то знат, ⟨...⟩ кому ⟨...⟩ век кончается». Такое уточнение многое проясняет в поведении героини: она знает о своей близкой смерти и стремится выйти замуж за человека, который сможет ее оживить.

В деталях повествования исполнитель в основном следует за своим учителем (описание игры «во доски во шахматны» и укрощения Змеи, которая «ходила по подзе́мелью»; голуби-вестники; необычный для былин финал — Потык «царем-то теперь ⟨...⟩ царствует»). Но иногда Якушев отступал от прохоровского текста, быть может, импровизировал, вводя в эпическую песню современные реалии и рационалистические мотивировки. Герой уверяет князя Владимира, что он не только закопал в погреба выигранную у Вахрамея Вахрамеевича золотую казну, но и «поставил караул да ведь их хранить»; он требует у иноземного царя расписку, подтверждающую его согласие погасить долг князя Владимира (ст. 169). Происхождение долга объясняется тем, что киевский князь когда-то проиграл деньги Вахрамею (у Прохорова это — просроченная дань). Добровольно отправляясь в могилу, богатырь велит сделать в ней «трубу выходну, чтобы дышать да не пёрло бы» (этот фрагмент былины оформлен крайне неудачно — ст. 223—225). Видимо, почувствовав сходство этой старины с волшебными сказками, исполнитель ввел в нее еще две сказочные формулы (ст. 114, 395—399, 454—459).

Данный вариант не принадлежит к числу лучших былин Якушева. В нем нестабильны многие повторяющиеся формулы (ст. 389—390 и 447—449; 395—399 и 456—459), немало неудачно скомпонованных стихов, перегруженных незначащими словами, повторяющимися предлогами, частицами и т. п. (ст. 100—102, 433—435, 479—480, 490, 578, 605—606); встречаются ничем не мотивированные повторения отдельных стихов и тирад (ст. 285—288 и 292—295; 493—494 и 499—500). Иногда сказитель выходил за рамки традиции, употребляя не характерные для эпической поэзии слова и выражения (папинька; изумилисе; могилушка странная; из себя-то был да весьма красив; вино ёдовитиое — у Прохорова: питья сонные; леги́ золоченые вм. тавлеи золоченые).

№ 311

Михайло Потык

РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 25. тетр. 1, л. 208—212, полевая карандашная запись Б. М. Соколова; ед. хр. 35, л. 58 об.—62 об., полевая карандашная запись В. И. Яковлевой. Опубл.: С.—Ч., № 87. В рукописи название — «Михайло Потык Иванович» (ед. хр. 35).

Зап. Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой (ед. хр. 35). На первом листе без номера запись: «Записаны отрядом в составе Ю. А Самарина, С. П. Бородина, Э. Г. Бородиной»: 11 июля 1928 г., пос. Устье Шалы — от Федора Андреевича Конашкова, 68 лет.

Разночтения ед. хр. 25, 35

Ст. 3 гля сильниих (ед. хр. 35); ст. 9 А хто бы это *дал* добрым молодцем (ед. хр. 35), да добрыи молодцем (ед. хр. 25); ст. 15, 21, 42 съезжу, приезжал (ед. хр. 25); ст. 17, 24, 51, 98 *што* (ед. хр. 25); ст. 12 А *ведь* весом (ед. хр. 35); ст. 13 А *ведь* говорил (ед. хр. 35); ст. 15 А ведь и *приезжал* (ед. хр. 35);

60 Зак. 3427

ст. 27 А понаправил (ед. хр. 35); ст. 28 *спустить* стрелы (ед. хр. 25, 35); ст. 29 А *тута* (ед. хр. 35); ст. 32 *А саморуськая* красавиця (ед. хр. 35), красавиця (ед. хр. 25); ст. 33 *по шее жемцюжком* (ед. хр. 35); ст. 34 А ведь *ты* Марья (ед. хр. 25, 35); ст. 36 сделаем *ко* мы (ед. хр. 35); ст. 41 *Потык Ивановиць* (ед. хр. 35); ст. 42 А приежял (ед. хр. 35); ст. 47 А саморуську загр^яжоную (ед. хр. 35); ст. 48 А тут *ли то* был (ед. хр. 35); ст. 52 лебядь-ту (ед. хр. 52); ст. 54—55 заморьскиих (ед. хр. 35); ст. 60 мудрые-*де* роботники (ед. хр. 35); ст. 61 *плотники, строите* (ед. хр. 35); ст. 64 А *саморуськую де* (испр. на *ди*) красавицю (ед. хр. 25, 35); ст. 66 А *штобы мощьно* (ед. хр. 35); ст. 70 зелезные (ед. хр. 35); ст. 76 А на други-ты (ед. хр. 35); ст. 78 *он* клещами зелезныи (ед. хр. 35); ст. 80 трехглавая (ед. хр. 35); ст. 84 А саморуськую мы (ед. хр. 35); ст. 85, 86 кукшин (ед. хр. 35); ст. 103 ямки-*то* (ед. хр. 35); после ст. 104 ремарка отсутствует.

Текст предельно прост по композиции, состоит всего из двух развернутых эпизодов: женитьба героя на девушке-лебеди и ее оживление после похорон. В последнем эпизоде сказитель придерживался типовой для всего Прионежья версии сюжета. Видимо, под влиянием местных обработок былины о Добрыне-змееборце, входившей и в репертуар Конашкова (С.—Ч., № 80; Линевский, № 5), богатырь в могильном склепе укрощает «Змеища трехглавого» (ср. с вариантами пудожгорского певца П. Калинина, Гильф., № 5, 6 — «Змеище о двенадцати хоботах»). Первая часть былины отличается от текстов других пудожских сказителей подробным описанием охоты и превращения белой лебедки в «саморусьскую красавицу». Наиболее близкие параллели обнаруживаются в вариантах Т. Рябинина (Рыбн., № 11; Гильф., № 82) и П. Калинина (Рыбн., № 113; Гильф., № 6; ср. также КД, № 23). Отъезд героя из Киева мотивируется поручением князя Владимира настрелять к его столу «гусей-лебедей». В начале былины оно четко не сформулировано, но дальнейшее развитие событий (недовольство князя тем, что богатырь вернулся без дичи, вторичная поездка на охоту), повторная запись былины (см. следующий текст) свидетельствуют о стабильности такого зачина. Возможно, он был традиционным в некоторых редакциях сюжета (ср. вариант из сборника Кирши Данилова), но не исключено и заимствование из былины «Сухман», которая была известна Конашкову (С.—Ч., № 84; Линевский, № 8). Описания охоты на водоплавающих птиц в обеих его старинах совпадают почти дословно.

№ 312

Михайло Потык

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 15, п. 1, ед. хр. 43, черновая рукопись, чернила. Опубл.: Линевский, № 15. Вар.: С.—Ч., № 89.

Зап. М. А. Ивановой: 1937 г., д. Семеново Шальского с/с Пудожского р-на — от Федора Андреевича Конашкова, 77 лет.

Разночтения Линевский, № 15

Ст. 1, 41, 53, 56, 80, 95, 108 в ркп. отсутствуют; ст. 6 (ст. 5 ркп.) Для пе́ру *мне* ко; ст. 7 (ст. 6 ркп.) *Да* серых; ст. 9 (ст. 8 ркп.) *А как ехал он* на тихие на заводях; ст. 11 (ст. 10 ркп.) *А ведь* серой *да*; ст. 12 (ст. 11 ркп.) *А ведь ехал-то Васильюшко*; ст. 13 (ст. 12 ркп.) Ехал *Васильюшко-то да* на; ст. 15 (ст. 14 ркп.) Перышко-*то* .., друго; ст. 18 (ст. 17 ркп.) тетивку-*то*; ст. 20 (ст. 19 ркп.) хотел *он* спустить *ту*; ст. 24 (ст. 23 ркп.) *А* Васильюшка; ст. 25 (ст. 24 ркп.) *Как* не спускай-ка; ст. 27 (ст. 26 ркп.) Я не лебедь *да*; ст. 29 (ст. 28 ркп.) *да я* красавица; ст. 30 (ст. 29 ркп.) да *ведь*; ст. 32 (ст. 31 ркп.) есь на; ст. 34 (ст. 33 ркп.) *Как меня-то ведь да* за себя; ст. 36 (ст. 35 ркп.) *А который если*; ст. 40 (ст. 39 ркп.) Как поехал-*то ведь да*; ст. 42 (ст. 40 ркп.) *А поехал* как; ст. 45 (ст. 42, 45 ркп.) *А ведь* Марью-ту; ст. 47

(ст. 47 ркп.) я на тихии-*то ведь на*; ст. 49 (ст. 49 ркп.) А *ведь* серой *да*; ст. 64 (ст. 62 ркп.) Как *строют палату да* (в ркп. ошибочно вм. полату — *полéну*); ст. 70 (ст. 68 ркп.) *А ведь* Марья *да* Лебедь Белая; ст. 73 (ст. 72 ркп.) можно *то да*; ст. 75 (ст. 74 ркп.) *шел* в кузницу; ст. 76 (ст. 75 ркп.) *Заказал сковать* двое клещи да *ен*; ст. 82 (ст. 80 ркп.) только *Василий* свои; ст. 86 (ст. 84 ркп.) *А* берется; ст. 87 (ст. 85 ркп.) *Змею* клещами; ст. 89 (ст. 87 ркп.) *Как* спусти меня Васильюшко *Буслаевович*; ст. 97 (ст. 95 ркп.) взбрызнули *да* Марья; ст. 98 (ст. 96 ркп.) Другой раз *с кувшина-то*; ст. 100 (ст. 99 ркп.) Говорил-то *ведь*; ст. 101 (ст. 99 ркп.) *и до по-веку*; ст. 103 (ст. 102 ркп.) голосом *да*; ст. 105 (ст. 104 ркп.) *ведь да* Васильюшка; ст. 106 (ст. 105 ркп.) *Со мертвым телом да во сырой земли*.

Из сказителей пудожской группы второй половины XIX в. замечательная композиция о Михаиле Потыке принадлежала Никифору Прохорову. Колодозерский старик также исполнил хорошую композицию данного сюжета, хотя размером вдвое меньше. К этим вариантам восходят все новые записи (БПК, № 9, 26, 47). В их числе наиболее полный текст с оригинальной обработкой отдельных эпизодов записан от Пашковой (БПК, № 9), которая переняла былину со слов «Петра-финна» в д. Семеново.

Но былина о Потыке у Конашкова резко отличается от этих вариантов. Вместо большой сложной былины мы имеем лишь два эпизода: женитьба Потыка на Марье Лебеди Белой и ее оживление. Сказочный эпизод оживления Марьи Лебеди Белой передан Конашковым в 80 стихах в предельно сухой и краткой форме. Ближе всего конашковский вариант к былине Калинина из Пудожгорского погоста (№ 307, 308 наст. тома). И у Калинина и у Конашкова знакомство с Марьей Лебедью Белой происходит на охоте. При этом привлекает внимание прекрасно переданный мотив превращения девушки-лебедя. В основной пудожской редакции, как свидетельствует большинство вариантов, такой эпизод отсутствует, за исключением отдаленного намека на него в былинах Кигачева (БПК, № 47). Это можно считать наглядной иллюстрацией одновременного сосуществования разных редакций одного и того же сюжета на небольшом пространстве Пудожья. Некоторая близость к варианту Калинина может быть объяснена передачей былины бродячим ремесленником или каликой, распространявшим свой репертуар в селениях, лежащих на пути его странствования.

Вариант отчетливо выявляет наблюдаемую в других конашковских номерах тенденцию — в каждой былине сохранять лишь то, что непосредственно влияет на развитие сюжета.

Повторная запись подтверждает мнение исследователей о высокой стабильности вариантов Ф. Конашкова. Содержание и последовательность эпизодов, набор «общих мест» остались прежними, различия касаются лишь отдельных частностей. В зачине сказитель более четко сформулировал задание князя Владимира (ст. 4—7), дополнил описание белой лебедушки новыми подробностями (ст. 14—16), уточнил, что Змея «приплыла» в могилу, чтобы съесть тело покойницы (ст. 85—86). По неясным причинам певец изменил имя главного героя на нетрадиционное (Васильюшко Буслаевич вместо Михайла Потыка Ивановиця). Былины о новгородском удальце от него не записаны, но оба сюжета о Василии Буслаеве входили в репертуар Г. Якушева, старины которого Конашков неоднократно слышал. «Палата белодубова», которую плотники строят для погребения Потыка и его жены (ст. 64, 67, 72), скорее всего, появилась в тексте в результате ошибки собирательницы (при первой записи сказитель последовательно употреблял традиционное словосочетание «колода белодубова» — см. предыдущий текст, ст. 62, 65).

№ 313

Михайло Потык сын Иванович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 8, л. 23—33, беловая рукопись. Опубл.: БПК, № 26.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1938 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 67 лет.

Примечания и дополнения собирателя: После ст. 102 следует: «Там мы с тобой и повенчаемся»; после ст. 112 вариант обращения к матери и последующих стихов:

«Говорил своей родной матушке:
„Ай же, моя родная матушка
Честна вдова Наталья Тимофеевна,
Благослови меня да с молодой женой".
Дала она ему прощеньице и благословеньице.
Тут Михайло Потык сын Иванович
Роздёрнул почестный пир».

(В ркп. эти варианты отсутствуют. — *Сост.*).

Ст. 136 или знач. ели; ст. 166 издел знач. ездил; ст. 178 а идь-ка знач. поезжай (езжай); после ст. 339 (ст. 340 ркп.) Фофанов, ссылаясь на усталость («Устали мы с тобой»), пропустил следующее:

Говорила она да таковы слова:
«Давал мни Господь да по головушки,
А нунька дал да две головушки,
Одну муську, да другу женьскую».
Говорил Михайло Потык сын Иванович:
«Погоди-ка, окаянная, может быть, да ты подавишься».

Заключительная ремарка былины (после ст. 441) имеет вариант: «С тых пор стали ёны жить да поживатися, жить да забавлятися».

Разночтения БПК, № 26

Ст. 6, 7 кладывал; ст. 27 *ту* ведь; ст. 66 гулять *ён*; ст. 100 не челуй *же*; ст. 190 *ищё за топучии*; после ст. 217 *буду я слуга тоби верная* отсутствует; после ст. 244 (ст. 245 ркп.) ремарка *все равно, говорит отбёру* отсутствует; ст. 254 (ст. 255 ркп.) играет; ст. 257 (ст. 258 ркп.) *за* окошко; ст. 268 (ст. 269 ркп.) *и* бросил; ст. 278 (ст. 279 ркп.) добре́йший; ст. 279 (ст. 280 ркп.) *сюда ты*; после ст. 289 (ст. 290 ркп.) ремарка *горазно было́*; ст. 292 (ст. 293 ркп.) к *своей*; ст. 317 (ст. 318 ркп.) А с *тыим* со; ст. 368 *И* бьёт; ст. 382 А ко́рится *ведь*.

Весьма вероятно, что эту былину, как и некоторые другие, Фофанов «слышал от бураковского старика „Утки"» (Н. Прохорова) (БПК, с. 479), но передает ее с значительными сокращениями. Это связано с отсутствием интереса у сказителя к данному сюжету. Исполнив былину, он заметил: «Петь мне ю не понравилосе. Идно подходит, ядно не подходит. Больше мне по ндраву про старого казака Илью Муромча».

Былина Фофанова развивает только первую часть сюжета о Потыке, главным образом его героико-фантастические мотивы, и заканчивается оживлением Марьи Лебеди Белой. Мотив неверной жены и связанные с ним эпизоды в данном варианте отсутствуют.

Из других расхождений с прототипом следует отметить, что былина начинается не обращением Ильи к богатырям (ср. вариант Прохорова), а детально разработанным описанием отъезда Потыка к царю Вахрамею с целью игры в шахматы. Введено новое для этой былины действующее лицо — мать Потыка, Наталья Тимофеевна, у которой он просит благословения на брак. Обязанность платить дани-пошлины возлагается на царя Вахрамея, отсюда несколько измененная мотивировка второй поездки Потыка.

И. Фофанов с незначительными отклонениями повторил первую часть былины своего учителя Н. Прохорова (№ 309 наст. тома). Стяжение прототекстов, упрощение их структур — характерная особенность исполнительской манеры сказителя. Как и в старине Г. Якушева (№ 310 наст. тома), повествование начинается с отъезда Михайла Потыка в царство Вахрамея Вахрамеевича. Отсутствие у обоих учени-

ков «Утицы» нетрадиционного зачина (Илья Муромец предлагает своим побратимам покорять соседние народы) позволяет предположить, что он является индивидуальной новацией Прохорова, которая не стала для него обязательным компонентом сюжета. Другие отступления от прототекста носят частный характер. Фофанов использовал некоторые эпические стереотипы, отсутствующие у его учителя или представленные не столь развернутыми формулами (седлание коня и выезд из Киева — ст. 1—23; ультиматум иноземному царю — ст. 239—244; описание богатырской скачки, сравнение «поскоков» коня с полетом «стрелочки калёной» — ст. 286). Сказитель расширил круг персонажей, упомянув мать героя честну вдову Наталью Тимофеевну. Несмотря на сдержанное, даже скептическое отношение собирателей к данному сюжету (БПК, с. 479), старина о Михайле Потыке по своему художественному уровню не уступает лучшим былинам Фофанова. Лишь в двух случаях он позволил себе лексические модернизмы (прохоровские «выходы высокие» заменил балкончиком — ст. 41, 54 и др., а традиционный пир у князя Владимира иногда именовал балом — ст. 130 и др.). Вместо старинного названия гроба «колода белодубова» певец использовал другое, тоже достаточно архаичное слово — «домовище» (ст. 315, 330).

№ 314

Поток Михайло Иванович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 2, ед. хр. 23, машинопись.

Зап. В. Р. Дмитриченко: 1938 г., с. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на — от Никифора Васильевича Кигачева, 42 лет.

Н. Кигачев близко к тексту повторил былину о Михайле Потыке из сборника Кирши Данилова (№ 23), перепечатанную в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (НП, с. 73). В его варианте сохранены практически все оригинальные детали уральской записи. Использована необычная форма имени героя «Михайло Поток»; в могиле «собирались все гады змеиныя» во главе с большим Змеем; богатырь оживляет Авдотью, помазав ее тело головой убитого им Змея; Авдотья однажды названа «еретницей»; после возвращения супругов на белый свет священники «обновили» (у КД — «поновили») их святой водой. В финале былины после смерти Потока его жена, согласно их уговору, «жива с ним легла» в могилу. Разночтения выражаются в пропуске отдельных стихов и включении в повествование нескольких подробностей собственного сочинения (отправляясь на охоту, богатырь «от страху берет палицу боевую»; в гроб кладут «умершее тело Авдотьино»).

Публикуется впервые.

№ 315

Поток Михайло Иванович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 14, ед. хр. 22, черновая рукопись.

Зап. К. В. Чистовым: июль 1939 г., д. Климово Авдеевского с/с Пудожского р-на — от Ивана Терентьевича Фофанова, 68 лет.

В 1938 г. И. Фофанов исполнил только первую часть былины (женитьба Михайлы Потыка, смерть и оживление его жены — см. № 313 наст. тома). Сказитель подчеркнул, что повествование этим завершается: «Встал (из могилы, «на белый свет». — *Ю. Н.*), так и нет больши ничего» (БПК, с. 253). Однако спустя год от него было записано продолжение этой эпической песни, которое он назвал «второй частью». По содержанию и стилю второй текст тоже близок к варианту Н. Прохорова (№ 309 наст. тома), но расхождений с ним гораздо больше, нежели в записи 1938 г. Некоторые нетрадиционные детали, возможно,

являются результатом самостоятельного творчества Фофанова. Старичок, вернувший герою человеческий облик, ставит его крестовым братьям предварительное условие — построить часовни «Миколушке и Егорью», что Добрыня и Илья Муромец исполняют сразу после оживления Потыка. В других вариантах они по возвращении в Киев строят один храм в честь святого Миколы — спасителя Михайла Потыка. Князь Окулий Окульевич деятельно участвует в расправе над своим соперником. Он добывает у кузнеца «пять гвоздов», но один из них теряет по дороге; вместе с Марьей прибивает богатыря к «городовой стене». В роли спасительницы героя выступает не сестра Окулия Окульевича, как обычно, а девушка-чернавушка. В конце концов Михайло Потык обходится без ее помощи; он не верит притворному раскаянию жены и расправляется с ней и своим соперником.

Публикуется впервые.

№ 316

Михайло Потык

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 10, ед. хр. 19, черновая рукопись. Опубл.: БПК, № 47.

Зап. Е. П. Родиной: февраль 1939 г., д. Тубозеро Рындозерского с/с — от Никифора Васильевича Кигачева, 43 лет.

«Былина усвоена сказителем из устной традиции. Кигачев рассказывает, что слыхал ее еще в детстве от отца и на мельнице, а позднее — от Фофанова. Публикуемый текст близок, с одной стороны, к былине Фофанова (БПК, № 26), с другой — к варианту Н. Прохорова (Гильф., № 52), но гораздо короче каждого из них (274 стиха). Сказитель сокращает диалоги (ср. ст. 33—40 с Гильф., № 52, ст. 57—79), не развертывает эпизоды, например приезд богатыря в „сторону южную", сон его передан только в трех стихах (25—27). Подобно Фофанову, Кигачев обрывает былину на эпизоде воскрешения Марьи Лебеди Белой. Интересно, что данный вариант, следуя во многом тексту Фофанова, не воспроизводит его оригинальных черт, в частности, о матери Потыка не упоминается совершенно. В некоторых случаях вариант Кигачева стоит ближе к былине Прохорова (начало былины, хвастовство на пиру, игра в шахматы)» (БПК, с. 493).

№ 317

Михайло Потык сын Иванович

Архив КФАН, ф. 1, оп. 1, кол. 12, ед. хр. 65а, л. 641—710, черновая рукопись, карандаш. Опубл.: БПК, № 9.

Зап. Е. С. Шоймер: февраль 1939 г., д. Семеново Пудожского р-на Рындозерского с/с — от Анны Михайловны Пашковой, уроженки д. Ярчево Пудожского у., малограмотной, 74 лет.

Примечание собирателей: «„Михаила Потыка от «финна», от Петра поняла, — сообщила нам Пашкова, — звали его «швед слепой»" (он же «Пеша слепой», см. коммент. к былине об Алёше Поповиче, с. 466)» (БПК, с. 468).

Разночтения БПК, № 9

Ст. 98 А Марья ли; ст. 119 *Марья да Лебедь*; ст. 260 *И от той грязи*; ст. 295 *за дубовыми*; ст. 296 ркп. отсутствует; ст. 896 (ст. 897 ркп.) *острый камешок*; ст. 1121 (ст. 1122 ркп.) *Схватил Михайло*.

«Вариант Пашковой восходит к былине того же названия Н. Прохорова (Гильф., № 52), о чем говорит композиционная и сюжетная близость обоих текстов, но, несмотря на это, не лишен оригинальности и имеет ряд существенных отклонений от прототипа. Былина начинается отсутствующим в варианте Прохорова рассказом о встрече и братании богатырей, об их деятельности в Киеве. Отсюда естественно вытекают события, о которых идет речь в начале былины Прохорова (обращение Ильи с призывом «прибавлять Земельки Святорусские», отъезд богатырей). Следует отметить также более детальную разработку отдельных эпизодов (отъезд Потыка), своеобразное изложение некоторых из них. Так, например, короткое сообщение Прохорова о том, что „из Киева дань попросилася" (Гильф., № 52, ст. 197), у Пашковой заменяется приездом на княжеский пир „грозного посла" царя Вахрамея (ст. 250—269); Василий Окулович женится на Марье с помощью ложного сообщения о смерти Потыка; троекратное угощение сонным питьем заменено однократным, и к нему присоединяется эпизод с заточением Потыка в погреба (ст. 1045—1056). Имеет место использование отдельных мотивов других былин: часть диалога Марьи и Потыка взята из былины о Дунае (БПК, № 7), женитьба с помощью обмана — из былины о Добрыне и Алёше (там же, № 6) и др. Художественная ценность былины несомненна. Об этом говорит наличие не только прекрасно разработанных традиционных поэтических формул седлания коня, описания «поездки богатырской» и т. п., но и моментов личного творчества сказительницы: поэтический рассказ Василия Окуловича о гибели Потыка (ст. 628—638); обращение Марьи к Потыку (ст. 804—808), напоминающее причитание; характерное для местной традиции поэтическое сравнение: „Это гром гремит, иль порог шумит, эх, какие на Руси калики голосистые". В данной былине в наибольшей мере сказалось свойственное Пашковой стремление к монументальным, обширным формам повествования (см. также былину о Чуриле, об Алёше и др.). По своим размерам (1142 стиха) печатаемый вариант является уникальным, превышая по количеству стихов текст Прохорова (1129 стихов) и все известные былины о Потыке.

Исследователи былины стремились выяснить ее сложный состав: Веселовский, а затем и Вс. Миллер полагали, что в основе былины лежит сказка о змееборце. В начале XIII в. она получила имя популярного в то время болгарского святого Михаила из Потуки, житие которого имеет совпадения с сюжетом сказки. (*Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. М., 1883. Т. 9, вып. 4; *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности, М., 1897. С. 122—128). Местом сложения былины Вс. Миллер считает Галицко-Волынскую Русь, основываясь на устойчивых упоминаниях в былине Подолии, Волыни, Литвы, а также на том, что жена Потыка часто называется Подоленкой. Древнейшей частью сказки, легшей в основу былины, по мнению Миллера, является рассказ о женитьбе героя, уговоре супругов, пребывании в могиле и борьбе со змеями; к нему впоследствии присоединилась сказка о неверной жене» (БПК, с. 468—469).

В былине использованы почти все основные структурные элементы текста Н. Прохорова, десятки оригинальных деталей и формул, даже на Пудоге не всегда встречающиеся у его учеников. Илья, Добрыня и Михайло Потык отправляются «покорять нам языки неверные, прибавлять Земельки Святорусские»; Добрыня едет «за славное синé море», Потык — «ко той ко корбе темною, а ко той ко грязи ко черною», Илья по праву старшего — «во чи́сто по́ле»; Потык «поразмыслился да призадумался: „А что мне ехать молодцу да томному, а что мне ехать молодцу голодному?"», раскинул шатер, поел-попил и уснул — ср. ст. 7—18, 32—38 в былине Прохорова — № 309 наст. тома. Эти фрагменты взяты из самого начала текста, полный перечень схождений занял бы не одну страницу, поскольку в вариантах обоих сказителей насчитывается более 1100 стихов. Однако было бы рискованно утверждать, что А. Пашкова — ученица Н. Прохорова. Имеющиеся в ее варианте отклонения от прохоровской редакции сближают его с текстом П. Калинина (№ 308 наст. тома): братание Потыка с Ильей и Добрыней; приезд в Киев иноземцев за данью; у Прохорова муж с женой ограничиваются устной «заповедью» в случае смерти одного из супругов другому следовать за ним в могилу, у Пашковой и Калинина этот договор закрепляется письменно и т. д. Сомнительно, чтобы Пашковой посчастливилось слышать обоих, едва ли не лучших на всем Рус-

ском Севере исполнителей этой былины. Ни Прохорова, ни Калинина она не называла в числе своих наставников и вряд ли подозревала о существовании этих сказителей. Родина ее находилась на юго-западе Пудоги, довольно далеко от Купецкого озера, а тем более Пудожской Горы. Скорее всего, исполнительница усвоила книжный текст компилятивного характера, по своему обыкновению вставив в него некоторые формулы из других фольклорных произведений: элементы волшебных сказок и похоронных плачей, мотивы из «Дуная-свата» (ст. 188—189 — формула Т. Рябинина), «Добрыни и Алёши» (ст. 629—638), исторической песни «Гнев Ивана Грозного на сына» (ст. 831—833) (см.: Новиков 2001, сюжет 29, № 6).

№ 318

Про Василия Буслаевича

Архив КФАН, р. III/2, № 187.02. Название имеет подзаголовок «Михайло Потык».

Зап. А. М. Линевским: октябрь 1940 г., г. Петрозаводск — от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет.

Нотация А. Ю. Кастрова.

На фонограмме перед началом исполнения следует объявление собирателя: «Орденоносец Конашков. „Михайло Потык". По Конашкову: „Былина про Василия Буслаевича"».

Начало былины Ф. Конашкова почти дословно совпадает с записью 1937 г., включая замену имени главного героя — «Василий Буслаевич» вместо «Михайло Потык» (см. № 312 наст. тома).

Публикуется впервые.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Федор Андреевич Конашков (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 15).

2. Пропуск Федора Андреевича Конашкова в Научно-исследовательский институт Карело-Финской ССР. Фотография Анкудинова (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

3. Федор Андреевич Конашков (АКНЦ, ф. 1, оп. 45).

4. Мемориальная доска в д. Семеново, где родился и жил Ф. А. Конашков. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

5. Мемориальная доска в д. Семеново, где родился и жил Ф. А. Конашков (крупный план). Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

6. Александра Тимофеевна Конашкова (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, № 14).

7. Дмитрий Михайлович Ефимов (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 10).

8. Анастасия Леонтьевна Фадеева. С рисунка Г. А. Стронка. Из кн.: Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. Цв. вст. между с. 382—383.

9. Михаил Андреевич Павков (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 22).

10. Анна Михайловна Пашкова (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 23).

11. Анна Михайловна Пашкова. С рисунка Г. А. Стронка. Из кн.: Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. Цв. вст. между с. 62—63.

12. Дом на месте избы А. М. Пашковой в д. Семеново. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

13. Семеново — родная деревня сказителя Ф. А. Конашкова. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

14. Деревня Римское. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

15. Иван Терентьевич Фофанов. С рисунка Г. А. Стронка. Из кн.: Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. Цв. вст. между с. 186—187.

16. Ефимия (Офимья) Ивановна Фофанова (АКНЦ, ф. 1, оп. 45).

17. Никифор Васильевич Кигачев. Фотография 1930—1940-х гг. (АКНЦ, фототека, подраздел «Сказители»).

18. Никифор Васильевич Кигачев. С рисунка Г. А. Стронка. Из кн.: Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. Цв. вст. между с. 332—333.

19. Екатерина Семеновна Журавлева (АКНЦ, ф. 1, оп. 45, № 66 — фотоальбом, л. 11).

20. Екатерина Семеновна Журавлева. Фотография из семейного архива семьи Журавлевых—Насонковых.

21. Всекарельское совещание сказителей и мастеров изобразительного искусства. 25—30 мая 1939 г. Фотография из семейного архива Журавлевых—Насонковых (передано фольклористом И. В. Козловой).

22. Никита Антонович Ремизов. С рисунка Г. А. Стронка. Из кн.: Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1941. Цв. вст. между с. 266—267.

23. Иван Никитич Ремизов. Фотография В. П. Кузнецовой. 1980 г. (АКНЦ, к. 144 — фотоальбом, л. 18).

24. Мария Ивановна Ремизова. Фотография В. П. Кузнецовой. 1980 г. (АКНЦ, к. 144 — фотоальбом, л. 17).

25. Иван Никитич и Мария Ивановна Ремизовы. Фотография В. П. Кузнецовой. 1979 г. (АКНЦ, к. 144 — фотоальбом, л. 21).

26. В д. Ярчево. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

27. Дом в д. Пяльма. Фотография Е. Белякова. 2011 г.

28. Приходская церковь в д. Бураково и алтарь, поставленный местными жителями. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

29. Надгробие Н. А. Ремизова (Ремезова) на кладбище д. Бураково. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

30. Надгробие К. Е. Ремизовой (Ремезовой) на кладбище д. Бураково. Фотография И. В. Козловой. 2011 г.

31. Погост д. Бураково. Фотография М. Д. Алексеевского. 2011 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПУБЛИКАЦИИ

Азадовский	—	Былины и исторические песни из Южной Сибири / Записи С. И. Гуляева; Ред., вступ. статья, коммент. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.
Азб.	—	*Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
Авенариус, 1893	—	Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В. П. Авенариус. 3-е изд. М., 1893.
Андреев	—	*Н. П. Андреев.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Изд. Русского географического общества. Л., 1929.
АТ	—	The types of the folktale : A classification & bibliographie : Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Transl., enlarged S. Thompson. 2nd rev. Helsinki, 1961 (Folklore fellow Communications; N 184).
Аст. 1	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.
Аст. 2	—	Былины Севера / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
Астахова. Итоги	—	*Астахова А. М.* Былины : Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
Барсов	—	Былины. Духовные стихи. Свадебные обычаи в Толвуйской волости / Сост. Е. В. Барсов; С примеч. Л. Н. Майкова // Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1873. Т. 3. С. 513—628.
БЗП	—	Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.
БПЗБ	—	Былины Печоры и Зимнего Берега / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов; Вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1961.
БПК	—	Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи, коммент. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
Гильф., 1873	—	Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года : С двумя портретами онеж⟨ских⟩ рапсодов и напевами былин / Предисл. П. Гильтебрандта. СПб., 1873.
Гильф. I	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. Т. 1 / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949.
Гильф. II	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. Т. 2 / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1950.
Гильф. III	—	Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. Т. 3. М.; Л., 1951.

Гр. I — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1900 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1, ч. 1 : Поморье; Ч. 2 : Пинега. СПб., 1904.

Гул. — Былины и песни Южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1951.

Даль 2 — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1865. Ч. 2.

Даль. Пословицы — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

ДиА — Добрыня Никитич и Алёша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.

Добровольский—Коргузалов — Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.

Едемский, 1912 — *Едемский М.* Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии, в 1905—1908 гг. // Живая старина. 1912. Вып. 2—4. С. 221—258.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Карамзин I — *Карамзин Н. М.* История государства Российского : В 4 т. М., 1988. Т. 1.

Каспари — Бесплатная премия журнала «Родина» 1894 г. Вып. 1 : Русские былины и сказания про богатырей древнекиевского периода : В новом общедоступном изложении / Изд. А. Каспари. СПб., 1894.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.

Кир. I — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1860. Вып. 1.

Кир. II — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1861. Вып. 2—3.

Кир. IV — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1862. Вып. 4.

Королькова 1969 — Русские народные сказки : Сказки, рассказанные воронежской сказочницей Н. А. Корольковой. М., 1969.

Крюк. — Былины Марфы Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. Липец; Вводн. статья Р. Липец; Ред., предисл. Ю. Соколова. М., 1939 [Т. 1]; М., 1941. Т. 2.

Линевский — Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. статья, коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Марк. — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Мил. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской, А. В. Маркова. М., 1908.

НБ — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкой. М., 1978. (Сер. «Литературные памятники»).

Никифоров I — Примечания / Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 702—731.

Никифоров III — Примечания / Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года : В 3 т. 4-е изд. / Под ред. А. М. Астаховой; Вступ. статья В. Г. Базанова; Подгот. текстов, коммент. А. И. Никифорова, Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 634—664.

Новиков 2001	—	*Новиков Ю. А.* Былина и книга : Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов. 2-е изд., доп. М., 2001.
НП	—	Народная поэзия : Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем; Сост. А. Оксенов. 2-е изд. СПб., 1898.
Онч.	—	Печорские былины / Записал Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.
Пропп	—	*Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1999.
Пропп—Путилов	—	Былины : В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958.
РБЭ	—	*Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.
Рыбн., 1861	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1 : Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861.
Рыбн., 1862	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2 : Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862.
Рыбн., 1864	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3 : Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864.
Рыбн., 1867	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4 : Народные былины, старины, побывальщины и песни. СПб., 1867.
Рыбн.	—	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. М., 1909. Т. 1; 1910. Т. 2, 3.
С.—Ч.	—	Онежские былины / Подбор былин, науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. И. Чичерова. М., 1948.
СБ 1, СБ 2	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 1—2 : Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб.; М., 2001.
СБ 4	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 4 : Былины Мезени / Корпус текстов, коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов; Отв. ред. тома А. А. Горелов. СПб.; М., 2004.
СБ 16	—	Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 16: Былины Пудоги / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013.
Соколов	—	*Соколов Б.* Сказители. М., 1925.
Т.—М.	—	Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894.
ФРУ	—	Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. Н. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменецкая, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986.
Харузин, 1894	—	*Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник : В 4 вып. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346.
Черн.	—	Русские эпические песни Карелии / Подгот. Н. Г. Черняева; Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1981.
Чичеров	—	*Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., 1982.
Чистов	—	*Чистов К. В.* Русские сказители Карелии : Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 211—256.
Шайжин 1906	—	*Шайжин Н. С.* Олонецкий фольклор : Былины : (Критико-библиографический обзор былин и 14 новых былинных записей). Петрозаводск, 1906.

УЧРЕЖДЕНИЯ, АРХИВЫ

ГАХН	—	Государственная Академия художественных наук
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ИРГО	—	Императорское Русское географическое общество
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
КНИИ	—	Карельский научно-исследовательский институт
КФАН	—	Карельский филиал Академии наук СССР (позднее Рукописный фонд научного архива Карельского научного центра РАН — АКНЦ)
ЛО	—	Ленинградское отделение Музыкального фонда России
МФ	—	Магнитофонный фонд записей Фонограммархива ИРЛИ
НИИК	—	Научно-исследовательский институт культуры (КАССР)
РГАДА	—	Российский Государственный архив древних актов
РГАЛИ	—	Российский Государственный архив литературы и искусства
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РО БАН	—	Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
РО ИРЛИ	—	Рукописный отдел ИРЛИ
СПФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ФА ИРЛИ	—	Фонограммархив ИРЛИ
ФК МГУ	—	Фольклорный кабинет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
ФВ	—	Фонд фонографических валиков (цилиндров) Фонограммархива ИРЛИ

Кроме общеупотребительных и библиографических сокращений в комментариях использованы следующие:

вар.	—	вариант
ДЛ	—	диск лабораторный
кол.	—	коллекция
п.	—	папка
ркп.	—	рукопись
п. з.	—	полевая запись
р.	—	разряд
с/с	—	сельский совет
ст.	—	стих
стб.	—	столбец
тетр.	—	тетрадь
фол.	—	фолиант

СОДЕРЖАНИЕ

Исцеление Ильи Муромца № 167—190 7
Илья Муромец и Соловей-разбойник № 191—215 99
Илья Муромец и Идолище поганое № 216—229 264
Илья Муромец и Сокольник № 230—240 318
Илья Муромец, Ермак и Калин-царь № 241—254 368
Илья Муромец и Калин-царь № 255—262 446
Калика-богатырь № 263 480
Камское побоище № 264, 265 483
Бунт Ильи Муромца против князя Владимира № 266—273 486
Илья Муромец и разбойники № 274—277 525
Три поездки Ильи Муромца № 278—285 531
Илья Муромец. Сводные тексты № 286—299 557
Алёша Попович и Тугарин № 300—305 623
Михайло Потык № 306—318 647
Комментарии к текстам былин 807
Список иллюстраций 945
Список сокращений 947

Научное издание

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

СЕРИЯ «БЫЛИНЫ
В 25 ТОМАХ»

БЫЛИНЫ ПУДОГИ

Том 17

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 04.12.2014. Формат 84 × 108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 101.6.
Уч.-изд. л. 65.8. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3427

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038223-7

Иванъ Гостиной Сынъ №7.

В столномъ градѣ Кіевѣ у славнова князя Влади
мера было пированья на честной пиръ было столованья
на честной столъ наиноти князи бояра инаруссия и
молутия богатыри изо сти богатыя будетъ день
в столовина дня будетъ пиръ в столу пиръ Влади
меръ князь расто
живаетъ тамо в
у бояра и всѣ руссия
евѣ тамовъ человѣ
ферябцовъ натри
похвалѣнья сивъ
изо тороди толонянъ
илья муромецъ сын
гарина змѣевича
два девяноста то
обѣдни изаутренеи
хоронятца оменшох
истово стола кня
рѣшя выступаетца
на свое мѣсто бога
збитнымъ голосомъ
Владимеръ князь
аибытъ перединязе
натри ста ферябцов
а сивъ ферябецъ да
ферябецъ толонянъ
в оболшои орде тол
ихановичь наѣ ум
ехатъ дорога нѣбли
рнитова два девян
тромѣфу обѣдни и
нбыя что вбимѣтъ
я иванъ овелишъ за
оглаѣи бунои голо

Соловья Будимировича

Высоталы высота поднебесная, глубота глубоче
Синяя море, широко раздолье товсе земли, Кубоми алыя
мятровыя, изъ моря моря синева изъ Тихово-моря Зелнова
царя жить заморьстъ
кабли приписать
тя братова имена
царя Салтана изъ
было соколи управля
ную полкоту =
роли соболи ящур
ка было вотинуто
сто ушки было вот
мия два горностая
ния утово было соколь
зѣ лисицы бурнастыя
было соколь правле
не норма потурины
ухъ полороду шку
к соколь поравлѣ
ушки была бѣлка
бѣлка постоить
купавъ молоцкой
изъ которыя соловъ
кораблецкие изъ
ду я городъ кіе
изъ минска будетъ

